



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

### **Usage guidelines**

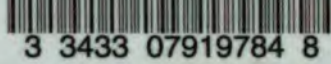
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

### **About Google Book Search**

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



3 3433 07919784 8













# РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

— 511097

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

33

1861

МАЙ.

## СОДЕРЖАНІЕ.

- I.—РАЗКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ XVIII  
СТОЛѢТІЯ. . . . . С. М. СОЛОВЬЕВА.
- II.—БРАЗИЛІЯ И ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ. А. В. ВЫШЕСЛАВЦЕВА.
- III.—ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВѢКА.  
Единство рода человѣческаго. Статья Катража.
- IV.—БОЛЬШІЯ ОЖИДАНІЯ. Романъ Чарльза  
Диккенса. XX—XXVIII.
- V.—ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ КРЕДИТЪ И ЗЕМСКІЕ  
БАНКИ. . . . . Л. В. ГЕЧЕВИЧА.
- VI.—МАЧИХА. Повѣсть. I—VIII. . . . . НОВИНСКОЙ.
- VII.—ДѢТСКІЕ ГОДЫ ВЪ ДЕРЕВНѢ. . . . . К. И. БАБИКОВА.
- VIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.  
(См. на оборотѣ.)

## ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Френлейскій приходъ. Романъ Троллопа. Переводъ съ англійскаго.  
Гл. XX—XXVII.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К<sup>о</sup>.



# РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ





INDEXED

# РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

31

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

---

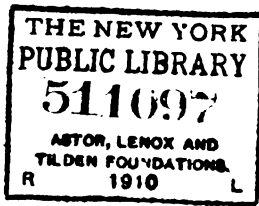
ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ

---

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К<sup>о</sup>.

4  
—  
1861.



**ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,**

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ  
законное число экземпляровъ. Москва, 19-го мая 1861 года.

Цензоръ *А. Петровъ*

# РАЗКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ

## XVIII СТОЛѢТІЯ

### ПТЕНЦЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО <sup>1</sup>.

#### II.

Мы познакомились съ нѣкоторыми изъ птенцовъ Петра Великаго, видѣли ихъ на дипломатическомъ поприщѣ и при рѣшеніи важныхъ вопросовъ внутреннихъ; теперь мы должны взглянуть, какъ они дѣйствовали при рѣшеніи другихъ вопросовъ, самыхъ для нихъ близкихъ.

По извѣстному закону жизни человѣческихъ обществъ, всякое сильное движеніе, явленіе новаго начала въ жизни производитъ раздѣленіе, борьбу. Борьба эта бываетъ болѣе или менѣе ожесточенная, происходитъ съ большимъ или меньшимъ выборомъ средствъ, смотря по силѣ движенія и по нравственному состоянію общества, по степени его просвѣщенія, не говоря уже о другихъ условіяхъ, на примѣръ, о народномъ характерѣ. Движеніе, переворотъ, переломъ, который испытала Россія въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, былъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ, какіе только знаетъ исторія. Долговременная неподвижности и застой

<sup>1</sup> См. *Русскій Вѣстникъ* № 1.

условливали необычайную силу, стремительность, порывистость движенія, какъ скоро въ обществѣ была признана необходимость выхода, необходимость новаго. То, что другіе народы принимали и переваривали, такъ сказать, постепенно, въ продолженіи многого времени, вся эта масса новыхъ явленій и понятій нахлынула внезапно на русскаго человѣка и овладѣла его нравственнымъ существомъ; другія племена, болѣе слабыя, не выдерживаютъ подобнаго натиска, вымираютъ; крѣпкая натура нашего народа выдержала; но понятно, чего же это должно было ему стоить? Если онъ не палъ отъ удара, то долженъ былъ сильно покачнуться, ошеломленный. Вліяніе, произведенное на голову русскаго человѣка приплывомъ массы новыхъ понятій, разумѣется, сейчасъ же обозначилось въ языкѣ, который неприятно задремажалъ, какъ разстроенный инструментъ, потерялъ прежній складъ и ладъ, зазвучалъ множествомъ чужихъ звуковъ. Любопытно видѣть, какое впечатлѣніе сильный приливъ новыхъ понятій производилъ на лучшія головы еще въ XVII вѣкѣ: знаменитый Ординъ Нащѣкинъ одинъ изъ первыхъ подпалъ вліянію новаго, чужаго, и какую странную, тяжелую, темную рѣчь употребляетъ онъ! Ему было тѣмъ труднѣе изворачиваться, что онъ не употреблялъ иностранныхъ словъ.

Этому состоянію умственному русскаго человѣка въ эпоху преобразованія соответствовало состояніе нравственное. Всѣми признана, хотя нѣкоторыми и не охотно, неудовлетворительность нравственнаго состоянія древняго русскаго общества: противъ столькихъ и такихъ свидѣтельствъ о ней спорить невозможно. Но понятно также, что движеніе, начавшееся въ обществѣ во второй половинѣ XVII вѣка, и борьба, вслѣдствіе того происшедшая, могли только ухудшить нравственное состояніе. Какъ ни печально бываетъ нравственное состояніе въ извѣстномъ обществѣ, но если послѣднее живетъ, не рушится, значитъ существуютъ извѣстныя нравственныя сдержки и связи, которыя не даютъ ему окончательно распасться; но если это общество двинется, взволнуется въ сильномъ переворотѣ, то связи необходимо ослабѣваютъ, иногда совершенно рушатся и общество подвергается сильному нравственному колебанію, шатости, смутѣ, пока нравственныя связи снова окрѣпнутъ или замѣнятся новыми. Отсюда историческое положеніе, что переходное время есть самое печальное для общественной нравственности. Для Россіи это переходное время, время ша-

тости и смуты, началось не съ политическихъ преобразованій, но съ церковныхъ, предшествовавшихъ политическимъ. До второй половины XVII вѣка авторитетъ церкви признавался всѣми неуреложно: выходки какого-нибудь князя Хворостинина были исключеніемъ. Но вотъ церковь дѣлаетъ необходимый шагъ на пути исправленій, въ установленіи наряда богослужебнаго, въ проповѣди, наконецъ въ пересмотрѣ, повѣркѣ книгъ,—и слѣдствіемъ этого движенія явился сильный упоръ въ отстаиваніи старины, явилось раздѣленіе, борьба ожесточенная. Часть духовенства и мірянъ объявила поведеніе высшихъ пастырей церкви незаконнымъ, отказала имъ въ повиновеніи, произвела расколъ, и смутное время началось. Какъ въ началѣ вѣка господствовала смута политическая, вслѣдствіе того, что законность московскаго царя была заподозрена, подлѣ царствующаго града явился враждебный станъ Тушинскій: такъ теперь подлѣ правительства церковнаго явился враждебный станъ раскольническій, гдѣ порицалось, отвергалось это правительство, какъ незаконно дѣйствующее. Какъ во время смуты политической народъ зашатался, когда явились «два царя и двой люди несогласіемъ», и не знали, кому и чему вѣрить; такъ теперь смутился, зашатался народъ, когда встало сопротивленіе правительству церковному. Слѣдствія раскола не ограничились однимъ кругомъ явно отколовшихся отъ церкви: недоумѣнія и холодность къ церкви стали овладѣвать массами, не могшими дать себѣ яснаго отчета въ томъ, на чьей сторонѣ правда? точно такъ какъ прежде недоумѣніе, равнодушіе овладѣло массою, не знавшею, кто правъ — царь ли Василій Шуйскій, или тотъ, кто воюетъ съ нимъ подъ именемъ Дмитрія? На эту шатость и равнодушіе къ церкви, вслѣдствіе раскола, указываютъ современники Петра, которые хвалятъ его за то, что онъ мірскими средствами заставлялъ охладѣвшихъ быть внимательными къ церкви и ея требованіямъ. А тутъ еще новыя неблагопріятныя условія: прежде учительство вообще принадлежало исключительно духовенству, а теперь раскольники взяли себѣ другихъ учителей; для нераскольниковъ же явились учителя иностранные съ своими религіозными воззрѣніями. Прежде высшее относительно знаніе принадлежало духовенству, сословію по преимуществу грамотному, обязанному быть грамотнымъ; а теперь, вслѣдствіе требованій преобразователя, другое сословіе, служилые люди также получаютъ обязанность быть грамот-

ными, образованными и, имѣя болѣе средствъ приобрести сначала вышній лоскъ образованности, получаютъ чрезъ это большее вышнее преимущество предъ духовенствомъ. Прежде, когда духовенство было по преимуществу грамотнымъ, образованнымъ сословіемъ, кто могъ говорить о невѣжествѣ духовенства, кромѣ пастырей церкви на соборахъ? А теперь крестьянинъ Посошковъ говоритъ, что все зло происходитъ отъ невѣжества духовенства.

Древнее русское общество находило нравственныя сдержки въ родовомъ бытѣ; членъ рода чтилъ своего старшаго, находился подъ его надзоромъ и властію, которая, какъ знаемъ, была очень обширна и, при случаѣ, давала себя тяжело чувствовать послушнику; членъ рода уважалъ мнѣніе рода, боялся своимъ поведеніемъ нанести безчестіе ему. Теперь и родовая связь ослабѣла, а другихъ сдержекъ на ея мѣсто общество еще не выработало.

Древнее русское общество употребляло извѣстныя матеріальныя сдержки въ помощь нравственнымъ; такъ люди знатные и достаточные держали своихъ женъ и дочерей взаперти, въ теремахъ. Теперь женщину выпустили изъ терема. Но какъ никакая тюрьма не воспитываетъ, не приготовляетъ для свободы, не развиваетъ и не укрѣпляетъ силъ, такъ и теремъ не воспиталъ русской женщины для ея новаго положенія, не укрѣпилъ ея нравственныхъ силъ; а съ другой стороны общество не приготовилось еще къ ея принятію, не могло представить ей чисто нравственныхъ сдержекъ, какъ не представляло ихъ и для мужчины. Примѣръ исторической женщины, освободившейся изъ терема, но не вынесшей изъ него нравственныхъ сдержекъ и не нашедшей ихъ въ обществѣ, представляетъ царевна Софья Алексѣевна.

Отъ сестры перейдемъ къ брату. Въ обществѣ тронувшемся, сорвавшемся съ своихъ старыхъ основъ, носившемъ въ себѣ раздѣленіе, борьбу, въ обществѣ, которое мало выработало сдержекъ для силы сильныхъ, которое имѣло Іоанна IV,—въ этомъ обществѣ, на самомъ верху его, родился человекъ, одаренный громадными силами. Только такое общество юное, кипящее неустроенными силами, могло произвести подобнаго исполина, какъ юная земля въ допотопное время производила громадныя существа, скелеты которыхъ приводятъ въ изумленіе нашъ мелкій родъ. Но становится страшно: куда будутъ направлены эти силы при такомъ отсутствіи умѣряю-

щихъ, образовательныхъ началъ? Какія нравственныя пеленки приготовило общество для Петра, какъ оно воспитаетъ, образуетъ исполнителя? Общество представило Петру въ наставники Зотова, и для перваго сильнаго впечатлѣнія кровавыя сцены стрѣльческаго бунта! Для Петровыхъ дѣда, отца, брата недоступный, окруженный священнымъ величіемъ и страхомъ дворецъ служилъ тѣмъ же, чѣмъ теремъ для древней русской женщины, — охранялъ нравственную чистоту. Но Петръ ребенкомъ еще выбѣжалъ изъ своего терема, который не представлялъ ему и того, что представлялъ его братьямъ, въ которомъ онъ не видалъ и человѣка, подобнаго Симеону Полоцкому. Не находя никакой дѣятельности во дворцѣ, Петръ выбѣжалъ на улицу и кликнулъ кличь по дружину, по новыхъ людей. Безспорно, что чрезъ это онъ расправилъ свои силы: но какія привычки онъ пріобрѣлъ въ новой сферѣ, среди этихъ новыхъ людей? Справимся съ извѣстіями о господствовавшихъ порокахъ тогдашняго общества, и намъ объяснятся привычки Петра, такъ намъ въ немъ не нравящіяся. Посреди русской своей дружины Петръ не могъ удовлетворить жаждѣ знанія: для этого онъ бросился къ людямъ, которые давно уже были призваны, чтобъ учить русскихъ людей своему искусству, бросился въ Нѣмецкую слободу: но извѣстно, какою легкою нравственностію отличались эти кондотьеры, у которыхъ тамъ было отечество, гдѣ было хорошо; и въ Нѣмецкой слободѣ Петръ не могъ встрѣтить противодѣйствіе привычкамъ, пріобрѣтеннымъ среди русской дружины, а могъ только еще усилить ихъ. У Петра былъ однако руководитель, чловѣкъ безспорно умный, дѣятельный, по своему времени образованный, могшій слѣдовательно имѣть вліяніе на ребенка и юношу: то былъ князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ! Правда, Голицынъ зналъ полатыни, и письма его къ Петру обыкновенно начинаются латинскою фразой; но оканчивается одно изъ нихъ такъ: «Бориске, хотя быть пьянь». *Studia humaniora* нисколько не подѣйствовали гуманизирующимъ образомъ на нашего двувѣра XVII вѣка, и это долженъ былъ испытывать несчастный педагогъ, взятый Голицынымъ къ своимъ дѣтямъ. Такимъ образомъ молодой Петръ получилъ воспитаніе, въ которомъ удовлетворялись по преимуществу его чувственныя наклонности, не сдерживаемыя, не уравновѣшиваемыя развитіемъ нравственныхъ силъ. А тутъ еще другія неблагопріятныя условія: передъ десятилѣтнимъ ребенкомъ кровавыя сцены



стрѣльческаго бунта, копыя, обагреныя родною кровью, и семь лѣтъ постоянного раздраженія, постоянной ненависти къ се-стрѣ и ея партіи, постоянного опасенія: эти чувства неспособны дѣйствовать умягчительно.

Итакъ мы видимъ, какъ мало могло дать русское общество конца XVII вѣка для нравственнаго воспитанія Петра. Но что же мы будемъ обвинять только одно русское общество? Посмотримъ на другія, выработавшія, повидимому, больше разныхъ сдержекъ: много ли они сдерживали людей, находившихся въ положеніи Петра? За примѣромъ ходить недалеко: посмотримъ, какъ воспитывался знаменитый соперникъ Петра, Карлъ XII шведскій? Гонять по стокгольмскимъ улицамъ съ толпою людей въ одиѣхъ рубашкахъ, бить стекла въ домахъ, срывать парики съ вельможъ, бросать ихъ шляпы за окно, выталкивать судки съ кушаньемъ изъ рукъ пажей, ломать мебель и выбрасывать по кускамъ за окна, разломать всѣ скамьи въ церкви и заставить стоять во время службы, упражняться въ рубкѣ головъ живымъ овцамъ и телятамъ однимъ ударомъ— вотъ занятія молодаго короля! Шведы съ ужасомъ говорили, что въ Карлъ XII готовится имъ второй Эрикъ XIV; Русскіе имѣли также право бояться, что въ Петръ I будутъ имѣть втораго Іоанна IV, современника и пріятеля Эрика XIV: условія природы и воспитанія были одни и тѣ же. Но широкая преобразовательная дѣятельность, открывшаяся Петру послѣ забавъ молодости, спасла его, возбудивъ его нравственныя силы, давъ имъ удовлетвореніе, полное развитіе. Послѣ Кожуховскихъ забавъ слѣдовалъ настоящій походъ, подъ Азовъ, и что всего важнѣе, походъ неудачный. Неудача отрезвила Петра; въ способности не сокрушиться отъ неудачи и сейчасъ же заняться приготовленіемъ средствъ къ будущему успѣху высказался впервые великій человекъ.

Необходимымъ приготовленіемъ преобразовательной дѣятельности было путешествіе Петра за границу. Оно послужило благотѣльнымъ средствомъ къ занятію его духа; но, съ другой стороны, трактирная жизнь на большихъ дорогахъ тогдашней западной Европы не могла отучить Петра отъ привычекъ, прибрѣтенныхъ въ московской Нѣмецкой слободѣ; не могло отучить его отъ нихъ и близкое знакомство съ Августомъ Саксонскимъ (и Польскимъ), этимъ германскимъ султаномъ XVIII вѣка. Но надобно соблюдать справедливость и въ отношеніи къ султанамъ: никакой султанъ не могъ рѣшиться

на такія безнравственныя удовольствія, какія позволялъ себѣ Августъ. По возвращеніи изъ-за границы началась неслыханная дѣятельность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страшная внутренняя борьба, обыкновенно сопровождающая великіе перевороты, и борьба эта не могла способствовать къ очищенію, исправленію испорченной уже въ молодости, природы; раздраженіе, ожесточеніе постоянно поддерживались и усиливались. Раздѣленіе, внесенное въ общество новымъ началомъ, преобразовательнымъ движеніемъ, начавшимся еще до Петра, это раздѣленіе, усиливаясь, пошло, какъ обыкновенно бываетъ, по самымъ крѣпкимъ связямъ, пошло между мужемъ и женою, между братомъ и братомъ, между отцомъ и сыномъ. Рѣзко прошло оно въ семействѣ царскомъ, и надолго оставило глубокіе слѣды. Дѣло царевича Алексѣя было только прологомъ къ драмѣ, и когда Петръ терзался въ предсмертныхъ мученіяхъ, двѣ партіи стояли одна противъ другой, готовыя къ борьбѣ.

---

Еще при жизни Петра вопросъ о томъ, кто будетъ его наслѣдникомъ, сильно волновалъ общество; для многихъ и многихъ это былъ вопросъ о жизни и смерти, по крайней мѣрѣ политической. Петръ взялъ на себя право назначить преемника по своему усмотрѣнію—страшное рѣшеніе, наносившее новый сильный ударъ уже и безъ того разкачавшемуся въ переворотѣ зданію; но надобно признать, что это отчаянное рѣшеніе было для Петра единственнымъ выходомъ уже потому, что давало возможность подумать, подождать. Онъ могъ надѣяться долго еще жить, устроить дочерей, видѣть, какъ вырастетъ сынъ Алексѣя и на кого будетъ похожъ, на отца или дѣда? А между тѣмъ страшный вопросъ висѣлъ надъ всѣми черною тучею: тревожились не одни русскіе люди, тревожились министры иностранные, ибо могущество новой имперіи заставляло европейскіе кабинеты съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣть на Востокъ. Всякій слухъ, всякая особенная милость къ какому-нибудь близкому лицу производили волненіе, заставляли предугадывать выборъ зятя наслѣдника. Особенно водновался министръ австрійскій: для Австріи важно было, чтобы престолъ Русскій перешелъ ко внуку Петра, племян-

нику императрицы по матери. Однажды кто-то ему наговорилъ, что Петръ хочетъ выдать старшую дочь Анну за Александра Нарышкина и объявить его наследникомъ, а младшую Елизавету выдать за герцога голштинскаго. Встревоженный посоль обратился съ жалобой, что «великій князь (Петръ Алексѣевичъ) не имѣеть подобающей эдукаціи, но между женами только въ палатѣ держимый, можетъ-бъть ни къ чему годный сотворится, отъ чего явно показуется, что его императорское величество не хочетъ его за наследника объявить, чему никакой добрый воспослѣдовать имѣеть конецъ, а наипаче де что союза постановленіе (то-есть російскаго двора съ австрійскимъ) и твердость болѣе въ наследствіи великаго князя состоится.»

Но у Петра были другіе замыслы, относительно судьбы одной изъ своихъ дочерей: ему хотѣлось имѣть своимъ зятемъ короля французскаго Лудовика XV; это желаніе не осуществилось въ правленіе герцога Орлеанскаго; маленькаго короля сосватали на инфантъ Испанской, которая и была уже привезена во Францію. Не осуществилось и сватовство за сына герцога Орлеанскаго. Но русскій посоль, князь Куракинъ нашелъ во Франціи другаго жениха для цесаревны: то былъ новый правитель Франціи, герцогъ Бурбонъ, хотѣвшій посредствомъ этого брака получить польскій престолъ; маршалъ Тессе прямо объявилъ Куракину о желаніи герцога Бурбона и объ условіи: «что де есть та корона (польская) весьма въ рукахъ и воли вашего величества, кому де соизволите отдать, тому и будетъ <sup>1</sup>.» Разумѣется, при этихъ сношеніяхъ о дѣлахъ семейныхъ не могла быть забыта политика. *Сердечное согласіе* Франціи съ Англіей, которое установилъ знаменитый регентъ, герцогъ Орлеанскій, и какъ будто бы завѣщаль своей фамилии,— это сердечное согласіе сильно не нравилось Петру, по прежнимъ столкновеніямъ не ладившему съ королемъ Георгомъ I, и потому желавшему переворота въ Англіи въ пользу Стуртовъ. Франція, по смерти герцога Орлеанскаго, продолжала держаться его политики относительно Англіи; но Куракинъ, предлагая герцога Бурбона въ женихи цесаревнѣ, даетъ знать, что эта политика должна измѣниться: «Помянутый дукъ, пишетъ Куракинъ, весьма сильнымъ есть къ интересамъ ва-

<sup>1</sup> Письмо Куракина изъ Парижа 10—22 января 1724 г.

шего величества, также и всѣ первые министры, а особливо бискупъ Фрежусъ, учитель королевскій, и маршалъ Девилярсъ, и отъ перваго теперь все зависитъ, понеже короля въ рукахъ своихъ имѣеть; и при семъ кратко донесу объ одномъ его разговорѣ со мною, что между другихъ разговоры о ситуациі дѣлъ нынѣ въ Европѣ рассуждая, сказалъ, что король-де французской по своей консиенціи и для интересу Франціи поздно или рано оставить не можетъ кавалера Св. Георгія (претендента Стурта). Изъ сего понять можно, какой онъ партіи и намѣренія, и что всѣ тѣ первыя персоны согласно ничего такъ не желаютъ, чтобъ дружбу твердую возставить съ гишпанскимъ королемъ, также и тѣсныя обязательства учинить съ вашимъ величествомъ.» Куракинъ настаивалъ на необходимость привязать къ себѣ правителя, герцога Бурбона: «Напоминаю на прежнее мое доношеніе о супружествѣ желаемомъ дюка де-Бурбона, что ежели на то вашего величества склонности не будетъ, мое мнѣніе есть, чтобъ его дюка содержать при себѣ склонна, обшчатъ ему корону польскую, къ чему онъ завидость имѣеть, и ежели на то вашего величества соизволенія не будетъ, чтобы по послѣдней мѣрѣ, тѣмъ его флатировать и негоціацію ту продолжать, дабы тѣмъ его склоняе къ интересамъ вашего величества содержать, какъ и Англія покойнаго дюка д'Орлеанса короною здѣшнею при себѣ въ склявствѣ (рабствѣ) содержала. И понеже нынѣ присланъ указъ вашего величества, и велѣно здѣсь при дворѣ предложитъ и соглашаться о той коронѣ польской, дабы не допустить наслѣдникомъ быть сына короля Августа и прочее, того ради къ сему случаю онъ дукъ де-Бурбонъ будетъ болѣе охоты своей имѣть<sup>1</sup>.»

Но въ то же время Куракинъ сообщилъ Петру извѣстіе, которое должно было помѣшать дѣлу Бурбона и затруднить положеніе русскаго посланника въ Парижѣ: Куракинъ донесъ, что свадьба короля на инфантѣ испанской не можетъ состояться. Петръ отписалъ ему по своему, коротко и ясно: «Писешь о двухъ дѣлахъ: первое, что дукъ де-Бурбонъ сватается на нашей дочери; другое, что король не хочетъ жениться на гишпанской: того ради зѣло бы мы желали, чтобъ сей женихъ намъ зятемъ былъ, въ чемъ гораздо прошу всѣ возможные способы къ тому употребить.»

<sup>1</sup> 20—31 января 1724 г.

Куракинъ долженъ былъ употреблять все способы. «Что принадлежитъ до дука де-Бурбона, о его сватовствѣ, писалъ онъ <sup>1</sup>, въ этомъ буду поступать такъ какъ вашего величества мнѣ указъ повелѣваетъ, отлагательные способы употреблять и прочія ласковыя продолженія или двойкаго сенсу отговорки. Что же принадлежитъ до королевскаго намѣренія, что не склоненъ жениться и весьма не хочетъ на инфантъ Гишпанской, его несклонность донинѣ есть и не убавляется, но умножается, какъ пребывающій кругомъ его довольно отъ него слышалъ въ разговорахъ, и по поступкамъ ясно видятъ, и такъ сіе здѣсь предусмотрѣно, что сія свадьба не состоится, и разорвана будетъ самого его волею королевскою, отъ чего ни дукъ де-Бурбонъ, ни бискупъ Фрежисъ предупредить его не могутъ быть въ состояніи. Ваше величество соизволите повелѣвать, чтобъ мнѣ все свое стараніе и возможные способы употребить, дабы сей женихъ зятемъ вашего величества былъ. Денно и ночью о томъ думаю и способы ищу, и искать всегда буду, и сколько есть здѣсь каналовъ, къ тому мнѣ способныхъ чрезъ друзей моихъ по моему здѣсь кредиту каковъ имѣю началъ вслѣдствіи чрезъ себя старымъ, а чрезъ сына своего молодымъ, которые кругомъ короля, внушать и продолжать то буду, а наивпервыхъ то внушеніе персонально королю надобно вложить, а никому иному, то имъ сіе дѣло такъ деликатное, что ваше величество болѣе меня раба своего соизволишь знать и разсудить: впервыхъ чтобъ внушеніе королю учинить, дабы дукъ и прочіе, которые для своего интересу, менажируя дворъ гишпанской, не увидѣли до своего времени; второе чтобъ внушеніе королю было такъ деликатное, чтобъ ему охоту къ тому придали и склонна учинили; третье, секретъ о семъ содержать надобно, какъ наивозможно. И что принадлежитъ до сего послѣдняго пункта о секретѣ, теперь донесу, наприкладъ, что какъ открываются такія деликатныя дѣла, а именно: я завѣрно увѣдомленъ, что посолъ португальской Донъ Луи для дочери короля своего о томъ же указъ имѣетъ и старается съ такою кондиціею, чтобъ инфанту гишпанскую, которая здѣсь живетъ, отдать за сына, на обмѣнъ, короля его Португальскаго, которой лѣтами съ нею сходенъ; и другой, дукъ Лоранской старается своею дочерью, и тѣхъ обоихъ министры имѣ-

<sup>1</sup> 2—13 марта.

ють портреты всей фамиліи своихъ государей, и нынѣ раздають коші съ портретовъ тѣхъ принцессъ многимъ придворнымъ, дабы до виду короля дошли. О семъ оставляю въ милостивѣйшее вашего величества мудрое разсужденіе, ежелибъ не залотребно и намъ тоже учинить? Но я портретовъ государынь цесаревенъ, къ моему великому удовольствію и милостивому награжденію, по се число еще не имѣю.» Куракинъ живо описываетъ борьбу партій при французскомъ дворѣ: партіи старыхъ государственныхъ людей, которые имѣютъ въ виду политическіе интересы, и партіи людей, которые рвутся смѣнить ихъ, угождая желанію короля; въ нѣсколькихъ словахъ рѣзко очерчиваетъ характеръ четырнадцатилѣтняго короля, будущаго версальскаго султана: «Теперь кратко донесу о интригахъ въ семъ дѣлѣ здѣсь при дворѣ, что партія великая есть тѣхъ, которые кругомъ короля непрестанно бываютъ для его забавъ, но въ дѣлахъ никакой силы не имѣютъ, стараются и подтверждаютъ королю, чтобъ маріажъ съ инфантою гишпанскою разорвать, и на другой де принцессѣ женился, на что видя королевскую склонность, хотя себя въ милость привести и вырваться изъ порабощенія нынѣ правительствующихъ и себя учинить людьми. Но дукъ де-Бурбонъ своими всячески старается короля при нынѣшнемъ намѣреніи содержать; и такъ намъ впредь покажетъ свое время, кто выиграетъ процессъ сей; но все того мнѣнія, что первая партія триумфовать будетъ; о состояніи короля доношу, что самовластенъ нынѣ есть такъ, что хотябъ его прадѣдъ былъ (Лудовикъ XIV); правда, дѣлъ правленія не перенимаетъ на себя, но для своихъ забавъ все повелительно чинить, что никто не смѣетъ чего представлять, ни самый бискупъ Фрежисъ, противнаго ему; понеже, зная нравъ его, опасается, чтобъ милости его не потерять.»

Толкуя о сватовствѣ, Куракинъ настаивалъ на необходимость для Россіи примириться съ Англіей, ибо это облегчитъ и отношенія съ Франціей, которая не можетъ вдругъ отказаться отъ прежней орлеанской политики, несмотря на сочувствіе Стуртамъ: «Интересъ вашего величества есть весьма по требованію здѣшняго двора примириться съ Англією, которое примиреніе учинится токмо проформа, какъ все о томъ знать могутъ. И довольно мнѣ далъ знать самъ дукъ де-Бурбонъ въ разговорахъ своихъ, чтобъ примириться съ Англією, и тѣмъ бы имъ дать свободныя руки все обязательства истиннаго ихъ намѣренія учинить, и что де ваше величество сіе примиреніе

учинить можете токмо одною диссимуляціею или апаренціею. И когда вашего величества къ тому примиренію склонность будетъ, мое всепокорнѣйшее мнѣніе есть, чтобъ оную учинить просто такъ безъ всякихъ конуицъ и экспликацій, токмо что все забвенію предать прошедшее со обѣихъ сторонъ и министровъ взаимно къ дворамъ отправить и вновь корреспонденцію возобновить. Что же принадлежитъ до партіи торрисовой (тори) въ Англіи и претендентовой, чтобъ она не ослабѣла къ сторонѣ вашего величества отъ того примиренія, которая упованіе всегда имѣла и имѣетъ на ваше величество къ своему авантажу на предбудущее: и оныхъ слабость не будетъ, но болѣе подтвержена и возставлена будетъ разыдующимъ (разыдующимъ) тамъ министромъ вашего величества и его съ ними повседневымъ обхожденіемъ, и въ состояніи дворъ вашего величества будетъ лучше при случаяхъ и въ потребное время съ ними корреспонденцію вести, чрезъ министра вашего величества, нежели теперь, не имѣя никого.» Изъ донесеній Куракина узнаемъ, черезъ кого Стурарты вели свои дѣла. «Четвертаго дня, пишетъ посланникъ <sup>1</sup>, былъ у меня полковникъ Добіонъ или названный Перентъ, который имѣлъ комиссію о извѣстныхъ интересахъ кавалера Св. Жоржа при дворѣ вашего величества и отдалъ мнѣ указъ вашего величества отъ 5 января. Со онымъ же полковникомъ былъ у меня генералъ Дилонъ, который здѣсь при дворѣ престоерегаетъ всѣ интересы помянутаго кавалера Св. Жоржа. Они обще предложили мнѣ желаніе своего государя, дабы я въ интересахъ ихъ всякое вспоможеніе учинилъ здѣсь при дворѣ, и объявили мнѣ, что дукъ де-Бурбонъ первый министръ есть весьма добрымъ другомъ ихъ государю и склоннымъ въ интересъ ихъ: того бѣ ради съ нимъ дукомъ о интересахъ ихъ началъ говорить, а другимъ министрамъ никому о томъ не сообщать.»

Куракинъ дѣйствительно завелъ разговоръ съ Бурбономъ о кавалерѣ. «Былъ я въ приватной конференціи съ дукомъ де-Бурбономъ. Впервыхъ онъ со всякимъ благодареніемъ то принялъ, что ваше величество соизволите свою дружбу продолжать къ помянутому кавалеру, и что онъ дукъ ему кавалеру истинный другъ и никогда отъ дружбы не отстанетъ и всегда попеченіе о его интересахъ имѣетъ и имѣть будетъ, и просилъ онъ дукъ

<sup>1</sup> Отъ 27 апрѣля 1724.

ваше величество обнадеживать вѣрно, что онъ дукъ всякое стараніе *въ свое время* о интересахъ кавалера имѣть будетъ; что же принадлежить до короля его, также равно и дворъ французскій дружбу неотмѣнную къ помянутому кавалеру имѣть, и никогда его не оставить *въ свое время*, но нынѣ де по ситуациі дѣлъ въ Европѣ ничего въ интересъ его Франція учинить не можетъ, и того ради содержитъ то свое все доброе намѣреніе къ нему въ молчаніи; также Франція въ нынѣшнее время понуждена всячески стараться содержать покой въ Европѣ, а того ради дружбу съ королемъ англійскимъ Георгіемъ содержитъ и стараемся содержать какъ невозможно. Но ежели со стороны Англій оная дружба будетъ чѣмъ начата приходитъ къ разрушенію, въ такомъ случаѣ Франція понуждена будетъ принять свои мѣры и съ вашимъ величествомъ вступить въ согласіе въ интересъ помянутаго кавалера къ возставленію его въ королевство Аглинское, что двѣ такія великія потенціи какъ вашего величества и Франція легко могутъ учинить и его кавалера возставить на тронъ Аглинской, также дать надобно время королю его, дабы былъ въ состояніи самъ примать свою резолюцію въ такихъ великихъ дѣлахъ, гдѣ касается до войны въ Европѣ. И по окончаніи тѣхъ всѣхъ разговоровъ еще напоминалъ, чтобъ донести вашему величеству, дабы обязательства тѣсныя и альянсъ съ вашимъ величествомъ учинить, и что Франція къ тому всегда готова, и чтобъ реконсиліацію съ Англією учинить.»

Въ такомъ положеніи находились дѣла съ западно-европейскими государствами, связанныя съ фамильными дѣлами Петра, когда императоръ умеръ, не распорядившись наследствомъ своимъ, и только успѣвъ дать согласіе на бракъ старшей дочери своей, Анны, съ герцогомъ Голштинскимъ. Еще Петръ терзался въ предсмертныхъ мукахъ, Екатерина была постоянно при немъ, а вельможи рѣшали великій вопросъ о престолонаслѣдіи. Старинные вельможи стояли за великаго князя Петра Алексѣевича, но всѣ собственные претенцы Петровы, люди имъ выведенные на верхъ, стояли за Екатерину, и легко было предвидѣть, какая сторона будетъ *триумфовать*, по тогдашнему выраженію. Новые люди были сильнѣе числомъ, и это численное преимущество поддерживалось личными достоинствами: стоить только сказать, что Меншиковъ, Толстой, Ягужинскій и Макаровъ дѣйствовали всѣми силами въ пользу Екатерины; за нее же была гвардія; офицеры явились къ ней по собственному побужденію, съ клятвами въ вѣрности, въ готовности умереть за нее. Войско



было *укоптенковано* денежными выдачами. Приверженцы Петра (II) должны были идти на сдѣлку: когда дѣло дошло до общаго совѣщанія, то Голицынъ, Репнинъ, Долгорукіе, Апраксинъ (не адмиралъ, а президентъ истицъ-коллегіи) предлагали объявить великаго князя Петра Алексѣевича наслѣдникомъ престола, вручивъ за его малодѣтствомъ правленіе императрицѣ Екатеринѣ совокупно съ сенатомъ: только этимъ средствомъ, говорили они, можно сохранить спокойствіе и предупредить междоусобную войну. Но противная сторона не шла на сдѣлку: Меншиковъ, Толстой и Апраксинъ (адмиралъ) утверждали, что подобная сдѣлка именно и поведетъ къ несчастію, котораго хотятъ избѣжать, потому что въ Россіи нѣтъ закона, опредѣляющаго время совершеннодѣтія государя, который принимаетъ бразды правленія въ минуту кончины родителя; если великій князь будетъ провозглашенъ императоромъ, то это сейчасъ же привлечетъ на его сторону часть вельможъ и большую часть невѣжественнаго народа. Въ настоящемъ положенія Россійской имперіи надобенъ государь твердый, привычный къ дѣламъ, который бы умѣлъ поддержать значеніе и славу, пріобрѣтенныя долгими трудами Петра Великаго, и въ то же время благоразумнымъ милосердіемъ умѣлъ бы сдѣлать народъ счастливымъ и себя преданнымъ; но всѣ эти добрыя качества соединяются въ императрицѣ: отъ своего супруга выучилась она искусству правленія; Петръ Великій ввѣрялъ ей самыя важныя тайны; она дала неопровержимыя доказательства своего героическаго мужества, своего великодушія и своей любви къ народу; была благодѣтельницею народа вообще и въ частности, и никому не сдѣлала зла; притомъ она торжественно коронована, всѣ подданные клялись ей въ вѣрности; а какое торжественное объявленіе въ ея пользу учинилъ императоръ передъ коронаціею!—То же самое повторяли гвардейскіе офицеры, нарочно поставленные въ углу залы, гдѣ происходило это совѣщаніе; сенаторамъ шепталось на ухо: «вы хотите великаго князя: а не вы ли подписали смертный приговоръ его отцу?» Наконецъ, послѣ крѣпкихъ споровъ, продолжавшихся цѣлую ночь, князь Репнинъ объявилъ, что онъ соглашается на представленія Толстаго, что дѣйствительно надобно вручить императрицѣ верховную власть безъ всякаго ограниченія, какъ пользовался ею императоръ. Канцлеръ Головкинъ, молчавшій до сихъ поръ, присталъ къ Репнину, а это послужило знакомъ для всѣхъ начать говорить за Екатерину. Тутъ адмиралъ Апраксинъ, какъ самый старшій

изъ сенаторовъ, велѣлъ позвать кабинетъ-секретаря Макарова, и спросилъ его: «Нѣтъ ли какого завѣщанія или распоряженій отъ умирающаго государя относительно наслѣдства?»—«Никакихъ нѣтъ,» отвѣчалъ Макаровъ.—«Въ такомъ случаѣ, сказалъ Апраксинъ, въ силу коронаціи императрицы, и присяги которую всѣ чины ей принесли, сенатъ провозглашаетъ ее государынею и императрицею Всероссийскою съ тою же властію, какую имѣлъ государь супругъ ея.» Написали и подписали актъ. Все было кончено, прежде чѣмъ Петръ испустилъ духъ. Закрывши глаза покойнику, Екатерина явилась въ залъ, гдѣ собраны были вельможи, съ горькими слезами объявила о всеобщей страшной потерѣ: «Я, сирота и вдова, говорила она, поручаю себя вамъ, поручаю вамъ дѣтей моихъ, особенно герцога Голштинскаго, котораго считаю за роднаго сына; надѣюсь, что вы попрежнему будете любить его, какъ любилъ его покойный императоръ; надѣюсь, что воля покойника относительно герцога будетъ исполнена.» Тутъ адмиралъ Апраксинъ бросается къ ея ногамъ и объявляетъ рѣшеніе сената, и зала оглашается громкими кликами гвардіи и всѣхъ присутствующихъ. Солдаты кричали: «Мы потеряли отца, но у насъ осталась мать!» Офицеры кричали, что разобьютъ головы всѣмъ старымъ боярамъ, если они воспротивятся императрицѣ. Генералъ-майоръ Мамоновъ поскакалъ въ Москву, чтобы поддержать тамъ порядокъ при этой перемѣнѣ. Боялись Голицыныхъ, жаркихъ приверженцевъ великаго князя, озлобленныхъ неудачею; боялись особенно фельдмаршала, князя Михаила Михайловича, стоявшаго на Украинѣ съ войскомъ, которое было ему безгранично предано. Голицыну послали приказъ пріѣзжать немедленно въ Петербургъ; многимъ офицерамъ было внушено—схватить фельдмаршала, если онъ обнаружитъ какое-нибудь покушеніе противъ новаго правительства.

Провозглашеніе Екатерины императрицею, по какимъ бы побужденіямъ ни дѣйствовали провозгласители, дѣйствительно поддержало спокойствіе имперіи, задержавъ рѣшеніе страшнаго вопроса. Но рано или поздно вопросъ надобно было рѣшить, и вотъ около него сосредоточивается и движеніе внутреннее, и политика внѣшняя. Старшая цесаревна, Анна Петровна вышла за герцога Голштинскаго; но этотъ бракъ затрогивалъ самые живые интересы двухъ сосѣднихъ дворовъ—шведскаго и датскаго: герцогъ Голштинскій былъ наслѣдникомъ шведскаго престола, но между тѣмъ имѣлъ противъ себя въ Шве-

ція сильную партію; съ другой стороны, усиленіе герцога посредствомъ родственнаго союза съ императорскимъ русскимъ домомъ было опасно для датскаго королевскаго дома, находившагося въ извѣчной, непримиримой враждѣ съ герцогами Голштинскими. Австрійскій дворъ былъ оскорбленъ отстраненіемъ великаго князя Петра Алексѣевича, но это отстраненіе не было окончательнымъ, и потому Австрія не теряла еще надежды успѣть въ своемъ дѣлѣ, дать силу правамъ племянника своей императрицы, при чемъ съ ея интересами тѣсно связывались интересы Даниі, которой нужно было также дѣйствовать въ пользу Петра, чтобы жена герцога Голштинскаго или сестра ея не получила русскаго престола. Во Франціи былъ женихъ для второй цесаревны, Елисаветы, и здѣсь стремились втянуть Россію въ англо-французскій союзъ, который былъ также противенъ интересамъ Австріи. Легко понять послѣ этого, какая дипломатическая борьба должна была происходить въ Петербургѣ, и какъ эта борьба тѣсно связывалась съ внутреннею борьбой относительно престолонаслѣдія! Птенцы Петра Великаго должны были находиться въ постоянныхъ столкновеніяхъ и сношеніяхъ съ министрами иностранными, которые подробно изучали ихъ характеры и отношенія.

Прежде всего нужно было внимательно приглядѣться къ свѣтлѣйшему князю Меншикову. Сынъ конюха изъ Владимірской области, Меншиковъ сталъ въ чель той новой дружины, которою окружилъ себя преобразователь, тѣхъ *прибыльщиковъ*, противъ которыхъ такъ вооружались приверженцы старины, приписывая все зло имъ и преимущественно Меншикову. Наружность свѣтлѣйшаго уже останавливала на себѣ вниманіе каждаго: онъ былъ высокаго роста, хорошо сложенъ, худощавъ, съ пріятными чертами лица, съ очень живыми глазами; онъ любилъ одѣваться великолѣпно и, главное, чѣмъ особенно нравилось иностранцамъ, былъ очень опрятенъ, качество рѣдкое еще тогда между Русскими. Но не одною наружностью могъ онъ держаться въ чель *прибыльщиковъ*: люди внимательные и безпристрастные признали въ немъ большую проницательность, удивлялись необыкновенной ясности рѣчи, отражавшей ясность мысли, ловкости, съ какою умѣлъ обдѣлать всякое дѣло, за которое принимался, искусству выбирать людей, выбирать себѣ секретарей неподкупныхъ. Такъ являлся Меншиковъ своею свѣтлою стороною; обратимся къ темной. Это была необыкновенно сильная природа: но мы уже говорили, какъ становится

страшно передъ сильными природами въ обществѣ, подобномъ нашему въ XVII и XVIII вѣкѣ; все, что было сказано о Петрѣ, исполнѣ предлагается къ его птенцамъ, его сподвижникамъ; все это силы, для которыхъ общество выработало такъ мало сдержекъ; въ обществѣ подобнаго рода, какъ въ широкомъ, степномъ пространствѣ, гдѣ нѣтъ опредѣленныхъ, искусственно проложенныхъ дорогъ, каждый можетъ раскатываться во всѣхъ направленіяхъ. Вездѣ и всегда одинъ и тотъ же законъ: сила не остановленная будетъ развиваться до безконечности; не направленная, будетъ идти вкось и вкривь. Что дѣлывалось обыкновенно въ Азіи, которой общества, народы, выработали мало сдержекъ для силы сильныхъ? Отвѣтомъ служить дѣятельность Кирова, Омарова, Чингисханова, Тамерланова; то же самое въ Европѣ, когда для силы Римлянъ остальные народы не могли выставить никакой сдержки; то же случилось, когда Римъ одрагль и не могъ выставить никакой сдержки для Гензерихова и Аларихова. Тѣ же самыя алариховскія и гензериховскія силы и стремленія являлись и послѣ у Карла V, Филиппа II, Лудовика XIV, Наполеона, но сломались о препятствіе, о сдержки, выработанныя новымъ европейскимъ обществомъ. То же самое и у отдѣльныхъ народовъ: если сила сильнаго не умѣряется, не направляется на благо общества—значитъ общество юно, незрѣло или слишкомъ уже дряхло; отсюда цѣль правительства въ обществѣ зрѣломъ—умѣреніе и направленіе силъ—*moderatio regum*. У Меншикова и сотоварищей была страшная сила: потому они и оставили свои имена въ исторіи; но гдѣ они могли найти сдержку своимъ силамъ?—въ силѣ сильнѣйшаго? этой силы было недостаточно: лучшее доказательство тому то, что этотъ сильнѣйшій долженъ былъ употреблять палку для сдерживанія своихъ сподвижниковъ, а употребленіе палки—лучшее доказательство слабости того, кто ее употребляетъ, лучшее доказательство слабости общества, гдѣ она употребляется. Силенъ былъ, кажется, Петръ Великій лично, силенъ былъ и неограниченною властію своею, а между тѣмъ мы видѣли какъ онъ былъ слабъ, какъ не могъ достигнуть самыхъ благодѣтельныхъ своихъ цѣлей, ибо не можетъ быть крѣпкой власти въ слабомъ, незрѣломъ обществѣ; власть вырастаетъ изъ общества, и крѣпка, если держится на твердомъ основаніи; на рыхлой почвѣ, на болотѣ ничего утвердить нельзя.

Выхваченный снизу вверхъ, Меншиковъ расправилъ свои силы на широкомъ просторѣ; силы эти, разумѣется, высказа-

лись въ захватѣ, захватѣ почестей, богатства; разузданіе при тогдашнихъ общественныхъ условіяхъ, при этомъ кружившемъ голову переворотѣ, при этомъ страшномъ движеніи, произошло быстро; Меншиковъ ни передъ чѣмъ не останавливался; мы видѣли, какъ хлопоталъ онъ насчетъ Малороссіи<sup>1</sup>; видѣли, какъ послѣ Петра, когда ему было еще болѣе простора, хлопоталъ онъ около Курляндіи; но и при Петрѣ онъ уже потерялъ привычку сдерживаться отъ высказыванія своихъ желаній въ присутствіи грознаго царя: когда послѣ отреченія короля Августа отъ польскаго престола, Петръ обратился къ Меншикову за совѣтомъ, когобъ выбрать на его мѣсто, тотъ, не задумавшись, отвѣчалъ: «меня!» — Но есть любопытное извѣстіе современниковъ, что эта разузданная сила подстрекалась женщиной: говорятъ, что на Меншикова имѣла сильное вліяніе свояченица его, Варвара Арсеньева, возбуждавшая его честолюбіе.

Послѣ Меншикова изъ самыхъ жаркихъ приверженцевъ Екатерины виднѣе всего былъ Петръ Андреевичъ Толстой. Происходя изъ второстепеннаго московскаго дворянства, Толстые выдвинулись по родству съ Апраксинами, когда царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ женился на Марѣѣ Матвеевнѣ. По смерти царя Ѳеодора, Толстые держались Софьи и Милославскихъ, были главными дѣйствителями противъ Петра, то-есть противъ его матери во время смуты стрѣлцкой; но Апраксинъ, Ѳеодоръ Матвеевичъ, державшійся Петра, уговорилъ своего родственника, Петра Андреевича Толстаго, переимѣнить партію, отстать отъ Софьи, которой трудно было надѣяться на торжество въ борьбѣ съ братомъ. Петръ принялъ Толстаго, но никакъ не могъ забыть его предшествовавшей дѣятельности. Видя эту подозрительность со стороны царя, Толстой употреблялъ всѣ средства, чтобы показать свое усердіе, не дать затереть себя: онъ ѣдетъ въ Венецію, участвуетъ въ азовскомъ походѣ, ухаживаетъ за Головинымъ, который, какъ говорятъ, взялъ съ него 2.000 золотыхъ червонныхъ и предложилъ царю отправить его на важный постъ посланника въ Турцію. Здѣсь-то случилась эта знаменитая исторія съ секретаремъ: узнавъ, что секретарь донесъ на него въ растратѣ казенныхъ денегъ, Толстой, въ присутствіи всѣхъ членовъ посольства, обвиняетъ его въ сношеніяхъ съ великимъ визиремъ, приговариваетъ къ смерти, велитъ священнику приготовить его къ ней, и потомъ приказываетъ

<sup>1</sup> См. разказъ «Мазепа».

осужденному выпить ядъ. Возвратясь изъ Турціи, Толстой даетъ 20.000 рублей Меншикову и является въ числѣ тайныхъ совѣтниковъ царя. Петръ постоянно уступаетъ ходатайствамъ Апраксина, Головина, Меншикова, ибо самъ убѣжденъ въ обширныхъ способностяхъ Толстаго, прямо говоритъ, что не снимаетъ головы Толстаго съ плечъ, потому только что она очень умна, но не оставляетъ прежней своей подозрительности. «Петръ Андреевичъ способный человекъ, говоритъ онъ: но когда имѣешь съ нимъ дѣло, то надобно всегда держать камень за пазухой.» Но Толстой дождался своего времени, когда Петру понадобилось выманить несчастнаго царевича Алексѣя изъ-за границы. Толстой обдѣлалъ трудное дѣло и получилъ щедрыя награды, сталъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ людей къ царю, получилъ 6.000 душъ изъ конфискованныхъ по дѣлу царевича пмѣній, Андреевскую ленту, графство; но, разумѣется, этимъ самымъ Толстой неразрывно связалъ свои интересы съ интересами Екатерины въ ея дѣлѣ, ибо чего ему было надѣяться отъ сына Алексѣева, отъ внука Лопухиной? И вотъ при смерти Петра, Толстой, какъ говорятъ, дѣйствовалъ сильнѣе всѣхъ, одушевлялъ и Меншикова.

Сильно хлопоталъ за Екатерину и Ягужинскій. Мы уже знакомы съ его дѣятельностію; но при ясности ума и энергіи, Ягужинскій отличался вспыльчивостію, которая доходила до бѣшенства, особенно послѣ свиданія съ Ивашкой Хмельницкимъ. Противоположнымъ характеромъ отличался тестъ Ягужинскаго, канцлеръ Головкинъ, никогда не выдававшійся впередъ при важныхъ вопросахъ, лоцманъ искусный, тихо и незаметно проводившій свою лодку между отмелями. Старшій между вельможами, адмиралъ Апраксинъ своими личными достоинствами не могъ отбить перваго мѣста ни у кого изъ птенцовъ Петровыхъ и постоянно держался Толстаго; Петръ зналъ неограниченную преданность Апраксина къ себѣ лично, но зналъ также, что великій адмиралъ вовсе не горячо преданъ его дѣлу, дѣлу преобразования. Изъ старинныхъ вельможъ больше всѣхъ вліянія по своему уму имѣлъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ. Знаменитый дѣлецъ петровскій, кабинетъ-секретарь Макаровъ сохранилъ и при Екатеринѣ важное значеніе, какъ человекъ, пользовавшійся неограниченною довѣренностію императрицы, посвященный во всѣ тайны. Между этими знаменитостями петровскаго времени не доставало одного человека, съ которымъ такъ часто

встрѣчаешься при жизни Петра, Шафирова. Императрица возвратила Шафирова изъ ссылки, но онъ не могъ получить прежняго значенія: свѣтлѣйшему князю и Шафинову вдвоемъ было слишкомъ тѣсно, да притомъ Шафировъ былъ такой человѣкъ, который могъ потѣснить и другихъ кромѣ Меншикова. Шафинову придумали занятіе: поручили писать исторію Петра Великаго. Новый исторіографъ подалъ любопытный докладъ: «Доношеніе, что по повелѣнному мнѣ сочиненію гисторіи о преславныхъ дѣйствіяхъ и житіи его императорскаго величества Петра Великаго необходимо: 1) Для вспоможенія въ выписываніи и переводѣ съ иностранныхъ языковъ изъ гисторіи прошу дабы опредѣленъ былъ сынъ мой Исай Шафировъ, который нынѣ до указа опредѣленъ въ герольдмейстерскую контору. 2) Дабы повелѣно было барону Гезену, да иностранной коллегіи гисторіи описателю абату Крусали, когда я времяемъ требовать буду для совѣтовъ, или справки, о какихъ принадлежащихъ къ той гисторіи дѣлахъ, оныя бы то по требованію моему исполняли. 3) Дабы даны мнѣ были къ тому дѣлу: иностранной коллегіи студентъ Алексѣй Протасовъ для письма латинскаго, нѣмецкаго, и другихъ языковъ, да для русскаго письма кописты. Чтобъ сыну моему и вышеписаннымъ тремъ человѣкамъ жалованье давано было, а о пропитаніи моемъ съ моею фамиліею предаю во всемогуществѣйшее изволеніе ея величества; такожъ прошу, дабы мнѣ со всѣми къ сочиненію той гисторіи потребными людьми опредѣлена была удобная квартира вмѣстѣ, и опредѣлено бѣ было давать на то потребное число бумаги и чернилъ. 4) Чтобъ повелѣно было изъ кабинета, изъ иностранной коллегіи и отъ барона Гезена тѣ гисторіи ко мнѣ прислать, и понеже къ сочиненію оной гисторіи потребны и другія книги руссійскихъ великихъ государей и прочихъ фамилій руссійскихъ, и лѣтописцы письменные руссійскіе древніе, которые збираны въ кабинетъ, въ иностранную коллегію и въ герольдмейстерскую контору и индѣ. Книги на руссійскомъ и иностранныхъ языкахъ, взятыя въ домахъ моихъ въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, которыя отданы здѣсь въ бібліотеку, и на Москвѣ чаю, обрѣтаются въ конторѣ вышняго суда; такожъ чтобъ повелѣно было изъ бібліотеки петербургской, ежели къ тому потребны будутъ какія книги, по письменномъ моемъ требованіи на время мнѣ давать. 5) Чтобъ изъ разрядныхъ и другихъ записокъ дано мнѣ было извѣстіе о избраніи на престолъ Россійскаго царства Михаила Федоровича, и о бракахъ его и о рожденіи дѣтей его величества

также царя Алексѣя Михайловича, царя Ѳедора Алексѣевича и воспослѣдствующемъ предъ его кончиною стрѣльцомъ бунтѣ, и какъ оный бунтъ по избраніи Петра Великаго умножился, и какимъ образомъ потомъ царь Іоаннъ Алексѣевичъ на престолѣ купно произведенъ и о всѣхъ происшедшихъ дѣлѣхъ съ рожденія его величества по началіи гисторіи, которая въ кабинетѣ збирана.—Надежить имѣть по извѣстной гисторіи о послѣдующемъ извѣстіе: 1) Какъ содержался царь Петръ Алексѣевичъ, яко царевичъ съ матерью своею по смерти царя Алексѣя Михайловича?... 2) Какою болѣзнію болѣзновалъ царь Ѳедоръ Алексѣевичъ передъ смертію и за долго ль былъ боленъ до кончины? И по смерти его какъ избраніе царя Петра Алексѣевича воспослѣдствовало, и что чинилось по избраніи маія по 15 число, когда главный бунтъ начался? 3) Что во время того бунту съ его величествомъ отъ бунтующихъ случилось? 4) Какія внутреннія интриги въ томъ и отъ кого были? 5) Какимъ образомъ Хованской казнень и съ какого случая? 6) Какія интриги и умыслы на его величество до казни Шекловитаго и отъ кого были? и какъ они и отъ кого открылись? и какимъ образомъ та премѣна учинилась и царевна въ монастырь сослана? 7) Какимъ образомъ царское величество охоту къ воинскому дѣлу, и экзерциціямъ получилъ и наборъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ?» и пр.

Перечисляя птенцовъ Петра, людей, которые должны были имѣть самое сильное вліяніе на судьбу Россіи по его смерти, мы до сихъ поръ не встрѣчались ни съ однимъ иностраннымъ именемъ. Дѣйствительно, несмотря на упреки въ пристрастіи преобразователя къ иностранцамъ; при Петрѣ и по смерти его вся власть находилась въ рукахъ русскихъ людей, и мы знаемъ, что Петръ поступалъ въ этомъ отношеніи совершенно сознательно; онъ привлекалъ къ себѣ въ службу даровитыхъ иностранцевъ, отличалъ, награждалъ ихъ, но не давалъ имъ первыхъ мѣстъ; привязанность къ Лефорту была грѣхомъ юности, который не повторился въ возрастѣ зрѣломъ. Несмотря на жалобы Паткуля, что русскіе дипломаты не умѣютъ вести своихъ дѣлъ при иностранныхъ дворахъ, Петръ не принималъ его совѣта—назначать иностранцевъ на дипломатическіе посты, пока русская молодежь воспитается; воспитывая свое войско не на маневрахъ, а въ настоящей трудной войнѣ съ превосходнымъ по искусству непріателемъ, Петръ хотѣлъ точно также воспитывать и свое дипломати-



ческое войско; онъ былъ такъ великъ, что ошибки, неудачи, необходимыя при началѣ каждаго дѣла, нисколько его не смущали; онъ былъ такъ великъ, что нарвское пораженіе признавалъ благодѣяніемъ Божиимъ для Россіи: такъ могли ли его смутить первые неловкіе шаги русскаго человѣка на дипломатическомъ поприщѣ? Петръ былъ великъ глубокою вѣрой въ способности своего народа, умѣнемъ выбирать людей способныхъ, и воспитывать ихъ для извѣстнаго рода дѣятельности.

Но великій человѣкъ умеръ слишкомъ рано. Сосредоточеніе, напряженіе силъ немедленно стали ослабѣвать, немедленно оказалась невѣрность геніяльнымъ и патріотическимъ приемамъ Петра. Птенцы его сами раздвинули свои ряды для иностранца, дали послѣдному больше значенія чѣмъ сколько хотѣлъ уступить Петръ иностранцамъ. Петръ употреблялъ для дипломатическихъ дѣлъ иностранца, одареннаго большими способностями: то былъ Остерманъ. Но, несмотря на важныя услуги, оказанныя Остерманомъ, несмотря на то, что эти услуги были вполнѣ оцѣнены Петромъ, Остерманъ, по смерти императора, былъ такъ одинокъ, такъ затерянъ среди Русскихъ, что о немъ не слышно; но уже съ самаго начала легко было видѣть, что Остерманъ получить важное значеніе, сдѣлается необходимъ при дипломатическихъ вопросахъ: юныя, широкія натуры птенцовъ Петровыхъ были не способны къ постоянному, усидчивому труду, къ соображенію, изученію всѣхъ подробностей дѣла, чѣмъ особенно отличался Нѣмецъ Остерманъ, имѣвшій также огромное преимущество въ образованіи своемъ, въ знаніи языковъ нѣмецкаго, французскаго, италянскаго, усвоившій себѣ и языкъ русскій. И вотъ при каждомъ важномъ, запутанномъ дѣлѣ баронъ Андрей Ивановичъ необходимъ, ибо никто не сумѣетъ такъ изучить дѣло, такъ изложить его, и баронъ Андрей Ивановичъ незамѣтно идетъ все дальше и дальше; его пропускаютъ, тѣмъ болѣе что онъ не опасенъ, онъ одинъ, онъ не добивается исключительнаго господства; гдѣ ему? онъ такой тихій, робкій, сейчасъ и уйдетъ, скроется, заболѣетъ; онъ ни во что не вмѣшивается, а между тѣмъ онъ вездѣ, безъ него пусто, неловко, нельзя начать никакого дѣла; всѣ спрашиваютъ: гдѣ же Андрей Ивановичъ? Для министровъ иностранныхъ это человѣкъ важный, ибо опасный: онъ при обсужденіи дѣла не закричитъ такъ противъ Англіи какъ неистовый Ягужинскій, не вооружится

такъ сильно и рѣшительно противъ австрійскаго союза какъ Толстой; но онъ тихонько подвернетъ такую штучку, что испортить все дѣло уже рѣшенное: и Ягужинскій, и Толстой замолчать.

Быль при Петрѣ еще довѣренный человекъ не изъ Русскихъ, но и не совсѣмъ чужой, не Нѣмецъ, какъ тогда называли еще всѣхъ иностранцевъ, Савва Владиславичъ Рагузинскій. Савва не потерялъ своего значенія и при Екатеринѣ I, для которой былъ необходимъ, ибо имѣлъ способность прежде другихъ знать все; онъ былъ другомъ Апраксина и Толстаго: это было не мудрено, потому что Апраксинъ и Толстой были одинъ человекъ, но въ то же время Савва былъ другомъ и Голицына, былъ другомъ Макарова, пользовался и расположеніемъ Меншикова. Французскій посланникъ Кампредонъ отзывался о Саввѣ, что онъ имѣетъ ловкость Грека безъ дурныхъ качествъ, свойственныхъ этому народу. Ловкій Савва обогналъ, кажется, и Француза; самъ Кампредонъ продолжаетъ тутъ же: «Мало чего я не могу узнать и внушить царицѣ чрезъ Савву.» Дипломату XVIII вѣка казалося только ловкою, безъ примѣси дурнаго качества,—служить иностранному двору! Савва питалъ особенную нѣжность къ версальскому двору со времени путешествія своего во Францію.

Въ началъ царствованія Екатерины, Савва дѣйствительно могъ думать, что союзъ Россіи съ Франціей и, разумѣется, съ Англіей дѣло очень возможное. Двѣ соперничающія державы постоянно добивались союза новой имперіи, Франція и Австрія. Но если Австрія такъ сильно добивалась, чтобы русскій престолъ достался великому князю Петру Алексѣевичу, то понятно, въ какомъ отношеніи должны были находиться къ австрійскому двору люди, употребившіе все стараніе, чтобы Петръ былъ отстраненъ отъ престола въ пользу Екатерины и, разумѣется, должны были хлопотать, чтобы это отстраненіе изъ временнаго сдѣлалось вѣчнымъ въ пользу дочерей Петра Великаго. Нерасположеніе къ Австріи естественно сблизало съ Франціей. Но союзъ съ послѣднею встрѣтилъ сильныя препятствія по двумъ причинамъ: во первыхъ, союзъ съ Франціей былъ вмѣстѣ союзъ съ Англіей, что возбуждало сильное отвращеніе въ нѣкоторыхъ птенцахъ Петра, преимущественно въ Ягужинскомъ, который видѣлъ здѣсь уклоненіе отъ политики великаго императора, неуваженіе къ его памяти; потомъ Россія не иначе прини-

мала союзъ, какъ съ условіемъ, чтобы Франція приняла на себя всѣ обязательства Россіи относительно герцога Голштинскаго въ Даніи и Швеціи, на что Франція никакъ не могла рѣшиться. Если Ягужинскій такъ сильно противился франко-англійскому союзу, то въ пользу его былъ Толстой, сильно недолюбливавшій Австрію по дѣлу царевича Алексѣя. Вельможи раздѣлились: на сторонѣ франко-англійскаго союза вмѣстѣ съ Толстымъ былъ неразлучный съ нимъ Апраксинъ, Меншиковъ, Остерманъ, и что всего удивительнѣе, Голицынъ; противъ него—Головкинъ, Долгорукій, Репнинъ и Ягужинскій. Споры были жаркіе: послѣ одного изъ этихъ споровъ, Ягужинскій, выпивши, какъ говорятъ, лишнюю рюмку у герцога Голштинскаго, наговорилъ сильныхъ оскорбленій Меншикову и Апраксину, и побѣжалъ въ Петропавловскій соборъ жаловаться передъ гробомъ Петра Великаго (чѣмъ начинается нашъ первый разказъ<sup>1</sup>). Уже и прежде, тотчасъ по смерти Петра, чтобы поддержать согласіе между приверженцами Екатерины, Бассевичъ, министръ герцога Голштинскаго, помирилъ Меншикова съ Ягужинскимъ. Теперь новая ссора, и опять герцогъ Голштинскій проситъ императрицу простить Ягужинскому съ тѣмъ, чтобы онъ просилъ извиненія у Меншикова и Апраксина и далъ письменное обѣщаніе не напиваться, а если ему случится въ другой разъ, напившись, оскорбить кого-нибудь, тогда онъ поплатится и за прежніе грѣхи.

Ягужинскій напрасно очень горячился: франко-англійскій союзъ не могъ состояться по несогласію Франція принять на себя всѣ обязательства относительно герцога Голштинскаго, хотя и былъ уже составленъ списокъ лицъ, которыхъ французскому посланнику надобно было подкупить для приведенія дѣла къ желанному концу. Ничѣмъ кончились и хлопоты Куракина о бракѣ цесаревны Елисаветы съ однимъ изъ французскихъ принцевъ. 17 мая 1725 года онъ увѣдомилъ императрицу, что на бракъ съ самимъ королемъ нечего больше разчитывать: «Понеже супружество короля французскаго уже заключено съ принцессою Станислава (Марією Лещинскою), и такъ сіе сімъ окончилось, теперь доношу и напоминаю прежнеѣ желаніе дука де Бурбона, который требовалъ себѣ въ супружество цесаревну Елизавету Петровну.» Только

<sup>1</sup> См. *Русскій Вѣстникъ* № 1.

въ сентябрѣ былъ посланъ къ Куракину давно желанный портретъ цесаревны, при чѣмъ Макаровъ писалъ посланнику: «Зло сожалью, что умедлил онымъ портретомъ живописецъ, ибо писалъ близко году и нынѣ предъ тою персоною государыни цесаревна гораздо стала полнѣе и лутче.» Черезъ годъ ( $\frac{2}{1}$ , сентября 1726) Куракинъ далъ знать о другомъ женихѣ: «Предъ четырьмя годами его императорскому величеству было предложено отъ умершаго дука Дорлеанса о супружествѣ государыни цесаревны за сына его нынѣ владѣющаго дука Дорлеанса, перваго принца крови и наслѣдника короны французской, ежели король дѣтей имѣть не будетъ, который (то-есть герцогъ Орлеанскій) нынѣ овдовѣлъ. И ежели вашего величества высокое намѣреніе къ тому супружеству государыни цесаревны Елисаветы Петровны есть, то велите меня снабдить указами.» Но съ Францією уже покончили; черезъ два мѣсяца ( $\frac{3}{1}$ , декабря 1726) послѣдовало и было принято для цесаревны предложеніе двоюроднаго брата герцога Голштинскаго, Карла, епископа Любскаго.

А между тѣмъ вопросъ о престолонаслѣдіи не переставалъ волновать всѣхъ. Въ народѣ высказывалось рѣшительное сочувствіе къ великому князю Петру; приверженцамъ дочерей Петра надобно было приготовляться къ страшной борьбѣ, только задержанной малолѣтствомъ Петра, давшимъ возможность возвести на престолъ Екатерину; приверженцамъ цесаревны надобно было дѣйствовать съ особенною энергією и, главное, съ единствомъ; но послѣднее рушилось: отъ нихъ отсталъ Меншиковъ!

Въ концѣ 1725 года, въ сенатѣ, былъ жаркій споръ: читали донесеніе Миниха, что ему необходимо 15.000 солдатъ для окончанія Ладожскаго канала. Толстой и неразлучный съ нимъ Апраксинъ начали поддерживать требованіе Миниха, представляли всю пользу отъ канала, упоминали и о томъ, что предпріятіе должно быть окончено изъ уваженія къ памяти Петра Великаго. Меншиковъ возражалъ, что солдаты гибнуть на работахъ: не за тѣмъ они набраны съ такими издержками и заботами, чтобы землю копать. «Но войско должно же быть занято! отвѣчали Толстой и Апраксинъ: войско занято, а между тѣмъ издержки на наемъ постороннихъ работниковъ сохранены.» Меншиковъ всталъ при этомъ и сказалъ: «Объявляю по приказанію императрицы, что этотъ годъ ни одинъ солдатъ не будетъ употребленъ на каналъ: ея величество на-

значила для войска другое занятіе.» Сенаторы замолчали и разѣхались недовольные. На другой день Толстой, Головкинъ, Апраксинъ, Голицынъ, Ромодановскій, Ушаковъ съѣхались для совѣщанія, какимъ бы способомъ уменьшить власть свѣтлѣйшаго? рѣшили—не ѣздить въ сенатъ за болѣзнію, а Ромодановскому, болѣе другихъ смѣлому, поручено было объяснить императрицѣ. Ромодановскій дѣйствительно схватился съ Меншиковымъ при Екатеринѣ, но она не обратила на это вниманія. И вотъ въ январѣ 1726 года пошли слухи по городу, и между иностраннымъ министрами, что готовится переменна: недовольные вельможи хотятъ возвести на престолъ великаго князя Петра съ ограниченіемъ власти; австрійскій дворъ благопріятствуетъ дѣлу, движеніе произойдетъ изъ украинской арміи, которою начальствуетъ князь Михайла Михайловичъ Голицынъ. Дѣйствительно произошла важная переменна, но не въ этомъ родѣ. Толстой, видя опасность, спѣшилъ прекратить неудовольствіе между вельможами, разѣзжалъ то къ Меншикову, то къ Голицыну, то къ Апраксину, и успѣлъ наконецъ склонить ихъ всѣхъ на слѣдующую мѣру: учредить верховный тайный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ императрицы; знатнѣйшіе вельможи будутъ въ немъ членами съ равнымъ значеніемъ, слѣдовательно Меншиковъ не можетъ провести ничего безъ общаго согласія. Оскорбленные самолюбія и честолюбія успокоились: Меншиковъ, Головкинъ, Толстой, Голицынъ, Апраксинъ засѣли верховниками, вмѣстѣ съ ними—засѣлъ и *необходимый* Остерманъ. Ягужинскій былъ въ отчаяніи: его не назначили членомъ верховнаго совѣта, а между тѣмъ сенатъ потерялъ свое первенствующее значеніе, и онъ, Ягужинскій, какъ генераль-прокуроръ, не будетъ болѣе окомъ имперіи.

8-го февраля объявленъ указъ объ учрежденіи верховнаго тайнаго совѣта; 18-го верховники узнали, что императрица назначила къ нимъ новаго товарища: то былъ герцогъ Голштинскій. Меншиковъ былъ очень недоволенъ. При своемъ неудержимомъ стремленіи къ захватыванію власти, къ первенству, Меншиковъ необходимо сталкивался съ зятемъ императрицы: и при жизни Екатерины свѣтлѣйшій долженъ былъ уступать первенство герцогу, какъ члену царскаго дома, что же будетъ по смерти Екатерины, если она назначитъ преемницею жену герцога Голштинскаго? При этомъ столкновеніи съ герцогомъ утвержденіе престола за дочерью Петра также

мало стало улыбаться Меншикову, какъ и вступленіе на престолъ сына царевича Алексѣя. Нашлись люди, которые постарались представить Меншикову, что, при извѣстныхъ условіяхъ, вступленіе на престолъ великаго князя не будетъ имѣть для него никакихъ неудобствъ: напротивъ, доставить ему первенствующее положеніе у трона.

Мы видѣли, что два иностранныхъ министра особенно должны были хлопотать о томъ, чтобы преемникомъ Екатерины былъ объявленъ великій князь Петръ: датскій и австрійскій. Датскій Вестфаленъ внушилъ австрійскому—Рабутину представить Меншикову, что онъ, выдавъ дочь свою за великаго князя, можетъ сдѣлаться тестемъ императора; притомъ Рабутинъ, отъ имени своего императора, общалъ Меншикову первый вакантный ѳефъ Германской имперіи. Приманка была такъ вкусна, особенно при извѣстныхъ отношеніяхъ къ герцогу Голштинскому и при сильномъ общенародномъ желаніи видѣть великаго князя на престолѣ, что Меншиковъ не медлилъ нисколько. Въ мартѣ 1727 года разнесся слухъ, что императрица дала свое согласіе на бракъ дочери Меншикова съ великимъ княземъ Петромъ; сначала думали, что слухи распущены нарочно, чтобы позолотить пилюлю, проглоченную Меншиковымъ: у дочери его взяли жениха, графа Сапѣгу, чтобы женить его на племянницѣ императрицы, графинѣ Скарвонской. Но скоро удостовѣрились, что дѣло поважнѣе, и приверженцы царевенъ забили сильную тревогу: Толстой въ сильныхъ выраженіяхъ представилъ императрицѣ, что она губить дочерей своихъ, соглашаясь на бракъ дочери Меншикова съ великимъ княземъ, что этимъ она отнимаетъ у вѣрныхъ слугъ своихъ возможность быть ей полезными: «ваше величество скоро увидите себя покинутою, продолжалъ Толстой: и я признаюсь прямо, что скорѣе рискну жизнію чѣмъ стану дожидаться гибельныхъ послѣдствій даннаго вами согласія.»—«Я не могу переимѣнить моего слова, которое дано по фамильнымъ причинамъ, отвѣчала Екатерина; бракъ великаго князя на дочери Меншикова не измѣнитъ ничего въ тайномъ намѣреніи моемъ насчетъ сукцессіи.» Бассевичъ носилъ въ карманѣ рѣчь Толстаго и всѣмъ читалъ; но она не могла производить того впечатлѣнія, какое производили его рѣчи въ пользу Екатерины при ея избраніи. Дѣло великаго князя Петра было дѣломъ народнымъ и большей части вельможъ: Меншиковъ слѣдовательно стоялъ на твердой почвѣ; князь Голицынъ, ни

сколько не остывшій въ своей приверженности къ Петру, тѣсно сблизился теперь съ Меншиковымъ; Остерманъ почуялъ гдѣ сила, и присталъ туда же. Чтò же дѣлала противная партія, Толстой съ товарищами? Ихъ положеніе было безвыходное. Они не могли уговорить Екатерину, чтобъ она не соглашалась на бракъ великаго князя съ дочерью Меншикова; императрица объявила, что этотъ бракъ не имѣетъ отношенія къ сукцессіи; но Толстой очень хорошо зналъ, что имѣетъ. Чтò же было дѣлать? Уговорить императрицу издать поскорѣе манифестъ въ пользу одной изъ цесаревенъ? Но Екатерина весною 1727 года опасно занемогла. Надобно было ограничиться пока одними словами, желаніями, побужденіями друга друга къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. А между тѣмъ свѣтлѣйшій зорко слѣдилъ за подозрительными людьми, и одинъ изъ нихъ попался; этого было достаточно, чтобы притянуть другихъ и разомъ отъ нихъ отдѣлаться. Антонъ Девьеръ, изъ португальскихъ матросовъ достигшій званія генераль-полицеймейстера въ Петербургѣ, врагъ Меншикова, несмотря на то, что былъ женатъ на родной сестрѣ его, Антонъ Девьеръ былъ обвиненъ въ неприличныхъ поступкахъ во дворцѣ во время тяжелой болѣзни императрицы (16 апрѣля): онъ, во время общей печали, шутилъ, смѣялся, непочтительно велъ себя предъ царевнами, говорилъ непристойныя и подозрительныя вещи великому князю Петру Алексѣвичу. При допросѣ о причинахъ смѣха Девьеръ показалъ: «Сего апрѣля 16 числа въ бытность свою въ домѣ ея императорскаго величества, въ покояхъ, гдѣ дѣвицы ѣдятъ, попросилъ онъ у лакея пить, а помнится зовутъ его Алексѣемъ, а онъ назвалъ Егоромъ; князя Никиту Трубецкаго называли шутя товарищи его Егоромъ, и когда онъ Девьеръ у лакея попросилъ пить и назвалъ его Егоромъ, а онъ Трубецкой на то слово поворотился къ нему, гдѣ онъ сидѣлъ съ великимъ княземъ, всѣ смѣялись; великій князь спросилъ у него, чему вы смѣетесь? И онъ Девьеръ ему объяснилъ, что Трубецкой этого не любитъ, и шепнулъ на ухо, что онъ къ тому же и ревнивъ.» Но Девьера спрашивали: «Ты великому князю говорилъ: онъ сговорилъ жениться, а мы будемъ за него волочиться, а великій князь будетъ ревновать.» Девьеръ отвѣчалъ: «Не говорилъ; а прежде говаривалъ часто, чтобъ онъ изволилъ учиться, а какъ надѣлъ кавалерію, худо учится, а еще какъ говорить жениться, станеть ходить за невѣстою и будетъ ревновать — учиться не станеть.» Но

Меншикову было нужно не то, чему Девьеръ смѣялся, а чтобъ оговорилъ своихъ пріятелей, и когда комитетъ, назначенный для слѣдствія надъ Девьеромъ, представилъ его отвѣты императрицѣ, то получилъ отъ нея имени слѣдующее: «Мнѣ о томъ великій князь самъ доносилъ самую истину; я и сама его (то-есть Девьера) присмотрѣла въ его противныхъ поступкахъ и знаю многихъ, которые съ нимъ сообщники были, и понеже оное все чинено отъ нихъ было къ великому возмущенію, того ради объявить Девьеру послѣднее, чтобъ онъ объявилъ всѣхъ сообщниковъ.» Девьеръ объявилъ, что сообщниковъ у него нѣтъ, но что онъ ѣздилъ къ генералу Ив. Ив. Бутурлину и говорилъ съ нимъ о свадьбѣ великаго князя. Этого было достаточно. Черезъ Бутурлина притянуты были и другіе: Толстой, Скорняковъ-Писаревъ, князь Ив. Алексѣевичъ Долгорукій, Александръ Нарышкинъ, Ушаковъ. Девьеръ былъ сосланъ въ Сибирь, Толстой съ сыномъ Иваномъ въ Соловки; Бутурлинъ въ дальнія деревни; Скорняковъ-Писаревъ въ ссылку, Долгорукій отлученъ отъ двора, униженъ чиномъ и написанъ въ новые полки; Нарышкинъ долженъ былъ жить въ деревнѣ безвыѣздно; Ушакова велѣно опредѣлить къ командѣ куда слѣдуетъ. Арестъ Девьера съ товарищами уничтожилъ всякую надежду для царевнѣ относительно *сукцессіи*; надобно было хлопотать уже о томъ, чтобы получить возможно-выгодное положеніе при вступленіи на престолъ великаго князя. Объ этомъ принялся хлопотать Бассевичъ, который былъ въ это время у Меншикова еще «не въ худомъ кредитѣ». Онъ началъ представлять свѣтлѣйшему «со умиленіемъ, дабы онъ разсудилъ, что оныя обѣ принцессы Петра Великаго суть дѣти, которому онъ свое счастье приписать можетъ, и къ тому его склонилъ, что на каждую принцессу по одному милліону денегъ выдать и о наслѣдіи порядокъ учинить и трактаты съ герцогомъ конфирмовать опредѣлил, и напротивъ того, чтобъ о супружествѣ младаго монарха съ принцессою князя Меншикова въ томъ завѣщаніи утверждено было, и токмо того искали, какимъ бы способомъ оное произвестъ въ дѣйство, и кто оное завѣщаніе сочинять имѣетъ, въ которое дѣло никто мѣшаться не хотѣлъ. Я не могъ того вытерпѣть (продолжалъ Бассевичъ въ своемъ показаніи), чтобъ его королевское высочество (герцогъ) и обѣ принцессы въ крайнюю нищету пришли, въ самой скорости помянутое завѣщаніе сочинилъ, прочее же въ его княжее разсужденіе оставилъ.»



Такъ кончился вопросъ о престолонаслѣдіи. 6-го мая 1727 года Екатерина скончалась и вступилъ на престолъ Петръ II. Меншиковъ былъ всемогущимъ правителемъ; благодаря дѣлу Девьера, онъ избавился отъ Толстаго съ товарищами его; безъ суда раскидалъ по дальнимъ мѣстамъ людей, которые вздумали мимо его стать сильны посредствомъ личнаго расположенія молодаго императора. Немедленно же правитель постарался освободиться и отъ герцога Голштинскаго: Меншиковъ послалъ сказать ему чрезъ Бассевича, чтобъ онъ изволилъ въ свои земли ѣхать, «ибо ему яко одному Шведу не довѣриваютъ, и симъ подобныя поносительныя рѣчи были.» Герцогъ отправился въ свою землю; двѣ сестры-цесаревны разстались. Вотъ письмо Анны къ Елизаветѣ изъ Киля: «Государыня дорогая моя сестрица! Доношу вашему высочеству, что я, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ суды пріѣхала съ герцогомъ и здѣсь очень хорошо жить, потому что люди очень ласковы ко мнѣ, только ни одинъ день не проходитъ, чтобъ я не плакала по васъ, дорогая моя сестрица! Не вѣдую какво вѣ вамъ тамъ жить? Прошу васъ, дорогая сестрица, чтобъ вы изволили писать ко мнѣ почаще о здравіи вашего высочества. При семъ посылаю къ вашему высочеству гостинецъ: опухало, такое какъ здѣсь всѣ дамы носятъ, мушечную<sup>1</sup> каропку, зубочистку; готовальню (на) орѣхи; прислала бъ здѣшнихъ фруктовъ, только невозможно;—крестьянское платье какъ здѣсь (носятъ), а шапку прошу вашего высочества отдать Микитѣ Волокитѣ и бѣлую шляпу. Впрочемъ рекомендую себя въ неомѣнную любовь и остаюсь вѣрная до гробу сестра и служница Анна. Прошу ваше высочество отдать мой поклонъ всѣмъ питербургскимъ, а наши Голштинцы приказали отдать свой поклонъ вашему высочеству».

Несмотря на то, однако, что свѣтлѣйшій князь достигъ правительства, положеніе его было гораздо опаснѣе чѣмъ прежде: въ предшествовавшія царствованія онъ былъ крѣпокъ сильною привязанностію къ нему и Петра и Екатерины; но эта привязанность вовсе не перешла по наслѣдству къ сыну царевича Алексѣя. Пока императоръ, по молодости, по привычкѣ, подчинялся еще вліанію Меншикова; но Петръ не всегда бу-

<sup>1</sup> Для мушекъ.

дѣтъ молодъ; онъ еще не женился на дочери Меншикова, да еслибъ и женился? Исторія царицы Евдокии Федоровны и Лопухиныхъ была у всѣхъ въ свѣжей памяти. Случай ускорило столкновение и развязку: Меншиковъ лѣтомъ же 1727 года опасно заболѣлъ и долженъ былъ выпустить изъ глазъ молодого императора, который вышелъ на волю, подчинился другимъ влияніямъ, которыя давали пріятнѣе себя чувствовать. Выздоровѣвъ, свѣтлѣйшій захотѣлъ опять натянуть ослабѣвшія бразды, но тутъ начались столкновения; не велитъ Меншиковъ исполнять приказанія молодого человѣка, и услышитъ слова: «я тебя научу помнить, что я императоръ». Мы видѣли, какъ Меншиковъ избавился отъ Толстаго; но оставался еще *безпокойный* человѣкъ, не попавшій въ Девьеровское дѣло: то былъ Ягужинскій. Меншиковъ рѣшился выжить и его изъ Петербурга; но тутъ, когда дѣло пошло о родномъ человѣкѣ, обнаружилъ движеніе и уклончивый Головкинъ, тестъ Ягужинскаго. Императоръ, отправляясь въ Петергофъ, заѣзжаетъ по дорогѣ къ Головкину: тотъ разсыпается въ жалобахъ на Меншикова по поводу удаленія Ягужинскаго. Петръ принялъ къ сердцу дѣло, и, пріѣхавъ въ Петергофъ, настойчиво говорилъ Меншикову, чтобъ Ягужинскій былъ оставленъ въ Петербургѣ; но Меншиковъ не согласился: послѣ молодого императора Меншиковъ имѣлъ крупный разговоръ съ Головкинымъ и также не уступалъ; Ягужинскій отправился въ украинскую армію. Тутъ князь Алексѣй Долгорукій, угрожаемый тѣмъ же, потому что зашелъ въ расположеніи императора дальше, чѣмъ хотѣлъ того Меншиковъ, князь Алексѣй Долгорукій истощаетъ всѣ средства, чтобы заставить Головкина, Голицына и Апраксина дѣйствовать рѣшительнѣе противъ Меншикова. Вельможи тайно совѣщаются, а между тѣмъ Меншиковъ облегчаетъ имъ трудъ, опять раздражаетъ императора. Онъ поѣхалъ къ себѣ въ Ораніенбаумъ, гдѣ должно было происходить освященіе церкви, и прислалъ звать на это торжество государя, но не прислалъ приглашенія цесаревнѣ Елисаветѣ, къ которой Петръ былъ сильно привязанъ. Императоръ разсердился, посылалъ сказать Меншикову, что не будетъ по причинѣ болѣзни, и въ ту же минуту уѣхалъ на охоту съ цесаревною. По возвращеніи Петра II въ Петербургъ надъ свѣтлѣйшимъ разразилась опала<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Разказы наши имѣютъ цѣлю въ общедоступной формѣ знакомить

Меншиковъ былъ свергнутъ, сосланъ; многимъ и многимъ стало легко отъ паденія этого новаго Голиаез, какъ они выражались; радовались въ Петербургѣ, радовались и въ Килѣ; цесаревна Анна писала сестрѣ: «Что изводите писать объ князѣ, что его сослали, и у насъ такая же печаль сдѣлалась объ немъ какъ у васъ.» Но скоро произошло явленіе, естественное въ государствѣ, подобномъ Русскому первой половины XVIII вѣка. Сильный человекъ какъ Меншиковъ, забравшій власть въ свои руки, по упомянутому выше отсутствію сдержекъ, слишкомъ тяжело давалъ чувствовать эту власть; а когда эта сила отстранялась, то вслѣдствіе той же слабости, неразвитости общественной, непривычкѣ къ правильнымъ, опредѣленнымъ движеніямъ, происходитъ смута, разбродъ, *конфузія*, какъ выражались люди описываемаго времени; эта *конфузія*, борьба отдѣльныхъ силъ съ необращеніемъ вниманія на интересы общественные и частные, обыкновенно заставляютъ скоро жалѣть о прежней силѣ, несмотря на то, что она очень тяжело относилась къ обществу. Теперь по сверженіи Меншикова началась *конфузія*. Теперь не было болѣе партій, связанныхъ съ вопросомъ о престолонаслѣдіи, какъ при кончинѣ Петра Великаго, партій имѣвшихъ важное значеніе для цѣлаго общества, дѣйствовавшихъ во имя его интересовъ. При вопросѣ о томъ, кто будетъ на престолѣ: великій князь или одна изъ дочерей Петра, при вопросѣ о вліяніи, которое будетъ имѣть мужъ императрицы, или бабка императора (бывшая царица Лопухина), при этихъ вопросахъ люди, не имѣвшіе никакихъ отношеній къ Толстому или Голицыну, не знавшіе ихъ вовсе, могли однако сильно сочувствовать тому или другому, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за ихъ движеніемъ, радоваться успѣху, печалиться при неудачѣ; борьба, поэтому, принимала величавый народный характеръ. Но теперь вопросъ о престолонаслѣдіи былъ рѣшенъ, и если малолѣтство императора допускало борьбу партій, то это были мелкія партіи извѣстныхъ фамилій, не имѣвшія отношенія къ общему интересу: кто побѣдитъ, Долгорукій или Голицынъ? Этотъ вопросъ могъ занимать только приверженцевъ той или другой фамиліи. Борьба пошла теперь за *фаворъ*, и, что всего хуже, за фаворъ у государя не совер-

---

съ новыми матеріалами русской исторіи XVIII вѣка, и потому мы избегаемъ повторенія подробностей, уже извѣстныхъ по другимъ сочиненіямъ.

шеннолѣтняго, нуждавшагося въ строгихъ воспитателяхъ и наставникахъ, а не въ фаворитахъ, гибельныхъ и взроелымъ, тѣмъ болѣе несовершеннолѣтнимъ монархамъ. Не знаемъ, на сколько мы должны вѣрить вышеприведеннымъ жалобамъ австрійскаго посланника на то, что воспитаніемъ маленькаго Петра пренебрегали при жизни его дѣда. Быть-можетъ эти жалобы заставили Петра Великаго обратить вниманіе на этотъ предметъ и съ настойчивостію требовать въ наставники къ внуку иностранца Зейлина, котораго «искусство и добрая совѣсть» были извѣстны императору. Зейлинъ, несмотря на понятное нежеланіе быть наставникомъ у сына Алексѣева, былъ определенъ, и въ 1724 году, Девьеръ увѣдомлялъ Екатерину: «Ея высочество, всемилостивѣйшая государыня цесаревна Наталія Петровна (младшая дочь Петра отъ Екатерины) и великій князь съ сестрицею (то-есть Петръ съ сестрою Наталіею Алексѣевною) обрѣтаются въ добромъ здравіи и охотно всегда въ ученіи пребываютъ.» И вслѣдъ за тѣмъ Девьеръ писалъ: «Великій князь и великая княжна изволили писать по нѣмецки письма собственными своими руками, изъ которыхъ изволите усмотрѣть, кто лучшее писалъ, и изволите о томъ отписать особливое письмо на то имя со благодареніемъ; дабы могли впредь наилучшее писать и читать, и другъ другу будутъ ревновать, и отъ ревности лучшее стануть трудиться.» Но мы видѣли, что послѣ тотъ же самый Девьеръ свидѣтельствуетъ, что Петръ «какъ надѣлъ кавалерію, худо учится». Девьеръ говорилъ, что ученье пойдетъ еще хуже, когда ребенка обручатъ; но онъ ошибся. Меншиковъ честно исполнилъ свои обязанности относительно государя и нареченнаго зятя, и паденіе Мевшикова было гибельно для Петра. Люди, которые употребили молодого государя орудіемъ для низверженія тяжелаго имъ правителя, этимъ самымъ преждевременно высвободили незрѣлыя силы изъ-подъ необходимой для нихъ опеки, остановивъ правильное ихъ развитіе. Послѣ Меншикова никто не имѣлъ силы заставить Петра докончить свое образованіе; напротивъ, для пріобрѣтенія фавора прибѣгли къ прислужничеству, къ развращенію. Попытки воспитателя Остермана напомнить о необходимости доучиться, а не спѣшить жить, остались тщетны, и легко было видѣть, кто побѣдитъ въ борьбѣ: князь Дмитрій Голицынъ, по своей постоянной и открытой, смѣлой преданности Петру имѣвшій болѣе всѣхъ право на первенство, не получилъ фавора, потому что, по характеру своему, былъ

менѣ всего способенъ прислуживаться; получили фаворъ князя Долгорукиѣ, князь Алексѣй Григорьевичъ и сынъ его, пустой молодой человекъ, князь Иванъ, рѣшившіеся забавлять молодого государя.

Стали жалѣть о Меншиковѣ; и первый долженъ былъ пожалѣть о немъ Остерманъ, которому начала грозить опасность, что его перестанутъ считать *необходимымъ*. Канцлеръ Головкинъ однажды обратился къ нему съ такими словами: «Не правда ли, странно, что воспитаніе нашего монарха поручено вамъ, человекъ не нашей вѣры, да кажется, и никакой?» Головкину приписывали намѣреніе замѣнить Остермана своимъ сыномъ. Баронъ Андрей Ивановичъ началъ употреблять всѣ средства къ спасенію; завелъ переписку съ бабкою Петра, Евдокіей Федоровною, переведенною Меншиковымъ изъ Шлюссельбурга прямо въ Москву, въ Новодѣвичій монастырь, безъ свиданія со внукомъ. Евдокіи сильно хотѣлось поскорѣ увидаться съ внучатами; она часто писала къ императору, къ Остерману, письма по старинѣ, всѣвъ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ; приведемъ замѣчательнѣйшія къ Остерману: «Андрей Ивановичъ, здравствуй и съ женою, а я помощію нашего Бога и внучать своихъ пріязнію еще жива. Благодарствую, что ты внуку моему и намъ вѣрно служишь, за что тебѣ заплатитъ Богъ, чего мы не можемъ вамъ заплатить; а что жъ ты пишешь объ своей службѣ, что извѣстный мой внучата а ваши государи, и я velmi радуюсь и молю Бога кто имъ вѣрно служить и намъ. Еще же васъ благодарствую, что ты по мнѣ прислалъ новосочиненную службу въ день рожденія внука моего и абрисъ фейферка и о коронованіи его манифестъ. Еще же ты упоминаешь что будто ясно мнѣ пустыми словами, и я истинно о васъ ничего пустова не слыхала и кромѣ всякой услуги ко внуку моему и ко мнѣ, и кто мнѣ говорилъ и у меня никогда етова не бывало чтобъ мнѣ вѣрить и впредь не будетъ, что я вижу отъ васъ услугу къ нему и къ себѣ, и какъ ты началъ служить, такъ и служи и храни его здоровье, и я чаю что ты не на ково ево здоровье не промѣняешь и надѣюсь на тебя крѣпко. *Царица. 2 ноября 1727.*» Въ другомъ письмѣ пишетъ: «Андрей Ивановичъ! Долго ли вамъ меня мучить, что по сю пору въ семи верстахъ внучать моихъ не дадите мнѣ ихъ видѣть, а я съ печали истинно сокрушилась; прошу васъ дайте хотя бы я на нихъ поглядѣла да умерла.» Въ третьемъ: «А у меня истинно на васъ надѣяніе крѣпкое, только о томъ васъ прошу чтобъ мнѣ

внучать своихъ видѣть и вмѣстѣ съ ними быть, а я истинно съ печали чуть жива, что ихъ не вижу, а я истинно надѣюсь, что и вы мнѣ будете ради какъ я при нихъ буду, а мнѣ истинно уже печали наскучили и признаваю, что мнѣ въ такихъ несносныхъ печалихъ и умереть, и ежелибъ я съ ними вмѣстѣ была и лѣтъ такіе свои несносные печали все позабыла. Итакъ меня свѣтлѣйшій князь 30 лѣтъ крушилъ, а нынѣ опять сокрушаютъ, и я не знаю сие чинитца отъ ково.»

Остерманъ ошибался, думая, что Евдокія можетъ имѣть вліяніе на внука: молодой императоръ остался совершенно равнодушенъ къ бабкѣ, о которой онъ только слыхалъ прежде, и слыхалъ не совсѣмъ хорошее. Суздальская исторія сильно вредила Евдокіи; «это та-то, что...» говорили въ народѣ, повторяя провозглашенное Петромъ о походахъ бывшей жены своей; теперь громко вспоминавшіе о манифестѣ Петра должны были имѣть дѣло съ тайною канцелярією, но это ни сколько не помогало Евдокіи: палачъ тайной канцеляріи не могъ отбить памяти у народа. Остерманъ удержался не съ помощію Евдокіи; онъ удержался вслѣдствіе борьбы, начавшейся между людьми, которые хотѣли наслѣдовать власть Меншикова. Люди, которые болѣе всего участвовали въ паденіи свѣтлѣйшаго, Долгорукіе, Головкинъ, опасались, что Голицыны, не желавшіе самовластія Меншикова, не довольны однако ссылкой падшаго правителя, съ которымъ у нихъ было намѣреніе породниться. Разнесся слухъ, что князь Мих. Мих. Голицынъ, пріѣхавшій изъ украинской арміи, на аудіенціи своей у императора заступался за Меншикова. Одно время (осенью 1727 года) боровшіеся за власть вельможи встревожились сильнымъ вліяніемъ, которое приобрѣла надъ Петромъ тетка его Елисавета; ходили слухи, будто члены верховнаго тайнаго совѣта рѣшились объявить императору, что всѣ выйдутъ изъ совѣта, если онъ будетъ продолжать подчиняться вліянію цесаревны. До такой сильной мѣры впрочемъ не дошло: вліяніе цесаревны ослабло, в Долгорукіе овладѣли совершенно волею Петра II; фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичъ Долгорукій поддерживалъ Остермана противъ Шафирова, хотѣвшаго, какъ прежде при Петрѣ I, завѣдывать дипломатическими сношеніями. Но Остерманъ поневодѣ держался при Долгорукихъ; онъ видѣлъ, какъ они портятъ его воспитанника, занимая его только одними удовольствіями, охотою, видѣлъ какъ вмѣстѣ съ этимъ портятся русскія дѣла, дѣла Петра Великаго. Сознательнаго

противодѣйствія дѣлу Петра, поворота къ старинѣ, быть не могло: такъ оно вытекло изъ исторической необходимости. Но дѣлу Петра Великаго, сила государства, наносился ударъ вслѣдствіе равнодушія государя и вельможъ къ дѣламъ правленія. Заслуга Остермана состояла въ томъ, что онъ не могъ разделять этого равнодушія; австрійскій посолъ Вратиславъ, по интересамъ своего двора, также не могъ равнодушно видѣть разстройство, въ какое приходила новая имперія, и печальное нравственное состояніе государя, о возведеніи на престолъ котораго австрійскій дворъ такъ хлопоталъ. Осенью 1728 года Остерманъ съ Вратиславомъ согласились сдѣлать послѣднюю попытку, чтобы возвратить Петра въ Петербургъ и заставить его заняться поддержаніемъ дѣдовскаго дѣла: по ихъ наученію, родственникъ государя по бабкѣ, морякъ Лопухинъ, представилъ ему, что флотъ исчезнетъ вслѣдствіе того, что правительство удалилось отъ моря. Что же отвѣчалъ Петръ II: «Когда нужда потребуетъ употребить корабли, то я пойду въ море, но я не намѣренъ гулять по немъ какъ дѣдушка.» Но исчезалъ не одинъ флотъ; исчезало и сухопутное войско: это явленіе должно было тревожить многихъ, и вотъ, какъ обыкновенно бываетъ при ослабленіи правительственной машины, стараются поправить дѣло нагроможденіемъ учрежденія на учрежденіе. Чтобы уничтожить страшный безпорядокъ въ войскѣ, весной 1729 года, хотѣли учредить военный совѣтъ изъ фельдмаршала Долгорукаго, двоихъ генераль-лейтенантовъ, двоихъ генераль-майоровъ, и подчинить этому совѣту военную коллегію. Очевидцы разказываютъ любопытный случай, дающій понятіе о русскомъ войскѣ въ описываемое время: весной 1729 года, въ Москвѣ въ Нѣмецкой слободѣ, случился пожаръ: гвардейскіе солдаты съ топорами въ рукахъ прибѣжали какъ бѣшеные, стали врывать въ дома и грабить, грозя топорами хозяевамъ, которые хотѣли защищать свое добро; все это происходило передъ глазами ооцеровъ. Императора не было въ Москвѣ; увидавъ зарево, онъ прискакалъ въ слободу, и его присутствіе прекратило грабежъ; солдаты начали помогать тушить. Петръ узналъ что было до него, и велѣлъ арестовать виновныхъ, но *фаворитъ* (кн. Ив. Алекс. Долгорукій) постарался замѣять дѣло; чтобъ пощадить гренадеръ, которые всѣ были замѣшаны.

Долгорукій имѣлъ власть поднять и замѣять всякое дѣло. Посланники австрійскій Вратиславъ и испанскій Лирія

по цѣлымъ часамъ дожидались у нихъ въ передней, когда они пили кофе. Вратиславъ и Лирія постоянно ссорились другъ съ другомъ. Когда Вратиславъ замѣтилъ, что Лирія вкрался въ расположеніе фаворита, то сейчасъ же употребилъ сильное средство: позвалъ фаворита къ себѣ обѣдать и подарилъ ему трехъ лошадей, стоившихъ 1.000 дукатовъ. Наконецъ узнали, что могущество Долгорукихъ достигло высшей степени: сестра фаворита, княжна Екатерина Алексѣевна объявлена была невѣстою императора. Носился слухъ, что одинъ изъ Долгорукихъ, фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичъ не согласенъ на этотъ бракъ; потомъ ходила по рукамъ рѣчь его, которую онъ произнесъ княжнѣ Екатеринѣ при поздравленіи ея: «Вчера я былъ твой дядя, нынче ты моя государыня, и я буду всегда твой вѣрный слуга. Позволь въ этомъ качествѣ, дать тебѣ совѣтъ: смотри на своего августѣйшаго супруга не какъ на супруга только, но какъ на государя, и занимайся только тѣмъ, что можетъ быть ему пріятно. Твоя фамилія многочисленна, но, слава Богу, она изобилуетъ богатствами и мѣстами правительственными; и такъ если тебя будутъ просить о милости кому-нибудь, то хлопочи не въ пользу имени, а въ пользу заслугъ и добродѣтели, это будетъ настоящее средство жить счастливо, чего тебѣ и желаю.»

Желаніе фельдмаршала не исполнилось: женихъ заболѣлъ опасною болѣзнію, и пронесся слухъ, что князь Алексѣй Долгорукій хочетъ обвинять больного Петра на своей дочери.

Дѣйствительно Долгорукіе совѣщались, «чтобъ удержать наслѣдство княжнѣ Екатеринѣ для ихъ безопасности». Въ этомъ намѣреніи они были ободрены датскимъ посланникомъ Вестфаленомъ, который забилъ сильную тревогу, узнавъ объ опасной болѣзни императора; онъ бросался то къ Голицынымъ, то къ Долгорукимъ; князю Василью Лукичу говорилъ: «Слышалъ я, что князь Дмитрій Голицынъ желаетъ, чтобы была наслѣдницею цесаревна (Елисавета), и ежели это сдѣлается, то самъ ты знаешь, что нашему двору оное непріятно будетъ; ежели ты не вѣришь, я тебѣ письменно о томъ сообщу, чтобы ты могъ о томъ показать, ежели у васъ съ кѣмъ до разговоръ дойдетъ.» Письмо было прислано, въ немъ говорилось, что «ежели наслѣдство Россійской имперіи будетъ голштинскому принцу, то нашему Датскому королевству съ Россіей дружбы имѣть не можно, а понеже обрученная невѣста фамиліи ихъ и можно удержать ее такъ какъ Меншиковъ и Тол-



стой Екатерину Алексѣевну удержали, что и вамъ, по вашей знатной фамиліи, учинить можно, что вы больше силы и права имѣете.» Князь Василій Лукичъ прочелъ это письмо передъ фамиліей и взялъ его себѣ; дальнѣйшаго разсужденія Долгорукіе не имѣли, потому что императору стало легче. Князь Василій Лукичъ успокоилъ Вестфалена, объявивъ ему (25 января н. ст. 1730 г.): «Теперь, слава Богу, оспа высыпала, и есть вѣрная надежда, что императоръ выздоровѣетъ; но если и умретъ, то приняты мѣры, чтобы потомки Екатерины не взошли на престолъ; можете писать объ этомъ къ своему двору, какъ о вещи несомнѣнной».

Но скоро не только вѣрная, но и всякая надежда на выздоровленіе Петра исчезла. По призыву князя Алексѣя Григорьевича, всѣ родичи собрались къ нему въ Головинскій дворецъ, гдѣ онъ жилъ. Хозяинъ, лежа на постели, объявилъ имъ: «императоръ боленъ, худа надежда; не чаю, чтобы живъ былъ, надобно выбирать наслѣдника!»—«Кого вы въ наслѣдники выбирать думаете?» спросилъ князь Василій Лукичъ. Алексѣй указалъ пальцемъ вверхъ на покои, гдѣ жила его дочь, и сказала: «вотъ она!»—«Не можно ль, началъ князь Сергѣй Григорьевичъ, не можно ль написать духовную, что будто его императорское величество учинилъ ее наслѣдницею?» Князь Василій Лукичъ взялъ бѣлый листъ бумаги и хотѣлъ писать духовную, но спохватился—рука будетъ уликою! и сказалъ: «руки моей письмо худо; кто бы лучше написалъ?» Взаяся писать князь Сергѣй Григорьевичъ, а князь Василій Лукичъ диктовалъ вмѣстѣ съ княземъ Алексѣемъ. Когда *воровская* духовная была написана, князь Иванъ Алексѣевичъ, фаворитъ, вынулъ изъ кармана измаранный листъ бумаги и сказалъ: «Вотъ посмотрите письмо государевой и моей руки, что письмо руки моей слово въ слово какъ государево письмо; я умѣю подъ руку государеву подписываться, понеже я съ государемъ издѣваясь писывалъ,» и подписалъ: «Петръ». Родичи объявили, что сходственно, и рѣшили, чтобы подписалъ подъ духовную.

Говорятъ, что ловкость Остермана воспрепятствовала Долгорукимъ подсунуть *воровскую* духовную или обвинять княжну Екатерину съ умирающимъ императоромъ. 18 января Петръ II скончался. Собрали совѣтъ въ Лафертовскомъ дворцѣ: хитрецъ Остерманъ, чтобы избѣжать страшной опасности при подачѣ голосовъ (онъ подастъ голосъ въ пользу одного, а выберутъ другаго, — чего жъ ему надѣяться хорошаго въ царство-

ваніе послѣдняго?) рѣшился извлечь пользу изъ того, что до сихъ поръ только ему вредило: «Какъ иностранецъ, объявилъ онъ, я удаляюсь отъ совѣщаній о выборѣ, а потомъ дамъ свой голосъ тому, кого всѣ выберутъ.» По выходѣ Остермана началъ говорить князь Дмитрій Голицынъ. «Домъ Петра Великаго, сказалъ онъ, пресѣкся смертію Петра II, и справедливость требуетъ перейти къ старшей линіи царя Ивана; царевну Екатерину Ивановну трудно выбрать, хотя она и старшая, потому что она замужемъ за герцогомъ Мекленбургскимъ, тогда какъ царевна Анна свободна и одарена всеми способностями нужными для трона.» Всѣ закричали: «Такъ! такъ! нечего больше разсуждать, мы выбираемъ Анну!» Но этимъ дѣломъ не окончилось, князь Дмитрій Голицынъ началъ опять говорить: «Воля ваша, кого изволите; только надобно намъ себѣ полегчить.» Кто-то спросилъ: «Какъ себѣ полегчить?»—«Такъ полегчить, чтобы воли себѣ прибавить,» отвѣчалъ Голицынъ.—«Хотя и зачнемъ, да не удержимъ этого,» возразилъ князь Василій Лукичъ Долгорукій. «Правда, удержимъ!» отвѣчалъ Голицынъ. Всѣ молчали. «Будь воля ваша, началъ опять Голицынъ, только надобно, написавъ послать къ ея величеству пункты.» Съ этими словами всѣ вышли въ другую комнату, гдѣ были собраны сенаторы и генералитетъ; всѣ согласились на избраніе Анны, предложенное верховниками. Тутъ Ягужинскій подошелъ къ князю Василью Лукичу, и сказалъ: «Батюшки мои! прибавьте намъ какъ можно воли!»—«Говорено ужъ о томъ было,» отвѣчалъ Долгорукій. Ягужинскій обратился съ тѣмъ же къ другому Долгорукому, князю Сергѣю Григорьевичу: «Мнѣ съ міромъ бѣда не убытокъ, говорилъ онъ; долго ли намъ будетъ терпѣть, что намъ головы сѣкутъ; теперь время думать, чтобы самовластію не быть.»<sup>1</sup>—«Не мое это дѣло, отвѣчалъ князь Сергѣй: есть больше меня; я въ такое дѣло не плетусь и не думаю». Между тѣмъ генералитетъ сталъ расходиться. Видя это, князь Дмитрій Голицынъ сказалъ: «Надобно ихъ воротить, чтобы не было отъ нихъ чего», и воротилъ Ивана Дмитріева-Мамонова, Льва Измайлова, Ягужинскаго и другихъ. «Станемъ писать пункты, сказалъ имъ Голицынъ, чтобы не быть самодержавствію.» Пункты были написаны; но

<sup>1</sup> Объ этихъ словахъ Ягужинскаго свидѣтельствовалъ Долгорукій въ своемъ предсмертномъ показаніи.

подписать ихъ не успѣли за позднюю пору; подписали на другой день.

«Все милостивѣйшая государыня! писали верховники къ Аннѣ въ Митаву: съ горькимъ соболѣзнованіемъ нашимъ вашему императорскому величеству верховный тайный совѣтъ доносить, что сего настоящаго году января 18, пополуночи, въ первомъ часу, вашего любезнѣйшаго племянника, а нашего все милостивѣйшаго гоеударя его императорскаго величества Петра II не стало, и какъ мы, такъ и духовнаго и всякаго чина свѣцкіе люди того жъ времени заблагоразсудили россійской престолъ вручить вашему императорскому величеству, а какимъ образомъ вашему величеству правительство имѣть тому сочинили кондиціи, которые къ вашему величеству отправили изъ собранія своего съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ княземъ Васильемъ Лукичемъ Долгорукимъ, да сенаторомъ тайнымъ совѣтникомъ Михайломъ Михайловичемъ Голицынымъ, и з генераломъ маеоромъ Леонтьевымъ и всепокорно просимъ оныя собственною своєю рукой пожаловать подписать, и не умедля сюды в Москву ѣхать, и россійскій престолъ и правительство воспріять. 19 января 1730.» Подписались: канцлеръ графъ Головкинъ, князь Михайла Голицынъ, князь Василій Долгорукій, князь Дмитрій Голицынъ, князь Алексѣй Долгорукой, Андрей Остерманъ. Обязательство, посланное къ Аннѣ для подписи заключалось въ слѣдующемъ: «Черезъ сіе наикрѣпчайше общаемся, что наиглавнѣйшее мое попеченіе и стараніе будетъ не только о содержаніи, но и о крайнемъ и всевозможномъ распространеніи православной нашей вѣры греческаго исповѣданія; такожде по принятіи короны россійской, въ супружество во всю мою жизнь не вступать, и наслѣдника ни при себѣ, ни по себѣ никого не опредѣлять; еще общаемся, что понеже цѣлость и благополучіе всякаго государства отъ благихъ совѣтовъ состоитъ, того ради мы нынѣ уже учрежденный верховный тайный совѣтъ въ восьми персонахъ всегда содержать и безъ онаго согласія: 1) ни съ кѣмъ войны ни всчинать; 2) миру ни заключать; 3) вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими податями не отягощать; 4) в знатные чины, какъ въ стацкіе такъ и въ военные сухопутные и морскіе выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять, и гвардіи и прочимъ войскамъ быть подъ вѣдѣніемъ верховнаго тайнаго совѣта; 5) у шляхетства живота имѣнія и чести безъ суда не отымать; 6) вотчины и деревни не жало-

вать; 7) въ придворные чины какъ русскихъ такъ и иноземцевъ не производить; 8) государственные доходы въ расходъ не употреблять и всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотметной своей милости содержать; а буде чего по сему общанію не исполню и не додержу, то лишена буду короны российской.»

Но Ягужинскій, раздраженный, какъ говорятъ, тѣмъ, что его не сдѣлали членомъ верховнаго тайнаго совѣта, далъ знать Аннѣ, что ограниченіе есть только дѣло верховниковъ; посланный Ягужинскимъ Сумароковъ долженъ былъ сказать императрицѣ: «Ежели изволить его послушать, тобъ князь Василій Лукичъ Долгорукій и которые съ нимъ поѣхали, что стануть представлять не всему вѣрить до того времени пока сама изволить прибыть въ Москву. Ежели князь Василій Лукичъ по тѣмъ пунктамъ принуждать будетъ подписываться, тобъ ея величество просила отъ всѣхъ посланныхъ трехъ персонъ такого посла за подписаніемъ рукъ ихъ, что они отъ всего народу оное привезли; ежели скажутъ, что съ согласіемъ народа, а письма дать не похотятъ, тобъ объявила, что ея величество оное учинить по волѣ ихъ, только когда она прибудетъ къ Москвѣ, тобъ оное такъ было какъ представляютъ. Чтобы было благонадежно; всѣ ея величества желаютъ прибытія въ Москву.» Анна подписала условія и выѣхала въ Москву.

«Февраля 2 числа вышеписанные ея императорскаго величества всемилостивѣйшее писаніе и пункты, писанные января 28 числа, которые присланы съ г.-м. Леонтьевымъ, верховный тайный совѣтъ, св. синодъ, сенатъ, генералитетъ и прочіе тѣхъ ранговъ выслушавъ, за такую ея императорскаго величества показанную ко всему государству неизреченную милость благодарили Всемогущаго Бога и всѣ согласно объявили, что тою ея императорскаго величества милостію весьма довольные и подписуемая своими руками: Феоданъ Новгородскій, Георгій Ростовскій, Игнатій Коломенскій, Сильвестръ Казанскій, Гавріилъ Рязанскій, Леонидъ Крутицкій, Іоакимъ Переяславскій. Графъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ, князь Иванъ Трубецкой, князь Михайла Долгорукой, енаралъ Матюшкинъ и т. д. подписи знатнаго дворянства и архимандритовъ, подписей 500.

Несмотря на эти подписи, встало сильное волненіе и неудовольствіе на верховниковъ за ихъ своевольное дѣло. Верховники должны были уступать и другимъ право подавать

свои мнѣнія относительно новыхъ формъ правленія. Подано было мнѣніе, подѣ которымъ подписались генераль 1, генераль-лейтенантъ 1, статскихъ того ранга 4, генераль-майоровъ 5, статскихъ того ранга 4, итого 15 человекъ, которые требовали: 1) Къ верховному тайному совѣту къ настоящимъ персонамъ мнится прибавить, чтобы съ прежними было отъ 12 до 15, 2) нынѣ въ прибавокъ и впредь на ваканцію въ верховный тайный совѣтъ выбирать обществомъ генералитету, военному и статскому, и шляхетству на одну персону по три кандидата, изъ которыхъ одного выбрать предоставляется верховному тайному совѣту; 3) или выбрать въ верховномъ тайномъ совѣтѣ трехъ персонъ, и изъ тѣхъ трехъ персонъ балансировать генералитету, военному и штатскому, и шляхетству не меньше 70 персонъ, въ которой бы одной фамилии болѣе двухъ персонъ не было, а которые будутъ выбирать въ кандидаты, тѣмъ бы не балансировать, а для балансирования выбрать бы другихъ такимъ же образомъ, только бы было не менѣе вышеозначеннаго числа. Подѣ вторымъ мнѣніемъ подписались: генераль-лейтенантовъ 3, статскихъ того ранга 4, генераль-майоровъ 9, статскихъ и придворныхъ того ранга 13, оберъ-прокуроръ синодской 1, итого 30 человекъ. Они требовали: 1) Въ началѣ учредить вышнее правительство изъ 21 персоны; 2) дабы онаго множествомъ дѣлъ не отягчить, того ради для отправленія прочихъ дѣлъ учинить сенатъ въ 11 персонѣхъ; 3) въ высшее правительство, въ сенатъ, и въ губернаторы и въ президенты коллегій кандидатовъ выбирать и балансировать генералитету и шляхетству, а въ кандидаты болѣе одной персоны изъ одной фамилии не выбирать, также и при балансированіи болѣе двухъ персонъ изъ одной фамилии не быть, не меньше 100 персонъ; 4) въ вышнемъ правительствѣ и въ сенатѣ впредь кромѣ обрѣтающихся нынѣ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ болѣе двухъ персонъ изъ одной фамилии не быть, считая въ обѣихъ какъ въ вышнемъ правительствѣ, такъ и въ сенатѣ.

Верховники, въ отвѣтъ на эти мнѣнія, написали свое: «По-  
неже верховный тайный совѣтъ состоитъ не для какой собственной того собранія власти, точію для лучшей государственной пользы и управленія въ помощь ихъ императорскихъ величествъ, а впредь ежели кого изъ того собранія смерть пресѣчетъ или какимъ случаемъ отлученъ будетъ, то на тѣ упалыя мѣста выбирать кандидатовъ верховному тайному совѣту обще съ

сенатомъ и для опробаціи представлять ея императорскому величеству изъ первыхъ фамилій, изъ генералитета людей вѣрныхъ и обществу народному доброжелательныхъ (не воспоминаемая объ иноземцахъ). И смотрѣть того, дабы въ такомъ первомъ собраніи одной фамиліи больше двухъ персонъ умножено не было; и должны разсуждать, что не персоны управляютъ законъ, но законъ управляетъ персонами, и не разсуждать ни о фамиліяхъ, ниже о какихъ опасностяхъ, то имъ искать общей пользы безъ всякой страсти, памятуя всякому судъ вышній. Буде же когда случится какое государственное новое и важное дѣло, то для оногo въ верховный тайный совѣтъ имѣютъ для совѣту и разсужденія собраны быть сенатъ, генералитетъ, коллежскіе члены и знатное шляхетство; будетъ же что касаться будетъ къ духовному правленію, то и синодскіе члены и прочіе архіереи по усмотрѣнію важности дѣла.» Верховники уступали относительно числа своихъ сочленовъ, соглашались на 12. Стараясь привлечь на свою сторону духовенство, опредѣляли управленіе имѣніями отдать епархіямъ и монастырямъ, а коллегіи экономія не быть. «Какъ архіереи, такъ и ереи почтеніе имать будутъ какъ служители престола Божія.» Въ пользу другихъ сословій общаля: въ сенатъ, коллегіи, канцеляріи и всѣ прочія управленія выбираемы да будутъ изъ фамилійныхъ людей, изъ генералитета и изъ знатнаго шляхетства достойные и доброжелательные обществу государства, такожъ и все шляхетство содержено быть имѣть такъ какъ и въ прочихъ европейскихъ государствахъ въ надлежащемъ почтеніи и въ ея императорскаго величества милости и консидераціи, а особливо старыя и знатныя фамиліи да будутъ имѣть преимущества и снабдены быть имѣютъ рангами и къ дѣламъ опредѣлены по ихъ достоинству. Шляхетство въ солдаты, матросы и прочіе подлые и нижніе чины неволею не опредѣлять, а чтобы воинское дѣло не ослабвало, для обученія военнаго учинить особливья кадетскія роты, изъ которыхъ опредѣлять по обученіи прямо въ оберъ-офицеры и производить чрезъ гвардію, а въ морскую службу чрезъ гардемариновъ. Которые есть во управленіи гражданскомъ, хотя и не изъ шляхетства, а дослужились ранговъ, также приобщены да будутъ въ общество шляхетства, и опредѣлять ихъ къ дѣламъ какъ заблагоразсудится. Приказныхъ людей производить по знатнымъ заслугамъ, и по опыту вѣрности всего общества, а людей боярскихъ и крестьянъ не допускать ни къ какимъ дѣламъ. Кто будетъ казненъ смертію,

послѣ такихъ у женъ, дѣтей и сродниковъ имѣнія не отнимать, и тѣмъ ихъ не укорять. О солдатахъ и матросахъ смотрѣть прилежно, какъ надъ дѣтьми отечества, дабы напрасныхъ трудовъ не имѣли и до обидъ ихъ не допускать. Лифляндцы и Эстляндцы, какъ шляхетство, такъ и гражданство да содержаны будутъ ровною ея-императорскаго величества милостию, какъ и російскіе, и во всемъ поступано будетъ по ихъ правамъ и привилегіямъ; такожь и къ прочимъ иноземцамъ, которые нынѣ имѣются, которые и впредь будутъ въ російской службѣ имѣть почтеніе и склонность ко всякой любви и по контрактамъ жалованье да будетъ неотъемлемо. Къ купечеству имѣть призраженіе и отвращать отъ нихъ всякія обиды и неволи, и въ торгахъ имѣть имъ волю, и никому въ однѣ руки никакихъ товаровъ не давать, и податями должно ихъ облегчить, а прочимъ всякимъ чинамъ въ купечество не мѣшаться. Крестьянъ сколько можно облегчить. Резиденція, убѣгая государственныхъ излишнихъ убытковъ и для исправленія всему обществу домовъ своихъ и деревень, быть въ Москвѣ непременно, а въ другое мѣсто никуда не переносить.»

7 февраля сидѣли верховники въ совѣтѣ и смотрѣли манифестъ печатный о восшествіи на престолъ Анны. Разсуждалъ князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, чтобы въ оный внести кондиціи и письмо ея величества, чтобы народъ вѣдалъ ради соблазну. Головкинъ и оба Голицына говорили, чтобъ о кондиціяхъ объявленіе тогда учинить, когда ея императорское величество прибудетъ, отъ ея лица, для того чтобы народъ не сумнѣвался, что выданы отъ верховнаго тайнаго совѣта, а не отъ ея величества, а когда пріѣдетъ ея величество, тогда отъ своего лица ту свою милость объявить изволить. Остерманъ согласился съ ними. Но князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій объявилъ, что въ Москвѣ всемѣрно подлежитъ публиковать кондиціи, чтобъ инако ихъ не толковали.

25 февраля верховники опять сидѣли въ совѣтѣ и занимались разными дѣлами, не предчувствуя, что сидятъ въ послѣдній разъ. Пришелъ опять Василій Лукичъ Долгорукій, и съ нимъ всѣ пошли къ государыня не на радость себѣ. Тамъ, передъ императрицею читалась просьба: «Когда ваше императорское величество всемилостивѣйше изволили пожаловать всепокорное наше прошеніе своеручно для лучшаго утвержденія и пользы отечества нашего сего числа подписать, недостойныхъ себя признаемъ въ благодареніи за такъ прево-

сходную вашего императорскаго величества милость. Однакоже усердіе вѣрныхъ подданныхъ, которое отъ насъ должность наша требуетъ, побуждаетъ насъ по возможности нашей не показаться неблагодарными; для того, въ знакъ нашего благодарства, всеподданнѣйше приносимъ и всепокорно просимъ всемилостивѣйше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальныя предки имѣли, а присланные къ вашему императорскому величеству отъ верховнаго совѣта и подписанные вашего императорскаго величества рукою пункты уничтожить. Только всеподданнѣйше ваше императорское величество просимъ, чтобы соизволили ваше императорское величество сочинить, вмѣсто верховнаго совѣта и высокой власти, одинъ правительствующій сенатъ, какъ при его величествѣ Петръ I было, и исполнить его довольнымъ числомъ, двадцати-одною персоною; также нынѣ въ члены и впредь на упалыя мѣста въ оный правительствующій сенатъ, и въ губернаторы и въ президенты повелѣно бѣ было шляхетству выбирать балотированьемъ, какъ то при Петрѣ Первомъ уставлено было; и притомъ всеподданнѣйше просимъ, чтобы по вашему всемилостивѣйшему подписанію форму правительства государства для предбудущихъ временъ нынѣ установить. Мы напоследокъ, ваше императорское величество, всепокорнѣйшіе рабы надѣемся, что въ благоразсудномъ правленіи государство въ правосудіи и въ облегченіи податей по природному величества вашего благоутробію презрѣны не будемъ, но во всякомъ благополучіи и довольствѣ, тихо и безопасно житіе свое препровождать имѣемъ.» Февраля 25, 1730. Подписи: князь Ив. Трубецкой, Григорій Чернышевъ, Ушаковъ, Новосильцевъ, князь Григорій Юсуповъ, Мих. Матюшкинъ, князь Алексѣй Черкасскій, Сукинъ, Олсуфьевъ, князь Никита Трубецкой, графъ Михайла Головкинъ и т. д., подписей полтораста.»

«По полудни, въ четвертомъ часу, къ ея императорскому величеству призыванъ статск. сов. Масловъ, и приказано ему пункты и письмо принесть къ ея величеству, которые въ то же время и отнесены, и ея величеству отъ господъ министровъ поднесены и тѣ пункты ея величество при всемъ народѣ изволила, принявъ, разорвать.»

С. Соловьевъ.



## ПРИЛОЖЕНІЕ.

Къ разказу: *Мазепа*. Письмо Мазепы къ Меншикову отъ 8 октября 1708 года: «Вчерашняго дня за настоящею моею хирогричною и годовною болѣзнію и за многодѣльствіемъ забывъ донести вашей княжой свѣтлости въ писаніи моемъ о многихъ подъ сіе время трудностей и внутреннихъ смятеній. Сіятельныйшій графъ его милость Гаврила Ив. Головкинъ пишетъ до меня многажды черезъ моихъ и черезъ своихъ нарочныхъ курьеровъ, чтобъ я спѣшнымъ маршомъ шелъ къ Стародубу для отпору наступленію непріятельскому, которому я ради малолюдствія, при мнѣ обрѣтающагося, никакою мѣрой резистенціи учинить не могу, понеже больше войска городского великороссійскаго сердюковъ одной компаніи совокупа въ одно число 5000, при себѣ не имѣю, ибо полкъ сердюцкой одинъ въ Бѣлой Церкви и два полка великороссійскіе пѣхотные въ фортеціи Печерской, посланы на перемѣну полку Гадяцкаго, отправленнаго въ Польшу на сигурсъ, и хотя эти два полка велѣлъ я перемѣнить господину Неплюеву разными команды его людьми и идти велѣлъ за собою, обаче оны въ пути медлятъ и не знаю, когда до меня придутъ, да и въ тѣхъ четырехъ великороссійскихъ неполныхъ голыхъ и босихъ полкахъ при боку моемъ обрѣтающихся болши дву тысячъ не зберется яко сами господа полковники сказываютъ изъ которыхъ четырехъ полковъ два въ фортеціи Печерской остались. И еслии придуду къ Стародубу, то развѣ пойду въ самой городъ въ осаду, и тутъ въ Украинѣ внутренней огонь бунтовничей отъ голтаевъ пьяницъ и мужиковъ во всѣхъ полкахъ началъ разваратися которые услыша о вступленіи въ малороссійской край непріятельскомъ и моемъ къ Стародубу малолюдномъ отдаленіи всюду въ городахъ великими купами с кіями и съ ружьемъ ходятъ арендаровъ бьютъ до смерти, вино насилно забираютъ и выпиваютъ, якоже въ полку Лубенскомъ арендара и ктнтора убили до смерти, въ Мглинѣ сотника тамошняго косами изрубил и спицами покололи, зъ Сотницы сынъ обознаго моего войсковаго генеральнаго насилу съ женою своею уходомъ спаслись, въ Гадячомъ на замокъ тамошней наступали хотя добро мое тамъ разграбить и господаря убить, котораго постигла бѣ смертная кончина естлибы съ мѣщанами отъ тѣхъ гультаевъ не отстрѣлялся. А воздвигнули то внутреннее смятеніе такъ казаки во время партикулярной баталіи отъ непріятели распрошенные подобно подъ кадиномъ которые разбѣгшиися въ полки огласили будто войска всѣ великороссійскіе и малороссійскіе непріятель разбилъ яко и люди полку Стародубовскаго великими таборами уходятъ въ дальнія мѣста которые между непостояннымъ народомъ неистовыми словами разсѣяли тѣ плевелы будто они паче отъ войскъ малороссійскихъ бѣгутъ что села всюду будто въ полку Стародубовскомъ жгутъ и грабятъ и непріятель будто имъ никакого разоренія не чинить, которыми вѣдомостями зачался въ простомъ и малодушномъ народѣ мятежь и роптаніе а между

гулгаевъ своеволюство, ибо опасность и въ томъ великая, что два предводителя гулганскіе единъ Перебѣжной, другой Молодецъ, прибравши къ себѣ своеволицѣ, а болши великороссійскихъ людей Донцовъ 2000 по берегамъ Днѣпра и въ поляхъ шатаются и людей разбиваютъ да и отъ Полци не безопасно, понеже какъ графъ Головкинъ пишетъ до меня что Станиславъ къ Кіеву идетъ, тако и резидентъ мой при г. Синявскомъ пребывающей тоже подтверждаетъ. Разсуди ваша княжая свѣтлость своимъ высокимъ благоразуміемъ, какая въ томъ польза будетъ интересомъ монаршимъ, если я пойду въ Стародубовщину одного токмо полку оборонить, и тутъ всю Украину въ такихъ трудностяхъ, опасностяхъ и въ начинающемся бунтовничьемъ пожарѣ на крайнее разореніе оставлю, а не дай Боже еще мнѣ какова тамъ отъ непріятеля несчастія, то какой оттуда возгорится огонь внутренній выражеть мочно. Изволь ваша княжая свѣтлость яко ближайшій монаршаго боку и тайный его государственныхъ дѣлъ первѣйшій и поуеальщикъ министръ отъ Бога дарованнымъ себѣ премудрымъ разумомъ и искусствомъ наставить меня какъ имѣю въ таковыхъ трудностяхъ и въ указахъ поступить и исправиться.» Меншиковъ, посылая это письмо государю, написалъ свое мнѣніе: «Мнѣ кажется до Стародуба его ради тѣхъ противностей заволакивать не для чего, что отдаю въ ваше высокоздравое разсужденіе.»

Письмо Меншикова къ Петру изъ Горска, октября 20, 1708 года. «Господишь полковникъ! Доношу вашей милости, что мы при мнѣ збудучю кавалерію пришли сюда вчерашняго дня слава Богу въ добромъ состояніи, его милость господина гетмана Мазепу со дня на день я къ себѣ ожидаю; но вчерашняго дня вмѣсто ево получилъ видѣть г. Войнаровскаго чрезъ котораго пишетъ онъ ко мнѣ что едва не послѣдней чрезъ него отдаетъ мнѣ поклонъ ожидаючи себѣ послѣдняго цѣлованія. Понеже конечно при кончинѣ своея жизни обрѣтается и для освѣщенія масломъ поѣхалъ онъ въ Борзну гдѣ ожидаетъ его кіевской архіерей, и сія объ немъ вѣдомость зѣло меня опечалила, первое тѣмъ, что не получилъ его видѣть, которой зѣло мнѣ быть здѣсь нуженъ; другое, что жаль такова добраго человѣка ежели отъ болѣзни ево Богъ не облегчить, а о болѣзни своей пишетъ, что отъ подагричной и хирагричной приключилось ему апелепсия.»

Отъ того же къ тому оттуда же, октября 21. «Понеже опасуюсь, дабы непріятель къ Новгородку не пошелъ и тамъ Десну не переправился, того ради весьма надлежитъ въ тѣхъ местахъ Десну людьми укрѣпить, дабы оной великой переправы непріятель свободно безъ всякаго запрещенія переправитца не могъ, и хотя о томъ я г. фельдмаршалку Шереметеву нынѣ писмянно и предлагалъ, чтобъ для того при нихъ обрѣтающуюся кавалерію і нестройныхъ всѣхъ такожъ і волянта на ту сторону Десны отправили, дабы оные непріятелю тоѣ переправу запрещать могли, однакожъ и вашей милости о томъ доношу, чтобъ вы отъ себя паки о томъ подтвердить изволили; а что велѣно туда идти войску гетманскому и на то слабая надежда, понеже какъ здѣсь мы видимъ ихъ, что всѣ въ великомъ страху отъ непріятеля и издомовъ своихъ со всѣмъ убравшись кой куда врознь разъезжаютъ, здѣшняго Черниговскаго полку толко съ полтора ста человекъ

здѣсь мы избрали и то изъ послѣднихъ а і старшинѣ почитай никого не видимъ, а которой и появитца, да тогожь часу спѣшить до двора чтобъ убратца и бѣжать. При семъ за благо вашей милости, совѣтую что мнѣ кажется время и самимъ вамъ кармѣ путешествовать ради лучшаго при сихъ обстоятельствахъ распоряженія.»

Отъ того же къ тому же отъ Макошина октября 26. «Сего октября въ 23 день доносилъ я вашей милости о томъ, что намѣренъ былъ я ѣхать к гетману Мазепѣ въ Борзну, о чемъ того же дня і к нему гетману чрезъ письмо отъ себя далъ знать, і на другой день, т.-е. въ прошлое воскресенье при приѣзде нашемъ въ мену приѣхалъ к намъ отъ него гетмана полковникъ Анненковъ, которой по отправленіи отъ него извѣчнаго комплемента сказалъ, что прислалъ ево гетманъ ко мнѣ нарочно объявить про свой приѣздъ въ Батуринъ; и тогожь часу оному полковнику приказалъ я отъ себя до него гетмана послать нарочнаго васкоро стѣмъ извѣстиемъ, что я к нему ѣду; тѣмъ же временемъ прибылъ до меня его милость кн. Голицынъ, скоторымъ мы стогожь дня на понедѣльникъ о полуночи переправившись здѣсь Деспу поѣхали въ Батуринъ васкоро, куда вполонину дня приѣхали і его гетмана тутъ не избрѣли, а сказали намъ тутюшние наши офицеры, что воскресенье ввечеру избатурина васкоро поѣхалъ до Короба три мили а при Батуринѣ токмо Анненковъ полкъ насъ встрѣтилъ, а сердюки всѣ также и прочіе тутюшние жители убравшись въ замогъ заѣли і разметавъ мость стояли по городу встрою знамены і сружемъ і спусками: хоторымъ посылалъ я полковника Анненкова ради разговору, для чего такъ снами яко сепрїятелиаи поступають; і ево полковника вгородъ не пустили, такожъ і к намъ изгорода никого не выпустили, и отвѣчали з города, что чинять они то по указу; видя мы такой ихъ злой поступокъ вскорѣ от Батурина поѣхали до Короба гдѣ чаяли ево гетмана застать, и отѣхавъ полторы мили до местечка Новыхъ Млыновъ получили тутъ вѣдомость что уже онъ гетманъ подоболонью і Деспу переправился. И чрезъ сие злохитрое ево повѣденіе заистинно мы признаемъ, что конечно онъ измѣнилъ і поѣхалъ до короля Шведскаго, чему явная есть причина і то что племянникъ ево Войнаровской будучи при мнѣ въ прошлой пятокъ т.-е. въ 22 день сего октября въ самую полночь безъ вѣдома і снами не простясь к нему уѣхалъ і стого времени уже ко мнѣ ни о чемъ онъ гетманъ не отзывался. И тако объ немъ інако разсуждать не извольте, только что совершенно измѣнилъ і для того за благо вашей милости совѣтую что при такомъ зломъ случаѣ надлежитъ весьма здешней простой народъ утвердить всякими обнадеживаніями чрезъ публичныя универсалы выписавъ всѣ его гетманскіе къ сему народу озлобленія і тягости і чтобъ на ево ни на какіе прелести не склонялись понеже когда онъ сие учинилъ, то не для одной своей особы но і всей ради Украйны, і безъ того не пройдетъ чтобъ какихъ не было отъ него сдѣсь прелестныхъ универсаловъ или тайныхъ какихъ факцей. При семъ еще доношу вашей милости, что въ здѣшней старшинѣ кромѣ самыхъ вышнихъ такожъ і въ подломъ народѣ снынѣшняго гетманскаго злаго учинку никакова худа ни вкомъ не видать, но токмо ко мнѣ изо всѣхъ здѣшнихъ ближнихъ мѣстъ съѣзжаются сотники і прочія полчавя і

привносятъ на него въ томъ нариканіе и многіе просятъ меня со слезами чтобъ за нихъ предстательствовать и не допустить бы ихъ до погибели, ежели какой отъ него гетмана будетъ надъ ними промыслъ, которыхъ я всякимъ обнадеживаніемъ увѣщаваю а особливо вашимъ вукраину пришествіемъ і сего они повидимому ввеликую приходить радость.»

Отъ того же къ тому же, отъ Батурина 31 октября 1708 г. «Доношу вашей милости, что я прибылъ сюда сего числа предъ полуднемъ и случился съ его милостію кн. Голицынымъ, которой предъ моимъ приходомъ сего дня ѣздилъ къ замку для разговору, которому какъ старшина такъ і товарищество единогласно отвѣщали что безъ новаго гетмана насъ вгородъ не пустятъ, а гетмана надлежитъ имъ выбирать общими голосами и пока де Шведъ сздѣшнихъ рубежей не выступитъ, по то время и гетмана имъ выбирать невозможно, и потомъ дѣи привеи мы полки сюда крѣкъ и хотѣли чрезъ мосты вмѣсто итти, тогда изъ замку выслали шесть пушекъ и оныя навели противъ насъ на мосты, которые уже прежде приходу нашего были у нихъ разбросавы, и того ради отошли мы по рекѣ ниже и какъ по берегу построились тогда выѣхали кнамъ иззамку пять человекък и объреку кричали чтобъ мы не ходили, а буде силою пойдемъ, то стануть бить, просили мы ихъ чтобъ кнамъ для разговору дали человекъ двухъ или трехъ и въ томъ отказали збранью и отѣхали прочъ, потомъ въ дву лоткахъ малыхъ переправили мы на ту сторону гравадировъ человекъ съ 50 что увидя тѣ кон при мостахъ съ пушками стояли, тотчасъ свеликою тревогою вгородъ побѣжали и намъ мосты очистили, которые направа стали мы чрезъ рѣку перебиратца и сея ночи совсѣмъ переберемса а вавтра з Божнею помощію будемъ чинить промыслъ, ибо никакой склонности къдору внихъ не является и такъ говорятъ, что хотять до послѣдняго человекъа держатца.»

Отъ того же къ тому же отъ Батурина изъ предмѣстья ноября 1-го. «Прошедшей ночи выслано было изъ крѣпости отъ воровъ кнамъ писмо ввторомъ объявляли извѣчайною своею политикою что они при первой своей вѣрности и насъ въ гварнизонъ пустить хотять толкобъ ихъ свободно со всѣмъ выпустить и натобъ дать имъ на три дня сроку, и какъ пришо утро, тогда не дождавшись отъ насъ на то свое писмо отповѣди начали по насъ стрѣлять испушекъ не видя никакова отъ насъ дѣйствія и посадъ кругомъ города зажгли; потомъ на выше-помянутое писмо написавъ отповѣдь послали мы къ нимъ съ Зажарскимъ съ тѣмъ чтобъ свободно выходили не боясь никакихъ опасностей и Зажорскаго въ крѣпость впустили и писмо наше вкругу прочли, на что сказали что отповѣди де намъ учинить неколи и хотѣли его Зажорскаго убить, потомъ выпустили ево вонъ сказавъ ему многими голосами, что мы де всѣ здѣсь помремъ и президиума въ городъ не пустимъ.»

Изъ Батурина, ноября 2-го. «Доношу вашей милости, что мы сего числа о шести часахъ пополуночи здѣшнюю фартецію зъ двухъ сторонъ штурмовали и подвучсномъ огню оную взяли.»

# БРАЗИЛІЯ

И

## ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.

---

Передъ нашимъ уходомъ изъ Монтевидео меня перевели на корветъ *Новикъ*. Клиперъ *Пластунъ*, на которомъ мы обогли почти весь свѣтъ, оставилъ я только что приподнявшимся съ одра болѣзни, послѣ килевки, въ ожиданіи принятія вынутыхъ котловъ. Послѣ тѣсноты клипера, корветъ показался мнѣ *Греть-Истерномъ*: такъ было на немъ просторно, свободно, комфортабельно. Еще яснѣе увидѣлъ я эту разницу, когда пришлось вытерпѣть четырехдневный памперо. На корветѣ, во время самыхъ сильныхъ порывовъ и ударовъ волнъ, можно было гулять по сухой палубѣ и любоваться на бушующее море, какъ изъ окна городской квартиры; на клиперѣ же пришлось бы дня четыре просидѣть закупореннымъ и время отъ времени получать на голову холодныя души морской воды, проникавшей даже сквозь законопаченныя люки, и дышать спертымъ воздухомъ съ примѣсью трюмнаго запаха. Если, желая освѣжить разболѣвшуюся голову, я выходилъ на верхъ, то на палубѣ былъ тотъ же океанъ; по ней катились волны, обдавая васъ брызгами и грозя унести съ собою.... Однако не заключайте изъ этого, что клиперъ не оставилъ

во мнѣ другихъ воспоминаній, кромѣ какъ о подобныхъ непріятностяхъ и неудобствахъ; напротивъ, много хорошихъ и свѣтлыхъ дней провелъ я на клиперѣ; память о немъ будетъ для меня отрадой надолго, и даже легкій контуръ граціознаго судна часто мелькалъ передо мною среди ясныхъ и темныхъ картинъ нашего далекаго плаванія. На немъ я познакомился съ моремъ, ему я вѣрилъ больше нежели другому судну, несмотря на его легкій и измѣнчивый характеръ; съ нимъ, какъ съ капризною женщиною, бывало бьются и хлопчуть наши моряки, то одѣвая его красивыми парусами, то подбирая ихъ въ разнообразныя складки; и вотъ, вытянется и развернется бывало наша красавица и летитъ птичкою, тринадцатю узлами плавнаго и покойнаго хода, доказывая свои права на званіе самого быстрого, морскаго судна. Низкій на водѣ, длинный, съ высокимъ рангаутомъ, съ большими, красивыми, угловатыми парусами, ныряя въ волнахъ, и быстро и легко всплывая на нихъ, клиперъ, конечно, представляетъ одно изъ красивѣйшихъ созданій кораблестроительнаго искусства. Какъ влюбленный мужъ забываетъ и прощаетъ капризы жены, когда видитъ ее въ хорошемъ расположеніи духа, такъ и мы прощали все нашему клиперу, и уже изъ одного этого сравненія можно заключить, что первыя мои впечатлѣнія на корветѣ не набрасывали тѣни на клиперъ. Если продолжать метафору, то корветъ пришлось бы сравнить съ женою положительною, толковою, съ характеромъ ровнымъ и неизмѣнчивымъ; она и домъ ведетъ аккуратно, и въ свѣтѣ бываетъ, гдѣ держитъ себя прилично и съ тактомъ; платья свои она не часто мѣняетъ, какъ и корветъ свои паруса; между тѣмъ какъ клиперъ то одно примѣрять, то другое, и никакъ не можетъ остановиться на чемъ-нибудь одномъ.

Мы вышли изъ Монтевидео, 8 мая, рано утромъ, вмѣстѣ съ корветомъ *Рында*, на которомъ развѣвался брантъ-вымпелъ отряднаго начальника. Я еще спалъ, когда начали сниматься съ якоря; меня разбудилъ непріятный, незнакомый звукъ, какъ будто изъ-подъ подушки вынимали что-то желѣзное, тяжелое и гремящее; въ просонкахъ я не догадался въ чемъ дѣло, но наконецъ понялъ, что канатные ящики, въ которые укладываются поднятыя съ якоремъ желѣзныя цѣпи, находились около моей каюты. Это укладыванье продолжалось часа два; я вспоминалъ съ сожалѣніемъ клиперъ, на которомъ сонъ мой ни разу не бывалъ прерываемъ подобными дисгармоническими звуками. Къ этимъ

звукамъ присоединились еще два фальшивые голоса металлических помпъ и наконецъ частые разговоры проходившихъ мимо матросовъ; отъ всего этого мы были удалены на клиперъ, вслѣдствіе особеннаго расположенія каютъ.

Скоро мы вышли изъ Лаплаты, имѣя попутный вѣтеръ, и стали направляться къ югу, чтобы спуститься въ болѣе низкія широты. Тамъ мы надѣялись получить свѣжій W вѣтеръ, который донесъ бы насъ до параллели Св. Елены, куда мы имѣли намѣреніе идти. На четвертый день засвѣжѣло; качка корвета показалась мнѣ безпокойнѣе нежели на клиперѣ, можетъ-быть съ непривычки; за то ни малѣйшей брызги не было наверху; въ каютѣ-компаніи свѣтло, и я не только могъ читать, но преспокойно писалъ. Штормъ, продолжавшійся сутки, совершенно измѣнилъ нашъ маршрутъ: треснула передняя мачта, а съ такимъ поврежденіемъ дальше идти было опасно. Стихнувшія бури дали намъ возможность укутать и забинтовать больную, наложивъ на нее безчисленное множество шкалъ и найтововъ. Рѣшено было идти на Екатерину, а если и тамъ не найдемъ средства къ скорому исправленію, то въ Рио-де-Жанейро, а оттуда въ Бахію; *Рында* же пошелъ прежнимъ путемъ, на Елену. Такимъ образомъ мы разлучились со всѣмъ нашимъ отрядомъ, до свиданія уже въ Европѣ; клиперъ оставили мы въ Монтевидео, и раскланивались теперь съ *Рындю*, которому, на прощаніе, салютовали. Погода стихала, какъ будто нарочно для того чтобы дать намъ время проститься, а къ вечеру задулъ снова штормъ, попутный для *Рынды* и противный для насъ; онъ продолжался четверо сутокъ: это былъ настоящий памперо! Сломанная мачта была такъ упутана, что выдержала борьбу съ страшнымъ врагомъ. Я часто вспоминалъ клиперъ, смотря на подступавшія подъ самый бортъ волны и по привычкѣ приготовляясь получить водяной ударъ, но волна не хватала выше борта; рѣдко, рѣдко брызнетъ, и упадетъ подъ килемъ судна. А штормъ былъ очень силенъ; бѣлыхъ гребешковъ на волнахъ не было; они не успѣвали образоваться, сдуваемые сильными порывами вѣтра, и безчисленными бѣлыми дорожками бороздили поверхность kloкoтaвшaгo океана; брызги неслись вихремъ надъ водою. Это же явленіе видѣли мы во время японскихъ тайфуновъ и во время сильнаго шторма у мыса Доброй Надежды. За штормомъ послѣдовало нѣсколько тихихъ и свѣтлыхъ дней; легкій вѣтерокъ по немногу подвигалъ насъ къ Екатеринѣ. 23 мая, съ утра, уви-

дѣли мы берегъ острова, который обогнули съ восточной стороны, чтобы съ сѣвера войти въ проливъ, отдѣляющій Екатерину отъ материка Южной Америки. Островъ представлялъ нѣсколько раздѣленныхъ долинами возвышенностей, по которымъ росли лѣса; мѣстами возвышенія эти представляли скалистые и песчаные откосы, мѣстами видѣлись на нихъ вырубленные поляны. Войдя въ проливъ, мы видѣли берегъ и острова, и материка; послѣдній былъ такъ близко, что можно было ясно разсматрѣть и домики, разбросанные по холмамъ, и деревья, и другія подробности картины. На небольшомъ скалистомъ островѣ, отдѣленномъ отъ материка узкимъ проливомъ, была крѣпость Санта-Крузъ и близъ нея рейдъ, на которомъ стояло нѣсколько военныхъ судовъ. Мы бросили якорь недалеко отъ крѣпости, не дойдя миль 12 до главнаго города Екатерины. За крѣпостью поднималась довольно высокая гора, покрытая лѣсомъ; у подошвы ея море образовало нѣсколько небольшихъ бухтъ, съ песчаными полосками; вблизи разбросано было нѣсколько домиковъ, выглядывавшихъ изъ-за густой зелени. По собраннымъ сейчасъ же свѣдѣніямъ, оказалось, что починка мачты здѣсь хоть и возможна, но сопряжена съ большими затрудненіями; надобно самимъ вырубать дерево, тянуть его съ горъ, обдѣлывать и пр. Тогда какъ въ Ріо Жанейро можно найти уже готовое дерево, и всевозможныя пособія. Времени терять было нечего; часа черезъ три мы снялись съ якоря, успѣвъ однако побывать на американскомъ берегу. Оставивъ вправѣ островокъ съ крѣпостью, мы высадились въ небольшой бухтѣ, выскочивъ на твердый песокъ; тутъ же начинался лѣсъ, расчищенный для нѣсколькихъ домиковъ, изъ оконъ которыхъ смотрѣли грязныя дѣти и какія-то безличныя фигуры. Близъ домиковъ росли зеленыя огавы, а не синія какъ въ Монтевидео и на Капѣ; около нихъ олеандры и какіе-то кусты съ красными листьями. Тропинка вела на холмъ, выступавшій мысомъ въ море и отдѣлявшій эту бухточку отъ другой; лѣсъ заглушалъ тропинку, тѣсаясь къ ней деревьями, перепутанными лианами. Мѣстами, въ чащѣ, видѣлась хижина окруженная апесильновыми деревьями или *капустною пальмою*, которую мы видѣли здѣсь въ первый разъ: она отличается отъ другихъ пальмъ утолщеннымъ въ серединѣ стволomъ. Обогнувъ другую бухту, тропинка снова поподала на холмъ, по камнямъ, и въ одномъ мѣстѣ совсемъ исчезла у полуразвалившагося домика, гдѣ мы едва отыскали ее у самой стѣнки, надъ обрывомъ. Съ трудомъ про-



бравшись черезъ это мѣсто, мы увидѣли кругомъ себя кофейныя деревья, ягоды которыхъ уже созрѣли и краснѣли въ зелени листьевъ, какъ наши вишни. Было жарко, а апельсины заманчиво золотились на темно-лиственныхъ, блистающихъ деревьяхъ. Отыскивать хозяина была бы трудно, да и не за чѣмъ: онъ вѣроятно не принялъ бы за вора того, кто взлѣзъ бы на апельсиновое дерево и сталъ рвать плоды. Въслѣдствіе этихъ соблаженій, одинъ изъ насъ полѣзъ на дерево и набросалъ намъ оттуда спѣлыхъ, сочныхъ и сладкихъ плодовъ; но съ высоты того же дерева онъ увидалъ шлюбочный флагъ, поднятый на брамстенгѣ нашего корвета, флагъ, требовавшій насъ на корветъ. А мы отошли отъ шлюбки далеко, и надобно было почти бѣгомъ переходить нѣсколько горъ, по камнямъ, чащѣ лѣса и по песку. Было тепло, что мы очень чувствовали, придя къ шлюбкѣ, на которой и отвалили немедленно.

Эта прогулка въ тропическомъ лѣсу, въ промежуткѣ разныхъ морскихъ сценъ, показала намъ какимъ-то сномъ, картиной, нарисованною воображеніемъ, и мы долго спустя вспоминали эту двухчасовую стоянку, промелькнувшую такъ фантастически. Туземцы пріѣхали къ намъ на шлюбкахъ, выдолбленныхъ изъ стволовъ огромныхъ деревьевъ, и навезли апельсиновъ, банановъ и даже индѣекъ.

Такимъ образомъ мы видѣли очень мало островъ Екатерины, хотя и много слышали о немъ; только выходя изъ пролива, могли мы снова пересчитать мысы его и возвышенности, но наступившая темнота лишила насъ и этого удовольствія... А островъ Екатерины стѣбитъ чтобы побывать на немъ. Растительность его до того разнообразна, что одинъ изъ его жителей представилъ на лондонскую выставку 300 родовъ различныхъ деревьевъ, годныхъ для красивыхъ подѣлокъ. Почти весь строевой лѣсъ Бразиліи получаетъ съ Екатерины. Въ чащѣ его дебрей живутъ макаки и попугаи; климатъ острова очень здоровъ, не слышно ни о какихъ болѣзняхъ. Главный городъ его служитъ мѣстомъ отдохновенія для китобоевъ; жителей на островѣ около тридцати тысячъ.

Живущіе на американскомъ берегу Бразилцы также наслаждаются всѣми благами превосходнаго климата, чудною природою и роскошью ея произведеній. Временами только нападаютъ на нихъ Индѣйцы и опустошаютъ ихъ колоніи.

Переходъ до Ріо Жанейро можно было назвать въ пол-

номъ смыслѣ тихимъ. 29 мая, послѣ обѣда, увидѣли мы замѣтныя точки берега, гору Карковадо и Сахарную Голову. Доманая линія горъ была очень разнообразна и общала много для ближайшаго разсмотрѣнія. Едва стало темнѣть, какъ блеснулъ маякъ на островѣ; надъ нимъ зажглась какая-то звѣзда, и такая свѣтлая, что когда на нее нашло небольшое облако, то она освѣтила его сзади, какъ молодая луна; облако пролетѣло, и звѣзда отбросила отъ себя яркую, длинную полосу на темной водѣ. Огонь маяка, то уменьшался до точки, то расширялся, то краснѣлъ; массы горъ темными тѣнями едва рисовались во мракѣ. Вотъ маякъ остался за нами, и мы идемъ между *Сахарною Головою*, правильнымъ конусомъ возвышающеюся у входа въ городъ, и крѣпостью Санта-Крусъ, едва бѣгущею на темныхъ скалахъ. Наконецъ по берегамъ обширной бухты заблестѣли тысячи огоньковъ, точно иллюминація въ большой праздникъ; огоньки правильными нитями тянулись горизонтально, обозначая собою улицы и набережную, сликъ верху, осыпали свѣтлыми блестками возвышенія, скрывались въ отдаленіи, опять виднѣлись на высотѣ, суживались, широко разсыпались и ярко играли на темномъ фонѣ горъ, долинъ и холмовъ. Казалось, по этимъ огонькамъ можно было нарисовать весь городъ; особенно красиво расположились они по округлости одного холма, кававшего во мракѣ подушкой съ натканными въ нее брилліантовыми булавами; между ними былъ одинъ огонекъ зеленый, а другой красный, какъ рубинъ.

Скоро мы стали на якорь, и долго еще любовались оригинальною картиною города. Мы готовы были сожалѣть, что не могли сейчасъ же уйти съ рейда, чтобъ унести съ собою неповрежденное представленіе этой волшебной картины...

На другой день мы увидали, что бухта Рио Жанейро еще лучше при солнечномъ освѣщеніи, что ей нечего укутывать себя мракомъ ночи, какъ сомнительной красавицѣ въ капিশенъ, вводящій въ искушеніе легковѣрныхъ.

Днемъ, картины, явившіяся передъ нами, были блистательны и описать ихъ очень трудно. Бухта, или скорѣе заливъ, углублялась болѣе чѣмъ на двѣнадцать миль въ материкъ, такъ что отдаленные берега ея едва виднѣлись; только въ ясный день рисовался на противоположной сторонѣ хребетъ горъ, съ остроконечными вершинами. Бухта усѣяна множествомъ острововъ и небольшихъ заливовъ, и видимыхъ и

скрытыхъ между холмообразными вершинами. Бухта суживается у входа, гдѣ конусообразный пикъ, называемый *Сахарною Головою*, выдвинулся впередъ, какъ бы желая сближаться съ лежащею на противоположномъ берегу крѣпостью, бѣлыя стѣны которой обнимаютъ нѣсколько гранитныхъ выступовъ. Тотчасъ за входомъ въ бухту, оба берега широко отступаютъ другъ отъ друга, образуя множество бухтъ и мысовъ и представляя совершенно различную мѣстность. Городъ Санъ-Себастьянъ, или Рио-де-Жанейро, расположился на лѣвомъ берегу, котораго возвышенія и неровности начинаются съ Сахарной Головы. Безчисленное множество домовъ, церквей и разныхъ строеній, тѣсно занимаютъ холмы, долины, узкіе проходы и пестрѣютъ въ самомъ картинномъ безпорядкѣ по ближнимъ и отдаленнымъ холмамъ; подробности картины, благодаря здѣшнему воздуху и солнцу, не пропадаютъ даже въ синевѣ отдаленія. Желтѣющія и бѣлѣющія стѣны домовъ, съ черными пятнами оконъ, колокольни, куполы церквей, заборы, крыши, ставни, балконы, все это перемѣшивается съ зеленью садовъ, или густою массою охватываетъ холмъ; потомъ, продолговатыми гирляндами спускается среди песчаныхъ осыпей къ долинѣ; среди массъ густой зелени и въ пестротѣ зданій, красуются отдѣльныя деревья или небольшія группы пальмъ и банановъ. Надъ этою неровною и разнообразною мѣстностью возвышается гора, оканчивающаяся пикомъ Карковадо, съ остатками какого-то строенія на самой вершинѣ, и протянувшаяся далѣе огромнымъ кражемъ, который весь покрытъ непрерывающимся лѣсомъ. Эта гора своею громадой не давила перваго плана холмистой мѣстности и не исчезала вдали туманнымъ облакомъ на горизонтѣ; она отстояла именно на столько, чтобы скрыть всѣ подробности своихъ выступовъ и ущелій, и вмѣстѣ занимать собою главный планъ картины. Иногда, какъ солнце заходило на чистомъ небѣ, какой-то золотистый туманъ покрывалъ эти горы, падалъ на долины, на холмы и на безчисленные домики, которые устѣяли зеленыя отлогости, или сплотнились въ одну массу въ долинахъ и углубленіяхъ.

Противоположный берегъ состоитъ изъ множества холмовъ, поросшихъ зеленью, съ городками и мѣстечками, расположенными у ихъ подошвы и вдоль береговъ, образуемыхъ капризною линіей бухтъ; холмы, красовавшіеся вблизи всѣми подробностями садовъ, гранитныхъ уступовъ, деревъ и поселе-

ній, по мѣрѣ удаленія, являлись то облитые золотомъ солнца, то подернутые синевою дади.

Глубина залива терялась въ отдаленіи, острова уходили и тонули въ прозрачномъ туманѣ, хребты горъ громоздились одни надъ другими, представляясь полувоздушными массаив; казалось, грубая матерія исчезала, линіи сглаживались, и осязаемый міръ переступалъ границу вещественнаго...

Близъ города нѣсколько острововъ заняты укрѣпленіями и адмиралтействомъ; между ними рейдъ со множествомъ судовъ, которыхъ снасти и мачты мѣшаются съ колокольнями и высокими домами набережной.

Мы стали довольно далеко отъ пристани и имѣли довольно времени насмотрѣться на представлявшійся ландшафтъ. Пристань деревянная, старая; на ней толпа негровъ въ толстыхъ рубашкахъ и панталонахъ, и множество тѣхъ фигуръ, которыя обыкновенно толкаются на пристаняхъ. Дома, выходящіе на набережную высоки, почти всѣ съ черепичными крышами, со множествомъ оконъ и вывѣсокъ; но нельзя не замѣтить, что и пристань и дома носятъ на себѣ печать какой-то ветхости. Трудно рѣшить, выкрашенъ ли угловой домъ, въ которомъ находится гостиница Фару, красною краской, или выстроенъ изъ какого-то краснаго матеріала. За угломъ его находится огромная, неправильная площадь, съ дворцомъ, съ двумя церквями, съ магазинами, рынкомъ и фонтаномъ, стоящимъ по срединѣ въ видѣ обелиска. Къ площади примыкаютъ узкія улицы съ высокими домами и съ спертымъ воздухомъ, слѣдствіемъ тѣсноты и сыраго, но жаркаго климата. Дома представляютъ довольно странный видъ своею пестротой; часто нижній этажъ выкрашенъ однимъ цвѣтомъ, а верхній другимъ; иногда пространство между двухъ оконъ покрыто одной краской, а слѣдующій простѣнокъ другою; такое же разнообразіе и въ карнизахъ, и на фризгахъ, и въ украшеніяхъ оконъ. Иногда на фасадѣ совершенно простаго дома являются два три окна, затѣйливо украшенныя колонками, расписанныя, съ гирляндами и съ другими хитростями. При этомъ, безчисленное множество балконовъ, тоже съ совершеннымъ отсутствіемъ симметріи. У оконъ зеленыя ставни, маркизы, и опять не вездѣ, но мѣстами, по вкусу каждаго. Крыши домовъ большею частію черепичныя, съ острымъ верхомъ; глухія боковыя стѣны тоже крыты черепицей. Вся эта пестрота, вмѣстѣ съ затѣйливыми вывѣсками, дѣлаетъ узкую и грязную

улицу довольно живописною. Церкви же, съ небольшими вариациями, выстроены все по одному образцу. Съ боковъ трехугольнаго фронтона поднимаются двѣ четырехугольныя колокольни, съ мавританскими куполами; множество лѣпныхъ арабесокъ по угламъ, вокругъ дверей, оконъ, и вездѣ, гдѣ только можно что-нибудь налѣпить. Внутри, тоже лѣпная и рѣзная работа, множество цвѣтовъ, матерій, безвкусно висящихъ наверху, много свѣчъ на высокихъ этажеркахъ, и небольшія фигуры святыхъ, совершенно одѣтыя и скрывающіяся въ нишахъ. Примающій къ площади рынокъ, состоитъ изъ четырехугольнаго каменнаго зданія съ выходами на четыре стороны; вдоль стѣнъ расположены лавки со всевозможною живностію, съ рыбой, попугаями, золотыми свинками, различною птицей, посудой и пр. Центръ рынка занимаютъ продавцы фруктовъ и зелени, группируясь вокругъ бьющаго по срединѣ фонтана. За лотками, заваленными апельсинами, бананами и танжеринами, сидѣли большею частію негританки въ своихъ живописныхъ костюмахъ; у многихъ были мѣтки на щекахъ, въ видѣ трехъ продольныхъ разрѣзовъ. Нѣкоторыя были очень привлекательны своею оригинальною красотою, съ большими тюрбанами на головахъ, съ голыми, полными руками, украшенными браслетами и кольцами, съ большими платками, которые красиво драпируются вокругъ ихъ стройнаго стана. Бѣольшая часть ихъ смотрѣли тѣми добрыми глазами, которые можно встрѣтить только у негровъ. Но у нѣкоторыхъ былъ и очень суровый взглядъ, который, вмѣстѣ съ тюрбаномъ на головѣ и яркими цвѣтами костюма, придавалъ имъ видъ чернолицыхъ Бобелинъ. Многія изъ нихъ совершали здѣсь же, на площади, свой туалетъ; одна изъ негританокъ расчесывала другою голову, и я долго смотрѣлъ на эту трудную работу; войлокообразная куафюра не легко поддавалась гребню! Бѣольшая часть торговокъ сидѣли подъ большими бѣлыми зонтиками и подъ парусинными навѣсами, устроенными отъ лавокъ, прозрачная тѣнь этихъ навѣсовъ, пестрота костюмовъ, фонтанъ, журчащій по срединѣ и множество фруктовъ и зелени,—все это придавало рынку какой-то восточный видъ.

Не желая ходить долго по солнцу, мы взяли на площади желтую коляску, запряженную двумя мулами, и сказали чернобородому Бразильцу, чтобы везъ насъ въ ботаническій садъ, къ которому надо было ѣхать черезъ Ботофого, то-есть почти черезъ весь городъ. Миновавъ нѣсколько узкихъ улицъ, на

перекресткахъ которыхъ строились какія-то подмости, мы выѣхали къ самому рейду, блеснувшему передъ нами гладью своихъ спокойныхъ водъ, въ которыхъ картинно отражались гранитныя скалы и тѣсно застроенные берега. Проѣхали большое зданіе съ серебрянымъ куполомъ, въ которомъ мы узнали *Мизерикордію*, огромный и превосходный госпиталь; потомъ опять углубились въ улицы, полныя лавокъ, движенія, суеты, духоты и смрада. Наконецъ начали показываться загородные дома, съ красивыми садами и рѣшетками; воздухъ сталъ чище, но насъ очень неприятно поражало страшное безвкусіе, являвшееся повсюду, гдѣ только замѣтна была рука человѣка, наперекоръ величественной и роскошной природѣ. То являлся передъ глазами домъ, въ видѣ нашей старинной изразцовой печки, весь выкрашенный голубыми и бѣлыми квадратиками, то цѣлая галлерей алебастровыхъ статуэтокъ наполняла небольшой цвѣтникъ съ китайскими понятіями о садоводствѣ; домикъ въ три окна ставилъ себѣ на крышу вазы съ какими-то вѣниками; фарнезскій Геркулесъ, съ отбитою рукою, выглядывалъ изъ-за воротъ, на столбахъ которыхъ лежали голубые львы; три Граціи мокли у фонтана, на которомъ безхвостый Тритонъ лилъ изъ раковины воду; изъ Музъ сдѣлали цѣлую аллею, заключивъ ее двумя высокими обелисками, основаніе которыхъ утверждено на четырехъ шарахъ. Почти каждый домъ и каждая улица, до самого Ботофого, какъ будто желали превзойдти другъ друга отсутствіемъ всякаго вкуса! И это въ виду такой мѣстности, среди такой природы!.. Гдѣ же ея вліяніе на человѣка!?. Какую чудную декорацію составляли горы и холмы, возвышавшіеся надъ домами, сколько разнообразія въ зелени, капризно убравшей уступы и неровности утесовъ! Какъ величественъ видъ Карковадо, выказывающаго свою остроконечную верхушку, когда близь-лежащіе холмы раздвинутся живописною долиною! Надъ домами съ неल्पыми украшеніями возвышаются живописные утесы, то покрытые зеленью и увѣнчанные густою рощею, то выступающіе голыми обрывами, которые испещрены слѣдами избороздившихъ ихъ потоковъ. Но вотъ передъ нами неподвижное, мертвое озеро; со всѣхъ сторонъ обставили его, разнообразныя гранитныя скалы, убранныя по округлостямъ кудрявою зеленью; конусъ Сахарной Головы возвышается надъ деревьями, рисуясь своею оригинальною фигурою; только одна темная трещина нарушаетъ

однообразіе его гранита. Вдоль берега, полукругомъ, расположились между красивою зеленью дома и мѣстечки; за ними тянутся холмы, покрытые лѣсами; далѣе пикъ Карковадо, и опять лѣса, поднимающіеся до самой вершины горъ, идущихъ въ даль. «Это Ботофого,» говоритъ полуобращаясь къ намъ Бразилецъ-кучеръ, останавливая своихъ муловъ. Видъ дѣйствительно былъ превосходный, и еслибы Батофого былъ въ Греціи или въ Италіи, сколько бы стиховъ написано было въ похвалу его! Въ сторонѣ отъ мѣстечка виднѣлось большое бѣлое строеніе; это былъ домъ сумашедшихъ. Дорога, обогнувъ бухту Ботофого, похожую на озеро, шла въ горы, и пройдя два-три ущелья, вилась уже по берегу дѣйствительнаго озера, которое показалось намъ бухтой, потому что дальній его берегъ былъ низокъ и едва едва виднѣлся надъ водою. Та же роскошная и причудливая природа, изъ горъ, лѣсовъ и исполинскихъ каменьевъ, составила красивую рамку для этого озера. Въ долину, примыкающей къ озеру, находится ботаническій садъ, который начинается великолѣпною пальмовою аллеей. Бѣлые и ровные стволы ихъ, украшенные зеленолиственными капителями, точно колонны египетскаго дворца или храма, находились въ равныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ и исчезали въ дальней перспективѣ. Съ каждой стороны было по 50 деревьевъ, и всѣ были одинаковой толщины и равнаго роста; по кольцамъ стволовъ можно было насчитать имъ больше ста лѣтъ; толщиною они были больше нежели въ обхватъ; капавшій изъ надрѣзовъ сокъ засыхалъ красными пятнами, что придавало стволу видъ кирпичнаго столба, обмазаннаго известкою, индѣ опавшею. Стволъ нѣсколько утончался наверху и переходилъ въ отдѣльные листья, наслоенные другъ на другъ; уже изъ этихъ листьевъ, перегнувшись на двѣ стороны, зеленою короной висѣли большіе перистые листья. Эта пальма привезена сюда изъ Африки, и ее называютъ здѣсь императорскою пальмой. Въ саду соединена, кажется, вся тропическая растительность. Около небольшого пруда, отдѣльными кустами, растетъ граціозный бамбукъ, съ своею легкою зеленью, качающійся при небольшомъ вѣтеркѣ; по куртлинамъ посажены чай, коричневое дерево и гвоздика; два или три хлѣбныя дерева, небольшого роста, мѣшаютъ свою блестящую зелень съ тамариндами и акаціями. Нѣсколько колибри порхали съ одного куста на другой... Человѣкъ съ живымъ воображеніемъ подумалъ бы, что зашелъ въ

земной рай. Около сада былъ небольшой трактирецъ, гдѣ мы спросили позавтракать. На бѣду нашу, хозяйка оказалась Француженкой съ претензіями навкусъ и знаніе въ живописи. Въ-сто того чтобы поспѣшить удовлетвореніемъ нашихъ законныхъ требованій, она пустилась въ разсужденія о Буше, а главное о томъ, что у нея, во Франціи, есть двѣ оригинальныя картины Буше, и что за нихъ давали ей 100.000 франковъ, но она не рѣшилась разстаться съ ними, потому что онѣ *des tableaux de famille*.

Назадъ мы ѣхали довольно печально; мулы нѣсколько разъ останавливались, и кучеръ часто соскачивалъ съ козелъ, подтягивалъ упряжь, и обманувъ кратковременнымъ отдыхомъ скотовъ своихъ, снова садился, гикалъ, и порядочно стегалъ ихъ бичомъ. Едва добрались до города. Было уже не такъ жарко, и мы пошли ходить по улицамъ. Прошли знаменитую улицу *Oucidor*; блистающую французскими магазинами, въ которыхъ видѣли много цвѣтовъ, сдѣланныхъ изъ перьевъ колибри и другихъ птицъ. Ходили и по узкимъ улицамъ, гдѣ атмосфера была такъ тяжела; но нигдѣ почти вовсе не было видно женщинъ, а тѣ, которыя намъ встрѣчались, лучше бы сдѣлали, еслибы не показывались вовсе. Чаще всего попадаются негры, у которыхъ въ лицахъ большое разнообразіе. Всѣ они обыкновенно несутъ что-нибудь на головѣ, идя кадансированнымъ шагомъ, и всегда что-то бормоча сквозь зубы. Къ вечеру много негровъ попадалось съ кадками на головахъ, и улицы стали невыносимы... Старческія лица негровъ отличаются сліяніемъ добродушія съ веселостію. Попробуйте посмотрѣть на негра и немного улыбнуться,—какимъ добродушнымъ смѣхомъ отвѣтитъ онъ, замотавъ своею шершавою головой, и выказывая свои зубы въ неизмѣримомъ ртѣ! На улицѣ попадаются часто мулаты различныхъ степеней, отъ негритянской фізіономіи до бронзоваго красиваго лица, выжженнаго и высушеннаго тропическимъ солнцемъ. Въмѣстѣ съ переменною въ чертахъ, и самый костюмъ становится постепенно болѣе европейскимъ. Дѣвушка еще кофейнаго цвѣта и съ вьющимися волосами уже носитъ кринолинъ, тюлевые и рюшевые воротнички, легкія шляпки; а молодой мулатъ съ тросточкой и въ круглой шляпѣ щеголяетъ не меньше какого-нибудь *commis* французскаго магазина. Встрѣчая кровную негритянку въ ея красивомъ костюмѣ, я всегда смотрѣлъ ей на ноги; въ башмакахъ ли она, потому что только свободная имѣеть



право носить башмаки; вслѣдствіе этого, босоногія носятъ такія длинныя юпки, что рассмотреть ихъ ноги бываетъ довольно трудно; за то свободная негритянка, если ей бываетъ жарко, тяжело и неловко въ башмакахъ, несетъ ихъ въ рукахъ, чтобъ ее не смѣшивали съ невольницами... Бразильцы, такъ же какъ и жители Монтевидео и Буэносъ-Айреса, особеннаго типа не имѣютъ. Не совсѣмъ чистый португальскій типъ, въ бразильскомъ климатѣ поглубѣль и почерствѣль отъ солнца и испарины, и представляетъ теперь, почти безъ исключенія, очень будничныя, чтобы не сказать пошлыя лица. Всѣ подобныя лица годятся на провинціальныя сцены играть разбойниковъ, погонщиковъ муловъ, содержателей одинокихъ трактировъ среди гористыхъ дорогъ и т. п. Болѣе образованные носятъ большія бороды, черный цвѣтъ которыхъ набрасываетъ новую тѣнь на худощавыя морщинистыя лица. Но съ мужчинами еще помириться можно, женщины же положительно всѣ дурны собой... Становится какъ-то жалко смотрѣть на здѣшнихъ женщинъ; подумаешь, будто наложена печать гнѣва Божія на всю страну! И хорошо, что ихъ такъ мало видно на улицѣ.

Подъ вечеръ мы зашли въ монастырь бенедиктинцевъ, старинное зданіе, стоящее на возвышеніи. Къ нему вела дорога различными извилинами, какъ-будто въ укрѣпленіе; по обѣимъ сторонамъ вокругъ монастыря, по стѣнамъ, расположены террасы съ деревьями и цвѣтами. Церковь была заперта, а встрѣтившій насъ монахъ, съ бритою макушкой, указавъ пальцемъ на дворъ, куда мы и пошли, снявъ предварительно шляпы. Дворъ былъ устланъ плитами, на которыхъ насѣчены эпитафіи лежащимъ подъ ними братьямъ; кругомъ двора шли крытыя галереи. Поднявшись по лѣстницѣ, мы очутились въ большомъ корридорѣ, идущемъ вокругъ всего зданія; по угламъ его были залы съ дубовыми скамейками и съ почернѣвшими отъ времени масляными картинами, на которыхъ изображены были эпизоды изъ жизни какихъ-то почетныхъ монаховъ. Вдоль корридора расположены кельи, въ которыхъ помѣщались братья бенедиктинскаго ордена, отличающіеся большими животами и выбритыми макушками, какъ наши крестьяне Пензенской губерніи. Изъ окна безмолвнаго монастыря, на городъ, открывался одинъ изъ самыхъ живописныхъ видовъ Рио-де-Жанейро. Подъ ногами пестрѣли зданія съ своими черепичными крышами, нагроможденные

другъ подѣ друга дома (дворовъ въ Рио нѣтъ), съ церквами, гаванью и рейдомъ; все это множество камня и черепицы пропадало въ долинахъ, между зеленѣющими красивыми холмами; горы, возвышаясь надъ городомъ, спускались лѣсами къ долинѣ, на встрѣчу поднимавшимся къ нимъ другимъ зданіямъ. Сахарная Голова одною своею верхушкой торчала изъ-за возвышенія, на которомъ устроенъ телеграфъ. Съ моря шелъ пароходъ, и дымъ его мѣшался съ дымомъ снующихъ по рейду маленькихъ пароходовъ, которые ходятъ въ Санъ-Доминго и Ботофого, каждыя полчаса.

Садившееся солнце обливало золотистымъ туманомъ эту разнородную картину, стушевая скалы и горы, крыши и колокольни. Нѣтъ словъ, чтобы передать всѣ нѣжныя и безчисленныя переливы тоновъ и цвѣтовъ, которые съ такою гармоніей были разлиты въ представлявшейся картинѣ. Когда стало темнѣть, на каждомъ перекресткѣ мальчишки начали пускать ракеты, бросать бураки и разныя петарды, которыя разрывались подъ носомъ проходящихъ съ невыносимомъ трескотней. Часто изъ оконъ лѣтели на улицу начиненные порохомъ сюрпризы и разсыпались огненными фонтанами. Смердъ становился ночью еще нестерпимѣе, потому что улицы наполнялись неграми, съ кадками на головахъ, которыя замѣняютъ въ Рио помойныя ямы. Странаясь, чтобы пропустить одного, вы сталкиваетесь съ другимъ, и, только благодаря ловкости и опытности негровъ, кадки эти не падали съ ихъ головъ и не обливали проходящихъ.

Таковы впечатлѣнія нашего перваго дня, проведеннаго въ Рио-Жанейро.

На другой день мы поѣхали въ Тижуко.

Надо было перевалиться черезъ хребетъ горъ, поднимающихся близъ города. Дорога потянулась по ущелью, въ гору, и пройдя по возвышенной горной долинѣ, спустилась въ низменную, къ берегу моря. Мы взяли верховыхъ лошадей, и болѣе часа не могли выбраться изъ города и его предмѣстій. По эту сторону города было тоже много загородныхъ домовъ, испещренныхъ изразцами, статуэтками и вазами. Видны издали дворецъ императора, Санъ-Кристофъ, въ которомъ онъ живетъ въ настоящее время, а въ лѣтніе жары онъ удаляется со всѣмъ дворомъ въ Петрополисъ. Ѣхали вдоль конной желѣзной дороги, которая шла до половины пути въ Тижуко; по ней катились уродливые дилижансы, нагруженные огром-

нымъ числомъ пассажировъ. Деревья все больше и больше захватывали себѣ мѣста, по мѣрѣ удаленія отъ города, то красуясь въ садахъ, то скрывая какой-нибудь холмъ; наконецъ совершенно завладѣвъ мѣстностію, они затопляли своею разнообразною листвою и горы и долины. Съ того мѣста, гдѣ кончилась желѣзная дорога, начались подъемы, устроенные впрочемъ очень искусно зигзагами, и съ каждымъ поворотомъ открывался новый превосходный видъ, главными элементами котораго были двѣ поднимавшіяся надъ нами горы, покрытыя непроницаемымъ лѣсомъ, и разстилавшіяся подъ нами долины съ ихъ холмами, городомъ и дальнею бухтою. Часто попадались одинокіе домики, между которыми было нѣсколько трактировъ, о чемъ возвѣщали вывѣски, съ намалеванными указательными пальцами, и виднѣвшіеся въ открытыя окна сервированные столы. Иногда, у самыхъ ногъ, являлись обрывы и пропасти, откуда слышался, доносимый звучнымъ эхомъ, шумъ бѣгущихъ ручьевъ. Лошади наши были очень кротки, смиренны, и вѣроятно очень привычны къ поѣздкамъ въ Тижучо; особенно выказывали онѣ свое близкое знакомство съ трактирами, останавливаясь положительно передъ каждымъ изъ нихъ и съ неохотою отходя отъ заманчивой калитки въ дальнѣйшій путь. Иногда какія-нибудь особенно граціозныя картинки представлялись посреди общей, живописной мѣстности; но мы не останавливались, желая скорѣе увидать водопады Тижучо. Когда шумъ бѣгущихъ внизу ручьевъ особенно громко раздавался среди ущелья, вниманіе настраивалось, но водопадовъ еще не было видно, и только картины, проважавшія насъ, становились все живописнѣе. Перевалившись черезъ хребетъ, мы спустились въ долину, образуемую другими горами; вдали виднѣлся широкій, гранитный уступъ, по которому стекали внизъ два или три ручья. Можетъ-быть это и не былъ водопадъ Тижучо, а какой-нибудь другой, однако мы не пропустили по дорогѣ ни одного встрѣчнаго, чтобы не спросить: это ли Тижучо? Для этого мы указывали пальцемъ впередъ, кивали головой, и придавали голосу вопросительное выраженіе, произнося: Тижучо, на что всякій указывалъ пальцемъ по тому же направленію и, утвердительно кивая головой, проговаривалъ: Тижучо!... По всѣмъ этимъ даннымъ, видѣнный нами водопадъ надобно было принять за Тижучо. Воды въ немъ было мало, шуму большаго паденія его не производило, но за то близъ него развертывалась такая грандіозная картина, что она не потеряла бы рѣшительно ничего,

еслибы водопада вовсе не было. Горы, покрытыя непроходимыми лѣсами, раздвинувшись въ обѣ стороны, образовали циркообразную долину, среди которой блестяло сталью тихое и гладкое озеро Тижуко, окаймленное изумрудною зеленью окружавшихъ его садовъ и лѣсовъ. Мѣстами, по холмамъ, видѣлись плантаціи съ бѣлыми строеніями, ярко рисовавшимися на темной зелени. Лѣса поднимались на горы, какъ бы желая перерости ихъ гранитные пики, и каждое дерево ясно рисовалось въ чистомъ прозрачномъ воздухѣ со всѣми подробностями. Ущелья темнѣли зеленью; а вдали видѣлось безпредѣльное море. Мы не жалѣли, что съѣздили на Тижуко. На возвратномъ пути заѣхали въ одинъ изъ трактировъ, около котораго была обширная кофейная плантація, и кофе высушивался на особенно-устроенныхъ каменныхъ платформахъ. Трактиръ содержалъ Англичанинъ, слѣдовательно для обѣда былъ назначенъ извѣстный часъ, котораго нужно было дожидаться; а мы проѣхали верстъ тридцать по горамъ и долинамъ, устали и проголодались порядочно. Чтобы сократить время, мы ходили на кухню, гдѣ негръ-поваръ готовилъ очень усердно и подавалъ намъ большія надежды на достоинство обѣда, выходили пять разъ на плантацію, хотѣли даже перевести часы, только это не удалось, потому что какой-то желтоватый господинъ ходилъ по комнатамъ и вѣроятно пожаловался бы хозяину. Когда оставалось не болѣе четверти часа, мы съѣли за столъ и расположились рѣшительно; это произвело должное дѣйствіе, намъ подали обѣдъ пятью минутами раньше; на главномъ мѣстѣ усаѣлся тотъ самый желтый господинъ, котораго мы боялись.

Проѣхавъ то мѣсто, откуда дорога начинается спускаться къ долинѣ Рио-Жанейро, мы увидѣли еще одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ пейзажей. Бухта съ своими островами сливалась вдали съ небомъ; острова казались облаками, плававшими въ золотистомъ туманѣ; красиво расположился городъ между холмами; живописно видѣлась дорога по ущельямъ, спускаясь подъ гору между деревьями и камнями и пропадая въ ущельѣ. Все это было хорошо, но было бы обыкновенно безъ чуднаго освѣщенія, которое разрисовывало такъ отчетливо всѣ подробности ландшафта. Тутъ были холмы совершенно фіолетоваго цвѣта, другіе какъ будто изъ чистаго золота, и въ этой золотой массѣ виднѣлась мягкая зелень деревъ, граціозный контуръ какой-нибудь пальмовой рощи. Въ доказательство того, что этотъ

ландшафтъ дѣйствительно хорошъ, его можно найти въ любой картинной лавкѣ въ Рио-Жанейро, къ сожалѣнію обезображеннымъ до послѣдней крайности.

Познакомившись съ окрестностями Рио-Жанейро, мы нѣсколько усѣлись и принялись за изученіе страны, или по крайней мѣрѣ за разспросы обо всемъ замѣчательномъ, чѣмъ я и подѣлюсь съ вами.

Положеніе негровъ въ Бразиліи до 1850 года было ужасно, какъ отъ трудности работы, такъ и жестокости и необразованности плантаторовъ. Хозяева Бразиліи опытомъ дознали, что выгоднѣе истощать силы негра до послѣдней крайности и мѣнять его чаще чѣмъ сохранять силы одного и того же человѣка, не замѣщая его новокупленнымъ; плантаторъ же Сѣверной Америки, по ихъ понятію, плохой хозяинъ: онъ кормить своего негра и дорожить имъ! Понятно, какія слѣдствія веди за собою подобныя разчеты Бразильцевъ. Подвозы грузовъ *чернаго товара*, находя на бразильскихъ берегахъ безчисленныхъ покупателей, увеличивались съ каждымъ годомъ, и Англія, въ 1845 году, вынуждена была выйти изъ границъ международнаго права, издавъ билль, по которому преслѣдованіе торговли негровъ не ограничивается однимъ океаномъ, а должно распространяться на берега и рѣки. Каковы бы ни были цѣли Англіи, но слѣдствія были благодѣтельные. Вслѣдствіе этого билля, бразильское правительство рѣшилось прекратить постыдный торгъ, и въ 1850 г. вступило въ союзъ съ Англіей, и Бразилія, даже больше другихъ націй, стала ревностною гонительницею торговли негровъ. Мнѣ говорили, что съ 1850 года ни одно судно съ невольниками не выгрузилось у береговъ Бразиліи; что всѣ занимавшіеся этимъ торгомъ обанкротились, потеряли суда и купленный товаръ. Бразилія, возставъ противъ привоза негровъ, какъ баснословный Пеликанъ, рвала свои внутренности; она лишала себя рабочихъ рукъ, главнаго условія своей будущности. Одаренная природою всеми богатствами земли, Бразилія находится въ положеніи Тантала, безсильнаго сорвать висящій надъ нимъ зрѣлый плодъ. Колонизація Европейцевъ идетъ медленно; ихъ пугаютъ и бывшія войны, и самые законы страны; такъ напримѣръ, колонистъ, если онъ не католикъ, не достигнетъ никакихъ важныхъ мѣстъ на службѣ, а хотябъ онъ былъ и католикъ, то только дѣти его пользуются всеми мѣстными правами, какъ и дѣти негровъ, мулаты. Хозяева огромныхъ кофейныхъ плантацій часто не могутъ убрать

своего плода, за недостаткомъ рукъ; золотыя россыпи и кепи алмазовъ остаются неразработанными, потому что къ нимъ нѣтъ дорогъ, а дорогъ не къмъ продлить. Но если вынужденная или добровольная мѣра прекращенія ввоза негровъ, пока оказывается не выгодною, то въ нравственномъ отношеніи она ставитъ Бразилію на высоту самыхъ просвѣщенныхъ державъ, а нравственное начало едва ли можетъ быть причиною паденія государства. Всѣ приведенныя выше невыгоды мало-по-малу будутъ уменьшаться, и Бразиліи, кажется, можно предсказать прочную будущность, если только законы ея станутъ на одной высотѣ съ ея послѣднею государственною мѣрой — прекращеніемъ привоза негровъ.

Къ сожалѣнію, всѣ бывшіе невольники не освобождены и остаются попрежнему въ полномъ владѣніи хозяевъ, хотя законъ и далъ имъ нѣкоторыя права. Убіиство негра во всякомъ случаѣ считается за убійство человѣка; наказанія, которымъ можно подвергать негра, ограничено, но больше на словахъ нежели на дѣлѣ: законъ опредѣляетъ не больше 50 ударовъ, а плантаторы отсчитываютъ ихъ какъ бывало иные наши становые, которые, давъ предварительно 200 или 300 розогъ, начинали считать, и насчитывали дѣйствительно 50, и еще въ продолженіи экзекуціи спрашивалъ иной: такъ ли? Если же не такъ, пожалуй начнетъ считать снова. Въ исправительныхъ домахъ, которые довольно хорошо содержатся въ Рио-Жайнеро, на виновныхъ надѣваютъ жестыя маски, чтобы лишить арестанта удовольствія разговаривать; употребляютъ колодки, цѣпи и проч. Одно отдѣленіе исправительнаго дома назначено для наказанія невольниковъ розгами; кто бы изъ владѣльцевъ ни послалъ туда раба для наказанія за грубость или непослушаніе (самыя важныя изъ преступленій рабовъ), его наказываютъ немедленно, и днемъ и ночью, и содержатъ насчетъ заведенія столько времени, сколько владѣлецъ пожелаетъ. За непослушаніе и дерзость сбьютъ розгами, надѣваютъ жестыя маски, желѣзные ошейники, привѣшиваютъ чурбаны, и заковываютъ въ цѣпи (преимущественно бѣглыхъ); жестыя маски надѣваются часто на лица городскихъ невольниковъ за пьянство, а тѣмъ изъ нихъ, которые работаютъ въ копяхъ, для того чтобы не бѣли земли: страсть негровъ бѣсть сырую землю, грязь, здѣсь общая, а между тѣмъ пища эта развиваетъ чахотку, лихорадку и разныя другія болѣзни, часто даже причиняетъ скорую смерть.

Въ настоящее время, въ Бразиліи, свободный черныи или му-

дать, при энергіи и талантѣ, можетъ подняться до высшаго общественнаго положенія, какого собрать его въ Сѣверной Америкѣ никогда не достигаетъ. Съ 1850 г. торгъ Африканцами кончился, и хотя у владѣльцевъ, къ сожалѣнію, не выкуплены прежде приобрѣтенные ими рабы, но цѣна на невольниковъ возрасла быстро, и обхожденіе съ ними стало лучше, особенно съ городскими; вмѣстѣ съ этимъ освобожденіе стало много доступнѣе для каждаго. Всякій невольникъ можетъ идти въ судъ и внести за себя опредѣленную сумму; можетъ потомъ, если имѣетъ способности и знанія, занять всякое офиціальное мѣсто; только не можетъ быть сенаторомъ. При всемъ томъ примѣры жестокаго обращенія съ неграми, особенно на плантаціяхъ, не рѣдки, что доказывается частымъ самоубійствомъ рабовъ, чего не случается въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки. Можетъ-быть это происходитъ и отъ того, что негры Соединенныхъ Штатовъ происходятъ отъ людей, которые уже много испытали, привыкли къ своему положенію больше, и почти воѣ безъ исключенія христіане; вообще негры Соединенныхъ Штатовъ нравственно выше своихъ дикихъ африканскихъ собратій.

Многіе образованные люди, съ которыми мы встрѣчались въ Бразиліи, получившіе воспитаніе въ Парижѣ или Коимбрѣ, были африканскаго происхожденія; предки ихъ были рабы. Обширнѣйшая типографія въ Рио-Жанейро принадлежитъ мулату; въ коллегіяхъ медицинской, юридической и богословской, нѣтъ различія цвѣта, хотя нельзя не сказать, что нѣкоторое предубѣжденіе въ пользу чисто-бѣлыхъ существуетъ и здѣсь. Бразильское общество, къ чести его сказать, не исключаютъ изъ своей среды ни мулатовъ, ни черныхъ; но тѣмъ не менѣе положеніе благовоспитанныхъ людей африканскаго происхожденія далеко не завидно и здѣсь; не говоря о томъ, что не скоро исчезнуть совершенно общественные предразсудки, не легко этимъ людямъ видѣть своихъ собратій въ неволѣ, съ ошейниками, въ цѣпяхъ, съ масками на лицахъ...

Домашніе слуги въ городахъ одѣты прилично, но ходятъ всегда босые, и въ этомъ знакъ ихъ рабства. Въ трактирахъ и на судахъ существуютъ разныя цѣны, одни для людей «съ истоптанными башмаками», *caltados*, другія, «для босоногихъ», *descalcos*. Во многихъ богатыхъ домахъ проходишь среди толпы маленькихъ кудрявыхъ головокъ, обладатели которыхъ почти безъ всякой одежды; имъ позволяютъ прибѣ-

гать въ домъ для забавы гостей. Мужское поколѣніе черныхъ живетъ въ городѣ на открытомъ воздухѣ; одежда, едва защищающая ихъ отъ непогодъ, груба и грязна; сотни негровъ шагаютъ постоянно по улицамъ съ широкими плетеными корзинками, готовые нести какой угодно тюкъ, тогда какъ здѣшній бѣлый слуга обидится, если ему дадутъ хотя малѣйшій узелокъ. Вслѣдствіе этого, негры всегда находятъ работу и высылаются господами на улицу для заработка денегъ, часть которыхъ откладывается на ихъ содержаніе. Слуги спятъ ночью въ чуланахъ, на рогожкахъ, и за малыми исключеніями содержатся плохо; можетъ-быть поэтому между ними встрѣчаются нерѣдко случаи *elephantiosis* и другихъ болѣзней, развивающихся отъ нерадѣнія или отъ невозможности лечиться.

Въ Рио-Жанейро черные принадлежатъ къ различнымъ племенамъ, враждебнымъ между собою въ Африкѣ, и сохраняютъ свои обычаи, свой языкъ, все свое. Люди изъ племени Мина постоянно остаются магометанами, между тѣмъ какъ другіе принимаютъ христіанство; есть много и идолопоклонниковъ. Киддеръ, въ 1839 г., присутствовалъ при похоронахъ, происшедшихъ съ тѣми же любопытными обрядами, какъ и въ Африкѣ. Амулеты между ними въ большомъ употребленіи; въ каждой корзинкѣ съ фруктами непременно найдется амулетъ; самый употребительный изъ нихъ—кусокъ древеснаго угля, о которомъ негръ не пропуститъ сказать, что онъ предохраняетъ отъ дурнаго глаза, порчи и т. п. Нѣкоторые знаютъ великій секретъ достигнуть значительнаго сана и даже продлить жизнь... Эти знахари называются *saraciros*. Бывали случаи, что въ извѣстные ихъ праздники они бѣгали ночью по улицамъ, нападали на встрѣтившагося чернаго и убивали его; бѣлыхъ избѣгали, зная, что это не пройдетъ даромъ.

Иногда встрѣчаются негры изъ тѣхъ частей Африки, съ которыми мы лишь не давно познакомились, по описаніямъ неустрашимыхъ путешественниковъ, Ливингстона и Барта. Носильщики кофейныхъ грузовъ—лучшій народъ изъ всѣхъ черныхъ въ Бразиліи; они почти всѣ изъ племени Мина, съ береговъ Бенина; большею частію атлетическаго сложенія и понятливѣе негровъ. Работаютъ они полунагіе, и жилистыя, мускулистыя формы ихъ тѣла съ черною какъ уголь кожей, выказываются особенно, когда они, легкою рысью, бѣгутъ за новымъ грузомъ, повидимому безпечные и довольные... За эту работу имъ платятъ очень хорошо.



Вообще всѣ негры имѣютъ здѣсь обыкновеніе выкупать того изъ своихъ собратій, котораго особенно уважаютъ. Въ Рио-Жанейро есть теперь одинъ Мина замѣчательнаго роста; его называютъ принцемъ, и онъ дѣйствительно царской крови; онъ былъ взятъ въ плѣнъ на войнѣ и проданъ Бразильцамъ; его выкупили товарищи; онъ возвратился на родину, снова пошелъ на войну, опять взятъ въ плѣнъ, и опять попалъ въ Бразилію. Всѣ эти несчастія не произвели однако на него сильнаго впечатлѣнія. Онъ необыкновенно силенъ и носить такія тяжести, на которыя въ Сѣверной Америкѣ потребовались бы три, если не четыре человѣка негровъ. Мина—плохіе слуги, можетъ-быть потому что не терпятъ принужденія, и что имъ нужно дышать свободнымъ воздухомъ; они стараются попасть въ кофейные носильщики, а жены ихъ въ разнощицы (*quitandeiras.*) Въ Бахін ихъ очень много, и въ 1838 г. они произвели въ городѣ кровопролитное возстаніе.

Надобно замѣтить, что въ Бразиліи не одни Бразильцы владѣютъ рабами. И Нѣмцы, и Французы, и даже Англичане, не смотря на строгое запрещеніе своихъ законовъ, имѣютъ невольниковъ. Въ 1843 г. вышелъ въ Англій законъ, строго воспрещающій Англичанамъ владѣть невольниками. За нарушение этого закона виновный отвѣчаетъ своимъ имѣніемъ, а если будетъ имѣть невольника въ англійскихъ владѣніяхъ, то предается уголовному суду.

Желающій узнать въ самомъ Рио-Жанейро что-нибудь о желтой лихорадкѣ, услышитъ самыя противоположныя толки. Въ интересахъ торговли, многіе здѣшніе жители, даже страдавая сами желтою лихорадкой, не хотятъ признать ее; правительство беретъ ихъ сторону и печатаетъ официальные объявленія о благополучномъ состояніи общественнаго здоровья, тогда какъ болѣзнь еще свирѣпствуетъ въ грязныхъ кварталахъ города. За мѣсяцъ до нашего прихода министерство иностранныхъ дѣлъ увѣряло англійскаго посланника въ прекращеніи эпидеміи, между тѣмъ какъ она была еще и при насъ. Съ другой стороны, люди, боящіеся болѣзни, разказываютъ такіе факты, какіе могутъ быть созданы только сильно возбужденнымъ воображеніемъ; чтобы познакомиться съ этими фактами, надобно поѣхать въ Петрополисъ, куда удаляются всѣ боящіеся лихорадки. Здѣсь услышишь такія вещи о желтой лихорадкѣ, что невольно будешь удивляться, какъ остался живъ, самъ пробывъ столько дней въ заразительномъ городѣ. Всего

благоразуміе не вѣрять ни тѣмъ, ни другимъ, а стараться самому найти какъ-нибудь истину.

Желтая лихорадка въ первый разъ появилась, въ Бразиліи, въ декабрь 1849 или въ январь 1850 года, и была тогда особенно сильна въ приморскихъ провинціяхъ, и преимущественно въ Рио-де-Жанейро. Эпидемія 1850 года, сравнительно съ другими годами, была несравненно сильнѣе; но вообще всѣ страшные разказы о ея опустошеніяхъ преувеличены. На 7.000.000 народа умерло 14.000 въ продолженіи года, и изъ нихъ 4.000 въ Рио-Жанейро (гдѣ 300.000 жителей). Въ Новомъ Орлеанѣ, въ августѣ мѣсяцъ 1853 г., умерло 5269, на 100.000 жителей. Но въ Рио-Жанейро изъ 300.000 человекъ народонаселенія исключаютъ негровъ и Бразильцевъ, и тогда конечно 4.000 умершихъ придутся на нѣсколько десятковъ тысячъ иностранцевъ, между тѣмъ какъ желтая лихорадка также точно поражаетъ и Бразильца, и Негра. Наконецъ во время эпидеміи половина города Новаго Орлеана убѣгаетъ и поселяется въ окрестностяхъ. Болѣзнь продолжалась до 1854 года, въ продолженіи котораго умерло только четыре человека. По случаю прекращенія эпидеміи министръ представилъ любопытный рапортъ, въ которомъ пишетъ, что прекращеніемъ эпидеміи должны быть обязаны неусыпнымъ попеченіямъ медицинской полиціи. Такъ какъ большое количество купеческихъ иностранныхъ судовъ, стоявшихъ на нашемъ рейдѣ, были постояннымъ фокусомъ заразы, то назначенъ былъ особенный пароходъ (health-steamer), который немедленно перевозилъ заболѣвавшихъ въ морской госпиталь Хурухуба, гдѣ они и получали самую скорую помощь. Этотъ госпиталь, назначенный преимущественно для заболѣвающихъ желтою лихорадкой, достоинъ всякихъ похвалъ. Въ теченіи 1854 года, изъ числа 1627 больныхъ (далеко не одного желтою лихорадкой) умерли 40, а въ 1854 году, какъ я уже сказалъ, умерло только четыре человека отъ желтой лихорадки. Въ 1857 году болѣзнь возобновилась и продолжается до сихъ поръ, усиливаясь въ лѣтніе мѣсяцы, то-есть въ январѣ, февралѣ и мартѣ, и почти исчезая въ зимніе.

Не столько сама желтая лихорадка, сколько толки о ней имѣютъ большое вліяніе на приходящихъ въ Рио-Жанейро купцовъ. Наши Финляндцы, разчитывая къ открытію навигаціи быть въ Финскомъ заливѣ, постоянно посѣщаютъ Рио въ январѣ и февралѣ, и потому теряютъ половину своей команды,

что конечно отвращаетъ ихъ отъ торговли бразильскимъ лѣсомъ, который можно покупать не только въ самомъ городѣ, но и во внутреннихъ провинціяхъ, среди непроходимыхъ дѣбрей, несмотря на всѣ трудности сообщеній. Еслибъ они больше были знакомы съ явленіями желтой лихорадки, то приходили бы сюда въ другое время.

Петрополисъ, куда уезжаютъ люди осторожные и благоразумные, а главное достаточные, находится въ сорока миляхъ отъ Рио-Жанейро, на горѣ <sup>1</sup>, покрытой непроходимыми лѣсами и называемой *Corrego Secco*. Въ послѣднее время небольшой городокъ, основанный въ 1845 году, благодаря лѣтнему пребыванію тутъ императора, порядочно выросъ; въ немъ теперь уже 5257 жителей, состоящихъ преимущественно изъ нѣмецкихъ колонистовъ, вызванныхъ дономъ-Педро II. На высококъ *Corrego Secco*—климатъ европейскій, умеренный, иногда даже холодный, и городъ, благодаря этимъ условіямъ, съ каждымъ годомъ развивается. Поѣздка въ Петрополисъ очень любопытна; сначала пароходъ идетъ почти черезъ всю бухту, мимо безчисленныхъ острововъ и заливовъ; длинный островъ губернатора долго тянется съ лѣвой стороны, выказывая всю грацію своихъ выступающихъ мысковъ и бухтъ, обросшихъ пальмами и разными другими тропическими деревьями. Мѣстами нѣсколько голыхъ камней высовываются изъ воды, въ контрастъ лежащимъ рядомъ съ ними островамъ съ богатою растительностію. Постепенно приближающійся берегъ выказываетъ высокую цѣпь остроконечныхъ горъ; по обѣимъ сторонамъ тянутся красивые берега широко раздавшейся бухты. Часа черезъ два пароходъ останавливается у пристани, и публика пересаживается въ вагоны желѣзной дороги, которые минуть черезъ пять трогаются и мчатъ съ ужасною быстротой, среди чащи непроницаемаго лѣса. Поѣздъ влетаетъ въ ущелья, выскакиваетъ изъ нихъ, сильно наклоняясь на косогорь; мимо глазъ мелькають ущелья, холмъ съ бѣлымъ домомъ, близь котораго бросаются въ глаза четыре громадныя пальмы, не уступающія пальмамъ ботаническаго сада, мелькаетъ грязный домишко, на который легла всею своею массой густая растительность распространяющагося лѣса, сначала мелкаго, а потомъ, къ верху горы, гигантскаго. Черезъ двадцать минутъ поѣздъ

<sup>1</sup> Высота этой горы больше 3-хъ тыс. фут.

останавливается у подошвы горъ, поднимающихся до облаковъ. Желтыя и красныя кареты, запряженныя въ четыре мула, ждутъ здѣсь пассажировъ съ ихъ саками, чемоданами, палками и сигарами. Кучера, большею частію Нѣмцы, суетятся, стараясь удовлетворить справедливымъ требованіямъ каждаго; берутъ къ себѣ на козлы вещи, мѣшающія ногамъ, перекликаются между собою, и когда всѣ кареты (а ихъ кажется пять) готовы, все усажено и улажено,—начинается хлопанье бичей и поощрительные крики, вслѣдствіе которыхъ вислоухія животныя начинаютъ подниматься въ гору. Дорогу устраивалъ, какъ видно, человекъ очень искусный; она обходитъ холмы зигзагами, постепенно поднимаясь, не круче какъ подъ угломъ въ 25°; каменная стѣнка защищаетъ дорогу отъ встрѣчающихся безпрестанно обрывовъ и пропастей; сама дорога крѣпко убита щепнемъ и пескомъ. Горы и холмы, на которые мы взбирались, были покрыты непроходимымъ лѣсомъ, перепутаннымъ діянами и другими вьющимися растеніями; лѣсъ наполнялъ всѣ пропасти и ущелья, которыя представлялись при каждомъ поворотѣ; часто изъ этой густой массы зелени вырѣзывались гранитныя конусообразныя скалы; сначала на нихъ смотришь снизу, потомъ онѣ являются уже у ногъ, какъ гранитныя острова среди моря зелени. Лежащая внизу долина съ желтою лентой желѣзной дороги, съ бухтою и обставляющими ее горами, у подошвы которыхъ бѣлѣтся отдаленный городъ, какъ будто поднявшійся на высоту вмѣстѣ съ нами, вся эта картина надолго должна остаться въ памяти каждаго, кто хоть нѣсколько способенъ чувствовать красоты природы.

Ландшафтъ, постепенно развивающійся, становился грандіознѣе по мѣрѣ взѣзда на гору; денной, яркій свѣтъ начиналъ смѣняться болѣе мягкимъ и теплымъ вечернимъ освѣщеніемъ; солнце садилось сзади тѣхъ самыхъ горъ, на которыя мы поднимались, вслѣдствіе чего ровная, густая тѣнь покрывала темные лѣса, спускавшіеся у нашихъ ногъ въ ущелья; кое-гдѣ гранитныя вершины скалъ горѣли краснымъ отблескомъ. Гдѣ кончалась тѣнь, золотистый эфиръ затопилъ подробности отдаленнаго ландшафта, горы Рио, Карковадо и Сахарная Голова лиловыми легкими облаками рисовались на горизонтѣ, разнообразныя острова бухты казались тоже составленными изъ пара, и бухта наполнена была какъ будто не водою, но газообразнымъ легкимъ веществомъ; золотистые туманы плавали по отдаленному небу, и все это оживлялось безпре-

рыннымъ измѣненіемъ освѣщенія. На значительной высотѣ, по уступамъ горы, разбросаны бѣлые дома съ навѣсами, подъ которыми ѣли свою вечернюю порцію мулы; явились и различныя подробности хозяйства: надъ живописнымъ ущельемъ, съ роскошнымъ лѣсомъ, скалами и обрывами, повисъ коровій хлѣвъ, на золоченой лазури неба рисовались хомуты и збруя. Въ этихъ мѣстахъ мѣняють муловъ, или кормятъ ихъ, если останавливаются большіе караваны, направляющіеся во внутреннія провинціи. Кромѣ этихъ станцій, попадались и жилые домики. Вечерній, золотистый свѣтъ начиналъ блѣднѣть и холодѣть, розовыя воздушныя громады горъ окрашивались какимъ-то стальнымъ холоднымъ цвѣтомъ; воды бухты какъ будто застыли, облака повисли тяжело надъ ними; между холмовъ и долинъ, у насъ подъ ногами, началъ подниматься туманъ. Покамѣсть перемѣняли муловъ на одной изъ станцій, мы успѣли сѣсть нѣсколько сандвичей и выпить по чашкѣ кофе; времени было столько, что можно было и напиться до пьяна, что доказалъ одинъ изъ нашихъ кучеровъ. Прежде чинно и правильно слѣдовавшіе другъ за другомъ экипажи начали мѣшаться и путаться: пьяный непремѣнно хотѣлъ обогнать нашего кучера, молодого бѣлокурого Нѣмца; бѣлокурый не хотѣлъ уступить, и мы скакали надъ провалами и ущельями, все больше и больше окутываемые темнотою наступившей ночи. Послѣ двухъ-часовой очень скорой ѣзды, мы наконецъ поѣхали по плоскости, лежавшей между высокими холмами. Здѣсь, разбросанными кучками, расположился городъ Петрополисъ. Мы остановились въ *Восточной гостиницѣ*, которую рекомендуютъ всѣ русскіе путешественники, потому что ее содержитъ говорящій по-русски Турокъ; здѣсь слово: восточный, употребляется въ смыслѣ европейскаго. Турокъ не только по-русски, но ни на какомъ языкѣ не умѣлъ говорить, и, судя потому, что уже двадцать лѣтъ какъ онъ оставилъ Константинополь, можно быть увѣрену, что онъ забылъ и по-турецки; ко всему этому, толстыя губы его едва пропускали слова.

На другой день утромъ намъ привели верховыхъ лошадей, и мы поѣхали осматривать водопадъ Итамарита. Проезжая городомъ, мы увидѣли, что улицы его расположены между покрытыми лѣсомъ холмами; мы видѣли также дворецъ императора и облака, гулявшія по пустыннымъ улицамъ, изъ чего заключили, что если Петрополисъ самое здоровое, то вмѣстѣ и

самое скучное мѣсто; здѣсь надобно выѣхать изъ порядочнаго лабиринта ущелій, чтобы наконецъ увидѣть какой-нибудь ландшафтъ. Дома богатыхъ владѣльцевъ потонули въ садахъ, по отдѣльнымъ долинамъ; чтобъ отыскать кого-нибудь, приходится обогнуть нѣсколько холмовъ и надобно твердо знать дорогу. Къ водопаду ведетъ живописная тропинка, переходящая черезъ довольно высокій хребетъ. Среди густаго, едва проходимаго лѣса, на каждомъ шагу останавливаютъ васъ особенности здѣшняго растительнаго царства, которое развернулось здѣсь во всей своей роскоши. Тропинка сначала поднимается зигзагами, огибаешь нѣсколько ущелій, спускается внизъ, снова поднимается, постоянно заглушаемая разнообразною листвою деревьевъ, перепутанныхъ ляннами. Легкіе листья папоротника или короны пальмъ мѣстами высались надъ круглящимися вершинами другихъ деревьевъ. Съ высоты холмовъ виднѣлись внизу грозоздѣющіеся домики Петрополиса, исчезавшіе въ зелени. Выѣхавъ въ новое ущелье, мы почувствовали прохладу отъ сгустившейся надъ нами зелени, висѣвшей совершенно непроницаемымъ ковромъ; длинныя плети и веревки ляннъ, какъ снасти корабля, спускались внизъ, какъ будто прикрѣпая деревья къ землѣ. Тысячи насѣкомыхъ и птицъ жужжали и щебетали въ густахъ, вѣтви часто задѣвали за лицо, и длинныя тонкіе прутья какого-то высокаго и перегнувагося внизъ тростника слегка били насъ сверху въ своемъ эластическомъ качаніи. Иногда слышался ручей, гдѣ-то невидимо журчавшій. Вотъ снова послышался звукъ текущей между камнями воды; надъ широкимъ ручьемъ очутились деревья, образовавъ непроницаемый сводъ; черезъ ручей переброшенъ деревянный мостъ, почти невидимый въ густой тѣни, а на небольшой освѣщенной яркимъ солнцемъ площадкѣ стояла скамейка; мы слѣзли съ лошадей и сдѣлали привалъ. Широкая струя воды, расплывшись еще шире въ гранитномъ бассейнѣ, стремительно падала съ обрыва и разбивалась брызгами, встрѣчая въ паденіи своемъ выступавшія неровности и раздвѣляясь на безчисленные каскады; потомъ снова расплывалась въ широкомъ бассейнѣ и снова низвергалась величественнымъ водопадомъ въ глубокую зіяющую пропасть. Лѣсъ съ обѣихъ сторонъ отступилъ, какъ будто съ удивленіемъ смотря на капризную игру ручья. По тропинкамъ мы спустились внизъ, сначала на первую ступень каскада, потомъ и на самое дно ущелья и, усѣвшись на камнѣ, до котораго доле-

тали брызги, долго смотрѣли на величественную картину природы. Я воспользовался минутою, чтобы набросать кое-какъ эскизъ каскада, а товарищъ мой С. П. П., очень непосѣстный человекъ, отправился караюкаться по скаламъ; вотъ онъ взлѣзъ на дерево, висящее надъ вторымъ паденіемъ каскада и явился надъ моею головою; иногда онъ вдругъ останавливался, какъ вкопанный, неподвижно и долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, можетъ-быть подъ вліяніемъ какого нибудь новаго впечатлѣнія. .. Часа два мы пробыли здѣсь, наслаждаясь природою, и возвращались домой новыми тропинками, подтѣню того же величественнаго и живописнаго лѣса.

Достаточно было провести одинъ день въ Петрополисѣ, чтобы хорошенько осмотрѣть самый городокъ; но чтобы видѣть всѣ красивыя мѣста его окрестностей, на это мало мѣсяца, а такъ какъ мѣсяца мы не имѣли въ своемъ распоряженіи, то, переночевавъ еще ночь подъ одною кровлей съ Туркомъ, мы пустились въ обратный путь, вставъ рано утромъ, когда свѣтъ только что начиналъ гулять по долинамъ и холмамъ высокаго города. Подлѣзавъ къ спуску съ горъ, мы увидали всю лежавшую внизу долину покрытою густымъ туманомъ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прорѣзывали высокія гранитныя вершущи горъ. Облака, бродившія внизу, нагоняли другъ друга, сходились и расходились, открывали на короткое время какую-нибудь часть долины и снова соединялись въ холодную непроницаемую массу. Надъ нами же небо было чисто, и всѣ подробности горъ, съ которыхъ мы съѣзжали, рисовались съ поразительною отчетливостью. По дорогѣ намъ попался длинный караванъ слѣдовавшихъ другъ за другомъ, навьюченныхъ муловъ; при нихъ было нѣсколько погонщиковъ въ шляпахъ, съ широкими полями и въ курткахъ; вся наружность ихъ какъ-то шла къ горному виду, и длинная палка черезъ плечо и черная борода на загорѣломъ лицѣ, все это было очень живописно. Эти караваны отправляются съ товарами внутрь страны, туда, гдѣ промываютъ золото и добываютъ алмазы, и возвращаются ровно черезъ годъ. Путь ихъ — тропинки по первобытнымъ лѣсамъ и горамъ, пересѣкающимъ Бразилію; пища — соленое и сушеное мясо, котораго приготовленіе мы видѣли на буэносъ-айресскихъ *саладерахъ*. Мулы будутъ находить кормъ у себя подъ ногами. Товары, преимущественно красные, крѣпко запакованы въ кожаныхъ вьюкахъ. Мулы, тихимъ и ровнымъ шагомъ, шли другъ за дру-

гомъ, длинною вереницей раставувшись по извиистой дорогѣ, поворотовъ десять которой намъ было видно сверху. На станціонныхъ дворахъ, гдѣ мы въ прошлый разъ видѣли отдыхавшихъ муловъ, караваны снаряжались въ путь, увязывались вьюки, и видно было сильное движеніе.

Сѣхали мы съ горы, конечно, втрое скорѣе нежели взбирались на нее. Та же желѣзная дорога дончала насъ до парохода, и также пароходъ доставилъ насъ къ деревянной пристани, противъ бенедиктинскаго монастыря, около военного порта.

Мы осмотрѣли потомъ почти весь противоположный берегъ бухты, на которомъ также свои города и мѣстечки. Туда каждые полчаса ходитъ пароходъ, всегда нагруженный пассажирами, и возвращается точно также полный публикой. Берегъ этотъ, не имѣя высокихъ и коническихъ вершинъ своего *vis-à-vis*, весь состоитъ изъ различной величины холмовъ, покрытыхъ разнообразною зеленью и удивительно счастливо расположенныхъ. Нѣкоторыя бухты далеко углублялись между холмовъ, составляя совершенно замкнутыя озера, окаймленные живописными берегами, много холмообразныхъ острововъ примыкало къ берегу, образуя безчисленные проливы, бухты, затишья, ландшафты, которые спорили другъ съ другомъ въ прелести. По берегамъ большихъ бухтъ тянулись бѣлыя зданія городовъ; на каждомъ островѣ было какое-нибудь строеніе, или церковь, или домъ, или кладбище. Одинъ островъ весь убранъ пальмами, у другаго вся сторона ярко-красная отъ листьевъ какого-то растенія, очень часто украшающаго рѣшетки домовъ Рио-де-Жанейро; иногда изъ-за холма выставлялась грандіозная декорация противоположнаго берега съ Сахарною Головою, Каркавадо, и живописнымъ городомъ, слегка подернутымъ синевою дымомъ. Самый большой городъ этого берега называется Прауа Гранда или Mitherohy (прежнее названіе всего залива); въ немъ прямыя улицы, лавки, аптеки, трактиры и все какъ слѣдуетъ. Не далеко отъ него, ближе къ выходу, Санъ Доминго, съ скалистыми мысомъ Прауа де Сагау. Отсюда представляется единственная суровая картина на всей бухтѣ: видно нѣсколько безобразныхъ гранитовъ, торчащихъ изъ воды, о которые биваются бѣловатые буруны, и видна довольно большая бухта, въ углубленіи которой находится госпиталь Хурухуба, одно имя котораго наводитъ страхъ на всякаго жителя Рио-де-Жанейро.

Всѣ другіе мысы этой бухты выступаютъ голыми и мрачными скалами. На этотъ берегъ мы вѣдвали и на пароходѣ, ко-



торый высаживаетъ пассажировъ у пристани на своемъ баркасъ, когда былъ благопріятный вѣтеръ. На своей шлюбкѣ мы посѣщали самыя замаскированныя бухты, существованія которыхъ и не подозрѣвали.

Самый городъ, кромѣ своихъ ежедневныхъ явленій, какъ-то негровъ на рынкѣ и по улицамъ, вечерняго газоваго освѣщенія, дающаго ему по вечерамъ такой фантастической видъ, и разнообразныхъ монаховъ, — ничего не представлялъ особеннаго. Только по воскресеньямъ, на улицахъ, замѣтно было особенное движеніе. Давно приготовлявшіяся по угламъ улицъ эстрады получили окончательный видъ. Мѣстами стояла полковая музыка; гвардейская форма мундировъ довольно красива и напоминаетъ нашу, время императора Александра I. У часовенъ церквей замѣтно было особенное стеченіе народа, и уже днемъ тысячи ракетъ летѣли съ площадей и перекрестковъ, и попадали съ страшнымъ шумомъ и трескомъ. По справкѣ оказалось, что въ этотъ день будетъ большая процессія Св. Антонія, особенно чтимаго въ Бразиліи, и котораго во время какой-то войны *произвели въ генералы!*... Смѣшавшись съ разнообразною толпой, мы съ часъ ждали у выхода императорской часовни, куда собирались участники процессіи, съ дѣтьми, одѣтыми херувимами; много такихъ дѣтей, съ крылышками за спиной и съ золотыми коронами на головахъ, встрѣчали мы на улицѣ.... Заиграла музыка, зазвонили въ колокола, и потянулся попарно длинный рядъ знаменъ, хоругвей, распятій, свѣчь, дѣтей, клериковъ, семинаристовъ въ бѣлыхъ рясахъ, дьяконовъ, священниковъ и проч. Народъ сталъ на колѣна, и съ каждаго перекрестка полетѣли букеты ракетъ, а съ приготовленныхъ эстрадъ заиграла музыка. Мы, видѣвшія японскія религиозныя церемоніи, съ великолѣпіемъ которыхъ врядъ ли что можетъ сравниться, не долго слѣдовали за этою процессіей. Насъ удивило только то, что между сотнею фантастически одѣтыхъ дѣтей, конечно, изъ лучшихъ бразильскихъ семействъ, не только не было ни одного хорошенькаго личика, но большая часть были или кривобокіе, или горбатые, болѣзненные, безобразные. Всѣ эти дѣвочки будущія матери семействъ: какихъ же дѣтей должно ожидать отъ нихъ?... У выхода процессіи толпился народъ; впередъ всѣхъ протолкалась негрятка, конечно, свободная, потому что на ней была щегольская розовая шляпка и отличное голубое шелковое платье. Выходившія изъ церкви пары часто останавливались, поджидая

другихъ, и одинъ вѣроятно очень важный чинъ, въ красномъ балахонѣ, подѣ которымъ замѣтна была осанка нашего, по крайней мѣрѣ, статскаго совѣтника, несшій свѣчу, о чемъ-то задумался, и крупныя горячія капли воска быстро закапали на великолѣпное шелковое платье негритянки... Надобно было видѣть какою яростью вспылала она!... точно львица, которой наступили на хвостъ! Красный балахонъ, несмотря на свой санъ, нѣсколько сконфузился, выслушивая справедливую и громкую, вѣроятно, очень выразительную брань черной щеголихи.

Бывшая въ наше время въ Рио-Жанейро итальянская опера перессорилась съ театральною дирекціей, и сказывалась больною, въ лицѣ примадоны, нашей петербургской знакомой Медори, вслѣдствіе чего по вечерамъ мы ходили въ *café chantant* гдѣ давались небольшіе водевили по-французски до того глупые, что именно это и составляло главный ихъ интересъ. Въ одной пьесѣ фигурировали все Китайцы, въ другой Испанцы. Одинъ разъ намъ удалось увидать на сценѣ русскаго помѣщика *comte Ostrogoff*, къ которому въ деревню поселились, подѣ видомъ гувернера и гувернатки, маляръ и постоянная посѣтельница баловъ *Mabile*, чуть ли не изъ *Rue Joubert* № 4. Графъ отъ нихъ въ восторгъ; за маляра отдаетъ дочь, а на гризеткѣ женить сына, давая имъ по нѣсколько сотъ тысячъ приданого и 15 *cozaks de gratification*.

Несмотря на пошлость шутки, въ ней кое-что было вѣрно и, главное, очень смѣшно. Гувернантка между прочимъ учить свою ученицу танцовать *sansal* подѣ видомъ качучи. Содержатель театра старательно справлялся: не обидѣлись ли мы, Русскіе, игранныю шуткой, тогда какъ мы отъ души смѣялись и едва ли не больше всѣхъ. Въ португальскій театръ я ходилъ, чтобы посмотрѣть бразильскаго императора. Донъ-Педро II очень красивый мужчина. Когда онъ входитъ въ ложу (во фракъ и со звѣздой), публика встаетъ и кланяется. Лицо его отличается аристократическимъ отпечаткомъ; красивая русая борода и усы отбѣняютъ довольно большой, но красивый ротъ. Императрица, сестра неаполитанскаго короля, толстая и высокая женщина весьма обыкновенной наружности. Въ другой разъ я видѣлъ императора въ Итальянской оперѣ. Дѣло съ дирекціей какъ-то уладилось, и пѣвцы, накануне нашего отхода, рѣшились дать всѣмъ надѣвшаго *Trovatore*. Общество города, недовольное вообще правительствомъ, любить

лично донна-Педро. Говорятъ, онъ удивительно добръ, раздаётъ почти все свое содержаніе бѣднымъ и нуждающимся, а между тѣмъ очень бережливъ на государственныя деньги; онъ доступенъ для всякаго; всѣ идутъ въ его дворецъ съ увѣренностію, что просьба будетъ принята, и должно сказать, что съ его именемъ соединяются какъ успѣшное окончаніе внѣшнихъ дѣлъ Бразиліи съ Розасомъ, низложеніе тирана, уничтоженіе торговли негровъ, такъ и созданіе бразильскаго флота, постройка госпиталей, желѣзныхъ дорогъ и всего, чѣмъ можетъ теперь похвалиться Бразилія. Онъ родился здѣсь, и ребенкомъ оставленъ былъ отцомъ своимъ. Бразилія смотритъ на него какъ на своего сына, и гордится имъ. Но всѣ эти утѣшительныя черты отношеній народа къ государю имѣютъ свою изнанку. Дѣла самаго государства представляются не въ привлекательномъ свѣтѣ. Оставаясь гуманнымъ и благороднымъ человѣкомъ, донъ-Педро лишенъ административной способности и энергіи; въ то время какъ онъ самъ едва живетъ на своемъ добровольно-скудномъ содержаніи, его министры безсовѣстно воруютъ и истощаютъ государство. вмѣстѣ съ этимъ, появившаяся желтая лихорадка и прекращеніе привоза негровъ парализируютъ силы Бразиліи. Въ послѣднее время, несмотря на огромный урожай, кофе вздорожалъ оттого что не было кѣмъ убирать его. Пришедшія суда не могли дать требуемой суммы за кофе, заставались на рейдѣ Рио-Жанейро и теряли половину командъ отъ желтой лихорадки. Финансовое положеніе страны тоже не завидно. Едва Бразилія подумала объ отложеніи отъ Португаліи, какъ уже впадала въ долгъ. Трактатомъ 29 августа 1825 г., заключеннымъ при посредничествѣ Англіи, Португалія признала независимость Бразиліи, вслѣдствіе чего послѣдняя обязывалась выплатить Португаліи 1.000.000 фунт. стерл. для уплаты португальскаго займа, сдѣланнаго въ 1823 году у Англіи. Увеличивавшіяся требованія новаго государства увеличивали и бюджетъ его, между тѣмъ какъ главныя силы его въ послѣднее время были потрясены и остановлены закономъ противу привоза невольниковъ. Бахія и Пернамбуко, постоянный центръ недовольныхъ, не замедлятъ поднять голосъ, и Бразилія должна ожидать потрясеній. По всей вѣроятности, она останется побѣдительницей, потому что въ томъ, чѣмъ она временно повредила себѣ, лежитъ справедливое и гуманное начало.

Дворецъ императора находится за городомъ въ мѣстечкѣ Санъ-

Кристовайо; отъ него превосходный видъ на Карковадо и городъ. Садъ, примыкающій къ нему, удивительно хорошъ. Особенно замѣчательны въ немъ аллеи бамбуковъ, совершенно темныя отъ стрѣльчатого свода перекрестившихся между собою тростниковъ. Это длинныя и темныя корридоры, прохладныя во время самыхъ жаркихъ дней. Въ саду много террасъ, скверовъ и вѣтвь куртинъ съ фруктовыми деревьями. Дорожки не отличаются особенною чистотою, и на статуи и другія украшенія, какъ видно, немного потрачено денегъ, что даетъ саду видъ нѣкоторой запущенности, отчего онъ выигрываетъ еще больше. По камнямъ, близъ оградъ, множество ящерицъ грѣлись на солнцѣ и быстро исчезали при нашемъ появленіи.

Треснувшая мачта нашего корвета была замѣщена новою, и мы, послѣ 12 дней стоянки на рейдѣ Рио-Жанейро, снялись рано утромъ, 11 іюня, съ якоря, и, съ туманомъ и дождемъ, вышли изъ великолѣпной бухты, живописныя подробности которой вѣроятно не скоро изгладятся изъ памяти. Намъ оставался еще одинъ бразильскій портъ, старая столица португальской колоніи, Бахія, или Санъ Сальвадоръ. Обогнувъ мысъ Фриу, у скалъ котораго разбилось когда-то судно, имѣвшее на шесть милліоновъ груза, мы скоро получили попутный вѣтеръ и совершили очень счастливый переходъ. 16 іюня, съ утра, мы уже увидѣли берегъ, тогда какъ всѣ рассчитывали пробить въ морѣ не меньше десяти дней. Надобно замѣтить, что когда приходишь на мѣсто вдвое скорѣе того, какъ рассчитывалъ, то въ душѣ рождается какое-то очень пріятное чувство, точно награду получилъ, или кто-нибудь похвалилъ. «А вѣдь мы молодцы! Догоняй-ка теперь насъ французскій фрегатъ *Альцестъ* (*Альцестъ* двумя днями поздиѣ насъ хотѣлъ выйти изъ Рио). Какъ бы уйдти до его прихода. То-то было бы славно!...» *Vanitas vanitatum!* Что намъ *Альцестъ*, и что мы ему?... А все-таки мы молодцы, оттого что, вмѣсто десяти дней, *вѣтеръ* доставилъ насъ въ пять...

Показался небольшой клочокъ земли, мало возвышенной, съ маякомъ; это была крайняя точка длинной косы, образующей съ едва-виднымъ материкомъ обширную бухту Всѣхъ Святыхъ, открытую Американцемъ Веспучіо. За маякомъ потянулся берегъ, не болѣе возвышенный чѣмъ правый берегъ Дяъпра, на которомъ расположился Кіевъ. Но если русскій городъ поражаетъ подъѣзжающихъ своею красотою,

то Бахія, затопленная растительностію, какая только можетъ быть въ широтѣ 13 градусовъ, на материкѣ Южной Америки, не поразить, но понравится еще больше. Выше города ничего нѣтъ, ни горъ, ни дали... Весь ландшафтъ расположился на одномъ планѣ возвышеннаго берега, сначала густо поросшаго ярко-зеленою, пышною растительностію, изъ массы которой поднимаются старинныя колокольни монастырей и домъ; висящія надъ моремъ террасы, обрывы, зелень, спустившаяся густыми массами къ самому морю, разбросанныя хижины, старый, почти почернѣвшій отъ времени монастырь, рисующійся на свѣжемъ зеленомъ холмѣ,— все это составляетъ превосходный ландшафтъ; далѣе строенія заглушили зелень; кое-гдѣ только виднѣется она, вмѣстѣ съ сосѣднимъ гранитнымъ утесомъ, на какой-нибудь площади верхняго города, гдѣ столпились разнообразныя зданія со множествомъ оконъ. Домъ стоитъ на домѣ; вотъ поднимается фронтонъ старой церкви; каменные лѣстницы виднѣются надъ домами, выше опять нагроможденные другъ на другъ дома, и переросшіе ихъ три высокіе ствола пальмъ, качающихъ свои верхушки надъ куполами монастырей и шпицами какихъ-то зданій. Замѣтнѣе всѣхъ поднимаются, у самаго берега, пять совершенно похожихъ другъ на друга домовъ въ пять, или шесть этажей; ихъ не давить и множество строеній, находящихся надъ ними на горахъ. Видъ города очень напоминаетъ Кіевъ, только Кіевъ католическій, а не православный. Ничто не даетъ столько фізіономіи городу какъ церкви; въ Бахіи ихъ можетъ быть больше нежели въ Кіевѣ; здѣсь и теперь резиденція бразильскаго епископа. Чемъ выше мѣстность, тѣмъ зданія чаще; дома и церкви такъ тѣсно сжаты, что издали кажется, будто между ними нѣтъ ни проѣзда, ни прохода. Далѣе мѣстность опять понижается, выступая впередъ длинною низменною косою, покрытою строеніями и зеленью; на концѣ коса немного возвышена и образуетъ холмъ, на которомъ построена церковь съ двумя бѣлыми башнями, видными издалека; отсюда самый лучший видъ на городъ. Противъ города находится крѣпость, говорятъ, самая сильная въ Бразиліи.

Мы бросили якорь и, наскоро пообѣдавъ, поѣхали на берегъ. Вмѣстѣ съ пароходами и другими судами современной постройки, на рейдѣ было около сотни шлюбокъ, напоминав-

шихъ собою средневѣковыя галеры; своими тонкими, косыми мачтами, онѣ очень шли къ средневѣковой физиономіи города. Строенія, стоявшія у самаго берега, составляли такъ-называемый нижній городъ, въ противоположность верхнему, находящемуся на горѣ. Въ нижнемъ сосредоточена торговля и всякая дѣятельность; тутъ военный портъ, верфь, рынки, казармы; улицы узки, длинны и темны отъ высоты домовъ. У самой пристани рынокъ, какое-то захолустье, куда надобно входить смотря подъ ноги, съ извѣстною предосторожностью. На этомъ рынкѣ нагромождены плетенныя корзины съ курами, индѣйками, всевозможные плоды, попугаи, обезьяны, и все это продаютъ живописныя негрятки въ красивыхъ костюмахъ. На улицѣ, кромѣ негровъ, рѣдко кого увидишь. Вдругъ слухъ поражается страшнымъ крикомъ, котораго никогда и нигдѣ не слыхалъ; догадываешься, что должно быть негры несутъ что-нибудь; и дѣйствительно, изъ узкаго и грязнаго переулка, идущаго какою-то кривою линіей, показывается толпа чернокожихъ рабочихъ, несущихъ на длинномъ бревнѣ огромную бочку; идутъ они, плотно сомкнувшись другъ съ другомъ, и выступаютъ не въ ногу; потъ льется съ ихъ шершавыхъ головъ, бронзовые мускулы напряжены, и сѣтка жилъ, какъ у кровныхъ лошадей, выступаетъ наружу. Изъ ихъ широкихъ ртовъ вырываются дикіе звуки, смѣшивающіеся съ тяжелымъ дыханіемъ сильнаго истомленія. На перекресткахъ ждуть крытыя паланкины, точно такіе, вѣроятно, въ какихъ разносили гостей Капулета послѣ знаменитаго маскарада. Негры бросаются на васъ, какъ наши извозчики, кричатъ, хватаютъ и почти силою втаскиваютъ въ свой экипажъ; на верху паланкина придѣлана палка, за которую берутся два негра, и несутъ въ верхній городъ. Идти туда, среди бѣлаго дня, подъ зѣвшимъ солнцемъ тяжело и даже опасно; изъ всякаго переулка, изъ-за каждаго угла, поднимаются испаренія, отравляющія организмъ, а тропическое солнце довершить отравленіе; ничто такъ неопасно, въ тропическихъ странахъ, какъ солнце: кромѣ своихъ собственныхъ ударовъ (*coup de soleil*), оно имѣетъ какое-то непонятное, тайное участіе въ зараженіи человѣка. На тропическое солнце не надо показываться безъ защиты, и никакъ не слѣдуетъ уставать подъ этимъ солнцемъ. Поэтому мы и взяли по паланкину. Сидѣть въ зѣвшихъ паланкиныхъ человко, не то что въ гонконгскихъ, гдѣ эласти-

ческіе бамбуки тихо качаются подъ вами, и вамъ покойно какъ въ люлькѣ. Здѣсь же надобно принять известную позу, чтобы носильщикамъ не было тяжело. Къ верхнему городу устроено нѣсколько дорогъ; насъ несутъ по ближайшей. Вотъ мы на высотѣ домовъ нижняго города; изъ-за каменной ограды выказываются два мавританскіе купола столщей внизу церкви, прочіе дома висятъ одинъ надъ другимъ; нѣтъ между ними свободнаго мѣстечка, а гдѣ и есть, тамъ какой-нибудь гранитный утесъ занялъ его собою, и его отвѣсною стѣной воспользовались, чтобы выбить въ ней ступени крутой и извилистой лѣстницы, минующей крыши и дома. Идя по этимъ ступенямъ видишь много интересныхъ сценъ въ открытых окнахъ. Но вотъ мы въ высококомъ городѣ. Ждемъ увидѣть болѣе просторное размѣщеніе домовъ, судя по различнымъ описаніямъ, въ которыхъ говорится, что высокій городъ совершенно противоположенъ нижнему: какъ нечисто и тѣсно въ нижнемъ, такъ, сказываютъ, просторно и хорошо въ верхнемъ; говорятъ, что въ нижнемъ улицы старыя и что тамъ живутъ негры, а въ верхнемъ Европейцы и Бразильцы, и что вообще городъ расположенъ и выстроенъ совершенно по-европейски. Видно, все это писалъ челоувѣкъ, не бывавшій здѣсь. Верхній городъ чуть ли не тѣснѣе нижняго; неровная, холмообразная мѣстность расположила строенія, правда, въ картинномъ безпорядкѣ: на площадь выходятъ только верхніе пѣтушки двухъ колоколенъ, а зданія сидятъ у подошвы обрыва, какъ будто городъ сначала былъ выстроенъ на ровной поверхности, которая вдругъ отъ чего-нибудь заходила волнами, приподнявъ половину одной улицы и опустивъ другую; домъ взлѣзъ на другой, нѣкоторыя церкви высоко вознеслись своими колокольнями, другія опустились внизъ. Дома, ни величиною, ни формою, не походили одинъ на другой; иной съ фасадомъ въ два окна вытянулся этажей въ шесть, какъ башня, другой тянется въ длину сараемъ. Нѣтъ ни одной площади правильной, хотя нельзя не замѣтить, что картинный безпорядокъ стѣснившихся вокругъ нихъ старинныхъ домовъ, церквей и дворцовъ, дѣлаетъ площади эти очень живописными. Въ верхнемъ городѣ, магазиновъ меньше нежели въ нижнемъ; всѣ торгующіе внизу запираютъ свои лавки съ закатомъ солнца, и идутъ ночевать въ верхній городъ, гдѣ находятся ихъ семейства. По улицамъ тѣ же негры; иногда гдѣ-нибудь на перекресткѣ

сидитъ ихъ человекъ пятнадцать, дѣла между собою заработанныя деньги; на грязномъ платкѣ виднѣются столбики мѣдной монеты. Одѣваются негры очень разнообразно; на иномъ матросская рубашка, на другомъ какой-то мѣшокъ, которымъ негръ прикрылъ только свою черную спину; иные закусываютъ, обгрызая сваренный початокъ кукурузы или вареные бананы. Нигдѣ не встрѣтите такихъ красивыхъ поповъ, какъ въ Бахіи: красные чулки, лаковые, съ бронзовыми пряжками башмаки, шелковыя рясы,—хоть подь стекло каждого поставитъ!.. Португальцевъ, Бразильцевъ и вообще носящихъ европейскій костюмъ попадается мало; вся эта публика видна у дверей своихъ лавокъ; за то негрятки, старыя и молодыя, не красивыя, какъ только могутъ быть некрасивы негрятки, попадаютъ на каждомъ шагѣ, хотя должно прибавить, что между ними встрѣчается не мало и очень красивыхъ, по крайней мѣрѣ очень видныхъ, съ монументальнымъ сложеніемъ тѣла, съ высокою грудью, съ полными, словно вычеканенными изъ бронзы руками, въ живописныхъ чалмахъ и полосатыхъ платкахъ, драпирующихся около ихъ плечъ и стана. Онѣ продаютъ въ плетеныхъ корзинкахъ кукурузу, апельсины, и наръзанный кружечками сахарный тростникъ, или идутъ куда-нибудь съ корзиною, полною цвѣтовъ, на головѣ, или просто болтаютъ на какомъ-нибудь перекресткѣ.

На правомъ концѣ города, близъ рѣшетки, мы выѣзжали изъ портшезовъ и пошли смотрѣть знаменитый публичный садъ Бахіи. Вся верхняя его часть занята превосходною рощей мангу, развѣсистаго, съ блестящею листвою дерева, дающаго непроницаемую тѣнь; дальше идетъ алея изъ тамариндовъ. Вся эта часть сада виситъ террасою надъ обрывомъ къ морю, куда спускаются мраморныя лѣстницы и дорожки, въ массѣ цвѣтовъ и различныхъ кустарниковъ, наполненныхъ граціозными колибри и другими крошечными птичками. На выступающихъ мѣстахъ верхней террасы устроены мраморныя платформы съ статуями и вазами; съ одной изъ платформъ превосходный видъ на городъ и рейдъ. Подъ ногами каскадъ, стремящійся внизъ среди роскошной зелени, за которою громоздятся зданія города; вдали мысъ съ церковью, блистающею яркимъ освѣщеніемъ своихъ бѣлыхъ колоколенъ, между тѣмъ какъ голубой прозрачный туманъ какъ будто дымякою подернуть роскошную зелень, покрывающую мысъ; за нимъ виднѣется озеро, дальше горы и одѣвающие ихъ лѣса. Рейдъ пест-



рѣть сѣдами, и среди ихъ поднимается изъ воды крѣпость Бахи, съ выкинутымъ флагомъ. Въ саду возвышается обелискъ, сооруженный въ честь Іоанна VI; этотъ обелискъ съ статуями террасъ и рѣшетками, перемѣшанными съ зеленью и деревьями, мы принимали съ моря за кладбище.

Занятіе Португаліи Французами, въ 1807 году, заставило короля Іоанна VI покинуть Лиссабонъ со всѣмъ своимъ семействомъ и высадиться въ Бахию; это написано на обелискѣ, въ воспоминаніе чего онъ и воздвигнутъ. Присутствіе Іоанна сдерживало долго движеніе, начавшееся, по примѣру Соединенныхъ Штатовъ, въ Бразиліи и во всѣхъ испанскихъ колоніяхъ Южной Америки. Но въ 1821 году король долженъ былъ возвратиться въ Лиссабонъ; главные города Португаліи возставали; король долженъ былъ лицомъ къ лицу встрѣтить возмущенія, чтобы сохранить права на наслѣдство престола для Браганцской линіи. Опасно было оставлять и Бразилію, которая требовала независимости. Іоаннъ уѣзжая въ Европу, оставилъ сына своего донъ-Педро, губернаторомъ Бразиліи, и при прощаніи далъ ему слѣдующій совѣтъ: «Педро, ты знаешь, что все клонится въ нашемъ государствѣ къ независимости. Если хочешь оставить корону Бразиліи за собою, становись въ главѣ этого движенія, ищи овладѣть имъ, и потомъ дѣлай что укажутъ обстоятельства».

Бразилія возстала какъ одинъ челоуѣкъ для завоеванія своей независимости, и для отдѣленія себя отъ метрополіи. Донъ-Педро, 7 сентября 1821 года, торжественно объявилъ независимость Бразиліи, а она признала его въ свою очередь императоромъ; немедленно созвано было собраніе, чтобы дать новой имперіи конституцію.

Между людьми, принимавшими главнѣйшее участіе въ движеніи, особенно выдѣлялись три брата Андрода, бывшіе представителями Бразиліи въ Лиссабонѣ. Энергія, съ которою они тамъ защищали права Бразиліи, приобрѣли имъ большую популярность.

Возвратясь въ отечество, они сдѣлались поборниками независимости, и начали упорную борьбу съ португальскою партіею. Скороё рѣшеніе донъ-Педро дало движенію, вызванному братьями Андрода, и главу и самое вѣрное ручательство за успѣхъ. Провозглашенный императоромъ, донъ-Педро назначилъ братьевъ Андрода своими министрами.

Послѣдователи смѣлыхъ теорій, пущенныхъ французскою

революціей въ ходъ, но избалованные успѣхами и любовью народа, братья Андроды были неуступчивы, слишкомъ рѣшительны, и тщеславіе ихъ не выдерживало нимагѣйшаго противорѣчія.

При такихъ свойствахъ, Андроды не могли долго ужиться съ императоромъ. Предоставляя подробности дѣлъ своимъ министрамъ, донъ-Педро замышлялъ великія начинанія, но Андроды затемняли его. Согласіе было нарушено, и донъ-Педро отпустилъ своихъ министровъ, доказавъ имъ, что онъ можетъ обойтись и безъ нихъ. Между тѣмъ они засѣдали въ собраніи, созванномъ для начертанія конституціи. Ихъ талантъ и популярность давали имъ преимущества надъ всѣми, и они естественно должны были стать главами оппозиціонной партіи. Съ этихъ поръ начинается разладъ между императоромъ и собраніемъ. Андроды поддерживали волненіе въ странѣ, разжигая ненависть къ Португальцамъ. Въ этихъ обстоятельствахъ донъ-Педро принялъ рѣшительныя мѣры: онъ окружилъ войсками собраніе, запечаталъ двери, и въ то же время декретомъ объявилъ народу, что собраніе распущено, и что будетъ созвано другое, которое дастъ народу самыя вѣрныя и лучшія ручательства своей независимости. Онъ однако не сдержалъ своего обѣщанія: собраніе не собралось, а конституція была составлена имъ самимъ, при помощи его министровъ. Она была объявлена 25 марта 1824 года, при клятвѣ императора сохранять ее, и существуетъ до сихъ поръ. Послѣ многихъ войнъ, Португалія признала независимость Бразиліи, 29 августа 1825 года, трактатомъ, заключеннымъ въ Лиссабонѣ, при посредничествѣ Англіи.

Вмѣсто того чтобы заняться окончательнымъ усмиреніемъ волновавшихся умовъ, донъ-Педро вступилъ въ войну съ Монтевидео, продолжавшуюся два года безъ всякаго успѣха. Для нея сдѣланъ былъ огромный долгъ, и бывшая народность императора уменьшалась съ каждымъ днемъ.

Конституція, данная дономъ-Педро, основана на либеральныхъ и демократическихъ началахъ. Императоръ откладывалъ на сколько могъ созваніе камеръ; но пришло время, когда долге отлагать стало невозможнымъ, и въ 1827 году первое законодательное собраніе было наконецъ созвано, а съ нимъ явились представители всѣхъ возможныхъ партій и революціонныхъ началъ. Съ этого вре-

мени началась борьба, окончившаяся только съ царствованіемъ дона-Педро. Онъ не хотѣлъ уступить, поддерживалъ португальскую партію, и наконецъ отказался отъ престола въ пользу своего сына (7 апрѣля 1831 года), и удалился въ Европу, назначивъ опекуномъ сына (дона-Педро II-го) своего стараго министра, сдѣлавшагося потомъ его сильнѣйшимъ противникомъ, Жозе Бонифаціо д'Андроа. Либеральная партія торжествовала; но замѣчательно то, что не было ни одной попытки измѣнить монархическую форму правленія... Однако имя Іоанна VI, начертанное на обелискѣ публичнаго сада, завело меня слишкомъ далеко и совершенно въ сторону!..

Изъ сада мы пошли за городъ. Окрестные виды много напоминали Сингапуръ, но уже въ насъ самихъ была большая перемена. Тамъ мы, еще неутомленные разнообразными красотами тропической природы, смотрѣли на все съ увлеченіемъ, съ восхищеніемъ, старались запомнить всякій холмикъ, украшенный пальмами, или тростниковую хижину, скрывающуюся между листьями банана; тамъ мы засматривались на блестящую листву мангу и мускатнаго дерева, въ зелени которыхъ мелькала красная черепичная крыша какого-нибудь бѣлаго домика; отъ нашего жаднаго вниманія не ускользало ничто. Но теперь мы были утомлены и пресыщены. Холмообразная мѣстность, окружающая Бахію, не уступаетъ въ красотѣ окрестностямъ Сингапура; живописные домики, разбросанные тамъ и сямъ, полуразвалившіяся ограды, прикрытыя цвѣтами и вьющимися растеніями, заманчивыя тропинки, исчезающія въ чащѣ густой и блестящей зелени; но разстилавшаяся передъ нашими глазами прекрасная панорама находила въ насъ самыхъ неблагодарныхъ зрителей... Промелькнетъ съ одного кустика на другой колибри, и на нее мы обращали столько же вниманія, сколько въ Россіи на воробья, чидикующаго на плетнѣ.

Порядочно утомившись, мы возвратились къ городу, осмотрѣвъ по дорогѣ кладбище, полное мраморными саркофагами, надгробными фигурами, фарфоровыми вазами, кипарисами и цвѣтами. Здѣсь богатству и роскоши памятниковъ странно противорѣчила бѣдность часовни... Намъ попались только одни носилки; надо было достать другія, но на широкой площади не было ихъ видно. Мимикою объяснили мы неграмъ, что нельзя же одному сидѣть въ носилкахъ, а другому

идти пѣшкомъ. Негръ, у котораго черная фнзіономія на-  
поминала образованіемъ своей челюсти и зубовъ дикую  
кошку, замахалъ руками и закричалъ громкимъ и какимъ-то  
потрасающимъ голосомъ: «Эбе, эбе, эбе;» что вѣроятно имѣло  
магическую силу, потому что ему откликнулось сейчасъ же,  
гдѣ-то издали другое «эбе»; и показались носилки, которыя  
два негра на рыскахъ несли къ намъ. Насъ пронесли черезъ  
весь верхній городъ; мы видѣли много старинныхъ церквей,  
монастырей, много площадей, на которыхъ были прехоро-  
шенькіе фонтаны, мраморные и бронзовые, съ различными  
фигурами, съ тритонами, раковинами, музами, рѣшетками и  
т. п. Странно, что въ такомъ городѣ какъ Бахіа, гдѣ, какъ  
кажется, уже давно не строили никакихъ монументальныхъ  
зданій и довольствуются стариною, впрочемъ очень жи-  
вописною, обратили особенное вниманіе на щегольство  
фонтанами. Въ Рио Жанейро вѣтъ ни одного такого красиваго  
фонтана, какъ на площадяхъ Бахіа.

На другой день мы послали нанять экипажъ, а сами уѣз-  
дись у окна довольно чистенькой гостинницы, кажется самой  
лучшей въ Бахіа. Минутъ черезъ двадцать подъѣхала ще-  
гольская коляска четверней, въ шорахъ, съ ливрейнымъ  
лакеемъ и ливрейнымъ негромъ-кучеромъ, хлопавшимъ длин-  
нымъ бичомъ. Въ коляскѣ сидѣлъ какой-то сѣдовласый старецъ.  
«Вѣрно какое-нибудь важное лицо!» подумали мы по русской  
привычкѣ; но сѣдовласый старецъ оказался содержателемъ  
конюшенъ, а ливрейный лакей, негръ и четверня, все это  
предоставлялось намъ въ полное распоряженіе до 4 часовъ,  
за 35.000 рейсовъ, или 17 съ полов. долларовъ. Кучеръ  
негръ искусно везъ насъ по узенькимъ закоулкамъ нижняго  
города, съ безпрестанными поворотами; лошади скакали въ  
галопъ, коляска была покойна и бичъ щелкалъ чуть не  
съ музыкальностью. Нѣкоторыя улицы были такъ узки, что  
встрѣчавшіеся негры должны были прятаться за двери и въ  
вшиши, чтобы пропустить насъ. Мы ѣхали къ *Бомфину*, той бѣ-  
лой церкви, которая видна была съ рейда на оконечности  
зеленѣвшаго мыса. Нижний городъ вытянулся подъ конецъ  
въ одну улицу, съ маленькими домиками съ одной стороны,  
и съ моремъ съ другой. Надъ бѣдными домиками высились  
скалы, тоже застроенныя всюду, гдѣ только можно было  
пожѣститься; туда вели тропинки и ступеньки лѣстницъ,  
украшенныхъ зеленью, которая пробивается вездѣ. Между

городомъ и мысомъ шло предмѣстье, гдѣ было много дачъ, напомнившихъ рю-жанейскіе; дальше пошли сады, потомъ совсѣмъ необработанныя пространства съ кучами пальмъ, рощами мангу, на которыхъ зрѣлъ ихъ сочный плодъ, очень ароматическій и вкусный, но который ѣшь съ недоумѣніемъ, также какъ и превосходные апельсины безъ сѣмечекъ. Въ Бахи съ досадой смотришь на кучи нагроможденныхъ другъ на друга корзинокъ съ разными плодами. Чтобы съѣсть спокойно апельсинъ или мангу, надо пойти въ гостиницу, спросить кусокъ бистексу, съѣсть его, запить стаканомъ краснаго вина, потомъ уже приниматься за апельсинъ, который снова надобно запить рюмкою коньяку и чашкою вѣрпаго кофе... Только совершивъ всю эту сложную операцію, собственно для апельсина или мангу, не боишься схватить какую-нибудь желтую лихорадку или диссентерію.

*Бомфинъ*—старинная церковь, въ которой нѣсколько разъ въ годъ бывають религиозныя процессіи. Въ ней замѣчательны два висящіе другъ противъ друга образа; на одномъ изображена смерть праведнаго, а на другомъ—грѣшника. У постели праведнаго стоитъ католическій монахъ и какой-то господинъ во французскомъ кафтанѣ; на лицѣ праведнаго изображается удовольствіе; онъ какъ будто радъ, что умираетъ; дьяволъ въ печали и злости, и спрятался почему-то подъ стулъ. Совершенно другая сцена происходитъ на противоположной картинѣ: лицо умирающаго изображаетъ кислую улыбку, ложе его окружають черти, съ самыми веселыми лицами; одни изъ нихъ съ колодами картъ; трефовый король упалъ на полъ; монахъ съ ужасомъ бѣжитъ изъ комнаты, наполненной вѣроятно смрадомъ. О работѣ этихъ назидательныхъ обрашковъ нечего и говорить. Съ террасы церкви открывается, кажется, лучшій въ Бахи видъ; весь городъ съ громаздящимися по скаламъ зданіями, съ украшающею его каменныя стѣны и обрывы зеленью, виденъ на заднемъ планѣ, составляя живописную декорацію, къ которой шла, покрытая пальмовыми лѣсами и садами, долина, волнующаяся зеленью различныхъ породъ деревьевъ; слѣва сады окаймляли собою зеленое озеро, на берегу котораго виднѣлись холмы, сады, зданія... Между рѣзкими подробностями ближайшихъ деревьевъ виднѣлись черепичныя крыши домовъ, ихъ желтыя стѣны, безчисленные окна безъ стеколъ, негры, выглядывающіе отовсюду, вывѣшенное бѣлье на веревкѣ, привязанной къ

какой-нибудь живописной пальмѣ, и проч. Мы нагулялись доволь по обрывамъ и поросшимъ высокою травою садамъ съ красивыми мангу; спускались къ озеру, гдѣ страшно палило солнце на песчаной полянѣ, вокругъ которой росли пальмы и пасодсь по клочкамъ зелени нѣсколько длиннорогихъ быковъ. Пожарившись на этомъ солнцѣ на столько, на сколько оно можетъ удовлетворить любопытнаго туриста, мы опять сѣли въ свою аристократическую коляску, промчались по нижнему городу, разомъ взлетѣли въ гору, быстро миновали площади и городъ, и остановились у часовни *da Graça*, въ предмѣстьи Викторіа. *Da Graça* самая древняя церковь въ Бахіа; въ ней находится монументъ, посвященный памяти знаменитой Катеринѣ Альваресъ, туземкѣ изъ племени *Ту-пилабасъ*, которой принадлежала находящаяся теперь подъ Бахіей земля. На памятникѣ написанъ 1582 годъ. Предмѣстіе Викторіа состоитъ все изъ хорошенькихъ дачъ, потонувшихъ въ зелени великолѣпныхъ садовъ. Рѣдко случалось видѣть столько красивыхъ цвѣтовъ, какъ здѣсь. *Da Graça* смотритъ на холмообразную мѣстность, спускающуюся обрывомъ къ морю; каждый холмъ споритъ здѣсь съ другимъ въ красотѣ своей зеленой одежды.

Въ городѣ насъ ожидало много удивительнаго. Встрѣчаемъ какого-то кавалера въ малиновой, вышитой серебромъ мантии и въ маскѣ: что это за шалунъ? подумали мы... Но потомъ встрѣчавшіяся на каждомъ перекресткѣ замаскированныя фигуры заставили бы предполагать слишкомъ много шалуновъ въ городѣ. Маски собирались цѣлыми поѣздами, сопровождаемыя народомъ и наполняли улицы... На здѣшнихъ улицахъ, съ средневѣковыми зданіями, не очень удивительно было видѣть рыцарей, испанскихъ грандовъ, астрологовъ и полишинелей. Носилки и бархатныя мантии очень шли къ этимъ домамъ и улицамъ, въ которыхъ толпились негры; слуги въ ливреяхъ, духовенство въ красивыхъ рясахъ и красныхъ чулкахъ; негрятки въ чалмахъ и пестрыхъ платкахъ также были похожи на костюмированныхъ, какъ и тѣ, которые надѣвали на лица уродливыя маски. Былъ дѣйствительно маскарадъ, по случаю какого-то праздника. Какъ въ Рио, такъ и здѣсь, на каждомъ перекресткѣ, летѣли букеты ракетъ, петардъ и римскихъ свѣчъ; изъ часовень и церквей тянулись процессіи; по улицамъ разѣзжали маски съ музыкантами и различными погремушками; одинъ мальчишка негръ, не имѣя денегъ купить себѣ костюмъ, вымазалъ свою черную физиономію бѣ-

лою краской; какой-то шутникъ нарядился женщиной и бѣжалъ въ одной рубашкѣ по улицѣ, а костюмированный лакеемъ, съ юпкою въ рукахъ, ловилъ бѣжавшую отъ него барыню. Большинство масокъ были верхомъ: между масками была летучая мышь, державшая все время обѣ руки кверху, для того чтобы придѣланные къ нимъ крылья производили свой эффектъ; съ летучею мышью скакали генералы, гранды, монахи и т. д.

Изъ окна кофейной, выходящей на театральную площадь, любовались мы этою толпой. Крикъ, шумъ, музыка, ракеты, все это мѣшалось и перебивало одно другое; толпа пестрѣла, жужжала и кишѣла какъ муравейникъ, который вдругъ раскопала палкою. Наступавшая темнота, послѣ роскошнаго вечера, дала возможность показаться всѣмъ костюмированнымъ въ болѣе эффектной видѣ; они зажгли факелы; изъ оконъ полились каскады огня; огненные тучи рисовались въ небѣ отъ летавшихъ непрерывно ракетъ. Последнее впечатлѣнiе, вынесенное мною изъ Бахи, было довольно странное: узкія улицы съ старинными почернѣвшими отъ времени домами, со стѣнами монастырей и ихъ разнообразными, оригинальными колокольнями, безчисленныя окна, наполненныя выглядывавшими оттуда головами, изъ которыхъ на одну бѣлую приходились пять разнообразныхъ черныхъ,—все это мѣшалось съ пестротою замаскированныхъ, съ шумомъ и жужжаніемъ двигавшейся толпы; казалось, будто здѣсь постоянно только и дѣлаютъ что наряжаются. И вѣроятно въ воспоминаніи моемъ я не буду въ силахъ отдѣлать физиономіи оригинальныхъ улицъ Бахи отъ наполнявшихъ ихъ верховыхъ и пѣшихъ, замаскированныхъ фигуръ...

Бахи, по величинѣ своей, есть второй городъ имперіи, она основана въ 1549 году, прежде Рио-Жанейро; въ ней до 1763 г. была резиденція губернатора португальскихъ колоній. Она можетъ также въ свою очередь выставить многое, чтобъ получить право называться современнымъ городомъ, хотя на ней и лежитъ печать такой древности, такой старомодности, что все новое совершенно исчезаетъ въ массѣ стараго. Въ домахъ напримѣръ можно встрѣтить современную мебель, но она едва замѣтна среди огромныхъ и толстыхъ старинныхъ комодовъ, уродливыхъ шкаповъ и неудобныхъ стульевъ, къ которымъ впрочемъ питаешь уваженіе за ихъ долговѣчность. Старая мебель поросла слоемъ пыли; мѣстами, на стѣнахъ, паутина такъ окрѣпла и сплотилась, что муха не влезаетъ въ ней. На

люстрахъ надѣты чахлы, почернѣвшіе отъ времени, похожіе на чахлы въ комнатѣ Плюшкина и напоминающіе собою коконы шелковичныхъ червей, а половая щетка, пытавшаяся когда-то привести все въ порядокъ, какъ будто въ безсиліи стоитъ съ кучею сора у двери. Среди этой старины, пыли и хламу, вы найдете множество потаенныхъ ящичковъ съ фамильными брилліантами и золотомъ, которое накоплено предусмотрительнымъ праѣдушкой. Бахія гордится своими алмазными копями, находящимися отъ города въ пять дней ѣзды. Въ городѣ есть сигары, имѣющія странную особенность—развивать червей. Сады, окружающіе дворовскія палаты, великолѣпны. Вырвавшись изъ душныхъ и старыхъ комнатъ, отдохнешь среди вѣчно юной природы, среди зеленыхъ холмовъ, пальмовыхъ рощъ, овраговъ, поросшихъ лѣсами, заслушаешься пѣнія и щебетанья тысячи птицъ, маленькихъ и большихъ, засмотришься на пестрыхъ бабочекъ, разныхъ насѣкомыхъ, ящерицъ... Къ заливу Всѣхъ Святыхъ примыкаютъ богатые южно-американскія равнины, съ роскошною природою которыхъ едва ли можетъ сравниться какой-либо другой уголокъ земли.

Переходъ нашъ отъ Бахія до Плимута можно назвать самымъ благополучнымъ. Погода была постоянно теплая, и были ровные пассаты; штилей почти не было, и мы на тридцать-восьмой день уже стояли на якорѣ у Плимута. Вмѣстѣ съ *Рымдою*, который встрѣтили въ Плимутѣ, мы пошли въ Шербургъ, куда за нѣсколько дней пришелъ *Пластунъ*, и разрозненная эскадра соединилась снова. Скоро и Копенгагенъ мелькнулъ мимо насъ, и всѣ, довольные и веселые, плыли мы по Балтійскому морю, надѣясь дня черезъ два увидѣть Кронштадтъ.

Настало 18 августа. Былъ сѣренькій день, и ровный, довольно свѣжій вѣтеръ гналъ насъ до 10 узловъ въ часъ. Еще наканунѣ былъ отданъ сигналъ: «Имѣете время привести судно въ порядокъ,» что означало конецъ ученьямъ и работамъ. Мыли, чистили, красили, желая явиться домой какъ можно въ болѣе-веселомъ и красивомъ видѣ. *Пластунъ* обгонялъ оба корвета, такъ что долженъ былъ убавить парусовъ. «Что такое сдѣлалось съ *Пластуномъ*?» говорили мы, смотря на граціозныя формы клипера; мы не думали, что этотъ ходъ будетъ его посѣднимъ движеніемъ... Мы сидѣли внизу и были вдругъ поражены страннымъ голосомъ капитана, крикнувшаго: «Прикажете свистать всѣхъ наверхъ!» Обыкновенно въ этой



командѣ слышится что-то призывное и оживляющее, но на этотъ разъ въ ней послышалось что-то лихорадочное, странное. Мы едва успѣли переглянуться въ недоумѣніи, какъ сбѣжалъ внизъ кантонистъ (Прокоповъ) и голосомъ, полнымъ внутренняго волненія, проговорилъ: «*Пластуна* взорвало...» Мы бросились наверхъ. *Пластунъ* еще шелъ... Вся передняя его часть, отъ гротъ-мачты, была закрыта массою бѣлаго, тяжелаго дыма, бри-гротъ въ клочкахъ, гротъ-марсель и брамсель еще стояли... Страшная, незабвенная минута!.. Но не было времени ужасаться или молиться; каждаго изъ насъ призывалъ долгъ, — долгъ скорой помощи. Первый понялъ это нашъ капитанъ, и громкій его голосъ наэлектризовалъ людей, готовыхъ броситься, казалось, за бортъ, чтобы подать помощь погибавшимъ товарищамъ. Мы въ одинъ моментъ спустились, едва положили руль на бортъ; всѣ бросились на другую сторону, чтобы не потерять даже минуты; но *Пластуна* уже не было... Дымъ непроницаемый, тяжелый, поднялся отъ воды, поверхность которой грозно клочкотала. Мы увидали на обломкахъ дерева, на всплывшихъ койкахъ, людей, по временамъ скрываемыхъ волненіемъ.

*Новикъ*, спустившись быстро, подошелъ къ мѣсту катастрофы, и съ невообразимою быстротой сбросилъ всѣ шляпки, въ которыя кинулись всѣ, кому слѣдовало быть на нихъ... Около часа плавали по роковому мѣсту. Съ радостнымъ біеніемъ сердца видѣли мы въ трубу какъ вырывали у моря его жертвы. *Новикъ* благодарилъ Бога, что ему удалось спасти двадцать пять товарищей, съ которыми дѣлалъ, въ продолженіи трехъ лѣтъ, время, труды, радости и опасности. Когда перевязывали раненыхъ и оттирали вытасненныхъ изъ воды, раздавалась панихида за упокой погибшихъ.

На *Рынду* привезено было девять человекъ; семидесяти не удалось увидеть родины, бывшей такъ близко, не удалось испытать чувства радости оконченнаго дѣла, отравленнаго и для насъ, лишившихся столькихъ товарищей...

Такъ печально окончилъ свою карьеру *Пластунъ*, оставившій въ сердцахъ служившихъ на немъ не одно отрадное воспоминаніе.

23 августа мы стояли на кронштадтскомъ рейдѣ... но грустно и тяжело было намъ ступить на родную землю.

А. Вышеславцевъ.

---

## ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

# ЧЕЛОВѢКА

---

### ЕДИНСТВО РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО <sup>1</sup>.

---

Человѣческія группы, разсѣяныя по поверхности земнаго шара, различаются между собою многими физическими, умственными и нравственными особенностями; но, спрашивается, указываютъ ли эти особенности на коренныя различія между группами, или не вездѣ ли, несмотря на кажущіяся противорѣчія, человѣкъ въ сущности одинъ и тотъ же? Другими словами, существуетъ ли одинъ, или нѣсколько родовъ человѣческихъ?

Вопросъ этотъ принадлежитъ новѣйшему времени. Философы и географы древности, ученые среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія, по причинѣ недостаточности своихъ свѣдѣній въ зоологіи и ботаникѣ, не могли даже и задать его; тѣмъ не менѣе можно сказать, что какъ тѣ, такъ и другіе отвѣчали на него заранѣе и почти въ одномъ и томъ же смыслѣ. Изъ немногаго, написаннаго объ этомъ предметѣ первыми, можно заключить, что, по ихъ мнѣнію, природа человѣческая вездѣ

---

<sup>1</sup> Этотъ новый трудъ извѣстнаго французскаго натуралиста А де-Катрежа составляяетъ содержаніе читанныхъ имъ публичныхъ лекцій, и печатается въ *Revue des deux Mondes*.

одна и та же, и что одни только внѣшнія условія, холодъ и жаръ въ особенности, разнообразять ихъ физическіе признаки; при всемъ этомъ, однако, они повидимому производятъ людей изъ разныхъ мѣстъ. Чтò касается до ученыхъ среднихъ вѣковъ, то мнѣніе ихъ объ этомъ предметѣ истекало изъ религиозныхъ вѣрованій, общихъ всѣмъ народамъ, занимавшимся въ то время наукою. Христіане, евреи, магометане, одинаково видѣли въ Адамѣ отца всего рода человѣческаго. Единство рода человѣческаго было для нихъ религиознымъ догматомъ, принятымъ ими наравнѣ съ прочими изъ книги одинаково священной для всѣхъ, изъ Библии.

Пришло однако время, когда стали посягать на вѣковой авторитетъ этой книги и отвергать его, часто съ такимъ же слѣпымъ упрямствомъ, съ какимъ прежде искали въ Библии безусловнаго разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, даже и такихъ, которые совершенно не входятъ въ сферу религиозныхъ ученій. Этотъ недостатокъ просвѣщенной критики, общій обѣимъ сторонамъ, долженъ былъ тамъ и тутъ сопровождаться одинаковыми результатами. Безусловное отрицаніе и безусловное утвержденіе, одинаково лишенныя основанія, часто приводили обѣ партіи къ нелѣпнымъ заключеніямъ, тамъ гдѣ шло дѣло о научныхъ вопросахъ. Такимъ образомъ, если богословы среднихъ вѣковъ, чтобъ остаться въ согласіи съ буквальнымъ смысломъ текста книги Иисуса Навина, утверждали, что земля неподвижна и солнце движется, то антибиблейскіе философы, чтобъ имѣть возможность отвергнуть существованіе всемірнаго потопа, въ громадномъ множествѣ раковинъ, составляющихъ цѣлыя горы, хотѣли видѣть лишь слѣдъ нѣсколькихъ пилигримовъ, обронившихъ на пути свои раковины. Въ области научныхъ толкованій, вольнодумцы не много въ чемъ имѣютъ право упрекнуть богословъ.

Эти факты, равно какъ и многіе другіе, которые я могу припомнить, обильны поученіями. Съ одной стороны, они показываютъ, какъ опасно связывать слишкомъ тѣсно догматъ съ какимъ-либо научнымъ толкованіемъ. Догматъ прежде всего держится вѣроу; онъ по природѣ своей безусловенъ и полагаетъ свою силу въ своей непреложности. Наука же есть дочь опыта и мысли; у ней есть свои сомнѣнія, она многое оставляетъ для будущаго, она по природѣ своей прогрессивна, то-есть измѣнчива, и подлежитъ преобразованіямъ. А потому всякая тѣсная связь между ею и догматомъ готовитъ только неизбѣжныя и

прискорбные разрывы. Священные тексты не всегда допускаютъ толкованія, принимаемыя теперъ съ такою легкостью. Самыя эти толкованія, кажущіяся удачными сегодня, часто на другой день опровергаются какимъ-нибудь новымъ успѣхомъ науки, и противорѣчіе, которое хотѣли мы замаскировать, выступаетъ вслѣдствіе того еще явственнѣе. Оставимъ же за каждымъ его область,—какъ за натуралистомъ, такъ и за богословомъ.

Безъ сомнѣнія, выражаясь такимъ образомъ, я вовсе не хочу сказать, что между наукой и религіей существуетъ антагонизмъ. Я неоднократно высказывалъ убѣжденіе противоположное. Нѣтъ, вѣра имѣетъ самую твердую опору въ возможно-полнѣйшемъ познаніи этой вселенной, ея явленій, ея законовъ. Въ случаѣ нужды я могу доказать справедливость словъ моихъ многими славными примѣрами, примѣрами, которые мы можемъ встрѣтить во всѣхъ вѣроисповѣданіяхъ. Религія и наука, удовлетворяя каждая въ своей сферѣ самымъ высшимъ потребностямъ нашимъ и самымъ благороднымъ нашимъ побужденіямъ, сходятся и соединяются между собою въ томъ, что онѣ имѣютъ между собою самаго общаго и самаго великаго. Въ этихъ высшихъ областяхъ сердца и разума спорные пункты исчезаютъ передъ непреложными и вѣчными истинами. Вотъ почему католикъ и протестантъ, еврей и магометанинъ, каждый въ наукѣ нашелъ опору для своихъ вѣрованій, сходныхъ между собою по крайней мѣрѣ въ томъ, что всѣ они признаютъ за Творцомъ славу Его творенія.

Съ другой стороны, мы видимъ также, на сколько люди, имѣющіе притязаніе говорить единственно во имя философіи и разума, на сколько такъ-называемые *вольнодумцы*, должны остерегаться инстинктивнаго отвращенія, которое возбуждается въ нихъ всякимъ фактомъ, всякимъ свидѣтельствомъ, всякимъ ученіемъ, являющимся имъ въ сочетаніи съ какою-нибудь догматическою идеей. Подчиняясь легко этому необдуманному чувству, они часто заслуживали такіе же упреки, какъ и ихъ противники. Они обнаруживали такую же нетерпимость, такое же упорство; они возводили въ догматъ свои самыя неосновательныя отрицанія и тѣмъ безславили самое то дѣло, во имя котораго говорили. Имъ также наука, этотъ единственный призванный и неотводный судья, дала строгіе уроки, которыми они не всегда умѣли пользоваться.

Эти размышленія прямо прилагаются къ преніямъ объ единственномъ или множественномъ происхожденіи человѣческихъ группъ. Послѣ столь долгаго безспорнаго владычества, древній догматъ объ Адамѣ встрѣтилъ многочисленныхъ противниковъ. Замѣчательно, что догматъ этотъ сталъ впервые предметомъ нападеній во имя самой же Библии; поэтому не бесполезно будетъ коснуться тѣхъ доводовъ, которые, начиная съ XVII столѣтія, выставлялись противъ этого догмата. Въ 1655 году Ла-Пейреръ, протестантскій дворянинъ, состоявшій при принцѣ Конде, напечаталъ трактатъ богословія, весь основанный на предположеніи существованія людей до Адама<sup>1</sup>. Въ книгѣ этой, очень любопытной и замѣчательной для тогдашней эпохи, Ла-Пейреръ старается доказать, что исторія Адама и его потомковъ есть только начало исторіи однихъ Іудеевъ, а не всего рода человѣческаго. Основываясь на извѣстномъ двойственномъ повѣствованіи книги Бытія о сотвореніи человѣка, онъ считаетъ первое повѣствованіе относящимся къ сотворенію *язычниковъ*, а второе—къ происхожденію праотца народа, избраннаго Богомъ. Язычники, созданные Богомъ прежде, въ шестой день творенія, вмѣстѣ съ животными, принадлежать нѣкоторымъ образомъ, по его мнѣнію, къ общему творенію. Они, будто бы, вмѣстѣ съ прочими существами, были извлечены изъ матеріи хаоса, и явились въ одно и то же время на всей землѣ, но ни одинъ изъ нихъ никогда не проникалъ въ земной рай. Адамъ же, первый Іудей, произведенный изъ персти, и Ева, созданная изъ ребра Адамова, явились уже на землю послѣ седьмаго дня, въ который Богъ почилъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ. Одни они обитали въ саду Едема, и одни слѣдовательно провинились передъ Богомъ, преступивъ *заповѣдь Божію*. Другіе люди, не виновные въ этомъ отношеніи, тѣмъ не менѣе были виновны въ *естественныхъ грѣхахъ*. Авторъ находитъ подтвержденіе этого различія въ одномъ изъ посланій апостола Павла<sup>2</sup>.

Для доказательства своей основной гипотезы, Ла-Пейреръ

<sup>1</sup> *Systema theologicum ex praeadamitarum hypothesis. Pars prima.*—Вторая часть этого сочиненія не вышла въ свѣтъ, вѣроятно вслѣдствіе преслѣдованій, вызванныхъ первою противъ автора.

<sup>2</sup> *Посланіе къ Римлянамъ*, глава V, стихи 12, 13 и 14.

опирается не на одинъ только тотъ текстъ Св. Писанія, который относится къ первымъ днямъ міра; свои спеціальнѣйшіе доводы почерпаетъ онъ въ особенности изъ исторіи Адама и его семейства. Изъ книги Бытія видно, что у Адама до ста-тридцатилѣтняго возраста было только три сына, и самыя слова его при рожденіи Сиеа не оставляютъ никакого въ этомъ сомнѣнія. Уже позже у него рождаются сыновья и дочери. Такимъ образомъ, послѣ убіенія Авеля, когда Сиеа еще не было на свѣтѣ, семейство Адама состояло только изъ трехъ человѣкъ. Однако же Каинъ, изгнанный Богомъ и обреченный блуждать по лицу земли, изъявляетъ боязнь быть убиту кѣмъ-нибудь встрѣчнымъ. А потому Богъ полагаетъ знакъ на Каина и объявляетъ, что кто убьетъ его, тотъ будетъ наказанъ седмирицею. Слѣдовательно. Каинъ могъ встрѣтить враговъ, Удаляясь, Каинъ увелъ съ собою и жену свою. Откуда же взялась она? До этого времени Адамъ не имѣлъ другихъ дѣтей, кромѣ того, который бѣжалъ послѣ преступленія, и того, который былъ его жертвою. Слѣдовательно должны же были быть другія семьи, кромѣ Адамовой. Наконецъ, какъ только у Каина родился сынъ, то онъ выстроилъ городъ; слѣдовательно долженъ же онъ былъ найти себѣ товарищей, чтобы выстроить его и потомъ заселить. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ, авторъ заключаетъ, что кромѣ Адамова, еврейскаго семейства, существовали еще другіе люди, и что люди эти, разсѣянные по всей землѣ, были не что иное какъ язычники, эти первыя существа человѣческія, созданныя Богомъ, и всегда рѣзко отличавшіяся отъ народа Божія, Іудеевъ.

Ла-Пейреръ, съ той же точки зрѣнія, истолковываетъ многія общія выраженія, встрѣчающіяся въ Библии. *Земля*, о которой такъ часто говорится въ ней, не есть для него поверхность всего земнаго шара, но только та *святая земля*, которую Богъ опредѣлилъ для своего народа. Онъ означаетъ даже ея границы и даетъ ея карту, хотя не очень подробную, однако довольно вѣрную для того времени. Къ ней одной относитъ онъ повѣствованіе о библейскомъ потопѣ, — потопѣ, который онъ сравниваетъ съ другими большими мѣстными наводненіями, сохранившимися въ воспоминаніи многихъ народовъ. Поэтому исторія Ноя совершенно соответствуетъ у него исторіи Адама. Патріархъ этотъ остался единственнымъ представителемъ—не всего человѣчества, а

однихъ Іудеевъ. Противъ нихъ однихъ возгорѣлся небесный гнѣвъ. Богъ никогда не имѣлъ намѣренія истребить первоначально созданныхъ Имъ язычниковъ.

Трудно не видѣть сходства, и часто даже тождественности ученія Ла-Пейрера съ мнѣніями, которыя высказывались такъ часто и еще не давне; но не слѣдуетъ ошибаться въ характерѣ ихъ: Ла-Пейреръ нисколько не вольнодумецъ; онъ богословъ, принимающій за непреложную истину все, о чемъ говорится въ Библии, и въ особенности чудеса. Только онъ къ нимъ, какъ и ко всему прочему, прикладываетъ свою теорію. По его мнѣнію, чудеса эти были нѣкоторымъ образомъ личныя, и тогда даже, когда текстъ Священнаго Писанія повидимому положительно утверждаетъ, что общіе законы природы были нарушены, онъ допускаетъ, что законы эти были приостановлены только мѣстнымъ образомъ. Всегда въ книгѣ, на которой онъ основывается, находитъ онъ какой-нибудь фактъ въ подтвержденіе своего толкованія <sup>1</sup>. Однимъ словомъ, вездѣ у Ла-Пейрера видна смѣсь полной вѣры съ свободою критикой. Книга его впрочемъ не убѣдила никого, и ученіе ея автора было забыто до настоящаго времени. Лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ ученіе это было вновь поднято изъ забвенія, и имѣло довольно неожиданннй успѣхъ, въ особенности въ Америкѣ.

Попытка Ла-Пейрера была единственная въ этомъ родѣ; она почти и не вышла изъ области богословія, и адамическій догматъ одержалъ надъ нею верхъ почти безъ всякой борьбы. Но война, объявленная противъ этого догмата философами XVIII вѣка, имѣла совершенно другой результатъ. Послѣдніе были много-

---

<sup>1</sup> Такъ наиримѣръ, если для того, чтобъ увѣрить царя Езекию, тѣнь отошла на 10 градусовъ назадъ на солнечныхъ часахъ Ахаза, то чудо это было чисто-мѣстное, и солнце вовсе не обращалось вспять. Доказательствомъ тому можетъ служить то, что царь вавилонскій нарочно отправлялъ пословъ, чтобъ удостовѣриться въ этомъ чудѣ, чего не нужно было бы ему дѣлать, еслибы теченіе солнца дѣйствительно измѣнилось для всей земли. «Звѣзда мзговъ, говоритъ также Ла-Пейреръ, была не что иное какъ блистаніе, какъ бы свѣточъ, видимый только для однихъ благочестивыхъ волхвовъ»; въ доказательство этого онъ приводитъ тотъ фактъ, что звѣзда остановилась надъ вертепомъ, гдѣ былъ Новорожденный, чтобъ указать Его волхвамъ, а это безъ сомнѣнія было бы невозможно, еслибы здѣсь дѣло шло о настоящемъ свѣтилѣ небесномъ, имѣющемъ опредѣленное мѣсто въ небѣ.

численны и могущественны: они опирались на науку своего времени; они приводили нѣкоторые факты, доступные поверхностному наблюденію. И вотъ все, что только имѣло претензію на философскій смыслъ, начало утверждать, что негръ и бѣлый, Лапландецъ и Готтентотъ, составляютъ особые виды. Впрочемъ и ученіе объ единствѣ человѣческаго рода имѣло не мало защитниковъ. Съ одной стороны поборники за религію, оспариваемые энциклопедистами, не могли покинуть безъ борьбы догматъ, считаемый ими за одинъ изъ основныхъ; съ другой стороны, бѣольшая часть натуралистовъ, и во главѣ ихъ Линней и Бюффонъ, ясно высказывались въ смыслѣ единства. Последній въ особенности, не колеблясь, усматривалъ въ разности признаковъ, которыми отличаются группы человѣческія одна отъ другой, только модификацію единого специфическаго типа. Это мнѣніе великаго натуралиста имѣетъ еще тѣмъ большее значеніе, что Бюффонъ съ замѣчательнымъ превосходствомъ изучилъ вопросы, относящіеся къ значенію вида вообще, потому сужденіе его нельзя считать въ этомъ частномъ случаѣ за внушеніе догматическихъ предразсудковъ.

Съ этой-то эпохи, собственно говоря, получили свое начало тѣ двѣ антропологическія школы, которыя въ новѣйшее время стали называться *монокенистами* и *поликенистами*. Обстоятельства, при которыхъ эти школы образовались, объясняютъ главнымъ образомъ характеръ, который онѣ приняли при своемъ началѣ и такъ долго сохраняли. Еще въ наше время, защищать или опровергать единство рода человѣческаго, по мнѣнію многихъ писателей и большей части читателей, все равно, что защищать или опровергать Библію и религію. Мало того, что эти богословскія предубѣжденія, съ одной стороны, и философскія съ другой, уже достаточно осложнили вопросъ, самъ по себѣ въ такой степени трудный: политическія и социальныя причины ввели въ этотъ споръ еще страсти, столь мало согласныя съ тою полною умственною свободой, какой прежде всего требуютъ изслѣдованія науки. Этотъ новый видъ борьба приняла въ особенности въ Соединенныхъ Штатахъ. Г-ну Нотту мы обязаны разказомъ въ одномъ случаѣ<sup>1</sup>, о которомъ не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ, потому что онъ характеризуетъ особенное положеніе антропологовъ американскихъ.

<sup>1</sup> *Types of Mankind*. Introduction.



Извѣстно, какимъ образомъ невольничество, бывъ допущено всѣми христіанскими націями какъ учрежденіе правильное, въ послѣдствіи было осуждено большею частію ихъ. Извѣстно, какъ Англія стала во главѣ противоневольническаго движенія, и какъ вскорѣ почти всѣ государства присоединились къ трактатамъ, предложеннымъ ею, чтобы положить конецъ торговлѣ неграми и эманципировать черную породу. Извѣстно также, какъ были приняты эти предложенія Соединенными Штатами, гдѣ невольническій вопросъ связанъ съ громадными интересами. Еще въ 1844 г. Англія, при содѣйствіи на этотъ разъ Франціи, возобновила свою атаку, и г. Кальгаунъ, бывшій тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ Соединенныхъ Штатовъ, не зналъ что отвѣчать на ноты, адресованныя къ нему державами-защитницами негровъ, когда онъ услышалъ о трудахъ г. Глиддона по предмету африканскихъ племенъ. Онъ тотчасъ же пригласилъ къ себѣ этого автора и, по его совѣту, вступилъ въ сношенія съ г. Муртономъ, корифеемъ американскихъ антропологовъ. Между министромъ и авторомъ *Crania americana* завязалась переписка, и результатомъ ея было то, что г. Кальгаунъ отвергъ всякое измѣненіе въ порядкѣ вещей, существовавшемъ въ Соединенныхъ Штатахъ, основываясь на коренныхъ различіяхъ, раздѣляющихъ группы человѣческія. Этого рода доводы смутили англійскаго министра, и онъ поспѣшилъ отвѣчать, что нисколько не желаетъ вмѣшиваться въ домашнія учрежденія иностранныхъ государствъ. Разказавъ этотъ анекдотъ, г. Ноттъ въ восхищеніи отъ затрудненій, произведенныхъ въ филантропической дипломатіи введеніемъ въ международныя отношенія *истинной этнологіи*.

Такимъ образомъ въ Америкѣ антропологическій вопросъ осложняется еще вопросомъ невольническимъ, и изъ большей части американскихъ сочиненій объ этомъ предметѣ мы видимъ, что въ Америкѣ прежде всего надобно быть либо защитникомъ, либо противникомъ невольничества, но съ тѣмъ вмѣстѣ надобно непремѣнно быть и *библистомъ*, и отсюда-то происходятъ тѣ особенные оттѣнки, которыми отличаются нѣкоторыя сочиненія американскихъ антропологовъ. Противники невольничества — обыкновенно моногенисты, и принимаютъ догматъ объ Адамѣ въ общепринятомъ смыслѣ. Тотъ же догматъ принимаютъ и нѣкоторые защитники невольничества; но только, чтобъ оправдать свое обхожденіе съ *своими чер-*

ными братьями, они прибѣгаютъ къ исторіи Ноя и его сыновей. Хамъ, говорятъ они, былъ проклятъ отцомъ своимъ и обреченъ имъ на рабство у братьевъ своихъ; негры происходятъ отъ Хама: слѣдовательно, обращать ихъ въ невольничество значитъ поступать совершенно согласно съ Священнымъ Писаніемъ. Но кромѣ этого въ Америкѣ есть защитники невольничества и изъ полигенистовъ. Эти послѣдніе опираются на ученіе Ла-Пейрера, подновляя его современными свѣдѣніями. Открыто признавая боговдохновенность Ветхаго и Новаго Завета, они старались доказать лингвистическими, географическими и историческими изысканіями, что библейскія повѣствованія о началѣ и продолженіи человѣческаго рода исключительно относятся къ бѣлымъ народамъ. При такомъ взглядѣ, они смотрѣли на различныя группы человѣческія какъ на отдѣльные виды, и, приблизивъ сколько возможно негра къ обезьянѣ, пришли къ тому же заключенію, какъ и г. Кальгаунъ.

Мы видимъ отсюда, что интересы вовсе не научнаго свойства вмѣшивались въ разсмотрѣніе вопроса, который подлежитъ теперь нашему изученію. Нельзя не пожалѣть объ этомъ обстоятельствѣ, и мы не могли не указать на него въ самомъ началѣ. Оно одно можетъ объяснить нѣкоторыя преувеличенія и нѣкоторыя ошибки, столь поразительныя, что нельзя не считать ихъ въ извѣстной степени намѣренными; имъ однимъ также объясняется тонъ, въ которомъ писались и теперь еще пишутся сочиненія большей части антропологовъ обѣихъ школъ. Съ той и другой стороны гремѣла анаеема, и если въ наше время нѣсколько болѣе смягченные литературные нравы не дозволяютъ уже употреблять тѣ слишкомъ крупныя слова, какими перебрасывались наши предшественники, тѣмъ не менѣе у нѣкоторыхъ изъ нихъ, даже самыхъ недавнихъ и самыхъ серьезныхъ, попадаются мѣста, сильно сбивающіеся на богословскій диспутъ или на политическій памфлетъ. Къ чему всѣ эти гнѣвы? Приговоры инквизиціи не могли ни землю остановить въ ея движеніи, ни солнце заставить обращаться вокругъ земнаго шара; точно также и шутки Вольтера не уничтожили окаменѣлостей. Ни рѣзкія выходки, ни злые намеки, ни насмѣшки не измѣняютъ нисколько отношеній, существующихъ между человѣческими группами.

Опредѣлить эти отношенія и есть именно та задача, которую мы предложили себѣ въ этомъ трудѣ. Извѣстно, что еже-

дневно натуралисты, и одни только натуралисты, рѣшаютъ подобнаго рода задачи; имъ слѣдовательно принадлежитъ по праву и та, которая занимаетъ насъ теперь. Если же мы на вопросъ этотъ будемъ смотрѣть исключительно съ точки зрѣнія естественной исторіи, то, кажется, было бы не возможно не согласиться съ мнѣніемъ моногенистовъ. Безъ сомнѣнія, ученіе ихъ не отвѣчаетъ на всѣ вопросы: *почему* и *какъ*, возбуждаемые тысячею антропологическихъ задачъ. Напротивъ, съ перваго взгляда, и въ особенности для умовъ, хотя и очень развитыхъ, но не посвящавшихъ себя нѣкоторымъ спеціальнымъ изученіямъ, теорія моногенистовъ повидимому только увеличиваетъ и осложняетъ трудности. Здѣсь происходитъ нѣчто подобнае тому, что бываетъ въ зоологіи и ботаникѣ при приложеніи *системъ*, противоположномъ употребленію *метода*. Системы несравненно легче схватываются и удобнѣе въ практикѣ. Было время, когда онѣ приносили дѣйствительную пользу и имѣли ревностныхъ защитниковъ; но истинные ученые, даже самые изобрѣтатели ихъ, скоро увидѣли въ нихъ важные недостатки. Они поняли, что самая лучшая система часто скрываетъ существующія затрудненія, не разрѣшая ихъ, а иногда сама создаетъ затрудненія, не имѣющія никакого основанія, и такимъ образомъ ведетъ только къ заблужденіямъ. Естественный методъ, напротивъ, ставитъ ботаника и зоолога лицомъ къ лицу съ каждою задачей, и заставляетъ ихъ обозрѣть ее со всѣхъ сторонъ. Вслѣдствіе этого, онъ иногда доказываетъ имъ безсиліе рѣшить задачу, но по крайней мѣрѣ никогда не дозволяетъ строгому уму обольщать себя увѣренностію, что онъ достаточно объяснилъ то, что вовсе имъ не объяснено.

То же самое, если сравнимъ ученіе моногенистовъ съ противоположною теоріей. Въ виду разнообразія, представляемаго человѣческими группами, казалось бы, нѣтъ ничего проще какъ сдѣлать изъ этихъ группъ столько же различныхъ видовъ, и каждому изъ нихъ приписать отдѣльное происхожденіе. Рѣшить задачу нашу такимъ образомъ весьма соблазнительно; рѣшеніе это такъ просто и, повидимому, отвѣчаетъ на все; но стоить лишь немного вникнуть въ дѣло, и послѣдствія, вытекающія изъ этого рѣшенія, тотчасъ же убѣдятъ насъ въ его неточности. Въ самомъ дѣлѣ, рѣшеніе это повело бы насъ къ заключенію, что законы, которымъ подчиненъ человѣческій организмъ, во многихъ и притомъ самыхъ

важныхъ пунктахъ не согласны съ законами, которые управляютъ прочими живыми организмами.

Напротивъ, если мы будемъ смотрѣть на эти группы какъ на происходящія отъ одного первоначальнаго типа, то различіе въ этихъ группахъ покажется намъ съ перваго взгляда въ высшей степени труднымъ для объясненія; но стоить только сравнить ихъ съ растеніями и животными, чтобъ убѣдиться, что фактъ этотъ не есть единственный въ своемъ родѣ, что онъ встрѣчается еще и въ двухъ остальныхъ органическихъ царствахъ, гдѣ принять всеми, и наконецъ, что законы простой физиологіи объясняютъ безъ большихъ затрудненій, по крайней мѣрѣ, его общій характеръ. Эти самые законы согласуются во всѣхъ другихъ пунктахъ съ ученіемъ моногенистовъ, въ той же мѣрѣ, въ какой противорѣчатъ теоріи полигенистовъ. Въ виду такого результата, кажется, нельзя колебаться.

Полигенисты очень хорошо поняли, какъ опасно для ихъ теоріи приложеніе естественныхъ наукъ къ изученію человѣка. Поэтому многіе изъ нихъ еще заранѣе объявили себя несогласными съ какими бы то ни было заключеніями, которыя могли бы произойти изъ этого приложенія. Они выставили человѣка существомъ исключительнымъ, во всѣхъ отношеніяхъ стоящимъ внѣ общихъ законовъ. Другіе, понимая несостоятельность подобнаго утвержденія, постарались скрыть противорѣчіе, существующее между этими законами и полигенизмомъ. Эти-то полигенисты самые серіозные изъ нашихъ противниковъ. Какъ и мы, они говорятъ во имя науки и провозглашаютъ множественность родовъ человѣческихъ. На сколько ихъ доводы неосновательны—вотъ что хотимъ доказать мы теперь; но прежде всего, чтобы споръ былъ серіозный, чтобъ онъ не превратился въ одно словопреніе, мы должны припомнить главныя физиологическія правила и наиболѣе существенные факты, которые могутъ имѣть здѣсь свое приложеніе; мы должны также бросить взглядъ на естественную исторію самихъ животныхъ и растеній.

Такимъ образомъ мы подойдемъ къ человѣку хотя косвеннымъ путемъ, но тѣмъ не менѣе единственно-вѣрнымъ, и тѣ изъ нашихъ читателей, которые захотятъ послѣдовать за нами, согласятся, что единство рода человѣческаго есть не только ученіе филантропическое, внушаемое самымъ благороднымъ чувствомъ, возвышенное философское понятіе, догматъ, уже

потому заслуживающій уваженія, что онъ связанъ съ религіозными вѣрованіями большей части человѣчества, но что единство человѣческаго рода есть великая истина науки.

#### 1. ИМПЕРІИ И ЦАРСТВО ПРИРОДЫ.—ЦАРСТВО ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ.

Что такое человѣкъ? Этого вопроса, на который отвѣчали уже столько разъ и такъ различно, мы можемъ коснуться здѣсь только съ точки зрѣнія естественной исторіи. Мы поступимъ точно такъ же, какъ поступаетъ всякій натуралистъ, который хочетъ самъ изучить одно или нѣсколько вмѣстѣ взятыхъ существъ, или познакомить съ ними другихъ. Въ подобномъ случаѣ, онъ прежде всего долженъ опредѣлить къ какой первоначальной группѣ принадлежитъ предметъ его изслѣдованія, и тогда только онъ можетъ перейти къ болѣе-опредѣленнымъ подробностямъ и окончательно назначить мѣсто для разсматриваемаго имъ минерала, растенія или животнаго. Такимъ образомъ вопросъ: что такое человѣкъ? приводится къ слѣдующему: какое мѣсто занимаетъ человѣкъ въ естественной классификаціи существъ? Какъ повидимому ни простъ этотъ вопросъ, однако онъ произвелъ разногласіе между людьми равныхъ достоинствъ. Чтобы оправдать принятое нами рѣшеніе, мы должны припомнить, какія именно тѣ первоначальныя группы, между которыми раздѣляется вся природа.

Со временъ Аристотеля до нашего времени, всѣ натуралисты различаютъ въ природѣ два разряда тѣлъ: одни состоящія изъ частей косныхъ и не имѣющихъ между собою другой связи кромѣ механическаго сдѣпленія и молекулярныхъ силъ; другія же составленныя изъ частей дѣятельныхъ, изъ коихъ каждая способствуетъ какимъ-нибудь особымъ дѣйствіемъ къ сохраненію цѣлаго, а потому и зависитъ болѣе или менѣе отъ другихъ частей и вмѣстѣ съ ними составляетъ то, что мы называемъ недѣлимымъ (*individu*). Вслѣдствіе этого, всѣ натуралисты, въ той или другой формѣ, признали основное различіе между тѣлами органическими и неорганическими. Въ этомъ конечно и мы послѣдуемъ ихъ примѣру. Принимая наименованіе, предложенное впервые Палласомъ, мы означимъ словами *имперія природы* каждый изъ этихъ великихъ разрядовъ, и такимъ образомъ въ природѣ будемъ различать имперію органическую и

имперію неорганическую <sup>1</sup>. Въ каждой изъ нихъ мы встрѣчаемъ тѣла и существа, отличающіяся отъ другихъ тѣлъ и существъ общими сходственными свойствами, а потому мы и раздѣлимъ еще имперіи природы на *царства*, чтобъ удержать такимъ образомъ для этихъ новыхъ разрядовъ названія, освященные авторитетомъ Линнея и всеобщимъ признаніемъ. На какихъ же фактахъ основано введеніе этого раздѣленія въ науку? Въ чемъ именно состоитъ разница и связь между царствами природы?

Заявимъ прежде всего то, что *тѣла небесныя* группируются особо. Какъ бы мы ни назвали эти тѣла: звѣздами, солнцами, планетами, кометами или спутниками планетъ, они въ глазахъ нашихъ все-таки остаются крошечными частицами великаго цѣлаго, котораго никакія вычисленія, никакое пылкое воображеніе не въ состояніи измѣрить. Между этими мириадами свѣтилъ небесныхъ существуютъ нѣкоторыя отношенія, и отношенія несравненно болѣе сложныя чѣмъ прежде полагалось съ точностію. Если въ нашей крошечной солнечной системѣ спутники обращаются вокругъ своихъ планетъ, а планеты вокругъ солнца, то и солнце также увлекается въ пространство по направленію къ созвѣздію Геркулеса со скоростію, которую наука надѣется въ скоромъ времени опредѣлить съ точностію. Безъ сомнѣнія, оно обращается вокругъ какого-либо центра, положеніе котораго узнаютъ будущія поколѣнія. Въ небѣ нашемъ, два солнца, составляющія одну и ту же двойную звѣзду, вращаются одно вокругъ другаго, и можетъ-быть весь нашъ видимый міръ, со всѣми солнцами нашего неба, притягивается къ какому-нибудь неизвѣстному центру, скрытому въ пучинахъ безконечнаго. Будучи опредѣлены математическими законами, орбиты всѣхъ этихъ міровъ представляютъ тѣмъ не менѣе нѣкоторыя неправильности. Вслѣдствіе самой силы, движущей ихъ, небесныя свѣтила воздѣйствуютъ одно на другое, и вычисленіе уклоненій ихъ отъ своего пути показало астро-

---

<sup>1</sup> До сихъ поръ въ подобномъ случаѣ я всегда употреблялъ выраженія: *міръ органическій* и *міръ неорганическій*. Какъ и большая часть моихъ современниковъ, я забылъ, что Палласъ далъ уже названія этимъ двумъ мірамъ, составляющимъ вселенную. Г. Изидоръ Жофруа Сентъ-Илеръ первый напоминаетъ намъ объ этомъ въ замѣчательномъ своемъ сочиненіи, которое издается имъ въ настоящее время: *Histoire naturelle générale des régnes organiques*.

номамъ, что даже будучи отдалены между собою на миллионы верстъ, свѣтила эти тѣмъ не менѣе, въ извѣстныхъ предѣлахъ, зависятъ другъ отъ друга.

Что же нужно было, чтобы дать всѣмъ этимъ движеніямъ определенное направленіе, установить ихъ взаимную зависимость? Достаточно было одной силы притяженія, чтобы превозмочь косность вещества, и привести въ движеніе всю эту чудную систему міровъ, разсыпанную въ безпредѣльности. Сходные по своей натурѣ, управляемые одною и тою же неизмѣнною силой, а потому и представляющіе намъ одинаковаго рода явленія, міры эти очевидно составляютъ изъ себя группу, совершенно отличную отъ той, которую образуютъ другія тѣла, простые матеріалы нашего земнаго шара. Потому-то нѣкоторые натуралисты, и въ особенности знаменитый Декардоль, составили изъ нихъ совершенно отдѣльное царство—*царство звѣздное*. И мы примемъ это раздѣленіе, считая его совершенно основательнымъ.

Перейдемъ теперь отъ сферъ небесныхъ къ поверхности нашего земнаго шара. Здѣсь также мы встрѣтимъ силу притяженія, но уже подъ именемъ силы тяжести; и здѣсь также эта сила есть причина всеобщаго движенія. Всѣ тѣла, какъ неорганическія, такъ и живыя, подчинены этому движенію. Будучи частями цѣлаго, они повинуются тому закону, той силѣ, которая управляетъ цѣлымъ. Представимъ себѣ однакоже, что было бы съ нашимъ шаромъ, еслибъ онъ получилъ свое образованіе при дѣйствіи одной силы тяжести. Допустимъ, что вещество могло бы еще находиться въ тѣхъ трехъ состояніяхъ, въ которыхъ оно является намъ теперь: твердые элементы составили бы плотное и однородное ядро математически-опредѣленной формы, а вокругъ него, по тѣмъ же неизмѣннымъ законамъ, расположились бы слой жидкій и слой воздухообразный. Эта форма земнаго шара должна была бы сохраниться въ продолженіи цѣлой вѣчности. Единственнымъ измѣняющимся явленіемъ была бы здѣсь неправильность воздушныхъ и морскихъ приливовъ и отливовъ, производимыхъ притяженіемъ солнца и луны на поверхности безбрежнаго океана, въ атмосферѣ, незнакомой съ вѣтрами и бурями.

Чтобы возбудить другія явленія, нужно было что-нибудь еще кромѣ силы тяжести или притяженія, нужны были силы физико-химическія. Вслѣдствіе этихъ-то силъ, тревожныя

реакція и могущественныя движенія взрыли и взбугрили твердое ядро нашей планеты. Эти-то силы, при содѣйствіи силы тяжести, произвели твердую землю съ ея горами, долинами, плоскими возвышенностями и низменными равнинами; ограничили бассейны океановъ и озеръ, породили множество теченій, которыя, будто рѣки, заключенныя въ водяныхъ берегахъ, бороздятъ самыя обширныя океаны, и эти другія теченія, извѣстныя подъ именемъ вѣтровъ, которыя возмущаютъ атмосферу; установили это очередное испареніе и сжатіе водъ, производящія источники и рѣки, однимъ словомъ дали начало этому множеству всѣмъ извѣстныхъ явленій, на которыя достаточно только указать.

Здѣсь нельзя не остановиться и не предложить себѣ вопроса, невольно приходящаго на умъ всякому мыслящему человѣку. Если единственная сила притяженія достаточна, чтобы управлять всѣми мірами, то вѣроятно ли, чтобы десятки силъ были необходимы для того, чтобы привести въ движеніе элементы малѣйшаго изъ этихъ міровъ? Это предположеніе противорѣчитъ разсудку нашему, и мы надѣемся, что съ успѣхами науки противорѣчіе это исчезнетъ. Человѣкъ, пораженный видимою несходностію нѣкоторыхъ явленій, сначала могъ сблизить между собою только наиболѣе сходныя изъ нихъ, и такимъ образомъ составить извѣстное число группъ и каждую изъ нихъ приписать отдѣльной причинѣ. Черезъ это, по мѣрѣ того какъ онъ открывалъ какое-нибудь новое явленіе, ясно отличавшееся отъ другихъ, уже извѣстныхъ ему, онъ все болѣе и болѣе умножалъ число силъ физико-химическихъ; но мы ежедневно убѣждаемся, что ученіе это могло имѣть лишь временное значеніе. Мало-помалу открываются промежуточные факты, и сближаются такія явленія, которыя прежде считались самыми отдаленными. Одною и тою же силой производятъ явленія, которыя до нашего времени считались совершенно разнородными. Въ рукахъ нашихъ искусныхъ физиковъ одна и та же причина порождаетъ, въ одно и то же время, теплородъ, электрическій токъ, химическія соединенія и движеніе. Дошли уже до того, что такъ-сказать преобразуютъ одну силу въ другую, и убѣждаются, что это преобразование совершается по законамъ столь же твердымъ, какъ замѣщеніе одного химическаго эквивалента другимъ; потому многіе уже не колеблются при-



завать между всѣми этими силами болѣе или менѣе тѣсныя аналогіи. Даже есть такіе ученые, и притомъ принадлежащіе къ числу замѣчательнѣйшихъ, которые считаютъ ихъ частнымъ проявленіемъ одной и той же силы, болѣе общей, и многое даетъ право думать, что они не ошибаются.

Сила тяжести и силы физико-химическія—лучше сказать сила физикохимическая—опредѣляютъ собою всѣ явленія, представляемыя извѣстными земными тѣлами, которыя мы называемъ *неорганическими*. Со временъ Линнея, совокупность всѣхъ этихъ тѣлъ именуется: *царствомъ ископаемымъ*, или *минеральнымъ*. Это-то царство и составляетъ второй отдѣлъ имперіи неорганической.

Легко можно себѣ представить, что было бы съ нашимъ шаромъ, предоставленнымъ дѣйствию одной силы тяжести и силъ физико-химическихъ. Небо осталось бы почти такимъ же, каково оно теперь. Море также не измѣнило бы своихъ границъ, и въ пучинахъ его, какъ и на поверхности земли, царствовало бы совершенное безплодіе: не было бы водорослей и другихъ морскихъ растений, точно такъ же какъ не было бы лѣсовъ и луговъ. Подвижные матеріалы почвы, безъ всякой защиты подверженные дѣйствию атмосферическихъ силъ, не могли бы оставаться на склонахъ горъ, и голые утесы, такіе, какіе мы въ настоящее время встрѣчаемъ выше предѣловъ растительности, возвышались бы почти вездѣ надъ пустынными наносами. Ни одна птица, ни одно насекомое не нарушало бы этого мертваго безмолвія, котораго можетъ-быть мы не встрѣтимъ ни на одной точкѣ настоящаго земнаго шара, и только шумъ мертвыхъ тѣлъ, колеблемыхъ и приводимыхъ въ движеніе физическими силами, прерывалъ бы тишину безжизненности, простертую по всей землѣ. Чтобы преобразовать эту грустную картину, оживить и украсить поверхность нашего шара, нужно было нѣчто болѣе чѣмъ двѣ силы, названныя выше; нужна была новая сила, которая произвела бы новыя явленія; это *нѣчто*, эта сила — *жизнь*.

Неоднократно, въ моихъ прежнихъ сочиненіяхъ, объяснялъ я смыслъ, который я придаю этому слову, и однакожь будетъ не лишнимъ еще разъ повторить это здѣсь. По моему мнѣнію, жизнь вовсе не есть, какъ объясняетъ ее Ванъ-Гельмонтъ, нѣчто въ родѣ *верховнаго архя*, властителя тѣла, имѣющаго свою собственную индивидуальность, и изъ френическаго центра своего сѣдалища управляющаго множествомъ

*второстепенныхъ археевъ*, помѣщающихся въ разныхъ частяхъ тѣла и ежеминутно выходящихъ изъ повиновенія своему главѣ. Точно также, въ глазахъ монаховъ, жизнь имѣетъ не болѣе аналогіи съ *жизненнымъ началомъ* (principe vital) Бартеса, или лучше его учениковъ, другою сущностію, довольно темною, не имѣющею опредѣленнаго мѣстопребыванія, но непрестанно пекущеюся о вѣренномъ ей тѣлѣ и часто причиняющею болѣе зла чѣмъ добра, изъ желанія исправить какой-нибудь небольшой вредъ. Нѣтъ, жизнь есть просто неизвѣстная причина всѣхъ особенныхъ явленій, свойственныхъ живымъ существамъ, подобно тому какъ электричество для физики есть неизвѣстная причина явленій, представляемыхъ наэлектризованными тѣлами, подобно тому какъ теплородъ есть столь же неизвѣстная причина явленій, происходящихъ въ нагрѣтыхъ тѣлахъ, и наконецъ подобно тому какъ сила физико-химическая вообще, какое бы мы ни дали ей названіе, составляетъ неизвѣстную причину явленій, свойственныхъ тѣламъ неорганическимъ. Жизнь не есть также сила до такой степени особенная, чтобы по своему характеру она противопоставалась силамъ упомянутымъ выше. Безъ сомнѣнія, при многихъ обстоятельствахъ, она измѣняетъ и уравниваетъ ихъ дѣйствіе; но и самыя силы физическія, при одновременномъ дѣйствіи, часто имѣютъ вліяніе одна на другую. Теплота измѣняетъ дѣйствіе электричества, и обѣ силы вмѣстѣ часто преодолеваютъ тяжесть, то есть притяженіе, эту всеобщую силу, которую мы встрѣчаемъ какъ въ неорганическихъ тѣлахъ и живыхъ существахъ, такъ въ солнцахъ и мірахъ. Идея жизни, понятая такимъ образомъ, не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго самому строгому естествоиспытательному уму. Это просто сила, которая присоединяется къ другимъ силамъ прежде признаннымъ и всѣми принятымъ, и которая, какъ и эти послѣднія силы, заявляетъ себя въ своихъ дѣйствіяхъ. Этоюто силой отличаются тѣла органическія отъ неорганическихъ, существа живыя отъ тѣлъ грубыхъ. *Организація*, а вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовательно и *индивидуализація* извѣстнаго количества вещества, вотъ два громадныя явленія, которыя жизнь вводитъ на поверхность земнаго шара.

Жизнь, организація, представляющая собою результатъ, а не причину жизни, глубоко отдѣляя существа живыя отъ тѣлъ

неорганическихъ. Между тѣми и другими цѣлая пропасть. Но значить ли это, что они не имѣютъ рѣшительно ничего общаго между собой, что раздѣляющая ихъ пропасть—бездонна? Нѣтъ, не такова наша мысль. Живыя существа, какъ растенія, такъ и животныя, столько же какъ и тѣла неорганическія, подчинены вліянію тяжести, теплоты, электричества. Силы химическаго сродства дѣйствуютъ въ нихъ такъ же, какъ онѣ дѣйствуютъ въ лабораторіяхъ. Различія между имперіями неорганическою и органическою состоятъ слѣдовательно не въ томъ, что послѣдняя не подчиняется тѣмъ же силамъ, какъ первая, но только въ томъ, что къ дѣйствию этихъ силъ присоединяется еще новая сила, обнаруживающаяся совершенно особеннымъ образомъ и способная слѣдовательно произвести особенныя явленія, а также и измѣнить въ нѣкоторой мѣрѣ результаты дѣйствія другихъ силъ. Въ приборахъ нашихъ, въ нашихъ тигляхъ, силы физико-химическія обнаруживаются изолированно, и явленіями простыми. Въ существѣ органическомъ, эти же самыя силы дѣйствуютъ подъ господствомъ жизни, и въ виду совокупнаго результата. Вслѣдствіе этого, производимыя ими явленія всегда будутъ болѣе или менѣе сложны, но чрезъ то все-таки не измѣнять своей природы. Вотъ почему весьма часто можно, на основаніи тѣлъ неорганическихъ, выводить заключенія о существахъ живыхъ; вотъ почему механикъ, химикъ, физикъ, могутъ бросать яркій свѣтъ на общее дѣйствіе нашихъ органовъ, но при непремѣнномъ условіи никогда не забывать о жизни, между тѣмъ какъ они слишкомъ часто бываютъ склонны забывать о ней; вотъ почему физиологія, наука о существахъ живыхъ, не можетъ обойдтись безъ помощи другихъ наукъ, имѣющихъ цѣлію изученіе природы неорганической.

На сколько жизнь и организациа отдѣляютъ существа живыя отъ тѣлъ неорганическихъ, на столько же онѣ сближаютъ существа живыя между собой. Этотъ послѣдній фактъ важно заявить не менѣе перваго; но нужно ли доказывать его? Всѣ существа органическія имѣютъ начало и конецъ, всѣ они рождаются, растутъ и умираютъ; ни одно изъ нихъ, въ минуту своего появленія на свѣтъ, не походитъ на то, чѣмъ будетъ въ послѣдствіи, то-есть всѣ подвергаются превращеніямъ, всѣмъ имъ необходимо питаніе, и самое питаніе въ сущности одинаково для всѣхъ. Эти общія явленія, происходящія подъ властію одной и той же силы, сходственныя въ

сущности по своимъ процессамъ и тождественныя по цѣли устанавливають между всѣми живыми существами отношенія самыя тѣсныя; вотъ почему въ физиологii такъ часто дозволяется на основанii растений дѣлать заключенія о животныхъ, и на основанii животныхъ — о растенiяхъ.

Имперiя органическая заключаетъ въ себѣ, какъ извѣстно, двѣ группы, два царства, весьма различныя одно отъ другаго и всѣми принятыя. Первое царство, растительное, заключаетъ въ себѣ существа почти всѣ крѣпкiя почвѣ, не имѣющiя другихъ движенiй, кромѣ тѣхъ, которыя происходятъ отъ ихъ организацiи или отъ дѣйствiй извнѣ, не имѣющiя никакого сознанiя ни о себѣ, ни объ окружающемъ ихъ. Только организацiя и слѣдствiя, которыя она влечетъ за собою, отличаютъ растенiя отъ тѣлъ неорганическихъ. Въ нихъ только одна жизнь присоединилась къ силамъ физико-химическимъ.

Но не то происходитъ въ другой группѣ имперiи органической. Здѣсь обнаруживаются явленiя совершенно-новыя. Животное чувствуетъ, то-есть воспринимаетъ впечатлѣнiя, источникъ которыхъ заключается въ немъ самомъ или которыя приходятъ извнѣ; оно движется всею своею цѣлостiю или частями, независимо отъ всякаго дѣйствiя, произведеннаго силами физико-химическими или происходящаго отъ игры ихъ организацiи; оно пользуется движенiемъ *сознательнымъ, произвольнымъ*, или лучше сказать *автономическимъ*, какъ называлъ его г. Изидоръ Жофруа Сентъ-Илеръ <sup>1</sup>, и слѣдовательно обладаетъ *волею*, опредѣляющею это движенiе. Въ этихъ двухъ пунктахъ невозможенъ никакой споръ, и мы отослали бы къ Лафонтену всякаго, кто вздумалъ бы воскресить странную теорiю животныхъ машинъ. Несмотря на авторитетъ Декарта, достаточно для опроверженiя этой теорiи единоклѣтiя натуралистовъ. Всѣ они, начиная отъ Аристотеля, признали отличительными признаками животнаго царства *чувствительность и способность произвольно перемѣщаться*. Многiе изъ нихъ приписываютъ животнымъ способности даже болѣе возвышенныя, и мнѣ кажется невозможнымъ не раздѣлять ихъ мнѣнiя, *даже* теперь, когда мы, вѣроятно, достигли предѣла этого мiра низшихъ животныхъ, почти неизвѣстныхъ нашимъ предшественникамъ. Всякiй, кто сдѣлаетъ достаточно

<sup>1</sup> *Αὐτονομός*—управляющiй собою по своимъ собственнымъ законамъ.

наблюдений надъ кольчатыми (annelides), слизнями (mollusques) и даже животно-растениями (zoophytes), кто подвергнетъ ихъ тѣмъ легкимъ опытамъ, которые я неоднократно повторялъ, тотъ безъ сомнѣнiя долженъ будетъ согласиться, что хотя эти существа и далеко не такъ развиты какъ млекопитающiя и птицы, но тѣмъ не менѣе до извѣстной степени обладаютъ сознаниемъ собственнаго индивидуума, чувствомъ внѣшняго мiра, ихъ окружающаго, постигаютъ существующiя между ними отношенiя, и наконецъ сообразно съ этими отношенiями измѣняютъ свою волю и свои движенiя. Но постигать какiя-либо отношенiя и на основанiи ихъ управлять своими дѣйствiями, не значить ли *смыслить*? Легко было бы привести здѣсь много и другихъ явленiй подобнаго же рода, чуждыхъ растениямъ и свойственныхъ описываемому нами царству; но здѣсь не мѣсто касаться великаго вопроса о смыслѣ животныхъ; достаточно напомнить, что даже у самыхъ деградированныхъ, пока только они по величинѣ своей и по своей природѣ доступны наблюдению, мы всегда находили слѣды тѣхъ основныхъ способностей, совокупность которыхъ составляетъ самый смыслъ человѣческiй.

Эти основныя способности весьма различны, и по всей справедливости носятъ различныя названiя; но слѣдуетъ ли изъ этого, что въ каждомъ животномъ каждая изъ этихъ способностей связана съ особою причиною? Трудно было бы податься на такую мысль. Теперь, когда мы должны коснуться одного изъ этихъ малыхъ мировъ, называемаго нами *недѣлными*, умъ нашъ, еще болѣе чѣмъ когда мы говорили о силахъ физико-химическихъ, чувствуетъ потребность отнести къ одной и той же причинѣ всѣ эти сознательныя дѣйствiя животныхъ, опирающiяся одно на другое и стремящiяся къ одной и той же цѣли. Но какая же именно эта причина, и какъ назвать ее? Многiе пытались отвѣчать на эти вопросы. Много уже было писано о *душѣ животныхъ* и много сдѣлано попытокъ къ объясненiю ея природы и способа дѣйствiя. Мы не будемъ такъ отважны; тамъ, гдѣ у насъ нѣтъ опытовъ и наблюдений, мы всегда считаемъ долгомъ остановиться. Достаточно было показать, что если растения отдѣлены отъ животныхъ, то это потому, что у этихъ послѣднихъ обнаруживаются такiя явленiя, которыхъ мы не встрѣчали ни въ растенияхъ, ни въ предыдущихъ

группахъ, что въ нихъ есть нечто существенно характеристическое.

Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ, что натуралисты, при своемъ первоначальномъ раздѣленіи природы на имперіи и царства, не приняли за основаніе ни химическаго состава тѣлъ, ни частичнаго ихъ состоянія, ибо царство ископаемыхъ обнимаетъ собою всѣ извѣстныя тѣла простыя, и всѣ ихъ неорганическія соединенія, и заключаетъ въ себѣ какъ тѣла твердыя, такъ и жидкія и воздухообразныя. Нѣтъ, натуралисты сознательно или безотчетно обратились къ тому, въ чемъ тѣла и существа имѣютъ между собою наиболѣе общаго, наиболѣе абсолютнаго въ своей природѣ и въ своихъ отношеніяхъ къ цѣлому творенію. Переходя отъ простаго къ сложному, возвышаясь отъ тѣлъ неорганическихъ до животныхъ, въ каждой имперіи, въ каждомъ царствѣ, мы видимъ цѣлую совокупность фактовъ, цѣлый рядъ явленій, совершенно чуждыхъ низшимъ группамъ, но повторяющихся въ высшихъ. Въ этомъ-то очевидно заключается главнымъ образомъ характеръ великихъ первоначальныхъ раздѣленій. Результатъ этотъ, независимо отъ всѣхъ тѣхъ гипотезъ, которыми руководствовались умы, достигшіе его, ежедневно подтверждается наблюденіемъ и опытомъ. Вотъ почему время оставило его неприкосновеннымъ, и вотъ почему современной наукѣ со всѣми ея новыми пособіями остается въ сущности только подтвердить его <sup>1</sup>.

Теперь мы можемъ приступить къ задачѣ, которая вызвала все вышесказанное; теперь, когда мы уже знаемъ, что такое ископаемое, растеніе и животное, и какими признаками различаются царства, мы можемъ спросить себя: имѣетъ ли въ дѣйствительности человекъ мѣсто въ одномъ изъ трехъ

<sup>1</sup> Три царства: ископаемыхъ, растеній и животныхъ, приняты почти повсюдно натуралистами. Царство звѣдное принимается менѣе повсюдно. *Царство человеческое*, составляющее существенный предметъ статьи нашей, прежде имѣло и теперь еще имѣетъ многихъ приверженцевъ. Независимо отъ этихъ пяти группъ, болѣе или менѣе повсемѣстно принятыхъ, нѣкоторые натуралисты предлагали еще и другія раздѣленія того же рода, основываясь на весьма-различныхъ соображеніяхъ; но большая часть этихъ новыхъ системъ оставалась принятою только самими авторами, да и тѣ не рѣдко въ послѣдствіи отказывались отъ нихъ. Во второмъ томѣ уже однажды приведеннаго нами сочиненія г. Изидора Жофруа Сентъ-Илера помѣщенъ превосходный историческій очеркъ этой части науки и самый тщательный разборъ большей части вопросовъ, ею поднимаемыхъ.

царствъ намъ извѣстныхъ, или проще сказать, въ послѣднемъ изъ нихъ? Человѣкъ есть ли животное? И если есть, то какое онъ долженъ занимать мѣсто въ нашихъ зоологическихъ кадрахъ? Отвѣты на этотъ двойной вопросъ были многочисленны и очень разнообразны: «Въ этихъ отвѣтахъ, говорить г. Изидоръ Жоффуа, видимъ мы полную таблицу противорѣчій человеческого ума; ни одна кѣтка этой таблицы не осталась пуста.» И это строгое сужденіе вполне справедливо. Изъ человѣка дѣлали попеременно: *отдѣльное царство, вѣтъ* царства животнаго, *классъ, разрядъ, подразрядъ, семейство, подсемейство, родъ*, и наконецъ просто *видъ* рода, въ которомъ его прицѣпили къ обезьянѣ. Я не стану разбирать всѣ эти мнѣнія, въ числѣ которыхъ есть до такой степени странныя. Достаточно, если я докажу справедливость того изъ нихъ, которое давно уже принято мною, и которое съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе признаю единственно вѣрнымъ <sup>1</sup>. Въ моихъ глазахъ, человѣкъ на столько же отличается отъ животнаго, на сколько животное отличается отъ растенія; онъ одинъ долженъ составить отдѣльное царство, *царство человеческое*, и это царство имѣетъ столь же рѣзкую характеристику и въ той же степени важную, какъ и прочія первоначальныя группы, исчисленныя нами выше.

Для того чтобъ оправдать это мнѣніе, намъ нужно доказать, что въ человѣкѣ существуетъ совокупность такихъ фактовъ или явленій, которые совершенно чужды животному. Гдѣ найдемъ мы эти факты? Ужь не въ организаціи ли его, въ его сложеніи или въ дѣйствіяхъ его орудій? Сравнительная анатомія и физиологія давно отвѣчали на это отрицательно. Первая изъ нихъ нашла даже въ низшихъ типахъ главные органы человѣка, а въ млекопитающихъ и въ особенности въ обезьянахъ, она даже доказала полную тождественность анатомическаго строенія, кость въ кость, мускулъ въ мускулъ, сосудъ въ сосудъ, нервъ въ нервъ. Кое-какія варіаціи въ объемѣ, размѣрахъ, или расположеніи, соответственно

<sup>1</sup> Я ясно выразилъ свое мнѣніе относительно существованія отдѣльнаго царства, составляемаго однимъ родомъ человеческимъ, въ замѣткѣ моей, помѣщенной въ началѣ одного изъ моихъ трудовъ, напечатанныхъ въ *Revue de deux Mondes* 1854 года (*Souvenirs d'un naturaliste*). Еще въ 1838 году я объяснялъ этотъ взглядъ въ публичномъ курсѣ моемъ, читанномъ въ Тулузѣ.

наружнымъ формамъ, вотъ почти единственные различія между ними. По мѣрѣ того какъ способы изслѣдованія стали многочисленнѣе и могущественнѣе, сближеніе стало тѣснѣе. Микрографія показала между элементами животнаго организма и организма человѣческаго сходство столь же поразительное, какъ и усмотрѣнное анатоміей; химія привела къ тому же результату. Какъ и легко было предвидѣть, органы почти тождественные исполняютъ почти одни и тѣ же дѣйствія и одинаковымъ образомъ. Убѣдившись въ этихъ общихъ фактахъ, физиологія воспользовалась ими для себя, и вотъ почему съ каждымъ днемъ физиологи бросаютъ новый свѣтъ на естественную исторію человѣка опытами, производимыми ими надъ собаками, кроликами и даже лягушками.

Нѣкоторые натуралисты, и въ числѣ ихъ люди весьма замѣчательные, приняли и старались оправдать научными соображеніями мнѣніе, столь поэтически выраженное Овидіемъ. Вертикальный станъ на двухъ ногахъ и *os sublime* считались ими за наружные признаки, характеризующіе человѣческое царство. Но трудно согласиться съ ними въ этомъ. Г. Изидоръ Жоффуа сдѣлалъ на это возраженіе, ускользнувшее по какому-то странному недосмотру отъ вниманія всѣхъ его предшественниковъ; онъ замѣтилъ, что многія птицы держатся въ обыкновенномъ своемъ положеніи совершенно прямо. Пингвины и даже наши домашнія утки обладаютъ этою особенностію. Не въ этомъ впрочемъ состоятъ главнѣйшее возраженіе противъ упомянутаго мнѣнія. Относительно стана, между человѣкомъ и животнымъ все различіе заключается только въ степени. Если станъ у большей части млекопитающихъ—горизонтальный, за то у человѣкообразныхъ обезьянъ онъ естественно наклонный. Обезьяны часто, и совершенно произвольно, принимаютъ осанку, напоминающую человѣка. Съ этой точки зрѣнія они являются животными дѣйствительно переходными. Итакъ у человѣка сдѣланъ только шагъ впередъ въ направленіи уже ясно обозначившемся; мы видимъ шагъ впередъ, прогрессъ, но не видимъ еще ничего существенно новаго.

Не въ умственныхъ ли способностяхъ человѣка найдемъ мы главную характеристику человѣческаго царства? Разумѣется, у меня и въ мысли не можетъ быть отождествленіе умственнаго развитія человѣка съ скуднымъ смысломъ животныхъ, даже наиболѣе одаренныхъ. Между ними и человѣ-



комъ разстояніе такъ велико, что многіе могли даже найдти полное несходство, но теперь уже нельзя думать такимъ образомъ. Животное имѣетъ свою долю смысла, и если его основныя умственныя способности далеко не такъ развиты какъ у насъ, тѣмъ не менѣе въ основѣ онѣ однѣ и тѣ же. Животное ощущаетъ, хочетъ, помнитъ, соображаетъ, и точность и вѣрность его соображеній поразительны; въ то же время ошибки, которыя оно дѣлаетъ, доказываютъ, что эти соображенія вовсе не составляютъ слѣдствія силы слѣпой и роковой. При всемъ томъ, въ каждой изъ группъ этихъ животныхъ, мы замѣчаемъ весьма значительныя неравенства. Если взять даже однихъ позвоночныхъ животныхъ, то мы увидимъ, что птицы, несравненно совершеннѣйшія чѣмъ рыбы и пресмыкающіяся, во многомъ уступаютъ нѣкоторымъ млекопитающимъ. Не было бы ничего страннаго находить еще иное животное, которое стояло бы выше млекопитающихъ по смыслу. Было бы только отношеніе бѣльшаго къ меньшему; но не было бы явленія радикально новаго.

Все, что мы говорили объ умственныхъ способностяхъ вообще, относится и къ высшему способу ихъ обнаруженія — языку. Правда, одинъ человѣкъ обладаетъ словомъ, то-есть *членораздѣльнымъ* голосомъ, но два класса животныхъ имѣютъ также голосъ. У нихъ, какъ и у насъ, есть способность производить звуки, передающія впечатлѣнія и представленія, и понимаемыя не только существами имъ подобными, но и самимъ человѣкомъ. Охотникъ весьма скоро научается такъ-называемому языку птицъ и млекопитающихъ. Даже безъ большой опытности онъ отличаетъ звуки, выражающіе гнѣвъ, нѣжность, удовольствіе, боль, испугъ, тревогу. Безъ сомнѣнія, это языкъ совершенно элементарный; можно сказать, что онъ весь состоитъ изъ однихъ междуметій. Такъ, но все же онъ вполне удовлетворяетъ потребностямъ существъ, его употребляющихъ, и ихъ взаимнымъ отношеніямъ. Въ сущности отличается ли онъ отъ языка человѣческаго, какъ по механизму, его производящему, такъ и по цѣли своей и результатамъ? Нѣтъ. Слѣдовательно и въ этомъ случаѣ въ человѣкѣ мы видимъ только прогрессъ, и прогрессъ громадный, но существенно-новаго нѣтъ ничего <sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Выражаясь такимъ образомъ, я думаю, мнѣ нечего бояться, чтобы во мнѣніяхъ моихъ наши тождество съ мнѣніями, высказанными въ послѣднее время нѣкоторыми американскими натуралистами и антро-

Наконецъ то, что мы называемъ способностями сердца, способностями, зависящими столько же отъ инстинкта, сколько отъ смысла, обнаруживается у всѣхъ животныхъ совершенно такъ же, какъ и у человѣка. Животное любить и ненавидѣть. Извѣстно до какой степени у нѣкоторыхъ породъ простирается привязанность къ дѣтямъ; извѣстно также на сколько между другими существуетъ инстинктивное отвращеніе, переходящее при каждомъ удобномъ случаѣ въ ожесточенныя и смертельныя побоища; извѣстно, наконецъ, какимъ образомъ воспитаніе развиваетъ эти зачатки и открываетъ намъ въ нашихъ домашнихъ животныхъ индивидуальныя различія, совершенно сходныя съ тѣми, которыя поражаютъ насъ въ людяхъ. Каждый изъ насъ знавалъ собакъ признательныхъ, ласковыхъ и даже можно сказать любящихъ; каждый также встрѣчалъ собакъ ворчливыхъ, злыхъ, завистливыхъ. Можетъ-быть по *характеру*-то именно человѣкъ и животное болѣе всего сближаются между собою.

Гдѣ же мы найдемъ это *что-то такое*, совершенно чуждое животному и исключительно свойственное человѣку, такое слѣдовательно, что оправдывало бы отдѣленіе его въ особое царство? Чтобы разрѣшить это затрудненіе поступимъ какъ натуралисты: дадимъ себѣ полный отчетъ въ свойствахъ существа, которое намъ нужно опредѣлить. До сихъ поръ мы имѣли въ виду только одни органическія и умственныя свойства, но не обращали еще вниманія на свойства нравственныя. Здѣсь тотчасъ же являются два такіе основные факта, о которыхъ еще ничто не могло дать намъ понятіе въ прочихъ царствахъ.

Во всякомъ обществѣ, гдѣ только существуетъ языкъ, достаточно совершенный для выраженія понятій общихъ и отвлеченныхъ, мы встрѣтимъ слова, долженствующія выражать понятія о добродѣтели и порокахъ, человѣкъ добромъ и негодяѣ. Тамъ же, гдѣ языкъ еще не на столько развитъ, мы

---

пологами, преимущественно г. Агасисомъ. Этотъ ученый натуралистъ до такой степени уподобилъ крики животныхъ человѣческимъ нарѣчіямъ, что утверждалъ даже, что легко было бы рычанія медвѣдей различныхъ породъ производить одно отъ другаго совершенно такъ же, какъ лингвисты производятъ греческій языкъ отъ санскритскаго. Едва ли нужно опровергать это мнѣніе, съ которымъ и безъ того врядъ ли кто-либо можетъ согласиться. Человѣкъ, одинъ обладая *словомъ*, одинъ можетъ обладать въ собственномъ смыслѣ и *языкомъ*.

встрѣчаемъ вѣрованія и обычаи, доказывающіе ясно, что хотя эти понятія и не имѣютъ выраженій въ народномъ словарѣ, но тѣмъ не менѣе существуютъ. У народовъ самыхъ дикихъ, у племенъ, занимающихъ самое послѣднее мѣсто въ ряду человечества, нѣкоторыя дѣйствія общественныя или частныя заставляютъ насъ признать, что вездѣ человѣкъ, сверхъ физическаго блага и зла, видитъ нѣчто болѣе возвышенное; у народовъ передовыхъ, цѣлыя учрежденія стоятъ на этомъ основаніи. Понятіе о нравственномъ добрѣ и злѣ встрѣчается такимъ образомъ во всѣхъ группахъ человѣческихъ, но ничто не можетъ заставитьъ насъ предполагать, что оно существуетъ и у животныхъ. Понятіе это составляетъ слѣдовательно первый признакъ человѣческаго царства. Чтобы избѣгнуть слова: совѣсть, принимаемаго часто въ смыслѣ слишкомъ тѣсномъ и ограниченномъ, я употребляю слово *нравственность* чтобъ означить эту отличительную способность человѣка понимать добро и зло, подобно тому какъ словомъ *чувствительность* названа способность воспринимать впечатлѣнія.

Есть еще нѣкоторыя другія понятія, находящіяся обыкновенно въ связи одно съ другимъ и встрѣчаемыя даже въ самыхъ ограниченныхъ человѣческихъ обществахъ. Вездѣ вѣрятъ въ другой высшій міръ, въ нѣкоторыя таинственныя высшія существа, которыхъ нужно бояться или почитать, вѣрятъ въ будущую жизнь, которая ожидаетъ часть нашего существа по разрушеніи тѣла. Другими словами, понятія о Божествѣ и будущей жизни такъ же распространены повсемѣстно, какъ и понятія о добрѣ и злѣ. Какъ ни смутны они у нѣкоторыхъ народовъ, тѣмъ не менѣе вездѣ они составляютъ начало известнаго рода знаменательныхъ фактовъ. Съ ними неразрывно связано множество обычаевъ и обрядовъ, описываемыхъ путешественниками и представляющихъ собою, у племенъ самыхъ варварскихъ, скромные эквиваленты величественныхъ проявленій такого же свойства у народовъ образованныхъ. Никогда ни у какихъ животныхъ не замѣчилось что-нибудь подобное или даже аналогическое. Слѣдовательно, въ этихъ общихъ понятіяхъ, встрѣчаемыхъ у человѣка, мы видимъ второй отличительный признакъ человѣческаго царства, и словомъ *религіозность* назовемъ мы способность, или совокупность способностей, производящихъ эти понятія.

Но вотъ вопросъ: составляютъ ли въ дѣйствительности

нравственность и религіозность признаки на столько общіе, чтобъ они принадлежали всѣмъ человѣческимъ группамъ безъ исключенія, какъ мы допустили это? Фактъ этотъ былъ многими отвергаемъ. Многіе, опираясь на разказахъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, утверждали, что есть племена и даже цѣлыя народы, лишенные того или другаго изъ этихъ признаковъ. Что касается до нравственности, то на отсутствіе этого признака мало указывалось. Необходимость нравственныхъ связей во всякомъ человѣческомъ обществѣ, въ какой бы то ни было степени, такъ очевидна, что самое существованіе обществъ уже доказываетъ этотъ общій фактъ. Здѣсь впрочемъ затрудненія были вообще скоро устранены, вслѣдствіе болѣе точныхъ свѣдѣній, лишь благодаря весьма простымъ наблюденіямъ. Такъ напримѣръ, нарѣчія народовъ Австраліи не содержатъ въ себѣ словъ, которыми переведились бы слова: *честность, правосудіе, грѣхъ, преступленіе*, но заключать изъ этого, что племенамъ, говорящимъ этими нарѣчіями, чужды понятія, выражаемыя вышеприведенными словами, было бы большою ошибкой. Дѣйствія ихъ доказываютъ противное. Въ этомъ видна только бѣдность ихъ языка, которая обнаруживается столько же въ отношеніи къ предметамъ физическимъ, сколько же въ отношеніи къ понятіямъ нравственнымъ. На тѣхъ самыхъ нарѣчіяхъ не существуетъ также словъ, выражающихъ родовыя понятія, какъ напримѣръ: *дерево, птица, рыба*, а изъ этого безъ сомнѣнія никто не заключитъ, чтобъ Австралійцы смѣшивали всѣ эти предметы.

Гораздо болѣе настаивали на отсутствіе религіозности. Если вѣрить множеству путешественниковъ и антропологовъ, то способность эта не существуетъ не только у нѣкоторыхъ отдѣльныхъ народцевъ, но даже и у многочисленныхъ племенъ, разсѣянныхъ на обширномъ пространствѣ. Ежедневно факты доказываютъ намъ, съ какимъ часто легкомысліемъ дѣлались такія важныя заключенія. Европейцу, даже и тогда, когда онъ самъ находится между дикими народами и болѣе или менѣе въ совершенствѣ знакомъ съ ихъ языкомъ, чрезвычайно трудно получить свѣдѣнія объ ихъ вѣрованіяхъ, которыя касаются того, что есть самага сокровеннаго и задушевнаго въ человѣкѣ. Не выходя изъ предѣловъ Франціи, можно составить себѣ понятіе о трудностяхъ такого рода изслѣдованій, если попробовать выспросить у крестьянина Баска или Бретонца его мнѣніе о привидѣніяхъ и шабашѣ. Въ этомъ

случаѣ я часто испытывалъ неудачу съ людьми, съ которыми жилъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ. Легко представить себѣ затрудненія, которыя долженъ встрѣтить путешественникъ, появляющійся посреди дикихъ племенъ какимъ-то высшимъ существомъ и часто даже опаснымъ врагомъ, или миссіонеръ, который каждымъ словомъ своимъ опровергаетъ и разрушаетъ то, что для его собесѣдниковъ съ дѣтства было предметомъ боязни и поклоненія. Самое рвеніе религіозное, воодушевляющее миссіонеровъ, часто вредитъ точности свѣдѣній, которыя они передаютъ намъ. Они слишкомъ пренебрегаютъ или презираютъ вѣрованія, не освященныя ихъ собственною вѣрой, и не разспрашиваютъ серьезно о нихъ; этимъ-то объясняются странныя противорѣчія и явныя неточности, встрѣчаемыя слишкомъ часто въ разказахъ самыхъ благочестивыхъ и ревностныхъ проповѣдниковъ разныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Къ счастью, есть и такіе миссіонеры, которые съ тѣми добрыми качествами умѣютъ соединить еще истинное желаніе узнать и потомъ передать другимъ нравственную исторію народонаселеній, ими просвѣщаемыхъ, и результаты ихъ изслѣдованій съ каждымъ днемъ исправляютъ понятія наши объ этихъ народонаселеніяхъ.

Два племени въ особенности подвергались всевозможнымъ обвиненіямъ, и еще самымъ легкимъ было обвиненіе въ отсутствіи всякой религіозности. Племена эти Готтентоты и Австралійцы. Въ послѣдствіи я возвращусь къ послѣднимъ; теперь же скажу о нихъ только то, что всѣ эти будто бы безбожныя населенія имѣютъ нѣкоторую элементарную мисѳологію. Что касается до Готтентотовъ и Кафровъ, которыхъ уподобляютъ имъ въ этомъ, то говорили, и теперь еще повторяютъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, что у нихъ понятіе о Богѣ и будущей жизни рѣшительно не существуетъ. Говорящіе такимъ образомъ совершенно забываютъ свѣдѣнія, собранныя въ различныя эпохи объ этихъ племенахъ и явно доказывающія противное. Напомнимъ хотя новѣйшія изъ нихъ; напримѣръ Кампбелъ во время перваго своего путешествія<sup>1</sup> даже у Бошисменовъ открылъ то, что онъ называетъ смутнымъ понятіемъ о высшемъ существѣ; во время же втораго своего путешествія<sup>2</sup> получилъ, хотя и не безъ труда, отъ Макуна, начальника малаларинскихъ Бошисменовъ, точныя подробности о Гохѣ, мужескомъ богѣ, стоящемъ выше людей, и о Ко,

<sup>1</sup> Въ 1812 году.

<sup>2</sup> Въ 1820 году.

женскомъ, стоящемъ ниже. Хотя отвѣтъ этого же Макуна, очевидно внушенный ему отвращеніемъ отъ подобнаго рода бесѣдъ, и доказываетъ намъ повидимому, что самъ онъ не вѣрилъ въ будущую жизнь; однакожъ извѣстно, что его соотечественники хоронятъ мертвыхъ съ ихъ луками и стрѣлами, чтобъ они могли охотиться по смерти, и что, по ихъ мнѣнію, рай есть мѣсто, гдѣ они найдутъ дичь въ изобиліи. У собственно-Готтентотовъ нашли вѣрованіе въ доброе и злое начала, оба олицетворенныя и носящія особенныя названія, собрали преданія о происхожденіи человѣка, и много разъ даже замѣчали вѣру въ будущую жизнь, ясно доказываемую молитвами къ великимъ людямъ, боязнію духовъ умершихъ и т. п. Значить, защищать опровергаемое нами мнѣніе совершенно невозможно, и если бы какой-нибудь авторъ, опираясь на странныя показанія какого-нибудь путешественника или миссіонера, сталъ опровергать существованіе религіозности у племенъ южной Африки, то достаточно было бы отвѣчать ему столь ясными словами самаго отважнаго изъ новѣйшихъ изслѣдователей этихъ странъ, доктора Ливингстона: «Какъ ни низко развитіе этихъ народовъ, но нѣтъ никакой надобности говорить имъ о существованіи Бога и о будущей жизни: эти обѣ истины повсемѣстно признаны въ Африкѣ.» Послѣ этого путешественникъ входитъ въ нѣкоторыя подробности обѣ этихъ понятійхъ, и прибавляетъ: «отсутствіе идоловъ, общественнаго богослуженія и всякаго рода жертвоприношеній у Кафровъ и Бичуановъ заставитъ напервый разъ подумать, что эти племена исповѣдуютъ атеизмъ самый безусловный.»<sup>1</sup>

Изъ этого видно, что Ливингстонъ, обнаруживъ заблужденіе, объясняетъ его, и объясненіе это могло бы, вѣроятно, быть приложено къ нѣкоторымъ подобнымъ случаямъ, находямымъ у племенъ Южной Америки. Здѣсь также увѣреніямъ, часто противорѣчивымъ, нѣкоторыхъ путешественниковъ можно противопоставить свидѣтельство того, кто болѣе всѣхъ занимался изученіемъ *американскаго человѣка*, и подъ этимъ самымъ заглавіемъ издалъ трудъ, по справедливости сдѣлавшійся классическимъ. «Хотя нѣкоторые авторы, говоритъ А. д'Орбиньи, и отвергали существованіе всякой религіи у Американцевъ, но очевидно для насъ, что всѣ племена, даже

<sup>1</sup> Нѣсколько далѣе Ливингстонъ прибавляетъ: «Чѣмъ болѣе приближаемся къ сѣверу, тѣмъ болѣе развитыя религіозныя идеи встрѣчаемъ у туземцевъ.»

самыя дикія, имѣли хотя какую-нибудь.» Слова эти оправдываются съ каждымъ днемъ; даже посреди вѣковыхъ лѣсовъ рѣки Амазонки, у племенъ, ужасные нравы которыхъ возмущаютъ насъ, понятіе о высшемъ мірѣ и высшихъ существахъ, равно какъ и понятіе о безсмертіи одной части нашего существа, оказывается болѣе и болѣе, по мѣрѣ того какъ мы проникаемъ въ тайну этихъ пустынь<sup>1</sup>. Что касается до азіатскихъ народовъ, то у нихъ всегда находили религиозныя наклонности. Здѣсь мы вездѣ встрѣчаемъ по крайней мѣрѣ *шамана* съ его волшебнымъ бубномъ; это суевѣріе, но не атеизмъ, въ которомъ упрекали азіатскихъ варваровъ. Мореплаватели видѣли идоловъ у всѣхъ островитянъ Полинезіи. Идея религиозная встрѣчается слѣдовательно на всемъ земномъ шарѣ, у всѣхъ человѣческихъ существъ; и если она иногда дурно опредѣляется, тѣмъ не менѣе она существуетъ. Самая эта неопредѣленность можетъ оставлять нѣкоторыя сомнѣнія лишь относительно какой-нибудь малой группы, всегда составляющей вѣтвь какого-нибудь племени болѣе многочисленнаго, въ которомъ существованіе религиозности несомнѣнно. Какъ же тутъ эти сомнѣнія, происходящія единственно отъ нашего незнанія, класть на вѣсы съ общимъ фактомъ, столь великимъ, столь поразительнымъ?

Нравственность и религиозность, свойственныя всѣмъ людямъ, чужды всѣмъ животнымъ; обѣ онѣ, дѣйствуя какъ причины, даютъ начало второстепеннымъ явленіямъ, называемымъ нами религиозными и нравственными вѣрованіями; въ свою очередь, эти послѣднія въ жизни общественной и политической играютъ такую роль, что о важности ея было бы излишнимъ говорить. Нравственность и религиозность дѣйствуютъ слѣдовательно на человѣка совершенно такъ же, какъ дѣйствуютъ тѣ силы, свойства и основныя способности, которыя характеризуютъ различныя имперіи и царства природы. И такъ заелуживаютъ ли эти свойства названіе признака или, *аттрибута* въ научномъ смыслѣ этого слова? Нѣтъ, говорятъ тѣ, которые хотятъ чтобы признакъ всегда основывался на органической особенноти, которая можетъ быть выражена словомъ или представлена рисункомъ. Да, отвѣтять вмѣстѣ съ нами всѣ тѣ,

<sup>1</sup> Подробности объ этомъ можно найти въ особенности въ сочиненіи г. Фердинанда Дениса: *Histoire abrégée du Brésil*, въ которомъ авторъ собралъ всевозможныя свѣдѣнія о народахъ этихъ странъ.

которые, не имѣя никакого систематическаго предубѣжденія, будутъ просто руководствоваться тѣми методами, тѣми способами, какими слѣдуетъ большая часть натуралистовъ. Сошлись здѣсь только на одного изъ самыхъ замѣчательныхъ изъ нихъ,—на того, чье имя пользуется наибольшимъ авторитетомъ, когда дѣло идетъ объ основахъ номенклатуры; сошлись именно на Линнея. Какъ характеризуетъ онъ растенія и животныхъ? Первыя изъ нихъ онъ опредѣляетъ словами: *тѣла органическія, живущія, но не чувствующія*; значить жизнь есть для него признакъ, атрибутъ, а можно ли жизнь описать или представить? Перейдемъ къ животнымъ. Линней называетъ ихъ: *тѣла органическія, живущія, чувствующія и движущіяся произвольно*. Здѣсь опять чувствительность и произвольность движенія дѣлятся признаками, атрибутами, а между тѣмъ слова эти все-таки понятія отвѣтственныя. Такимъ образомъ, если слѣдовать за Линнеемъ шагъ за шагомъ, опредѣленію человека или, какъ говорятъ въ зоологій, его характеристика будетъ слѣдующая: *человѣкъ есть тѣло, или лучше сказать существо органическое, живущее, чувствующее, произвольно движущееся, одаренное нравственностью и религіозностью*.

Да позволить мнѣ еще остановиться на этикъ соображеніяхъ, чтобы заранѣе отвѣтить на большую часть возраженій, которыя были сдѣланы противъ этого взгляда на человека и его естественныя отношенія къ прочимъ твореніямъ. Главное изъ нихъ, которое уже было высказано во многихъ видахъ, можетъ быть формулировано такимъ образомъ: «нравственность и религіозность не составляютъ особенныхъ способностей; онѣ происходятъ отъ умственнаго развитія и составляютъ только слѣдствія здраваго разсужденія.» Другіе же говорятъ слѣдующее: «эти способности отличаются отъ способностей умственныхъ, но, собственно говоря, вмѣстѣ онѣ составляютъ только одну способность, ибо не можетъ быть религія безъ нравственности и нравственности безъ религіи.» На всѣ эти возраженія я могъ бы отвѣчать многое, но я не хочу выйти изъ предѣловъ той науки, которою занимаюсь. Я не хочу быть здѣсь ни метафизикомъ, ни философомъ, я хочу и долженъ остаться натуралистомъ. Поставивъ же себя на эту точку зрѣнія, я имѣю право сказать моимъ возражателямъ: «Стараясь привязать исключительные факты, представляемые изученіемъ человека, къ фактамъ, представляющимся у животныхъ, и къ причи-



намъ, ихъ производящимъ, вы поступаете какъ физики и химики, которые, не отвергая существованія живыхъ существъ и особенныхъ явленій, ими представляемыхъ, хотятъ объяснять жизнь игрою силъ физико-химическихъ; вы поступаете какъ Декартъ, который во веѣхъ дѣйствіяхъ животныхъ видѣлъ только приложеніе законовъ механики. Я же поступаю, какъ поступилъ Линней. Когда онъ въ животномъ нашелъ два общіе основныя факта, чуждые растеніямъ, то онъ назвалъ ихъ признаками, атрибутами животнаго царства, въ всякихъ объясненіяхъ, всякой теоріи. Этимъ онъ далъ своему раздѣленію непрровержимое основаніе, предоставляя будущему времени его права и науки ея усѣпки. Я старался поступить такъ, какъ онъ; хорошо, еслибы мнѣ удалось достигнуть того же результата <sup>1</sup>.

Всякій, кто только останется вѣренъ методу, то-есть приемамъ естественныхъ наукъ, долженъ будетъ по необходимости слѣдовать за нами до самого того пункта, котораго мы достигли. Не выходя изъ предѣловъ умоваключеній и наведеній, какъ въ отношеніи человека, такъ и въ отношеніи животныхъ, мы можемъ сдѣлать еще одинъ шагъ далѣе. Замѣчая, что нравственность и религіозность почти постоянно способствуютъ одна другой въ своихъ проявленіяхъ и принимая въ соображеніе тѣсныя отношенія между ними, которыя могли казаться даже отношеніемъ причины къ дѣйствию, мы полагаемъ невозможнымъ не приписать ихъ одной и той же причинѣ. Сосредоточивая наше вниманіе внутри насъ самихъ, замѣвая факты самосознанія, находимые каждымъ въ самомъ себѣ, мы не можемъ также не допустить, что причина эта находится въ полной гармоніи со всемъ существомъ нашимъ, что она имѣетъ свою собственную

---

<sup>1</sup> Между всѣми возраженіями, дѣланными противъ моего взгляда на человеческое царство, я долженъ упомянуть еще о томъ, которое основывается на нѣкоторыхъ фактахъ, будто бы обнаруживающихъ у животныхъ, живущихъ обществами, первоначальныя основанія нравственности. Не входя въ подробное опроверженіе этихъ фактовъ, не дозволяю мнѣ предѣлами моей статьи, достаточно сказать, что можно дать себѣ отчетъ объ этихъ кажущихся исключеніяхъ еще легче чѣмъ мы даемъ себѣ отчетъ въ ботаникѣ о движеніяхъ нетронь-меня или діонее-мухоловки. Кажущаяся, еще необъясненная произвольность этихъ движеній, никогда не препятствовала натуралистамъ принять характеристику животнаго царства, предложенную Линнеемъ, и также не заставляла ихъ считать эти растенія за животныхъ. Во всякомъ случаѣ да будетъ позволено мнѣ сослаться на этотъ примѣръ.

индивидуальность, какъ и тѣло, дѣйствіями котораго она управляетъ. Вотъ какимъ образомъ естественныя науки, и именно зоологія, приводятъ насъ къ признанію этого начала, этого *мычго*, которое означили именемъ *души человеческой*; но представить дальнѣйшее развитіе этого понятія онѣ уже не въ состояніи: далѣе мы не имѣемъ уже ни опытовъ, ни наблюденій. Представляя же тому, кому слѣдуетъ по праву, изслѣдовать природу этой души, ея начало и назначеніе, и каждому предоставимъ, изъ множества рѣшеній, предложенныхъ на эти трудныя вопросы, избирать себѣ то, которое наиболѣе согласуется съ его сердцемъ и разумомъ.

Итакъ вотъ въ сущности выводъ нашъ: человекъ имѣетъ тяжесть и подверженъ силамъ физико-химическимъ, какъ и тѣла неорганическія; онъ организованъ, какъ организованы растенія и животныя, и какъ эти послѣднія, живетъ и движется произвольно. По своему матеріальному естеству, онъ слѣдовательно не чѣмъ иное, какъ животное, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ усовершенствованное, въ другихъ же менѣе совершенное. Его умственныя способности, гораздо совершеннѣшія и болѣе развитыя, ставятъ его на неизмѣримую высоту надъ всѣми животными, но не представляютъ еще достаточной причины для отдѣленія его отъ нихъ. Если онъ представляетъ существо особенное, если изъ него должно составить отдѣльное царство, то это только потому, что въ немъ обнаруживаются способности совершенно новаго рода. Заключение это истекаетъ изъ разсмотрѣнія прочихъ царствъ, разсмотрѣнія, сдѣланнаго исключительно съ научной точки зрѣнія, ни на шагъ не отступая отъ метода и приемовъ натуралистовъ. Если я не ошибаюсь, то выводъ, къ которому привело насъ изслѣдованіе наше, независимо отъ научныхъ слѣдствій, изъ него истекающихъ, удовлетворяетъ въ то же время и самымъ благороднымъ стремленіямъ нашимъ. Человекъ охотно приписываетъ себѣ господство надъ міромъ, онъ любитъ считать себя законнымъ властелиномъ всего существующаго на поверхности земнаго шара. И дѣйствительно, ни одно твореніе не въ состояніи оспаривать у него этой власти, которая съ каждымъ днемъ все растетъ и распространяется. Не пріятно ли намъ видѣть, что антропологическіе признаки освящаютъ и облагораживаютъ это господство, присоединяя къ понятію *права*, основанному на умственномъ превосходствѣ нашемъ, еще понятіе *дома*, истекающее изъ нашей нравственности и религіозности?

---

# БОЛЬШІЯ ОЖИДАНІЯ

---

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА <sup>1</sup>

---

XX.

Перѣздъ изъ нашего города въ Лондонъ продолжался около пяти часовъ. Вскорѣ послѣ полудня, запряженная четверкой почтовая карета, въ которой я былъ пассажиромъ, попала въ цѣпь движенія, около Вудъ-стрита, Чипсайдъ.

Мы, Британцы, порѣшили въ то время, что сомнѣваться въ нашемъ превосходствѣ во всемъ и передъ всеми было бы государственною измѣной; иначе, поражаясь громадностью Лондона, я могъ бы пожалуй подумать, что то былъ очень грязный, уродливый городъ, съ кривыми узкими улицами.

Мистеръ Джагерсъ прислалъ мнѣ, по обѣщанію, свой печатный адресъ: Битль-Бритенъ, къ чему онъ прибавилъ своею рукой на карточкѣ: «возлѣ Смитъфилда, недалеко отъ конторы дилижансовъ.» Несмотря на это, кучеръ наемной кареты, у котораго на засаленной шинели было повидимому столько же воротниковъ, сколько было ему лѣтъ, упаковалъ меня въ свой экипажъ и заложилъ складными дребезжавшія

---

<sup>1</sup> См. *Русскій Вѣстникъ* № 2, 3 и 4.

подножки съ такою церемоніей, какъ будто мнѣ приходилось ѣхать опять за пятьдесятъ миль. Много времени и труда стоило ему подняться на козла, который, я помню, были покрыты зеленогороховымъ сукномъ, совершенно изъѣденнымъ молью. Это былъ вообще удивительный экипажъ, украшенный шестью коронами и множествомъ оборванныхъ басоновъ позади, ужъ не знаю для сколькихъ лакеевъ, и цѣлымъ палисадомъ остроконечныхъ гвоздей на запяткахъ, удерживавшихъ аматера поддаться искушенію взобраться на нихъ.

Я только что началъ наслаждаться каретою и находить поразительное сходство между ею и стойломъ, къ которому прибавлена еще лавочка стараго тряпья, какъ замѣтилъ, что кучеръ уже готовился слѣзть. И действительно, мы остановились въ мрачной улицѣ, передъ конторою съ отворенною дверью, на которой было написано: мистеръ Джагерсъ.

— Сколько? спросилъ я у кучера.

Кучеръ отвѣтилъ:—шиллингъ, если вамъ не будетъ угодно прибавить.

Я естественно сказалъ, что не имѣю никакого желанія прибавить.

— Ну, такъ пусть будетъ шиллингъ, замѣтилъ кучеръ.— Не хочу попасть въ бѣду. Я его знаю! Онъ мрачно прищурилъ глазъ на имя мистера Джагерса и покачалъ головою.

Онъ взявъ свой шиллингъ, взобрался не торопясь на козла и отъѣхалъ повидимому съ совершенно-успокоившимся духомъ. Я вошелъ тогда въ переднюю комнату съ моимъ чемоданчикомъ въ рукѣ, и спросилъ дома ли мистеръ Джагерсъ.

— Онъ еще не возвратился, отвѣчалъ писецъ.— Онъ теперь въ судѣ. Вы не мистеръ ли Пипъ?

Я объявилъ ему, что я мистеръ Пипъ.

— Мистеръ Джагерсъ велѣлъ вамъ передать, чтобы вы подождали въ его комнатѣ. Онъ не могъ сказать, какъ долго онъ пробудетъ; у него теперь дѣло. Но такъ какъ время ему дорого, то онъ не останется долѣе чѣмъ нужно.

Съ этими словами писецъ отворилъ дверь и провелъ меня въ заднюю комнату. Здѣсь мы нашли джентльмена обзъ однимъ глазъ, въ пинсовомъ платьѣ и штиблетахъ; онъ утеръ носъ своимъ рукавомъ, когда мы прервали его чтеніе газеты.

— Ступайте, ждите на улицѣ, Майкъ, сказалъ писецъ.

Я было началъ извиняться, но писецъ выпроводилъ этого

джентльмена безъ всякой церемоніи, бросилъ ему вслѣдъ его шѣховую шапку, и оставилъ меня одного.

Комната мистера Джагерса освѣщалась сверху, черезъ просвѣтъ въ потолокъ, и казалась очень печальною; просвѣтъ былъ заклеенъ бумагою во многихъ мѣстахъ, словно разбитая голова, и открывалъ урѣзанный видъ соседнихъ домовъ, какъ будто они нарочно скривились, чтобы заглянуть въ комнату. Въ ней было не такъ много бумагъ, какъ я ожидалъ, но были очень странные предметы, которыхъ я вовсе не ожидалъ встрѣтить, какъ напримѣръ, старый заржавленный пистолеть, палашъ въ ножнахъ, нѣсколько ящичковъ и свертковъ, очень необыкновенной формы, и два страшные гипсовые слѣпка на полкѣ, представлявшіе какія-то распухлыя лица, вздернутыя словно на сборкахъ около носа. Собственное кресло мистера Джагерса было покрыто траурною волосяною матеріей и утыкано рядомъ мѣдныхъ гвоздиковъ, словно гробъ; и мнѣ казалось, я могъ себя представить, какъ онъ сидѣлъ въ немъ и кусалъ большой палецъ на своихъ кліентовъ. Комната была не велика, и кліенты повидимому нѣмѣи привычку прислоняться къ стѣнѣ, потому что стѣна, особенно противъ мистера Джагерса, была очень засалена. Я припомнилъ также, что одноглазый джентльменъ, котораго изгнанія я былъ невинною причиною, уходилъ, потираясь плечами о стѣну.

Я сѣлъ на стулъ кліентовъ, стоявшій противъ кресла мистера Джагерса, и меня совершенно околдовала грустная атмосфера этой комнаты. Я припомнилъ, что у писца была такая же физиономія, какъ и у его хозяина, будто онъ про каждаго зналъ что-нибудь не въ его пользу. Я думалъ о томъ, сколько было еще другихъ писцовъ наверху, и всѣ ли они предъявляли своею физиономіей такія же невыгодныя права на своихъ ближнихъ. Я думалъ, что значилъ весь этотъ старый хламъ, находившійся въ этой комнатѣ, и какъ онъ попалъ сюда. Я думалъ, не принадлежали ли два раздутыя лица гипсовыхъ слѣпковъ членамъ семейства мистера Джагерса, и если на его несчастіе у него дѣйствительно была пара такихъ родственниковъ, то зачѣмъ онъ не оставилъ ихъ у себя дома, а взгромоздилъ ихъ на пыльную полку на жертву мухамъ и сажѣ. Конечно, я не зналъ, что такое лѣтній день въ Лондонѣ, и вѣроятно я былъ подъ вліяніемъ чувства тяжести и отъ жаркой, душливой атмосферы, и отъ пыли, покрывавшей густымъ

слоемъ всѣ предметы. Такъ я сидѣлъ размышляя и выжидая мистера Джагерса; наконецъ я не могъ долѣе выдерживать двухъ гипсовыхъ слѣпковъ, стоявшихъ на полкѣ, надъ кресломъ мистера Джагерса, и вышелъ вонъ.

Я сказалъ писцу, что пойду пройтись на воздухъ, и онъ посоветовалъ мнѣ выйти за уголъ полюбоваться на Смитонльдъ <sup>1</sup>. Итакъ я пошелъ на Смитонльдъ; но это сквернее мѣсто было все покрыто грязью, жиромъ; кровью, и казалось, грозило перепачкать меня всего; я какъ можно скорѣе убрался оттуда и повернулъ въ улицу, откуда я увидѣлъ огромный черный куполъ Св. Павла, раздувшійся на меня изъ-за мрачнаго каменнаго зданія, которое, мнѣ сказали, была Ньюгетская тюрьма. Слѣдуя вдоль стѣны ея, я вышелъ на дорогу, покрытую соломой, чтобы заглушить стукъ экипажей, и я заключилъ поэтому, какъ и по толпѣ народа, стоявшей около, я отъ которой страшно несло виномъ и пивомъ, что тутъ происходилъ судъ <sup>2</sup>.

Пока я оглядывалъ вокругъ себя, ко мнѣ подошелъ очень грязный и полупьяный служитель правосудія и спросилъ меня, не желаю ли я зайти и послушать, какъ идетъ судъ, объявляя, что за полъ-кроны <sup>3</sup> онъ мнѣ дастъ отличное мѣсто напередѣ, съ котораго я могу видѣть, какъ нельзя лучше, главнаго судью, въ парикѣ и мантии, какъ будто это былъ одинъ изъ замѣчательныхъ экземпляровъ въ коллекціи восковыхъ фигуръ, — потому онъ предложилъ мнѣ показать его за восемнадцать пенсовъ <sup>4</sup>. Я отказался отъ этого предложенія, извиняясь, что мнѣ было некогда, и онъ, по добротѣ своей, повелъ меня на дворъ, показалъ мѣсто, гдѣ сохранялась висѣлица, и также дверь должниковъ, откуда выходили преступники на казнь: чтобы придать еще болѣе интереса этому страшному выходу, онъ объявилъ мнѣ, что послѣзавтра, въ восемь часовъ утра, четверо выйдутъ изъ этой двери и будутъ всѣ повѣшены рядомъ <sup>5</sup>. Это было ужасно; Лондонъ производилъ теперь на меня болѣзненное впечатлѣніе,

<sup>1</sup> Старый скотный рынокъ, давно уничтоженный.

<sup>2</sup> Уголовный судъ Олдъ-Беле находится возлѣ Ньюгетской тюрьмы.

<sup>3</sup> Серебряная монета, соответствующая 78 к. с.

<sup>4</sup> 47 к. сер.

<sup>5</sup> Диккенсъ описываетъ здѣсь порядокъ вещей время прошедшихъ, теперь уже совершенно измѣнившійся.

тѣмъ болѣе что этотъ господинъ, показывавшій главнаго судью за деньги, былъ весь одѣтъ (отъ сапогъ и до шляпы, не соевой платокъ включая) въ заплесневѣлое платье, которое, очевидно, не ему принадлежало первоначально, и которое, не знаю почему мнѣ казалось, было куплено имъ у палача, по дешевой цѣнѣ. При такихъ обстоятельствахъ, я считалъ, что я дешево отдѣлался отъ него шиллингомъ.

Я опять вернулся въ контору, чтобы спросить не пришелъ ли мистеръ Джагерсъ; его еще не было, и я опять пошелъ шататься. Въ этотъ разъ я обошелъ Литль-Бритенъ и повернулъ въ глухой переулокъ Вареоломея. Теперь я увидалъ, что были и другіе люди, ожидавшіе подобно мнѣ мистера Джагерса. Здѣсь были какіе-то два человѣка, очень таинственной наружности, разгуливавшіе по переулку; толкуя промежь себя, они задумчиво примѣряли свои ноги въ трещины тротуара; одинъ изъ нихъ сказалъ другому, когда я прошелъ мимо, что Джагерсъ обдѣлаетъ это, если только есть какая-нибудь возможность. Группа, состоявшая изъ трехъ муштинъ и двухъ женщинъ, стояла въ углу, и одна изъ женщинъ плакала, уткнувъ носъ въ свою грязную шаль; другая утѣшала ее, окутываясь въ свой платокъ и говоря: «Джагерсъ за него, Мелія, ну, чего же вамъ болѣе?» Здѣсь былъ также красноглазый маленькій жиденокъ, который зашелъ въ переулокъ послѣ меня въ сопровожденіи другаго маленькаго жиденка; онъ его отправилъ за чѣмъ-то и принялся самъ, бѣснуясь отъ нетерпѣнія, выплясывать подъ фонарнымъ столбомъ нѣчто въ родѣ джига, приговаривая:

— О Загерзъ, Загерзъ, Загерзъ, всѣ не стѣять и подосви васей, Загерзъ. Подайте мнѣ Загерза!

Эти доказательства популярности моего опекуна произвели на меня глубокое впечатлѣніе, и я теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь удивлялся и предавался размышленіямъ.

Наконецъ взглянувъ въ желѣзную рѣшетку, отдѣлявшую переулочекъ отъ Литль-Бритена, я увидѣлъ мистера Джагерса, который подходилъ ко мнѣ черезъ дорогу. Всѣ ожидавшіе его завидѣли его въ то же самое время, и цѣлая толпа образовалась около него. Мистеръ Джагерсъ положилъ свою руку мнѣ на плечо и, не сказавъ мнѣ ни слова, повелъ меня съ собой, толкуя на ходу съ тѣми, которые слѣдовали за нимъ.

Сначала онъ обратился къ двумъ таинственнымъ человѣкамъ.

— Мнѣ съ вами нечего разговаривать, сказалъ мистеръ

Джагерсъ, вытягивая на нихъ свой палецъ.—Я знаю все, что мнѣ надобно, и болѣе я знать не хочу. Что касается до результата, то я вамъ сказалъ, что это лотерея. Я говорилъ вамъ съ самаго начала, что это лотерея. Заплатили вы Вемику?

— Мы собрали деньги въ это утро, сэръ, сказалъ одинъ изъ нихъ почтительно, между тѣмъ какъ другой внимательно слѣдилъ за лицомъ мистера Джагерса.

— Я васъ не спрашиваю, когда вы собрали деньги, или гдѣ и какъ вы достали ихъ. Получилъ ли ихъ отъ васъ Вемикъ?

— Да, сэръ, сказали оба человѣка вмѣстѣ.

— Очень хорошо. Теперь вы можете идти. Чтобъ у меня этого не было болѣе! сказалъ мистеръ Джагерсъ, махая рукой, чтобъ они отошли отъ него.—Если вы мнѣ еще слово скажете, то я откажусь отъ дѣла.

— Мы думали, мистеръ Джагерсъ... началъ было одинъ, снимая свою шляпу.

— Вотъ этого-то вы и не должны дѣлать, я вамъ говорилъ, сказалъ мистеръ Джагерсъ.—Вы думали! Я думаю за васъ, а этого вамъ довольно. Если вы мнѣ понадобитсяъ, то я знаю гдѣ васъ найти. Но я не хочу, чтобы вы вездѣ искали меня; чтобъ у меня этого не было, и слова не хочу слышать болѣе!

Оба человѣка посмотрѣли другъ на друга, когда мистеръ Джагерсъ отмахалъ ихъ отъ себя, и смиренно отошли, не произнося ни слова.

— Ну, вы теперь, сказалъ мистеръ Джагерсъ, вдругъ остановившись и обратившись къ двумъ женщинамъ, въ шаляхъ, отъ которыхъ мужчины отошли потихоньку. — Ахъ, Эмилия, это вы?

— Да, мистеръ Джагерсъ.

— И помните вы, возразилъ мистеръ Джагерсъ,—что еслибы не я, такъ васъ бы не было здѣсь?

— О, да, сэръ! воскликнули обѣ женщины вмѣстѣ:—Господь васъ благослови, сэръ; очень хорошо мы это знаемъ.

— Такъ зачѣмъ же, сказалъ мистеръ Джагерсъ,—опять вы сюда приходите?

— Мой Билъ <sup>1</sup>, сэръ! сказала какъ бы въ оправданіе плачущая женщина.

— Теперь вотъ что я вамъ скажу, сказалъ мистеръ Джа-

<sup>1</sup> Сокращенное отъ Уильямъ.



герсъ,—разъ навсегда. Если вы не знаете, что вашъ Билъ въ хорошихъ рукахъ, такъ я это знаю, и если вы станете сюда таскаться и мучить меня вашимъ Биломъ, то я покажу примѣръ и надъ вами и надъ Биломъ, и пропущу васъ вонъ между пальцами. Заплатили вы Вемику?

— О, да, сэръ! Все до полушки.

— Очень хорошо. Въ такомъ случаѣ, вы исполнили все что вамъ нужно было сдѣлать. Скажите еще слово, только единое слово, и Вемикъ отдастъ вамъ назадъ ваши деньги.

Эта страшная угроза заставила обѣихъ женщинъ сейчасъ же удалиться. Теперь оставаясь только одинъ раздражительный Еврей, который успѣлъ уже нѣсколько разъ приложить къ своимъ губамъ полы мистера Джагерса.

— Я этого человѣка не знаю, сказалъ мистеръ Джагерсъ, тѣмъ же самымъ разрушительнымъ тономъ.—Чего нужно отъ меня этому малому?

— Милостивѣйшій мистеръ Загеръ, я собственнѣйшій братецъ Авраама Лазаря!

— Кто онъ такой? сказалъ мистеръ Джагерсъ, — оставьте мой сюртукъ.

Проситель продолжалъ цѣловать концы его сюртука, говоря:

— Авраамъ Лазарь, въ серебрѣцъ-зъ заподозрѣнъ.

— Вы опоздали, сказалъ мистеръ Джагерсъ,—я на претивной сторонѣ.

— Отце небесный, всемилостивѣйшій мистеръ Загеръ, закричалъ мой раздражительный знакомый, — проеу зе васъ, и не говорите, сто ви противъ Авраама Лазаря!

— Я противъ него, сказалъ мистеръ Джагерсъ,—дѣло кончено. Убирайтесь съ дороги.

— Мистеръ Загеръ! полъ-секундочки! мой собственнѣйшій двоюродный братецъ, теперь-зе пошелъ къ мистеру Вемику, чтобы преддозить ему какія угодно условія. Мистеръ Загеръ! Ну-зе четверть секундочки. Еслибы зе ви да только отказались отъ другой стороны, ну за какую зе угодно цѣну! Мы узъ не постоимъ за деньгами! Мистеръ Загеръ, мистеръ!

Мой опекунъ отбросилъ просителя съ совершеннымъ равнодушіемъ и оставилъ его плясать на мостовой, какъ будто она была изъ раскаленнаго желѣза. Безъ дальнѣйшей остановки, мы успѣли добраться до конторы, гдѣ мы нашли въ

передней комнатѣ писца и человѣка въ плащѣ и мѣшковой шапкѣ.

— Майкъ здѣсь, сказалъ писецъ, вставая съ табурета и подходя таинственно къ мистеру Джагеру.

— О, сказалъ мистеръ Джагеръ, обращаясь къ человѣку, который почтительно потянулъ вихоръ на своемъ лбу, словно быкъ въ сказкѣ про Реколова; таяущій веревку колокола. — Вашъ человѣкъ долженъ придти сегодня. Ну?

— Да, мистеръ Джагеръ, отвѣчалъ Майкъ, голосомъ, свидѣтельствовавшимъ, что онъ страдалъ отъ хронической простуды. — После многихъ хлопотъ, сэръ, наконецъ я нашелъ молодца, который годится.

— Въ чемъ же готовъ онъ присягнуть?

— Да пожалуй, мистеръ Джагеръ, сказалъ Майкъ, утраивая ность шапкою; — въ чемъ вамъ будетъ угодно.

Мистеръ Джагеръ вдругъ вышелъ изъ себя.

— Я предупреждалъ васъ, сказалъ онъ, вытягивая своей пальецъ на уstraшеннаго клиента, — что если вы вадумаете такъ говорить со мною, я покажу примѣръ надъ вами. Проклятый мошенникъ, какъ это вы только смѣете такъ со мною разговаривать?

Клиентъ смотрѣлъ совершенно уничтоженный и ошалѣлый, какъ будто не сознавая что онъ сдѣлалъ.

— Нуня! сказалъ писецъ тихо, подталкивая его локтемъ: — безмозгая башка! нужно было вамъ говорить это лицомъ къ лицу?

— Я спрашиваю васъ, безтолковый олухъ, сказалъ мой онекунъ очень сурово, — еще разъ, и это въ послѣдній разъ, въ чемъ готовъ принять присягу человѣкъ, котораго вы привели?

Майкъ пристально посмотрѣлъ на моего онекуна, какъ будто стараясь прочесть урокъ на его лицѣ, и медленно отвѣчалъ:

— Присягнетъ въ его поведеніи, и что онъ былъ съ нимъ вѣсть и не оставлялъ его въ ту ночь.

— Будьте же впередъ осторожны. Но что это за человѣкъ?

Майкъ посмотрѣлъ на свою шапку, посмотрѣлъ на полъ, посмотрѣлъ на потолокъ, посмотрѣлъ на писца, даже на меня, и отвѣтилъ занимаемъ:

— Мы одѣли его.

Мой онекунъ опять всдѣтушился.

— Это что, опять, опять?

— Нюня! снова прибавилъ писецъ, подталкивая его.

Послѣ многихъ умилятельныхъ взглядовъ кругомъ, Майкъ какъ будто оправился и началъ опять:

— Онъ одѣтъ какъ хорошій пирожникъ, такъ, въ родѣ кондитера.

— Здѣсь онъ? спросилъ мой опекунъ.

— Я оставилъ его, сказалъ Майкъ,—за угломъ; онъ пришлъ на крылечкѣ.

— Проведите его мимо окна, дайте мнѣ на него взглянуть.

Это было окно конторы, и мы всѣ трое подошли къ нему и увидѣли кліента подъ руку съ какимъ-то высокимъ малымъ, который смотрѣлъ совершеннымъ разбойникомъ, и былъ одѣтъ въ бѣлое, а на головѣ имѣлъ бумажную шапку; подложный кондитеръ далеко не былъ трезвъ, и подбитый глазъ его, не совершенно оправившійся отъ синяка, былъ подрашенъ.

— Скажите ему, чтобъ онъ убирался съ своимъ свидѣлемъ, сказалъ писцу мой опекунъ съ необыкновеннымъ обращеніемъ,—да спросить у него, какъ онъ посмѣлъ привести сюда такого висѣльщика.

Мой опекунъ повелъ потомъ меня въ свою собственную комнату. Тамъ, стоя, началъ онъ завтракать сандвичами, которые вынималъ изъ карманнаго ящика, и запивалъ хересомъ также изъ карманной бутылки; продолжая это занятіе, онъ сообщилъ мнѣ, какъ распорядился насчетъ меня. Я долженъ былъ отправиться на подворье Барнарда, въ квартиру мистера Покета, куда уже была отправлена постель для меня. Я долженъ былъ остаться съ молодымъ мистеромъ Покетомъ до понедѣльника, а въ понедѣльникъ я долженъ былъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ его отцу, чтобы посмотреть, какъ онъ мнѣ понравится. Мнѣ также было объявлено, сколько мнѣ назначено въ годъ; положеніе было щедрое, и мой опекунъ далъ мнѣ изъ своего стола адреса магазиновъ, гдѣ я могъ для себя брать всякаго рода платье и другія тому подобныя вещи, въ которыхъ мнѣ могла встрѣтиться надобность.

— Вы найдете, мистеръ Пипъ, сказалъ мой опекунъ, котораго фляжка съ хересомъ пахла словно цѣлый боченокъ, когда онъ наскоро подкрѣплялся изъ ней,—что кредитъ вашъ хорошъ, но такимъ образомъ я буду имѣть возможность повѣрять ваши счета, и придержать васъ, когда вы чрезчуръ занесетесь.

Вы непременно какъ-нибудь да съѣзжаете съ пути; только это ужь будетъ не моя вина.

Я задумался немного надъ этимъ утѣшительнымъ объясненіемъ и потомъ спросилъ мистера Джатерса, могу ли я послать за каретой? Онъ мнѣ сказалъ, что это было совершенно лишнее, потому что я былъ возлѣ мѣста моего назначенія, и Вемикъ проводить меня, если я хочу.

Вемикъ, я теперь увидѣлъ, былъ писецъ, изходящійся въ сосѣдней комнатѣ. Позвонили другаго писца сверху, который бы занялъ его мѣсто, и я, пожавъ руку моему опеуну, вышелъ на улицу, въ сопровожденіи его; мы нашли тутъ еще другихъ людей, ожидавшихъ у конторы, но Вемикъ прошелъ между ними, объявивъ хладнопрочно и рѣшительно:

— Говорю вамъ, что это бесполезно; онъ ни съ однимъ изъ васъ слова не скажетъ.

И мы скоро убралась отъ нихъ, и пошли рядомъ.

## XXI.

Дорогой я поглядывалъ на Вемика, чтобъ увидѣть, на что онъ былъ похожъ при дневномъ свѣтѣ, и нашелъ, что это былъ сухой человекъ, невысокаго роста, съ четверугольнымъ деревяннымъ лицомъ, на которомъ выраженіе было означено очень неясвенно, будто тупымъ долотомъ. На немъ были какіе-то знаки, которые можно бы принять за ямочки, еслибы матеріалъ былъ помягше и инструментъ потоньше, но которые теперь казались просто нарѣзками. Долото попробовало повидимому сдѣлать три-четыре подобныя украшенія около носа, и оставило ихъ такъ, не пытаясь далѣе сколько-нибудь огладить ихъ. Судя по его изодранному бѣлью, я принялъ его за холостяка, и казалось, онъ понесъ многія потери, потому что у него были по крайней мѣрѣ четыре траурныя кольца<sup>1</sup> и огромная брошка, изображавшая леди и плачущую дѣву надъ гробницей, съ урной. Я замѣтилъ также, на его часовой цѣпочкѣ висѣло множество колець и печатокъ; онъ

<sup>1</sup> Родственники и друзья покойника, въ Англии, носятъ въ память по немъ гладкія золотыя кольца, очень похожія на обручальныя.

была рѣшительно обременена тягостію сувенировъ своихъ умершихъ друзей и родственниковъ. У него были блестящіе глаза, маленькіе, острые, черные, и тонкія, широко раздвинутыя губы, покрытыя пятнами; ему было, на мой глазъ, отъ сорока до пятидесяти лѣтъ.

— Такъ вы ни разу не были прежде въ Лондонѣ? сказалъ мнѣ Вемикъ.

— Нѣтъ, сказалъ я.

— И я когда-то былъ новичкомъ здѣсь, сказалъ мистеръ Вемикъ.—Странно теперь подумать объ этомъ!

— Теперь онъ вамъ хорошо извѣстенъ?

— Да, сказалъ Вемикъ,—я знаю въ немъ всѣ ходы.

— Что, это очень худое мѣсто? спросилъ я такъ, чтобы скорѣе сказать что-нибудь нежеланіе изъ желанія удовлетворить моему любопытству.

— Вы можете быть обмануты, ограблены, зарѣзаны въ Лондонѣ. Но вы вездѣ найдете бездну народу, который сдѣлаетъ съ вами то же самое.

— Да, если между ними и вами вражда, сказалъ я, желая смягчить его слова.

— О, про вражду я не знаю, отвѣчалъ мистеръ Вемикъ.—Вражды большой нѣтъ. А есть желаніе добыть себѣ что-нибудь.

— Такъ это еще хуже.

— Вы думаете это? сказалъ мистеръ Вемикъ. — Я думаю почти то же.

Шляпа у него была надѣта совершенно на затылокъ, и онъ смотрѣлъ прямо впередъ, идя принужденно, какъ будто ничто на улицѣ не заслуживало его вниманія. Его ротъ былъ словно щель почтового ящика и представлялъ судорожное подобіе улыбки. Мы дошли до самой верхушки Гинбирнъ-гиля, и я успѣлъ только тогда убѣдиться, что это было чисто механическое движеніе губъ, а вовсе не улыбка.

— Знаете вы, гдѣ живетъ мистеръ Матью Покетъ? спросилъ я мистера Вемика.

— Да, сказалъ онъ, кивая головой въ направленіи.—Въ Бамерсмитъ, на западной сторонѣ Лондона.

— Далеко это?

— Пожалуй отсюда миль пять<sup>1</sup> будетъ.

<sup>1</sup> 7½ версты.

— Знаете ли его?

— Да вы просто меня дезинформируете! сказалъ мистеръ Вемикъ, одобрительно поглядывая на меня. — Да, я знаю, я его знаю.

Онъ произнесъ эти слова довольно жажая и презрительнымъ тономъ, который произвелъ на меня грустное впечатлѣніе, и я продолжалъ еще смотрѣть искоса на его ободранное лицо, желая уловить на немъ утѣшительное поясненіе его словъ, когда онъ мнѣ—сказалъ, что мы уже пришли на подворье Барнарда. Это объявленіе не облегчало моей тоски, потому что я предполагала найти здѣсь великолѣпную гостиницу, которую содержалъ мистеръ Барнардъ, и въ сравненіи съ которою Синій Кабанъ, въ нашемъ городѣ, былъ жалкій кабачокъ. Напротивъ, я теперь увидала, что Барнардъ былъ безтѣлесный духъ или просто вымыселъ, и его подворье—грязнѣйшее обраніе подуразвадившихся строений, сжатыхъ въ запыльномъ углу, который могъ бы служить сходбищемъ для котловъ.

Мы вошли въ эту пристань черезъ калитку и очутились, пройдя корридорчикъ, въ грустномъ маленькомъ скверѣ, который мнѣ показался кладбищемъ. Въ немъ были самыя печальныя деревья, самыя печальныя воробы, самыя печальныя окошки и самыя печальныя дома, какіе мнѣ когда-либо случалось видѣть. Окошки квартиръ, на которыя эти дома были раздѣлены, представляли всевозможныя степени разрушенія къ интерьерамъ, занавѣскамъ, цвѣточнымъ горшкамъ, разбитыхъ стеклахъ; между тѣмъ какъ надписи: «отдается въ наймы; отдается въ наймы; отдается въ наймы», указывали мнѣ изъ пустыхъ комнатъ, что новыя несчастныя постояльцы никогда сюда не являлись, и что истительный духъ Барнарда медленно успокаивался постепенными самоубійствами настоящихъ жильцовъ, находившихъ себѣ не христіанское погребеніе въ скверѣ. Грязный трауръ, состоявшій изъ сажи и дыма, облекалъ это затерянное созданіе Барнарда и посыпалъ пепломъ его годовую; оно, казалось, смиренно приносило покаяніе, обращаясь въ сорное мѣсто для склада всякой дряни и хлама. Такое впечатлѣніе было произведено на мое чувство зрѣнія, между тѣмъ какъ всевозможная гниль поражала мое чувство обонянія.

Это осуществленіе самаго перваго изъ коихъ большихъ ожиданій было такъ не радостно, что я посмотрѣлъ въ отчаяніи на мистера Вемика.

— А! сказалъ онъ, не понимая меня: — удивленіе напоминаетъ вамъ деревню. Я чувствую то же самое.

Онъ повелъ меня въ уголь и потомъ по лѣстницѣ, которая, мнѣ казалось, постепенно превращалась въ опилки, къ квартирѣ въ верхнемъ этажѣ. На дверяхъ было написано: *Мистеръ Покетъ младшій*, и припищена записочка: «скоро вернется».

— Онъ не ждалъ, вѣроятно, чтобы вы такъ скоро пріѣхали, объяснилъ мнѣ мистеръ Веиникъ. — Я вамъ болѣе не нуженъ?

— Нѣтъ, благодарю васъ, сказалъ я.

— Такъ какъ я держу деньги, замѣтилъ мистеръ Веиникъ, — то мы вѣроятно будемъ часто видѣться. Добраго дня!

— Добраго дня!

Я протянулъ руку, и мистеръ Веиникъ посмотрѣлъ на нее, какъ будто онъ думалъ, что мнѣ еще было нужно что-нибудь. Потомъ онъ взглянулъ на меня и сказалъ, поправившись:

— А, да, да! Вы живете привычку жать руку?

Я смѣшался, полагая, что въ Лондонѣ это было не въ модѣ, но сказалъ: да.

— Я совсѣмъ отсталъ отъ нея, сказалъ мистеръ Веиникъ. — Разумается, я очень радъ ваше музнакомству. Добраго дня!

Когда мы пожали другъ другу руку, и онъ ушелъ, я поднялъ окошко на лѣстницѣ и чуть было себя не обезглавилъ; спущенныя веревки сгнили, и окно опустилось вдругъ какъ гильотина. По счастью, это случилось такъ скоро, что я не успѣлъ еще выставить моей головы; послѣ этого я удовольствовался туманнымъ обзоромъ подворья сквозь стекла, совершенно заросшія корою грязи; я печально стоялъ и смотрѣлъ, говоря себѣ, что конечно слава Лондона преувеличена.

Мистеръ Покетъ младшій понималъ слово: скоро, совершенно иначе нежели я. Битыхъ полчаса смотрѣлъ я въ окно, теряя всякое терпѣніе, и успѣлъ написать пальцемъ на каждомъ стеклѣ мое имя, прежде нежели я слышалъ шаги на лѣстницѣ. Постепенно подымались передо мною шляпа, голова, галстукъ, жилетъ, панталоны, сапоги члена общества, занимавшаго въ немъ одинаковое со мною положеніе. Онъ держалъ бумажные свертки подъ мышками и корзинку земляники въ рукѣ, и едва переводилъ духъ.

— Мистеръ Пинъ? сказалъ онъ.

— Мистеръ Покетъ? сказалъ я.

— Боже мой! воскликнулъ онъ. — Мнѣ такъ совѣстно; но я

знать, что одинъ дилижансъ изъ вашей стороны прѣѣзжаетъ въ полдень, и думалъ, что вы придете съ нимъ. Правду сказать, я уходилъ для васъ же, хотя это и не извиненіе; я знаю, вы жили въ деревнѣ, и вамъ будетъ пріятно покушать ягодъ послѣ обѣда, я и пошелъ купить ихъ на Ковентгарденскомъ рынкѣ.

По извѣстнымъ мнѣ причинамъ, чувствовалъ я, глаза мои готовы были выскочить изъ головы. Я безсвязно благодарилъ его за вниманіе, думая, что все это былъ сонъ.

— Боже мой! сказалъ мистеръ Покетъ младшій:—какъ зашла эта дверь!

Хлопоча около двери, онъ превращалъ въ кисель ягоды, завернутыя въ бумажныхъ картузахъ, которые у него были подъ мышками, и я попросилъ у него позволенія подержать ихъ. Онъ уступилъ ихъ мнѣ съ пріятною улыбкой, продолжая сражаться съ дверью, какъ будто съ дикимъ звѣремъ. Она вдругъ подалась, и онъ отшатнулся на меня; я попытался на противоположную дверь, и мы оба захохотали. Но все я чувствовалъ, что глаза мои были готовы выскочить изъ головы, и что это долженъ быть сонъ.

— Прошу, войдите, сказалъ мистеръ Покетъ младшій.—Позвольте мнѣ пройти впередъ. У меня здѣсь довольно голо; но надѣюсь, до понедѣльника мы какъ-нибудь перебьемся. Отецъ мой думалъ, что завтрашній день вы проведете со мною пріятнѣе нежели съ нимъ, и захотите прогуляться по Лондону. Конечно, я съ удовольствіемъ покажу вамъ Лондонъ. Что касается до стола, то вы его найдете достаточно хорошимъ; вамъ принесутъ сюда обѣдъ изъ нашей кофейной, и (я долженъ прибавить) вы за него платите; таковы приказанія мистера Джагерса. Квартира наша не великолѣпная, я самъ принужденъ добывать себѣ хлѣбъ, отцу моему нечего мнѣ давать; да я и не захотѣлъ бы принять отъ него помощь, еслибъ у него и было что. Вотъ наша гостиная; эти стулья, столы, коверъ и тому подобное, прислали мнѣ изъ дому. Скатерть, ложки, судокъ, не считайте моею собственностію; все это принесено изъ кофейной. Вотъ моя спальня; немножко отзывается плесенью, да такова атмосфера въ цѣломъ Барнардовскомъ подворьѣ. Вотъ ваша спальня, мебель въ ней взята на прокатъ; надѣюсь, она хороша про случай; если вамъ что-нибудь понадобится, я пойду и достану для васъ. Квартира уединенная, здѣсь мы съ вами только вдвоемъ и, надѣюсь, не поде-



ремся. Но, Боже мой! извините, сдѣлайте одолженіе; вы все это время держите ягоды. Позвольте мнѣ взять у васъ картузы. Мнѣ такъ, право, совѣстно.

Я стоялъ противъ мистера Покета младшаго, и, передавая ему картузы одинъ за другимъ, замѣтилъ, что теперь и его глаза обнаруживали намѣреніе выскочить изъ головы; и онъ закричалъ, попятаясь назадъ:

— Господи благослови, да вы тотъ самый мальчишка!

— А вы, сказалъ я,—блѣдный молодой джентльменъ!

## XXII.

Мы съ блѣднымъ молодымъ человѣкомъ простояли долго, смотря другъ на друга, и наконецъ оба вмѣстѣ заились хохотомъ.

— Случилось же, что это вы, сказалъ онъ,—вотъ идея!

— Случилось же, что это вы, сказалъ я,—вотъ идея!

И потомъ мы снова взглянули одинъ на другаго и снова захохотали.

— Ну, сказалъ блѣдный молодой джентльменъ, добродушно протягивая мнѣ свою руку,—надѣюсь, теперь уже все прошло, и вы будете великодушны ко мнѣ и простите, что я васъ такъ отвалалъ.

Я заключилъ изъ этихъ словъ, что мистеръ Гербертъ Покетъ (это было имя блѣднаго молодого джентльмена) до сихъ поръ еще смѣшивалъ свое намѣреніе съ исполненіемъ. Но я отвѣчалъ на это скромнымъ образомъ, и мы горячо пожали другъ другу руку.

— Въ то время ваша судьба еще не была устроена? сказалъ Гербертъ Покетъ.

— Нѣтъ, сказалъ я.

— Нѣтъ, подтвердилъ онъ.—Я слышалъ, это случилось очень недавно. Я самъ тогда искалъ такого же счастья.

— Право?

— Да, миссъ Гевишамъ присылала за мною, чтобы посмотреть не понравлюсь ли я ей. Но я, очевидно, ей не понравился.

Я думалъ, въжливость требовала съ моей стороны сказать ему, что это очень удивляетъ меня.

— У ней вкусъ дурной, сказалъ Гербертъ смѣясь.—Но оно вышло такъ. Да, она пригласила меня къ себѣ на испытаніе, и

еслибъ я прошелъ черезъ него успѣшно, то, полагаю, я былъ бы обезпеченъ на всю жизнь и можетъ-быть я былъ бы, какъ это называется, съ Эстеллою...

— Чтѣ такое? спросилъ я съ особенною важностію.

Онъ раскладывалъ ягоды на тарелки, пока мы разговаривали; это заняло его вниманіе, и потому онъ замѣшкалъ словомъ.

— Сговоренъ, обрученъ, обвинчанъ, какъ это говорится, ну, нѣчто въ этомъ родѣ.

— Какъ же перенесли вы вашу неудачу? спросилъ я.

— Пу-у-у! сказалъ онъ:—я объ этомъ много не думалъ; она хуже Татарины.

— Миссъ Гевишамъ? подсказалъ я.

— Я этого не отрицаю, но я разумѣлъ теперь Эстеллу. Эта дѣвчонка до невозможности жестока, надменна и капризна, и такъ воспитана у миссъ Гевишамъ, чтобы мстить всѣмъ мужчинамъ.

— Какъ она приходится миссъ Гевишамъ?

— Никакъ, сказалъ онъ,—она ея приемышъ.

— Зачѣмъ же она хочетъ мстить всѣмъ мужчинамъ и какъ мстить?

— Господи Боже мой, мистеръ Пипъ! сказалъ онъ.—Развѣ вы этого не знаете?

— Нѣтъ, сказалъ я.

— Милосердый Боже! Да это цѣлый романъ, и я оставляю его до объѣда. А теперь позвольте мнѣ спросить васъ, какъ вы попали туда въ тотъ день?

Я разказалъ ему; онъ внимательно слушалъ, и когда я кончилъ, снова залился хохотомъ, и спросилъ меня, не чувствовалъ ли я сильной боли потомъ. Я не спрашивалъ его, какъ онъ себя чувствовалъ, потому что мое убѣжденіе съ этой стороны было совершенно утверждено.

— Я понимаю такъ, что мистеръ Джагерсъ вашъ онекунъ? спросилъ онъ.

— Да.

— Вы знаете, онъ стряпчій миссъ Гевишамъ и единственный человѣкъ, пользующійся ея полнымъ довѣріемъ?

Я чувствовалъ, это приближало меня къ опасному пункту. Я отвѣтилъ съ принужденіемъ, котораго вовсе не намѣренъ былъ скрывать, что я видѣлъ мистера Джагерса въ домѣ миссъ Гевишамъ, въ самый день нашей битвы; но потомъ я ни разу

не встрѣчалъ его тамъ, и что я полагаю онъ не припомнить нашей встрѣчи.

— Онъ былъ такъ обязателенъ, что предложилъ моего отца вамъ въ наставники, и былъ у него по этому случаю. Конечно, онъ зналъ о моемъ отцѣ изъ сношеній своихъ съ миссъ Гевисамъ. Мой отецъ—двоюродный братъ миссъ Гевисамъ, хотя это и не даетъ основанія заключать о родственности отношеній между ними; онъ плохой придворный и не станетъ ухаживать за нею.

У Герберта Покета было прямое, откровенное обращеніе, которое очень увлекало. Я до сихъ поръ, да и потомъ не встрѣчалъ никого, кто бы сильнѣе выражалъ мнѣ своимъ тономъ, взглядомъ, манерами, естественную неспособность сдѣлать что-нибудь скрытное или подлое. Вся наружность его сіяла чудными надеждами; но въ то же время нѣчто шептало мнѣ, что ему никогда ничего не удастся, и что онъ никогда богатъ не будетъ. Не знаю почему, но это впечатлѣніе явилось у меня съ перваго раза, прежде нежели мы сѣли за обѣдъ.

Онъ все еще былъ тотъ же блѣдный молодой джентльменъ, и посреди своего веселья и живости обнаруживалъ нѣкоторую томность, свидѣтельствовавшую о природной слабости его сложенія. Лицо его было не красиво; но оно было очень веселое и пріятное; а это лучше красоты. Фигура у него была такая же неловкая, какъ и въ то время, когда я не церемонно тузилъ ее моими кулаками; но она, казалось, всегда останется тонкою и юною. Не знаю, сидѣло ли бы на немъ лучше нежели на мнѣ послѣднее произведеніе мистера Траба, но я увѣренъ только въ томъ, что онъ носилъ свое старое платье гораздо свободнѣе нежели я носилъ мою новую пару.

Онъ былъ такъ сообщителенъ, что, я чувствовалъ, скрытность съ моей стороны была бы худою платой, не соответствующею нашимъ лѣтамъ. Я разказалъ ему поэтому мою короткую исторію и особенно налегъ на то обстоятельство, что мнѣ запрещено узнавать, кто таковъ мой благодѣтель. Я упомянулъ еще, что такъ какъ я готовился быть кузнецомъ въ деревнѣ и хорошія манеры мнѣ были вовсе неизвѣстны, то я буду ему очень благодаренъ, если онъ замѣтитъ мнѣ при случаѣ мои промахи.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ онъ,—хотя я смѣло предсказываю, что мнѣ придется очень рѣдко дѣлать вамъ замѣчанія. Я полагаю мы часто будемъ вмѣстѣ и бросимъ всѣ ненужныя.

церемонія между нами. Сдѣлайте милость начните съ того, что зовите меня просто по имени, Гербертомъ.

Я поблагодарилъ его, сказалъ, что буду его такъ звать, и прибавилъ, что мое имя Филиппъ.

— Не нравится мнѣ имя Филиппъ, сказалъ онъ улыбаясь.— Оно такъ и напоминаетъ примѣрнаго мальчика изъ азбуки, который былъ такъ лѣнивъ, что упалъ въ прудъ, такъ жиренъ, что глаза у него совершенно заплыли, такъ скупъ, что онъ держалъ взаперти свою булку, пока ея не съѣли мыши, или наконецъ такъ любилъ раззорять гнѣзда, что его съѣли медвѣди, жившіе по сосѣдству. Вотъ чтó я вамъ предложу... Мы такъ съ вами согласны и потому вы были кузнецъ... Вы не сердитесь?

— Мнѣ будетъ приятно всякое ваше предложеніе, отвѣчалъ я,—но я васъ не понимаю.

— Такъ вы не будете сердиться, если я васъ стану звать Генделемъ? Есть удивительное музыкальное произведеніе Генделя, подъ названіемъ *Согласный Кузнецъ*.

— Мнѣ это будетъ очень приятно.

— Итакъ мой любезный Гендель, сказалъ онъ, поварачиваясь назадъ, когда отворилась дверь,—вотъ и обѣдъ; и я попрошу васъ занять хозяйское мѣсто, потому что за обѣдъ вы платите.

Я про это и слышать не хотѣлъ, и онъ принужденъ былъ занять мѣсто хозяина, а я сѣлъ противъ него. Обѣдъ былъ очень не дуренъ, и въ то время онъ показался мнѣ совершенно лордъ-меровскимъ пиромъ; онъ былъ еще вкуснѣе потому, что мы его ѣли на свободѣ, съ нами не было старыхъ людей, и насъ окружалъ цѣлый Лондонъ. Полуцыганская безцеремонность придавала еще особенную прелесть нашему пиру: обѣдъ былъ, какъ выразился бы мистеръ Пембльчукъ, лонномъ роскоши и великолѣпія — лучшій, какой только можно было достать въ кофейной; но столовая наша была похожа на бивакъ, и лакей, увлекаясь характеромъ мѣстности, клалъ на полъ крышки съ блюдъ, и потомъ спотыкался на нихъ, соусы ставилъ на кресла, хлѣбъ на этажерку, сыръ въ ящикъ съ углемъ, вареную курицу на постель въ моей спальнѣ, гдѣ я потомъ, ложась спать, нашелъ на покрывалѣ массы застывшей подливки. Все это придавало особенную прелесть нашему пиршеству, и когда уходилъ лакей, я наслаждался вполнѣ.

Обѣдъ нашъ былъ уже въ половинѣ, когда я напомнилъ Герберту его обѣщаніе разказать мнѣ про миссъ Гевишамъ.

— Справедливо, отвѣчалъ онъ,—и я сейчасъ исполню его; позвольте мнѣ только, Гендель, начать мой разказъ съ того, что въ Лондонѣ не въ обыкновеніи класть ножикъ въ ротъ, изъ опасенія несчастныхъ случаевъ, и что хотя для этого употребляется исключительно вилка, но и ее не слѣдуетъ засовывать далѣе чѣмъ это необходимо. Конечно, объ этомъ не стоить и говорить. Но отчего же не дѣлать, какъ дѣлаютъ всѣ люди? Даже ложку держать не сверху, а берутъ подъ низъ. Это имѣетъ двѣ выгоды. Впервыхъ, вы легче попадаете ею въ ротъ, а это все-таки главная цѣль, и потомъ, вашъ правый локоть не принимаетъ постоянно такого положенія будто вы открываете устрицы.

Онъ передавалъ эти дружескія замѣчанія съ такою живостію, что мы оба хохотали, и я вовсе не краснѣлъ.

— Теперь, продолжалъ онъ,—обратимся къ миссъ Гевишамъ. Миссъ Гевишамъ, вы должны знать, было избалованное дитя. Ея мать умерла, когда она еще была совершеннымъ ребенкомъ, и отецъ ей ни въ чемъ не отказывалъ. Отецъ ея былъ помѣщикъ въ вашей сторонѣ, и имѣлъ пивоварню. Не знаю, почему это пивовареніе считается джентльменскимъ дѣломъ; но то неоспоримо, что баринъ никакъ не можетъ сдѣлаться хлѣбникомъ; а быть пивоваромъ, оставаясь баринномъ, можетъ. Вы видите это каждый день.

— Но джентльменъ не можетъ же содержать кабакъ? сказалъ я.

— О, ни подъ какимъ видомъ, отвѣчалъ Гербертъ;—но кабакъ можетъ содержать джентльмена<sup>1</sup>. Такъ мистеръ Гевишамъ былъ очень богатъ и очень гордъ. Такова вышла и его дочь.

— Миссъ Гевишамъ была единственное дитя? спросилъ я.

— Погодите минутку; сейчасъ я къ этому подойду. Нѣтъ, она не была единственное дитя, у нея былъ братъ, только

<sup>1</sup> Пивовареніе представляетъ дѣйствительно отрасль промышленности, которою не гнушаются англійское дворянство и даже аристократія, принимающія участіе, какъ компаньоны, въ знаменитѣйшихъ пивоварняхъ. Большая часть кабаковъ въ Англии содержится отъ пивоваровъ; хозяинъ ихъ, продающій напитки, бываетъ у нихъ или просто на жалованьи, или получаетъ извѣстный процентъ за коммиссію.

отъ другой матери. Ея отецъ женился тайно во второй разъ, и какъ я полагаю, на своей кухаркѣ.

— Вы сказали, что онъ былъ гордъ, замѣтилъ я.

— Да, милѣйшій Гендель, онъ былъ гордъ; и онъ женился тайкомъ на второй женѣ, потому что онъ былъ гордъ; по прошествіи времени она умерла. Когда она умерла, онъ объявилъ объ этомъ въ первый разъ своей дочери, и послѣ того сынъ введенъ былъ въ семейство, и жилъ въ извѣстномъ вамъ домѣ; сынъ вышелъ кутила, забулдыга, мотъ, непочтительнъ къ отцу, негодий во всѣхъ отношеніяхъ. Наконецъ отецъ лишилъ его наслѣдства; но потомъ онъ смягчился передъ смертью, и оставилъ ему почти столько же, сколько и миссъ Гевшамъ. Выпейте еще рюмку, и извините, если я вамъ замѣчу: общество не требуетъ отъ васъ, чтобы вы такъ добросовѣстно осушали вашу рюмку, опрокидывая ея край себѣ на носъ.

Я дѣйствительно это сдѣлалъ, такъ какъ все мое вниманіе было обращено на его разказъ. Я поблагодарилъ его и извинился.

— О, извиненія тутъ не нужны, сказалъ онъ и продолжалъ: — миссъ Гевшамъ сдѣлалась богатою наслѣдницей, и вы можете себѣ представить, что всѣ считали ее богатою невѣстой. У брата ея опять были большія средства; но прежніе долги, а теперь безумная расточительность опять скоро уничтожили ихъ. Между нимъ и ею бывали ссоры гораздо ужаснѣе нежели его размовки съ отцомъ, и въ глубинѣ сердца онъ сохранилъ смертельную ненависть къ ней, какъ будто она была причиной отцовскаго гнѣва противъ него. Теперь я прихожу къ самой ужасной части моей исторіи, и перерву ее на минуту, мой любезный Гендель, чтобы вамъ замѣтить, что салфетка, несмотря на всѣ ваши усилія, никакъ не можетъ помѣститься въ стаканъ.

Почему я добивался уложить мою салфетку въ стаканъ, а этого никакъ не могу объяснить. Я только теперь замѣтилъ, что я старался ее вдавить въ него съ усиліями, заслуживавшими лучшей цѣли. Я снова поблагодарилъ его, извинился, и онъ сказалъ мнѣ съ самымъ веселымъ видомъ:

— О, извиненія здѣсь не нужны, и продолжалъ: — теперь на сцену является новое лицо,—скажемъ, что это случилось на скачкахъ, на публичномъ балѣ, гдѣ бы тамъ ни было,—которое принимается ухаживать за миссъ Гевшамъ. Я его никогда не видалъ, потому что это случилось двадцать

пять дѣтъ тому назадъ (когда насъ съ вами, любезный Гендель, еще не было на свѣтѣ), но я слышалъ отъ моего отца, что это былъ франтъ, именно человѣкъ для случая, но что развѣ только по невѣдѣнію, или изъ предубѣжденія, можно было принять его за джентльмена; отецъ мой положительно такъ утверждалъ; онъ убѣжденъ, что человѣкъ, который не джентльменъ въ душѣ, никогда не будетъ истиннымъ джентльменомъ, хотя бы соблюдалъ всѣ джентльменскія манеры; онъ говоритъ, никакой лакъ не скроетъ естественнаго расположенія волоконъ въ деревѣ, и оно показывается тѣмъ рѣзче, чѣмъ болѣе кладете вы на него этого лака. Итакъ, этотъ человѣкъ сильно преслѣдовалъ миссъ Гевисамъ и показывалъ, что онъ ей очень преданъ. Я полагаю, до того времени она ни къ кому не питала особенной симпатіи, но конечно теперь обнаружилась всѣ ея чувства, какія у нея были, и она полюбила его страстно. Нѣтъ сомнѣнія, она рѣшительно боготворила его. Онъ такъ систематически эксплуатировалъ ея любовь, что успѣлъ перехватить у ней значительныя суммы и убѣдить ее, чтобъ она купила часть, которую ея братъ имѣлъ въ пивоварнѣ, за огромную цѣну, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ, женись на ней, долженъ одинъ распорядиться заведеніемъ. Вашъ опекунъ въ то время не былъ совѣтникомъ миссъ Гевисамъ; а она была такъ горда и такъ влюблена, что не хотѣла ни съ кѣмъ совѣтоваться. Родственники ея были бѣдны, и всѣ, за исключеніемъ моего отца, лукавили; онъ былъ бѣденъ, но никогда никому не угождалъ и не завидовалъ. Какъ единственный независимый человѣкъ между ними, онъ предупредилъ ее, что она слишкомъ много дѣлаетъ для этого человѣка, что она слишкомъ неосторожно отдается ему въ совершенную власть. Въ его присутствіи она выгнала моего отца изъ дому, и съ тѣхъ поръ отецъ мой никогда не видѣлъ ея.

Я припомнилъ теперь, какъ она говорила: «Матью придетъ посмотрѣть на меня, когда я буду лежать мертвая на этомъ столѣ,» и спросилъ Герберта, неужели отецъ его питалъ къ ней такую непримиримую злобу?

— Нѣтъ, это не злоба, сказалъ онъ,—но она упрекнула его въ присутствіи своего нареченнаго, что онъ разчитывалъ на нее и обманулся въ своихъ разчетахъ, и если онъ пойдетъ къ ней теперь, то упрекъ этотъ можетъ показаться справедливымъ. Но обратимся къ жениху, чтобы покончить съ нимъ. День свадьбы былъ назначенъ, платье подвѣчное куплено;

послѣсвадебная позадка рѣшена, гости на свадьбу приглашены. День наступилъ; но женихъ не явился. Онъ написалъ ей письмо...

— Которое она получила, подхватилъ я,—когда она отъезжала къ вѣнцу? Въ половинѣ девятаго?

— Именно въ этотъ часъ и эту минуту, на которыхъ остановились всѣ ея часы, сказалъ Гербертъ, кивая головою.—Что было въ этомъ письмѣ, я не могу вамъ сказать, но только оно разстроило свадьбу. Когда она оправилась послѣ страшной болѣзни, которой подверглась, то запустила весь домъ, какъ вы видите, и съ тѣхъ поръ никогда не видала дневнаго свѣта.

— И это вся исторія? спросилъ я, послѣ нѣкотораго размышленія.

— Все что я знаю, по крайней мѣрѣ; да и это узналъ я отрывками, потому что отецъ мой никогда всего не рассказываетъ, и даже когда миссъ Гевишамъ пригласила меня, онъ сообщилъ мнѣ именно столько, сколько было необходимо, чтобъ я могъ понять ея поразительныя странности. Но я забылъ одно обстоятельство: подозревали всегда, что человекъ, такъ обманувшій ея довѣрчивость, дѣйствовалъ заодно съ ея братомъ, что это былъ заговоръ между ними, и что они подѣлились барышами.

— Удивляюсь, зачѣмъ онъ не женился на ней; ему бы досталось все состояніе, сказалъ я.

— Можетъ-быть онъ уже былъ женатъ, и ея братъ, въ своемъ адскомъ замыслѣ, разчитывалъ еще болѣе огорчить ее этимъ, сказалъ Гербертъ.—Помните только, что я этого не знаю положительно.

— Что сдѣлалось съ ними обонима? спросилъ я, опять послѣ нѣкотораго размышленія.

— Они впади въ совершенное униженіе, покрылись позоромъ, такъ и сгибли.

— Живы они теперь?

— Не знаю.

— Вы сейчасъ сказали, что Эстелла не была родственница миссъ Гевишамъ, а только ея приемышъ. Когда же она взяла ее къ себѣ?

Гербертъ пожалъ плечами:—Съ тѣхъ поръ, какъ я запомню миссъ Гевишамъ, Эстелла была всегда съ нею. Болѣе этого я не знаю. И теперь, Гендель, сказалъ онъ въ заключеніе, оставляя эту матерію,—между нами уговоръ: все что я узнаю про миссъ Гевишамъ, вы узнаете отъ меня.



— И все что я узнаю, отвѣтилъ я,—будетъ также извѣстно и вамъ.

— Я этому совершенно вѣрю, и надѣюсь, что между нами не будетъ ни соперничества, ни недоумѣній. А что касается до условія, на которомъ основывается ваше возвышеніе въ обществѣ, именно, что вы не должны разспрашивать у кого бы то ни было и толковать съ кѣмъ бы то ни было о лицѣ, которому вы всѣмъ обязаны, то ни я, да и никто изъ близкихъ мнѣ никогда его не преступитъ, никогда не затронетъ его.

Онъ сказалъ это съ такою деликатностію, что я чувствовалъ, это рѣшеніе никогда бы не измѣнилось, хотя бы мнѣ пришлось прожить цѣлые годы подъ кровлею его отца. И онъ сказалъ это однакоже такъ многозначительно, что я чувствовалъ, онъ понималъ такъ же хорошо, какъ и я, что миссъ Гевншамъ была моя благодѣтельница.

Мнѣ не пришло прежде въ голову, что онъ съ намѣреніемъ наведъ разговоръ на эту матерію, съ цѣлью выяснить наши отношенія, но теперь, когда мы покончили съ нею, намъ было такъ легко и такъ свободно, что я увидѣлъ, таково было именно его намѣреніе. Мы были очень веселы, и дружески бесѣдовали. Я спросилъ въ серединѣ разговора, какое было положеніе его въ обществѣ. Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Капиталистъ-страхователь кораблей.» Я полагаю, онъ замѣтилъ какъ я окинулъ взглядомъ комнату, желая открыть слѣды капитала или кораблей, потому что онъ прибавилъ: «въ Сити».

Я имѣлъ очень высокое мнѣніе о богатствѣ и важности страхователей кораблей въ Сити, и теперь съ ужасомъ помышлялъ, что я повалилъ на земь юнаго страхователя, подбилъ его предприимчивый глазъ, и раскроилъ его голову, на которой лежала тяжелая отвѣтственность. Но потомъ меня успокоило прѣжнее мое впечатлѣніе, что Гербертъ Покетъ никогда не разбогатѣетъ.

— Я не удовольствуюсь только помѣщеніемъ моего капитала на страхованіе кораблей. Я куплю акціи въ хорошей компаніи пожизненнаго страхованія и постараюсь попасть въ директора. Я займусь также слегка горною промышленностію. Это не помѣшаетъ мнѣ застраховать на мой счетъ нѣсколько тысячъ тоннъ. Я думаю открыть торговлю, сказалъ онъ, разваливаясь въ своемъ креслѣ,—съ Остъ-Индіею шелками, шалами, приносами, красками, москательными товарами. Это очень интересная торговля.

— А барыши велики? сказалъ я.

— Громадные, сказалъ онъ.

Я опять поколебался и началъ думать, что эти ожиданія были еще безумнѣе моихъ.

— Я думаю также торговать, сказалъ онъ, закладывая большіе пальцы въ жилетные карманы, — съ Вестъ-Индіей сахаромъ, табакомъ и ромомъ. Также съ Цейланомъ, преимущественно словесными клякми.

— Вамъ понадобится много кораблей, сказалъ я.

— Цѣлый флотъ, сказалъ онъ.

Совершенно пораженный великолѣпіемъ этихъ операцій, я спросилъ его, гдѣ преимущественно теперь торгуютъ корабли, которые онъ застраховываетъ.

— Я еще не началъ застраховывать, отвѣчалъ онъ, — я еще только высматриваю.

Это занятіе, показалось мнѣ почему-то, было совершенно подстать Барнардову подворью. Я сказалъ тономъ совершеннаго убѣжденія: — А-а-а!

— Да. Я теперь въ конторѣ, и высматриваю вокругъ себя.

— А контора прибыльна? спросилъ я.

— То-есть, вы разумѣете для молодого малаго, который находится въ ней? спросилъ онъ меня въ отвѣтъ.

— Да, для васъ.

— Гмъ! нѣ-ѣтъ: не для меня.

Онъ сказалъ это съ видомъ челоуѣка, осторожно сводящаго балансъ.

— Нѣтъ, для меня она прямо не прибыльна. То-есть мнѣ она ничего не приноситъ, и я долженъ еще содержать себя.

Конечно, барышами здѣсь не пахло, и я покачалъ головою, какъ будто желая показать, что очень трудно составить капиталъ при такомъ источникѣ дохода.

— Но главное-то, сказалъ Гербертъ, — вы высматриваете вокругъ себя. Это огромная выгода. Вы знаете, что вы въ конторѣ, и вы высматриваете вокругъ себя.

Меня поразило странное заключеніе, будто не возможно было высматривать вокругъ себя, не находясь въ конторѣ, но я удержался отъ этого замѣчанія.

— Время придетъ, сказалъ Гербертъ, — когда вамъ откроется случай; вы и хватаетесь за него, онъ и вынесетъ васъ, и капиталъ вашъ сдѣланъ. Капиталъ есть, останется только прилагать его.

Очень похоже на это онъ велъ себя въ нашей схваткѣ въ саду. Онъ переносилъ бѣдность такъ же точно, какъ тогда перенесъ поражение. Мнѣ казалось, что и теперь онъ такъ же принималъ отъ судьбы всѣ удары и пощечины, какъ тогда принималъ ихъ отъ меня. Очевидно, что у него были только самыя необходимыя вещи, потому что все особенное, что меня поражало, было взято нарочно для меня изъ кофейной или изъ другаго какого-нибудь мѣста.

Но сдѣлавъ состояніе въ своемъ собственномъ воображеніи, онъ былъ однакожъ очень скромнѣе, и я ему былъ очень благодаренъ, что онъ не важничалъ передо мною. Это было самое пріятное прибавленіе къ его пріятному характеру, и мы сошлись какъ нельзя лучше. Вечеромъ мы отправились гулять по улицамъ, завернули въ театръ эл полцѣны<sup>1</sup>. На другой день мы пошли въ церковь въ Вестминстерское аббатство, потомъ послѣ обѣда гуляли въ паркахъ, и я думалъ про себя, кто ковалъ всѣхъ здѣшнихъ лошадей, и какъ бы я желалъ, чтобъ эта работа досталась Джо.

Мнѣ казалось, много мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Джо и Бидди. Пространство, раздѣлявшее насъ, соотвѣтствовало этому растяженію времени, а наше бѣдоту представлялось мнѣ Богъ знаетъ какъ далеко. Мнѣ казалось теперь совершенною невозможностію географическою, соціальною, астрономическою, хронологическою, чтобъ я былъ не далѣе какъ въ прошедшее воскресенье въ нашей старой церкви, въ моемъ старомъ праздничномъ платьѣ. Но на лондонскихъ улицахъ, великолѣпно освѣщенныхъ среди вечерняго сумрака, посреди толпы народа я чувствовалъ тяжелые упреки, что я забывалъ нашу старую кухню; и шаги престарѣлаго привратника, который въ просонкахъ прохаживался мимо подворья Барнарда, прикидываясь будто онъ сторожитъ его, глухо отзывались въ моемъ сердцѣ.

Въ понедѣльникъ, поутру, въ три четверти девятаго Гербертъ отправился въ контору, чтобы донести о себѣ и, какъ я предполагалъ, также чтобы посмотреть вокругъ себя, и я сопровождалъ его. Черезъ часъ или два мы оба должны были отправиться въ Гамерсмитъ, и я долженъ былъ подождать его. Мнѣ казалось теперь, что яйца, изъ которыхъ выводились

<sup>1</sup> По окончаніи первой пьесы или первыхъ двухъ актовъ, въ лондонскихъ театрахъ цѣна за входъ уменьшается наполовину.

молодые страхователи, высиживались въ песокъ и зноѣ, подобно лйцамъ страуса, если судить по мѣстности, куда эти будущіе гиганты отправлялись въ понедѣльникъ поутру. Контора, гдѣ служилъ Гербертъ, показалась на мои глаза очень неудовлетворительною обсерваторіей, она помѣщалась въ задней комнатѣ во второмъ этажѣ, очень непривлекательной во всѣхъ отношеніяхъ, и видъ изъ ней открывался только на подобную же заднюю комнату, во второмъ этажѣ сосѣдняго дома.

Мнѣ пришлось ждать до полудня, и я зашелъ между тѣмъ на биржу; здѣсь я видѣлъ разнаго рода поношенныхъ господъ, сидѣвшихъ надъ объявленіями объ отходѣ кораблей; я принималъ ихъ за миллионеровъ-купцовъ, хотя и не могъ понять, отчего они были въ такомъ грустномъ расположеніи духа. Когда вернулся Гербертъ, мы пошли съ нимъ завтракать въ знаменитую таверну, которую въ то время я необыкновенно уважалъ и которую я теперь считаю самою отвратительною каррикатурой въ Европѣ. Я даже и тогда замѣтилъ, что въ ней было болѣе подливки на скатерти, ножахъ и на лакеяхъ нежели подавалось ея съ бѣстексомъ. Покончивъ эту трапезу, стоявшую очень не дорого (если принять въ соображеніе жиръ, за который не было особенно поставлено въ счетѣ), мы вернулись на подворье Барнарда, гдѣ я захватилъ мой чемоданъ, и взяли омнибусъ въ Гамерсмитъ. Мы прибыли туда въ три часа и прошли пѣшкомъ весьма небольшое разстояніе до дому мистера Покета. Мы прямо вошли черезъ калитку въ маленький садикъ, выходявшій на рѣку, гдѣ играли дѣти мистера Покета. И если я не ошибаюсь въ этомъ случаѣ, который не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ моимъ интересамъ, то мнѣ казалось, что дѣти мистера и мистриссъ Покетъ не расли и не воспитывались, а только падали.

Мистриссъ Покетъ сидѣла на креслѣ, подъ деревомъ, и читала, положивъ свои ноги на другое кресло. Двѣ нянюшки мистриссъ Покетъ глязли по сторонамъ, пока дѣти играли.

— Маменька, сказалъ Гербертъ, — это молодой мистеръ Пипъ.

Мистриссъ Покетъ встрѣтила меня съ видомъ любезнаго достоинства.

— Мистеръ Аликъ и миссъ Дженъ! закричала одна изъ нянюшекъ, двумъ дѣтямъ: — что вы тамъ бросаетесь на кусты? воть упадете въ рѣку и утонете; что тогда вашъ папенька скажетъ?

Другая нянька въ то же время подняла платокъ мистриссъ Покетъ, говоря:

— Вотъ ужъ это, сударыня, въ шестой разъ вы роняете вашъ платокъ.

Мистриссъ Покетъ засмѣялась на это и сказала:

— Благодарю васъ, Флопсонъ.

Послѣ этого она расположилась уже на одномъ креслѣ и принялась за книгу. Ея физиономія сейчасъ же приняла напряженное, серьезное выраженіе, какъ будто она читала, не останавливаясь, цѣлую недѣлю. Но прочтя строчекъ шесть, она устремила на меня глаза и сказала:

— Надѣюсь, ваша маменька въ совершенномъ здоровьѣ?

Этотъ неожиданный вопросъ привелъ меня въ необыкновенное затрудненіе, и я отвѣтилъ ей самымъ глупымъ образомъ, что, безъ сомнѣнія, еслибы такая особа существовала на этомъ свѣтѣ, она вѣроятно была бы здорова и благодарна за ея участіе и также ззсвидѣтельствовала бы ей свое почтеніе. По счастью, нянька явилась теперь мнѣ на выручку.

— Сударыня! закричала она, подымая ея платокъ,—вѣдь это вы его въ седьмой разъ роняете! Чтѣ это сдѣлалось съ вами сегодня?

Мистриссъ Покетъ приняла свою собственность сначала съ видомъ совершеннаго удивленія, какъ будто она прежде никогда ея не видала, потомъ засмѣялась и сказала: «Благодарю васъ, Флопсонъ,» и погрузилась снова въ чтеніе, забывъ про меня.

Теперь на досугѣ я могъ пересчитать ихъ и нашелъ, что всего было шесть маленькихъ Покетъ, въ различныхъ степеняхъ паденія. Едва только я пришелъ къ этому итогу, какъ вдругъ послышался сверху страдальческій голосъ седьмаго.

— Это малютка! сказала Флопсонъ, какъ будто она была этимъ очень удивлена:—идите скорѣе, Милерсъ.

Милерсъ была другая нянька, и она удалась сейчасъ въ домъ. Мало-по-малу плачь ребенка утихъ. Мистриссъ Покетъ все это время читала; мнѣ было очень любопытно знать, чтѣ это была за книга.

Я полагаю, мы ожидали мистера Покета, чтобъ онъ вышелъ къ намъ; по крайней мѣрѣ мы тутъ чего-то ждали, и я имѣлъ случай замѣтить необыкновенное семейное явленіе, что дѣти непременно падали на мистриссъ Покетъ, каждый разъ какъ только близко подходили къ ней, возбуждая на минуту ея удивленіе и оглушая всѣхъ страшнымъ воемъ. Я никакъ не могъ объяснить себѣ этого поразительнаго обстоятельства и

невольно задумался надъ нимъ, пока Милерсъ не явилась съ ребенкомъ; она отдала его Флопсонъ, которая, передавая его мистриссъ Покетъ, также съ нимъ повалилась бы на нее, еслибы мы съ Гербертомъ не поддержали вовремя и нянюшку и ребенка.

— Милосердый Боже! Флопсонъ, сказала мистриссъ Покетъ, свела на минуту глаза съ книги:—что это всё падаютъ сегодня!

— Да, и вправду милосердь Богъ, сударыня, сказала Флопсонъ, покраснѣвъ;—что у васъ тамъ?

— Что у меня тамъ, Флопсонъ? спросила мистриссъ Покетъ.

— Да ваша скамеечка! закричала Флопсонъ.—Если вы ее будете держать подъ вашимъ подоломъ, всякій на нее споткнется. Возьмите ребенка, сударыня, и дайте мнѣ вашу книгу.

Мистриссъ Покетъ послѣдовала ея совѣту и принялась очень недовко качать ребенка на колѣняхъ, между тѣмъ какъ другія дѣти забавляли его. Это продолжалось очень не много времени; мистриссъ Покетъ отдала приказаніе, чтобъ ихъ всѣхъ увели въ дѣтскую спать. И такимъ образомъ я сдѣлалъ второе открытіе, при этомъ случаѣ,—что воспитаніе маленькихъ Покетъ состояло изъ паденій, которыя перемежались лежаніемъ.

При такихъ обстоятельствахъ меня нисколько не удивило, когда Милерсъ и Флопсонъ погнали дѣтей въ комнаты словно стадо барановъ, и мистеръ Покетъ вышелъ къ намъ,—что лицо этого джентльмена выражало недоумѣніе, и сѣдые волосы его были страшно растрепаны, какъ будто онъ ничего не могъ держать въ порядкѣ.

### XXIII.

Мистеръ Покетъ объявилъ, что онъ былъ очень радъ видѣть меня, и выражалъ надежду, что и я также не сожалѣлъ объ этомъ. — Я, прибавилъ онъ, улыбаясь совершенно какъ его сынъ,—далеко не страшный человѣкъ.

Несмотря на заботливое выраженіе своего лица и сѣдые волосы, онъ былъ очень моложавъ на видъ, и обращеніе его было очень естественное, безъ всякой жеманности; въ его растрепанной физиономіи было что-то комическое, которое казалось бы совершенно смѣшнымъ, еслибъ онъ самъ не видѣлъ этого. Поговоривъ со мною, онъ обратился къ мистриссъ Покетъ,

наморщивъ слегка брови, которыя были черны и очень красивы, и сказалъ:—Белинда, надѣюсь, вы здоровались съ мистеромъ Пипомъ?—Она улыбулась мнѣ совершенно безъ мысли и спросила, люблю ли я померанцевую воду. Такъ какъ вопросъ этотъ не имѣлъ никакого отношенія ни къ предыдущему, ни къ послѣдующему разговору, то я понялъ, что онъ былъ просто закинутъ такъ, изъ одного желанія сказать мнѣ что-нибудь.

Я открылъ въ нѣсколько часовъ и передамъ теперь, за одинъ разъ, что мистриссъ Покетъ была единственная дочь какого-то случайнаго кавалера <sup>1</sup>, который самъ увѣрилъ себя, что его покойный отецъ непременно былъ бы баронетомъ, еслибы кто-то не воспротивился этому, совершенно изъ личныхъ побужденій; я не помню теперь, кто именно противился, государь ли, первый ли министръ, лордъ канцлеръ или архіепископъ кантерберійскій,—только онъ прицѣпилъ себя къ знати, въ силу этого гипотетическаго факта. Я полагаю, онъ самъ былъ сдѣланъ кавалеромъ за смѣлое нападеніе на англійскую грамматику, которую страшно истерзалъ въ одномъ отчаянномъ адресѣ, поднесенномъ имъ какой-то королевской особѣ вмѣстѣ съ известкой и лопаткой, при закладкѣ какого-то зданія. Какъ бы то ни было, но онъ воспиталъ мистриссъ Покетъ, съ самой колыбели, какъ дѣвушку, предназначенную, совершенно естественнымъ порядкомъ вещей, выйдти замужъ за аристократа, и которая ни подъ какимъ видомъ не должна была знать ничего, относящагося до плебейскаго хозяйства. Благоразумный родитель такъ успѣшно слѣдилъ и смотрѣлъ за воспитаніемъ этой молодой леди, что изъ нея вышла необыкновенно изящная, но совершенно безпомощная и бесполезная дама. Когда характеръ ея развился такимъ образомъ, она встрѣтилась, во цвѣтъ своей юности, съ мистеромъ Покетомъ, который былъ также во цвѣтъ своей юности и еще не порѣшилъ совершенно,—возсѣсть ли ему на канцлерскомъ мѣшкѣ, или украсить свое чело епископскою митрой. Такъ какъ этотъ выборъ для него былъ только дѣломъ времени, то онъ и мистриссъ Покетъ ухватили время за вихорь (судя по его длинѣ, конечно, его слѣдовало обрѣзать) и обвѣнчались

<sup>1</sup> Первая степень въ іерархіи англійскихъ титуловъ, за которою слѣдуютъ достоинства баронета, вайкаунта (viscount), эрла (графа), маркиза и герцога.

безъ вѣдома благомудраго родителя. Благомудрый родитель не могъ имъ ничего дать, кромѣ своего благословенія, и великодушно передалъ это приданое послѣ непродолжительной борьбы и объявилъ мистеру Покету, что жена его была истинное сокровище для самого царя. Мистеръ Покетъ долженъ былъ помѣстить этотъ царскій капиталъ въ быть житейскій, и приносилъ онъ ему, должно предположить, очень жалкіе проценты. Несмотря на это, мистриссъ Покетъ была предметомъ какого то страннаго сожалѣнія, зачѣмъ не вышла она замужъ за аристократа; между тѣмъ, какъ на мистера Покета обрушивались сострадательные упреки, зачѣмъ онъ не былъ аристократъ.

Мистеръ Покетъ повелъ меня въ домъ и показалъ мнѣ мою комнату; это была очень веселенькая комната и убрана такимъ образомъ, что она могла служить мнѣ въ то же время и гостиной. Онъ постучалъ въ двери двухъ подобныхъ же комнатъ и познакомилъ меня съ ихъ хозяевами, которыхъ звали Дремль и Стартопъ. Дремль, молодой человекъ, но очень старообразный и неуклюжій, посвистывалъ. Стартопъ, молодой полѣтамъ и по виду, читалъ, поддерживая свою голову, какъ будто онъ опасался, что она лопнетъ отъ слишкомъ-сильнаго заряда знаніемъ.

Мистеръ и мистриссъ Покетъ, очевидно, были въ чьихъ-то рукахъ, и я долго раздумывалъ, кто дѣйствительно былъ хозяинъ дома и позволялъ имъ жить въ немъ, и наконецъ открылъ, что это была прислуга. Можетъ-быть такое хозяйство было очень пріятно и избавляло отъ лишннихъ хлопотъ; но оно казалось очень дорогимъ, потому что прислуга считала своею обязанностію быть очень разборчивою въ пищу и питьѣ, и принимать внизу гостей. Она правда отпускала довольно хорошій столъ мистеру и мистриссъ Покетъ; но мнѣ всегда казалось, что въ этомъ домѣ лучше всего быть на хлѣбахъ на кухнѣ, разумѣется если нахлѣбникъ могъ постоять за себя потому что на первой же недѣлѣ какъ я поселился тамъ одна сосѣдка, незнакомая въ домѣ, написала, что она видѣла какъ Милерсъ билъ ребенка. Это необыкновенно огорчило мистриссъ Покетъ, которая залилась слезами, получивъ эту записку, и жаловалась, какъ это сосѣди не могутъ заниматься своимъ дѣломъ.

Мало-по-малу я узналъ, и преимущественно отъ Герберта что мистеръ Покетъ воспитывался въ Гарро и Кембриджѣ, гдѣ



онъ успѣлъ отличиться, но женившись рано на мистриссъ Покетъ, онъ испортилъ свою карьеру и сдѣлался точильщикомъ<sup>1</sup>. Отточивъ порядочное число очень тупыхъ лезвей, которыхъ папеньки, пользовавшіеся вліяніемъ, обѣщали всегда дать ему мѣстечко, и забывали постоянно свое обѣщаніе какъ только ихъ сынки оставляли точильню, онъ бросилъ это жалкое ремесло и пріѣхалъ въ Лондонъ. Здѣсь также надежды обманули его; и онъ принялся давать уроки разнымъ людямъ, которыхъ образованіе было запущено, готовилъ другихъ для различныхъ случаевъ, употреблялъ свои дарованія также для составленія литературныхъ компиляцій и исправленія чужихъ сочиненій. И такими средствами, въ соединеніи съ очень-скудною собственностью, онъ успѣвалъ содержать домъ, въ которомъ я теперь находился.

Въ сосѣдствѣ съ мистеромъ и мистриссъ Покетъ жила вдова, страшная подольстуха, имѣвшая необыкновенно симпатическій характеръ, и которая соглашалась со всѣми, благославляла всѣхъ, смѣялась и проливала слезы для всѣхъ, смотря по обстоятельствамъ. Имя этой леди было мистриссъ Кайлеръ, и я имѣлъ честь вести ее къ столу въ первый день моего водворенія. Она мнѣ дала понять, когда мы подымались по лѣстницѣ, что для бѣдной мистриссъ Покетъ былъ такой ударъ, что безцѣнный мистеръ Покетъ принужденъ брать къ себѣ учениковъ, хоть они и джентльмены. Это относится не ко мнѣ, прибавила она въ порывѣ любви и откровенности, (тогда же я успѣлъ разгадать ее окончательно въ пять минутъ); еслибъ они всѣ были похожи на меня, то это было бы совершенно другое дѣло.

— Но милая мистриссъ Покетъ, говорила мистриссъ Кайлеръ, — обманувшись такъ рано въ своихъ надеждахъ (янисколько не виню милаго мистера Покетъ), не можетъ обойтись безъ роскоши и изящества.

— Да, сударыня, сказалъ я, желая останоить ее; я боялся, что она заплачетъ.

— И у нея такой аристократическій характеръ.

— Да, сударыня, прервалъ я ее опять, съ тѣмъ же намѣреніемъ.

— Жестоко, право, сказала мистриссъ Кайлеръ, — что время и

<sup>1</sup> Техническое названіе учителей, подготавливающихъ студентовъ къ экзаменамъ на полученіе степени.

вниманіе милого мистера Покета отвлекается такимъ образомъ отъ милой мистриссъ Покетъ.

Мнѣ невольно пришло въ голову, что было бы еще жесточе, еслибы милой мистриссъ Покетъ пришлось обойтись безъ внимательныхъ услугъ мясника и хлѣбника; но я ничего не сказалъ, и дѣйствительно мнѣ было довольно хлопотъ наблюдать за своими манерами.

Я узналъ изъ разговора, происходившаго между Дремлемъ и мистриссъ Покетъ, пока все мое вниманіе было обращено на ножикъ, вилку, ложку, рюмки и другія смертельныя орудія, что Дремль, называвшійся также Бентле, былъ дѣйствительно сынъ баронета. Теперь оказалось также, что книга, которую мистриссъ Покетъ читала внизу, была родословная книга, и она знала очень хорошо годъ и число, когда слѣдовало бы ей дѣдушкѣ занять въ ней мѣсто. Дремль не былъ щедръ на слова; но разговаривалъ своимъ обыкновеннымъ неподатливымъ тономъ (онъ показался мнѣ такимъ надутымъ) какъ будто онъ былъ одинъ избранный между нами, и признавалъ въ мистриссъ Покетъ женщину и сестру. Только они да подольстуха, мистриссъ Кайлеръ, находили какой-нибудь интересъ въ этомъ разговорѣ, и мнѣ казалось, онъ былъ очень непріятенъ Герберту; но онъ продлился бы еще очень долго, еслибы не явился мальчикъ, прислуживавшій за столомъ, съ объявленіемъ о домашнемъ несчастіи, — именно, что кухарка запропастила куда-то говядину. Я увидѣлъ теперь въ первый разъ, къ моему величайшему удивленію, что мистеръ Покетъ облегчилъ свое сердце необыкновенно страннымъ движеніемъ, которое поразило меня, но которое, повидному, не произвело никакого впечатлѣнія на прочихъ, и съ которыми я также скоро освоился подобно имъ; онъ положилъ ножикъ и вилку, — онъ разрѣзывалъ въ это время, — запустилъ обѣ руки въ свои растрепанные волосы, и казалось, дѣлалъ самыя странныя усилія, чтобы приподнять себя. Не успѣвъ въ этомъ, онъ опять принялся спокойно разрѣзывать.

Мистриссъ Кайлеръ перемѣнила теперь разговоръ и начала льстить мнѣ. Мнѣ это было пріятно нѣсколько минутъ. Но она мнѣ такъ грубо льстила, что это удовольствіе скоро прошло. Она змѣей подползала ко мнѣ, увѣряя, что ее очень интересуютъ мои друзья и мѣстность, которую я оставилъ, и когда она по временамъ накидывалась своимъ жаломъ на Стартопа (который говорилъ съ нею мало) или на Дремля (который разговаривалъ

еще менѣе), я, право, завидовалъ имъ, что они сидѣли на противоположной сторонѣ стола.

Послѣ обѣда привели дѣтей, и мистриссъ Кайлеръ расточала самыя восторженныя похвалы, ихъ глазамъ носамъ, ногамъ: удивительно, какъ это способствуетъ умственному развитію ребенка. Здѣсь были четыре дѣвочки и два мальчика, не считая малытки, который былъ пока неизвѣстнаго пола, и его преемника, который могъ быть никакого пола. Ихъ привели Флопсонъ и Милерсъ, какъ два сержанта, которые ходили вербовать дѣтей и завербовали этихъ; между тѣмъ какъ мистриссъ Покетъ глядѣла на сихъ благородныхъ отпрысковъ, предназначенныхъ было содѣлаться великими аристократами, какъ будто она сознавала, что она имѣла удовольствіе видѣть ихъ прежде, но не понимала совершенно ясно, кто они и откуда они?

— Дайте мнѣ вашу вилку, сударыня, и возьмите малытку на руки, сказала Флопсонъ.— Да, не берите ея такъ, ея головка попадетъ подъ столъ.

Слѣдуя этому совѣту, мистриссъ Покетъ взяла ребенка другимъ образомъ, и стукнула его головой по столу съ страшнымъ громомъ.

— Боже мой, Боже мой! дайте мнѣ его назадъ, сударыня, сказала Флопсонъ.— Миссъ Дженъ, сдѣлайте милость, подите потанцуйте передъ ребенкомъ!

Одна изъ маленькихъ дѣвочекъ, крошка сама, которая преждевременно взяла на себя обязанность смотрѣть за другими, сошла съ своего мѣста возлѣ меня и принялась танцовать передъ ребенкомъ, пока тотъ не пересталъ кричать и не засмѣялся. За нимъ засмѣялись всѣ дѣти и мистеръ Покетъ (который между тѣмъ два раза пробовалъ приподнять себя за волосы) также засмѣялся, и мы всѣ смѣялись и были очень довольны.

Флопсонъ, сложивъ ребенка пополамъ, какъ деревянную куклу, успѣла потомъ благополучно помѣстить его на колѣни мистриссъ Покетъ и дала ему играть орѣшныя щипцы, предупреждая въ то же время мистриссъ Покетъ, чтобъ она смотрѣла, какъ бы ребенокъ этимъ орудіемъ не выкололъ себѣ глазъ и наказывая то же самое миссъ Дженъ. Послѣ этого обѣ няньки оставили комнату и подняли возню на лѣстницѣ съ задорнымъ мальчишкой, который прислуживалъ за столомъ, и очевидно, проигралъ на улицѣ въ камешки половину пуговицъ съ своей курточки.

Меня очень тревожило, что мистриссъ Покетъ завела новый разговоръ съ Дремлемъ о какихъ-то двухъ баронетскихъ фамиліяхъ, и кушала себѣ апельсинъ, совершенно забывъ про ребенка, который сидѣлъ у нея на колѣняхъ, и дѣлалъ самыя страшныя штуки съ щипцами. Наконецъ, маленькая Дженъ, видя, что его глаза были въ явной опасности, потихоньку сошла съ своего мѣста, и разными уловками успѣла выманить у него опасное орудіе. Мистриссъ Покетъ кончила свой апельсинъ и, не одобряя вмѣшательства Дженъ, сказала :

— Негодная дѣвочка, какъ вы смѣете? Подите и сейчасъ же сядьте на ваше мѣсто!

— Милая мама, пролепетала дѣвочка, — маленькіи себѣ глазки выколетъ.

— Какъ вы смѣете говорить мнѣ это? возразила мистриссъ Покетъ. — Подите и сядьте сію же минуту на вашъ стулъ!

Негодование мистриссъ Покетъ было такъ страшно, что даже я смутился, какъ будто чѣмъ-нибудь возбудилъ его.

— Белинда, сказалъ мистеръ Покетъ, съ другаго конца стола, — какъ вы можете быть такъ нераасудительны? Дженъ вмѣшалась только изъ участія къ ребенку.

— Я не позволю никому вмѣшиваться, сказала мистриссъ Покетъ. — Удивляюсь, право, Матью, что вы подвергаете меня подобнымъ оскорбленіямъ.

— Боже Ты милостивый! закричалъ мистеръ Покетъ въ припадкѣ совершеннаго отчаянія. — Дѣти до смерти убиваютъ себя щипцами, и никто не смѣи спасти ихъ.

— Я не позволю вмѣшиваться Дженъ, сказала мистриссъ Покетъ, бросая величественный взглядъ на этого невиннаго преступника. — Надѣюсь, я знаю, кто такой былъ мой дѣдушка, Дженъ, право!

Мистеръ Покетъ запустилъ опять обѣ руки въ свои волосы, и теперь онъ, дѣйствительно, приподнялъ себя на нѣсколько дюймовъ.

— Послушайте это! воскликнулъ онъ, беспомощно взывая къ стѣхамъ. — Дѣтей убиваютъ, ради какого-то дѣдушки!

Послѣ этого онъ опустилъ себя и замолчалъ.

Пока это происходило, мы всѣ неловко посматривали на скатерть. Наступила пауза, и въ продолженіе ея малятка ворковала и тянулась къ Дженъ, которая, повидимому, была единственнымъ членомъ семейства (исключая прислуги), сколько-нибудь ей знакомымъ.

— Мистеръ Дремль, сказала мистриссъ Покеть,—позвоните, пожалуста, Флопсонъ. Дженъ, непослушная дѣвочка, подите сейчасъ же и лягте въ постель. Ну, моя милая малютка, пойдемте со мной.

Эта была страшная почестъ для малютки, и она всѣми силами протестовала противъ нея. Она свернулась вдвое черезъ руку мистриссъ Покеть, и показала обществу вмѣсто своего нѣжнаго личика пару вязаныхъ башмачковъ и ножекъ, покрытыхъ ямочками, и ее унесли въ необыкновенно мятежномъ состояніи.

Но въ заключеніе она все-таки добилась своего; я увидѣлъ черезъ нѣсколько минутъ въ окошко, какъ ее нянчила маленькая Дженъ.

Случилось такъ, что другія пятеро дѣтей остались въ столовой. Флопсонъ была чѣмъ-то занята. Кромѣ ея смотрѣть за ними было некому, и такимъ образомъ я успѣлъ открыть взаимныя отношенія, существовавшія между ими и мистеромъ Покеть. Мистеръ Покеть посматривалъ на нихъ съ усиленнымъ выраженіемъ недоумѣнія, которое никогда не оставляло его лица, съ волосами еще болѣе растрепанными, какъ будто онъ не могъ себя объяснить, какъ они попали къ нему на квартиру и на хлѣбы, и зачѣмъ это природа не помѣстила ихъ у кого-нибудь другаго. Потомъ онъ сдѣлалъ имъ разсѣянно нѣсколько вопросовъ, какъ напримѣръ, зачѣмъ у маленькаго Джо была дыра въ воротничкѣ, и тотъ ему отвѣтилъ, что Флопсонъ почиניתъ ее, когда у нея будетъ время, и какимъ образомъ у маленькой Фани сдѣлалась ноготѣда, и та сказала ему, что Милерсъ приложить припарку, если только она не забудетъ. Послѣ этого родительская нѣжность взяла свой верхъ, и онъ совершенно растаялъ, далъ имъ по шиллингу на брата и приказалъ имъ идти играть; и теперь въ заключеніе, когда они ушли, онъ сдѣлалъ еще страшное усиліе чтобы приподнять себя, и пересталъ думать объ этой грустной матеріи.

Вечеромъ было катанье по рѣкѣ. Дремль и Стартопъ имѣли каждый свою лодку; я рѣшился также завести себя лодку и перещеголять ихъ; я былъ мастеръ на всякаго рода упражненія, въ которыхъ бывають обыкновенно искусны деревенскіе мальчижи, но я зналъ, что у меня не было довольно изащества, стила для катанья по Темзѣ, не говоря уже про другія воды, и потому я сейчасъ же пошелъ въ ученье къ призовому гребцу, который обыкновенно катался около нашей пристани

и котораго мнѣ рекомендовали мои новые товарищи. Этотъ практическій авторитетъ очень сконфузилъ меня, объявивъ, что у меня руки, какъ у кузнеца. Еслибъ онъ только подозрѣвалъ, какъ это привѣтствіе чуть-чуть не лишило его ученика, то я сомнѣваюсь, сдѣлалъ ли бы онъ его.

Вечеромъ, когда мы возвратились домой, мы нашли на столѣ закуску, и я полагаю, мы заключили бы пріятно вечеръ, еслибы не случилось одно непріятное домашнее происшествіе. Мистеръ Покетъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, когда вошла горничная и сказала:

— Съ вашего позволенія, сэръ, мнѣ нужно съ вами поговорить.

— Говорить съ вашимъ бариномъ? сказала мистриссъ Покетъ, которой достоинство было опять оскорблено.—Какъ это вы только можете объ этомъ подумать? Подите и говорите съ Флопсонъ. Или скажите мнѣ въ другое время.

— Извините меня, сударыня, отвѣчала горничная,—но я должна говорить сейчасъ же съ бариномъ.

Мистеръ Покетъ вышелъ изъ комнаты, и мы пробавлялись между собой, какъ могли, въ ожиданіи его возвращенія.

— Чудныя дѣла Белинда! сказалъ мистеръ Покетъ, возвращаясь съ лицомъ, выражавшимъ теперь глубокое горе и отчаяніе.—Кухарка лежитъ на полу въ кухнѣ, пьяная, безъ чувствъ, и въ буфетѣ у ней огромный свертокъ свѣжаго масла, которое она приготовила продать за сало!

Мистриссъ Покетъ обнаружила теперь очень любезное негодованіе и сказала.

— Это все штуки этой отвратительной Софьи!

— Чтò вы хотите сказать, Белинда? спросилъ мистеръ Покетъ.

— Софья вамъ перенесла это, сказала мистриссъ Покетъ.—Развѣ я не видѣла моими собственными глазами, развѣ я не слышала моими собственными ушами, какъ она сейчасъ приходила въ эту комнату и просила позволенія говорить съ вами?

— Да, Белинда, она повела меня внизъ, отвѣчалъ мистеръ Покетъ, и показала мнѣ и кухарку и свертокъ.

— И вы еще ее защищаете, Матью, сказала мистриссъ Покетъ,—когда она заводитъ у насъ исторіи.

Мистеръ Покетъ отчаянно застоналъ.

— Развѣ я не внучка моего дѣдушки, что я уже ничто въ домѣ? сказала мистриссъ Покетъ.—Кухарка была всегда такая прекрасная и почтительная женщина; когда она нанима-

дась, она сказала такъ естественно, что она чувствовала я рождена герцогинею.

Мистеръ Покетъ стоялъ возлѣ софы; тутъ онъ повалился на нее въ позиціи умирающаго гладіатора. Онъ оставался въ томъ же положеніи, когда я счелъ за лучшее проститься съ нимъ и пойдти спать, и сказалъ мнѣ гробовымъ голосомъ:

— Доброй ночи, мистеръ Пипъ.

## XXIV.

Дня черезъ два или три послѣ того какъ я основался въ моей комнатѣ и побывалъ нѣсколько разъ въ Лондонѣ, чтобы заказать себѣ тамъ все нужное у моихъ магазинщиковъ, я имѣлъ очень продолжительный разговоръ съ мистеромъ Покетъ. Онъ гораздо болѣе чѣмъ я зналъ о карьерѣ, ожидавшей меня; онъ привелъ, какъ слова мистера Джагерса, что меня не предназначали для какого-нибудь занятія или профессіи, но что я долженъ быть довольно хорошо воспитанъ, чтобы стоять въ уровень съ молодежью, которая родилась и живетъ посреди хорошихъ обстоятельствъ. Я, разумѣется, согласился, совершенно полагаясь на его слова.

Онъ совѣтовалъ мнѣ посѣщать нѣкоторыя заведенія въ Лондонѣ, для приобрѣтенія самыхъ первоначальныхъ свѣдѣній, для меня необходимыхъ, и обращаться къ нему для объясненій и руководства въ моихъ занятіяхъ. Онъ надѣялся, что при благородномъ содѣйствіи, я не встрѣчу большихъ затрудненій, и скоро буду въ состояніи ограничиться только одною его помощью. Этотъ разговоръ совершенно сблизилъ насъ, и я могу теперь замѣтить разъ навсегда, что онъ такъ честно и такъ ревностно исполнялъ свой долгъ, что я принужденъ былъ съ такою же ревностью и благородствомъ исполнять мои обязанности. Покажи онъ свое равнодушіе какъ учитель, нѣтъ сомнѣнія, я отплатилъ бы ему тою же монетою какъ ученикъ; онъ мнѣ не подалъ къ этому повода, и мы успѣли отдать полную справедливость другъ другу. Я позабывалъ также въ его учительскихъ отношеніяхъ ко мнѣ, все что было въ немъ смѣшнаго, и видѣлъ только одну серіозную, честную, добрую сторону.

Разъ, когда эти предварительные пункты были окончены между нами, и я принялся за работу серьезно, мнѣ пришло въ голову, что еслибъ я могъ удержать за собою мою спальню въ Барнардовскомъ подворьѣ, то это было бы пріятнымъ развлеченіемъ въ моей однообразной жизни, между тѣмъ какъ мои манеры конечно улучшились бы въ сообществѣ Герберта. Мистеръ Покетъ не противился этому, но только требовалъ, чтобъ я прежде переговорилъ объ этомъ съ моимъ опекуномъ. Я чувствовалъ, онъ видѣлъ, что такой планъ уменьшалъ нѣкоторые расходы Герберта, и это было причиною его деликатности. Итакъ я отправился въ Литль-Бритенъ и сообщилъ мое желаніе мистеру Джагерсу.

— Еслибъ я могъ приобрести совѣтъ мебель, теперь взятую для меня напрокатъ, сказалъ я, — и прикупить еще нѣсколько вещей, то я былъ бы тамъ совершенно какъ дома.

— Валяйте! сказалъ мистеръ Джагерсъ засмѣявшись: — я вамъ говорилъ, вы не будете назадъ. Ну! сколько же вамъ нужно?

Я сказалъ, что не знаю сколько.

— Ну не жеманьтесь, отвѣтилъ мистеръ Джагерсъ. — Назовите, сколько? Фунтовъ пятьдесятъ?

— О нѣтъ! ужь не такъ много.

— Пять фунтовъ? сказалъ мистеръ Джагерсъ.

Это была уже другая крайность, и я сказалъ съ неудовольствіемъ:

— А больше этого.

— Больше этого, э? отвѣтилъ мистеръ Джагерсъ, какъ бы подстерегая меня, засунувъ обѣ руки въ карманъ, повернувъ голову на сторону и устремивъ глаза на стѣну, позади меня. — Ну сколько же болѣе?

— Это такъ трудно назначить въ точности сумму, сказалъ я запинаясь.

— Ну! сказалъ мистеръ Джагерсъ, поищемъ же ее. Дважды пять — довольно будетъ столько? Трижды пять — довольно будетъ этого? Четырежды пять — будетъ этого довольно?

Я сказалъ, что это болѣе чѣмъ достаточно.

— Такъ четырежды пять болѣе чѣмъ достаточно, не такъ ли? сказалъ мистеръ Джагерсъ, нахмутивъ брови. — Сколько же будетъ по вашему четырежды пять?

— Сколько будетъ по моему?

— А, сказалъ мистеръ Джагерсъ, сколько?



— Я полагаю, и по вашему это составить двадцать фунтовъ, сказалъ я улыбаясь.

— Сколько выйдетъ по моему, вамъ до этого нѣтъ дѣла, мой другъ, сказалъ мистеръ Джагерсъ, лукаво покачивая головой.— Мнѣ нужно знать сколько это будетъ по вашему?

— Конечно двадцать фунтовъ.

— Вемикъ, сказалъ мистеръ Джагерсъ, отворяя дверь конторы.— Возьмите письменный ордеръ мистера Пипа и заплатите ему двадцать фунтовъ.

Такая строгая манера вести дѣла произвела на меня рѣзкое и довольно непріятное впечатлѣніе. Мистеръ Джагерсъ никогда не смѣялся, но у него были большіе глянцовитые сапоги со скрипомъ, и часто покачиваясь, стоя наклонивъ впередъ голову и сведя свои густыя брови, онъ бывало заставить эти сапоги скрипѣть, какъ будто они смѣялись сухимъ, подозрительнымъ хохотомъ. Тутъ онъ вышелъ; мистеръ Вемикъ былъ въ самомъ живомъ и разговорчивомъ расположении, и я сказалъ Вемику, что я не могу понять обращенія мистера Джагерса.

— Скажите это ему, онъ это приметъ за комплиментъ, отвѣчалъ Вемикъ.— Онъ и не желаетъ, чтобы вы его поняли. О! прибавилъ онъ, замѣтивъ мое удивленіе:— это не касается его личности, это относится только до его дѣла, до самаго дѣла.

Вемикъ былъ за своимъ бюро и завтракалъ, или точнѣе, глодалъ сухарь, кусочки котораго онъ по временамъ бросалъ въ свою пасть, какъ будто онъ отправлялъ ихъ по почтѣ.

— Мнѣ всегда кажется, сказалъ Вемикъ,— что онъ разставляетъ западню на человѣка и стоитъ на-сторожѣ. Вдругъ, пружинка щелкнетъ, вы и пойманы!

Оставляя безъ комментарія фактъ, что западни для людей не составляютъ пріятностей жизни, я сказалъ только, что мнѣ казалось, онъ былъ очень ловокъ.

— Глубокъ, какъ Австралія, сказалъ Вемикъ, указывая перомъ на полъ конторы, какъ бы желая выразить, что Австралія, ради риторической фигуры, находилась симметрически на противоположномъ пунктѣ земнаго шара.— Если еще есть что-нибудь глубже, прибавилъ Вемикъ, возвращаясь съ своимъ перомъ къ бумагѣ,— такъ это будетъ онъ.

Послѣ этого я сказалъ, что вѣроятно занятіе у него было прибыльное, и Вемикъ отвѣтилъ мнѣ: «ве-ди-ко-лѣп-ное!» Я

спросилъ у него потомъ, много ли было у нихъ писцовъ; на это онъ отвѣтилъ мнѣ:

— На писцовъ у насъ расходъ небольшой, потому что Джагерсъ только одинъ на свѣтъ, и люди не хотятъ имѣть съ нимъ дѣла черезъ вторыя руки. Насъ здѣсь всего четверо. Хотите видѣть ихъ? Вѣдь, съ вашего позволенія, вы одинъ изъ нашихъ.

Я принялъ его предложеніе. Когда мистеръ Вемикъ отправилъ весь свой сухарь по почтѣ и заплатилъ мнѣ мои деньги изъ кассы, находившейся въ желѣзномъ сундукѣ, ключъ отъ котораго онъ держалъ гдѣ-то за спиною и вынималъ его изъ-за воротника сюртука, словно желѣзную косичку, мы отправились на верхъ. Домъ былъ мраченъ и ветхъ, и жирныя плечи, оставившія свои слѣды въ комнатахъ мистера Джагерса, казалось, уже нѣсколько лѣтъ елозили вверхъ и внизъ по лѣстницѣ. Въ передней комнатѣ перваго этажа мы нашли писца, блѣднаго, распухшаго, занимавшаго повидимому середнню между цѣловальникомъ и крысоловомъ. Онъ былъ очень занятъ съ тремя или четырьмя господами, порядочно оборванными, съ которыми онъ обращался очень нецеремонно, какъ обращались здѣсь повидимому со всѣми, кто наполнялъ сундуки мистера Джагерса.

— Готовятъ показанія для Беле <sup>1</sup>, сказалъ мистеръ Вемикъ, когда мы вышли.

Въ комнатѣ еще выше, писецъ, похожій на плюгавую шафу, съ длинными, распущенными волосами, которые, казалось, забыли остричь, когда онъ былъ еще щенкомъ, занимался подобнымъ же дѣломъ съ какимъ-то подслѣповатымъ человѣкомъ. Мистеръ Вемикъ представилъ мнѣ эту личность подъ именемъ плавильщика, у котораго тигель былъ всегда на огнѣ и который расплавить мнѣ что угодно. Онъ былъ въ совершенной испаринѣ, какъ будто теперъ испыталъ надъ собою свое искусство. Въ задней комнатѣ, широкоплечій мушкетеръ, съ лицомъ, завязаннымъ фланелью отъ зубной боли, одѣтый въ черное истасканное платье, совершенно вылощенное, согнувшись, готовилъ мистеру Джагерсу копіи записокъ, приготовленныхъ двумя другими джентльменами для его собственнаго употребленія.

---

<sup>1</sup> Уголовный судъ.

Вотъ и все заведеніе. Когда мы сошли внизъ, Вемикъ провель меня въ комнату моего опекуна, и сказалъ:

— Ну, здѣсь уже вы были.

— Объясните мнѣ пожалуста, сказалъ я, когда мой глазъ снова встрѣтилъ судорожныя фізіономіи двухъ отвратительныхъ слѣпковъ,—чи это изображенія?

— Это? сказалъ Вемикъ, подымаясь на стулъ и сдувая пыль съ ужасныхъ головъ.—Это двѣ знаменитости. Это наши славныя кліенты, которые составили нашу репутацію. Этотъ молодець (да ты вѣроятно по ночамъ сходишь внизъ и заглядываешь въ чернильницу: откуда у тебя это пятно на брови, старый мошенникъ?) убилъ своего хозяина, и если подумаешь, что это не было положительно доказано, такъ онъ сообразилъ свое дѣло не худо.

— Похоже это на него? спросилъ я, отступая отъ этого звѣря, между тѣмъ какъ Вемикъ поплевалъ ему на бровь и началъ стирать пятно рукавомъ.

— Похожели на него? Да это онъ самъ вылитый. Слѣпокъ былъ сдѣланъ съ него въ Ньюгетѣ, сейчасъ какъ сняли его съ висѣлицы. Ты имѣлъ особенное пристрастіе ко мнѣ, старый грѣхководникъ? сказалъ Вемикъ.

Онъ объяснилъ мнѣ потомъ это любовное воззваніе, указавъ на свою брошку, которая представляла молодую леди и плакучю иву надъ гробницею, украшенною урной, и примолвивъ:

— Заказалъ нарочно для меня!

— Эта леди изображаетъ кого-нибудь? сказалъ я.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Вемикъ,—такъ, его шутка. (Ты вѣдь любишь пошутить, не правда ли?) Нѣтъ, мистеръ Пипъ, какая тутъ леди! Была правда одна барыня, да и та не похожа на такихъ тощихъ леди, и ужь конечно они не стали бы заглядывать въ урны, развѣ еслибы въ урнѣ былъ добрый галлонъ джину.

Вниманіе Вемика было обращено теперь на его брошку; онъ поставилъ слѣпокъ и обтеръ ее носовымъ платкомъ.

— Ну, и другой баринъ кончилъ такъ же? спросилъ я.—Онъ смотреть такимъ же.

— Вы угадали, сказалъ Вемикъ, — это природный взглядъ, одна ноздря будто захвачена на удочку. Да, онъ кончилъ такъ же; здѣсь это совершенно естественный конецъ, увѣряю васъ. Онъ поддѣлывалъ завѣщанія,—тонкая штука!—если еще не отправлялъ на вѣчный покой и самихъ

звѣщателей. Ты былъ однакоже джентльменъ (мистеръ Ве-  
микъ опять обращался къ слѣпку), ты еще увѣрялъ, что и по-  
гречески знаешь. Горячка такая! Какой же ты былъ лгунъ! Я  
еще никогда не встрѣчалъ такого лгуна, какъ ты! Передъ  
тѣмъ, какъ поставить своего покойнаго друга на полку,  
Вемикъ показалъ на самое большое траурное кольцо, которое  
у него было на пальцѣ, говоря:—За день, онъ послалъ купить  
его для меня.

Пока онъ ставилъ другой слѣпокъ и сходилъ со стула, мнѣ  
пришла въ голову мысль, что всѣ драгоценности, которыя  
онъ носилъ, достались ему изъ подобнаго же источника. Такъ  
какъ онъ не скрывался передо мною, то я рѣшился сдѣлать  
ему этотъ вопросъ, когда онъ сошелъ внизъ и вытиралъ за-  
пыленные руки.

— О, да! отвѣчалъ онъ:—это все подарки въ такомъ же родѣ.  
Вы видите, одна вещь приноситъ другую; такъ всегда бы-  
ваетъ. Я никогда отъ нихъ не отказываюсь. Это вещи любо-  
пытныя, и потому онѣ составляютъ собственность. Пожалуй  
они стоить не много, но это все-таки собственность, и притомъ  
еще удобопереносимая. Для васъ, съ вашею блистательною бу-  
дущностью, это ничего не значить, но что касается до меня,  
то мое правило: держись удобопереносимой собственности.

Я совершенно согласился съ благоразуміемъ этого правила,  
и онъ продолжалъ дружескимъ тономъ:

— Если выпадетъ у васъ день, съ которымъ вы не будете  
знать что дѣлать, приходите взглянуть на меня въ Волвертъ;  
вы можете остаться у меня ночевать, а я сочту это за осо-  
бенную честь. У меня нѣтъ многого показать вамъ, а таки-есть  
двѣ три любопытныя вещицы, на которыя вамъ интересно бу-  
детъ взглянуть, а моя страсть—это садикъ и бесѣдка.

Я сказалъ, что я принимаю съ удовольствіемъ его пригла-  
шеніе.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ;—итакъ условлено между  
нами, вы пожелаете, когда вамъ будетъ удобно. Обѣдали вы  
у мистера Джагерса?

— Нѣтъ еще.

— Ну, сказалъ мистеръ Вемикъ,—онъ будетъ васъ подчивать  
виномъ и хорошимъ виномъ. Я дамъ вамъ пуншу, и пуншу  
не дурнаго. И я еще вамъ скажу одну вещь: когда вы бу-  
дете обѣдать у мистера Джагерса, обратите вниманіе на его  
экономку.

— Что же въ ней необыкновеннаго?

— Ну, сказалъ мистеръ Вемикъ,—вы увидите укрощеннаго звѣря. Вы мнѣ скажете, что тутъ еще нѣтъ ничего необыкновеннаго. Я вамъ отвѣчу, это зависитъ отъ первоначальной дикости звѣря и отъ степени укрощенія. Это не унизитъ вашего мнѣнія о талантахъ мистера Джагерса. Посмотрите хорошенько въ оба глаза.

Я общалъ ему сдѣлать это и со всѣмъ интересомъ, который возбуждало это предупрежденіе. Когда я уходилъ, онъ спросилъ меня, не желаю ли я взглянуть на мистера Джагерса за его дѣломъ?

По многимъ причинамъ, а между прочимъ потому, что я не понималъ ясно, въ чемъ состояло дѣло мистера Джагерса, я отвѣчалъ утвердительно. Мы нырнули въ Сити, и выплыли въ полицейскій судъ, наполненный народомъ, гдѣ собрать покойника, имѣвшаго особенный вкусъ къ брошкамъ, стоялъ передъ судьей и что-то жевалъ, между тѣмъ какъ мой опекунъ допрашивалъ какую-то женщину, поражая ужасомъ ее, судью и всѣхъ присутствующихъ. Если кто-нибудь, къ какому бы классу онъ ни принадлежалъ, произносилъ слово, котораго мистеръ Джагерсъ не одобрялъ, то онъ сейчасъ же требовалъ, чтобъ оно было занесено въ протоколъ. Если кто-нибудь задерживался съ признаніемъ, то онъ говорилъ: «я добыюсь его отъ васъ», и если кто-нибудь дѣлалъ признаніе, то онъ говорилъ: «а, теперь попались!» Судьи трепетали, когда онъ кусалъ свой палецъ. Воры и сыщики съ боязливымъ увлеченіемъ ловили каждое слово и съ ужасомъ пятились назадъ, когда одинъ волосокъ его бровей обращался въ ихъ сторону. На чьей сторонѣ онъ былъ, я не могъ понять, потому что, мнѣ казалось, онъ перемалывалъ весь судъ, какъ въ мельницѣ; я знаю только, что когда я вышелъ оттуда на-цыпочкахъ, онъ былъ не на сторонѣ судейскаго стола; потому что ноги стараго джентльмена, судорожно предсѣдательствовавшаго за нимъ, дрожали отъ его обвиненій въ поведеніи, недостойномъ представителя британскихъ законовъ и правосудія.

## XXV.

Бентле Дремль, который былъ такой угрюмый малый, что онъ даже за книгу принимался съ такимъ видомъ, какъ будто ея авторъ сдѣлалъ ему личное оскорбленіе, и съ своими знакомыми об-

ращался не любезнѣ этого. Тяжелый и по наружности, и въ движеніи, и въ пониманіи вещей, при въ своей безцвѣтной физиономіи изъ своимъ огромнымъ, неповоротливымъ языкомъ, который, казалось, съ трудомъ переваливался, какъ и онъ самъ, со стороны на сторону, онъ былъ лѣнивъ, гордъ, скупъ, скрытенъ и подозрителенъ. Онъ былъ изъ богатой семьи въ Сомерсетъ-ширѣ, которая заботливо развивала милое соединеніе этихъ достоинствъ, пока не сдѣлала открытія, что онъ былъ совершеннѣйшій и совершенный болванъ. Такимъ образомъ Бентле Дремль попалъ къ мистеру Покету, когда онъ былъ головою выше этого джентльмена, а его черепъ былъ въ двѣнадцать разъ толще череповъ многихъ джентльменовъ.

Стартопъ былъ избалованъ слабою матерью, которая держала его дома, когда ему слѣдовало быть въ школѣ; но онъ былъ горячо привязанъ къ ней и любилъ ее безъ мѣры. Черты лица его были нѣжны, какъ у женщины, и онъ былъ совершенно вылитая мать,—какъ вы можете это видѣть, хотя вы никогда ея не видали, говорилъ мнѣ Гербертъ. Естественно, что я любилъ его болѣе чѣмъ Дремля, и что даже въ первые вечера нашего катанья мы гребли рядомъ, переговариваясь между собою изъ лодокъ, между тѣмъ какъ Бентле Дремль слѣдовалъ за нами поодаль, скрываясь въ камышѣ или подъ нависшими берегами. Онъ вѣчно ползъ вдоль берега, словно какая-нибудь неловкая амфибія, даже когда приливъ подгонялъ его, и мнѣ всегда представлялось, что онъ плылъ за нами обходомъ, по темной водѣ, когда наши лодки разсѣкали лучи солнечнаго заката или слабое сіяніе мѣсяца по серединѣ рѣки.

Гербертъ былъ мой задушевный товарищъ и другъ. Я далъ ему долю въ моей лодкѣ, и по этому случаю онъ часто приходилъ въ Гамерсмитъ, а я часто бывалъ въ Лондонѣ. Мы обыкновенно ходили пѣшкомъ между этими двумя плоскостями. Я люблю до сихъ поръ эту дорогу, хотя она утратила теперь ту пріятность, какую имѣла прежде подъ вліяніемъ впечатлѣній еще не искусившейся юности и не обманутыхъ надеждъ.

Проживъ около двухъ мѣсяцевъ въ семействѣ мистера Покета, я имѣлъ случай видѣть мистера и мистриссъ Камиллу. Камилла была сестра мистера Покетъ; Джорджиана, которую я видѣлъ у миссъ Гевисамъ, также явилась здѣсь. Она была его двоюродная сестра,—старая дѣва съ худымъ пищевареніемъ, которая называла свою сухость благочестіемъ, а печенку

любовью. Они ненавидѣли меня всею ненавистью, какую только могли внушить имъ жадность и обманутыя ожиданія. Конечно, они льстили мнѣ съ отвратительною низостью. Мистеру Покетъ они показывали любезное снисхожденіе какъ взрослому ребенку, который не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о собственныхъ интересахъ; они такъ и говорили объ этомъ. Мистриссъ Покетъ они презирали, но онѣ соглашались, что она была разъ въ жизни тяжело обманута въ своихъ ожиданіяхъ,—потому что это бросало слабый свѣтъ и на нихъ.

Среди такихъ обстоятельствъ я основался и принялся за мое воспитаніе. Я скоро усвоилъ себѣ дорого стоящія привычки тратить суммы, которыя нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ показались бы мнѣ баснословными; но среди добра и зла я не оставлялъ моихъ книгъ. Въ этомъ однакоже не было особеннаго достоинства; я это дѣлалъ потому, что сознавалъ мои недостатки. Я шелъ быстро впередъ при помощи мистера Покетъ и Герберта, которые были у меня всегда подъ рукою, чтобы дать мнѣ необходимый толчокъ впередъ, и расчистить передо мною дорогу; и я былъ бы такой же большой болванъ, какъ и Дремль, еслибы не оказалъ успѣховъ.

Я не видалъ мистера Вемика нѣсколько недѣль, и мнѣ пришло въ голову написать ему записочку и предложить ему въ одинъ вечеръ отправиться вмѣстѣ къ нему домой. Онъ отвѣчалъ, что это доставитъ ему большое удовольствіе и что онъ будетъ ожидать меня въ конторѣ, въ шесть часовъ. Я отправился туда и нашелъ его тамъ; онъ запикивалъ ключъ отъ сундука за спину, когда пробилъ назначенный часъ.

— Не думали ли вы пройтись пѣшкомъ въ Волвертъ, сказалъ онъ.

— Конечно, отвѣтилъ я,—если только вы одобряете это.

— И очень, былъ отвѣтъ Вемика,—ноги у меня цѣлый день не выходили изъ-подъ бюро, и я буду радъ расправить ихъ. Теперь я вамъ скажу, мистеръ Пипъ, что у меня будетъ на ужинъ. У меня будетъ духовая говядина, это домашнее приготовленіе, и холодная жареная курица изъ кофейной; я полагаю она молодая, потому что содѣржатель кофейной былъ присяжнымъ нѣсколько дней тому назадъ по нашимъ дѣламъ, и мы скоро отпустили его. Я напомнилъ ему объ этомъ, покупая курицу, и сказалъ: Выберите мнѣ хорошую, старый Британецъ, потому что, еслибы мы хотѣли, мы могли бы продержатъ васъ лишній день-другой. Онъ мнѣ отвѣтилъ на это: позволте же мнѣ по-

дарить вамъ лучшую курицу въ моемъ заведеніи. Конечно, я ему позволилъ. Въдь это тоже собственность и еще удобо-переносимая. Я надѣюсь, вамъ не противна старость?

Я право думалъ, что онъ говорилъ еще про курицу, пока онъ не прибавилъ:

— Потому что со мною живетъ старикашка-отецъ.

Я ему отвѣтилъ на это, какъ того требовала вѣжливость.

— Такъ вы еще не обѣдали у мистера Джагерса? продолжалъ онъ, пока мы шли.

— Нѣтъ еще.

— Онъ мнѣ это сказалъ сегодня, когда услышалъ, что вы будете у меня. Я полагаю, вы получите приглашеніе завтра. Онъ намѣренъ просить также и вашихъ товарищей. Трое ихъ, не правда ли?

Хотя я не привыкъ считать Дремля въ числѣ моихъ задушевныхъ пріятелей; но отвѣтилъ:

— Да.

— Такъ онъ намѣренъ просить всю шайку.

Названіе это мнѣ вовсе не показалось пріятнымъ привѣтствіемъ.

— И все, что онъ вамъ дастъ, будетъ хорошо, продолжалъ онъ.— Не ожидайте большаго разнообразія въ обѣдѣ; но обѣдъ будетъ отличный. И потомъ другая странная вещь у него въ домѣ, прибавилъ Вемикъ, помолчавъ немного, какъ будто слѣдовавшее замѣчаніе подразумевало экономку:— онъ никогда не запираетъ на ночь ни одной двери, ни одного окошка.

— И ни разу его не обокрали?

— Въ этомъ-то и штука! отвѣчалъ Вемикъ.— Онъ говорить и объявляетъ всѣмъ: хотѣлъ бы я видѣть человѣка, который обокрадетъ *меня*. Господь съ вами, я самъ это слышалъ, слышалъ сто разъ, какъ онъ говорилъ въ нашей конторѣ записнымъ мазурикамъ: «вы знаете, гдѣ я живу, ни одна задвижка тамъ не закладывается, ни одинъ замокъ не запирается; отчего вы со мною ничего не сдѣаете? Что жъ, не могу соблазнить я васъ?» Ни одинъ изъ нихъ, сэръ, не осмѣлится попробовать, ни изъ-за денегъ, ни ради любви къ искусству.

— Они такъ боятся его? спросилъ я.

— Боятся его, сказалъ Вемикъ.— Да, я думаю вмѣстѣ съ вами, что они его боятся. Но онъ хитритъ даже и въ этомъ гордомъ вызовѣ. Серебра тамъ не найдете, сэръ. Каждая ложка изъ британскаго металла.



— Такъ они многого не достанутъ, замѣтилъ я,—еслибы даже они....

— А, да ему-то достанется много, сказалъ Вемикъ, прерывая меня,—и они это знаютъ. Онъ ихъ всѣхъ вздернетъ на веревку. Онъ добьется всего, что ему нужно. А трудно сказать, чего не добьется онъ, если онъ только заберетъ себѣ это въ голову.

Я задумался о величинѣ моего опекуна, когда Вемикъ замѣтилъ:

— Что касается до отсутствія серебра, то это только его естественная глубина. У рѣки есть своя естественная глубина, и у него есть также своя естественная глубина. Посмотрите на его часовую цѣпочку. Это настоящая.

— Такая массивная? сказалъ я.

— Массивная? повторилъ Вемикъ:—полагаю такъ. И его часы отличный репетиторъ; стоѣтъ сто фунтовъ, если они стоѣтъ чего-нибудь. Мистеръ Пипъ, семьсотъ воровъ, въ этомъ городѣ, знаютъ эти часы, и между ними нѣтъ ни одного мужчины, ни одной женщины, ни одного ребенка, который бы не призналъ малѣйшаго колечка въ этой цѣпочкѣ и не бросилъ бы его какъ будто оно было раскаленное, еслибы его соблазнили прикоснуться къ нему.

Въ подобныхъ бесѣдахъ и потомъ въ разговорахъ болѣе общихъ проходило наше время, пока мистеръ Вемикъ не далъ мнѣ понять, что мы вступили въ предмѣстье Волвертъ.

На мой взглядъ, это было соединеніе переулковъ, канавъ и маленькихъ садиковъ, которое поражало меня своимъ мрачнымъ уединеніемъ. Домъ мистера Вемика былъ маленькій деревянный коттеджъ, по срединѣ садика, и крыша его была вырѣзана и расписана на подобіе батареи, вооруженной пушками.

— Это моя работа, сказалъ Вемикъ.—Вѣдь смотреть не дурно, не правда ли?

Я очень расхваливалъ ее. Я думаю, это былъ самый маленькій домикъ, какой мнѣ когда-либо случалось видѣть, съ презатѣйливыми готическими окошками (болѣе половины изъ нихъ были глухія) и готическою дверью, такою маленькою, что въ нее едва можно было пробраться.

— Вы видите, это настоящій флагштокъ, сказалъ Вемикъ,—а по воскресеньямъ я подымаю настоящій флагъ. Потомъ посмотрите сюда. Перейдя черезъ этотъ мостикъ, я также подымаю его и прерываю всякое сообщеніе.

Этотъ мостикъ былъ просто доска, переброшенная черезъ ровъ фута въ четыре шириною и около двухъ футовъ глубины. Но пріятно было видѣть, съ какою гордостью онъ поднялъ ее и закрѣпилъ, улыбаясь, какъ будто онъ дѣлалъ это съ особеннымъ наслажденіемъ, не просто механически.

— Каждый вечеръ, въ девять часовъ по гриничской обсерваторіи, стрѣляетъ пушка, сказалъ Вемикъ;—посмотрите, вотъ она! И когда вы услышите какъ она стрѣляетъ, я полагаю, вы позволите нашу трескотуху.

Орудіе, про которое онъ говорилъ, было поставлено на отдаленной крѣпостцѣ, выстроенной изъ дранокъ. Очень замысловатый парусинный шатеръ, на подобіе зонтика, защищалъ его отъ непогоды.

— Потомъ, сказалъ Вемикъ,—позади, а позади затѣмъ чтобы не было видно и чтобы не разрушить идеи крѣпости... у меня правило, если есть идея, такъ держаться ея до конца... Я не знаю, того ли вы мнѣнія....

Я сказалъ, что конечно.

— Такъ позади у меня свинья, нѣсколько куръ и кроликовъ; да вотъ еще я скотилъ самъ парниковую раму, какъ видите, и выращиваю подъ нею огурцы; за ужинномъ вы сами мнѣ скажете каковъ мой салатъ. И такъ, сэръ, прибавилъ Вемикъ, опять улыбаясь и очень важно покачивая головою,—если вы себя представите, что мое мѣстечко осаждено непріателемъ, такъ оно выдержать чортъ знаетъ сколько времени, относительно провіанта по крайней мѣрѣ.

Потомъ онъ повелъ меня въ бесѣдку, которая была саженахъ въ четырехъ отъ насъ; но тропинка къ ней извивалась такъ замысловато, что добраться до нея потребовалось не мало времени. Въ этомъ убѣжищѣ уже поставлены были для насъ стаканы. Нашъ пуншъ охлаждался въ искусственномъ озерѣ, на окраинѣ котораго подымалась бесѣдка. Это озеро съ островомъ по серединѣ, на которомъ можно было вырастить салатъ на ужинъ, было совершенно круглое, и Вемикъ устроилъ тутъ фонтанъ: когда пускали въ движеніе его механизмъ и вынимали пробку изъ трубочки, то онъ билъ съ такою силой, что пожалуй могъ замочить ладонь.

— Я самъ здѣсь инженеръ, самъ плотникъ, самъ стекольщикъ, Джагъ на всѣ руки, сказалъ Вемикъ, отвѣчая на мои привѣтствія.—Это хорошо; это, знаете, стираетъ съ васъ ньюгетскую паутину и тѣшитъ старикашку. Вамъ не

будеть непріятно, если я васъ сейчасъ же представлю старикашкѣ?

Я объявилъ, что я совершенно готовъ, и мы отправились въ замокъ. Здѣсь мы нашли у огня преклоннаго старика, въ фланелевомъ сюртукѣ, очень опрятнаго, веселаго, спокойнаго, за которымъ, видно было, хорошо смотрѣли, но который былъ совершенно глухъ.

— Ну, мой старикашка-отецъ, сказалъ Вемикъ, пожимая ему дружески и весело руку, — какъ поживаете?

— Исправно, Джонъ, исправно, отвѣчалъ старичокъ.

— Это мистеръ Пипъ, старикашка, сказалъ Вемикъ, — хотѣлъ бы я, чтобы вы могли слышать его имя. Кивните ему головой, мистеръ Пипъ; онъ это очень любитъ. Кивайте пожалуйста, да скорѣе!

— Это, сэръ, славное мѣстечко, кричалъ старикъ, между тѣмъ какъ я ему кивалъ изъ всей мочи. — Чудный садикъ, сэръ. Это мѣстечко и всѣ сооруженія на немъ слѣдовало бы правительству содержать послѣ моего сына для удовольствія народа.

— Вы гордитесь имъ, не такъ ли, старикашечка? сказалъ Вемикъ, смотря на него, съ лицомъ дѣйствительно смягченнымъ. — Вотъ вамъ поклонъ одинъ, — и онъ страшно кивнулъ ему головою; — вотъ вамъ поклонъ другой, — и онъ кивнулъ ему еще ужаснѣе; — вы это любите, не правда ли? Если вы не устали, мистеръ Пипъ, хотя, я знаю, постороннему это очень скучно, кивните ему еще разъ. Вы себѣ представить не можете, какъ это пріятно ему.

Я ему кивнулъ нѣсколько разъ, и онъ былъ очень доволенъ. Мы оставили его — онъ собирался кормить куръ — и расположились за пуншемъ въ бесѣдкѣ, гдѣ Вемикъ сообщилъ мнѣ за трубкой, что много лѣтъ потребовалось ему довести эту собственность до ея настоящаго совершенства.

— Она ваша, мистеръ Вемикъ?

— О, да, сказалъ Вемикъ, — я пріобрѣлъ ее по кусочкамъ. Это моя собственная земля; клянусь Юпитеромъ!

— Право? надѣюсь, мистеръ Джагерсъ восхищался ею?

— Никогда не видалъ ея, сказалъ мистеръ Вемикъ. — Никогда про нее не слыхалъ. Никогда не видалъ старикашки. Никогда не слыхалъ про него. Нѣтъ; контора — одна вещь, жизнь домашняя — вещь другая. Когда я ухожу въ контору, то оставляю замокъ позади себя; и когда прихожу въ мой замокъ,

то оставляю позади себя контору. Если вамъ это все равно, то вы меня очень обяжете, дѣлая то же самое. Здѣсь я не люблю толковать о дѣлахъ.

Конечно, приличіе требовало, чтобъ я исполнилъ его желаніе. Пуншъ былъ очень хорошъ, и мы сидѣли, попивая и толкуя, пока время не подошло къ девяти часамъ.

— Близко подходитъ къ выстрѣлу, сказалъ Вемикъ, откладывая въ сторону трубку;—это потѣха для старикашки.

Мы отправились въ замокъ; старикъ уже тамъ разогрѣвалъ кочергу; это было предварительное приготовленіе къ совершенію великой церемоніи, и ожиданіе выражалось въ его взорахъ. Вемикъ остановился съ часами въ рукахъ, пока не наступило время взять у старика раскалившуюся докрасна кочергу, и тогда онъ отправился съ нею на батарею. И вотъ трескотуха разразилась такимъ выстрѣломъ, что маленькій коттеджъ затрясся, и готовъ былъ развалиться какъ карточный домикъ, и каждое стекло, каждая чашка въ немъ задребезжали. Старикашка—я полагаю, его бы взорвало на воздухъ, еслибъ онъ не ухватился за ручки кресла—закричалъ съ восторгомъ:

— Выстрѣлила, я слышалъ!

И я принялся кивать ему, буквально до тѣхъ поръ, пока у меня не зарябило въ глазахъ.

Въ промежутокъ времени до ужина Вемикъ показалъ мнѣ коллекцію своихъ достопримѣчательностей. Большею частію это были все уголовныя улики; между прочимъ перо, которымъ была написана одна знаменитая поддѣлка, двѣ или три одинаково знаменитыя бритвы, нѣсколько локоновъ и множество рукописныхъ признаній, составленныхъ преступниками послѣ приговора. Мистеръ Вемикъ особенно дорожилъ ими, потому что каждое изъ нихъ, какъ говорилъ онъ, было ложь отъ начала до конца. Эти достопримѣчательности были размѣщены вмѣстѣ съ фарфоровыми и стеклянными бирюльками, различными вещицами, сработанными самимъ обладателемъ музея, и табачными пробками, вырѣзанными старикашкою. Всѣ они были выставлены въ комнатѣ замка, куда я былъ въ первый разъ введенъ и которая служила не только общею гостиной, но и кухней, если можно было такъ судить по кастрюлѣ, стоявшей у камина, и по мѣдному орнаменту, предназначенному для привѣски вертела.

Намъ прислуживала очень опрятная дѣвочка, которая въ продолженіе дня ходила за старикомъ. Когда она накрыла

ужинъ, мостикъ былъ опущенъ, чтобы выпустить ее, и она удалась на ночь. Ужинъ былъ отличный, и хотя замокъ былъ подверженъ плесени, такъ что онъ имѣлъ отчасти вкусъ гнилаго орѣха, и хотя можно бы еще пожелать, чтобы свинья помѣщалась подалѣе, но я остался очень доволенъ угощеніемъ. Моя спальня въ маленькой башенкѣ была также удобна; только одно было неудобно: очень тонкій потолокъ отдѣлялъ меня отъ флагштока, такъ что, когда я легъ въ постель, мнѣ казалось, будто я долженъ былъ балансировать на лбу эту жердь цѣлую ночь.

Вемикъ рано поднялся поутру, и боюсь, я слышалъ, какъ онъ самъ чистилъ мои санеги. Послѣ этого онъ принялся работать въ саду; и я видѣлъ изъ моего готическаго окна, какъ онъ, для потѣхи, давалъ работу старикашкѣ, и кивалъ ему съ необыкновенною любовію. Завтракъ былъ такъ же хорошъ, какъ и ужинъ, и ровно въ половинѣ девятаго мы отправились въ Литль-Бритенъ. Вемикъ постепенно становился все суше и жестче, и его ротъ стягивался, представляя все болѣе и болѣе подобіе щели почтового ящика. Наконецъ, когда мы пришли въ его контору, и онъ вынулъ ключъ изъ-подъ воротника, онъ глядѣлъ такъ, какъ будто совершенно забылъ про свою собственность въ Волвертѣ, какъ будто и замокъ, и подъемный мостъ, и бесѣдка, и озеро, и фонтанъ, и старикашка сгнули въ вѣчность, съ послѣднимъ выстрѣломъ трескотуи.

## XXVI.

Дѣйствительно случилось такъ какъ Вемикъ говорилъ мнѣ: вскорѣ я имѣлъ случай сравнить домашнюю жизнь моего опекуна съ житьемъ-бытьемъ его писца и кассира. Мой опекунъ былъ въ комнатѣ и мылъ руки душистымъ мыломъ, когда я вернулся въ его контору изъ Волверта; онъ позвалъ меня къ себѣ и пригласилъ обѣдать къ себѣ какъ меня, такъ и моихъ друзей, къ чему я былъ уже приготовленъ Вемикомъ.

— Безъ церемоній, и въ сюртукахъ, замѣтилъ онъ,—и завтра же.

Я спросилъ, куда мы должны были придти, потому что не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, гдѣ онъ жилъ, и такъ какъ у него было въ привычкѣ вообще не давать никакихъ прямыхъ показаній, то онъ отвѣтилъ:

— Приходите сюда, и я васъ поведу къ себѣ домой.

Я замѣчу теперь кстати, что онъ смывалъ съ себя своихъ клиентовъ, какъ будто онъ былъ докторъ или дантистъ. У него въ комнатѣ былъ маленькій чуланчикъ, нарочно для этого устроенный, который пахъ душистымъ мыломъ, какъ магазинъ парфюмера. Въ чуланчикѣ висѣло со внутренней стороны двери огромное полотенце; онъ мылъ свои руки и вытиралъ ихъ этимъ полотенцемъ всякій разъ, какъ возвращался изъ полицейскаго суда или отпускалъ какого нибудь клиента изъ своей комнаты. Когда я пришелъ къ нему съ моими друзьями на слѣдующій день, въ шесть часовъ, повидимому онъ былъ занятъ въ этотъ день дѣломъ болѣе грязнымъ противъ обыкновеннаго; потому что онъ совершенно уткнулся головою въ чуланъ и мылъ не однѣ руки, но и лицо, и полоскалъ ротъ, и покончивъ это омовеніе и вытершись всѣмъ полотенцемъ, онъ даже вынулъ перочинный ножикъ и выскребъ изъ-подъ ногтей всю дѣловую грязь, прежде чѣмъ надѣлъ свой сюртукъ.

Когда мы вышли на улицу, здѣсь по обыкновенію пробирались украдкою нѣсколько человѣкъ, которые, очевидно, желали говорить съ нимъ; но въ окружавшемъ его сіяніи душистаго мыла было нѣчто неумолимо-строгое, такъ что на нынѣшній день они должны были отказаться отъ своего намѣренія. Дорогою его узнавали многіе въ толпѣ на улицахъ; но при этомъ случаѣ онъ обыкновенно громко говорилъ со мною, не признавая никого и не обращая никакого вниманія на тѣхъ, кто его узнавалъ.

Онъ привелъ насъ въ Джирардъ-стритъ, Сого, въ домъ, находившійся на южной сторонѣ этой улицы. Это былъ довольно великолѣпный въ своемъ родѣ домъ, но очень давно некрашенный и съ грязными окошками. Онъ вынулъ ключъ и отперъ дверь, и мы всѣ вошли въ каменные стѣны, очень мрачныя и безъ всякой мебели. Мы поднялись по коричневой лѣстницѣ въ первый этажъ, состоявшій изъ трехъ коричневыхъ же комнатъ. На панеляхъ, прикрывавшихъ стѣны, были вырѣзаны гирлянды, и когда онъ стоялъ тутъ, между этими гирляндами, привѣтствуя насъ, я знаю, на какія петли казались они мнѣ похожими.

Обѣдъ былъ накрытъ въ лучшей изъ этихъ комнатъ; вторая комната была его туалетная, третья спальная. Онъ намъ сказалъ, что занималъ весь домъ, но рѣдко пользуется другими комнатами. Столъ былъ накрытъ очень прилично, хотя, разумѣется, серебра не было, и возлѣстудла мистера Джагерса находилась этажерка со множествомъ бутылокъ и графиновъ и четырьмя блюдами фруктовъ для десерта. Я замѣчалъ, что онъ все держалъ у себя подъ руками и все раздавалъ самъ.

Въ комнатѣ стоялъ шкафъ съ книгами; по корешкамъ книгъ я замѣтилъ, что это были сочиненія о доказательствахъ, объ уголовномъ правѣ, уголовныя біографіи, уголовные процессы, парламентскіе акты и т. п. Вся мебель была хорошая и солидная, какъ его цѣпочка. Она носила на себѣ однакоже отпечатокъ конторскій; здѣсь ничего не было для одной красы. Въ углу находился маленькій столикъ съ бумагами и лампою. Очевидно, онъ вносилъ контору съ собою въ домъ и по вечерамъ принимался за работу.

Онъ едва успѣлъ взглянуть на моихъ трехъ товарищей, потому что всю дорогу шелъ со мною вмѣстѣ, и только теперь, позвонивъ въ колокольчикъ, онъ сталъ на коврики у камина и окинулъ ихъ своимъ испытующимъ взглядомъ. Къ моему удивленію, его заинтересовалъ особенно, если не исключительно, Дремль.

— Пипъ, сказалъ онъ, положивъ свою большую руку мнѣ на плечо и отводя меня къ окошку.—Я не знаю ни одного изъ нихъ. Кто этотъ паукъ?

— Паукъ? сказалъ я.

— Этотъ несграбный, надутый малый, весь въ пятнахъ.

— Это Бентле Дремль, отвѣчалъ я,—другой, съ нѣжнымъ лицомъ, Стартопъ.

Не обращая никакого вниманія на товарища съ нѣжнымъ лицомъ, онъ отвѣтилъ:

— А! такъ его зовутъ Бентле Дремль? Мнѣ нравится фязіономія этого молодца.

Онъ сейчасъ же началъ разговаривать съ Дремлемъ, насколько не останавливаясь его тяжелыми, скрытными манерами, но повидимому еще увлекаясь ими, чтобы болѣе втянуть его въ разговоръ. Я смотрѣлъ на нихъ, когда появленіе экономки съ первымъ блюдомъ скрыло ихъ у меня изъ виду.

Это была женщина, я полагалъ тогда, лѣтъ сорока, но можетъ-быть я преувеличилъ ея лѣта, какъ это обыкновенно бываетъ съ молодежью. Она была довольно высока; у ней была тонкая, граціозная фигура, необыкновенно блѣдное лицо, большіе свѣтло-голубые глаза и густые волосы, падавшіе массою распущенныхъ локоновъ. Я не могу сказать, было ли то слѣдствіемъ болѣзни сердца, но только губы у ней были раскрыты, какъ будто она задыхалась, и на лицѣ ея было странное выраженіе поспѣшности и перепуга; знаю только, что дня два тому назадъ я видѣлъ Макбета, и лицо ея напомнило мнѣ тѣ лица, которыя подымались на сценѣ изъ котла вѣдьмъ въ огненной атмосферѣ.

Она поставила блюдо, прикоснулась пальцемъ къ рукѣ моего опекуна, чтобы дать знать ему, что обѣдъ готовъ, и исчезла. Мы заняли наши мѣста вокругъ стола, мой опекунъ усадилъ возлѣ себя Дремля. Стартопъ сѣлъ по другую сторону. Экономка подала намъ удивительную рыбу, потомъ явилась великолѣпная часть баранины и чудное блюдо дичи. Сои, вина и всѣ принадлежности были отличныя, и хозяинъ подавалъ ихъ намъ съ этажерки, и когда они обошли кругомъ стола, онъ опять ставилъ ихъ на мѣсто. Подобнымъ же образомъ онъ раздавалъ намъ чистыя тарелки, ножи и вилки, послѣ cadaго блюда, и клалъ приборы, уже бывшія въ употребленіи въ корзинки, стоявшія на полу у его стула. Кромѣ экономки не было другой прислуги. Она приносила каждое блюдо, и въ ея физиономіи мнѣ всегда представлялось лицо, подымавшееся изъ волшебнаго котла. Нѣсколько лѣтъ спустя, мнѣ удалось представить страшное подобіе этой женщины, поставивъ лицо вовсе на нее не похожее, но только съ длинными распущенными волосами, надъ чашею съ горящимъ пуншемъ, въ темной комнатѣ.

Я поневолѣ обращалъ особенное вниманіе на экономку: меня привлекала ея странная физиономія; къ тому же я былъ подготовленъ Великомъ. Я замѣчалъ, что каждый разъ какъ она была въ комнатѣ, она не спускала глазъ съ моего опекуна, и съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ отнимада руки отъ блюда, ставя его на столъ, какъ будто она боялась, что онъ позоветъ ее и заговорить съ нею. Мнѣ казалось также, будто онъ замѣчалъ это и съ намѣреніемъ держалъ ее въ недоумѣніи.

Обѣдъ прошелъ довольно весело, и хотя мнѣ казалось, что мой опекунъ скорѣе слѣдожалъ за разговоромъ нежели заво-



диль его, я чувствовалъ однакожь, что онъ вскрывалъ и обнаруживалъ слабыя стороны нашихъ характеровъ. Я самъ замѣтилъ за собой, что я высказывалъ мою склонность къ мотовству, желаніе покровительствовать Герберту и бахвалился моею блистательною будущностью, прежде нежели, мнѣ казалось, я успѣлъ раскрыть ротъ. То же самое было со всѣми нами, но ни въ комъ не обнаруживалось это рѣзче какъ въ Дремлѣ: его склонность издѣваться надъ всѣми вышла на чистую воду, прежде чѣмъ рыбу унесли со стола.

Когда мы добрались до сыра, разговоръ перешелъ на наше искусство грести, и мы смѣялись надъ Дремлемъ, что онъ всегда тащился за нами какъ черепаха. Дремль объявилъ на это нашему хозяину, что онъ предпочитаетъ голыя стѣны нашему обществу, а что касается до искусства, то онъ можетъ быть нашимъ учителемъ, и сила у него такая, что онъ сломаетъ насъ какъ солому. Мой опекунъ успѣлъ довести его тутъ, какимъ-то невидимымъ фокусомъ, чуть-чуть не до основанія, и онъ принялся обнажать и сгибать свою руку, чтобы показать, какъ она была мускулиста, и вотъ мы всѣ принялись обнажать и вытягивать наши руки самымъ уморительнымъ образомъ.

Экономка въ это время убирала со стола; мой опекунъ не замѣчалъ ея, но сидѣлъ отвернувшись отъ нея лицомъ, кусая палецъ и обнаруживая необыкновенный интересъ къ Дремлю, для меня совершенно не понятный. Вдругъ онъ ударилъ своею ручищей по рукѣ экономки, которая въ это время была протянута черезъ столъ. Онъ сдѣлалъ это такъ внезапно и такъ сильно, что мы всѣ остановились посреди нашего пустаго бахвальства.

— Если зашелъ споръ о силѣ, сказалъ мистеръ Джагерсъ,— я покажу вамъ руку. Молли, покажите имъ вашу руку.

Ея захваченная рука была на столѣ; она поспѣшила спрятать за спину свою другую руку.

— Хозяйинъ, сказала она тихимъ голосомъ, устремивъ на него умоляющіе взоры,—пустите меня!

— Вотъ я покажу вамъ ладонь, повторялъ мистеръ Джагерсъ съ твердою рѣшимостью.—Молли, покажите имъ вашу ладонь.

— Хозяйинъ, прошептала она снова,—пожалуйста!

— Молли, продолжалъ мистеръ Джагерсъ, не глядя на нее и упрямо смотря на противоположную сторону комнаты,— дайте имъ взглянуть на обѣ ваши руки. Покажите ихъ. Ну!

Онъ вывернулъ ладонь той руки ея, которая лежала на столѣ; тогда она вынула другую руку изъ-за спины и положила ее рядомъ съ первою. Эта кисть была очень обезображена и представляла нѣсколько глубокихъ рубцовъ. Выставляя намъ напоказъ свои руки, она свела глаза съ мистера Джагерса и сторожливо обращала ихъ на каждого изъ насъ по очереди.

— Вотъ сила-то, сказалъ мистеръ Джагерсъ, хладнокровно обводя своимъ пальцемъ жилы.—У рѣдкихъ мужчинъ вы встрѣтите такую силу въ кисти, какъ у этой женщины. Запечатлительно, какъ сильно схватываютъ эти руки. Я видалъ много рукъ въ своей жизни, но я не видалъ ни у мужчины, ни у женщины руки сильнѣе въ этомъ отношеніи.

Пока онъ говорилъ это съ видомъ досужаго критика, она продолжала смотрѣть на каждого изъ насъ по-одиночкѣ. Какъ только онъ кончилъ, она взглянула на него.

— Довольно, Молли, сказалъ мистеръ Джагерсъ, слегка кивая ей головой,—вы возбудили удивленіе, и теперь можете идти.

Она убрала свои руки, вышла изъ комнаты, и мистеръ Джагерсъ, снявъ граины съ этажерки, наполнилъ свою рюмку, и пустилъ вино вокругъ.

— Въ половинѣ десятаго, господа, сказалъ онъ,—мы должны разстаться. Прошу васъ пользоваться временемъ. Очень радъ васъ видѣть всѣхъ. Мистеръ Дремль, пью ваше здоровье.

Если цѣль этого предпочтенія была выставить характеръ Дремля еще рѣзче, то онъ совершенно въ этомъ успѣлъ. Торжествуя по своему, Дремль обнаруживалъ все болѣе и болѣе свое угрюмое пренебреженіе къ намъ, пока наконецъ онъ не сдѣлался рѣшительно невыносимымъ. Мистеръ Джагерсъ во всѣхъ этихъ переходахъ слѣдилъ за нимъ съ тѣмъ же страннымъ участіемъ. Онъ, казалось, на самомъ дѣлѣ служилъ мистеру Джагерсу приправою для его вина.

Какъ мальчишки, не знавшіе мѣры, я полагаю, мы пили слишкомъ много, и, кажется, говорили также очень много. Особенно насъ раздражила какая-то грубая насмѣшка Дремля надъ нашею щедростью. Это заставило меня сдѣлать замѣчаніе, въ которомъ было болѣе усердія, чѣмъ разборчивости, что не приходилось бы говорить такъ тому, кому Стартопъ далъ денегъ взаймы, въ моемъ присутствіи, не болѣе недѣли тому назадъ.

— Чтѣ же, отвѣчалъ Дремль,—я ему заплачу.

— Я говорю не съ тѣмъ чтобы показать, будто я въ этомъ сомнѣваюсь, сказалъ я,—но я полагаю, вамъ не слѣдовало бы послѣ этого осуждать насъ и нашу щедрость.

— *Вы* полагаете! отвѣчалъ Дремль.—Ахъ Господи!

— И я думаю, продолжалъ я, стараясь казаться очень строгимъ,—что вы не дадите никому изъ насъ денегъ взаймы, еслибы намъ встрѣтилась нужда въ нихъ.

— Ваша правда, сказалъ Дремль.— Я не дамъ взаймы ни одному изъ васъ и сикспенса. Я никому и сикспенса не дамъ взаймы.

— Я скажу только, что въ такомъ случаѣ занимать подло.

— *Вы* скажете, отвѣчалъ Дремль.—Ахъ Господи!

Это было очень досадно, и тѣмъ досаднѣе, что, я видѣлъ, его дикое упрямство не подавалось ни на волею, и, несмотря на всѣ старанія Герберта удержать меня, я сказалъ:

— Послушайте, мистеръ Дремль, такъ какъ мы коснулись этой матеріи, то я разкажу вамъ, о чемъ у насъ былъ разговоръ съ Гербертомъ, когда вы заняли эти деньги.

— Я никакого не имѣю желанія знать, о чемъ вы тамъ разговаривали съ Гербертомъ, проворчалъ Дремль и, какъ показалось мнѣ, послалъ насъ обоихъ къ чорту.

— Но я вамъ все-таки скажу, продолжалъ я,—все равно, хотите ли вы знать, или нѣтъ. Мы говорили, что, кладя деньги въ карманъ съ ослѣпительнымъ удовольствіемъ, вы внутренно смѣялись надъ простотою Стартопа, что онъ вамъ далъ ихъ взаймы.

Дремль залился хохотомъ и продолжалъ смѣяться намъ въ лицо, запустивъ руки въ карманы и приподнявъ свои круглыя плечи, какъ бы стараясь прямо показать этимъ, что наши догадки были совершенно справедливы, и что онъ презиралъ насъ всѣхъ, какъ ословъ.

Тутъ на него напустился Стартопъ, но съ гораздо-большимъ добродушіемъ нежели я, и убѣждалъ его быть въ обществѣ попріятнѣе. Стартопъ былъ живой, острый малый; Дремль представлялъ совершенно противоположную крайность, и по этому самому онъ былъ расположенъ видѣть въ немъ какъ бы личную для себя обиду. Онъ отвѣтилъ ему очень грубо и коселопо, и Стартопъ старался дать другой оборотъ разговору какою-то милою шуткой, которая насъ всѣхъ разсмѣшила. Обидясь этимъ маленькимъ успѣхомъ своего противника больше чѣмъ всѣмъ другимъ, Дремль, не говоря

ни слова, вынулъ руки изъ кармановъ, опустилъ свои круглыя плечи, выругался, и схвативъ стаканъ, норовилъ пустить имъ въ голову своего противника. Но нашъ хозяинъ ловко выхватилъ у него стаканъ въ тотъ самый мигъ, когда онъ готовился его бросить.

— Господа, сказалъ мистеръ Джагерсъ, ставя стаканъ на столъ и вытаскивая свой золотой репетиторъ за массивную цѣпочку:—мнѣ очень жаль, но я долженъ вамъ объявить, что уже половина десятаго.

Послѣ этого намека мы всѣ встали и собрались идти. Дверь на улицу еще не была отворена, а Стартопъ уже весело называлъ Дремля «старый товарищъ», какъ будто между ними ничего не произошло. Но старый товарищъ не отзывался на этотъ привѣтъ и даже не хотѣлъ идти съ нимъ въ Гамерсмитъ по одной сторонѣ дороги. Мы съ Гербертомъ остались въ городѣ и видѣли какъ они шли одинъ по одной, а другой по другой сторонѣ дороги. Стартопъ шелъ впереди, а Дремль тащился позади, въ тѣни домовъ, какъ, по своему обыкновенію, онъ слѣдовалъ за нами въ лодкѣ.

Дверь еще не затворилась за нами, и мнѣ пришло въ голову вернуться назадъ и сказать нѣсколько словъ моему опеуну. Я нашелъ его въ туалетной посреди безконечнаго ряда сапоговъ, и онъ усердно смывалъ уже насъ съ своихъ рукъ.

Я объявилъ ему, что я пришелъ ему сказать, какъ я жалѣю, что вышла такая неприятность, и выразилъ надежду, что онъ не станетъ на меня сердиться.

— Пустяки! сказалъ онъ, плеская воду на свое лицо и разговаривая со мной сквозь брызги:—ничего, Пипъ. Мнѣ полюбілся этотъ паукъ.

Тутъ онъ повернулся ко мнѣ, мотая головой, отдуваясь и утираясь полотенцемъ.

— Я очень радъ, сэръ, что вы полюбили его, сказалъ я,—но я его не люблю.

— Такъ, такъ, подтвердилъ мой опеунъ,—и не слишкомъ водитесь съ нимъ. Держите себя подалѣе отъ него, сколько возможно. Но я люблю этого малаго, Пипъ; онъ именно настоящаго сорта. Будь я ворожея...

Выглядывая изъ-за полотенца, онъ замѣтилъ мой взглядъ.

— Но вѣдь я не ворожея, сказалъ онъ, опуская свою голову въ полотенце и усердно вытирая свои уши—Вѣдь вы знаете кто я, не такъ ли? Доброй ночи, Пипъ.

— Доброй ночи, сэръ.

Мѣсяцъ спустя, срокъ пребыванію Паука у мистера Покета кончился, и къ величайшему удовольствію цѣлаго дома, за исключеніемъ одной мистриссъ Покетъ, онъ отправился въ свою семейную трущобу.

## ГЛАВА XXVII.

«Мой любезный мистеръ Пипъ,

«Я пишу вамъ по просьбѣ мистера Гарджери, который поручилъ мнѣ увѣдомить васъ, что онъ ѣдетъ въ Лондонъ вмѣстѣ съ мистеромъ Вопслемъ, и желалъ бы видѣть васъ, если вамъ это будетъ пріятно. Онъ зайдетъ на подворье Барнарда поутру во вторникъ, въ девять часовъ, чтобы заранѣе узнать, будетъ ли вамъ пріятно свиданіе съ нимъ. Ваша бѣдная сестра все въ томъ же положеніи, какъ вы оставили ее. Мы разговариваемъ про васъ каждый вечеръ въ кухнѣ, и раздумываемъ что-то вы подѣлываете, о чемъ говорите. Если теперь покажется вамъ это дерзостію, то прошу васъ, извините ради дружбы прежнихъ бѣдныхъ дней. Вотъ и все, любезный мистеръ Пипъ, отъ

«навсегда вамъ обязанной и преданной слуги Биди.»

«*P.S.* Онъ особенно желаетъ, чтобъ я приписала вамъ: *вотъ-те веселье*. Онъ говоритъ, что вы это поймете. Надѣюсь и не сомнѣваюсь, вамъ пріятно будетъ видѣть его, хотя вы и джентльменъ; потому что у васъ было всегда доброе сердце, а онъ такой достойный, достойный человекъ. Я прочла ему все письмо, за исключеніемъ только послѣдней фразы, и онъ желаетъ, чтобъ я еще приписала опять: *вотъ-те веселье!*»

Я получилъ это письмо по почтѣ, въ понедѣльникъ поутру, и свиданіе назначалось такимъ образомъ на слѣдующій день. Позвольте же мнѣ совершенно признаться, съ какими чувствами ожидалъ я прибытія Джо: не съ чувствомъ удовольствія, хотя я былъ съ нимъ связанъ многими узами; нѣтъ, съ чувствомъ безпокойства, нѣкотораго огорченія и полного сознанія нашего неравенства. Еслибъ я могъ избѣгнуть этого свиданія, откупившись отъ него деньгами, то я конечно не пожалѣлъ бы денегъ. Меня успокоивало одно обстоятельство,

что онъ придетъ ко мнѣ на подворье Барнарда, а не въ Гамерсмитъ, и слѣдственно не встрѣтится съ Бентле Дремлемъ. Мнѣ было все равно, увидить ли его Гербертъ или его отецъ, которыхъ я уважалъ обоихъ; но мнѣ очень не хотѣлось, чтобъ его увидалъ Дремль, котораго я презиралъ отъ всего сердца. Итакъ обыкновенно бываетъ въ нашей жизни; мы поддаемся нашимъ слабостямъ, мы дѣлаемъ низости ради людей, которыхъ мы презираемъ.

Я постоянно украшалъ мои комнаты, прибавляя совершенно не нужныя вещи; и борьба эта съ Барнардомъ стоила мнѣ очень дорого. Квартира моя около этого времени была очень мало похожа на жалкое помѣщеніе, которое я нашелъ здѣсь, но за то, къ чести моей, я занималъ нѣсколько видныхъ страницъ въ книгахъ сосѣдняго мебельщика. Я такъ задался въ последнее время, что даже завелъ жокея, въ сапогахъ съ бѣлыми отворотами, и цѣлые дни мои проводилъ въ рабствѣ у него и подной зависимости. Открывъ этого урода въ нѣдрахъ семейства моей прачки и одѣвъ его въ синюю ливрею, канареечнаго цвѣта жилетъ, бѣлый галстукъ, перловые штаны и вышеупомянутые сапоги, я не находилъ ему никакого дѣла, и долженъ былъ удовлетворять его страшную прожорливость: эти двѣ ужасныя потребности отравляли теперъ мое существованіе.

Я объявилъ этому духу-мстителю, чтобъ онъ находился во вторникъ поутру, въ восемь часовъ, въ передней (она была величиною два квадратныхъ фута, какъ оказывалось по счету за клеенку); Гербертъ заказалъ къ завтраку различныя закуски, которыя, онъ полагалъ, понравятся Джо. Я былъ отъ души благодаренъ ему за его вниманіе, но у меня зародилось непріятное подозрѣніе, что онъ не обнаружилъ бы и вполнину такую готовность, еслибы Джо съ нимъ желалъ повидаться.

Какъ бы то ни было, я пріѣхалъ въ городъ въ понедѣльникъ вечеромъ чтобы встрѣтить Джо, всталъ рано поутру, приказалъ убрать гостиную и приготовить завтракъ возможно великолѣпнымъ образомъ. По несчастію, утро было дождливое, и самый ангелъ не могъ бы скрыть факта, что Барнардъ проливалъ на окна грязныя слезы, подобно слабонервному гиганту-трубочисту.

Когда время приблизилось, я готовъ былъ обратиться въ постыдное бѣгство, но мститель былъ въ передней, и вскорѣ

я слышалъ шаги Джо на лѣстницѣ. Я узналъ Джо по его ко-солапой походкѣ, какъ онъ обыкновенно подымался на лѣстницу, — его праздничные сапоги были всегда ему велики, — и по продолжительнымъ остановкамъ у каждой двери, чтобы прочесть имя. Когда наконецъ онъ остановился у нашей двери, я могъ слышать, какъ онъ обводилъ пальцами каждую букву въ моемъ имени, написанномъ снаружи. Я слышалъ совершенно ясно, какъ онъ дышалъ въ замочную скважину. Въ заключеніе онъ слабо стукнулъ одинъ разъ, и Пеперь — таково было постыдное имя жокея-мстителя — возвѣстилъ мистера Гарджери! Я думалъ, что онъ никогда не кончитъ съ вытираніемъ ногъ, и что мнѣ придется выйти и стащить его съ половика; но наконецъ онъ вошелъ.

— Джо! Какъ вы поживаете, Джо?

— Пипъ! Какъ вы поживаете, Пипъ?

И положивъ шляпу на полъ между нами, онъ съ своимъ честнымъ и добрымъ лицомъ, сіявшимъ отъ удовольствія, схватилъ меня за обѣ руки и принялся усердно качать ихъ вверхъ и внизъ, какъ будто я былъ новая патентованная пожарная труба.

— Я очень радъ видѣть васъ, Джо. Дайте мнѣ вашу шляпу.

Но Джо, осторожно поднявъ ее обѣими руками, какъ будто это было птичье гнѣздо съ яйцами, никакъ не хотѣлъ разстаться съ своею собственностію, и продолжалъ разговаривать черезъ нее, стоя самымъ неловкимъ образомъ.

— Такъ-то вы выросли, говорилъ Джо, — такъ расплылись и настолько обарились (Джо подумалъ немного, прежде нежели онъ напалъ на это слово), что вы право дѣлаете честь государю и отечеству.

— И вы, Джо, также поздоровѣли.

— Благодареніе Богу, сказалъ Джо, — и я не отсталъ отъ другихъ. И ваша сестра не хуже чѣмъ была прежде. И Биди всегда исправна. И всѣ пріатели поживаютъ попрежнему. Только Вопслъ упалъ.

— Упалъ, Джо?

— Да, сказалъ Джо, понижая свой голосъ, — онъ оставилъ церковь и сдѣлался актеромъ. Актерство-то и привело его въ Лондонъ. И его желаніе было, прибавилъ Джо, подсунуть свое птичье гнѣздо подъ лѣвую руку, и ища въ немъ какъ

будто лицо правою рукою, — чтобы я вамъ предложилъ это, если вамъ не будетъ обидно.

Тутъ Джо подалъ мнѣ изматую афишку какого-то маленькаго театра, возвѣщавшую первое появленіе на этой же недѣлѣ знаменитаго провинціального аматера, стяжавшаго себѣ славу Россіи, котораго единственное представленіе въ высшемъ трагическомъ стилѣ, на нашихъ народныхъ подмосткахъ, произвело недавно глубокое впечатлѣніе въ мѣстномъ драматическомъ мірѣ.

— Были вы на представленіи, Джо? спросилъ я.

— Былъ, отвѣтилъ Джо, особенно выразительно и торжественно.

— Чтò же, большой былъ эффектъ?

— Да, сказалъ Джо, — пожалуй короба съ два апельсинныхъ корокъ тамъ было. Особенно, когда онъ видитъ тѣнь, — хотя я васъ самихъ спрошу, возможно ли, чтобы человѣкъ исполнялъ отъ души свое дѣло, когда безпрестанно перерывали аминями его разговоръ съ тѣнью? На бѣду этого человѣка, онъ былъ прежде церковникомъ, сказалъ Джо, понизивъ свой голосъ, съ выраженіемъ особеннаго чувства, — но это еще не причина сбивать его съ толку, и въ такое время. То-есть, я вамъ скажу, если да человѣку не позволять заняться съ тѣнью своего собственнаго отца, такъ ужь чтò же послѣ этого, сэръ? И къ тому же еще, его траурная шляпа, по несчастію, была такъ мала, что отъ тяжести черныхъ перьевъ она, при всѣхъ его усиліяхъ, не держалась у него на головѣ.

Измѣнившееся выраженіе лица Джо, какъ будто онъ самъ увидѣлъ привидѣніе, указало мнѣ, что вошелъ въ комнату Гербертъ. Я представилъ его Герберту, который протянулъ ему руку; но Джо отступилъ отъ него, продолжая держать свое птичье гнѣздо.

— Вашъ покорнѣйшій слуга, сэръ, сказалъ Джо, — и надѣюсь вы и Пипъ, — тутъ глаза его обратились на мстителя, который ставилъ поджаренный хлѣбъ на столъ, и такъ явно обнаруживали его намѣреніе принять этого молодаго джентльмена за одного изъ нашихъ, что я нахмурилъ брови и тѣмъ еще болѣе сконфузилъ его, — то-есть я разумѣю, продолжалъ онъ, — вы, джентльмены, оба, надѣюсь, обрѣтаетесь въ совершенномъ здоровьѣ, въ такой духотѣ? Въ Лондонѣ можетъ-быть полагаютъ, что это очень хорошее подворье, сказалъ Джо съ нѣкоторою таинственностію, и я думаю, оно пожалуй въ большой чести,



но я здѣсь свиньи не сталъ бы держать, то-есть въ такомъ случаѣ разумѣется, еслибъ я желалъ получше откормить ее, чтобы послѣ вкусецъ-то въ ней былъ потоньше.

Послѣ такого лестнаго отзыва о достоинствахъ нашего жилья, я усадилъ за столъ Джо, который пытался нѣсколько разъ величать меня словцомъ *сэръ*; онъ окинулъ взглядомъ комнату, высматривая мѣсто, куда бы положить ему шляпу, какъ будто очень немногія тѣла въ природѣ могли сдержатъ ее, и въ заключеніе поставилъ ее на самый край камина, съ котораго она потомъ безпрестанно падала.

— Угодно вамъ чаю или кофе, мистеръ Гарджери? спросилъ мистеръ Гербертъ, который всегда распорядился завтракомъ.

— Благодарю васъ, сэръ, сказалъ Джо, напряжившись съ головы до ногъ,—ужь это какъ вамъ будетъ угодно.

— Хотите кофе?

— Благодарю васъ, сэръ, отвѣтилъ Джо, очевидно обезкураженный этимъ предложеніемъ:—кофе такъ кофе, я не стану вамъ прекословить; но не находите ли вы, что онъ немного горячить?

— Ну такъ чай, сказалъ Гербертъ, наливая чай.

Здѣсь шляпа Джо свалилась съ камина, и онъ бросился со стула, чтобы поднять ее, и положилъ ее на то же самое мѣсто.

— Когда вы прѣехали въ городъ, мистеръ Гарджери?

— Позвольте, какимъ это вчера послѣ обѣда? сказалъ Джо, прикашливая изъ-за руки, какъ будто онъ успѣлъ заразиться коклюшемъ, съ тѣхъ поръ какъ прѣехалъ въ Лондонъ.—Нѣтъ, не вчера. Да, вчера, Да, да, вчера, послѣ обѣда, прибавилъ онъ съ видомъ благоразумія, облегченія и совершеннаго безпристрастія.

— Успѣли вы что-нибудь видѣть въ Лондонѣ?

— Какъ же, сэръ, сказалъ Джо,—мы съ Вопслемъ прямо отправились смотрѣть на магазинъ ваксы. Но мы нашли, что онъ не походитъ на свое изображеніе на красной афишѣ, выставленной у магазина, то-есть я разумѣю, прибавилъ Джо,—онъ тамъ вырисованъ слишкомъ по ахтихтехтарскому.

Я, право, думалъ, Джо никогда не кончитъ этого слова (которое должно было представлять воображенію какой-то великолѣпный стиль), еслибы его вниманіе не было снова привлечено падашею шляпой. Дѣйствительно, она сосредоточивала все его вниманіе и требовала особенной быстроты глаза и руки, какъ мячикъ въ лаптѣ; онъ удивительно игралъ ею, обнаруживая

необыкновенную ловкость, то подхватывая ее, когда она падала, то бросаясь на нее и задерживая ее на половинѣ дороги, то подбывая ее вверху въ различныя стороны, прежде нежели ему казалось безопаснымъ уложить ее на прежнее мѣсто; въ заключеніе онъ уронилъ ее въ полоскательную чашку, гдѣ я осмѣлился наложить на нее руку.

Что касается воротника его рубашки, воротника его сюртука, то о нихъ страшно было и подумать, это были для меня неразрѣшимыя загадки. Для чего это человекъ, въ своемъ парадномъ костюмѣ, непременно долженъ царапать себя до такой степени? Для чего это ему необходимо очистить и приготовить себя страданіями къ праздничному туалету? На него находила по временамъ непонятная задумчивость, и онъ останавливался съ вилокъ на половинѣ пути между тарелкой и ртомъ; глаза его разбѣгались въ самыхъ странныхъ направленіяхъ, у него являлись какіе-то непонятные пароксизмы кашля; онъ сидѣлъ такъ далеко отъ стола, что ронялъ на полъ гораздо болѣе нежели вѣл, притворяясь будто у него ничего не падало, и я очень былъ радъ, когда Гербертъ оставилъ насъ и отправился въ Сити.

У меня не было достаточно ни здраваго смысла, ни добраго чувства, чтобы сознаться въ то время, что я былъ виноватъ во всемъ этомъ, и что будь я безцеремоннѣе съ Джо, то и ему было бы со мной легче; онъ выводилъ меня изъ терпѣнія, я былъ не доволенъ имъ, и такимъ образомъ онъ собиралъ на мою же голову горячіе уголья.

— Теперь мы остались съ вами вдвоемъ, сэръ, началъ Джо.

— Джо, перервалъ я его нетерпѣливо, — какъ это вамъ не совѣстно называть меня *сэръ*?

Джо съ минуту посмотрѣлъ на меня съ видомъ нѣкотораго упрека. Какъ ни уморительны были его воротнички и галстукъ, но въ этомъ взглядѣ я призналъ своего рода достоинство.

— Такъ какъ мы теперь остались вдвоемъ, началъ снова Джо, и я не имѣю намѣренія да и возможности оставаться долѣе нѣсколькихъ минутъ, то я упомяну, что доставило мнѣ честь быть у васъ, потому что еслибы не желаніе быть вамъ полезнымъ, прибавилъ Джо съ своимъ прежнимъ видомъ яснаго изложенія, — то я никогда бы не удостоился чести раздѣлять трапезу въ домѣ и въ обществѣ джентльменовъ.

Я не имѣлъ охоты встрѣтить тотъ же самый взглядъ вторично, и потому оставилъ его продолжать въ этомъ тонѣ.

— Ну, сэръ, продолжалъ Джо,— вотъ какъ это было. Я былъ въ тотъ вечеръ, Пипъ, у *Трехъ Лодочниковъ*.— Переходя на дружескій тонъ, онъ называлъ меня Пипъ. Но когда онъ хотѣлъ быть вѣжливымъ, то звалъ меня сэръ. — Вдругъ пріѣзжаетъ туда Пембльчукъ на своей таратайкѣ. Тотъ самый, сказалъ Джо, выходя теперь на новую дорогу, — подчасъ всю внутренность мою выворачивалъ, вѣдь по всему городу распускалъ, что онъ былъ другомъ вашего дѣтства, и что вы сами считали его товарищемъ своихъ забавъ.

— Какіе пустяки! Это были вы, Джо.

— Я совершенно такъ и думалъ, Пипъ, сказалъ Джо, слегка покачивая головой,— хотя теперь, сэръ, это ничего не значить. Ну, Пипъ, такъ онъ самый, онъ еще все такъ куражится,— приходитъ онъ ко мнѣ къ *Лодочникамъ* (что за удовольствіе, сэръ, для рабочаго человѣка трубка да кружка пива! вѣдь я не раздражаетъ очень), и вотъ были подлинныя его слова: миссъ Гевишамъ желаетъ говорить съ вами.

— Миссъ Гевишамъ, Джо?

— Миссъ Гевишамъ, были собственныя слова Пембльчука, желаетъ говорить съ вами.— Джо остановился и закатилъ свои глаза подъ самый потолокъ.

— Да, Джо? Продолжайте, прошу васъ.

— На слѣдующій день, сэръ, сказалъ Джо, посмотрѣвъ на меня, какъ будто я сидѣлъ отъ него за версту,— я вычистился и отправился повидаться съ миссъ Э.

— Миссъ Э, Джо? Миссъ Гевишамъ.

— То-есть я говорю, сэръ, отвѣчалъ Джо съ видомъ судебной формальности, какъ будто онъ дѣлалъ завѣщаніе,— миссъ Э, иначе называемая Гевишамъ, и изволила она выразиться слѣдующими словами: «Мистеръ Гарджеръ, вы въ перепискѣ съ мистеромъ Пипомъ?» Я отъ васъ получилъ одно письмо, и потому я могъ сказать: да (когда мы вѣчались съ вашей сестрой, сэръ, мой отвѣтъ пастору былъ: буду, а теперь, отвѣчая вашей знакомой, Пипъ, я сказалъ: да). «Такъ сообщите же ему, сказала она, что та Эстелла вернулась домой, и желала бы его видѣть.»

Я чувствовалъ, лицо мое загорѣлось, когда я взглянулъ на Джо. Я надѣюсь, одна изъ отдаленныхъ причинъ этого пожара могла быть сознаніе, что знай я объ этомъ порученіи, я принялъ бы его радушнѣе.

— Биди, продолжалъ Джо,— стала было отлынивать, когда я,

вернувшись домой, попросилъ ее написать вамъ письмо; Биди говоритъ: «Я знаю, ему будетъ очень пріятно, если передать ему это на словахъ; теперь праздники, вы желаете его видѣть, повѣжайте же сами!» Я теперь кончилъ, сэръ, сказалъ Джо, подымаясь со стула,—и желаю вамъ, Пипъ, на всю жизнь всякаго счастья и благополучія.

— Но вы не уходите же сейчасъ, Джо?

— Да, я уйду, сказалъ Джо.

— Но вы вернетесь къ обѣду, Джо?

— Нѣтъ, не вернусь, сказалъ Джо.

Глаза наши встрѣтились, и всѣ церемоніи растаяли въ этомъ мужественномъ сердцѣ, когда онъ протянулъ мнѣ свою руку.

— Пипъ, дорогой, старый дружище, въ жизни то и дѣло что прощается; одинъ человекъ въ ней кузнечныхъ дѣлъ мастеръ, другой оловянныхъ дѣлъ мастеръ, третій золотыхъ дѣлъ мастеръ, а есть еще и мѣдныхъ дѣлъ мастеръ. Такіе люди должны расходиться. Если кто былъ виноватъ сегодня, такъ это я; я намъ не подстать въ Лондонѣ, да и ни въ какомъ другомъ мѣстѣ кромѣ дома, гдѣ, дѣло знакомое, между друзьями. Это не отъ гордости, но я хочу быть правъ; вы не увидите меня болѣе въ этомъ нарядѣ; я самъ не свой въ праздничномъ платьѣ, я самъ не свой, когда я не въ кузницѣ, не на кухнѣ, не на болотѣ. Я вамъ не покажусь, и вповоину такимъ чудакомъ, въ моемъ рабочемъ нарядѣ, съ молоткомъ въ рукѣ или даже съ трубкой. Я вамъ не покажусь и вповоину такимъ чудакомъ, если вы заглянете въ окошко кузницы,—положимъ вамъ прідетъ охота взглянуть на меня,—и увидите тамъ кузнеца Джо, за его старою наковальной, въ старомъ обожженомъ фартукѣ, за своею работой. Я очень тупъ, сознаюсь, но надѣюсь, наконецъ я успѣлъ вырубить себѣ что-то похожее на правду. Итакъ Богъ благослови васъ, любезный старый Пипъ, старый дружище, Господь благослови васъ!

Да, въ немъ было это простое достоинство. Покрой его платья не кололъ глазъ, когда онъ говорилъ эти слова, которыя какъ будто раздавались съ неба. Онъ нѣжно прикоснулся къ моему лбу и вышелъ. Какъ только я могъ достаточно оправиться, я бросился за нимъ и искалъ его въ сосѣднихъ улицахъ; но его уже не было.

## XXVIII.

Очевидно, что я долженъ былъ отправиться на слѣдующій же день въ нашъ городъ; и въ первомъ порывѣ моего раскаянія мнѣ казалось также очевиднымъ, что я долженъ былъ остановиться у Джо. Но когда я взялъ мое мѣсто въ дилижансѣ на завтрашній день, съѣздивъ къ мистеру Покетъ и вернулся, то я далеко уже не былъ такъ убѣжденъ въ этомъ пунктѣ, и началъ придумывать различныя причины, чтобъ остановиться въ гостиницѣ *Голубаю-Кабана*. Я свяжу собою Джо; онъ меня не ожидаетъ; моя постель не будетъ приготовлена; я буду тамъ слишкомъ далеко отъ миссъ Гевшамъ, а она взыскательна; ей это можетъ не понравиться. Всѣ обманщики въ этомъ мѣрѣ ничто въ сравненіи съ самообманщиками, и какими же предлогами я надувалъ себя! Странная это вещь. Оно понятно, что я могу невинно взять фальшивую полкрану чьей-нибудь фабрикаціи; но я считалъ за хорошія деньги фальшивую монету моей собственной работы! Услужливый незнакомецъ, аккуратно свертывающій мои банкноты для вящей безопасности, пожалуй можетъ подъ этимъ предлогомъ отобрать билеты и подсунуть мнѣ вмѣсто ихъ какую-нибудь дрянъ; но можетъ ли его фокусъ сравниться съ моею фальшью, когда я самъ завертываю дрянъ и увѣряю себя, что это банкноты?

Когда я положилъ остановиться въ гостиницѣ *Голубаю Кабана*, то меня сталъ смущать другой вопросъ, взять ли мнѣ съ собою мстителя, или нѣтъ. Я почти увлекался мыслию, какъ этотъ раззорительный наемникъ будетъ всенародно провѣтривать свои сапоги у воротъ гостиницы *Голубаю Кабана*, какъ онъ явится въ магазинъ портнаго и поразить мятежный умъ мальчишки Траба. Съ другой стороны, мальчишка Траба могъ влѣзть къ нему въ дружбу и поразказать ему многія вещи, или же эта отчаянная, безпардонная тварь могла преслѣдовать его на большой улицѣ. Моя покровительница также могла о немъ услышать и не одобрить. Принимая все это въ разсужденіе, я порѣшилъ оставить мстителя дома.

Я взялъ мѣсто въ дилижансѣ, отправлявшемся послѣ обѣда,

и какъ это было время зимнее, то я разчитывалъ, что прѣду два или три часа послѣ сумерекъ. Мы должны были тронуться въ два часа. Я былъ на мѣстѣ за четверть часа, въ сопровожденіи моего слуги, если я могу такъ назвать человѣка, который никогда не служилъ мнѣ.

Въ тѣ времена было въ обыкновеніи перевозить каторжниковъ на адмиралтейскія работы въ дилижансахъ. Я прежде слышалъ объ этомъ и даже видѣлъ самъ нѣсколько разъ на большой дорогѣ, какъ они драгали на имперіалѣ дилижанса своими скованными ногами, и меня поэтому нисколько не удивило, когда Гербертъ, встрѣтивъ меня на дворѣ, сказалъ мнѣ, что съ нами ѣдутъ два каторжника. Но у меня была своя причина, — причина теперь уже устарѣвшая, — почему я смутился, услышавъ слово каторжникъ.

— Вѣдь для васъ это все равно, Гендель? сказалъ Гербертъ.

— Конечно, все равно!

— Мнѣ показалось, что это вамъ непріятно?

— Не могу сказать, чтобъ это было для меня особенно пріятнаго. Но мнѣ это все равно.

— Посмотрите! Вотъ они, сказалъ Гербертъ, — идутъ сюда. Чтò за позорное и отвратительное зрѣлище!

Я полагаю, они угощали въ распивочной своего сторожа, потому что съ ними былъ сторожъ и они всѣ трое шли утирая руками ротъ. Два каторжника были скованы вмѣстѣ рука-объ-руку, и на ногахъ у нихъ были желѣза, которыя мнѣ были очень хорошо извѣстны. На нихъ было надѣто платье, также мнѣ очень хорошо извѣстное. У сторожа была пара пистолетовъ и толстая дубина подъ мышкою, но онъ находился съ ними повидимому въ дружественныхъ отношеніяхъ и стоялъ съ ними вмѣстѣ, смотря какъ впрягали лошадей. Одинъ изъ нихъ былъ выше и плотнѣе своего товарища, и, разумѣется, какъ случается всегда въ этомъ мірѣ, и съ каторжниками и съ свободными людьми, платье на немъ было гораздо уже. Руки и ноги его смотрѣли словно подушки; нарядъ замаскировалъ его самымъ нелѣпымъ образомъ; но я съ перваго взгляда призналъ его полузакрытый глазъ: передо мною опять стоялъ тотъ же самый человѣкъ, котораго я видѣлъ на скамьѣ у *Трехъ Веселыхъ Лодочниковъ*, въ одну субботу вечеромъ, и который положилъ меня тогда своимъ невидимымъ ружьемъ.

Мнѣ легко было убѣдиться, что онъ не узналъ меня. Онъ смотрѣлъ на меня искоса и своимъ глазомъ оцѣнялъ мою часовую цѣпочку; потомъ онъ плюнулъ и сказалъ что-то другому каторжнику; и они оба засмѣялись, отвернулись другъ отъ друга, зазвучавъ цѣпью, и начали смотрѣть на что-то другое. Огромные нумера, вышитые на ихъ спинахъ, какъ будто это были двери, ихъ грубая, паршивая наружность, какъ у животныхъ низшаго разряда; ихъ ноги, закованныя въ желѣза, лицемѣрно обвернутыя носовыми платками; потомъ обращеніе, съ которымъ всѣ присутствующіе смотрѣли на нихъ и сторонились, дѣйствительно представляли изъ нихъ, какъ замѣтилъ Гербертъ, непріятное и позорное зрѣлище.

Но здѣсь непріятность еще не кончилась. Вся задняя сторона имперіала была взята однимъ семействомъ, переѣзжавшимъ изъ Лондона, и для каторжниковъ оставалось только мѣсто впереди за кучеромъ. Одинъ раздражительный джентльменъ, взявшій четвертое мѣсто на томъ же сидѣньи, пришелъ отъ этого въ страшное бѣшенство, объявляя, что сажать его вмѣстѣ съ такими негодаями есть нарушеніе договора. что это заразительно, пагубно, позорно, подло и не знаю еще что. Дилижансъ былъ готовъ; кучеръ терялъ терпѣніе; мы всѣ готовы были занять наши мѣста, и каторжники подошли вмѣстѣ съ своимъ сторожемъ, неся съ собою странный запахъ хлѣбной припарки, байки, пеньковой пражки и подоваго камня, обыкновенно соединенный съ присутствіемъ каторжника.

— Не гнѣвайтесь такъ, сэръ, представлялъ сторожъ раздраженному пассажиру.—Я самъ сяду возлѣ васъ. Я посажу ихъ съ краю. Они вамъ не будутъ мѣшать, сэръ. Вы и не узнаете, что они здѣсь.

— Да не корите *меня*, заворчалъ каторжникъ, котораго я узналъ, — меня везутъ поневолѣ. Самъ я готовъ остаться здѣсь, и еслибъ отъ меня зависѣло, радъ былъ бы уступить мое мѣсто кому угодно.

— А я мое, сказалъ другой сурово, — будь на то моя воля, да я бы не обезпеконялъ никого изъ васъ.

Послѣ этого они оба захохотали и принялись грызть орѣхи, выплевывая скорлупу. Право, мнѣ кажется, я дѣлалъ бы то же самое, еслибы пришлось мнѣ быть на ихъ мѣстѣ и еслибы всѣ точно также презирали меня.

Наконецъ рѣшено было, что помочь сердитому джентльмену невозможно, и что онъ долженъ или ѣхать въ этой неожиданной компаніи, или остаться. Итакъ онъ поднялся на свое мѣсто, продолжая однакоже жаловаться; сторожъ съѣлъ возлѣ него; каторжники поднялись сами какъ могли, и тотъ, котораго я призналъ, съѣлъ позади меня, дыша мнѣ прямо въ голову и на волосы.

— Прощайте, Гендель, закричалъ мнѣ Гербертъ, когда мы тронулись. И тутъ я подумалъ теперь, какъ хорошо, что онъ нашелъ для меня другое имя вмѣсто Пипа.

Невозможно выразить, съ какою пронзительною остротой давало мнѣ чувствовать себя дыханіе каторжника, не только на затылкѣ, но и вдоль всей спины. Впечатлѣніе было точно такое же, какъ еслибы къ моему мозгу прикасались какому-то острою кислотой, такъ что я болѣзненно стискивалъ зубы. Онъ дышалъ почему-то чаще, тяжеле нежели его товарищъ, и я чувствовалъ, какъ мое плечо невольно подымалось съ одной стороны, чтобы защититься отъ него.

Погода была отвратительно сырая, и оба они проклинали холодъ. Онъ огрузилъ насъ всѣхъ въ оцѣпенѣніе. Когда мы успѣли отѣхать на порядочное разстояніе, именно пробѣхали половину станціи, то пассажиры всѣ дремали, кивали головами и не говорили между собою ни слова. Я самъ задремалъ, обдумывая вопросъ, не возвратитъ ли этой твари два фунта стерлинга, прежде нежели я потеряю его изъ виду, и какимъ бы образомъ лучше сдѣлать это? Покачнувшись впередъ, какъ будто въ твердомъ намереніи нырнуть между лошадьми, я проснулся въ испугѣ и принялся за прежнюю думу.

Но вѣрно я давно уже расстался съ нею; потому что хотя я не могъ ничего различить въ темнотѣ при слабомъ освѣщеніи нашихъ фонарей, однакожъ по сырому, холодному вѣтру, который дулъ теперь намъ въ лицо я чувствовалъ что тутъ не вдалекѣ должно быть болото. Чтобы защититься моею спиной отъ вѣтра и холода, каторжники нагнулись впередъ и были теперь гораздо ближе ко мнѣ; первыя слова, которыми, я услышалъ, они обмѣнялись между собою, относились къ предмету, занимавшему мои мысли,—къ двумъ однофунтовымъ билетамъ.

— Какъ же онъ досталъ ихъ? сказалъ каторжникъ, котораго я не видалъ прежде.

— Почему я знаю? отвѣчалъ другой. — Какъ-нибудь припряталъ ихъ; полагаю, ему дали ихъ друзья его.



— Желалъ бы я, сказалъ первый, страшно проклиная холодъ,—имѣть ихъ теперь.

— Билеты или друзей?

— Разумѣется, билеты. За одинъ билетъ я продалъ бы всѣхъ друзей и считалъ бы еще себя въ барышахъ. Ну? Такъ онъ говорить?

— Такъ онъ говорить, продолжалъ узанный мною каторжникъ,—все это было сказано и сдѣлано въ полминуту за грудой бревенъ въ адмиралтействѣ... Васъ выпускаютъ на волю? Да. Такъ не найду ли я мальчика, который накормилъ его и не проболтался, чтобъ отдать ему два однофунтовые билета? Да, я найду и отдамъ. Такъ я и сдѣлалъ.

— Вотъ ужъ это чистая глупость, проворчалъ другой.—Я бы проѣлъ да пропиелъ ихъ. Былъ онъ видно зеленый. Такъ вы говорите, что онъ васъ и не зналъ?

— Совсе не зналъ. Мы разныхъ шаекъ и съ разныхъ понтоновъ. Его потомъ судили за побѣгъ изъ тюрьмы и приговорили по жизнь.

— По чести, вы только разъ и были на каторгѣ въ этой сторонѣ?

— Только этотъ единственный разъ.

— Ну, каково же ваше мнѣніе про это мѣсто?

— О, скотское мѣсто! Грязь, туманъ, болото и каторга; каторга, болото, туманъ и грязь.

Они проклинали это мѣсто въ очень-сильныхъ выраженіяхъ, и постепенно до того доворчались, что имъ не оставалось ничего болѣе сказать.

Подслушавъ этотъ разговоръ, я конечно сошелъ бы и остался одинъ въ темнотѣ, на большой дорогѣ, еслибы не былъ совершенно увѣренъ, что этотъ каторжникъ не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія въ моей тождественности съ мальчикомъ, котораго онъ видѣлъ у *Трехъ Лодочниковъ*. Дѣйствительно, не только самое время измѣнило меня, но я былъ иначе одѣтъ, находился въ совершенно-другихъ обстоятельствахъ, и онъ никакъ не могъ бы узнать меня, еслибы не послужилъ ему въ этомъ какой-нибудь случай. Все-таки наша встрѣча на дилижансѣ было дѣло необыкновенное и я опасался, что какое-нибудь другое обстоятельство могло каждую минуту напомнить его слуху мое имя. По этой причинѣ, я рѣшился сойти какъ только мы подѣдемъ къ городу, чтобы быть подалѣе отъ

него: Я исполнилъ это намѣреніе очень успѣшно. Мой чомоданчикъ былъ у меня подъ ногами; мнѣ нужно было только отстегнуть петлю, чтобы вынуть его; я сбросилъ его внизъ, спустился за нимъ и остался у перваго фонаря, гдѣ начиналась городская мостовая. Каторжники отправились далѣе своею дорогою, съ дилижансомъ, и я зналъ самое то мѣсто, съ котораго спустать ихъ на рѣку. Въ моемъ воображеніи я представлялъ себѣ лодку съ гребцами каторжниками же, которая ждала ихъ у грязной лѣстницы; я слышалъ опять суровый приказъ: «отчаливай!» Я снова видѣлъ грѣховный Ноевъ ковчегъ, качавшійся на черной массѣ воды.

Я не могъ бы положительно сказать, чего я боялся; мой страхъ былъ такъ неопредѣлененъ, но я былъ подъ его влияніемъ. Идя къ гостиницѣ, я чувствовалъ, что я дрожалъ отъ этого страха, который былъ гораздо сильнѣе простаго опасенія быть узаннымъ. Я увѣренъ, это чувство не принимало тогда опредѣленнаго характера, это было возобновленіе на нѣсколько минутъ прежняго моего дѣтскаго ужаса.

Столовая въ гостиницѣ *Голубаго Кабана* была пуста, и я не успѣлъ еще заказать себѣ обѣдъ, я только сѣлъ, какъ лакей уже узналъ меня. Онъ сейчасъ извинился въ своей забывчивости и спросилъ меня не послать ли за Пембльчукомъ.

— Нѣтъ, сказала я,—конечно нѣтъ.

Лакей (это онъ явился къ намъ съ выговоромъ отъ прикащиковъ въ тотъ самый день, когда я былъ записанъ въ ученики) повидимому, очень удивился и при первомъ случаѣ подсунулъ мнѣ старый, грязный нумеръ городской газеты, въ которомъ я прочелъ слѣдующій параграфъ:

«Наши читатели узнаютъ конечно не безъ интереса, какъ прибавленіе къ романической исторіи необыкновеннаго счастья юнаго кузнечнаго мастера въ здѣшнемъ околоткѣ (между прочимъ, какая это удивительная тема для магическаго пера нашего, еще не всѣми признаннаго поэта Туби, украшающаго эти столбцы своими стихотвореніями!), что первый покровитель, сотоварищъ и другъ этого юноши, былъ очень почтенное лицо, занимающееся отчасти хлѣбною и сѣменною торговлей. Мы упоминаемъ здѣсь о немъ, какъ о менторѣ нашего юнаго Телемака, отчасти подъ влияніемъ личнаго чувства. Пріятно знать, что нашъ городъ произвелъ также и самого виновника счастья послѣдняго. Не ищете ли

теперь наморщенное отъ думы чело нашего доморожденного мудреца, или блестящія глазки нашей городской красавицы разъясненія этой загадки? Кажется, Кентенъ Матзисъ былъ антверпенскій кузнецъ. *Verb. Sap.*»

Я убѣжденъ, что еслибы во дни моего благосостоянія я отправился къ сѣверному полюсу, то и тамъ встрѣтилъ бы кого-нибудь, кочующаго Эскимоса или цивилизованнаго человека, который бы сказалъ мнѣ, что Пембльчукъ былъ моимъ первымъ покровителемъ и виновникомъ моего счастья.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

# ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ КРЕДИТЪ

И

## ЗЕМСКІЕ БАНКИ<sup>1</sup>

Мы обѣщали, но въ прошломъ году не успѣли, говорить *объ условіяхъ, на которыхъ учрежденіе земскихъ банковъ въ Россіи можетъ представиться болѣе выгоднымъ.* Теперь, приступая къ исполненію этого обѣщанія, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько общихъ словъ о поземельномъ кредитѣ для Россіи.

Хотя въ статьяхъ нашихъ, напечатанныхъ въ прошломъ году<sup>2</sup>, мы останавливались преимущественно на системѣ това-

<sup>1</sup> См. *Русскій Вѣстникъ* 1860 года, №№ 18, 19 и 22.

<sup>2</sup> Удѣливъ вопросу о земскихъ банкахъ значительное мѣсто на страницахъ нашего журнала, мы имѣли въ виду служить этому важному для русскаго сельскаго хозяйства дѣлу. Несмотря на наше полное уваженіе къ членамъ комиссіи о земскихъ банкахъ, мы откровенно высказали свое разногласіе съ ихъ проектомъ. Потомъ мы не уклонялись отъ печатанія статей, разногласившихъ съ нашимъ взглядомъ, и даже давали въ нашемъ журналѣ мѣсто рѣзкой полемики противъ нашихъ мнѣній о земскомъ кредитѣ. Съ другой стороны, какъ ни затруднительно было для насъ помѣщеніе статьи Л. В. Гечевича высказанными въ ней отзывами о нашемъ взглядѣ, мы должны были уступить наконецъ и желанію автора, и интересу самаго вопроса. Отзывы автора относятся впрочемъ не къ какимъ-либо достоинствамъ нашего журнала, а къ тому взгляду на дѣло, который мы, согласно съ авторомъ, считаемъ за единственно-вѣрный. Считаемъ не лишнимъ замѣтить,

риществѣ землевладѣльцевъ-заемщиковъ, но изъ этого никакъ не слѣдуетъ заключить, чтобы мы считали эту форму кредита преимущественно удобною для Россіи. Форма эта, господствующая въ Германіи, можетъ соответствовать тѣмъ экономическимъ условіямъ; въ средѣ которыхъ она получила начало и развитіе, но за тѣмъ подлежитъ еще обсужденію, будетъ ли она соответствовать въ подобной же мѣрѣ положенію нашего государства. Сообразно съ этимъ, говоря о Россіи, мы будемъ принимать выраженіе *поземельный кредитъ* въ полномъ объемѣ его значенія, подразумѣвая въ немъ всѣ безъ исключенія формы кредита.

Въ послѣднее время было у насъ писано много о поземельномъ кредитѣ для Россіи. Опубликованіе *Трудовъ комиссіи, высочайше учрежденной для устройства земскихъ банковъ*, вызвало рядъ разсужденій по этому важному дѣлу, а гласность, приданная дѣйствіямъ сказанной комиссіи, много способствовала къ заинтересованію публики вопросамъ о поземельномъ кредитѣ, къ разъясненію многихъ теоретическихъ относящихся сюда положеній, и наконецъ, къ развитію соображеній о настоящемъ положеніи русской поземельной собственности, объ интересахъ ея и нераздѣльныхъ съ ними такихъ нуждахъ, удовлетвореніе которыхъ составляетъ предметъ и цѣль поземельнаго кредита.

*Труды* комиссіи принесли пользу тѣмъ въ особенности, что обратили вниманіе публики на предметъ для нея совершенно новый и даже познакомили съ нѣкоторыми его сторонами; каждый безпристрастный читатель, еслибъ и не находилъ труда комиссіи полнымъ, безъ сомнѣнія найдетъ его, по важности предмета, полезнымъ.

Соображенія о поземельномъ кредитѣ для Россіи облегчаются для насъ тѣмъ, что намъ достается говорить объ этомъ не только послѣ опубликованія *Трудовъ* комиссіи, но и послѣ другихъ, писавшихъ уже по сему предмету. Преимуществомъ этимъ мы обязаны случаю, бывшему поводомъ запоздалаго печатанія первыхъ четырехъ отдѣловъ нашего труда по причинамъ, отъ насъ не зависѣвшимъ. Пользуясь этимъ преимуществомъ, мы сдѣлаемъ прежде всего обзоръ *Трудовъ* комиссіи, совмѣстно съ обзоръ статей, опубликованныхъ по поводу этихъ трудовъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.

---

что имя Л. В. Гечевича часто встрѣчается въ нашей печати въ не-правильной формѣ: *Гечевичъ*. Ред.

## I.

Разногласіе *Русскаго Вѣстника* по нѣкоторымъ предметамъ съ комиссіей и самый способъ изложенія этого разногласія въ *Вѣстникѣ*, мы почитаемъ не литературною полемикой, а развитіемъ и дополненіемъ *Трудовъ* комиссіи, направленныхъ къ полнѣйшему разъясненію и точнѣйшему опредѣленію предмета. Намъ будетъ пріятнѣе всего, если читатели найдутъ тѣ же черты въ соображеніяхъ нашихъ.

По рациональности, вѣрности и возвышенности взгляда, объемлющаго предметъ во всей его широтѣ, статья *Русскаго Вѣстника* мы почитаемъ трудомъ весьма замѣчательнымъ. Для насъ въ особенности онѣ важны въ томъ отношеніи, что предпринимая говорить о поземельномъ кредитѣ для Россіи, мы можемъ только изъявлять сочувствіе къ мнѣніямъ и направленію *Русскаго Вѣстника* въ тѣхъ многихъ случаяхъ, въ коихъ мысли наши встрѣчаются, и слѣдовательно было бы излишнимъ и обременительнымъ для читателей, еслибы мы стали дѣлать съ нашей стороны какъ бы вновь соображенія о томъ, что въ *Вѣстникѣ* сказано и обсуждено лучше, чѣмъ бы мы могли сказать и обсудить сами.

Статья *Русскаго Вѣстника*, напечатанныя въ столь недавнемъ времени, остались вѣроятно въ свѣжей памяти у читателей нашихъ; поэтому, мы не станемъ даже дѣлать систематическаго указанія на изложенные въ нихъ предметы, а остановимся сразу на главномъ предметѣ несогласія *Русскаго Вѣстника* съ комиссіей по вопросу: *должно ли правительство дозволить учрежденіе земскихъ банковъ въ формѣ акціонерныхъ компаній, то-есть товариществъ кредиторовъ, или же оно должно дозволить учрежденіе земскихъ банковъ исключительно въ формѣ землевладѣльческихъ компаній, то-есть товариществъ заемщиковъ?*

Хотя комиссія не отвергаетъ первой изъ двухъ формъ, но высказавшись преимущественно за вторую, она сосредоточила свои предположенія на землевладѣльческихъ товариществахъ и заготовила проектъ положенія для земскихъ кредитныхъ обществъ, напечатанный въ ея *Трудахъ*.

*Русскій Вѣстникъ* (кн. 1 за мартъ мѣсяцъ) весьма убѣдительно опровергаетъ тѣ доводы въ пользу превосходства для

насть землевладѣльческихъ банковъ предъ акціонерными, какіе выставлены въ объяснительной запискѣ комиссіи, и приходится къ заключенію, что въ теоретическомъ отношеніи каждый можетъ склоняться въ пользу той или другой формы кредита, но здравыя экономическія начала требуютъ самой строгой воздержности отъ теоретика, подающаго голосъ, хотя бы и совѣщательный, въ дѣлѣ законодательства.

Комиссія совершенно вѣрно замѣчаетъ, что самый проектъ ея будетъ въ настоящее время служить нѣкоторымъ вызовомъ со стороны правительства; но, по мнѣнію *Вѣстника*, именно вслѣдствіе этого убѣжденія, ей не слѣдовало ограничиться составленіемъ проекта для землевладѣльческихъ банковъ, а относительно акціонерныхъ довольствоваться указаніемъ на существующій уже законъ объ акціонерныхъ обществахъ. Полное безпристрастіе требовало бы, чтобы комиссія подвергла разсмотрѣнію законы объ акціонерныхъ обществахъ и о залогахъ недвижимостей, и указала тѣ измѣненія, которыя должны быть введены въ эти законы, дабы сдѣлать возможнымъ основаніе акціонерныхъ земскихъ банковъ. Отстранивъ отъ себя эту работу, комиссія сдѣлала крайне затруднительнымъ и почти невозможнымъ образованіе акціонерныхъ банковъ. Этимъ самымъ, по мнѣнію *Русскаго Вѣстника*, она установила уже нѣчто въ родѣ привилегіи въ пользу землевладѣльческихъ банковъ.

Мы полагаемъ, что по этому предмету, трудно сказать что-либо болѣе справедливое или убѣдительное.

При дальнѣйшемъ развитіи этого предмета, *Русскій Вѣстникъ* излагаетъ между прочимъ (кн. 1 за апрѣль мѣсяць), что законодательство должно смотрѣть равно благосклонно на всевозможныя формы сельско-хозяйственнаго кредита, какъ уже возникшія въ другихъ странахъ, такъ и могущія возникнуть у насъ вслѣдствіе особенностей нашего быта, что оно должно равномѣрно устранять препятствія, дѣлавшія у насъ доселѣ невозможными частный кредитъ вообще и въ особенности частный поземельный кредитъ и частныя учрежденія поземельнаго кредита. Между тѣмъ составленное комиссіей положеніе оказываетъ покровительство землевладѣльческимъ банкамъ не только предпочтительно предъ акціонерными банками, но и предпочтительно предъ личнымъ земскимъ кредитомъ.

Вопросъ о земскомъ кредитѣ, взятый во всей своей ши-

ротѣ, есть вопросъ очень сложный. Наиболѣе простая, наименѣе спорная часть его есть вопросъ о землевладѣльческихъ товариществахъ. Въ наше время, проектъ устава землевладѣльческихъ обществъ можно разсматривать только какъ первую степень законодательнаго труда о земскомъ кредитѣ, а вопросъ о земскихъ банкахъ можетъ быть признанъ удовлетворительно разрѣшеннымъ не иначе какъ въ томъ случаѣ, когда законодательный трудъ возвысится надъ этою первою степенью, и будетъ смотрѣть на нее только какъ на основу или исходный пунктъ свой, а не какъ на единственную свою задачу.

Мы сознаемся въ невозможности прибавить съ нашей стороны что-либо къ соображеніямъ столь убѣдительнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, чтобы частный кредитъ могъ получить желаемое развитіе, было бы не довольно отмѣнять существовавшій у насъ доселѣ исключительно кредитъ правительственный. Первымъ для этого условіемъ представлялось и представляется еще сдѣлать въ законодательствѣ тѣ измѣненія и дополненія, которыя имѣютъ предметомъ обезпеченіе правъ собственности каждаго, какъ-то опредѣленіе правильной ипотечной системы и взысканій по кредитнымъ сдѣлкамъ всякаго рода. Прежде всего слѣдовало бы устранить все, что можетъ препятствовать развитію частнаго кредита вообще; при подобныхъ условіяхъ, поселяющихъ довѣріе къ правамъ собственности, поземельный кредитъ, вмѣсто того чтобы стоять особнякомъ въ нашемъ законодательствѣ, могъ бы проявиться самъ безъ особаго покровительства и принять формы, соотвѣтствующія спеціальному его характеру, а также потребностямъ русской поземельной собственности. Это кажется намъ необходимымъ до такой степени, что дѣлать положенія для поземельнаго кредита, не обезпечивъ предварительно прочными законодательными мѣрами частнаго кредита вообще, было бы то же самое, что воздвигать зданіе, не положивъ предварительно нужнаго для него фундамента. Кредитное установленіе, каковую бы ни предположить для него форму и назначеніе, не можетъ существовать безъ двухъ условій: 1) У него будетъ всегда въ виду предлагать тѣмъ, коихъ оно желаетъ заинтересовать, условія для нихъ выгодныя и привлекательныя. 2) Оно будетъ озабочиваться о возможномъ для себя обезпеченіи той собственности, которую предназначаетъ для основанія кредитнаго установленія. *Первое* зависитъ отъ учредителей устано-



вленія и не требуетъ ни регламентаціи, ни участія законодательства, потому что собственный интересъ кредитнаго установленія будетъ служить побужденіемъ къ предложенію заинтересованнымъ (разумѣется, при отсутствіи всякой привилегіи и монополіи) самыхъ выгодныхъ по возможности условий. Второе зависить отъ законодательства и безъ дѣятельнаго его участія существовать не можетъ, а участіе законодательства, въ подобныхъ границахъ, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ его атрибуцій.

По словамъ *Русскаго Вѣстника* (кн 1 за мартъ мѣсяцъ), задача законодательства заключается въ устраненіи препятствій, которыя встрѣчаетъ развитіе жизни отчасти въ самыхъ обстоятельствахъ жизни, отчасти въ законодательствѣ. Если безвредное для общества предпріятіе встрѣчаетъ внѣшнія препятствія, то эти внѣшнія препятствія должны быть устраняемы законодательствомъ. Такъ въ дѣлѣ земскаго кредита главнымъ препятствіемъ было наше судопроизводство и наша банковая монополія; законодательство должно устранить эти препятствія. Кромѣ того, могутъ оказывать противодѣйствіе развитію земскаго кредита многіе законы, напримѣръ относительно залоговъ, относительно векселей, или различныхъ административныхъ преданія, имѣющія силу закона, если не юридически, то фактически; напримѣръ, относительно выпуска облигацій, приѣма вкладовъ и т. п. Законодательство должно устранить тѣ изъ этихъ законовъ, которыхъ устраненіе окажется законодательству безвреднымъ. Въ этомъ собственно заключается законодательная задача по вопросу о земскихъ банкахъ, а не въ составленіи проекта уставовъ для частныхъ обществъ. Комиссія сама очень хорошо понимала, что положеніе, ею составленное, только въ немногихъ чертахъ своихъ имѣетъ характеръ закона; главное содержаніе положенія заключается въ себѣ не предписанія закона, а указанія, имѣющія цѣлью просвѣтитъ публику, еообщить ей нужныя свѣдѣнія о поземельномъ кредитѣ. Что комиссія приняла на себя этотъ трудъ, за это публика наша можетъ только благодарить ее, но если мы не ошибаемся (такъ говорятъ *Русскій Вѣстникъ*), эта двойная забота, которую комиссія добровольно приняла на себя для лучшаго служенія дѣлу, должна была бы выразиться въ двухъ отдѣльныхъ трудахъ: въ проектѣ закона о земскихъ банкахъ и въ проектѣ образцоваго устава земскаго банка. Если мы не ошибаемся (говорить далѣе *Русскій Вѣстникъ*), ком-

комиссія затруднила себя, сливъ воедино двѣ совершенно различныя задачи, изъ которыхъ одна должна имѣть чисто-законодательное, другая—чисто литературное значеніе. Было бы гораздо легче соблюсти вѣрную границу между предписаніемъ и совѣтомъ, еслибы предписание, то есть проектъ закона, было вложено отдѣльно отъ совѣта, то-есть отъ проекта образцоваго устава. Въ сущности это двѣ вещи совершенно разнородныя. Составляя проектъ закона, комиссія работала бы по порученію правительства; составляя проектъ образцоваго устава, комиссія оказала бы добровольную услугу будущимъ обществамъ земскаго кредита. Строго раздѣливъ эти два дѣла, комиссія могла бы удобнѣе и удовлетворительнѣе исполнить и то и другое, и выработала бы законъ, заключающій въ себѣ только необходимое и отличающійся краткостью, этимъ главнымъ признакомъ хорошаго закона. Напротивъ, сливъ эти два дѣла въ одинъ проектъ положенія, который есть отчасти законъ, а отчасти не болѣе какъ обращикъ устава или нѣчто въ родѣ программы, комиссія, по мнѣнію *Вестника*, затмила свою задачу даже для самой себя, и высказала въ обязательной формѣ законодательныхъ предписаній такія правила, которыя при всей ихъ пользѣ, имѣютъ причины предписывать земскимъ банкамъ, какъ требованіе государства, и принятіе которыхъ можно было предоставить на ихъ собственный произволъ.

«Еслибы комиссія строго, и уже во внѣшней формѣ своего труда, различила двѣ стороны своего намѣренія: намѣреніе написать законъ и намѣреніе подать совѣтъ, то по всему вѣроятію, пристрастіе ея къ землевладѣльческимъ банкамъ выразилось бы только въ формѣ совѣта. Она выработала бы проектъ образцоваго устава землевладѣльческихъ товариществъ и этимъ исполнила бы все, что ей было возможно сдѣлать въ пользу той формы земскихъ банковъ, которая представлялась ей какъ наиболѣе желательная и полезная. Она заслужила бы благодарность будущихъ землевладѣльческихъ товариществъ, но не подала бы повода къ жалобамъ со стороны приверженцевъ акціонерныхъ банковъ, и не приняла бы на себя отвѣтственности передъ великимъ началомъ свободы кредита, передъ началомъ, которое она сама такъ торжественно провозгласила въ Россіи. Законъ о земскихъ банкахъ былъ бы выработанъ ею отдѣльно отъ проекта образцоваго устава, и этотъ законъ безъ всякаго сомнѣнія былъ бы равно справед-

ливъ къ землевладѣльческимъ и къ акціонернымъ банкамъ и ко всѣмъ возможнымъ формамъ смѣшенныхъ банковъ.»

Въ промежуткѣ длинныхъ цитацій нашихъ изъ статей *Русскаго Вѣстника*, мы должны просить извиненія читателей за ихъ продолжительность; но надѣемся найти оправданіе предъ ними въ томъ, что если приводимъ на ихъ память сказанное уже другими, то приводимъ то, что сказано справедливо.

Равномѣрно, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ *Русскаго Вѣстника* (кн. I, за мартъ мѣсяцъ), что расположеніе комиссіи оказать болѣе содѣйствія землевладѣльческимъ нежели акціонернымъ банкамъ, можетъ повести къ результатамъ совершенно противоположнымъ тому, чего комиссія ожидаетъ отъ землевладѣльческихъ банковъ, именно не къ пониженію, а къ возвышенію процента, платимаго заемщиками.

Между прочими соображеніями, приводимыми комиссіею по этому предмету, мы находимъ слѣдующее: «Размѣръ ходячаго процента по частнымъ кредитнымъ сдѣлкамъ, вообще у насъ весьма высокъ; посредство даже землевладѣльческихъ товариществъ, вообще содѣйствующихъ пониженію процента по ипотечнымъ ссудамъ, не общаетъ, на первое особенно время, выгодныхъ условій кредита для поземельной собственности, которая между-тѣмъ еще не привыкла извлекать свои доходы на чисто-коммерческихъ основаніяхъ, находится нынѣ, вслѣдствіе измѣненія отношеній къ рабочимъ силамъ, въ переходномъ состояніи, и, въ то же время, привыкла къ беззаботному и слишкомъ легкому пользованію кредитомъ изъ государственныхъ банковъ. Акціонерные земскіе банки, если только операціи ихъ будутъ строго обдуманы, должны для извлеченія своихъ выгодъ, возвысить процентъ своихъ ссудъ сверхъ того процента, который могъ бы состояться по кредитнымъ операціямъ, обезпеченнымъ круговою отвѣтственностью самихъ землевладѣльцевъ-заемщиковъ.»

Изъ всѣхъ соображеній, которыя можно привести противъ подобнаго заключенія комиссіи, самымъ убѣдительнымъ мы полагаемъ то, что при учрежденіи землевладѣльческихъ товариществъ, никакъ невозможно опредѣлить впередъ, даже приблизительно, процентъ, который придется на долю заемщика. Получая отъ товарищества не наличныя деньги, а ипотечныя обязательства, онъ долженъ сбыть ихъ по курсу. Землевладѣльческій банкъ будетъ, можетъ-быть, брать съ заемщика всего-на-все 6%, но эти проценты будетъ онъ брать съ на-

рицательной цѣны своихъ ипотечныхъ обязательствъ, выданныхъ заемщику, а если заемщикъ продастъ эти обязательства, положимъ, по 60 за 100, то на дѣлѣ онъ будетъ платить уже не 6, а 10 на 100.

Это соображеніе мы почитаемъ важнымъ до такой степени, что для большаго числа губерній, гдѣ нѣтъ вовсе учетныхъ средствъ, гдѣ публика незнакома съ кредитными бумагами, и, слѣдовательно, гдѣ нѣтъ живаго движенія капиталовъ, мы видимъ въ этомъ соображеніи главное препятствіе къ учрежденію землевладѣльческихъ товариществъ. Въ подобныхъ мѣстностяхъ, несмотря на то, что ипотечныя обязательства будутъ обеспечены круговою отвѣтственностью заемщиковъ, несмотря на несомнѣнную вѣрность выплатъ процентовъ на ипотечныя обязательства въ назначенные сроки, курсъ ихъ можетъ быть долгое время невыгоднымъ, а слѣдовательно и процентъ для заемщиковъ—возвышеннымъ.

Исчисляя въ объяснительной запискѣ особенныя обстоятельства, которыя могутъ у насъ не только ослабить выгодныя для народнаго хозяйства послѣдствія землевладѣльческой формы земскихъ банковъ, но даже дать преимущества акціонерной формѣ, сама коммиссія, между прочимъ, полагаетъ, что акціонерныя компаніи по своему составу и въ особенности по характеру лицъ, стоящихъ въ ихъ главѣ, обладаютъ большими способами, чѣмъ землевладѣльскія компаніи, для привлеченія къ себѣ капиталовъ и для сбыта своихъ кредитныхъ знаковъ. Независимо отъ выдачи ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, онѣ, по мнѣнію коммиссіи, могутъ заняться и другими сродственными банковыми операціями, каковы: учетъ собственныхъ и чужихъ земскихъ кредитныхъ бумагъ, учрежденіе ссудныхъ землевладѣльческихъ кассъ, также кассъ сберегательныхъ и депозитныхъ.

Говоря здѣсь о размѣрѣ процента, на который ссуды могутъ быть дѣлаемы каждою изъ обсуждаемыхъ формъ кредита, мы полагаемъ, что приведенныя сейчасъ соображенія, извлеченныя изъ записки коммиссіи, должны повести къ заключенію, что кредитъ акціонерныхъ компаній можетъ обходиться заемщикамъ дешевле чѣмъ кредитъ землевладѣльческихъ товариществъ, а не къ сдѣланному коммиссіею противному заключенію.

Послѣ всѣхъ приведенныхъ нами соображеній, нельзя не согласиться съ *Русскимъ Вѣстникомъ* въ томъ (кн. I, за мартъ мѣсяцъ), что выработанный коммиссіею проектъ положенія

имѣеть въ виду удовлетвореніе только одной изъ многихъ современныхъ потребностей нашего земскаго кредита, а именно потребности долгосрочныхъ ссудъ подъ помѣщичьи земли, а оставляетъ неудовлетворенными другія постоянныя потребности, изъ коихъ между прочимъ слѣдующіе два вида потребностей, возникающіе вслѣдствіе возбужденія крестьянскаго вопроса, указаны во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ, обнародованномъ при указѣ правительствующему сенату 1-го сентября прошлаго года, именно:

1. При постепенномъ упраздненіи обязательнаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ, встрѣтится надобность въ оборотныхъ капиталахъ.

2. Выкупъ крестьянскихъ угодій не можетъ совершиться безъ помощи кредита.

Во 2-й кн. за апрѣль мѣсяцъ *Русскій Вѣстникъ* рассматриваетъ вопросъ о кредитѣ подъ мелкіе крестьянскіе участки для ихъ выкупа. Вопроса этого мы не касаемся вовсе потому, что онъ не находится въ прямой связи съ поземельнымъ кредитомъ въ строгомъ смыслѣ этого выраженія. Ограничиваемся изъясненіемъ совершеннаго согласія съ мнѣніемъ *Вѣстника*, что вопросъ о кредитѣ есть вопросъ отдѣльный отъ крестьянскаго, вопросъ совершенно самостоятельный, какъ видно уже изъ того, что вопросъ о кредитѣ имѣеть не переходящее значеніе въ человѣческомъ обществѣ, между тѣмъ какъ крестьянскій вопросъ есть вопросъ временный, вопросъ эпохи, могущій получить окончательное разрѣшеніе въ немного лѣтъ.

За симъ, остается намъ рассмотреть надобность, предстоящую сельскому хозяйству въ оборотныхъ капиталахъ.

Приведенныя до сихъ поръ соображенія имѣли преимущественно въ виду защиту начала свободы частнаго кредита, защиту, вызванную предпочтеніемъ, оказаннымъ комиссією системъ землевладѣльческихъ товариществъ, на которыхъ она сосредоточила свои предположенія.

При защитѣ принципа, не менѣе важнымъ представлялось доказать необходимость краткосрочныхъ ссудъ, составляющихъ такъ-сказать практическую сторону вопроса. Согласно съ этимъ, рядомъ съ соображеніями о справедливости одинаковаго законодательнаго безпристрастія для акціонерныхъ банковъ и землевладѣльческихъ товариществъ, *Русскій Вѣстникъ* приводитъ доказательства нужды сельскаго хозяйства въ оборотныхъ капиталахъ, а слѣдовательно въ краткосрочныхъ ссудахъ.

*Русскій Вѣстникъ* полагаетъ (кн. 2 за мартъмѣсяць), что Россіи въ настоящую минуту нужно, чтобы помѣщики нашли себѣ оборотные капиталы, необходимые при упраздненіи обязательнаго труда, а это значить, чтобы помѣщики получили возможность находить деньги взаймы на короткіе сроки. По его мнѣнію, вслѣдствіе предпринятыхъ нынѣ реформъ, расчеты и желанія помѣщиковъ будутъ все болѣе совпадать съ интересами сельскаго хозяйства, и наиболѣе нужными, по соображеніямъ самыхъ нашихъ помѣщиковъ, окажутся тѣ ссуды, которыя наиболѣе полезны сельскому хозяйству.

Какія же ссуды, спрашиваетъ *Вѣстникъ*, полезнѣе и необходимѣе для нашего сельскаго хозяйства, долгосрочныя или кратковременныя? Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, онъ указываетъ на страны, опередившія насъ въ земледѣліи, и замѣчаетъ, въ какихъ странахъ преобладаютъ краткосрочныя затраты, а въ какихъ долгосрочныя. Упомянувъ мимоходомъ о Германіи и Франціи, *Вѣстникъ* замѣчаетъ, что въ Англіи оба вида затратъ получили широкое развитіе, и долгосрочныя, и краткосрочныя, и капиталъ, употребляемый землевладѣльцемъ, и оборотный капиталъ фермера, но тѣмъ не менѣе Англія обходится безъ землевладѣльческихъ банкозъ. Спросите, однакоже, говоритъ онъ, англійскихъ фермеровъ, могли ли бы они существовать безъ краткосрочныхъ займовъ; спросите особенно шотландскихъ сельскихъ хозяевъ, которые дѣлаютъ истинныя чудеса на своей бѣдной почвѣ,—и вы получите одинъ отвѣтъ: при теперешнемъ положеніи сельскаго хозяйства, когда ферма сдѣлалась промышленнымъ заведеніемъ, нѣтъ возможности обойтись безъ краткосрочнаго кредита. Обратитесь съ тѣмъ же вопросомъ къ Американцамъ, и вы получите отвѣтъ еще болѣе рѣшительный.

По мнѣнію *Вѣстника*, Америка вообще можетъ доставить намъ наиболѣе данныхъ для соображеній о будущихъ условіяхъ нашего сельскаго хозяйства. Какъ въ Америкѣ, такъ и у насъ рукъ мало, а земли много; поэтому какъ въ Америкѣ, такъ и у насъ главныя затраты по сельскому хозяйству должны будутъ еще долго идти не на улучшеніе почвы, а на оборотный капиталъ. Спрашивается, можно ли влагать капиталъ въ землю, можно ли предпринимать дорогія улучшенія почвы, если земля дешева? Когда хорошая земля продается на 50 руб. за десятину, можно ли тратить по 100 и по 200 руб. на десятину плохой земли, чтобы усилить ея производительность? Въ Аме-

риятъ очень хорошо понимаютъ, что это невозможно, и употребляютъ капиталы на удешевленіе труда. У насъ должно быть то же самое. Еще не скоро придетъ для большей части Европейской Россіи то время, когда будетъ выгодно затрачивать капиталъ на улучшеніе земли. Въ ближайшее время денежные средства потребуются не на основной капиталъ сельскаго хозяйства, а на оборотный, на плату рабочимъ, на улучшеніе орудій, скота, на покупку машинъ, и вотъ для какихъ затратъ будетъ нужна помощь кредита. Барыши сельско-хозяйственнаго промысла будутъ зависѣть не отъ размѣровъ запашки, не отъ средствъ положить громадныя капиталы на улучшеніе почвы, а отъ количества оборотнаго капитала и отъ средствъ временно увеличивать его сообразно потребностямъ.

Вездѣ сельское хозяйство, устроенное на денежномъ основаніи, нуждается въ значительномъ оборотномъ капиталѣ; вездѣ возможность получать краткосрочныя ссуды составляетъ необходимое условіе денежнаго сельскаго хозяйства. Но нигдѣ можетъ-быть потребность въ коротко-срочныхъ ссудахъ не будетъ такъ ощутительна какъ въ Россіи, гдѣ многія обстоятельства соединились съ тому, чтобы затруднить промышленное дѣло, гдѣ нельзя предусмотрѣть потребности завтрашняго дня, и гдѣ можно быть спокойну только въ томъ случаѣ, если имѣется въ виду надежда найти, при наступленіи непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, нужное количество денегъ займа.

Покупка улучшенныхъ орудій и машинъ, есть одна изъ настоятельныхъ потребностей сельскаго хозяйства, переходящаго отъ барщины къ вольному труду, но, при недостаткѣ денежныхъ средствъ, не многіе помѣщики будутъ въ состояніи рѣшиться на эти затраты. А между тѣмъ безъ затратъ этого рода, наше сельское хозяйство не только не можетъ выдерживать конкуренціи Сѣверной Америки на всемірномъ рынкѣ, но онѣ рѣшительно необходимы уже и для того, чтобы наше земледѣліе благополучно вышло изъ предстоящаго ему кризиса, имѣющаго послѣдовать за реформой сельскаго хозяйства. Чтобы избѣжать затрудненій, надобно заблаговременно подумать о средствахъ облегчить трудъ человѣка и замѣнить его по возможности разными орудіями и машинами.

Въ кн. I. за апрѣль мѣсяцъ, мы находимъ тѣ же мысли и сообра-

женія, только выставленные еще болѣе убѣдительно и развитыя еще болѣе подробно, — тѣ же убѣжденія о необходимости краткосрочныхъ ссудъ, когда съ отмигнутой барщины сельское хозяйство должно стать наравнѣ съ другими видами промышленности и слѣдовательно должно получить доступъ и къ правамъ другихъ видовъ промышленности на кредитъ. Мы находимъ тамъ также доказательства, что теперь нужны не искусственныя мѣры, клонящіяся къ снабженію малаго числа помѣщиковъ дешевымъ кредитомъ, а рациональныя мѣры, облегчающія успѣхи общаго благосостоянія, которое у насъ въ Россіи есть почти не что иное, какъ благосостояніе сельскихъ обывателей, — и дающія просторъ развитію всѣхъ отраслей нашей національной промышленности, между которыми первое мѣсто занимаетъ сельское хозяйство.

Въ особенности замѣчательна въ этой статьѣ оцѣнка важности законодательства. Она сдѣлана съ самой возвышенной точки зрѣнія, и вопросъ о кредитѣ выставленъ во всей его широтѣ. Тутъ признается важнымъ условіемъ успѣха при всякой законодательной мѣрѣ, чтобъ она не была совершеннымъ отрицаніемъ существующаго порядка дѣлъ. Только такую законодательную мѣру одобряетъ *Русскій Вѣстникъ* и только для такой законодательной мѣры можетъ онъ ожидать успѣха, которая примыкаетъ къ существующему и пользуется элементами, представляемыми дѣйствительностію. Онъ отвергаетъ внесеніе въ законодательство особнякомъ уставовъ для землевладѣльческихъ товариществъ. Полагая, что труды комиссіи по этой части не пропадутъ даромъ и несомнѣнно принесутъ плоды, онъ желаетъ полнаго законодательства, подъ которое подходили бы и землевладѣльческіе и акціонерныя банки, и банки, исключительно выдающіе долгосрочныя ссуды, и банки, приспособленные къ приему, вкладовъ и къ выдачѣ краткосрочныхъ ссудъ, наконецъ и банки, выдающіе ссуды исключительно помѣщикамъ, и такіе банки, которые были бы въ состояніи принимать крестьянъ въ число своихъ должниковъ, разумѣется, все это при соблюденіи вѣрности началу частнаго кредита, провозглашенному комиссіею вслѣдъ за министерствомъ финансовъ.

Отъ доказательствъ о необходимости краткосрочныхъ ссудъ и необходимости устраненія законодательныхъ и административныхъ препятствій къ учрежденію банковъ, имѣющихъ краткосрочныя ссуды въ числѣ своихъ операцій, *Русскій*



*Вѣстникъ* (кн. 2 за мартъ мѣсяць) переходитъ къ заключенію, что если эти препятствія будутъ устранены, то въ нашемъ экономическомъ быту сами собою найдутся элементы для банковъ этого рода. Онъ находитъ въ нашемъ обществѣ, съ одной стороны, привычку къ вкладамъ и потребность въ учрежденіяхъ, принимающихъ вклады, съ другой стороны, онъ видитъ въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ возникающую потребность въ краткосрочныхъ ссудахъ; далѣе замѣчаетъ онъ, что капиталы, собираемые по вкладамъ, могутъ быть раздаваемы въ ссуду не иначе какъ на короткіе сроки, и что слѣдовательно двѣ эти потребности взаимно встрѣчаются. За симъ, изъ приведенныхъ соображеній *Вѣстникъ* дѣлаетъ заключеніе, что такъ какъ сказанная встрѣча можетъ произойти не иначе какъ подъ посредствующею гарантіею акціонерныхъ банковъ, то ясно, что акціонерные банки составляютъ одну изъ настоятельнѣйшихъ потребностей нашего времени, и слѣдовательно, однимъ учрежденіемъ землевладѣльческихъ банковъ, ограничивающихся долгосрочными ссудами, не можетъ быть исполнѣн разрѣшена задача, предстоящая нашему земскому кредиту.

Заканчивая обзоріе статей *Русскаго Вѣстника* по вопросу о земскихъ банкахъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ выскажемъ мнѣніе наше на счетъ *Трудовой* Коммисіи, высочайше учрежденной для устройства земскихъ банковъ. Въ объяснительной запискѣ своей, коммиссія при соображеніяхъ о выгодахъ, какихъ ожидать можно въ Россіи отъ землевладѣльческихъ товариществъ, не упустила изъ виду и многихъ выгодъ, общаемыхъ акціонерными компаніями. За симъ, сосредоточивъ свои предположенія на землевладѣльческихъ товариществахъ, коммиссія посвятила труды свои исключительно поземельной собственности большаго размѣра, именно той самой, для которой кредитъ былъ у насъ доступнымъ до сего времени. Въ поясненіяхъ противу 1 пункта проекта положенія о земскихъ кредитныхъ обществахъ, она выразилась сама, что законоположеніе это должно разрѣшить только свою собственную спеціальную задачу: учрежденіе частныхъ земскихъ банковъ въ замѣнъ казенныхъ,—не больше и не меньше.

*Русскій Вѣстникъ*, возвышаясь надъ этою степенью кредита, даетъ ему весь просторъ, который вопросъ о кредитѣ долженъ занимать въ законодательствѣ. Онъ желаетъ не только

кредита для собственности всякаго размѣра, но въ особенности желаетъ его и для земледѣія, принимающаго только нынѣ характеръ промышленности, коего оно до сихъ поръ у насъ не имѣло. Больше того, *Русскій Вѣстникъ* не только указываетъ на необходимость акціонерныхъ банковъ въ видахъ доставленія краткосрочныхъ ссудъ тѣмъ, кои въ нихъ нуждаются, но объемя вопросъ о кредитѣ во всемъ широкомъ его значеніи, онъ вызываетъ учрежденіе земскихъ банковъ также и въ видахъ открытія вкладовъ для тѣхъ, кто, имѣя капиталы или дѣлая хотя бы незначительныя сбереженія, желаетъ передавать ихъ въ производительныя руки за соответствующій процентъ.

Статьи *Русскаго Вѣстника* имѣютъ характеръ чисто-литературный, а труды комиссій—характеръ законодательный, хотя въ формѣ совѣщательной. Весьма естественно, что литература можетъ шагать быстрѣе чѣмъ трудъ законодательный. Тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, нельзя не признавать и въ литературѣ важности голоса совѣщательнаго, въ тѣхъ особенно случаяхъ, когда она дѣлается органомъ общественныхъ нуждъ и направлена къ указанію способовъ для ихъ удовлетворенія. Мы полагаемъ, что *Русскій Вѣстникъ*, какъ литературный органъ, выполнилъ свою задачу съ успѣхомъ. Остается желать, чтобы призванные къ выполненію законодательнаго труда, признавъ важность соображеній *Вѣстника*, содѣйствовали постепенному расширенію того круга дѣйствій, который предназначали себѣ на первый разъ въ весьма тѣсныхъ границахъ, и принявъ опубликованные уже *Труды* за исходную точку для послѣдующихъ занятій, мало-по-малу дали вопросу о кредитѣ то возвышенное положеніе, которое принадлежитъ ему въ законодательствѣ между вопросами государственной важности.

## II.

Въ глазахъ нашихъ, тема, предпринятая *Русскимъ Вѣстникомъ*, въ сущности есть не что иное, какъ тема свободнаго развитія кредита на тѣхъ началахъ, какія опредѣлить могутъ самыя условія нашей экономической жизни. По мнѣнію нашему, всѣ соображенія *Вѣстника* или направлены къ тому на-

чалу, или изъ него проистекають. Нельзя было предначертать себѣ важнѣйшую задачу. Она въ особенности важна для насъ по причинѣ переходнаго положенія, въ коемъ мы находимся, ибо направление, какое дано будетъ нынѣ частному кредиту, будетъ имѣть важное вліяніе на условія нашей будущей экономической жизни. Это есть тема всѣхъ просвѣщенныхъ экономистовъ Франціи и Англіи, возстающихъ противъ централизаціи и привилегій, парализующихъ развитіе частнаго кредита. Всѣ они выставляютъ примѣромъ шотландскіе и американскіе частные банки, основанные на принципѣ свободы частнаго кредита, развившіеся при отсутствіи тѣхъ регламентацій, которыя стѣсняють кредитъ во Франціи, въ особенности.

Занимаясь съ давняго времени вопросомъ о шотландскихъ и американскихъ банкахъ, мы имѣемъ подъ рукою много матеріаловъ, къ нимъ относящихся, но имѣя въ виду напечатать отдѣльно трудъ нашъ по этому предмету, мы не станемъ распространяться здѣсь насчетъ этихъ банковъ. Скажемъ однако, что хотя результаты, пріобрѣтенные упомянутыми банками, можно назвать изумительными, но, по мнѣнію нашему, ихъ приписать должно не одной только системѣ, на которой они основаны, но и экономическимъ условіямъ быта, породившимъ самую систему банковъ, получившихъ необыкновенное развитіе въ Шотландіи и Америкѣ.

Подобно всякому учрежденію, основанному на народныхъ обычаяхъ, учрежденіе банковъ зависитъ вообще отъ среды, въ которой они назначены дѣйствовать. Итакъ вездѣ вклады капиталовъ дѣлаются согласно съ понятіями капиталистовъ, вездѣ ссуды дѣлаются полезными и производительными, смотря по наклонностямъ и характеру заемщиковъ, разумѣется сообразно съ естественными средствами страны. Согласно съ этимъ, при свободномъ развитіи кредита, въ каждой странѣ видимъ банки, приспособленные къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Хотя шотландскіе банки служатъ главнымъ двигателемъ земледѣлія въ Шотландіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ одинаковой мѣрѣ они составляютъ главную пружину всѣхъ вообще отраслей промышленности, тѣсно связанныхъ между собой. Кромѣ обыкновенныхъ операцій, свойственныхъ коммерческимъ банкамъ вообще, шотландскіе банки дѣлають ипотечныя ссуды, и ссуды краткосрочныя, не рѣдко безъ всякаго обезпеченія кромѣ личнаго довѣрія къ заемщику, а ус-

пѣшное дѣйствіе поддерживается мѣстными привычками *кредита*, перешедшими въ народный обычай, разумѣя тутъ подѣ выраженіемъ *кредитъ* взаимное довѣріе жителей другъ къ другу.

Благодаря всеобщему довѣрію и посредствомъ текущихъ счетовъ, открытыхъ почти всѣмъ жителямъ, въ распоряженіе шотландскихъ банковъ поступаютъ всѣ средства и сбереженія лежащей вокругъ ихъ мѣстности. Хотя ихъ числится не болѣе 18, но, имѣя до 400 отдѣленій, они посредствомъ ихъ проникаютъ вездѣ, гдѣ трудъ и капиталъ могутъ находить полезное употребленіе. При неограниченномъ довѣріи къ шотландскимъ банкамъ всѣхъ жителей вообще, они пользуются такимъ же довѣріемъ земледѣльцевъ. Подобно всѣмъ, эти послѣдніе предпочитаютъ банковые билеты звонкой монетѣ, и каждый почти земледѣлецъ имѣя въ одномъ изъ банковъ открытый текущій счетъ заинтересованъ обращеніемъ во вклады банка всѣхъ своихъ наличныхъ средствъ и сбереженій, потому что пользуется на нихъ процентами, разчитываемыми на самые короткіе сроки и даже по днямъ. Наконецъ, надо принять въ соображеніе и то, что нигдѣ быть-можетъ какъ въ Шотландіи и Сѣверной Америкѣ, земледѣліе не приняло характера промысла во всей силѣ этого выраженія. Въ Шотландіи самая почва земли принадлежитъ обыкновенно одному, а сельское на ней хозяйство другому лицу, интересы ихъ совершенно отдѣльны, и хозяйство ведется фермерами, какъ промыслъ, выгоды котораго соразмѣряются съ важностію оборотнаго капитала, которымъ они располагать могутъ. Понятно, что при подобныхъ обстоятельствахъ, краткосрочныя ссуды имѣютъ необыкновенную важность для сельско-хозяйственного промысла, но если предложить учрежденіе акціонерныхъ банковъ собственно въ видахъ удовлетворенія потребностямъ этого промысла, при отсутствіи другихъ обстоятельствъ, о которыхъ мы упомянули выше, и подѣ влияніемъ которыхъ банки развились въ Шотландіи, то конечно нельзя ожидать, чтобъ акціонерныя банки достигли той степени развитія, которой они достигли въ Шотландіи.

Дѣйствія шотландскихъ банковъ основаны на выпускѣ въ обращеніе собственныхъ безпроцентныхъ билетовъ и на пріемѣ частныхъ вкладовъ, на которые уплачиваются вкладчикамъ проценты (разумѣется, независимо отъ основнаго капитала, принадлежащаго каждому банку). Англійскій банкъ съ капита-

ломъ въ  $14\frac{1}{2}$  милліоновъ фунтовъ, при выпускѣ въ обращеніе безпроцентныхъ билетовъ на 20 милліоновъ фунтовъ имѣть вкладовъ не болѣе 10 милліоновъ фунтовъ, составляющихъ въ большей части резервы лондонскихъ банкировъ <sup>1</sup>. Это весьма естественно, потому что англійскій банкъ не платитъ вовсе процентовъ на вклады. Шотландскіе банки, съ капиталомъ около 10 милліоновъ фунтовъ, имѣя въ обращеніи билетовъ на 3 милліона фунтовъ, считаютъ вкладовъ до 30 милліоновъ фунтовъ, которыми распоряжаются какъ собственнымъ капиталомъ. Благодѣтельный результатъ подобной системы для жителей заключается не столько въ уплатѣ процентовъ по вкладамъ, дѣлающей изъ банковъ родъ сберегательныхъ кассъ, сколько въ направленіи къ производительному употребленію поступающихъ въ банки вкладовъ, которые иначе, оставаясь безъ употребленія, искали бы помѣщенія развѣ въ публичныхъ фондахъ. Вклады эти, будучи передаваемы посредствомъ банковъ въ руки производительныя, оживляютъ вокругъ банковъ всякаго рода промышленность, а въ томъ числѣ и сельскую, и всѣ согласны, что въ Шотландіи земледѣліе обязано большею частію улучшеніямъ, которыми страна эта сдѣлалась замѣчательна, повсемѣстному употребленію незначительныхъ капиталовъ и сбереженій, приращаемыхъ постоянно и вкладываемыхъ въ мѣстные банки, тогда какъ при отсутствіи подобныхъ мѣстныхъ банковъ, капиталы сосредоточиваются на извѣстныхъ только пунктахъ, представляющихъ имъ возможность найти употребленіе или помѣщеніе.

Нѣтъ сомнѣнія, что Россія нуждалась бы болѣе всего въ подобныхъ установленіяхъ, и что наша бы въ нихъ могучій двигатель народной промышленности. Мы полагаемъ, что подобные банки принесли бы сразу нашему земледѣлію чрезвычайную пользу, установивъ прямыя отношенія кредита не только къ поземельной собственности, но и къ сельской промышленности (о различной природѣ этихъ двухъ отношеній кредита мы говорили въ первой изъ нашихъ статей), тогда какъ доселѣ одна только поземельная собственность, и то почти только собственность большаго размѣра, пользовалась кредитомъ въ казенныхъ банкахъ.

При этомъ, однако, мы не можемъ обѣщать себѣ, отъ учреж-

<sup>1</sup> Цифры, приведенныя въ этой статьѣ, заимствованы нами изъ сочиненія *Capital, Currency, and Banking* by James Wilson Esq.

денія акціонерныхъ банковъ, результатовъ подобныхъ тѣмъ, которые даютъ имъ въ другихъ странахъ особенную важность, потому, во первыхъ, что въ экономическомъ отношеніи положеніе наше далеко еще не то, какъ въ сказанныхъ странахъ (кредита, довѣрія у насъ еще мало), а во вторыхъ и потому, что развитію циркуляціонныхъ банковъ препятствовала бы принятая у насъ монетная система, съ которою затруднительно было бы согласить выпускъ въ обращеніе безпроцентныхъ билетовъ частными банками, а ограничиваясь ссудами наличныхъ суммъ (при незначительности частныхъ вкладовъ въ особенности на первыхъ порахъ), кругъ дѣйствій акціонерныхъ банковъ былъ бы, конечно, весьма ограниченъ сравнительно съ важностью ихъ въ Шотландіи. Та же Шотландія представляетъ намъ примѣръ неуспѣха банковъ, ограничивающихся ссудами наличныхъ суммъ даже при помощи значительныхъ вкладовъ. Въ 1845 году законъ, принятый по предложенію Роберта Пила, сохраняя при существовавшихъ въ то время банкахъ право выпуска билетовъ на предъявителя, запретаъ выпускъ ихъ банкамъ, учреждаемымъ послѣ 1-го мая 1845 года. Послѣ этого запрещенія учреждено было въ 1847 году въ Шотландіи 6 подобныхъ банковъ для ссудъ подъ залогъ акцій желѣзныхъ дорогъ. Они полагали найти достаточное вознагражденіе въ разности между процентомъ, который платили по вкладамъ, и процентомъ, взимаемымъ отъ ссудъ. Хотя они не сдѣлались несостоятельными, но были закрыты въ 1854 году.

Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что намъ нѣтъ причины желать подобныхъ банковъ для Россіи? Напротивъ, намъ слѣдуетъ вызывать ихъ всѣми желаніями нашими; но намъ надо быть терпѣливыми и не обезкураживаться, еслибы развитіе ихъ не пошло такъ быстро, какъ мы бы того желали. Съ другой стороны, если во Франціи и въ Англіи продолжается еще борьба съ предрасудками по вопросу о частномъ кредитѣ, то быть-можетъ мы еще менѣе можемъ считать себя свободными отъ предрасудковъ этого рода. Между прочимъ, господствующее у насъ предубѣжденіе о необходимости денежной гарантіи для обезпеченія всѣхъ кредитныхъ оборотовъ, соотвѣтствующими капиталами (во многихъ даже случаяхъ рубль на рубль), соразмѣрными важности оборотовъ, долго еще можетъ стѣснять у насъ не только фактическое развитіе кредита,

но и даже самыя здравыя теоретическія понятія по многимъ экономическимъ вопросамъ, пока мы не убѣдимся, что хотя денежная гарантія нужна въ нѣкоторой соразмѣрности, но еще болѣе важно въ дѣлахъ экономической жизни государства строгое обезпеченіе общими государственными законами правъ собственности во всевозможныхъ ея формахъ и видахъ.

Впрочемъ, преимущества шотландскихъ банковъ можно почитать только относительными или условными, то-есть сравнивая ихъ съ кредитными установленіями Англіи и Франціи, но тѣ же шотландскіе банки, по свойственнымъ системѣ ихъ недостаткамъ, отступаютъ далеко назадъ предъ превосходствомъ американскихъ банковъ, представляющихъ идеаль частныхъ кредитныхъ установленій.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки въ 1811 году находилось 88 банковъ <sup>1</sup> съ основнымъ капиталомъ въ 42½ милліона долларовъ (около 57½ милліоновъ рублей); въ 1816 году состояло банковъ уже почти втрое, именно 246 съ капиталомъ около 90 милліоновъ долларовъ (или 121½ милл. рубля); въ 1820 году, 307 банковъ съ капиталомъ въ 101 милл. долл.; въ 1830 году банковъ 328 съ капиталомъ въ 110 милл. долларовъ. Въ послѣдующихъ годахъ число ихъ еще значительно увеличилось, несмотря на непримиримую войну, объявленную имъ въ 1837 году президентомъ Джексономъ,

<sup>1</sup> Взято изъ сочиненія г. Кокелена *Le crédit et les Banques*.

Мы не имѣемъ въ виду входить здѣсь въ подробное систематическое сравненіе системъ, на коихъ основаны шотландскіе и американскіе банки; желающимъ познакомиться съ этимъ предметомъ рекомендуемъ сочиненіе г. Карей (*Credit System in France, Great Britain and United-States* by Carey. Philadelphia, 1838.) Трудно найти сочиненіе, въ которомъ бы въ немногихъ словахъ сказано было такъ много. Въ немъ собраны самыя подробныя свѣдѣнія не только о банкахъ различныхъ системъ по важности ихъ оборотовъ, но и свѣдѣнія о сравнительной степени несостоятельности банковъ всѣхъ системъ. Выводы г. Карей доказываютъ превосходство частныхъ американскихъ банковъ предъ всякими другими. Они различествуютъ отъ шотландскихъ въ особенности системою ограниченной ответственности акціонеровъ (*limited liability*). Въ Америкѣ акціонеръ отвѣтствуетъ только приносимымъ въ товарищество денежнымъ вкладомъ; въ Шотландіи акціонеръ, на основаніи англійскаго закона, отвѣтствуетъ за товарищество всѣмъ своимъ достояніемъ. Такъ какъ сочиненіе г. Карей не есть новое, то приводимыя имъ цифры во многихъ случаяхъ можно считать измѣнившимися, но соображенія его такъ вѣрны, что часто приводятся самыми новѣйшими писателями.

такъ что, по словамъ г. Карей, въ 1838 году ихъ было 677 съ капиталомъ въ 378 милл. долл. (слишкомъ 500 милл. рублей). По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Курсель-Сенеиля (*Courcelle-Seneuil, Traité théorique et pratique des opérations de Banques*), въ 1851 году Соединенные Штаты имѣли 865 банковъ, съ основнымъ капиталомъ въ 229 милліоновъ долларъ, а въ 1854 году 1208 банковъ съ капиталомъ въ 301 милл. долларъ.

• Самыми превосходными, дѣйствующими съ одинаковою для себя и для заинтересованныхъ безопасностью, почитаются банки шести штатовъ Сѣверной Америки, называемыхъ обыкновенно Новою Англіей. Въ 1830 году въ нихъ считали 172 банка при 4.862.000 жителей, что составляетъ среднимъ числомъ одинъ банкъ на 10.825 жителей. Въ одномъ изъ сказанныхъ штатовъ, Родъ-Айландъ, находилось 47 банковъ при 97.000 жителей. Это составляетъ одинъ банкъ на каждые 2.064 жителя. Несмотря на то, и именно по этой причинѣ, потрясенія, сопровождающія коммерческіе кризисы, были тамъ менѣ чувствительны чѣмъ гдѣ-либо. Кредитъ развитъ въ широкихъ размѣрахъ, капиталовъ въ изобиліи, всѣ производительныя силы страны оживлены, и трудъ находитъ поощреніе въ вознагражденіи. По общему мнѣнію, въ матеріальномъ отношеніи жители Родъ-Айланда находятся въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Обороты не имѣютъ характера предпріятій рискованныхъ; коммерція дѣятельна, но въ предѣлахъ разсудительной воздержности, а дѣйствія и обороты банковъ прочіе чѣмъ гдѣ-либо.

Чѣмъ же объяснить изобиліе капиталовъ, которыми располагаютъ банки въ Соединенныхъ Штатахъ, странѣ новой, тогда какъ въ иныхъ странахъ, напримѣръ во Франціи, имѣвшей четырнадцать столѣтій для приращенія капиталовъ, находимъ противное? Тѣмъ вопервыхъ, что вслѣдствіе кредита, распоряженіе капиталами принадлежитъ тѣмъ, кто можетъ давать имъ полезное производительное употребленіе, и вовторыхъ тѣмъ, что, по причинѣ практическаго воспитанія Американцевъ, капиталы занимаютъ у нихъ только для производительнаго употребленія.

Обращая вниманіе на огромное число американскихъ банковъ, невольно задаешь себѣ вопросъ, какой можно предвидѣть предѣлъ возрастающей ихъ цифрѣ? Сравнивая между собою си-



стемы шотландскихъ и американскихъ банковъ, мы можемъ вывести заключеніе, служащее отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

Въ Шотландіи, потеря вкладчика, принесшаго въ банкъ положимъ 100 руб., не можетъ превышать его вклада, тогда какъ 100 руб., употребленные на покупку акціи, могутъ вовлечь въ отвѣтственность все достояніе акціонера. При подобномъ порядкѣ вещей, акціонеры ищутъ вознагражденія за рискъ, которому подвергаются, въ возвышенномъ дивидендѣ на акціи, а дивидендъ этотъ возвышается по мѣрѣ пониженія процента на вклады; слѣдовательно, шотландскіе банки платятъ отъ вкладовъ процентъ весьма умѣренный. Съ другой стороны, умѣренность процента уравнивается для вкладчиковъ отсутствіемъ риска, ибо рискъ несутъ акціонеры, и этимъ объясняется необыкновенный приливъ капиталовъ къ вкладамъ въ шотландскіе банки.

Напротивъ въ Америкѣ, тѣ же 100 руб., употребить ли ихъ на акціи банка, или положить въ банкъ изъ процентовъ въ видѣ вклада, на самый худой конецъ, не могутъ принести ихъ владельцу убытка болѣе какъ на 100 руб. Тутъ, какъ для акціонера, такъ и для капиталиста, шансы совершенно тѣ же, но при одинаковыхъ шансахъ риска капиталистъ предпочитаетъ акціи, потому что онѣ обѣщаютъ болѣе выгоды.

По различію въ отвѣтственности акціонеровъ, капиталы и сбереженіе жителей принимаютъ въ этихъ двухъ странахъ направленіе также различное. Въ Шотландіи, они поступаютъ въ банки вкладами, и касса банка играетъ тамъ роль сберегательной кассы; въ Америкѣ, напротивъ, они обращаются на акціи банковъ, или, что все равно, на основные ихъ капиталы, и слѣдовательно тамъ основной капиталъ замѣняетъ для жителей сберегательныя кассы. Прямымъ послѣдствіемъ этого должно быть, что, по мѣрѣ приращенія въ каждой странѣ капиталовъ, въ Шотландіи должны увеличиваться постоянно вклады въ банкахъ, а въ Америкѣ, напротивъ, основные ихъ капиталы. И дѣйствительно, изъ статистическихъ свѣдѣній видно, что въ Шотландіи цифра вкладовъ втрое болѣе цифры основныхъ капиталовъ, тогда какъ въ Америкѣ цифра вкладовъ составляетъ только  $\frac{1}{4}$  цифры собственного капитала банковъ. По мѣрѣ прилива капиталовъ, шотландскіе банки учреждаютъ новыя отдѣленія, но наконецъ они могутъ быть переполнены вкладами до того, что не найдутъ для нихъ употребленія на мѣстѣ, и тогда самое число банковъ и ихъ отдѣленій должно

остановиться на известной цифрѣ. Американскіе банки, за исключеніемъ немногихъ, не имѣютъ отдѣленій. Слѣдовательно, по мѣрѣ того какъ капиталы, приращающіеся въ странѣ, не находятъ возможности обратиться въ акціи тѣхъ банковъ, которые уже существуютъ, они группируются для основанія новыхъ банковъ, потому что эта часть коммерціи, по причинѣ доходности, весьма привлекательна. Изъ этого можно извлечь отвѣтъ на предложенный выше вопросъ, а именно: число американскихъ банковъ перестанетъ увеличиваться въ то время, когда барыши, приносимые имъ, перестанутъ превышать выгоды, извлекаемыя изъ другихъ коммерческихъ оборотовъ.

Изъ всего сказаннаго нами видно, что шотландскіе и американскіе банки приносятъ коммерціи и промышленности неодинаковыя выгоды. Шотландскіе банки доставляютъ обыкновенно акціонерамъ 9 процентовъ, они дѣлаютъ учеты кредитныхъ и коммерческихъ бумагъ въ соразмѣрности по 4 на 100 въ годъ; отъ ссудъ взимаютъ 5 на 100, а на вклады платятъ не болѣе 2½ процентовъ. Эта разница въ процентѣ взимаемомъ и выплачиваемомъ составляетъ значительную прибыль, раздѣляемую между акціонерами, число коихъ, а равно и ихъ фонды, весьма незначительны въ сравненіи съ числомъ вкладчиковъ и важностію капиталовъ, предоставляемыхъ вкладчиками въ распоряженіе банковъ. Изъ этого явствуетъ, что при шотландской системѣ заемщики, а слѣдовательно и промышленность, платятъ за кредитъ несравненно болѣе нежели получаютъ владельцы капиталовъ, то-есть вкладчики.

Въ Америкѣ (по крайней мѣрѣ въ шести штатахъ Новой Англіи) происходитъ противное. Издержки по управленію банковъ покрываются обыкновенно выгодами отъ выпуска въ обращеніе безпроцентныхъ билетовъ, а заемщики (слѣдовательно промышленность) платятъ за ссуды, производимыя банками, не болѣе того процента, какой получаютъ акціонеры. Тутъ посредничество банковъ между капиталомъ и промышленностію не причиняетъ издержекъ этой послѣдней. Посредничество банковъ заключается въ снятіи съ капиталистовъ неизбѣжныхъ по этому случаю заботъ и затрудненій, а также того риска, которому капиталисты могли бы подвергаться сами, при прямыхъ отдѣльныхъ сношеніяхъ съ заемщиками. Американскіе банки дѣлаютъ все это какъ бы безвозмездно. Въ этомъ состоитъ

главное преимущество ихъ предъ шотландскими банками, и трудно было бы указать на систему болѣе рациональную, болѣе справедливую и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе экономическую чѣмъ американская.

Кромѣ того, банки Соединенныхъ Штатовъ имѣютъ передъ шотландскими еще другое важное преимущество, именно преимущество необыкновенной прочности, потому что въ нихъ основные капиталы много превышаютъ вклады, тогда какъ въ шотландскихъ, напротивъ, вклады превышаютъ основные ихъ капиталы. Такъ напримѣръ, въ провинціи Rhode-Island<sup>1</sup>, когда собственные капиталы банковъ состояли изъ 6.118.000 долларовъ, вклады составляли не болѣе 861.000 долл., то-есть одну седьмую часть основныхъ капиталовъ. А изъ приведенныхъ уже нами свѣдѣній о шотландскихъ банкахъ известно, что въ нихъ вклады втрое превышаютъ собственные банковые капиталы. Эта несоразмѣрность вкладовъ составляетъ слабую сторону шотландскихъ банковъ, сторону опасную въ томъ отношеніи, что вклады могутъ быть потребованы вкладчиками въ одно время. Избытокъ своихъ вкладовъ не находящихъ употребленія на мѣстѣ, шотландскіе банки употребляютъ на покупку въ Лондонѣ публичныхъ фондовъ. Случалось уже, что необходимость заставляла реализировать эти фонды наскоро, съдовательно, съ пожертвованіями, для удовлетворенія требованій, поступавшихъ неожиданно въ большомъ числѣ въ одно время, и если шотландскіе банки не встрѣчали еще непреодолимыхъ затрудненій въ подобныхъ случаяхъ, тѣмъ не

---

<sup>1</sup> Должно замѣтить, что не во всѣхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ положеніе банковъ соответствуетъ приведенному примѣру о банкахъ въ Rhode-Island. Каждый штатъ имѣетъ различныя для банковъ постановленія, основанныя болѣе или менѣе на принципѣ свободы частнаго кредита; но замѣчательно, что въ мѣстностяхъ, гдѣ сказанному принципу дано менѣе развитія, важность основныхъ капиталовъ относительно вкладовъ уменьшается, и наоборотъ, въ мѣстахъ, гдѣ частный кредитъ не находитъ стѣсненія, основные капиталы имѣютъ перевѣсъ предъ вкладами. Не должно однако воображать, что начало свободы частнаго кредита состоитъ въ отсутствіи всякаго наблюденія за банками. Въ Америкѣ существуютъ также постановленія насчетъ банковъ, но они направлены преимущественно къ наблюденію за тѣмъ, чтобы каждый банкъ, учреждаемый вновь, имѣлъ солидный основной капиталъ, и затѣмъ не вѣтшиваются уже въ операциіи банковъ. Такъ, а не иначе понимаемъ и мы начало свободы кредита.

ментѣ, затрудненія эти могутъ случаться въ будущемъ болѣе или менѣе близкомъ.

Изъ наблюденій надъ шотландскими и американскими банками, мы можемъ вывести слѣдующія соображенія:

1. При безпрепятственномъ основаніи акціонерныхъ банковъ, учрежденіе ихъ слѣдуетъ обыкновенно той постепенности, съ какою капиталы формируются и приращаются. Самыя незначительныя сбереженія жителей могутъ способствовать успѣшному основанію банковъ, но банки не могутъ опереживать движеніе капиталовъ, потому что иначе они не имѣли бы причины существованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они весьма благоприятствуютъ приращенію капиталовъ, поощряя бережливость и одушевляя трудъ производительный. Чѣмъ болѣе они бывають разсѣяны во внутреннихъ частяхъ края, отдаленныхъ отъ главныхъ центровъ торговли, тѣмъ успѣшнѣе могутъ способствовать повсемѣстному развитію промышленности, а въ особенности сельской. Въ исключительныхъ случаяхъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ капиталы рѣдки, а требованіе на нихъ обнаруживается живое, учрежденіе банковъ можетъ опереживать естественное мѣстное ихъ движеніе переселеніемъ вѣншихъ капиталовъ.

2. Въ видахъ пріобрѣтенія большей самостоятельности, акціонерные банки должны стараться привлекать капиталы не къ вкладамъ, а къ собственному основному капиталу. Хорошо устроенный акціонерный банкъ долженъ имѣть характеръ товарищества большихъ и малыхъ капиталистовъ, соединяющихся для предпринятія общими силами такихъ дѣлъ, которыя не могутъ быть исполнены каждымъ изъ нихъ отдѣльно.

3. Такое естественное направленіе акціонерныхъ банковъ, по нашему мнѣнію, должно обнаружиться само собою, при устраненіи препятствій для ихъ учрежденія. Опасныя для нихъ значительныя вклады не будутъ накапливаться непомѣрнымъ образомъ, потому что капиталы, ищущіе помѣщенія, предпочитаютъ вкладамъ банковыя акціи; а еслибы существующіе банки не нуждались уже въ капиталахъ, то рядомъ съ прежними будутъ учреждаться новые банки по мѣрѣ приращенія капиталовъ. Такимъ образомъ, банки, не будучи отягощены вкладами и не опасаясь кризисовъ, могутъ находиться постоянно въ нормальномъ положеніи.

## III.

Отъ соображеній о шотландскихъ и американскихъ банкахъ, возвращаемся къ прямому нашему предмету о поземельномъ кредитѣ и къ статьямъ *Русскаго Вѣстника*.

Высказавъ уже, что мы раздѣляемъ вполне мнѣніе его о самой настоятельной необходимости краткосрочныхъ ссудъ, мы не можемъ умолчать и о томъ, что по первому впечатлѣнію нашему, возбужденному чтеніемъ *Русскаго Вѣстника*, намъ казалось, что предпринятая имъ тема имѣетъ характеръ антагонизма противъ долгосрочныхъ ссудъ и системы постепеннаго погашенія. На страницахъ *Русскаго Вѣстника* (кн. 2 за мартъ мѣсяцъ) мы находили:

Что не всякій можетъ-быть съ перваго раза согласится съ мыслию, что краткосрочныя ссуды нужнѣе нашимъ помѣщикамъ и полезнѣе нашему хозяйству нежели ссуды долгосрочныя;

Что деньги, занимаемыя въ казенныхъ банкахъ, шли по большей части на поѣздки за границу, на покупку мебели, экипажей, и на другіе предметы роскоши, или наконецъ, на постройку домовъ, фабрикъ и заводовъ въ деревняхъ и на покупку имѣній, городскихъ домовъ и деревень;

Что неестественное состояніе цѣнъ имѣній, дозволявшихъ ихъ покупку на суммы, занятыя въ банкахъ, зависѣло отъ случайныхъ обстоятельствъ нашего быта, которыя тѣмъ быстрѣе будутъ исчезать, чѣмъ успѣшнѣе будемъ мы идти по пути реформъ, а слѣдовательно можно навѣрное предсказывать, что по прошествіи нѣкотораго времени сдѣлается, наконецъ, невыгодно занимать деньги для покупки поземельной собственности;

Что долгосрочныя ссуды въ настоящее время не согласны съ интересами помѣщиковъ;

Что если можно будетъ закладывать имѣнія, чтобы заводить фабрики, приносящія еще хорошій доходъ, то съ теченіемъ времени, по всему вѣроятію, все рѣже и рѣже будутъ встрѣчаться случаи залога имѣній съ цѣлю заведенія фабрикъ; наконецъ,

Что по предложенному себѣ вопросу, какия ссуды полезнѣе и необходимѣе для нашего сельскаго хозяйства, долгосрочныя или краткосрочныя, — *Русскій Вѣстникъ* находитъ отвѣтъ въ пользу послѣднихъ въ странахъ, опередившихъ насъ въ земледѣліи, именно Шотландіи и Америкѣ, которыя при теперешнемъ положеніи сельскаго хозяйства, когда ферма сдѣлалась промышленнымъ заведеніемъ, не имѣютъ возможности обойтись безъ кратковременнаго кредита.

Когда мы читали все это въ первый разъ, въ одно время съ убѣжденіями о настоятельной у насъ необходимости краткосрочныхъ ссудъ, намъ казалось, что мы читаемъ приговоръ противъ долгосрочныхъ ссудъ и системы постепеннаго погашенія. Это поразило насъ такъ живо, что сразу мы рѣшились-было взять на себя защиту атакованной системы и предприняли было доказывать:

Что сужденія *Русскаго Вѣстника* имѣютъ характеръ нѣсколько исключительный;

Что необходимость краткосрочныхъ ссудъ хотя и неоспорима, но не должна опровергать пользу системы противоположной;

Что хотя справедливо, что суммы, получавшіяся изъ банковъ, растрачивались иногда на предметы роскоши, слѣдовательно безъ пользы, но за всѣмъ тѣмъ, при всей справедливости указаній на употребленіе во зло благодѣтельной во многихъ отношеніяхъ системы долгосрочныхъ ссудъ, соединенной съ постепеннымъ погашеніемъ, фактъ этотъ должно оцѣнять какъ злоупотребленіе и исключеніе изъ общаго правила, не принимая его за указателя бесполезности самой системы, а еще менѣе за причину отвергнуть всю систему, подобно тому, какъ употребленіе во зло всякой мѣры и всякаго учрежденія не должно служить указаніемъ ихъ бесполезности, ниже поводомъ къ ихъ отверженію, если онѣ сами по себѣ полезны;

Что ничто не препятствуетъ помѣщикамъ употреблять долгосрочныя ссуды на улучшеніе земледѣлія, и что выплата ихъ, будучи облегчена постепеннымъ погашеніемъ, должна обратиться въ пользу земледѣлія, а самые капиталы, несмотря на скорость ихъ оборота и возможность возврата въ банки, оставаясь дольше въ рукахъ производительныхъ, могутъ приносить пользу и государству, и тѣмъ, въ рукахъ которыхъ дольше будутъ оставаться;

Что при естественномъ разнообразіи свойствъ почвы

въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, ссуды могутъ быть нужны не для одного только оборотнаго капитала, назначеннаго для возвышенія земледѣлія, а не рѣдко потребуются и для основнаго капитала;

Что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ нынѣ вовсе нѣтъ принадлежащаго имъ хозяйства, а доходъ состоитъ исключительно изъ оброка, послѣ выдѣла крестьянамъ усадебъ и участковъ помѣщики найдутся въ необходимости образовать сельское хозяйство на остающихся угодьяхъ; и что нужны для сего издержки, какъ по характеру своему, такъ и по размѣрамъ, вызовутъ необходимость долгосрочныхъ ссудъ съ постепеннымъ погашеніемъ;

Что если неоспоримо, что система краткосрочныхъ ссудъ нужна для воздвиженія будущаго экономическаго быта нашего, то другая система нужна для поддержанія теперешняго быта;

Что начало раздѣленія поземельной собственности, развиваясь въ различныхъ странахъ подъ вліяніемъ различныхъ условий, свойственныхъ каждой странѣ, выражается окончательно различнымъ положеніемъ этой собственности; что, согласно съ нимъ, сказанное раздѣленіе выразилось у насъ несходно съ раздѣленіемъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ господствуетъ система краткосрочныхъ ссудъ. У насъ взяли верхъ большіе размѣры поземельной собственности, а въ Шотландіи и Соединенныхъ Штатахъ—размѣры малые, также система фермъ, коихъ у насъ нѣтъ;

Что это самое различіе указываетъ на необходимость для насъ долгосрочныхъ ссудъ, болѣе свойственныхъ собственности большаго размѣра, тогда какъ краткосрочныя ссуды соответствуютъ потребностямъ фермъ и тому улучшенному земледѣлію, котораго у насъ еще нѣтъ;

Что хотя мы вызываемъ всѣми желаніями нашими тѣ улучшения сельскаго хозяйства, которыя требуютъ краткосрочныхъ ссудъ, но они у насъ еще впереди, а пока мы имѣемъ на лицо бремя обязательствъ, лежащее на поземельной собственности, для поднятія коего нужна система постепеннаго погашенія;

Что какъ долгосрочныя, такъ и краткосрочныя ссуды могутъ быть полезны вездѣ, а въ Россіи и тѣ и другія необходимы: послѣднія по неоспоримымъ доказательствамъ, приводимымъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, первая потому, что у насъ только малая

часть помѣщичьихъ имѣній свободна отъ долговъ, уплата которыхъ облегчается системой постепеннаго погашенія, а следовательно долгосрочными ссудами;

Что невозможно исчислить всѣ случаи, въ которыхъ поземельная собственность можетъ встрѣчать необходимость въ долгосрочныхъ ссудахъ; но такъ какъ случаи эти возникаютъ изъ самыхъ правъ собственности и нераздѣльны съ ними, то нѣтъ причины полагать, что будущее поколѣніе, освободясь даже отъ бремени теперешнихъ долговъ, не встрѣтитъ въ свою очередь необходимости въ долгосрочныхъ ссудахъ; наконецъ,

Что по всѣмъ прописаннымъ соображеніямъ нѣтъ причины приносить систему долгосрочныхъ ссудъ какъ бы въ жертву системѣ противной, когда обѣ онѣ, общая быть полезными, могутъ идти вмѣстѣ рядомъ.

Приступая къ развитію этихъ соображеній, мы вынуждены были прочесть вторично все, что было писано въ *Русскомъ Вѣстникѣ* о земскихъ банкахъ, прочли и третій разъ еще съ большимъ вниманіемъ, и послѣ этого рѣшительно отказались отъ предположенія отстаивать систему долгосрочныхъ ссудъ, не потому чтобъ она потеряла въ нашихъ глазахъ первую свою важность, а потому, что въ соображеніяхъ *Вѣстника* не находили уже того антагонизма, который при первомъ впечатлѣніи поселялъ въ насъ намѣреніе защищать долгосрочныя ссуды. Осталась только въ глазахъ нашихъ одна обманчивая форма антагонизма, введшая насъ въ заблужденіе.

Итакъ, не только комиссія, но и *Русскій Вѣстникъ* признаютъ несомнѣнными достоинства и той и другой формы кредита. Комиссія, выразившись преимущественно за землевладѣльческіе банки, выставляла не только все то, что можетъ говорить прямо въ ихъ пользу, но вмѣстѣ съ тѣмъ приводила и неудобную сторону акціонерныхъ банковъ. Не естественно ли, что и *Русскій Вѣстникъ* выставилъ въ свою очередь рядомъ съ преимуществами акціонерныхъ банковъ слабую сторону землевладѣльческихъ, а также нераздѣльныхъ съ ними долгосрочныхъ ссудъ? Но такъ какъ всѣ соображенія *Русскаго Вѣстника* основаны на началѣ свободы частнаго кредита, допускающаго всевозможныя его формы, какія сами собою возникнуть могутъ изъ условій экономической жизни, то не очевидно ли, что тутъ нѣтъ вовсе мѣста для антагонизма?

Имѣя въ виду двѣ формы кредита, комиссія склонилась къ одной изъ нихъ. *Русскій Вѣстникъ*, принимая защиту другой



формы, имѣлъ вѣроятно въ виду не что иное, какъ открыть той и другой формѣ пути безпрепятственнаго развитія, при одинаковой ихъ въ глазахъ закона важности. Чѣмъ болѣе мы считываемся въ статьи *Вѣстника*, тѣмъ сильнѣе въ этомъ убѣждаемся, а еслибы кто-либо сомнѣвался въ томъ подобно тому, какъ мы сомнѣвались, то слѣдующія слова *Русскаго Вѣстника* должны убѣдить всякаго, какъ они убѣдили окончательно насъ (стр. 83, кн. I за мартъ мѣсяцъ): «Читатель видитъ, что теоретическое разногласіе наше съ комиссіей очень незначительно. Какъ комиссія, такъ и мы признаемъ несомнѣнныя достоинства и той и другой формы земскаго кредита»; и въ другомъ мѣстѣ (стр. 81, той же кн.): «Комиссія предполагаетъ, что акціонерныя компаніи могутъ, своимъ антагонизмомъ, воспрепятствовать образованію землевладѣльческихъ банковъ. Признаемся, что это для насъ не совсѣмъ понятно. Одно изъ двухъ, акціонерныя банки могутъ давать заемщикамъ или слишкомъ дешевый, или слишкомъ дорогой кредитъ. Если акціонерныя банки будутъ давать заемщикамъ слишкомъ дешевый кредитъ, то это должно быть согласно съ желаніями комиссіи, но этого комиссія не предполагаетъ, потому что она опасается именно противнаго, то-есть слишкомъ дорогаго кредита. Если же акціонерныя банки будутъ продавать свои услуги слишкомъ дорого, то тѣмъ легче будетъ образоваться землевладѣльческимъ банкамъ. Мы предполагаемъ, что акціонерныя банки не будутъ пользоваться никакими преимуществами передъ землевладѣльческими банками. Если же такъ, то антагонизмъ, возникающій на основаніи свободы, будетъ не что иное, какъ конкуренція, а конкуренція между банками можетъ вести только къ благимъ результатамъ, къ большей дѣятельности ихъ и къ удешевленію оказываемой ими услуги. Бояться такого антагонизма значить не довѣрять началу свободы. Устранять этотъ антагонизмъ значить покровительствовать и регламентировать.»

Кромѣ собственнаго нашего заблужденія, намъ неоднократно случалось слышать и другихъ упрекающихъ *Русскій Вѣстникъ* въ антагонизмъ его противъ долгосрочныхъ ссудъ, но мы полагаемъ, что, послѣ столь-положительныхъ словъ его, никакой упрекъ этого рода не можетъ быть справедливымъ: тамъ гдѣ допускается конкуренція двухъ системъ, можетъ ли имѣть мѣсто антагонизмъ противъ одной изъ нихъ? Сознаваясь, какое было первое впечатлѣніе наше, мы дѣлаемъ

здѣсь это сознаніе для того, чтобы предохранить другихъ отъ подобнаго поспѣшнаго сужденія.

Затѣмъ, мы только въ одномъ не можемъ согласиться съ *Русскимъ Вѣстникомъ* по предмету краткосрочныхъ ссудъ, именно въ томъ, что ссуды на срокъ отъ трехъ до шести мѣсяцевъ могутъ быть удобны для нашего сельскаго хозяйства. Мы согласны, что для хозяйства деньги могутъ быть особенно нужны между лѣтними и зимними мѣсяцами, но частое возобновленіе краткосрочныхъ ссудъ сопряжено было бы у насъ съ такимъ затрудненіемъ для землевладельца, что бы-можетъ онъ не нашелъ бы въ самыхъ ссудахъ соответствующихъ выгодъ. Главное состоитъ въ потерѣ времени, которое для хозяина дороже всего. Подобные сокращенные сроки могутъ быть удобны въ Шотландіи и въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ банки очень многочисленны, и гдѣ каждый земледѣлецъ разчитываетъ на банкъ, какъ на хорошаго сосѣда, но по мѣрѣ отдаленности банковъ (которую надо предвидѣть у насъ), потеря времени и сопряженные съ нею затрудненія конечно возрастаютъ.

Теперь мы приведемъ собственно наши соображенія, по нѣкоторымъ предметамъ *Трудовой* комиссіи, высочайше учрежденной для устройства земскихъ банковъ, не упоминаемымъ въ статьяхъ *Русскаго Вѣстника*.

1. Комиссія полагаетъ, что возникновеніе земскихъ банковъ въ формѣ акціонерной если и возможно въ столицахъ, то въ большей части имперіи сомнительно (стр. LX. объяснит. запис.).

Намъ кажется, что напротивъ акціонерные банки могли бы быть учреждены вездѣ, гдѣ извѣстны деньги, слѣдовательно повсемѣстно, тогда какъ землевладельческія товарищества требуютъ нѣкоторыхъ условій, которыя найдутся только въ немногихъ мѣстностяхъ государства. Они требуютъ сосредоточенныхъ капиталовъ, готовыхъ отвѣчать всякому выгодному для нихъ предложенію, а также хотя нѣкотораго навыка къ кредитнымъ бумагамъ и учетнымъ операціямъ. Безъ этихъ условій нельзя предвидѣть выгоднаго обращенія ипотечныхъ обязательствъ, которыми землевладельческія товарищества дѣлаютъ обыкновенно ссуды. Правда, что безъ этихъ условій и акціонерные банки должны отказаться отъ выпуска своихъ обязательствъ, и слѣдовательно дѣйствія ихъ, ограничиваясь лишь ссудами наличныхъ суммъ, не могутъ принять такихъ обширныхъ

размѣровъ, какъ въ мѣстахъ, благопріятствующихъ обращенію обязательствъ; но при всемъ томъ, нельзя отвергнуть возможности существованія подобныхъ банковъ, и даже нѣкоторой пользы ихъ для поземельной собственности, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣйствія землевладѣльческихъ товариществъ, безъ условій, выгодныхъ для обращенія обязательствъ, были бы парализованы сразу <sup>1</sup>. А если предположить, что общество землевладѣльцевъ пожелало бы производить ссуды наличными деньгами, принсканными у отдаленныхъ капиталистовъ, то не вѣроятно ли, что послѣдніе скорѣе предпочтутъ учредить сами акціонерные банки, оставляя капиталы въ своемъ управленіи, нежели отдавать ихъ землевладѣльческимъ товариществамъ? Если по этому вопросу трудно дать отвѣтъ вполне опредѣленный, то по крайней мѣрѣ можно предположить не безъ нѣкотораго основанія, что капиталы скорѣе согласятся на переселеніе изъ мѣсть, въ коихъ изобилуютъ, въ мѣстности, гдѣ ихъ нѣтъ, хотя бы самыя отдаленныя, съ условіемъ основать акціонерные банки, управляемые самими владѣльцами капиталовъ, нежели на отдачу ихъ отдаленнымъ землевладѣльческимъ товариществамъ, на сроки болѣе или менѣе продолжительныя.

Наконецъ, если предположить учрежденіе банковъ на совмѣстномъ участіи землевладѣльцевъ и акціонеровъ, учрежденіе, имѣющее цѣлю привлечь къ себѣ столько же громадные капиталы, какъ и незначительныя сбереженія мѣстныхъ жителей, то можно предположить, что пока подобные банки пріобрѣтутъ довѣріе публики, нужное для покупки ихъ акцій, она могутъ остаться долгое время безъ основныхъ капиталовъ и безъ вкладовъ.

Если все сказанное выше справедливо, то не слѣдуетъ ли заключать, что если не въ  $\frac{1}{10}$  частяхъ Россіи, то по крайней мѣрѣ въ большей части государства, одни только земскіе банки, учрежденные капиталистами, могутъ пока имѣть шансъ успѣха? Мы сказали: пока, потому что говоримъ только о теперешнемъ времени; но мы шагаемъ во всемъ такъ быстро, что быть-можетъ

---

<sup>1</sup> Нѣкоторые ожидаютъ прилива заграничныхъ капиталовъ къ ипотечнымъ обязательствамъ нашихъ земскихъ банковъ. Не отвергая возможности этого, мы думаемъ, что, для того чтобы заграничные капиталы искали помѣщенія въ нашихъ ипотечныхъ обязательствахъ, нужно прежде всего, чтобы эти обязательства имѣли выгодный курсъ на нашихъ кредитныхъ рынкахъ.

достаточно было бы немного-лѣтняго существованія земскихъ банковъ, учрежденныхъ капиталистами, чтобы познать съ ходомъ поземельнаго кредита всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ, и приготовить публику къ основанію общества землеладельцевъ-заемщиковъ въ тѣхъ многихъ мѣстахъ, въ которыхъ учрежденіе ихъ нынѣ было бы рѣшительно невозможно.

2. Въ видѣ переходной мѣры къ новой системѣ кредита, комиссія предлагаетъ открытіе земскихъ кредитныхъ отдѣленій, при приказахъ общественнаго призрѣнія. Въ проектѣ комиссія по сему предмету сказано (стр. LXXVI и слѣд.):

«Ссуды производятся закладными листами, выпускаемыми въ обращеніе земскимъ кредитнымъ отдѣленіемъ; при чемъ правительство, посредствомъ ближайшаго наблюденія за операціями отдѣленія, обезпечиваетъ исправную уплату процентовъ владельцамъ закладныхъ листовъ, и своевременный выкупъ оныхъ изъ обращенія.

«Когда сумма всѣхъ выданныхъ земскимъ кредитнымъ отдѣленіемъ ссудъ простирается на одинъ миллионъ рублей, то обращеніе отдѣленія въ земское кредитное общество дѣлается обязательнымъ.

«Съ обращеніемъ земскаго кредитнаго отдѣленія въ земское кредитное общество прекращается обезпеченіе со стороны правительства по выпускаемымъ имъ вновь закладнымъ листамъ.»

Весьма естественно, что важность кредитнаго установленія, учрежденнаго собственно для производства ссудъ, измѣряется цифрою послѣднихъ; но можно ли сказать то же самое относительно его солидности? Если, наприимѣръ, одно земское кредитное отдѣленіе выдало ссудъ на миллионъ рублей, а другое только на полмилліона, то можно ли признать за первымъ болѣе самостоятельности нежели за послѣднимъ и, основываясь на этомъ, прекратить обезпеченіе правительства по новымъ закладнымъ листамъ перваго, сохранивъ таковое листамъ втораго лишь по уваженію къ низшей цифрѣ его ссудъ?

Мы полагаемъ болѣе справедливымъ принять за мѣру необходимой въ семъ случаѣ гарантіи солидности общества и выплатъ, лежащихъ на немъ, цифру резервнаго капитала, нужную для покрытія недоимокъ съ заемщиковъ, издержекъ по управленію и для другихъ непредвидѣнныхъ расходовъ, и сообразно съ тѣмъ опредѣлять то отношеніе между цифрою ре-

зервнаго капитала и цифрой ссудъ, при которомъ обезпеченіе правительства по закладнымъ листамъ, выпускаемымъ вновь, можетъ быть прекращено безъ опасенія всякаго потрясенія для кредитнаго установленія.

3. Пунктъ 6-й проекта положенія о земскихъ кредитныхъ обществахъ, заготовленнаго комиссіей, изложенъ слѣдующимъ образомъ:

«Каждый членъ земскаго кредитнаго общества отвѣтствуетъ заложеннымъ своимъ имуществомъ по всѣмъ обязательствамъ, заключеннымъ отъ имени общества, и участвуетъ въ правахъ собственности на все достояніе общества, его капиталы и прибыли. Степень отвѣтственности каждаго члена по дѣламъ общества и степень участія его въ общественномъ имуществѣ соразмѣряются величиной той суммы, которую онъ обществу долженъ, и которая еще не погашена.»

Къ этому пункту прибавлено слѣдующее примѣчаніе: «Выраженное здѣсь начало принято всѣми земскими кредитными обществами. Иначе, должники исправные или уплатившіе свои долги впередъ, по частямъ, были бы въ менѣе-выгодномъ положеніи чѣмъ неисправные.»

Въ III отдѣлѣ нашихъ прошлогоднихъ статей, мы изложили по этому предмету мнѣніе, несогласное съ заключеніемъ комиссіи.

Въ пунктѣ 9-мъ мы сказали, что заложенное имущество отвѣтствуетъ по всѣмъ обязательствамъ, заключеннымъ обществомъ, въ соразмѣрности всей ссуды, сдѣланной подъ имущество, а въ пунктѣ 10-мъ пояснили, что, какъ нѣкоторые полагаютъ, круговая отвѣтственность должна быть соразмѣрна не всей ссудѣ, а той части ссуды, которая остается невыплаченною; но что первое кажется намъ болѣе рациональнымъ, по тому что, такъ какъ въ естественномъ порядкѣ вещей отвѣтственность можетъ возникать только по дѣламъ прошедшаго, а не будущаго времени, то она и должна упадать на заемщиковъ въ соразмѣрности прошлаго, а не будущаго участія ихъ въ дѣлахъ общества. Къ тому же, такъ какъ выгоды дѣлятся соразмѣрно всей ссудѣ, то и убытки должны слѣдовать тому же правилу.

Мы не предвидѣли и не предвидимъ нынѣ случая, въ коемъ степень участія каждаго члена въ общественномъ имуществѣ (то-есть въ выгодахъ) могла бы соразмѣряться суммѣ, которая еще не погашена. Мы не предвидимъ участія членовъ въ выгодахъ при ликвидаціи дѣлъ прежде выполненія принятыхъ обществомъ обязательствъ, потому что она должна бы быть вызвана

развѣ только неблагопріятными обстоятельствами, при которыхъ нельзя полагать дѣлежа выгодъ; также не можемъ предполагать участія въ выгодахъ тѣхъ членовъ, которые исключаются изъ общества вслѣдствіе преждевременной уплаты всего займа, потому что они не только не допускаются къ выгодамъ, а напротивъ, съ нихъ обыкновенно взимается извѣстный процентъ отъ займа за преждевременное освобожденіе отъ круговой ответственности. Слѣдовательно, по мнѣнію нашему, на практикѣ, участіе членовъ въ выгодахъ можетъ имѣть мѣсто развѣ въ двухъ слѣдующихъ случаяхъ:

а) Если выпускъ ипотечныхъ обязательствъ сдѣланъ былъ обществомъ въ одинъ только срокъ, то при развязкѣ общества послѣ выкупа всѣхъ его обязательствъ; или

б) Если выпускъ производился періодически, то послѣ выкупа обязательствъ каждаго періода.

Для должниковъ, которые уплатятъ свои долги впередъ, по частямъ, и о которыхъ упоминаетъ комиссія, мы не дѣлаемъ особой категоріи, ибо они подходятъ подъ одинъ изъ означенныхъ двухъ случаевъ. Между тѣмъ, въ каждомъ изъ этихъ случаевъ выгоды не могутъ быть раздѣляемы въ соразмѣрности той суммы, какая еще не погашена, потому что тутъ весь долгъ полагается уже выплаченнымъ. Слѣдовательно, для опредѣленія соразмѣрности выгодъ остается одна лишь цифра первоначальнаго займа. Сообразно съ этимъ, мы сказали, что выгоды дѣлятся соразмѣрно всей ссудѣ и къ тому же правилу подвели соразмѣрность ответственности.

Мы имѣемъ подъ рукою законъ 1825 года, служащій статутомъ земскому кредитному обществу Царства Польскаго, и находимъ въ немъ (§ 23), что круговая ответственность соразмѣрна ежегоднымъ взносамъ, опредѣленнымъ съ заемщиковъ, а вѣдь это все равно, что цифра начальнаго займа. Впрочемъ, мы не приписываемъ этому предмету большой практической важности, и если о немъ упомянули, то собственно для того, чтобы познать читателей съ соображеніями, которыя побудили насъ изложить въ III отдѣлѣ мнѣніе, оказывающееся нынѣ несогласнымъ съ заключеніемъ комиссіи.

4. Въ объясненіяхъ противъ 12-го пункта проекта положенія сказано между прочимъ, что почти во всѣхъ земскихъ кредитныхъ обществахъ (также остзейскихъ и польскихъ), существуетъ, между прочими мѣрами взыскапія, право владѣльцевъ закладныхъ листовъ, при неисправности общества,

на ввѣдъ ихъ, чрезъ полицію, во владѣніе каждымъ заложенымъ въ обществѣ имуществомъ, по ихъ выбору.

При просвѣщенномъ взглядѣ своемъ на предметъ, комиссія отвергла подобное правило. Мы же полагаемъ, что въ редакцію мнѣнія комиссіи относительно общества польскаго вкрадась вѣроятно ошибка, потому что можемъ утверждать самымъ положительнымъ образомъ, что упомянутого правила въ Царствѣ Польскомъ рѣшительно нѣтъ и никогда не существовало.

5. Въ 15-мъ пунктѣ проекта положенія сказано: «Для открытія дѣйствій земскихъ кредитныхъ обществъ не требуется составленія наличнаго (основнаго или запаснаго) капитала. Въ продолженіи же своихъ дѣйствій, общество можетъ постепенно накоплять резервный фондъ изъ погасительныхъ взносовъ членовъ, также изъ разныхъ побочныхъ прибылей.»

Мы полагаемъ, что каждому земскому кредитному обществу резервный капиталъ необходимъ при самомъ его открытіи не только на расходы по управленію, для которыхъ комиссія полагаетъ возможнымъ ссуду изъ казны въ теченіи перваго года (пунктъ 16 проекта), но и на покрытіе недоимокъ. Недоимки съ заемщиковъ, также льготы, то-есть отсрочки выплатъ по разнымъ случаямъ въ кредитномъ обществѣ неизбежны, и безъ резервнаго капитала для временнаго ихъ пополненія общество на самыхъ первыхъ порахъ своего учрежденія встрѣтило бы затрудненіе въ принятыхъ на себя выплатахъ въ назначенные сроки, а эти затрудненія съ перваго раза ослабили бы довѣріе къ обществу всѣхъ заинтересованныхъ въ поземельномъ кредитѣ, то-есть какъ владѣльцевъ ипотечныхъ обязательствъ, такъ и самыхъ землевладѣльцевъ. По этому предмету мы объяснились подробно въ III отдѣлѣ, на который здѣсь сосылаемся (пунктъ 96).

6. Въ пунктѣ 42 проекта положенія сказано: «Еслибы кто изъ должниковъ или членовъ общества оказался неисправнымъ во вносѣ слѣдующихъ съ него въ кассу банка ежегодныхъ платежей, то общество покрываетъ недоимку, и удовлетворяетъ процентами владѣльцевъ закладныхъ листовъ насчетъ своихъ запасныхъ денежныхъ средствъ. Въ случаѣ же когда такихъ средствъ нѣтъ въ наличности, взысканіе всей недостающей суммы обращается на заложенные имущества всѣхъ членовъ общества, соразмѣрно величинѣ капитала, состоящаго въ долгу на каждомъ изъ нихъ.»

По нашему мнѣнію, это значило бы прибѣгать къ круговой ответственности каждый разъ, какъ случится недоимка. Но это значило бы подвергать расчеты всѣхъ заемщиковъ съ обществомъ большой неопредѣлительности. Подобная неопредѣлительность, дѣлая условія займовъ непостоянными и неизвѣстными, удалила бы помѣщиковъ отъ принятія ссудъ. Поэтому-то резервный капиталъ нуженъ обществу, и онъ необходимъ не только для выплаты процентовъ по закладнымъ листамъ, какъ сказано въ 42 пунктѣ проекта положенія, но и для срочнаго выкупа закладныхъ листовъ по тиражамъ. Кроме того, предполагаемое комиссіей обращеніе недоимки на всѣ заложенные имущества влекло бы за собою отсрочку выплатъ, лежащихъ на обществѣ. По нашему мнѣнію, подобныхъ отсрочекъ предполагать не слѣдуетъ; иначе нельзя ожидать прилива капиталовъ къ закладнымъ листамъ; одной вѣрной ипотеки для этого недостаточно, а необходимо, чтобы при вѣрной ипотекѣ была еще и увѣренность въ самой безотлагательной выплатѣ въ срокъ всѣхъ обязательствъ, лежащихъ на обществѣ.

7. Въ поясненіяхъ къ 16-му пункту проекта положенія сказано между прочимъ, что земское кредитное общество Царства Польскаго получило слѣдующія вспомошествованія:

1) По уставу 1825 года (ст. 31), правительство взяло на себя содержаніе: предсѣдателя главнаго правленія, предсѣдателя комитета закладныхъ листовъ и канцеляріи этого комитета, въ случаѣ надобности, всѣ расходы на заготовленіе закладныхъ листовъ и на управленіе. Вслѣдствіе развитія денежныхъ средствъ общества, это постановленіе измѣнено положеніемъ 1853 года (ст. 4).

2) По положенію 1853 года<sup>1</sup> (ст. 28 и 20) открыть обществу *кредитъ* изъ польскаго банка подъ обезпеченіемъ казны Царства, для обмѣна и *погашенія* закладныхъ листовъ перваго выпуска.

Мы замѣтимъ здѣсь, что тутъ не упомянуто комиссіей о самомъ важномъ содѣйствіи правительства, оказанномъ земскому кредитному обществу Царства Польскаго, при его учрежденіи, именно о томъ, что уставомъ 1825 года (ст. 130) правительство обезпечило общество собственнымъ неограничен-

<sup>1</sup> Вѣроятно, тутъ въ *Трудахъ* Комиссіи вкралась опечатка; слѣдовало напечатать: ст. 28 и 29.



нымъ кредитомъ для пополненія всѣхъ недоимокъ съ заемщиковъ. О важности этого содѣйствія мы говорили подробно въ IV отдѣлѣ нашихъ прошлогоднихъ статей, на который здѣсь ссылаемся. Кредитъ въ подобныхъ размѣрахъ вполне удовлетворилъ всѣмъ тѣмъ потребностямъ общества, которыя дѣлаютъ необходимымъ резервный капиталъ. Онъ замѣнилъ его вполне и вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ лучшею гарантіей всѣхъ выплатъ общества.

Что же касается показанія, будто положеніе 1838 года открыло обществу *кредитъ* изъ польскаго банка для обмѣна и *погашенія* закладныхъ листовъ перваго выпуска, то мы полагаемъ, что эта операція причислена комиссіей къ мѣрамъ вспоможенія развѣ по недоразумѣнію, потому что самая эта операція по природѣ своей не требовала вспомогательнаго кредита. Она состояла не *въ погашеніи*, какъ сказано комиссіей, закладныхъ листовъ перваго выпуска, а только въ вызовѣ изъ обращенія извѣстнаго ихъ числа, посредствомъ добровольной ихъ замѣны на закладные листы втораго періода.

Обстоятельство это поясняется слѣдующими соображеніями: Положеніе 1838 года, установляя второй выпускъ закладныхъ листовъ, дозволило заемщикамъ, причисленнымъ къ кредитному обществу при первомъ выпускѣ, возобновить сдѣланные ими первоначально займы. Если, напримѣръ, при первомъ выпускѣ сдѣлана была ссуда 30.000 руб. и заемщикъ уплатилъ уже въ счетъ капитальной суммы 17.000 руб., и слѣдовательно за нимъ оставалось еще 13.000, то въ 1838 году, при второмъ выпускѣ, ему дозволялось сдѣлать опять заемъ въ 17.000, который въ совокупности съ частію прежняго займа, еще не погашенною, то-есть 13.000, составлялъ 30.000 руб., цифру, равную первоначальному займу, состоявшемуся при выпускѣ закладныхъ листовъ перваго періода. Это названо было *возобновленіемъ* займа.

Само собой разумѣется, что въ этомъ случаѣ заемщикъ, возобновлявшій свой заемъ, получалъ сумму 17.000 въ закладныхъ листахъ втораго періода. При подобномъ положеніи дѣлъ, общій долгъ заемщика выражался закладными листами, принадлежащими отчасти первому, а отчасти второму періоду. Это давало бы поводъ къ сложнымъ, двойнымъ разчетамъ, по каждой части займа особо; при томъ же и имущество заемщика становилось бы залогомъ по двумъ отдѣльнымъ займамъ, сдѣланнымъ въ каждомъ изъ двухъ періодовъ, а этимъ было бы затруднено от-

дѣльное означеніе займовъ по ипотечнымъ книгамъ; наконецъ дѣлалась затруднительною и круговая отвѣтственность одного нераздѣльнаго имущества по двумъ займамъ, принадлежащимъ отдѣльнымъ періодамъ.

Для устраненія всѣхъ этихъ затрудненій постановлено весь долгъ 30.000 считать принадлежащимъ второму періоду; все имущество, обезпечивающее 30.000, причислить къ имуществамъ, обязаннымъ круговою отвѣтственностію по второму періоду; а не уплаченную часть первоначальнаго займа, 13.000, исключить изъ ипотечныхъ книгъ, вписавъ въ нихъ новаго долга 30.000.

Мѣра эта указала необходимость вызова изъ обращенія закладныхъ листовъ перваго періода на сумму, равную той части первоначальнаго займа (возобновленнаго въ 1838 году), какая въ томъ году оставалась не погашенною, и замѣны ихъ въ обращеніи закладными листами втораго періода на подобную же сумму. Иначе, сумма, представляемая закладными листами каждаго періода, не соответствовала бы въ точности долгу, заипотекованному на поземельной собственности: именно, закладныхъ листовъ перваго періода оказалось бы въ обращеніи болѣе чѣмъ составлялъ ипотечный долгъ того періода, и именно на столько, сколько переведено долга изъ перваго періода во второй (въ приведенномъ нами примѣрѣ 13.000), а закладныхъ листовъ втораго періода было бы въ обращеніи на столько же менѣ противъ ипотечнаго долга, оставшагося отъ перваго періода (также 13.000). Слѣдовательно во взятомъ нами примѣрѣ приходилось вызвать изъ обращенія закладныхъ листовъ перваго періода на 13.000, выпуская вмѣстѣ съ тѣмъ въ обращеніе на ту же сумму закладныхъ листовъ періода втораго. Подобная операція составляла не *погашеніе* закладныхъ листовъ перваго выпуска (какъ коммиссія назвала эту операцію), а только обмѣнъ извѣстнаго ихъ числа на листы втораго періода равнаго достоинства; операція эта не требовала капиталовъ, какъ потребовало бы погашеніе, и слѣдовательно она не могла дать повода къ вспомогательному кредиту со стороны правительства, какъ полагаетъ коммиссія.

Выкупъ закладныхъ листовъ перваго періода, въ нужномъ числѣ, по нарицательной цѣнѣ, могъ бы быть сдѣланъ обязательнымъ для ихъ владѣльцевъ посредствомъ усиленныхъ тиражей. Подобный выкупъ былъ бы погашеніемъ, но онъ потребовалъ бы соответствующихъ капиталовъ; замѣна же не тре-

объяснила капиталовъ, но не могла дѣлаться иначе, какъ съ добровольнаго согласія владѣльцевъ закладныхъ листовъ, потому въ особенности, что гарантія правительства по листамъ перваго періода (ст. 130 положенія 1825 г.) не распространялась уже на періодъ второй. Обстоятельство это могло быть причиною различія въ ихъ курсѣ, и если это различіе не обнаружилось на дѣлѣ, то фактъ этотъ доказалъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ полную самостоятельность земскаго кредита общества Царства Польскаго.

Нельзя было не предвидѣть, что операція эта потребуетъ нѣкотораго расхода, и какъ бы ни полагать его незначительнымъ, осторожность совѣтовала обезпечить себя соответственными фондами. Согласно съ этимъ, расходъ этотъ отнесенъ былъ на счетъ самихъ же землевладѣльцевъ, возобновлявшихъ займы. Съ нихъ назначено взимать на этотъ предметъ по два процента отъ всего займа (ст. 26 положенія 1838 г.). Сумму, отъ сего происходящую, постановлено передавать въ польскій банкъ съ возложеніемъ на него порученія вызывать изъ обращенія закладные листы перваго періода посредствомъ добровольнаго ихъ промѣна на листы періода втораго (ст. 29 положенія 1838 г.). Въмѣстѣ съ тѣмъ оговорено (тамъ же), что еслибъ изъ назначеннаго для этойцѣли фонда оказались остатки, то банкъ долженъ возвратить ихъ земскому обществу; въ случаѣ же противномъ, то-есть еслибы сказанные фонды оказались недостаточными, израсходованную свыше ихъ сумму банкъ имѣетъ покрыть собственными прибылями, поступающими ежегодно въ казну. Эта оговорка дала, вѣроятно, комиссіи поводъ къ названію самой мѣры открытымъ обществу *кредитомъ* изъ польскаго банка, подъ обезпеченіемъ казны Царства, для обмѣна и *погашенія* закладныхъ листовъ перваго выпуска.

Что тутъ вовсе не было *погашенія*, полагаемъ достаточно уже объясненнымъ. Теперь разсмотримъ, имѣло ли содѣйствіе правительства въ этомъ дѣлѣ характеръ кредита, открытаго обществу. Для этого разсмотримъ поводы къ сказанному содѣйствію, также характеръ дѣйствій банка по этому случаю, и наконецъ окончательный результатъ операціи.

Возлагая на польскій банкъ вызовъ изъ обращенія закладныхъ листовъ перваго выпуска, правительство могло имѣть различныя побужденія. *Вопервыхъ*, нѣтъ сомнѣнія, что оно имѣло въ виду облегчить самую операцію замѣны заклад-

ныхъ листовъ и тѣмъ содѣйствовать упрощенію расчетовъ, а слѣдовательно и вообще ходу дѣлъ земскаго кредитнаго общества. *Восторыжъ*, оно могло быть само нѣсколько заинтересовано въ скорѣйшемъ вызовѣ изъ обращенія закладныхъ листовъ перваго выпуска, по той причинѣ, что съ этимъ вызовомъ прекратилась та за нихъ гарантія, которую правительство приняло на себя въ силу статьи 130-й положенія 1825 года. Это даже явствуетъ изъ положенія 1838 года, въ коемъ въ ст. 29 сказано, что упомянутое порученіе возлагается на банкъ для облегченія развязки гарантіи, лежавшей на немъ по закладнымъ листамъ перваго выпуска (dla ułatwienia wywiązania się z obowiązku). Наконецъ *втретьихъ*, правительство возложило эту операцію на банкъ вѣроятно и потому, что онъ есть прямой органъ правительства по всемъ счетнымъ операціямъ. Намъ кажется, что во всѣхъ этихъ побужденіяхъ нельзя находить ни малѣйшей черты вспомогательнаго кредита, открытаго правительствомъ.

Дѣйствіе банка состояло не въ покупкѣ закладныхъ листовъ перваго выпуска, а въ обмѣнѣ ихъ на листы выпуска втораго, съ нѣкоторою доплатой ихъ владельцамъ по взаимному соглашенію. Новые листы, нужные для замѣна прежнихъ, доставлялись банку отъ кредитнаго общества; нужнымъ для доплатъ фондомъ банкъ былъ обезпеченъ статьей 26-ю положенія 1839 года. Пока продолжался обмѣнъ закладныхъ листовъ на указанныхъ основаніяхъ, отношенія цифръ *кредита* и *дебета* расчетовъ банка съ обществомъ измѣнялись постоянно, по мѣрѣ того какъ уменьшался или усиливался фондъ, назначенный для этой операціи; но свойство самаго расчета походило болѣе на то, что называютъ *текущимъ счетомъ* (compte courant), обезпеченнымъ вкладомъ, нежели на кредитъ, открытый правительствомъ. Наконецъ за содѣйствіе въ операціи банкъ получилъ отъ кредитнаго общества такое вознагражденіе, какое получаютъ частные банкиры подъ названіемъ *frais de commission*.

Окончательный результатъ операціи былъ тотъ, что фонды, назначенные ст. 26 положенія 1838 года для ея исполненія (2% отъ возобновленныхъ займовъ), не только оказались достаточными, но отъ нихъ осталось 600.000 руб., которые причислены къ резервному капиталу общества. Слѣдовательно изъ результата всей операціи видимъ, что она не подала повода къ вспомогательному кредиту.

Наконецъ, остается рассмотреть, не представляла ли характера подобнаго кредита оговорка, сдѣланная въ ст. 29 положенія 1838 года, что еслибы фондъ, назначенный для обмѣна закладныхъ листовъ, оказался недостаточнымъ, то недостатокъ будетъ покрытъ прибылями банка, поступающими ежегодно въ казну.

Мы полагаемъ, что какъ вообще всякое предложенное содѣйствіе должно оцѣняться въ моральномъ отношеніи безусловно и независимо отъ того, представилась ли надобность воспользоваться имъ или нѣтъ, то подобнымъ же образомъ оказанное въ этотъ случаѣ правительствомъ содѣйствіе имѣетъ неоспоримо высокое моральное значеніе, несмотря на то, что обществу не пришлось въ немъ нуждаться. Но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаемъ, что нельзя признать вспомошествованіемъ сдѣланное, въ этомъ случаѣ предложеніе по той причинѣ, что самая операція, давшая поводъ къ разсматриваемому нами содѣйствію, не касалась матеріальныхъ интересовъ и выгодъ кредитнаго общества, а имѣла въ виду только упрощеніе сложности и расчетовъ, и составляла для общества вопросъ чисто административный, а не финансовый. Даже операція выкупа закладныхъ листовъ могла быть предпринята или нѣтъ безъ всякаго вліянія на положеніе дѣлъ общества, его солидность или самостоятельность; слѣдовательно и содѣйствіе въ ней правительства, при высокомъ моральномъ значеніи своемъ, не могло имѣть характеръ вспомогательнаго кредита, и не подходитъ подъ разрядъ вспомошествованій, подъ который оно подведено комиссіей. При третьемъ выпускѣ закладныхъ листовъ въ 1853 году, предстоялъ кредитному обществу подобный обмѣнъ листовъ втораго выпуска на листы третьяго выпуска, и онъ исполненъ по распоряженію самого общества, безъ всякаго сбора съ возобновляющихъ займы, безъ участія правительства, посредствомъ частныхъ банкировъ. Онъ не потребовалъ ни капиталовъ, ни кредита, потому что, подобно операціи 1838 года, онъ не составлялъ *погаменія*, а нужный на этотъ предметъ расходъ отнесенъ былъ насчетъ резервнаго капитала кредитнаго общества <sup>1</sup>.

<sup>1</sup> При этомъ случаѣ мы замѣтимъ, что замѣна закладныхъ листовъ въ 1838 г. не стоила болѣе замѣны 1853 года. Каждая обошлась отъ  $1\frac{1}{2}$  до 2 процентовъ, несмотря на то что въ 1838 году замѣнялись листы, имѣвшіе гарантію правительства на закладные листы втораго выпуска, не пользовавшіеся уже сказанною гарантіей. Изъ этого можно заключить, какъ самостоятельно было уже въ 1838 году земское кредитное общество Царства Польскаго.

Распространяясь нѣсколько на счетъ этого предмета, мы вовсе не имѣли въ виду ослабить высокое значеніе содѣйствія правительства въ этомъ дѣлѣ, но старались выказать характеръ его въ настоящемъ свѣтѣ собственно для того, чтобы не ослабить въ мнѣніи читателей важности того истиннаго кредита, который былъ открытъ обществу правительствомъ по ст. 130 положенія 1825 года. Этотъ послѣдній кредитъ равнялся денежной гарантіи за всѣ закладные листы перваго выпуска; ему мы приписываемъ начальные успѣхи и постепенное развитіе общества; а въ глазахъ всѣхъ сказанный кредитъ, открытый въ 1825 году, могъ бы потерять часть своего значенія, еслибы въ 1838 году, то-есть послѣ тринадцатилѣтняго содѣйствія, могла оказаться надобность въ удѣленіи правительствомъ новаго еще кредита на погашеніе какихъ-либо закладныхъ листовъ земскаго кредитнаго общества Царства Польскаго. Это собственно уваженіе, а не важность самаго дѣла, побудило насъ къ болѣе подробному поясненію его.

8. Въ 48 пунктѣ проекта положенія сказано, что размѣръ процентовъ, уплачиваемыхъ каждымъ банкомъ по закладнымъ листамъ, долженъ быть опредѣленъ въ уставѣ. Онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть въ послѣдствіи измѣняемъ безъ особаго на этотъ предметъ постановленія общаго собранія или комитета членовъ общества.

Вѣроятно, коммиссія имѣла въ виду отнестись предположенную возможность измѣненія процентовъ по закладнымъ листамъ не къ тѣмъ изъ нихъ, которые находятся уже въ обращеніи, а развѣ только къ имѣющимся въ виду будущимъ выпускамъ закладныхъ листовъ.

9. Въ пунктѣ 53 относительно преимуществъ, присваиваемыхъ закладнымъ листамъ, сказано: «Общее запрещеніе, налагаемое на имѣніе какого-либо лица, не распространяется на принадлежащія ему закладные листы. Запрещеніе на эти послѣдніе можетъ распространяться лишь въ томъ случаѣ, когда именно они будутъ представлены владѣльцемъ въ обезпеченіе какого-либо обязательства, казеннаго или частнаго, или же при спорѣ между наследниками.»

Въ то время, когда у насъ идетъ дѣло объ упроченіи частнаго кредита, изыатіе закладныхъ листовъ изъ запрещенія, въ случаяхъ, когда оно опредѣлено общими законами, можетъ оказаться весьма вреднымъ естественному развитію частнаго кредита. Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что,

въ видахъ сбереженія казеннаго интереса, запрещенія налагаются у насъ не рѣдко способомъ стѣснительнымъ для частной собственности, и если комиссія имѣла въ виду отмѣну подобнаго стѣсненія, то нельзя не сочувствовать подобному предположенію; но освобожденіе закладныхъ листовъ отъ запрещенія по частнымъ искамъ было бы, по нашему мнѣнію, нарушеніемъ правъ истца.

10. Въ томъ же 53 пунктѣ, между прочимъ, сказано, что могутъ быть обращаемы въ закладные листы: а) капиталы малолѣтнихъ и также капиталы, собранные по подпискѣ при учрежденіи компаній на акціяхъ; б) капиталы разныхъ казенныхъ и общественныхъ учреждений, когда, по дѣйствующимъ узаконеніямъ, на нихъ могутъ быть приобрѣтаемы билеты комиссіи погашенія государственныхъ долговъ.

Прочность монетной единицы, важная во всѣхъ экономическихъ вопросахъ, приобрѣтаетъ особенную важность въ отношеніи капиталовъ, предназначенныхъ на долгосрочную затрату. Согласно съ этимъ мы полагаемъ, что при допускаемомъ комиссіею обращеніи въ закладные листы капиталовъ малолѣтнихъ и общественныхъ учреждений полезно было бы принять мѣры для предохраненія ихъ отъ ущерба по случаю колебанія монетной единицы. О мѣрахъ этихъ мы говорили въ отдѣлѣ III нашихъ прошлогоднихъ статей (пунктъ 73 и 74).

Обративъ вниманіе на тѣ статьи *Трудовъ* комиссіи, высочайше учрежденной для устройства земскихъ банковъ, которыя казались намъ неполными или несогласными съ нашимъ мнѣніемъ, мы должны сказать послѣ этого, что сдѣланныя нами по упомянутымъ статьямъ замѣчанія ни мало не ослабляютъ въ глазахъ нашихъ неоспоримыхъ достоинствъ изданія комиссіи. О трудахъ этого рода должно судить не по недостаткамъ въ подробностяхъ исполненія, которые всегда неизбѣжны; труды эти должно оцѣнить по важности результатовъ, и даже по самому ихъ направленію. Одна уже гласность, данная трудамъ комиссіи по собственному ея предположенію, доказываетъ рѣдкое безпристрастіе, и первый быть-можетъ у насъ примѣръ вызова литературной полемики по дѣлу интереса общественнаго: допуская публику такъ-сказать къ голосу совѣщательному, комиссія сообщала вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя начала, которыя могли быть приняты публикой за исходную точку дальнѣйшихъ соображеній по вопросу о земскомъ кредитѣ.

Такъ напримѣръ, комиссія признала невозможнымъ приступить къ какимъ-либо существеннымъ преобразованіямъ въ операціяхъ нашихъ кредитныхъ установленій по поземельному кредиту съ сохраненіемъ за ними характера казенныхъ учреждений, и положила принять за основаніе и цѣль своихъ предположеній систему совершенно самостоятельныхъ частныхъ банковъ, безъ правительственной гарантіи.

Она признала, что управленіе дѣлами земскихъ банковъ и назначеніе всѣхъ должностныхъ лицъ должно быть представлено самимъ обществомъ, которыя должны въ этомъ отношеніи пользоваться совершенно самостоятельностью подобно существующимъ акціонернымъ товариществамъ.

По вопросу, на какихъ пространствахъ банки будутъ дѣйствовать, и въ какой взаимной связи и зависимости будутъ находиться между собою, комиссія, отвергнувъ централизацию, признала преимущества мѣстныхъ ипотечныхъ учреждений, также пользу учрежденія многихъ мѣстныхъ земскихъ кредитныхъ товариществъ, другъ отъ друга совершенно независимыхъ.

Признавая необходимымъ опредѣлять для операціи каждаго банка извѣстный географическій районъ, и отвергая мысль привилегированныхъ или монопольныхъ банковъ, комиссія полагала не ограничивать учрежденія земскихъ банковъ числомъ одного для каждой мѣстности, и даже для одной и той же категоріи имуществъ, но допускать образованіе нѣсколькихъ компаній въ одномъ и томъ же районѣ.

Комиссія, полагая, что правильность ипотечной системы есть самое необходимое условіе для развитія поземельнаго кредита въ каждой странѣ, указала на необходимость учрежденія у насъ ипотечныхъ книгъ для недвижимыхъ имуществъ, при полной гласности этихъ книгъ и отсутствіи въ ипотечной системѣ всякихъ привилегированныхъ или тайныхъ правъ (*hypothèque privilégiée et occulte*).

Она же, указавъ на необходимость улучшенія порядка взысканія долговъ по безспорнымъ дѣламъ вообще, и по закладнымъ обязательствамъ въ особенности, выразилась, что исправленіе и пополненіе законодательства нашего по этой части составляетъ одну изъ насущныхъ потребностей настоящаго времени, живо чувствуемыхъ всѣми мыслящими людьми нашего общества.

Наконецъ комиссія признала, что во всѣхъ кредитныхъ



операціяхъ земскихъ банковъ съ казной должно быть совершенное равенство правъ и обязанностей, въ отношеніи къ банкамъ, между казной и частными лицами.

Всѣ эти начала, провозглашенныя комиссіей, принадлежать къ здоровымъ экономическимъ началамъ и имѣютъ у насъ въ особенности необыкновенную важность, потому что провозглашены въ первый разъ. Съ того времени какъ они опубликованы комиссіей, высочайше утвержденною для устройства земскихъ банковъ, ихъ можно почитать приобрѣтенными нашею публикой навсегда не только для соображеній по вопросу о земскихъ банкахъ, но и по другимъ экономическимъ вопросамъ, возникновеніе которыхъ становится у насъ необходимымъ. Начала эти могутъ служить намъ направлениемъ во многихъ случаяхъ, а вѣрность этого направленія мы считаемъ въ настоящее время чрезвычайно важною, ибо въ нашемъ, такъ-сказать переходномъ положеніи, намъ не столько нужно идти скоро, какъ идти вѣрно.

#### IV.

Остается намъ поговорить о тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ, по нашему мнѣнію, кредитныя установленія могутъ быть учреждены для поземельнаго кредита съ наибольшими шансами успѣха въ Россіи.

Соображенія наши по этому предмету будутъ состоять въ указаніи только главныхъ началъ; мы попытаемся начертить такъ-сказать логическій кадръ, въ которомъ эти установленія могутъ обшщать наиболѣе успѣха. Кадръ этотъ оставляетъ обширное поле для примѣненія общихъ началъ въ самомъ исполненіи; но какъ бы ни предположить эти подробности многообразными и сложными, всѣ онѣ, по нашему мнѣнію, должны подходить подъ общія начала и служить имъ развитіемъ. О подробностяхъ исполненія и примѣненія мы вовсе не будемъ говорить, не оттого чтобы не придавали имъ большой практической важности; напротивъ, и именно по убѣжденію въ этой важности, мы предоставляемъ сужденіе о нихъ людямъ, практически занимающимся этими вопросами и болѣе насъ свѣдущимъ по этой части.

Почитая одинаково важными для Россіи общества акціонеровъ-капиталистовъ и товарищества землевладѣльцевъ-заемщиковъ, мы имѣемъ въ виду говорить о тѣхъ и о другихъ, не отдѣляя, въ порядкѣ изложенія, соображеній нашихъ по каждой изъ

сказанныхъ формъ кредитныхъ установленій: смотря по удобству, мы будемъ излагать мысли общія той и другой формѣ, а иногда соображенія, относящіяся исключительно къ одной изъ нихъ.

Касательно кредита вообще, Россія находится нынѣ въ положеніи совершенно исключительномъ, которому едва ли можно найти примѣръ въ исторіи другихъ странъ. Тамъ вездѣ долги, обременявшіе поземельную собственность, и затрудненія, встрѣченныя въ выплатѣ ипотечкованныхъ на ней капиталовъ, вызвали учрежденія кредитныхъ обществъ, какъ мѣру спасенія для земледѣльцевъ. Вездѣ долги нѣсколькихъ поколѣній, лежавшіе тяжкимъ бременемъ на недвижимыхъ имуществвахъ, заставляли искать спасенія въ системѣ постепеннаго погашенія, иногда даже съ ущербомъ вѣрителей. Россія находится въ иномъ положеніи. У насъ неоспоримо нуженъ поземельный кредитъ, разумѣя тутъ подъ этимъ выраженіемъ установленія для долгосрочныхъ ссудъ, соединенныхъ съ системой постепеннаго погашенія, но нуженъ не какъ установленіе новое, потому что Россія пользовалась уже имъ съ давняго времени, а нуженъ какъ продолженіе прежняго порядка вещей, остановленнаго прекращеніемъ выдачи ссудъ изъ казенныхъ банковъ. Нужда въ кредитѣ можетъ быть настоятельна для многихъ русскихъ помѣщиковъ, но она не можетъ быть такъ велика въ Россіи, какъ была она велика въ другихъ странахъ до учрежденія въ нихъ первыхъ земскихъ кредитныхъ обществъ. Обстоятельство это объясняется большимъ числомъ заложенныхъ уже въ старыхъ банкахъ помѣщичьихъ имѣній. Исключительное въ этомъ отношеніи положеніе Россіи кажется намъ выгоднымъ потому, что нельзя предвидѣть у насъ появленія вдругъ на кредитныхъ рынкахъ непомѣрнаго числа ипотечныхъ обязательствъ, соразмѣрнаго всѣмъ заипотекованнымъ долгамъ въ государствѣ; земскія облигаціи могутъ быть выпускаемы въ обращеніе постепенно по мѣрѣ займовъ, дѣлаемыхъ вновь, тогда какъ въ другихъ странахъ обыкновенно земскія кредитныя общества открывались преимущественно съ цѣлью перевода на нихъ обязательствъ, обременявшихъ поземельную собственность съ давняго времени.

У насъ, нѣкоторые полагаютъ тоже нужнымъ переводъ въ новые земскіе банки казенныхъ долговъ, лежащихъ на имѣніяхъ, заложенныхъ въ казенныхъ банкахъ. Сама коммиссія, высочайше учрежденная для устройства земскихъ банковъ, коснулась этого предмета и указала на нѣкоторые способы того. Что касается

собственно нашего мнѣнія, то мы не видимъ необходимости въ подобныхъ переводахъ, напротивъ полагаемъ, что они затруднили бы устройство частныхъ земскихъ банковъ.

Еслибы признано было необходимымъ перевести непогашенные долги со старыхъ кредитныхъ учрежденій на новые, и сдѣлать переводъ посредствомъ уплаты старымъ кредитнымъ учрежденіямъ изъ новыхъ кредитными знаками всей суммы долговъ, которую казенные банки имѣютъ на перезакладываемыхъ имуществвахъ, то это потребовало бы выпускать одно время ипотечныхъ обязательствъ на сумму, равную цифрѣ долговъ въ старыя кредитныя учрежденія, а выпускъ ихъ въ подобномъ непомѣрномъ числѣ имѣлъ бы большое вліяніе на невыгодный ихъ курсъ и могъ бы принести значительный ущербъ и казнѣ, которая была бы принуждена принять ихъ по нарицательной цѣнѣ, и новымъ заемщикамъ, которые получили бы ссуду не наличными суммами, а ипотечными обязательствами. Намъ казалось бы проще, чтобы казна кончила сама прежніе разчеты съ помѣщиками, употребляя новыя земскія кредитныя общества развѣ только для посредничества между старыми заемщиками до окончательной ликвидаціи, безъ перевода долговъ по счетамъ и безъ выдачи со стороны новыхъ банковъ старымъ кредитнымъ учрежденіямъ или казнѣ какихъ-либо кредитныхъ знаковъ, назначенныхъ къ обращенію въ публикѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, мы желали бы, чтобъ имѣнія, заложенные въ казну, могли быть перезакладываемы въ новыя кредитныя общества по мѣрѣ уплаты старыхъ долговъ, не ожидая совершеннаго ихъ погашенія. Конечно, подобный перезалогъ имуществъ по частямъ представилъ бы затрудненія во взысканіяхъ недоимокъ, еслибы таковыя случились, по двумъ отдѣльнымъ займамъ, и быть-можетъ въ подобныхъ случаяхъ необходимо было бы допустить переводы старыхъ долговъ на новыя банки. Подобныхъ частныхъ переводовъ, вынужденныхъ необходимостью, мы вовсе не отвергаемъ, но эти случаи не могли бы породить тѣхъ неудобствъ, по уваженію которыхъ трудно согласиться съ мыслью общаго перевода всѣхъ старыхъ долговъ на новыя земскія банки, ибо собственно отъ этихъ случаевъ нельзя предвидѣть непомѣрнаго одновременнаго выпуска ипотечныхъ обязательствъ.

Мы желали бы также, чтобъ имѣнія, заложенные въ казну, могли пользоваться льготами краткосрочныхъ ссудъ наравнѣ съ другими свободными отъ долговъ, разумѣется, въ та-

кой соразмѣрности, какая окажется возможною при совершенномъ обезпеченіи общей цифры долговъ, числящихся на имѣніи, и долгосрочныхъ, и краткосрочныхъ.

Въ I отдѣлѣ нашихъ прошлогоднихъ статей, опредѣляя характеръ поземельнаго кредита, мы говорили подробно о различномъ свойствѣ долгосрочныхъ и краткосрочныхъ ссудъ и тамъ же высказали возможность послѣднихъ для земледѣльческаго промысла на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, на которыхъ онѣ возможны для всякаго рода промышленности, нуждающейся въ оборотномъ капиталѣ. Въ началѣ настоящей статьи, мы признали уже особенную пользу и необходимость краткосрочныхъ ссудъ для Россіи. Остается повторить здѣсь, что полагаемъ одинаково необходимыми для Россіи какъ долгосрочныя, такъ и краткосрочныя ссуды, а слѣдовательно находимъ необходимымъ учрежденіе такихъ земскихъ банковъ, которые были бы въ состояніи удовлетворять обьимъ этимъ потребностямъ, одинаково настоятельнымъ.

Тутъ мы коснемся вопроса совершенно новаго, нерѣшеннаго еще экономической наукой, именно: удобнѣе ли совершенно отдѣлять кредитныя установленія, удовлетворяющія потребностямъ долгосрочныхъ ссудъ, отъ установленныхъ, имѣющихъ цѣлью собственно краткосрочныя ссуды, или быть-можетъ удобнѣе имѣть установленія, учрежденныя для удовлетворенія ссудамъ обоого рода?

Вопросъ этотъ находить рѣшеніе въ практической жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что тамъ, гдѣ сосредоточены всякаго рода обороты, капиталы, а также особенныя личныя способности людей, дающихъ направленіе промышленности, тамъ и дѣла принимаютъ характеръ отдѣльныхъ спеціальностей, и раздѣленіе труда проявляется само собой. Но иначе бываетъ въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ средоточія дѣлъ и малонаселенныхъ; въ нихъ всякое раздѣленіе труда затруднительно, а иногда и нѣсколькихъ спеціальностей бываетъ недостаточно для занятія одного лица, предпріятія или учрежденія. Всякая коммерція, всякій промыселъ и даже сельское хозяйство подчинены этому закону, и когда усматриваемъ въ нихъ соединеніе занятій или предпріятій различнаго свойства, то этого нельзя приписывать ни случаю, ни обычаю, а происходитъ это просто по необходимости.

Могутъ ли кредитныя установленія, о которыхъ идетъ дѣло, слѣдовать другому закону, раздѣляясь на двѣ категоріи въ мѣ-

стахъ, отдаленныхъ отъ центровъ дѣятельности, при рѣдкомъ народонаселеніи? Намъ это кажется сомнительнымъ. Если допустить учрежденіе только однихъ товариществъ землевладельцевъ, то можно предсказать навѣрное, что, при строгости ихъ статутовъ и необходимости наблюдать за солидностью ипотеки, они не въ состояніи будутъ проникнуть вездѣ, гдѣ обнаружится надобность въ кредитѣ. Имѣя въ виду болѣе поземельную собственность чѣмъ земледѣліе, они могутъ оставить безъ удовлетворенія многія изъ потребностей этого послѣдняго. Съ другой стороны, потребности земледѣлія въ краткосрочныхъ ссудахъ могутъ быть недовольно обширны во многихъ мѣстностяхъ, чтобы можно было основать акціонерный банкъ собственно въ видахъ удовлетворенія потребностямъ земледѣлія, какъ промысла.

Изъ сказаннаго мы выводимъ заключеніе, что изолированныя въ отдѣльныхъ установленіяхъ долгосрочныя и краткосрочныя ссуды едва ли получаютъ желаемое развитіе въ мѣстахъ, гдѣ промышленность мало оживлена и самое народонаселеніе незначительно, тогда какъ соединеніе ихъ въ одномъ установленіи могло бы содѣйствовать развитію кредита въ обѣихъ его формахъ. Поэтому мы полагаемъ, что нѣтъ причины отвергать подобное соединеніе, и что акціонерные банки могли бы безъ затрудненія дѣлать въ одно время долгосрочныя и краткосрочныя ссуды.

Мы желали бы, чтобы акціонерные банки давали подъ залогъ одного и того же имущества какъ долгосрочныя, такъ и краткосрочныя ссуды, не требуя для послѣднихъ возобновленія формальностей, исполненныхъ уже по случаю сдѣланной долгосрочной ссуды, какъ-то оцѣнки залога и т. п. Мы полагаемъ возможнымъ устроить это такимъ образомъ, чтобы послѣ долгосрочной ссуды краткосрочная могла дѣлаться во всякое время въ соразмѣрности погашенія капитальной суммы, составлявшей долгосрочную ссуду, а также сообразно съ положеніемъ сельскаго хозяйства въ имѣніяхъ, болѣе или мене развитымъ. Такъ какъ съ одной стороны краткосрочныя ссуды дѣлаются для удовлетворенія потребностямъ земледѣлія, то съ другой стороны важность этихъ ссудъ должна соразмѣряться съ степенью развитія, которой оно уже достигло, потому что самая степень эта можетъ служить обезпеченіемъ ссудъ. Для выисканія недоумокъ по краткосрочнымъ ссудамъ слѣдовало бы опредѣлить особыя правила не-

зависимо отъ взысканій долгосрочныхъ ссудъ, относя взысканіе первыхъ преимущественно на счетъ урожаявъ и запасовъ хлѣба, а не на счетъ тѣхъ предметовъ оборотнаго капитала, безъ которыхъ сельское хозяйство обойтись не можетъ; иначе, все имущество, находящееся въ залогъ, могло бы разстроиться, и отъ этого могъ бы потерпѣть возвратъ долгосрочной ссуды. Наконецъ, мы не видимъ препятствій, по которымъ, при желаніи заемщика, краткосрочная ссуда не могла бы быть превращена въ долгосрочную и подведена подъ систему постепеннаго погашенія, лишь бы цифра всего заипотекованнаго долга не превышала цифры начальной долгосрочной ссуды.

При томъ мы желали бы, чтобъ акціонерные земскіе банки учреждаемы были рядомъ съ товариществами землевладѣльцевъ-заемщиковъ, на одной съ ними мѣстности, и чтобъ они принимали вклады на извѣстный процентъ. Это поощрило бы жителей къ сбереженіямъ, потому что, какъ бы эти послѣдніе ни были незначительны, они приносили бы имъ выгоды, и это замѣняло бы сберегательныя кассы, отсутствіе которыхъ во многихъ мѣстахъ дѣлается у насъ весьма чувствительнымъ. Кроме этой пользы, открытіе приѣма вкладовъ весьма важно какъ для поземельнаго кредита, такъ и для самыхъ акціонерныхъ банковъ. Сбереженія жителей, самыя незначительныя, сложенные вмѣстѣ, составляютъ громадныя капиталы. Мы говорили уже объ ихъ важности въ шотландскихъ банкахъ, въ которыхъ они значительно превышаютъ основныя капиталы. Весьма естественно, что при ихъ помощи ссуды дѣлаются значительное и могутъ распространяться въ соразмѣрности съ потребностями страны, тогда какъ безъ нихъ банковыя операціи оставались бы въ стѣсненномъ кругѣ, были бы ограничены собственнымъ основнымъ капиталомъ банковъ и тѣми громадными капиталами, которые могутъ быть заимствуемы у малаго числа крупныхъ капиталистовъ.

Учрежденіе акціонерныхъ банковъ, принимающихъ вклады и ограничивающихся краткосрочными ссудами, подходить нѣкоторымъ образомъ подъ разрядъ обыкновенныхъ коммерческихъ банковъ, не представляетъ особенныхъ затрудненій, но если акціонерные банки, при приѣмѣ вкладовъ, производятъ, въ числѣ другихъ операцій, долгосрочныя ссуды, то онѣ требуютъ особенной осмотрительности, въ особенности, если за вкладчиками сохранено право требовать свои вклады обратно

во всякое время <sup>1</sup>. Шотландскіе и американскіе банки не исключаютъ долгосрочныхъ ссудъ изъ своихъ операцій, и могутъ служить примѣромъ, что это возможно. Тѣмъ не менѣе однако нельзя упустить изъ вида тѣ затрудненія, которыя угрожаютъ шотландскимъ банкамъ въ разчетахъ съ вкладчиками, о которыхъ мы упоминали, описывая положеніе этихъ банковъ. Конечно, затрудненія банковъ при громаднхъ требованіяхъ обратно вкладовъ могутъ быть предупреждены въ значительной части различными условіями съ вкладчиками, въ особенности же назначеніемъ для возвратовъ срока болѣе или менѣе отдаленнаго послѣ перваго требованія, заявленнаго вкладчикомъ; но, при всѣхъ принятыхъ съ этою цѣлю предупредительныхъ мѣрахъ, надо постоянно имѣть въ виду, что малѣйшее колебаніе относительно выплатъ легко могло бы породить кризисы, въ особенности опасные на первыхъ порахъ существованія банковъ, пока они не приобретутъ еще самостоятельности и полнаго довѣрія публики.

Нѣкоторые полагаютъ, что возвраты вкладовъ могутъ быть покрыты процентами, взимаемыми отъ ссудъ, а также новыми вкладами, подобно теченію воды, поступающимъ въ банки. По нашему мнѣнію, подобное основаніе составляетъ только шансъ, и то шансъ весьма недостаточный для обезпеченія вкладчиковъ, а основывать операціи банковъ на подобныхъ шансахъ никакъ нельзя. Какія бы ни придумывать средства для безотлагательнаго удовлетворенія вкладчиковъ, вѣрнѣе всего будетъ имѣть въ запасѣ достаточный резервный капиталъ: иначе, трудно было бы удержать въ согласіи сроки возврата въ банкъ выданныхъ имъ ссудъ съ требованіями вкладчиковъ, потому что ссуды имѣютъ срокъ положительный и неизмѣнимый, а послѣднія могутъ или не имѣть вовсе срока или срокъ менѣе положительный. Въ этомъ особенно случаѣ, циркуляціонные банковые билеты могли бы быть весьма полезны, но допущенію ихъ обращенія препятствуетъ къ сожалѣнію наша монетная система. Во всякомъ случаѣ, банкъ, принимающій вклады съ сохраненіемъ за вкладчиками права требовать ихъ обратно во всякое время и обращающій ихъ хотя

<sup>1</sup> Мы не предполагаемъ, чтобы товарищества землевладѣльцевъ-земщиковъ могли дѣлать долгосрочныя ссуды, основанныя собственно на вкладахъ жителей, но при нѣсколькo-значительномъ собственномъ резервномъ капиталѣ, они, дѣйствуя осторожно, могли бы принимать вклады и употреблять ихъ преимущественно на краткосрочныя ссуды.

отчасти на долгосрочныя ссуды, если онъ не имѣетъ соответствующаго резервнаго фонда, долженъ опасаться тѣхъ затрудненій, какія встрѣчены были нашими казенными банками и повели къ ихъ ликвидаціи. Дабы сдѣлать положеніе это совершенно понятнымъ, мы сравнимъ его съ положеніемъ содѣжателя почтовой станціи, который, не имѣя сверхкомплектныхъ противъ штата лошадей и надѣясь на рѣдкость пассажировъ, рѣшается отдать почтовыхъ лошадей внаемъ въ дальній путь. Возвратъ отпущенныхъ лошадей въ назначенный срокъ можетъ быть самый вѣрный, но будетъ ли онъ въ состояніи отправить пассажировъ, если таковыя случатся до возвращенія отпущенныхъ имъ лошадей? Безъ сомнѣнія нѣтъ. Затрудненія почтара будутъ возрастать въ соразмѣрности съ числомъ неожиданныхъ пассажировъ. Точно также затрудненія банка увеличиваются соразмѣрно неожиданнымъ требованіямъ возврата вкладовъ, если банкъ не имѣетъ соразмѣрныхъ резервныхъ фондовъ.

Въ настоящее время, въ Россіи, земскіе банки, учрежденные акціонерами-капиталистами, могутъ, по нашему мнѣнію, обѣщать болѣе успѣха нежели товарищества землевладѣльцевъ-заемщиковъ, не оттого чтобъ они имѣли преимущество предъ послѣдними въ теоретическомъ отношеніи, а собственно по причинамъ теперешняго экономическаго положенія Россіи. Мы приводили уже неоднократно убѣдительныя на этотъ счетъ доказательства. Къ нимъ прибавимъ здѣсь, что, какъ весьма естественно, русскіе помѣщики скорѣе предпочтутъ получить наличныя деньги чѣмъ ипотечныя обязательства, не имѣющія еще установленнаго курса; что учрежденіе банковъ капиталистами можетъ быть исполнено гораздо скорѣе нежели землевладѣльцами, слѣдовательно оно обѣщало бы удовлетворить въ кратчайшій срокъ настоятельной у насъ потребности ссудъ; наконецъ—и это весьма важное обстоятельство—можно полагать, что между капиталистами скорѣе чѣмъ въ помѣщичьемъ кругѣ найдутся лица, имѣющія спеціальныя свѣдѣнія, нужныя для управленія банковыми оборотами, также лица, уже состоящія въ сношеніяхъ съ коммерческими центрами, и этимъ обстоятельствомъ они могутъ воспользоваться для передачи ипотечныхъ обязательствъ на кредитные рынки, обѣщающіе для нихъ курсъ выгоднѣйшій, потому что тамъ сосредоточены дѣла и капиталы.

Чѣмъ больше будетъ учреждаться у насъ земскихъ банковъ,



тѣмъ лучше; мѣра ихъ пользы, особенно въ первое время, можетъ зависѣть не столько отъ обширности дѣла, какъ отъ способности ознакомить публику со всѣми операціями кредита, почти чуждыми ей. Многіе жалуются на недостатокъ капиталовъ въ Россіи. Мнѣніе это можетъ-быть справедливо въ томъ отношеніи, что ихъ недостаточно для развитія промышленности въ той степени, въ какой мы желали бы видѣть ее оживленною; но за всѣмъ тѣмъ, нѣтъ сомнѣній, что въ Россіи находится не малое число такихъ капиталистовъ, которые затрудняются помѣщеніемъ своихъ капиталовъ. Дать имъ производительное употребленіе сами они или вовсе не могутъ, или затрудняются, а передать ихъ въ другія руки опасаются. Смотри на предметъ съ этой точки, можно безошибочно сказать, что Россія страдаетъ недостаткомъ не капиталовъ, а удобности къ ихъ употребленію. Устройте солидную ипотечную систему, устраните неудобства теперешняго судопроизводства,—это породитъ довѣріе, скрывающіеся теперь капиталы обнаружатся и оживятся; а посредничество банковъ между капиталами, ищущими помѣщенія, и людьми, желающими дать имъ производительное направленіе, выкажетъ непременно свою пользу; иначе, то-есть, если не будетъ возбуждено довѣріе въ одно время съ учрежденіемъ банковъ, самые банки могутъ походить на желѣзныя дороги, проведенныя въ пустынь. Для краткосрочныхъ ссудъ въ особенности, мы почитаемъ необходимымъ устройство многихъ мѣстныхъ банковъ. Только одни они могутъ оживить промышленность въ нѣдрахъ страны, въ которыя она еще не проникала, несмотря на то, что въ нихъ содержатся изобильные для нея элементы; только многочисленные мѣстные банки могутъ поощрить бережливость открытіемъ пріема вкладовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сбереженія жителей, не находя ни помѣщенія, ни употребленія, или остаются безъ всякой пользы, или же растрачиваются вмѣсто приращенія.

Весьма естественно, что тѣмъ ближе по своему положенію банки будутъ находиться отъ тѣхъ, кто долженъ имѣть съ ними дѣло, тѣмъ лучше, а это достигается умноженіемъ числа банковъ на различныхъ мѣстахъ. Децентрализація бываетъ въ этомъ случаѣ важнѣйшимъ залогомъ успѣха. Нуждающіеся въ кредитъ, при существованіи многихъ мелкихъ банковъ, найдутъ его подъ рукою, а самые банки найдутъ въ сближеніи съ жителями, нуждающимися въ кредитъ, возможность оцѣнить нужды ихъ и положеніе дѣла, а то и другое обратится во взаимную

пользу обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Напротивъ, ничто не затрудняетъ болѣе кредитныхъ сдѣлокъ какъ централизація кредитныхъ установленій и рѣдкое расположеніе банковъ, отдаленныхъ отъ мѣстностей, для которыхъ они учреждаются. Можно сказать навѣрное, что при подобныхъ условіяхъ, вовсе не состоится многія дѣла, которыя шли бы успѣшно при меньшемъ разстояніи отъ банка.

Какъ для акціонерныхъ банковъ, такъ и для товариществъ землевладѣльцевъ-заемщиковъ, первымъ по важности условіемъ мы почитаемъ учрежденіе солидной ипотечной системы и нераздѣльнаго съ нею правильнаго судопроизводства. Безъ этого условія не можетъ быть солиднаго кредита, а могутъ быть только кредитныя сдѣлки, основанныя на личномъ довѣрїи заинтересованныхъ въ сдѣлкѣ. Не говоря уже о томъ, что самое это довѣрїе ослабляется шансами непредвидѣнныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, оно, конечно, всегда бываетъ еще ограничено жизнію лицъ, вступающихъ въ дѣла. Нерѣдко, собственно по этой причинѣ, намъ случается видѣть брошенные неоконченными важныя предпрїятія за смертію людей предпрїимчивыхъ, давшихъ имъ начало съ помощію кредита, а это происходитъ каждый разъ, когда наслѣдники не въ состояніи продолжать предпрїятіе, основанное на личномъ кредитѣ, которымъ пользовался первый его учредитель. Впрочемъ, можно сказать, что всякая кредитная сдѣлка опирается прежде всего на взаимное довѣрїе участвующихъ въ ней лицъ, а что ипотечные законы служатъ только подкрѣпленіемъ этому довѣрїю, обезпечивая его отъ случайностей. Также, относительно кредитныхъ установленій, можно утверждать, что учрежденіе ихъ не объщаетъ породить довѣрїя въ дѣлахъ, если оно не находится въ обычаяхъ жителей; что банки служатъ какъ бы каналами кредиту, способствующими его развитію подобно тому, какъ пути сообщенія оживляютъ коммерцію, которая однако должна имѣть собственные элементы, отъ путей сообщенія независящіе. Все это будетъ сказано справедливо, но такъ какъ только правильная ипотечная система служитъ фундаментомъ довѣрїю и частному кредиту, то безъ нея банки не помогутъ кредиту, потому что самое возникновеніе ихъ принадлежитъ болѣе къ послѣдствіямъ кредита, нежели къ его началамъ, банки идутъ за кредитомъ болѣе чѣмъ кредитъ за банками, которые лишь служатъ кредиту путями.

Что касается процентовъ, взимаемыхъ по ссудамъ новыхъ

кредитныхъ установленій, то какая бы ни была ихъ норма, русскіе помѣщики должны приготовиться къ процентамъ выше тѣхъ, какіе платили они въ казенные банки; по всему вѣроятію, при первомъ открытіи банковъ, только процентами нѣсколько болѣе высокими противъ обыкновеннаго ходячаго процента можно было бы надѣяться привлечь капиталы къ ипотечнымъ обязательствамъ; лишь въ послѣдствіи, когда капиталы, предназначенные на долгосрочныя затраты, сами начнутъ искать помѣщенія въ ипотечныхъ обязательствахъ, будетъ постепенно понижаться процентъ поземскому кредиту. Исторія поземельнаго кредита представляетъ примѣры подобнаго дѣйствія, произведеннаго съ успѣхомъ. Впрочемъ, при младенествѣ у насъ частнаго кредита, трудно опредѣлить, какую при постепенномъ его развитіи и при упроченіи солидной ипотеки можетъ онъ принять норму. Одно только можно предсказать положительнымъ образомъ, что норма эта будетъ несравненно выше прежней нормы казенныхъ банковъ. Размѣръ процентовъ, платимыхъ по находящимся уже у насъ въ обращеніи различнаго рода кредитнымъ бумагамъ, будетъ служить нѣкоторымъ указателемъ для процентовъ ипотечныхъ обязательствъ, которыя принадлежать также къ кредитнымъ бумагамъ.

Открытіе въ одномъ и томъ же географическомъ районѣ двухъ банковъ, одного акціонерами-капиталистами, другаго землевладѣльцами-заемщиками, независимо отъ пользы, ожидаемой для жителей, можетъ быть, по нашему мнѣнію, весьма выгодно для банковъ послѣдняго рода. Можно полагать, что въ самомъ началѣ дѣла акціонерныхъ банковъ пойдутъ живѣе по той причинѣ, что они будутъ производить ссуды наличными деньгами. Весьма естественно, что между двумя родами банковъ заемщикъ предпочтетъ банкъ акціонерный даже съ уплатой высшихъ процентовъ, потому что ссуда, полученная наличными деньгами, останется соразмѣрною опредѣленному проценту, какой бы онъ ни былъ, тогда какъ важность ссуды, сдѣланной ипотечными обязательствами, и самая норма процента отъ этой ссуды будутъ зависѣть отъ того, по какой цѣнѣ заемщикъ успѣетъ сбыть ипотечныя обязательства. Вслѣдствіе преимущества, которое давали бы заемщики акціонернымъ банкамъ, появились бы на кредитныхъ рынкахъ первыми кредитные знаки акціонерныхъ банковъ; самые банки эти, скорѣе чѣмъ товарищества землевладѣльцевъ, умѣли бы направить ихъ къ центрамъ сосредоточенныхъ капиталовъ, а тѣмъ

самымъ поставили бы ихъ въ благопріятнѣйшія условія для выгоднаго курса. А такъ какъ съ другой стороны нельзя полагать, чтобы въ курсѣ обязательствъ обоихъ родовъ кредитныхъ установленій могла быть большая разница (разумѣется, предположивъ одинаковый процентъ на тѣ и другія обязательства), то всякая выгода и всякій успѣхъ, пріобрѣтенные акціонерными банками въ курсѣ ихъ ипотечныхъ обязательствъ, сообщались бы сами собою обязательствамъ товариществъ землевладѣльцевъ по той причинѣ, что кредитные знаки банковъ обоого рода можно считать одинаково вѣрными и обезпеченными.

По нашему мнѣнію, чѣмъ скромнѣе будутъ первыя дѣйствія русскихъ земскихъ банковъ и, слѣдовательно, чѣмъ менѣе въ началѣ ихъ учрежденія будетъ выпускаемо въ обращеніе ипотечныхъ обязательствъ, тѣмъ лучше, потому что тѣмъ болѣе будетъ для нихъ шансовъ выгоднаго курса. Предположивъ даже существованіе большаго числа громадныхъ капиталовъ, ищущихъ помѣщенія на проценты, трудно предвидѣть сразу большой приливъ ихъ къ кредитнымъ бумагамъ, появляющимся на кредитныхъ рынкахъ въ первый разъ, и даже при умѣренномъ первомъ ихъ выпускѣ, надо быть приготовленнымъ къ невыгодному ихъ курсу. Хорошій курсъ можетъ установиться развѣ только послѣ нѣскольkokратныхъ тиражей и по истеченіи нѣсколькихъ сроковъ аккуратной уплаты процентовъ. Первые займы, сдѣланные ипотечными обязательствами, не могутъ быть выгодными, и слѣдуетъ быть совершенно къ тому приготовлену. Только одно время и терпѣніе могутъ преодолѣть это затрудненіе.

Мы никакъ не можемъ согласиться съ мыслию, чтобы заграничные капиталы могли искать помѣщенія въ ипотечныхъ обязательствахъ нашихъ земскихъ банковъ, пока эти обязательства не получаютъ выгоднаго курса въ предѣлахъ своего государства. Если мы видимъ примѣры обращенія за границу обязательствъ, принадлежащихъ существующимъ уже у насъ кредитнымъ обществамъ, то приписываемъ этотъ фактъ довѣрію и выгодному курсу, которые они пріобрѣли прежде въ своемъ краю. При подобныхъ условіяхъ нѣтъ спору, что современемъ, наши ипотечныя обязательства могутъ сдѣлаться весьма привлекательными для заграничныхъ капиталовъ; они долго еще могутъ обѣщать имъ процентъ возвышеннѣе того, который они находятъ у себя, но одного этого обстоятельства для привлеченія ихъ къ намъ недостаточно, а необходимо, чтобы

вромѣ этого наши ипотечныя обязательства имѣли у насъ дома курсъ выгодный и вѣрный.

Гласность всѣхъ дѣйствій и отчетовъ кредитныхъ установлений мы полагаемъ необходимымъ условіемъ полного ихъ устройства. Мы увѣрены, что въ пользу ея никто не сомнѣвается, потому что каждый акціонеръ или членъ общества, а также каждый владѣлецъ ипотечныхъ обязательствъ, какъ заинтересованный, имѣетъ полное право знать о положеніи дѣлъ общества и всѣхъ подробностяхъ, относящихся къ его оборотамъ. Но дабы гласность была болѣе полною, полагаемъ полезнымъ, чтобы отчеты кредитныхъ установлений были опубликованы послѣ каждаго тиража не только въ мѣстныхъ, но и въ столичныхъ вѣдомостяхъ, въ томъ вниманіи, что не малая часть публики обѣихъ столицъ безъ сомнѣнія будетъ заинтересована въ дѣлѣ поземельнаго кредита, отчасти въ качествахъ акціонеровъ, отчасти въ качествахъ заемщиковъ и владѣльцевъ ипотечныхъ обязательствъ; такія публикаціи нужны и для того, чтобы ученая литература имѣла возможность слѣдить за общимъ ходомъ дѣла.

По нашему мнѣнію, управленіе дѣлами кредитныхъ обществъ должно быть ввѣрено лицамъ, назначаемымъ по выбору самихъ членовъ общества. Это лучшая порука хорошаго управленія и солидности обществъ. Конечно, при первомъ ихъ учрежденіи, у насъ найдется не много лицъ, приготовленныхъ къ управленію банковыми оборотами, но нужный въ этомъ случаѣ опытъ скоро пріобрѣтается практикой, а если случатся невольныя ошибки, то, безъ сомнѣнія, онѣ указаны будутъ посредствомъ гласности, и такимъ образомъ самая гласность поведетъ къ осторожности не только тѣхъ, кто сдѣлалъ ошибку, но и вообще всѣхъ кредитныхъ обществъ.

Каждое кредитное общество будетъ имѣть свой статутъ, имѣющій для него законную силу. Само собою разумѣется, что всѣ дѣйствія обществъ должны быть основаны на ихъ статутахъ; но такъ какъ многія части Россіи находятся въ весьма-различныхъ экономическихъ условіяхъ, и такъ какъ по этой причинѣ легко можетъ случиться, что соображенія, полезныя для одной мѣстности, потеряютъ свое значеніе въ другой, или будутъ даже для ней вредными, то при составленіи статутовъ слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, допустить всевозможное разнообразіе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; иначе нельзя было бы примѣниться ни къ средствамъ, ни къ потребностямъ различныхъ мѣстностей Россіи. По этимъ ува-

женіямъ, послѣ централизаціи всѣхъ кредитныхъ дѣлъ въ одномъ обществѣ, самую вредною, по нашему убѣжденію, была бы мысль подведенія подъ одинакія условія статутовъ всѣхъ русскихъ кредитныхъ обществъ.

Прочность монетной единицы, по нашему мнѣнію, рѣшительно необходима для правильнаго хода дѣлъ кредитныхъ обществъ. О важности ея относительно капиталовъ, посвящаемыхъ долгосрочнымъ затратамъ, мы уже упоминали, говоря о трудахъ комиссіи, высочайше учрежденной для устройства земскихъ банковъ. Здѣсь прибавимъ, что, съ экономической точки зрѣнія, колебаніе монетной единицы въ томъ или другомъ направленіи одинаково вредно для общественныхъ интересовъ. Если возьмемъ для примѣра капиталъ въ 100.000 руб. серебромъ, и предположимъ, что въ продолженіи 25-ти лѣтъ серебряный рубль, составляющій нашу монетную единицу, потерялъ  $\frac{1}{5}$  своего достоинства, то очевидно, что владѣлецъ сказаннаго капитала, сохранявшій его въ своихъ рукахъ въ продолженіи того времени, теряетъ  $\frac{1}{5}$  часть своего достоянія. При переходѣ того капитала въ различныя руки, ущербъ отъ измѣненія въ достоинствѣ монетной единицы разлагается по частямъ между различными владѣльцами, но частныя въ этомъ случаѣ потери, сложенныя вмѣстѣ, если капиталъ выражается кредитными знаками, имѣющими обязательный курсъ, не только будутъ равняться  $\frac{1}{5}$  части капитала, но при быстромъ его переходѣ изъ рукъ въ руки увеличатся соразмѣрно скорости его обращенія. Если послѣ того предположимъ, что въ слѣдующихъ за этимъ 25-ти годахъ достоинство серебрянаго рубля возвысилось на  $\frac{1}{5}$ , то не подлежитъ сомнѣнію, что выплаты всѣхъ обязательствъ, принятыхъ заемщиками въ началѣ сказаннаго періода съ назначеніемъ срока выплатъ въ концѣ 25-ти лѣтъ, если онѣ разчитаны были на серебряный рубль, принесутъ заемщикамъ ущерба на столько, на сколько возвысилось достоинство рубля. Правда, что въ этомъ случаѣ вѣрители, получающіе выплаты, выиграютъ отъ возвышенія монетной единицы столько, сколько потеряютъ должники, но подобныя случайныя прибыли однихъ съ ущербомъ другихъ, заинтересованныхъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ, почитаются въ экономическомъ отношеніи весьма вредною цертурбаціей, которая вредитъ самому праву собственности, а потому, въ видахъ сохраненія всѣмъ расчетамъ твердой положительности, необходима для правильнаго хода дѣлъ твердая, по возможности, монетная единица.

Подробное поясненіе неудобствъ, происходящихъ отъ ея колебанія въ томъ или другомъ направленіи, удалило бы насъ отъ прямого нашего предмета. Поэтому, мы ограничимся указаніемъ на главные неудобства непрочности монетной единицы собственно относительно поземельнаго кредита. Непрочность эта не позволяетъ правильной оцѣнки залоговъ, потому что послѣдняя выражается постоянно одною и тою же номинальною цифрою, а значеніе этой цифры измѣняется соразмѣрно измѣненіямъ въ достоинствѣ монетной единицы. Этому же неудобству подлежатъ и самыя ипотечныя займы, потому что они дѣлаются въ соразмѣрности оцѣнки залоговъ, разчитанной на единицу, подверженную колебаніямъ. Дѣйствительное достоинство всѣхъ ипотечныхъ обязательствъ, находящихся въ обращеніи, будетъ измѣняться въ той самой соразмѣрности, какъ измѣняется монетная единица, на которую они разчитаны; но болѣе всего подлежатъ будутъ шансамъ ущерба капиталы, употребленные на покупку ипотечныхъ обязательствъ съ цѣлью долгосрочной ихъ затраты, какъ-то: капиталы малолѣтнихъ, общественныхъ учрежденій и т. п. Къ нимъ мы причислить можемъ и заграничныя капиталы, на которые иные разчитываютъ для упроченія поземельнаго кредита въ нашемъ государствѣ; этимъ въ особенности капиталамъ трудно было бы рѣшиться на покупку нашихъ кредитныхъ знаковъ, если достоинство ихъ, кромѣ измѣненій въ собственномъ курсѣ, будетъ слѣдовать всѣмъ колебаніямъ, какимъ можетъ быть подвержена монетная единица, на которую они написаны.

Земскія кредитныя общества, которыя успѣли дать своимъ кредитнымъ знакамъ курсъ выгодный, и выпускать ихъ въ обращеніе соразмѣрно потребностямъ поземельной собственности, вполне достигли своей цѣли. Но въ дѣлѣ поземельнаго кредита, совершенно у насъ новомъ, осторожность совѣтовала бы ограничить первыя операціи земскихъ кредитныхъ обществъ періодическимъ выпускомъ кредитныхъ бумагъ съ обязательствомъ выкупа каждаго періода въ положительный срокъ, то-есть въ срокъ, назначенный для займовъ; лишь въ послѣдствіи, по мѣрѣ установки выгоднаго курса ипотечныхъ обязательствъ и успѣшнаго хода дѣла, было бы рационально переходить къ производству ссудъ во всякое время, по мѣрѣ того какъ онѣ будутъ испрашиваться, не стѣсняясь періодами.

Отсутствіе во внутреннихъ губерніяхъ Россіи всякихъ учетныхъ средствъ, будетъ, по нашему мнѣнію, большимъ

затрудненіемъ для сбыта ипотечныхъ обязательствъ, и слѣдовательно для успѣха земскихъ кредитныхъ обществъ. Мы не упускаемъ изъ вида громадныхъ капиталовъ, предназначаемыхъ для долгосрочныхъ затратъ собственно съ цѣлью получать на нихъ постоянные проценты. Можно предвидѣть, что капиталы этого рода могутъ и будутъ искать сами ипотечныхъ обязательствъ на кредитныхъ рынкахъ, гдѣ обыкновенно сосредоточиваются всѣ кредитныя бумаги. Капиталы этого рода бываютъ весьма полезны для земскихъ банковъ, и ихъ можно почитать дѣйствительными займодателями въ дѣлѣ поземельнаго кредита. Благопріятное вліяніе ихъ, несмотря на отдаленность отъ мѣстъ, на которыхъ учреждены будутъ земскія кредитныя общества, не останется никогда безъ пользы для этихъ послѣднихъ. Но мы говоримъ о затрудненіяхъ, которыя должно предвидѣть для многихъ заемщиковъ при первомъ сбытѣ ипотечныхъ обязательствъ на томъ мѣстѣ, гдѣ сдѣлана ссуда. Легко можетъ случиться, что, несмотря на удовлетворительный ихъ курсъ на отдаленной биржѣ, сбытъ ихъ намѣстѣ первоначальнаго ихъ выпуска будетъ затруднителенъ. Искать самимъ продажи ихъ на отдаленной биржѣ для многихъ заемщиковъ окажется рѣшительно невозможнымъ, а между тѣмъ сбытъ ихъ необходимо, ибо заемъ дѣлается всегда собственно съ этою цѣлью. Присутствіе частныхъ банкировъ много содѣйствовало бы облегченію затрудненій, которыя должно предвидѣть въ этомъ случаѣ для заемщиковъ. Они расположены были бы продать свои обязательства банкиру на условіяхъ, привлекательныхъ для послѣдняго, а онъ имѣлъ бы средства передать ихъ на отдаленные кредитные рынки. Притомъ, онъ же, банкиръ, могъ бы также сдѣлать помѣщикамъ краткосрочныя ссуды подъ залогъ ипотечныхъ обязательствъ. Но подобныхъ банкировъ внутри Россіи почти нѣтъ.

Намъ неизвѣстно, въ какой мѣрѣ правительство нашло бы возможнымъ замѣнить въ этомъ случаѣ содѣйствіемъ своимъ частныя банкирскія установленія, но мы полагаемъ, что подобное содѣйствіе могло бы принести необыкновенную пользу, хотя бы предположить его въ самыхъ умѣренныхъ размѣрахъ, и еслибы даже ограничить его собственно краткосрочными ссудами подъ ипотечныя обязательства. Конечно, можно предвидѣть, что подобная операція краткосрочныхъ ссудъ, если не ограничить ее въ извѣстныхъ предѣлахъ, могла бы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ потребовать отъ казны значительныхъ капиталовъ, превосходящихъ быть-можетъ средства ея, и повести



къ сосредоточенію въ рукахъ правительства всѣхъ ипотечныхъ обязательствъ этой мѣстности. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ мы не видимъ неудобства ни для земскихъ кредитныхъ обществъ, ни для заемщиковъ, но первое могло бы затруднить кззну громадною суммою, нужныхъ для этой операціи, еслибы онѣ не были ограничены впередъ извѣстною цифрою. Поэтому, и собственно для предупрежденія подобнаго затрудненія, слѣдовало бы опредѣлить цифру капитала, предназначаемаго на этотъ предметъ, для каждой отдѣльной мѣстности, или каждаго земскаго кредитнаго общества. Всѣ ипотечныя обязательства, отданныя въ залогъ краткосрочнымъ ссудамъ, въ случаѣ просрочки, дѣлаясь собственностью казны, могли бы быть передаваемы ею на кредитные рынки, выгодные для ихъ курса, а вырученная за нихъ сумма могла бы быть употребляема на новыя ссуды для помѣщиковъ, и такимъ образомъ общая цифра ссудъ могла бы значительно превышать цифру капитала, назначеннаго первоначально для этой операціи, разумѣется, при исключительномъ и продолжительномъ употребленіи его на этотъ предметъ. Капиталы эти, оставаясь собственностью казны и приращаясь даже процентами, не принесли бы вовсе казнѣ убытка; они составляли бы только родъ аванса, аванса быть-можетъ затруднительнаго для казны собственно потому, что онѣ потребовали бы наличныхъ суммъ для долгосрочной затраты. Для помѣщиковъ, нуждающихся часто и болѣе всего въ краткосрочныхъ ссудахъ, мѣра эта была бы вполне благодѣтельною. Они могли бы дѣлать займы въ земскомъ кредитномъ обществѣ собственно съ цѣлью сдѣлать тотчасъ же заемъ на краткій срокъ подъ залогъ полученныхъ изъ общества ипотечныхъ обязательствъ. Съ уплатой этого займа, они могли бы оставлять у себя выкупленные обязательства до обнаруженія новой потребности въ краткосрочномъ займѣ, и имѣя такимъ образомъ въ рукахъ вѣрное средство для пріобрѣтенія оборотнаго капитала, необходимаго въ сельскомъ хозяйствѣ, они нашли бы въ его выгодахъ средства для постепеннаго погашенія займа, сдѣланнаго въ кредитномъ обществѣ, и соединяли бы выгоды краткосрочныхъ ссудъ съ выгодами долгосрочныхъ, основанныхъ на системѣ постепеннаго погашенія.

Круговая порука всѣхъ заложенныхъ имуществъ составляетъ, по нашему мнѣнію, одно изъ первыхъ и необходимыхъ условій для учрежденія товариществъ землевладѣльцевъ-заемщиковъ. Порука эта, если смотрѣть на нее какъ на отвѣтствен-

ность аккуратныхъ плательщиковъ за неаккуратныхъ, можетъ казаться страшною нашимъ землевладѣльцамъ, пока они не убѣдятся, что сила ея имѣетъ прежде всего значеніе моральное. Конечно, еслибы каждая недоимка и каждый непредвидѣнный расходъ вели, на основаніи круговой поруки, къ безотлагательнымъ новымъ требованіямъ денежныхъ взносовъ съ заемщиковъ, то подобный порядокъ вещей потребовалъ бы безконечныхъ новыхъ налоговъ на заложенные имущества, и тогда самыя условія займовъ потеряли бы всякую опредѣлительность; но круговая отвѣтственность въ томъ порядкѣ, какой принять для большей части кредитныхъ обществъ въ Германіи, то-есть какъ порука, устанавливаемая для самыхъ крайнихъ случаевъ и въ особенности для окончательной ликвидаціи дѣлъ общества, никого устрашать не можетъ, ибо составляетъ лишь гарантію моральную. Само собой разумѣется, что для этого необходимо, чтобъ общество имѣло собственный резервный капиталъ для непредвидѣнныхъ расходовъ и немедленнаго пополненія всѣхъ недоимокъ, дабы уплата процентовъ по ипотечнымъ обязательствамъ, а также выкупъ ихъ по тиражамъ, могли производиться неукоснительно въ опредѣленные сроки.

Мы неоднократно уже говорили о важности резервнаго капитала. Теперь разсмотримъ, какимъ образомъ можно замѣнить кредитомъ резервный капиталъ, въ которомъ, какъ нельзя не предвидѣть, долженъ оказаться недостатокъ въ первое время учрежденія каждаго земскаго кредитнаго общества. Разумѣется, что мѣрой этого кредита должны быть такіе расходы, которые можно если не опредѣлить, то предвидѣть, заранѣе, какъ-то: расходы по управленію и недоимки по ежегоднымъ взносамъ съ заемщиковъ, предназначаемымъ для уплаты процентовъ на ипотечныя обязательства и для выкупа ихъ по тиражамъ. Опредѣленіе расходовъ по управленію можетъ быть сдѣлано примѣрно безъ затрудненія, но опредѣленіе цѣфы недоимки съ заемщиковъ весьма затруднительно, и можно сказать одно только то, что каждое земское кредитное общество должно имѣть въ виду значительныя недоимки, а вмѣстѣ съ тѣмъ быть непремѣнно готово къ ихъ пополненію.

По нашему мнѣнію, въ Россіи, только одно правительство могло бы удовлетворить подобнымъ неопредѣлительнымъ условіямъ кредита. Одно оно могло бы удѣлять обществамъ землевладѣльцевъ-заемщиковъ значительныя суммы, удѣлять ихъ сколько и *когда* оказалось бы нужнымъ. Последнее, то-есть открытіе кредита въ то именно время, когда онъ нуженъ, весь-

ма важно въ томъ отношеніи, что иначе обществамъ приходилось бы имѣть во всякое время значительные резервные капиталы, разчитанные съ избыткомъ противу надобности, какая въ нихъ можетъ обнаружиться, для того чтобы недоимки, какъ бы онѣ ни оказались значительны, не могли никогда затруднить кредитныя общества.

Подобный кредитъ, открытый правительствомъ, не только можетъ вполне замѣнить недостатокъ резервнаго капитала, но въ результатахъ своихъ онъ соотвѣтствовалъ бы гарантіи правительства за всѣ ипотечныя обязательства, потому что подобный кредитъ обезпечивалъ бы выплаты на нихъ процентовъ и самый ихъ выкупъ по тиражамъ по нарицательной цѣнѣ. Возвратъ съ процентами суммъ, заимствованныхъ такимъ образомъ, не могъ бы затруднить кредитныя общества, если допустить возвратъ этихъ суммъ частями по мѣрѣ накопленія резервнаго капитала.

Предположивъ согласіе правительства на подобное содѣйствіе со стороны его въ дѣлѣ поземельнаго кредита, оставалось бы сообразить два предмета: 1) Какихъ примѣрно оно потребовало бы отъ правительства суммъ, дабы онѣ не превысили возможныхъ средствъ казны? и 2) Какимъ образомъ, не дѣлая содѣйствія этого обязательнымъ для казны навсегда, ограничить его собственно тѣмъ временемъ, въ которое оно необходимо для товариществъ землевладѣльцевъ-заемщиковъ?

По первому, слѣдовало бы забрать справку о цифрѣ долгосрочныхъ ссудъ, произведенныхъ старыми кредитными установленіями, также о цифрѣ недоимокъ по тѣмъ же ссудамъ, и изъ сравненія этихъ двухъ цифръ вывести приблизительно соображенія, какія недоимки можно предвидѣть впереди, судя по примѣру прошедшаго времени. Къ сожалѣнію, въ свѣдѣніяхъ, собранныхъ комиссіей для устройства земскихъ банковъ, не находится достаточныхъ данныхъ для извлеченія подобнаго соображенія. Приложение II къ *Трудамъ* комиссіи заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о долгахъ, состоящихъ на помѣщичьихъ населенныхъ имѣніяхъ, по всѣмъ государственнымъ кредитнымъ установленіямъ, свѣдѣнія, распределенныя по губерніямъ. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что общаго долга по сроки займовъ 1859 года состояло 425.503.061 рубль, а недоимки считалось всего 14.736.115 руб., что составляетъ нѣсколько болѣе 3-хъ процентовъ. Но такъ какъ неизвѣстно,

какимъ образомъ цифра этой недоимки сложилась въ продолженіи многихъ лѣтъ, при различныхъ срокахъ, бывшихъ у насъ въ употребленіи для долгосрочныхъ ссудъ, то изъ нея нельзя вывести точнаго свѣдѣнія о недоимкѣ, которая могла бы быть указателемъ нужнаго земскимъ кредитнымъ обществамъ кредита, о которомъ тутъ идетъ дѣло. За всѣмъ тѣмъ однако по нашему мнѣнію, изъ одной показанной выше цифры недоимки можно вывести заключеніе болѣе чѣмъ правдоподобное, что сумма, необходимая ежегодно земскимъ кредитнымъ обществамъ для пополненія недоимокъ, не превышала бы средствъ казны. Впрочемъ, для удостовѣренія, въ какой мѣрѣ это справедливо, слѣдовало бы забрать точнѣйшую справку въ дѣлахъ старыхъ кредитныхъ установлений.

По второму предмету, то-есть какимъ образомъ, не дѣлая разсматриваемаго нами кредита обязательнымъ для правительства навсегда, ограничить его собственно необходимымъ временемъ, представляются слѣдующія соображенія. Еслибы казна, соглашаясь на открытіе кредита, предоставила себѣ право прекратить его по своему усмотрѣнію, то не нужно доказывать, что содѣйствіе правительства, на подобныхъ условіяхъ, было бы недѣйствительнымъ, потому что вовсе не поселило бы въ капиталахъ довѣрія къ ипотечнымъ обязательствамъ. Еслибы правительство, открывая кредитъ земскимъ кредитнымъ обществамъ, пожелало ограничить его извѣстнымъ числомъ лѣтъ, то это мало способствовало бы возбужденію довѣрія къ ипотечнымъ обязательствамъ, и оно, будучи бытъ-можетъ оживлено въ первое время, могло бы уменьшаться постепенно съ приближеніемъ окончательнаго срока открытому кредиту. Мы полагаемъ бы потому самымъ удобнымъ какъ для казны, такъ и для кредитныхъ обществъ, чтобы кредитъ, открытый правительствомъ, не будучи ограниченъ извѣстнымъ числомъ лѣтъ, обезпечивалъ уплаты, лежащія на кредитномъ обществѣ по извѣстному выпуску ипотечныхъ обязательствъ, до совершеннаго выкупа ихъ изъ обращенія. Для этого нужно тройное условіе. Первые выпуски ипотечныхъ обязательствъ должны быть дѣлаемы не иначе какъ по періодамъ. Окончательный выкупъ всѣхъ ипотечныхъ обязательствъ перваго періода въ продолженіи срока, принятаго для погашенія займовъ, долженъ быть сдѣланъ для кредитныхъ обществъ обязательнымъ, и кредитъ, открываемый казною для пополненія недоимокъ съ заемщиковъ, долженъ бы быть для казны

обязательнымъ до совершеннаго выкупа изъ обращенія всѣхъ ипотечныхъ обязательствъ перваго періода. Подъ названіемъ періода обязательствъ мы разумѣемъ не извѣстное число ихъ, опредѣленное заранѣе какою-либо цифрою, а все то число ихъ, или лучше сказать, всю ту сумму, на которую выпущено ихъ будетъ въ обращеніе въ первыя 3, 4, 5 или 6 лѣтъ, принимаемая за первый періодъ времени для перваго ихъ выпуска по мѣрѣ испрашиваемыхъ ссудъ.

Кредитъ, открытый въ подобныхъ широкихъ размѣрахъ, могъ бы дать товариществамъ землевладѣльцевъ-заемщиковъ въ непродолжительномъ времени полную самостоятельность; составляя нѣкоторымъ образомъ ручательство за всѣ ипотечныя обязательства, находящіяся въ обращеніи, онъ способствовалъ бы приливу къ нимъ капиталовъ и установленію выгоднаго ихъ курса; въ продолженіи этого содѣйствія и подъ его вліяніемъ, кредитныя земскія общества могли бы обезпечить себя собственнымъ резервнымъ капиталомъ, достаточнымъ для возврата казнѣ позайствованныхъ у нея суммъ и для обезпеченія новаго выпуска ипотечныхъ обязательствъ безъ всякаго уже содѣйствія правительства. Довѣріе публики, пріобрѣтенное ипотечными обязательствами перваго періода или выпуска, передалось бы какъ бы само собою новому ихъ выпуску, курсъ обязательствъ обоихъ выпусковъ могъ бы быть одинаковымъ, и такимъ образомъ прекращеніе содѣйствія правительства, наступая въ то время, когда земское кредитное общество пріобрѣло уже достаточную собственную самостоятельность, не произвело бы вовсе потрясенія въ дѣлахъ общества.

Самый успѣшный примѣръ предлагаемой нами мѣры представляетъ Земское Кредитное Общество Царства Польскаго. О ней мы говорили подробно въ IV отдѣлѣ нашихъ статей прошлаго года, на которыя здѣсь ссылаемся.

Л. Гечевичъ.

Варшава,  
въ январѣ 1861 года.

# МАЧИХА

---

## ПОВѢСТЬ

---

### I.

Михаилъ Сергѣевичъ Асонинъ прямо изъ корпуса вступилъ на военное поприще и рано былъ окуренъ пороховымъ дымомъ. Двадцати восьми лѣтъ онъ женился. Десять лѣтъ счастливаго супружества пролетѣли незамѣтно; жена его умерла, оставивъ сиротку-дочь. Асонинъ обратилъ на нее всю свою нѣжность. Но гдѣ жь военному человѣку возиться съ ребенкомъ? Кое-какъ до шести лѣтъ протаскалъ онъ ее за собой, и подалъ на высочайшее имя просьбу о помѣщеніи его бѣдной сиротки въ какое-либо казенное заведеніе. Она принята была въ Смольный монастырь. Асонинъ совсѣмъ осиротѣлъ. Грустно было ему растаться съ своею Анеточкой. Въ минуту разлуки онъ готовъ былъ отдать все, лишь бы сохранить при себѣ дочь; но боязнь, что не сумѣетъ дать ей надлежащаго воспитанія что, какъ мужчина, онъ не понимаетъ даже какъ за это взяться, одержала верхъ; дѣвочка отвезена была въ Петербургъ.

Человѣку, испытавшему прелесть семейной жизни, насчитывавшему себѣ лѣтъ пятьдесятъ, носящему званіе подполковника, тяжело одиночество. Общество офицеровъ, большею частью молодыхъ, не наполняло пустоты жизни; онъ искалъ семейныхъ кружковъ, отдыхалъ въ нихъ на нѣсколько часовъ, и съ новою грустью возвращался въ пустую квартиру холостяка.

Въ Австріи грянула военная труба. Полкъ Асонина получилъ приказаніе двинуться въ Венгрію. Михайлъ Сергѣевичъ ожилъ. Какъ благословлялъ онъ теперь судьбу, что устроилъ свою сиротку прежде кампаніи! Пуля навывлетъ въ плечо лишила его употребленія лѣвой руки. Храбрый воинъ не жалѣлъ о ней, и послѣ нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ въ госпиталѣ, снова явился въ рядахъ солдатъ, но уже не безцвѣтною фигурой подполковника, а командиромъ полка.

Война, конечно, зло, Асонинъ понималъ это не хуже другихъ; но когда Венгерцы положили оружіе, когда военныя дѣйствія прекратились, Михайлу Сергѣевичу сгрустнулось. Онъ невольно взглянулъ въ будущее. Скука одиночества вновь предстала, дѣлая ему всевозможныя гримасы. Чтѣ жъ было дѣлать какъ не покориться? Въ Россію Асонинъ возвратился уже генераломъ; полкъ его получилъ назначеніе расположиться на постоянныя квартиры въ одной изъ великороссійскихъ губерній. Весело зажили офицеры. Дѣвушекъ въ городѣ было пропасть, а ихъ батюшки, матушки, тетушки, дядюшки только и хлопотали о томъ, какъ бы сбыть съ рукъ товаръ, иной и очень залежавшійся. Компанія покупателейъ хоть и не знаменита была капиталами, ну, да какъ быть! можно и въ долгъ повѣрить. И горожане-то не на наличныя торгуютъ. Вотъ и доказательство:

Одинъ изъ отставныхъ довольно мелкихъ чиновниковъ города, составившій себѣ во время службы и капиталецъ, котораго, однакожъ, вѣроятно много поистратилось на воспитаніе и опредѣленіе двухъ сыновей, имѣлъ еще двухъ дочекъ. Взрослыя дочки чиновника тоже помогли къ убавленію его капиталца, такъ что въ послѣднее время чиновникъ, любившій бывало хлѣбъ-соль водить со многими, какъ-то посжался. Всѣ думали, что средства истощились. Дочерямъ перешло ужъ и за двадцать за пять; судьбы, однакожъ, Богъ не посылалъ. Ни одна сваха даже не заглянула въ домъ, не только женихъ. Старикъ терпѣлъ, терпѣлъ, и какъ увидѣлъ, что съ дочками-то, пожалуй, и разлуки не будетъ, рѣшился написать духовную, назначая каждой изъ нихъ по десяти тысячъ серебромъ, находящихся частію въ векселяхъ, на такихъ-то и такихъ-то графахъ и князьяхъ, частію въ билетахъ опекунскаго совѣта, за такими-то нумерами. Въ свидѣтели духовной были избраны господа съ длиннымъ язычкомъ. Не прошло мѣсяца, какъ весь городъ уже зналъ, въ томъ числѣ и военные пришельцы, что дочери чиновника далеко не бѣдны, какъ думали прежде. Вскорѣ одна

изъ нихъ вышла за мелкотравчататаго помѣщика, желавшаго поправить своя обстоятельства выгодною женитьбой; вторая за подпоручика, строившаго разные воздушные замки на фундаментъ десяти тысячъ.

Осторожный старикъ, наканунѣ свадьбы, выдалъ каждому изъ своихъ зятей по тысячѣ, говоря, что имъ, какъ молодымъ людямъ, не слѣдуетъ брать всего капитала, что деньги въ хорошихъ рукахъ, и что онъ имъ ежегодно будетъ выдавать по тысячѣ въ видѣ процентовъ. Зятья, не желая раздражать старика; покорились необходимости, и зажили припѣваячи въ надеждѣ будущихъ благъ.

Черезъ полгода тестъ скончался. Бумаги, вещи, все было запечатано, какъ слѣдуетъ, до шести недѣль. Дочери и сыновья плакали искренно, зятья сочиняли грустную мишу, и мечтали о скоромъ обладаніи порядочнымъ капиталомъ.

Каково жъ было ихъ удивленіе, когда, открывъ шкатулку, не нашли въ ней никакихъ билетовъ, а нашли только два, три векселя на мѣщанъ, всѣ въ пятьсотъ рублей, и собственноручное письмо покойнаго на имя возлюбленныхъ зятей, въ которомъ онъ просилъ у нихъ прощенія за необходимый обманъ. «Да, необходимый! говорилъ онъ: иначе бѣдныя мои дочери остались бы послѣ меня безъ куска хлѣба и безъ пристанища. Родительская любовь и заботливость должны меня извинить передъ вами.»

Тропическія бури разразились надъ головами несчастныхъ женъ. Къ счастью; такія бури не продолжительны. Ураганъ стихъ, но молодые плантаторы были разворены.

Подобнаго рода продѣлки случались не рѣдко; невѣстамъ обыкновенно судили много, а у женъ оказывалось ничего: метода, за которую несчастныя женщины платятъ иногда цѣлою жизнію страданій.

Ассонинъ прибылъ въ городъ, и на первую минуту остановился въ гостиницѣ. Сдѣлавъ нѣсколько необходимыхъ визитовъ лицамъ начальствующимъ въ городъ, онъ отправился въ сопровожденіи своего адъютанта искать себѣ квартиру. Много осмотрѣли они домовъ, и ни одинъ какъ-то не приходился по вкусу Михаилу Сергѣевичу; то былъ великъ, то малъ, то казался сыръ. Подѣхали еще къ одному съ закрытыми ставнями.

— Стой! крикнулъ генералъ.

— Этотъ вамъ будетъ малъ, Михаилъ Сергѣичъ, сказала адъютантъ.



— Все-таки посмотримъ.

Они вошли на дворъ; косматая шавка съ лаемъ бросилась имъ подъ ноги; на ея лай выбѣжала женщина, довольно нечисто одѣтая, съ пестрымъ подинялымъ платкомъ на головѣ, съ платьемъ, подоткнутымъ подъ поясъ, и голыми до локтя красными руками.

— Цыцъ ты, негодная! кричала она визгливымъ голосомъ.— Вамъ кого надо? проговорила она, обращаясь къ пріѣзжимъ.

— Этотъ домъ отдается въ наймы? спросилъ Асонинъ.

— Отдается.

— Такъ намъ нужно посмотрѣть его; ты что ли покажешь?

— Нѣтъ, пожалуйста къ хозяйкѣ.

Женщина бросилась къ противоположной двери, той, изъ которой вышла, оставивъ генерала и Данковскаго вновь на жертву шавкѣ.

Черезъ минуту появилась вѣроятно ужъ горничная, судя по костюму, и попросила посѣтителей въ комнаты.

Сбросивъ шинели въ лакейской, которыя горничная едва успѣла подхватить, они вошли въ маленькую залу, гдѣ были встрѣчены пожилою женщиной.

— Честъ имѣю рекомендовать себя: отставная совѣтница Лукерья Андревна Дьячкова, хозяйка этого дома. А позвольте, спросить, съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

— Генералъ Асонинъ, а это мой адъютантъ, Данковскій.

— Дѣвка, подай скорѣй кресло! Лукерья Андреевна засуетилась.

— Я бы желалъ осмотрѣть домъ, который вы, кажется, отдаете въ наймы, проговорилъ Асонинъ.

— Извольте, батюшка, извольте! Домъ, я вамъ скажу, хозяйственный, удобный; сколько однихъ чулановъ!

Данковскій чуть не захохоталъ.

Въ эту минуту вошла въ комнату дѣвушка и, сдѣлавъ легкій поклонъ гостямъ, сѣла за свою работу.

— Это моя единственная дочь, сказала Лукерья Андреевна.

Мушцины встали и поклонились.

Вспыхнувшая дѣвушка приподнялась немножко со стула вмѣсто новаго поклона.

— Такъ-то, ваше превосходительство, ужъ я знаю, что домъ мой вамъ понравится; все есть—и подвалы, и кладовыя... все какъ слѣдуетъ, повторила Лукерья Андреевна.

— Генераль очень мало, я думаю, заботится о кладовыхъ и чуданахъ, маменька, сказала дочь.

— Какъ это можно! вотъ молодой умокъ-то! Если генералу они не нужны, такъ генеральша спасибо скажетъ.

— Генеральши у меня нѣтъ, я одинъ, возразилъ Асонинъ.

— Какъ же это, батюшка? и не скучно вамъ однимъ-то?

— Чтò дѣлать! Богу угодно было взять къ себѣ мою генеральшу.

— А дѣточки-то остались?

— Одна дочь.

— Гдѣ же она, съ вами?

— Нѣтъ, она въ казенномъ заведеніи воспитывается. Такъ можно мнѣ взглянуть на домъ?

— Какъ же, извольте, ваше превосходительство. Серафимушка, сказала старушка, обращаясь къ дочери, — мы пойдемъ, а ты прикажи-ка сварить кофей да угости насъ! Въ домъ-то я чай холодненько; вѣдь не жилые покои, вотъ ужь съ годъ пустые стоятъ. Надѣюсь, что ваше превосходительство удостоите выкушать съ нами чашку кофейю. Между тѣмъ потолкуемъ, можетъ-быть и сойдемся.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ генераль.

— Я ейчасъ буду готова, лишь накину что-нибудь на себя, сказала старушка, выходя въ смежную комнату.

— А вы не замѣните маменьки въ обязанности показывать домъ? спросилъ Данковскій, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ.

— Я бы не желала, чтобъ и маменька принимала на себя эту обязанность.

— Маменька ваша, вѣроятно, большая хозяйка.

— А я нѣтъ, хотите вы сказать? съ улыбкой возразила Серафима Петровна.

— Дѣвушка всѣ не хозяйки; у нихъ въ душѣ еще слишкомъ много поэзіи, чтобы заниматься прозой жизни, сказалъ въ свою очередь Михайлъ Сергѣевичъ.

— Вы думаете!...

— Не думаю, а знаю.

— По нѣсколькимъ обрачкамъ нельзя составлять общее мнѣніе, генераль.

— Вотъ я и готова, сказала вошедшая старушка. — Не угодно ли, ваше превосходительство?

— Мнѣ прикажете идти, генераль? спросилъ Данковскій,

которому очень бы хотѣлась остаться лучше съ хозяйскою дочкой. Правду сказать, дѣвушка была замѣчательно хороша, хотя уже не первой молодости; умъ просвѣчивалъ въ каждой чертѣ лица; во всѣхъ движеніяхъ были достоинство и простота. Мать и дочь, казалось, не родня, такъ рѣзко отличались онѣ одна отъ другой; сколько первая казалось простонародна, столько послѣдняя аристократически-проста. И не мудрено! Серафима Петровна воспитывалась съ девяти лѣтъ въ домѣ одной графини. Когда графиня уѣхала въ Петербургъ на житье, дѣвушка переселилась подъ бѣдный родной кровъ матери, которая успѣла между тѣмъ овдовѣть, и покорила грустной необходимости довольствоваться тремястами ежегоднаго дохода. Переходъ былъ рѣзкій. Не столько подѣйствовалъ на нее контрастъ обыденной жизни, сколько разность понятій ея съ понятіями той среды, гдѣ ей отнынѣ приходилось жить. Съ трудомъ покорялась она своей участи... Тяжело переживала она часы, дни, мѣсяцы и наконецъ годы. Радужныя надежды юности исчезали одна за другой. Знакомые графини, встрѣчая ее иногда въ церкви или на улицѣ, бросали ей нѣсколько словъ, иногда и приглашеніе, но съ такимъ обиднымъ тономъ покровительства, который до глубины души уязвлялъ дѣвушку. На мать ея никто не обращалъ вниманія. И Серафима заперлась въ тѣсномъ уголкѣ своего флигелька. До двадцатисемилѣтняго возраста, много успѣло накопиться въ душѣ ея желчи, эгоизма и недоброжелательства къ людямъ.

Мать, обожавшая ее, часто однакожь не на шутку сердилась и журила ее за холодное и гордое, по ея мнѣнію, обращеніе съ ея пріятельницами и знакомыми.

Въ сущности же Серафима вовсе не была горда; но послѣ обмѣна обыкновенныхъ фразъ со всѣми кумушками, она истинно не находила словъ для поддержанія разговора и большею частію молчала. Мушны, посѣщавшіе ихъ, были еще хуже. Общество дѣвушекъ, сверстницъ по лѣтамъ, она рѣшительно отвергла. И чтѣ общаго было между ею, получившею, въ самомъ дѣлѣ, порядочное образованіе, и этими пустыми, жеманными дѣвочками, дочерьми секретарей, столоначальниковъ и тому подобныхъ? Книги и работа—вотъ чтѣ было ея единственною отрадой. Графиня, уѣзжая, позволила ей пользоваться своею библіотекою. Жоржъ-Сандъ, такъ восхитительно оправдывающая всѣ увлеченія и страсти женщинъ, сдѣлалась

кумиромъ Серафимы; Сю, Дюма, Сулье, всѣ были ея собесѣдниками и друзьями. До двадцати двухъ лѣтъ, дѣвушка жила мечтами, каждый день ожидая, что вотъ-вотъ появится герой ея собственнаго романа; дни за днями уходили, являлись иногда мелкіе чиновнички, изъ которыхъ самое, восторженное воображеніе не могло, однакожь, создать и тѣни героя, годнаго для романа Серафимы. Она начинала свыкаться съ мыслию, что въ ея жизни никакого романа не будетъ, что она обречена на вѣчное одиночество, на вѣчную тоску. Подчасъ, полученное ею воспитаніе казалось ей тяжкимъ бременемъ. Къ чему оно, въ ея положеніи, въ ея обществѣ?.. Безъ этого не прошеннаго дара, ей широко и привольно было бы въ кругу знакомыхъ матери. Изъ числа приказныхъ и секретарей, выбрала бы себѣ мужа; пекла бы пироги по праздникамъ, возилась бы съ дѣтьми по буднямъ; и за незнаніемъ лучшаго, хорошо и весело жилось бы ей на бѣломъ свѣтѣ. Судьба не такъ опредѣлила; въ минуту страннаго каприза вытолкнула она дѣвочку изъ колѣн, по которой должна бы она идти за отцомъ и матерью, развила въ ней понятія, очистила вкусъ, и заставляла чуждаться смѣшнаго и пошлаго, — отличительныхъ качествъ, украшающихъ ея настоящее общество. Вступивши въ него, сначала она смѣялась, что возбуждало неудовольствіе матери; потомъ оно надоѣло ей, она стала избѣгать его; ее назвали гордою, мать бранила.

— Куда тебѣ жить съ нами! Тебѣ бы въ графини, говорила старушка.

Серафима молчала.

— Гдѣ тебѣ говорить съ Грибковыми? Ты и съ матерью-то вотъ слова не промолвишь!..

— Да что же говорить, маменька?

— Какъ! съ матерью-то нечего говорить?

— Не съ матерью, а съ Грибковыми.

— Ужь скажи лучше прямо: дескать вы всѣ необразованные, нечего мнѣ съ вами толковать. А-ихъ-ма! Не проспять грѣха моему покойнику, что отдалъ тебя къ графинѣ... вотъ и воспиталась на горе мнѣ!..

— Я не просила этого воспитанія, и въ самомъ дѣлѣ была бы счастливѣе безъ него.

— Ужь конечно!..

Подобныя сцены повторялись не рѣдко. На Лукерью Ан-

древну, онѣ не производили никакого впечатлѣнія, кромѣ минутной досады; не проходило и четверти часа, какъ она снова заговаривала съ дочерью, какъ будто ничего не было. Лукерья Андреевна, женщина простая, но добрая, за всякую невольную вспышку она обвиняла себя въ послѣдствіи. Серафимъ же эти размолвки западали въ душу, каждый разъ оставляя на днѣ ея осадокъ горечи.

— Такъ стало рѣшено, Лукерья Андреевна, я вашъ постоялецъ, говорилъ Асонинъ, возвращаясь снова въ маленькій флигель, занимаемый хозяйкой.

— Слава Тебѣ Господи! Ужь я-то какъ рада, ваше превосходительство, что вамъ понравился мой домикъ. Серафимушка, давай-ка скорѣй кофею дорогимъ постояльцамъ.

— Кофеей, значить, на вашей отвѣтственности, Серафима Петровна? Послѣ этого, кто же смѣетъ упрекнуть васъ въ неумѣннн хозяйничать? сказалъ Данковскій, подходя къ дѣвушкѣ.

— О! я никому не позволю упрекать себя ни въ чемъ, вы можете быть увѣрены.

— Это дѣлають иногда и безъ позволенія, проговорилъ молодой человекъ, немного озадаченный рѣзкостью отвѣта.

— Въ такомъ случаѣ, это будетъ не упрекъ, а сужденіе заочно, на которое всякій имѣетъ право.

Генералъ съ улыбкой глядѣлъ на своего адъютанта, какъ бы желая сказать: что, братъ, попался?

Горничная внесла подносъ со всѣми принадлежностями къ кофею и поставила на столъ подлѣ барышни. Серафима, наливъ чашки, одну изъ нихъ подвинула Данковскому, сидѣвшему подлѣ стола.

— Не угодно ли вамъ произнести вашъ приговоръ надъ кофеемъ?

— Налитый вами, онъ долженъ быть превосходенъ.

— Подобнаго рода комплименты вы говорите стало-быть всѣмъ дѣвушкамъ при первой встрѣчѣ?

— Не всѣ дѣвушки внушаютъ мнѣ желаніе сказать пріятную истину.

— Не всѣ и мужчины позволяютъ себѣ говорить пріятныя истины, какъ вы выражаетесь, тѣмъ, кого они совсѣмъ не знаютъ. И похоже ли на истину то, что вы сказали?

— О, это неоспоримая истина! Рука хорошенькой женщины

можетъ придать вкусъ нектара и простой водѣ. Надѣюсь, что силу женской красоты никто не назоветъ миеомъ.

— Да, въ золотой рамкѣ, она въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, владычествуетъ.

— Алмазъ вездѣ блеститъ.

— Однако, рука ювелира придаетъ ему много цѣны. Здѣсь въ городѣ вы найдете довольно алмазовъ, съ прекрасною гранью и въ хорошей оправѣ; совѣтую вамъ для нихъ побережъ ваши комплименты. А я, по праву близкой сосѣдки, постараюсь приобрести вашу дружбу. Вѣдь вы живете съ генераломъ?

— До сихъ поръ, нѣтъ; но онъ этого желаетъ, и теперь я съ особеннымъ удовольствіемъ и благодарностію приму его гостепріимство.

— Вы еще ни съ кѣмъ не познакомились?

— Теперь и не желалъ бы! Я охотно ограничился бы маленькимъ кружкомъ, посланнымъ мнѣ Провидѣніемъ.

Серафимъ какъ-то не ловко было отъ всего этого потока пошлой лести. Адъютантъ пересаливалъ. Она встала и подошла къ матери, спросила, не хочетъ ли она еще кофею.

— Въ вашей добротѣ я совершенно увѣренъ, Лукерья Андреевна; желалъ бы знать теперь, могу ли разчитывать на привѣтъ и радушіе молодой моей хозяйки? сказалъ генераль, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ.

— Если вамъ будетъ у насъ не скучно, генераль, мы всегда будемъ рады васъ видѣть.

— Тамъ гдѣ столько добродушія и ума, скучно не бываетъ. Боюсь одного—вамъ наскучить.

— Какъ вамъ не грѣхъ это говорить, ваше превосходительство! прервала его Лукерья Андреевна.— Намъ наскучить!.. Ну статочное ли это дѣло?.. Вѣдь мы Русскія.

— Теперь я попрошу васъ, принять плату за три мѣсяца и позволить мнѣ нынче же переѣхать.

Асонинъ вынулъ бумажникъ и отсчиталъ должную сумму.

Лицо старушки еще болѣе просіяло при полученіи денегъ, которыя позволяли ей сдѣлать нѣсколько обновъ своей Серафимушкѣ. Пока домъ былъ не занятъ, ей едва доставало на необходимые домашніе расходы; всѣ прихоти были забыты.

Генераль и его спутникъ уѣхали.

— Вотъ Богъ послалъ намъ кладъ-то, Серафимушка! И не торговался! Шутка ли, тридцать цѣлковыхъ въ мѣсяцъ!.. А

прежде-то вѣкъ ходилъ за двадцать, да еще почти годъ стоялъ пустой.

Старушка сосчитала деньги; три красенькія депозитки отделила отъ пачки.—Поцѣлуй-ка меня, дочка!

Серафима обняла мать.

— Вотъ тебѣ, моя голубушка, сказала Лукерья Андреевна, кладя въ руку дочери три ассигнаціи:—сшей себѣ что хочешь. Какъ ты думаешь, Серафимушка, не дать ли Акулинѣ и Дунышѣ по цѣлковенькому? А?.. Мнѣ-то вѣдь ничего не надо!

— Какъ ничего? А у васъ теплаго пальто нѣтъ. И чепчикъ бы нужно какой-нибудь новенькій.

— Что ты, мать моя! На что это? Пальто старое протаскаю всю зиму; а чепчикъ есть, на мнѣ старухѣ не взыщутъ. А мнѣ-то я ужь дамъ, Серафимушка; нельзя не потѣшить, вѣдь служить...

— Какъ угодно, маменька.

— Дуныша! А, Дуныша!

— Сейчасъ-съ, отозвалась горничная.

— Да ну, сейчасъ,—поди сюда! Да позови-ка Акулину.

— Сейчасъ, повторилъ голосъ изъ другой комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ обѣ служанки явились передъ барыней.

— Натѣ-ка вотъ, возьмите сшейте себѣ по платью. Хотѣла было дать по цѣлковому, да цѣлковыхъ-то нѣтъ, ужь вотъ вамъ трехрублевая; ситчикъ подлучше купите, да служите хорошенько барышнѣ.

Обѣ женщины поцѣловали морщиноватую руку своей барыни и тоже хотѣли облобызать хорошенькую ручку барышни, но ручка спряталась и довольно холодное: «не за что,» было отвѣтомъ на благодарность горничной и кухарки.

— Богъ съ ними, говорила старушка, по уходѣ служанокъ,—можетъ на ихъ долю Богъ и послалъ, что такую цѣну дали. А куда хорошій человекъ генераль-то, кажется. Какъ на твои глаза, Серафимушка?

— Сразу нельзя узнать, маменька.

— Видно сову по полету. Ну-ка онъ бы на тебѣ да женился! А? Ужь и не знала бы я какому Богу молиться!..

Серафима вспыхнула.

— Нечего не въ свои сани садиться, проговорила она съ видимою досадою на нелѣпное предположеніе матери.

— Не въ свои сани! Коли хороши, отчего не състь?

Чѣмъ ты ему не пара? Хороша, воспитана, и умомъ Богъ не задѣлалъ; бѣдна, такъ онъ богатъ. А посматривалъ онъ на тебя.. ужь я подмѣтила.

— Полноте, маменька!

— Ахъ, мать моя! чтожь я, ослѣпла что ль?

— Если онъ и смотрѣлъ на меня, такъ все-таки меньше чѣмъ на васъ.

— На меня смотрѣлъ?..—И старушка померла со смѣху.— Ахъ ты, проказница! Коли смотрѣлъ, такъ, я чай, всѣ мои морщины пересчиталъ.

— На васъ и на меня смотрѣлъ онъ вѣроятно безъ всякой цѣли, а потому что надо же куда-нибудь дѣвать глаза; въ комнатѣ никакихъ особенностей, которыя могли бы привлечь взоры, нѣтъ; пришлось смотрѣть хоть на новыя лица.

— Ну, будь по твоему. Ты скажешь, что и тютантъ-то его возлѣ тебя все вертелся оттого что некуда было дѣваться. Вотъ за этого я тебя не посоветую идтить! Нѣтъ моего благословенія! Больно вертлявъ; видно, что вѣтеръ еще въ головѣ.

— Да чтò вамъ вздумалось вдругъ выдавать меня то за того, то за другаго? Ни одинъ изъ нихъ и не думаетъ о насъ съ вами.

— Господь съ ними! Чтò имъ думать обо мнѣ старухѣ; и во снѣ-то приснюсь, такъ испугаются. Было время, думали и обо мнѣ... съ оттѣнкомъ маленькой досады сказала старушка:— моя пора была да прошла.

— А моя не наступала, да и не наступитъ, съ горечью прибавила Серафима. — Безъ денегъ, въ здѣшнемъ мѣрѣ, этой поры не бываетъ.

— Чтò жь дѣлать! Пеняй на Бога, что родилась не отъ графовъ или князей.

— Я ни на кого не ценяю! сухо возразила дѣвушка и вышла изъ комнаты.

« О, Господи! Пристрой Ты мнѣ ее, Владыко! » проговорила старушка, возводя взоры на образа и всплеснувъ руками.

Къ вечеру Асонянь переѣхалъ на свою квартиру. У воротъ поставлена будка, кухня наполнилась людьми, конюшня лошадыми, сарай экипажами; лишь кладовая и чуланы, такъ необходимые по мнѣнью Лукерьи Андреевны, остались пока еще пустыми.



Съ любопытствомъ слѣдила старушка за всею суетней, происходившею на пустемъ столько времени ея дворѣ.

— Погляди какія лошади, Серафимушка! А карета-то... и у губернатора такой нѣтъ. А изъ тарантаса-то таскали, таскали... Одинъ сундукъ куда тяжело должно-быть! Трое на силу вытащили; видно съ серебромъ, что ль?..

На всѣ восклицанія и замѣчанія матери, Серафима почти не отвѣчала.

На дворѣ почти ужъ стемнѣло, а хозяйка все еще не оставила своего поста; весело было ей видѣть, какъ оживлялся ея пустой домъ. Въ окнахъ засвѣтились огоньки, замелькали фигуры. Вотъ, проворный деньщикъ притащилъ огромный самоваръ и поставилъ его однакомъ на крыльцѣ, вѣроятно замѣтивъ, что угли еще не совсѣмъ прогорѣли.

— Ахъ, злодѣи! вскрикнула старушка:—они насъ такъ-то пожадуй спалать! Смотри-ка, самоваръ-то такъ и пышетъ, а онъ поставилъ его на крыльцѣ. Ну, помилуй Богъ, какъ поддонокъ-то не крѣпокъ!.. Дуняша! а, Дуняша! Бѣги скорѣй, скажи...

— Не безпокойтесь, маменька! Нельзя же съ первой минуты всѣхъ учить! Вѣдь они не маленькіе.

— О-о-охъ ты, безстрашная! А какъ сгоримъ!.. Чтò тогда дѣлать? Нѣтъ, ужъ завтра же скажу генералу, чтобы строго-на-строго заказалъ своимъ головорѣзамъ-то не шутить огнемъ... Унесли, слава тебѣ Господи! А то душа была не на мѣстѣ... А вотъ вѣдь я и не подумала сгоряча-то, что моему страху и конца не будетъ; вѣдь, небось, все покуриваютъ трубочки, ужъ у солдатъ такой обычай.

— Ничего, привыкнете, маменька.

Постояльцы сначала раза два, иногда и три въ недѣлю, являлись въ маленькой гостиной своихъ хозяекъ. Данковскій явно ухаживалъ за Серафимой, но она нисколько не подавалась на его любезности; была съ нимъ учтива, внимательна, какъ хозяйка, но не болѣе. Не будь тутъ генерала, можетъ-быть она бы не прочь завербовать и Владиміра Ивановича, стоящаго все-таки гораздо выше тѣхъ молодыхъ людей, съ которыми до сихъ поръ стлзивали ее обстоятельства; но генералъ составлялъ цѣль лучшую! Дѣвушка въ тридцать лѣтъ выбираетъ уже не сердцемъ, а умомъ, и это въ порядкѣ вещей. Сердце Серафимы, такъ долго, тщетно искавшее пищи, наконецъ умерло съ голоду. Умъ же, питаемый горькими разочарованіями,

опытами вседневной тяжелой жизни, оврѣтъ и вель дѣвушку осторожно, заставляя ее искать на жизненномъ пути уже не цвѣтовъ, такъ быстро увядающихъ, а золота, вѣчно сохраняющаго свой первобытный цвѣтъ. Въ случаѣ еслибъ уже на завоеванномъ золотомъ пути какъ-нибудь попался свѣженькій цвѣточекъ, отчего не поднять и его? Разсудокъ опять шепнетъ отцвѣтающей красавицѣ: глупо не пользоваться тѣмъ, что подъ рукой!

Итакъ, по зрѣломъ разсужденіи, исканія Данковскаго, въ сущности и не серьезныя, были принимаемы холодно Серафимой Петровной. Малѣйшее же вниманіе Асонина питало надежду дѣвушки, и не безъ причины. Генераль все чаще и чаще посѣщалъ маленькій олигелекъ; бесѣды становились продолжительнѣе; Серафима умно и пріятно умѣла вести разговоръ, когда хотѣла. Сужденія ея были мѣткі; нѣжность сердца и благородство чувствъ просвѣчивали въ нихъ и убѣждали генерала въ нравственныхъ достоинствахъ красавицы. Съ какимъ теплымъ участіемъ разспрашивала она его о маленькой его дочкѣ! Не рѣдко глаза ея наполнялись слезами, при его разказахъ о ребенкѣ. За эти слезы Асонинъ готовъ былъ цѣловать руки Серафимы.

— Какъ достало у васъ духу, генераль, разстаться съ нею? говорила она съ маленькимъ упрекомъ.

— Что дѣлать! Мушницѣ трудно слѣдить за воспитаніемъ дѣвочки; потомъ, поуходъ въ Венгрію...

— Неужели у васъ нѣтъ родныхъ ни съ вашей, ни съ женской стороны, которымъ бы, на время похода, вы могли ее поручить?

— Никого.

— Жаль! Иначе, вѣроятно, вы имѣли бы средства дать вашей дочери хорошую гувернантку, которой бы всѣ труды и заботы были посвящены ей одной. Въ Смольномъ же монастырѣ воспитанницъ сотни, наставницъ—десятки.

— Такъ вы находите, что домашнее воспитаніе лучше?

— Для дѣвочки, я думаю. Школы необходимы вамъ, мушницамъ; вы въ нихъ знакомитесь съ общественною жизнію, въ нихъ вы пріобрѣтаете ранніе, полезные опыты, товарищей, дружба которыхъ и пріятна, а иногда и полезна въ жизни. Поприще женщины ограничивается большею частію домашнимъ очагомъ; дружба на школьныхъ скамьяхъ для дѣвочекъ пустой звукъ. Въ общественномъ заведеніи ее уда-

лѣютъ отъ всѣхъ мелочей жизни, которыя въ сущности и составляютъ ея жизнь, и за которыми она невольно слѣдитъ, воспитываясь дома. Однимъ словомъ, воспитанница общественнаго заведенія живетъ жизнью идеальной, воспитанница домашней школы—практическою.

— Но всѣ дѣвушки безъ исключенія, до нѣкотораго возраста, живутъ въ мірѣ мечтаній, возразилъ Асонинъ.

— Можетъ-быть и такъ, но послѣднія все-таки болѣе понимаютъ, что жизнь сплетена изъ ежедневныхъ мелочныхъ заботъ; примѣръ у нихъ передъ глазами. Институтки же рѣшительно не имѣютъ ни о чемъ понятія, кромѣ своихъ уроковъ и той фальшивой идеи о жизни, которую удалось имъ вычитать тайкомъ въ какомъ-нибудь романѣ. Такъ согласитесь, что дѣвочки лучше воспитываться дома.

— Да, если у ней есть мать... съ грустью сказалъ генералъ;— моя дочь лишилась ея въ пленкахъ.

— Бѣдняжка! проговорила Серафима, отворотившись, какъ бы желая скрыть слезы.

## II.

Наступила зима; городъ суетился, приготавлиаясь къ общественнымъ удождольствіямъ. Труппа актеровъ появилась на сценѣ провинціального театра, разчитывая на хорошій доходъ отъ военныхъ. Съ декабря назначены были и дни собраній. Данковскій вѣждалъ однажды, какъ сумашедшій, къ Дьячковымъ.

— Я къ вамъ съ пріятною новостью, вскричалъ онъ.

— Чтѣ такое, батюшка? спросила старушка, глядя чулокъ, вѣчную свою работу, на столикъ; Лукерья Андреевна принялась-было снимать и очки, какъ будто они мѣшали ей слушать со вниманіемъ.—Разказывай же, батюшка, скорѣй!

— Сейчасъ, сейчасъ, Лукерья Андреевна; да вамъ-то, полно, пріятно ли будетъ это извѣстіе!.. Вамъ придется развязывать сумку съ денешками.

— А сказалъ: хорошая новость! Я сдуру-то уши развѣсила.

Старушка снова надѣла свои очки и принялась за чулокъ. Данковскій хохоталъ.

— Да подождите, Лукерья Андревна, можетъ и вы обрадуетесь... Въдь вы любите, чтобы ваша дочь веселилась?

— Веселилась?.. какъ веселилась?..

— А вотъ какъ.

Молодой человекъ развернулъ маленькій листокъ бумаги, бывшій у него въ рукѣ, и прочелъ вслухъ: «Старшины благороднаго собранія честь имѣютъ извѣстить гг. членовъ и посѣтителей, что 6-го декабря 185... года назначено собраніе, послѣ коего будутъ слѣдовать еженедѣльно по воскресеньямъ маскарады.»

— Это до насъ не касается, сказала Серафима.

— Какъ! вскричалъ Данковскій.

— Потому что ни мамонька, ни я не выѣжаемъ.

— Вы... вы не хотите участвовать въ удовольствіяхъ нынѣшней зимы, Серафима Петровна?

— Ни нынѣшней, ни прошедшей, ни будущей.

— Неужели вы такъ скупы? полушутя, полусерьезно спросилъ Данковскій, обращаясь къ старушкѣ.

— Нечѣмъ скупиться-то, батюшка, только такъ концы съ концами сводимъ.

— Серафима Петровна, какъ же это?.. А я разчитывалъ танцовать съ вами мазурку, шестаго...

— Напрасный трудъ! отвѣчала дѣвушка съ улыбкой; но улыбка была хуже вздоха.

— Лукерья Андревна, я пойду жаловаться на васъ генералу, если вы не прикажете Серафимѣ Петровнѣ ѣхать въ собраніе въ Николинъ-день.

— Я ей не запрещаю, пускай ѣдетъ.

— Ну вотъ и прекрасно! Да вы предобрая, прелюбезная, Лукерья Андревна! Мазурка значить моя? прибавилъ онъ, обращаясь къ дѣвушкѣ.

— Полноте, Владиміръ Иванычъ! Я не поѣду; это невозможно.

— И хорошо сдѣлаешь, Серафимушка! Чтѣ тамъ добраго въ этихъ собраніяхъ!

— Какъ чтѣ добраго? возразилъ Данковскій.—Свѣтло, весело, народу тѣма, музыка играетъ, всѣ танцуютъ.

— Танцуютъ... съ презрѣніемъ проговорила старушка,—не танцуютъ батюшка, а скажи лучше, врага тѣшать, прости Господи.

Серафима покраснѣла отъ этой оригинальной выходки матери, но не сказала ни слова.

— Такъ вы находите, что танцовать грѣшно? спросилъ молодой человекъ.

— Не велико спасеніе. Все равно, что пустословіе. Спроси любого священника, онъ то же скажетъ.

— Такъ видно мнѣ ужъ не спастись, Лукерья Андревна; танцовать я люблю, а болтать съ молодыми дѣвушками и вдвое.

— Ты еще молодъ, успѣешь отмолить.

— А пословицу вы забыли? Дума за горами, а смерть за плечами.

— На все воля Божія; чтò говорить! И вчастью молодой старого обгоняетъ. Да все какъ-то объ этомъ думать-то не хочется. Вотъ мнѣ — дѣло другое, пора бы на покой!

— И, полноте, Лукерья Андревна! Мы съ вами еще когда-нибудь протанцуемъ менуэтъ.

— Тогда ужъ и жди свѣту преставленія!... Безбожникъ ты этакой, смѣясь сказала старушка:—хоть бы съ старухами-то ужъ не пустословилъ!.. Вѣдь вдвое грѣхъ.

— Отпляшемъ съ вами, да и пойдемъ въ монастырь на покаяніе.

— Серафимушка, образумь ты его! Онъ вовсе нехристь.

— Ученаго учить лишь портить, съ улыбкой отозвалась дѣвушка.

— Какой онъ ученый, мать моя! Станутъ ли ученые молоть такіе пустяки!

— Въ самомъ дѣлѣ, Серафима Петровна, возьмите-ка меня въ науку! Я вѣдь очень понятливъ и послушенъ.

— Чтò жъ, закону Божію, что ли, хотите вы учиться?

— И это не мѣшаетъ; но главное научите меня отречься отъ всѣхъ приманокъ жизни, такъ, какъ вы сами это дѣлаете.

— Этому научить нельзя, если не вмѣшаются обстоятельства, а ихъ тяжелыхъ уроковъ не дай Богъ никому брать!..

Вошелъ генералъ.

— Какъ вы кстати, Михаилъ Сергѣичъ! вскричалъ Данковский: — помогите убѣдить этихъ дамъ, что нужно непременно вѣхать въ собраніе шестаго декабря.

— А чтò же, развѣ Серафима Петровна не хочетъ? спросилъ Асонинъ, пристально смотря на дѣвушку.

— Рѣшительно нѣтъ, отвѣчалъ молодой человекъ. — А не правда ли, что намъ будетъ скучно безъ нашей молодой хозяйки?

— Много чести! съ маленькою ироніей проговорила дѣвушка.

— Отчего же вы, въ самомъ дѣлѣ, не хотите быть въ собраніи шестаго? спросилъ Асонинъ, садясь напротивъ Серафимы, къ ея рабочему столу.

— Большой свѣтъ не для меня, генералъ! Моя сфера ограничивается маленькимъ уголкомъ въ нашей бѣдной гостиной.

— Но зачѣмъ же отказываться отъ общества въ ваши лѣта, съ вашимъ образованіемъ... извините за откровенность... съ вашимъ умомъ, съ вашею красотой.

— И вы тоже хотите мнѣ льстить, Михаилъ Сергѣичъ! Довольно одного Владиміра Иваныча.

— Владиміръ Иванычъ часто говоритъ пріятныя вещи дѣвушкамъ по привычкѣ, бессознательно; я—другое дѣло. Прежде чѣмъ сказать вамъ то, что я позволилъ себѣ въ настоящую минуту, два мѣсяца я знакомился съ вами, а познакомившись хорошо, готовъ повторять всѣмъ и вездѣ, что вы могли бы быть однимъ изъ лучшихъ украшеній здѣшняго общества.

— Вы слишкомъ снисходительны и добры, генералъ; мнѣ совѣстно слушать всѣ ваши похвалы, которыхъ я далеко не заслуживаю. Но чѣмъ бы я ни была въ здѣшнемъ обществѣ, все-таки я не могу выѣзжать; вы знаете наши обстоятельства! Впервыхъ, средства маменьки болѣе чѣмъ ограниченны; во вторыхъ, сама она никогда не выѣзжала, начинать ужь поздно; искать же чьего-нибудь покровительства для выѣздовъ, я не желаю. И зачѣмъ мнѣ свѣтъ? Судьба обрекла меня на тихую домашнюю жизнь, я ей покоряюсь.

— Но надо сознаться, что судьба была къ вамъ несправедлива до сихъ поръ...

— Я никогда не роптала, и ничего отъ нея не требую.

— Тѣмъ болѣе вамъ чести, и тѣмъ скорѣе она вознаградитъ васъ.

Генералъ всталъ, какъ бы боясь сказать болѣе. Нѣсколько разъ прошелъ онъ взадъ и впередъ по комнатѣ, и снова остановился противъ Серафимы.

— А вы любите свѣтъ?... Желали бы вы быть въ немъ, еслибъ обстоятельства перемѣнились?

— Любить его я не могу, потому что не знаю; въ первой

молодости жалѣла, что не могла участвовать въ его удовольствіяхъ; теперь мнѣ все равно, я привыкла къ моему тихому уголку; люблю мои книги, люблю работу... Ваше пріятное сосѣдство оживило наше уединеніе, и мнѣ ничего не остается желать.

Генераль снова прошелся по маленькой залѣ.

— Лукерья Андревна, вы должны гордиться вашей дочерью, сказалъ онъ.

— Гордиться! чѣмъ же, батюшка? Вѣдь мы не богаты, не знатны!...

— Личныя достоинства стѣять и знатности и богатства.

— Ну, лицомъ она не дурна, грѣхъ сказать; да лицо послѣднее дѣло.

— Чтò вы это, Лукерья Андревна! вскричалъ Данковскій.— Какъ можно такъ мало цѣнить красоту?

— Вопросъ коснулся, кажется, и васъ, Владиміръ Ивановичъ, улыбаясь сказала Серафима.

— Мена? нисколько, но я не могу не вступиться за красоту женщинъ.

— Ну, полно, Владиміръ, сказалъ генераль,—признайся, что Лукерья Андревна затронула и твоё собственное самолюбіе, что ты считаешь себя тоже въ числѣ красивыхъ мужчинъ, которыхъ темный усъ и черный глазъ кружатъ головки женщинъ.

— Увы! Я начинаю сомнѣваться, генераль, чтобы въ нашъ практическій вѣкъ женщины обращали вниманіе на эти мелочи! Какъ бы ни искрился взоръ, какъ бы ни завивался усъ, а бѣдныя звѣздочки нашихъ тощихъ эполетъ не освѣщаютъ намъ дороги къ сердцамъ женщинъ. Я бѣ отдалъ и молодость и все на свѣтъ за толстые эполеты! Часто подмѣчалъ я, какъ красавицы, танцуя и, кажется, очень любезно разговаривая съ нами, то-есть прапорщиками и поручиками, устремляли внимательный взоръ на кружокъ штабъ-офицеровъ. Намъ—пустыя слова, имъ—чувство.

— Вы обижаете женщинъ, Владиміръ Ивановичъ, предполагая въ нихъ, такъ много разчета, возразила Серафима;— мнѣ, кажется, что женщина всегда живетъ сердцемъ, а вы сознаетесь, что у сердца нѣтъ разчета; онъ принадлежность ума.

— Извините, Серафима Петровна, въ нынѣшнемъ мірѣ и

женщины живутъ и руководствуются ужь не сердцемъ, а умомъ.

— Я этого не понимаю, проговорила Серафима. — Впрочемъ, я не свѣтская дѣвушка; понятія мои вѣроятно очень отстали отъ современнаго прагматическаго развитія.

— И слава Богу! сказалъ Ассонинъ:— поэтому вы если полюбите, то полюбите человека, а не внѣшнюю его обстановку; не такъ ли?

— Я буду любить того, кто меня истинно полюбить... И еслибы мнѣ пришлось трудами рукъ своихъ поддерживать наше существованіе, я бы не задумалась.

— Эхъ, Серафимушка! Ну и пошла бы ты за такого, у котораго куска хлѣба нѣтъ? Отчего же ты отказала Сафронову-те? Видь онъ тебя любилъ! Не просилъ и приданаго.

Слова матери заставили покраснѣть Серафиму.

— Сафроновъ... Сафроновъ не способенъ былъ любить, такъ какъ я желаю быть любимой; Сафроновъ врядъ ли и понимаетъ чтò такое любовь...

— Легко ли дѣло, не понимаетъ!.. А разъ десять присылаю узнать, не надумалась ли ты?...

— А вы такъ и не надумались, Серафима Петровна? смѣясь спросилъ Владиміръ.

— Какъ видите, нѣтъ, отвѣчала она.

— А въ собраніе ѣхать не надумаетесь?

— О немъ и думать не буду.

— Вы страшная упрямца!

— Чтò жь дѣлать! пожавъ плечами, шутливо сказала дѣвушка. — Я буду ждать васъ на другой день; вы мнѣ расскажете кто будетъ царицей бала, за кѣмъ вы будете ухаживать, чтò будѣтъ дѣлать Михайлъ Сергѣичъ. Однимъ словомъ, передадите мнѣ всѣ подробности закоддованнаго для меня свѣта, которые меня очень интересуютъ.

— За кѣмъ онъ будетъ ухаживать, Серафима Петровна, этого онъ вамъ не расскажетъ; поручите лучше мнѣ.

— И вы, генералъ, не въ состояніи будете удовлетворить любопытство Серафимы Петровны въ этомъ отношеніи, по самой простой причинѣ: я не буду ни за кѣмъ ухаживать.— Я постоялъ, въ полголоса прибавилъ онъ такъ, что одна молодая хозяйка могла слышать его.

— Ну, это что-то новое, чтобы ты не ухаживалъ за кѣмъ-нибудь на балѣ, возразилъ Ассонинъ.



— Я старѣю, ваше превосходительство.

— Чего добраго! Эта новость однакожь мнѣ весьма не-приятна! Пожалуй придется переимѣнять адъютанта, а я къ тебѣ привыкъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Михаилъ Сергѣичъ, для моей должности я еще не старѣю, но для ухода за женщинами, какъ въ бывшее время, я уже не способенъ.

— А! это другое дѣло, видно сердце отдалось кому-нибудь исключительно, и страхъ оскорбить избранную не позволяетъ обращать вниманія на другихъ.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Данковскій.

— И вы вѣрите, генераль, сказала Серафима, — что Владиміръ Иванычъ способенъ полюбить кого-нибудь исключительно? Стало, вы не дали себѣ труда посерьознѣй анализировать его характеръ. Онъ шутить всѣмъ, чувство для него — забава, слова — игрушка, жизнь — потѣха.

— Скажите пожалуйста, что же я за неоконченное, ничтожное существо, въ глазахъ вашихъ, Серафима Петровна? Это уже становится обидно.

— Не обижайтесь, добрый Владиміръ Иванычъ, ваша безпечная, веселая молодость — завидный даръ! Не лучше ли скользнуть по гладкой поверхности, какъ вы, чѣмъ погружаться на дно, захлебываясь горькою водой.

— На днѣ моря скрываются сокровища, не мѣшаетъ погружиться иногда и въ его бездну, возразилъ молодой человекъ: — вамъ не угодно позволить мнѣ пріобрѣтеніе ихъ?..

— Зачѣмъ подвергаться опасности, когда вамъ такъ весело на поверхности?.. Зачѣмъ мѣнять вѣрное на невѣрное?

— Хоть бы только изъ любознательности.

— Не поддавайтесь ей на этотъ разъ.

— Напротивъ, нужно все испытать.

— Еще рано!

— Когда же прикажете? Въ восемьдесятъ лѣтъ, пожалуй, у меня не хватитъ уже силъ, чтобы, погрузясь на дно моря, вновь всплыть на его поверхность.

— Очень бы желала, чтобъ именно до этого возраста вы не пробовали измѣрять морское дно; тогда за васъ уже будетъ не страшно, благоразуміе вступить въ свои полныя права.

— А теперь я стало не благоразуменъ? съ отѣнкомъ неудовольствія спросилъ Данковскій.

— Конечно; можно ли обижаться тѣмъ, что въ васъ находится завидную способность жить легко и весело? Это составляетъ истинную принадлежность молодости. Я бы дорого за нее дала!..

— Мы съ вами, Лукерья Андревна, тоже не прочь бы отъ молодости, улыбаясь спросилъ Асонинъ.

— И, Богъ съ ней! спасибо, что прошла, грѣха меньше, проговорила старушка.

— Зрѣлый возрастъ, продолжала Серафима,—живетъ труднѣе; нѣтъ уже безграничной вѣры въ прекрасное будущее; настоящее какъ-то не удовлетворяетъ, на радости смотришь холоднѣе; живѣе и болѣзненнѣе отывается въ душѣ горе. Въ молодомъ сердцѣ, погасшая надежда быстро смѣняется новою; нѣтъ въ немъ еще разочарованія, нѣтъ недовѣрчивости!..

— Все чтò вы говорите, Серафима Петровна, зависитъ болѣе отъ характера чѣмъ отъ молодости, возразилъ Данковский.

— Ты, мой милый Владиміръ, соединяешь и то, и другое; стало быть вдвойнѣ долженъ благодарить судьбу, сказалъ Асонинъ.

— Почему же вы предполагаете во мнѣ легкость характера, Михаилъ Сергѣевичъ?

— А потому, что тебя утѣшаетъ всякая бѣдѣлица, и ничто сильно не огорчаетъ.

— Я умѣю скрывать горе въ душѣ. Да истиннаго горя у меня до сихъ поръ еще и не было, слава Богу! А можетъ быть... по вашей милости, Серафима Петровна, прибавилъ онъ чуть слышно, наклонясь къ работѣ молодой дѣвушки.—Но довольно о моемъ счастливомъ или несчастномъ характерѣ; скажите лучше, для кого вы шьете эту чудную подушку?

— Для того, кто пожелаетъ купить ее, отвѣчала очень просто Серафима.—Вотъ видите ли, прежде мнѣ казалось совѣстно признаваться, что я иногда работаю для продажи; ко зрѣломъ размышленіи, однакожь, нашла, что не предосудительно, по крайней мѣрѣ въ глазахъ людей здравомыслящихъ, пополнять сколько можно недостатокъ счастья собственными трудами. Всѣ мы созданы для того чтобы трудиться и быть полезными какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь. Вы, мужчины, служа отечеству, приобрѣтаете средства къ существованію; намъ эта карьера недоступна, приходится приобрѣтать хоть трудами рукъ. Ска-

жите мнѣ откровенно, Михаилъ Сергѣичъ, вы не находите это предосудительнымъ?

— Предосудительнымъ!.. Я уважаю васъ еще болѣе, если можно! Вы сумѣете всегда оградить себя отъ нужды, тогда какъ другая, на вашемъ мѣстѣ, думала бы только какъ растратить небольшое состояніе вашей матушки. Вы отказываетесь отъ собравій, она бы ихъ требовала; вы всегда заняты съ пользой, другая на вашемъ мѣстѣ занималась бы своею красотой и туалетомъ; а вы о нихъ кажется и не думаете!.. Вы исключительное существо, Серафима Петровна!

— А я преклоняюсь передъ вами, и на колѣнахъ прошу позволенія, приобрести вашу работу, сказалъ Владиміръ.

— Нѣтъ, сившилъ прервать Михаилъ Сергѣичъ,—я не уступлю тебѣ этой работы... она будетъ моею!..

Краска удовольствія покрыла щеки дѣвушки; въ послѣднихъ словахъ Асонниа, ей послышался намекъ на что-то болѣе серьезное чѣмъ приобретение подушки; надежда, по всѣмъ соображеніямъ неосновательная, все болѣе и болѣе закрадывалась въ душу... Полно, въ душу ли?

— Серафимушка, ты подари его превосходительству подушку-то! Стыдно тебѣ будетъ брать съ него деньги; по милости его, мы теперь никакой нужды не видамъ.

— Лукерья Андревна, вашей дочери не стыдно будетъ принять то, что я предложу ей за эту прекрасную подушку... Однако, намъ пора... До свиданія!..

Генераль какъ будто испугался самъ своихъ словъ, и не пожавъ руки хозяйкамъ, какъ дѣлалъ обыкновенно, схватилъ фуражку и ушелъ въ сопровожденіи своего адъютанта.

— Слава тебѣ Господи, насилу ушли! Имъ не что дѣлать-то, какъ баласы точить, а мнѣ такъ-то вѣсть захотѣлось!.. Дуניהша! давай скорѣй обѣдать! Небось и щи-то перепрѣли... Чтобъ ихъ совѣсть!..

Дверь хлопнула въ доказательство, что Дуניהша отправилась за кушаньемъ.

— Что, они ушли, что ли? спросила старушка, вставая и заглядывая въ другую комнату.

— Пошла, маменька, сейчасъ принесеть.

— Нѣтъ, я не то; мнѣ посмотреть, не тутъ ли еще они? Какъ бы не услышали...

— Что же такое?

— А то, что попомни мое слово, ты будешь генеральшей!

Серафима опять вспыхнула; она думала то же, но не хотѣла сознаться.

— Полнете, маменька! можно ли предполагать подобныя нелѣпости?

— Ну, ну, ну! Молчу, молчу! Богъ съ тобой. Моиѣ словамъ давно вѣдь мѣста нѣтъ. Иди обѣдать-то.

— И что вамъ за радость думать о томъ, чему не бывать?

— Не бывать такъ не бывать; вѣдь ты Ома невѣрный. Авдотья Антоновна раскладывала мнѣ и на картахъ гадала и на кофѣхъ, все выходитъ тебѣ марьяжъ съ знатнымъ и почтеннымъ человекомъ.

— Ужъ вамъ и грѣшно бы вѣрить ворожеямъ-то, маменька.

— Ворожба не колдовство, мать моя; вѣдь я не испортить кого хочу, али не приворотить къ тебѣ. Убытку отъ этого никому нѣтъ.

Убѣжденія Лукерьи Андреевны, доброй, прамодушной, но не развитой, были слишкомъ укоренены; Серафима это знала, и давно ограничивалась молчаніемъ въ подобныхъ разговорахъ.

Генералъ, возвратясь домой, былъ какъ-то, противъ обыкновенія, озабоченъ; онъ отобѣдалъ почти молча, не дотронулся до своего хереса, и вставъ изъ-за стола, отправился прямо въ кабинетъ, не выкуривъ, какъ бывало, своей трубки въ вольтеровыхъ креслахъ.

— Владиміръ, зайди ко мнѣ, сказалъ онъ уходя.

— Сейчасъ, Михаилю Сергѣичъ. И закуривъ папироску, Данковскій послѣдовалъ за нимъ.

Асонинъ ходилъ изъ угла въ уголъ, адъютантъ подошелъ къ узорчатому, морозному окну, и въ ожиданія, чтобы генералъ самъ заговорилъ съ нимъ, тихо барабанилъ по стеклу, вглядываясь въ затѣйливые рисунки русскаго мороза.

Молчаніе длилось довольно долго.

— Владиміръ, сказалъ наконецъ Асонинъ,—я бы желалъ, чтобы ты отвѣчалъ мнѣ откровенно на то, что я хочу у тебя спросить.

— И я исполню ваше желаніе, генералъ; что вамъ угодно?

— Ты очень ухаживаешь за нашею хозяйкой: любишь ты ее въ самомъ дѣлѣ? Имѣешь ты на нее серіозныя виды? Говори откровенно! Я готовъ тебѣ помочь всеми зависящими отъ меня средствами.

— Я, генералъ? Я вовсе не люблю Серафимы Петровны,

серіозныхъ видовъ на нее никакихъ не имѣю, да и имѣть не могу. Впервыхъ, она старѣ меня; вовторыхъ, наши состоянія составляютъ два нуля, изъ которыхъ по всей вѣроятности цифры никогда не выйдетъ. А ухаживать... отчего же нѣтъ? Она не дурна собой, хорошо образована, заперта, бѣдная, какъ въ клѣткѣ, съ своею допотопною матерью; надобно же и ей дать какое-нибудь развлеченіе; правду сказать, я почти изъ состраданія ухаживаю за ней.

— Высокая филантропія, которой я въ тебѣ и не подозревалъ; но Серафима Петровна въ ней, кажется, не нуждается; она слишкомъ умна, чтобы довольствоваться однимъ ухаживаньемъ; любовь, быть-можетъ, она бы и приняла...

— Я даю то что могу, Михаи́ль Сергѣичъ, любви у меня для нея нѣтъ.

— И прекрасно! Я боялся, чтобы ты серіозно не влюбился; хоть она и прекрасная дѣвушка, но тебѣ не пара; ты слишкомъ еще молодъ связывать себя семейными узами.

Озабоченный видъ Асонина исчезъ, физиономія прояснѣла, онъ вспомнилъ, что еще не курилъ послѣ обѣда, и спросилъ трубку.—Вели дать намъ кофею, сказалъ онъ вошедшему чело́вѣку.

«Что за роскошь!» подумалъ Данковскій, «онъ никогда почти не пьетъ и не спрашиваетъ кофею, что-нибудь не даромъ... Видно я его очень утѣшилъ признаніемъ, что я не думалъ влюбляться въ хитрую хозяйку...»

Асонинъ переи́мнилъ разговоръ, отъ хозяйки перейдя къ дѣламъ служебнымъ.

Прошло еще нѣсколько недѣль. Серафима Петровна все болѣе и болѣе дѣлалась необходимою Михаи́лу Сергѣевичу. Онъ попросилъ даже позволенія проводить у нихъ каждый день послѣ обѣда, отъ шести до девяти часовъ. Хозяйки рзсыпались въ изъявленіи своего удовольствія, и на этотъ разъ вовсе неліцемерно, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, окружали его всѣмъ возможнымъ вниманіемъ. Чай дѣлался по его вкусу; Лукерья Андреевна раззорилась, и купила фунтикъ въ три съ половиной. Серафима завела трубку, табакъ и папиросы. Разговоръ шелъ всегда довольно живо и вѣчно сводился на то, чтобы обнаружить какую-нибудь хорошую сторону характера или образа мыслей Серафимы. Кончилось тѣмъ, что однимъ прекраснымъ вечеромъ Асонинъ сдѣлалъ формальное предложеніе. Серафима и тутъ не отсту-

шла отъ предписанной себѣ рутины; поблагодаривъ Асонина за сдѣланную ей честь, она, казалось, была поражена неожиданностію.

— Вамъ ли, генераль, искать моей руки? Что принесть вамъ это супружество? я бѣдна, связей и родства у меня никакихъ, молодость прошла; красота если и была, то уже проходить. Свѣтъ васъ осудитъ за подобный выборъ, я не хочу, чтобъ изъ-за меня васъ порицали; вы такъ достойны общаго уваженія...

— Мнѣ нужна ваша любовь, и больше ничего. За счастье мнѣ ручаются ваши правила, вашъ образъ мыслей. До свѣта и людей мнѣ нѣтъ дѣла.

Споръ между мнимо-благородною гордостію и истинною привязанностію отживающаго ч-ловѣка продолжался нѣсколько времени, и, разумѣется, кончился полнымъ согласіемъ со стороны первой.

Сборы къ свадьбѣ были не продолжительны; генераль подарилъ своей невѣстѣ все приданое, и въ февралѣ Серафима Петровна сдѣлалась полною обладательницею Михаила Сергѣевича Асонина.

На свадьбѣ, кромѣ необходимыхъ свидѣтелей, не было никого. Черезъ недѣлю молодые сдѣлали визиты всѣмъ представителямъ городского общества, потомъ дали обѣдъ, на который съѣхались всѣ.

— Ну вотъ ты и генеральша, другъ мой, Серафимушка; Господь Богъ услышалъ мою грѣшную молитву и пристроилъ тебя такъ, какъ и во снѣ-то намъ не снилось! И денно и ночью должны мы молиться и благодарить Его! Люби своего мужа, покой его старость, не забывай старуху-мать, не гордись, будь добра къ слугамъ и ко всѣмъ, кто ниже тебя, и благословеніе Божіе и мое грѣшное будутъ надъ тобою, говорила добрая Лукерья Андреевна дочери, пришедшей къ ней утромъ наканунѣ даваемого ими обѣда. — Гдѣ жь твой генераль-то? Что жь онъ-то не зашелъ ко мнѣ?

— Его нѣтъ дома, маменька; онъ поѣхалъ покупать стерлядей. Завтра у насъ обѣдъ; ч-ловѣкъ пятьдесятъ будетъ, начиная съ губернатора, всѣ главные лица города.

— Гляди, вамъ дорого станеть обѣдъ-то?

— Цѣлковыхъ триста.

— Что ты, Серафимушка!..

— А что-съ?

— Триста цѣлковыхъ, шутка ли, мать моя! На эти деньги мы съ тобой живали круглый годъ.

— Мы были Дьячковы, а не Асонины...

— Легко ли дѣло! Триста цѣлковыхъ бросить на одинъ обѣдъ... качая головой, твердила старушка, пропустивъ мимо ушей отвѣтъ Серафимы.—Какія жь это у васъ будутъ кушанья-то?

— Я прикажу дворецкому присылать вамъ всего.

— Ну, напрасно! я не привыкла.

— Михаилъ Сергѣвичъ поручилъ было мнѣ просить васъ кушать у насъ завтра, но я боюсь, что вы устанете, обѣдъ будетъ поздно.

— Конечно, конечно! Гдѣ мнѣ! И отдохнуть пожалуй не успѣю. Поблагодари мужа, что помнитъ меня, старуху. Запросто я къ вамъ стану ходить, а при гостяхъ чтобъ уволилъ.

Рѣшеніе Лукерьи Андреевны какъ нельзя болѣе согласовалось съ цѣлю новой генеральши; она была въ восторгѣ, что мать отказалась своимъ присутствіемъ положить черное пятно на свѣтлую картину завтрашняго обѣда. Теперь больше чѣмъ когда, она стала стыдиться своей матери.

Иныя натуры въ счастіи дѣлаются добрѣе, лучше; не изъ числа ихъ видно была Серафима. Быть-можетъ счастіе пришло слишкомъ поздно; болѣзнь зла пустила черезчуръ глубокіе корни, такъ что и цѣлительное средство земнаго благополучія не приноситъ ужь пользы. Счастіе для подобныхъ натуръ дѣлается средствомъ мести, а не примиренія съ чело-вѣчествомъ.

Съ полчаса еще просидѣла она съ матерью и уже встала было, чтобъ идти въ домъ, какъ вошелъ генераль.

— Я былъ увѣренъ, что найду тебя здѣсь, душа моя, обнимаю вышедшую на встрѣчу жену, говорилъ генераль.—Здравствуйте, Лукерья Андревна! — Онъ поцѣловалъ ея руку.—Насилу отдѣлался! Бывало радъ ухватить куда-нибудь со двора, теперь шагу бы не сдвѣлалъ. Что значить жена! Да еще такая жена, какъ моя!.. Каждую минуту благодарю васъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ старушкѣ,—что вы не выдали замужъ мою Серафиму ранѣе; не быть бы мнѣ такъ счастливымъ теперь!..

Генеральша пожала руку мужа.

— Ужь не прогнѣвайтесь, Михаилъ Сергѣвичъ, нечего грѣха таить, давно хотѣлось мнѣ ее пристроить; и уговаривала я ее идти за Сафронова, да она-то въ руки не давалась; видно

сердце чуло, что суженый еще на войнѣ, смѣясь говорила старушка.

— Такъ за меня была сама судьба и моя Серафима, скажь онѣ нѣжно.

— Серафима была сама въ рукахъ судьбы, мой другъ, ничего не ожидала въ будущемъ, не шла за тѣхъ, которые представлялись, потому что это было все равно что умереть.

— Скажи мнѣ, Серафима, когда сердце твое заговорило въ мою пользу?

— Этого я опредѣлить не могу; знаю только, что съ каждымъ днемъ я болѣе и болѣе тебя уважала.

— Рѣчь идетъ не о уваженіи, а когда ты меня полюбила?

— Когда замѣтила твою любовь.

— Знаешь, я боялся, чтобы Данковскій, который ухаживалъ за тобой, кажется, съ первой минуты знакомства, не предупредилъ меня въ твоемъ сердцѣ!..

— Данковскій — повѣса, котораго можетъ полюбить шестнадцатилѣтняя дѣвочка, а не женщина съ полнымъ рассудкомъ. Его любовь не судить прочнаго счастья, которымъ я надѣюсь быть тебѣ обязанною.

— И не ошибешься, мой милый другъ! Все мое существо принадлежитъ тебѣ... Твой свѣтлый умъ, твой благородный, возвышенный образъ мыслей ручаются и за мое счастье, и за счастье моей сиротки, которую также вѣрю тебѣ. Но о ней послѣ. Теперь скажи мнѣ, все ли у насъ придумано къ завтрашнему обѣду? Стерлядей я купилъ отличныхъ; надѣюсь, что уха будетъ въ полномъ смыслѣ янтарная. Я увѣренъ, матушка, вы пожалуете къ намъ завтра кушать?

— Нѣтъ ужъ, Михайлъ Сергѣичъ, увольте меня, батюшка! На чтѣ вамъ меня старуху? У васъ будутъ все люди знатные, богатые...

— Почетнѣйшая моя гостыя, конечно, должна быть мать моей жены, и вы меня истинно огорчите, если откажетесь.

— Не беспокой, мой другъ, маменьку! Обѣдь ее утомить. Мы лучше пришлемъ ей всего сюда.

— Не надо и присылать, сказала старушка, начинавшая догадываться, что дочери ея не хочется, чтобъ она присутствовала на ихъ обѣдѣ.—У меня, по милости Божьей, есть моя щи и каша, чего жъ больше?..

Сколько ни уговаривалъ Асонинъ свою тещу обѣдать у нихъ на другой день, она рѣшительно отказалась.



— Видно мы васъ чѣмъ-нибудь оскорбили, матушка!

Старушка бросила свое вязанье, встала и, взявъ обѣими руками голову зятя, горячо поцѣловала ее.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой батюшка, говорила она сивозъ слезы, — ты ангель Божій, ты никого не обидишь.

— По крайней мѣрѣ стараюсь никого не обижать.

— Ужь не на меня ли вы за что-нибудь сердитесь, маленька? спросила Серафима.

— За что же? Богъ съ тобой, моя голубушка! Мнѣ ли сердиться, хоть бы и въ правду-то было за что, когда Господь утѣшилъ меня на старости, пристроивъ тебя за такого достойнаго челоуѣка. Мнѣ теперь лишь молиться, да радоваться на васъ.

Лукерья Андреевна, хоть и безъ образованія, но поняла инстинктомъ матери, что должна затаить свое неудовольствіе на дочь, чтобы сохранить доброе мнѣніе генерала на ея счетъ; ему бы вѣрно не понравилась эта дурная черта ея характера; онъ такъ прямодушень.

Двери большаго, хоть и провинціального свѣта отворились для Серафимы Петровны Асоной. Мужъ какъ будто старался вознаградить ее за прошлыя лишенія; не было не бала, ни собранія, ни простаго вечера, на которыхъ бы онъ не являлся съ ней; назначилъ у себя еженедѣльные танцевальныя вечера, которые считались одними изъ пріятнѣйшихъ въ городѣ. Общество жалѣло, что для нихъ оставалось не много времени, наступилъ великій постъ, стало — конецъ удовольствіямъ. Кончились, однако, только танцы, вечера продолжались. Музыка, маленькія игры, бесѣда и карты пріятно занимали общество. Данковскій много помогалъ во всѣхъ затѣяхъ своей генеральшѣ.

Кстати о Данковскомъ; первое время, когда Серафима сдѣлалась цевѣстой его начальника, онъ рѣшительно не зналъ, какую роль принять на себя, — оскорбленнаго ли, отвергнутаго поклонника, несчастнаго ли, непонятаго задыхателя, или безъ всякой роли быть тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, — равнодушнымъ зрителемъ чужой, по его мнѣнію, глупости. Поразмысливъ хорошенько, онъ нашелъ, что съ генераломъ ему лучше всего быть натуральнымъ; съ генеральшей же роль была необходима, но не оскорбленнаго поклонника; это не годилось въ отношеніяхъ подчиненнаго къ начальницѣ, отъ которой теперь, пожалуй, зависить вся будущая судьба адъютанта, и онъ рѣшился казаться влюбленнымъ попрежнему, но почти-

тельнымъ, скромнымъ и несчастнымъ. «Любовь никогда не оскорбляетъ женщинъ, думалъ онъ, и если не вызываетъ ихъ любви, то гѣшитъ самолюбіе, возбуждаетъ состраданіе, участіе; а это не малые двигатели для моего благосостоянія.» Составивъ такимъ образомъ планъ дѣйствій, онъ повелъ свои дѣла прекрасно. Генераль попрежнему любилъ его и имѣлъ къ нему полное довѣріе; генеральша была съ нимъ болѣе чѣмъ внимательна; видя грусть молодого человѣка, подмѣчая иногда полный страсти взоръ его, тайкомъ брошенный на нее, она начала убѣждаться, что ошиблась въ немъ, что его чувство къ ней было серіознѣе чѣмъ она думала. Впрочемъ, тогда ей не было расчета понимать его. Теперь же она снисходительно и съ участіемъ смотрѣла на своего тайнаго обожателя; преданность влюбленнаго и еще такого скромнаго, покорнаго, всегда можетъ пригодиться, что и оказывалось на самомъ дѣлѣ. Данковскій былъ самымъ внимательнымъ и покорнымъ рабомъ своей генеральши. Асонинъ, день отъ дня все болѣе влюбленный въ свою жену, съ каждымъ днемъ непримѣтно отрекавшійся отъ своей, когда-то твердой мужской воли и подчинявшійся волѣ своей повелительницы, былъ очень благодаренъ своему адъютанту.

Прошелъ великій постъ, послѣдніе дни котораго были проведены въ тишинѣ и въ семейномъ кругу. До сихъ поръ Асонинъ какъ-то не рѣшался поговорить съ Серафимой о своей дочери; ему казалось, что жена не успѣла еще довольно насладиться беззаботною жизнію въ счастіи и довольствѣ, не совсѣмъ еще отдохнула отъ прежней тяжкой жизни; онъ боялся обременить ее новою заботой; будетъ еще время, говорилъ онъ, и каждый день откладывалъ до завтра. Но Серафима сама навела его на этотъ разговоръ. За нѣсколько дней до Святыхъ, она спросила его, не написать ли ей къ Анетѣ? «Надо ей послать на конфеты къ празднику,» прибавила она.

Асонинъ обнялъ жену.

— Дѣлай какъ знаешь, мой милый другъ; на этотъ разъ, твое доброе сердце подумало о ней прежде отцовскаго.

— Но ты долженъ тоже приписать.

Серафима вышла, и черезъ нѣсколько минутъ вернулась съ письмомъ и деньгами на конфеты. Асонинъ взялъ конвертъ изъ рукъ жены и положилъ подлѣ себя.

— Я уже припишу. Когда-то мнѣ Богъ дастъ увидѣть ее подлѣ тебя, моя Серафима?—И послѣ минутнаго молчанія онъ

прибавлялъ:—помнишь ли ты когда-то высказанное мнѣ твоё мнѣніе о воспитаніи дѣвочекъ?

— Очень помню, мой другъ; но тогда я не знала что такое Смольный монастырь. Съ тѣхъ поръ какъ я сдѣлалась твоею женою и матерью твоей Анеты, я заботилась о ней сколько могла; съ первыхъ же дней я имѣла твердое намѣреніе просить тебя взять къ себѣ Анету. Разъ какъ-то разговорились мы о дѣтяхъ вообще съ губернаторшей; я передала ей мой планъ насчетъ Анеты; она чуть не вскрикнула отъ удивленія, и принялась доказывать мнѣ очень логично, что мы сдѣлаемъ величайшую глупость, взявъ дочь изъ Смольнаго; что никогда въ провинціи мы не будемъ имѣть возможность дать ей такое отличное воспитаніе, какое получаютъ дѣвчцы тамъ, подъ покровительствомъ самой Августѣйшей фамиліи; что чести и счастія помѣстить дѣтей въ это блестящее заведеніе добиваются всѣ вельможи, а мы сами хотимъ лишить нашу дочь всѣхъ преимуществъ прекраснаго образованія, и вѣрить ее какой-нибудь гувернанткѣ. Хорошо еще, если нападете на достойную женщину, говоритъ она, и высчитала мнѣ всѣ примѣры неудачныхъ выборовъ въ этомъ отношеніи; необходимо иногда мѣнять наставницъ, что неминуемо останавливаетъ успѣхи дѣтей. И потомъ, можно ли въ одной гувернанткѣ найти соединеніе всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ въ Смольномъ лучшими наставниками? Таланты дѣтей тамъ развиваютъ артисты; а здѣсь... кого дадите вы ей въ наставники музыки? какую-нибудь мамзель Фрикъ, которая едва сыграетъ безъ ошибки польку?.. Въ наставники живописи какого-нибудь малара?—тогда какъ вашей дочери, для окончанія курса, нужны именно такіе наставники, какихъ она имѣетъ теперь. Однимъ словомъ, Фіона Дмитріевна столько говорила мнѣ въ пользу монастырскаго воспитанія и столько противъ моего намѣренія взять домой Анету, что почти убѣдила меня въ ошибочности моего мнѣнія. Послѣ я еще собирала свѣдѣнія и все, что слышала и читала, подтверждало слова губернаторши. Зачѣмъ же мы изъ эгоизма будемъ лишать дѣвочку, можетъ-быть, прекрасной будущности? Въ нынѣшнемъ свѣтѣ воспитаніе играетъ большую роль; дочь генерала Асоинна не должна никому уступать въ этомъ отношеніи. Взявши ее, кому поручимъ мы выборъ гувернантки? На коммиссіонеровъ положиться нельзя; на журнальныя объявленія и того меньше. Вотъ что мнѣ говорили, и что я сама размыслила.

Рышать тебя, мой другъ. Если ты ее возьмешь, будь увѣренъ что я ей истинною матерью.

— Вѣрю, Серафима, и вмѣстѣ съ тѣмъ вижу справедливость словъ Фіоны Дмитриевны; она умная женщина. Жаль только, что я еще не могу соединить вокругъ себя все мнѣ милое. Пусть же она кончитъ тамъ свое воспитаніе; можетъ-быть, Богъ дастъ, я и доживу до счастливой поры, когда увижу васъ обѣихъ около себя.

Письмо съ деньгами отправлено, и съ тѣхъ поръ не было помину о возвращеніи дѣвочки. Серафима Петровна въ торжественные праздники не забывала написать пять-шесть строкъ падчерицѣ, прилагая нѣсколько рублей на лакомства; чего жъ больше? Асонинъ каждый разъ бывалъ чрезвычайно тронуть вниманіемъ жены къ сироткѣ и благодарилъ Бога за то, что, на случай его смерти, онъ сумѣлъ выбрать ей достойную покровительницу, и желая отплатить женѣ за ея попеченія объ Анетѣ, объявилъ ей свое желаніе предложить Лукерьѣ Андреевнѣ перейти къ нимъ жить.

— Что хлопотать старушкѣ обо всѣхъ мелочахъ хозяйства? говорилъ онъ:—я вполне буду счастливъ, успокоивъ ее. Пусть она получаетъ свои триста рублей и дѣлаетъ изъ нихъ что ей угодно; у насъ ей не предстоитъ никакихъ расходовъ.

Планъ мужа далеко былъ не по сердцу генеральшѣ по многимъ причинамъ, и она, не возставая прямо противъ него, говорила, что старушка врядъ ли согласится на его предложеніе.

— Она привыкла къ своему образу жизни; ей трудно будетъ послѣ тихой комнатки слышать вѣчное движеніе въ нашемъ домѣ. Обѣдъ, чай, ужинъ, у ней все идетъ впередъ нашего; какъ же ты хочешь, чтобы въ ея лѣта она перемѣнила свою обычную жизнь?

— Зачѣмъ же перемѣнять? возразилъ Асонинъ:—пусть она кушаетъ когда ей угодно. Комната у ней будетъ особая, изъ которой она будетъ выходить тогда только, когда сама пожелаетъ. Если мы предложимъ ей переселиться къ намъ, то ужъ конечно не для того, чтобы стѣснять ее, а чтобы доставить ей все спокойствіе, всѣ удобства.

— Съ пожилыми людьми это трудно, мой другъ.

— Отчего же? Съ пожилыми капризными, можетъ-быть; но твоя матушка, кажется, такая кроткая; неужели я ошибся?..

— И да и нѣтъ; матушка очень добрая женщина, правда,

но все старички любятъ учить; и въ присутствіи ихъ, дѣти будь хоть сами ужь старики, а не должны имѣть своего разсудка. Помнишь ли ты, что маменька отказалась обѣдать у насъ, когда мы приглашали всѣхъ, послѣ нашей свадьбы? Ты не знаешь, однако, почему. Я никогда не хотѣла тебѣ этого говорить, но такъ пришлось. Маменька спросила у меня, сколько станетъ намъ обѣдъ; и когда я сказала, она такъ была поражена, что сначала не хотѣла вѣрить, потомъ начала бранить меня, зачѣмъ я не отговорила тебя бросать попустому деньги, и вотъ почему отказалась быть у насъ, говоря, что не хочетъ быть сообщницей нашего мотовства.

— Неужели? смѣясь спросилъ Асонинъ.

— Да, мой другъ; поэтому я и совѣтую тебѣ оставить твое намѣреніе; нашъ образъ жизни будетъ ее раздражать. Ея взглядъ на вещи слишкомъ патріархальный; ей все будетъ казаться страннымъ, излишнимъ, неумѣстнымъ.

— Ну, какъ знаешь, Серафима; я желалъ успокоить твою старушку, въ надеждѣ сдѣлать тебѣ этимъ удовольствіе.

— Знаю, мой другъ, и вполне цѣню твою доброту, обнимаю мужа, говорила Серафима.—Но я должна беречь тоже и твое спокойствіе, которое для меня теперь дороже всего въ мірѣ.

### III.

Тихо протекала жизнь Лукерьи Андреевны, послѣ выдачи замужъ дочери, каждый день отправлялась она къ заутренѣ, обѣднѣ и вечернѣ. Изъ церкви старушка возвращалась всегда спокойная и довольная. Самоваръ ожидалъ ее послѣ заутрени и вечерни, скромный обѣдъ послѣ обѣдни. Чаше всѣхъ заглядывалъ къ ней Данковскій, и Лукерья Андреевна любила его какъ близкаго роднаго; съ какимъ радушіемъ угощала она его чаемъ, какъ старалась приноровиться къ его вкусу! Молодой человѣкъ былъ лакомка, и у Лукерьи Андреевны всегда являлась на ея рабочемъ столѣ баночка съ вареньемъ для милаго гостя.

— Вы меня балуете, Лукерья Андреевна, говорилъ онъ.

— Кого же мнѣ баловать-то теперь? Серафимушку балуетъ мужъ, а ужь ей не нужна. Хоть тебя-то, мой батюшка, мнѣ

Богъ послалъ; не забудь тебя Господь, какъ ты не забываешь меня, старуху.

Посѣщенія Владиміра, хоть частыя, но всегда короткія, не надолго прерывали одиночество старушки. Почитааетъ она бывало жизнь Варвары Мученицы, жизнь Пресвятой Богородицы, а тамъ какъ глаза устанутъ, развернетъ свой чулокъ и отиѣряетъ урокъ. Сорокъ саженой надо связать, а то пожалуй одни носки провяжешь мѣсяца два, подумаетъ она, и примется за работу со всѣмъ усердіемъ добровольной труженицы.

Мы забыли сказать, что Асонины векорѣ послѣ свадьбы перемѣнили квартиру, находя домъ Дьячковой для себя слишкомъ тѣснымъ, и передавъ его за ту же цѣну майору; вотъ отчего старушка довольно рѣдко видалась съ дочерью; у генеральши столько было теперь свѣтскихъ обязанностей и хлопотъ по хозяйству.... Сама же Лукерья Андреевна бывала у нихъ разъ въ мѣсяць не болѣе, хотя Михаилъ Сергѣевичъ часто заѣзжалъ самъ за нею; старушка отговаривалась то нездоровьемъ, то холодомъ, но всегда съ улыбкой, не давая зятю ни малѣйшаго подозрѣнія о настоящей причинѣ своихъ отказовъ.

Въ великую пятницу Лукерья Андреевна призвала свою кухарку Акулину.

— Поди-ка ты, сказала она,—купи на куличъ самой лучшей коноетной муки, да по полуфунту миндаля и изюму; надо испечь получше, можетъ дѣтки прїѣдутъ разгавливаться.

— Что имъ разгавливаться-то, матушка? Они весь постъ кушали скоромное, сказала кухарка.

— Ну, врешь ты, сорока. Что они, нехристи что ль какіе, чтобы страстную-то ужь не поговѣть.

— Страстную-то, извѣстно, можетъ и поговѣли.

— Такъ чего жь? Купи же, купи! Да постарайся пожалуста, Акуля! Дрожжей возьми въ трактирѣ или на пивоварнѣ; сверху на куличъ фигурокъ надѣлай, а испеки-то въ кастрюлѣ.

— Слушаю-сь.

— Ты бы забѣжала къ ихъ повару спросить какъ онъ дѣлаетъ.

— Отчего же, можно-сь.

— Ну то-то, Акуля, пожалуста, голубушка!

— Постараюсь, матушка.

Въ субботу Акулина принесла барышъ испеченный куличъ; старушка ахнула, такъ онъ былъ хорошъ на видъ.

— Ну, каковъ-то на вкусъ будетъ.... а ужь угодила! что взглянешь, то спасибо. Погоди же! Она вынула полтинникъ и подала его кухаркѣ.—Надо и мнѣ тебя потѣшить за старанье, Дуня. Подай блюдо да салфетку покрыть куличъ.

— Сейчасъ, подождите немножко, барыня, отозвался голосъ изъ другой комнаты.

— Да что ты тамъ дѣлаешь?

— Сію минуточку-съ. Не одной же Акулинѣ вамъ угождать....

— Чего?... Да брось, мать моя, работу-то! Долго ли подать салфетку.

Дуняша появилась въ дверяхъ, неся на тарелкѣ вычурно сдѣланнаго барашка, изъ сливочнаго масла.

— Вотъ, матушка Лукерья Андревна, и я старалась вамъ угодить, по силѣ, по мочи.

— Что это? Охъ, ты затѣйница! Да какъ хорошо-то!.. ну спасибо!

Старушка обняла Дуняшу, и слеза сверкнула въ ея глазахъ. «Вотъ и рабы, да еще не свои, а наемныя, а любить меня.... что же дочка-то!.. подумала Лукерья Андревна: ужь ее ли не любила я!.. и то сказать, можетъ она и любить меня, да куда жь я гожусь въ ея теперешнюю компанію, а самой-то ей некогда бывать у меня часто. Ну, Богъ съ ней! была бы сама-то счастлива!..» И старушка, вознаградивъ усердіе Дуняши тоже полтинничкомъ, передала ей три запечатанные конверта съ порученіемъ отнести ихъ по адресамъ отъ Серафимы Петровны, и отправилась къ обѣднѣ, чтобы молитвой разогнать свои грустные думы о дочери.

Возвратясь отъ обѣдни, она напилась чайку, который показался ей необыкновенно вкуснымъ, послѣ полутера-суточнаго говѣнья; Лукерья Андревна съ малолѣтства привыкла ничего не ѣсть въ великую пятницу, а постарѣвъ, прибавила къ ней еще половинну субботы. Ослабѣть бывало, и ротъ пересохнетъ, и какъ-то ноги дрожать, и сну нѣтъ, а все терпится!

Но вотъ чай и кусочекъ хлѣба подкрѣпиль ея силы, и она весело принимается чистить образа, промывать стекла кюты, хлѣять лампадку. А комнатки ужь вымыты и убраны, какъ малыя дѣтки у заботливой матери; Акулина и Дуняша все сдѣлали, пока барыня была у заутрени и обѣдни. Окна выставлены, одно немножко даже приподнято, и отрадный воздухъ весны врывается въ него, чтобъ оживить силы старушки.

Въ этотъ разъ, праздникъ свѣтлаго Возкресенья при-

шелся въ концѣ апрѣля; теплые лучи весенняго солнца живительно падали на землю, вытаскивая изъ нея свѣжую травку и обливая яркимъ свѣтомъ всю природу. Лукерья Андреевна часто оставляла свое занятіе, чтобы, подойдя къ открытому окну, вдохнуть въ себя чудный воздухъ весны. Отъ образовъ перешла она къ своему комоду, въ которомъ было хоть и пустынько, все же надо было привести въ порядокъ. Прохлопотавъ часовъ до семи, старушка наконецъ затеплила всѣ лампадки, сѣла на свое обычное мѣсто, надѣла очки, и стала читать страданія Христовы, чтобы въ этомъ благочестивомъ занятіи дожидаться благовѣста. Часамъ къ одиннадцати, сонъ началъ было одождать ее, отяжелѣвшія вѣки опускались, воля становилась бессильною противъ требованій человѣческой природы; и нѣсколько минутъ старушка не видала ни книги, ни свѣчи; забыла о праздникѣ и обо всеи на свѣтѣ.... Воля, однакожь, встрепенулась и толкнула Лукерью Андреевну, она очнулась. «Господи помилуй!... Соблазнъ какой!... Врагъ смутилъ....» Она перекрестилась, и чувствуя, что врагъ опять готовъ смутить ее, встала и пошла въ другую комнату умыться; сонъ какъ рукой сняло. Видно, врагъ воды боится.

Въ двѣнадцать часовъ раздался первый ударъ соборнаго колокола, и городъ огласился торжественнымъ звономъ; заблистали площадки и окна церквей; замелькали огоньки въ домахъ. Народъ гурьбами валилъ по всѣмъ улицамъ, экипажи неслись по мостовой.

Засуетилась и наша старушка, принарядилась и въ сопровожденіи своей Дуняши, несшей кудичъ и фонарь, осторожно пробиралась по тротуару въ приходскую церковь.

— Никакъ опоздали, говорила она, — бѣда! не продеремся....

— И, какъ опоздать! Да мы, гляди, первыя придемъ, матушка.

Опасенія Лукерьи Андреевны, въ самомъ дѣлѣ, не оправдались; въ церкви было еще едва человѣкъ десять; она нашла и уголокъ свой не занятымъ. Сотворивъ три земные поклона и поклонясь направо и налево, хотя направо была лишь стѣна, старушка подошла къ свѣчному ящичку взять свѣчу. «Никакъ взять ужь гривенную, подумала она, а то вѣдь люди пожалуй осудятъ, скажутъ: генеральская теща, а съ пятаковою...»



## IV:

Наканунѣ праздника, дочь Лукерья Ивановны очень волновалась отъ боязни, что заказанныя обнови не поспѣютъ. Пожалуй нельзя будетъ ѣхать и въ соборъ... «Тамъ всѣ будутъ такъ нарядны, не Асоной же быть хуже другихъ,» думала она, и торопила свою горничную скорѣй дошивать великолѣпную шемизетку и рукава, и сама дѣлая къ нимъ банты, составляла планы новымъ удовольствіямъ на Святой недѣлѣ. «Нужно сказать Данковскому, думала она, чтобъ онъ подговорилъ мужа устроить катанье въ лодкахъ, на третій или четвертый день; рѣка въ разливѣ, лодки три устроить для общества, одну для музыкантовъ, потомъ для пѣсенниковъ. Это будетъ преприятно! Возвратясь, отобѣдать у насъ, послѣ потанцуемъ. А какъ мы начнемъ, Фіона Дмитріевна не отстанетъ, Настасья Федоровна тоже. Потомъ, какой-нибудь балъ по подпискѣ...»

Мечтанія генеральши были прерваны неприятною существованностію. Возвратившійся изъ магазина человекъ доложилъ, что изъ заказанныхъ обновъ ничто еще не готово.

— Какъ не готово? Да когда жъ это будетъ? Ты что мнѣ сказалъ?

— Все что вы изволили приказывать.

— Вѣрно перевралъ!... Скажи, чтобы мнѣ сейчасъ же заложили карету. Ничего не будетъ, если не поѣду сама. Что жъ они тебѣ сказали?

— Чтобы вы не изволили беспокоиться, къ завтраму все будетъ готово.

— Когда жъ велѣли присылать?

— Часа черезъ два-съ.

— Все-таки вели заложить, я съѣзжу сама. Да поскорѣй.

Черезъ полчаса Серафима Петровна уехала распекаать содержательницу магазина.

Михаилъ Сергѣевичъ, бывшій тоже въ отсутствіи съ самаго обѣда, возвратился. «Гдѣ барыня?» спросилъ онъ, и узнавъ, что ея нѣтъ дома, онъ почти бѣгомъ вернулся на подѣздъ.

-- Она уѣхала, Владиміръ; прикажи скорѣй вносить; мы можетъ-быть успѣемъ до нея все устроить.

Люди внесли четыре огромныя кадки съ померанцевыми деревьями въ цвѣту; двѣ изъ нихъ поставили въ гостиной около дивана, двѣ въ кабинетѣ генеральши; вслѣдъ за этими великанами, явилось множество горшковъ съ розами, левкоями, желтоюлью, гяцинтами, и двѣ прекрасныя жардиньерки были уставлены ими сверху до низу. Кабинетъ принялъ видъ маленькаго цвѣтущаго сада.

— Какъ я радъ, что Серафимы нѣтъ дома, говорилъ Асонинъ, устанавливая цвѣты и любуясь ими,—теперь сюрпризъ будетъ полный. Она мнѣ какъ-то говорила, что любить цвѣты; на ея окнѣ, когда она была въ дѣвушкахъ, я всегда видѣлъ нѣсколько горшковъ резеды и базилику. Владиміръ, ты вѣдь ей ничего не говорилъ, ни куда мы ѣдемъ, ни зачѣмъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, Михаилъ Сергѣичъ.

— И прекрасно! Нечаянность еще больше обрадуетъ ее. Возьми же серьги и устрой такъ, какъ ты говорилъ.

Генераль радовался какъ ребенокъ, воображая удивленіе жены. Черезъ нѣсколько времени она возвратилась изъ магазина весьма не въ духѣ. Асонинъ встрѣтилъ ее въ залѣ.

— Ты ѣздилъ къ матушкѣ, Серафима? спросилъ онъ: — я тоже хотѣлъ было заѣхать къ ней, чтобы подарить ей платье и чепчикъ, которые мы сами выбирали съ Владиміромъ, да подумалъ, что можетъ-быть тебѣ не понравятся наши покупки; тогда можно будетъ переимѣнить. Пойдемъ, посмотри.

— У меня страшно голова болитъ, Михаилъ Сергѣичъ, и мнѣ право не до того.

— Чтѣ съ тобой, моя радость? Ужь не занемогла ли ты?... не послать ли за докторомъ?... заботливо спрашивалъ генераль, смотря ей въ глаза.

— Нѣтъ, нѣтъ! пожалуста не хлопочи! Я прилягу, и можетъ-быть пройдетъ.

— Ты бы положила одеколону въ уши, потеряла бы виски... Пойдемъ, я самъ буду твоимъ докторомъ.

— Оставь меня пожалуста! Мнѣ нужно спокойствіе.

И Серафима Петровна ушла, не замѣтивъ даже прекрасныхъ померанцевыхъ деревьевъ въ гостиной, разливавшихъ сильнѣйшій аромать.

— Чтò это съ ней сдѣлалось? спросилъ печально Асонинъ, обращаясь къ своему адъютанту.

«Капризъ,» подумалъ Данковскій, и вмѣсто отвѣта пожалъ плечами.

— Не съѣздить ли тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, за Віолинымъ?... Какъ ты думаешь?...

— Погодите, генералъ! Головная боль не такая еще серіозная болѣзнь, чтобы тотчасъ же прибѣгать къ помощи докторовъ. Завтра же все пройдетъ.

— А какъ нѣтъ? Почти всѣ болѣзни сперва начинаются головою болу...

— Да у Серафимы Петровны и признаковъ нѣтъ болѣзни, Михаилъ Сергѣичъ! Свѣжа она, какъ обыкновенно, взоръ такъ же ясенъ. Такъ что-нибудь.

— То-то и есть-то, что румянецъ ея мнѣ подозрителенъ; у ней, кажется, жаръ; отъ этого и глаза блестятъ. Пойду попробую пульсъ. Вѣдь у больныхъ онъ скорый и неровный? Не такъ ли?...

— Говорятъ, такъ, отвѣчалъ Данковскій, внутренно смѣясь надъ опасеніями своего начальника.

Асонинъ отправился въ спальню.

— Можно войти? спросилъ онъ чуть слышно, пріотворяя тихонько дверь.

— Чтò тебѣ нужно, Михаилъ Сергѣичъ? Дай пожалуйста мнѣ отдохнуть.

— Позволь мнѣ только попробовать твой пульсъ, мой ангелъ. Я ужасно боюсь за тебя!...

— Полно, сдѣлай милость! Я тебѣ сказала, что ничего, пройдетъ.

— Дай Богъ, мой милый другъ! А все-таки дай мнѣ ручку! Взявъ руку жены, онъ началъ считать біеніе пульса.

— Ну, чтò же, хорошъ? спросила она.—Я до сихъ поръ не подозрѣвала, что ты имѣешь понятіе о медицинѣ.

— Какъ ты хочешь, Серафима, а я пошлю за Віолинымъ... пульсъ у тебя что-то скоръ, мнѣ кажется!

— Зачѣмъ же намъ Віолина, когда ты самъ докторъ? Его я не приму, лѣчи самъ.

— Да я ничего не понимаю, душа моя, и радъ бы!

— Такъ стало не понимаешь и пульса. Оставь меня пожалуйста. Черезъ часъ, много черезъ два, я къ тебѣ выйду совсѣмъ здоровая.

— Да помочи же голову одеколонамъ-то, по крайней мѣрѣ.

— Хорошо, мой другъ, все сдѣлаю. Позови ко мнѣ Полюшку.

— Тебѣ что нужно? Я самъ все сдѣлаю.

— Да отстань ради Бога, Михаилъ Сергѣвичъ! Я тебѣ говорю, что мнѣ нужно Полюшку.

Михаилъ Сергѣевичъ струсиль и бросился за горничной; позвавъ ее къ женѣ, онъ прямо уже прошелъ въ комнату своего адъютанта.

— Владимиръ, Серафима-то больна не на шутку, сказалъ онъ,—пульсъ ужасно скоръ... и какъ стала раздражительна!.. Видно, что-нибудь нервное. Жару, кажется, нѣтъ однакожъ, слава Богу... Не знаю что дѣлать!... Доктора не хочеть.

— Такъ и подождите, Михаилъ Сергѣвичъ; увидите, что будетъ завтра. Больнымъ, особливо нервами, противорѣчить тоже нельзя.

— Но отчего это у ней разстроились нервы?... проговорилъ Асонинъ, тревожно ходя по комнатѣ.

— Можетъ это вамъ такъ показалось. Серафима Петровна, слава Богу, крѣпкаго сложенія и твердаго характера; она не должна страдать нервами.

— Крѣпкаго сложенія!... Женщины всѣ—нѣжные цвѣтки; излишній зной, излишній холодъ—все ихъ губить!... Ихъ нужно дѣлать... Я, можетъ-быть, не умѣю такъ, какъ бы желалъ!...

— Вы не справедливы къ себѣ, Михаилъ Сергѣвичъ; вашей женѣ, кажется, ничего не остается желать.

Пока Асонинъ тревожился и придумывалъ, что за причина болѣзни жены, Серафима Петровна приказывала Полюшкѣ сейчасъ же идти въ магазинъ и не приходитъ безъ того, чтобы не было все готово, — торопить ихъ, и если нужно, то и самой помочь. Выпроводивъ горничную, она очень благоразумно разочла, что теперь соснуть часочка два вовсе не мѣшаетъ; заутрени рано, послѣ обѣдни всѣ офицеры будутъ у нихъ разгавливаться, тамъ Михаилъ Сергѣевичъ вздумаетъ пожалуй ѣхать къ старушкѣ. Она улеглась, это было часовъ въ шесть. Три раза въ продолженіи вечера, заботливый мужъ, входилъ къ ней; сонъ былъ такъ крѣпокъ, что она ничего не слыхала. Полюшка возвратилась изъ магазина съ обновами, внесла ихъ въ спальню, барыня не шевельнулась.

Гулъ колоколовъ къ заутренѣ пробудилъ, наконецъ, мнимо-

больную; она схватилась за серебряный колокольчикъ, стоявшій на ночномъ ея столикѣ, и на звонъ вбѣжала Полюшка.

— Все ли принесли изъ магазина? спросила генеральша.

— Все-съ.

— Давай же скорѣй вставать.

Михаилъ Сергѣевичъ, сторожившій, вѣроятно, пробужденіе жены, явился тоже въ ея комнату.

— Чтѣ твое здоровье, моя Серафима?

— Ничего, мой другъ, слава Богу.

Генераль въ восторгѣ бросился обнимать жену.

— Ну, пусти же! Прикажи поскорѣй закладывать лошадей, а я сейчасъ одѣнусь.

— Сейчасъ, мой ангелъ! Если ты позволишь Владиміру ѣхать съ нами, то я велю заложить большую карету.

— Какъ хочешь, отвѣчала снисходительная супруга, рассматривая новую шляпу, прелестный утренній капоть изъ толстаго пудесуа сиреневаго цвѣта и темно-зеленый бархатный бурнусъ.

Асонинъ спѣшилъ подѣлиться съ Данковскимъ своею радостью о выздоровленіи жены и отдать приказаніе объ экипажѣ.

Черезъ полчаса, Серафима Петровна, со вкусомъ и щегольски одѣтая, входила въ соборъ; адъютантъ очищалъ дорогу, мужъ слѣдовалъ за нею.

— *Mais vous êtes charmante, ma chère! Quelle fraîche et jolie toilette,* сказала губернаторша, подлѣ которой стала Серафима Петровна.

Богослуженіе началось; торжественное «Христосъ воскресъ» огласило своды храма. При этихъ звукахъ, на минуту затихли суетные помыслы людей; на многихъ рѣсницахъ блеснули слезы умиленія. Самыя женщины забыли о шляпахъ и бурнусахъ своихъ соперницъ и благоговѣйно преклонили нарядныя головки передъ великимъ таинствомъ искупленія. Но вѣдь это было лишь въ первую минуту; мірскія мысли снова вступили въ свои права. Мушны заговорили, женщины защебетали и инквизиторскимъ взоромъ принялись осматривать другъ друга.

Генеральша торжествовала; ея туалетъ былъ въ самомъ дѣлѣ свѣжѣе и лучше всѣхъ: сиреневые цвѣты на ея бѣлой шляпѣ были такъ изящно-хороши, роскошная вѣтка такъ граціозно спускалась къ плечу, что нельзя было не любоваться. Хоро.

шенькое личико Серафимы много выигрывало въ воздушной, тлевоѣ, съ зеленою, рамкѣ; свѣтъ тысячи свѣтъ возвышалъ ея свѣжесть и блескъ черныхъ глазъ, скрадивая морщинки, изобличавшія ея лѣта при дневномъ свѣтѣ.

— Какъ хочешь, Михаилъ Сергѣичъ, а послѣ заутрени я похристосуюсь съ твоею женою, по старинному православному обычаю, говорилъ губернаторъ, смотря на Серафиму.

— А я отплачу тѣмъ же Фіонѣ Дмитріевнѣ, улыбаясь отвѣчалъ Асонинъ.

— Вознагражденіе небольшое. Но шутки въ сторону: ты отыскала жемчужину въ нашемъ городѣ. Чтѣ за грація, чтѣ за манеры, какой вкусъ! Нечего сказать, счастливецъ!..

Генералъ съ гордостію смотрѣлъ на жену.

По окончаніи заутрени всѣ затолпились, спѣша съ поздравленіями другъ къ другу и въ особенности къ дамамъ; съ милою улыбкой принимала ихъ Серафима Петровна. Кому подавала руку, кому кивала головой; она сіяла счастіемъ утѣшеннаго самолюбія. А нечего сказать, вѣдь и это счастье!

Кончилась и обѣдня; вереницы экипажей потянулись изъ собора. У подъѣзда Асоновыхъ стояли уже десятки пролетокъ; многіе изъ офицеровъ, отслушавъ обѣдню въ приходскихъ церквахъ, ожидали начальника въ его домѣ. Столъ въ залѣ былъ уставленъ роскошною закуской. Гурьба офицеровъ встрѣтила Асоновыхъ въ дверяхъ залы. Принявъ поздравленіе, генеральша ушла къ себѣ; генералъ, перецѣловавъ всѣхъ, пригласилъ разгавливаться.

Серафима Петровна, сбросивъ бурнусъ и замѣнивъ шляпу такимъ же изящнымъ утреннимъ чепцомъ, приказала подавать чай и кофей къ себѣ въ кабинетъ, и снова вышла въ залу.

— Господа, мужъ угощаетъ васъ пасхой, а мнѣ позвольте предложить вамъ чаю или кофей. Владиміръ Ивановичъ, пойдемте готовить; мы будемъ ожидать гостей у меня въ кабинетѣ.

И, граціозно наклонивъ головку, она ушла въ сопровожденіи адъютанта.

— Ахъ, какъ хорошо! вскрикнула она, увидя цѣлую оранжерей у себя въ кабинетѣ.—Кто это вздумалъ сдѣлать мнѣ такой пріятный сюрпризъ?

— Кто же, кромѣ вашего супруга, осмѣлится предупредить ваши желанія? скромно отвѣчалъ Данковскій.

— Позвольте мнѣ быть увѣренною, Владиміръ Ивановичъ, что вы навели его на эту прекрасную мысль.

— Я долженъ быть всегда въ сторонѣ. Вотъ и вчера...

Онъ остановился.

— Чтò же вчера? Продолжайте!

— Михайлъ Сергѣичъ такъ беспокоился о вашемъ здорровьи...

— А вамъ меня было жаль, или нѣтъ?

— Я не имѣю права высказывать то, чтò чувствовалъ...

— Отчего же? Вѣдь мы съ вами друзья!..

— Друзья!.. Нѣтъ, Серафима Петровна!..

— Какъ? Неужели враги?

— Зачѣмъ притворяться, Серафима Петровна? Прошедшее еще не такъ далеко... Вы тоже не могли его позабыть, хоть вамъ и не угодно было мнѣ вѣрить.

— Молодые люди часто сами обманываются въ своихъ чувствахъ.

— Можетъ-быть, но не я.

— Ахъ, да; Владиміръ Ивановичъ, надо устроить весенній праздникъ, какъ-нибудь на дняхъ, съ катаньемъ въ лодкахъ, съ музыкой; поговорите мужу! Самой мнѣ не хочется...

— Слушаю-съ.

— Какимъ покорнымъ рабомъ вы отвѣчаете!

— А развѣ въ сущности я не рабъ вашъ?

Серафима Петровна не успѣла возразить, генераль, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, вошелъ въ комнату.

— Ну вотъ мы и къ тебѣ, мой другъ, изволь насъ угощать! подходи и цѣлуя жену въ лобъ, говорилъ Асонинъ.—А довольна ты цвѣтами?

— Въ восторгѣ! Тысячу разъ благодарю тебя, мой милый.

— Замѣтила ты, тутъ есть одно очень рѣдкое растеніе?

— Какое это? спросила генеральша.

— Прежде дай намъ чаю, потомъ покажу.

Серафима Петровна съ Данковскимъ начали хозяйничать, разговоръ сдѣлался общимъ.

Часовъ въ восемь офицеры развѣхались, генеральша въ утомленіи отбросилась на спинку дивана.

— Какъ я устала, однако, проговорила она.

— Зачѣмъ же ты взяла на себя обязанность разливать чай, душа моя? Какъ это можно! Вчера еще ты была нездорова,

къ тому же не спала ночь и вздумала утомлять себя!.. Это верхъ неблагоразумія!..

— Мнѣ казалось, что я совсѣмъ поправилась.

— Поди, ради Бога, раздѣнься и прилягъ. Къ матушкѣ я стѣзжу одинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Михаилъ Сергѣичъ, если ты не хочешь, чтобъ я теперъ ѣхала, то подожди меня, я немного отдохну; тогда поѣдемъ вмѣстѣ, иначе маменька на меня разсердится; подумаетъ, что я не хотѣла.

— Ну, хорошо. А теперь мы попросимъ Владиміра поздравить ее отъ насъ и передать, почему мы сами не можемъ быть.

— Будьте столько добры, Владиміръ Ивановичъ, присовокупила генеральша.

— И отвези ей отъ насъ вчерашнія покупки. Взгляни, Серафима, ты не видала. Вчера бы нужно отослать, старушка обновила бы сегодня чепчикъ; но твое нездоровье такъ меня встревожило, что я позабылъ все на свѣтѣ.

Генераль позвонилъ и приказалъ принести покупки.

— Очень мило, говорила Серафима Петровна, рассматривая матерію и чепецъ,—благодарю тебя, добрый другъ!

— Такъ передай же все это матушкѣ отъ насъ, Владиміръ, сказалъ генераль.—А ты, Серафима, поди съ Богомъ, усни покрѣпче!

Она встала и мимоходомъ зашла вдохнуть въ себя аромать цвѣтовъ.

— Ахъ, да!.. я и позабылъ! сказалъ Михаилъ Сергѣевичъ, подходя къ цвѣтамъ вслѣдъ за женою.—Взгляни на необыкновенный цвѣтокъ! Каковы на немъ никогда не засыхающія росинки!

— Чтѣ это? спросила изумленная Серафима, и дотронулась пальцемъ до сверкающихъ росинокъ; прикосновеніе заставило ихъ скрыться внутрь цвѣтка; Серафима тряхнула его, и два брилліанта, вдѣланные въ серги, тяжело упали на полку жардиньерки.

— Это тебѣ мое красное яйцо, сказалъ Асонинъ, обнимая жену. — Ужо надѣнь ихъ, я на тебя полюбуюсь. А всю эту мистификацію придумалъ Владиміръ. Посмотрѣла бы ты, какъ онъ трудился, вырѣзывая листки розы въ размѣръ брилліантовъ.

Генеральша крѣпко пожала руку мужа и бросила чудный взоръ и улыбку адъютанту.



## V.

Лукерья Андреевна, возвратясь отъ обѣдни и войдя въ свою чистенькую залу, положила три земные поклона. «Слава Тебѣ Господи! привелъ Господь дождаться еще разъ Свѣтлаго праздника,» проговорила она, и сѣла отдохнуть въ свое кресло въ ожиданіи Дуняши, оставшейся въ церкви для освященія пасхи. Но вотъ возвратилась и Дуняша, Акулина накрыла столъ; скатерть какъ серебро, самоваръ блеститъ и выбрасываетъ клубы пара, густыя сливки съ пѣнками такъ и соблазняютъ старушку, но она ни до чего не дотрогивается. «Въ соборѣ, гляди еще, не скоро отойдетъ, думаетъ она, ну, Господь съ ними, подожду.»

Остываютъ сливки, бесполезно кипитъ самоваръ; шумная, полная пѣсня его превращается въ пискливую, и по временамъ прерывается; а вотъ и затихла....

Прислуга Лукерьи Андреевны успѣла разговѣться, Дуняша изъ кухни вернулась въ комнату.

— Прикажете принимать самоваръ-то? спросила она.

— Нѣтъ еще, Дуняша, погоди! Подложи-ка угольковъ, голу-бушка, что-то онъ скоро погасъ.

Горничная вынесла самоваръ.

Лукерья Андреевна ходитъ отъ окна къ окну; прислушивается къ стуку экипажей, каждый изъ нихъ ей кажется Асо-нинскимъ, а экипажи все мимо да мимо!... Самоваръ снова шумитъ и бурлитъ, старушка снова садится къ столу, а рука все не поднимается разговѣться.

— Барыня! майорскій деньщикъ пришелъ васъ поздравить, сказала Дуняша.

— Здравія желаемъ! Честь имѣемъ поздравить съ праздни-комъ! прибавилъ рослый деньщикъ.

— Спасибо, спасибо! Дуняша, поднеси ему водочки, да дай вотъ двугривенничекъ на чай. А гдѣ жъ твой баринъ-то? Я чай, въ соборѣ? Видно еще тамъ обѣдня-то не отошла?

— Никакъ нѣтъ-съ; давно изволила отойтти. Баринъ у ге-нерала разгавливается; промежъ того-съ я и отлучился. Здравія желаемъ-съ, снова заголосилъ деньщикъ, принимая изъ рукъ

Дуняши стаканъ отрадной влаги, вылилъ ее въ горло, получилъ двугривенный и съ словами: «покорнѣйше благодаримъ, много довольны,» поворотилъ налѣво кругомъ. Въ дверяхъ онъ обернулся и шепотомъ добавилъ: «Авдотья Минаевна, вамъ чего купить-съ, пряничковъ аль орѣшковъ-съ?»

— Послѣ, послѣ! прошептала тоже Дуняша и выпроводила деньщика.

«Такъ они давно ужъ разговѣлись! а я-то, дура, все жду!...» думала Лукерья Андреевна; «мнѣ и не въ доめкъ; что имъ не до меня, у нихъ все офицерство; конечно, отъ обѣдни прямо можно было завернуть на минуточку...» У старушки заскребло на сердцѣ. Она обратила взоръ къ кіоткѣ; прошептала молитву, и отрѣзавъ кусочекъ пасхи, проглотила его вмѣстѣ съ слезой, капнувшюю не изъ глазъ, а прямо изъ глубины души. «Господи! для этакого дня я всплакнула... Прости мое согрѣшеніе, Владыко мой! И о чемъ, какъ подумаю? Вотъ проводить гостей да и прїѣдутъ.» Старушка вновь повеселѣла; напилась чайку и приготовила на столикѣ свои подарки. Зятику шесть паръ карпетокъ своей работы, Серафимъ—батистовый, вышитый платокъ; знакомая монахиня, по старой дружбѣ взяла съ нея подешевле за работу, а вышила надиво. Ужь не стыдно генеральшѣ взять въ руки! Своему любимцу Данковскому она тоже приготовила подарочекъ; сама сшила изъ клѣтчатыхъ тесемочекъ кошелекъ, и положила въ него, съ одной стороны, старинную серебряную монетку, съ другой орѣховую двойчатку, чтобы деньги водились. Разложивъ все на столикѣ, подошла къ окну и сѣла ждать дорогихъ гостей. Прошло и еще полчаса, старушка начала зѣвать.

— Барыня, вамъ бы лечь, вѣдь вы устали, сказала Дуняша изъ другой комнаты.

— Еще успѣю выспаться, мать моя; мнѣ и спать-то не хочется.

— А сами зѣваете....

— Вотъ тебѣ разъ, зѣваете — такъ что жь? и зѣваю да спать не хочу. А что, майоръ-то прїѣхалъ, что ли, отъ нашихъ?

— Прїѣхалъ-съ. Ужь Матвей и лошадь отложилъ.

«Ну, теперъ скоро,» подумала Лукерья Андреевна и принялась посматривать въ окно.

Изъ-за угла показалась пролетка. «Никакъ это Владиміръ?...

Такъ и есть. Знать его впередъ послали.» Старушка просіала и встала, чтобы встрѣтить своего любимца.

— Христось воскресе, мой батюшка! Ужь я ждала, ждала!... Чтò жь, мой-то скоро прїѣдутъ.

— Здравствуйте, добрая Лукерья Андревна, поздравляю васъ съ праздникомъ. Михаилъ Сергѣичъ и Серафима Петровна поручили мнѣ передать вамъ вотъ это.

Онъ подалъ картонку. Не принимая ея, старушка съ какою-то нервшителъностью спросила:—А сами-то они что же?..

— Они ужò прїѣдутъ. Серафима Петровна вчера у насъ было занемогла, и прїѣхала сегодня отъ обѣдни очень утомленною; тутъ ужь были всѣ наши полковые; съ ними она еще больше устала, такъ что генераль рѣшительно не пустилъ ея къ вамъ, прежде чѣмъ отдохнетъ.

— Чтò же это съ ней сдѣлалось, мой родной? Господи! Вотъ тебѣ и радость въ свѣтлый праздникъ!..—Физиономія старушки омрачилась.

— Вы не беспокойтесь, Лукерья Андревна. Серіознаго ничего нѣтъ, клянусь вамъ. Часа черезъ два, сами увидите. Посмотрите лучше, какую мы съ генераломъ матерію вамъ выбрали; да вѣдь сами!

Онъ развернулъ свертокъ и, распутивъ конецъ матеріи, приложилъ къ себѣ.—Какова?..

— И... и!.. Какая хорошая! Къ чему мнѣ старухѣ такую? И смолоду не щеголяла, а теперь куда?..

— А вотъ чепчикъ, вынимая изъ картонки, сказалъ Владимиръ,—примѣрьте-ка! И его мы же покупали.

— И, другъ ты мой, ну на чтò мнѣ все это? Хоть бы ты отговорилъ. Легко ли дѣло! Матерію... чепчикъ... Вѣдь небось дорого заплатили; а куда и къ чему мнѣ надѣвать? Какъ это Серафимушка-то, какъ будто не знаетъ, что мнѣ ничего не надо!

— Серафима Петровна не знала какъ мы и покупали-то. Я вамъ говорю, что все это мы съ генераломъ сами выбирали.

— Все онъ, мой голубчикъ! Дай Богъ ему многія лѣта за любовь его ко мнѣ. Хотя мнѣ и ничего не нужно, а память дорога!

Старушка сложила все на диванъ и перешла къ столику, гдѣ приготовлены были ея подарки.

— Прими же и ты мою лепту, младшій мой сыночекъ, сказала она, подавая кошелекъ.

Данковскій разсыпался въ благодарности и тотчасъ же началъ пересыпать въ него свою казну изъ *портмоне*.

Старушкѣ пріятно было видѣть благодарность, съ которою былъ принять ея маленькій подарокъ.

— Да и сколько тутъ талисмановъ! сказалъ Владиміръ, увидя древнюю монету и двойчатку.

— Чтобы деньги у тебя водились, мой батюшка.

— Вашими бы устами да медъ пить!..

— Кушай вдоволь, лишь не напивайся! погрозивъ пальцемъ, шутливо сказала Дьячкова.—Пускай денежки водятся, да не транжиры! Послѣ самому слубится. Не прогнѣвайся за глупыя рѣчи старухи. Богъ видитъ, что отъ чистаго сердца говорю, какъ бы сказала сыну родному.

— За участіе и желаніе добра гнѣваются лишь дураки, Лукерья Андревна; я вполне цѣню ваше расположеніе, и тысячу разъ благодарю васъ за него!

— Не хочешь ли чего скушать? Кудичъ славный... али чайку?..

— Нѣтъ, покорно благодарю! Сытехонекъ. А вотъ уже я опять къ вамъ явлюсь съ начальниками; тогда угостите насъ кофейкомъ; вѣдь у васъ чудный кофе!

— Ну что жь, ну что жь, мой батюшка! Али не шоколатцу ли лучше, какъ думаешь?

— И то дѣло, Лукерья Андревна; вотъ старый-то, опытный человекъ, всегда лучше насъ вздумаетъ. Теперь пока сосните; какъ проснетесь, мы къ вамъ какъ снѣгъ на голову.

— Ну, Господь съ тобой, мой батюшка. Устала и я; старость не радость, говорится пословица.

— Дай Богъ такую старость всякому, говорилъ Данковскій, надѣвая шинель.

Черезъ минуту дрожки его прогремѣли, и вскорѣ во флигелькѣ Дьячковой воцарилась мертвая тишина. Крѣпко заснула старушка, утомленная безсонною ночью, постомъ и душевною тревогой въ ожиданіи дѣтей послѣ обѣдни.

Еще покойнѣй спала Серафима Петровна, убаюканная слѣпою любовью мужа, утѣшенная торжествомъ надъ обществомъ и надъ сердцемъ молодаго красиваго адъютанта. Полная здоровья и самодовольства, проснулась она часовъ въ двѣнадцать; на звонъ ея колокольчика явилась Полюшка.

— Михаилъ Сергѣвичъ проснулся? спросила генеральша.

— Сейчас узнаю-сь.

— Если проснулся, то скажи ему, чтобы приказалъ закладывать карету.

— Слушаю-сь.

Горничная вышла.

Серафима Петровна взяла лежавшую на столѣ коробочку и, раскрывъ, начала любоваться крупными брилліантами серегъ, подаренныхъ мужемъ. «Такихъ здѣсь еще ни у кого нѣтъ, думала она, и у откупщицы камни несравненно меньше. Какъ взбѣсятся все наши барыни!.. И у Фіоны Дмитриевны глазъ покоробить... Тысячи двѣ вѣрно стоятъ..»

— Васъ дожидаются какія-то три женщины, Серафима Петровна, сказала возвратившаяся Полюшка.

— Какія женщины? что имъ нужно?

— Желаютъ васъ видѣть.

— Это что еще? надобно знать, я-то желаю ли ихъ видѣть. Кто онѣ такія?

— Не знаю-сь; должно-быть мѣщанки.

— Ну, вѣрно просить чего-нибудь пришли. Ужъ эти мнѣ попрошайки!.. Подай мнѣ портмоне.

Серафима Петровна вынула три гривенника и приказала отдать попрошайкамъ.

Черезъ минуту Полюшка вернулась съ тремя гривенниками. — Онѣ не берутъ-сь, и просятъ одной только милости, — взглянуть на васъ.

— Вотъ фантазія! Скажи, что мнѣ некогда.

— Что такое, мой другъ, кто тебя тревожитъ? спросилъ вошедшій Асонинъ.

— Вообрази, пришли какія-то три женщины и непременно хотятъ меня видѣть.

— Отчего же ты не хочешь исполнить ихъ просьбу, моя радость? съ нѣжнымъ упрекомъ сказалъ мужъ.

— Ты видишь, я еще въ постелѣ; потомъ надо скорѣй ѣхать къ маменькѣ.

— Но вѣдь это одна минута... Хочешь, я за тебя пойду?

— Пожалуста. Признаюсь, мнѣ какъ-то совѣстно говорить съ просительницами.

— Можетъ-быть онѣ пришли вовсе не просить, сказалъ, выходя, генералъ.

«Ахъ Боже мой! зачѣмъ я его пустила?» подумала Серафима

Петровна: «онъ какъ разъ его разжалобить, и онъ радъ будетъ отдать имъ всё деньги.»—Михаилъ Сергѣичъ! крикнула она.

— Сейчасъ, душа моя! отвѣчалъ онъ ужъ изъ другой комнаты.

«Ну, сглупила!..» пробормотала генеральша и съ горя начала чистить ногти.

— А! такъ моя Серафима дѣлаетъ добро тайно, и не хочетъ получить благодарности!.. говорилъ генералъ растроганнымъ голосомъ, возвратясь въ комнату жены и цѣлуя ее съ восторгомъ.

Серафима Петровна посмотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Чтѣ ты хочешь сказать? спросила она.

— Это тѣ три женщины, которымъ ты вчера прислала, черезъ горничную твоей матушки, по пяти рублей. Имъ не чѣмъ было разговѣться, ты сдѣлала имъ праздникъ истинно свѣтлымъ! Напрасно ты не хотѣла взглянуть на нихъ; ихъ благодарность трогательна.

— Чтѣ жъ, онъ ушли? спросила немного сконфуженная и покраснѣвшая генеральша.

— Я имъ сказалъ, что ты просишь у нихъ извиненія, что не можешь къ нимъ выйти, потому что не очень здорова.

— Благодарствуй, мой милый! Теперь еще одна просьба: сдѣлай милость, не говори никогда и никому объ этихъ женщинахъ и о бездѣлицѣ, которую онъ получили. Не будешь?

— Намъ ли, людямъ, говорить о подобныхъ поступкахъ? Ихъ записываютъ на небесахъ ангелы...

— Ну полно же, Михаилъ Сергѣичъ! Пожалуста, чтобъ и рѣчи объ этомъ никогда не было; ты самъ добрѣ меня. Лучше поторопи поскорѣй закладывай; почти два часа.

— Одѣвайся же, все сейчасъ будетъ готово, и я, и лошади.

«Какова маменька-то! подумала Серафима Петровна, оставшись одна. По пятнадцати рублей раздастъ бѣднымъ... А тамъ, пожалуй, самой не достанетъ. Хорошо теперь стоитъ майоръ, а какъ съѣдетъ, намъ же придется пополнять недостатки; у насъ свой домъ, свои расходы. Лучше берегла бы денежку про черный день, такъ нѣтъ!.. Цѣлый вѣкъ такая была впрочемъ. Видно неисправима!.. Бывало самимъ едва достаетъ, а все-таки урветъ что-нибудь если не изъ денегъ, то изъ запасовъ, своимъ *protégés*. И манія раздавать все отъ моего имени сохранилась видно и до сихъ поръ.»

Все это передумывала Серафима Петровна, стоя передъ своимъ изящнымъ трюмо, надѣвая вещи, стоявшія не пятнадцати рублей, за благородное употребленіе которыхъ такъ упрекала мать въ душѣ. Отъ всей окружавшей ее роскоши, и то не хотя, она оторвала было для бѣдныхъ три гривенника, а христосуясь съ соборнымъ причтомъ, она раздала ему десять рублей. Садовнику, принесшему отъ губернатора десятокъ свѣжихъ огурцовъ, она тоже дала три рубля, тогда какъ онъ ни въ чемъ не нуждается. Все это въ порядкѣ вещей. Одна ли Серафима Петровна поступаетъ такимъ образомъ? Всѣхъ бѣдныхъ надѣлать нельзя, а поддерживать свое тщеславіе необходимо. Бѣдныхъ нужно отучить отъ докучливыхъ посѣщеній, вниманіе же губернатора нужно вознаграждать хоть въ лицѣ садовника. Священникъ, получившій пять рублей, тоже тѣшитъ самолюбіе: въ праздники, послѣ начальника губерніи, къ нимъ первымъ является съ крестомъ; у обѣдни молящихся сотни, а просвиръ раздается только двѣ или три, одна изъ нихъ всегда принадлежитъ генеральшѣ. А отъ бѣдныхъ чего же ждать? Положимъ, прокричать добрый—къ чему же это поведетъ? Кто ихъ услышитъ? Я знала одну женщину, которая пользовалась въ жизни нѣкоторымъ довольствомъ, но далеко не богатствомъ; ей пришлось столкнуться съ молодымъ человѣкомъ, едва начинавшимъ жить, и которому на первыхъ же порахъ необходимо было или заплатить известную сумму, или лишиться всей будущности. Средства не было никакихъ; онъ разказалъ свои обстоятельства этой женщинѣ; она не колебалась предложила ему необходимую сумму и послѣ цѣлый годъ лишала себя всего, къ чему ужъ пріучило ее довольство. Люди, знавшіе ея поступокъ, называли его глупымъ романтизмомъ, неумѣстною опрометчивостью. Извольте послѣ этого дѣлать добро!.. Лишь въ глубинѣ своей души, гдѣ судьей была совѣсть, она носила высокое чувство благодарности Провидѣнію, позволившему ей спасти честь, а можетъ быть и жизнь человѣка. Пусть же истинно добрые будутъ выше суда людскаго. Ихъ вознагражденіе въ себѣ самихъ.

Наконецъ, Лукерья Андреевна дождалась своихъ милыхъ дѣтей; съ какимъ радушіемъ, съ какою любовью хлопотала она, угощая ихъ! Не было и помину о томъ, какъ грустно было ей разгавливаться одной; теперь ей казалось даже, что она и не въ правѣ была требовать, чтобъ они забѣжали къ ней прямо отъ

объдни: «какъ же заставить ожидать все общество офицеровъ, въ самомъ дѣлѣ? Я-то своя, не взыщу.»

Съ удовольствіемъ поѣхала добрая старушка провести остатокъ дня у Асоновыхъ. Въ передней перехристосовалась со всѣми людьми по русскому обычаю, что весьма не понравилось ея превосходительству.

— Охота вамъ, маменька, цѣловаться со всѣми, сказала она, не выдержавъ, когда Лукерья Андреевна вошла уже въ гостиную.

— Такъ Богъ приказалъ, матушка: другъ друга обьемемъ. Пойду и къ твоимъ дѣвушкамъ.—Старушка направила шаги къ дѣвчьею.

— Не ходите, маменька! Стѣять ли онѣ того, чтобы вы безпокоились?

— У Бога мы всѣ равны, Серафимушка, да и какое же безпокойство?

Генеральша пожала плечами, какъ бы желая сказать: что въ пустынѣ проповѣдывать!

— Вотъ, маменька ваша со всѣми христосуется, Серафима Петровна, а вы и со мной не хотѣли, сказалъ Владиміръ какъ бы шутя.

— Маменька—женщина осьмнадцатаго столѣтія, я девятнадцатаго.

— А въ девятнадцатомъ развѣ христіанскій законъ измѣненъ?

— Не измѣненъ, но подведенъ подъ правила общественныхъ условій. Еслибъ я теперь вздумала по христіанскому закону, или лучше обычаю, цѣловать всѣхъ кого ни встрѣчу, вы первые были бы поражены и обвинили бы меня по крайней мѣрѣ въ оригинальности.

— Нисколько! потому что въ числѣ всѣхъ и я бы воспользовался этою оригинальнію.

— Я васъ не понимаю; на вашемъ мѣстѣ я не хотѣла бы быть въ числѣ всѣхъ.

— Если исключеніе невозможно... Лучше дѣлаться счастіемъ, чѣмъ не имѣть его вовсе.

— Счастіе приходитъ не вдругъ.

— Я бы ждалъ, еслибы смѣлъ надѣяться...

Разговоръ былъ прерванъ возвращеніемъ Лукерьи Андреевны. Въздъ за ней вошелъ и генераль, и началъ разказывать ей свое вчерашнее безпокойство о здоровьѣ жены.



— Помилуй Богъ! говорила старушка:—долго ли захворать! то-то горе-то намъ было бы для нынѣшняго дня! Велика Его святая милость до насъ грѣшныхъ!.. не до конца прогнѣвался!.. И старушка набожно крестилась.

За обѣдомъ Владиміръ Ивановичъ завелъ рѣчь о томъ, что все городское общество ожидаетъ праздника отъ генерала, а общество офицеровъ готово устроить его хоть по подпискѣ, прося лишь Серафиму Петровну быть хозяйкой.

— Зачѣмъ же по подпискѣ, возразилъ Асонинъ,—если Серафима хочетъ, сдѣлаемъ вечеръ у себя.

— Я вовсе не хочу, мой другъ; но ты избаловалъ здѣшнее общество, и вотъ оно ужь ждетъ новой потѣхи.

— Я балую не общество, а тебя, моя радость; что мнѣ до него?.. Чтѣ же ты хочешь, обѣдъ или вечеръ?

— Мнѣ, право, ничего не надо, Михаилъ Сергѣичъ.

— И я скажу, вѣнчалась Лукерья Андреевна, — зачѣмъ теперь тратиться на всѣ эти банкеты? Серафимушка ужь не молоденькая; вотъ какъ пріѣдетъ, Богъ дастъ, дочка изъ Питера, ну, тогда нужно будетъ... Не сердись, мой батюшка Михаилъ Сергѣичъ! Не учить хочу я васъ, а такъ, спросту сказала, чтѣ думаю.

— Это и такъ будетъ послѣдній праздникъ, Лукерья Андреевна, сказалъ Данковскій, замѣтивъ краску негодованія на лицѣ генеральши, при словахъ матери; особенно оскорбилъ ее намекъ на ея уже немолодость.—Лѣтомъ всѣ развѣдутся и всѣ заживемъ скромно, тихо такъ, что и слуху уже не будетъ.

— Когда бы тебя Богъ утишилъ! смѣясь сказала старушка.

— А теперь, Михаилъ Сергѣичъ, сдѣлаемте ужь потѣху на славу! Прежде устроимъ катанье въ лодкахъ съ музыкой и пѣсенниками; чай гдѣ-нибудь на островку, гдѣ раскинемъ палатки, а вечеромъ къ вамъ.

— Я въ этомъ не много смыслу, устраивай, какъ знаешь, съ Серафимой.

— Экой затѣйникъ! проговорила Лукерья Андреевна съ улыбкой и качая головой.—И то сказать, молодъ! хочется повеселиться!..

— Насилу-то вы сознались, моя добрая матушка, что для молодости нужно веселье. Видно вспомнили старинку! сказалъ Владиміръ.

— Мнѣ нечего вспоминать, сыночекъ; моя молодость прошла въ горѣ; не до веселья было мнѣ, какъ иной день къ обѣду, кромѣ черного хлѣба, ничего не было.

— Будто вы такъ нуждались? спросилъ Данковскій.

— Что старое вспоминать, маменька, да еще дурное.... Богъ съ нимъ! Слава Богу, что прошло, спѣшила перебить генеральша, которой неприятно было все, что напоминало прежнее положеніе ея родителей и ея самой.

— Нужно вспоминать, другъ мой Серафимушка, для того чтобы не зазнаться и чтобы благодарить Господа Бога за его великія милости! Какъ ты была маленькая-то, у тебя было ситцевое, какъ теперь помню, желтенькое платьице; я тебѣ его надѣвала въ святъ день до обѣда, а нонче у тебя матерія не матерія.... И меня-то старуху нарядили....

— Что это, какъ дурень союзъ! перебила Серафима Петровна:—попробуй, Михаилъ Сергѣичъ, въ ротъ нельзя взять. Твой Никифоръ рѣшительно начинаетъ зазнаваться и negliжировать своею должностію. Хорошо, что никого нѣтъ; ну, если онъ осрамитъ такъ при гостяхъ? Нужно однако проучить его порядкомъ, мой другъ.

— И, Серафимушка, полно тебѣ! шепотомъ проговорила старушка.

— Позвольте мнѣ, маменька, хоть быть ужъ хозяйкой-то! отвѣчала вслухъ генеральша.

— Не безпокойся, мой другъ; нынче такой день, что можетъ-быть онъ и не успѣлъ сдѣлать все какъ слѣдуетъ, кротко сказалъ генераль:—а на будущее время онъ будетъ стараться угодить тебѣ, я ему строго прикажу.

Серафима Петровна, не совсѣмъ довольная, замолчала однакомъ; Лукерья Андреевна успокоилась и съ любовію глядѣла на зятя. «Экой ангелъ! думала она, точь-въ-точь мой покойникъ!... Какому Богу молилась Серафима? И богатъ, и знатенъ, съ нея порошинки сдуваетъ.... Да еще какой добрый человекъ-то!»

Послѣ обѣда генераль предложилъ пить кофей въ кабинетѣ жены.

Лукерья Андреевна ахнула, увидя такое множество цвѣтовъ, до которыхъ она была страстная охотница; каждый изъ нихъ она разсматривала и вдыхала въ себя ихъ аромать.

— А я не зналъ, что вы такъ любите цвѣты, матушка, сказалъ Асонинъ,—иначе изъ этой коллекціи я могъ бы от-

дѣлить вамъ нѣсколько горшковъ. Теперь ужь это собственность жены, я не имѣю права распоряжаться. А лавку мы всю закупили. Владиміръ, какъ ты думаешь, можно найти гдѣ-нибудь еще?

— Постараюсь, Михаилъ Сергѣичъ; если не въ городѣ, то въ окрестностяхъ вѣроятно есть оранжереи, отвѣчалъ Данковскій.

— Не надо, не надо. Чтò вы это? Ну, мнѣ ли на старости прихотничать? Насмотрюсь теперь, и будетъ съ меня.

Серафима Петровна какъ будто ничего не слыхала, перелистывая какой-то журналъ.

Вскорѣ кабинетъ ея началъ наполняться; офицеры одинъ по одному подѣзжали, и часамъ къ шести набралось человѣкъ десять. Разговоръ сдѣлался общимъ и неминуемо склонился на предстоящій праздникъ, затѣянный будто бы неугомоннымъ Данковскимъ. Молодежь была въ восторгѣ, и средній возрастъ не прочь, если не поплясать, то попить и поѣсть хорошо.

Въ восемь часовъ старушка попросила, чтобъ ее отвезли домой. «Устала я что-то нонче,» говорила она. Въ сущности, не усталость одолевала ее, а грустное чувство, что дочери у нея ужь нѣтъ, что она была въ гостяхъ у генеральши, а не у той, которую когда-то носила подъ сердцемъ, которую кормила своею грудью, съ которою не спала столько ночей, которую берегла и лелѣла со всѣмъ самоотверженіемъ материнской любви. «Долго не была я у ней, думала Лукерья Андреевна, а теперь и вовсе не поѣду. Богъ съ ней! Видно мнѣ такъ на роду написано; да будетъ Его святая воля!»

## VI.

Прошло около шести лѣтъ послѣ супружества Серафимы Петровны съ Михаиломъ Сергѣвичемъ, въ продолженіи которыхъ генераль успѣлъ состарѣться и физически и морально, и окончательно подпастъ подъ власть своей жены. Въ продолженіи этихъ шести лѣтъ, полкъ Асонина былъ раза два назначаемъ содержать караулъ столицы, гдѣ генеральша, введенная мужемъ въ лучшій кругъ, окончательно превратилась въ свѣтскую львицу.

Разъ какъ-то попытался было Асонинъ свергнуть съ себя иго, не жены—она въ его глазахъ была безукоризненна,—а иго свѣта, которому она, по ея словамъ, волей-неволей должна была покоряться, вздумалъ было выйдти въ отставку, купить деревню и поселиться тамъ; но это намѣреніе такъ мало согласовалось съ вкусами Серафимы Петровны, она такъ логично доказала своему супругу, что оставлять службу ему, котораго заслуги такъ цѣнились правительствомъ, будетъ неблагодарностію и противъ царя, и противъ отечества; такъ краснорѣчиво описала ему горестъ разлуки съ подчиненными, которыхъ онъ называлъ своими дѣтьми, и которые такъ любили его, что генераль созналъ всю нецѣлостность своего плана; и съ тѣхъ поръ не было рѣчи о мирной жизни въ деревнѣ. Обѣды, вечера, балы, шли своимъ чередомъ. Серафима Петровна наслаждалась жизнію, генераль считалъ себя въ необходимости нести тяжелое свѣтское ярмо.

Однажды, когда проѣзжающіе по главной улицѣ Р... съ удивленіемъ замѣчали затворенный подъездъ Асониныхъ и тускло освѣщенную ихъ залу, генерала не было въ городѣ. Суируга, блюстительница всѣхъ общественныхъ условій, отравила его, почти насильно, къ одному изъ помѣщиковъ, живущему верстахъ въ пятнадцати отъ города, бывавшему у нихъ довольно часто и снабжавшему Серафиму Петровну свѣжими букетами изъ своихъ оранжерей къ каждому балу. Какъ видите, Михаилъ Сергѣевичъ былъ въ обязанности заплатить ему хоть визитомъ за его всегдашнее вниманіе къ генеральшѣ.

— Владимира Иваныча я съ тобой не пущу, мой другъ; безъ тебя мнѣ будетъ скучно, я попрошу его читать.

Генераль уѣхалъ, генеральша приказала запереть подъездъ и затопить каминъ у себя въ кабинетѣ; сама усѣлась за работу, Данковскій съ книгой около камина. Но ей было не до работы; едва удалился лакей, затопившій каминъ, она далеко ее отбросила, и, устремивъ взоръ на своего собесѣдника, спросила:

— Ты знаешь новость, Владиміръ? Анна Михайловна должна скоро пріѣхать.

— Чтò жъ изъ этого?

— Какъ чтò? Развѣ ты думаешь, что она будетъ слѣпа такъ же, какъ мужъ?

— Если еще не больше....

Серафима Петровна смотрѣла во всё глаза.

— Я тебя не понимаю, сказала она.

— Ничего нѣтъ проще. Аннѣ Михайловнѣ сколько лѣтъ?

— Шестнадцать.

— Въ эти лѣта не вѣрять да и не понимаютъ ничего дурнаго, потому что сами слишкомъ невинны.

— Да, вотъ что ты думаешь.... и очень ошибаешься, прибавила она иронически: — невинность, это хроника былыхъ временъ, перешедшая въ преданіе.

— Въ Смольномъ монастырѣ невинность — обыденная добродѣтель, а вовсе не преданіе; ты вѣроятно мѣло встрѣчала или хоть издали видала смольянокъ?

— Положимъ; но смольянкѣ довольно будетъ двухъ мѣсяцевъ потолкаться въ обществѣ, чтобы сбросить съ себя кору допотопной добродѣтели.

— Ты, кажется, не любишь невинности?

— Невинность и глупость по мнѣ все равно. Вы вѣроятно противнаго мнѣнія?

— Я придерживаюсь общихъ мнѣній. Всѣ говорятъ, что невинность первое украшеніе женщины.

— Говорятъ также, что не деликатность въ отношеніи къ женщинѣ, любимой и любящей, есть преступленіе.... Вы этого мнѣнія придерживаетесь, или, кажется, нѣтъ?...

Владиміръ молчалъ.

Серафима Петровна встала и сверкающимъ взоромъ окинула молодого человѣка.

— Слушай, Владиміръ! Бѣда тебѣ, если ты вздумаешь предпochетъ невинность моей страсти!...

Блѣдныя губы ея дрожали.

— Что за мысль! сказалъ Владиміръ съ улыбкой. — Полно, Серафима! Мнѣ ли забыть все счастье, которымъ я тебѣ обязанъ? Мнѣ ли, такъ долго вымаливавшему твою любовь, отказаться отъ нея?...

Молодой человѣкъ стоялъ уже подлѣ встревоженной женщины и нѣжно цѣловалъ ея руки.

— Да, Владиміръ, ты мой! Не легко отступлюсь я отъ правъ моихъ. Многимъ я для тебя пожертвовала, многое сдѣлала для тебя... буду и еще дѣлать, но... не измѣни же!..

— Въ четыре года, я уже, кажется, доказалъ мою преданность и мое постоянство.

— А я тебя каждый день люблю болѣе и болѣе!.. И такъ

для меня коротки минуты, когда я могу быть съ тобой! Мнѣ всегда кажется, что мужъ савшкомъ мало отдыхаетъ послѣ обѣда; прїѣздъ его дочери и совсѣмъ пожалуй лишитъ меня этихъ не многихъ счастливыхъ минутъ. Придумай же, какъ мнѣ отъ нея отдѣлаться.

— Самое лучшее средство—выдать поскорѣй замужъ, отъвѣчалъ Данковскій.

— Хорошо, но за кого?

— За женихами дѣло не станетъ; изъ нашихъ офицеровъ вѣрно многіе будутъ добиваться чести быть зятемъ Михаила Сергѣича. Ну, и приданое, на которое генераль вѣрно не покусится, будетъ не малою приманкой.

— Приданое... не знаю! Многимъ мы не можемъ располагать. Послѣдніе годы мы много тратили.

— Это и дастъ поводъ думать, что Михаилъ Сергѣичъ капиталистъ.

— Въ этомъ случаѣ ты долженъ дѣйствовать, Владиміръ; ищи, предлагай, общай! Иначе наше счастье подвергнется полному крушенію.

— Ахъ Боже мой! да что жъ я думаю? вскричалъ Данковскій.— Чего лучше! Ты знаешь, что у меня есть братъ старѣе меня только двумя годами; малый красивый, не глупый, *bon vivant*. Немножко любить покутить, правда, но это не обѣда! Хочешь, я его выпишу, Серафима? Онъ служить въ С... полку; я напишу, чтобы взялъ отпускъ и прїѣхалъ ко мнѣ; тутъ ужъ мы все устроимъ. Онъ не прочь отъ женитьбы, особливо на генеральской дочкѣ. Я знаю его образъ мыслей.

— Ну вотъ и прекрасно! воскликнула въ восторгѣ генеральша.— Твоему брату мы дадимъ приданого больше чѣмъ другому. Пиши же ему скорѣй. Не мѣшало бы, чтобы онъ первый началъ ухаживать за Анетой; при ея появленіи въ обществѣ, это расположило бы ее въ его пользу; не то, пожалуй, съ ней-то еще неладишь.

— Вамъ ли не сладить съ молоденькою дѣвочкой, почти съ ребенкомъ, Серафима Петровна, улыбаясь сказалъ Владиміръ,— когда мы, мушцины, слѣпо покоряемся вашей всемогущей волѣ?..

— Полноте хитрить, г. Данковскій! не мнѣ покоряетесь вы, а вашимъ страстямъ; нынче покорились вы мнѣ, завтра завладѣетъ вашимъ сердцемъ другая женщина, вы покоритесь ей..

А такъ какъ дочь Михаила Сергѣича не будетъ подъ вліяніемъ никакого чувства въ отношеніи ко мнѣ, то мнѣ и трудно будетъ заставить ее руководствоваться моею волей.

— Ты такъ умна, моя Серафима, что навѣрно скоро сумѣешь пріобрѣсти ея любовь, потому что довѣріе, и воля молодой дѣвушки будетъ въ твоихъ рукахъ.

— А сколько нужно времени, по твоему, на пріобрѣтеніе ея любви?

— Судя по характеру Анны Михайловны. Если она, какъ я предполагаю, доброе, довѣрчивое дитя, то нѣсколькихъ дней достаточно.

— И эти нѣсколько дней мнѣ все-таки придется съ ней возиться!.. Отказаться отъ тебя... быть каждую минуту насторожѣ!..

— Я не знаю, отчего бы не взять къ ней кого-нибудь? Гувернантку, компаньонку, что-нибудь въ этомъ родѣ. Тогда ты будешь свободна.

— Не знаю, согласится ли мужъ...

Данковскій засмѣялся.

— Что ты смѣешься? улыбаясь сама, спросила Серафима.— Ты считаешь нелѣпостью, чтобы мужъ въ чемъ-нибудь не согласился со мной?

— Надвюсь!

— А если на этотъ разъ?..

— Полноте, ваше превосходительство! Вамъ ли думать о неудачахъ въ этомъ родѣ?

— Если такъ, то къ чему поведетъ эта мѣра? Не возьмемъ ли мы лишняго аргуса въ домъ? Нѣтъ, Владиміръ, послѣдній твой планъ никуда не годится!

— Можетъ-быть ты и права, но съ надзирательницей у тебя было бы больше свободнаго времени.

— Не нужно ея! А скорѣй выписывай своего брата.

— Боюсь, что финансы его задержать... Путешествіе требуетъ издержекъ...

— Пошли ему денегъ.

— Ваше превосходительство!.. на эту минуту я бѣденъ какъ Ирѣ.

— Ахъ, Владиміръ! не стыдно ли тебѣ вѣчно церемониться?

Генеральша встала и отперла свой письменный столъ. — Сколько тебѣ нужно?— Она отсчитала двѣсти рублей.— Довольно?

— Полтораста пошлю брату, пятьюдесятью обойдусь самъ какъ-нибудь это время.

— Ты не стѣсняйся, мой милый; ты знаешь, что для тебя я готова отказать себѣ во всемъ.

Но не себѣ отказывала Серафима Петровна, а безотчетно черпала въ капиталѣ мужа, и чтобы не поразить его страшнымъ увеличеніемъ расхода, сэкономила въ содержаніи людей и входила во всѣ подробности домашняго хозяйства. Этими мелочами удавалось скопить ей не очень много, и потому генеральшѣ приходилось обворовывать мужа для удовлетворенія своего любезнаго.

И эта женщина, вытащенная изъ грязи, поставленная мужемъ на видную ступень общественнаго положенія, окруженная его любовію, его довѣріемъ, всѣмъ возможнымъ комфортомъ въ жизни, имѣла духъ такъ безсовѣстно его обманывать!.. Добрый человекъ и не подозрѣвалъ, до какой степени были фальшивы ласки, которыми она осыпала его. Онъ такъ былъ увѣренъ въ своей Серафимѣ, что тѣнь подозрѣнія никогда не закрадывалась въ его воображеніе.

Въ городѣ, однакожь, въ нѣкоторыхъ уголкахъ поговаривали, что Данковскому жизнь привольная, генераль то и дѣло представляетъ то къ чину, то ко кресту, а генеральша, какъ видно, заботится о средствахъ молодаго человека, потому что онъ пилъ шампанское какъ воду и не задумываясь ставилъ по сту рублей на туза или двойку; была у него и фаворитка—актриса, катавшаяся на лучшемъ въ городѣ извозчикѣ, въ щегольской шляпкѣ и въ пушистой лисицѣ. Квартирка ея также была снабжена всѣми удобствами. Хотя Данковскій въ четыре года службы своей, при особѣ ея превосходительства, и достигъ чина штабсъ-капитана, хотя въ петличкѣ его и красовалась Св. Анна, но съ этими преимуществами карманы офицеровъ не полнятъ, если нѣтъ роты въ ихъ распоряженіи; а у Данковского таковой не имѣлось.

«Генеральша стѣбитъ роты,» втихомолку говаривали между собой офицеры, но лишь втихомолку.

Люди, не принадлежавшіе къ военному вѣдомству, попробовали было подсолить Владиміру, намекнувъ ему при Серафимѣ Петровнѣ объ актрисѣ, но онъ этого давно ожидалъ; рано ли, поздно ли, слухи о ней должны были дойти до генеральши тѣмъ или другимъ путемъ, и онъ приготовился. Шутливо



отвѣчалъ онъ на эти намеки и старался даже утвердить всѣхъ присутствующихъ во мнѣніи о своей страсти къ актрисѣ. Думали было подкараулить генеральшу, но это не удалось; фальшивая женщина подавила въ себѣ чувство ревности и досады и спокойно вела разговоръ; никто не могъ примѣтить ни краски, ни блѣдности на ея лицѣ, ни перемѣны въ голосѣ, ни взора, украдкой брошеннаго на обвиненнаго. Но какъ рѣка, сдержанная плотиною, прорвавши ее, несетъ съ удвоенною быстротою, такъ и всякое ощущеніе, подавленное на нѣкоторое время присутствіемъ постороннихъ, съ большею силой овладѣваетъ душой. Гнѣвъ кипѣлъ въ груди Серафимы при неожиданномъ извѣстіи объ актрисѣ, и только что проводила она гостей и уложила мужа, она пригласила въ свой кабинетъ Владиміра, и встрѣтила его такимъ взоромъ, что у молодого человѣка пробѣжали мурашки по кожѣ. Бояться впрочемъ нечего; любовь Серафимы, начавшаяся прихотью, давно уже превратилась въ страсть. Страсть побунтуетъ, но не разрушитъ его спекуляціи; къ тому же, у него готово такое оправданіе, которое Серафима должна одобрить и быть ему еще благодарною. Сообразивъ все это, Данковскій успокоился, сѣлъ въ кресло напротивъ генеральши, и куря папирску, взоромъ слѣдилъ за струйками дыма.

— Владиміръ Иванычъ, чтѣ это за актриса; о которой вотъ сейчасъ говорили?

Губы ея дрожали, голосъ прерывался.

Владиміръ продолжалъ курить, сохраняя то же спокойствіе и не отвѣчая ни слова.

Цѣлый потокъ упрековъ сыпался изъ устъ раздраженной женщины; онъ все молчалъ, до тѣхъ поръ пока буря немного не стихла.

— Такъ вотъ зачѣмъ вамъ угодно было пригласить меня, сказалъ онъ наконецъ холодно. — Вамъ не нравится, что въ глазахъ вашего мужа, въ глазахъ свѣта и общества, я играю роль влюбленнаго въ пошлую, ничтожную актрису? Неужели вы лучше желали бы, чтобы всѣ эти люди знали истину? Неужели вы, съ вашимъ умомъ, не поняли, что актриса только громовой отводъ? Вы должны были бы меня знать лучше, да и себя побольше цѣнить, Серафима Петровна. . .

— О! вы прекрасно отдѣлыаетесь! Вы тоже далеко не глупы и умъ вашъ насторожѣ.

— Послѣ этого мнѣ нечего говорить. Серафима Петровна, позвольте мнѣ удалиться?

Онъ всталъ и, поклонившись, готовъ былъ выйти.

— Владиміръ!..

Серафима бросилась къ Данковскому; ей хотѣлось вѣрить, но ревность все еще кипѣла.

— Владиміръ, поклянись мнѣ, что не обманываешь меня, сказала она, устремивъ на него уже умоляющій взоръ.

— Серафима, я люблю тебя одну... но... недобвѣріе губить любовь! Сохранять репутацію любимой женщины—обязанность всякаго благороднаго человѣка, и за выполнение ея ты сердишься, оскорбляешь меня... Подозрѣваешь...

— Такъ ты не любишь этой актрисы?.. не правда ли?..

Она схватила его за обѣ руки, она смотрѣла ему въ глаза жгучимъ, пристальнымъ взоромъ.

— Ради Бога, Серафима, не унижай ни себя, ни меня! Еслибы когда-нибудь я поддался безумію измѣнить тебѣ, то по крайней мѣрѣ выбралъ бы соперницу достойную моей Серафимы. Актриса мнѣ представлялась такою ничтожною, что мнѣ казалось, ты не могла и подумать, что я могъ промѣнять тебя на нее, иначе я давно предупредилъ бы тебя; но мнѣ казалось не ловко высказывать то, что я дѣлалъ съ единственною цѣлію оградить обожаемую женщину отъ всякаго подозрѣнія. Если же ты находишь это излишнимъ и ненужнымъ, то я готовъ быть всѣмъ, чѣмъ ты прикажешь...

— Нѣтъ, Владиміръ, я хочу тебѣ вѣрить... Дѣлай и поступай какъ знаешь. Но не забывай, что я страшно ревнива!..

— Это большое несчастье. Я самъ такъ страдалъ отъ ревности, когда ты выходила за генерала.

— Тогда я не вѣрила твоей любви и думала, что люблю его... сказала генеральша, невольно опустивъ глаза.

— А оказалось, что любите меня? Бѣдная женщина!.. Вы не понимали собственнаго сердца, гдѣ же вамъ понимать чужое!

И чтобы подсластить эпиграмму, Данковскій цѣловалъ руки своего золотого рудника.

Миръ былъ заключенъ, и дѣла пошли обычнымъ порядкомъ. Подобныя разговоры повторялись не рѣдко; выгоды отъ нихъ оставались всегда на сторонѣ менѣ любящаго.

## VII.

На другой день послѣ совѣщанія генеральши съ Данковскимъ по случаю предстоявшаго пріѣзда Анны Михайловны въ родительскій домъ, ключница и камердинеръ Асоновыхъ, въ покойномъ дорожномъ возкѣ, неслись на почтовыхъ въ Питеръ за барышней. Другая тройка почтовыхъ лѣтѣла съ письмомъ къ Григорію Ивановичу Данковскому, приглашавшимъ его на свиданіе съ братцемъ. Пятьдесятъ рублей были приложены на обезпеченіе его дорожныхъ издержекъ.

— Ну, я теперь буду тебя раззорять, мой другъ, говорила Серафима Петровна мужу.—Анетѣ нужно сдѣлать цѣлое приданое къ ея пріѣзду.

И съ утра до вечера карета Асопиной каталась по лавкамъ и магазинамъ. Куплено было не много, а итоги оказывались огромные. Владиміръ тоже дѣлалъ, кажется, приданое брату, оттого общій счетъ и выходилъ такъ великъ.

Но генералъ восхищался заботливостію жены.

— Богъ вознаградитъ тебя за мою сиротку, говорилъ онъ, обнимая жену. Она не краснѣя принимала его благодарность.

Когда директриса позвала къ себѣ Анету Асопину и подала ей письмо отъ отца, объявивъ ей, что за ней прислали, сердце молодой дѣвушки сильно забилося на первую минуту радостью. Отецъ, родительскій домъ, свобода, удовольствія свѣта, все заразъ промелькнуло въ ея головкѣ и озарило счастіемъ миловидное личико.

— Vous paraissez si heureuse de nous quitter, ma chère Annette, сказала директриса.

Дѣвушка бросилась въ ея объятія, и потокъ слезъ былъ отвѣтомъ.

— О чемъ же ты плачешь, дитя мое?

— Мнѣ что-то страшно, говорила она сквозь слезы.—Батюшку я видѣла только разъ въ восемь лѣтъ; моей мачихи я совсѣмъ не знаю! Вы же были всегда ко мнѣ добры!

— Успокойся, chère amie! Ты сама добрая, кроткая дѣвушка, тебя всѣ будутъ любить, тѣмъ болѣе твой отецъ и мачиха,

у которой своихъ дѣтей нѣтъ. Я увѣрена, что ты будешь счастлива. Пиши мнѣ, я всегда буду рада имѣть отъ тебя извѣстія.

На другой день прощанье съ подругами дѣтства было еще грустнѣй. Горько плакала бѣдняжка, благодаря наставницъ и обнимая подругъ. Жаль ей было и своего дортуара, и учебной скамьи. И рисовальная доска, и фортепіано, въ минуту разлуки, все ей сдѣлалось дорого и близко.

— Ты меня не забудешь? говорила одна изъ дѣвушекъ, надевая дорожную шапочку на бѣлокурую головку Анеты.

— Ты будешь мнѣ писать? говорила другая, цѣлуя ее и обвертывая ее шейку пушистымъ галстучкомъ.

— Ты будешь разказывать намъ, какъ будешь веселиться, ѣздить на балы, сказала третья, — каковы у твоего отца офицеры? прибавила она шепотомъ.

— Опиши намъ того, кого ты полюбишь, шепнула четвертая.

Анета отвѣчала всѣмъ лишь слезами.

— Счастливица, и о чемъ ты плачешь? Кончила несносное ученье, ѣдешь домой, гдѣ ждутъ тебя всевозможныя удовольствія!.. Еслибъ я была на твоемъ мѣстѣ, я бъ и не вздохнула, не только плакать, сказала третья изъ дѣвицъ.

— А кто поручится, что дома ждутъ ее лишь одни удовольствія? возразила первая, просившая Анету не забывать ее.

Наконецъ дорожный туалетъ былъ оконченъ. Дѣвицы проводили отъѣзжавшую до дверей рекреационной залы, обнялись съ нею въ послѣдній разъ и побѣжали къ форточкамъ, чтобы еще разъ взглянуть на подругу.

## VIII.

Въ отдаленномъ уѣздномъ городкѣ былъ расположенъ батальонъ С.... полка. Взглянемъ, что дѣлается въ квартирѣ одного изъ офицеровъ, состоящей изъ маленькой прихожей и другой комнатки, служащей залой, гостиной, спальней и кабинетомъ. Въ одномъ углу стоитъ кровать, покрытая полинялымъ, истасканнымъ ковромъ, подлѣ столъ; въ другомъ углу маленькій комодъ со шкафикомъ, выкрашенный когда-то подъ

красное дерево; диванъ, обтянутый синею китайкой, передъ нимъ еще столъ, два, три стула, нѣсколько чубуковъ по окнамъ и угламъ, довершали меблировку комнаты.

Молодой человѣкъ, лѣтъ около тридцати, высокаго роста, съ черными волосами и глазами, орлинымъ носомъ, усами, покрывавшими всю верхнюю губу, лежалъ на диванѣ, закинувъ руки на голову.

— Чортъ знаетъ какъ холодно! проговорилъ онъ, опуская руки и закутываясь халатомъ.—Эй, Антошка! отчего у насъ такъ холодно нынче? Вѣрно мало истопилъ?

— Морозъ больно великъ-съ.

— Такъ надо было топить больше.

— Я вчера докладывалъ, ваше благородіе, что дрова всё.

— А сосѣднихъ заборовъ тебѣ мало, дуракъ?

Деньщикъ не отвѣчалъ.

— Посмотрю, какъ завтра не истопишь хорошо!.. Пошелъ, подай водки! Хотѣ бы немножко согрѣться...

Антонъ явился изъ передней въ засаленномъ полушубкѣ. И чего-чего не было на когда-то бѣленькихъ бараньихъ шкуркахъ! Сажа и зола отъ печей, жиръ и масло отъ кухмистерскихъ занятій, пыль и грязь отъ метенья комнатъ... Антонъ исполнялъ всё должности у своего господина, и все-таки никогда не могъ угодить ему. Когда онъ переступилъ порогъ комнаты, сѣрые глаза его какъ бы украдкой бросили взоръ на барина; вся физиономія его выражала боязнь и горе. На цыпочкахъ прошелъ онъ комнату и, отворя шкапъ, вынулъ полштофъ, рюмку, поставилъ ихъ на столъ подлѣ барина и вышелъ.

Баринъ повернулся на диванѣ лицомъ къ увеселительной, согревающей влагѣ. Когда онъ взглянулъ на полштофъ, густыя, черныя брови его сдвинулись; нектара было немного въ сосудѣ.

— Антошка! крикнулъ онъ снова.

— Чего изволите? проговорилъ деньщикъ, показываясь въ дверяхъ.

— Гдѣ дѣвалась водка?

Взоръ Антона выразилъ изумленіе и страхъ.

— Гдѣ водка дѣлась? спрашиваю я.

— Не могу знать, ваше благородіе.

— Ты выпилъ, каналья?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Такъ кто жь? Чортъ что-ли?

— Никто не пилъ-съ. Ея столько и было, осмѣялся прибавить деньщикъ.

— Что жь ты, учить что ли меня вздумалъ?

Въ одно мгновеніе атлетическая фигура барина очутилась подлѣ несчастнаго Антона, и тяжеловѣсныя пощечины посыпались градомъ.—Я тебя выучу какъ пить барскую водку! приговаривалъ онъ.

— На семь мѣстѣ провалиться, и капли не пилъ, ваше благородіе...

— Молчать! заревѣлъ его благородіе, и чтобы вознаграждать себя за умѣнье держать въ субординаціи подчиненныхъ, залпомъ выпилъ огромную рюмку очищеннаго.

— Трубку, мерзавецъ! крикнулъ онъ.

Съ блѣдными губами и побагровѣвшими щеками снова появился бѣдный Антонъ и покорно принялся за исполненіе барскаго приказанія.

Дверь въ передней отворилась, кто-то вошелъ.

— Кто тамъ? пробасилъ офицеръ, опоражнивая вторую рюмку.

— Почтальйонъ, отозвался голосъ вошедшаго. — Объявленіе на ваше имя.

Его благородіе самъ схватилъ изъ рукъ почтальйона клочокъ бумаги и жадно пробѣжалъ взоромъ магическія слова: Въ такой-то почтовой конторѣ, на имя Григорія Ивановича Данковскаго, получено письмо со вложеніемъ пятидесяти рублей серебромъ и такъ далѣе.

— Когда же можно получить деньги? спросилъ онъ.

— До двѣнадцати часовъ выдача производится, отвѣчалъ почтальйонъ.

Въ одну секунду халатъ былъ замѣненъ сюртукомъ, на могучія плечи накинута шинель, на косматую голову фуражка, и Григорій Ивановичъ шагнулъ въ почтовую контору.

«Отъ кого бы это письмо съ деньгами ко мнѣ? думалъ онъ. Это что-то выходитъ изъ порядка вещей. Какъ вступилъ въ службу, ни отъ кого, ни откуда еще гроша не получилъ, кромѣ батюшки-царя. Сестры сами бѣдны; братъ, чортъ его знаетъ, пропалъ гдѣ-то. Ужь не умерла ли тетушка, и въ послѣднія минуты не раскаялась ли въ своихъ прегрѣшеніяхъ, что сдѣлала духовную на имя Володи, устранивъ меня? Такъ на ея пятьдесятъ цѣлковыхъ я плевать хочу! Подавись

она ими и на томъ свѣтъ!» энергически промолвилъ про себя Григорій Ивановичъ.

Въ уѣздномъ городкѣ разстоянія не велики, едва успѣлъ онъ мысленно произнести свое проклятіе, какъ стоялъ уже лицомъ къ лицу съ жирнымъ почтмейстеромъ, сидѣвшимъ за столомъ.

— А! Григорій Ивановичъ! наше вамъ почтеніе! Къ вамъ есть письмоцо, да еще съ денежками.

— Да, да; я за нимъ и пришелъ. Откуда? Не знаете?

— Какъ не знать! штемпель виднехонекъ. Изъ Р... сударь, изъ Р... Вотъ оно.

Почтмейстеръ подрѣзалъ конвертъ, осмотрѣлъ его и передалъ Данковскому. — Теперь можно у васъ попить и чайку на радости. А нашъ первостатейный Расторгуевъ только что вернулся изъ Бѣлокаменной, привезъ, говорятъ, ханскаго, и ромку на славу. Такъ вотъ оно какъ, сударь, всѣ статьи подходятъ, товаръ свѣжій, денежки наличныя, гости готовые, говорилъ посмѣиваясь почтмейстеръ.

Григорій Ивановичъ ничего не слышалъ, весь погруженный въ чтеніе письма. Сразу однакожь онъ его не понялъ порядкомъ и спѣшилъ вернуться домой, чтобы на просторѣ вникнуть въ настоящее его содержаніе.

— Прощайте, Гаврила Никитичъ! сказалъ онъ, подавая руку президенту мѣста.

— Такъ когда же, батюшка? спросилъ Гаврила Никитичъ.

— Что когда?

Почтмейстеръ снова повторилъ свои притязанія на ханскій чай съ ромомъ.

— Хорошо, хорошо! Только не знаю... мнѣ, кажется, придется скоро ѣхать.

— Вотъ и заскупились, почтеннѣйшій! Такъ приходите нынче къ намъ. Машенька и то давно спрашиваетъ, гдѣ это пропалъ Григорій Ивановичъ?

— Благодарю! Постараюсь, если можно.

Данковскій надѣлъ фуражку и направился къ двери.

Въ эту минуту почтмейстеръ мигнулъ одному изъ своихъ подчиненныхъ; тотъ какъ разъ понялъ, и последовалъ за выходящимъ.

— Ваше благородіе, сказалъ онъ уже въ сѣняхъ, съ полученьица-то слѣдовало бы какой-нибудь процентикъ на слу-

жащихъ, не оставьте вашею милостію! Вѣдь бѣдность, ваше благородіе, семья, дѣти, а жалованье малое...

— Мелкихъ нѣтъ, братецъ, послѣ когда-нибудь... и онъ обѣжалъ съ крыльца.

— Голый чортъ! Съ двугривеннымъ жалъ разстаться, проговорилъ подъячій вслѣдъ, и возвратился въ контору.

— Ну, что? спросилъ почтмейстеръ.

— Ничего-съ.

— Такъ таки ничего? Дрянъ ты, братецъ, ничего не умѣешь сдѣлать! Ну, пора домой.

Замокъ сундука, стоявшаго по лѣвую руку почтмейстера, щелкнулъ.

— Батюшка, что же мои-то деньги? сказали вдругъ нѣсколько голосовъ крестьянъ, ожидавшихъ выдачи съ осьми часовъ утра.

— Болваны! Развѣ не видите, что присутствіе ужъ кончено? Теперь дожидайтесь завтра.

— Отецъ ты мой, яви Божескую милость, отдай таперича! Я отпущенъ на срокъ. У барина нонче вечеромъ гости, онъ наказалъ мнѣ купить кое-что. Коли не вернусь, вѣдь онъ меня запереть, сказалъ одинъ изъ крестьянъ.

Другіе съ гора почесывали головы и тоже приуныли.

Подъячій, командированный за Данковскимъ, желая загладить свою неудачу, подвернулся къ возвысившему голосъ мужичку.

— Тебѣ сколько получить-то? спросилъ онъ въ подголоса.

— Да рублевъ полъ-ста поболь.

— Сколько дашь за труды? уговорю!

— Возьми хоть цѣлковый, родимый, да ужъ и распишись.

— Ну, ну, такъ и быть.

Такимъ образомъ онъ обошелъ всѣхъ крестьянъ, справился о суммѣ имъ слѣдующей, и обезпечивъ взятку съ cadaго, обратился во всеуслышаніе къ почтмейстеру.

— Гаврила Никитичъ, ужъ сжальтесь, батюшка! Все они издалека, дѣло ихъ мужицкое, лошадь прокормить, самимъ поѣсть, на все надо деньги.

— Чтò, много гостей-то будетъ у твоего барина? спросилъ президентъ, обращаясь къ крестьянину.

— А Богъ его знаетъ. Да вельно воротиться-то безпремѣнно къ вечеру. Сдѣлай милость, батюшка!

Мужикъ снова началъ просить и кланяться.



— Ну, такъ и быть! Жаль мнѣ твоей спины, а по закону не слѣдовало бы.

Замокъ сундука щелкнулъ снова, и конверты появились на свѣтъ Божій.

— Чортъ съ вами, идите ужъ и вы всѣ, прибавилъ Гаврила Никитичъ, обращая рѣчь къ остальнымъ мужичкамъ.

Выдача кончилась, заступникъ подъячій, отличный знатокъ своего дѣла, расписался за всѣхъ, въ сѣняхъ собралъ контрибуцію, и сборъ опустили въ общую кружку, дѣлившуюся ежемѣсячно по чинамъ и заслугамъ.

Новинская.

*(До слѣд. №.)*

# ДѢТСКІЕ ГОДЫ

## ВЪ ДЕРЕВНѢ

---

Большой каменный домъ, совершенноутратившій свой первоначальный цвѣтъ, стоящій на верху крутаго оврага, по дну котораго сверкаетъ причудливыми поворотами небольшая, но быстрая рѣчка,—домъ съ узкими готическими окнами, съ чугуннымъ балкономъ и съ крыльцомъ подъ тяжелымъ навѣсомъ, надъ которымъ красуется гербъ,—домъ съ остроконечною крышей и длинными тонкими трубами; огромный дворъ, весь поросшій крапивой и лапушникомъ, кругомъ барскія службы, такія же неуклюжія какъ и самый домъ; два ряда крестьянскихъ избъ, грязныхъ и ветхихъ, разбросанныхъ почти на полуверстѣ; темный заглохшій садъ, съ прудами, съ бесѣдками, со всѣми затѣями роскоши, авокругъ широкія, неоглядныя поля да далекія верхушки синѣющаго лѣса,—вотъ что смутно припоминалъ я, возвращаясь туда, гдѣ я родился и гдѣ протекли первые годы моего дѣтства.

Много лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, когда я покинулъ эти мѣста! Уѣхалъ я еще мальчикомъ, а возвращался проживъ самую лучшую пору жизни, безслѣдно и напрасно, въ вѣчныхъ тревогахъ и лишеніяхъ. Измученный, состарѣвшійся преждевременно, возвращался я. Была весна на исходѣ; солнце жгло; на горизонтѣ синѣли тучи. Не въ нѣгу, не въ истому погруженъ былъ я тогда, а въ какое-то оцѣпенѣніе, въ какое то

безжизненное спокойствіе; равнодушно слѣдилъ я за бѣгомъ облаковъ по синему небу, равнодушно глядѣлъ на обнимавшія меня поля, равнодушно прислушивался къ безконечно-тоскливой пѣснѣ ямщика. Не будили во мнѣ ни эта пѣсня, ни эти облака, ни эта степь безъ конца и безъ края, давно заснувшего непробуднымъ сномъ, молодого и свѣжаго чувства. И не было то разочарованіе, — нѣтъ! То была безысходная грусть, увѣренность, что впереди ничего для меня нѣтъ отраднаго, что никто не ждетъ меня тамъ, куда я ѣду, какъ никого не оставлялъ я позади, кто бы вспомнилъ обо мнѣ съ нѣжнымъ участіемъ; все потерялъ я.

Тряская дорога, жара, мѣрное дребезжанье колесъ, однообразные звуки ямщицкой пѣсни, все это навѣяло на меня дремоту; мало-по-малу мысли стали путаться въ моемъ умѣ, предметы терять свои очертанія; утомленіе почувствовалось и въ тѣлѣ и въ душѣ, и я заснулъ. Не знаю сколько времени спалъ я, но когда проснулся, былъ уже вечеръ; жара спала; густая тѣнь сумерекъ ложилась на раскаленную землю; дорога шла полями, и такая тишь царствовала въ природѣ, что ни одинъ колосъ не шелохнулся на нивахъ, ушедшихъ вдаль, туда, гдѣ, кажется; небо сходится съ землею; прямо, еще далеко, далеко впереди синѣлся не то лѣсъ, не то какія-то горы, но до нихъ было такъ далеко, что казалось, никогда не доѣдешь!... Ямщикъ тянулъ свою однообразно-тоскливую пѣсню; а Никита мой безъ шапки дремалъ противъ меня.

Сонъ подвѣдствовалъ на меня освѣжительно; физическая усталость прошла; я смотрѣлъ вокругъ, стараясь припомнить далеко ли до Карповки, но припомнить ничего не могъ; виды были такъ однообразны: все поля да поля, а впереди все что-то синѣть....

— Далекое еще до Карповки? спросилъ я у ямщика.

— До Карповки-то? быстро обернувшись ко мнѣ всѣмъ лицомъ, сказалъ онъ такимъ тономъ, какъ будто подобнаго вопроса онъ никакъ не могъ ждать отъ меня.

— Да, до Карповки.

— Нѣтъ, не далече. Не далече до Карповки, отвѣчалъ онъ, потряхнувъ головой, и ослабилъ.—Лѣсъ только проѣхать, да подъ гору спуститься, а тамъ взять вправо; тутъ, значить, и Карповка, дополнилъ онъ, и вѣроятно для большей выразительности съ остервененіемъ хлестнулъ правую пристяжку, загнувъ крѣпкое русское слово.

— Ты зачѣмъ ее ударилъ? спросилъ я у него.

Онъ обернулся ко мнѣ, посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, какъ будто желая сказать: не въ свое ты, братъ, дѣло мѣшаешься! и усмѣхнулся.

— Безъ этого нельзя, потому, лошадь такая! Не ударь ты ее, такъ она и не повезетъ, хитрая лошадь! Я завсегда такъ ее ублажаю! не безъ ироніи говорилъ онъ.— Эхъ вы, животники! извительно замѣтилъ онъ, обернувшись къ лошадямъ.

Худенькій, невзрачный, съ весноватымъ и сильно потасканнымъ лицомъ, не больше иного кулака, съ рыжеватою бородкой, торчащею кочьями во все стороны, съ свѣтло-карими, вѣчно смѣющимися глазами, въ поярковой шляпенкѣ, порыжѣвшей отъ времени, но весьма энергично заломленной на бекрень, въ старомъ-старомъ кафтанѣ, но такъ же молодецки накинута на одно плечо, какъ заливатски была надвинута на одно ухо шапка,—ямщикъ мой представлялъ весьма извѣстный типъ русскихъ мужиковъ, которыхъ зовутъ мухоморами, которые особенно ловко отхватываютъ трепака, и при случаѣ не прочь прихвастнуть, что вотъ-де мы каковы! да!—что мы, молъ, и съ енарадами ѣзживали, да и тѣ завсегда нами довольны оставались.

Измученная жарою тройка едва везла мой небольшой тарантасъ по песчаной дорогѣ. Но вотъ и лѣсъ близко; на насъ пахнуло сыростью; лошади, почуя прохладу, побѣжали легвою рысью; вотъ и лѣсъ распростеръ надъ нами свою непроницаемую для солнечныхъ лучей чашу; дорога шла извилами; впереди все лѣсъ да лѣсъ, все сосны да сосны... Вдали гдѣ-то рубили дерево, и звонко раздавался стукъ топора въ глухомъ и мрачномъ лѣсу. Казалось, что не въ одномъ только мѣстѣ рубили громадные сосны, а во всемъ лѣсу. Приостановилась на время работа, ничего не стало слышно, кромѣ стука колесъ да порою хлесткаго удара кнута; но вотъ послышался трескъ, и страшный дикій гулъ разнесся по лѣсу: дерево рухнуло.

— Ишь, дерево срубили, замѣтилъ ямщикъ, и тулъ же неистово хлестнулъ хитрую пристяжку, прибавивъ: «Ишь, наизъ! Не везешь!»

— Чей это лѣсъ? спросилъ я у него.

— Лѣсъ-отъ чей? Астафьевскаго барина. Деревья вотъ тутъ есть... (Онъ ткнулъ налѣво кнутами.) Астафьево презывается, такъ вотъ лѣсъ-отъ чей, да! А баринъ ничего, хо-

рошій баринъ! добродушно пояснилъ онъ.—Баринъ знатный!.. И оброкъ ничего, какъ надать. Въ деревнѣ никогда не бываетъ: староста всѣмъ завѣдуетъ... Оно може, что и бываетъ, только намъ его видать ни разу не случилось. Трогай, бѣлоногій, отнесся онъ къ лошадямъ.—Не хорошіе слухи ходятъ про эгототъ самый лѣсъ, снова оборачиваясь ко мнѣ, сказалъ ямщикъ.

— А чѣмъ спросилъ я.

— Первое дѣло — нечистая сила большую власть имѣетъ; другое—Тимошка притонъ держитъ.

— Кто это Тимошка?

— Душегубецъ онъ, вотъ кто! Одно слово—чорту бараны! нравоучительно и не безъ сознанія своего достоинства добавилъ ямщикъ.

— Ну, ну, молчи! Наше мѣсто свято! испуганно и сурово крикнулъ на него Никита, только что проснувшійся.—Нехристь ты, что ли?

Ямщикъ ничего не отвѣчалъ, только искоса съ усмѣшкой взглянулъ на Никиту, какъ будто желая сказать: «Ты-то чѣмъ, старая ворона?.. Чего тебѣ хочется, дамъ тукманку, вотъ и все!» И затынулъ визгливымъ и дребезжащимъ голосомъ: *Эхъ да во льсахъ...* И долго тянулъ послѣднюю ноту, какимъ-то неестественно-тонкимъ голосомъ: *во льсахъ было, во дремучихъ льсахъ!..*

— Молчи, молчи, океанный!.. Ишь глотку-то дереть, пугливо озираясь во всѣ стороны, твердилъ Никита, не обладавшій большимъ запасомъ храбрости; ему повсюду мерещились или мертвецы, или разбойники... Но ямщикъ не унимался. — Молчи же... прок... Будь другъ, помолчи, заискивающимъ голосомъ упрасивалъ Никита, и толкалъ въ бокъ.—Экой разбойникъ! Ну, народецъ!.. Вздить нельзя, твердилъ онъ.—Александръ Петровичъ, сказалъ онъ, оборотясь ко мнѣ,—хоть вы уймите!..

— Пусть поетъ, если это ему нравится, отвѣчалъ я, забавляясь смущеніемъ Никиты, который то на меня взглянетъ изъ подлобья, то ямщика подъ бокъ толкнетъ; но видя, что никто имъ не занимается, онъ наконецъ успокоился.

А лошади все бѣгутъ да бѣгутъ впередъ; лѣсъ началъ рѣдѣть; березы и осины стали попадаться на мѣсто сосенъ; вотъ и лѣсъ кончился; дорога пошла подъ гору.

— Вотъ она, Карповка-то! ткнувъ прямо кнутомъ, сказалъ ямщикъ.

Я выглянулъ изъ тарантаса; въ полуверстѣ чернѣлись низенькія крестьянскія избы, и огромный домъ, какъ великанъ, какъ память о минувшихъ дняхъ, величаво стоялъ и царилъ надъ ними. Дрогнуло въ груди сердце и закапали изъ глазъ слезы... Мы въѣхали въ деревню. Сурово и неласково взглянули на меня узкія, темныя окна моего роднаго жилища, какъ будто я былъ ему совершенно чужой. Садъ показался мнѣ какою-то массой тьмы и великановъ; а въ душѣ встрепенулось столько чувствъ, которыя, думалъ я, уже навсегда заснули и заглохли. Вереница свѣтлыхъ образовъ прошлые годы, пронеслись передо мною. Вотъ наконецъ я на родинѣ! Все окружающее меня такъ знакомо мнѣ! Кажется, что и избы все тѣ же, только постарѣли немного.. А что же никто не встрѣтилъ меня, никто не улыбнулся мнѣ, не протянулъ дружески руки?..

Въ деревнѣ было все тихо: въ рѣдкой избѣ свѣтился огонь. Я вышелъ изъ тарантаса, и припалъ къ родной землѣ. Никита пошелъ отыскивать старосту. «Баринъ пріѣхалъ!» разнеслось по деревнѣ, и изъ каждой избы стали показываться мужики и бабы. Староста скоро былъ отысканъ и чуть не въ припрыжку подбѣжалъ къ тарантасу. То былъ коренастый, еще не старый мужикъ, глядѣвшій бойко и ходившій наклоня голову на бокъ, какъ пристыжная.

Зашелъ я въ давно-опустѣвшій домъ; сыростью и одряхлѣніемъ вѣяло въ его большихъ мрачныхъ комнатахъ; пыль толстыми слоями лежала на полу, на подоконникахъ, на стеклахъ, повсюду. Неясный шорохъ слышался въ углахъ: «то были тѣни предковъ или мысли...» Маленькій сальный огарокъ, который взялъ съ собою староста, почти не свѣтилъ въ этихъ огромныхъ комнатахъ; мракъ и запустѣніе царствовали въ нихъ. Я ходилъ повсюду.. Ц, Боже, какъ знакомы мнѣ были эти покои! Та же мебель стояла въ нихъ и на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, на которыхъ стояла она много лѣтъ назадъ... Огромные, неуклюжіе диваны и кресла, обитые штофомъ, высокія зеркала въ золоченыхъ рамахъ, съ которыхъ давно уже сошла позолота, — да, да, все какъ было прежде! Со стѣнъ, изъ сумрака, глядятъ на меня портреты моихъ предковъ, какъ будто желая добиться, какъ смѣлъ я потревожить ихъ сонъ. Я твердо зналъ эти портреты, въ дѣтскіе годы я часто смотрѣлъ на нихъ. Давно-минувшее время оживаетъ въ моей памяти; думы, то свѣтлыя и

радостныя, то мрачныя и ядовитыя, тѣснятся въ умъ моемъ!..

Вижу я и мать съ вѣчною улыбкой на устахъ, и отца, высокаго, черноволосаго мужчину, съ огненнымъ взглядомъ и громкимъ голосомъ. Вотъ и сестра, милая сестра! съ свѣтлыми локонами, голубыми глазами, звонкимъ смѣхомъ и болѣзненнымъ румянцемъ на щекахъ—маленькая, худенькая дѣвочка! Вотъ и ты, имя которой до сихъ поръ произношу я съ благоговѣніемъ и восторгомъ!. Не цѣнилъ я тогда твоей чистой высокой любви, за то теперь, потерявъ тебя безвозвратно, я горько рыдаю. Чего ты отъ меня желаешь? Вижу тебя я,—вижу, мой свѣтлый ангелъ, моя скорбь, моя радость!..

— Неужто, батюшка Александръ Петровичъ, вы здѣсь останетесь ночевать? замирающимъ отъ страха голосомъ спрашиваетъ меня Никита.

— Здѣсь, отвѣчаю я машинально.

— Да какъ же это можно? Да вы послушайте, чтò вотъ Семень-то говорить.

— А чтò? спрашиваю я, очнувшись отъ грезъ.

— Да онъ такія страсти разказываетъ, что морозъ по кожѣ деретъ! говоритъ Никита, такимъ голосомъ, какъ будто морозъ началъ его на самомъ дѣлѣ по кожѣ драть; а староста стоитъ, да какъ-то лукаво поглядываетъ на Никиту, и ухмыляется.—Опять же гдѣ вы тутъ станете спать? ишь пыль-то какая! уговариваетъ меня Никита.

— Тебѣ, я вижу, самому не хочется переночевать здѣсь.

— А мнѣ чтò! обидчиво отвѣчаетъ онъ.—О васъ же радѣю, а мнѣ ничего! озираясь во всѣ стороны, говоритъ онъ, и ждетъ, что вотъ выскочить изъ какого-нибудь угла мертвецъ, да и потащить его на расправу.

— Обо мнѣ не беспокойся; я спать не буду и останусь одинъ.

— Какъ же это можно, а ну какъ съ вами что-нибудь случится?..

И вотъ онъ начинаетъ пугать меня мертвецами и привидѣніями. Но я не сдаюсь ни на какіе доводы.

И вотъ я одинъ среди этого пустаго, неласковаго и сумрачнаго дома. Сначала мнѣ было страшно: въ тишинѣ ночи каждый звукъ, каждый шорохъ производилъ на меня болѣзненное впечатлѣніе, но потомъ я привыкъ. Свѣчка тускло мерцала, я сидѣлъ одинъ въ спальнѣ моей матери и оглядывался кругомъ: вотъ широкая кровать съ подиальными занавѣсками, вотъ

высокій старинный коммодъ чернаго дерева съ рѣзбою, а надъ нимъ зеркало въ золоченой рамѣ; вотъ у окна, выходящаго въ садъ, кресло съ дубовою рѣзною спинкой, на которомъ обыкновенно сидѣла моя мать, а около кресла скамейка, на которую я всегда клалъ памятную мнѣ книгу съ картинами. Ничего не измѣнилось, все попрежнему, все на своемъ мѣстѣ, какъ было много лѣтъ тому назадъ... только я измѣнился! Я сѣлъ на кресло и растворилъ окно: въ комнату ворвался цѣлый океанъ запаха! Ночь была тихая: ни одинъ листъ не колыхался на темныхъ-темныхъ деревьяхъ, между которыхъ, казалось мнѣ, рѣются сказочные сіяющіе призраки, всѣ въ блескѣ и свѣтѣ... Закрывъ глаза и вижу: стоитъ передо мною мать съ нѣжною, кроткою улыбкой, съ ласковымъ голосомъ и тихою поступью... Вижу, что будто, какъ прежде, она наклоняется ко мнѣ и шепчетъ: «спи, мой маленький мальчикъ! Да будетъ надъ тобой благословеніе Божіе!» И крестить меня и цѣлуетъ...

Долго сижу я у окна и переживаю снова мое свѣтлое дѣтство!..

Весенній день; открытое окно, въ которое врываются вѣтки сирени, всѣ въ цвѣту; мать сидитъ у окна, а напротивъ стоитъ отецъ, высокій, красивый мужчина, съ густыми черными волосами и широкимъ бѣлымъ лбомъ; изъ-подъ прямыхъ, почти сросшихся бровей, сурово глядятъ его блестящіе глаза. Припоминается мнѣ та дрожь, тотъ невольный страхъ, который я всегда чувствовалъ отъ этого взгляда, хотя я не могъ объяснить себѣ ни этого страха, ни этой дрожи. Отецъ всегда ласково обращался со мною, и рѣдко срывалось съ его губъ рѣзкое, суровое слово; но когда срывалось оно, я тотчасъ начиналъ почему-то плакать и жадся къ матери, и вздрагивалъ, и пугливо во всѣ глаза смотрѣлъ на отца.

«О чемъ онъ реветъ?» угрюмо спрашиваетъ отецъ, а мать ничего не отвѣчаетъ, только укоризненно смотритъ на него своими кроткими большими глазами. И думаю я, почему, при всемъ желаніи, не могу я такъ же приласкаться къ отцу, какъ ласкаюсь къ матери? Зачѣмъ у него такіе яркіе, черные глаза и такіа густыя брови, отъ которыхъ холодъ пробѣгаетъ по моему тѣлу? И кажется мнѣ, что я люблю его меньше матери. Съ ней мнѣ весело: она такъ ласково смотритъ на меня, такъ охотно отвѣчаетъ на всѣ мои разспросы, такъ сочувствуетъ моимъ дѣтскимъ горестямъ! Взлѣзу я къ ней на колѣни, обовью ея шею дѣтскою рукой и крѣпко поцѣлую, или начну путать



ея волосы, и она ничего, тоже цѣлуетъ меня и улыбается... А сама еще сядетъ рядомъ со мной на ковръ и начнетъ объяснять картинки, нарисованныя въ моей книгѣ, или изъ картъ домики вмѣстѣ со мной строить, и такъ весело намъ, и оба мы хохочемъ!.. Войдетъ отецъ, и мы тотчасъ же присмирѣемъ... Разъ, помню, попросилъ я его сдѣлать мнѣ домъ карточный, думая тѣмъ польстить ему, а онъ отрывисто отвѣтилъ:

— Есть мнѣ когда глупостями съ тобой заниматься. Ступай къ нянькѣ! Надоѣлъ!

И съ печалью въ сердцѣ пошелъ я отъ него, думая: «должно-быть правду говорятъ, что папаша строгъ; мама никогда не говоритъ со мной такъ сердито.» И никогда не просилъ я его ни дома изъ картъ выстроить, ни разказать какія картинки нарисованы въ моей книгѣ.

Когда, бывало, утромъ приходилъ я здороваться въ чайную комнату (то была большая комната, окрашенная голубою краской, съ дубовымъ столомъ по срединѣ), нянька подведетъ меня къ отцу, и я робко говорю: «Здравствуйте, папаша!» А онъ протянетъ мнѣ для поцѣлуя руку, и не отвѣтитъ на мое привѣтствіе. Мать сама приходила въ дѣтскую и разспрашивала, какъ спалъ ея маленькій мальчикъ, и что во снѣ видѣлъ. Съ ней я чувствовалъ себя совершенно свободнымъ и не боялся ея; не то чтобъ я чуждался отца, но инстинктивно, дѣтскимъ, не развитымъ, но неподкупнымъ чувствомъ понималъ, что матери дороги мои ласки, а отцу все равно; къ нему меня привязывалъ долгъ, а къ матери горячая любовь. Дѣтское чувство вѣрно и безошибочно, потому что оно просто; ребенокъ живѣе взрослого человѣка чувствуетъ ласки; его не обманетъ ложное участіе; во взглядѣ, въ выраженіи голоса подмѣчаетъ онъ такія тонкія черты, которыя остались бы не замѣчены развитымъ человѣкомъ.

— Отчего ты не ласкаешься къ отцу? спрашивала меня мать.—Ты его этимъ сердишь.

— Я боюсь его! твердилъ я. И мать съ грустью смотрѣла на меня и о чемъ-то вздыхала.

— Сашка, поди ко мнѣ! говоритъ отецъ.—Что ты такимъ бирюкомъ смотришь? Не съѣмъ.

— Я ничего, пугливо отвѣчалъ я.

— Давай я буду учить тебя ѣздить верхомъ. Хочешь?

— Хочу, отвѣчаю я. Отецъ сажаетъ меня на ногу и качаетъ на воздухѣ.

— А гусаромъ хочешь быть? спрашиваетъ онъ меня, и подъ вліаніемъ его яркаго взгляда я даю утвердительный отвѣтъ. Но только что спускаетъ онъ меня съ колѣнъ, я опять спѣшу на старое мѣсто, къ матери, или убѣгаю въ дѣтскую, гдѣ старушка няня рассказываетъ мнѣ и про Ивана-царевича, и про Жаръ-Птицу.

— Избаловала ты его совѣмъ, сердито говоритъ отецъ.

Мать дѣлается серьезною, и они начинаютъ спорить, — о чемъ, — я не понимаю, хотя смутно чувствую, что дѣло касается меня. Слышатся мнѣ какія-то странныя слова: образованіе, энергія, инстинкты, развитіе... Говорятъ о какой-то сестрѣ моего отца, которой я ни разу не видывалъ; долго, долго длится разговоръ; наконецъ отецъ, махнувъ рукою, сердито говоритъ:

— Дѣлай какъ знаешь, и уходи изъ комнаты, насвистывая какую-то пѣсню.

— За что разсердился папаша? спрашиваю я у матери.

— Онъ совѣмъ не разсердился, грустно отвѣчаетъ она, и крѣпче обыкновеннаго цѣлуетъ меня.

Отчужденію моему отъ отца много способствовало и то, что я рѣдко его видалъ; онъ или былъ въ гостяхъ, или на охотѣ, или сидѣлъ у себя въ кабинетѣ. Помню я, что въ этомъ кабинетѣ по одной сторонѣ тянулись дубовые шкапы съ книгами всевозможныхъ форматовъ: тутъ были и маленькія книжки въ красивыхъ переплетахъ, а рядомъ съ ними такія огромныя, старыя, некрасивыя книги, которыя приводили меня въ величайшее изумленіе; на остальныхъ стѣнахъ висѣли ружья, сабли, охотничьи рога и другія воинственныя вещи; посрединѣ комнаты стоялъ огромный столъ, заваленный бумагами; двѣ фарфоровыя вазы — высокія вазы, съ фантастическими птицами и цвѣтами, и еще много, много разныхъ красивыхъ вещей украшало этотъ столъ; напротивъ него висѣлъ портретъ моего дѣда, угрюмаго старика, весьма похожаго на отца, въ огромномъ напудреномъ парикѣ и шитомъ золотомъ кафтанѣ; портретъ этотъ пугалъ меня, особенно глаза, такіе же черные какъ и у моего отца, только еще ярче, еще мрачнѣе смотрѣвшіе изъ-подъ густыхъ бровей. Комната эта была не высокая, со сводами, обитая зеленымъ сафьяномъ; два узкія окна, съ глубокими амбразурами, едва освѣщали ее, а тяжелыя шелковыя занавѣсы увеличивали мракъ. Какъ-то разъ я одинъ зашелъ въ кабинетъ; отца не было; я взлѣзъ на стоявшее у стола кресло, а потомъ и на самый столъ, чтобы лучше

разсмотрѣть всѣ находившіяся на немъ вещи, какъ вдругъ вошелъ отецъ, сердитый такой! Такимъ сердитымъ я никогда еще не видывалъ его.

— Что ты тутъ, негодяй, дѣлаешь? такъ крикнулъ онъ на меня, что я не зналъ куда дѣваться, и ужъ чувствовалъ какъ слезы набѣгали на глаза.—Пошелъ! Да смотри, никогда безъ меня не смѣй сюда ходить.

Иногда отецъ самъ бралъ меня въ кабинетъ; сажалъ на колѣни и показывалъ какое-то дерево, нарисованное на бумагѣ; между листьевъ были чьи-то портреты.

— Это твои предки, говорилъ мнѣ отецъ,—помни, что ты приходишь отъ стариннаго рода Бравиныхъ, и всегда поступай какъ дворянинъ.

Не понимая ничего въ этомъ наставленіи, я однако обѣщался всегда ему слѣдовать. Мать ничего подобнаго мнѣ не говорила. Она постоянно твердила мнѣ, что я долженъ любить всѣхъ и со всѣми обращаться ласково. Много неразрѣшимыхъ въ то время для меня вопросовъ занимало мой умъ.

«Вотъ, думалъ я, мамаша говоритъ, что я долженъ со всѣми ласково обходиться, что и Василій и Марѳа такіе же люди, какъ и я, а папаша ихъ всегда Васькой и Марѳуткой зоветъ, говорить, что они скоты. Какъ же это? Кто правъ?» Но вліяніе матери было сильнѣе, и я вѣрилъ ея словамъ...

Только однажды отецъ особенно ласково поцѣловалъ меня. Была уже осень; красные листья осыпались съ деревьевъ, и цвѣты ужъ давно отцвѣли. Мы вышли съ матерью на крыльцо посмотрѣть, какъ отецъ (онъ былъ страстный охотникъ) съ собравшимися гостями уѣзжалъ на охоту.

— Хочешь верхомъ покататься? крикнулъ онъ мнѣ; я такъ весь и задрожалъ отъ радости, что исполнится мое давнишнее желаніе, о которомъ изъ боязни я не говорилъ отцу.

— Хочу, хочу! захопавъ руками, отвѣчалъ я.

— Сенька, подай мнѣ Александра Петровича, приказалъ отецъ.

— Пьеръ, ради Бога тише! Не урони его, кричала моя мать, когда отецъ, посадивъ меня передъ собой, легкою рысью объѣзжалъ кругомъ двора.

— Что, трусишь? спросилъ онъ у меня.

— Нѣтъ, ничего, бойко отвѣтилъ я, и на самомъ дѣлѣ я ни мало ни трусилъ; яркіе глаза отца, смотрѣвшіе на меня пристально, вливали въ меня отвагу.

— А хочешь быстро, быстро скакать? снова спросилъ онъ меня; я кивнулъ головой, и отецъ пустилъ лошадь во весь карьеръ; я невольно уцѣпился крѣпче за его руку. Проскакавъ два раза по двору, онъ остановилъ лошадь, и спуская меня на землю, поцѣловалъ въ лобъ.— Молодецъ! Каковъ, господа, у меня сынъ? сказалъ онъ, обращаясь къ охотникамъ.

Мать, блѣдная и дрожащая, подбѣжала ко мнѣ.

— Какъ можно быть такъ неосторожнымъ, Пьеръ! сказала она отцу.— Ты перепугалъ меня! Ну кабы лошадь споткнулась!

А отецъ ничего, только засмѣялся; онъ былъ отличный ѣздокъ. Съ этихъ поръ, несмотря на противорѣчіе матери, онъ сталъ учить меня ѣздить верхомъ, хотя мнѣ было едва шесть лѣтъ, и не такъ уже сурово обращался со мною.

Въ то время я не понималъ отца; но теперь его характеръ для меня совершенно ясенъ: развившійся въ школѣ боярскихъ преданій и деспотизма, подъ вліяніемъ француза гувернера, то былъ властолюбивый, сильный и эгоистическій характеръ. На дерзкое своеволие русскаго барина французская галантерейность положила свой отпечатокъ, и онъ уже не былъ тѣмъ нагло-дерзко-развратнымъ господиномъ, какимъ былъ его отецъ, но барскія понятія, всосанныя съ молокомъ матери, навсегда остались въ немъ. Онъ очень гордился своимъ происхожденіемъ, однако не могъ и не сдѣлать уступокъ духу времени, когда геральдика начала становиться смѣшною. Обладая большою физическою силой, соединенною съ легкимъ, скептическимъ, насмѣшливымъ умомъ, воспитавшимся на философіи Вольтера, онъ и въ другихъ болѣе уважалъ силу чѣмъ умъ. Понятно, что ему во мнѣ хотѣлось видѣть полное отраженіе самого себя, мощнаго представителя старинной фамиліи; а я былъ слабый, нѣжный, тщедушный ребенокъ, болѣе склонный къ мечтательности нежели къ дѣйствительному міру, и въ дѣйствительномъ мірѣ любившій все нѣжное и слабое, находившій удовольствіе въ бесѣдахъ и играхъ съ матерью, или въ разказахъ няни, и чуждавшійся всего грубаго или суроваго. Вотъ чѣмъ я объясняю нелюбовь моего отца ко мнѣ.

Дѣтскимъ любопытнымъ взглядомъ подмѣчалъ я въ то время то, что совершалось вокругъ меня. Мало что укрывалось отъ этого взгляда, хотя многого я совершенно не понималъ въ то время; но все, что я видѣлъ и слышалъ, навсегда сохранилось въ моемъ умѣ. Иногда замѣчалъ я, что моя мать почему-то грустна, и въ то время, когда я сижу на коврѣ, разсматривая

картинки, или строя карточные дома, она глядитъ на меня такимъ грустнымъ взоромъ, и изъ ея прекрасныхъ глазъ катятся слезы; я тотчасъ же бросаю и дома, и картинки, и, обнимая ея шею, спрашиваю: «О чемъ ты плачешь?» Она цѣлуетъ меня порывисто и крѣпко, и ужъ на устахъ ея сіяетъ такая нѣжная улыбка! Но и сквозь невыразимую нѣжность этой улыбки просвѣчиваетъ грусть. Долго и пристально смотритъ она на меня и говоритъ:

— Ну, вотъ я и не плачу! Мнѣ весело! Расскажи мнѣ о чемъ ты читалъ.

Но я не скоро успокоиваюсь этимъ увѣреніемъ и принимаюся за разсматриваніе Армянъ и Китайцевъ въ уродливыхъ шапкахъ, и другихъ чудесъ, которыми полна моя книга: меня занимаетъ мысль о чемъ плакала моя милая мама.

Въ числѣ прочихъ особенностей моего характера была сильно и рано развившаяся страсть къ чтенію и картинкамъ. Четырехъ лѣтъ я уже бойко читалъ печатное и къ именинамъ матери выучилъ не помню какіе-то стихи, кажется, отрывокъ изъ какой-то поэмы Пушкина, чуть ли не изъ *Руслана и Людмилы*.

Когда отецъ бывалъ особенно сердитъ, у насъ въ домѣ была такая тишина, какъ будто въ немъ никто не жилъ: не слышалось нигдѣ говора; всѣ ходили на цыпочкахъ, и только порою раздавался рѣзкій голосъ отца:

— Федька, каналья! Ты что не шелъ ко мнѣ столько времени, я тебя спрашиваю?

А Федька, камердинеръ моего отца, дрожалъ и ничего не могъ выговорить.

— Розогъ! кричалъ отецъ, и самъ не знаю почему, я начиналъ плакать; и помнится мнѣ, что послѣ этого Федька ходилъ нѣсколько времени блѣдный и молчаливый, хотя обыкновенно то былъ вертлявый и занозистый парень, большой мастеръ отхватывать трепака. Если въ это время, сумрачный и грозный, отецъ мой приходилъ къ матери, а я сидѣлъ у нея, она всегда усылала меня въ дѣтскую.

— За что папаша на Федора разсердился? спрашивалъ я у няни.

— Барская воля! отвѣчаетъ она.—Вотъ вырастете, все узнаете.

И что-то бормочетъ про себя. И смотрю я на нее, и думаю: какаѣ же няни-то сѣдая да старая!

— Отчего ты, няня, съдая, и Василій тоже съдой? спрашиваю я у ней.

— Пожевете съ мое, и вы такіе же будете, говорить она.

— А скоро я съдымъ буду? допрашиваю я няню, а она смотритъ на меня сквозь свои большія очки и улыбается.

Какъ живая стоитъ она передо мною: въ темномъ ситцевомъ платьѣ и бѣломъ фартукѣ, съ двумя неизмѣримо-глубокими карманами; въ одномъ изъ этихъ кармановъ покоится обыкновенно клубокъ—громада нитокъ для вязанья чулокъ, а въ другомъ—чего-чего нѣтъ! Съдые ея волосы тщательно подобраны подъ шелковую черную косынку; въ рукахъ у нея чулокъ, и спицы такъ и ходятъ взадъ и впередъ, на носу сидятъ такія огромныя очки, съ такими огромными стеклами, которыя вначалѣ, вѣроятно, предназначались совсѣмъ для иного употребленія; очки эти приводили меня всегда въ крайнее недоумѣніе: «Какъ, думалъ я, могутъ они на носу у няни удержаться? Съ моего такъ и съѣзжаютъ!» И твердо я былъ убѣжденъ въ то время, что никто, кромѣ няни, не въ состояніи носить подобныхъ очковъ, и что для этого необходимо особенное искусство. Ходила няня переваливаясь и тряся головой, и постоянно шевелила губами, какъ будто разговаривая съ кѣмъ-нибудь постороннимъ; голосъ у ней былъ какой-то рыхлый (если можно такъ выразиться); звала она меня постоянно Александромъ Петровичемъ, и была необыкновенно привязана ко мнѣ. Она помнила и бабушку, и дѣдушку еще молодыми, когда тѣ только что пріѣхали изъ Петербурга, и съ сожалѣніемъ разказывала о минувшихъ дняхъ.

Полутру, послѣ чая, я обыкновенно читалъ съ матерью, а потомъ уходилъ съ няней въ садъ. Соеѣдей у насъ было много, но дѣтей—ровесниковъ мнѣ—не было, потому-то, можетъ-быть, и вышелъ изъ меня сосредоточенный, мечтательный ребенокъ, взлелѣанный разказами няни да нѣжною любовію матери, потому-то, можетъ-быть, и остался я навсегда необщительнымъ и молчаливымъ. Разъ только въ дѣтскіе годы промчалось предо мною какое-то свѣтлое видѣніе, но объ этомъ послѣ.

Прогулки мои съ нянею по саду начинались раннею весною; какъ только зазеленѣютъ деревья, и земля еще не совсѣмъ даже просохнетъ, а я ужь отпрошусь у матери гулять. Меня, впрочемъ, не кутали, не держали въ хлопкахъ, какъ держать только что вылупившагося изъ яйца цыпленка: я и зимой часто въ одной рубашонкѣ выбѣгалъ на морозъ и стоялъ до тѣхъ поръ, пока лицо все загорится, зашиплетъ его, а въ кон-

чики пальцевъ на рукахъ какъ будто кто булавки втыкать начнеть....

Такъ вотъ, только что начиналась весна, съ ея цвѣтами, съ запахомъ, съ голубымъ небомъ, со всею обаятельною прелестью, а я и иду къ нянѣ.

— Няня, пойдемъ гулять, мамаша пустила, говорю я.

— Охъ, соколь ты мой ясный, пойдемъ, пойдемъ, говорила она, подымаясь со стула, гдѣ вязала нескончаемый чулокъ.

А садъ у насъ такой большой да темный; липовыя аллеи такія густыя, что въ нихъ никогда не заглядывало солнце и долго весною не таялъ снѣгъ, и стояли лужи; и такъ сыро и прохладно было въ этихъ аллеяхъ лѣтомъ въ знойный день! И сколько разныхъ птицъ было въ этомъ саду, какіе концерты давали онѣ! Съ какимъ наслажденіемъ слушалъ я ихъ разноголосное пѣніе! То соловей свиснетъ громко-громко, то слышится заунывная пѣсня иволги, то затрещитъ жаворонокъ, и вотъ всѣ разнообразныя до безконечности голоса сольются, и умъ не разберетъ ни гдѣ, ни что поется!...

А какой большой, славный прудъ былъ въ нашемъ саду, — свѣтлый, обсаженный березами и липами, а посрединѣ его два острова съ куртинами цвѣтовъ и сирени и съ китайскими бѣсѣдками! Сильно желалось мнѣ покататься по этому пруду въ лодкѣ, а потомъ и на острова забраться; да няня не пускала, говорила: нельзя, потонешь!...

— Ахъ, какая ты няня! говорю я. — Вѣдь, когда у насъ гости бываютъ, то всѣ катаются и даже чай на островахъ пьютъ, и не потонуть..

— Гости ужъ большіе, имъ ничего, имъ можно, отвѣчаетъ она. «Ну ужъ покатаюсь же я, когда вырасту!» думаю я про себя. И бѣгу я по не высохшей еще дорожкѣ, попадаю и въ лужу, да мнѣ ничего, весело!.. А няня вослѣдъ:

— Куда, куда вы, Александръ Петровичъ? Стыдно!..

А я давно ужъ у пруда; поднялъ на дорогѣ вѣтку и шевелю ею тихую зеркальную влагу; и смотрю, какъ отражается въ ней мое дѣтское смѣющееся лицо, какъ опрокинулись березы, и липы, и бѣсѣдки, что выстроены на островахъ. Няня, запыхавшись и переваливаясь, подбѣгаетъ ко мнѣ; куда и чулокъ дѣвался, она вся страхъ, вся испугъ.

— Чтѣ вы тутъ дѣлаете? Вотъ какъ разъ и потонете! Пойдите-ка, вотъ я папенькѣ вашему скажу, какой вы шалунъ, притворяясь сердитю, говоритъ она мнѣ. А я ужъ знаю, что ни-

кому не скажетъ няня (былъ я хитрый и смѣтливый мальчикъ), и заливаюсь звонкимъ хохотомъ, и бѣгу дальше...

— Няня, няня, гдѣ ты? громко кричу я, забѣжавъ куда-нибудь въ чащу, гдѣ такая темь, какъ словно въ осеннюю ненастную ночь. Жутко мнѣ, кажется, что вотъ-вотъ изъ-за какого-нибудь деревца или куста выскочитъ звѣрь или волшебникъ какой, и утащитъ меня куда-нибудь далеко, далеко, гдѣ я никогда не увижу ни мамы, ни няни; дѣтское воображеніе полно сказочными дивами и страшилищами, напугано оно Змѣемъ-Горыничемъ и бабой-ягой, что ѣдетъ въ желѣзной ступѣ, черезъ горы и лѣса, человѣчьи кости толчетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ.

— Гдѣ вы, Александръ Петровичъ? испуганно кричитъ няня, приближаясь къ тому мѣсту, куда забѣжалъ я. А мнѣ ужъ и не страшно, и звѣрей не боюсь я, и приди, кажется, сама баба-яга, и той не испугался бы. Дрожь прошла, няня близко, и хочется мнѣ помучить ее, и присѣлъ я подъ кустикъ, да и молчу; а потомъ подкрадусь тихонько къ ней сзади, да такъ звонко засмѣюсь, такъ крѣпко поцѣлую!..

— Вотъ, постоите-ка, завтра попросите-ка, чтобъ я пошла съ вами гулять,—не пойду! И маменькѣ и папенькѣ нажалуюсь! Что вы смѣтаете? право, нажалуюсь! Ишь баловникъ какой, до смерти перепугалъ!.. ворчитъ она и беретъ меня за руку.— Не извольте бѣгать!..

Милая, добрая, незабвенная няня! Вѣдь я очень хорошо зналъ, что этого никогда не случится!..

Весною и лѣтомъ я почти цѣлый день въ саду; съ жаднымъ любопытствомъ разсматриваю я разныхъ букашекъ, божьихъ коровокъ, стрекозъ, бабочекъ, и думаю, отчего у бабочекъ такія красивыя крылья, а говорятъ, что онѣ изъ червяка дѣлаются? Спрашиваю у няни, а та говоритъ, что такъ Богомъ устроено. Мамаша толкуетъ о какомъ-то перерожденіи, да я ничего не понимаю! Устану я заниматься разсматриваніемъ наѣдомыхъ,—надоѣсть мнѣ, и нарву я цѣлый пукъ цвѣтовъ, и давай выспрашивать у няни, какъ они называются.

— Это василекъ, говоритъ она,—это анютины-глазки, это гвоздика, а это иванъ-да-марья!..

И страннымъ кажется мнѣ, почему цвѣтокъ человѣческимъ именемъ названъ, да еще не однимъ, а двумя; а няня (у ней въ памяти всегда хранится какая-нибудь легенда, или сама



выдумаетъ), принимая тонъ эпической разказицы, мѣрно, тихо, и качая своею дряхлою головою, говорить:

«Въ славномъ городѣ во Кіевѣ, жилъ былъ богатый купецъ Иванъ Даниловичъ, съ молодой женою Марею Тимоеевной, со малыи двумя дѣтками. Умерла его молодая жена. Остались малыя дѣтушки сиротинками; и сталъ думать Иванъ Даниловичъ, сталъ онъ думать думу крѣпкую, гдѣ бы ему за себя невѣсту взять: малыи дѣтушкамъ заботницу, а ему милую подруженьку...» Тихимъ, дребезжащимъ голосомъ разказываетъ няня о томъ, какъ не влюбила злая мачиха пасынка и падчерицу, завела ихъ въ лѣсъ, и зарубивъ, схоронила подъ деревомъ, а отцу сказала, что съѣлъ ихъ голодный волкъ. «Не была берега къ землѣ клонится, не бумажные листочки разстилаются; преклоняется Иванъ Даниловичъ, преклоняется ко сырой землѣ; заливаается онъ слезами горячими: покинули меня милыя дѣтушки, оставили меня сиротинкою... Встаетъ онъ на скорыя ноженьки, говорить онъ молодой женѣ: пойду искать моихъ милыхъ дѣтушекъ... Вотъ идетъ онъ путемъ-дорогою, широко путь-дороженька разстилается. А подъ деревомъ подъ высокимъ, видитъ онъ, расцвѣтаетъ цвѣтъ невиданный, невиданный имъ, да и не слыханный. Какъ возговорить ли тотъ цвѣтокъ: мы твои милыя дѣтушки, Иванъ да Марья; убила насъ злая мачиха, схоронила во сырой землѣ! И сталъ съ тѣхъ поръ называться тотъ цвѣтокъ иванъ-да-марья! Младенческія души ангельскія!» прибавляетъ она.

Слушалъ я этотъ простой разказъ, и вѣрилось мнѣ, что на самомъ дѣлѣ на могилѣ двухъ младенцевъ впервые выросъ этотъ цвѣтокъ, и полюбилъ я его съ тѣхъ поръ больше другихъ роскошныхъ и пахучихъ цвѣтовъ...

Пронесилась ли лѣтняя буря съ вихремъ, и громомъ, и молніей, и спрашивалъ я у няни: отчего гремитъ громъ и почему сверкаетъ молнія?... — Илья пророкъ на колесницѣ огненной по небу ѣдетъ. Надо молиться, говорила она мнѣ.—Богъ за грѣхи людскіе грозы на землю посылаетъ.

И молился я, чтобы пересталъ дождь, и не гремѣлъ бы громъ, и не блистала бы молнія. И съ тоскою глядѣлъ я на цвѣты душистые, грозой безощадно измятые... И не понятны были мнѣ объясненія матери, что гроза есть слѣдствіе электричества. Чтѣ такое электричество? думалъ я. Я никогда его не видывалъ! Нѣтъ, няня должно-быть правду говорить, что Илья пророкъ по небу на колесницѣ ѣдетъ, оттого и громъ!...

Было въ саду одно мѣсто, которое я почему-то особенно любилъ. То была высокая гора, довольно отлогая, но поросшая до того скользкимъ мхомъ, что взойти на нее было очень трудно, тѣмъ болѣе для меня; доберешься бывало до половины, да оттуда какъ кубарь такъ и покатишься, и смѣшно, бывало, и досадно. У няни такъ ужъ и не просись на эту гору, не пустить! И такихъ ужасовъ наскажетъ, какіе разказывала она о запертой наглухо не то бесѣдкѣ, не то часовнѣ, стоявшей на краю глубокаго оврага, поросшаго частымъ-пречастымъ кустарникомъ! И дна не видно было въ оврагѣ сквозь этотъ кустарникъ, и такой мракъ, такая мгла царствовали въ немъ, какіе царствуютъ въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ ученыхъ!... И говорила мнѣ няня, населяя, Богъ вѣдаетъ для чего, дѣтское воображеніе ужасами, что въ томъ оврагѣ великанъ-людоедъ живетъ, тотъ самый, который маленькихъ дѣтей таскаетъ. И такъ жутко и боязно становилось мнѣ отъ этихъ разказовъ, что долгое время я не подходилъ къ тому мѣсту, гдѣ стояла бесѣдка. Спрашивалъ я и у матери, оттого ли нельзя въ оврагъ ходить, что тамъ великанъ-людоедъ живетъ?... А она только улыбнулась и отвѣчала, что на самомъ дѣлѣ ходить къ оврагу не слѣдуетъ.

Только добрался я и до оврага. Былъ у няньки внукъ, Семеновъ звали его; любилъ я его очень за то, что онъ весною мнѣ гнѣзда галчатъ доставалъ и разказывалъ мнѣ свои охотничьи похождения, напѣвая во время разказовъ удивительныя охотничьи ари, и все на губахъ (Семеновъ принадлежалъ къ числу охотниковъ).

Много было у моего отца собакъ, съ кличками, значенія которыхъ въ то время я никакъ не могъ объяснить себѣ. Были въ числѣ ихъ и Залеты, и Урываи и другія собаки, съ не мнѣ странными кличками, высокія, поджарыя, худыя, съ глазами горѣвшими какъ уголья и налитыми кровью и съ чрезвычайно разнообразными голосами. Отецъ мой весьма дорожилъ ими, но я ничего, кромѣ страха, при видѣ этихъ чудовищъ не чувствовалъ; другое дѣло—Жоли, небольшая красивая собака моей матери, ту я любилъ, да и нельзя было не любить ея! Какіе черные ласковые глаза были у ней, какая длинная и шелковистая черная шерсть, на лапкахъ и на концѣ морды переходившая въ свѣтлокаштановую! Бывало, сижу я на коврѣ, а она подбѣжитъ ко мнѣ и лицо, и руки лизать начнетъ, а я ничего не боюсь! Только смѣшно станеть и щекотно.

Помню я этого Семена: высокій, тонкій бѣлобрысый парень былъ онъ, равнодушный ко всѣмъ невзгодамъ. Дождь ли идетъ, весна ли, зима ли съ трескучими морозами, всегда увидишь его въ чекменѣ туго-натуго перетанутомъ ремнемъ, да въ картузѣ, съ синимъ околышемъ, безъ козырька; сонно глядятъ его глаза, руки мотаются, словно онъ ими котлеты рубить, длинныя ноги подгибаются, не даромъ его прозвали: Семень-разгильдй! Возьмется ли онъ за какую-нибудь работу, все у него изъ рукъ валится; а какъ начнетъ разказывать про охоту, глаза загорятся, засвѣтятся, лицо, каждый мускулъ на лицѣ задвигается, куда дѣнется лѣвъ, сонъ... не узнаешь Семена!...

«Вотъ какъ выѣхали мы изъ опушки, говоритъ онъ, а волчище-то, матерый такой! Обернулся, поглядѣлъ на насъ, зубами защелкалъ!... А стая-то какъ залетѣла, какъ понеслась на него!...» разказывалъ онъ про свою первую охоту. «По жиламъ-то огонь какой-то пробѣжалъ!... Въ глазахъ туманъ, ничего не вижу!... А стая-то такъ и заливаеця!» Итакъ ярко, такъ живо представлялъ онъ весь ходъ охоты, что мнѣ даже страшно становилось. Вся эта сцена съ малѣйшими подробностями рисовалась передо мною.

— Чтò значить матерый? спрашиваю я у него.

— Извѣстно, здоровенный, старый волчище!... Да вотъ, вырастете, все узнаете. И какія же я мѣста вамъ покажу! и! и!...

Съ нимъ-то я и ходилъ на гору, куда одинъ залѣсть не могъ; онъ же меня и въ оврагъ сводилъ. Разказалъ я ему разъ какъ-то какія страсти няня мнѣ про оврагъ описывала, а онъ усмѣхнулся во все лицо,—такъ усмѣхаться одинъ только онъ и былъ способенъ,—да и говорить:

— Старая баба всѣ эти сказки лежа на печи выдумала. Какой тамъ великанъ-людоедъ!... Ишь чтò наврала!... Пойдемте со мной, да, смотрите, бабушкѣ не скэзываюте, разбранить старая!

— Какъ же, Семень, если людоедъ-то и на самомъ дѣлѣ живетъ тамъ?... Вѣдь няня вонъ говоритъ! пытливо глядя на него, говорю я и не доканчиваю рѣчи, потому что замѣчаю на лицѣ Семена насмѣшливую улыбку. А самому и въ оврагъ-то хочется побывать, да и жутко; разказы-то о всѣхъ чудящахъ народныхъ повѣрій глубоко запали въ дѣтскій умъ, и безъ того готовый вѣрить всему чудесному, всему, чтò носить на себѣ отпечатокъ таинственности.

— А вы бабушкѣ-то сказкамъ не вѣрете, замѣчаетъ Семень.—Это вѣдь изъ саду обрывъ такой вышель, а съ поля и

дорога въ оврагъ этотъ есть. Али трусите? взглянувъ на меня и все-таки ухмыляясь, спрашиваетъ Семень.

Обиженный подобнымъ подозрѣніемъ, я рѣшаюсь слѣдовать за своимъ проводникомъ.

На самомъ дѣлѣ оказалось, что оврагъ вовсе не такъ страшенъ, какъ разказывала о немъ няня: ни великана-людоеда, ни другаго какого-либо чудища не встрѣтилось въ немъ. Спускъ изъ сада былъ очень труденъ и опасенъ, особенно для меня. и мы спустились въ него съ противоположной стороны, съ поля; узкая дорожка шла постепенно подъ гору, изворачиваясь то направо, то налево, по бокамъ ея росъ тощій, низкій березнякъ да дикая рябина... Чѣмъ ниже спускались мы, тѣмъ слышнѣе становилось журчаніе ручья, тѣмъ мельче, но чаще росъ кустарникъ... Семень затынулъ какую-то пѣсню, и звонко раздавалась она въ этомъ глухомъ и пустынномъ мѣстѣ; я шель, не говоря ни слова, и жался къ Семену. Круто повернула направо тропинка, и мы очутились на самомъ днѣ оврага.

— Вотъ онъ, оврагъ-то! Ничего страшнаго нѣтъ, замѣтилъ мой проводникъ.

Мы стояли на самомъ краю крутаго берега, изрытаго быстрымъ ручьемъ; взглянувъ я наверхъ и увидѣлъ темную, густую массу дико-растущихъ кустовъ и деревьевъ, покрывавшую почти отвѣсный спускъ изъ нашего сада. Дѣтское сердце мое сжалось, но отчего сжалось оно, я не могъ разобратъ, какъ не разобрю и теперь. И разказъ няни о людоедѣ въ семиверстныхъ сапогахъ, глотающемъ заразъ по цѣлому теленку, все еще раздавался въ моихъ ушахъ; мнѣ чудилось, что вотъ выскочить онъ и разомъ проглотить и меня и Семена, и мрачная красота мѣста, и звучные всплески рѣки, казавшіяся мнѣ чьею-то пѣсней, все это разомъ охватило мою дѣтскую, нѣжную душу. И досадно было мнѣ, когда мы наконецъ вышли изъ оврага, что не исполнилось ни одно изъ предсказаній няни, что никого изъ ея сказочныхъ героевъ не увидѣлъ я. И впервые запало въ мой умъ сомнѣніе во всѣхъ чудесахъ, о которыхъ повѣствовала мнѣ няня. «Что какъ нѣтъ ни жаръ-птицы, ни городовъ, гдѣ дома изъ серебра, гдѣ поютъ райскія птицы?...» думалъ я, и печальный возвращался домой, а Семень все твердилъ мнѣ:

— Вотъ вы вѣрили, что тамъ людоедъ какой-то сидитъ,

ань никого и нѣтъ! Оврагъ какъ оврагъ! Вотъ въ дѣсу, въ Перепелкинскомъ, гарь есть; ну тамъ точно что страшно.

— А что? еще ближе прижимаясь къ Семену и любопытно взглядывая на него, спрашиваю я.

— Село, говорятъ, на томъ мѣстѣ было... давнымъ давно! А вокругъ дѣсъ такой дремучій росъ, что и сказать нельзя. Поднялась разъ ночью гроза, и дѣсъ, и село, и церковь спалило, никто не спасся! Верстъ на пятнадцать выгорѣло! И стало на томъ мѣстѣ болото. Съ тѣхъ поръ стоны чѣм-то тамъ слышны и колокола звонять въ ту ночь, какъ пожаръ былъ; дѣниво и безъ всякаго участія къ разказу, повѣствуетъ Семень. И нельзя подмѣтить въ его тускломъ, сонномъ взглядѣ никакого комментарія на эти слова, какъ будто не онъ и говоритъ, а кто-то другой, совершенно посторонній ему человекъ: это была его обыкновенная манера разказывать, пока дѣло не касалось охоты.

— А ты былъ тамъ? спрашиваю я.

— Какъ не бывать! былъ. Мѣсто для волковъ привольное. И ночью приходилось бывать одному, дѣниво шагая подлѣ меня и смотря въ землю, отвѣчаетъ онъ такимъ же вялымъ голосомъ.

— И слышалъ? снова спрашиваю я его, чувствуя какъ холодъ пробѣгаетъ по мнѣ.

— Не слыжалъ. Не въ то время былъ. Только, сижу я разъ ночью, а ночь-то лунная такая была... и вижу, съ полверсты отъ меня стоитъ не то мертвецъ, не то иное что,—такое высокое да бѣлое... Какъ вздохнетъ, такъ я даже дрогнулъ.

— Что жъ ты?.. шопотомъ спрашиваю я.

— Ничего. Сначала жутко стало, а потомъ перекрестился, и прошло. Тучки на небо нашли, все и пропало. Случилось днемъ мнѣ проходить гарью, тѣмъ самымъ мѣстомъ—глядь, береза!.. Плюнулъ даже. Думаю: ишь, проклятая, испугала какъ! Семень не прочь былъ иногда загнуть крѣпкое слово, но и слово это онъ произносилъ такъ вяло, такъ не охотно, что оно совсѣмъ почти теряло свою силу, не то что у другаго: иной русскій мужикъ какъ загнетъ подобное слово, то словно пристукнетъ, и другимъ равнозначацимъ этому слову выраженіемъ отвѣтить нельзя, не подберешь.

— Возьми меня съ собой, когда поѣдешь, прошу я его.

— Нельзя, потому, далеко, да маменька ваша не пустить. Вотъ какъ побольше станете, возьму!

Не разъ послѣ этого ходилъ я съ Семеномъ въ оврагъ, но никакъ не могъ отвыкнуть отъ страха; не разъ онъ взбирался со мной и на гору, не разъ разказывалъ и о томъ, какъ Залетай волку въ горло вцѣпился. Каталъ онъ меня и въ лодкѣ по пруду. Страхъ и какое-то замираніе почувствовалъ я, когда въ первый разъ сѣлъ въ лодку, и она начала удаляться отъ берега и тихо скользила по гладкой поверхности пруда, а потомъ—ничего, привыкъ. Съ удивленіемъ видѣлъ я, какъ Семенъ и я внизъ головами въ прудѣ отражались. Только не пропши эти прогулки даромъ ни ему, ни мнѣ: однажды, подъ исходъ лѣта, когда зелень пестрѣла ужъ желтыми листьями, когда ужъ и рожь скосили, и сѣно собрали въ копны,—идемъ мы съ нимъ изъ оврага, а няня взыскалась меня по всему саду.

— Куда ты водилъ Александра Петровича, не путные твои глаза? Сказывай!.. сердито спрашиваетъ она внука, а тотъ усмѣхается во все лицо и молчитъ.—Что жъ ты молчишь, глупый ты человекъ?.. Гдѣ вы, батюшка, съ Сенькой были?.. обращается она ко мнѣ.

— Не сердись, няня. Онъ ничего, это я просилъ, чтобъ онъ оврагъ мнѣ показаль... сорвалось у меня съ языка, и тутъ же почувствовалъ я, что сдѣлалъ глупость.

— Ахъ ты безпутный! съ какихъ ты глазъ это выдумалъ?.. крикнула она на внука. Махнулъ Семенъ рукой, и почесывая затылокъ пошелъ прочь.—Вотъ я барину скажу! послала ему вослѣдъ няня.

— Няня, няня, не брани его—это я!.. Вотъ ты говорила, что въ оврагѣ великанъ-людобѣдъ живетъ, а я сколько разъ бывалъ и никого не видалъ, толкую я.

— И вамъ, сударь, какъ не стыдно!.. Чего добраго, убьетесь, не то въ рѣчку упадете, говоритъ она, взявъ меня за руку.—Мнѣ и не въ догадъ, зачѣмъ вы съ Сенькой гулять ходите!.. Ахъ я старая, старая... (Тутъ она прибавляла не совсѣмъ лестное для себя названіе.) Добро же, теперь лучше не проспите съ Сенькой, не пуцуй!—И на этотъ разъ она сдержала слово: сколько ни просилъ я, чтобы пустила меня съ Семеномъ—не пускала.

— Не умѣли молчать, проболтались... И меня кастила на чемъ свѣтъ стоять, и ходить теперь нельзя, укоризненно говорилъ Семенъ.—Ужъ вы все ей разболтали бы... Эхъ, право!..

И совѣстно мнѣ было, что не сдержалъ я данного слова, и

досадовалъ я, что нельзя ужъ больше ни на гору взобраться, ни спуститься въ оврагъ, гдѣ выслушивалъ я такіе славные разказы!..

Помню я еще одно обстоятельство, сильно занимавшее меня въ то время.

«Почему, думалъ я, сколько разъ ни просился я на пасѣку къ Василю, мамаша меня не пускаетъ? говоритъ, что нельзя, а отчего нельзя?.. Вѣдь и Васька, и Фомка, и Филька, всѣ туда ходятъ? А какой, должно-быть, славный этотъ Василій,— добрый и ласковый, все зоветъ къ себѣ; говоритъ: приходите, я вамъ покажу какъ пчелки медъ дѣлаютъ. Хорошо было бы посмотреть, да вотъ мамаша не пускаетъ. Спрашиваю я объ этомъ темномъ для меня обстоятельстве у няньки,— говоритъ, что я баринъ, а Филька и Васька мужичьи дѣти,— потому въ дѣсь и въ пасѣку ходить можно...

— Вы посмотрите, какіе они грязные—имъ все ничего!.. говоритъ мнѣ она:—они и зимой въ однихъ рубашонкахъ да босикомъ по снѣгу бѣгаютъ...

И дѣйствительно: и Васька, мальчишка съ бѣлыми льняными волосами, всегда включенными, и Фомка, черномазый, бойкій мальчишка, и Филька, и всѣ они грязные, въ толстыхъ холщевыхъ рубахахъ, весьма сомнительнаго и мрачнаго цвѣта; но это нисколько не объясняетъ мнѣ разницы между нами; я даже чувствую къ нимъ удивленіе, потому что Филька по птичьему свиститъ, а Фомка такіа мудреныя сѣти для ловли птицъ дѣлаетъ, какихъ я никакъ сдѣлать не могу, и это послѣднее обстоятельство крайне меня огорчаетъ.

Помню я и Василя: то былъ высокій, худощавый старикъ, съ сѣдыми изжелта волосами, съ глазами, сохранившими блескъ молодости и ярко-свѣтившимися изъ глубокихъ впадинъ; увидавъ его въ первый разъ, я было испугался его нависшихъ надъ глазами щетинистыхъ бровей, но когда онъ, съ позволенія матери, взялъ меня на руки и взглянулъ на меня, я совершенно успокоился и съ тѣхъ поръ его не боялся.—Отчего у тебя брови такіа страшныя? спрашивалъ я у него, теребя ихъ руками, а онъ улыбался добродушно и цѣловалъ мои руки. Ходилъ онъ всегда въ синемъ полукафтаньи, перетянутомъ кожанымъ ремнемъ съ бляхами: лѣтомъ этотъ кафтанъ былъ изъ нанки, а зимою суконный; удивлялся я также его картузу съ такимъ огромнымъ козырькомъ, который казался мнѣ не меньше крылечнаго навѣса. Переважило уже

за семьдесятъ Василю, а онъ все еще былъ бодръ и свѣжъ и такіа тукманки иногда давалъ молодымъ дворовымъ, что тѣ летѣли съ ногъ. «Дрянъ презрѣнная!» относился онъ объ нихъ. «Я въ ваши-то годы одинъ на медвѣдя хаживалъ!..»

Василій представлялъ собою тотъ, всѣмъ извѣстный, типъ старинныхъ слугъ, для которыхъ не существовало поговорки: не можно противъ рожна прати! Выкрасть ли у кого дѣвку, отмстить ли непокорному сосѣду,—единымъ духомъ совершали эти сорванцы. Крикнетъ баринъ: «Васька, топись!» перекрестится Васька, и нисколько не размышляя о томъ зачѣмъ понадобилась барину смерть, бултыхнется въ воду. То былъ обломокъ тѣхъ временъ буйства и разврата, которыя переходятъ уже въ исторію. Къ нашей фамиліи онъ питалъ безграничное уваженіе и преданность и крѣпко жалѣлъ о прошлыхъ дняхъ, когда жизнь текла широкою рѣкой. Бывало, когда онъ приходилъ къ намъ въ домъ (лѣтомъ онъ жилъ на пасѣкѣ), неся въ подарокъ свѣжіе, только что вынутые соты, то непременно разказывалъ мнѣ, какъ жили при моемъ дѣдѣ и прадѣдѣ: какіе пиры давалъ Степанъ Петровичъ, какая бывала у него охота, когда наѣзжали гости, и какимъ почетомъ пользовался онъ у всѣхъ. Разказывалъ онъ мнѣ объ этомъ, нисколько не думая, что ничего не пойму изъ его разказовъ, что многого мнѣ и знать не слѣдовало бы; разказывалъ онъ о прошлыхъ дняхъ единственно изъ желанія посвятить меня въ ту жизнь, которой онъ былъ свидѣтелемъ, да, быть-можетъ, потому еще, что самъ твердо вѣрилъ въ прошлые годы, въ ихъ непогрѣшимость... Его радовало любопытство, съ какимъ я слушалъ его *оковиднѣя*... И любилъ же я ихъ!.. Съ нетерпѣніемъ ждалъ, бывало, я его прихода, и какъ только увижу его, то сейчасъ же бѣгу на встрѣчу. «Здравствуй, здравствуй, Василій!» кричу я. Сниметъ онъ шапку и скажетъ: «Батюшка баринъ, солнышко вы мое ясное, херувимъ писанный! Ручку свою пожалуйте старику!..» И почти съ благоговѣніемъ бралъ мои руки и цѣловалъ. Чаше онъ самъ приходилъ въ дѣтскую; я садился къ нему на колѣни, и онъ начиналъ разказывать.

— Бывало какъ наѣдутъ къ вамъ гости, да соберутся на охоту, такъ, я подлинно говорю вамъ, ужасъ!.. Чтѣ однихъ псарей было, чтѣ ловчихъ!.. Всѣ-то въ синихъ съ краснымъ кафтанахъ, да въ высокихъ калмыцкихъ шапкахъ, молодецъ къ молодцу!.. А кафтаны-то всѣ галуномъ выложены, гарма го-



рять!.. А собакъ-то, собакъ-то!.. Изъ Питера нарочно господа бывали, чтобы на охоту нашу полюбоваться..

— И дѣдушку моего ты зналъ? спрашивалъ я у него.

— Дѣдушку-то вашего, Петра Степаныча, царство ему небесное! я еще такимъ зналъ, говоритъ онъ, показывая на аршинъ отъ пола.—Вострые такіе были!.. Бывало, велеть мнѣ накарачки стать, а сами верхомъ на меня изволятъ сѣсть. Вези, говорятъ, Васька. А я никакъ ужь дѣтъ пятнадцати въ тѣ поры былъ. А Степанъ-то Петровичъ смѣяться изволятъ: молодець, говорятъ, у меня Петяка будетъ!.. Это они Петра Степаныча такъ называть изволили. А покойница супруга ихъ, красавица была словно писанная!—тоже усмѣхаются..

Любилъ я слушать Василія, и одинъ разказъ про моего дѣда особенно крѣпко засѣлъ въ моемъ умѣ!.. И самъ разказчикъ, какъ будто живой стоитъ передо мною; облокотился онъ рукою на столъ и, окинувъ яркимъ и презрительнымъ взглядомъ собравшихся его послушать молодыхъ дворовыхъ, тихо и протяжно начинаетъ говорить, придавая каждому своему слову вѣсъ и значеніе, и всѣ напряженно его слушаютъ.

Разказъ этотъ заключался въ томъ, что дѣдушка мой, разсердясь на одного своего бѣднаго сосѣда (за чтó разсердился онъ, этого въ то время я никакъ понять не могъ: была замѣшана въ эту исторію дѣвушка, дочь сосѣда, не соглашавшаяся на какія-то предложенія, дѣланныя моимъ дѣдомъ), сжегъ у него деревню, а потомъ выстроилъ новую... «Какой злой былъ дѣдушка», думалъ я, глядя на его портреты!..

Былъ я слабый и нѣжный, но смѣтливый и наблюдательный ребенокъ; дѣтскимъ, неустающимъ взглядомъ слѣдилъ я за тѣмъ, чтó происходило вокругъ, и схватывалъ на лету то, чтó осталось бы незамѣченнымъ для взрослого человѣка, мимо чего онъ прошелъ бы, не обративъ вниманія. Съ любопытствомъ слѣдилъ я за явленіями неодушевленной природы, навсегда сохраняя ихъ въ памяти, и съ такимъ же любопытствомъ замѣчалъ измѣненія въ мірѣ живыхъ существъ. Привлекалъ меня и цвѣтокъ, только что распутившійся на стеблѣ, гдѣ еще вчера была только почка... Замѣчалъ я, что вѣтъ въ природѣ совершенно одинаковыхъ формъ, въ которыхъ проявляетъ она свою жизнь, что все въ ней до крайности разнообразно... Вотъ, хоть бы деревья: растеть толстая, приземистая липа, у которой сучья начинаютъ переплетаться чуть не съ самаго корня, а рядомъ съ ней выросла такая урод-

ливая береза, съ такими тощими и рѣдкими листьями, что смотрѣть даже жалко: росла она все прямо сначала, а то, какъ будто согнулъ ее кто-нибудь, наклонилась къ землѣ... и тутъ же, Богъ вѣсть какимъ образомъ, выросла тонкая, жигулистая осина съ своими блѣдными, туманными листьями, осенью принимающими совершенно красный цвѣтъ, да такая высокая, что если взглянуть на ея вершину, то непременно свалится шапка. Странно, что даже самая зелень до крайности разнообразна!.. Вотъ, стоятъ въ кучкѣ темные, рѣдколистные клены, вонъ коренастый дубъ съ узорными листьями, а подлѣ пріютилась молодая рябина; на тонкомъ стволѣ шапкой разрослись серебрястые листья тополя, рѣзко рисуются на темномъ фонѣ липняка... Вижу я, что всѣ эти деревья облетаютъ при наступленіи осени и стоятъ съ голыми черными сучьями, а ели и сосны все такъ же зелены. И это заставляетъ меня задуматься. «И чтò такое хвойныя деревья, чернолѣсье, краснолѣсье, какъ объясняетъ мамаша? думаю я. Рѣшительно не понимаю!.. Отчего весной птицъ такъ много и поютъ онѣ такъ хорошо, а попозже дѣтомъ почти не слышать ихъ, и осенью ужъ никого не увидишь: ни жаворонковъ, ни пѣночекъ, ни другихъ маленькихъ птичекъ, которыхъ я такъ люблю?.. Только галки, да вороны пронзительно каркаютъ, да скачутъ и чирикаютъ воробьи на завалинкахъ... «Чуть живъ, чуть живъ!» кричатъ они осенью, а весной, гордо подпрыгивая: «подавай бойца! подавай бойца!» шумятъ они. Странно: развѣ они говорятъ? Спрашиваю я у матери, куда дѣлись мои любимыя птички, отчего не слышно ихъ голосовъ? Говоритъ она, что всѣ онѣ улетѣли въ южныя, теплыя страны, и снова съ весной возвратятся къ намъ. И точно, весной снова садъ нашъ наполняется разноголосными пѣвцами... Ну, это хоть немного понятно!.. А все-таки затрудняетъ меня вопросъ: «почему у насъ весна, а въ другихъ странахъ лѣто?.. И гдѣ эти страны?.. Говорятъ, далеко, а какъ далеко?.. «Въ тридесятomъ царствѣ!» толкуетъ мнѣ няня. Нѣтъ, и она должно-быть не знаетъ ничего: какое это царство тридесятое!.. И чуетса мнѣ, что что-нибудь да не такъ!.. Мать говоритъ, что узнаю все, когда вырасту; ахъ, какъ бы поскорѣй большимъ сдѣлаться!.. Хорошо бы самому побывать въ тѣхъ заповѣдныхъ странахъ, гдѣ зимы совсѣмъ не бываетъ, гдѣ апельсины и персики цѣлыми рощами растутъ, какъ у насъ березы и липы!..

Замѣчаю я, что Катерина, горничная моей матери, одно

время тоненькая, а то вдругъ, ни съ того, ни съ сего, поползветъ. «Отчего поползла Катерина?» допытываюсь я у матери; она улыбается и, съ хохотомъ обращаясь къ отцу, передаетъ мой вопросъ, и тотъ тоже хохочетъ. «Развѣ я смѣшное что сказалъ, что даже и няня, и та смѣется?..» И много, много еще безпокойныхъ мыслей занимало меня въ то время.

Не былъ я лишень и жестокости: съ удовольствіемъ видѣлъ я, какъ глупая муха попадалась въ хитро-сотканную паутину, какъ схватывалъ ее паукъ своими тонкими, длинными ногами, какъ сперва жужжала она, а потомъ опускала безсильно крылья... Я и не думалъ избавлять ее отъ хищника, за то, по окончаніи его операціи, я ловилъ самого паука и безжалостно начиналъ обрывать у него одну за другой ножки... и когда уже ни одной не оставалось, я безъ пощады давилъ его. «Какіе, однако, эти пауки смѣшные: самъ круглый, словно шаръ, а ноги такія длинныя да тонкія!..» думалъ я. И начиналъ припоминать, нѣтъ ли кого похожаго на паука?.. И вотъ, являлся передо мной Семень... «Семень паукъ, паукъ!» твердилъ я, заливаясь звонкимъ, свѣжимъ дѣтскимъ смѣхомъ. Но вдругъ, въ мой умъ западало сомнѣніе: не оскорбилъ ли я, не обидѣлъ ли этимъ названіемъ Семена?.. Глажу я на него: сонное лицо освѣтилось самою добродушною улыбкой...

— Вотъ оно что!.. Оно пожалуй что и такъ!.. Ужь коли вы сказали, что я на паука похожъ, такъ оно такъ и есть! смѣясь говоритъ Семень.

Любилъ я смотрѣть, какъ нашъ толстый котъ, Васька, сизодымчатого цвѣта,—чудесный котъ!—поймавъ мышъ, таскалъ ее въ зубахъ и забавлялся мученіями жертвы: отпустить на минуту Васька маленькаго звѣрка, а потомъ, только-что тотъ думаетъ какъ бы улізнуть, Васька опять его сцапаетъ... Давно уже прошли эти годы, но память о нихъ еще доселѣ живетъ въ моей душѣ.

Проходило лѣто: сѣрыя тучи обледали небо; безустанно лился мелкій, какъ сквозъ сито, дождь; порывисто шумить вѣтеръ въ обнаженныхъ отъ листьевъ деревьяхъ; передъ окнами разстилаются однообразныя, лишеныя растительности, поля... Скучно!.. Ни въ садъ нельзя выйти, ни побѣгать по двору; говорятъ, простудишься! Съ завистью вижу я, какъ Васька и Фомка и другіе ребяташки, поднявъ рубашонки, бѣгаютъ по деревнѣ, разбрызгивая во всѣ стороны липкую грязь. Смотрю я въ окно: вонъ, Васька бѣжитъ въ припрыжку, не-

истово загибая на бокъ голову... на дорогѣ лужа, хотѣлъ было онъ перемахнуть черезъ нее, да и попалъ въ самую середину; жидкая грязь обдала его съ ногъ до головы, а онъ ничего: встряхнулъ головой и пустился дальше... Но занимаетъ меня вопросъ: перескочилъ ли бы я черезъ эту лужу?.. Заливаясь я звонкимъ хохотомъ и зову няню посмотрѣть, какъ чубуракнулась толстая баба, шедшая съ ведрами, и копаются въ грязи, какъ будто раздумывая, какъ бы половчѣе встать, и няня хохочетъ.

— Ишь ее угораздило!.. съ участіемъ произносятъ она.

Иною картиной замѣняется эта, лишенная яркихъ красокъ и блеска, бѣдная, невзрачная картина; но и въ той все такъ же бѣдно и однообразно: замерзшія лужи, поля и деревья покрыты бѣлымъ пушистымъ снѣгомъ, тѣ же Васька и Филька скачутъ въ припрыжку, тѣ же избы печально смотрятъ на Божій міръ... Сколько ни сиди у окна, никого не увидишь. Развѣ изрѣдка вывезетъ со двора мужикъ старыя дровни и примется чинить, или протащится возъ съ сѣномъ, а больше ничего не увидишь. А тамъ, смотришь, оттепель придетъ, и снова грязь и лужи... И долго, долго тянется это скучное время. Осенью и въ началѣ зимы, я или у матери сижу да читаю, или, когда наступитъ вечеръ,—а ужъ извѣстно, какіе эти вечера темные да длинные,—въ дѣтской слушаю рассказы няни о славныхъ и могучихъ богатыряхъ.

Тускло мерцаетъ свѣчка, и такъ же тускло горитъ передъ образами лампада, и няня, съ своимъ нескончаемымъ чулкомъ, сидитъ на лежанкѣ, гдѣ на старинныхъ изразцахъ нарисованы лошади фиолетоваго и желтаго цвѣта, съ неимоვნно-чудовищными всадниками, и я приснастился тутъ же... И рассказываетъ няня, что вотъ идетъ теперь по селамъ и деревнямъ медвѣдь

И скрипитъ нога,  
Нога липовая...

Или о томъ, какъ Змѣй-Горыничъ похитилъ прекрасную царевну въ свой заколдованный замокъ, окруженный темнымъ, непроходимымъ боромъ, черезъ который ни звѣрь не прорыскивалъ, ни птица не пролетывала... Или о томъ, какъ норка-звѣрь посреди снѣга моря на камень лежитъ, и отъ храпа того норки-звѣря волна на семь верстъ бьетъ... Рассказывала она и про Илью Муромца, и про Добрыню Никитича... И съ невольнымъ страхомъ прижимался я къ колѣнамъ няни, пыталово

глядя на нее... Мѣрно и плавно рассказываетъ она своимъ дребезжащимъ голосомъ о сказочныхъ дивахъ, и я увѣряю ее, что ничего не страшно мнѣ, и упрощаю еще рассказать... И будто въ очью совершаются передо мною тѣ страшные и чудные подвиги, которыми полны эти разказы.

Богъ знаетъ, какая таинственная сила заключена въ этихъ разказахъ: слышанные въ дѣтскіе годы, они навсегда сохранились въ моей памяти. И все слышится мнѣ дребезжащій голосъ няни... Какую прелесть вѣтъ отъ нихъ, какою вѣрою, чистою и безкорыстною!.. Можетъ-быть въ этой-то вѣрѣ и заключена ихъ обаятельная прелесть и сила. Нѣтъ, никогда въ зрѣлые годы не испытывалъ я такого наслажденія, какъ во дни дѣтства, слушая эти разказы!.. И вѣчно буду помнить, какъ идетъ медвѣдь:

И скрипитъ нога,  
Нога липовая...

Не забуду я ни Алешу Поповича, ни Бову Королевича, какъ не забуду и того свѣтлаго образа, который одинъ сіяетъ передо мною во всемъ блескѣ и великолѣпіи, который одинъ не загрязнился отъ соприкосновенія съ тиною нашей повседневной жизни!..

Такъ развивался я посреди совершенно различныхъ элементовъ: съ одной стороны разказы няни о разныхъ сказочныхъ дивахъ нашей старины, осеннею ночью въ дѣтской,—высокой мрачной комнатѣ,—направляли мой умъ къ чудесному; а тутъ Семенъ говорить, что ничему этому вѣрить не стоить, что все это вздоръ, что ни жаръ-птицъ, ни вѣдьмъ никакихъ нѣтъ ужъ теперь, а если и водятся еще, такъ на Лысой горѣ, а гора эта за тридцать земель въ тридцатомъ царствѣ, да врядъ ли и тамъ есть!.. И совѣтуетъ онъ мнѣ лучше въ оврагъ сходить, или на травлю кота съ мышенкомъ посмотрѣть—это ужъ всѣмъ реальное направленіе,—ничего тутъ нѣтъ мечтательнаго,—такого, что бы удивляло умъ, смущало его странными, причудливыми созданіями народной фантазіи, что заставляло бы трепетать отъ ужаса; если и были въ этомъ мірѣ идеалы,—такъ идеалы видимые: Залетки да Урыван... Природа съ своими радушными, широкими объятіями, съ своими красотою и дивами могуче дѣйствовала на дѣтское воображеніе!.. Нѣжная любовь матери, ея ласки, ея кроткая улыбка, и мрачный, сверкающій взглядъ отца, его отрывистый голосъ... слабая муха и

хитрый паукъ... бабочка съ радужными крыльями и гадкій червякъ... все это мѣшалось въ дѣтскомъ умѣ...

Снова оглядываюсь назадъ, снова переношусь мыслию въ то давно минувшее, но вѣчно дорогое и памятное мнѣ время, и безконечною вереницею проходятъ предо мною лица, призраки нилыхъ дѣтскихъ лѣтъ...

Именины отца. Гостей собирается несмѣтная сила. Прежде всѣхъ является Самсонъ Самсоновичъ Залетаевъ, высокій, черномазый господинъ, весь обросшій волосами, изъ которыхъ виднѣется только кончикъ носа, сизо-пурпурнаго цвѣта, сияющій какъ только что вычищенный красной мѣди самоваръ, въ венгеркѣ, хитро-выложенной шнурами, въ неизмѣримо широкихъ шароварахъ и съ громоподобнымъ голосомъ: господинъ изъ породы дантистовъ...

— Бонжуръ! гремитъ Залетаевъ, входя въ комнату:—отъ души поздравляю васъ, Петръ Петровичъ, отъ души, продолжаетъ гремѣть онъ, шаркнувъ и поднявъ правую ногу на воздухъ, какъ будто собираясь сдѣлать антрша.—Мадамъ, шарме!.. Съ дорогимъ именинникомъ!.. Пермете! говорить этотъ гигантъ, подходя къ моей матери и цѣлуя у нея руку, причемъ его бакены, въ видѣ половыхъ цетокъ, удостоиваются отъ матери поцѣлуя.—А! мусье Александринъ, острить онъ при видѣ меня, заливаясь хохотомъ, похожимъ на то, какъ будто бьютъ палками по пустой бочкѣ:—дозвольте облобызать васъ!

— Что же вы такъ просто поздравляете?.. улыбаясь говорить отецъ.

— А, вы правы! Не мѣшаетъ и даже очень не мѣшаетъ съ дороги, тоже улыбаясь, произносить гость и отправляется къ столу, гдѣ приготовлена закуска.—Это чтѣ?.. А! дрянъ-мадера... Ну, это не по нашей части!.. мимо!.. Силь-ву-пле—другое дѣло!.. Русскій человекъ, признаюсь, никакихъ деликатесовъ не уважаю!..—И залпомъ выпиваетъ одну за другою двѣ рюмки водки, набивая ротъ всякою всячиной.—Встрѣтилъ на дорогѣ Корнина:—къ вамъ ѣдетъ... Трясется на своихъ клячахъ, обогналъ!.. Ну, батюшка, видѣлъ вашу хваленую Діанку. Собака хорошая, слова нѣтъ... но... принимая таинственный видъ и прикладывая палецъ къ носу, продолжаетъ онъ:—я вамъ говорю, противъ моего Залета, не прогнѣвайтесь, слаба будетъ и даже очень слаба!.. Мой борзой кобель, Залетка, это такой звѣрь, что просто мое почтеніе... Эскиюзе мадамъ!.. относит-

ся онъ къ матери, и снова начинаетъ описывать совершенства своего борзого кобеля.

Повѣствованіе прерывается прїѣздомъ новаго лица. Въ гостиную входитъ небольшого роста старичокъ, во фракѣ допотопнаго происхожденія, цвѣта варенаго шоколата, въ узенькихъ брюкахъ со штрипками, въ бѣломъ длинномъ жилетѣ и столь же бѣломъ туго-завязанномъ галстукѣ, изъ-за котораго вылъзаютъ необыкновенной величины полисоны; небольшая голова его, формою похожая на опрокинутый кверху дномъ горшокъ, украшена парикомъ съ длинными кудрями, въ родѣ жидовскихъ пейсиковъ; въ противоположность Залетаеву, лицо этого господина, изрѣзанное морщинами, совершенно лишено растительности, даже бровей, и тѣхъ нѣтъ; желтое, какъ будто только что облитое вохрой, лицо его не имѣетъ ничего особенно замѣчательнаго; маленькіе сѣрые глаза плаксиво смотрятъ изъ-подъ красныхъ вѣкъ, лишенныхъ рѣсницъ, и постоянно сохраняютъ маслянисто-паточное выраженіе...

— Петръ Петровичъ, Катерина Ивановна, примите искреннее поздравленіе растроганнаго сердца!.. протяжно и не безъ драматизма говоритъ онъ, протягивая отцу обѣ свои руки, такимъ образомъ, какъ будто собираясь умываться и наклоняя на бокъ голову, при чемъ глаза его наполняются слезами.— Не въ моихъ правилахъ говорить кому-либо лесть, но повѣрьте, что день этотъ я считаю счастливѣйшимъ днемъ моей, прежде, увы! — бурной, а теперь тихой семейной жизни!.. Да будетъ этотъ день днемъ веселія и радости.. Употребляю это выраженіе, потому что считаю совершенно приличнымъ употребить именно это, а не другое какое-либо выраженіе!..— Тутъ ораторъ кинулъ взглядъ на Залетаева, который преспокойно уписывалъ кулебяку.— Я спѣшилъ, Петръ Петровичъ, спѣшилъ, чтобы излить фіалъ любви, спѣшилъ узрѣть, такъ-сказать, нашего амонтріона... сердце рвалось... и наконецъ я здѣсь, — привѣтствую драгоценнаго именинника!.. Позвольте вручить вамъ слабый знакъ признательности моихъ сиротъ, говоритъ онъ, вынимая изъ кармана свертокъ:— старшая дочь моя, влекомая къ вамъ, надѣюсь раздѣляемою, симпатіей, — вышила эти ничтожныя туфли; конечно онѣ не соотвѣтствуютъ значенію именинника; но, какъ говорить пословица, намъ не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь!.. Позвольте по русскому обычаю!..

— Очень благодаренъ, очень благодаренъ! говоритъ отецъ, освобождаясь отъ объятій.— Мнѣ, право, совѣстно....

— О, Петръ Петровичъ! прерываетъ маленькій старичокъ укоризненно глядя на отца.—Моя дочь слишкомъ счастлива, что могла чѣмъ-нибудь изъяснить вамъ свое глубокое уваженіе, и то чувство, которое она постоянно носить въ груди,—скажу прямо: чувство благодарности за тѣ благодѣянія, которыя сыплются изъ щедрой руки вашей на престарѣлаго отца семейства, какъ изъ рога изобилія сыплются цвѣты!.. О, вы повѣрите, я знаю, когда я скажу, что мы всѣ, я хочу сказать, все наше семейство, носить въ груди это чувство!.. Конечно, найдутся люди, тутъ онъ снова бросилъ взглядъ на Залетаева, продолжавшаго распорядиться закуской,—которые станутъ перетолковывать чувства мои и всего моего семейства въ совершенно иную сторону, но умоляю васъ, Петръ Петровичъ, не вѣрьте этимъ людямъ, въ нихъ говорить злоба! Не разрушайте сладкихъ надеждъ, бранныхъ остатковъ сокрушеннаго сердца! — При этихъ словахъ ораторъ совершенно умилился, и такъ начиналъ трясти руку моего отца, что можно было думать, не хочетъ ли онъ ее вывихнуть.—Катерина Пвановна! продолжалъ онъ, обращаясь къ матери.—Позвольте надѣяться, что здоровье ваше находится именно въ такомъ положеніи, въ какомъ мы всегда желаемъ, чтобъ оно находилось?

— Благодарю васъ, Иванъ Семеновичъ; я здорова, улыбаясь говорить мать.

— Но къ чему спрашивалъ я,—къ чему?.. Развѣ не видать по лицу вашему, по которому, говоря поитическимъ языкомъ, разсыпаны розы и лиліи, развѣ не видать, что здоровье ваше въ удовлетворительномъ состояніи?.. О! я благодарю Бога...

— А вы еще не продали клячъ-то своихъ. Ну, ужъ нечего сказать лошади!.. быстро прерываетъ оратора Залетаевъ, окончивъ расправу съ закуской.

— Не продалъ, Самсонъ Самсоновичъ; нѣтъ, я не продалъ то что вы называете клячами, и никогда не продамъ... Вы можете обижать меня, да, вы можете; вы обладаете всеми средствами, чтобъ обидѣть другаго... Я маленькій человекъ, я, можно сказать, червякъ ползущій, но я могу тоже чувствовать. Вамъ угодно моимъ лошадямъ дать названіе клячи—давайте!.. Я ничего не отвѣчу, но я не продамъ ихъ, не смотря на то, что вы называете ихъ клячами, патетично произносить Иванъ Семеновичъ.

— Чортъ знаетъ что за человекъ! восклицаетъ весьма энергично Залетаевъ.



— О, вы можете называть меня чертомъ!.. Вы можете даже хуже назвать меня, я все снесу, поетъ Иванъ Семеновичъ, а глаза его мещутъ пламя.

— Почему, Иванъ Семеновичъ, вы не привезли ни одной изъ вашихъ дочерей? спрашиваетъ мать, не давая разразиться бури. Съ Иваномъ Семеновичемъ мгновенно совершается перемѣна: глаза дѣлаются снова масляными, и все лицо принимаетъ умиленное выраженіе.

— Мои дочери!.. начинаетъ онъ снова. — Отчего не привезъ я ихъ? О, Катерина Ивановна! потому я не привезъ ихъ, что онѣ совершенно погружены въ заботы о хозяйствѣ. Онѣ, такъ же какъ и я, понимаютъ ту разницу, которая существуетъ между нами; онѣ съ малолѣтства привыкли къ смиренію; я всегда внушалъ имъ, что имъ не чѣмъ гордиться; я готовилъ ихъ не для шумной жизни, въ которой больше мишуры нежели истиннаго золота; я говорилъ имъ, что ихъ удѣлъ—темная, семейная жизнь съ старикомъ-отцомъ, я надѣюсь, что онѣ усвоили себѣ правила, которымъ неуклонно слѣдовалъ я самъ; да, я надѣюсь; ибо теперь все заключается для нихъ въ семействѣ, въ заботахъ о хозяйствѣ, и ничего внѣ этихъ заботъ. О! Катерина Ивановна, мои дочери—это ангелы... И вѣрьте, что во мнѣ говоритъ не одно только родственное чувство—нѣтъ! положи руку на сердце, отвѣчаю—нѣтъ!.. Я говорю безпристрастно. Есть клеветники (грозный взоръ устремляется на Залетаева), и я знаю нѣкоторыхъ... Есть люди, говорю я, которые не посовѣстятся оклеветать самое лучшее чувство, но... мы не обращаемъ на нихъ вниманія. Милый малютка!.. обращаясь ко мнѣ, произноситъ онъ, совершенно умиляясь: — милый малютка, и ты расцвѣтешь когда-нибудь, и ты поплывешь въ утлой ладѣ по бурному житейскому морю... Но помни, что говоритъ тебѣ старикъ, пловецъ, уже испытавшій бури: страшись довѣряться коварной пучинѣ! Она обманчива!.. — И слѣдомъ за этою рѣчью слезы отираются клѣтчатымъ шелковымъ платкомъ.

Потомъ является неразлучная чета супруговъ, представляющихъ собою не болѣе не менѣе какъ Филимона и Бавкиду съ идиотомъ сыномъ. Бавкиду изображаетъ Анна Васильевна, дама необыкновенно тучная и мрачная, въ огненномъ платьѣ и чепцѣ съ райскими птицами, представляющими обширное поле для моей наблюдательности. Филимонъ же, какъ будто на смѣхъ, вышелъ такой худенькій и маленькій, на коротенькихъ ножкахъ, какими рисуются на суздальскихъ картинахъ Французы и Нѣмцы, въ противоположность русскому здоровому мужику. По всему замѣтно, что Бавкида имѣетъ неограниченную власть надъ своимъ Филимономъ, Филимонъ даже

и ходить такъ, какъ будто сзади кто держитъ его. Голосъ у Анны Васильевны зычный, имѣющій нѣкоторое сходство съ звуками низкихъ нотъ волторны; сужденія ея всегда тверды и ясны, и выражаетъ она ихъ столь рѣшительно, что никакого возраженія нельзя сдѣлать. У Николая Марковича должно быть нѣтъ своихъ убѣжденій, а потому онъ довольствуется повтореніемъ словъ своей супруги; если же иногда покусится высказать собственное убѣжденіе, то его какъ молнія поражаетъ взглядъ Анны Васильевны.

Впереди шествуетъ она, твердо ступая по полу, какъ будто желая удостовѣриться—долговѣченъ ли онъ; идетъ она прямо, никуда не оборачиваясь, и, кажется, встрѣтись на ея пути стѣна—не устояла бы; сзади, держась за платье маменьки, какъ агнецъ, влекомый на закланіе, едва переступаетъ Васенька, малый дѣтъ восемнадцати; шествіе замыкаетъ супругъ, боозливо и безпокойно озираясь по сторонамъ.

— Ну, батюшки, измучилась! трубить Анна Васильевна.— Жара-то какая! ухъ!..

— Весьма жарко, повторяетъ Николай Марковичъ.

— Съ ангеломъ!.. А васъ, Катерина Ивановна, съ дорогимъ именинникомъ! продолжаетъ трубить величественная дама, и какъ эхо отдается тонкая фистула Николая Марковича:

— Съ ангеломъ и съ дорогимъ именинникомъ честь имѣю...

— Поздравляю съ ангеломъ, на минуту показываясь изъ-за маменьки, угрюмо и мрачно говоритъ Васенька, и снова прячется.

— Что вы какъ будто нездоровы? Цвѣтъ лица у васъ не хорошъ, говоритъ Анна Васильевна, усаживаясь около моей матери и величественно кивнувъ прочимъ гостямъ; Васенька усаживается рядомъ съ нею.

— Да, вы какъ будто нездоровы; вотъ цвѣтъ лица-то... снова звучитъ фистула Николая Марковича.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я здорова, отвѣчаетъ мать.

— Вы не пренебрегайте, ахъ, не пренебрегайте здоровьемъ!.. Я скажу про себя: то все здорова, а то вдругъ такая боль схватить... У меня все больше подъ ложечкой схватывается; такъ иногда заломить, что думаешь сейчасъ и духъ вонъ!..

— У Анны Васильевны часто подъ ложечкой схватывается, замѣчаетъ Николай Марковичъ.

— И какъ только вы почувствуете, что вамъ нѣхорошо, то сейчасъ же въ баню, да пропотѣйте, да саломъ съ перцемъ натретесь; а ужъ если это не поможетъ, то двѣнадцатитравной настойки выпейте: она ужъ непременно поможетъ. У меня и рецептъ есть, я пришлю вамъ, добродушно, но не безъ признанія важности услуги говоритъ Анна Васильевна:— Нигдѣ не достанете.

— Ахъ! я вамъ скажу, двѣнадцатитравная настойка чудеса дѣлаетъ, благоговѣнно преизносить супругъ.—Это, Анна Васильевна сами составляютъ, добавляютъ онъ.

А Васенька, повертывая въ рукѣ мудреной формы шапку, из-коса поглядываетъ на столъ, гдѣ закуска. Заинтересованный этою шапкой, я начинаю ее разсматривать. «Оставь, оставь!» шепчетъ мнѣ ея обладатель; но, видя что я не унимаюсь, громко протестуетъ противъ моего вмѣшательства.

— Мамашка, глянь-ка, онъ вотъ все шапкой моею балуется; вели оставить; изорветъ!..

— Ничего, Васенька, пусть поиграетъ, кротко отвѣчаетъ Анна Васильевна.—Вы не повѣрите, какой скромникъ у меня Васенька, какой кроткій! Мухи не обидятъ, говоритъ она, обращаясь къ моей матери, и та закрывается платкомъ, чтобы скрыть улыбку, противъ воли набѣжавшую на лицо.

Но вотъ набѣгаютъ гости. Является и неизбѣжная вдова, не могущая утѣшиться въ потери своего нѣжнаго супруга, съ неизбѣжными шестью дочерьми, весноватыми дѣвами съ золотушнымъ запахомъ, и другіе сосѣди въ возможныхъ и даже невозможныхъ костюмахъ,—и худые, въ видѣ шестовъ, на которыхъ дѣлаются скворечники, и полные, похожіе на тыквы, съ шишечкою на верху, господа и съ густыми, пріятно приглаженными бакенами, и господа просто съ усами и безъ усовъ...

Но мимо несутся эти призраки, исчезаетъ пестрая панорама знакомыхъ портретовъ; иная картина рисуется въ моемъ воображеніи: весна только что наступила; еще снѣгъ не вездѣ стаялъ; еще деревья не покрылись свѣжею, ярко-зеленою листвою; мнѣ шесть лѣтъ; печальный сижу я въ дѣтской; въ домѣ у насъ необыкновенная тишина, какая бываетъ только когда отецъ сердитъ; но теперь онъ тоже печаленъ, на глазахъ слезы; зашелъ даже въ дѣтскую, чего прежде никогда не бывало, и поцѣловалъ меня. Няня тоже плачетъ и говорить, чтобъ я молился Мамаша нездорова. Проходитъ нѣсколько томительно-долгихъ часовъ; отецъ опять входитъ въ дѣтскую такой веселый...

— Ну, Сашка, радуйся: сестра родилась!.. говоритъ онъ, и я какъ безумный начинаю прыгать по комнатѣ.

Милые дѣтскіе годы, съ какимъ восторгомъ вспоминаю я о васъ, сколько умолкнувшихъ, заснувшихъ чувствъ будите вы!..

К. Блвиковъ.

---

---

## ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

---

### ОДНОГО ПОЛЯ ЯГОДЫ.

Берегись не враговъ, а друзей, такъ гласитъ мудрое правило, и смыслъ его состоитъ въ слѣдующемъ: будь строже въ выборѣ своихъ друзей и не всякому довѣрай свою силу. Въ чемъ есть дѣйствительная внутренняя сила, то не боится никакихъ враговъ, и врагъ можетъ послужить только средствомъ къ раскрытію этой силы. Нѣтъ примѣра, чтобы въ нравственномъ мірѣ какая-нибудь истинная сила погибла отъ вражды; но есть множество примѣровъ, какъ сомнительныя силы умирали отъ объятій дружбы; есть также много примѣровъ, какъ шное великое дѣло теряло свою власть надъ умами потому только, что случайно или не случайно забывало отдѣлать себя отъ разныхъ друзей, которые льнули къ нему, честили себя его именемъ, изъявляли пламенное усердіе къ нему, но внутренно не имѣли съ нимъ ничего общаго и были отъ него дальше чѣмъ всѣ іѣ, кто вовсе не зналъ или не хотѣлъ знать его имени. Самая вражда и противодѣйствіе всегда начинались съ этой стороны, всегда возбуждались не самимъ дѣломъ, а тѣмъ, что не законно называлось его именемъ и повидимому дѣйствовало въ его интересѣ, между тѣмъ какъ оно дѣйствовало въ злѣйшій ущербъ ему, потому что извращало его, и употребляло возло. Не бѣда, если чего нибудь нѣтъ; чего нѣтъ, то еще можетъ быть. Но опасно оказаться гдѣ-нибудь въ извращенномъ и испорченномъ видѣ, опасно появиться въ чемъ-нибудь величинной отрицательною. Ничего нѣтъ опаснѣе величинъ отрицательныхъ. Къ сожалѣнію, они являются при всякомъ дѣлѣ. Къ сожалѣнію, подъ именемъ какого хотите интереса являются во множествѣ разные элементы, которые повидимому только и существуютъ для того чтобы служить ему, но всегда оказываются вѣрнѣйшими орудіями его стѣсненія и ущерба. Возьмите великій интересъ свободы, возьмите другой не менѣе великій интересъ справедливости, возьмите еще интересъ просвѣщенія: вездѣ на всѣхъ путяхъ вы встрѣтите людей, которые повидимому болѣе всѣхъ горячатся во имя этихъ интересовъ, которые повидимому болѣе всѣхъ заслуживаютъ называться ихъ именами; но не нужно долго и глубоко всматриваться, чтобы увидѣть во многихъ изъ нихъ истинную порчу,

вредъ и задержку всѣхъ этихъ великихъ интересовъ. Обыкновенно считали и еще теперь иногда считаютъ разныхъ крикливыхъ господъ за самыхъ отъявленныхъ ревнителей дѣла, которые преданы ему вполне, и въ которыхъ выражается оно со всею силой и со всею чистотой, и имъ, какъ *крайнимъ*, противопоставляютъ такъ-называемыхъ *умѣренныхъ*, въ которыхъ видятъ людей, какъ бы не вполне преданныхъ дѣлу, болѣе или менѣе робко и нерѣшительно служащихъ ему. Немного нужно, чтобъ убѣдиться въ фальшивости этого наивнаго взгляда. Въ комъ великій интересъ, написанный на знамени, не живетъ и не дѣйствуетъ внутренно, въ томъ нѣтъ и не можетъ быть ни смысла, ни чувства его, въ томъ нѣтъ и живой мѣры этого интереса; и наоборотъ, въ комъ нѣтъ этой мѣры, нѣтъ этого смысла и чувства, тотъ находится къ нему лишь въ механическомъ, слѣпомъ отношеніи, тотъ говоритъ одно, а въ мысли и чувствѣ держитъ другое, часто совсѣмъ противоположное, или совсѣмъ ничего не держитъ. Все недоразумѣніе между людьми и цѣлыми обществами заключается большею частью въ томъ, что каждое дѣйствующее начало въ нравственномъ мірѣ бываетъ со всѣхъ сторонъ окружено какъ бы корою, скрывающею его отъ взоровъ, этими злоупотребленіями его имени, этими искаженіями его значенія, этими отрицательными величинами, представляющими его въ превратномъ смыслѣ.

Что встрѣчаемъ мы на разныхъ путяхъ общественнаго движенія, то же видимъ мы и тамъ, гдѣ сила главнымъ образомъ состоитъ въ храненіи. Около всякой святыни собираются цѣлыя толпища людей, выдающихъ себя за ея пламенныхъ ревнителей; они располагаются лагерями, толкуются у всѣхъ входовъ и выходовъ, стерегутъ драконами всѣ тропянки; они повидимому изъ того только и дышатъ, чтобъ охранять святыню; но въ сущности никто такъ много не вредитъ ей какъ эти отрицательныя величины, недостойно представляющія собою то, что по духу своему не только остается чуждо имъ, но именно въ нихъ то самихъ непрерывно терпитъ всякаго рода отрицаніе и поруганіе. Есть между неприванными хранителями добросовѣстные и есть недобросовѣстные, есть лицемѣры и искренніе фанатики; и тѣ, и другіе причиняютъ существенный вредъ дѣлу храненія, хотя въ разныхъ степеняхъ и въ разномъ смыслѣ. Нѣтъ такой святыни, которая не подвергалась бы этой общей судьбѣ человѣческихъ дѣлъ; нѣтъ святыни, которая не служила бы прикрытіемъ для самыхъ темныхъ дѣлъ и знаменемъ для интересовъ наиболѣе ей чуждыхъ и даже наиболѣе ей враждебныхъ. А между тѣмъ наблюдателю прежде всего бросается въ глаза эта внѣшняя сторона, противная самой сущности дѣла. И вотъ эта оболочка отрицательныхъ величинъ, этотъ сбродъ злоупотребленій, искаже-

нѣ, поруганій святини, принимается за ея же сущность; эта грубость, этотъ дикій фанатизмъ, это невѣжество и пшлость считаются за неотъемлемую принадлежность того дѣла, именемъ котораго они чествуютъ себя, потому что оно не имѣло осторожности заранѣе отдѣлить себя отъ нихъ и поставить себя такъ, чтобы ни кто не могъ смѣшивать его съ ними. Уроки исторіи клонятся къ тому, чтобы великія начала, управляющія человѣческою жизнію, не прибѣгали ни къ какимъ внѣшнимъ или насильственнымъ способамъ для своего возвеличенія, не опирались на орудія, которыя навлекаютъ на нихъ сомнѣніе и мракъ, и предупреждали всякую мысль о солидарности съ разнообразнымъ сбродомъ своихъ добросовѣстныхъ или недобросовѣстныхъ ревнителей. Пусть каждый ревнуетъ отъ своего имени, представляя собою свои собственныя убѣжденія, и пусть не остается никакого повода думать, что между кѣмъ-нибудь изъ этихъ ревнителей и сущностью дѣла есть связь, зависимость, солидарность. Если кто изъ нихъ говоритъ или дѣйствуетъ добросовѣстно, и если кто скажетъ правдивое слово, если кто избересть вѣрный путь,—слава Богу! тотъ, въ собственной совѣсти, а также рано или поздно въ оцѣнкѣ другихъ, найдетъ себя достаточную награду; но больше ничего не требуется и больше ничего не должно быть; никакихъ полномочій съ одной стороны, никакихъ съ другой притязаній служить опорой, ни малѣйшей тѣни официальнаго представительства. Коль скоро появляса эти излишнія прибавки, уже этимъ однимъ будетъ испорчена всякая правда и искривится всякій путь. Чтѣ же сказать о тѣхъ явленіяхъ, которыя далеко не отличаются добросовѣстностью, по крайней мѣрѣ вовсе не отличаются достоинствами, составляющими необходимое условіе всего, чтѣ заслуживаетъ быть предметомъ храненія и пблїю стремленій, — чтѣ сказать о явленіяхъ съ грубѣйшими примѣсами, оскорбляющими самыя основныя требованія человѣческаго смысла или человѣческой нравственности, — чтѣ сказать о такихъ явленіяхъ, если почему-либо будетъ поводъ считать ихъ представителями, признаками, выраженіями чего-нибудь, тщательно хранимаго въ жизни?

У насъ съ недавнихъ поръ появилось много духовныхъ изданій съ разнообразными достоинствами. Развїгіе духовной литературы свидѣтельствуетъ о потребности этого рода чтенія. Признакъ прекрасный! А еще утѣшительнѣе то, что возбужденная въ нашей публикѣ потребность духовнаго чтенія удовлетворяется хорошо, что интересъ, возбуждаемый великими вопросами человѣческой души, возрастаетъ находя себѣ соотвѣтственное удовлетвореніе. Утѣшительно видѣть, что духовныя лица у насъ, остаются не позади этого интереса, а способны стать во главѣ

его, что вопреки клеветамъ и нареканіямъ наше духовенство находить въ средѣ своей значительныя силы для умственной и общественной дѣятельности. Есть признаки, что эта дѣятельность съ теченіемъ времени будетъ становиться и обширнѣе и плодотворнѣе. Потребности времени не застали наше духовенство врасплохъ; отзывы, которые подаютъ оно по поводу разнообразныхъ явленій жизни и мысли, свидѣтельствуютъ, что оно можетъ стоять въ уровень съ своимъ назначеніемъ, что будучи крѣпкою памятью преданія, оно можетъ обнаруживать и живую силу мысли, и живую силу слова. Разумѣется, какъ вездѣ и всегда, между хорошимъ и сильнымъ неизбѣжно появляется кое-что слабое, недостаточное, быть-можетъ даже фальшивое. Но въ общемъ движеніи одно другимъ восполняется или исправляется, и въ результатъ оказывается ощутительная польза. Впрочемъ, всѣ эти изданія хороши и полезны только какъ свободныя проявленія частной дѣятельности, а не какъ ошціальные органы церкви; такого значенія они не имѣютъ и имѣть не должны; такое значеніе испортило бы ихъ въ самомъ источникѣ, поставивъ ихъ въ ложное отношеніе и къ церкви, и къ жизни.

Задача духовнаго писателя конечно очень трудна; съ одной стороны онъ долженъ быть твердъ въ своемъ дѣлѣ, крѣпокъ въ своихъ убѣжденіяхъ, непоколебимо неуступчивъ во всемъ, что касается основаній вѣры. Малодушная уступчивость отниметъ у него все значеніе и превратитъ его слово въ жалкую болтовню; или онъ откажись вовсе отъ своихъ основаній и ищи себѣ другихъ, или стой твердо и неизмѣнно. Такъ съ одной стороны; но съ другой не менѣе требуется, чтобъ онъ могъ отличать существенное отъ случайнаго, чтобъ умъ его былъ образованъ и гибокъ, чтобы мысль его не была чужда складу понятій и интересовъ его времени и его страны. Призванный дѣйствовать на окружающую среду, онъ долженъ знать ея характеръ, понимать ея явленія и интересы, умѣть входить въ нихъ и отдавать себѣ ясный и безпристрастный отчетъ въ каждой изъ господствующихъ точекъ зрѣнія. Въ противномъ случаѣ слово его будетъ звучать безъ всякаго дѣйствія, или же будетъ производить дѣйствіе вовсе нежелаемое, противное ожиданіямъ, дѣйствіе, которое будетъ вносить только смуту въ умы и приводить въ беспорядокъ понятія. На умъ механически дѣйствовать нельзя. На умъ дѣйствуетъ только то, что вызываетъ въ немъ содѣйствіе или противодѣйствіе; всякое внѣшнее возбужденіе тогда только достигаетъ здѣсь своей цѣли, когда приводитъ въ движеніе собственныя силы ума, его понятія. Слово само по себѣ есть только сотрясеніе воздуха; если же оно намъ понятно, то понятно только потому, что на призывъ его является въ сознаніи слуша-

тела существующее въ его умѣ понятіе. То ли понятіе явится на мое слово въ умѣ слушателя или читателя, какое я соединяю съ нимъ,—вотъ вопросъ, который долженъ постоянно задавать себѣ писатель, а особенно писатель духовный. Вотъ почему требуется отъ него точное знаніе той умственной и нравственной среды, къ которой онъ обращается; вотъ почему поставляется ему въ непремѣнное условіе зоркая критика тѣхъ средствъ общенія, которыми люди дѣйствуютъ другъ на друга въ умственной и нравственной средѣ. Какую бы великую истину ни говорили вы намъ на незнакомомъ языкѣ, это будетъ только напрасная механика, никакого умственного или нравственного дѣйствія не послѣдуетъ. То же самое, если вы будете говорить хотя бы и на извѣстномъ языкѣ, но не установивъ правильныхъ отношеній между вашими понятіями и тою средою, къ которой обращаетесь; будетъ еще хуже, потому что ваши слова могутъ вызывать такія сочетанія понятій, которыя ни мало не будутъ соответствовать вашей мысли; и такимъ образомъ только смутятъ, испортятъ и окончательно собьютъ ихъ съ толку.

Но божественная сила христіанскаго слова, скажутъ пожалуй нѣкоторые, не нуждается ни въ какихъ пособіяхъ; оно будетъ дѣйствовать тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ менѣе будетъ примѣшиваться къ нему человѣческой мудрости, чѣмъ менѣе мы будемъ прилагать къ нему усилій нашей собственной мысли; умъ простой и младенческій вѣрнѣе передастъ и вѣрнѣе пойметъ его. Все это прекрасно, но все это нейдетъ къ дѣлу, и подобными аргументами злоупотреблять не слѣдуетъ. Рѣчь идетъ не о божественной силѣ священнаго писанія, а о томъ, нужны или не нужны духовные писатели, духовныя изданія, духовныя книги. Если духовный писатель долженъ считать себя уволеннымъ отъ всякаго самостоятельнаго умственного труда, отъ всякаго движенія собственной мысли; если онъ долженъ видѣть въ себѣ только простой пассивный органъ передачи того, что уже сказано и написано,—то къ чему же онъ служить, зачѣмъ его дѣятельность, зачѣмъ онъ издаетъ свою книгу? Не слѣдуетъ ли довольствоваться однимъ размноженіемъ священныхъ текстовъ въ печати и ограничить ими одними всю духовную литературу? Но нѣтъ; ни проповѣдникъ, ни духовный писатель никогда и нигдѣ не ограничивались однимъ приведеніемъ текста; всегда и вездѣ полагали они своимъ назначеніемъ изъяснять, истолковывать его, учить и убѣждать людей и стало быть содѣйствовать образованію въ нихъ такихъ нравственныхъ и умственныхъ настроеній, какихъ требуетъ христіанская истина. Слѣдовательно, они не могутъ считать себя уволенными отъ труда собственной мысли, отъ усилій и борьбы; напротивъ, лишь въ этомъ трудѣ, въ этихъ усиліяхъ,



въ этой борьбѣ, и должно полагать ихъ достоинство и заслугу. Часто смиреніе служитъ лишь личною гордостью, а такъ-называемое младенчество ума только извиненіемъ апатіи, невѣжества, безмыслія, предлогомъ къ умственной лѣни. Слово Священнаго Писанія остается священнымъ, на какой бы бумагѣ и какимъ бы шрифтомъ ни было оно напечатано; но бумага и шрифтъ тѣмъ не менѣе могутъ быть очень дурны. Евангельскій текстъ не теряетъ своего значенія, но ваши истолкованія, ваши словоизвитія могутъ быть очень плохи, могутъ быть запечатлѣны тою нравственною апатіей, или тѣмъ умственнымъ безплодіемъ, которыя подѣйствуютъ на окружающую среду самымъ неблагоприятнымъ образомъ, не раскроютъ ея вниманія ко внутренней смѣлѣ текста, а напротивъ настроятъ ее совершенно обратнымъ образомъ. Если Христосъ избралъ нѣкоторыхъ учениковъ своихъ изъ среды людей простыхъ и неученыхъ, если эти рыбаки съ одного слова, съ одного взгляда Его, покинувъ мрежи, пошли за Нимъ, то кто рѣшится примѣнять къ себѣ этотъ примѣръ, вздумаетъ, что одного взгляда, одного слова его будетъ достаточно подѣйствовать на души? И что такое умы простые и младенческіе? Гдѣ они? Гдѣ искать ихъ? Мы безпрестанно встрѣчаемъ умы исполненные всякихъ ребячествъ, всякихъ предрасудковъ, грубаго невѣжества, незрѣлыхъ понятій, недоконченныхъ мыслей; но младенческихъ умовъ въ какомъ-либо возвышенномъ смыслѣ что-то не встрѣчается. Для того чтобы довести свой умъ до той чистоты, которая могла бы соответствовать требованію младенчества въ какомъ-либо высшемъ, положительномъ смыслѣ, нужно не бездѣйствіе, не апатія, а трудъ усовершенствованія, нужна зрѣлость, нужна многосложная исторія внутренняго воспитанія.

Къ великой чести нашего духовенства слѣдуетъ сказать, что оно никогда не было гонителемъ науки и образованія; напротивъ оно всегда было двигателемъ ихъ, въ той мѣрѣ, въ какой историческія условія допускали его дѣятельность и вообще допускали у насъ развитіе науки. Было бы крайнимъ малодушіемъ ссылаться на какія-нибудь частныя явленія; дѣло не въ частныхъ явленіяхъ, а въ принципѣ, въ основныхъ чертахъ характера, и по своему принципу наше духовенство, равно какъ и наша церковь, никогда не чуждались самостоятельной науки, никогда не налагали запрета на силы и способы человѣческой природы, никогда не были недоброжелательно настроены къ исторической жизни и ея развитію. Въ этомъ залогъ будущаго историческаго значенія нашего духовенства и нашей церкви по-среди другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. При всѣхъ не-

благопріятныхъ обстоятельствъ своего положенія, наше духовенство, вмѣстѣ съ крѣпкою твердостью въ догматы, всегда отличалось духомъ высшей терпимости; въ немъ всегда чувствовалось это начало справедливости, которое допускаетъ все въ своихъ естественныхъ предѣлахъ, въ своей должной мѣрѣ, это *smilje*, безъ котораго ни въ чемъ, нигдѣ, никогда, не можетъ быть желаннаго равновѣсія. На все въ нашей жизни, равно какъ и въ нашей исторіи, мы привыкли смотрѣть съ отрицательной стороны и въ полемическомъ духѣ; эта привычка образовалась самою нашею исторіей; она имѣетъ основаніе, и она имѣла въ извѣстной степени полезное дѣйствіе. Но мы не должны рабски подчиняться ей, мы должны также умѣть и возвыситься надъ нею. Въ самомъ интересѣ дѣла, котораго недостатки и слабая стороны оскорбляютъ или огорчаютъ насъ, мы должны чувствовать и видѣть въ немъ то, что въ немъ есть положительнаго, истиннаго, вѣрнаго, то, что собственно и должно давать силу и смыслъ нашему недовольству при видѣ его недостатковъ.

Замѣчательно и то, что изъ многихъ весьма разнообразныхъ выходящихъ у насъ изданій нѣтъ ни одного руководимаго какимъ-либо собственно духовнымъ лицомъ или какою-либо духовною корпораціей (какъ напримѣръ, періодическія изданія духовныхъ академій), нѣтъ сколько мы знаемъ ни одного, которое отличалось бы духомъ фанатизма, нетерпимости или недоброжелательства къ историческому ходу. Напротивъ, если въ нашей литературѣ оказывается нѣчто въ этомъ духѣ, то все такое выходитъ не изъ среды духовенства, не имѣетъ никакого отношенія къ церкви и есть плодъ досуга людей столько же чуждыхъ ей по своему положенію, сколько и по духу. Давно уже въ нашихъ журналахъ шумно идетъ рѣчь объ одномъ маленькомъ еженедѣльномъ изданіи, выходящемъ въ Петербургѣ подъ именемъ *Домашней Бесѣды*. Нѣтъ такихъ крѣпкихъ словъ, которыя не были бы брошены въ издателя этихъ листковъ, г. Аскоченскаго, который, съ своей стороны, не остается въ долгу и осмыпаетъ своихъ противниковъ всевозможными любезностями. Но фельетонистамъ, съ которыми борется этотъ атлетъ, нисколько не больны его удары, не больны потому, что за одно съ ними поражаетъ онъ своими ударами все на свѣтѣ, доброе и дурное, умное и глупое, великое и малое, извѣстное и неизвѣстное ему. Фельетонисты, съ которыми воюетъ г. Аскоченскій, вовсе не прочь подвергнуться общей судьбѣ цѣлаго міра, и наравнѣ со всѣми, чѣмъ дорожитъ человѣчество, нести на себѣ тяжесть его гнѣва. Полемика превращается въ потѣху, и фельетонисты толпятся вокругъ издателя *Домашней Бесѣды*, будто вокругъ безвреднаго звѣря, драва и вызывая его на забавныя проявленія его за-

дора. Впрочемъ роли иногда мѣняются, и случается такъ, что противники г. Аскóченскаго окружаютъ его сами какъ безвредные звѣрки, которыхъ онъ дразнить и задорить для потѣхи. Имъ овладѣваютъ иногда припадки бѣшенства, и они не знаютъ что сказать, что сдѣлать, чтобы дать ему почувствовать горечь своего раздраженія. Отчего это происходитъ? Отчего вмѣсто невинной потѣхи, вмѣсто этой батрахомиахи завязывается иногда что-то похожее на серьезную борьбу; отчего раздается иногда голосъ какой-то тревоги, какихъ-то опасеній? Что это значить? Дѣйствительно, къ этой смѣшной войнѣ г. Аскóченскаго съ фельетонами, съ современностью и прогрессомъ, примѣшивается иногда элементъ довольно серьезный. Этотъ элементъ есть недоразумѣніе. Недоразумѣніе это состоитъ въ слѣдующемъ: иногда чудится, будто *Домашняя Бесѣда* есть органъ не одного г. Аскóченскаго, а чего-то еще другаго. Случайно или не случайно появляются иногда нѣкоторые признаки, — и почтенный авторъ *Домашней Бесѣды* любитъ пощеголять ими, — признаки, будто это изданіе дѣйствительно находится въ нѣкоторой солидарности съ тѣми предметами, которые оно великодушно беретъ подъ свое покровительство. Многимъ невольно и безотчетно думается, будто г. Аскóченскій можетъ имѣть силу духовнаго авторитета, что его *Домашняя Бесѣда* можетъ превратиться въ трибуналъ, передъ которымъ испытывается православный или неправославный образъ мыслей какъ мірянъ, такъ и духовныхъ лицъ, что онъ можетъ имѣть вліяніе на положеніе и судьбу этихъ послѣднихъ, что вліяніе его можетъ возрастать неопредѣленно. И вдругъ для испуганныхъ воображеній тѣнь г. Аскóченскаго принимаетъ колоссальные размѣры...

Но все это только одно недоразумѣніе, все это лишь обманъ чувствъ, излишняя пылкость воображенія. Виною подобныхъ заблужденій бываетъ нерѣдко, и даже большею частью, нѣкоторая случайная неопредѣленность въ обстоятельствахъ нашей жизни и въ фактическомъ положеніи тѣхъ началъ, которыя управляютъ ею. Надобно надѣяться, что эта неопредѣленность мало-по-малу прекратится, что явственнѣе обозначатся отношенія церкви къ различнымъ элементамъ общественной жизни и устранится всякая возможность видѣть какіе-нибудь отпрыски ея силы въ равнаго рода ревнителяхъ православной вѣры на свою руку. Но намъ кажется, что и теперь, несмотря на нѣкоторые случайные признаки, совершенно ясно отсутствіе всякой солидарности между изданіями какъ *Маякъ* или *Домашняя Бесѣда* и православною церковью или русскимъ духовенствомъ. Очень можетъ случиться, что кому-нибудь изъ духовенства понравится точка зрѣнія и тонъ *Домашней Бесѣды*; но частные случаи, сколько бы ихъ ни

было, могутъ происходить отъ разныхъ причинъ, отъ разныхъ аномалій въ обстоятельствахъ, сами же по себѣ они ничего еще не доказываютъ относительно общихъ началъ. У всякаго свой вкусъ, но мы имѣемъ полное основаніе думать, что между отличительными воззрѣніями *Домашней Бесѣды* и свойственнымъ ей тономъ нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго съ духомъ православной церкви.

Вопервыхъ, *Домашняя Бесѣда* по своему тону ничѣмъ не разнится отъ фельетонной литературы, съ которою она воюетъ. Это тотъ же фельетонъ, только дубочной работы. *Домашняя Бесѣда* прибѣгаетъ къ тѣмъ же эффектамъ, ищетъ такихъ же прикрасъ, также не церемонится передъ фактомъ, также для краснаго словца не падитъ ни истины, ни смысла, какъ и самый завзятый фельетонъ какого-нибудь увеселительнаго изданія. Но фельетоны и увеселительныя изданія не имѣютъ претензій представлять собою какіе-либо священные интересы, тогда какъ *Домашняя Бесѣда*, нисколько не отличаясь отъ нихъ своимъ характеромъ, хочетъ быть органомъ высшихъ духовныхъ интересовъ. Она говоритъ не иначе, какъ во имя Бога, Христа, православной церкви, и пересыпаетъ свои фельетонныя выходки текстами изъ Священнаго Писанія. Въ ея выходкахъ часто нѣтъ никакой мѣры, никакого приличія, никакого достоинства; иногда онѣ бывають таковы, что ихъ постыдился бы иной язычникъ, не только христіанинъ. На что походятъ, на примѣръ, эти грубые и бессмысленныя попреки въ національности, къ которымъ прибѣгаетъ *Домашняя Бесѣда* въ своей полемикѣ? *Домашняя Бесѣда* безпрестанно воюетъ съ *Сыномъ Отечества*. Однимъ изъ самыхъ сильныхъ аргументовъ, употребляемыхъ ею въ этой войнѣ, служитъ польское происхожденіе г. Старчевскаго, издателя *Сына Отечества*. Она называетъ его *Сыномъ Ойчизны* и, припоминаетъ даже стишокъ изъ Пушкина, о которомъ въ другихъ случаяхъ не можетъ говорить безъ омерзѣнія. Она имѣетъ наивность считать такія доводы убѣдительными для публики. Но спрашивается, въ какой порядочной литературѣ, въ какомъ сколько-нибудь порядочномъ обществѣ могутъ быть извинены подобныя доводы? Спрашивается, могутъ ли какія-нибудь народности служить для христіанина предметомъ попрека? Согласно ли съ тою чистою нравственностью, какой требуетъ православная церковь, прибѣгать къ такимъ грубымъ и недостойнымъ полемическимъ средствамъ? Какъ будто въ глазахъ сколько-нибудь смыслящаго человека можетъ быть стыдомъ, а не честью принадлежать къ польской народности! Изъ какихъ побужденій, кромѣ побужденій самаго грубаго и бессмысленнаго чувства, можно позволить себѣ браниться народностью, такъ близкою намъ по крови, такъ заслуживающею уваженія, несмотря на наши историческія недоразумѣнія и столкновенія съ нею? Какъ во-

обще можно позволить себѣ употреблять въ ругательство какую бы то ни было народность, хотя бы еврейскую, о которой *Домашняя Бесѣда* иначе говорить не можетъ, какъ тономъ бадаганнаго паяца? Не служить ли уже это одно достаточнымъ признакомъ, что между изданіемъ г. Аскоченскаго и православною церквью невозможна никакая солидарность? Намъ кажется, что самое притязаніе говорить за нее такимъ тономъ и въ такомъ смыслѣ есть уже кощунство.

Еще болѣе чѣмъ національность, полемическимъ орудіемъ для *Домашней Бесѣды* служитъ вѣроисповѣданіе противника. Католическое или протестантское вѣроисповѣданіе, не говоря уже о Моисеевомъ законѣ, въ глазахъ *Домашней Бесѣды*, существуютъ только для того чтобы служить бранными словами. Г. Старчевскій виноватъ уже по одному тому, что онъ католикъ. Чтѣ бы онъ ни печаталъ въ своей газетѣ, неправда его очевидна: онъ польскаго происхожденія, онъ католикъ. Этотъ духъ мрачной исключительности совершенно чуждъ православной церкви, которая ежедневно молится о соединеніи церквей, и которая ставитъ выше всего чистую истину христіанства. Въ этомъ заключается ея характеристическое отличіе; въ этомъ, главнымъ образомъ, разнится она отъ католицизма, который склоненъ простирать нетерпимость до того, что почти отказываетъ другимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ въ христіанскомъ значеніи. Читателямъ нашимъ извѣстно письмо православнаго священника, отца Васильева, къ нантскому епископу (*Современная Литописъ № 18*): при твердости и энергіи въ защитѣ своего дѣла, какой примирительный и благодушный тонъ! Едва ли католическій священникъ приметъ такой же тонъ въ подобномъ случаѣ, и едва ли передъ судомъ высшей истины будетъ онъ правѣе православнаго священника, съ его словомъ твердой защиты и благодушнаго примиренія. Кто въ вѣроисповѣданіяхъ видитъ предметъ ругательства и попрековъ, тотъ едва ли находится въ близкомъ отношеніи къ духу православной церкви, тотъ едва ли не ближе къ тому духу исключительности и нетерпимости, забывающему иногда Христа изъ-за папы, въ крайнихъ и неразумныхъ ревнителяхъ католицизма. Дѣйствовать или говорить въ такомъ смыслѣ, значитъ именно дѣйствовать или говорить не въ духѣ православной церкви. Даже ея *анагема*, въ своемъ первоначальномъ и истинномъ смыслѣ, не значитъ проклятіе. Въ своемъ взглядѣ на другія христіанскія вѣроисповѣданія она не забываетъ главнаго и существеннаго, и не отнимаетъ у нихъ права называться христіанскими. Этого мало: въ своихъ духовныхъ школахъ она пользуется трудами богослововъ, и католическихъ и протестантскихъ, наравнѣ съ православными. Она до-

пускаетъ возможность и христіанской мысли, и христіанской жизни внѣ своихъ тѣснѣйшихъ предѣловъ. Она хочетъ быть исполнѣ вѣрна преданію, но крѣпко держась существенныхъ основаній его, она всегда готова ко всеобъемлющему христіанскому единству, и въ этомъ заключается ея великое преимущество, ея истинное достоинство. Совершенно вопреки грубымъ ревнителямъ своимъ, она радуется не тому, что разлучаетъ и отдѣляетъ, а тому, что сближаетъ и единитъ. Такъ и должно быть: Христосъ для христіанской церкви долженъ быть выше всего; ей не можетъ быть пріятно то, что клонится къ усилению раздраженія и розни; напротивъ, ей должно быть пріятно только то, что выходитъ изъ духа терпимости и соглашенія.

Начало религиозное есть самое внутреннее и самое священное начало въ человѣкѣ. Даже въ своихъ уклоненіяхъ, пока остается отъ него хоть что-нибудь положительное, пока оно не превращается въ величину отрицательную, оно заслуживаетъ уваженія не только со стороны тѣхъ, кто беретъ на себя обязанность говорить въ интересѣ религіи, но и съ какой бы то ни было точки зрѣнія. Есть пункты, въ которыхъ христіанинъ можетъ сойтись и съ Евреемъ: передъ атеизмомъ, напримѣръ, христіанинъ и Еврей стануть на одной сторонѣ, несмотря на свое глубокое и коренное разногласіе. Во всякомъ случаѣ просвѣщенный христіанинъ не будетъ ругаться надъ Моисеевымъ закономъ, и терпимость его не будетъ индифферентизмомъ; напротивъ, эта терпимость будетъ внѣшнимъ признакомъ божественной силы христіанства. Только въ христіанскихъ обществахъ иновѣрцы могутъ пользоваться во всемъ объемѣ и во всей силѣ человѣческими и гражданскими правами, и этотъ священный духъ терпимости всего лучше смягчаетъ противныя вѣрованія, и всего могущественнѣе заставляетъ ихъ подчиняться высшему началу. Этимъ духомъ живетъ христіанская гражданственность, которой успѣхи такъ ненавистны жеребвнителямъ православія, и этотъ духъ всего болѣе согласуется съ тѣмъ понятіемъ о Божествѣ, о долготерпѣніи божіемъ, которому учить насъ христіанство и которое открывается намъ въ самой исторіи. Что терпитъ Богъ, того могутъ не терпѣть хлысты или безпоповцы, но то должна терпѣть православная церковь, и терпѣть не съ ропотомъ, не съ затаеннымъ гнѣвомъ, но съ полною искренностью, съ совершеннымъ великодушіемъ. Если Богъ никого не обращаетъ къ себѣ насильно, то должны ли покушаться на это люди? А ругательства, лишеніе правъ, стѣсненія, уничтоженіе, презрѣніе, развѣ это не то же насиліе, которое въ прежнее время лило потоки крови и зажигало костры? Если мы съ ужасомъ оглаживаемся на эти вре-

мена релігіознаго фанатизма, когда мечомъ и огнемъ распро- страняли вѣру Христа, если фанатики нашего времени не смѣ- ютъ уже думать о возобновеніи этихъ ужасовъ, то развѣ не въ томъ же самомъ духѣ дѣйствуютъ они, когда прибѣгаютъ къ разнымъ способамъ нравственнаго вынужденія? Говорятъ, самъ Христосъ сказалъ, что онъ принесъ мечъ въ міръ, и отсюда вы- водятъ заключеніе, что надобно дѣйствовать мечомъ во имя Хри- ста. Нѣтъ ничего превратнѣе подобныхъ толкованій. Есть вели- кая разница между тѣмъ что бываетъ и тѣмъ что *должно* быть. Христосъ зналъ, что Его имя послужитъ предлогомъ къ раздо- рамъ, насилию и брани, и потому Онъ говорилъ, что принесъ мечъ; Онъ зналъ, что послѣ Него начнется исполненная событія исторія, которая продолжается и теперь, и въ которой до сихъ поръ не перестаетъ дѣйствовать мечъ; но слѣдуетъ ли изъ этого, что истинную силу своего ученія полагалъ Онъ въ мечѣ, и не естественнѣе ли такое толкованіе въ устахъ мусульманскаго улема чѣмъ христіанскаго вѣроучителя?

Для *Домашней Бесѣды* и для умовъ единомышленныхъ ей, тѣ- лый міръ есть только поприще зла и навожденіе духа тьмы. Съ особеннымъ негодованіемъ и проклятіемъ обращается она къ тѣмъ странамъ и къ тѣмъ народамъ, которые отличаются наи- большимъ образованіемъ, наибольшими успѣхами общественнаго и умственнаго развитія. Она готова терпѣть Турцію, снисходи- тельно молчать о центральной Африкѣ, можетъ быть ладить съ дикарями Австраліи, но она не можетъ безъ негодованія думать о Европѣ, о христіанскихъ народахъ живущихъ цивилизован- ною жизнію, о движеніи нравственныхъ началъ образующемъ исторію человѣческихъ обществъ. Православный ли это взглядъ? По логикѣ, по инстинктамъ и стремленіямъ этихъ странныхъ ревнителей православія, мы должны вслѣдствіи сопря- косновенія съ другими народностями какъ чего-то нечистаго; мы должны удалиться всякаго общенія съ ними, мы должны съ не- доброжелательствомъ, съ ненавистію, съ презрѣніемъ, смотрѣть на всякаго иноплеменника или иновѣрца, который очутится въ нашей средѣ, хотя бы онъ жилъ и дѣйствовалъ не нарушая на- шихъ законовъ. Можетъ-быть эти инстинкты и этотъ взглядъ согласны съ духомъ древняго іудейства, но врядъ ли можно на- звать ихъ христіанскими и православными. Эти люди, опол- чаясь противъ католицизма, сами впадаютъ въ крайности като- лической односторонности, и, дѣйствуя повидимому въ духѣ и интересѣ православія, напротивъ, измѣняютъ ему и отпадаютъ отъ него въ томъ, что составляетъ его отличительную сущность. Эти люди, неистово вопіющіе противъ Евреевъ, сами не замѣчая того, мыслятъ въ духѣ закоснѣлаго іудейства и готовы возобновить

споръ о томъ, можно ли православному дѣлить трапезу съ неправославнымъ. Слѣдую логикѣ этихъ людей, надобно думать, что человѣкъ тѣмъ лучше и тѣмъ ближе къ истинѣ чѣмъ онъ скотоподобнѣе. Если по ихъ понятіямъ историческій ходъ есть не что иное какъ порча, возвращеніе къ духу тьмы и зла, то стало-быть человѣкъ, чуждый этому движенію, менѣе испорченъ и болѣе удовлетворяетъ своему назначенію. Дикарь, не знающій другаго страха кромѣ физическаго, другихъ удовольствій кромѣ матеріальныхъ, стало-быть ближе къ христіанству и православію чѣмъ человѣкъ, признающій нравственныя законы для своей дѣятельности и желающій видѣть во всемъ какое-либо отношеніе къ идеамъ разума? Возможно ли, чтобы такой взглядъ былъ отличительный взглядъ православія? Эти люди, можетъ-быть, вполне вѣрны своимъ началамъ, отнимая у человѣка всѣ высшія свойства его природы, проклиная его стремленія къ знанію, его искусства, которыми онъ одухотворяетъ окружающую его среду и налагаетъ на все печать высшаго назначенія, его гражданственность, въ которой онъ стремится осуществить требованія справедливости,—можетъ-быть во всемъ этомъ остаются они вѣрны своимъ началамъ, но едва ли эти начала имѣютъ что-нибудь общее съ христіанскимъ духомъ и православнымъ ученіемъ. Отнимите у человѣка его науки, его искусства, его гражданственность, вырвите тотъ корень, изъ котораго все это въ рождается—и что останется? Останется существо съ одними животными потребностями,—потребностями дышать, пить и ѣсть. И такое существо, разоблаченное отъ всего человѣческаго, чистое животное, должно быть ближе къ христіанской истинѣ и православнои религіи! Наука, искусство, нравственныя нормы общественнаго устройства, все это составляетъ сущность человѣческой природы, сущность, которая обнаруживается и на низшихъ степеняхъ ея развитія, но которая во всемирной исторіи получаетъ свое полное и всестороннее выраженіе. Надобно или вовсе отказаться отъ этихъ высшихъ даровъ человѣческой природы, или желать ихъ полнаго развитія; но нѣтъ никакого разумнаго основанія довольствоваться какими-нибудь стѣсненными и скудными ихъ проявленіями, или какими-нибудь одностороннимъ и частнымъ ихъ развитіемъ въ виду того или другаго пригоднаго намъ результата.

*Домашняя Бесѣда* допускаетъ кое-что для умственной дѣятельности, напимѣръ цифирь и артиллерію. Не знаемъ, можетъ ли она въ этомъ отношеніи опираться на какія-нибудь основанія взятая изъ православнои церкви. Въ нашихъ духовныхъ академіяхъ преподаются именно тѣ науки, которыя вычеркнуты несправедливыми ревнителями православія изъ списка знаній дозво-



лительныхъ православному христіанину. Эти ревнители допускаютъ въ нѣкоторой степени такія знанія, которыя по ихъ мнѣнію могутъ принести какую-нибудь осязательную пользу. Они увлекаются теоріей утилитаризма не хуже самыхъ отъявленныхъ матеріалистовъ; они не хотятъ знать, что тѣ практическія выгоды, которыя доставляются науками и которыми не прочь стало-быть пользоваться и эти суровые гонители всего мірскаго, они не хотятъ знать, что эти выгодные результаты возможны только при условіяхъ полнаго всесторонняго умственнаго развитія, что только тамъ могутъ процвѣтать и точныя и практическія и всякаго рода полезныя знанія, гдѣ господствуетъ во всей силѣ самое начало знанія, гдѣ въ полной мѣрѣ освобождена мысль, гдѣ она не ограничивается поверхностью, а ищетъ глубины и жертвуетъ всѣмъ въ интересъ истины. Православная церковь, въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ воспитываются ея служители, принимаетъ преимущественно это начало высшей теоретической дѣятельности ума, которая не ограничивается цѣпью, а артиллеріей и вовсе не занимается; въ этихъ заведеніяхъ почетное мѣсто занимаютъ классическія изученія и философскія науки; въ этихъ заведеніяхъ изучаются разнообразныя пути и степени человеческой мысли, всѣ тѣ философскія системы, надъ которыми безсмысленно глумятся непризванные ревнители православія вмѣстѣ съ непризванными ревнителями прогресса. И это ведется въ православной церкви не со вчерашняго дня, а изначала. Ея свѣтила, ея учителя обращались къ источникамъ языческой мудрости, глубоко изучали и Платона и Аристотеля и находили въ нихъ истины, полезныя для самаго христіанства. Извѣстно, что именно отцы восточной церкви отличались глубокимъ философскимъ образованіемъ, вопреки нынѣшнимъ фельетоннымъ ревнителямъ православія.

Мы не знаемъ, и вообще не считаемъ себя въ правѣ судить, какъ ведутъ себя въ частной жизни эти фельетонные ревнители православія. Мы рады вѣрить, что они окружены атмосферою любви и исполнены всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей; къ сожалѣнію, въ ихъ общественной, въ ихъ литературной дѣятельности проглядываетъ нѣчто противное самымъ первымъ условіямъ нравственнаго достоинства. Выходки *Домашней Бесѣды* противъ г. Старчевскаго, противъ архимандрита Феодора, противъ священника профессора Сергіевскаго, издателя духовнаго журнала: *Православное Обозрѣніе*, циническій тонъ, которымъ говоритъ она о предметахъ совершенно ей невѣдомыхъ, все это печально разочаровываетъ всякаго сколько-нибудь мыслящаго читателя. Такъ нельзя говорить, такъ нельзя дѣйствовать, или

можно только при самомъ жалкомъ состояніи общества и литературы. Напрасно *Домашняя Бесѣда* брезгливо отдѣляетъ себя отъ балаганныхъ фельетоновъ; она сама постоянно держитъ себя въ тонѣ самаго дурнаго изъ балаганныхъ фельетоновъ. Мы замѣтили выше, что другаго рода изданія, впадающія въ этотъ тонъ, поворотятъ только себя; но *Домашняя Бесѣда* непрерывно толкуетъ о православіи и выдаетъ себя за его органъ; ея невѣжество, ея цинизмъ, ея недостойныя выходы служатъ оправой для священныя текстовъ, которые не сходятъ у ней съ языка. Какія пошлости въ этомъ *Июльскомъ Словарѣ*, который печатается въ каждомъ номерѣ этой газеты, вслѣдъ за грубыми кантами въ честь православія, перемѣшанными съ циническою болтовней! Вы найдете въ этомъ словарѣ свидѣнія, что Эльдorado есть увеселительное гулянье въ Москвѣ, что небывалое слово *сѣкуторъ*, въ смыслѣ сѣкущаго, есть латинское слово и т. п. Съ капризнымъ упорствомъ невѣжества *Домашняя Бесѣда* постоянно утверждаетъ, что извѣстный германскій богословъ и церковный историкъ, покойный Неандеръ, принадлежитъ къ одному разряду съ Штраусомъ, и отзывается о немъ презрительнымъ и злобнымъ тономъ, какъ о противникѣ христіанства,—Неандеръ, котораго труды изучаются въ нашихъ духовныхъ академіяхъ, Неандеръ, который былъ однимъ изъ главныхъ противниковъ Штрауса, Неандеръ, который какъ въ жизни своей, довольно извѣстной, такъ и во всѣхъ изгнбахъ своей мысли, въ цѣломъ направленіи своего ума, во всѣхъ трудахъ своихъ, былъ человекъ самый вѣрующій, съ самыми положительными религіозными убѣжденіями!

Что же касается до мнѣній *Домашней Бесѣды* и ея взглядовъ на міръ, то чувствуетъ ли ея редакторъ, что они волюн совпадаютъ съ мнѣніями и взглядами разныхъ журнальныхъ философовъ, которые выдаютъ себя за крайнихъ представителей прогресса и которые, конечно, воображаютъ себя антиподами г. Аскѣченскаго? Этотъ добрый г. Аскѣченскій немного опоздалъ: то, что онъ высказываетъ теперь съ такимъ громомъ и трескомъ, уже давно высказывается на другихъ путяхъ, съ меньшимъ громомъ и трескомъ. Напрасно онъ хочетъ удивить насъ вдохновенною мыслию, что въ исторіи человѣческаго рода господствуетъ духъ тьмы, что прогрессъ пустое слово, выдуманное безпутными людьми: это уже доказывается у насъ и безъ него; мы давно уже знаемъ отъ нашихъ журнальныхъ философовъ, что все въ мірѣ тринь-трава, что наука и искусство—побрякушки, что всё событія въ мірѣ совершенный вздоръ, о которомъ не стоить серьезно говорить, что всё тѣ интересы, изъ-за которыхъ бьются народы и которымъ посвящаютъ лучшіе умы свою дѣятельность, не стоить мѣднаго гроша, что самые эти умы не что иное какъ

жалкіе умишки, что у человека, кромѣ матеріальныхъ потребностей, нѣтъ и не должно быть никакихъ другихъ. Сличите нѣкоторыя статьи нашихъ прогрессистовъ, политическія и философскія, съ разсужденіями г. Аскóченскаго или г. Бурачка, и вы удивитесь, какъ много между ними сходства; иногда можно подумать, что они цѣликомъ заимствуютъ другъ у друга и мысли, и даже самыя выраженія. То же циническое глумленіе надъ человѣческою свободою, то же презрѣніе къ истинѣ, то же наѣздническое обращеніе съ дѣйствительностію, та же ухорская заносчивость въ сужденіяхъ о фактахъ и лицахъ, тотъ же духъ и тотъ же смыслъ, и изъ тѣхъ же причинъ тѣ же результаты. Тѣ и другіе ставятъ свое ничтожество центромъ цѣлаго міра и не хотятъ знать ничего, что не подходитъ подъ механизмъ ихъ неустановившихся, незрѣлыхъ и слѣпыхъ понятій. Они совершенно сходятся въ своихъ отрицаніяхъ, а если и расходятся въ нѣкоторыхъ изъ своихъ положеній, то эти разности, отрывочныя, безсмысленныя и темныя, ничѣмъ не отзвучатъ въ результатахъ и сами собою исчезаютъ въ дружномъ содѣйствіи родственныхъ и однозвучныхъ отрицаній.

Духъ тьмы и слѣпой случай—кто будетъ взвѣшивать разницу этихъ понятій? А сходство ихъ результатовъ несомнѣнно. Возможно ли, чтобы христіанская мысль могла придти къ такому воззрѣнію на міръ? Возможно ли, чтобы мысль, искренно ищущая истины, могла успокоиться на такомъ воззрѣніи? И религіозному чувству, и мыслящему уму, и зрѣлому опыту жизни извѣстно, что міръ, въ которомъ мы живемъ, не есть міръ божественный, что во всемъ человѣческомъ есть неизбѣжное сѣмя зла, что самыя высшія степени человѣческаго превосходства не изъяты отъ злоупотребленій, и что никакая высота не спасаетъ человека отъ паденія. Но міръ этотъ существуетъ, и христіанскій смыслъ говоритъ намъ, что если міръ существуетъ, то Богъ его терпитъ, что Онъ въ какой-либо мѣрѣ положилъ въ него свое благоволеніе, и что самоезло обращается въ орудіе къ раскрытію истины, къ осуществленію блага; христіанскій смыслъ говоритъ также, что механическое насиліе въ нравственномъ мірѣ невозможно, что все въ этомъ мірѣ можетъ быть истинно достигаемо лишь путемъ свободы. Провсвщщенный смыслъ знаетъ, что въ исторіи господствуетъ законъ строгой постепенности, что идеи, которыя вырабатываются въ жизни историческихъ народовъ и историческихъ эпохъ, взаимно дополняютъ другъ друга, что взятыя порознь, онѣ могутъ быть односторонни и ошибочны, но что на своемъ мѣстѣ и въ своей мѣрѣ каждая изъ нихъ годна и даже необходима въ общей экономіи. Каждая эпоха имѣетъ свои задачи, каждый день свою злобу. Безсмысленные ревнители православія кричатъ, что наше время

ость время упадка по преимуществу, время совершенной порчи, крайняго разврата и безраздѣльнаго господства духа тьмы. Самое поверхностное знаніе исторіи убѣдило бы ихъ, что заблужденія, пороки и зло существовали во всѣ времена, и что съ другой стороны никогда не были такъ сильны и обширны стремленія, сознательныя или безсознательныя, вольныя или невольныя, подчинять все въ человѣческомъ мірѣ идеямъ правды и налагать на все знаменіе христіанскаго духа, какъ въ наше время. Неужели въ деспотіяхъ Востока человѣчество живетъ ближе къ православію? Неужели было бы лучше продолжать ему свое существованіе среди стихій и нормъ древняго міра? Сами мы еще не читали, но намъ говорили, будто не давно въ одномъ журнальномъ историко-философскомъ трактатѣ доказывается, что человѣчество могло бы спокойно остаться подъ владычествомъ Римской имперіи, что ея паденіе и всѣ последующія событія представляютъ совершенно вѣнужную и безсмысленную случайность; однако тѣмъ не менѣе слѣдуетъ думать, что для новаго вина требовались новыя мѣхи, что появленіе новыхъ народовъ, разрушившихъ древній міръ и начавшихъ новый, не было безсмысленною случайностью? На среднихъ ли вѣкахъ должно было остановиться человѣчество? Наша ли православная Русь должна возвратиться къ временамъ своего отчужденія, своихъ нестроеній и междоусобій, къ татарской дапи, къ тяжелому собранію земель? Вы указываете на нѣкоторые примѣры искаженія религіознаго чувства въ Европѣ, вы указываете на мормоновъ въ Америкѣ; но развѣ наша православная Русь была свободна отъ подобныхъ явленій? Развѣ она не имѣла своихъ ужасныхъ мормоновъ, которые вырастали изъ ея собственной почвы? Развѣ у ней нѣтъ хлыстовъ и множества другихъ видовъ раскола? Развѣ цѣлыя народонаселенія въ ней не коснѣли и еще не коснѣютъ въ грубомъ невѣжествѣ относительно вещей какъ божественныхъ, такъ и человѣческихъ?

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о *качественномъ* отличіи нашего времени отъ предыдущихъ историческихъ эпохъ, мы видимъ по крайней мѣрѣ, что въ наше время возросла общая сумма *человѣческой жизни*, и весьма естественно, вмѣстѣ съ суммою положительнаго и добраго въ ней, должна увеличиться сумма отрицательнаго и дурнаго. Въ прежнія времена лишь немногіе жили, а все остальное сливалось въ безразличныя и сплошныя массы. Теперь, съ каждымъ поколѣніемъ умножается число живущихъ, и изъ сплошной массы непрерывно выдѣляются разнообразныя личности, и каждая изъ нихъ приноситъ свою долю добраго и свою неизбѣжную долю дурнаго. Но въ общемъ яснѣе и рѣшитель-

нѣе обнаруживаются великіе законы исторіи, ея смыслъ и пути Провидѣнія. Духъ христіанства носится надъ всѣмъ и склоняетъ къ своимъ цѣлямъ даже то, что является какъ бы противодѣйствіемъ ему и его отрицаніемъ. Посреди всеобщаго броженія остается неизблемъ камень церкви; но ея положеніе, ея отношенія къ окружающему міру обозначаются съ каждымъ днемъ удовлетворительнѣе и чище. Съ каждымъ днемъ устраняются и отбрасываются орудія механическаго поддержанія или насильственнаго распространенія вѣры; все болѣе и болѣе дѣло это предоставляется опыту жизни и свободному убѣжденію.

Посреди этой страшной многосложности явленій, характеризующихъ наше время, особенную цѣну имѣетъ слово людей способныхъ понимать связь временъ или хранящихъ завѣтъ вѣчной истины. Необходимо, чтобы посреди этого множества разнообразныхъ интересовъ, изъ которыхъ каждый тянетъ въ свою сторону, былъ достойно и могущественно представленъ интересъ чисто-духовный, интересъ церкви. И онъ можетъ успѣшно дѣйствовать не механическимъ стѣсненіемъ другихъ интересовъ, а неослабнымъ стараніемъ занять свое мѣсто въ умахъ, живымъ напоминаніемъ о себѣ, достойнымъ заявленіемъ себя во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности и мысли. Нѣтъ даже особенной надобности безпрестанно спорить, препираться и преслѣдовать заблужденія и ошибки; полемическій элементъ важенъ, но не въ немъ главная сила; гораздо важнѣе дѣятельность положительная. Чѣмъ больше будетъ сказано и сдѣлано такого, что должно занять умъ, что не можетъ не возбудить вниманія, что способно поддержать и укрѣпить борющуюся мысль, что въ силахъ бросить свѣтъ на жизнь и помочь жизненному опыту, то все пойдетъ въ прокъ, все окажется свое дѣйствіе и увеличитъ силу духовнаго интереса какъ въ общихъ тяготѣніяхъ времени, такъ и въ отдѣльныхъ людяхъ. Но слово, которое хочетъ представлять собою духовное начало, должно быть по крайней мѣрѣ не ниже общаго уровня; на представителяхъ этого интереса лежитъ еще гораздо болѣе отвѣтственность чѣмъ на всякомъ другомъ; отъ нихъ еще болѣе требуется разборчивости въ средствахъ, чистоты и достоинства въ тонѣ, правдивости во всѣхъ показаніяхъ. Вотъ почему мы радуемся размноженію у насъ духовныхъ изданій, болѣе или менѣе соответствующихъ этимъ требованіямъ. Намъ кажется, что именно теперь наступаетъ пора для православной церкви съ особенною силой заявить свое существованіе въ мірѣ, и также пора еще обширнѣе и плодотворнѣе дѣйствовать въ общественномъ бытѣ нашего отечества.

Пусть издается и *Домашняя Бесѣда* вопреки тѣмъ изъ своихъ

противниковъ, которме желали бы, чтобъ ее запретили. Переменить или не переменить она свой тонъ, пусть она существуетъ или пусть она скончается блаженною кончиной. Она не органъ православія, какъ сама безразсудно выдаетъ себя; она годилась бы въ органъ какой-нибудь изъ раскольническихъ сектъ, напримѣръ безпоповщины; но во всякомъ случаѣ она родное дитя нашей литературы фельетоновъ; она съ ними одного поля ягода; измѣнится характеръ почвы, измѣнятся метеорологическія условія, будутъ и ягоды другія.

Но было бы опасно, еслибы дѣйствительно показались какіе-нибудь признаки, что явленія подобныя *Домашней Бесѣдѣ* серьезно принимаются съ какой-нибудь стороны за органъ православія, за выраженіе самой церкви. Это было бы очень опасно, и объ этомъ должны были бы скорбѣть болѣе всего тѣ, кому близокъ къ сердцу великій интересъ религіи в церкви въ нашей общественной средѣ. Будущимъ поколѣніямъ пришлось бы дорого заплатить за наше безмысліе. Ничто не могло бы такъ уронить религіозный духъ у насъ какъ убѣжденіе, что явленія подобныя *Домашней Бесѣдѣ* находятся въ какой-нибудь связи съ церковью. А потому все, что только можетъ содѣйствовать такому убѣжденію, должно быть тщательно устраняемо нашими духовными лицами. Въ этомъ отношеніи мы должны особенно благодарить *Православное Обозрѣніе*, журналъ, издаваемый духовными лицами, хотя и помышляющій придавать себѣ какое-нибудь оффиціально-церковное значеніе: по поводу скандальной исторіи, затѣянной г. Аскоченскимъ противъ архимандрита Феодора, оно формально заявило не только свое разногласіе, но и свою разнородность съ явленіями подобными *Домашней Бесѣдѣ*, и изблещило недѣльность притязаній этого грубаго фельетона. За это-то отецъ Сергіевскій, издатель *Православнаго Обозрѣнія*, подвергся, какъ извѣстно, анаѣмѣ отъ г. Аскоченскаго, этого маленькаго папы, который выросъ какъ грибокъ изъ нашей фельетонной почвы.

А оставъ г. Аскоченскій свои недѣльныя притязанія, говори онъ только о томъ что знаетъ, не выдумывая небывалыхъ фактовъ, какъ напримѣръ обращеніе Шеллинга въ латинскую церковь и т. п., не бѣснуйся, различай что и о чемъ говорить, онъ бы еще могъ занимать видное мѣсто посреди этого океана пустословія, пошлостей, фальши, фразъ безъ смысла, затопляющихъ нашу литературу, литературу безъ науки, безъ всякихъ нормъ, безъ значительныхъ серьезныхъ преданій.

Наши журнальные борзописцы только изнаютъ что потѣшаются надъ г. Аскоченскимъ и его *Домашнею Бесѣдой*, а оглянулись бы нѣкоторые на себя или на товарищей! Еще вопросъ, кто смѣшнее, опьянн съ своимъ грубымъ цинизмомъ, или кто-нибудь изъ этихъ раздушенныхъ фертвовъ, выступающихъ манерною походкой и сыплю-

щихъ вычурныя фразы? Еще разъ, бѣда нашего общества состоитъ въ томъ, что у нашихъ образованныхъ людей есть все, что хотите, но только въ фальшивыхъ ассигнаціяхъ, и очень мало въ какой-нибудь реальной цѣнности. У насъ наготовленъ такой страшный избытокъ словъ, словъ и словъ, такая бездна фразъ, что всякій признакъ мысли, чего-нибудь въ правду создаваемого или чувствуемаго, есть большая рѣдкость, которой не нарадуешься, если гдѣ ее встрѣтишь. Мы усвоили себѣ всѣ наружныя приемы людей мыслящихъ, чувствующихъ, чѣмъ-нибудь занятыхъ; мы можемъ болтать обо всемъ на свѣтѣ какъ люди все и весьма глубоко знающіе; намъ ни по чѣмъ никакія науки, никакія высоты мысли, и Хлестаковъ у насъ великій, всеобъемлющій типъ. Хлестаковство у насъ во всемъ, не только въ фельетонистахъ, не только въ безбородыхъ юношахъ, но и въ нашихъ *soi-disant* ученыхъ и въ маститыхъ старцахъ. Часто отъ людей, повидимому весьма порядочныхъ, даже пожившихъ на свѣтѣ и извѣдавшихъ кое-что, услышите вы вдругъ самыя безсовѣстныя рѣчи, обличающія совершенное отсутствіе чувства истины въ говорящемъ. Да, хлестаковство—нашъ общественный недугъ, и бессмертный типъ созданный Гоголемъ будетъ современемъ еще болѣе оцѣненъ. Даже то, что Хлестаковъ есть петербургскій чиновникъ—черта весьма глубокая и существенная въ этомъ типѣ. Случалось ли вамъ, читатель, въ нашей сѣверной Пальмирѣ встрѣчать этихъ весьма благоприличныхъ по наружности господъ, которые съ перваго разу обратятъ на себя ваше вниманіе бойкими, складными фразами о разныхъ предметахъ: слова безостановочно льются и вяжутся, обо всемъ высказывается мнѣніе готовое и рѣшительное; прекрасный слогъ, свѣдѣніи пропасть, идеи блестящія. Но этотъ миражъ не продолжителенъ: вы скоро начинаете чувствовать, что передъ вами гробъ поваленный, что въ этомъ краснорѣчивомъ и мыслящемъ господинѣ ничего нѣтъ и никогда ничего не было, что это истый Хлестаковъ, только что отказавшійся отъ управленія министерствомъ и сбросившій свою шинель Марѳушкѣ. Мы спрашиваемъ, случалось ли вамъ?.. Но нужно ли спрашивать? Какъ же бы не случалось, если вы живете или бывали въ сѣверной Пальмирѣ? Впрочемъ, типъ этотъ распространился теперь повсюду; въ какой бы вы ни жили глуши, вы навѣрно встрѣтите его въ вашемъ губернскомъ, въ вашемъ уѣздномъ городѣ, даже по сосѣдству въ деревнѣ.

Отсутствіе всякаго реального содержанія, всякихъ дѣйствительныхъ движеній въ душѣ и въ умѣ, вмѣстѣ съ подавляющимъ обиліемъ готовыхъ выраженій для всякаго чувства и для всякой мысли, вотъ оно это хлестаковство, которое, говоря языкомъ

г. Аскоченскаго, какъ духъ тьмы, царствуетъ въ нашей литературѣ. А эта тьма, по нашему мнѣнію, хуже всякой тьмы, и поневолѣ приходится ждать какого-нибудь катализма, который снесъ бы весь этотъ страшный хламъ съ нашихъ нивъ и возвратилъ бы имъ какое-нибудь плодородіе.

Не случилось ли вамъ когда-нибудь читать слѣдующіе стихи г. Полонскаго? —

• И надъ пепельной грудой камней  
Изъ-за темнозеленыхъ вѣтвей,  
Поднималась статуя. Вѣка  
На лицѣ пощадилъ черты  
Первобытной ея красоты —  
И была лишь отбита рука,  
Да обтесаны складки одеждъ  
Безпещадной рукою невѣждъ. •

Вотъ вы теперь прочли эти стихи: какъ они вамъ нравятся? Вы удивляетесь этому вопросу и перечитываете эти стихи. Вы спрашиваете, стоило ли ихъ выписывать и стоить ли о нихъ говорить? Г. Полонскій написалъ очень много мелкихъ, поэтическихъ піесъ; но выписанные стишки ни сколько не характеризуютъ его поэзіи и ровно ничего въ себѣ не заключаютъ. Статуя поднималась изъ-за зеленыхъ вѣтвей, вѣка пощадилъ черты ея первоначальной красоты; но у ней отбита рука и обтесаны складки драпировки невѣждами: вотъ и все. Ни въ вашей мысли, ни въ вашей душѣ, нечему шевельнуться отъ этихъ стишковъ. Въ нихъ ровно ничего нѣтъ, о нихъ почти ничего нельзя сказать. Вы такъ думаете? Послушайте однако, что такое можно сказать. Вотъ какъ выражается объ этихъ стихахъ фельетонистъ одного изъ петербургскихъ журналовъ: <sup>1</sup>

• И еслибы голосъ мой задрожалъ, еслибы слезы потекли при этихъ строчкахъ изъ глазъ моихъ, я не устыдился бы этого, потому что эти строки полны такой святой тоски, такого праведнаго упрека, такого небесно-прозрачнаго горя, что я бы гордился тѣмъ, что могу имъ сочувствовать. Это одно изъ лучшихъ стихотвореній въ нашей поэзіи; я завидую г. Полонскому, что онъ написалъ его; я готовъ клеветать за это на всѣ другія его стихотворенія, но на это я клеветать не могу. •

Естественный спытатель посвящаетъ долгое и напряженное вниманіе изученію какой-нибудь микроскопической букашки; мы просимъ васъ, въ энтомологическомъ интересѣ, помедлить лишнюю минуту на этихъ строчкахъ и сличить ихъ смыслъ или бессмыслицу съ вышеприведеннымъ стихотвореніемъ, къ которому онѣ относятся. Вотъ вамъ разительный примѣръ,

<sup>1</sup> *Время*, апрѣль, № 4. Фельетонъ, стр. 141.



вотъ вамъ фактическое доказательство хлестаковства! Вотъ до какихъ чудовищныхъ размѣровъ оно доходитъ у насъ!

Нѣтъ, Гоголевскій Хлестаковъ—пигмей передъ этимъ колоссомъ. Все, что тотъ врагъ въ гостинной городничаго, блѣдно и мелко въ сравненіи съ этою изумительною чужью. И вотъ наша литература, наша критика, наши фельетоны!

Въ томъ же фельетонѣ встрѣчаются вещи самыя изумительныя.

Извольте прочесть слѣдующее: <sup>1</sup>

-Я зналъ человѣка, который совершенно спокойно, да какое спокойно!—съ восторгомъ, съ увлеченіемъ разказывалъ, такъ онъ надулъ жидъ, и какъ онъ надуваетъ свою любовницу.—Вы думаете, я чувствовалъ отвращеніе?—Ни чуть. Я смѣялся, и смѣялся такъ же отъ души, какъ смѣялся при чтеніи Плюшкина. Другіе, слушавшіе его—онъ не мнѣ и разказывалъ—старались изобразить презрѣніе на своей улыбкѣ, но сквозь это презрѣніе такъ я просвѣчивалъ добродушный смѣхъ. И нельзя было не смѣяться, вида какъ простодушно, какъ дѣтски доволенъ этотъ человѣкъ ловкими своими проделками. И разказчикъ, замѣчая благоприятное впечатлѣніе, все веселѣе и веселѣе разказывалъ далѣе. — И вамъ не стыдно это! замѣтилъ я, чтобы посмотреть, что онъ отвѣтитъ. — Э, возражалъ онъ, дружески до меня дотрогиваясь: то я еще я дѣлаю! — И тутъ же онъ принялся разказывать свои новыя похождения.—Онъ мошенникъ, сказалъ я, когда его уже не было: но онъ мнѣ нравится, и я люблю его.—Это доказываетъ замѣтили мнѣ многіе, какъ неискренно въ васъ все то, что вы тутъ проповѣдуете о добрѣ и о безкорыстїи. — Можеть-быть, сказалъ я, и пожалъ плечами. Мнѣ было обидно, что эти господа не понимаютъ меня. Но я тутъ же былъ вознагражденъ тѣмъ, за кого получалъ упрекъ себѣ.—Я васъ люблю, сказалъ онъ мнѣ, оставшись со мною наединѣ (вотъ тутъ-то я и кладу скромность въ карманъ), — Я люблю васъ именно потому, что изъ всѣхъ этихъ господъ, меня презирающихъ, одинъ только вы имѣли бы на это самое полное право, потому что только вы дѣйствительно составляете противоположность со мною: у васъ душа чиста, и я поклонюсь головой, что вы никогда ничего, подобнаго моимъ похождениямъ, не сдѣлаете. А эти? — это все тотъ же я, только въ вашемъ платьѣ. Они хуже меня воры: у нихъ ничего нѣтъ своего; у нихъ все краденое. — И въ этомъ мы съ вами братья, сказалъ я ему, протягивая руку: мы здѣсь одни—чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.—И ему это доставило неизяснимое наслажденіе. — Но только, прибавилъ я: если я васъ застаю на вашихъ похожденияхъ, я все-таки первый крикну полицейскаго. — А я, сказалъ онъ смѣясь: если убѣжать не усѣю, перваго васъ позвоу судить меня, потому что отъ васъ мнѣ не будетъ обидно принять своего осужденія.—Но я не позвалъ бы противъ этого человѣка полицїи: я лучше бы самъ какъ-нибудь съ нимъ раздѣлся. Но я даже увѣренъ, что по моей просьбѣ, онъ удовлетворилъ бы всѣхъ обиженныхъ мнѣ на моихъ глазахъ, только не далъ бы слова, что не будетъ впередъ дѣлать этого. Другому онъ дастъ слово, но обманетъ его. — И я люблю этого человѣка; и одинъ онъ любилъ меня на службѣ, и одинъ онъ слушалъ меня съ удовольствїемъ и дорожилъ моимъ мнѣніемъ, и говорилъ мнѣ: «Я люблю васъ слу-

<sup>1</sup> *Время*. Апрель, № 4. Фельетонъ, стр. 134.

шать, потому что вы никогда не ждете, и я не хотѣлъ бы при васъ сдѣлать когда-нибудь что-нибудь дурное, не потому чтобы мнѣ было стыдно васъ, но потому, что я не хочу сдѣлать вамъ неудовольствія.—Чувствуете ли вы, сколько было въ этомъ человѣкѣ хорошаго, что мирно съ нимъ всякаго, кто не имѣлъ только повода ему завидовать и за что-нибудь лично негодовать на него?»

Это превосходитъ все, что намъ случалось встрѣчать полюбнаго, даже въ нашей литературѣ. Тутъ не знаешь чему удивляться: безсовѣстной ли фразѣ, которая не спотыкается ни на чемъ, наивности ли безсмыслия, или нравственной изломанности. Этотъ фразеръ съ любовью слушаетъ мошенника объ его ловкихъ продѣлкахъ, съ любовью смотритъ на него, прилѣпляется къ нему всею душой, приобрѣтаетъ его взаимность и гордится ею; онъ сообщаетъ намъ любезности, сказанныя ему этимъ милымъ мошенникомъ, который *любилъ его слушать* (къ счастью, изъ всѣхъ товарищей этого Хлестакова онъ только одинъ любилъ слушать его и дорожилъ его мнѣніемъ),—и сообщивъ намъ какъ мошенникъ этотъ любитъ и почитаетъ его, спрашиваетъ насъ: *чувствуете ли вы, сколько въ этомъ человѣкѣ было хорошаго?* Какая колоссальная наглость! И все это говорится среди бѣлаго дня, передъ публикой! Любитъ мошенника за то именно, что онъ артистъ въ своемъ ремеслѣ, видитъ правду въ томъ, что человѣкъ усваиваетъ себѣ въ совершенствѣ всякую подлость и мерзость, любитъ его именно за то, что эта мерзость становится въ немъ живою природою, что онъ въ этой мерзости легко и свободно вращается, что онъ смакуетъ ее и гордится ею,—и наконецъ отгнать все это чувствомъ собственнаго достоинства, щеголять своею хлестаковскою фигурой, которая будто бы жаждетъ природы и правды, между тѣмъ какъ все въ ней налгано,—какое возмутительное безобразіе! Что значить, передъ этою тошною приторностью, грубый квасной цинизмъ г. Аскоченскаго?

Но испейте до конца вашу чашу, читатель; прочтите еще слѣдующее, изъ того же фельетона:

«Я зналъ одного разбойника, признавагоса въ двадцати трехъ убійствахъ. Отъ него требовали, чтобы онъ показалъ могилы, въ которыхъ схоронены его жертвы. Онъ совершенно охотно показалъ первую. Но когда вырыли гнилой и обезображенный трупъ, онъ, стоявшій поодаль, отвернулся. Ему велѣли подойти; онъ не шелъ. Когда его три полицейскихъ сержанта повели, противъ его желанія, онъ упирался, вырывался, отвертывался; все лицо его искажалось страшными судорогами, какъ у ребенка, котораго ведутъ наказывать. Подведенный къ трупу, онъ взглянулъ на него, и упалъ безъ чувствъ. Это была мощная, непоколебимая натура; и въ эту минуту каждому честному сердцу, откровенному въ своихъ ощущеніяхъ, его было бы больше жаль чѣмъ покойника. Онъ узналъ имъ убитаго. Только это и было нужно слѣдователямъ. Черезъ нѣсколько дней привели его къ другому

мѣсту и просили его указать другую могилу. Онъ не хотѣлъ. Онъ не понималъ, для чего имъ нужно это: но по странному закону судьбы всѣ, бывшіе тутъ, истинную причину ихъ требованія считали, кажется, совершенно недостаточною; и ему объяснялъ одинъ господинъ, что нужно открыть тѣло для того, чтобы предать его честному погребенію, и т. п. — Онъ ухмылялся: «Все равно, сказалъ онъ, гдѣ лежать.» Тогда другой господинъ сталъ говорить ему, что нужно открыть тѣло для того, чтобы примириться съ нимъ: «Поцѣлуй его въ его гнилыя губы!» сказалъ онъ. Арестантъ задумался и сказалъ, что въ этомъ больше правды; но могилы не показалъ все-таки. — Отчего имъ было не сказать ему попросту, безъ всякаго желанія потристи или смутить его грустную душу искусственною рѣчью: «Память нужно знать эту могилу и открыть тѣло для того, чтобы какъ-нибудь послѣ не открыли ее случайно, и чтобы тогда не пало подозрѣніе на кого-нибудь вовсе невиннаго.» Онъ бы показалъ тогда. Это была душа, которая не солгала ни одного слова при допросѣ своемъ, и не запутала ни одного невиннаго. Но у этихъ господъ у самихъ не было этого сознанія. И они вступили въ новые разговоры съ убійцею. — За что ты убилъ этого? спросили они. — А за то, что мнѣ тогда воли хотѣлось, а денегъ не было. — Сколько же ты нашелъ у него? — Четвертакъ. — И стоило изъ-за четвертака убивать человѣка! — Преступникъ посмотрѣлъ на нихъ съ удивленіемъ: «Все равно, сказалъ онъ: что изъ-за четвертака, что изъ-за тысячи.» У этого человѣка было больше смысла, чѣмъ у тѣхъ, кто его допрашивалъ. Имъ все хотѣлось благодушно снизойти до его грубаго пониманія, и онъ постоянно оказывался выше нихъ, и вмѣсто того, чтобы имъ завладѣть его душою, онъ все больше и больше пріобрѣталъ надъ ними власти, и они поминутно чувствовали себя передъ нимъ школьниками. Его грубая откровенность поминутно унижала ихъ, потому что въ ней все больше и больше, все страшнѣе и неотразимѣе возставалъ его человѣчскій образъ, тогда какъ у нихъ все пугливѣе и пугливѣе, все мельче и все ничтожнѣе приталась ихъ душа подъ грудю страницъ, вырванныхъ изъ разныхъ когда-то прочитанныхъ книгъ, подъ грудю правилъ, пестрящихъ наши прописи и азбуки.

«И я, еще ювоната тогда, поддался обаятельному впечатлѣнію этого человѣка.»

Какой здоровый человѣкъ, какъ бы ни былъ не развитъ и грубъ его смыслъ, прочтеть эти строки безъ омерзѣнія! Какая ложь, какая пошлость! И какое въ то же время артистическое хлестаковство фразы! Фельетонистъ какъ будто дѣло говорить; слова такъ и льются, и звучатъ такъ убѣдительно, какъ будто человѣкъ дѣйствительно вынесъ это чувство, эти мысли изъ жизненнаго опыта. Что мальчика, безъ всякаго отпора въ душѣ, могъ обаятельно поразить образъ душегубца, совершившаго двадцать три убійства, это очень возможно. Но оправдывать это мальчишеское обаяніе, видѣть въ немъ нѣчто нормальное и обязательное для зрѣлаго человѣка, говорить объ этомъ серьезно, даже съ какою-то претензіей на нравственный пафосъ, говорить бойко, не запинаясь, съ артистическимъ увлеченіемъ—какая непроходимая фальшь! Эстетически таятъ и нравственно мѣтъ передъ дикимъ душегубомъ, видѣть въ немъ какой-то колоссальный че-

человѣческой образъ, подавляющій собою прочихъ мелкихъ людишекъ, изъ которыхъ ни одинъ никого еще не зарѣзалъ, и которые осмѣлились подивиться, какъ это чудовище рѣшилось изъ-за шкалика водки на свое страшное дѣло,—скажите, какое должно быть перо, способное написать это! Чѣмъ это лучше той новой Мессалины, о которой разказываютъ, что, не довольствуясь Европой, она ѣздила въ Алжирію, къ Кабиламъ? Нѣтъ, въ нравственномъ смыслѣ это хуже! По вѣрнѣе будетъ сказать, что тутъ нѣтъ никакого нравственнаго смысла. Фельетонистъ не выражалъ никакого дѣйствительнаго настроенія своей души; все заставляетъ думать, что онъ неспособенъ къ какимъ-нибудь *дѣйствительнымъ* настроеніямъ; онъ живетъ въ стихіи фразъ, образующей свой собственный міръ, въ которомъ возникаютъ призрачныя подобія настроеній и мыслей. Эти фальшивыя подобія могутъ развиваться и сочетаться въ разнообразнѣйшихъ комбинаціяхъ, составлять изъ себя поэмы, критическія статьи, цѣлыя книги. Процессъ и элементы этихъ развитій тѣ же самыя, какіе Гоголь типически изобразилъ намъ въ Иванѣ Александровичѣ Хлестаковѣ. Точно такъ писалъ онъ къ своему другу, фельетонисту Тряпичкину; точно такъ вѣроятно писалъ и Тряпичкинъ свой фельетонъ. И Тряпичкинъ ни мало не подзрѣваетъ, какой сумбуръ нагородилъ онъ въ своемъ фельетонѣ! Возмутительный душегубъ, за которымъ отказывается слѣдить всякое человѣческое чувство, всякій человѣческій смыслъ, этотъ звѣрь, который бросается на свою жертву съ тѣмъ чтобъ удовлетворить минутную прихоть, даже хуже чѣмъ звѣрь, потому что у звѣря по крайней мѣрѣ нѣтъ прихотей, это чудовище является, въ глазахъ Тряпичкина, могучимъ человѣческимъ образомъ, обаятельнымъ и чарующимъ, подавляющимъ мелкія душонки, которыя прячутся *подъ зрудю правилъ, нестражицъ прописи и азбуки*. Посмотрите, какъ онъ адвокатствуетъ за этотъ великій человѣческій образъ! Посмотрите, какую позу принимаетъ Тряпичкинъ передъ обыкновенными смертными, которые подивились, какъ можно было зарѣзать человѣка изъ-за четвертака! «Все равно, сказалъ преступникъ, что изъ-за четвертака, что изъ-за тысячи,» и Тряпичкинъ восклицаетъ: «У этого человѣка было больше смысла, чѣмъ у тѣхъ, кто его допрашивалъ!» Тряпичкинъ увѣренъ, что сказалъ великую истину. Онъ даже сослался на смыслъ.... А именно смыслъ-то и заставилъ простыхъ людишекъ изумиться. Эта «непоколебимая и мощная натура» захотѣла выпить водки, и вотъ она спокойно рѣжетъ человѣка и беретъ изъ его кошель четвертакъ, какъ будто ничего легче и проще этого не было. Передъ этимъ без-

осмысленнымъ, тушымъ, отвратительнымъ звѣрствомъ нашъ фельетонистъ преклоняетъ колѣни. Объ этомъ-то говорить онъ тономъ даже какого-то нравственнаго убѣжденія, какой-то гуманности, которая тѣмъ отвратительнѣе, чѣмъ болѣе жеманится.

Между Хлестаковыми есть еще порода такихъ, которые зовутъ себя демоническими натурами. Такихъ молодцовъ дѣйствительно нельзя не побаваться. Зарѣзать они не зарѣжутъ, но не кладите вашего четвертака плохо.

*Изъ науки о человѣчскомъ душѣ. П. Юркевича. Труды Киевской духовной Академіи. 1860. книжка четвертая*<sup>1</sup>.

Г. Юркевичъ слѣдитъ неотступно за авторомъ разбираемыхъ имъ статей по извилинамъ его мысли, руководимой блудящими огоньками, и на каждомъ шагу изобличаетъ дѣтскость этихъ претензій на отвагу, которой море по колѣно и все трюнь-трава. Материализмъ ли, идеализмъ ли,—дѣло прежде всего не въ этомъ, а въ томъ, чтобы наконецъ смыслить что говоришь и отдавать себѣ какой-нибудь отчетъ въ своихъ словахъ. Къ сожалѣнію, въ нашихъ мыслителяхъ, рѣшающихъ однимъ почеркомъ пера судьбы міра, рѣдко встрѣчаются даже и эти послѣднія, самыя необходимыя условія. Механическое сцѣпленіе представленій, затверженныхъ изъ поверхностныхъ чтеній, безъ всякой критики, безъ всякой внутренней работы, вотъ философія нашихъ журнальных мыслителей. За то эти мыслители любятъ надѣлать животныхъ не только смысломъ, но и всѣми высшими умственными и нравственными дарами. Они дѣлаютъ это, чтобы доказать, какъ мало разнится человѣкъ отъ животнаго, и доказываютъ практически, что дѣйствительно у людей могутъ бытъ такія прорухи въ смыслѣ, какихъ не бываетъ въ мірѣ безсловесныхъ.

Вотъ авторъ разбираемыхъ г. Юркевичемъ статей не находитъ никакого существеннаго отличія между человѣкомъ и животнымъ. Онъ находитъ, что это совершенно все едино. Слѣдя за парадоксами автора, критикъ не ограничивается однимъ отрицательнымъ дѣломъ; онъ постоянно пользуется случаемъ, чтобы бросить свѣтъ на поднятые вопросы. «Фактъ, говорить онъ,—

<sup>1</sup> См. *Русскій Вѣстникъ* № 4.

«что царство одушевленныхъ существъ простирается даже царства человеческого, служилъ для философіи во все времена основаніемъ ученія, что вообще въ мірѣ нѣтъ голой матеріальности, что въ немъ все воодушевлено, способно не только *быть*, но и *наслаждаться* бытіемъ, что всякая величина экстенсивная есть вмѣстѣ и интенсивная, открывающаяся въ порывахъ и стремленіяхъ, что все внѣшнее имѣетъ свое внутреннее, свою идею. Въ живомъ историческомъ образованіи человечество изъясняло жизнь животныхъ такимъ же образомъ изъ общаго міросозерцанія. Такъ, чтобъ остановиться здѣсь на особенно яркихъ примѣрахъ, въ индійскомъ ученіи о переселеніи душъ царство животныхъ слагалось изъ душъ падшихъ, недостойныхъ человеческого образа жизни. За свое достоинство душа при второмъ рожденіи воплощалась въ животное тѣло, и здѣсь она находила дѣйствительный мракъ и адъ: ее терзали страсти и желанія, не управляемая и не обуздываемая силой разума; ей не доставало свѣта мысли: ей не доставало самообладанія и свободы, которыя дали бы ей счастье познать для себя и при себѣ и не исчезать ежеминутно въ слѣпыхъ влеченіяхъ и вожденіяхъ. Кажется, иначе смотрѣли на эту жизнь Египтяне: они созерцали въ животномъ не его слѣпая страсти, а правильное и однообразное движеніе таинственныхъ инстинктовъ. Народъ, котораго первое божество называлось «сокровенное» и котораго мудрецы считали «молчаніе» лучшимъ откровеніемъ мудрости, чтилъ въ этой молчаливой, закрытой, равномерной инстинктивной жизни животныхъ присутствіе божественной силы, которая, казалось ему, не имѣетъ правильного и достойнаго выраженія въ человеческихъ мысляхъ, безпокойныхъ, измѣняющихся, переходящихъ въ открытое слово, подвергающихся профанациі...»

Въ этомъ самомъ номерѣ нашего журнала помѣщена статья французскаго натуралиста г. Катрфажа, гдѣ рѣчь идетъ о специфическомъ отличіи человѣка отъ животнаго. Г. Катрфажъ полагаетъ специфическими признаками человеческого царства нравственность и религіозность. Признаки эти дѣйствительно являются самымъ выдающимся, самымъ рѣшительнымъ выраженіемъ кореннаго начала человеческой жизни, но это начало не остается въ человеческой жизни изолированнымъ дѣятеlemъ; оно распространяется на все и даетъ иной тонъ, иное значеніе всѣмъ тѣмъ психическимъ отправленіямъ, которыя повидимому одинаковы у человѣка съ животнымъ.

Авторъ статей, разбираемыхъ г. Юркевичемъ, сердится на тѣхъ, которые различаютъ сознание и самосознаніе. Но самосознаніе не есть нѣчто трансцендентальное, чрезвычайное; въ извѣст-

номъ смыслѣ, въ известной степени, оно разлито повсюду, гдѣ замѣчается жизнь. Но предоставимъ говорить г. Юркевичу:

«Можетъ-быть есть животныя, не имѣющія никакихъ представлений о вѣдѣнномъ, не имѣющія никакого знанія, но вѣтъ животныхъ, не имѣющихъ самосознанія, не противопоставляющихъ себя всему остальному міру. Напрасно сочинитель воображаетъ, что говорить о самосознаніи также нелѣпо, какъ говорить о самосинемъ или о самосеребрѣ. Дитя въ первые мѣсяцы своей жизни не имѣетъ никакого знанія, но имѣетъ самосознаніе, самочувствіе, потому что оно испытываетъ страданія и удовольствія, которыя суть оно само, то—есть его душа въ опредѣленныхъ непосредственно-ощущаемыхъ состояніяхъ.

«Но отъ этого непосредственнаго самосознанія, самочувствія или живечування, безъ котораго не мыслима никакая душа на свѣтѣ, нужно отличать тотъ *образъ* насъ самихъ, то *воззрѣніе* на насъ самихъ, то *представленіе* о насъ самихъ, которое образуется въ нашей душѣ съ теченіемъ жизни и съ умноженіемъ нашихъ опытовъ. Различіе между *я* и *не я*, полагаемое удовольствіемъ и страданіями души, одинаково рѣзко, одинаково энергично на всѣхъ степеняхъ душевной жизни. Но вопросъ въ томъ, вездѣ ли это одинаковое различіе сопровождается одинаковыми *представленіями* объ этомъ *я*. Какъ мы сказали, легко вообразить такую душу, которая не составитъ никакого *образа* о себѣ самой и будетъ отличать себя отъ всего міра только непосредственными чувствованіями удовольствія и скорби: мы, посторонніе наблюдатели, могли бы сказать о ней, что она есть существо, способное къ страданіямъ и наслажденіямъ, и ничего болѣе: но сама себѣ она будетъ *являться*, въ своемъ самознаніи или въ своемъ самоощущеніи она будетъ сама себѣ *извѣстна*, только какъ удовольствіе и скорбь, и ничего болѣе. Это—низшая ступень душевной жизни, какую только мы можемъ вообразить себѣ и гдѣ, подлѣ испытываемыхъ *непосредственно* душевныхъ состояній, душа не имѣетъ еще никакого образа ни о вещахъ, ни о себѣ.

«Только та тѣлесная организація, въ которой кромѣ мозга существуютъ *отдѣльные* органы чувствъ, способна вывести душу изъ этого чисто-патологическаго состоянія въ міръ воззрѣній и представлений, способна доставить животному не только эти состоянія удовольствія и скорби, но и образы вѣдѣнныхъ предметовъ, а также образы, подлѣ которыми оно сознаетъ свою собственную жизнедѣятельность: потому что при воззрѣніяхъ, условленныхъ чувствами, въ душѣ необходимо выдѣляются и обособляются различныя *частныя* стремленія, *частныя* дѣятельности и *частныя* силы, изъ которыхъ каждая не то, что другая, каждая даетъ себя чувствовать иначе, нежели другая. Здѣсь однородныя дѣятельности выдѣляются изъ общей, слитной и не разложенной

жизни души, слагаются по мѣрѣ однородности въ одну дѣятельность, становятся отъ этого крѣпче и сильнѣе и такимъ образомъ даютъ о себѣ, о своемъ *частномъ* характерѣ знать животному сознанию. Ассоціаціи между однородными воззрѣніями и представленіями, происходящія по законамъ психической механики, подобнымъ же образомъ остаются въ душѣ животнаго, какъ ея опредѣленное настроеніе, какъ опредѣленный слѣдъ, и всякое новое впечатлѣніе освѣжаетъ эти слѣды, возбуждаетъ эти ассоціаціи, слѣдовательно приводитъ ихъ къ сознанию животнаго. Такъ для животнаго дѣлаются *знакомыми* многіе внѣшніе предметы, такъ же дѣлаются ему *знакомыми* многія его внутреннія состоянія. Поэтому вѣтъ никакого сомнѣнія, что всякое знаніе животнаго сопровождается самосознаніемъ, что животное знаетъ о своихъ состояніяхъ, имѣетъ опредѣленные представленія о себѣ, имѣетъ такъ называемое *эмпирическое самосознаніе*. Вотъ почему повторяющееся воззрѣніе оказывается ему знакомымъ, вотъ почему собака узнаетъ своего хозяина, своего врага: эти воззрѣнія уже оставили слѣдъ въ ея душѣ; животное относится къ нимъ иначе, нежели къ воззрѣніямъ новымъ, оно прибавило къ нимъ нѣчто *изнутри* себя, именно знаніе о нихъ, какое оно получило прежде, изъ прежнихъ опытовъ; итакъ здѣсь въ знаніи о предметѣ дано непосредственно самознаніе. Это эмпирическое самознаніе есть душевное явленіе, общее животнымъ и человѣку. Изъ нашихъ случайныхъ опытовъ слагаются въ насъ образы о внѣшнихъ вещахъ и также слагается образъ о насъ самихъ, о нашихъ душевныхъ дѣятельностяхъ и состояніяхъ.

«Но какъ въ геометріи пунктъ, гдѣ линіи сходятся, есть вмѣстѣ пунктъ, гдѣ онѣ расходятся, такъ и здѣсь душевныя явленія животной и человѣческой жизни изъ общей точки ихъ встрѣчи развиваются въ направленія совершенно различныхъ. Психологъ Бенекс говоритъ, что нужно различать сознаніе, существующее *въ* психическихъ актахъ отъ сознанія *объ* этихъ актахъ. На основаніи этого различія мы могли бы доказать, что только человѣческая душа, какъ способная *мыслить*, то-есть, образовать *невоззрительныя* *помятія* о вещахъ, имѣетъ самосознаніе въ послѣднемъ значеніи слова, то-есть самосознаніе, которое есть сознаніе не только *въ* актахъ души, но и *объ* этихъ актахъ. Но мы оставимъ этотъ психологическій путь, потому что онъ слишкомъ отдавилъ бы насъ отъ той почвы, на которой стоитъ нашъ сочинитель. Какъ здѣсь, такъ и далѣе, мы будемъ ограничиваться такими изясненіями, которыя, не исчерпывая предмета во всей его полнотѣ, взаимно этого сближаютъ насъ съ воззрѣніями сочинителя и такимъ образомъ всегда даютъ видѣть послѣдовательный переходъ отъ его двустороннихъ взглядовъ къ болѣе вѣрному психологическому истолкованію разбираемыхъ здѣсь явленій.

«Когда Улиссъ возвратился на родину послѣ долголѣтняго странствованія, собака узнала его. Это возбужденіе прежде-бывшаго воззрѣ-



нія настоящимъ впечатлѣніемъ вызвало въ ней и душевныя настроенія радости, которыя психическимъ механизмомъ необходимо связались съ этимъ воззрѣніемъ. Но этотъ знакомый образъ былъ для собаки чисто-настоящій; она не вспоминала, какъ давно видѣла своего господина, не относила своего настоящаго воззрѣнія къ прошедшему; она не проходила въ воспоминаніи тѣхъ состояній, которыя она пережила безъ господина и которыя господинъ пережилъ безъ нея; поэтому ея настоящая радость не возмущалась тягостными воспоминаніями о дняхъ разлуки, какъ это бываетъ при человѣческихъ встрѣчахъ. Этотъ ясный фактъ указываетъ намъ на опредѣленную границу самосознанія животныхъ. Именно, такъ какъ всякое познаніе происходитъ изъ опыта, то воспоминаніе всегда объясняетъ намъ, откуда и почему такой-то предметъ оказывается намъ знакомымъ: воспоминаніе открываетъ намъ источникъ нашего настоящаго знакомства съ предметомъ. Слѣдовательно оно есть *знаніе о знаніи*, знаніе не только предмета, но также знаніе и о томъ, откуда и почему я знаю этотъ предметъ. Человѣческое дитя въ первый годъ своей жизни узнаетъ свою кормилицу, няню, мать. Но откуда это знаніе, это знакомство? Конечно, изъ прошедшихъ впечатлѣній, изъ прошедшихъ опытовъ. Только дитя не знаетъ объ этомъ, для него это знакомство есть простое настоящее, оно не имѣетъ еще *воспоминанія* о прошедшемъ, которое было причиною его настоящаго знанія, слѣдовательно оно не имѣетъ знанія о своемъ настоящемъ знаніи, не имѣетъ *самосознанія*. Не знаемъ, скажетъ ли сочинитель разбираемыхъ нами статей, что и это собственно человѣческое самосознаніе есть такая же нелѣпость, какъ самосиній цвѣтъ, или самосеребро. Мы не приводимъ здѣсь его текстовъ только потому, что они слишкомъ сбивчивы и потребовали бы обширной критики. Между тѣмъ изъ факта самознанія, на который мы указали (впрочемъ косвеннымъ образомъ), вытекаетъ цѣлый рядъ явленій, которыя рѣзко и рѣшительно отличаютъ душевную жизнь человѣка отъ жизни животныхъ.

«Положимъ, что человѣкъ имѣетъ ограниченную память, и что его воспоминаніе охватываетъ слишкомъ короткую линію прошедшаго. Если, однакоже, ему попадетъ въ настоящихъ опытахъ *знакомый* предметъ, то онъ не остановится тупо на этомъ сознаніи знакомаго, онъ скажетъ, на примѣръ: «это лицо знакомо мнѣ, но я забылъ гдѣ я видѣлъ его.» Что значить это выраженіе? Очевидно, что въ этомъ случаѣ человѣкъ *критикуетъ* свое собственное душевное состояніе. Онъ говоритъ: «мои ассоціаціи, которыя образовались изъ опытовъ, не достаточны; онѣ не таковы, каковы онѣ *должны* бы быть, чтобъ изъяснить настоящій фактъ моего знакомства съ этимъ предметомъ.» Это *критическое* отношеніе человѣка къ своему *эмпирическому* сознанію; къ своимъ, *эмпирически-образовавшимся*, душевнымъ состояніямъ;—

это отношеніе, которое говорятъ о томъ, что *должно бы быть* и чего *однакоже нѣтъ* въ наличномъ состояніи чловѣческаго духа, и есть начало всѣхъ и всякихъ *идеаловъ*, которые предносятся чловѣку въ его знаніи и дѣятельности, и подъ которыми развивается даже душа самаго грубаго дикаря, въ этомъ отношеніи рѣшительно отличная отъ всякой души животной. Въ психологіи Отцовъ церкви эта способность духа поставлать свое дѣйствительное развитіе подъ идею, имѣть не просто знаніе, но и идею знанія, не просто дѣйствовать, но и предносить себѣ идеаль дѣятельности лучшей и совершеннѣйшей,—эта способность называется *логосомъ*, и очевидно, что развитіе, прогрессъ, цивилизація имѣютъ свое психологическое основаніе въ постоянной зависимости *сущаствующаго*, эмпирически образующагося, духа отъ требованій логоса, или отъ идей, которыя такъ естественно возникаютъ въ духѣ изъ свойства, сейчасъ указаннаго.

«Если таково *ближайшее* отличіе чловѣческаго духа отъ души животной въ его внутреннемъ самосознаніи, то надобно ожидать, что и познаніе чловѣка о внѣшнемъ мірѣ будетъ отлично отъ познанія о немъ животныхъ. Штейнталь говоритъ, что животныя не имѣютъ знанія о *вещахъ*, какъ такихъ, или что они не подводятъ своихъ воззрѣній подъ категорію *вещи*. Это совершенно согласно съ замѣчаніемъ Пепенгаузера и самого же Штейнтала, что животныя не имѣютъ *общихъ* понятій о внѣшнихъ предметамъ.

«Когда собака узнала Улисса, то она не усиливалась прослѣдить въ воспоминаніи тѣ *перемѣлы*, какія произошли въ лицѣ, въ голосѣ, въ походкѣ и во всѣхъ движеніяхъ ея господина. Такое систематическое воспоминаніе *исторіи* Улисса дѣйствительно предполагало бы, что собака различаетъ между Улиссомъ и его измѣненіями, различаетъ предметъ отъ его свойствъ, относитъ эти свойства къ неизмѣняемой *объективной* основѣ, которая, какъ вещь, какъ субстанція, какъ мыслимый носитель качествъ, не дана въ воззрѣніи. Когда мы, люди, подводимъ наши воззрѣнія подъ категорію *вещи*, то это мы дѣлаемъ по *логической* необходимости. Одно и то же данное для воззрѣнія представляется намъ разъ чернымъ, въ другой разъ бѣлымъ, разъ бѣльшимъ, въ другой разъ меньшимъ, разъ треугольнымъ, въ другой разъ круглымъ. Такъ какъ наше *логическое* сужденіе не можетъ дѣлать такихъ нечлпныхъ положеній, каковы: черное есть бѣлое, большее есть меньшее, треугольное есть круглое: то наше мышленіе отодвигаетъ эти воззрѣнія на второй планъ и подлагаетъ подъ нихъ идею вещи, на которой они, какъ измѣнчивыя свойства или состоянія, могутъ быть мыслимы безъ противорѣчія. Слѣдовательно мы соединяемъ различныя воззрѣнія въ единичномъ и простомъ пунктѣ вещи по нуждамъ мышленія. Мы *видимъ* вещи, потому что самыя наши воззрѣнія суть *логической* природы.

«Нашъ сочинитель говоритъ, что осы, пауки и другія настькомы умѣютъ приравливать свою жизнь къ новой обстановкѣ. «Сначала, говоритъ онъ, настькомое пробуетъ поступать попрежнему; постепенныя неудачи показываютъ ему неудовлетворительность прежняго метода, оно пробуетъ новые методы, и если обстоятельства не губятъ его, оно наконецъ устраиваетъ свою жизнь по новому способу.» Этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію, но онъ не доказываетъ, чтобы животное сравнивало новую обстановку съ прежнею, какъ два измѣненія одной и той же вещи. Изъ ассоціацій, которыя рождены прежними опытами животнаго, сложился въ его душѣ образъ опредѣленной дѣятельности. Этому образу оно повинуется слѣпо, хотя чувства его получаютъ другія впечатлѣнія отъ новой обстановки. Нѣчто подобное вышло бы, еслибы человекъ, видя ясно, что въ стѣнѣ нѣтъ уже гвоздя, тѣмъ не менѣе, по старой привычкѣ, то-есть, по старой ассоціаціи представленій, пытался вѣшать на этомъ мѣстѣ свое пальто: пчела и оса точно такимъ образомъ, по старой привычкѣ, пытаются привѣшивать свои клѣточки къ мѣстамъ, на которыхъ они не видятъ прежнихъ опорныхъ пунктовъ, только частыя неудачи и разрушаютъ механически эту старую ассоціацію и такъ же механически образуютъ новую, которая отобразитъ въ себѣ новую обстановку. Весь этотъ фактъ, въ которомъ нашъ сочинитель видитъ доказательство разумности животныхъ, изобличаетъ ихъ рѣшительное безсмысліе. Сюда же относятся случаи, когда, напримѣръ, кошка приноситъ пойманыхъ ею мышей въ хату долго еще послѣ того, какъ ея котенята, для которыхъ она это дѣлаетъ, заброшены; или когда настьдка садится на гнѣздо, изъ котораго яйца давно уже вынуты, и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мнимая разумность животнаго состоитъ въ томъ, что новыя впечатлѣнія, накопляясь мало-по-малу, вытѣсняють впечатлѣнія старыя, и животное, такимъ образомъ, приравливается наконецъ къ новой обстановкѣ. Человекъ, который поставляется въ другія обстоятельства, подобно этимъ животнымъ, первѣе всего обзрѣваетъ эти обстоятельства, какъ перемѣны въ *вещахъ* и какъ нѣчто объективное; ему нѣтъ надобности дѣлать такіе глупые опыты, какъ привѣшивание пальто на стѣнѣ, въ которой онъ не видитъ болѣе гвоздя: онъ не просто видитъ явленія, но и *критикуетъ* ихъ, *судитъ* о нихъ. Такимъ же образомъ, какъ показано выше, онъ *критикуетъ* и свои внутреннія ассоціаціи. Поэтому онъ приравливается къ новой обстановкѣ, не дѣлая такихъ безсмысленныхъ попытокъ, какія мы сейчасъ видѣли у животныхъ и какія легко изобличили бы въ немъ человека сумашедшаго.

«Бенеке говоритъ, что въ самомъ простомъ или элементарномъ чувственномъ ощущеніи дано уже сознаніе *предметнаго* и сознаніе того *настроенія* или *состоянія*, въ какомъ находится при этомъ душа, слѣдовательно въ каждомъ званіи дано и самознаніе. Объ этомъ-то само-

сознаниі онъ говоритъ, что оно существуетъ въ психическихъ актахъ, или есть самосознание *прилагательное* (адъективное), следовательно не *субстанціальное*, не то, по силѣ котораго мы говоримъ о нашемъ я, или знаемъ наше я. Очевидно, что самое развитое животное не поднимается выше этого *прилагательнаго* самосознаниа. Кантъ въ своемъ трансцендентальномъ выводѣ категорій доказалъ и показалъ съ особенною опредѣленностью, что признание вещи, какъ *вещи* или какъ *объекта*, и знаніе о я, или самосознание, обозначаютъ одну и ту же степень развитія человѣческаго духа, только первое—со стороны внѣшней, а послѣднее—со стороны внутренней. Животное сознание не знаетъ о *вещи*, какъ носитель внѣшнихъ измѣненій, не знаетъ и о я, какъ носитель внутреннихъ измѣненій, потому что то и другое знаніе не раздѣльно, то и другое знаніе опредѣляется однимъ и тѣмъ же закономъ мышленія. Итакъ мыслить ли животное? Мы видимъ, что оно не *интересуется* ходомъ вещей, не стремится постигать ихъ по ихъ объективному порядку, изъяснять ихъ изъ нихъ же самихъ, постраивать науку о вещахъ; также видимъ, что оно не *интересуется* состояніями своего духа, не стремится понять ихъ, изъяснять ихъ изъ причинъ и условій и усовершеншать ихъ дознанными наукой средствами, словомъ не стремится постраивать науку о существѣ и усовершенствованіи духа. Наши человѣческія науки не чудо; онѣ только яснѣе, опредѣленнѣе и искуснѣе дѣлаютъ то, что дѣлаетъ самое бѣдное и не развитое человѣческое сознание.

«Итакъ мы указали на двѣ формы самосознаниа, которыхъ не достаетъ животнымъ: первая изъ нихъ есть критическое отношеніе духа къ своему собственному *эмпирическому* состоянію—отношеніе, которымъ обуславливается развитіе человѣка подѣ идеей; вторая—знаніе о я, какъ основѣ душевныхъ явленій. Какъ относятся между собою эти двѣ формы самосознаниа, далѣе—что разумѣетъ человѣкъ, когда говоритъ о себѣ: я, чѣмъ и многимъ ли отличается это человѣческое я отъ того, о которомъ училъ Фихте, какъ о чистой, безусловной дѣятельности положенія—этихъ вопросовъ мы не будемъ касаться здѣсь. Понятно впрочемъ, что каждый человѣкъ наполняетъ эту идею я различными содержаніемъ, смотря по степени своего образованія. Также мы не будемъ изъяснять, какія причины и условія въ устройствѣ организма и въ свойствахъ души содѣйствуютъ человѣку подняться на эту ступень свѣтлой, самосознанной жизни, гдѣ онъ *свободно* обозрѣваетъ свой внутренней міръ и также *свободно* смотритъ на міръ внѣшній, не ограничивая своего знанія настоящей, текущею нуждою, но *интересуясь* чистымъ пониманіемъ вещей, какъ такихъ. Очевидно, что указанная нами отличительныя свойства человѣческаго духа можно выразить такъ: человѣкъ развивается подѣ идеей *истины*; онъ не *допускается фактическимъ состояніемъ* ни своихъ представленій, ни внѣшнихъ воззрѣній. Тѣ и другія подводитъ онъ подѣ *метафизическія*

категоріи и такимъ образомъ оправдываетъ, или выправляетъ ихъ по общимъ, необходимымъ законамъ. Какъ въ чувственныхъ воззрѣніяхъ онъ отличаетъ существенныя формы явленія отъ случайныхъ, хотя бы то и постоянныхъ, измѣненій; такъ въ своемъ душевномъ состояніи онъ отличаетъ *субъективныя* соединенія представленій отъ мыслей, выражающихъ дѣйствительный ходъ вещей. Это та же критическая способность, на которую мы указали выше. Итакъ если говорить, что человѣческій духъ отличается отъ животнаго тѣмъ, что въ немъ, или ему открывается *метафизическая* сущность вещей; то и это выраженіе можетъ показаться страннымъ, или сомнительнымъ только для незнакомаго съ характеромъ и свойствами человѣческаго мышленія и познанія. Сознаніе человѣка дикаго и образованнаго — одинаково отодвигаетъ міръ непосредственныхъ воззрѣній на второй планъ, превращаетъ его въ явленіе, въ дѣйствіе, въ случайное, въ зависимое, въ производное, и воображаетъ видѣть *истинно-сущее* въ силахъ, въ сущностяхъ, въ причинахъ, въ основаніяхъ. Всѣ категоріи, подъ которыя мы подводимъ наши воззрѣнія, всѣ общіе законы, по которымъ мы опредѣляемъ настоящія и предопредѣляемъ будущія измѣненія въ вещахъ, составляютъ метафизическое содержаніе человѣческаго мышленія, не данное въ воззрѣніи. Лейбницъ сказалъ, что только животныя суть чистыя эмпирики, то-есть они довольствуются знаніемъ чисто-опытнымъ и тѣмъ сочетаніемъ, или порядкомъ представленій, какой сложился въ нихъ душѣ изъ случайныхъ впечатлѣній: а сообразенъ ли съ *истинной* тотъ и другой порядокъ — порядокъ вещей и порядокъ идей,—опредѣленъ ли онъ общими законами, и какими именно, этимъ вопросомъ объ истинѣ, съ котораго только еще начинается человѣческое званіе, они не интересуются.»

«....Новѣйшая психологія отличается отъ схоластической преимущественно двумя великими открытіями: это—законы психическаго механизма и законъ такъ-называемыхъ *рефлективныхъ* движеній. Нашъ сочинитель, повидимому, не знакомъ съ этими открытіями, и оттого онъ приписываетъ животнымъ дѣятельность, опредѣленную отчетливымъ мышленіемъ, въ такихъ случаяхъ, въ какихъ и самые развитые люди не руководствуются силлогизмами. Когда на вашъ глазъ ударитъ слишкомъ яркій свѣтъ, вы мгновенно закрываете глазъ; когда въ вашъ носъ, или въ ваше горло попадаетъ предметъ, производящій непріятное ощущеніе, вы мгновенно удаляете этотъ предметъ чиханьемъ и рвотой. Во всѣхъ этихъ случаяхъ ощущеніе само по себѣ и непосредственно раждаетъ движеніе, не дожидаясь вашей воли или вашего желанія производить это движеніе: или, какъ говорятъ физиологи, за опредѣленнымъ состояніемъ чувствительныхъ нервовъ слѣдуетъ съ необходимостію движеніе въ нервахъ двигательныхъ, безъ нашего намѣренія или желанія, но тѣмъ не менѣе движеніе *цѣлесообразное*, устраняющее непріятныя ощущенія, раждаемая состояніемъ нервовъ чувствитель-

ныхъ. Или вы разсуждали: такъ какъ яркій свѣтъ непріятенъ, то закрою лучше глаза? такъ какъ ощущение въ моемъ носѣ и въ моемъ горлѣ непріятно, то буду чихать и рвать? Животное убѣгаетъ при видѣ поднятой палки: представленіе палки, въ этомъ, впрочемъ, опредѣленномъ направленіи, рождаеть, по необходимой психической ассоціаціи, ощущение страха: это ощущение само собою приводитъ въ цѣлесообразное движеніе члены животнаго, и оно убѣгаетъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ и человѣкъ повинуется не медленному силлогизму, который притомъ еще обязанъ вызвать *желаніе* движенія, а быстрому потоку представлений, смѣняющихся механически, и невольному переходу ихъ въ движенія. Такъ мы внезапно сотрясаемъ рукой, когда упадетъ на нее искра, внезапно дѣлаемъ прыжокъ назадъ и издаемъ крикъ, когда на нашу голову летитъ камень. Въ минуты испуга мы обнаруживаемъ такую силу и ловкость въ движеніяхъ, какихъ не можетъ произвести наша обыкновенная, дѣйствующая по соображеніямъ, воля. Отчетливое мышленіе можетъ или помогать этимъ движеніямъ, или же оказываться вреднымъ резонерствомъ, задерживающимъ цѣлесообразные порывы природы, но вообще не оно *рождаетъ* эти явленія.

«Если нашъ сочинитель такъ охотно приписываетъ животнымъ мышленіе, то это происходитъ оттого, что онъ не имѣетъ никакого яснаго и опредѣленнаго понятія о мышленіи. «Мышленіе, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобъ изъ разныхъ комбинацій, ощущений и представлений, изготовляемыхъ воображеніемъ при помощи памяти, избирать такія, которыя соответствуютъ потребностямъ мыслящаго организма въ данную минуту.» Такъ вотъ въ чемъ состоитъ мышленіе, если вѣрить сочинителю!

«Бываютъ случаи, когда человѣкъ испытываетъ такія необыкновенныя страданія или потрясенія, которыхъ не можетъ выносить его организмъ, имѣющій ограниченную сумму силъ: въ этомъ положеніи человѣкъ или умираетъ, или же приходитъ въ особенное, несчастное, психическое состояніе, въ которомъ всѣ его душевныя силы теряютъ *объективное* достоинство и въ которомъ они только «соответствуютъ потребностямъ мыслящаго организма въ данную минуту.» Когда въ человѣкѣ возникаетъ эта роковая нужда, «чтобъ изъ разныхъ комбинацій, ощущений и представлений, изготовляемыхъ воображеніемъ при помощи памяти, избирать такія, которыя соответствуютъ потребностямъ мыслящаго организма въ данную минуту»: то это состояніе называется *сумашествіемъ*. Нашъ сочинитель называетъ это мышленіемъ. Между тѣмъ мы согласны еще разъ повторить, что отличительная черта всякаго сумашествія состоитъ именно въ томъ, что душевныя дѣятельности дѣлаются равнодушными къ объективному ходу вещей, что человѣкъ выбираетъ идеи, представленія и понятія не такія, какія необходимы для того, чтобы сознать этотъ объективный міръ въ его законѣрности, а такія, «которыя соответствуютъ потребностямъ мы-

омящаго организма въ данную минуту.» Когда сумашедшая мать прижимаетъ къ груди подушку и видитъ въ ней свое любимое дитя, то эти грезы имѣютъ цѣлю поддержать ея жизнь, которая иначе разрушилась бы отъ страданій, ея поразившихъ. Это состояніе безотрадно по отношенію къ цѣлямъ духа, но оно имѣетъ значеніе въ общемъ порядкѣ вещей, какъ временный замѣнъ смерти, какъ послѣднее средство самосохраненія, какое изшло еще въ органической системѣ человѣка.»

«Мы не будемъ доискиваться, какъ тамъ животныя совершенствуются цѣлыми породами: сочинитель увѣряетъ насъ въ этомъ. Если говорить объ усовершенствованіи цѣлой породы, то этимъ предполагается, что въ этой породѣ возможно *преданіе*, передача знаній и открытій отъ одного поколѣнія къ другому. Въ противномъ случаѣ вы можете усовершенствоваться, на примѣръ, всѣхъ лошадей и быковъ на свѣтѣ и все же не можете утверждать, что лошади и быки совершенствуются цѣлыми породами. Но мы рассмотримъ здѣсь съ нашей, довольно уже выясненной, точки зрѣнія, тѣ факты, на основаніи которыхъ сочинитель, повидимому, не хочетъ допустить никакого различія между нравственными явленіями животной и человѣческой жизни. Миѣніе, будто животныя не имѣютъ чувствъ, «которыя называются безкорыстными, возвышенными, идеальными», онъ признаетъ совершенно несообразнымъ съ общезвѣстными фактами. «Привязанность собаки, говорить онъ, вошла въ пословицу; лошадь проникнута честолюбіемъ до того, что, когда разгорячится, обгоняя другую лошадь, то уже не нуждается въ хлыстѣ и шпорахъ, а только въ удилахъ.» О насѣдкѣ говорится: «На чемъ основана ея заботливость о цыплятахъ, высиженныхъ ею изъ яицъ другой курицы? На томъ фактѣ, что она высидѣла ихъ, на томъ фактѣ, что она помогаетъ имъ дѣлаться курами и пѣтухами.... Она любитъ ихъ, какъ нянька, какъ гувернантка, воспитательница, благодѣтельница ихъ. Она любитъ ихъ потому, что положила въ нихъ часть своего нравственного существа—не матеріальнаго существа, нѣтъ, въ нихъ нѣтъ ни частички ея крови—нѣтъ, въ нихъ она любитъ результаты своей заботливости, своей доброты, своего благоразумія... Это отношеніе чисто—нравственное.»

«Этимъ изъясненіемъ поведенія насѣдки сочинитель надѣется доказать, что животныя возвышаются надъ кровнымъ родствомъ и знаютъ родство, основанное «на возвышенномъ чувствѣ благорасположенія». Хотя примѣръ этотъ взятъ изъ непонятной области инстинктовъ, однако изъ него видно, что сочинитель приписываетъ курицѣ дѣятельность, вытекающую изъ идеальныхъ побужденій, или изъ сознанія, что эта дѣятельность имѣетъ достоинство для цѣлей рода.

«Мы сомнѣваемся, чтобы это изъясненіе было правильно. Если курица дѣлается насѣдкой, то она побуждается къ этому не идеей общей пользы для цѣлаго рода; по причинамъ, которыя мы указали выше,

она садится въ гнѣздо даже и тогда, когда вынуты изъ него яйца, также садится и тогда, когда положены въ него яйца другой курицы. Она воспитываетъ цыплятъ, которыхъ она высидѣла изъ чужихъ яицъ, съ такою же любовію, какъ еслибъ они происходили отъ ея крови. Такъ и человѣческая мать, если подвинуть во время родовъ ея ребенка чужимъ, будетъ любить чужое дитя, какъ свое: здѣсь не можетъ быть и рѣчи о родствѣ, «основанномъ на возвышенномъ чувствѣ благорасположенія.» Но человѣческая мать превращаетъ эти инстинктивныя стремленія въ дѣло личности, въ нравственно-достойные поступки: она вспоминаетъ радости и страданія, которыя она испытала, откармливая дитя, она заботится въ настоящемъ о цѣлой будущности его; въ своей любви къ нему она видитъ *долгъ*, нравственное требованіе, предписаніе совѣсти: оттого ея инстинктивная любовь къ дитяти служитъ только опорнымъ и начальнымъ пунктомъ для ея любви къ цѣлому человѣку. Поэтому, когда дитя созрѣетъ до человѣка и не будетъ нуждаться въ заботливости матери, эта мать тѣмъ не менѣе видитъ въ немъ «результаты *своей* заботливости, *своей* доброты, *своею* благоразумія.» Теперь позволительно думать, что курица, по прошествіи опредѣленнаго срока, прерываетъ съ своими цыплятами всякую связь, по силѣ которой она могла бы любить въ нихъ результаты своей заботливости, своей доброты. Она не превращала своихъ прекрасныхъ инстинктовъ въ правило, въ долгъ, оттого даже и во время самаго ухода за дѣтми она все же не любила ихъ, какъ плодъ *своей* заботливости, *своей* доброты. Инстинкты, говоритъ Кювье, суть *сонныя идеи*; дѣйствительно, здѣсь мы видимъ душу, не пробудившуюся, не обладающую собою и своимъ, впрочемъ много знаменательнымъ, содержаніемъ. Животное тупо повинуется своему инстинктивному требованію ухаживать за дѣтми, и когда проходитъ пора этихъ невольныхъ влеченій, оно равнодушно разстается съ этою жизнію любви, не вспоминая о ней и не жалѣя объ этомъ прекрасномъ прошедшемъ. Нравственные инстинкты животныхъ, безспорно, имѣютъ глубокое значеніе и говорятъ много объ основаніяхъ этого, повидимому матеріальнаго, міра; но тѣмъ не менѣе животныя не суть нравственныя личности.

«Другой примѣръ, указывающій на честолюбіе лошади, которая готова надорвать себя и упасть замертво, «лишь бы обогнать соперницу», представляетъ то неудобство, что онъ можетъ быть изъясняемъ изъ многихъ основаній. Если вы смотрѣли на конскіе бѣги, то вы могли наблюдать здѣсь множество движеній. Лошадь дѣйствительно стремится обогнать другую, но и господинъ, правящій лошадей, не остается въ покоѣ. Легкимъ движеніемъ плечъ, ровными, едва приметными качаніями головы, особенно же напряженіемъ и подергиваніемъ ногъ онъ повторяетъ бѣгъ лошади, и мало-по-малу учащаетъ и ускоряетъ эти движенія. То же вы можете замѣтить и на нѣкоторыхъ



зрителѣхъ. Итакъ здѣсь, вопервыхъ, существуетъ передача движеній. Какъ распространяется эта эпидемія движеній, такъ ли, какъ зѣвота одного раждаетъ зѣвоту въ другомъ, какъ за судорогами одного больного перѣдко слѣдуютъ судороги и остальныхъ больныхъ, находящихся съ нимъ въ той же камерѣ, или здѣсь дѣйствуютъ болѣе эстетическія основанія симпатіи, которая увлекаетъ всѣхъ на одинъ путь, вызываетъ во всѣхъ одно стремленіе, мы не будемъ рѣшать здѣсь. Довольно впрочемъ видно, что, какъ зритель воспроизводитъ движенія лошади и наконецъ предупреждаетъ ихъ своими движеніями, то—есть *соперничаетъ* съ лошадыю, не изъ честолюбія, такъ и лошадь обгоняетъ свою соперницу не по этому идеальному побужденію: потому что въ честолюбіи существенную черту составляетъ мнѣніе другихъ о достоинствѣ подвига, судъ или оцѣнка другихъ; а этимъ лошадь вовсе не интересуется. Въ возбужденномъ состояніи мы не намѣренно, безъ нашего желанія, ускорѣемъ нашу походку, нашъ разговоръ. Нужно отличать волю, желаніе, или намѣреніе отъ простаго *примѣла* и *натиска* силъ къ одному душевному пункту: въ этомъ послѣднемъ случаѣ наши движенія дѣлаются быстрѣе и быстрѣе, не дожидаясь нашей воли. Въ такое возбужденное, или, какъ говоритъ сочинитель, *разгоряченное* состояніе приходитъ и лошадь во время состязанія. О честолюбіи, какъ душевномъ двигателѣ, здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

«Но для насъ легче оцѣнить третій примѣръ, который говоритъ о привязанности собаки. Что «привязанность собаки вошла въ пословицу», это справедливо. Мы говоримъ, на примѣръ, о служителѣ: онъ привязанъ къ своему господину, какъ собака. Что однакоже хотимъ мы сказать этимъ? Служитель привязанъ къ господину такъ, что одинаково повинуется всѣмъ его желаніямъ, *не оцѣнивая ихъ достоинства*. По первой волѣ господина онъ бросается на людей, какъ собака, и терзаетъ ихъ, не думая, что это подло: порядочный слуга скорѣе оскорбилъ бы господина неповиновеніемъ, нежели сталъ бы слѣпымъ орудіемъ его злости и подлости. Точно такъова привязанность собаки къ своему господину; она привязана къ нему не за его достоинства, она цѣнитъ одинаково всѣ его желанія, даже самыя низкія. Какъ въ животномъ всякое желаніе имѣетъ право на удовлетвореніе только потому, что оно *есть*, а не потому, что оно *хорошо*, то и на человѣка оно смотритъ съ этой же низкой точки зрѣнія; оно не относится къ нему, какъ къ *человѣку*, оно измѣряетъ его своею животною мѣркой. Тѣ, которые любятъ мосекъ и жучекъ, должны бы подумать объ этомъ, каковы—то они на взглядъ той собаки, которая такъ привязана къ нимъ. Вотъorexъ, въ области животныхъ мы имѣемъ дѣйствительно ту мораль утилитаризма, которую такъ усердно стараются иногда навязать человѣку. Животныя обнаруживаютъ трогательныя примѣры вѣрности, любви, благодарности: но все это не есть

явленіе *идеальных* чувствованій. Они, животныя, оцѣниваютъ эти явленія не по ихъ объективному достоинству, но по ихъ полезности. Животное не признаетъ *права* вещей, какъ такихъ, для него существуетъ только то, что полезно ему. Это общее настроеніе его сознанія повторяется и въ его кажущейся нравственной дѣятельности. На всѣхъ ступеняхъ животной жизни не достаетъ идеи истины, оттого въ ихъ практической дѣятельности не достаетъ идеи добра. Ихъ добродѣтели таковы же, какъ и ихъ познанія.»

Вскорѣ за этимъ г. Юркевичъ переходитъ къ интересному отряду о нравственной дѣятельности человѣка. «И этотъ вопросъ, говоритъ онъ, на разрѣшеніе котораго потратили столько силъ практическіе Англичане и теоретическіе Нѣмцы, не представляетъ для сочинителя, какъ онъ увѣряетъ насъ, ровно никакихъ затрудненій.»

«...«Человѣческой природы, говоритъ сочинитель, нельзя тутъ ни бранить за одно, ни хвалить за другое; все зависитъ отъ обстоятельствъ, отношеній.» Сочинитель хочетъ сказать, что когда мы доброе одобряемъ, злое не одобряемъ, то мы поступаемъ несправедливо. А между тѣмъ, нравственная область открывается именно этимъ фактомъ, что нѣкоторые поступки человѣка мы одобряемъ, а другіе порицаемъ. Этотъ фактъ тѣмъ замѣчательнѣе, что человѣкъ *самъ себя* то одобряетъ, то не одобряетъ, или, какъ говорятъ, имѣетъ *совѣсть*: этого событія точно не достаетъ въ душевной жизни животныхъ, но оно неразлучно сопутствуетъ человѣческому поведенію. Даже и тогда, когда человѣкъ убѣждается что его желанія и происшедшіе изъ нихъ поступки обусловлены необходимыми причинами, онъ не перестаетъ *смыслить* себѣ эти поступки, то осуждаетъ, то одобряетъ ихъ въ своей совѣсти. Человѣкъ сознаетъ, что другой на его мѣстѣ поступилъ бы *не такъ*, какъ онъ поступалъ, что другой на его мѣстѣ повелъ бы себя *иначе*, нежели какъ онъ себя повелъ; то-есть, онъ сравниваетъ себя съ другимъ, требуетъ отъ своего поступка общечеловѣческаго достоинства; и съ этой точки зрѣнія онъ *смыслитъ* себѣ свои поступки, какъ заслугу, или какъ вину, независимо отъ того, имѣетъ ли онъ теоретическую вѣру въ свою *свободу*, или нѣтъ. Итакъ странно слышать, если говорятъ, что «человѣческой природы нельзя тутъ ни бранить за одно, ни хвалить за другое.» Человѣку нельзя внушать, чтобъ онъ пересталъ дѣйствовать подъ идеей *смысленія*, какъ нельзя внушать солнечной системѣ, чтобъ она перестала двигаться по законамъ тяготѣнія. Вы имѣете здѣсь нравственно-необходимое явленіе, которое вы должны изяснить, а не отрицать. Такъ и понимаетъ это дѣло философія, которая поэтому встрѣчаетъ неодолимыя затрудненія при изясненіи нравственной дѣятельности человѣка. Животное не *смыслитъ* себѣ своихъ поступковъ: оно не имѣетъ *нравственной* спо-

собности поставялъ себя на мѣсто другаго, и другаго—на свое мѣсто. Поэтому оно *не интересуется* вопросомъ, каковъ бы былъ его поступокъ, еслибъ онъ былъ совершенъ другимъ, какую цѣну имѣеть онъ не для него въ частности, а для духа *вообще*, для всякаго духа. Нашъ сочинитель легко могъ бы замѣтить, что въ фактѣ *вмѣненія*, въ томъ, что мы *вмѣняемъ* человѣку его поступки, кроется такъ-называемое начало *человѣчности*.

«Хотя сочинитель увѣряетъ насъ, что о человѣкѣ нельзя сказать, добръ ли онъ, или золь, однако онъ же даетъ намъ совершенно общее правило, по которому надобно опредѣлять, когда бываетъ добръ, или золь всякій человѣкъ, человѣкъ *вообще*, а не Иванъ, не Петръ. «Добрымъ, говоритъ онъ, человѣкъ бываетъ тогда, когда для полученія пріятнаго себѣ онъ долженъ дѣлать пріятное другимъ, злымъ бываетъ онъ тогда, когда принужденъ извлекать пріятность себѣ изъ нанесенія непріятности другимъ.» Конечно, было бы послѣдовательнѣе, еслибы сочинитель назвалъ добрыми или злыми обстоятельства, понуждающія человѣка поступать по этимъ правиламъ, а не самого человѣка, и еслибъ онъ прибавилъ, что и самое это *вмѣненіе*, самое это сужденіе, которое различаетъ добрыя и злыя обстоятельства, дѣлаютъ опять эти же самыя обстоятельства, а не человѣкъ, не ученый, не писатель, который,—какъ нѣчто ни доброе, ни злое,—вообще не подходитъ самъ и не подводитъ другихъ ни подъ какую нравственную оцѣнку, не одобряетъ, не бранитъ, слѣдовательно не можетъ назвать одного добрымъ, а другаго злымъ, или одни обстоятельства—добрыми, а другія злыми. Такое строгое и оттого доводящее до нелѣпостей развитіе основной мысли указало бы сочинителю на потребность избрать другой нуть изъясненія, чтобъ уклониться отъ положеній, не поддающихся человѣческой логикѣ..

«...Нравственное достоинство находятъ обыкновенные, то-есть, всѣ люди только въ тѣхъ поступкахъ, которыми человѣкъ не только доставилъ удовольствіе другимъ, но и *хотѣлъ*, имѣлъ *намереніе* доставить это удовольствіе. Такъ честный человѣкъ заплатитъ деньги за мѣсто въ театрѣ, не потому что иначе онъ не можетъ войти въ театръ, а потому что онъ *хочетъ* заплатить, или потому что *хочетъ* уважать право другихъ людей. Почему онъ такъ поступаетъ—это другой вопросъ: только мы видимъ, что онъ поступаетъ по *идеѣ справедливости*, или что справедливость есть для него *долгъ*, нравственное требованіе. Въ свободномъ, *охотномъ*, не вынужденномъ исполненіи законовъ справедливости состоитъ его нравственное и притомъ личное достоинство: такъ посмотреть на его поступокъ и зритель посторонній, лично не заинтересованный въ дѣлѣ; онъ почувствуетъ уваженіе къ этому человѣку, признаетъ за нимъ нравственное достоинство, *вмѣнитъ* ему его поступокъ въ нравственную заслугу. Итакъ, если въ правилѣ, которое приводитъ сочинитель, говорится о нуждѣ доставлять удоволь-

ствіе другимъ для полученія пріятнаго себѣ, то мы теперь видимъ, что здѣсь понятіе удовольствія стоитъ случайно. Поступокъ добръ и вибняется человѣку въ личную заслугу не потому, что человѣкъ этимъ поступкомъ хочетъ доставить себѣ удовольствіе и для его достиженія *позволяетъ* дѣлаетъ пріятное другимъ, но потому, что онъ свое стремленіе къ удовольствію ограничиваетъ нравственною идеей справедливости: онъ не *хочетъ* доставлять удовольствіе себѣ, оскорбляя права другаго (такъ поступаетъ только животное въ своемъ стремленіи къ удовольствію, такъ поступаетъ и личность безнравственная): онъ *хочетъ* быть въ этомъ случаѣ справедливымъ, и собственно только это составляетъ нравственное явленіе въ цѣлой, сложной системѣ дѣйствій и поступковъ, относящихся къ этому случаю.

«...Человѣкъ имѣетъ наклонность, привычку, способность—образовашуюся или прирожденную — *оцѣнивать* самыя желанія, которыя, замѣтимъ еще разъ, всѣ одинаково направлены на достиженіе пріятнаго, или полезнаго. Какъ онъ имѣетъ знаніе знанія, такъ онъ имѣетъ (мы позволимъ себѣ неупотребительное выраженіе) *желаніе желанія*, то-есть, онъ не только желаетъ пріятнаго и полезнаго, какъ и другія животныя, но еще желаетъ, чтобы самое это желаніе достигало своей цѣли *средствами общими*, имѣющими достоинство въ себѣ, а не только въ томъ удовольствіи или въ той пользѣ, къ какой стремится желаніе въ своей непосредственности, по своей физической, не отъ насъ зависящей, натурѣ. Здѣсь опять выступаетъ та идея истины, которая для нашего чувственнаго существа есть что-то непонятное и постороннее. Почему бы человѣку не погружаться тупо въ свои личныя воззрѣнія? Почему бы ему такъ же пассивно не повиноваться своимъ влеченіямъ къ пріятному и полезному? Вѣдь беззаботность животнаго, его спокойствіе, его довольство настоящимъ происходятъ именно изъ этихъ источниковъ. Но какъ свои воззрѣнія онъ повѣряетъ и оцѣниваетъ по идеѣ истины, поколику онъ созналъ ее въ общихъ законахъ мышленія и бытія, такъ и свои желанія, влекущія его къ удовольствію и пользѣ, онъ повѣряетъ и оцѣниваетъ по общей идеѣ добра, на сколько она признана имъ въ общихъ законахъ нравственной дѣятельности. Много ли и вѣрно ли признана имъ эта идея добра, это другой вопросъ. Для одного нравственные законы лежатъ въ авторитетѣ высшихъ или старшихъ, для другаго въ обычаяхъ страны, или въ общественномъ мнѣніи, для иного въ положительномъ откровеніи, для многихъ всѣ эти законы сосредоточиваются въ ясныхъ и удобопонятныхъ идеяхъ справедливости и любви, наконецъ, всякій думаетъ знать объ нихъ, хотя различнымъ образомъ, изъ внушенія совѣсти, или изъ нравственнаго чувства. Не объ этомъ говоримъ мы здѣсь: точно такіе же различія существуютъ при вопросѣ о наукѣ, объ источникахъ знанія, о возможности, достовѣрности и границахъ человѣческихъ познаній, и т. д. Именно, самое это богатство началъ доказываетъ, что для

человѣка желаніе удовольствія и пользы имѣть *право* не потому что оно *есть*, и не потому что оно *есть* желаніе удовольствія и пользы; такимъ *естественнымъ* правомъ пользуются только желанія животныхъ: человѣческія желанія должны еще добыть себѣ это *право*, должны еще оправдывать себя предъ идеей добра, въ какомъ бы видѣ эта идея ни была представлена нами.

«Нашъ сочинитель выдаетъ за аксіому, «что человѣкъ любитъ пріятное и не любитъ непріятнаго», мы согласны съ нимъ; въ этомъ отношеніи *случай сыновъ человѣческихъ и случай скотскій, случай единыхъ имъ* (Еккл. 3, 19). Но кромѣ этого человѣкъ любитъ присматриваться еще къ *тѣмъ способамъ, къ тѣмъ манерамъ, къ тѣмъ правиламъ*, какими онъ достигаетъ пріятнаго и избѣгаетъ непріятнаго: животное не занимается этимъ знаніемъ о себѣ. Эта способность человѣка судить о способахъ, манерахъ, или правилахъ, какими онъ достигаетъ пріятнаго и избѣгаетъ непріятнаго, эта *критика* желаній воли сразу переноситъ человѣка въ область нравственную: онъ различаетъ *добрыя* и *злыя* поступки въ дѣятельности своей и чужой, какъ различаетъ истину и ложь въ познаніи.

«Мы вовсе не намѣрены здѣсь систематически излагать основанія нравственной дѣятельности человѣка: мы только показываемъ, какъ близко стоялъ сочинитель къ правильному пониманію этой дѣятельности, и только не научное стремленіе все сливать, все смѣшивать не дало ему видѣть истину, которая представляется такъ очевидно. Онъ говоритъ: «Если, напримѣръ, кто-нибудь отказываетъ свое наслѣдство постороннимъ людямъ, эти люди находятъ его поступокъ добрымъ, а родственники, потерявшіе наслѣдство, очень дурнымъ... Почему посторонніе люди, получившіе наслѣдство, называютъ добрымъ дѣломъ актъ, давшій имъ это имущество? Потому что этотъ актъ былъ имъ полезенъ. Напротивъ онъ былъ вреденъ родственникамъ завѣщателя, лишеннымъ наслѣдства; потому они называютъ его дурнымъ дѣломъ.» Изъ этого сочинитель заключаетъ, «что добро есть польза». Намъ кажется, что приведенный сейчасъ примѣръ говоритъ совсѣмъ не то. Старикъ, отказавшій наслѣдство людямъ постороннимъ, принесъ имъ пользу, а родственникамъ нанесъ вредъ, однимъ сдѣлалъ добро, а другимъ—зло. Итакъ, *что* онъ вообще сдѣлалъ, добро или зло? хорошъ или дуренъ его поступокъ, который былъ для однихъ полезенъ, а для другихъ вреденъ? Кажется, въ этомъ состоитъ вопросъ. Представьте, что простой, не заинтересованный въ дѣлѣ человѣкъ будетъ разсматривать поступокъ старика;—замѣтимъ мимоходомъ, что большая часть англійскихъ философовъ—моралистовъ оцѣнивали достоинство человѣческихъ поступковъ потому, какое впечатлѣніе производятъ они на посторонняго безпристрастнаго зрителя;—итакъ, представьте, что этого человѣка просятъ сказать свое сужденіе о распоряженіяхъ старика. Можетъ статься, что онъ будетъ разсуждать: «его поступокъ не хорошъ,

потому что онъ произошелъ изъ молочнаго сакомобія, которому успѣлъ достигъ чужіе люди, тогда какъ праводушные родственники гнушались этими средствами пріобрѣтенія». Или, онъ скажетъ при другихъ обстоятельствахъ. «родственники старика были несправедливы къ нему и оскорбляли его, а эти чужіе люди такъ были добры къ нему, такъ заботились о немъ, такъ много жертвовали для его покоя, что старикъ былъ бы несправедливъ и не благодаренъ, еслибы не наградили ихъ.»

«...Какъ нѣтъ такихъ безголовыхъ людей, которые не подводилъ бы своихъ возрѣтій подъ общее начало,—хотя бы это начало состояло изъ одного закона противорѣчія, не позволяющаго назвать черное бѣлымъ и круглое треугольнымъ,—такъ, вѣроатно, вы не отыщете на землѣ людей, которые добро непосредственно признавали бы въ пользѣ, не справляясь, какимъ образомъ поступокъ оказался для нихъ полезенъ, какое достоинство имѣетъ та дѣятельность, въ результатѣ которой оказалась польза для нихъ, или для другихъ.

«Въ выраженіи, что добро есть польза, заключается плохо-понятое ученіе философіи, что нравственно-совершенная дѣятельность есть необходимое условіе для счастья, или для блага людей какъ существъ разумныхъ. Человѣкъ имѣетъ разумный духъ, который такъ же требуетъ удовлетворенія, какъ и желудокъ. Но удовлетвореніе человѣка, какъ разумнаго духа, не только не противорѣчитъ пользамъ людей, какъ существъ физическимъ, но и вноситъ въ нихъ чувственное стремленіе смыслъ, ясное сознаніе значенія цѣлей и средствъ, особенно же располагаетъ ихъ нужды въ правильной, осмысленной системѣ по ихъ относительному достоинству, и такимъ образомъ ведетъ ихъ къ счастью собственно *человѣческому*,—когда человѣкъ не терается въ слѣпыхъ влеченіяхъ и въ нихъ удовлетворенія, какъ животное, но въ самыхъ этихъ влеченіяхъ только раскрываетъ достоинство своего лица и совершенство преслѣдуемыхъ имъ цѣлей. То, что называютъ полезнымъ, онъ цѣнитъ не по его непосредственному качеству, какъ полезное, но по его отношенію къ цѣлямъ, которыя онъ преслѣдуетъ, какъ нѣчто достойное само по себѣ. Этого понятія о достоинствѣ человѣческой личности, и слѣдовательно о достоинствѣ правилъ и цѣлей ея дѣятельности не достасть въ системѣ нравственнаго утилитаризма. Для него поступки человѣка хороши по тому же, почему хороша вода, хорошъ воздухъ, хороши деньги, хорошо кушанье. Они получаютъ свое достоинство только по отношенію къ интересамъ и выгодамъ другаго, а прежде этой встрѣчи съ интересами и выгодами другаго они еще не имѣютъ никакого нравственнаго качества.»

«...Польза не существуетъ какъ гора, какъ набережная, какъ *овца*; ова есть то, что она есть, только по отношенію къ нуждамъ и стремленіямъ человѣка, по отношенію къ цѣлямъ, которыя человѣкъ преслѣдуетъ, какъ нѣчто достойное. Если нашъ сочинитель говоритъ, что

«добро есть польза», то, повидимому, онъ направляетъ свою теорію нравственности противъ морали *ригоризма*, которая хочетъ, чтобы мы такъ же выполняли законы долга, какъ камень выполняетъ законы тяжести, безучастно, не испытывая радости и наслажденія отъ нравственной дѣятельности, отъ торжества правды и добра въ нашихъ стремленіяхъ и поступкахъ. Справедливо, что такая нравственность не сообразна съ существомъ человѣка: удовольствіе, удовлетвореніе, слѣдовательно добро, или благо, счастье или, пожалуй, польза суть не отдѣлимые мотивы человѣческихъ поступковъ. Чистѣйшая христіанская нравственность указываетъ человѣку на благо, которое онъ долженъ найти въ Богѣ: радость или свѣтлое настроеніе духа въ настоящемъ, надежда въ будущемъ, блаженство въ вѣчности—таковы состоянія, неразлучныя съ этою нравственною дѣятельностью.

«Индійскіе аскеты дѣлали отчаянныя попытки выключить всякое ощущеніе счастья и радости изъ своей дѣятельности. Встрѣча съ человѣкомъ доставляетъ удовольствіе, и вотъ они даютъ обѣтъ не видѣть человѣческаго образа во всю свою жизнь и бѣгутъ въ пустыни. Здѣсь они питаются плодами, которые опять производятъ ощущеніе удовольствія, и они рѣшаются замѣнить плоды травой невкусною и неудобоваримою. Наконецъ они замѣчаютъ, что самое зрѣлище деревъ и луговъ раждаетъ чувство удовольствія,—и они уходятъ въ мѣста скалистые и песчаные. Но и здѣсь ихъ совѣсть не спокойна, тамъ въ ущельяхъ скалъ показался аскету прекрасный цвѣтокъ, другой разъ на него повѣяло ароматомъ, или его слухъ получилъ пріятное ощущеніе отъ пѣвія птицъ; даже каждый пріемъ скудной и безвкусной пищи сопровождался, хотя легкими, пріятными ощущеніями, и все это ложилось тяжестью на совѣсти аскета. Отсюда брамаизмъ очень послѣдовательно пришелъ къ убѣжденію, что быть человѣкомъ—грѣхъ и неправда, что существованіе человѣка, какъ *человѣка*, есть порокъ и зло, потому что гдѣ есть человѣкъ, тамъ есть и желаніе, а желаніе всегда желаетъ пріятнаго. Такovy въ самомъ дѣлѣ необходимые выводы изъ нравоученія, которое требуетъ отъ человѣка нравственной дѣятельности, не доставляющей ему удовлетворенія или удовольствія,—дѣятельности, въ которой исполняется только отвлеченное правило невѣдомо, для кого, для чего, изъ какихъ интересовъ, и которая не должна быть одобряема первѣе всего самимъ дѣтелемъ, потому что всякое одобреніе предполагаетъ удовлетвореніе.

«Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы нравственная система утилитаризма была болѣе сообразна съ существомъ и достоинствомъ человѣка, нежели система нравственнаго ригоризма: ей не достаетъ, какъ мы видѣли, идеи достоинства человѣческой личности, и нераздѣльно съ этимъ, идеи цѣли, въ достиженіи которой человѣкъ находитъ не только удовлетвореніе, но и совершенство. Полезно то, что удовлетворяетъ нашимъ потребностямъ: но каковы эти потребности и каковы поэтому

предметы, способные удовлетворить имъ, это мы опредѣляемъ уже не въ идеи пользы, а наоборотъ, идея пользы измѣняется съ измѣненіемъ нашихъ потребностей и понятій о нашемъ достоинствѣ и цѣли нашего существованія. Если вы развили въ себѣ потребность, которая удовлетворяется только познаніемъ сущности и законовъ міра явленій, то такимъ образомъ вашу пользу, ваше счастье вы можете найти только въ истинѣ. Подобнымъ образомъ говоритъ Спиноза, что познаніе Бога есть основная *страсть* (affectus) человѣческаго духа и потому удовлетвореніе этой страсти, то-есть дѣйствительное богопознаніе, доставляетъ духу величайшую радость и блаженство. Очевидно, что въ этихъ случаяхъ идея удовольствія, или пользы не выключается изъ области нравственной дѣятельности, но только измѣняется сообразно съ задачами, стремленіями и цѣлями, достиженіемъ которыхъ духъ интересуется. Въ какой бы области ни дѣйствовалъ человѣкъ,—въ земномъ мірѣ страстей, или въ небесномъ мірѣ истины и добра,—онъ всегда будетъ живымъ существомъ, слѣдовательно чувствующимъ удовольствіе и скорбь и стремящимся къ тому, что доставляетъ ему счастье и благо. Полезно то, что производитъ пріятное щекотаніе въ нашей кожѣ, хорошее пищевареніе въ желудкѣ, правильное обращеніе крови и т. д., полезно то, что развиваетъ наши душевные силы, увеличиваетъ наши познанія и нравственные совершенства; полезно то, что приводитъ нашу дѣятельность въ гармонію съ общимъ благомъ существъ разумныхъ: вѣроятно, также полезно и то, что приводитъ насъ въ согласіе съ общимъ *смысломъ* всего существующаго или, проще, съ волею Божіею, насколько люди знаютъ, или надѣются знать объ ней изъ различныхъ источниковъ. Но эта система благъ, какъ легко видѣть, основывается на системѣ *совершенствъ* и на понятіи о достоинствѣ предметовъ желанія. Или можно допустить, что эти различные потребности, которымъ удовлетворяютъ такіе различные предметы, развились въ духѣ *такъ просто*, а не вслѣдствіе того, что онъ заинтересованъ идеей совершенства и что эта идея есть для него движущая и опредѣляющая сила? Удовольствіе, какъ удовольствіе, существуетъ только для сознанія животныхъ; животное удовлетворяется, и только; а *чѣмъ* оно удовлетворяется, это для него безразлично. Человѣкъ получаетъ удовольствіе отъ *чего-нибудь*, отъ этого опредѣленнаго предмета; а знаніе о томъ, что удовлетворяетъ его, рождаетъ въ немъ оцѣнку предмета, и даетъ ему средства различать цѣли достойныя и недостойныя, низшія и высшія; такимъ образомъ онъ поставляетъ свое развитіе и свои стремленія къ счастью подъ идею объективнаго совершенства, свои влеченія онъ подчиняетъ сознанію *долга* и требованіямъ нравственнымъ. Или другими словами: человѣкъ, какъ и животное, начинаетъ свое существованіе въ патологическомъ мірѣ непосредственныхъ желаній пріятнаго, какъ таковаго; на этой точкѣ всѣ его удовольствія существуютъ, такъ сказать, у него подъ кожей;



онъ ищетъ удовольствія просто ради удовольствія, ради его непосредственнаго качества. Но изъ этого патологическаго міра непосредственныхъ желаній человекъ, какъ мы видѣли, выходитъ въ міръ дѣйствительный и вступаетъ въ область *истинно-сущаго*: развитіе свое онъ поставяетъ въ зависимость отъ идеи, какую онъ образовалъ о своемъ назначеніи и достоинствѣ вещей.»

«... Утилитаризмъ въ нравственности есть то же, что фетишизмъ въ религіи. Какъ эта форма религіи чтитъ Бога только за то, что онъ *полезенъ* человекъ, то-есть доставляетъ ему помощь и счастье, но она не имѣетъ идеи существа въ себѣ совершеннаго, въ себѣ достойнаго въ себѣ досточтимаго, такъ мораль утилитаризма требуетъ только полезности поступка, не спрашивая, какъ онъ относится къ той идеѣ, подъ которою развивается всякій человекъ. Еслибы сочинитель понималъ пользу въ такомъ видѣ, какъ мы ее изобразили, то-есть какъ идею телеологическую, стоящую въ зависимости отъ сужденій духа о своемъ назначеніи, онъ не затруднился бы допустить философское различіе между *добромъ безусловнымъ* и добромъ условнымъ, или собственно тѣмъ, что онъ называетъ пользой. А теперь онъ вынужденъ измѣнять себѣ, отрицать свои собственные опредѣленія, и все это непоследовательно и наперекоръ своимъ открытымъ стремленіямъ.

«Такъ, вопервыхъ, чтобы слить добро съ пользой, онъ поставяетъ правило, называемое имъ *теоретическою справедливостію*, которое говоритъ: «общечеловѣчскій интересъ стоитъ выше выгодъ отдѣльной націи, общій интересъ цѣлой націи стоитъ выше выгодъ отдѣльнаго сословія, интересъ многочисленнаго сословія выше выгодъ малочисленнаго.» То-есть, малочисленное сословіе должно преслѣдовать свои интересы и искать своей пользы на столько, на сколько это сообразно съ интересами многочисленнаго сословія и далѣе съ интересами цѣлой націи и наконецъ съ интересами общечеловѣческими. Это дорогое правило, которое цѣликомъ возстановляетъ нравственное начало, указанное нами выше, потому что, какъ очевидно, это правило говоритъ: «признавай полезнымъ только то, что приводитъ твою дѣятельность въ гармонію съ общими благамъ разумныхъ существъ.» Но что раждаетъ эту гармонію частнаго и общаго, сочинитель уже не можетъ сказать; онъ только требуетъ во имя теоретической справедливости, чтобы человекъ заботился объ этомъ. По крайней мѣрѣ и въ настоящемъ случаѣ добро не есть для него только польза, какъ въ китайскомъ ученіи и въ китайской жизни, но польза опредѣленная *теоретическою справедливостію*.

«Онъ говоритъ, что общечеловѣческіе интересы выше національныхъ, національные выше сословныхъ. Что значить это *выше*? То ли, что сослове имѣетъ право приносить въ жертву своимъ интересамъ интересы частныхъ лицъ, націи—интересы сословій? Но это привело бы насъ къ восточному воззрѣнію на общество и на отношенія къ нему

частныхъ лицъ съ ихъ частными интересами. Сочинитель, повиди-  
мому, только это и умѣетъ сказать, потому что онъ видитъ въ своемъ  
ученіи о высшихъ и низшихъ интересахъ примѣненіе геометриче-  
ской аксіомы: «цѣлое больше своей части.» Мы думаемъ, что, пока  
человѣкъ преслѣдуетъ свои частные интересы въ предѣлахъ *справед-*  
*ливости*, до тѣхъ поръ эти интересы должны быть уважаемы сосло-  
віемъ и цѣлою націей. Это предположеніе о нравственномъ правѣ лица  
лежитъ въ основаніи законодательства всѣхъ образованныхъ народовъ.  
Что цѣлое больше своей части, это *всегда* справедливо; но не *всегда*  
справедливо, что интересы сословія выше интересовъ отдѣльнаго лица.  
Отдѣльный человѣкъ можетъ поступать сообразно съ требованіями  
долга, чести и справедливости; и наоборотъ, сословіе можетъ измѣ-  
нить этимъ нравственнымъ требованіямъ. Что же, и тогда интересы  
безчестнаго сословія выше интересовъ этого честнаго и справедливаго  
человѣка? Но главное въ томъ, какимъ образомъ, напримѣръ, малень-  
кая компанія купцовъ должна приняться за свое дѣло такъ, чтобы ея  
интересы не противорѣчили интересамъ цѣлаго торговаго сословія,  
цѣлой націи и наконецъ всего человѣчества? Почему и откуда будетъ  
ей извѣстно, что она не вступитъ въ это роковое противорѣчіе? Она  
будетъ знать объ этомъ не вслѣдствіе невозможнаго сличенія ея  
нуждъ съ нуждами всѣхъ, но изъ *законности* и *справедливости* сво-  
ихъ предпріятій. Кто мыслитъ правильно и логически, тотъ уже не  
справляется на улицѣ, сообразно ли его мышленіе съ мышленіемъ  
всѣхъ: онъ увѣренъ внутренно, что его мышленіе развивается въ  
общечеловѣческомъ направленіи. Такимъ же образомъ и для примѣре-  
нія частныхъ интересовъ съ общими человѣкъ находитъ правила и  
законы въ себѣ самомъ, и когда онъ поступаетъ сообразно съ этими  
правилами, то онъ убѣжденъ, что его дѣятельность находится въ гар-  
моніи съ общими благамъ существъ разумныхъ: а интересы *большин-*  
*ства*, какъ большинства, никогда не могутъ стать *за одно это* зако-  
номъ его поведенія. Другіе примѣры, можетъ-быть, такъ же доказали  
бы намъ, что *количественное* различіе между интересами высшими и  
низшими, которое выставляетъ сочинитель, какъ правило доброй дѣя-  
тельности, всегда сводится къ *качественному* различію между *прави-*  
*лами*, или способами дѣятельности со стороны субъективной, и между  
*цѣлами*, или предметами дѣятельности со стороны объективной. А  
кто учитъ, что интересъ большинства за это одно есть выше интереса  
меньшинства, тотъ даетъ такую юридическую теорію, о которой  
давно забыли образованные и свободные народы.

«... Сочинитель доказываетъ вамъ, «что всѣ люди эгоисты.» «Вообще,  
говоритъ онъ, надобно бываетъ только всмотрѣться попристальнѣе въ  
поступокъ, или чувство, представляющіеся безкорыстными, и мы уви-  
димъ, что въ основѣ ихъ все-таки лежитъ... мысль о собственной  
личной пользѣ, личномъ удовольствіи, личномъ благѣ, лежитъ чувство,  
называемое эгоизмомъ.»

«...Положимъ, что это такъ, положимъ, что человѣкъ заинтересованъ только своимъ счастьемъ, а къ счастью и несчастью другаго онъ не имѣетъ никакой примчивости. Однако, если исторія человечества показываетъ, что вездѣ, гдѣ были люди, были и понятія о справедливости, какъ основаніи общаго счастья, если люди на самыхъ низкихъ ступеняхъ цивилизаціи сознавали, что для своей личной пользы нужно заботиться о пользѣ другихъ, то здѣсь мы видимъ какую-то *мудрую силу*, которая вынудила у эгоизма, равнодушнаго къ счастью и несчастью другихъ, холодное, невольное и неискреннее служеніе пользамъ другихъ людей для своихъ собственныхъ выгодъ. Этотъ фактъ кажется намъ понятнымъ только потому, что мы привыкли къ нему. Хищныя птицы и хищныя звѣри живутъ одиноко, потому что они не могутъ подѣлиться добычей. И эгоизмъ, какъ такой, не можетъ дѣлиться добычей: и однакожъ онъ дѣлится, и однакоже, противъ своего искренняго желанія, онъ заботится о пользѣ другихъ людей. Если предполагаютъ, что къ сознанію необходимости этого образа дѣйствій онъ пришелъ рядомъ опытовъ, что въ историческихъ борьбахъ онъ осмысляетъ себя и находитъ въ служеніи чужой пользѣ самое прочное, хотя и неприятное, средство для достиженія собственныхъ интересовъ: то такое построеніе общества и идеи общаго блага изъ нужды эгоизма—дѣлать *по волю* то, чего онъ не хочетъ дѣлать *по волю*, и что несообразно съ его понятіемъ, изьясняло бы только *производство или фабрикацію* чужой пользы, но не то живое, непосредственное, симпатическое участіе къ судьбѣ другаго, которое знакомо и душѣ злодѣя въ ея лучшія минуты. Вѣроятно и здѣсь придется намъ сослаться на сердце, какъ это сдѣлалъ нашъ сочинитель по другому случаю.

«Исторія человечества начинается непосредственною жизнью лицъ въ общемъ, въ племени, въ родѣ; долго человѣкъ не хочетъ и не умѣетъ выдѣлать себя и свои интересы изъ этого общаго, его нравственность есть нравы племени, его знаніе—авторитетъ старшихъ, онъ радуется и скорбитъ не за себя, а за свое племя, за его счастье и несчастье; совершенства и слабости этого шлага онъ относитъ къ себѣ, какъ будто опредѣленный духъ этого общаго есть его непосредственный духъ. Общее благо такъ близко его простому сердцу, такъ непосредственно и внутренно интересуется его, что онъ долго не можетъ выдѣлать изъ этой идеи представленіе о своей частной пользѣ. Даже предметамъ неодушевленной природы онъ далъ достоинство, какое находилъ въ себѣ: онъ одушевилъ ихъ, подложилъ подъ нихъ свою душу съ ея нуждами и сочувствовалъ имъ. Онъ созерцалъ вещи не такъ, какъ онѣ есть, а такъ, какъ онѣ были бы, еслибы все въ мірѣ наслаждалось полнымъ счастьемъ. Всякое человеческое дитя начинаетъ свое развитіе этимъ миеологическимъ сознаніемъ. Живымъ потребностямъ любящаго сердца, еще не охладѣвшаго отъ опыта, повуждаютъ его видѣть и любить жизнь даже тамъ, гдѣ опытный умъ не

видѣть ничего живаго и воодушевленнаго. Человѣкъ начинаетъ свое нравственное развитіе изъ движеній сердца, которое вездѣ хотѣло бы видѣть благо, счастье, сладкую игру жизни, вездѣ хотѣло бы встрѣчать существа радующіяся, согрѣвающія другъ друга теплотой любви, связанныя дружбой и взаимнымъ сочувствіемъ. Только въ этой формѣ *осуществлемаго всеобщаго счастья* міръ представляется ему какъ нѣчто достойное существовать. Такъ и мы, развитые эгоисты, все же не можемъ относиться безучастно и холодно, по одному разчету на личную пользу, не только къ человѣку, но и къ самой неодушевленной природѣ. Когда вы видите, что цвѣты въ вашемъ саду вянуть, вами овладѣваетъ какое-то чувство, похожее на сожалѣніе; вамъ не хотѣлось бы, чтобъ и эта жизнь страдала. Все, напоминающее вамъ о страданіяхъ живыхъ существъ, вызываетъ въ васъ грусть, грусть не за себя, а за жизнь, совершенно для васъ чуждую. Такъ, уже неодушевленная природа раждаетъ въ васъ своими впечатлѣніями чувства не только эстетическія, но и нравственныя: ваше сердце испытываетъ легкое волненіе отъ *идеи общаго блага*, которой осуществленіе вы хотѣли бы замѣчать вездѣ, куда ни обратится взоръ вашъ.

«Странными кажутся эти разсужденія объ общемъ благѣ, какъ хорошо-придуманномъ средствѣ для достиженія личной пользы. Не давно еще господствовало убѣжденіе, что человѣкъ придумалъ словесный языкъ, соображая тѣ выгоды, какія происходятъ изъ предпочтенія этого языка языку жестовъ. Теперь эта теорія брошена, какъ нецѣльность, свойственная незрѣлой наукѣ. Человѣкъ говоритъ прежде, нежели *хочетъ*, или разчитываетъ говорить. Онъ вовсе не придумывалъ того, чтобъ его ощущенія производили особенно сильныя рефлексивныя движенія въ органахъ дыханія и гортани: это зависитъ отъ первоначальнаго устройства его чувственно-духовной природы. А между тѣмъ и доселѣ нѣкоторые психологи доказываютъ нецѣльность, подобную нецѣпости, о которой мы сейчасъ сказали, именно, что люди, какъ существа эгоистическія, придумали общее благо, какъ средство для личной пользы cadaquo, что собственно только своею личною пользою интересуется человѣкъ, а въ общемъ благѣ видитъ не общее благо, а простое условіе своего частнаго интереса. Понятно, что рефлексъ и слѣдовательно *придумываніе* не простирается ни на какіе начатки душевныхъ явленій. Шеллингъ говоритъ, что человѣкъ, когда онъ въ первый разъ обратилъ отчетливое вниманіе на свою жизнь и дѣятельность, уже засталъ себя охваченнымъ тѣмъ нравственнымъ и общественнымъ порядкомъ, который представляетъ осуществленіе идеи общаго блага въ большихъ размѣрахъ.

«Въ человѣческомъ духѣ есть нѣчто похожее на то, что католики называютъ сверхдолжными дѣлами у святыхъ своихъ, есть средства и силы, такъ сказать, лишнія для цѣлей чувственнаго самосохраненія. Откровеніе называетъ этотъ духъ, поколику онъ свободенъ отъ слу-

женія чувственнымъ инстинктамъ, богоподобнымъ. Выше мы видѣли, что человѣкъ сочетаваетъ свои представленія не только въ томъ порядкѣ, какъ этого требуетъ его непосредственная польза, знаетъ о мѣрѣ не только, какъ о суммѣ средствъ, необходимыхъ для его поддержанія; онъ возвышается надъ этою ступенью животнаго сознанія и знанія о мѣрѣ. По силѣ своего самосознанія онъ признаетъ *право* вещей, какъ такихъ, интересуется знаніемъ способа ихъ происхожденія и измѣненія, знаніемъ общихъ законовъ и правилъ, по которымъ все происходитъ въ мѣрѣ, независимо отъ того, какъ относится все это къ его непосредственной пользѣ. Итакъ уже человѣческое знаніе выступаетъ за предѣлы эгоизма и утилитаризма, въ которыхъ заключено знаніе животныхъ. Человѣкъ находитъ удовлетвореніе въ знаніи, какъ знаніи, или онъ находитъ удовлетвореніе въ перестройкѣ своего міра субъективныхъ представленій по идеѣ истины. Перенесите это отношеніе въ область практической дѣятельности, и вы поймете, почему человѣкъ, наперекоръ своему эгоизму, признаетъ *право* живыхъ существъ, какъ такихъ, слѣдовательно право ихъ на жизнь, на радости и блага жизни, и почему онъ интересуется ихъ судьбами, почему ихъ страданія и радости отражаются въ его сердцахъ и вызываютъ въ немъ сочувствіе, участіе и любовь. Повторяемъ: какъ въ своихъ познаніяхъ, такъ и въ своихъ поступкахъ онъ одинаково признаетъ *право* того, что не есть самъ онъ, и оттого въ первомъ случаѣ онъ развивается подъ идеей истины, а во второмъ, подъ идеей добра, въ первомъ случаѣ онъ выступаетъ какъ знающій истину умъ, во второмъ, какъ любящее и жертвующее сердце. Если умъ, стремясь воспроизвести объективный порядокъ міра, *жертвуетъ* для него тѣми субъективными, хотя часто пріятными, сочетаніями представленій, которыя развились въ немъ изъ встрѣчи его личныхъ состояній съ случайными вліяніями вѣшной среды, то и сердце имѣетъ эту же способность *жертвовать*, или приносить жертвы для общаго блага, имѣетъ способность сдерживать и подавлять эгоистическія стремленія.

«Два психологическіе факта могутъ пояснить намъ сейчасъ сказанное. Одинъ изъ нихъ состоитъ въ томъ, что наши мысли суть вмѣстѣ наши конкретныя, психическія состоянія, что, поэтому, всякая мысль, на примѣръ мысль о различіи лица стъ вещи, о семействѣ, обществѣ, о счастіи и несчастіи другаго, даже такая абстрактная мысль, какъ представленіе единства міра, рождаетъ, или можетъ рождать въ насъ, такъ-называемыя интеллектуальныя чувства, которыя суть совершенно-безкорыстное участіе въ положеніи мыслимаго предмета, радость или скорбь за самый этотъ предметъ, а не за наши личные интересы. Животное не имѣетъ этихъ идеальныхъ чувствъ, потому что оно не имѣетъ мыслей, которыя рождали бы ихъ; поэтому оно исполнѣ эгоистично. И въ человѣкѣ эти идеальныя чувства могутъ быть подавлены, или закрыты болѣе насущными требованіями и нуждами;

но тѣмъ не менѣе они готовы пробудиться въ немъ при первомъ благопріятномъ случаѣ. Эгоизмъ равнодушенъ къ счастью другихъ, пока онъ преслѣдуетъ эту опредѣленную цѣль: но какъ только онъ достигнетъ ея, то спокойное воспоминаніе о подлостяхъ, неправдахъ и чело-вѣческихъ страданіяхъ, которыхъ причиною былъ онъ, бываетъ большею частію непріятно для него. Самое наслажденіе достигнутою цѣлью требуетъ еще нѣкотораго усилія для подавленія тѣхъ, хотя лег-кихъ, но все же непріятныхъ чувствованій, которыя рождаются отъ мысли, что онъ поступилъ несправедливо. Иначе наслаждается соб-ственностію тотъ, кто приобрѣлъ ее честнымъ трудомъ, и иначе—тотъ, кто укралъ ее у другаго. Послѣдній не выразилъ въ своемъ поступкѣ истины, о которой онъ имѣетъ теоретическое познаніе: но эта истина, или мысли объ этой истинѣ тѣмъ не менѣе отзываются въ немъ чув-ствованіями, которыя теперь противорѣчатъ его поведенію и рождаютъ, или могутъ родить въ немъ невольное, непріятное душевнастроеніе. Вслѣдствіе этого психическаго отношенія между мыслями и идеаль-ными чувствованіями, которыя происходятъ изъ нихъ, чело-вѣкъ ощу-щаетъ потребность, или *влеченіе* выразить въ своихъ поступкахъ *истину*, воплощать теоретически-истинное въ нравственно-добромъ. Если выше мы сказали, что чело-вѣкъ хотѣлъ бы дѣйствовать согласно не только съ общимъ благомъ разумныхъ существъ, но и съ *смысломъ* всего существующаго, то это желаніе безусловнаго нравственнаго совершенства происходитъ изъ тѣхъ идеальныхъ чувствованій, которыя рождаются изъ нашихъ теоретическихъ мыслей о мірѣ, его основѣ и его назначеніи.

«Второй фактъ состоитъ въ томъ, что эгоизмъ въ своемъ чистомъ ка-чествѣ, какъ мы изобразили его выше, не существуетъ въ чело-вѣческой природѣ: только отвлеченіемъ мы выдѣляемъ въ чело-вѣческомъ духѣ рядъ эгоистическихъ стремленій, которыя входятъ въ многослож-ную систему душевной жизни, какъ одно явленіе подлѣ множества другихъ явленій. Такъ, напримѣръ, когда мы наслаждаемся созерца-ніемъ прекраснаго ландшафта, то вѣроятно въ это состояніе наслажде-нія мы приходимъ не вслѣдствіе эгоистическихъ стремленій. Злой духъ, по изображенію нашего отечественнаго поэта, смотрѣлъ однажды на дивныя красоты божественныхъ созданій, и однакоже «на челѣ его высокомъ не отразилось ничего». Эгоизмъ замкнуть для всякаго чу-жаго совершенства, для него тяжело, не выносимо признаніе чужаго достоинства, чужаго добра. Чело-вѣческой эгоизмъ развивается, напро-тивъ, на *общемъ*, на родовомъ, или на томъ, что признано совершен-нымъ во мнѣніи другихъ людей. Чело-вѣкъ не можетъ наслаждаться тѣмъ, чѣмъ никто не интересуется, въ чемъ люди, окружающіе его, не ви-дятъ никакого достоинства. Въ этомъ отношеніи онъ самъ ограничи-ваетъ себя *общимъ*, поставяетъ себя въ свободную зависимость отъ общественнаго мнѣнія, отъ господствующихъ нравовъ, отъ принятыхъ

въ обществѣ понятій о достоинствѣ лица, о достоинствѣ подвига и т. д. Когда левъ вспрыгиваетъ на жирафа и гордо несется на этомъ красивомъ конѣ по песчанымъ пустынямъ, онъ не чувствуетъ потребности, чтобы другіе видѣли его торжество и удивлялись ему: онъ просто наслаждается самъ-себѣ. Человѣкъ чувствуетъ эту потребность, онъ хочетъ, чтобы его достоинство было признано другими: поэтому въ самыхъ эгоистическихъ стремленіяхъ онъ признаетъ право общаго. Онъ испытываетъ нравственную потребность, чтобы люди признавали его мнимыя, или дѣйствительныя достоинства, которыми онъ гордится, и въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ онъ уважаетъ человѣчество и любитъ его. Полудикій деспотъ Востока не терпитъ никакого проявленія чужой воли; онъ безпощадно уничтожаетъ каждаго, кто осмѣлится противиться ему. Но онъ удовлетворяется не этимъ фактическимъ истребленіемъ людей, а чувствомъ, происходящимъ отъ мысли, что другіе въ этихъ дѣйствіяхъ будутъ признавать его неодолимое могущество, которое, по суду дикаго общественнаго мнѣнія, составляетъ высшее достоинство человѣка. Онъ не хочетъ истреблять людей; онъ хочетъ, чтобы они жили и могли судить о немъ: только онъ не можетъ выносить, чтобы его воля встрѣчала гдѣ-либо препятствія и ограниченія.

«Такимъ же образомъ, когда животное преслѣдуетъ опредѣленную цѣль, достиженіемъ которой оно удовлетворяется, то весь остальной міръ, лежащій внѣ этой цѣли, не имѣетъ на него никакого вліянія: оно относится къ нему равнодушно и безучастно. Человѣческой эгоизмъ также преслѣдуетъ частную и опредѣленную цѣль: эта цѣль есть какъ бы его *спеціальность*. Однакоже при этомъ человѣкъ не остается равнодушнымъ ко всему остальному міру. Именно, эгоистъ попираетъ человѣчество только тамъ, гдѣ оно противорѣчитъ его эгоистической частной цѣли: во всѣхъ другихъ случаяхъ для него существуетъ, или остается психическая возможность уважать это человѣчество, содѣйствовать его счастью и любить его.»

«... Итакъ мы видимъ, что въ человѣческомъ духѣ дѣйствительно есть *условія*, которыя, взаимнымъ треніемъ, рождаютъ «искру благожеланія» (по выраженію Юма), способную при лучшихъ обстоятельствахъ воспламенить всего человѣка на подвиги правды и любви. Человѣкъ не есть злой духъ, всегда разрушительный, какъ онъ не есть и свѣтлый ангель. Естественная потребность самосохраненія или самоподдержанія можетъ развиться въ немъ до крайнихъ предѣловъ и обратиться въ эгоизмъ, равнодушный къ правдѣ и любви и жертвующій для своей пользы чужимъ счастьемъ. Но какъ мы видѣли, эти эгоистическія стремленія не суть *всѣ* душевныя стремленія: человѣкъ все же остается человѣкомъ, онъ находитъ человѣчество первѣе всего въ себѣ, въ своихъ понятіяхъ и невольныхъ сердечныхъ движеніяхъ, какъ и въ своей судьбѣ, которая слишкомъ тѣсно связала его съ другими, съ родомъ; поэтому съ какой-нибудь стороны въ немъ всегда остается пси-

хическая возможность любви, состраданія, участія, уваженія къ другимъ и т. д. Мы приведемъ здѣсь нѣкоторые изъ фактовъ, которыми нашъ сочинитель доказываетъ эгоистическое начало и эгоистическую цѣль всѣхъ человѣческихъ поступковъ.

«Онъ говоритъ: «Если мужъ и жена жили между собою хорошо, жена совершенно искренно и очень глубоко печалится о смерти мужа, но только вслушайтесь въ слова, которыми выражается ея печаль: «на кого ты меня покинулъ? что я буду безъ тебя дѣлать? безъ тебя тошно жить на свѣтѣ!» Подчеркните эти слова «меня, я, мнѣ», въ нихъ смыслъ жалобы, въ нихъ основа печали. Возьмемъ чувство еще гораздо высшее, чистѣйшее, чѣмъ самая высокая супружеская любовь, чувство матери къ ребенку. Ея плачъ о его смерти точно такъ же: «Ангель мой! Какъ я тебя любила! какъ я любовалась на тебя, ухаживала тобою! сколько страданій, сколько безсонныхъ ночей ты стоилъ мнѣ! Погибла въ тебѣ моя надежда, отнята у меня всякая радость!» И тутъ опять то же: «я, мое, у меня». Другими словами, сочинителю хотѣлось бы, чтобы мы исключили изъ нашей дѣятельности наше я, которое однакожъ есть источникъ этой дѣятельности: ему хотѣлось бы, чтобы мы исключили изъ нашей жизни наши радости и страданія, безъ которыхъ однакожъ и эта жизнь не была бы *наша*; только подъ этими условіями онъ былъ бы готовъ признать эту дѣятельность и эту жизнь не эгоистическою. Но выше мы показали, да и теперь видимъ, что такое требованіе ригористической морали не выполнимо, что наше я всегда будетъ тамъ, гдѣ есть *наша*, все равно нравственная или безнравственная дѣятельность, что наша живая душа всегда будетъ испытывать опредѣленные пріятныя или непріятныя ощущенія, все равно, будемъ ли мы дѣлать добро или зло, будемъ ли мы преслѣдовать цѣли эгоистическія, или дѣйствовать для счастья другихъ. Эгоизмъ не въ томъ состоитъ, что мы не выключаемъ себя и нашего счастья изъ нашей дѣятельности, но въ томъ, что мы выключаемъ изъ этой дѣятельности другихъ людей и ихъ счастье, или смотримъ на нихъ при этомъ только какъ на средство нашего счастья. Извѣстно, что люди, которые съ нравственнымъ воодушевленіемъ и героизмомъ ухаживаютъ за больными во время господства эпидемическихъ болѣзней, менѣе всего подвергаются опасности заразы, и наоборотъ, люди, которые со всею тщательностію заботятся въ это время только о хорошемъ состояніи своего желудка, не такъ безопасны отъ заразы, какъ эти герои. Извѣстно вообще, что нравственное мужество, душевная доблесть отражается въ нашемъ организмѣ какъ физическая сила. Эти факты признаны медициною и психологіей. Но послѣ этого какимъ образомъ вы можете исключить свое счастье изъ тѣхъ нравственныхъ стремленій, которыя вы направяете на благо другихъ? Нравственность не есть рядъ правилъ, а есть жизнь и притомъ самая нормальная; поэтому она воздѣйствуетъ, или можетъ воздѣйствовать благотворными вліяніями даже на наше физическое существованіе.



«Впрочемъ, положимъ, для изясненія дѣла, что жепа будетъ говорить надъ гробомъ мужа такимъ образомъ: «Это ужасная неприятность! я не могу перечислить, сколько я потеряла въ немъ. Онъ получалъ огромное жалованье, пользовался квартирнымъ пособіемъ, казеннымъ отопленіемъ, да еще имѣлъ случайные доходы. Я могла держать экипажъ, чистую прислугу, могла выѣзжать на балъ и у себя принимать изящное общество. Теперь я должна отказаться отъ всего этого. Вообразите мое положеніе: я такъ люблю наряжаться и танцовать. Я скорѣе согласилась бы потерять мою прекрасную дачу, нежели лишиться моего мужа. И не знаю, какимъ бы образомъ выйти мнѣ изъ этого дурнаго положенія и притомъ какъ можно поскорѣе.» Замѣтимъ, что подобнымъ языкомъ можетъ выражаться и благородная женщина, если дѣло идетъ о потерѣ имѣнія, или даже о перемѣщеніи мужа на другую, менѣе доходную должность. Но что сказали бы вы о женщинѣ, которая говорила бы такимъ языкомъ при гробѣ мужа? Вѣроятно, вы отвернулись бы отъ этого нравственнаго чудовища: а между тѣмъ выраженія, въ которыхъ нашъ сочинитель заставляетъ высказываться вдову и мать, вызываютъ ваше участіе. Итакъ, откуда эта разница въ чувствахъ посторонняго зрителя? Она произошла оттого, что въ приведенныхъ нами послѣднихъ словахъ мужъ разсматривается какъ вещь, какъ собственность, какъ имѣніе: объ немъ жалѣетъ жена, какъ о потерянномъ средствѣ для своихъ личныхъ удовольствій. Это подлинный эгоизмъ—эгоизмъ въ своемъ чистомъ качествѣ, и онъ-то такъ дѣйствуетъ возмутительно на сердце посторонняго, не заинтересованнаго въ дѣлѣ, зрителя.

«Всобще, когда нашъ сочинитель превращаетъ всѣ человѣческіе поступки въ эгоистическіе, то онъ разсматриваетъ душу, какъ струну, которая въ одну единицу времени и отъ одного внѣшняго толчка можетъ издавать только одинъ тонъ. Но мы хотимъ не этой монотонной жизни, мы только требуемъ, чтобы различные тоны, вовсе несоизмѣримые сами по себѣ, давали цѣлостный аккордъ, пріятный для нравственнаго чувства. Особенно, нѣжный плачъ матери по своему сынѣ, жены по своему мужѣ не есть такое явленіе, въ которомъ открывалось бы только нравственное чувство, и ничего болѣе: въ немъ, въ этомъ явленіи, встрѣчаются и пересѣкаются множество душевныхъ интересовъ, стремленій и состояній, которыя можно бы разложить на опредѣленные порядки. Но изъ этой сложности явленій, изъ того, что явленіе не состоитъ изъ одного душевнаго элемента, изъ одного душевнаго движенія, слѣдуетъ только, что человѣкъ воплощаетъ свои нравственныя чувства и идеи не гдѣ-нибудь въ пустыхъ, ничѣмъ не наполненныхъ пространствахъ міра, но въ дѣйствительныхъ состояніяхъ своей души, въ ея порывахъ, нуждахъ и стремленіяхъ. Мы даже не можемъ вообразить въ человѣкѣ такого нравственнаго поступка, въ которомъ можно бы видѣть, наприкладъ, только голую справедливость.

держашуюся на самой себѣ, или только выполнение абстрактнаго долга, и который не имѣлъ бы еще другаго особеннаго содержанія и не представлялъ бы для насъ еще другихъ разнообразныхъ интересовъ. Такъ Рафаэлевъ Мадонна существуетъ для насъ не только какъ прекрасный образъ, но и какъ рядъ линий различной величины и какъ группа различныхъ красокъ; но это обстоятельство вовсе не противорѣчитъ тому, что она есть прекрасный образъ, удовлетворяющій нашему эстетическому чувству. Человѣкъ не есть машина, движимая какимъ-то нравственнымъ механизмомъ и равнодушная къ тому, что вырабатывается этимъ движеніемъ. Вы хотѣли бы убить въ человѣкѣ всякое влеченіе, всякую жизненность и теплоту, чтобы потомъ сказать ему: «теперь ты можешь поступать, какъ нравственная личность, потому что, когда ты сдѣлаешь другому безкорыстную услугу, это не отразится въ тебѣ никакимъ чувствомъ удовлетворенія; ты будешь дѣлать добро другимъ, *не желая* этого; а такъ какъ желаніе направлено на предметъ, его удовлетворяющій, то въ настоящемъ случаѣ ты добро, которое ты дѣлаешь другимъ, *не желая*, не будетъ имѣть къ тебѣ никакого отношенія, не будетъ имѣть для тебя никакого вкуса: это мы называемъ безкорыстнымъ поступкомъ. Во всякомъ другомъ случаѣ, ты, какъ мы утверждаемъ, будешь дѣйствовать эгоистически, потому что добра другому ты будешь *желать*, замѣть, будешь *желать*, то—есть будешь находить свое удовлетвореніе, свое благо, свой рай, свое небо въ томъ, чтобы дѣлать другихъ счастливыми, уменьшать ихъ страданія, доставлять торжество правдѣ и т. д.»

«Въ самомъ дѣлѣ на этихъ, впрочемъ невысказанныхъ, предположеніяхъ основано все ученіе нашего сочинителя о томъ, что всѣ поступки человѣка происходятъ изъ эгоизма. Онъ говоритъ напримѣръ: «Другъ, проводящій цѣлыя недѣли у постели больнаго друга, дѣлаетъ пожертвованіе гораздо болѣе тяжелое, чѣмъ еслибъ отдавалъ ему всѣ свои деньги. Но почему онъ приноситъ такую великую жертву и въ пользу какого чувства онъ приноситъ ее? Онъ приноситъ свое время, свою свободу въ жертву своему чувству дружбы,—замѣтимъ же, *своему* чувству: оно развилось въ немъ такъ сильно, что, удовлетворяя его, онъ получаетъ большую пріятность, чѣмъ получилъ бы отъ всякихъ другихъ удовольствій» и т. д.

«Это изъясненіе пожертвованій друга какъ разъ подходитъ подъ странныя нравственныя правила, которыя мы привели выше. Сочинитель соблазняется тѣмъ, что другъ не только приноситъ большія жертвы—приноситъ ихъ не *такъ себѣ*, а еще *желаетъ* приносить ихъ, испытываетъ потребность и *влеченіе* проводить дни и ночи у постели больнаго друга. Въ этомъ же изъясненіи сочинитель рассматриваетъ чувство дружбы такъ, какъ оно существовало бы только въ тупомъ и несомнѣнно сознаниі животныхъ. Выше мы сказали, что для животнаго удовольствіе или удовлетвореніе есть абсолютный пунктъ, не-

разложимый, ничѣмъ вѣшнимъ не измѣряемый: какой предметъ доставилъ ему это удовлетвореніе,—вопросъ этотъ не занимаетъ его; онъ не думаетъ объ оцѣнкѣ достоинствъ сзаго предмета. Въ такомъ ли положеніи находится сознаніе челоѣка, жертвующаго своимъ покоемъ и временемъ для выздоровленія своего друга? Судя по изъясненіямъ сочинителя, мы должны бы предположить что жертвующій другъ можетъ рассуждать наединѣ такимъ образомъ: «мой другъ опасно боленъ: оно бы и ничего, пусть себѣ ваялся бы онъ въ больницѣ, пусть себѣ страдалъ бы онъ и умеръ; я къ этому совершенно равнодушенъ; только у меня сильно чувство дружбы, которому я не могу удовлетворять, пока онъ въ больницѣ и когда онъ умретъ; я вовсе не забочусь собственно о немъ; еслибы на его мѣстѣ была моя собачка, то есть еслибы она такъ же удовлетворяла моему чувству дружбы, я и для нея пожертвовалъ бы всѣмъ тѣмъ, чѣмъ жертвую для него: потому что предметъ, на которомъ удовлетворяется мое чувство дружбы, безразличенъ для меня; такъ оно водится между животными, такъ веду себя и я». Предоставляемъ другимъ судить, возможно ли это отношеніе, которое въ самомъ дѣлѣ было бы эгоистично, какъ этого желаетъ нашъ сочинитель.»

«...Окончимъ нашъ разборъ статей: антропологическій принципъ въ философіи общими замѣчаніями. Эти статьи дѣйствительно принадлежатъ къ философіи реализма, отъ которой мы имѣемъ и ожидаемъ такъ много добраго и плодотворнаго для науки и жизни: но онъ не знакомъ намъ съ дѣйствительными выводами этой философіи. Знакомъ ли сочинитель даже съ именами философовъ этого направленія,—неизвѣстно; а что онъ не знакомъ съ ихъ психологическими и философскими теоріями—несомнѣнно. Онъ говоритъ о предметахъ философіи, какъ будто поваслышкѣ. Онъ слышалъ, что философія реализма разрабатываетъ свои задачи по методѣ естествознанія и есть, такъ сказать, естествознаніе на почвѣ психическихъ явленій,—и, какъ кажется, отсюда пришелъ къ мысли искать изъясненія душевныхъ явленій въ химической лабораторіи. Онъ отвергаетъ въ челоѣкѣ не-матеріальное начало потому, какъ мы видѣли, что его нигдѣ не видно, онъ ни однимъ словомъ не показалъ, чтобъ онъ имѣлъ ясное представленіе о самовозрѣннн и самонаблюденнн, какъ особенномъ источникѣ психологическихъ познаннн. Такимъ же образомъ метафизическое ученіе о единствѣ бытія и физическое ученіе о единствѣ матернн во всемъ чувственномъ мнрѣ послужило для него поводомъ къ смѣшеннн и къ слнтнн различнымъ порядкомъ явленнн—неорганическихъ и органическихъ, органическихъ и духовныхъ,—и только не понятое имъ ученіе о превращеннн количественныхъ разностей въ качественные возвратило мнру тотъ порядокъ и ту постепенность въ развитнн явленнн одного изъ другаго, какія мы ежедневно наблюдаемъ. Наконецъ, принимая съ множественномъ народа, что всякое возрѣннн, взятое въ своей непосредственности,

есть уже фактъ науки, сочинитель не нашелъ особенныхъ отличій жизни человѣческой отъ животной, призналъ за душой человѣка только животную способность дѣйствовать по эгоистическимъ побужденіямъ и отказалъ человѣку во всякихъ средствахъ и условіяхъ, при которыхъ онъ могъ бы развиваться въ нравственную личность. На этомъ пунктѣ его реализмъ переходитъ въ номинализмъ: сочинитель думаетъ, что предметы, означаемые именами: память, воображеніе, мышленіе и т. д. такъ же вездѣ одинаковы, какъ эти имена.

«Отдѣльные замѣчанія, которыя мы противопоставили этимъ будто бы философскимъ теоріямъ, надѣемся, показываютъ, что сочинитель ихъ не знакомъ съ дѣломъ, за которое взялся. Очевидныя логическія погрѣшности рядомъ съ метафизическою путаницей; признаніе *метафизическаго* достоинства за нѣкоторыми частями естествознанія, навная вѣра, что вещи, которыя мы видимъ и осязаемъ или о которыхъ говоритъ химія, суть *вещи въ себѣ*, а не явленія; представленіе духа, какъ предмета, наблюдаемаго *в-себѣ*, и притомъ предмета въ себѣ безкачественнаго, который всякой мысли, всякаго стремленія, всякаго желанія долженъ ожидать не отъ своей натуры, а отъ милости вѣшнихъ обстоятельствъ; похвальныя пѣсни высокому уму и благородному сердцу животныхъ, наконецъ отрицаніе въ человѣкѣ всякой моральной натуры, даже и такой, какую сочинитель приписалъ животнымъ;—всѣ эти предположенія и положенія далеко не обозначаютъ современнаго состоянія психологіи. Конечно, дѣтство въ философіи будетъ всегда, пока будутъ люди на землѣ: философія, какъ говорятъ, принадлежитъ общему образованію, но по этому можно сказать, что она принадлежитъ и общему невѣжеству. Статьи, которыя мы рассмотрѣли, не только не изясняютъ психическихъ явленій, но сами представляютъ психическое явленіе, интересное въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, на ихъ диктаторскій тонъ, на всезнаніе сочинителя, на его презрѣніе къ людямъ, которые искренно признаются въ затрудненіяхъ, связанныхъ со многими психологическими вопросами, на эти странныя увѣренія сочинителя, что для него тутъ все легко, все просто, все понятно,—посмотрите на то, какъ онъ всякую путаницу выдаетъ за строгій выводъ точныхъ наукъ, какъ онъ пугаетъ читателя постоянными напоминаніями, что онъ—сочинитель—принадлежитъ къ числу естествоиспытателей и что глупо спорить съ его положеніями, какъ съ истинами точной, математически-точной науки,—посмотрите наконецъ на это циничское сознаніе сочинителя, что онъ пишетъ о томъ, о чемъ ничего не знаетъ, что онъ занимается «пустословіемъ», щеголяетъ «знакомствомъ съ такими вещами, съ которыми въ сущности онъ мало знакомъ»: не есть ли это рядъ психическихъ явленій, которыя можно бы изяснять изъ другихъ болѣе специальныхъ началъ, нежели какія изясняютъ душевную жизнь человѣка вообще? Вспомните только, что эти вопросы, которые не представляютъ

для сочинителя ровно никакихъ затрудненій, въ самомъ дѣлѣ рѣшаются гдѣ-нибудь въ центрахъ Африки съ несравненно большею легкостью, нежели въ центрахъ Европы. Но мы приведемъ здѣсь коротенькую выписку изъ Давида Юма. «Я убѣжденъ, говорить этотъ философъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда люди говорятъ особенно дерзко и заносчиво, они всего чаще обольщаются и повинуются страсти, не взвѣсивая и не ограничивая своихъ положеній, а между тѣмъ только одно это могло бы избавить ихъ отъ величайшихъ несправедливостей.» Эта выписка избавляетъ насъ отъ обязанности изъяснять явленія, на которыя мы сейчасъ указали.»

Мы очень рады, что имѣли случай познакомить нашихъ читателей съ г. Юркевичемъ, который далъ себѣ трудъ подробно анализировать сбродъ непонятыхъ или полупонятыхъ мнѣній, выдающихъ себя, въ нашей журналистикѣ, за какую-то передовую мудрость. Но онъ, какъ читатели видѣли, не удовольствовался одною полемикой, а высказалъ въ живомъ, общедоступномъ изложеніи столько зрѣло-обдуманнаго и истинно-философскаго, и обнаружилъ самостоятельность мысли, самостоятельность, которая заключается не въ томъ, чтобы все начинать сызнова, а въ живомъ, дѣйствительномъ усвоеніи знанія, въ дѣйствительномъ процессѣ собственной мысли. Ему знакомы разнообразныя философскія системы; онъ сочувственно примыкаетъ къ современнымъ тенденціямъ философской мысли, которыя условлены общимъ положеніемъ наукъ, какъ на примѣръ, воззрѣнія Германа Лотце; но тѣмъ не менѣе онъ находится въ совершенно-свободномъ отношеніи къ системамъ, и не допуская свою мысль до слѣпаго увлеченія или до школьнаго послѣдованія. Онъ знаетъ гдѣ чего искать, на чемъ остановиться, отъ чего отойти. Такъ и должно быть; для ума свободно мыслящаго—а только такой умъ способенъ къ философскому разумѣнію—системы не должны быть принципами, а только фактами.

Другая статья г. Юркевича, также недавно напечатанная въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (№ 10, *Материализмъ и задача философіи*), съ которою случайно мы познакомились уже послѣ, удовлетворила насъ гораздо менѣе. Она болѣе походитъ на конспектъ, предварительно набросанный, нежели на выработанный трудъ. Авторъ въ ней какъ бы забываетъ о читателѣ, и вообще по этой статьѣ нельзя было бы составить себѣ вполне соответственное представленіе о достоинствахъ ея автора. Кстати мы позволимъ себѣ замѣтить вообще, что напрасно у насъ люди мыслящіе стараются переводить или перековывать философскіе термины. Ихъ или слѣдуетъ брать такъ, какъ въ своей греческой или латинской формѣ вошли они въ

общее употребленіе, или мыслящій умъ долженъ найти новый *подступъ* къ понятію, и въ инстинктахъ своего народнаго языка отыскать для него новое выраженіе, которое можетъ не походить на философскій терминъ, употребляемый философами мыслившими на другомъ языкѣ. Рабское копированіе термина съ чужаго языка вредитъ самому понятію и лишаетъ его всякой живой силы, обыкновенно это бываетъ признакомъ людей, не призванныхъ къ оригинальному мышленію; но въ г. Юркевичѣ, у котораго иногда, особенно въ статьѣ, напечатанной въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, случается нѣчто подобное, это только слѣдствіе общей въ нашихъ философскихъ школахъ привычки, отъ которой онъ имѣетъ всѣ средства освободиться самымъ успѣшнымъ образомъ.

Въ заключеніе выскажемъ желаніе, чтобы г. Юркевичъ почаще являлся въ литературѣ, и чтобы преподавательская его дѣятельность приняла еще большіе размѣры, на что впрочемъ мы имѣемъ уже нѣкоторое основаніе надѣяться.

## ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

*L'Ouvrière* par Jules Simon. Paris. 1881.

Въ Парижѣ есть харчевенное заведеніе, конечно, никогда не посѣщаемое русскими богачами, которые пріѣзжаютъ повеселиться въ прекрасной Франціи. На вывѣскѣ этого заведенія написано: *Au hasard de la fourchette* (вилочная удача) и его стоило бы описать въ романѣ *Парижскія Тайны* Евгенія Сю, къ сожалѣнію, умершаго въ изгнаніи. Въ этомъ заведеніи, среди множества узкихъ, грязныхъ столовъ, разставленныхъ рядами, и не снабженныхъ ни скатертями, ни салфетками, красуется огромный котель. Длинный желѣзный трезубецъ, называемый вилкой, прикрѣпленъ цѣпочкой къ столбу, вбитому близъ котла, гдѣ плаваютъ разныя яства въ цѣломъ океанѣ варева:

*Apparent rari nantes in gurgite vasto,*

какъ говоритъ Вергилій. За скромную сумму пяти сантимовъ каждый гость получаетъ право *однажды* погрузить вилку въ глубину этого обширнаго вмѣстителя съѣдобныхъ веществъ, и каждый вытаскиваетъ, что ему попадется: кто кусокъ говядины или телятины, кто морковь, или сосиску. Очень часто на вилку не попадаетъ ничего, а иногда случается вы щипъ трапку или старшій

башмакъ; на это жалуется, но только потому что подобныя вещи занимаютъ въ котлѣ мѣсто, уменьшая вѣроятность удачи. Вотъ почему на вывѣскѣ и написано: *вылочная удача*.

Такимъ же образомъ и я на удачу погружаю перо въ чернилицу, и извлекаю изъ нея литературное извѣстіе.

Возвратясь въ Парижъ послѣ отлучки въ Анжу, куда мнѣ было нужно съѣздить на нѣсколько дней по дѣламъ, я увидѣлъ на стѣнахъ домовъ огромное объявленіе о вновь вышедшей книгѣ:

*L'Ouvrière*, par Jules Simon,  
un vol. in 8, prix 6 francs <sup>1</sup>.

Такъ какъ эта книга только что вышла и составляетъ литературную новость, то поговоримъ и о ней, и о г. Жюль-Симонѣ. Этого заслуживаютъ и авторъ, и сочиненіе.

Жюль Симонъ родился въ послѣдній день 1814 года, въ Лоріанѣ, небольшомъ городѣ Бретани. Онъ былъ до 1852 года профессоромъ философіи въ Нормальной Школѣ и въ Сорбоннѣ, гдѣ замѣнялъ должностнаго профессора г-на Кузена, который выбралъ его не потому, чтобъ онъ согласовался съ нимъ въ понятіяхъ о философіи и политикѣ, но просто потому, что Жюль-Симону было тогда только двадцать четыре года отъ роду, а въ эти лѣта у человѣка не бываетъ еще вполне утвердившихся мнѣній о философіи, и ему не доводится такъ рано высказать свой политическій образъ мыслей. Послѣ революціи 1848 года Жюль Симонъ былъ выбранъ депутатомъ въ учредительное собраніе. Тамъ онъ возражалъ г. Монталамберу, предлагавшему поручить общественное преподаваніе духовенству, и состоялъ докладчикомъ органическаго закона о преподаваніи. Потомъ онъ былъ членомъ государственнаго совѣта и предсѣдательствовалъ въ комитетѣ, въ который послѣ строгихъ мѣръ, принятыхъ по случаю мятежа, обогрившаго въ 1848 году кровью улицы Парижа, участникамъ бунта слѣдовало обращаться съ просьбами о помилованіи. Послѣ переворота 2 декабря Жюль Симонъ опять занялъ свою катедру въ Сорбоннѣ. Открывая курсъ на 1851—1852 годъ, онъ прочелъ лекцію, въ которой объяснялъ, что двойкой морали не можетъ быть, и что даже всеобщимъ одобреніемъ націи нельзя оправдать нарушеніе права. Лекцію свою онъ заключилъ слѣдующими словами:

• Хотя бы вся Франція, собравшись въ комиціяхъ, объявила, что дозволяется безнаказанно нарушать слово, данное подъ при-

<sup>1</sup> *Рабочая Женщина*, соч. Жюль Симона, I томъ, въ 8 долю, цѣна 6 франковъ.

сягой; то и тогда моя совѣсть обязала бы меня возвысить голосъ и протестовать противъ этого.»

На слѣдующій же день въ *Монитеръ* было объявлено объ отставкѣ неустрашимаго профессора, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, отказавшись присягнуть новой конституціи, онъ былъ исключенъ изъ вѣдомства университета.

Возстановленіе имперіи, уничтоживъ преподавательское поприще Жюль-Симона, положило также конецъ и политической роли, которую онъ игралъ съ 1848 года.

Россія стремится къ освобожденію, Франція пятится къ деспотизму. Русскимъ можно спокойно смотрѣть на ходъ событій и съ довѣренностію къ будущему пріивѣтствовать всеобщими рукоплесканіями усилія правительства, идущаго въ уровень съ вѣкомъ. Франція не можетъ предаваться такому спокойствію. Въ настоящее время факты не имѣютъ большаго значенія; они проходятъ, и всегда являются въ видѣ мрачномъ, каково бы ни было ихъ свойство—насильственное или мирное. Волны времени въ своихъ мутныхъ водахъ постоянно влекутъ какія-нибудь развалины. Слѣдуетъ ли поэтому стоять у берега и предаваться унылой задумчивости? Нѣтъ, кто не можетъ дѣйствовать, долженъ мыслить и трудиться надъ возстановленіемъ идей. Какимъ бы ни подверглось измѣненіямъ наше существованіе, въ какія бы обстоятельствахъ ни поставила насъ судьба, никогда уклоненіе не можетъ быть намъ дозволено, никогда молчаніе наше не можетъ быть извинено. Хотя дѣятельная жизнь, оторвавшая насъ отъ книгъ или кафедръ, вдругъ прервалась, однакожь съ нашей стороны будетъ преступно думать, что мы приобрѣли право на успокоеніе. Честный труженикъ не долженъ предаваться праздности; въ тиши уединенія онъ возьмется за перо, служившее ему въ первые годы его жизни, отыщеть краснорѣчіе своихъ юношескихъ вѣрованій. Онъ станетъ писать, и книги его разойдутся, станутъ говорить—и найдеть слушателей.

Такъ и сдѣлалъ г. Жюль Симонъ. Возвратясь къ жизни частнаго человѣка, онъ взялся за авторское перо, и съ 1853 года издалъ послѣдовательно слѣдующія книги: *Долгъ* (*Devoir*), сочиненіе, убѣдительно французскою академіей и недавно напечатанное шестымъ изданіемъ; *Естественная религія* (*Religion Naturelle*) пять изданій; *Свобода совѣсти* (*La liberté de Conscience*), три изданія; *Свобода* (*Liberté*)—два изданія; и наконецъ *Рабочая Женщина* (*L'Ouvrière*); она только что издана, но успѣхъ ея уже обезпеченъ. Ясно, что благосклонность публики не измѣняетъ автору; цѣлое изданіе каждой книги его расходуется непременно въ годъ.

Политика всегда была связана съ философіей; въ доказательство стоить только указать: на *Республику* Платона; *Политику* Арн-



стотеля; *Духъ Законовъ* Монтескьё; *Общественный договоръ* (Contrat Social) Руссо; *Опытъ о нравахъ* (Essai sur les mœurs) Вольтера. По одному уже заглавію книгъ Жюль-Симона видно, что и онъ вступилъ на этотъ путь. Онъ охотно сдѣлаетъ такое же употребленіе изъ своего ума, какое Фихте изъ своей особы: въ 1813 году, Фихте, читая въ Берлинѣ лекцію, вдругъ остановился и отправился съ своими слушателями вписаться въ армейскіе списки. Теперь, когда оспариваются наши нравственныя вольности, мы должны вести на войну нашу мысль.

Не надобно, однакожь, думать, чтобы воинствующая философія Жюль-Симона имѣла въ себѣ что-либо посягательное или дышащее ненавистью; совсѣмъ напротивъ, авторъ *Долга* умѣетъ писать книги полезныя, которыя привлекаютъ умы разединившіеся и колюблющіеся; безъ гнѣва и запальчивости онъ примиряетъ сомнѣвающихся, сближаетъ отщепенцевъ, собираетъ вокругъ знамени свободы всѣхъ не имѣющихъ никакого руководительства. Альпійскіе пастухи не утомляютъ себя криками, для того чтобы созвать разсѣявшееся стадо; они только наигрываютъ нѣсколько пріятныхъ звуковъ, повторяемыхъ горными отголосками, и стада собираются по призыву пастуховъ. Въ настоящее время во Франціи нѣтъ твердыхъ религіозныхъ вѣрованій; люди тревожно отыскиваютъ другъ друга; хотятъ собраться въ общество, но постоянно разбредаются врознь; вездѣ встрѣчаешь то невѣріе, то равнодушіе, то скептицизмъ. Гдѣ бы слѣдовало говорить милосердію, тамъ раздается голосъ нетерпимости, тамъ слушаютъ, одобряютъ, поддерживаютъ того, кто проклинаетъ во имя Божіе; сами члены высшаго духовенства сходятъ на арену и ратуютъ, заимствуя оружіе у самыхъ презрѣнныхъ рядовыхъ своихъ. Что же изъ этого произошло? Франція соскучилась подчиняться вліянію духовенства, которое не національно и не можетъ быть національнымъ, которое повинуется предписаніямъ, приходящимъ изъ Рима, которое ставитъ свои обязанности относительно Франціи ниже тѣхъ, которыя налагаетъ на него Римъ, а отечеству служитъ лишь въ тѣсныхъ предѣлахъ, дозволенныхъ Римомъ. Старые спорные вопросы снова обсуждаются; изскупленіе и жестокость, не могущія болѣе проявляться на дѣлѣ, изливаются въ словахъ; умы колеблется между двумя крайностями: съ одной стороны говорятъ: вѣрь, и будь рабомъ; съ другой: будь свободенъ!

Когда при такихъ обстоятельствахъ явится мыслитель, который умѣетъ быть умѣреннымъ и внушать уваженіе къ своему слову, который говоритъ отъ имени лучезарной свободы и высшей справедливости, то нравственныя идеи, высказанныя имъ съ достоинствомъ и строго обсужденныя, находятъ доступъ въ сердца.

Именно эту цѣль примиренія и успокоенія имѣютъ книги Жюль-Симона, о которыхъ сказано выше, и его благородныя усилія увѣнчались замѣчательнымъ успѣхомъ.

Талантъ Жюль-Симона подвергался уже многимъ преобразованіямъ. До 1848 года онъ былъ идеалистомъ, отвлеченнымъ философомъ, но послѣ этого года сдѣлался отчасти реалистомъ, и занялся практической стороной вопросовъ, которые обсуждался въ его время. *Рабочая Женщина* свидѣтельствуетъ о новомъ направленіи; въ этой книгѣ Жюль-Симонъ, впервые вступившій на поприще политической экономіи, является и въ ней знатокомъ.

Вопросы, касающіеся промышленности, чрезвычайно многосложны, и Россія скоро узнаетъ, съ какими трудностями они сопряжены. Во Франціи въ послѣднія сорокъ пять лѣтъ мануфактурная промышленность получила чрезмѣрное развитіе въ ущербъ земледѣлію: вотъ причина, почему сельское населеніе Франціи уменьшилось, а городское излишне увеличилось. Революція 1789 года провозгласила право каждаго человѣка на полную свободу, политическое и гражданское равенство, сокрушила феодальное устройство, совершенно уничтожила всѣ привилегіи породы; но нельзя не сознаться, что наряду съ этими благами, она водворила новую язву, *пролетаріатъ*. Происходя непосредственно отъ средневѣковаго крѣпостнаго сословія, какъ это сословіе отъ древняго невольничества, пролетаріи составляютъ въ наше время самый бѣдный и многочисленный классъ населенія; равные по праву съ прочими гражданами, подобно имъ свободные, призванные пользоваться богатствомъ и занимать высшія должности, если будутъ способны достигнуть ихъ, пролетаріи, которыхъ столь многія преимущества ставятъ въ положеніе гораздо болѣе высокое чѣмъ то, какое занимали ихъ предшественники невольники или крѣпостные, пролетаріи несчастіе однакожь и невольниковъ и крѣпостныхъ, имѣвшихъ по крайней мѣрѣ вѣрное пропитаніе. Дѣйствительно источникъ и характеръ пролетаріата составляютъ два обстоятельства: 1) пролетарій уже по причинѣ своего происхожденія не имѣетъ въ собственности ни земли, ни капитала, которые бы доставляли ему средства существованія помимо работы, и живетъ лишь задѣльною платой; 2) при всей его доброй волѣ, хорошей нравственности, усердіи, нѣтъ никакого ручательства, чтобъ онъ получалъ за свой трудъ вознагражденіе, достаточное для обезпеченія его и его семейства.

Независимость, неизбѣжная принадлежность свободы, приобретенной пролетаріемъ, разорвала всякую личную и прочную связь между нимъ и богатыми сословіями. Владѣлецъ земли, капиталистъ, заводчикъ и фабрикантъ, который и самъ большею частію также

пролетарій, но менѣ несчастный, пользуются руками пролетаріевъ вмѣсто орудія; когда эти руки имъ нужны, то-есть когда онѣ доставляютъ имъ болѣе того, во что обходятся, то пролетаріямъ платать, хотя сколько можно менѣ; но какъ скоро работа пролетарія обходится дороже того, что доставляетъ хозяину, какъ скоро пролетарій можетъ быть съ выгодой замѣненъ машиной, его отпускаютъ; фабрикантъ не заботится о томъ, что станется съ несчастнымъ, лишившимся такъ внезапно работы; это не его дѣло, и правду сказать, еслибъ онъ не такъ поступалъ, то непременно разворился бы и самъ, не доставивъ никакой существенной пользы человѣку, котораго бѣдствія вздумалъ бы облегчать.

Напротивъ, устройство общества въ древности и въ средних вѣкахъ было таково, что невольникъ и крѣпостной были индивидуально и непосредственно, хотя болѣе въ качествѣ вещи нежели человѣка, связаны съ самымъ бытіемъ этого общества; тогда существовала особенная связь между каждымъ невольникомъ, каждымъ крѣпостнымъ и каждымъ членомъ привилегированныхъ классовъ, связь прочная, постоянная, освященная закономъ, правами и взаимными выгодами. Господинъ держалъ и кормилъ невольника, потому что невольникъ былъ его собственность, что смерть невольника, увѣчые, болѣзнь, ослабленіе силъ наносили ущербъ богатству господина. Поэтому же для господина было необходимо кормить, защищать и крѣпостнаго, оказывать ему покровительство. Въ жизни феодальнаго міра первая потребность землевладѣльца состояла въ томъ, чтобы быть сильну оружіемъ, постоянно скоплять средства для защиты и нападенія, цѣной крови и силой пріобрѣтать, на извѣстномъ протяженіи, спокойствіе, которое въ то время не могло быть иначе куплено: отсюда происходила необходимость тѣснаго соединенія между самымъ гордымъ барономъ и самымъ скромнымъ вассаломъ; земля принадлежала только господину, а съ землей и прикрѣпленные къ ней люди. Но чтобы сохранить эту землю, господину были нужны военные люди, земледѣшцы, нѣсколько ремесленниковъ; изъ доходовъ съ земли онъ долженъ былъ платить этимъ людямъ, которые были истинными участниками въ его судьбѣ, общихъ интересахъ и дѣлахъ.

Какая цѣль пріготовъ, первоначальныхъ и среднихъ школъ, школъ для юношества и ремесленныхъ? Что имѣютъ въ виду богадѣльни, пенсіонныя кассы, общества взаимнаго вспомошествованія, сберегательныя кассы? Что произведутъ желѣзныя и простыя дороги, мосты, каналы, которыми вскорѣ будетъ изрѣзана вся европейская территория? Какихъ плодовъ должно ожидать отъ болѣе-обширнаго примѣненія обществъ на паяхъ, если удастся правильно устроить

эти общества, безъ ущерба ихъ дѣятельности? Все эти учрежденія еще зародыши, но зародыши драгоцѣнные, которыхъ благотворные плоды не могутъ быть ни исчислены, ни даже угаданы. Одно несомнѣнно, что все движенія новѣйшаго общества, все его инстинкты, вся дѣятельность, все желанія, все изслѣдованія стремятся къ тому, чтобы возстановить между всеми его членами взаимную связь, разорванную революціонными потрясеніями.

Но хотя таково очевидное стремленіе новѣйшаго общества, однакожь результатъ еще далеко не достигнуть. Нищета и безнравственность очень велики между промышленными рабочими, но еще ужаснѣе страданія и позоръ, тяготящіе надъ женщинами рабочаго сословія.

Дѣти, занятые фабричною работою, не имѣютъ времени посѣщать школы; они ничему ни обучаются и не получаютъ никакого нравственнаго и религіознаго воспитанія. Съ осьми лѣтъ они цѣлый день сидятъ въ мастерскихъ, гдѣ притупляется ихъ умъ, развращается сердце, истощаются силы, гдѣ они и въ нравственномъ и въ физическомъ отношеніи заражаются ужасными болѣзнями, и когда достигнуть юности, то дѣлаются не нужными, и ихъ замѣняютъ другими дѣтьми, то-есть новыми жертвами.

Съ другой стороны женщина, которая съ пяти часовъ утра до осьми вечера, вынуждена сидѣть за станкомъ, не можетъ исполнять своихъ обязанностей матери и жены. Не имѣя возможности кормить грудью своихъ дѣтей, она покидаетъ ихъ, отторгается отъ брачныхъ и материнскихъ обязанностей, заботится только объ удовлетвореніи чувственныхъ потребностей и предается имъ, какъ животное, безъ заботы и зазрѣнія совѣсти.

Когда женщина нищетою и жестокою участью совращена съ пути своей природы, то первая необходимость, которую она ощущаетъ, состоитъ въ томъ, чтобы заглушить въ себѣ способность мыслить, чувствовать, совершенно огрубить себя самымъ избыткомъ распутства, залить наконецъ виномъ чувство своего униженія. А потому въ дни разчета, питейные дома наполнены женщинами и дѣтьми, и въ этихъ преаріинныхъ мѣстахъ издерживается большая часть еженедѣльнаго заработка; въ этихъ вертепахъ разврата совершаются ужаснѣйшія дѣла. Страсть къ пьянству у низшихъ классовъ вездѣ возрастаетъ соразмѣрно со степенью нищеты. Напиться до-пьяна, заглушить, забыть временно заботы, горести, страданія—вотъ единственная отрада несчастливца! Для него все радости кроются на днѣ рюмки съ водкой; онъ страстно любитъ напитки, которые повергаютъ въ летаргическій сонъ, въ совершенное расслабленіе ума и чувствъ, словомъ, напитки убивающіе.

-Даже и въ то время, говоритъ Жюль Симонъ, когда на фабрикахъ много работы и хозяева хорошо платятъ, большая часть работницъ постоянно терпѣть нужду; у нихъ нѣтъ ни хлѣба, ни одежды для дѣтей; живутъ онѣ въ комнатахъ болѣе тѣсныхъ и болѣе лишенныхъ всякаго удобства чѣмъ тюремныя каморки; если у нихъ занемогутъ дѣти, имъ не на что ни купить лѣкарства, ни добыть дѣтямъ постелю, ни развести огня, чтобы согрѣть ихъ. Врачи, пользующіе бѣдныхъ, сознаются, что въ большей части случаевъ лучшимъ лѣкарствомъ была бы хорошая пища; но врачи не могутъ, не смѣютъ посовѣтовать этого семействамъ больныхъ. Вотъ каково положеніе цѣлой половинны нашихъ мануфактурныхъ городовъ даже въ мирное время, при полномъ процвѣтаніи промышленности. Вернитесь въ эти закоулки во время какого-нибудь государственнаго кризиса, и вы ихъ не узнаете, вамъ будутъ на каждомъ шагу встрѣчаться только скелеты, привидѣнія. Вы увидите перемѣну, которая ужаснетъ васъ, потому что есть вѣчто страшнѣе чѣмъ работа безъ хлѣба,—это способность и желаніе трудиться при недостаткѣ работы.

-И что же! Вся эта нищета, это лишеніе насущнаго хлѣба, эти лохмотья, эти обнаженные жилища, эти сырыя каморки, эти отвратительныя болѣзани, все это ничто въ сравненіи съ язвами, заражающими душу. Эти отцы, которыхъ дѣти умираютъ съ голода, эти отцы по ночамъ пьянствуютъ, буйно пируя въ кабакахъ; эти матери равнодушно смотрятъ на пороки своихъ дочерей; онѣ даже содѣйствуютъ ихъ разврату; ня отецъ, ни мать не пытаются исторгнуть своихъ дѣтей изъ бездны, поглотившей ихъ самихъ. Должны ли мы хладнокровно смотрѣть на такой развратъ, на такую нищету? Неужели мы не станемъ бороться противъ нихъ всѣми силами сердца и ума, которыми Богъ надѣлилъ насъ? Будемъ ли мы спокойно ждать, чтобы зло дошло до крайней степени, ждать безъ смущенія совѣсти и безъ внутренняго содроганія? Надобно ли думать, что мы правы передъ Богомъ и человѣчествомъ, если бросимъ какое-нибудь подаваніе или сочинимъ какой-нибудь уставъ, тогда какъ здѣсь дѣло идетъ о самыхъ важныхъ интересахъ, о самой священной изъ всѣхъ обязанностей! Зло, снѣдающее насъ, принадлежитъ къ тѣмъ, для искорененія которыхъ надобно прибѣгнуть ко всевозможнымъ усиліямъ....

Вотъ, теперь картина болѣе утѣшительная:

-Богатый фабрикантъ города Рубе имѣлъ работника очень искуснаго, но предавшаго пьянству. Однажды, выходя изъ кабака, этотъ работникъ упалъ и переломилъ себѣ ногу. Онъ былъ человѣкъ неглупый и не въ пьяномъ видѣ разсудительный. На одрѣ болѣзни онъ сильно встревожился участіемъ своего семейства. Хозяинъ успокоилъ его. -Я буду лѣчить тебя на свои деньги, сказалъ онъ ему;—что же касается до твоего семейства, то оно будетъ ежемѣсячно въ четвергъ получать деньги, которыя слѣдовали бы тебѣ, еслибы ты работалъ. Когда выздоровѣешь, мало-по-малу расквашешься со мною изъ своей задѣльной платы. Болѣзнь тянулась долго, и уплата продолжалась цѣлый годъ. Такъ какъ задѣльная плата была довольно велика, то семейство работника, при бережливости, могло жить тою частью, которая оставалась ему за постепенную уплату хозяину. Во все это время работникъ воздерживался отъ пьянства, работалъ усердно, жилъ какъ слѣдуетъ доброму отцу семейства. По прошествіи года, хозяинъ посовѣтовалъ ему согласиться на такой же вычетъ изъ задѣльной платы еще въ продолженіе двухъ лѣтъ. -Ты сбережешь тысячу двѣсти франковъ, сказалъ онъ ему;—это ровно то, чего стоить домъ, который я отдаю тебѣ внаймы. Черезъ два года домъ этотъ будетъ твой, и ты будешь имѣть собствен-

ность. — Работникъ согласился: два года протекали быстро. По окончаніи уплаты за домъ, при первой выдачѣ задѣльныхъ денегъ, работнику хотѣли отдать все, что ему слѣдовало за ежедневную работу. — Удержите деньги, сказалъ онъ, — у себя; черезъ пятнадцать мѣсяцевъ я куплю собственнй домъ. — Теперь у него три дома. Жена его сдѣлалась торговкой, и прежній пьяница вскорѣ удалится на отдыхъ съ порядочнымъ достаткомъ, почти съ богатствомъ. Вотъ какое чудо совершила собственность!»

Итакъ, простолюдинъ можетъ быть исправленъ отъ своихъ пороковъ; итакъ, созданію, утратившему свое достоинство, это достоинство можетъ быть возвращено, но съ условіемъ, что такимъ дѣломъ общаго искупленія мы займемся, какъ говоритъ Жюль Симонъ, отъ всего нашего сердца. Собственность—вотъ спасительный талисманъ. Но какъ снабдить собственностью пролетаріевъ, какъ дать что-нибудь тому, кто ничего не имѣетъ, не отнявъ чего-нибудь у того, кто имѣетъ? Нельзя ли сдѣлать это при помощи ассоціаціи, сообщества, которое, увеличивая производительныя силы, то-есть цѣнность капитала, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ богатство въ такихъ размѣрахъ, что посредствомъ болѣе справедливаго распредѣленія общественного достоянія, можно доставить болѣе значительную долю этого достоянія труду, не уменьшая доли, законно-слѣдующей капиталу?

Когда осуществится первая, скромная ассоціація, то можно будетъ устроить еще другую, болѣе обширную. Франціи надобно отдать ту справедливость, что съ 1815 по 1830, до тѣхъ поръ, пока она имѣла вліяніе на ходъ своихъ государственныхъ дѣлъ, она уклонялась отъ бѣдствій войны. Не Франція вздумала расширить свои границы; Франція чувствуетъ себя достаточно великою и славною. Мнимое право силы ежедневно болѣе и болѣе утрачиваетъ свое обаяніе. Въ несогласіяхъ своихъ народы уже предпочитаютъ полагаться на судъ дипломатіи, избѣгая случайностей войны, и безъ сомнѣнія настанетъ время, когда разсудокъ и справедливость въ свою очередь окончательно замѣнятъ коварство, къ которому еще прибѣгаегь иногда дипломатія; настанетъ время, когда хитрость и недобросовѣстность будутъ всѣми порицаемы столько же, какъ употребленіе силы и численнаго превосходства; когда доводы того, кто хитрѣе, искуснѣе или смѣльнѣе, перестанутъ почитаться самыми лучшими.

Несмотря на тучи, временно скопляющіяся на горизонтѣ, можно утверждать, что мы приближаемся къ этому желанному времени. За исключеніемъ послѣднихъ шести лѣтъ, протекло тридцать пять или сорокъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ образованные народы перестали забавляться бессмысленною, раззорительною, кровавою игрой сраженій. Теперь уже не борются оружіемъ, борются тарифами, торговыми трактатами; настоящая война замѣнилась войной промышленности и торговли;

правда, что и это все еще война, убійственная война, при которой оспариваютъ другъ у друга рынки, оспариваютъ съ какими же остервенѣнiемъ, съ какими прежде опустошали или завоевывали области.

Однакожь народы начинаютъ инстинктивно понимать, что имъ нельзя обойтись другъ безъ друга, что имъ нуженъ обмѣнъ идей и произведенiй, что они противъ воли связаны узами взаимности. Это заставляетъ ихъ сближаться, вступать другъ съ другомъ въ сношенiя; преграды, раздѣляющiя ихъ, повсюду рушатся, и свобода торговли, наконецъ, начинаетъ вытѣснять тарифы и запретительную систему. Для того чтобъ удобнѣе сношиться другъ съ другомъ, народы проводятъ каналы, устраиваютъ желѣзные дороги, быстрыя сообщенiя, которыя экономятъ время, сокращаютъ пространства. Еще нѣсколько лѣтъ, и въ мирѣ совершится огромный переворотъ, и совершится безъ кровопролитiй.

Евгенiй Бонмеръ.

## ВРАЧЕБНАЯ ПОМОЩЬ ДЛЯ НАРОДА. <sup>1</sup>

Что врачевная помощь для народа необходима, конечно, никто не будетъ спорить; что ея до сихъ поръ почти вовсе не существовало, и съ этимъ, вѣроятно, согласится каждый; что настоящее время благоприятно для правильной и повсемѣстной организацiи этой помощи, и это, вѣроятно, понятно каждому. Съ того незабвеннаго времени, какъ былъ поднятъ вопросъ объ улучшенiи крестьянскаго быта, разными периодическiя изданiя высказали довольно много разныхъ мнѣнiй и соображенiй о врачевной помощи для народа, какъ объ одномъ изъ видовъ этого улучшенiя. Въ последнее время этотъ вопросъ какъ-то притихъ, вѣроятно оттого что вниманiе общества было поглощено болѣе крупными вопросами. Изъ всего того, что намъ удалось слышать и читать, и самимъ видѣть въ жизни по этому предмету, мы рѣшаемся въ настоящее время представить нѣсколько общихъ выводовъ и соображенiй. Тѣ, кого интересуетъ это дѣло, конечно, откликнутся на нашъ голосъ.

Врачевная помощь для предупрежденiя и леченiя болѣзней всего народа есть потребность неотложная, потому что смерт-

<sup>1</sup> Желательно, чтобы важный вопросъ, поднятый авторомъ этой библиографической статьи, послужилъ предметомъ всесторонняго обсужденiя, которое могло бы заготовить матерiалъ для болѣе или менѣе удовлетворительнаго рѣшенiя. Ред.

ность у нашего народа, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ, огромная, народонаселеніе въ сравненіи съ другими народами увеличивается у насъ слабо, заразительныя болѣзни распространяются сильно, и народъ видимо, годъ отъ году, мельчаетъ и слабѣетъ все болѣе и болѣе. Правда, что и врачебная помощь, самымъ правильнымъ образомъ устроенная, не могла бы принести въ этихъ печальныхъ явленіяхъ большой пользы, еслибы народъ матеріально и нравственно не исправлялся. Но, благодареніе Богу, мы уже дожили до того времени, когда весь народъ освобождается, надѣляется собственностью, защищается закономъ и просвѣщается школами.

Врачебной помощи для народа доселѣ почти не существовало по разнымъ причинамъ. Въ вѣдомствѣ удѣловъ и государственныхъ имуществъ уже довольно давно явились въ деревнѣ лѣчебницы и фельдшера, но настоящихъ врачей было только по одному на нѣсколько удѣловъ; повивальныхъ бабокъ, надлежащимъ образомъ приготовленныхъ, въ деревняхъ намъ вовсе не удавалось видѣть, да вѣроятно ихъ и не было. Простой народъ вслѣдствіе разныхъ причинъ имѣетъ недоувѣріе ко всему оффиціальному, поэтому онъ мало обращался къ казеннымъ фельдшерамъ, въ больницы же еще менѣе. У врачей онъ лѣчиться не могъ, еслибы и хотѣлъ: гдѣ же найти врачей, когда ихъ одинъ на два, на три удѣла? А если и представлялся случай увидѣть врача и получить отъ него наставленіе и рецептъ, то крестьянину, даже казенному, не на что было купить лѣкарствъ, которыя у насъ продаются только въ аптекахъ, и по чересчурно дорогимъ цѣнамъ. Такимъ образомъ человѣколюбивое учрежденіе врачебной помощи даже въ вѣдомствѣ удѣльномъ и государственныхъ имуществъ не достигало своей цѣли. Что сказать о бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ? Правительство не могло для нихъ сдѣлать даже того, что оно сдѣлало для казенныхъ: помѣщичьи крестьяне были въ рукахъ помѣщиковъ. Хорошъ былъ помѣщикъ, онъ оказывалъ по своему усмотрѣнію врачебныя пособія для народа: имѣлъ свою аптеку, а иногда и больницу, и врача. Не хорошъ помѣщикъ, такъ онъ не заботился даже и о томъ, принята ли дѣтамъ его крестьянъ предохранительная оспа, производящая и въ казенныхъ, и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, подъ управленіемъ такихъ людей, ужасныя опустошенія. Изъ всего простаго народа надлежащею врачебною помощью пользовалось одно только войско. Подъ именемъ надлежащей мы не разумѣемъ доброкачества лѣкарствъ, пищи, воздуха и помѣщенія, а только то, что больные пользовались по правиламъ науки врачами. Въ разныхъ управленіяхъ и мѣстахъ были разные порядки, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ болѣе или менѣе удовлетворительные.



Настоящее время особенно благоприятно для правильной и всеобщей организации врачебной помощи для народа, потому что весь народ получает одинаковое хозяйственное устройство и управление. Мы никак не желаемъ этимъ сказать, что и организация врачебной помощи должна быть казенно-однообразная, но она должна быть основана на однихъ общихъ началахъ, при которыхъ ни сколько не страдала бы личная инициатива. На какихъ именно, мы сейчасъ скажемъ. Все сельское населеніе будетъ раздѣлено на волости. Конечно, было бы очень хорошо, еслибы въ каждой волости вмѣстѣ съ школой могла устроиться и больница. Но при настоящемъ переходномъ состояніи, когда крестьянину нужны будутъ деньги на выкупъ земли, это должно остаться только желаніемъ, осуществленіе котораго останется на долю нашихъ потомковъ. Теперь можно будетъ требовать только, чтобы двѣ-три волости, сложившись вмѣстѣ, непременно имѣли своего фельдшера (онъ же и оспопрививатель) и свою повивальную бабку. Оба эти лица должны быть хорошо приготовлены подъ руководствомъ врача, и имѣть его удостовѣреніе въ своихъ познаніяхъ. Брать ихъ крестьяне могутъ гдѣ хотятъ и на какихъ имъ будетъ угодно условіяхъ. Намъ возразятъ: да откуда взять такихъ хорошо приготовленныхъ людей? Конечно, если мы будемъ сидѣть только сложа руки и задавать другъ другу вопросы, то само собой ничего не явится. Не было потребностей въ извѣстныхъ лицахъ, не было и самыхъ лицъ. Явилась, напримѣръ, потребность въ землѣтрахъ, и вотъ каждый № газетъ приноситъ намъ предложеніе ихъ услугъ. Точно тоже будетъ съ фельдшерами и съ бабками: кликнете кличъ, и тѣ и другія явятся. Конечно, на первый разъ ждать совершенства нельзя, но оно придетъ въ послѣдствіи и не въ очень долгій срокъ, если только условія ихъ жизни и службы будутъ хорошо постановлены. Тѣ же сидѣлки и фельдшера, которые теперь перебиваются кое-какъ въ нашихъ душныхъ городскихъ больницахъ за ничтожную плату, уйдутъ на чистый воздухъ въ деревни, гдѣ имъ общество дастъ и лучшее жалованье, и клочокъ земли для огорода, и квартиру. Хорошей же сидѣлки сдѣлаться хорошею бабкой стобитъ не Богъ знаетъ какого труда: была бы только охота. Хорошій фельдшеръ въ деревнѣ непременно заведетъ свою аптечку, будетъ полѣчивать народъ за умеренную плату и тѣмъ приохотитъ его къ правильному лѣченію въ больницахъ и у врачей.

Всѣмъ фармацевтамъ, желающимъ открывать въ деревняхъ и большихъ селахъ настоящія аптеки, слѣдовало бы предоставить полную свободу дѣлать это, не испрашивая никакого разрѣшенія медицинскаго или мѣстнаго начальства, вся обязанность котораго состояла бы только въ томъ, что медицинское начальство можетъ

наблюдать за качеством лѣкарствъ, а мѣстное за поведеніемъ сельскаго аптекаря; но безъ суда никто не долженъ лишать его права торговли лѣкарствами, подаванія врачебной помощи въ болѣзняхъ обыкновенныхъ, или не терпящихъ отлагательства, каковы напримѣръ, отравленія, ушибы, порѣзы и т. д. (всѣ эти случаи могутъ быть точно обозначены). Эти аптекари сами поймутъ, чѣмъ они должны быть для народа съ пользой для себя. Они обучатся и банки ставить, и кровь отворять, и всему что только требуется въ деревнѣ, гдѣ нѣтъ врача. Эти аптекари сами бросятъ раззорительную для народа таксу, и будутъ продавать лѣкарства по такой цѣнѣ, которая будетъ доступна для всѣхъ и неизбежна для нихъ самихъ. Городскимъ аптекарямъ, что ни толкуютъ о вредѣ таксы, они и ухомъ не ведутъ, а еще принимаютъ свои мѣры для ея удержанія, какъ московскіе купцы изъ всѣхъ силъ хлопотали объ удержаніи кяхтинской монополіи. Только живя среди народа, можно знать его жизнь и ея требованія, и согласнo съ нею устраивать его дѣла.

Само собой разумѣется, что еслибы нашелся какой-нибудь врачъ, который бы рѣшился по соображеніямъ ли филантропіи, или по разчетамъ коммерческимъ поселиться гдѣ-нибудь въ деревнѣ, или многолюдномъ селѣ, и завести свою аптеку, больницу, ортопедическое или водолѣчебное заведеніе, или что-нибудь подобное, то ему должна быть предоставлена въ этомъ отношеніи полная свобода, безъ всякаго разрѣшенія начальства. Повѣрьте, что тогда врачебная помощь будетъ несравнено и доступнѣе и дешевле для каждаго чѣмъ теперь, при множествѣ ограниченій и стѣсненій, господствующихъ въ нашемъ управленіи. Мы уже знаемъ очень хорошо всѣ послѣдствія мелочной и безконечной бюрократической регламентаціи. Теперь и безъ писанія регламентовъ предстоитъ много дѣла, много нужно вызвать къ жизни погруженныхъ въ спячку народныхъ силъ. Досугъ ли теперь писать, когда надо дѣйствовать и когда жатва многа, а дѣлателей еще мало? При старыхъ стѣсненіяхъ они никогда не явятся и пойдеть дѣло по старому. Кстати о водолѣченіи. Дешевле этого лѣченія при всей его пользѣ во множествѣ болѣзней трудно что-нибудь и придумать. Надобно только умѣть взяться за дѣло. Народъ нашъ лѣчится и баней и всевозможными недѣлѣйшими врачеваніями знахарей и колдуновъ, но, какъ мы замѣтили, недовѣрчиво смотритъ на лѣченіе холодною водою, считая этотъ простѣйшій способъ, съ его необыкновенными для него приѣмами, просто нѣмецкимъ фокусомъ.

Надобно имѣть терпѣніе и умѣніе, чтобы внушить довѣріе къ водолѣченію. Правду говоря, и вообще наша публика, даже въ болѣе-шихъ городахъ, не сочувствуетъ этому способу. Какъ напримѣръ

объяснить то явленіе, что въ Москвѣ только два водолѣчебныя заведенія, когда ихъ должно бы быть по крайней мѣрѣ двадцать? Положимъ, что число пациентовъ ежегодно увеличивается, но все таки очень тихо, и лѣчатся водою у насъ большею частію иностранцы. За границей, напротивъ, этотъ способъ лѣченія распространяется всюду съ быстротой, въ городахъ и деревняхъ. Въ нашемъ холодномъ и непостоянномъ климатѣ водолѣченіе должно бы занимать первое мѣсто, особенно при дороговизнѣ аптекарскихъ лѣкарствъ и визитовъ врачей.

Теперь переходимъ къ народнымъ лѣчебникамъ, по которымъ въ настоящее время въ деревняхъ совершается лѣченіе. Собственно народныхъ лѣчебниковъ, т. е. такихъ руководствъ, по которымъ могъ бы лѣчиться весь народъ умѣющій читать, у насъ нѣтъ. Всѣ наши лѣчебники написаны для класса народа образованнаго. Посмотримъ же что это за лѣчебники.

Во всѣхъ слояхъ нашего провинціального общества ни одна книга столько не распространена какъ лѣчебники. Ихъ вы найдете у помѣщика, у управляющаго, у чиновника, священника, куяца, мѣщанина. Въ простонародѣ ихъ мѣсто занимаютъ словесныя врачебныя преданія, хранителями которыхъ служатъ знахари и знахарки. Лѣчебники ведутъ свое начало со временъ незапамятныхъ, когда еще въ Россіи о медицинѣ какъ наукѣ и понятія не имѣли. Намъ самимъ удавалось видѣть разные лѣчебники, написанные дѣтъ двѣсти тому назадъ. Въ нихъ очень подробно излагаются цѣлебныя свойства и свеклы, и моркови, и рѣпы, и брюквы, и тому подобныхъ веществъ, самыхъ употребительныхъ въ общежитіи. Отъ людей пожилыхъ и теперь еще нерѣдко слышатся жалобы, что нынѣшніе врачи лѣчатъ все лѣкарствами заморскими, а не обращаютъ вниманія на свои родныя, находящіяся у каждаго подъ руками и передъ глазами. Въ старинныхъ, писанныхъ лѣчебникахъ обращено вниманіе на все свое домашнее, и въ каждомъ веществѣ найдено множество цѣлебныхъ силъ. Со времени появленія въ Россіи иностранныхъ врачей, лѣчебники перемѣнили свое содержаніе: въ нихъ стали входить способы лѣченія и лѣкарства иноземныя. Перечислить всѣ существующіе у насъ печатныя лѣчебники подъ разными самими заманчивыми заглавіями рѣшительно нѣтъ возможности: ихъ бездна. Ни одна книга такъ быстро не расходится какъ лѣчебники, несмотря на то что цѣны на нихъ назначаются обыкновенно чрезвычайно высокія. Въ послѣднее время явилось множество спекулянтовъ съ вѣрнымъ разчетомъ на довѣрче публики и число книгъ медицинскаго содержанія, большею частью касающихся супружескихъ отношеній, вдругъ возрасло невѣроятно. Въ Москвѣ, говорятъ, есть одинъ книгопродавецъ, который, не

нѣтъ ни малѣйшаго понятія о медицинѣ, дѣлаеть компіляціи изъ разныхъ лѣчебниковъ и очень скоро страпаетъ новыя медицинскія книги для публики, назначая за нихъ невѣроатныя цѣны, и выставляя на нихъ невѣроатныя заглавія, какъ напримѣръ, *о возрожденіи человеческого организма, или о средствахъ имѣть дѣтей того или другаго пола по желанію*.

Лѣчебники, издаваемые врачами, тоже подъ разными заманчивыми заглавіями: *для помѣщиковъ, сельскихъ священниковъ, управлющихъ, подъ именемъ домашнихъ аптекъ, друзей здравія* и т. д. большею частью также не что иное, какъ спекуляція на довѣріе и незнаніе публики. Недавно, въ одномъ книжномъ магазинѣ, собрали мы цѣлую груду новѣйшихъ и «лучшихъ» лѣчебниковъ, и между ними не нашли ни одного, который хоть бы сколько-нибудь могъ быть полезенъ при лѣченіи самыхъ обыкновенныхъ болѣзней, хотя въ каждомъ изъ нихъ изложена почти вся частная патологія и терапія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ синодомъ былъ предложенъ конкурсъ на составленіе *лѣчебника для сельскаго духовенства*, уже обучавшагося медицинѣ въ семинаріяхъ. Назначена была значительная премія. Не знаемъ, воспользовался ли ею кто-нибудь, но такого лѣчебника, который бы ея стоилъ, мы еще не видали.

Можно ли написать хорошій лѣчебникъ для всего грамотнаго народа, или по крайней мѣрѣ для классовъ болѣе образованныхъ? На дняхъ намъ попалась маленькая книжечка, съ слѣдующимъ заглавіемъ: *Наставленія для поданія первой помощи въ разныхъ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача*, составленная докторомъ Жижиленкомъ. Вотъ что онъ говоритъ въ своемъ предисловіи. «До сихъ поръ у насъ все писались сельскіе, домашніе, деревенскіе и т. п. лѣчебники, въ которыхъ обыкновенно помѣщались описанія и способы лѣченія всѣхъ возможныхъ болѣзней. Всякій, кому приходилось лѣчить по такимъ лѣчебникамъ важныя болѣзни, хорошо знаетъ, на сколько они удовлетворяютъ своему назначенію. Какъ напр. допустить, чтобы человѣкъ непосвященный въ медицину, могъ правильно лѣчить по такому руководству воспаленіе въ мозгу, въ легкихъ, въ печени, скарлатину, водяную болѣзнь, чахотку, различныя хирургическія болѣзни и т. п.? Мы видимъ, что медики, безпрестанно занимающіеся въ теченіи многихъ лѣтъ лѣченіемъ различныхъ болѣзней, постоянно слѣдя за наукой, ежедневно наблюдая разнородныхъ больныхъ, сами иногда находятъ въ затрудненіи что назначить больному, а между тѣмъ отъ этого назначенія зависитъ исходъ болѣзни и слѣдовательно жизнь пациента. Невозможно сообщить популярному сочиненію всю точность и основательность практической медицины; это трудно и потому еще, что подобныя

книги назначаются для людей съ различнымъ образованіемъ и развитіемъ. Кто побойчѣе, тотъ храбро начинаетъ лѣчить какую-нибудь болѣзнь по добытому имъ лѣчебнику; болѣзнь между тѣмъ идетъ впередъ, осложняется, у больного появляются неожиданныя новые припадки; скороспѣлый эскулапъ снова хватается за лѣчебникъ, но такихъ припадковъ тамъ не отыскивается или отыскиваются при другихъ болѣзняхъ, и вотъ рождаются сомнѣнія: та ли эта болѣзнь, или не та. Сомнѣніе это обыкновенно разрѣшаетъ призванный медикъ, но иногда уже слишкомъ поздно. Кажется, что въ подобныхъ сочиненіяхъ, границы самолѣченія, предоставляемая всемъ и каждому, слишкомъ уже обширны, и что всѣ важныя и сложныя болѣзни нужно выпустить изъ такихъ книгъ, тѣмъ болѣе что при обыкновенныхъ болѣзненныхъ случаяхъ нѣтъ особенной необходимости въ немедленномъ поданіи помощи, и нѣсколько часовъ, проведенныхъ въ ожиданіи доктора въ покоѣ и при діетѣ, не могутъ повредить больному. Другое дѣло при внезапныхъ болѣзненныхъ случаяхъ, когда безъ немедленнаго пособія, или при неправильной помощи, опасность съ каждою минутой возрастаетъ, и нерѣдко самая жизнь заболѣвшихъ зависитъ отъ того, что имъ подана помощь двумя часами раньше или позже. Такъ напримѣръ, при апоплексическомъ ударѣ, сильномъ кровотеченіи, ожогѣ, утопленіи, подавленіи, удавленіи, замерзаніи, обморокѣ, отравленіяхъ ядами, укушеніи ядовитыми животными, ушибахъ, пораненіи и т. п. случаяхъ, нужно подавать помощь тотчасъ же, не дожидаясь прибытія медика, и всякій по необходимости, во имя страданія ближняго, обязанъ сдѣлаться на время и хирургомъ, и врачомъ. При такого рода обстоятельствеяхъ, окружающіе больного незнакомые съ медициной обыкновенно теряются, суетятся, не знаютъ за что приняться и хватаются за всякій совѣтъ, какъ бы онъ нелѣпъ ни былъ. Чтобы дать разумную помощь въ такихъ случаяхъ, г. Жижиленко и составилъ свою очень полезную и равно необходимую и для сельскаго и для городскаго жителя книжку, съ изложеніемъ врачебной помощи по алфавиту тѣхъ случаевъ, которые требуютъ немедленнаго пособія. Мы выписали эти строки изъ его книжки, въпервыхъ для того чтобы познакомить съ ней публику, а вовторыхъ потому что съ мыслями автора о лѣчебникахъ мы совершенно согласны. Составить хорошій лѣчебникъ не только для простаго грамотнаго народа, но и для образованнаго, мы считаемъ положительно невозможнымъ. Кромѣ описанія признаковъ болѣзней и врачебныхъ средствъ противъ нихъ, нужныхъ тому, кто хочетъ лѣчить ихъ, непременно нужно знать и анатомію, и физиологію, и химію. Не зная этихъ наукъ, хотя въ общихъ чертахъ, нельзя браться лѣчить даже насморкъ и

кашель, потому что и тотъ и другой весьма часто составляютъ только признаки важнѣйшихъ болѣзней.

Но какъ же, возопіють противъ насъ всѣ лѣчащіе по лѣчебникамъ, мы до сихъ-то поръ и себя лѣчимъ и другимъ помогаемъ при недостаткѣ или отсутствіи врачей? И неужели и фельдшера и акушера, вамъ предлагаемые для лѣченія народа, принесутъ больше пользы чѣмъ печатные лѣчебники напримѣръ въ рукахъ священниковъ или помѣщиковъ? На первый вопросъ, какъ же лѣчатся люди до сихъ поръ по лѣчебникамъ и выздоравливаютъ, мы отвѣтимъ тѣже вопросомъ: а какъ же многіе и совсѣмъ не лѣчатся и выздоравливаютъ? Мало этого, многіе лѣчатся самымъ неправильнымъ образомъ и не только не умираютъ, а даже и выздоравливаютъ. Эти явленія доказываютъ только силу живучести организма, и болѣе ничего. Есть такіе здоровые люди, съ такимъ запасомъ силъ, что изъ нихъ слабо дѣйствуютъ даже самыя ядовитыя вещества и такія страшныя заразы, какъ чума. Не даромъ сложилась русская пословица: что Русскому здорово, то Нѣмцу смерть. Отъ нѣкоторыхъ нашихъ русскихъ блюдъ Нѣмецъ растянулся бы, а мы кушаемъ себя ихъ на здоровье. Мы уже не говоримъ напримѣръ о тѣхъ варварскихъ приемахъ деревенскихъ бабокъ самоучекъ, которые они употребляютъ какъ родовспомогательное средство, напримѣръ привязывая роженницу подъ мышку къ матицѣ и приказывая ей встряхнуться чтобы вытряхнуть ребенка, заставляя ее родить въ жарко-натопленной банѣ и качая ее тамъ на доскѣ и т. д. Вѣдь многія такія страдалицы остаются же живы и здоровы. А лѣченіе дѣтскихъ болѣзней въ деревняхъ знахарками тоже чего-нибудь да стоитъ, и не всѣ же дѣти умираютъ. А чадная и ѣдкая атмосфера въ деревенскихъ избахъ не всѣхъ же удушаетъ. А дѣти и взрослые, бѣгающіе по снѣгу босыми ногами и употребляющіе негодную пищу, не всѣ же заболѣваютъ и умираютъ. Съ этимъ согласится всякій, кто знаетъ жизнь и живучесть нашего народа, который выноситъ то, чего дѣйствительно не вынесъ бы ни одинъ Европеецъ. На второе возраженіе мы скажемъ слѣдующее: хорошій фельдшеръ лучше хорошаго лѣчебника. Фельдшеръ, учившійся и находившійся у хорошаго врача, кромѣ пріобрѣтенія своихъ спеціальныхъ познаній, напримѣръ умѣнія отворить кровь, поставить банки, сдѣлать припарку, приготовить лѣкарство и т. д., видѣлъ множество болѣзней съ разными видоизмѣненіями и осложненіями, предъ его глазами проходили эти болѣзни весь свой ходъ и оканчивались смертью или выздоровленіемъ, или только облегченіемъ. Если въ немъ есть хоть капля здраваго смысла, вниманія и наблюдательности, то онъ изъ множества видѣнныхъ имъ случаевъ, конечно, составитъ себѣ общія о нихъ понятія и при

случаѣ и опредѣлять болѣзнь и назначить ей лѣченіе несравненно правильнѣе чѣмъ чловѣкъ, никогда ихъ не видавшій, а только читавшій о нихъ въ лѣчебникахъ. Смышленный фельдшеръ по качеству и языка, и кожи, и пульса и разныхъ отдѣленій, видѣнныхъ имъ сотни тысячи разъ, будетъ идти въ своемъ распознаваніи и лѣченіи какъ по ариадниной нити. Какою нитью будетъ руководиться чловѣкъ, только читающій объ этихъ вещахъ? Мы уже не говоримъ о тѣхъ фельдшерахъ, которые спрашиваютъ врачей, почему распознается болѣзнь и какъ она лѣчится, и сами почитываютъ медицинскія книги. Мы видали не мало такихъ фельдшеровъ, которые, не принимая на себя лишняго, очень вѣрно распознаютъ и лѣчатъ хорошо извѣстныя имъ болѣзни. Надобно имѣть въ виду и то, что фельдшерамъ читаются въ сжатомъ видѣ и анатомія, и физиологія, и химія, и хирургія, и терапия. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ даже въ большихъ городахъ хорошую практику, потому что ихъ лѣченіе дешевле, чѣмъ лѣченіе врачей. Въ дѣлѣ практическомъ, какъ медицина, много значать, кромѣ теоріи, и опытъ, и практика. Въ самой практической странѣ, какъ Англія, существуютъ врачи низшаго разряда называемыхъ surgeons (что собственно значить хирурги; первоначально они и соответствовали нашимъ подлѣкарямъ), которые изучаютъ медицину не столько въ теоріи, сколько на практикѣ въ госпиталяхъ. Эти врачи въ самомъ Лондонѣ пользуются большимъ довѣріемъ и огромною практикой. Последней много помогаетъ и то обстоятельство, что они сверхъ совѣтовъ снабжаютъ больныхъ своими лѣкарствами и за все это берутъ очень умеренныя цѣны, гораздо меньшія чѣмъ доктора въ собственномъ смыслѣ, physicians. Когда мы говорили, что и аптекари наши, поселившись въ деревняхъ, могутъ сдѣлаться врачами для крестьянъ, то мы именно имѣли въ виду примѣръ англійскихъ врачей surgeons. И въ настоящее время аптекари лѣчатъ простой народъ, отпуская имъ въ ручной продажѣ всѣ безвредныя средства. Нѣкоторые аптекари, по любознательности, читаютъ даже медицинскія книги, не лѣчебники, а анатомію, физиологію и терапію, и какъ люди знакомые съ естественными науками, конечно могутъ быть врачами для народа, даже лучшими чѣмъ фельдшера, если только пожелаютъ этимъ заняться и нѣсколько времени походить по госпиталямъ подъ руководствомъ хорошихъ врачей. Къ этому можетъ побудить ихъ собственная выгода, потому что въ деревняхъ нѣтъ врачей и еще долго не будетъ, а у аптекаря, знающаго нѣсколько и медицину, въ деревнѣ будетъ большая практика и выгодная торговля лѣкарствами, если онъ будетъ продавать ихъ даже по самой дешевой цѣнѣ. Все это мы предполагаемъ и предлагаемъ потому, что лучше для народа хоть не вполнѣ

достаточная, но разумная и полезная врачебная помощь, чѣмъ или вовсе никакая или даже вредная, какова теперь оказываемая знахарями и лѣчебниками. Конечно, лучше было бы, еслибы въ каждой волости была своя больница, аптека и свой врачъ. Но до этого мы едва ли дождемся и чрезъ двѣсти лѣтъ, а въ настоящее время надобно же что-нибудь дѣлать.

Вмѣсто лѣчебниковъ мы считаемъ полезнымъ и необходимымъ для народа изданіе книжекъ подобныхъ книжкѣ г. Жижиленка, о которой мы упоминали, съ наставленіями какъ подавать помощь въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, до прибытія врача. Книжка г. Жижиленка по своему слогу, да и по цѣнѣ своей (1 р. с.) доступна не для всего грамотнаго народа, а только для людей образованныхъ и достаточныхъ; кромѣ такихъ книжекъ, написанныхъ самымъ простымъ и понятнымъ для всего грамотнаго народа языкомъ и продаваемыхъ по самой дешевой цѣнѣ, мы считаемъ необходимымъ изданіе для народа *извѣстны и дѣтетки*, т. е. руководство какъ предупреждать болѣзни и сохранять здоровье. Крестьянину необходимо знать, напримѣръ, какъ важно для здоровья дышать чистымъ воздухомъ. Узнавъ одно это обстоятельство, онъ будетъ чище держать и свою избу, и семью, и дворъ, и улицу, и скоть. Къ сожалѣнію, эта первая и важнѣйшая истина для сохраненія здоровья мало извѣстна не только крестьянамъ, но и жителямъ городовъ, даже столичныхъ, потому что рѣдко кто изъ нихъ обращаетъ должное вниманіе на чистоту воздуха: чтобъ убѣдиться въ этомъ стоитъ только войти на любой задній дворъ. Крестьянину необходимо напримѣръ знать, какая пища и какое питье вредны для здоровья. Въ этихъ книжкахъ должно быть обстоятельно изложено все что касается *физическаго воспитанія дѣтей и ухода за больными*, что вредно и что полезно для тѣхъ и другихъ. Такія книжечки составить не трудно и издать ихъ не дорого: была бы только добрая воля. Мы уже слышали объ одномъ другѣ чловѣчества, который хочетъ, отдѣльными періодическими выпусками по листу, или нѣсколько болѣе, издавать такія полезныя книжечки, копѣйки по 3—5 с. Лучшее средство для ихъ распространенія—промыселъ ходебщиковъ, оленей, которые съ своими коробами посѣщаютъ все углы Русской земли. Наши періодическія изданія, существующія для публики такъ называемой образованной, не доходятъ до деревень, во 1-хъ, потому что и цѣна на нихъ дорога, во 2-хъ, и не для народа они пишутся, и въ 3 хъ, почти вовсе невозможно получать ихъ крестьянину. Онъ не можетъ тратить цѣлаго дня или болѣе для того чтобы съѣздить въ уѣздный городъ и подписаться на газету. Но положимъ онъ пожертвовалъ на этотъ разъ временемъ и подписался. Какъ же она будетъ доставляться ему въ деревню?



Взять въ городъ за ея полученіемъ каждую недѣлю за нѣсколь-  
ко десятковъ верстъ для крестьянина рѣшительно невозможно.  
Поэтому распространіе всѣхъ полезныхъ для народа книжекъ  
возможно только чрезъ офеней.

Надѣмся, что найдется не одинъ человекъ, который пожерт-  
вуетъ частью своего вещественнаго или умственнаго капитала для  
разныхъ видовъ улучшенія быта своихъ меньшихъ собратій.  
Правительство и землевладѣльцы, еслибъ и желали, всего сдѣлать  
для нихъ не могутъ.

А. Забѣлинъ.

4 Апрѣля. Москва.

### З А М Ѣ Т К А.

По поводу появившихся въ журналахъ извѣстій о случаяхъ  
саможигательства, въ № 4 *Современной Литовщины* напечатана  
была статейка, въ которой мы старались указать на всѣ случаи  
саможженія раскольниковъ, приведенные въ официальныхъ источ-  
никахъ нашей исторіи XVIII столѣтія. На эту статейку отзы-  
вается *Православный Собесѣдникъ*. Въ апрѣльской книжкѣ этого  
журнала напечатана небольшая статья о *саможигательствѣ*  
*раскольниковъ*. Авторъ статьи, соглашаясь съ нами въ томъ, что  
притѣсненія чиновниковъ и мѣстнаго духовенства въ преслѣдо-  
ваніи раскола могли служить однимъ изъ частныхъ, второстепен-  
ныхъ поводовъ къ отчаянному саможигательству, старается  
отыскать главную и общую причину его. Онъ находитъ эту  
причину въ догматическомъ заблужденіи нѣкоторыхъ расколни-  
чьихъ сектъ, которымъ свойственно саможигательство во имя  
вѣры. Оно встрѣчается только въ безпововщинскихъ сектахъ, и  
притомъ не во всѣхъ, а преимущественно въ толкахъ такъ-на-  
зываемой *лѣтовщины*. Въ этихъ, и сродныхъ съ ними толкахъ  
особенно распространено ученіе о томъ, что на землѣ водво-  
рися антихристъ, который, по убѣжденію безпововцевъ, прони-  
кается и оскверняетъ всѣ предметы матеріальнаго міра, воздухъ,  
пищу, воду и пр., всѣ учрежденія гражданской и семейной жизни,  
всѣ учрежденія и дѣйствія церкви. Это несчастное убѣжденіе  
представляетъ изувѣру въ мрачномъ, отчаянномъ видѣ всѣ отно-  
шенія земной жизни: вынужденный, по своимъ понятіямъ, жить  
подъ управленіемъ слугъ антихриста, судиться по его законамъ,  
творить во всемъ его волю, принимать и носить на себѣ печать  
его, — онъ нигдѣ и ни въ чемъ на землѣ не видитъ спасенія.

Въ такомъ ужасномъ настроеніи духа онъ охотно подчиняется внушеніямъ тѣхъ «ревнителей закона», которые учатъ, по примѣру Аввакума, что единственное средство спастись отъ общей гибели, выйти изъ царства антихристового и очиститься отъ всей его скверны,—погубить свое тѣло и предать себя смерти. Огонь, съ которымъ издревле соединяется понятіе объ очищеніи, конечно считается лучшимъ орудіемъ самоубійства. Такимъ образомъ, говоритъ авторъ, «простодушные невѣжды спѣшили записаться въ ликъ мучениковъ, не дожидаясь мученій мнимаго антихриста, и сжигались съ радостью и съ полнымъ сознаніемъ... Въ большинствѣ народа, чуждаго извѣрныхъ понятій объ антихристѣ, раскольникъ всегда чувствуетъ себя одинокимъ, на каждомъ шагу встрѣчается съ предметами и обычаями, противными его совѣсти и напоминающими ему владычество антихриста. Отъ этого вся домашняя и общественная жизнь безповоцвѣе имѣетъ мрачный характеръ; имъ не до общежительныхъ развлеченій и сообществъ, такъ любимыхъ народомъ; они обдумываютъ способы спасенія и, по недостатку истинныхъ религіозныхъ понятій, добровольно идутъ къ гибели. Еслибъ извѣстны были задушевные тайны всѣхъ самоубійцъ, то не обвиняя можно сказать, что на долю раскола пришлось бы много самоубійствъ, объясняемыхъ обыкновенно умопомѣшательствомъ и другими совершенно посторонними обстоятельствами.»

Въ подтвержденіе своего взгляда, онъ приводитъ замѣчательный, еще малоизвѣстный случай, изъ рукописи о молоканахъ Саратовской губерніи, оставшейся послѣ преосвященнаго Іакова: случай этотъ произошелъ въ помѣщичьемъ селѣ Копенѣ, Аткарскаго уѣзда. Жители этого села, издавна державшіеся общихъ раскольниковыхъ обычаевъ, съ 1800 года стали увлекаться въ секту нѣтовщины или Спасова согласія, подъ вліяніемъ проповѣди крестьянина Якова Ефимова Юшкина. Скоро явился между ними новый проповѣдникъ еще болѣе мрачной, такъ-называемой *мужой* нѣтовщины, бродяга Фалалей, и нашелъ себѣ много послѣдователей. Главнымъ изъ нихъ явился сынъ Якова Юшкина Алексѣй, ревностный проповѣдникъ вольнаго самоубійства. Сынъ долженъ былъ вести свою пропаганду тайно отъ отца, который держался болѣе мягкаго ученія. Однажды, въ отсутствіе отца, Алексѣй Юшкинъ подговорилъ восемьдесятъ четыре человѣка разнаго пола и возраста собраться ночью въ пещерѣ и заморить себя голодомъ. Въ пещеру положили соломы и хворосту, для того чтобы въ случаѣ погони отъ антихриста зажечь солому и задохнуться. Но одной женщинѣ съ ребенкомъ страшно стало смерти. Она выпросилась у Алексѣя попомъ ребенка и объявила народу о замыслѣ. Прибѣжали спасать извѣтровъ, стали заливать огонь, ко-

торый они успѣли зажечь въ пещерѣ; но люди эти пришли въ такое изступленіе, что стали рубить и убивать другъ друга и дѣтей, чтобы не попасться въ руки своимъ избавителямъ. Однакожь успѣли спасти ихъ. Алексѣя Юшкина сослали на островъ Эзель, а другаго, Егора Аванасьева, за убійство мальчика въ пещерѣ, отдали въ монастырь на покаяніе.

Это случилось въ 1802 году. Но лѣтъ черезъ 15 явились въ селѣ Копенѣ новые проповѣдники прежняго ученія; къ нимъ присоединился и Егоръ Аванасьевъ, окончивъ въ монастырѣ срокъ своего покаянія. Алексѣй Юшкинъ, при проѣздѣ императора Александра черезъ Эзель, успѣлъ вымолить себѣ прощеніе и скоро вернулся на родину съ тою же цѣлію. Но онъ пропалъ безъ вѣсти, оставивъ за себя сына Ивана проповѣдникомъ ученія о самоубійствѣ. Иванъ Юшкинъ принялся за это дѣло ревностно. Въ 1827 году уговорилъ онъ шестьдесятъ человѣкъ предаться самоубійству и самъ принялъ на себя должность палача. Онъ собралъ ихъ въ овины на коноплянникѣ: одинъ за другимъ клали они головы на плаху, и Юшкинъ рубилъ имъ головы. Такъ погибло тридцать пять человѣкъ. На тридцать шестомъ боиня остановилась; сбѣжался народъ, и остальныхъ спасли. Юшкинъ сосланъ былъ въ каторжную работу.

Этотъ случай поразителенъ. Къ сожалѣнію, исторія дружныхъ, взаимныхъ самоубійствъ во имя ложнаго вѣрованія далеко еще не закончена. И въ наше время случаи этого рода еще повторяются. Мы читали недавно, что въ маѣ 1860 года пятнадцать человѣкъ раскольниковъ, изъ деревни Зимницъ, въ 30-ти верстахъ отъ Каргополя, ушли въ лѣсъ, заняли бывшую тамъ избу, окружили ее хворостомъ, заперли за собою двери и сожглись съ маленькими дѣтьми. Они оставили въ деревнѣ записку, что сожигаются для спасенія души. Въ грудѣ угля и пепла найдены остатки четырнадцати человѣкъ, а пятнадцатаго слѣдовъ нѣтъ<sup>1</sup>.

Радуемся, что статейка наша о самосожженіи, подава поводъ *Православному Собесѣднику* сообщить любопытный случай. Но редація этого журнала сочла нужнымъ на этотъ разъ отнестись критически къ *направленію* нашей статейки. Едва ли умѣстно такое отношеніе тамъ, гдѣ, какъ въ статьѣ нашей, рѣчь идетъ не объ изслѣдованіи явленія со всею его историческою, нравственною и догматическою обстановкой, а только объ отдѣльныхъ фактахъ. Мы имѣли въ виду только собрать разсѣянные въ разныхъ томахъ *Полнаго Собранія Законовъ* оффиціально подтвержденные случаи самосожигательства раскольниковъ, и

<sup>1</sup> См. Журн. *Минист. Госуд. Имущ.* 1861, № 4, въ статьѣ *Селенія по Шетъ и Цильмъ*, стр. 155.

этими ограничили. Можно было возражать против вѣрности фактовъ, нами приведенныхъ, но не было никакого повода заподозрить тонъ и направленіе нашего простаго разказа. Мы куда собираемъ еще факты: зачѣмъ запутывать это простое дѣло полемическими замѣтками о тонѣ и направленіи? Разказывая послѣдній случай самоожженія, о которомъ упоминается въ нашихъ оффиціальныхъ источникахъ, мы замѣтили, что «въ этой исторіи комической элементъ преобладаетъ надъ трагическимъ, и все оканчивается благополучно.» Надѣмся, что, при чтеніи разказа, всякому непредубѣжденному читателю показалось ясно, отчего мы упомянули о комическомъ его элементѣ; и въ той улыбкѣ, которая могла родиться у насъ при описаніи переговоровъ между поручикомъ Копыловымъ и осажденными раскольниками, право не было ничего соблазнительнаго для самой пуританской совѣсти, тѣмъ болѣе что эти переговоры окончились для обѣихъ сторонъ благополучно. Едва ли слѣдовало, во всякомъ случаѣ, по поводу этого разказа, входить въ изслѣдованіе о томъ, въ какой мѣрѣ невѣжество служитъ источникомъ трагическаго и въ какой мѣрѣ—комическаго ощущенія, и позволительно ли подмѣчать комическія черты въ обстановкѣ явленія, которое могло бы кончиться трагически, еслибы не кончилось благополучно. Возбуждать такой споръ значило бы сражаться съ комарами и переливать изъ пустаго въ порожнее. Иное дѣло, когда бы мы вздумали, на примѣръ, языкомъ увесилительныхъ изданій, писать цѣлое изслѣдованіе о самоожигательствѣ и обсуживать характеръ этого явленія: тогда можно было бы обвинить насъ и въ недостаткѣ вкуса, и въ недостаткѣ уваженія къ правственному чувству читателей. А *Православный Собесѣдникъ* по поводу одного слова: *комическій*, взводитъ на насъ обвиненіе едва не въ сочувствіи расколу и фанатизму! «Авторъ статьи о самоожигательствѣ, сказано въ замѣткѣ *Православнаго Собесѣдника*, относится къ страшному факту до того легко и оскорбительно для всякаго религіознаго вѣрованія, что находитъ смѣшное тамъ, гдѣ его нѣтъ. Едва ли при серіозномъ взглядѣ на дѣло можно видѣть смѣшное въ томъ, что раскольники, собравшіеся сожечься, послушались увѣщанія, и не исполнивши своего страшнаго намѣренія, разошлись по домамъ.» Признаемся, что до сихъ поръ мы считали редакцію *Православнаго Собесѣдника* выше той мелочной полемики, которая занимается «процѣживаніемъ комаровъ» и пустою игрою въ слова и фразы. Любопытнѣе всего то, что сама статья *Православнаго Собесѣдника*, обвиняя насъ въ оскорбленіи религіознаго вѣрованія за одно слово: *комическій*, сама невольно и безсознательно допускаетъ въ своемъ разказѣ оттѣнокъ комизма и, смѣемъ думать, еще болѣе рѣзкій оттѣнокъ чѣмъ тотъ,

который мы допустили въ нашей. Авторъ этой статьи, разсуждая о страшномъ дѣлѣ Ивана Юшкина, говоритъ, что онъ обѣщалъ «собственноручно *преспроводить* 60 человекъ въ царство небесное». Еслибы мы видѣли намѣреніе серьезно превратиться съ своимъ обвинителемъ о законныхъ предѣлахъ комическаго, мы спросили бы его въ свою очередь: на сколько уместно, съ его строгой точки зрѣнія, слово *преспроводить* въ выписанной нами фразѣ?

### РАЗРѢШЕНІЕ СТРАННАГО НЕДОУМЬЯНІЯ <sup>1</sup>.

Въ нашу вѣкъ недоумѣній вездѣ не оберешься, а у насъ такъ имъ и счета нѣтъ: долгъ всякаго благонамѣреннаго человека разрѣшать ихъ по мѣрѣ возможности, и я считаю себя счастливымъ, что могу разрѣшить три—одно странное и два главныхъ, заявленныхъ *Русскимъ Вѣстникомъ*. О разсужденіи моемъ о Несторовомъ Θεодосіевомъ житіи, помѣщенномъ въ *Извѣстіяхъ Академіи*, напечатано:

«Почтенный академикъ въ самомъ концѣ статьи постановляетъ (sic) слѣдующій вопросъ: «а когда Несторъ писалъ *Лѣтопись*, прежде или послѣ житія?» И тутъ же отвѣчаетъ: «Я думаю *прежде*, ибо въ житіи онъ описалъ гораздо короче то, что описано въ *Лѣтописи* подробнѣе; видно что онъ не хотѣлъ повторяться. *А можно думать также, что въ Лѣтописи не хотѣлъ онъ повторять то, что уже было въ житіи.*» Другими словами, *Лѣтопись*, можетъ-быть, писана и *послѣ*. Странно, что-то такой отвѣтъ».

Страннаго ничего здѣсь нѣтъ—и вотъ вамъ примѣръ. Я думаю, что Борисъ не виноватъ въ гибели Димитрія, ибо... а можно думать также (разумѣется, другимъ), что виноватъ.

Я думаю, что Ростопчинъ сжегъ Москву, а можно думать также (другимъ), что пожаръ произошелъ отъ разныхъ причинъ,

<sup>1</sup> Напечатавъ статейку г. Н. Н., мы охотно помѣщаемъ и отвѣтъ г. Погодина, хотя и не ведемъ къ чему служить это объясненіе. Онъ упрекаетъ насъ, зачѣмъ мы «пропустили недоумѣніе по дѣлу, о которомъ недоумѣвать нечего». Намъ казалось, что незнаніе, заявленное ученымъ по предмету его спеціальныхъ занятій, могло возбудить недоумѣніе. Впрочемъ представляется самому г. Н. Н. разбираться съ г. Погодинымъ, *Ред.*

Я думаю о достоинствахъ *Русскаго Вѣстника* вотъ что, а можно думать (другимъ) и вотъ что.

Гдѣ же противорѣчіе? Это та же гуманная терпимость, допускающая существованіе другихъ мнѣній.

Почтенному рецензенту показалось, что противоположное мнѣніе принадлежитъ мнѣ же; между тѣмъ какъ я приписалъ его ясно *другимъ*, употребивъ безличную форму: можно. Главное же недоумѣніе рецензента состоитъ въ томъ, что я назвалъ четыре слова въ житіи непонятными, а именно *понь*, *порода*, *бѣдлица*, *камыкъ*, между тѣмъ какъ эти слова: *понь* (по крайней мѣрѣ), *порода* (*рай*), *бѣдлица* (отъ *бѣдити*, *убѣждать*) и *камыкъ* (*камень*), не составляютъ (sic) никакого нормальнаго уклоненія.

Разрѣшаю главное недоумѣніе откровеннымъ сознаниемъ, что я этихъ словъ не понималъ, не зналъ, и если они мнѣ прежде попадались, то забылъ, а справиться въ *Словарь* Востокова, что было бы очень легко, мнѣ не пришло въ голову.

Остается одно главное недоумѣніе; почему «редакція *Извѣстій* пропустила такую странную ошибку». Да потому же, почему редакція *Вѣстника* пропустила, м. г., ваше странное недоумѣніе и не замѣтила, что недоумѣвать нечего. Съ редакціями, по множеству ихъ занятій и спѣшности трудовъ, это случается часто. Въ заключеніи рецензентъ глубокомысленно и грозно спрашиваетъ; «что же однако должны мы подумать, и кто разъяснить это недоумѣніе?» Я, я, безъ вины виноватый, на раны готовый, вашъ покорный слуга,

М. Погодинъ.

**ВЪ КОНТОРЪ**

**ТИПОГРАФІИ КАТКОВА №**

**въ Армянскомъ переулкѣ,**

**продаются слѣдующія книги:**

**СѢВЕРЪ и ЮГЪ.** Романъ. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

**ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА,** или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1858. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

**УЗКІЙ ПУТЬ.** Романъ въ двухъ частяхъ, соч. Криницкаго. М. 1858. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 30 к.

**ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА.** Романъ Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 к.

**ОСАДА ЛЕЙДЕНА** въ 1573 и 1574 г. Эпизодъ изъ исторіи войнъ за независимость Нидерландовъ. Соч. П. Кудрявцева. М. 1855. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

**ПУТЕВОДИТЕЛЬ** по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856. Ц. 70 к., съ пер. 1 руб.

**ТРИ ОТКРЫТІЯ** въ естественной исторіи пчелы. К. Ф. Рулье. М. 1857 г. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

**РАЗБОРЪ КОМЕДИИ ГРАФА СОЛЛОГУБА «ЧИНОВНИКЪ».** Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

**БЮГРАФЪ-ОРИЕНТАЛИСТЪ.** Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

**ПОВѢСТИ И РАЗКАЗЫ** Евгеніи Туръ. Выпускъ I. На Рубежѣ. Выпускъ II. Ошибка. Выпускъ III. Заколдованный кругъ и Двѣ сестры. Выпускъ IV. Старушка. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

**ОБРАЗЦЫ** или **МАНЕРЫ** оконныхъ рамъ, двупольныхъ и однопольныхъ дверей, растворовъ, паркетовъ, глухихъ и рѣшетчатыхъ заборовъ, воротъ, деревянныхъ зонтиковъ и колодцевъ, изданные для плотниковъ и столяровъ, полезные также для домовладельцевъ, при выборѣ означенныхъ предметовъ, дѣлаемыхъ безъ пособія архитектора. М. 1860. Цѣна тетрадь, состоящей изъ 165 рисунковъ, помѣщенныхъ на 12-ти листахъ, 1 р. сер., съ пер. 1 р. 30 к. сер.

## ГЛАВА XX.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней, друзья Гарольда Смита торжествовали. Въ городѣ стали поговаривать о томъ, что лордъ Брокъ, избраніемъ его, значительно усилилъ свою партію, и употребилъ лучшее средство для залѣченія язвъ нанесенныхъ его высокоуміемъ и безразсудствомъ общему характеру его управленія. Такъ выражались возгордившіеся друзья Гарольда Смита. И если взять въ соображеніе, чего добился самъ Гарольдъ, то нельзя удивляться, что и самъ онъ нѣсколько возгордился.

Торжественный тотъ долженъ быть день въ жизни человѣка, когда впервые вступаетъ онъ въ кабинетъ. Но когда смиренный духомъ человѣкъ подумаетъ о такомъ событіи, то онъ недоумѣваетъ и теряется въ догадкахъ о томъ, что такое этотъ кабинетъ. Люди ли составляютъ его, или боги? Возсѣдаютъ ли они въ креслахъ, или парятъ на облакахъ? Когда они говорятъ, раздается ли музыка сферъ въ ихъ олимпійской обители, наполняя всю вселенную своею небесною гармоніей? Какимъ порядкомъ они разсаживаются? Въ какихъ выраженіяхъ они обращаются другъ къ другу? Всѣ ли божества имѣютъ равносильные голоса? Трепещутъ ли они передъ своимъ Зевсомъ? Злоупотребляетъ ли своею властью старикъ громовержецъ?

Гарольдъ Смитъ, приглашенный въ эту августѣйшую залу божественныхъ совѣщаній, торжествовалъ въ душѣ; но, повсей вѣроятности, въ продолженіи первыхъ засѣданій онъ не игралъ въ нихъ очень дѣятельной роли. Тѣ изъ моихъ читателей, которымъ случилось засѣдать въ приходскихъ совѣтахъ, должны помнить, какъ сговорчивъ и по большей части безмолвенъ новый членъ. Онъ охотно во всемъ соглашается, а если ему и приходится выразить мнѣніе противное, то онъ извиняется въ томъ. Но настаетъ время, когда привыкнувъ къ лицамъ, окружающимъ его, къ комнатѣ, къ столу, за которымъ онъ сидитъ, онъ перестаетъ благоговѣть и смущаться, и удивляетъ братію энергіей и смѣлостью своей рѣчи. Мы можемъ по этому предположить, что то же самое случится и съ Гарольдомъ Смитомъ на второй или третій годъ его министерскаго поприща. Но грустно подумать, какъ мимолетны такого рода радости.

И тутъ же ему былъ нанесенъ ударъ, нѣсколько омрачившій



его торжество, ударъ жестокой, не совсѣмъ благородной: поднялась на него рука, отъ которой онъ ожидалъ поддержки себѣ. Друзья Гарольда Смита говорили между прочимъ, что первый министръ, привязавъ его къ себѣ, влилъ молодую кровь въ свои жилы. Выраженіе это понравилось самому Гарольду, и онъ тотчасъ же смекнулъ, какую богатою темой оно могло стать для какого-нибудь дружелюбнаго Саппельгауса. Но почему бы какому-нибудь Саппельгаусу, не имѣющему доступа въ рай, питать дружескія чувства къ какому-нибудь Гарольду Смиту, допущенному въ него? Люди, добившіеся этого права, утопающіе въ блаженствѣ, должны приготовиться къ тому, что друзья ихъ отстанутъ отъ нихъ. Человѣкъ не былъ бы человѣкомъ, еслибы поступалъ иначе. Если мнѣ нужно добиться чего-нибудь отъ стараго моего друга Джона, я буду радъ, если онъ пойдетъ въ гору; но если, несмотря на это, онъ ничего не можетъ сдѣлать для меня, я почту высокое его положеніе за личную себѣ обиду. Кто найдетъ своего близкаго друга достойнымъ важнаго мѣста? Мистеръ Саппельгаусъ слишкомъ близко зналъ мистера Смита, и потому не могъ имѣть чересчуръ выгодное мнѣніе о молодой его крови.

Вслѣдствіе того, въ *Юпитеръ*, появилась статья, далеко не лестная для всего министерства. Молодой крови въ ней досталось порядкомъ, и намекалось на то, что Гарольда Смита скорѣе можно сравнить съ перегнанною водой. «Первый министръ, было сказано въ статьѣ, нашедшій себѣ недавно такую полезную, высоконравственную и аристократическую поддержку, избралъ себѣ теперь помощника изъ народа. Чего теперь не можетъ онъ сдѣлать съ помощію лорда Бритльбака и мистера Гарольда Смита! Возрожденные въ этомъ всесильномъ котлѣ Меден, его дряхлые члены, — и нужно признаться, что нѣкоторые изъ нихъ стали очень дряхлы, — выйдутъ изъ него молодыми, гладкими, сильными. Повсюду распространится новая энергія. Индія будетъ спасена и успокоена; честолюбіе Франціи будетъ усмирено; реформы улучшать наши суды и парламентскіе выборы; однимъ словомъ, утопія станетъ дѣйствительностію. Вотъ чего, по видимому, ожидаетъ министерство отъ молодой крови мистера Гарольда Смита!»

Уже это было довольно жестоко, но все не такъ, какъ послѣднія слова статьи. Авторъ, покинувъ ироническій тонъ, серьезно выражалъ свое мнѣніе объ этомъ дѣлѣ. «Мы желали бы убѣдить лорда Брока, сказано въ статьѣ, что такіе союзы, какъ этотъ, не спасутъ его отъ скорого паденія, которое онъ готовитъ себѣ своимъ высокомеріемъ и безразсудствомъ. Что касается его лично, намъ жаль будетъ, если ему придется подать въ отставку. Намъ въ эту минуту трудно было бы найти государственнаго человѣка, который болѣе бы соответствовалъ

требованіямъ нынѣшняго времени. Но если онъ будетъ имѣть безразсудство выбрать себя въ помощники такихъ людей, какъ лордъ Бритльбакъ и мистеръ Гарольдъ Смитъ, то пусть онъ не ожидаетъ, что страна будетъ поддерживать его. Мистеръ Гарольдъ Смитъ не такой матеріалъ, изъ котораго дѣлаются кабинетные министры.»

Когда, сидя за чайнымъ своимъ столомъ, мистеръ Гарольдъ Смитъ прочелъ эту статью, онъ узналъ или сказалъ, что узнаеть, руку мистера Саппельгуса въ каждой чертѣ, каждымъ выраженіемъ. Въ фразѣ одрахлахъ членахъ, онъ такъ услышитъ Саппельгауса, а также и въ осуществленіи утопіи. Когда онъ хочет поострить, онъ всегда говоритъ объ утопіи, сказалъ мистеръ Гарольдъ Смитъ—самому себѣ, ибо мистриссъ Смитъ не появлялась въ такой ранній часъ.

Затѣмъ онъ отправился въ свою канцелярію, и во взглядахъ каждаго изъ присутствующихъ могъ прочесть, что статья въ *Юинтеръ* уже всѣмъ была извѣстна. Въ улыбкѣ его секретаря заключался видимый намекъ на нее, и онъ почувствовалъ по той манерѣ, какъ Боггинсъ взялъ его пальто, что и въ швейцарской она была хорошо извѣстна. «Не придется ему зѣмцать меня когда я отойду,» говорилъ себѣ Боггинсъ. Въ то же утро былъ совѣтъ, второй, при которомъ онъ присутствовалъ, и взгляды всѣхъ боговъ ясно выражали ихъ мнѣніе, что владыка ихъ далъ еще одинъ промахъ. Еслибы мистеръ Саппельгаусъ написалъ статью въ другомъ тонѣ, тогда бы точно новая кровь почувствовалась дѣйствительною.

Все это бросало сильную тѣнь на его счастье, но не могло однако уничтожить тотъ фактъ, что онъ министръ. Лордъ Брокъ не могъ попросить его выйти въ отставку потому только, что *Юинтеръ* написалъ противъ него статью; лордъ Брокъ не былъ изъ такихъ людей, чтобы по такой причинѣ покинуть товарища. Вслѣдствіе этого, Гарольдъ Смитъ преисполнилъ свои чресла и ревностно принялся за отправленіе своихъ обязанностей. «Клянусь душой, *Юинтеръ* былъ правъ,» говорилъ себѣ молодой Робартсъ, окончивая четвертую дюжину своихъ объяснительныхъ записокъ обо всемъ томъ, что касалось департамента Малой Сумки; Гарольдъ Смитъ требовалъ, чтобы писанія его секретаря были ужасно точны.

Но тѣмъ не менѣе Гарольдъ Смитъ былъ счастливъ сознаниемъ своего новаго величія, и мистриссъ Гарольдъ также наслаждалась имъ. Конечно, въ кругу своихъ знакомыхъ, она то и дѣло надѣвалась надъ новымъ министромъ, и ему доставалось отъ нея почти не меньше чѣмъ отъ автора статьи въ *Юинтеръ*. Повѣствованіе съ миссъ Даштеблъ о молодой крови, она сказала, что поѣдетъ на Вестминстерскій мостъ посмотрѣть, ужъ не въ

самомъ ли дѣлѣ загорѣлась Темза. Но, хотя она смѣялась, она торжествовала, и хотя она воображала, что умѣетъ это скрыть, весь свѣтъ видѣлъ, что она торжествуетъ, и вслѣдствіе того ошлблся надъ ней.

Около этого времени, она также дала вечеръ, не такой высоко нравственный *convetstaxione*, какъ мистриссъ Прюди, но откровенный, грѣшный свѣтлей балъ, съ недостаточнымъ количествомъ скрипокъ, мороженого и шампанскаго, чтобы поглотить всю первую четверть жадованья, полученную Гарольдомъ Смитомъ съ департамента *малой сумми*. Для насъ балъ этотъ имѣетъ значеніе только потому, что леди Доутонъ была въ числѣ гостей. Тотчасъ же по ея прїездѣ въ городъ, она получила приглашительныя записки отъ мистриссъ Гарольдъ Смитъ для себя и Гривельды, и уже всѣмъ собралась послать ей отвѣтъ, которымъ отказывалась отъ этой чести. Ей нечего было дѣлать въ домѣ сестры мистера Соверби. Но случилось такъ, что въ эту минуту омыъ ея былъ съ нею: онъ выразилъ желаніе, чтобы она поѣхала, и она согласилась. Бѣдны въ словахъ его не было ничего необыкновеннаго, еслибы они относились только до нея, она улыбуналась бы ему въ отвѣтъ на его мнзую заботливость, воспользовалась бы этимъ случаемъ, чтобы поцѣловать его въ лобъ, но тѣмъ не менѣе отказалась бы. Но онъ напомнилъ ей о себѣ и Гривельдѣ. «Поѣзжайте, мама, хотъ бы для того, чтобы встрѣтить тамъ меня, сказала онъ ей. Мистриссъ Гарольдъ поймала меня на дняхъ, и взяла съ меня обѣщаніе прїехать.»

— Мена конечно могло бы это искусить, сказала леди Доутонъ.

— Мнѣ прїятно бывать тамъ, гдѣ я надѣюсь встрѣтить тебя,

— Къ тому же миссъ Грантли теперь у васъ, и ваша обязанность веселить ее по мѣрѣ возможности.

— Конечно. Лудовикъ; и я очень благодарна тебѣ, что ты такъ любезно напоминаешь мнѣ о моемъ долгѣ.

И вслѣдствіе того было рѣшено, что она съ Гривельдою отправится на балъ къ мистриссъ Гарольдъ Смитъ. Бѣдная леди Доутонъ! Она придавала словамъ сына больше значенія чѣмъ они заслуживали. Сердце ея радовалось при мысли, что омыъ ея желаетъ встрѣтиться съ Гривельдой, что омыъ пускается на хитрости для достиженія своей цѣли. А онъ выражался такимъ образомъ совершенно нечаянно и безъ всякаго другаго намѣренія кромѣ того, чтобы угодить матери и утѣшить ее.

Тѣмъ не менѣе онъ отправился на балъ мистриссъ Гарольдъ Смитъ и тамъ не разъ танцевалъ съ Гривельдой, къ видному егорченію лорда Домбелло. Онъ прїѣхалъ модно, и въ эту минуту лордъ Домбелло медленнымъ шагомъ велъ Гривельду подъ руку по комнатѣ, а леди Доутонъ глядѣла на нмъ

самыи несчастныи взоромъ. Гризельда сѣла на свое мѣсто, а лордъ Домбелло, не прерывая молчанія, сталъ у ея стула.

— Лудовикъ, шепнула его мать, — этотъ человекъ слѣдуетъ за Гризельдой какъ ея тѣнь, и ужасно надоѣлъ ей. Поди и спаси ее отъ него.

Онъ исполнилъ ея желаніе, и потому, въ продолженіи почти цѣлаго часа, не переставалъ танцовать съ Гризельдой. Онъ зналъ, что въ свѣтъ всѣ говорятъ пре страсть лорда Домбелло къ миссъ Грантли, и былъ не прочь наполнить душу своего собрата-нobleмена ревностью и гнѣвомъ. Къ тому же онъ очень восхищался красотой Гризельды, и будь она капельку оживленнѣе, или сумѣй мать его немного лучше скрыть свои замислы, онъ бытъ-можетъ предложилъ бы въ этотъ вечеръ Гризельдѣ возвести ее на лоттонскій престолъ, несмотря на все то, что было сказано и общано въ гостиной пасторакаго дома въ Фремлей.

Нужно вспомнить, что этотъ любезный блестящій мотылекъ провелъ не малое число дней съ миссъ Грантли въ домѣ матери, и нужно вспомнить также, какъ опасна такого рода короткость. Лордъ Лоттонъ былъ не способенъ хладнокровно видѣть женскую красоту и проводить цѣлые часы съ молодою дѣвушкой не почувствовавъ къ ней нѣкоторой живности. Не буди этого, леди Лоттонъ вѣроятно бы не стала долѣе заниматься этимъ дѣломъ. Но, по ея понятіямъ, сынъ ея оказывалъ довольно предпочтенія миссъ Грантли, чтобъ оправдать ея надежды и заставить ее думать, что ему до сихъ поръ не доставало только случая объясниться. И на этомъ балѣ, казалось, онъ одну минуту былъ намѣренъ воспользоваться представившимся случаемъ, и сердце матери его возрадовалось. Если въ этотъ вечеръ все окончится благополучно, она проститъ интригесъ Гарольдъ Смитъ всѣ ея прегрѣшенія.

И нужно признаться, что одну минуту дѣло было близко къ тому. Не то чтобъ лордъ Лоттонъ врѣзалъ на балѣ съ какими-нибудь намѣреніями насчетъ Гризельды; онъ даже не подозрѣвалъ, что ухаживаетъ за ней. Молодые люди такъ часто въ такихъ случаяхъ дѣйствуютъ безсознательно! Они настоящіе мотыльки. Ихъ забавляетъ яркое пламя свѣчи, они кружатся вокругъ нея, и, ослѣпленные, стремятся все ближе и ближе къ ней, пока наконецъ неосторожное движеніе не повергнетъ ихъ въ самое пламя, и они упадутъ съ обгорѣвшими крыльями, обожженные и изувѣченные жгучимъ племенемъ брачныхъ узъ. Счастливыя супружества, говоритъ поговорка, заключаются на небесахъ, и я этому вѣрю. Какъ же объяснить иначе, что, вопреки сэръ-Кресвелу Кресвелу, бываетъ такъ много счастливыхъ

супружествѣ, хотя люди такъ мало стараются о достиженіи этой цѣли?

— Я надѣюсь, что вы довольны моею матерью? сказалъ лордъ Лофтонъ Гризельдѣ, когда они между двумя танцами стояли въ дверяхъ.

— О, она очень добра ко мнѣ!

— Вы поступили опрѣметчиво, отдавшись въ руки такой степенной и серьезной особы. Я не знаю, извѣстно ли вамъ то обстоятельство, что вы мнѣ обязаны тѣмъ, что вы теперь на этомъ балѣ.

— Да, леди Лофтонъ мнѣ говорила объ этомъ.

— Чтò жъ, благодарны ли вы мнѣ, или нѣтъ? Сдѣлалъ ли я вамъ этимъ неприятность или одолженіе? Чтò вы находите пріятнѣе: сидѣть дома на диванѣ съ романсомъ въ рукахъ, или стоять съ лордомъ Домбелло и собираться танцевать съ нимъ польку?

— Я васъ не понимаю. Я очень не долго была съ лордомъ Домбелло. Мы хотѣли танцевать кадрыль, но это не устроилось.

— Именно такъ, я это и говорю: вы собирались это сдѣлать. Да и это для лорда Домбелло достаточный подвигъ, не правда ли?

И лордъ Лофтонъ, не любившій самъ длинныхъ сборовъ, обвилъ рукой станъ Гризельды, и пошли они кружить по комнатамъ, взадъ и впередъ, вдоль и поперекъ, съ энергіей, доказывавшею, что если языкъ Гризельды нѣсколько валь, то ноги ея за то дѣйствуютъ исправно. Лордъ Домбелло между тѣмъ стоялъ въ сторонѣ и наблюдалъ и посылалъ къ черту лорда Лофтона, этого несноснаго, пустаго болтуна, и думалъ о томъ, какъ хорошо было бы, еслибъ онъ во время одного изъ этихъ быстрыхъ поворотовъ сломалъ себѣ ногу, или съ нимъ приключилось бы другое какое-нибудь несчастіе, напримѣръ бы ослѣпъ, или оглохъ, или раззорился. И въ этомъ христіанскомъ настроеніи, онъ возвратился домой и легъ въ постель, хотя по всей вѣроятности онъ произнесъ молитву, гдѣ говорится объ оставленіи долговъ должникамъ нашимъ.

По окончаніи танца, задыхаясь послѣ быстрого движенія, лордъ Лофтонъ спросилъ у Гризельды, какъ ей нравится Лондонъ?

— Очень, отвѣчала, также немного запыхавшась, Гризельда.

— Я боюсь, что вамъ было очень скучно въ Фремлѣ.

— Совсе нѣтъ; мнѣ было очень весело.

— Какая тоска была когда вы уѣхали! Въ домѣ не осталось никого, съ кѣмъ бы можно было перемолвить слово. И...— Они на минуту умолкли, чтобы дать легкимъ своимъ успокоиться. — Не осталось рѣшительно ни души, продолжалъ онъ, безъ всякаго намѣренія говорить неправду: онъ не думалъ о томъ, чтò говорилъ. Онъ совершенно забылъ, что въ самомъ-то дѣлѣ

отъездъ Гривельды доставилъ ему скорѣе удовольствіе, и что, разговаривая съ Люси, онъ отдыхалъ отъ труда, котораго ему стоило заставить Гривельду сказать два-три слова. Но мы не должны слишкомъ строго осуждать его. Всякія средства годны въ войнѣ и любви, и если это не была любовь, то было по крайней мѣрѣ то чувство, которое часто замѣняетъ ее.—Не осталосъ ни души, сказалъ лордъ Лофтонъ.—Я съ горя чуть было не повѣсилъ въ паркѣ на другое утро, но шелъ дождь, и это одно только остановило меня.

— Что за вздоръ! Развѣ вы не могли разговаривать съ вашею матерью?

— Съ моею матерью! Да, конечно. Вы можете также сказать мнѣ, если угодно, что и капитанъ Колпешперъ былъ со мной. Я отъ всего сердца люблю мою мать; но неужели вы думаете, что ея общество могло бы мнѣ замѣнить ваше?

И голосъ его, и взглядъ его были очень нѣжны.

— А миссъ Робартсъ? Я полагаю, что она вамъ очень нравится.

— Что, Люси Робартсъ? сказалъ лордъ Лофтонъ, чувствуя, что онъ смущается при звукѣ этого имени. Оно разомъ приостановило весь пылъ его.—Мнѣ, конечно, очень нравится Люси Робартсъ, она очень умна, но случилось такъ, что я почти не видалъ ея послѣ вашего отъезда.

На это Гривельда ничего не отвѣчала, но гордо закинула голову, и приняла видъ столь же холодный, какъ Діана, когда она заморозила Оріона въ пещерѣ. И всѣ послѣдующія за тѣмъ попытки лорда Лофтона вовлечь ее въ разговоръ не имѣли успѣха. Они еще разъ потанцовали вмѣстѣ, но ноги Гривельды проявили теперь далеко не такое оживленіе какъ прежде.

Вотъ все или почти все, что произошло между ними въ этотъ вечеръ. Быть-можетъ, сверхъ того, лордъ Лофтонъ подчивалъ ее мороженымъ, лимонадомъ, и я не ручаюсь, что онъ не сдѣлалъ какой-нибудь осторожной попытки пожать ей руку. Но на всякія такіа *avances* Гривельда Грантли отвѣчала холодною, достойною Діаны.

Однако и этихъ бездѣлицъ было достаточно, чтобы наполнить сердце леди Лофтонъ надеждой и радостію. Ни одна мать, благословенная шестью дочерьми, такъ горячо не желала пристроить ихъ, какъ леди Лофтонъ женить своего сына, разумѣется, на дѣвушкѣ, пользующейся ея одобреніемъ. И теперь, казалось, дѣло не на шутку начинало улаживаться по ея желанію. Она весь вечеръ наблюдала за сыномъ, хотя всячески старалась, чтобы никто не замѣтилъ этого. Она видѣла паденіе лорда Домбелло и его досаду, и видѣла также побѣду и торжество сына,

Ужь не сдѣлалъ ли онъ ей какого-нибудь намека, и не обласнился только вслѣдствіе холодности Гризельды? Не можетъ ли ея осторожное внимательство способствовать къ тому, чтобъ ускорить окончательную развязку этого дѣла? Постороннее внимательство въ дѣлахъ такого рода, безъ сомнѣнія, вещь опасная, и леди Лофтонъ вполне это сознавала.

— Приятно ли вы провели вечеръ? спросила она у Гризельды, когда, по возвращеніи своемъ домой, онѣ расположились у каминна въ уборной леди Лофтонъ. Старая дама нарочно пригласила свою гостью въ эту закрытую для всѣхъ комнату. Но чего-бъ она не была въ состояніи сдѣлать для такой невѣстки какъ Гризельда?

— Да, очень приятно.

— Мнѣ показалось, что вы большую часть своихъ улыбокъ расточали на Лудовика, сказала леди Лофтонъ, выражая на своемъ лицѣ, что обстоятельство это ей очень приятно.

— О! я не знаю, сказала Гризельда, — я раза два танцевала съ нимъ.

— Мнѣ это было очень приятно, душа моя. Я люблю, когда Лудовикъ танцуетъ съ милыми мнѣ дѣвчушками.

— Я чувствую, что обязана этимъ вамъ, леди Лофтонъ.

— Ничуть, душа моя. Сынъ мой не могъ бы выбрать себѣ милѣе дамы.— Она здѣсь остановилась на минуту, не зная слѣдуетъ ли ей продолжать. Гризельда между тѣмъ сидѣла неподвижно и не сводила глазъ съ пылающихъ угольевъ.— Я знаю, что онъ въ восторгѣ отъ васъ, продолжала леди Лофтонъ.

— О, могу васъ увѣрить, что вы ошибаетесь! сказала Гризельда, и затѣмъ опять слѣдовало молчаніе.

— Я могу вамъ сказать только одно, сказала леди Лофтонъ, — я была бы очень счастлива, еслибы дѣйствительно было то, что я вамъ сказала, и я имѣю причины думать, что не ошибаюсь. Вы должны знать, душа моя, что я васъ отъ души люблю.

— Благодарю васъ, сказала Гризельда, и еще болѣе углубилась въ созерцаніе угольевъ.

— Хотя онъ мой сынъ, я не могу не сказать, что онъ очень хорошій молодой человекъ, и еслибы что-нибудь произошло между вами и имъ...

— Могу васъ увѣрить, что между нами ничего не произошло.

— Но если что-нибудь произойдетъ, я буду очень рада и совершенно одобрю его выборъ.

— Но ничего такого никогда не произойдетъ, леди Лофтонъ. Онъ ни о чемъ подобномъ не думаетъ.

— Но можетъ подумать. А теперь прощайте, душа моя.

— Доброй ночи, леди Лофтонъ.

И Гривельда съ самымъ невозмутимымъ спокойствіемъ поцѣловала ее и отправилась въ свою спальню. Лежа въ постель, она тщательно осмотрѣла свои ленты и кружева, желая удостовѣриться, до какой степени онѣ пострадали отъ своей службы въ этотъ вечеръ.

## ГЛАВА XXI.

Маркъ Робартсъ вернулся домой, на другой день послѣ свиданія своего съ лордомъ Лофтономъ въ Альбани, въ несравненно болѣе спокойномъ расположеніи духа. Онъ чувствовалъ, что можетъ теперь принять званіе члена капитула, не роняя своего достоинства. Онъ говорилъ себѣ, что съ его стороны было бы чистымъ сумашествіемъ отказать отъ мѣста, послѣ всего того, что говорилъ мистеръ Соверби для успокоенія его и для объясненія лорду Лофтону въ чемъ дѣло. Къ тому же обѣщанія мистера Соверби касательно векселей очень утѣшили его. Ему начала представляться возможность развязаться со всѣми заботами и безпокойствами покупкой этой лошади, которая къ тому же и стоила назначенной за нее цѣны.

Въ слѣдующій по своему пріѣздѣ день, онъ получилъ оффиціальное извѣщеніе о своемъ назначеніи. Не всѣ еще формальности были исполнены; нужно было дождаться слѣдующаго засѣданія капитула, но на дѣлѣ онъ уже былъ бенефициантомъ. Жалованье уже принадлежало ему, ему обѣщали очистить для него домъ черезъ недѣлю; но отъ этого пункта онъ бы съ радостью отказался, еслибы только была на это возможность. Жена поздравила его съ обычною своею нѣжностью и любовью, и, казалось, обрадовалась этому событію. Въ такія минуты удовольствіе человека много зависитъ отъ того, какъ взглянуть на дѣло близкіе къ нему люди. Поздравленія леди Лофтона были такого рода, что онъ чуть было не бросилъ все это дѣло, но веселая улыбка жены успокоила его, и чистосердечная радость Люси наполнила его сердце дружелюбными чувствами къ мистеру Соверби и герцогу Омніуму. А потомъ Денди, это великолѣпное животное, прибыло въ конюшню пасторскаго дома, къ великой радости садовника и грума и мальчика, помогавшаго послѣднему по конюшнѣ, который неизвѣстно какъ и почему завелся въ домѣ, съ тѣхъ поръ какъ хозяинъ онаго чаще сталъ ѣздить на охоту. Но радость эта не встрѣтила сочувствія въ гостиной. Появленіе лошади подало поводъ къ разспросамъ. Маркъ объяснилъ, что онъ



эту лошадь купилъ у мистера Соверби, съ цѣлью одолжить его. Онъ, Маркъ, былъ намѣренъ опять продать ее при первомъ удобномъ случаѣ. Объясненіе это было, конечно, не очень удовлетворительно. Ни жена, ни сестра пастора не знали толка въ лошадяхъ, не имѣли понятія о томъ, какія отношенія могутъ заставить человѣка одолжать другаго покупкой совершенно лишней для него лошади; но объ онъ чувствовали, что и безъ Денди достаточно лошадей въ конюшнѣ пасторскаго дома, и что покупать охотничью лошадь, съ тѣмъ чтобъ опять немедленно продать ее, вовсе не дѣло духовнаго лица.

— Надѣюсь, что ты не очень дорого заплатилъ за нее, Маркъ? сказала Фанни.

— Не дороже, чѣмъ я самъ продамъ, отвѣтилъ Маркъ; и Фанни прочла на его лицѣ, что онъ не желаетъ распространяться объ этомъ предметѣ.

— Я полагаю, что мнѣ немедленно придется занять новое свое мѣсто, сказалъ Маркъ, стараясь свести разговоръ на предметъ болѣе утѣшительный.

— И намъ всѣмъ придется переѣхать въ Барчестеръ? спросила Люси.

— Въ домъ вѣдь нѣтъ мебели, не такъ ли, Маркъ? сказала жена его.—Я не знаю, какъ мы устроимся.

— Не тревожьтесь. Я найму квартиру въ Барчестеръ.

— И мы тебя никогда не будемъ видѣть, горестно произнесла мистриссъ Робартсъ. Но бенефициантъ объяснилъ ей, что онъ только на короткое время будетъ уѣзжать изъ Фремлея, что по всей вѣроятности ему придется ночевать въ Барчестеръ только по субботамъ и воскресеньямъ, и то быть-можетъ не всегда.

— Не очень же, кажется, тяжелы обязанности бенефицианта, сказала Люси.

— Но за то онъ очень почетны, возразила Фанни. — Бенефицианты—духовные сановники, не такъ ли, Маркъ?

— Разумѣется, возразилъ онъ,—а также и жены ихъ, по особенному каноническому уставу. Худо только то, что и тѣ и другія обязаны носить парики.

— Будетъ ли у тебя шляпа съ завитушками по сторонамъ и широкими лентами? спросила Люси.

— Я боюсь, что права мои не простираются такъ далеко.

— Неужели даже розетки у тебя не будетъ? Въ такомъ случаѣ я никогда не повѣрю, что санъ твой такъ высокъ. Неужели же шляпа твоя ничѣмъ не будетъ отличаться отъ шляпъ обыкновенныхъ пасторовъ, какъ на примѣръ мистера Кролея?

— Кажется, поля съ одного края можно будетъ прыгнуть, но

я еще не вполне увѣренъ въ этомъ, и спрошу объ этомъ декана капитула.

Такимъ образомъ обитатели пасторскаго дома говорили о томъ, что предстояло имъ хорошаго, и старались забыть о новой лошади и объ охотничьихъ сапогахъ, бывшихъ такъ часто въ употребленіи въ продолженіи прошлой зимы, и о холодности леди Лофтонъ. Дурное все можетъ исчезнуть, и останется одно хорошее.

Наступалъ апрѣль мѣсяцъ, поля начинали зеленѣть; вѣтеръ пересталъ дуть съ востока, и сталъ мягокъ и тепелъ; раннія весеннія цвѣты распускались въ саду пасторскаго дома, и все въ природѣ радостно улыбалось. Это время года было особенно дорого для мистриссъ Робартсъ. Мужъ ея всегда дѣлательнѣе принимался за исполненіе своихъ обязанностей, когда наступали теплые мѣсяцы чѣмъ въ продолженіи зимы. Великосвѣтскіе друзья его и знакомые, которыхъ она не знала, но тѣмъ не менѣе не могла одобрять, увѣжали съ наступленіемъ весны; дома ихъ пустѣли и не представляли уже для него никакихъ искушеній. Онъ могъ посвящать больше времени приходскимъ а также и домашнимъ своимъ обязанностямъ. Въ продолженіи этихъ мѣсяцевъ онъ былъ примѣрнымъ пасторомъ и примѣрнымъ мужемъ, какъ бы стараясь усердіемъ своимъ загладить прошлыя свои прегрѣшенія. Сверхъ того, — хотя по всей вѣроятности, она ни разу не созналась даже самой себѣ въ этомъ, — отсутствіе дорогаго ея друга, леди Лофтонъ, также имѣло хорошія свои стороны. Мистриссъ Робартсъ отъ души любила леди Лофтонъ: но должно сознаться, что ко всѣмъ хорошимъ и почтеннымъ свойствамъ этой дамы примѣшивалась порядочная доля властолюбія. Она любила повелѣвать, и давала это чувствовать своимъ ближнимъ. Мистриссъ Робартсъ никогда бы не созналась, что это тяготитъ ее, но тѣмъ не менѣе она дышала свободнѣе въ ея отсутствіи, и была менѣе стѣснена въ своихъ дѣйствіяхъ.

И Маркъ также былъ въ хорошемъ расположеніи духа, хотя онъ и находилъ, что было бы не совсѣмъ удобно тотчасъ же обратитъ Денди въ деньги. Онъ въ то время часто бывалъ въ Барчестерѣ и проходилъ черезъ таинственныя и строгія испытанія, необходимыя для поступленія духовнаго лица въ капитулъ; но должно сознаться, что Денди часто приходилъ ему на умъ, и онъ былъ бы очень радъ развязаться съ нимъ. Срокомъ этимъ несчастнымъ векселямъ выходилъ въ началѣ мая, а въ концѣ апрѣля Соверби увѣдомилъ его о томъ, что онъ дѣлаетъ все, отъ него зависящее, чтобы роковой день не засталъ его врасплохъ; но что дѣло много было бы упрощено для него,

еслибъ онъ могъ тотчасъ же получить деньги за Денди. Ничего не могло быть различнѣ тона, какимъ мистеръ Соверби говорилъ о деньгахъ въ разные времена. Когда дѣло шло о полученіи ихъ, онъ умѣлъ всему придавать важность; сверхъестественныя усилія, суета, бѣготня, одни могли отвратить страшную бѣду: минута отсрочки все могла погубить. Но когда рѣчь заходила о противномъ, онъ всегда умѣлъ доказать самымъ убѣдительнымъ образомъ, что все идетъ отлично и не о чемъ беспокоиться. Въ эту минуту онъ глядѣлъ на дѣло съ врачюной точки зрѣнія, и настойчиво требовалъ статридцати фунтовъ за Денди. Послѣ всего того что произошло недавно, Марку казалось неловко откѣтить, что онъ ничего не заплатитъ, пока веселя не будутъ уничтожены; и поэтому онъ съ помощью мистера Форреста, банкира, расплатился съ своимъ другомъ, мистеромъ Соверби.

Теперь мы должны сказать слово о Люси Робартсъ. Мы видѣли, какъ она въ ту минуту, когда міръ былъ у ногъ ея, отвергла исканія благороднаго лорда и отвергла такъ, что онъ пораженіе свое долженъ былъ считать окончательнымъ. Она рѣшительно объявила ему, что не любитъ его, что не можетъ полюбить его, и такимъ образомъ отказалась не только отъ блестящаго положенія и богатства, но и отъ чего-то поважнѣе: она отказалась отъ человѣка, которому она отдала свое любящее сердце. Что сердце ея принадлежитъ ему, она чувствовала и тогда, и сознала еще сильнѣе послѣ какъ только онъ оставилъ ее. Вотъ сколько силы придали ей гордость и твердая рѣшимость, что она не дастъ леди Лофтонъ глядѣть на нее свысока и упрекать ее въ томъ, что она поймала ея сына.

Я знаю, что о самомъ лордѣ Лофтонѣ скажутъ, что если оставить въ сторонѣ его знатность и богатство и красивое, веселое лицо, онъ не стоитъ преданной любви милой дѣвушки. Люди воображаютъ, что герои романовъ необходимо должны быть лучше героевъ, созданныхъ для житейскаго обихода. Я прямо сознаюсь, что высокаго, абсолютнаго героизма въ лордѣ Лофтонѣ было немного; но что бы стало со свѣтомъ, еслибъ одни только истинные герои почитались достойными любви женщинъ? Что бы стали дѣлать мужчины, и,—о Боже!—что бы стало съ женщинами? Люси Робартсъ въ сердцѣ своемъ не одарила своего отвергнутаго вздыхателя никакими особенными героическими свойствами, быть-можетъ она даже не признавала въ немъ и той доли героизма, которая поистинѣ принадлежала ему; но тѣмъ не менѣе она очень рада была бы выйти за него замужъ, еслибы только она могла сдѣлать это, не уязвляя своей гордости.

Всѣ мы согласны съ тѣмъ, что дѣвушки не должны выходить

замужъ изъ-за денегъ. Женщина, которая продаетъ себя за имя или за доходное имѣніе, за блестящее положеніе или за блестящіе фамильные брилліанты, поступаетъ съ собой какъ фермеръ съ своими быками и овцами, показываетъ почти такое же неуваженіе къ самой себѣ, къ своему внутреннему существу, какъ жалкая бѣдняга ея же пола, которая добываетъ себѣ хлѣбъ самымъ глубокимъ униженіемъ. Но имя, и богатство, и блестящее положеніе, всегда имѣли значеніе въ глазахъ Евновыхъ дочекъ, а также и сыновей Адама. Въ мы дорожимъ благами мірскими, и не удивительно. Но допуская это, не должно забывать, что цѣна за эти блага иной разъ можетъ быть слишкомъ высока. Желая въ этомъ случаѣ быть по возможности откровеннымъ, я сознаюсь, что Люси случалось съ сожалѣніемъ думать и о томъ, что было бы, еслибъ она сдѣлалась леди Лофтонъ. Быть женой такого человѣка, обладательницей такого сердца, имѣть въ рукахъ такую блестящую счастливую судьбу, чего больше могла она ждать отъ жизни? И теперь она отказалась отъ всего этого изъ-за того только, чтобы леди Лофтонъ не имѣла права назвать ее интриганткой и заподозрить ея честность. Движимая этимъ страхомъ, она прибѣгла ко лжи, чтобы удалить молодого Лофтона, хотя дѣло это было такого рода, что ей непременно слѣдовало быть откровенною.

Тѣмъ не менѣе она была весела въ обществѣ брата и невѣстки. Только ночью, когда она оставалась одна въ своей комнатѣ, или во время одинокихъ своихъ прогулокъ, позволяла она слезамъ навертываться на глаза. Ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ, не выдала она себя. Въ ней нельзя было замѣтить ни разсѣянности, ни грусти; ничто въ ней не измѣнилось. Она обнаруживала въ этомъ случаѣ ту особенную силу, которою одарилъ ее Богъ. Но въ душѣ она часто и горько жалѣла объ этой грустной развязкѣ своего романа.

— Мы собираемся ѣхать сегодня утромъ въ Гоггельстокъ, сказала однажды за завтракомъ Фанни.—Я полагаю, Маркъ, что ты не поѣдешь съ нами?

— Нѣтъ, не думаю. Кабриолетъ неудобенъ для трехъ.

— А новая лошадь-то на что? Развѣ ты не можешь поѣхать на ней? Ты, кажется, говорилъ, что тебѣ нужно видѣть мистера Кролея?

— Да, и я намѣренъ ѣхать къ нему завтра же на новой лошади, какъ ты ее называешь. Передай ему отъ меня, что я буду у него завтра около двѣнадцати часовъ.

— Не лучше ли тебѣ ѣхать пораньше; онъ цѣлый день занятъ въ своемъ приходѣ.

— Хорошо, скажи, что я буду въ одиннадцать часовъ. Мнѣ

нужно переговорить съ нимъ о приходскихъ же дѣлахъ, и по этому совѣтъ его можетъ быть покойна, если онъ лишніе полчаса останется дома.

— Что жь, Люси, мы съѣдимъ и одиѣ. Ты будешь править лошадыю по дорогѣ туда, а я оттуда.

Люси на все была согласна, и онѣ пустились въ путь, какъ только окончили свое значеніе въ школѣ.

Разговоръ между ними ни разу не касался лорда Лофтона съ того самаго вечера, когда онѣ гуляли по саду тому назадъ уже болѣе мѣсяца. Отвѣты Люси въ этотъ вечеръ, выраженіе ея лица, совершенно убѣдили Фанни, что до тѣхъ поръ между ними не было никакихъ важныхъ объясненій, а съ того времени не случилось ничего такого, что могло бы внушить ей подозрѣніе. Она тотчасъ же увидѣла, что прежняя короткость въ отношеніяхъ лорда Лофтона и Люси исчезла, и думала, что все идетъ какъ слѣдуетъ.

— Знаешь ли что, сказала она въ то утро въ кабриолетѣ, — мнѣ кажется, что лордъ Лофтонъ женится на Гривельдъ Грантли.

Рука Люси, державшая поводья, невольно дрогнула, и она почувствовала, что вся кровь ея прихлынула къ сердцу. Но она не измѣнила себѣ.

— Это очень возможно, отвѣчала она, и замахнулась хлыстикомъ на пони.

— Ахъ, Люси, зачѣмъ ты бьешь Пука? Онъ бѣжалъ такъ славно.

— Мнѣ очень совѣстно передъ Пукомъ. Но когда хлыстикъ держишь въ рукахъ, то такъ и хочется стегнуть.

— Старайся противиться этому искушенію. Я почти увѣрена, что леди Лофтонъ одобрила бы этотъ бракъ.

— По всей вѣроятности. Миссъ Грантли будетъ, кажется, очень богата.

— Но не это главное; она именно такого рода дѣвушка, которая должна понравиться леди Лофтонъ. Она очень изящна и хороша собою...

— Полно, Фанни!

— Да, она очень хороша собою, хотя я нахожу, что съ своею красотой она могла бы быть еще привлекательнѣе. Притомъ она такъ тиха и скромна; я увѣрена, что она очень совѣстлива въ исполненіи своихъ обязанностей.

— Не сомнѣваюсь въ этомъ, отвѣчала Люси, и въ голосѣ ея слышалась легкая насмѣшка. — Но главный вопросъ, кажется мнѣ въ томъ, до какой степени она нравится самому лорду Лофтону.

— Я думаю, что она ему нравится до известной степени. Онъ не разговаривалъ съ нею столько, какъ съ тобою....

— О! въ этомъ виновата была одна леди Лофтонъ. Зачѣмъ она не позаботилась пришить къ нему ярлычокъ?

— Но послѣдствій дурныхъ отъ этого, кажется, никакихъ не вышло?

— Благодаря Бога, не много. Чтò касается меня, я увѣрена, что черезъ три, четыре года совершенно оправлюсь, а особенно если прибѣгну къ ослиному молоку и перемѣнѣ воздуха.

— Мы ради этого повеземъ тебя въ Барчестеръ. Но, повтори, мнѣ въ самомъ дѣлѣ кажется, что Гризельда Грантли нравится лорду Лофтону.

— Въ такомъ случаѣ я могу только сказать, что у него очень дурной вкусъ, сказала Люси съ убѣжденіемъ въ голосъ, вовсе не похожимъ на ея прежній шушливый тонъ.

— Какъ, Люси! сказала ея невѣстка, глядя на нее:—я начинаю думать, что намъ въ самомъ дѣлѣ придется прибѣгнуть къ ослиному молоку.

— Мнѣ быть-можетъ, дѣйствительно, не слѣдовало сближаться съ лордомъ Лофтономъ: ты сама же говоришь, что молодымъ дѣвушкамъ всегда очень опасно сближаться съ молодыми людьми. Но я достаточно узнала его, чтобы понять, что такая дѣвушка какъ Гризельда Грантли не можетъ ему нравиться. Онъ долженъ видѣть, что она просто кукла, холодная, безжизненная, бездушная, нестерпимо скучная. Какія бы ни были ея нравственныя достоинства, я убѣждена, что голова ея совершенно пуста. Я никогда не видала живого существа такъ похожаго на статую. Сидѣть смиренно и удивлять всѣхъ своею красотой — вотъ все, чтò ей нужно, и еслибы послѣднее не удавалось ей, я увѣрена, что она удовольствовалась бы и первымъ. Я не въ такомъ восторгѣ отъ леди Лофтонъ, какъ ты, но я такого хорошаго мнѣнія о ней, что не могу не удивляться, какъ можетъ она желать женить сына на такой дѣвушкѣ. Что она желаетъ этого, я въ томъ не сомнѣваюсь. Но признаюсь, меня очень удивитъ, если и онъ желаетъ того же.

И, сказавъ это, Люси опять хлестнула пони. Она чувствовала, что предательская краска распространилась на ея лицѣ, и ей было досадно на себя.

— Право, Люси, еслибъ онъ былъ твоимъ братомъ, ты не могла бы принимать болѣе горячее участіе въ его судьбѣ.

— Не могла бы. Онъ первый мужчина, съ которымъ я сближалась и подружилась, и мнѣ будетъ очень больно, если онъ сдѣлаетъ такую грубую ошибку. Съ моей стороны, вѣроятно, очень неприлично заботиться о такихъ вещахъ.

— Успокойся на томъ, что если мать его и онъ будутъ довольны, мы также можемъ быть довольны.

— Я не буду довольна. Гляди на меня сколько хочешь, Фанни. Ты заставляешь меня говорить объ этомъ, и я не хочу дгать. Я очень люблю лорда Лофтона, и почти столько же не люблю Гризельду Грантли. Поэтому мнѣ будетъ очень досадно, если онъ женится на ней. Но впрочемъ, я полагаю, что ни она, ни онъ не станутъ добиваться моего согласія, и что леди Лофтонъ также обойдется безъ него.

И онъ молча проѣхали съ четверть мили.

— Бѣдный Пукъ! сказала наконецъ Люси.—За что ему досталось отъ меня? Развѣ онъ виноватъ въ томъ, что миссъ Грантли похожа на статую? Но, Фанни, не говори Марку, что я съ ума сошла. Не виновата же я, что умѣю отличать сокола отъ цапли: вотъ почему я не желаю, чтобъ онъ женился на ней.

Разговоръ прекратился, и черезъ двѣ минуты кабриолетъ подъѣхалъ къ дому гоггльстокскаго пастора.

Мистриссъ Кролей привезла съ собою двухъ дѣтей, когда перѣѣхала въ Гоггельстокъ, и съ тѣхъ поръ ея семейство и ея заботы увеличались двумя другими малютками. Одинъ изъ нихъ въ настоящее время былъ боленъ крупомъ, и мистриссъ Робартсъ пріѣхала именно съ тѣмъ чтобы извѣстить бѣдную мать и предложить ей свои услуги. Обѣ дамы вышли изъ экипажа, поручивъ Пука попеченіямъ случившагося тутъ мальчика, и вскорѣ очутились въ единственной пріемной комнатѣ мистриссъ Кролей. Она сѣла съ трехмѣсячнымъ ребенкомъ на рукахъ, и ногой качала колыбель, гдѣ лежалъ другой, постарше. Онъ-то и былъ нездоровъ, и замалъ на время болѣзни мѣсто малютки. Старшія дѣти, дѣвочка лѣтъ девяти, и мальчикъ моложе ея тремя годами, также находились въ комнатѣ. Они стояли подлѣ отца, который терпѣливо посвящалъ ихъ въ таинства грамматики. Нужно признаться, что мистриссъ Робартсъ было бы гораздо пріятнѣе, еслибы мистера Кролей не было дома; она привезла съ собою разные запрещенные предметы, подарки для дѣтей, какъ называла она ихъ, но въ сущности пособія для этой бѣдной, удрученной заботами матери, а она знала, что въ присутствіи мистера Кролей невозможно будетъ пронести ихъ изъ кабриолета въ домъ.

Мистриссъ Кролей, какъ мы уже сказали, не была теперь такъ изнурена, такъ худа, какъ подъ конецъ тяжкаго своего житья на западѣ. Благодаря попеченіямъ леди Лофтонъ и мистриссъ Эребинъ, и немного болѣе спокойной, хотя все еще трудной жизни, она немного поправилась, и сблизилась съ кругомъ, въ которомъ жила въ счастливые дни своего дѣтства. Но даже щедраго жалованья въ сто тридцать фунтовъ—щедраго въ сравненіи съ тѣмъ, что получаютъ священники во многихъ

другихъ мѣстахъ, не было достаточно, чтобы дать джентльмену съ женой и четырьмя дѣтьми средства жить съ тѣми удобствами, къ которымъ привыкъ самый простой ремесленникъ. Что касается пищи, то конечно количество мяса, чаю и масла, потреблявшееся въ пасторскомъ домѣ, показалось бы очень недостаточнымъ каждому ремесленнику. Ему и дѣтямъ нужна была приличная одежда, а что до ея собственнаго туалета, то жены немногихъ ремесленниковъ удовольствовались бы лучшимъ изъ ея платьевъ. Сшито оно было изъ матеріи, купленной ея матерью, когда она съ трудомъ готовила скромное приданое своей дочери.

Люси никогда не видала мистриссъ Кролей. Поѣздки въ Гоггльстокъ не были часты, и мистриссъ Робартсъ предпринимала ихъ обыкновенно въ обществѣ леди Лофтонъ. Известно было, что они непріятны мистеру Кролею, который находилъ какое-то мрачное наслажденіе въ своемъ одиночествѣ. Можно было рѣшительно сказать, что онъ сердился на тѣхъ, кто приходилъ къ нему на помощь, и достовѣрно было то, что онъ до сихъ поръ не могъ простить декану барчестерскому то, что тотъ заплатилъ его долги. Деканъ доставилъ ему также теперешнее его мѣсто, и поэтому старинный его другъ уже не былъ ему такъ дорогъ, какъ въ тѣ дни, когда онъ былъ немногимъ богаче его и навѣщалъ его въ памятной ему фермѣ. Они тогда по цѣлымъ часамъ гуляли по берегу вдоль скалъ, прислушиваясь къ шуму волнъ и разсуждая о глубокомысленныхъ спорныхъ вопросахъ, то съ неистовымъ жаромъ, то съ нѣжною, глубокою любовію, но всегда съ полною вѣрой во взаимную добросовѣстность. Теперь они сравнительно жили близко другъ отъ друга, но имъ не случалось уже спорить и разсуждать попрежнему. Мистеръ Кролей нѣсколько разъ въ годъ получалъ приглашенія отъ стараго своего друга, и докторъ Эребинъ далъ ему обѣщаніе, что онъ никого не встрѣтитъ въ его домѣ, если непріятно ему общество. Но не то было нужно мистеру Кролею. Блескъ и великолѣпіе дома декана и комфортъ этого теплаго уютнаго кабинета тотчасъ же убивали въ немъ всякое расположеніе къ разговору. Почему докторъ Эребинъ не пріѣзжалъ къ нему въ Гоггльстокъ, и не бродилъ съ нимъ по грязнымъ дорогамъ, какъ бродилъ онъ съ нимъ въ прежнее время? Тогда бы онъ могъ наслаждаться его обществомъ, тогда бы онъ могъ проводить съ нимъ цѣлые часы въ бесѣдахъ, тогда бы онъ вспоминалъ былые дни. Но теперь!..

— Эребинъ теперь развѣзжаетъ на гладкой, красивой лошади, язвительно замѣтилъ онъ однажды своей женѣ. Испытанная имъ бѣдность оставила въ немъ такой ужасный слѣдъ, сердце его не могло уже лежать къ богатому другу.



## ГЛАВА XXII.

Когда мы разстались съ Люси, въ концѣ предыдущей главы, она ждала, чтобъ ее познакомили съ мистриссъ Кролей, сидѣвшею съ новорожденнымъ ребенкомъ на рукахъ, между тѣмъ какъ другой, побольше, лежалъ въ колыбелкѣ у ея ногъ. Мистеръ Кролей, при входѣ гостей, всталъ съ своего мѣста, не выпуская изъ рукъ старой грамматикѣ, по которой онъ училъ двухъ старшихъ своихъ дѣтей. Такимъ образомъ, все семейство было въ сборѣ когда мистриссъ Робартсъ и Люси вошли въ гостиную.

— Вотъ моя невѣстка, Люси, сказала мистриссъ Робартсъ.— Прошу васъ, не безпокойтесь, мистриссъ Кролей; а не то отдайте мнѣ малютку.

Она взяла ребенка на руки и принялась нянчиться съ нимъ; для нея занятіе это было привычкою, и имъ она отнюдь не пренебрегала, хотя, конечно, уходъ за дѣтьми лежалъ не на ней одной.

Мистриссъ Кролей встала и сказала Люси, что очень рада ее видѣть у себя въ домѣ; мастеръ Кролей подошелъ съ грамматикой въ рукахъ, робко и смиренно. Еслибы намъ позволено было заглянуть въ самую глубину души его и души его вѣрной подруги, мы бы увидѣли, что онъ виѣсть и гордился своею бѣдностью и отчасти совѣстился ея, тогда какъ она равно чужда была и гордости, и стыда.

На нее такимъ тяжкимъ бременемъ легли всѣ трудности жизни, что она ужъ не заботилась о внѣшности. Она, напримѣръ, рада была бы новому платью, потому что точно нуждалась въ немъ; но ея нисколько бы не огорчило, еслибы всему графству сдѣлалось извѣстно, что платье, въ которомъ она ходитъ въ церковь, уже раза три выворачивалось съ лица на изнанку и съ изнанки налицо.

— Боюсь, что вамъ не на чѣмъ у насъ и сѣсть, миссъ Робартсъ, сказалъ мистеръ Кролей.

— А вотъ стулъ; на немъ только книги этого молодого чело-вѣка; надѣюсь, что онъ позволитъ мнѣ снять ихъ? сказала Люси, перекладывая на столъ кипу старыхъ, изодранныхъ книгъ.

— Книги не Боба, а мои; всѣ почти мои, сказала дѣвочка.

— Но есть и мои. Не правда ли, Гресь? воскликнулъ мальчикъ.

— А вы много учитесь? спросила Люси, привлекая къ себѣ дѣвочку.

— Не знаю, отвѣчала Гресь, въ смущеніи, повѣсивъ голову. — Въ греческомъ языкѣ я дошла до неправильныхъ глаголовъ.

— Какі! до греческихъ неправильныхъ глаголовъ?

У Люси руки опустились отъ изумленія.

— Она знаетъ наизусть цѣлую оду Горация, сказалъ Бобъ.

— Оду Горация! повторила Люси, все еще не выпуская изъ рукъ юную ученую, покраснѣвшую до ушей.

— Я дѣтямъ своимъ ничего не могу дать кромѣ нѣкоторыхъ познаній, проговорилъ мистеръ Кролей, какъ бы извиняясь, — это единственное мое богатство, и я стараюсь раздѣлить его съ ними.

— Люди говорятъ, что знаніе самое лучшее богатство, сказала Люси, но однако подумала про себя, что можетъ-быть не совсѣмъ своевременно занимать девятилѣтнюю дѣвочку неправильными греческими глаголами. Впрочемъ, Гресь на нее смотрѣла нѣмымъ, простодушнымъ взглядомъ, крѣпко жалась къ ней и, повидимому, рада была ея ласкамъ, такъ что Люси въ душѣ своей пожелала, чтобы можно было поскорѣе куда-нибудь отправить мистера Кролея, а дѣтей угостить привезенными лакомствами.

— Надѣюсь, что мистеръ Робартсъ здоровъ, проговорилъ мистеръ Кролей холодно-церемоннымъ голосомъ, вовсе непохожимъ на энергическій тонъ, какимъ онъ нѣсколько дней тому назадъ обращался къ своему собрату, наединѣ съ нимъ, въ его кабинетъ.

— Благодарю васъ, онъ здоровъ. Вы вѣрно слышали о мѣстѣ, которое онъ получилъ?

— Да, я объ этомъ слышалъ, отвѣчалъ мистеръ Кролей серьезно: — отъ души желаю, чтобы это послужило къ его благу во всѣхъ отношеніяхъ.

Онъ выразилъ это желаніе такимъ тономъ, какъ будто бы не очень надѣялся, что оно исполнится.

— Кстати, онъ намъ поручилъ сказать вамъ, что будетъ у васъ завтра часовъ въ одиннадцать. Не такъ ли, Фанни?

— Да; онъ, кажется, хочетъ переговорить съ вами о какихъ-то приходскихъ дѣлахъ, отвѣчала мистриссъ Робартсъ, на минуту отрываясь отъ хозяйственнаго разговора, завязавшагося между ею и мистриссъ Кролей.

— Скажите ему, что я радъ буду видѣть его, возразилъ мистеръ Кролей, — но можетъ-быть для него будетъ удобнѣе, чтобы я побывалъ у него, такъ какъ теперь на немъ лежитъ столько новыхъ обязанностей...

— Эти новыя обязанности покуда не очень обременительны, сказала Люси, — и ему будетъ очень пріятно побывать у васъ.

— Да, въ этомъ отношеніи его положеніе выгоднѣе моего: у меня нѣтъ лошадей.

Люси стала ласкать маленькаго Боба, и незамѣтно всунула ему въ руку свертокъ съ пряниками, хранившіяся у нея въ муфтѣ. У нея не достало терпѣнія дожидаться, когда уйдетъ отецъ.

Мальчикъ взялъ свертокъ, заглянулъ въ него, потомъ посмотрѣлъ ей въ лицо.

— Что это такое, Бобъ? спросилъ мистеръ Кролей.

— Пряники, прошепталъ Бобъ, смутно сознавая, что свершилось какое-то преступленіе, но не отдавая еще себѣ хорошенько отчета, въ чемъ собственно онъ самъ виноватъ.

— Миссъ Робартсъ, сказалъ отецъ,—мы вамъ очень благодарны, но дѣти мои не привыкли къ такимъ лакомствамъ.

— Я женщина слабохарактерная, мистеръ Кролей, и всегда ношу съ собой такого рода вещи, когда пріѣзжаю къ дѣтямъ; итакъ, простите мнѣ великодушно, и позвольте вашему сынку принять эти пряники.

— О, конечно! Бобъ, дружокъ, отнеси пряники къ матери; она будетъ выдавать ихъ по одному и тебѣ, и Гресъ.

Свертокъ былъ торжественно врученъ мистриссъ Кролей, которая положила его на полку.

— Какъ, вы не позволите дѣтямъ даже отвѣдать? жалобно проговорила Люси.—Не будьте такъ жестоки, мистеръ Кролей,—не къ нимъ, а ко мнѣ. Неужели мнѣ нельзя будетъ узнать хороши ли пряники?

— Я увѣренъ, что они отличны; но покуда лучше оставить ихъ въ сторонѣ.

Для Люси это было крайне прискорбно. Если небольшой свертокъ пряниковъ подастъ поводъ къ такимъ затрудненіямъ, какъ же ей распорядиться банкою варенья и конфетами, которыя до сихъ поръ скрывались въ ея муфтѣ, или какъ ей раздать апельсины, оставшіяся въ кабриолетѣ? Тамъ было еще желе для больнаго ребенка, да куриный бульйонъ, тоже въ родѣ желе; и если ужъ во всемъ признаться откровенно, она привезла изъ Фремлея четверть телятины и корзинку съ яйцами, съ тѣмъ чтобы вручить ихъ мистриссъ Кролей при удобномъ случаѣ; въ присутствіи ея мужа объ этомъ, конечно, нельзя было и подумать. Въ Фремлеѣ шла также рѣчь о томъ, чтобы привезти нѣсколько бутылокъ портвейна, но на это не хватило рѣшимости у нашихъ дамъ.

Люси довольно трудно было поддерживать разговоръ съ мистеромъ Кролеемъ, тѣмъ болѣе что его жена и Фанни вскорѣ удалились въ спальню, унеся съ собою двухъ младшихъ дѣтей.

«Какая досада, подумала Люси, что она не взяла моей муфты!»

Муфта все еще лежала у нея на колѣняхъ, премсполненная всякими сокровищами.

— Вы вѣроятно будете проводить часть года въ Барчестертъ? сказалъ мистеръ Кролей.

— Не знаю еще; Маркъ поговариваетъ, чтобы нанять квартиру, на первый мѣсяцъ.

— Но вѣдь онъ будетъ имѣть домъ въ своемъ распоряженіи?

— Да, по всемъ вѣроятіямъ.

— Боюсь, чтобы новыя занятія не отвлекли его отчасти отъ собственнаго прихода, отъ школъ, напримѣръ.

— Разстояніе такъ мало, что Маркъ надѣется, что отлучки его изъ Фрейлея отнимутъ очень не много времени. Къ тому же, леди Лофтонъ такъ хорошо занимается школами.

— Да, конечно; но леди Лофтонъ не священникъ, миссъ Робертсъ.

Люси хотѣла было отвѣчать, что миледи любаго священника за полсъ заткнетъ, но остановилась вовремя.

Въ эту минуту Провидѣніе сжалилось надъ миссъ Робертсъ и послало ей спасителя въ видѣ краснорукой служанки, которая подошла къ мистеру Кролею, и шепнула ему, что его кто-то спрашиваетъ. Въ этотъ часъ онъ постоянно бывалъ въ приходской школѣ; такъ привыкли къ его присутствію тамъ, что всякій, кто въ немъ нуждался поутру, отыскивалъ его въ школѣ, или, не заставъ его тамъ, не боялся за нимъ послать.

— Миссъ Робертсъ, я долженъ передъ вами извиниться, сказалъ онъ, вставая и взявшись за шляпу и палку. Люси просила его не церемониться съ нею, и уже стала мечтать о томъ, какъ она будетъ раздавать свои сокровища.

— Прошу васъ передать мой поклонъ мистриссъ Робертсъ; мнѣ очень жаль, что я не могу съ нею проститься; но вѣроятно я ее увижу, когда вы будете проѣзжать мимо школы.

Онъ вышелъ, опираясь на палку. Люси показалось, что глаза Боба тотчасъ же обратились на свертокъ съ приниками.

— Бобъ, сказала она, почти шепотомъ, — любите вы конфеты?

— Очень люблю, отвѣчалъ Бобъ съ невозмутимою важностію, и посмотрѣлъ въ окно, чтобы удостовѣриться, точно ли прошелъ отецъ.

— Такъ подите же сюда, сказала Люси. Но въ эту самую минуту дверь растворилась и мистеръ Кролей вошелъ опять. «Я забылъ книгу, проговорилъ онъ, и взявъ со стола старый, изношенный молитвенникъ, постоянно сопровождавшій его. Бобъ, при видѣ отца, отступилъ на нѣсколько шаговъ, Гресь также, — ибо, несмотря на ея глубокія познанія въ греческомъ языкѣ, и ее привлекло слово *конфеты*. Люси отняла руку отъ муфты и смутилась. Развѣ она не обманывала этого добраго, почтеннаго человѣка? Больше того, развѣ она не научала его дѣтей обманывать его?

Но есть на свѣтѣ такіе люди, что съ ними и ангелъ сталъ бы хитрить.

— Папа ушелъ, прошепталъ Бобъ:—я видѣлъ, какъ онъ завернулъ за уголъ.

Для него, какъ и слѣдовало ожидать, не пропалъ даромъ урокъ.

Но не онъ одинъ замѣтилъ, что *ушла папа*: между тѣмъ какъ Бобъ и Гресь считали крупные леденцы, предварительно взявъ въ ротъ по одному изъ нихъ, главная дверь растворилась, и въ нее внесли корзину и огромный узелъ, которые мистриссъ Робартсъ сама стала раскладывать въ спальнѣ у мистриссъ Кролей.

— Я осмѣлилась привезти это, проговорила Фанни смущеннымъ тономъ,—потому что по опыту знаю, какъ больной ребенокъ отвлекаетъ отъ хозяйства.

— Ахъ, другъ мой! сказала мистриссъ Кролей, взявъ Фанни за руку и глядя ей прямо въ лицо:—во мнѣ уже не осталось ложнаго стыда. Господу угодно испытывать насъ бѣдностью и нуждой, но я не могу не радоваться за дѣтей, когда кто-нибудь захочетъ намъ помочь.

— Но онъ разсердится?

— Я его уговорю. Милая мистриссъ Робартсъ, не удивляйтесь ему. Вѣдь точно тяжела его доля; есть много такого, что мужчинѣ труднѣе перенести нежели женщинѣ.

Фанни въ душѣ не вполне соглашалась съ этимъ, но не стала ей противорѣчить.

— Надѣюсь, что мнѣ удастся когда-нибудь быть вамъ полезною, сказала она,—если только вы согласитесь смотрѣть на меня какъ на стараго друга, и прямо написать мнѣ, если вы во мнѣ нуждаетесь. Я боюсь часто бывать у васъ, чтобы не оскорбить его.

Мало-по-малу, между ними завязался откровенный, доверчивый разговоръ; бѣдной труженицѣ было отрадно отвести душу съ богатою, молодою женой барчестерскаго бенефицианта. Вѣдь тяжело, говорила она, сознавать, что такая разница между ею и женами другихъ окружныхъ священниковъ, знать, что онѣ живутъ въ довольствѣ и роскоши, между тѣмъ какъ она, трудясь черезъ силу, едва можетъ добиться, чтобы мужъ ея и дѣти были сыты каждый день. Вѣдь тяжело, страшно тяжело, быть принужденною употреблять всѣ свои способности, всѣ умственные силы на заботу о хлѣбѣ насущномъ.—Однако, продолжала она, я могу выносить это, покуда онъ не слабѣетъ, покуда онъ бодро несетъ свое бремя, передъ лицомъ всего свѣта.

Потомъ она стала говорить насколько имъ лучше здѣсь, въ Гоггльстокѣ, чѣмъ въ прежнемъ ихъ приходѣ въ Корнваллисѣ,

стала выражать свою горячую благодарность доброму другу, которому они обязаны этою переменою.

— Мистриссъ Эребинъ сказывала мнѣ, какъ она желаетъ, чтобы вы къ нимъ пріѣхали, сказала мистриссъ Робартсъ.

— Да, знаю; но кажется, это невозможно. Какъ мнѣ оставить дѣтей?

— Вы бы могли поручить ихъ мнѣ.

— О, нѣтъ! я не захочу употреблять во зло вашу доброту. Мужъ мой могъ бы поѣхать, а меня оставить съ дѣтьми, да онъ не хочетъ. Сколько разъ я старалась уговорить его! Я убѣждала его, что если онъ чаще будетъ въ обществѣ—въ обществѣ священниковъ, конечно,—то онъ еще лучше будетъ исполнять свои обязанности. Но онъ сердится, говоритъ, что это не возможно, что нельзя же ему быгъ у декана въ такомъ изношенномъ сюртукѣ.—И мистриссъ Кролей сама покраснѣла, повторивъ эти слова.

— Какъ! У такого стариннаго друга, какъ докторъ Эребинъ? Навѣрное, онъ на это не посмотритъ.

— Я это знаю. Докторъ Эребинъ будетъ радъ его видѣть въ какой хотите одеждѣ. Но дѣло въ томъ, что для него самого тяжело бывать у человѣка богатаго, если нѣтъ какой-нибудь особенной надобности.

— Но вѣдь въ этомъ случаѣ онъ не правъ?

— Да, онъ не правъ. Но что же мнѣ-то дѣлать? Онъ нуждается въ другѣ, съ которымъ могъ бы поговорить откровенно, въ человѣкѣ одинаково съ нимъ образованномъ, который бы его понималъ, которому онъ самъ могъ бы сочувствовать. Но такой человѣкъ долженъ быть ему равный, не только по воспитанію, но и по виѣшнему положенію,—гдѣ же его найти?

— Но можетъ быть вашъ мужъ получить мѣсто повыгоднѣе этого?

— Ахъ, нѣтъ! Но еслибы даже это случилось, врядъ ли бы онъ могъ теперь измѣнить свой образъ жизни. Еслибъ я могла только надѣяться, что мнѣ удастся порядочно воспитать своихъ дѣтей; еслибъ я могла сдѣлать что-нибудь для моей бѣдной Гресь...

Фанни почти ничего не отвѣчала, но внутренно рѣшила, если только ея мужъ не будетъ противъ, позаботиться о Гресь. Вѣдь это будетъ доброе дѣло; вѣдь она обязана же употребить на пользу ближнихъ хоть малую часть тѣхъ благъ, которыми наградила ее Провидѣніе.

Потомъ онѣ вернулись въ гостиную, каждая съ ребенкомъ на рукахъ; мистриссъ Кролей уже запрятала въ кухню привезенные ей гостинцы. Люси между тѣмъ занялась старшими дѣтьми, и когда дамы вернулись въ гостиную, онѣ нашли тамъ открытую лавочку

ку, въ которой продавались и покупались разные драгоценности по неизвѣрно-дешевымъ цѣнамъ. Тутъ было и варенье, и апельсины, и леденцы, красные, желтые и полосатые; даже осмѣлились снять съ полки извѣстные пряники; они были разложены тутъ же на столѣ, за которымъ стояла Люси въ качествѣ торговки, и продавала всѣ лакомства за поцѣлуи.

— Мама, мама, вскричалъ Бобъ, подбѣжавъ къ матери:—ты должна купить что-нибудь у нея (указывая пальцемъ на торговку).—Вотъ за эти леденцы нужно дать два поцѣлуя.

Еслибы въ эту минуту кто-нибудь взглянулъ на ротъ Боба, тотъ подумалъ бы, что его поцѣлуи не черезчуръ привлекательны.

Когда дамы усѣлись въ свой кабриолетъ, и нетерпѣливый пони унесъ ихъ достаточно далеко отъ дома, Фанни первая заговорила:

— Какая разница между мужемъ и женой и по уму, и по характеру!

— И до какой степени выше весь тонъ ея! подхватила Люси:—какъ онъ слабъ во многомъ и какъ напротивъ она сильна во всемъ! Какъ ложна его гордость, и какъ ложенъ его стыдъ!

— Но мы не должны забывать, что пришлось ему вынести. Не всякій способенъ выдержать такую жизнь, и не вынести изъ нея ни ложнаго стыда, ни ложной гордости.

— Но въ ней вѣдь нѣтъ ни того, ни другаго, сказала Люси.

— Если ты въ этомъ семействѣ нашла одного героя, то слѣдуетъ ли ожидать еще и другаго героя? сказала мистриссъ Робартсъ.—Право, изъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ людей, мистриссъ Кролей всѣхъ ближе къ истинному героизму.

Когда имъ пришлось проѣхать мимо гоггльстокской школы, мистеръ Кролей, услышавъ стукъ ихъ колесъ, вышелъ поговорить съ ними.

— Вы очень добры, сказалъ онъ,—что остались такъ долго съ моею бѣдною женой.

— Намъ съ нею много о чемъ хотѣлось поговорить.

— Я вамъ искренно за это благодаренъ. Ей, бѣдной, рѣдко приходится съ кѣмъ душу отвести. Потрудитесь сказать мистеру Робартсу, что завтра, въ одиннадцать часовъ, я буду его ожидать здѣсь, въ школѣ.

Онъ поклонился имъ, и онѣ поѣхали дальше.

— Если онъ въ самомъ дѣлѣ о ней заботится, сказала Люси,—я готова перемѣнить о немъ мнѣнiе.

## ГЛАВА XXIII.

Насталъ конецъ апрѣля, и по всѣмъ концамъ земнаго шара разнеслась вѣсть,—вѣсть, имѣвшая роковое значеніе для одного изъ главныхъ лицъ нашего разказа, которое многіе даже могутъ почесть за самое главное лицо. Вѣроятно, весь высокій парламентскій людъ съ своими женами и дочерьми будетъ этого мнѣнія. Титаны, въ своей борьбѣ съ богами, на время одержали верхъ; они взобрались на самыя вершины Олимпа при помощи могущаго Энкелада, журналиста мистера Саппельгауса. Иными словами, министерство было принуждено выйти въ отставку, а съ нимъ и мистеръ Гарольдъ Смитъ.

«Итакъ, бѣднѣй Гарольдъ остался ни при чемъ,» писалъ мистеръ Соверби своему другу Робартсу: «онъ не успѣлъ даже вполнѣ войти во вкусъ великаго своего сана, и, на сколько я знаю, единственное духовное мѣсто, полученное по его протекціи, пало на долю одного моего фремлейскаго знакомаго, къ великой моей радости и удовольствію.»

Но нельзя сказать, чтобы такіа частыя напоминанія объ оказанной услугѣ доставляли Марку великую радость и удовольствіе.

Это распаденіе министерства было страшнымъ ударомъ, особливо для Гарольда Смита, который такъ вѣровалъ въ спасительное дѣйствіе юныхъ силъ и обновленной крови. Ему казалось невозможнымъ, чтобы большинство палаты рѣшилось возстать противъ министерства, къ которому онъ только что присоединился. Если продлится такой порядокъ вещей, говорилъ онъ юному своему другу, Грину Уокеру, какимъ же образомъ будетъ идти правительство королевы?

Такое опасеніе за правительство королевы часто повторялось въ послѣдніе годы, съ тѣхъ поръ какъ нѣкій знаменитый дѣятель первый навелъ публику на эту богатую мысль. А между тѣмъ правительство королевы идетъ себѣ своимъ чередомъ, и способности или склонности къ этимъ дѣламъ ни чуть не уменьшаются. Если у насъ такъ не много *молодыхъ* государственныхъ людей, то это потому только, что старики не охотно уступаютъ имъ политическое поприще.

— Я рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ можетъ идти правительство королевы, говорилъ Гарольдъ Смитъ мистеру Грину Уокеру, стоя съ нимъ въ корридорѣ нижней палаты, въ первый изъ тѣхъ тревожно-многозначительныхъ дней, когда королева при-



зывала къ себѣ одного за другимъ изъ главныхъ политиковъ, и многіе уже стали сомнѣваться въ томъ, наградить ли насъ Провидѣніе новымъ министерствомъ. Боги всѣ исчезли съ своихъ мѣстъ. Не согласятся ли гиганты взять насъ на свое попеченіе? Нѣкоторые думали, что гиганты откажутся наотрѣзъ.

— Засѣданіе палаты будетъ отложено до понедѣльника, сказалъ мистеръ Гарольдъ Смитъ.— Не желалъ бы я быть на мѣстѣ королевы!

— И я также, клянусь Юпитеромъ! отвѣчалъ Гринъ Уокеръ, который въ то время крѣпко держался за Гарольда Смита, чувствуя, что этимъ онъ самому себѣ придаетъ нѣкоторое значеніе. Еслибъ онъ просто былъ приверженцемъ лорда Брока, его бы считали за ничто.— И я также, клянусь Юпитеромъ! и Гринъ Уокеръ многозначительно покачалъ головою, при мысли объ опасномъ положеніи ея величества.— Я знаю, изъ достовѣрныхъ источниковъ, что лордъ \*\*\* не присоединится къ нимъ, если ему не предложатъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Рѣчь шла о какомъ-то сторукомъ Бриарей, занимавшемъ важное мѣсто между гигантами.

— А это, разумѣется, невозможно. Я рѣшительно не знаю, что они станутъ дѣлать. Вотъ и Сидонія, и его, кажется, не такъ легко уговорить.

Сидонія считался однимъ изъ самыхъ могучихъ гигантовъ.

— Мы всѣ знаемъ, что королева не хочетъ его видѣть, сказалъ Гринъ Уокеръ, которому, въ качествѣ члена парламента и племянника леди Гартльтопъ, конечно были извѣстны самыя тайныя помышленія королевы.

— Дѣло въ томъ, воскликнула Гарольдъ Смитъ, возвращаясь къ собственному своему положенію изгнаннаго бога, — дѣло въ томъ, что палата сама не знаетъ, что она дѣлаетъ, сама не знаетъ чего она хочетъ! Желалъ бы я у нихъ спросить: хотятъ ли они, чтобъ у королевы были совѣтники или нѣтъ? Намѣрены ли они поддерживать такихъ людей какъ Сидонія и лордъ Де Террье? Если такъ, то я ихъ покорнѣйшій слуга; но, признаюсь, я этому не могу надивиться.

Лорда Де Террье въ то время всѣ признавали главою титановъ.

— И я этому удивляюсь, какъ нельзя болѣе удивляюсь. Да они этого сдѣлать не могутъ. Вотъ напримѣръ Манчестерцы, какъ мнѣ ихъ не знать! Я самъ родомъ оттуда, а мнѣ положительно извѣстно, что они не станутъ поддерживать лорда Де Террье. Это было бы не въ природѣ человѣческой.

— Не въ природѣ! Что сталося теперь съ человѣческою природой? сказалъ Гарольдъ Смитъ; ему до сихъ поръ оставалось

необъяснимымъ какъ люди могли возстать противъ министерства, къ которому онъ только что примкнулъ, даже не давъ ему времени доказать свѣту, сколько онъ можетъ для него сдѣлать.— Дѣло въ томъ, Уокеръ, что между нами исчезаетъ всякій духъ партій.

— Совершенно исчезаетъ, подтвердилъ Гринъ Уокеръ, гордившійся своими энергическими убъждениями.

— А если его не будетъ, мы не можемъ имѣть правительство твердое и увѣренное въ своей силѣ. Теперь разчитывать на людей невозможно. Тѣ же самые члены, которые сегодня избираютъ и поддерживаютъ министра, черезъ недѣлю подадутъ голосъ противъ него.

— Мы этому должны положить конецъ, а то намъ никогда ничего не удастся сдѣлать.

— Я не стану отрицать, что Брокъ былъ не правъ относительно лорда Бриттльбака. Онъ тутъ былъ совершенно не правъ, я это всегда говорилъ. Но Боже милостивый!...

И вмѣсто того чтобы продолжать, Гарольдъ Смитъ отвернулся и всплеснулъ руками надъ суетностью вѣка. Впрочемъ не трудно догадаться что именно онъ хотѣлъ сказать: если такое доброе дѣло какъ недавнее назначеніе лорда Малой Сумки не достаточно загладило тотъ проступокъ, на который онъ намекалъ, то возможно ли еще искать правосудія на землѣ? Неужели нельзя простить ошибку, даже когда она искуплена такимъ добродѣтельнымъ и мудрымъ дѣйствіемъ?

— Во всемъ виноватъ Саппельгаусъ, сказалъ Гринъ Уокеръ, желая утѣшить своего друга.

— Да, сказалъ Гарольдъ Смитъ, начиная увлекаться потокомъ своего краснорѣчія, хотя онъ все еще говорилъ въ полголоса, и имѣлъ передъ собою только одного слушателя:— да, мы сдѣлались рабами безсовѣстной и безотвѣтственной журналистики; нами распоряжается одна пустая газета. Мы видимъ человека безъ особыхъ дарованій, не заслужившаго довѣрія страны, ничѣмъ неознаменовавшаго себя въ качествѣ политика, никому почти невѣстнаго въ качествѣ писателя, а между тѣмъ, потому только что его имя находится въ числѣ сотрудниковъ *Юпитера*, ему удалось совершить правительственный переворотъ и затруднить положеніе цѣлой страны. Удивляюсь, какъ лордъ Брокъ могъ до такой степени оробѣть.

А не далѣе какъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ Гарольдъ Смитъ уговаривался съ Саппельгаусомъ, надѣясь посредствомъ цѣлаго ряда искусныхъ статей въ *Юпитеръ*, и при помощи манчестерской партіи, поколебать могущество и популярность первенствующаго министра, и отнять у него бразды правленія. Но въ то время

первенствующій министръ еще не подкрѣпилъ себя юными силами и новою кровью.

— Теперь вопросъ въ томъ, что будетъ съ правительствомъ королевы, повторилъ Гарольдъ Смитъ. Этотъ вопросъ не слыхкомъ заботилъ его мѣсяцъ тому назадъ, когда онъ замышлялъ министерскій переворотъ.

Въ эту минуту къ нимъ присоединились Соверби и Саппельгаусъ; они выходили изъ палаты, гдѣ обсуживались какія-то мало-важныя дѣла, послѣ того какъ главный министръ объявилъ объ нистерскій отсрочкѣ засѣданій.

— Ну, Гарольдъ, сказалъ мистеръ Соверби,—что вы скажете касательно объясненія вашего министра?

— Миѣ нечего сказать о немъ, отвѣчалъ Гарольдъ Смитъ съ торжественнымъ и нѣсколько свирѣпымъ взглядомъ, надвинувъ шляпу на лобъ.—Соверби, конечно, поддерживалъ правительство въ недавнемъ кризисѣ; но зачѣмъ же онъ водится съ такими людьми, какъ мистеръ Саппельгаусъ?

— Рѣчь, кажется, была удачна.

— Отличная рѣчь, вышлся мистеръ Саппельгаусъ:—онъ мастеръ на такого рода дѣла. Не найдешь другаго человѣка, который бы такъ отлично умѣлъ изложить всѣ обстоятельства, такъ объяснить каждый свой поступокъ. Ему бы и слѣдовало себя беречь про такіе случаи.

— А кто же, между тѣмъ, будетъ вести правительство королевы? спросилъ Гарольдъ Смитъ, окинувъ его строгимъ взглядомъ.

— Это можно бы предоставить людямъ менѣе значительнымъ, сказалъ сотрудникъ *Юпитера*.—Вѣдь по большей части главнаго министра только и слушаешь тогда, когда дѣло зайдегъ о личномъ вопросѣ; вѣдь только такіе вопросы истинно занимаютъ людей. Кого изъ насъ, въ самомъ дѣлѣ, интересуетъ лучшій способъ управлять Индіей? А если только вопросъ коснется личности перваго министра, мы всѣ сберемса вдругъ, какъ пчелы, вокругъ звенящаго кимвала.

— Это происходитъ отъ зависти, недоброжелательства, отъ недостатка братской любви, сказалъ Гарольдъ Смитъ.

— Да, и отъ разбоя, отъ лжи, злословія и клеветы, прибавилъ мистеръ Соверби.

— Мы склонны къ тому, чтобы пожелать мѣста нашего ближняго и позавидовать ему, сказалъ мистеръ Саппельгаусъ.

— Да, есть люди, которые къ этому склонны, сказалъ Соверби,—но во всемъ виновата ложь, злословіе, клевета, не такъ ли, Гарольдъ?

— А между тѣмъ, что будетъ съ правительствомъ королевы? сказалъ мистеръ Гринъ Уокеръ.

На слѣдующее утро разнеслась вѣсть, что лордъ Де Террье имѣлъ аудиенцію у королевы, а около полудни появился списокъ новаго министерства, списокъ, которымъ долженъ былъ остаться доволенъ весь родъ гигантовъ: въ немъ заключались имена всѣхъ сыновъ Земли и многихъ изъ ея дочерей. Но подъ вечеръ лорда Брокъ призвали во дворецъ, и въ вѣсть-индскихъ клубахъ стали уже поговаривать, что положеніе боговъ не совсѣмъ еще безнадёжно.

«Еслибы только», говорилъ *Пуристъ*, вечерняя газета, которую подозрѣвали въ безусловной преданности интересамъ Гарольда Смита, «еслибы только лордъ Брокъ умѣлъ назначать настоящихъ людей на настоящія мѣста! Недавно еще онъ пригласилъ мистера Гарольда Смита участвовать въ министерствѣ. Всѣ конечно согласились, что это была съ его стороны весьма мудрая мѣра, но къ сожалѣнію, онъ прибѣгнулъ къ ней слишкомъ поздно, и оттого не могъ предупредить разразившейся надънихъ кризисъ. Теперь есть основаніе думать, что его лордству опять придется составить списокъ политическихъ дѣятелей, для того чтобъ организовать правительство ея величества: и можно надѣяться, что люди, подобные мистеру Смиту, будутъ поставлены въ такое положеніе, въ которомъ ихъ дарованія, ихъ усердіе, ихъ всѣмъ извѣстныя политическія способности могутъ приносить постоянную пользу странѣ.»

Саппельгаусъ, читая эту статью въ клубѣ вмѣстѣ съ мистеромъ Соверби, объявилъ, что слогъ не оставляетъ сомнѣнія насчетъ ея автора; мы же, съ своей стороны не думаемъ, чтобы мистеръ Гарольдъ Смитъ самъ написалъ эту статью, но весьма вѣроятно, что онъ видѣлъ ее въ корректурѣ.

Впрочемъ *Юпитеръ*, на слѣдующее утро, порѣшилъ вопросъ, и возвѣстивъ цѣлому міру, что, несмотря на всѣ разговоры и переговоры, лордъ Брокъ и боги окончательно удалены, и мѣсто ихъ заняли гиганты съ лордомъ Де Террье. Строптивый титанъ, непремѣнно добивавшійся министерства иностранныхъ дѣлъ, удовольствовался менѣе широкимъ кругомъ дѣятельности; а Сидонія, вопреки всѣмъ извѣстному нерасположенію къ нему «высочайшей особы», занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду титановъ.

«Мы надѣемся, гласилъ *Юпитеръ*, что лордъ Брокъ не такъ еще старъ, чтобы не воспользоваться назидательнымъ урокомъ. Если такъ, то настоящее рѣшеніе палаты общинъ и смѣемъ сказать, всей страны, можетъ научить его не полагаться на такихъ вельможъ какъ лордъ Бриттльбакъ, или на такую надломленную трость какъ мистеръ Гарольдъ Смитъ.»

Этотъ послѣдній ударъ ужъ червчуръ былъ жестокъ со стороны мистера Саппельгауса, тѣмъ болѣе что онъ былъ не нуженъ.

— Душа моя! сказала мистриссъ Гарольдъ Смитъ, какъ только она встрѣтилась въ первый разъ съ миссъ Данстеблъ, послѣ описанной нами катастрофы,—какъ мнѣ перенести такое униженіе!—И она поднесла къ глазамъ богато-вышитый платокъ.

— Христіанская покорность.... намекнула было миссъ Данстеблъ.

— Все вздоръ! отвѣчала мистриссъ Гарольдъ Смитъ: — вы милліонеры вѣчно толкуете о христіанской покорности, потому именно, что вамъ не представляется никогда случая показать ее. Еслибъ я имѣла христіанскую покорность, я бы и не искала мірскихъ благъ и мірской суеты. Но подумайте это, душа моя: быть женою министра всего на три недѣли!

— Какъ же бѣдный мистеръ Смитъ выносить этотъ ударъ?

— Кто? Гарольдъ? Онъ только и живетъ надеждою на мщеніе. Если ему удастся уничтожить мистера Саппельгауса, онъ умретъ спокойно.

Между тѣмъ въ обѣихъ палатахъ происходили объясненія самыя удовлетворительныя. Вѣжливыя, благовоспитанные гиганты увѣряли боговъ, что они взвалили Пеліонъ на Оссу, и такимъ образомъ взобрались на Олимпъ, совершенно противъ своего желанія; для нихъ лично, всего дороже уединеніе и тишина. Но голосъ страны призывалъ ихъ слишкомъ настоятельно; другіе, не сами они, захотѣли, чтобы гиганты были во главѣ правленія; имъ не оставалось выбора. Вотъ что Бриарей объяснилъ палатѣ лордовъ, а Оріонъ—нижней палатѣ. Боги, съ своей стороны, душевно радовались, что могутъ уступить имъ свои мѣста; они такъ были далеки отъ всякаго земнаго чувства зависти и недоброжелательства, что обѣщали гигантамъ оказывать имъ всякую отъ нихъ зависящую помощь въ правительственномъ дѣлѣ; гиганты, въ отвѣтъ на это, выразили, до какой степени они дорожатъ ихъ помощію и совѣтомъ, и изъявили свою искреннюю благодарность. Все это было крайне мило и любезно, но обыкновенные люди все-таки ожидали, что обычная борьба будетъ продолжаться обычнымъ порядкомъ. Легко любить своего врага на словахъ, въ пылу краснорѣчія, но не легко любить своего врага на ежедневномъ дѣлѣ жизни.

Впрочемъ гиганты съ незапамятныхъ временъ отличались одною прекрасною чертой: они никогда, изъ ложнаго самолюбія, не боялись идти стезей, проложенною богами. Если боги, въ своихъ трудныхъ совѣтахъ, придумаютъ какой-нибудь искусный проектъ, гиганты всегда готовы за него ухватиться и носиться съ нимъ такъ, что люди могутъ подумать, что проектъ порожденъ самими гигантами. Около этого самаго времени много толковали объ увеличеніи числа епископовъ. Конечно, желательно

было имѣть хорошихъ, дѣятельныхъ епископовъ, и многіе благочестивые члены парламента полагали, что ихъ никогда не можетъ быть слишкомъ много. Лордъ Брокъ уже рѣшилъ, на сколько и какимъ образомъ увеличить ихъ число: полагалось назначить епископа вестминстерскаго, для облегченія трудовъ столичнаго архипастыря, а другаго, на Сѣверѣ, съ титуломъ епископа беверлейскаго, долженствующаго пролить лучи христіанства въ темныя рудокопни и омыть черноту ньюкассльскаго народа. Но извѣстно было, что гиганты намѣревались возстать противъ этого проекта, задавить его напоромъ своей грубой силы. «Намъ нужны приходскіе священники, говорили они, а не епископы, развѣзжающіе въ каретахъ. Конечно, бѣды въ томъ нѣтъ, что епископы ѣздятъ въ каретахъ, но ихъ въ Англіи и теперь за глаза довольно.» И потому, лордъ Брокъ и остальные боги уже стали отчаиваться въ осуществленіи своего проекта.

Но теперь, лишь только гиганты захватили власть, разнеслась вѣсть, что немедленно пойдетъ въ ходъ билль объ епископахъ. Правда, въ немъ будутъ сдѣланы нѣкоторыя легкія измѣненія, будутъ приняты мѣры, чтобы весь билль получилъ болѣе титанической нежели божественный оттѣнокъ, но сущность будетъ одна и та же. «Нельзя конечно не согласиться, что епископы, назначенные нами самими, могутъ быть весьма полезны, тогда какъ епископы, избранные нашими противниками, непременно должны быть вредны.»—вѣроятно, эти соображенія отчасти руководствовали гигантамъ; какъ бы то ни было, первымъ ихъ дѣломъ было приняться за билль о епископахъ, предложить его на разсмотрѣніе палаты, съ тѣмъ чтобы провести его немедленно, и воцарить новыхъ прелатовъ прежде чѣмъ трижды пропоеть пѣтухъ.

Между частными послѣдствіями этого рѣшенія было и то, что нашъ архидіаконъ и мистриссъ Грантли вернулись въ Лондонъ и поселились на прежней квартирѣ. Также было замѣчено, что въ этотъ второй пріѣздъ докторъ Грантли не разъ заходилъ въ официальную приемную перваго лорда казначейства. Очень понятно, что при окончательномъ рѣшеніи подобнаго вопроса требовался совѣтъ самыхъ извѣстныхъ членовъ высшаго духовенства; а кто изъ членовъ духовенства пользовался такою заслуженною извѣстностью какъ не архидіаконъ барчестерскій? Стали уже поговаривать, что министръ напередъ распорядился вестминстерскимъ епископствомъ.

Тревожное настало время для мистриссъ Грантли. Чувства и мечты самого архидіакона мы не беремся разбирать. Можетъ-быть, время и опытъ доказали ему всю тщету земныхъ почестей, и научили его довольствоваться спокойнымъ комфортомъ бар-

сетширскаго ректорства. Но никакое церковное правило не воспрещаетъ женѣ священника мечтать для мужа о санѣ епископскомъ. Архидіаконъ, по всеѣмъ вѣроятіямъ, имѣлъ въ виду только оказывать министру безкорыстную помощь; но мистриссъ Грантли была не прочь возвыситься на общественной глѣбѣ и сравняться во всеѣхъ отношеніяхъ съ мистриссъ Прюди. Она говорила, что желаетъ этого собственно для дѣтей,— для того чтобы упрочить ихъ положеніе въ свѣтѣ, и дать имъ средство выказать себя передъ людьми.

— Чтѣ же можно сдѣлать сидя взаперти здѣсь въ Пламстидѣ? замѣтила она леди Лофтонъ, собираясь въ первый разъ отправиться въ Лондонъ. А между тѣмъ, не такъ еще далеко было время, когда ректорскій домъ въ Пламстидѣ вовсе казался ей тѣснымъ или презрѣннымъ.

Возникъ вопросъ о томъ, не переѣхать ли Гризельдѣ къ родителямъ, когда они во второй разъ прибыли въ Лондонъ. Леди Лофтонъ сильно вооружилась противъ этого, и наконецъ настояла на своемъ. «Право, милой Гризельдѣ хорошо у меня, говорила она, и если современемъ намъ должны соединить болѣе тѣсныя узы, не лучше ли намъ заранѣе узнать и полюбить другъ друга?»

По правдѣ сказать, леди Лофтонъ всячески старалась узнать и полюбить Гризельду, но до сихъ поръ ей это удалось не вполне. Не могло быть сомнѣнія, что она *любила* Гризельду такую любовью, которая беретъ свое начало отъ воли человѣка, а не отъ разсудка. Она долго повторяла себѣ и другимъ, что любитъ Гризельду Грантли. Она восхищалась ея лицомъ, одобряла ея манеры, была вполне довольна ея положеніемъ и состояніемъ, сама избрала ее себѣ въ невѣстки. Слѣдовательно, она ее любила. Но леди Лофтонъ вовсе не была увѣрена въ томъ, что знаетъ молодую свою подругу. Она сама задумала женить на ней сына, и потому упорно держалась за этотъ планъ; но она начала уже сомнѣваться, найдетъ ли она въ Гризельдѣ все то, что она мечтала встрѣтить въ невѣсткѣ?

— Однако, дорогая леди Лофтонъ, говорила мистриссъ Грантли,—не подвергаемъ ли мы ее слишкомъ опасному испытанію? Чтѣ, если она мало-по-малу привяжется къ нему, а онъ...

— Ахъ, еслибъ это случилось, я была бы совершенно спокойна! Еслибы Лудовикъ замѣтилъ въ ней хоть тѣнь чувства къ себѣ, онъ бы тотчасъ же былъ у ея ногъ. Въ немъ много увлеченія, а въ ней напротивъ.

— Это такъ, леди Лофтонъ. Его привилегія увлекаться, искать ея любви; ея же привилегія принимать это искательство, а самой не дѣлать ни шагу. Главный недостатокъ нынѣшнихъ дѣвушекъ, въ томъ, кажется, и состоитъ, что онѣ слишкомъ увлекаются. Онѣ

присваиваютъ себѣ права, имъ не принадлежащія, и черезъ это лишаются собственныхъ преимуществъ.

— Безъ сомнѣнія! Я вполне съ вами согласна. По этому самому, можетъ-быть, я такъ высоко ставлю Гризельду. Однако...

... Однако молодая дѣвушка, и не бѣгая за мужчиной и не кидаясь ему на шею, можетъ же чѣмъ-нибудь доказать, что она создана изъ плоти и крови; особливо когда папенька, и маменька, и всѣ близкіе ей такъ готовы способствовать развитію ея чувства,—вотъ что промелькнуло въ головѣ у леди Лофтонъ; но конечно она этого не высказала, а только удовольствовалась многозначительнымъ взглядомъ.

— Я думаю, что она никогда не позволитъ себѣ увлечься безразсудною любовію, сказала мистриссъ Грантли.

— Я въ этомъ увѣрена вполне, подтвердила леди Лофтонъ, опасаясь въ глубинѣ души, что Гризельда не способна ощущать никакой любви, ни безразсудной, ни благоразумной.

— Да, кажется, она теперь и рѣдко видается съ лордомъ Лофтономъ, продолжала мистриссъ Грантли, припоминая можетъ-быть обѣщаніе леди Лофтонъ, что сынъ будетъ проводить у нея всѣ свободныя минуты.

— Вы знаете, въ послѣднее время, при этихъ переворотахъ, всѣ были страшно заняты. Лудовикъ большую часть дня проводитъ въ палатѣ; кромѣ того, теперь всѣ мужчины считаютъ нужнымъ собраться въ своихъ клубахъ...

— Да, да, конечно, сказала мистриссъ Грантли, которая весьма сочувствовала важнымъ заботамъ, занимавшимъ въ ту минуту умы государственныхъ дѣятелей. Наконецъ, обѣ маменьки согласились между собой. Рѣшено было, что Гризельда останется у леди Лофтонъ; что она благосклонно приметъ предложеніе молодого лорда, если онъ рѣшится наконецъ воспользоваться правомъ мужчины сдѣлать первый шагъ; но, такъ какъ этотъ исходъ еще оставался сомнителенъ, то Гризельду не слѣдовало лишать ея женскаго права—держать въ запасъ другаго жениха.

— Скажите, мама, спросила Гризельда, оставшись на нѣсколько минутъ наединѣ съ матерью,—неужели правда, что папеньку хотятъ сдѣлать епископомъ?

— Покамѣстъ мы еще не можемъ сказать ничего положительнаго, душа моя. Объ этомъ конечно идетъ рѣчь. Твой папенька часто бываетъ у лорда Де-Террье.

— А вѣдъ онъ первый министръ?

— Да, именно.

— Я думала, что первый министръ можетъ вывести въ епископы всякаго, кого захочетъ, то-есть всякое духовное лицо.

— Да, но нѣтъ вакансін.



— Значить и надежды нѣтъ никакой, проговорила Гризельда, слегка надувшись.

— Хотятъ провести въ парламентъ билль объ учрежденіи двухъ новыхъ епископствъ. По крайней мѣрѣ объ этомъ толкуютъ теперь. И если такъ...

— То папенька будетъ епископомъ вестминстерскимъ, не правда ли? И мы будемъ жить въ Лондонѣ?

— Но ты пока не болтай объ этомъ, душа моя.

— Конечно, нѣтъ. Но скажите мнѣ, мама, вѣдь вестминстерскій епископъ будетъ выше епископа барчестерскаго? Я такъ рада буду сбить спѣсь у этихъ миссъ Проуди!

Изъ этого явствуетъ, что были такіе вопросы, которые оживляли и Гризельду Грантли. Какъ и родители, она всею душой была предана церкви.

Въ этотъ самый вечеръ, архидіаконъ довольно поздно вернулся домой къ обѣду; онъ цѣлый день свой раздѣлялъ между камерами казначейства, митингомъ конвокаціи и клубомъ. Когда онъ вошелъ, жена тотчасъ же увидѣла, что онъ приноситъ ей не слишкомъ хорошія вѣсти.

— Просто непостижимо! проговорилъ онъ, ставъ спиною къ камину.

— Что такое непостижимо? спросила жена, вполне готовая раздѣлить заботы мужа.

— Еслибъ я не узналъ самымъ фактическимъ образомъ, а бы этому не повѣрилъ, продолжалъ архидіаконъ,—нельзя было этого ожидать, даже отъ лорда Брока.

— Узналъ что? заботливо спросила жена.

— Послѣ всего что было, они хотятъ подать голосъ противъ новаго билля.

— Невозможно!

— Я это знаю за вѣрное.

— Какъ! противъ билля одухъ епископахъ? противъ своего собственнаго билля?

— Да, они не хотятъ пропустить своего собственнаго билля. Почти невѣроятно, но это такъ. Конечно, въ биллѣ были сдѣланы кой-какія перемѣны—самыя незначительныя, сущія бездѣлицы,—и вотъ они говорятъ, что будутъ принуждены подать голосъ противъ насъ. И вѣдь это устроилъ лордъ Брокъ, послѣ всего того, что онъ говорилъ о своемъ нежеланіи противодействовать нынѣшнему правительству.

— Я начинаю думать, что эти люди на все способны, сказала мистриссъ Грантли.

— И послѣ всего того, что онъ говорилъ, когда былъ самъ во главѣ правленія, о людяхъ нерадѣющихъ о благоденствіи цер-

кви! Теперь они говорятъ, что лордъ Де Террье не можетъ очень сильно стоять за эту мѣру, такъ какъ онъ самъ, недѣли три тому назадъ, противъ нея ратовалъ. Не ужасно ли встрѣчать такую неискренность въ людяхъ такъ высоко поставленныхъ?

— Просто отвратительно, сказала мистриссъ Грантли.

Настало молчаніе; каждый изъ нихъ раздумывалъ о несправедливости людской.

— Однако, другъ мой...

— Что жь?

— Не можете ли вы отказаться отъ этихъ пустыхъ измѣненій? Они тогда посоветятся возставать противъ билля, или самими предложеннаго?

— Ищи у нихъ совѣсти!

— Но отчего бы не попытаться?

Мистриссъ Грантли чувствовала, что игра стонъ того, чтобы положить на нее все усилія.

— Ни къ чему не поведетъ.

— Но я бы по крайней мѣрѣ намекнула объ этомъ лорду Де Террье. Навѣрное духовенство поддержитъ его.

— Это невозможно, отвѣчалъ архидіаконъ.—Признаться, мнѣ самому пришла эта мысль; но другіе меня отговорили.

Мистриссъ Грантли все сидѣла на диванѣ, внутренне задавая себѣ вопросъ, неужели рухнула послѣдняя надежда.

— Однако... начала она опять.

— Пойду одѣваться къ обѣду, сказалъ архидіаконъ безнадежнымъ голосомъ.

— Однако, теперешнее министерство должно имѣть на своей сторонѣ большинство, особенно въ вопросѣ такого рода... кажется, они были увѣрены въ большинствѣ?

— Нѣтъ; не увѣрены.

— Но, во всякомъ случаѣ, всѣ вѣроятія въ ихъ пользу. Я надѣюсь, что они не забудутъ своей обязанности и употребятъ всѣ усилія, чтобы собрать вокругъ себя приверженцевъ.

И тогда архидіаконъ рѣшился высказать всю горестную истину.

— Лордъ Де Террье говоритъ, что, при теперешнихъ обстоятельствахъ, не стоитъ и поднимать этого вопроса въ нынѣшнюю сессію. Итакъ, намъ лучше всего вернуться въ Пламстедъ.

Мистриссъ Грантли почувствовала наконецъ, что ей ничего не остается прибавить. Съ позволенія читателя, мы накинemъ pokrывало на душевныя страданія почтенной четы.

## ГЛАВА XXIV.

Читателю уже извѣстно, что, въ началѣ зимы, мистеръ Соверби подумывалъ о томъ, какъ бы поправить свои разстроенныя дѣла и лучше поставить себя въ обществѣ, женитьбой на этой богатой наслѣдницѣ, миссъ Данстеблѣ. Я сильно опасаюсь, что мой пріятель Соверби до сихъ поръ не слышкомъ-то высоко сгостъ во мнѣніи читателя. Мы описали его какъ мота и картежника, даже какъ человѣка не отличающагося строгою честностію въ своихъ излишествахъ. Но, при всемъ томъ, бываютъ люди гораздо хуже мистера Соверби; и еслибъ ему удалось тронуть сердце миссъ Данстеблѣ, мы бы не стали ужасаться ея выбору, особенно если сравнить Соверби со многими другими добывавшимися ея руки. Несмотря на безалаберность, на безпутность этого человѣка, въ его душѣ сохранилось стремленіе къ чему-то высшему и лучшему, сохранилось сознаніе, что вся жизнь его пошла по ложной колеѣ, что не такъ слѣдуетъ жить честному англійскому джентльмену.

Онъ гордился своимъ званіемъ члена парламента отъ графства, хотя мало заботился о томъ, чтобы соблюсти достоинство этого званія; онъ гордился своимъ чальдикотскимъ помѣстьемъ, хотя оно чуть было не ушло у него изъ рукъ. Онъ гордился стариннымъ своимъ родомъ, гордился также свободными, радушными пріемами, которыми, по сужденію свѣта, почти искупались его недостатки и ошибки. Еслибы только онъ могъ выпутаться какъ-нибудь изъ неловкаго положенія, говорилъ онъ себѣ, еслибъ онъ могъ заново начать жизнь, онъ бы совершенно иначе повелъ ее. Онъ бы навѣкъ разстался со всемъ отродьемъ Тозеровъ. Онъ бы пересталъ давать векселя и платить невѣроятные проценты. Онъ бы не сталъ обирать своихъ друзей, и выкупилъ бы у герцога Омніума всѣ закладныя на свое имѣніе, еслибы только судьба помогла ему на этотъ разъ.

Состоянія миссъ Данстеблѣ достало бы на все это, и на многое другое; при томъ сама миссъ Данстеблѣ до нѣкоторой степени нравилась ему. Правда, она не отличалась ни красотой, ни прелестью; въ ней не было женской мягкости; она ужъ и не была молода; но она была умна, дѣльна; въ ей были своего рода достоинства; можно было сказать напередъ, что она сумѣетъ найдтись во всякомъ положеніи; что же

касается до лѣтъ, то мистеръ Соверби и самъ уже не могъ назваться молодымъ человѣкомъ. Еслибъ онъ женился такимъ образомъ, ему ни передъ кѣмъ бы не пришлось стыдиться своего выбора; онъ могъ бы смѣло говорить о немъ своимъ друзьямъ, приглашать ихъ къ себѣ, не боясь, что хозяйка его дома чѣмъ бы нибуду заставила его краснѣть. Потомъ, когда въ его головѣ яснѣе обозначился этотъ планъ, онъ далъ себѣ слово, что будетъ хорошо поступать съ нею, и не станетъ обирать ее больше чѣмъ потребуетъ необходимость.

Онъ намѣревался предложить ей руку и сердце въ Чальдикотсѣ, но она не дала ему къ тому случая. Потомъ онъ хотѣлъ объясниться съ нею въ Гадеромъ-Касслѣ, но миссъ Данстеблъ внезапно уѣхала изъ Гадеромъ-Кассля прежде чѣмъ онъ успѣлъ исполнить свое намѣреніе. Теперь, въ Лондонѣ, онъ рѣшился приступить къ дѣлу безъ отлагательства, и во что бы то ни стало узнать свой приговоръ. Точно, медлить было нечего: еслибы дѣло сколько-нибудь затянулось, онъ по всей вѣроятности лишился бы удовольствія предстать передъ избранницей своего сердца въ качествѣ мистера Соверби изъ Чальдикотса. Герцогъ поручилъ ему сказать черезъ мистера Фодергилла, что онъ очень бы желалъ поскорѣе привести въ порядокъ дѣла; а мистеръ Соверби хорошо понималъ смыслъ этого порученія.

Мистеръ Соверби велъ атаку не одинъ, не безъ помощи союзника; напротивъ, у него былъ союзникъ такой преданный и усердный, какого только могъ бы пожелать себѣ любой полководецъ. Этотъ-то союзникъ, единственный вѣрный товарищъ, не покидавшій мистера Соверби во всѣхъ переворотахъ его жизни, и радостныхъ и печальныхъ, первый подаль ему мысль жениться на миссъ Данстеблѣ.

— Тысяча раззоренныхъ кутилъ искали ея руки и получили отказъ, сказалъ мистеръ Соверби, когда въ первый разъ зашла объ этомъ рѣчь.

— Однако, она когда-нибудь выйдетъ же замужъ за кого-нибудь; почему бы ей не выйти за тебя? отвѣчала ему сестра; она-то и была тотъ вѣрный союзникъ, о которомъ мы только что говорили.

У мистриссъ Гарольдъ Смитъ, при всѣхъ ея недостаткахъ, нельзя было отнять одной добродѣтели: она горячо любила брата. По всей вѣроятности, она его одного и любила на бѣломъ свѣтѣ. Дѣтей у нея не было; а что касается до мужа, ей никогда и въ голову не приходило любить его. Она вышла за него чтобъ упрочить свое положеніе въ свѣтѣ; и, будучи умною женщиной, съ хорошимъ здоровьемъ и ровнымъ характеромъ, умѣла устранить бѣольшую часть неудобствъ, простирающихся отъ брака,

заклученнаго безъ любви, и вообще устроить себѣ жизнь довольно сносную. Дома она распорядилась всѣмъ, но дѣлала это такъ весело и добродушно, что господство ея не было тягостно; въ обществѣ она поддерживала политическое положеніе своего мужа, хотя первая смѣялась надъ его слабостями. Но сердце ея принадлежало брату; постоянно, во всѣхъ затрудненіяхъ, въ которыхъ вовлекало его собственное безразсудство, она готова была поддержать его, протануть ему руку помощи. Для этого она сблизилась съ миссъ Данстеблѣ, и, въ продолженіе цѣлаго года, умѣла подлаживаться ко всѣмъ ея прихотямъ. Или, лучше сказать, у ней достало ума разсмотрѣть, что съ миссъ Данстеблѣ ничего не возьмешь, уступая ея прихотямъ, а на нее можетъ только подѣйствовать простое свободное обхожденіе, съ отбѣнкомъ юмора, и во всякомъ случаѣ хоть съ *видомъ* прямоты и откровенности. Мистриссъ Гарольдъ Смитъ можетъ-быть не была откровенна и пряма по природѣ, но ради миссъ Данстеблѣ она умѣла составить себѣ какую-то *систему* прямодушія, и не совсѣмъ безуспѣшно, потому что между миссъ Данстеблѣ и мистриссъ Гарольдъ Смитъ мало-по-малу установились очень короткія отношенія.

— Если ужъ дѣло дѣлать, такъ надобно дѣлать теперь же, сказала мистеръ Соверби сестрѣ, дня два спустя послѣ паденія боговъ. Можно судить о привязанности ея къ брату уже потому, что въ такую минуту она была еще способна заниматься его дѣлами. Но, по правдѣ сказать, положеніе ея мужа, какъ министра, ничего не значило въ ея глазахъ, сравнительно съ общественнымъ положеніемъ брата.

— Откладывать не зачѣмъ, сказала мистриссъ Гарольдъ Смитъ.

— Такъ ты думаешь, что мнѣ слѣдуетъ прямо съ нею объясниться.

— Конечно. Но помни, Натаніэль, что задача тебѣ будетъ не легкая. Ты лучше и не пробуй падать передъ нею на колѣни и клясться ей въ вѣчной любви.

— Если я рѣшусь на объясненіе съ ней, то я конечно обойдусь безъ колѣнопреклоненій,—на этотъ счетъ ты можешь быть спокойна, Гарриетъ.

— Да, и безъ клятвъ въ пламенной любви. Тебѣ остается только одинъ путь къ сердцу миссъ Данстеблѣ, а именно—сказать ей всю правду.

— Какъ? Сказать ей, что я разворенный, погибшій человекъ, а потомъ попросить ее протануть мнѣ руку, чтобы вытащить меня изъ болота?

— Именно это единственное средство, какъ ни кажется оно странно.

— Да ты совсѣмъ другое говорила прошлую зиму, въ Чальдикотсѣ.

— Можетъ-быть; но теперь я лучше узнала ее. Съ тѣхъ поръ я только тѣмъ и занималась, что изучала всѣ ея странности. Если ты точно ей нравишься—а мнѣ кажется, что она къ тебѣ благоволяетъ,—то она можетъ простить тебѣ все на свѣтѣ, только не увѣренія въ любви.

— Да какъ же мнѣ предложить ей свою руку, не намекнувъ ей ничѣмъ на это?

— А объ этомъ ты не долженъ говорить ни полслова; скажи ей, что ты человѣкъ съ хорошимъ именемъ и виднымъ положеніемъ, но что дѣла твои очень запутаны.

— Это она знаетъ и безъ того.

— Конечно, но она должна услышать это отъ тебя самого. Потомъ скажи ей, что, женись на ней, ты надѣешься поправить свои обстоятельства посредствомъ ея состоянія.

— Трудно, кажется, чтобы такого рода признаніе могло тронуть ее.

— Но повторяю тебѣ, что другаго средства нѣтъ. Я и сама знаю, что задача не легкая. Конечно, ты долженъ ей объяснить, что будешь заботиться объ ея счастьи, но не старайся увѣрить ее, что это главная твоя цѣль. Первая твоя цѣль—ея деньги, а единственное средство получить ихъ совершенная откровенность.

— Право, рѣдкій человѣкъ найдется въ такомъ затруднительномъ положеніи, сказалъ Соверби, шагая взадъ и впередъ по комнатѣ: — признаться, я не въ силахъ овладѣть имъ. Я бы непремѣнно смутился посреди такого объясненія; не думаю, чтобы въ цѣломъ Лондонѣ нашелся человѣкъ, способный пойти къ женщинѣ съ такою исторіей и въ заключеніе попросить ея руки.

— А если ты не въ силахъ этого сдѣлать, откажись совсѣмъ отъ этой мысли, сказала мистриссъ Гарольдъ Смитъ.— Но если у тебя хватитъ рѣшимости послѣдовать моему совѣту и выдержать свою роль до конца, то, сколько я знаю, ты можешь надѣяться на успѣхъ. Дѣло въ томъ, продолжала сестра помолчавъ, между тѣмъ какъ братъ все еще шагалъ по комнатѣ, раздумывая о своемъ трудномъ положеніи:—дѣло въ томъ, что вы, мужчины, вовсе не понимаете женщинъ. Вы не отдаете справедливости ни ихъ сильнымъ, ни ихъ слабымъ сторонамъ. Вы слишкомъ смѣлы и слишкомъ робки: вы женщину считаете душой и почти говорите это ей въ лицо, а между тѣмъ вы не считаете ее способною на безкорыстный поступокъ. Почему бы миссъ Данстемблъ не выйти за тебя замужъ для того именно, чтобы выручить тебѣ изъ бѣды? Правду сказать, она бы не такъ много и потеряла; если она выкупитъ помятое, оно будетъ принадлежать и ей точно такъ же какъ тебѣ.

— Конечно, для меня это была бы выручка славная, но трудно до такой степени отложить всякое самолюбіе.

— Да, ея положеніе замужемъ за тобою будетъ гораздо лучше теперешнаго. Ты человекъ добродушный и добронравный, ты конечно позаботился бы о ней, обращался бы съ ней хорошо, и если взвѣсить все, она гораздо была бы счастливѣе, сдѣлавшись твоею женой, хозяйкой Чальдикотса, чѣмъ теперь, при настоящей своей обстановкѣ.

— Да еслибъ она только желала пристроиться, то завтра же могла бы выйти за любого пера.

— Я не думаю, чтобъ она особенно желала выйти замужъ за пера. Какой-нибудь раззоренный перъ могъ бы конечно завладѣть ею, прибѣгнувъ къ тому же средству, которое я тебѣ предлагаю; но по всему вѣроятію онъ бы не сумѣлъ приняться за дѣло. Многіе раззоренные перы пробовали своего счастья и получили отъ нея отказъ все потому, что хотѣли ее увѣрить, что влюблены въ нее. Конечно оно не легко, но другаго средства нѣтъ какъ сказать ей всю правду.

— Да гдѣ же мнѣ съ нею переговорить?

— Здѣсь, если хочешь; а еще лучше у нея.

— Да мнѣ никогда не удаётся застать ее одну. Я начинаю думать, что она никогда одна не бываетъ: она окружаетъ себя разнымъ народомъ, чтобы какъ-нибудь оградиться отъ жениховъ. Право, Гарриетъ, я готовъ бросить все дѣло; у меня духу не хватитъ объясниться съ нею такъ, какъ ты совѣтуешь.

— Смѣлымъ Богъ владѣть...

— Да смѣлость смѣлости розь. Ужъ не лучше ли мнѣ привести ей списокъ всѣхъ моихъ долговъ, и предложить ей, если она сколько-нибудь сомнѣвается въ моихъ словахъ, обратиться за точными свѣдѣніями къ Фодергиллу, къ шерифу, да къ почтенной братіи Тозеровъ?

— Ну, тутъ она тебѣ повѣритъ, и не удивится нисколько.

Опять настало молчаніе, и мистеръ Соверби продолжалъ расхаживать по комнатѣ, взвѣшивая въ умѣ всѣ данныя на успѣхъ въ такомъ рискованномъ дѣлѣ.

— Знаешь ли, Гарриетъ, сказалъ онъ наконецъ:—лучше бы всего тебѣ самой взяться за это дѣло.

— Хорошо, сказала она:—если ты точно этого желаешь, я готова попытаться.

— Вѣрно то, что я на такую попытку не рѣшусь никогда. У меня духу не хватитъ сказать ей прямо, что я хочу на ней жениться за ея богатство.

— Хорошо, Натаніэль, я попробую. Во всякомъ случаѣ я не боюсь ея. Мы съ нею большіе друзья; и по правдѣ сказать, я не встрѣчала женщины, которая бы до такой степени была мнѣ

по нраву; но я никогда бы не сблизилась съ нею, еслибы не ты.

— А теперь тебѣ придется съ нею разсориться, также изъ-за меня?

— Ничуть не бывало. Ты увидишь, какъ бы она ни приняла мое предложеніе, мы останемся съ нею друзьями по прежнему. Я не думаю, чтобъ она отдала за меня жизнь,—да и я, признаться, за нее лечь въ гробъ не намѣрена. Но мы съ нею точно сходимся, и не разстанемся изъ-за такихъ пустяковъ.

Такимъ образомъ порѣшили дѣло. На другой день, мистриссъ Гарольдъ Смитъ должна была найти случай переговорить съ миссъ Данстеблѣ и предложить ей раздѣлить свои несмѣтныя богатства съ раззореннымъ представителемъ Вестъ-Барсетшира, который въ замѣнъ приносилъ ей себя и свои долги.

Мистриссъ Гарольдъ Смитъ ни на волосъ не отступила отъ истины, сказавъ, что она и миссъ Данстеблѣ сходились между собой. Она довольно точно описала свойство ихъ дружбы. Онѣ не отдали бы жизни другъ за друга; онѣ другъ друга не увѣряли въ неизмѣнной привязанности; онѣ никогда не цѣловались и не плакали, не говорили громкихъ фразъ встрѣчаась и расходясь. Онѣ другъ другу не оказали никакого благодѣянія, не простили никакой тяжкой обиды. Но онѣ приходились другъ другу, и въ этомъ, я полагаю, заключается тайна всѣхъ пріятныхъ отношеній между людьми.

Однако почти можно было сожалѣть о томъ, что онѣ такъ сходились: миссъ Данстеблѣ въ нравственномъ отношеніи стоила несравненно выше своей пріятельницы, хотя сама этого не сознавала. Грустно было видѣть, что она довольствуется подобною дружбой. Мистриссъ Гарольдъ Смитъ была отъ природы суетна, безчувственна ко всему и ко всѣмъ, исключая брата, не всѣмъ даже искренна и честна. Миссъ Данстеблѣ не была суетна, хотя въ настоящую минуту вела суетную жизнь, и отчасти увлекалась ею; у ней была душа любящая и правдивая, хотя ея обстановка не давала развернуться ея качествамъ. Но она любила свободу и непринужденность, любила похотать, не прочь была отъ крушой шутки, больше всего любила посмѣяться надъ свѣтскими пошлостями и глупостями. Мистриссъ Гарольдъ Смитъ потакала всѣмъ этимъ склонностямъ.

Такимъ образомъ, онѣ видѣлись почти ежедневно. У мистриссъ Гарольдъ Смитъ уже вошло въ привычку почти каждое утро заѣзжать къ миссъ Данстеблѣ; и если мистеру Соверби никогда не удавалось застать ее одну, то его сестра не рѣдко пользовалась этимъ удовольствіемъ. Потомъ онѣ куда-нибудь выѣзжали, вмѣстѣ ли, или порознь, какъ имъ казалось удобнѣе; первымъ ихъ правиломъ было никогда не стѣснять другъ друга.



На слѣдующій день послѣ описаннаго нами разговора, мистриссъ Гарольдъ Смитъ по обыкновенію отправилась къ миссъ Данстеблѣ, и вскорѣ онѣ остались однѣ въ небольшой комнаткѣ, куда богатая наслѣдница допускала далеко не всѣхъ посѣтителей. Правда, ей случалось принимать здѣсь людей самыхъ различныхъ свойствъ, — иногда священника, собирающаго деньги для постройки церкви, или старую леди, вооруженную послѣдними городскими сплетнями, или бѣднаго автора, не получающаго должнаго возмездія за плоды своего воображенія, или бѣдную гувернантку, которой тяжело достается жить на свѣтѣ. Но только сюда ни подъ какимъ видомъ не допускались мушоны, которые могли быть женихами, ни дамы, которыя могли быть предметами волокитства. Въ послѣднее время завѣтныя двери всего чаще открывались для мистриссъ Гарольдъ Смитъ.

Теперь настала пора для рѣшительной попытки, къ которой вся эта короткость служила только подготовкой. Подъѣзжая къ дому миссъ Данстеблѣ, мистриссъ Гарольдъ Смитъ почувствовала нѣкоторое замираніе сердца, не предвѣщавшее ничего добраго. Она говорила прежде, что нисколько не боится высказать все напрямикъ своей пріятельницѣ; но теперь, въ рѣшительную минуту, смѣлость начинала измѣнять ей; оно дорого бы дала, чтобы все было уже покончено, такъ или иначе.

— Какъ здоровье бѣднаго мистера Смита? спросила миссъ Данстеблѣ тономъ комическаго сожалѣнія, когда онѣ обѣ услылись на обычныя свои мѣста. Такъ какъ прошло нѣсколько дней послѣ паденія боговъ, то можно было предполагать, что бывшій лордъ *Малой Сумки* не успѣлъ еще оправиться отъ поразившаго его удара.

— Кажется, ему лучше; сегодня утромъ, по крайней мѣрѣ, я такъ заключила по—аппетиту, съ которымъ онъ кушалъ за завтракомъ. Впрочемъ мнѣ все еще страшно становится, когда онъ беретъ въ руки ножъ; я увѣрена, что въ такія минуты онъ думаетъ о мистерѣ Саппельгаусѣ.

— Бѣдный! Я хочу сказать бѣдный Саппельгаусъ. Наконецъ почему бы и ему не слѣдовать своему ремеслу? Живи самъ, и другимъ жить не мѣшай, вотъ мое правило.

— А его правило скорѣе такое: губи самъ и другимъ губить не мѣшай. Впрочемъ, мнѣ все это страшно надоѣло; я сегодня пріѣхала поговорить съ вами о другомъ.

— Я, признаться, стою за мистера Саппельгауса! воскликнула миссъ Данстеблѣ:—онъ, по крайней мѣрѣ, все дѣлаетъ просто. Онъ весь посвятилъ себя одному дѣлу, однимъ интересамъ, а именно своимъ собственнымъ; и для того чтобы подвигать это

дѣло, служить этимъ интересамъ, онъ употребляетъ все орудіа, какими одарилъ его Господь.

— То же самое дѣлають и дикіе звѣри.

— А развѣ люди великодушнѣ дикихъ звѣрей? Тигръ растерзаетъ васъ потому что онъ голоденъ и хочетъ васъ съѣсть. Точно также поступаетъ и Саппельгаусъ. Но многіе изъ насъ готовы растерзать другъ друга, не имѣя извиненіемъ голода; удовольствіе *уничтожать* для нихъ достаточное побужденіе.

— Можетъ-быть, душа моя; впрочемъ цѣль сегодняшняго моего посѣщенія вовсе не разрушительная—вы сами съ этимъ согласитесь. Напротивъ, цѣль у меня самая спасительная. Я пріѣхала къ вамъ съ объясненіемъ въ любви.

— Въ такомъ случаѣ, ваши спасительныя намѣренія вѣроятно относятся не ко мнѣ, сказала миссъ Данстеблъ.

Для мистриссъ Гарольдъ Смитъ стало ясно, что миссъ Данстеблъ тотчасъ же догадалась, къ чему клонится ея рѣчь, и что она нисколько не была застигнута врасплохъ. Судя по ея тону и серьезному выраженію ея лица, нельзя было надѣяться, чтобъ она готова была выразить согласіе. Но великая цѣль требуетъ и великихъ усилій.

— Это какъ случится, отвѣчала мистриссъ Гарольдъ Смитъ:—они касаются и васъ, и еще другаго человѣка. Но во всякомъ случаѣ, надѣюсь, что вы не разсердитесь на меня?

— О нѣтъ, конечно! Меня теперь ничто подобное не сердить.

— Вы вѣроятно успѣли къ этому привыкнуть?

— Еще бы не привыкнуть! Я теперь на все смотрю хладнокровно; иногда только, знаете, оно скучновато.

— Я постараюсь вамъ не наскучить, и прямо приступлю къ дѣлу. Вы знаете, можетъ-быть, что мой братъ Натаніэль человѣкъ не очень богатый?

— Такъ какъ вы сами меня объ этомъ спрашиваете, то вы не должны обижаться, если я вамъ отвѣчу, что мнѣ положительно извѣстно, онъ человѣкъ очень бѣдный.

— Нисколько не обижусь, даже напротивъ. Первое мое желаніе—сказать вамъ правду, всю правду, ничего кромѣ правды.

— *Magna est veritas*, сказала миссъ Данстеблъ,—епископъ барчестерскій выучилъ меня этой латыни въ Чальдикотсѣ. Онъ еще чему-то меня училъ, но тамъ такое длинное слово, что я никакъ не запомню его.

— Я вѣрю, что епископъ былъ совершенно правъ. Но если вы броситесь въ латынь, я за вами услѣдить не въ силахъ. Мы начали о томъ, что денежные дѣла моего брата очень разстроены. У него прекрасное помѣстье, которое принадлежало нашему роду не знаю сколько столѣтій, но задолго до Нормановъ.

— Желала бы я знать, чѣмъ тогда были мои предки!

— Ни для кого изъ насъ не важно чѣмъ были наши предки, отвѣчала мистриссъ Гарольдъ Смитъ самымъ назидательнымъ тономъ,—но очень грустно видѣть, что раззоряется древнее достояніе, завѣщанное ими.

— Да, конечно; всякому неприятно раззориться; я сама дорожу своимъ достояніемъ, хотя оно вовсе не древнее, и беретъ свое начало въ аптекарской лавочкѣ.

— Боже упаси, чтобъ я была хоть косвенною причиною вашего раззоренія, сказала мистриссъ Гарольдъ Смитъ,—я бы ни за что на свѣтѣ не захотѣла причинить вамъ и малѣйшій убытокъ.

— *Magna est veritas!* какъ говорилъ нашъ милый епископъ, опять воскликнула миссъ Данстеблъ: — помните нашъ уговоръ сказать правду, всю правду, ничего кромѣ правды...

Мистриссъ Гарольдъ Смитъ начинала думать, что задача ей не подъ силу. Миссъ Данстеблъ, лишь только рѣчь заходила о денежныхъ дѣлахъ, принимала особенный, рѣзко насмѣшливый тонъ; трудно было придумать чѣмъ бы на нее подѣйствовать. Она до сихъ поръ не выразила рѣшительнаго намѣренія отклонить предложеніе мистера Соверби; но она повидимому рѣшилась ни за что не позволить, чтобъ ей пускали пыль въ глаза! Мистриссъ Гарольдъ Смитъ начала разговоръ съ твердымъ намѣреніемъ избѣгать всякаго шарлатанства; но шарлатанство до такой степени вошло въ составъ ея обычнаго краснорѣчія, что ей не легко было отдѣлаться отъ него.

— Я сама этого только и желаю, отвѣчала она:—само собою разумѣется, что главная моя цель—счастіе брата.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ пожалѣть о бѣдномъ мистерѣ Гарольдѣ Смитѣ.

— Хорошо, хорошо, хорошо!... Вѣдь вы знаете, что я хочу сказать.

— Да, я, кажется, васъ понимаю. Вашъ братъ джентльменъ съ отличнымъ именемъ, но безъ малѣйшаго состоянія.

— Нѣтъ, не совсѣмъ.

— Хорошо,—съ состояніемъ весьма разстроенымъ; я же дама безъ имени, но съ хорошимъ состояніемъ; вы думаете, что если бы мы соединились узами брака, это было бы дѣло отличное—для кого?

— Да, именно, проговорила мистриссъ Гарольдъ Смитъ.

— Для кого же изъ насъ? Вспомните епископа и его милую латынь.

— Такъ для Натаніэля, смѣло проговорила мистриссъ Гарольдъ Смитъ,—для него это было бы отлично,—и она неволью улыбнулась,—кажется, я говорю прямо и откровенно.

— Да, точно, вы теперь достаточно откровенны. И онъ васъ прислалъ сюда, чтобы сказать мнѣ это?

— Да, чтобы сказать вамъ это, и еще что-то другое.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну говорите же и другое; впрочемъ, я вѣроятно уже знаю все главное.

— Нѣтъ, нисколько. Да вы отъ меня требуете такой откровенности, что я никакъ не могу вамъ объяснить дѣло какъ оно есть. Вы заставляете меня все высказывать такъ нагло и открыто.

— А, такъ вы находите, что даже истина неприлична, когда она является безъ покрова?

— Я думаю, что истина и приличнѣе, и полезнѣе въ житейскихъ дѣлахъ, когда она облечена въ известную форму. Въ нашъ вѣкъ, мы такъ привыкли къ известной долѣ неправды во всемъ, что мы слышимъ и говоримъ, что ничто такъ для насъ не обманчиво, какъ голая истина. Еслибы купецъ мнѣ сказалъ, что у него товаръ посредственный, я бы, конечно, подумала, что онъ не стѣбитъ и гроша. Но все это вовсе не касается моего бѣднаго брата. О чемъ бишь я?

— Вы, кажется, хотѣли мнѣ разказать, какъ отлично онъ будетъ со мною обращаться.

— Да, нѣчто въ этомъ родѣ.

— Что онъ не станетъ меня колотить, или сорить моими деньгами, особенно если я сумѣю припрятать ихъ отъ него; или смотрѣть на меня свысока, потому что отецъ мой былъ аптекарь! Не это ли вы хотѣли мнѣ сказать?

— Я хотѣла вамъ сказать, что вы будете счастливѣе какъ мистриссъ Соверби изъ Чальдикотса нежели теперь какъ миссъ Данстемблъ...

— Съ горы Ливанской. Ну, и мистеръ Соверби ничего другаго не поручилъ передать мнѣ? Ничего на счетъ любви, привязанности и такъ далѣе? Вѣдь любопытно же мнѣ знать, какия у него чувства ко мнѣ, прежде чѣмъ мнѣ рѣшиться на такой важный шагъ.

— Я думаю, что онъ васъ искренно уважаетъ и любитъ, какъ только человѣкъ уже не молодой можетъ любить...

— Женщину моихъ лѣтъ. Тутъ, конечно, особенной преданности не видно; но я рада, что вы помните поговорку епископа.

— Да что же мнѣ вамъ сказать? Еслибъ я васъ стала увѣрять, что онъ умираетъ отъ любви къ вамъ, вы бы упрекнули меня въ неискренности; а теперь, потому что я вамъ этого не говорю, вы жалуетесь на недостатокъ преданности съ его стороны. Нужно признаться, что на васъ трудно угодить.

— Можетъ-быть; очень можетъ быть, что я требовательна, да

къ тому же и безразсудна. Мнѣ бы не слѣдовало предлагать никакихъ вопросовъ, когда вашъ братецъ дѣлаетъ мнѣ такую огромную честь. Конечно, съ моей стороны было бы совершеннымъ безуміемъ ожидать любви отъ человѣка, который снисходить до того, что предлагаетъ мнѣ свою руку. Какое я имѣю право надѣяться, чтобы кто-нибудь полюбилъ меня? Не достаточно ли мнѣ знать, что я богата и могу найти себѣ мужа? Какая надобность спрашивать, будетъ ли пріятно джентльмену, который вздумалъ почтить меня такимъ образомъ, будетъ ли ему дѣйствительно пріятно мое общество, или онъ только готовъ выносить мое присутствіе въ своемъ домѣ?

— Но послушайте, милая миссъ Данстеблъ...

— Я конечно не такъ глупа, чтобы воображать, что кто-нибудь можетъ полюбить меня; и я должна быть благодарна вашему брату за то, что онъ меня избавилъ отъ обычныхъ комплиментовъ и лестныхъ увѣреній. Его, конечно, или, лучше сказать, васъ, нельзя обвинять въ докучливости; его время, вѣроятно, такъ поглощено парламентскими обязанностями, что ему некогда самому заняться такимъ маловажнымъ дѣломъ. Я ему точно благодарна; кажется, мнѣ только и остается послать ему подробный списокъ всего моего движимаго и недвижимаго имущества, и назначить день когда онъ можетъ вступить во владѣніе.

Мистриссъ Гарольдъ Смитъ почувствовала, что ея не щадятъ. Эта самая миссъ Данстеблъ, въ откровенныхъ разговорахъ съ нею, такъ часто осмѣивала влюбленные гримасы тѣхъ, кто искалъ ея руки, такъ часто выражала свое негодованіе противъ нихъ, не за то что они мѣтили на ея состояніе, а за то что они принимали ее за дуру. Послѣ всего этого, мистриссъ Гарольдъ Смитъ имѣла право надѣяться, что ея способъ приступить къ дѣлу будетъ принятъ благосклонно. Неужели, думала она, миссъ Данстеблъ похожа на большинство женщинъ, и во глубинѣ души желаетъ, чтобы мужчины падали къ ея ногамъ? Неужели она дала брату дурной совѣтъ, и лучше бы ему было вести сватовство обычнымъ порядкомъ? «Ихъ не разберешь», сказала себѣ мистриссъ Гарольдъ Смитъ, думая о женщинахъ вообще.

— Онъ самъ хотѣлъ съ вами поговорить, сказала она,—но я ему отсвѣтовала.

— И это очень мило съ вашей стороны.

— Я думала, что мнѣ легче будетъ прямо и откровенно объяснить вамъ каковы именно его намѣренія.

— О! я не сомнѣваюсь, что у него намѣренія самыя честныя, сказала миссъ Данстеблъ:—я совершенно увѣрена, что онъ не хочетъ обмануть меня *такимъ* образомъ.

Трудно было не раскохотаться, и мистриссъ Гарольдъ Смитъ раскохоталась.

— Право, вы хоть святаго выведете изъ терпѣнія, сказала она.

— Я не думаю, чтобы мнѣ часто случалось имѣть дѣло со святыми, еслибъ я послѣдовала вашему совѣту. Кажется, не много встрѣтишь святыхъ въ Чальдикотсѣ, исключая, конечно, до-браго епископа и его жену.

— Однако же, душа моя, что мнѣ сказать Натаніэлю?

— Скажите ему, что я премного обязана ему за честь.

— Выслушайте меня хоть на минуту. Я вижу, что я дурно сдѣлала, объяснившись съ вами такъ смѣло и рѣзко.

— Ничуть; мы напередъ уговорились высказать всю правду. Конечно, оно съ герваго разу не совсѣмъ ловко.

— Я пошлю къ вамъ самого брата.

— Нѣтъ, не дѣлайте этого. Зачѣмъ мучить и его и меня? Я люблю вашего брата; я уже очень его люблю извѣстнымъ образомъ. Но ни за что на свѣтѣ не соглашусь выйти за него замужъ. Не очевидно ли, что онъ ищетъ единственно моего состоянія, если вы сами не посмѣли приписать ему другаго побужденія?

— Конечно, смѣшно и глупо было бы говорить, что онъ вовсе не думаетъ о вашемъ состояніи.

— Смѣшно донельзя. Онъ человѣкъ, безъ состоянія, но съ виднымъ положеніемъ, и онъ хочетъ на мнѣ жениться, потому что у меня есть именно то, чего ему не достаетъ. Но, душа моя, у него-то нѣтъ того, что мнѣ нужно, и потому обмѣнъ вышелъ бы неравный.

— Но онъ бы всѣ свои старанія употребилъ на то, чтобы составить ваше счастье.

— Я ему очень за это благодарна, но, какъ видите, я и теперь довольна своею судьбой. Что же я приобрѣту отъ перемѣны?

— Да впервыхъ товарища, общество котораго, какъ вы сами признаетесь, для васъ пріятно.

— Правда, но я не говорила, чтобы мнѣ пріятно было постоянно наслаждаться этимъ обществомъ. Нѣтъ, душа моя, это дѣло невозможное. Повѣрьте мнѣ на слово, я вамъ говорю разъ навсегда, что это невозможно.

— Вы хотите сказать, миссъ Данстеблъ, что вы никогда не выйдете замужъ?

— Завтра же, если встрѣчу человѣка, который мнѣ понравится, и который захочетъ на мнѣ жениться. Но я сильно подозреваю, что тотъ, кто мнѣ придется по вкусу, самъ не захочетъ на мнѣ жениться. Впервыхъ, я выйду замужъ не иначе какъ за человѣка, который вовсе не думаетъ о деньгахъ.

— Вы такого не найдете въ цѣломъ свѣтѣ, душа моя.

— Очень возможно, что не найду, сказала миссъ Данстемблѣ.

Онѣ еще продолжали этотъ разговоръ, но мы не станемъ пересказывать, что говорено было далѣе. Мистриссъ Гарольдъ-Смитъ не сразу отказалась отъ своихъ надеждъ, хотя миссъ Данстемблѣ высказалась ясно. Она старалась ей объяснить, какъ выгодно будетъ ея положеніе какъ хозяйки Чальдикотса, когда на Чальдикотсѣ не останется больше ни шиллинга долга; она даже намекнула, что владѣлецъ Чальдикотса, если только ему удастся выпутаться изъ неловкаго положенія, весьма вѣроятно, удостоится титула пера при несминуемомъ воцареніи боговъ на Олимпѣ. Мистеръ Гарольдъ Смитъ, въ качествѣ министра, конечно, не пожалѣетъ никакихъ усилій. Но все это ни къ чему не повело.

— Не судьба мнѣ быть женою пера, сказала миссъ Данстемблѣ. Прошу васъ, душа моя, не настаивайте болѣе.

— Но мы съ вами не разсоримся? спросила мистриссъ Гарольдъ Смитъ почти нѣжнымъ тономъ.

— Нѣтъ, помилуйте, зачѣмъ же намъ ссориться?

— И вы не станете дуться на моего брата?

— Зачѣмъ же мнѣ на него дуться? Но, мистриссъ Смитъ, я не только на него дуться не буду, но сдѣлаю еще больше. Я васъ люблю и люблю вашего брата. Если я могу нѣсколько пособить ему въ его затрудненіяхъ, пусть онъ мнѣ скажетъ откровенно, и я сдѣлаю это съ удовольствіемъ.

Вскорѣ потомъ мистриссъ Гарольдъ Смитъ уѣхала. Разумѣется, она наотрѣзъ объявила, что ея братъ и подумать не можетъ принять какую-либо денежную помощь отъ миссъ Данстемблѣ, и, по правдѣ сказать, она точно думала такъ въ эту минуту; но вернувшись къ брату и передавъ ему весь свой разговоръ съ богатою наследницей; она подумала, что было бы пріятнѣе, если бы чальдикотское имѣніе находилось въ залогѣ у миссъ Данстемблѣ, а не у герцога Омніума.

## ГЛАВА XXV.

Не удивительно, что упомянутое рѣшеніе гигантовъ въ вопросѣ о двухъ епископахъ огорчило и оскорбило архидіакона Грантли, хотя онъ не могъ рѣшиться громко высказать, что гиганты въ чемъ-либо были не правы; сердце его болѣзненно сжималось, ему казалось, что настала конецъ всему. Онъ до сихъ поръ былъ еще не очень опытенъ, и думалъ, что смѣлая, открытая борьба за хорошее дѣло—есть само по себѣ хорошее дѣло. Конечно, онъ же-

лалъ бы видѣть себя епископомъ вестминстерскимъ, онъ готовъ былъ добиваться этой цѣли всѣми позволительными средствами. Но не это одно занимало его умъ. Онъ искренно желалъ, чтобы гиганты одерживали верхъ вездѣ и во всемъ, въ дѣлѣ объ епископахъ, какъ и въ другихъ вопросахъ; и онъ рѣшительно не могъ понять, почему бы имъ отступить назадъ при первомъ затрудненіи. На словахъ, онъ яростно нападалъ на боговъ и на ихъ сподвижниковъ; но въ глубинѣ его души таилась горечь и противъ Оріона и Порфиріона.

Въ такомъ расположеніи духа, безсознательно отряхая прахъ отъ ногъ своихъ, онъ вышелъ послѣдній разъ изъ казначейства. Много мыслей толпилось въ его головѣ, когда онъ ѣхалъ домой, и мысли по большей части самага добродѣтельнаго свойства. Зачѣмъ ему такъ хлопотать объ епископствѣ? Развѣ ему не хорошо въ пломстедскомъ ректорствѣ? Каково ему, въ его лѣта, пересаживаться на новую почву, брать на себя новыя обязанности, жить съ новыми людьми? Развѣ онъ не полезенъ въ Барчестерѣ, развѣ его тамъ не цѣнятъ и не уважаютъ? А здѣсь, въ Вестминстерѣ, не мудрено, что онъ будетъ только орудіемъ въ рукахъ другихъ людей. Не понравились ему манеры юнаго гиганта, объявившаго ему наотрѣзъ, что дѣло о епископахъ *не пойдеть*. Да, онъ вернется съ женою въ Барсетширъ, и будетъ довольствоваться тѣмъ, что даровало ему Провидѣніе.

Вѣрно зеленъ виноградъ? скажутъ насмѣшники. Такъ что же изъ этого? Не лучше ли, чтобы виноградъ, слишкомъ высоко для насъ повѣшенный, казался намъ зеленымъ? Не мудрецъ ли тотъ, кто можетъ въ душѣ презирать всякій виноградъ, лишь только сдѣлается очевидно, что ему уже не достать его? Вотъ я напримѣръ увѣренъ, что тотъ виноградъ, за который такъ ожесточенно спорятъ боги и гиганты, котораго они такъ усмленно добиваются,—самага непріятнаго вкуса. Больше того, я убѣжденъ, что онъ нездоровъ и неудобоваримъ, что онъ подвергаетъ желудокъ всѣмъ тѣмъ болѣзненнымъ припадкамъ, въ которыхъ употребляется *Revalenta Arabica*. Такъ было съ архидіакономъ. Онъ думалъ о томъ, какъ часто приходилось бы ему жертвовать своею совѣстью и своими убѣжденіями, воссѣдая въ Лондонѣ въ качествѣ епископа вестминстерскаго, и въ такомъ настроеніи духа вернулся къ женѣ.

Въ первыя минуты свиданія съ нею опять проснулись всѣ его сожалѣнія. И точно, странно было бы съ его стороны тутъ же проповѣдывать ей это новое ученіе о прелестяхъ сельской скромной жизни. Жена, вѣрная подруга его жизни, которую онъ такъ любилъ, которой такъ вѣршалъ, алкала этого винограда, висящаго на недосыгаемой вышинѣ, и онъ чувствовалъ, что не въ силахъ



заставить ее сразу отказаться отъ любимой мечты. Онъ долженъ приготовить ее и убѣдить понемногу. Но не прошло пяти минутъ, какъ онъ уже высказалъ ей все и сообщилъ ей свое рѣшеніе. — Намъ лучше вернуться въ Пломстедъ, сказалъ онъ, и жена ему не противорѣчила.

— Мнѣ жаль бѣдной Гризельды, сказала мистриссъ Грантли, въ этотъ же вечеръ, оставшись наединѣ съ мужемъ.

— Я думалъ, что она останется у леди Лофтонъ?

— Да, на нѣкоторое время. Конечно, никому на свѣтѣ я бы такъ охотно не поручила ея, какъ леди Лофтонъ; я очень рада, что Гризельда выѣзжаетъ съ нею.

— Именно, а по тому самому я не вижу причины такъ сожалѣть о Гризельдѣ.

— Правда, что жалѣть не стоить; но ты знаешь, у леди Лофтонъ свои виды.

— Какіе же это виды?

— Очевидно, она только и хлопочетъ о томъ, чтобы женить лорда Лофтона на Гризельдѣ. И хотя это была бы партія весьма приличная, еслибъ она точно состоялась...

— Лорду Лофтону жениться на Гризельдѣ! повторилъ архидіаконъ, въ изумленіи вытаращивъ глаза и приподнявъ брови. До сихъ поръ онъ не слишкомъ тревожился о томъ, какъ бы пристроить дочь. — Мнѣ это и не снилось!

— Но другіе за то сильно объ этомъ подумываютъ. Чтò касается до самой партіи, ею, кажется, можно остаться довольну. Лордъ Лофтонъ, правда, не слишкомъ богатъ, но состояніе у него очень порядочное, и репутація, вообще говоря, хорошая. Если они понравятся другъ другу, я вовсе не прочь отдать за него Гризельду. Но, признаться, мнѣ не совсѣмъ пріятно оставлять ее у леди Лофтонъ. Въ свѣтѣ пойдутъ толки, на это будутъ смотрѣть какъ на дѣло рѣшенное, тогда какъ оно вовсе еще не рѣшено, и весьма вѣроятно не кончится ничѣмъ; а это вредитъ молодой дѣвушкѣ. Она имѣетъ огромный успѣхъ, въ этомъ нельзя не сознаться; вотъ напримѣръ, лордъ Домбелло...

Архидіаконъ еще шире раскрылъ глаза; онъ и не подозрѣвалъ, что ему представляется такой богатой выборъ зятьевъ, и, признаться, его изумляли честолюбивые замыслы жены. Лордъ Лофтонъ, съ его титуломъ и его двадцатью тысячами фунтовъ дохода, считался только довольно приличною партіею; а если съ нимъ не поладятъ, такъ тутъ же имѣлся будущій маркизь, съ состояніемъ въдесятеро больше, готовый предложить руку и сердце его дочкѣ!

Потомъ онъ невольно подумалъ, по обыкновенію мужей, о томъ, чтò была Сусанна Гардингъ, когда онъ сватался за ней подъ большими вилами въ саду попечителя богадѣльни въ Бар-

честерь, подумалъ о своемъ тестѣ, добромъ старичкѣ Гардингѣ, живущемъ до сихъ поръ на скромной квартиркѣ въ томъ же городѣ; и, думая обо всемъ этомъ, онъ не могъ не подивиться высокому уму и высокимъ стремленіямъ своей супруги.

— Я никогда не прошу лорду Де Террье, сказала жена, возвращаясь къ главному предмету сегодняшнихъ тревогъ.

— Чтò за вздоръ! сказалъ архидіаконъ;—не простить нельзя.

— Признаюсь, мнѣ очень непріятно уѣзжать изъ Лондона именно теперь.

— Чтò жъ съ этимъ дѣлать? угрюмо отвѣчалъ архидіаконъ. Онъ былъ человекъ съ характеромъ, и подчасъ любилъ поставить на своемъ.

— О! я очень хорошо знаю, что дѣлать нечего, сказала мистриссъ Грантли, и въ голосъ ея слышалось глубокое оскорбленіе,—я знаю, что дѣлать нечего. Бѣдная Гризельда!

И они оба улеглись спать.

На дрѹгое утро, Гризельда пріѣхала къ матери, и тутъ, наединѣ съ нею, мистриссъ Грантли говорила откровеннѣе чѣмъ когда-либо о своихъ планахъ относительно ея будущности. До сихъ поръ, мистриссъ Грантли почти ни слова не проронила передъ дочерью объ этомъ предметѣ. Ей было бы очень пріятно, еслибы Гризельда приняла любовь и клятвы лорда Лофтона, или лорда Домбелло, безъ всякаго вмѣшательства съ ея стороны. Она хорошо знала, что въ такомъ случаѣ ея дочка сама бы ей все повѣрила, и на кого бы ни палъ ея выборъ, во всякомъ случаѣ дѣло приняло бы видъ премиленъкаго романа. Она не боялась, чтобы Гризельда поступила необдуманно или неосторожно. Она была совершенно права, сказавъ, что дочь ея никогда не позволитъ себѣ увлечься безразсудною страстью. Но, при настоящемъ положеніи дѣлъ, когда имѣлись въ виду двѣ такія блестящія партіи, и былъ уже заключенъ лофтоно-грантлискій трактатъ, о которомъ она, Гризельда, не имѣла и мысли, — не могло ли бѣдное дитя ошибиться потому только, что ея не направили надлежащимъ образомъ? Подъ вліяніемъ такихъ соображеній, мистриссъ Грантли написала дочери нѣсколько строкъ, и Гризельда пріѣхала въ Монтъ-Стритъ часа въ два, въ экипажѣ леди Лофтонъ, который, пока она сидѣла у матери, дожидался ея у поворота улицы, противъ пивной лавочки.

— Такъ папа не будетъ вестминстерскимъ епископомъ? спросила молодая дѣвушка, когда мать объяснила ей гнусный поступокъ гигантовъ, разбившій въ прахъ всѣ ея надежды.

— Нѣтъ, душа моя; во всякомъ случаѣ, не теперь.

— Какая жалость! А я думала, что все порѣшено. Какой прокъ въ томъ, что лордъ Де Террье первымъ министромъ, если онъ не можетъ сдѣлать епископомъ кого ему угодно?

— Мнѣ кажется, что лордъ Де Террье не совсѣмъ хорошо поступилъ съ твоимъ отцомъ. Впрочемъ, это длинный вопросъ, и нечего намъ теперь разбирать его.

— А эти Прюди, какъ они обрадуются!

Гризелда цѣлый часъ протолковала бы объ этомъ предметѣ, еслибы мать допустила; но мистриссъ Грантли хотѣла обратить ея вниманіе на другіе вопросы. Она завела рѣчь о леди Лофтонъ, о томъ, какаѣ она отличная, достойная женщина; потомъ сказала, что Гризелда останется съ нею во все время ея пребыванія въ Лондонѣ, присовокупивъ, что вѣроятно это будетъ не очень долго, потому что леди Лофтонъ обыкновенно спѣшитъ вернуться въ Фремлей.

— Но нынѣшній годъ она, кажется, не торопится, мама, сказала Гризелда, которая въ маѣ мѣсяцѣ предпочтала Лондонъ Памстеду, и вовсе не прочь была разѣзжать въ каретѣ, украшенной аристократическимъ гербомъ.

Тутъ мистриссъ Грантли приступила къ задуманному объясненію, конечно самымъ осторожнымъ образомъ.

— Правда, душа моя; я сама думаю, что нынѣшній годъ она не станетъ торопиться, то-есть, пока ты останешься у нея.

— Какая она добрая!

— Она точна чрезвычайно добра, и тебѣ слѣдуетъ очень любить ее. Я, по крайней мѣрѣ, люблю ее отъ души; нѣтъ женщины, которую бы я такъ искренно уважала и цѣнила какъ леди Лофтонъ. Поэтому-то я такъ рада оставить тебя у нея.

— А все-таки мнѣ веселѣе было бы, еслибы вы съ папенькой остались въ Лондонѣ; то-есть еслибы папеньку произвели въ епископы.

— Объ этомъ теперь нечего и думать, душа моя. Но вотъ о чемъ собственно я хотѣла съ тобою поговорить: ты должна знать какія у леди Лофтонъ намѣренія и виды.

— Какія намѣренія? повторила Гризелда, которая, признать, не слишкомъ-то заботилась о намѣреніяхъ и помышленіяхъ своихъ ближнихъ.

— Да, Гризелда. Пока ты гостила въ Фремле-Кортѣ, и я думаю, съ тѣхъ поръ также, какъ ты здѣсь въ Лондонѣ, ты часто видалась съ лордомъ Лофтономъ.

— Онъ не такъ часто бываетъ у насъ въ Брутонъ-Стритъ, то-есть не *очень* часто.

— Гмъ! вполголоса воскликнула мистриссъ Грантли. Несмотря на все свое желаніе, она не въ силахъ была удержать этого тихаго возгласа. Если окажется, что леди Лофтонъ поступаетъ съ ней измѣннически, она сейчасъ же увезетъ отъ нея дочь, расторгнетъ трактатъ, и приметъ мѣры для заключенія гартльтоп-

скаго союза. Все это быстро промелькнуло у нея въ головѣ. Но, между тѣмъ, она сознавала въ глубинѣ души, что леди Лофтонъ вполне искренна. Не она тутъ была виновата; собственно говоря, нельзя было обвинять и лорда Лофтона. Мистриссъ Грантли вполне поняла упрекъ, который леди Лофтонъ сдѣлала ей дочери; и хотя она заступилась за Гризельду, и заступилась довольно успешно, она однако не могла не сознать, что надежды блистательно пристроить дочь было бы гораздо больше, еслибы въ самой Гризельдѣ было нѣсколько болѣе живости. Рѣдкій мужчина захочетъ жениться на статуѣ, какъ бы эта статуя ни была красива. Конечно, она не могла требовать отъ дочери, чтобъ она увлеклась и горячилась, точно также какъ не могла отъ нея требовать, чтобъ она вдругъ выросла на нѣсколько футовъ, но нельзя ли научить ее по крайней мѣрѣ показывать видъ нѣкотораго увлеченія? Задача была щекотливая, даже для родной матери.

— Очень понятно, что онъ теперь не можетъ такъ постоянно бывать съ матерью какъ въ деревнѣ, когда они жили въ одномъ домѣ, сказала мистриссъ Грантли, чувствуя, что теперь ей дѣло заступаться за лорда Лофтона:—онъ долженъ бывать въ палатѣ лордовъ, въ клубѣ, и въ двадцати различныхъ мѣстахъ.

— Онъ очень любитъ бывать на вечерахъ, и танцуетъ отлично.

— Вѣрю, душа моя. Я сама это замѣтила, и знаю также, съ кѣмъ онъ больше всего любитъ танцовать.

И мать ласково щипнула свою дочку.

— Вы говорите обо мнѣ, мама?

— Да, о тебѣ, душа моя. Развѣ это не правда? Лордъ Лофтонъ говоритъ, что онъ ни съ кѣмъ такъ не любитъ танцовать какъ съ тобою.

— Не знаю, мама, отвѣчала Гризельда, потупивъ глаза.

Мистриссъ Грантли подумала про себя, что это начало недурное. Конечно, оно могло бы быть и лучше. Она могла бы пожелать, чтобъ ея дочь сошлась съ своимъ нареченнымъ на чемъ-нибудь посерьознѣе танцевъ. Но и танцы лучше чѣмъ ничего—такъ трудно найти какую-нибудь точку соприкосновенія съ людьми, чуждыми всякаго увлеченія!

— По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ говорила леди Лофтонъ, осторожно продолжала мистриссъ Грантли.—Она увѣряетъ, что лордъ Лофтонъ ни съ кѣмъ не находитъ такого удовольствія какъ съ тобою. А ты сама какъ думаешь, Гризельда?

— Не знаю, мама.

— Но молодымъ дѣвушкамъ вѣдь слѣдуетъ подумывать обо всемъ подобномъ, не правда ли?

— Въ самомъ дѣлѣ, мама?

— Или, по крайней мѣрѣ, обыкновенно ихъ это сильно зани-

маеть. Вотъ видишь ли, Гризельда, леди Лофтонъ думаетъ, еслибы.... Не можешь ли ты угадать, что она думаетъ?

— Нѣтъ, мама.—Но тутъ миссъ Гризельда сказала неправду.

— Она думаетъ, что моя Гризельда была бы отличною женой для ея сына, и въ этомъ я съ нею согласна. Мнѣ кажется, что ея сынъ будетъ пресчастливый человекъ, если ему удастся найти такую жену. Ну, а ты что думаешь, Гризельда?

— Я ничего не думаю, мама.

Но, наконецъ, нужно же ей было подумать что-нибудь; мать была даже въ правѣ потребовать этого отъ нея. Такая неподвижность поведетъ. Богъ знаетъ къ какимъ послѣдствіямъ. Самыя блистательныя партіи пропадутъ для молодой дѣвицы, которая не хочетъ даже *подумать* о благородномъ лордѣ, добивающемся ея благосклонности. Къ тому же, такое равнодушіе неестественно. Мисгриссъ Грантли знала, что у ея дочери не чрезчуръ пылкая натура, но все же у нея были свои пристрастія и антипатіи. Она приняла очень близко къ сердцу вопросъ объ епископствѣ, она способна была очень горячо заняться какимъ-нибудь новомоднымъ нарядомъ. Не можетъ быть, чтобъ она такъ мало заботилась о своей будущности и чтобъ она не понимала, что вся эта будущность зависитъ отъ замужства. Мисгриссъ Грантли уже начинала досадовать на дочь, но впрочемъ проговорила самымъ кроткимъ тономъ:

— Ты ничего не думаешь! Однакожъ, душенька, тебѣ нужно подумать. Ты должна рѣшить, какой ты дашь отвѣтъ лорду Лофтону, если онъ сдѣлаетъ тебѣ предложеніе. Леди Лофтонъ только и желаетъ, чтобъ онъ за тебя посватался.

— Но этого никогда не будетъ, мама.

— Ну, а если онъ посватается?

— Да я знаю, что онъ этого никогда не сдѣлаетъ. Онъ и не думаетъ объ этомъ, да къ тому же....

— Чтò, душа моя?

— Не знаю, мама.

— Право, ты со мною можешь быть откровенна. Я только и забочусь о твоёмъ счастіи. Мы съ леди Лофтонъ думаемъ, что вы оба были бы счастливы, еслибы полюбили другъ друга. Она полагаетъ, что ты ему нравишься. Но я ни за что на свѣтѣ не стану къ тебѣ приставать съ лордомъ Лофтономъ, если увижу, что онъ тебѣ нравится не можетъ. Чтò же ты хотѣла сказать, душа моя?

— Мнѣ кажется, что лордъ Лофтонъ гораздо больше думаетъ о Люси Робартсъ, чѣмъ о.... о комъ бы то ни было другомъ, сказала Гризельда, нѣсколько оживясь:—объ этой маленькой черномазой дѣвочкѣ!

— Люси Робартсъ! повторила мистриссъ Грантли въ изумленнiи; она вовсе не ожидала, чтобы Гризельду могло расшевелить чувство ревности, но между тѣмъ твердо была убѣждена, что эта ревность не имѣетъ никакого основанiя.—Люси Робартсъ, душа моя! Да лордъ Лофтонъ, кажется, и двухъ словъ съ нею не сказалъ!

— Онъ очень много съ нею говорилъ, мама. Развѣ вы не помните, въ Фремлеѣ?

Мистриссъ Грантли стала перебирать въ умѣ все, что происходило въ Фремлеѣ, и, точно, ей припомнилась какой-то очень оживленный разговоръ между лордомъ Лофтономъ и сестрою викарiя. Но она была увѣрена, что это ровно ничего не значило. Неужели въ этомъ заключается причина холодности Гризельды къ молодому лорду?

— Я теперь припоминаю эту дѣвушку, сказала мистриссъ Грантли, — она очень мала ростомъ, смугла, и не очень красива. Мнѣ показалось, что она держитъ себя очень скромно и тихо.

— Этого я не замѣтила, мама.

— Мнѣ такъ показалось, на сколько я видѣла ее. Но, милая моя Гризельда, какъ могла ты вообразить себѣ подобную вещь? Лордъ Лофтонъ конечно долженъ быть учтивъ и любезенъ со всякою дѣвушкой, которая бываетъ у его матери, и я увѣрена, что ничего больше и не было между нимъ и миссъ Робартсъ. Я конечно не могу судить объ ея умѣ, потому что она даже не раскрывала рта въ моемъ присутствiи, но...

— О! она очень умѣетъ разговаривать когда захочетъ. Она прехитрая штучка.

— Но во всякомъ случаѣ, душа моя, она не можетъ похвастать красотой, и я не думаю, чтобы лордъ Лофтонъ могъ увлечься болтовней какой-нибудь миссъ Робартсъ.

Когда мать произнесла слова «не можетъ похвастать красотой», Гризельда вполонину обернулась, и искоса взглянула на себя въ зеркало; потомъ присанилась, показала немножко глазками, и, по мнѣнiю матери, была прелесть какъ хороша въ эту минуту.

— Мнѣ, конечно, до этого дѣла нѣтъ, мама, сказала она.

— Можетъ-быть. Я не хочу нисколько принуждать тебя. Я бы конечно не говорила съ тобою такъ откровенно, еслибы не была такъ увѣрена въ твоемъ благоразумiи и осторожности. Но я почла за лучшее прямо сказать тебѣ, что я и леди Лофтонъ были бы очень рады, еслибы вы съ лордомъ Лофтономъ полюбили другъ друга.

— Но я увѣрена, что онъ и не думаетъ объ этомъ, мама.

— Что же касается до Люси Робартсъ, то прошу тебя вы-

бить себя изъ головы этого вздоръ; повѣрь, у лорда Лофтона не такой дурной вкусъ.

Но не такъ-то было легко что-либо выбить изъ головы у Гризельды.

— Вкусы бываютъ разные, мама, сказала она, и этимъ окончился ихъ разговоръ. Онъ имѣлъ послѣдствіемъ то, что мистриссъ Грантли сильно склонилась въ пользу лорда Домбелло.

## ГЛАВА XXVI.

Надѣюсь, что читатели наши помнятъ удары, посыпавшіеся на невиннаго пони, по дорогѣ въ Гоггльстокъ. Впрочемъ, самъ пони тутъ не очень пострадалъ. Его кожа была не такъ нѣжна какъ сердце миссъ Робартсъ. Онъ набилъ себя животикъ овсомъ и другими лакомствами, и *потому*, когда его задѣвалъ хлыстикъ, онъ только отряхалъ ушки и пускался скакать во весь опоръ шаговъ на двадцать, чтобы увѣрить свою госпожу, что ему очень больно. Но собственно, не ему всѣхъ больнѣе приходилось отъ этихъ ударовъ.

Люси была принуждена признаться, — принуждена, силою собственнаго чувства и невозможностью согласиться съ тѣмъ, что лорду Лофтону было бы очень хорошо жениться на Гризельдѣ Грантли, — она была принуждена признаться, что она въ лордѣ Лофтонѣ принимаетъ такое же горячее участіе; какъ будто бы онъ былъ ей родной братъ. Она и прежде часто себя говорила это и даже гораздо больше этого. Но теперь она громко высказала это своей невѣсткѣ; она знала, что ея слова не пропущены мимо ушей, что они приняты къ свѣдѣнію, что они дали поводъ къ нѣкоторой перемѣнѣ въ обращеніи съ нею. Фанни стала очень рѣдко упоминать при ней о жителяхъ Фремле-Корта; о самомъ лордѣ Лофтонѣ она не говорила никогда, если ея не вынуждалъ на это Маркъ. Люси нѣсколько разъ старалась поправить дѣло, сама заговаривала о молодомъ лордѣ шутивымъ и даже насмѣшливымъ тономъ; она издѣвалась надъ его страстью къ охотѣ, захотѣла даже подшутить надъ его любовью къ Гризельдѣ. Но попытка вышла неудачная; она сама видѣла, что не могла обмануть Фанни, а что касается до Марка, она подобными выходками могла бы только раскрыть ему глаза, а не продлить его невѣдѣніе. Итакъ она перестала хитрить понапрасну, и не произносила уже имени лорда Лофтона. Она чувствовала, что выдала свою тайну.

Въ это время, двумъ сестрамъ часто случалось оставаться наединѣ; чаще чѣмъ когда-либо съ тѣхъ поръ какъ Люси по-

селлась у брата. Леди Лофтонъ уѣхала въ Лондонъ, и ежедневныя посѣщенія въ Фремле-Кортъ почти прекратились; а Маркъ большую часть времени проводилъ въ Барчестерѣ; по-видимому, ему много было дѣла и хлопотъ прежде чѣмъ онъ могъ занять мѣсто въ капитулѣ. Онъ тотчасъ же вступилъ въ должность, то-есть говорилъ проповѣди въ продолженіи мѣсяца, и по воскресеньямъ участвовалъ съ большимъ достоинствомъ въ утреннемъ богослуженіи.

Онъ покуда еще не переселился въ Барчестеръ, потому что домъ не былъ готовъ, по крайней мѣрѣ, онъ ссылался на эту причину. Мебель и вещи доктора Стангопа, прежняго бенефицианта, еще не были увезены, и по всей вѣроятности въ перевозкѣ ихъ должно было произойти нѣкоторое замедленіе, потому что кредиторы предъявили на нихъ притязанія. Это обстоятельство могло показаться очень непріятнымъ человѣку, который горѣлъ бы нетерпѣніемъ воспользоваться прекраснымъ домомъ, предоставленнымъ ему щедростію прошедшихъ поколѣній; но мистеръ Робартсъ иначе смотрѣлъ на это дѣло. Онъ готовъ былъ хоть на цѣлый годъ оставить домъ въ распоряженіи семейства доктора Стангопа или его кредиторовъ. Такимъ образомъ, ему удалось провести первый мѣсяцъ отсутствія отъ фремлейской церкви, не обративъ на себя вниманія леди Лофтонъ, тѣмъ болѣе что леди Лофтонъ все это время жила въ Лондонѣ. Это обстоятельство также не мало способствовало тому, что нашъ молодой бенефициантъ больше прежняго радовался своему новому мѣсту.

Итакъ, Фанни и Люси часто оставались вдвоемъ; не мудрено, что у Люси, отъ полноты сердца, являлась потребность высказываться. Сперва, когда она оглянулась на себя и на свои чувства, она твердо рѣшилась скрыть ихъ отъ всѣхъ постороннихъ глазъ. Она рѣшилась никогда ни за что не признаваться въ своей любви; но не хотѣлось ей также «взнуть и молчать», и чакнуть въ цвѣтѣ лѣтъ отъ несчастной страсти. У нея достанетъ силъ скрывать эту любовь во глубинѣ своего сердца, бороться съ нею, наконецъ побѣдить, уничтожить ее, не выдавъ никому своей тайны. У нея достанетъ силъ, при встрѣчѣ съ лордомъ Лофтономъ, спокойно пожать ему руку; она заставитъ себя отъ души полюбить его жену, только бы эта жена не была Гривельда Грантли. Таковы были ся намѣренія и рѣшенія, но не прошло недѣли, какъ они рассыпались въ прахъ и развѣялись по вѣтру.

Разъ въ дождливую погоду, онъ просидѣли вдвоемъ почти цѣлый день, и такъ какъ Маркъ былъ отозванъ на обѣдъ къ декану въ Барчестеръ, то онъ отобѣдали пораньше, вмѣстѣ съ дѣтьми, держа ихъ на колѣняхъ и помогая имъ кушать. Такъ



обыкновенно обѣдаютъ дамы, когда мужа ихъ отлучаются. Подъ вечеръ, когда дѣтей увели, онѣ сидѣли вмѣстѣ въ гостиной, и мистриссъ Робартсъ, въ пятый разъ послѣ описанной нами поѣздки въ Гоггльстокъ, стала выражать свое желаніе быть чѣмъ-нибудь полезною семейству Кролея, а въ особенности маленькой Гресь, которая, съ своими неправильными греческими глаголами, показала ей особенно жалка.

— Не знаю какъ бы это устроить, сказала мистриссъ Робартсъ.

Но малѣйшій намекъ на эту поѣзду въ Гоггльстокъ всегда наводилъ Люси на предметъ, поглощавшій ее въ то время. Припоминалось ей, какъ она хлыстомъ ударила лошадку, а потомъ полусутливымъ, но все же не довольно равнодушнымъ тономъ, извинилась и объяснила причину досады. И потому, она въ эту минуту не приняла въ судьбѣ Гресь Кролей такого живаго участія, какого можно было отъ нея ожидать.

— Да какъ это знать? сказала Люси.

— Я объ этомъ думала всю дорогу отъ Гоггльстока сюда, сказала Фани:—вопросъ въ томъ: что можемъ мы для нея сдѣлать?

— Именно, сказала Люси, припоминая тотъ самый поворотъ въ дорогѣ, гдѣ она призналась, что очень любитъ лорда Лоттона.

— Еслибы мы могли взять ее къ себѣ на мѣсяцъ или два, а потомъ отправить ее въ школу или пансіонъ. Но мистеръ Кролей не согласится, чтобы мы платили за ея ученіе.

— Я сама думаю, что онъ не согласится, проговорила Люси, и мысли ея улетѣли далеко отъ мистера Кролея и его дочки.

— А иначе мы бы рѣшительно не знали что съ нею дѣлать; не правда ли?

— Конечно, не знали бы.

— Нельзя же бѣдную дѣвочку держать здѣсь въ домѣ, когда некому ея заняться. Вѣдъ Маркъ ужъ не сталъ бы учить ее греческимъ спряженіямъ, ты это знаешь.

— Да, врядъ ли.

— Люси, ты рѣшительно меня не слушаешь, и вѣрно ничего не поняла изъ того, что я тебѣ говорю. Ты вѣрно не знаешь даже, о чемъ идетъ рѣчь.

— Какже, какже... о Гресь Кролей; если хочешь, я попробую давать ей уроки; но только я сама не знаю ничего.

— Я совсѣмъ не объ этомъ говорю; я ни за что бы не захотѣла наложить на тебя такую обязанность. Но ты могла бы обо всемъ этомъ потолковать со мной, помочь мнѣ совѣтомъ...

— Потолковать? Я очень рада. О чемъ же была рѣчь? Ахъ

да! Гресь Кролей. Ты не знаешь, кто станетъ учить ее греческимъ спряженіямъ.... Ахъ, милая Фанни! не сердись на меня, у меня такъ болитъ голова.

И Люси бросилась на диванъ, схватившись обѣими руками за голову.

Мистриссъ Робартсъ тотчасъ же подбѣжала къ ней. — Милая, дорогая Люси, отчего это у тебя такъ часто болитъ голова? Прежде съ тобою этого не бывало.

— Оттого что я совсѣмъ сбилась съ толку, совсѣмъ поглупѣла, — да не обращай на меня вниманія. Будемъ говорить о бѣдной Гресь. Нельзя ли нанять для нея гувернантку?

— Я вижу, что ты нездорова, Люси, сказала мистриссъ Робартсъ, заботливо глядя ей въ лицо:—что съ тобою, душа моя? Не случилось ли чего-нибудь?

— Случилось! Нѣтъ, не случилось ничего, ничего такого о чемъ бы стоило говорить. Иногда мнѣ хочется вернуться въ Девонширъ, и тамъ остаться навсегда. Я могла бы пожить у сестры, а потомъ нанять квартиру въ Эксетерѣ.

— Вернуться въ Девонширъ! воскликнула мистриссъ Робартсъ въ изумленіи; ей показалось, что ея золовка съ ума сошла. — Отчего ты хочешь уѣхать отъ насъ? Развѣ тебѣ здѣсь не хорошо? Развѣ ты здѣсь не дома.

— Я сама не знаю чего мнѣ хочется. О Фанни, Фанни, какое я глупое, безтолковое созданіе! Какая я была дура! Нѣтъ, не могу я здѣсь остаться, лучше мнѣ было бы не пріѣзжать сюда. Да, да, гораздо лучше, хотя ты на меня смотришь такими страшными глазами.

Она вскочила и кинулась на шею къ невѣсткѣ.

— Не притворяйся, будто бы ты обижаешься. Ты знаешь, что я люблю тебя; ты знаешь, что я могла бы прожить съ тобою цѣлый свой вѣкъ, и съ каждымъ днемъ все больше къ тебѣ привязываться, но....

— Неужели Маркъ сказалъ тебѣ что-нибудь?

— Нѣтъ, нѣтъ, ни слова, ни полслова. Совсѣмъ не то. Ахъ, Фанни!

— Я кажется угадываю въ чемъ дѣло, проговорила мистриссъ Робартсъ, тихимъ, дрожащимъ голосомъ, грустно взглянувъ на Люси.

— Конечно, угадала; ты конечно знаешь все, съ самаго того дня какъ мы съѣздили вѣстѣ въ Гоггльстокъ. Я увѣрена была, что ты знаешь; поэтому ты боишься произносить при мнѣ его имя. А я... я настолько умѣю хитрить, что Марка обмануть могу, но съ тобою все мое притворство напрасно. Ну, скажи, не лучше мнѣ уѣхать въ Девонширъ?

— Милая, милая Люси...

— Не правду ли я говорила, что нужно было къ нему привязать ярлыкъ? О Боже мой! Какія же мы всё дуры! Каково подумать, что дюжина ласковыхъ словъ меня такъ сбила, перевернула такъ, что я и земли не чувствую подъ собой! А я-то такъ гордилась собственной силой, я такъ была увѣрена, что не позволю себѣ никакой глупой сентиментальности! Я хотѣла его любить какъ любить его Маркъ, какъ ты его любишь...

— Я не стану его любить, если ты слышала отъ него такія вещи, которыя бы не слѣдовало ему говорить тебѣ.

— Да этого не было.—Она остановилась и подумала съ минутой.—Нѣтъ, этого не было. Онъ мнѣ не сказалъ ни одного слова, которымъ ты могла бы остаться недовольною. Развѣ только то, что онъ называлъ меня Люси; да и тутъ виновата я, а не онъ.

— Но ты сейчасъ говорила про ласковыя слова.

— Фанни, ты не имѣешь понятія, какая я дура, сумасшедшая! Эти ласковыя слова, на которыя я намекала, были такого рода, какія онъ говоритъ тебѣ, освѣдомляясь о коровѣ, которую онъ выпасалъ тебѣ изъ Ирландіи, или Марку, разспрашивая его объ ушибенной ногѣ нашего Понто. Онъ говорилъ мнѣ, что знаетъ папеньку, что учился въ университетѣ вмѣстѣ съ Маркомъ, что онъ такъ друженъ со всѣми вами, что я мнѣ слѣдуетъ съ нимъ подружиться. Нѣтъ, онъ ни въ чемъ не виноватъ; вотъ всё ласковыя рѣчи, которыя меня погубили. Но мать его точно знаетъ жизнь и людей! Чтобы не погибнуть, мнѣ бы слѣдовало и не смотрѣть на него.

— Однако, милая Люси...

— Я знаю, что ты хочешь сказать, и напередъ со всѣмъ соглашаюсь. Онъ вовсе не герой; въ немъ нѣтъ ничего необыкновеннаго; я отъ него не слышала ни одного мудраго изреченія, не подмѣтила въ немъ никакого поэтическаго порыва. Онъ все свое время посвящаетъ на то, чтобы стрѣлять бѣдныхъ птицъ или травить несчастныхъ лисицъ или зайцевъ; онъ, безъ сомнѣнія, ни малѣйшаго подвига не совершилъ на своемъ вѣку. А между тѣмъ...

Фанни была такъ озадачена словами и тономъ золовки, что рѣшительно не знала какъ ей отвѣчать.

— Онъ отличный сынъ, сказала она наконецъ.

— Только не тогда, когда отправляется въ Гадеромъ-Кассль. Я тебѣ скажу, что я въ немъ нашла: у него тонкая, стройная нога, гладкій лобъ, веселый взглядъ и бѣлые зубы. Развѣ возможно не пасть ницъ передъ такимъ соединеніемъ всѣхъ совер-

шенствъ? Но я, можетъ-быть, устояла бы противъ нихъ, Фанни. Я знаю, что меня покончило. Его титулъ меня сгубилъ. Я до сихъ поръ ни разу не говорила съ настоящимъ лордомъ. О Боже мой! что я была за дура, за сумашедшая!

И она залилась слезами.

Мистриссъ Робартсъ, по правдѣ сказать, не вполнѣ понимала страданія бѣдной Люси. Она видѣла, что горе ея непритворно, но, съ другой стороны, Люси такъ насмѣшливо отзывалась о себѣ и о своихъ чувствахъ, что слушающему невольно приходило сомнѣнiе, серьезно ли она говорить. Вообще, мистриссъ Робартсъ отчасти озадачивали шутливый выходки Люси, такъ что она не знала какимъ тономъ на нихъ отвѣчать. Но теперь, видя Люси въ слезахъ, взволнованную и разстроенную, Фанни не могла долѣе молчать.

— Милзя Люси, сказала она:—не говори такъ; все устроится и поправится; все уладится, когда никто ни въ чемъ не виноватъ.

— Можетъ-быть. Я знаю одно, Фанни: я не потерплю этого стыда. Я не позволю себѣ ослабѣть, и выдержу до конца.

— Выдержишь что, душа моя?

— Эту борьбу. Вотъ теперь, въ эту минуту, я не въ силахъ встрѣтиться съ лордомъ Лофтономъ. Я бы убѣжала и спряталась, еслибъ онъ явился сюда, я не посмѣла бы выходить изъ дому, еслибы знала, что онъ тутъ, въ Фремлей.

— Однако ты никому не выдала своей тайны?

— Можетъ-быть; мнѣ самой кажется, что я довольно удачно хитрила и притворилась; но, Фанни, ты не все еще знаешь, и не можешь, не должна знать все.

— Но ты же мнѣ говорила, что между вами ровно ничего не было.

— Говорила я это? Что жъ? я тебѣ не солгала. Я и теперь повторю, что онъ мнѣ не сказалъ ни одного слова, за которое можно было бы винить его. Нельзя же его упрекнуть за то... Но бросимъ это! Я тебѣ скажу, на что я рѣшилась. Я объ этомъ думала цѣлую недѣлю... но только мнѣ пришлось бы сказать Марку...

— На твоемъ мѣстѣ я бы ему все рассказала...

— Какъ, Марку? Если ты сдѣлаешь это, Фанни, я никогда, никогда, никогда больше не стану говорить съ тобою. Неужели ты способна выдать меня, когда я тебѣ довѣрилась какъ родной сестрѣ?

Мистриссъ Робартсъ пришлось объяснить, что она вовсе не имѣла намѣренiя сама сказать Марку что бы то ни было; въ добавокъ Люси взяла съ нея обѣщанiе—никогда, ничего не говорить мужу, безъ особаго ея разрѣшенiя.

— Я хочу поступить въ общину, сказала Люси.—Ты знаешь что такое эти общины?

Мистриссъ Робартсъ увѣрила ее, что знаетъ очень хорошо, и Люси продолжала:

— Годъ тому назадъ, я не постигала возможности избрать себѣ такую жизнь, но теперь мнѣ кажется, что это для меня одно спасеніе. Я буду себя морить голодомъ, буду себя бичевать, пока не получу обратно мой смыслъ, мою потерянную душу.

— Душу, Люси! повторила мистриссъ Робартсъ, почти съ испугомъ.

— Ну хорошо, сердце, если тебѣ это больше нравится. Но я терпѣть не могу толковать про сердце. Мнѣ дѣла нѣтъ до моего сердца. Я бы съ радостью отдала его, этому ли молодому франту или всякому другому, еслибы только я могла читать, и говорить, и гулять, и спать, и ѣсть, не чувствуя безпрестанно, что меня что-то давить здѣсь, здѣсь, здѣсь!

И она прижала руку къ груди.

— Что это со мною дѣлается, Фанни? Отчего я такъ ослабѣла, что почти не могу ходить? Отчего я не въ силахъ двѣ минуты сряду заняться книгой? Отчего я не могу написать двухъ строчекъ? Отчего всякій кусокъ, который я хочу проглотить, останавливается у меня въ горлѣ? О Фанни! какъ ты думаешь, ножки его погубили меня или его титулъ?

Несмотря на свое горе,—она точно была огорчена,—мистриссъ Робартсъ не могла не улыбнуться. Въ самомъ дѣлѣ, въ тонѣ и взглядѣ Люси много было комическаго. Она такъ сама старалась выставить себя въ смѣшномъ видѣ!

— Смѣйся надо мной, говорила она:—ничто для меня не будетъ такъ полезно, какъ голодъ и вериги. Говори мнѣ, что глупо и низко влюбляться въ человека оттого только, что онъ хорошъ собой и носить знатное имя.

— Да не изъ-за этого же ты въ него влюбилась? Въ лордѣ Локтонѣ много другихъ качествъ поважнѣе этихъ; и если говорить откровенно, милая Люси, меня нисколько не удивляетъ, что онъ могъ тебѣ понравиться, но только... только...

— Только что? Говори прямо, и не бойся, чтобъ я разсердилась, если ты хорошенько разбранишь меня.

— Я, признаюсь, пелагала, что ты столько благоразумна и осторожна, что не влюбишься въ молодого человека, пока онъ самъ не признался тебѣ въ любви...

— Осторожна! Да, именно, тутъ нужна была осторожность, но не съ моей, а съ его стороны. Осторожна! Развѣ я не была осторожна, пока вы всѣ не сблизили меня почти насильно съ

нимъ? Развѣ ты не помнишь, какъ долго я отказывалась отправляться въ Фремле-Кортъ? А потомъ, когда меня притащили туда, развѣ я не забилась въ уголъ какъ дура, развѣ я не думала про себя, что я тамъ не на своемъ мѣстѣ? Леди Лофтонъ сама старалась вызвать меня на разговоръ, а потомъ стала предостерегать меня... а потомъ... Но неужели все должно преклоняться передъ прихотями леди Лофтонъ? Неужели я должна жертвовать собою для нея? Я не искала знакомства съ леди Лофтонъ и ни съ кѣмъ изъ ея семейства.

— Мнѣ кажется, что тугъ не за чтó упрекать леди Лофтонъ, и вообще никого ни въ чемъ упрекнуть нельзя.

— Ну да, конечно; я сама во всемъ виновата; хотя, кланусь тебѣ, я рѣшительно не вижу гдѣ собственно я ошиблась, когда я свернула съ прямаго пути. Одинъ разъ только я поступила не хорошо, и въ этомъ одномъ я не раскаиваюсь.

— Чтó же ты сдѣлала, Люси?

— Я солгала ему.

Мистриссъ Робартсъ совершенно потерялась во мракѣ и. чувствуя это, не знала чтó сказать, чтó посоветовать сестрѣ. Люси сначала объявила, — такъ по крайней мѣрѣ поняла ее мистриссъ Робартсъ, — что между ею и лордомъ Лофтономъ ровно ничего не происходило кромѣ самыхъ обыкновенныхъ разговоровъ, а теперь она себя обвиняла въ обманѣ, да еще прибавила, что объ этомъ обманѣ нисколько не сожалѣетъ!

— Солгала? повторила мистриссъ Робартсъ. — Я не повѣрю, чтобы ты способна была солгать!

— А между тѣмъ я это сдѣлала, и еслибъ онъ опять явился сюда и возобновилъ прежній разговоръ, я бы ему повторила то же самое, чтó сказала тогда. Я бы сдѣлала это непременно; а въ противномъ случаѣ, я знаю, всѣ бы противъ меня возстали. Ты сама бы отъ меня отшатнулась... Милля, безцѣнная Фанни, покажи, какъ бы ты на меня посмотрѣла, еслибы ты въ самомъ дѣлѣ была мною недовольна?

— Развѣ я могу быть недовольна тобою, Люси?

— Но еслибъ я сказала ему всю правду, ты была бы недовольна, я это знаю. Скажи сама, Фанни... но нѣтъ, нечего тебѣ и говорить. Вѣдь собственно я поступила такъ не изъ боязни тебя, ни даже изъ боязни ея, хотя, Богъ знаетъ, какъ трудно было бы мнѣ вынести отчужденіе всѣхъ близкихъ мнѣ.

— Я рѣшительно не понимаю тебя, Люси. Какую же правду или неправду могла ты сказать ему, если между вами были только самые обыкновенные разговоры?

Люси встала съ дивана, и раза два прошлась по комнатѣ. Мистриссъ Робартсъ, конечно, волновало любопытство—свойствен-

ное женщинѣ, хотѣлъ было я сказать, но лучше скажу, свойственное роду человѣческому; да притомъ, она любила Люси какъ родную сестру. Ее волновали и любопытство, и тревога, и она молча сидѣла на своемъ мѣстѣ, не сводя глазъ съ заловни.

— Развѣ я сказала какіе были у насъ разговоры? сказала наконецъ Люси. — Нѣтъ, Фанни, ты меня не такъ поняла, а этого не говорила... Ахъ, да! помню, про корову и про собаку!... Да, точно, все это правда. Я тебѣ говорила, что такими-то нѣжными рѣчами онъ меня огуманилъ. Но потомъ, онъ мнѣ говорилъ и другое.

— Что же онъ сказалъ тебѣ, Люси?

— Мнѣ и самой хотѣлось бы повѣрить тебѣ все, сказала Люси и стала на колѣни передъ мистриссъ Робартсъ, улыбаясь сквозь слезы. — Но я не знаю еще, могу ли я на тебя положиться. Я ни за что не выдала бы повѣренной мнѣ тайны. Я все разкажу тебѣ, Фанни, если ты обещаешь не измѣнить мнѣ. Но если ты не увѣрена въ себя, если ты не въ силахъ скрыть что бы то ни было отъ Марка, то лучше оставь этотъ разговоръ.

Мистриссъ Робартсъ становилось страшно. До сихъ поръ, съ самаго дня свадьбы, не прошло у ней въ головѣ ни одной мысли, которой бы она не повѣрила Марку. Теперь она была такъ изумлена, такъ поражена, что не знала, въ правѣ ли она выслушивать признаніе, которое она обязана скрыть отъ брата Люси—отъ собственнаго мужа. Но кто же когда-нибудь отказывался выслушать тайну, тѣмъ болѣе тайну романическую? Какая сестра на это способна? Итакъ, мистриссъ Робартсъ общала гробовое молчаніе, приглаживая рукою волоса Люси, цѣлуя ея въ лобъ и глядя ей въ глаза, которые, какъ радуга, еще ярче сіяли сквозь слезы.

— Что же онъ сказалъ тебѣ, Люси?

— Что? Онъ просилъ меня выйти за него замужъ; больше ничего.

— Лордъ Лофтонъ сдѣлалъ тебѣ предложеніе?

— Да, онъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе; тебѣ кажется это невѣроятнымъ, не такъ ли? Ты не можешь даже вообразить себѣ такую вещь?

Люси опять встала, кровь бросилась ей въ лицо, при мысли о насмѣшкахъ и попрекахъ, которые могли бы на нее посыпаться, и которыми она сама себя осыпала.—А между тѣмъ это не сонъ, продолжала она:—мнѣ кажется, что онъ точно сдѣлалъ мнѣ предложеніе.

— Тебѣ *кажется*, Люси!

— Я даже въ томъ увѣрена.





# ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ

Однаго поля ягоды.

*Из науки о человеческомъ духѣ*, П. Юркевича, *Труды Киевской Духов-  
ной Академіи*. 1860. Книжка четвертая.

Французская литература. *L' Ouvrière* par Jules Simon. ЕВГЕНІЯ ВОН-  
МЕРА.

Врачебная помощь. А. И. ЗАБѢЛИНА.

Замѣтка.

Разрѣшеніе страннаго недоумѣнія.

**КНИЖКИ РУССКАГО ВѢСТНИКА** выходятъ ежемѣсячно; **СО-  
ВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ** еженедѣльно, по четвергамъ.

Подписка на *Русскій Вѣстникъ* и *Современную Лѣтопись* принимается

НА 1861 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ Конторѣ Типографіи Каткова и  
К<sup>о</sup>, въ Армянскомъ переулкѣ; въ книж-  
ной лавкѣ г. Базунова, на Страстномъ  
Бульварѣ, въ домѣ Загрязскаго, и у  
другихъ книгопродавцевъ Москвы.

Въ книжной лавкѣ г. Базунова, на  
Невскомъ Преспектѣ, въ домѣ Энгель-  
гардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ  
Петербурга.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника*,  
въ Москвѣ.

Цѣна за РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ и СОВРЕМЕННУЮ ЛѢТОПИСЬ въ Мо-  
сквѣ и С.-Петербургѣ ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ, съ пересылкой  
и доставкой на домъ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЬ  
КОПѢЕКЪ СЕРЕБРОМЪ. За книжки РУССКАГО ВѢСТНИКА безъ  
газеты СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ въ Москвѣ и Петербургѣ ДЕ-  
СЯТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ, съ пересылкой и до-  
ставкой на домъ ДВѢНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ. За газету СОВРЕМЕН-  
НАЯ ЛѢТОПИСЬ безъ книжекъ журнала въ Москвѣ и Петербургѣ  
ПЯТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ, съ пересылкой и до-  
ставкой СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.  
ромъ сего принимается подписка на второе полугодіе СОВРЕМЕН-  
НОЙ ЛѢТОПИСИ (26 номеровъ съ 1-го іюля по 31 декабря сего  
года; цѣна въ Москвѣ и Петербургѣ ТРИ РУБЛЯ ДВАДЦАТЬ  
ПЯТЬ КОПѢЕКЪ, съ пересылкой и доставкой ЧЕТЫРЕ РУБЛЯ  
СЕРЕБРОМЪ.

Граничные обращаются въ берлинскій почтамтъ. Цѣна за годовое изданіе  
*РУССКАГО ВѢСТНИКА* и *СОВРЕМЕННОЙ ЛѢТОПИСИ* съ пересылкой  
по все мѣста Нѣмецкаго Таможеннаго и Почтоваго Союза 22 талера  
3 грошей 3 пфеннига.

Печатать, дозволяется.

Іюня 19-го. Цензоръ А. Петровъ.

Цензоръ Н. Гиллровъ-Платоновъ.

# РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

511098

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЬ ТРЕТІЙ

1861

ІЮНЬ.

## СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—ВЕЩНЫЙ КРЕДИТЪ И ЗАКЛАДНОЕ ПРАВО. . . . . К. П. ПОБѢДНОСЦЕВА.
- II.—ИЗЪ ВРЕМЕНЪ РЕСТАВРАЦИИ ВЪ ИТАЛІИ. . . . . Д. И. ИЛОВАЙСКАГО.
- ✓ III.—БОЛЬШІЯ ОЖИДАНИЯ. Романъ Чарльза Диккенса. XXIX—XXXIX.
- IV.—ПОСЛѢДНЯЯ ЧАСТЬ ИСТОРИИ АНГЛІИ МАКОЛЕЯ. I.—II. . . . . К. К. АРСЕНЬЕВА.
- V.—РАСКАЯНИЕ. (Стихотвореніе.) I.—IV. . . . . Б. Н. АЛМАЗОВА.
- ✓ VI.—МАЧИХА. Повѣсть. IX—XIX. . . . . НОВИНСКОЙ.
- ✓ VII.—НЕДА. Разказъ. I—VII. . . . . Л. С. КАРАВЕЛОВА.
- VIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.  
(См. на оборотъ.)

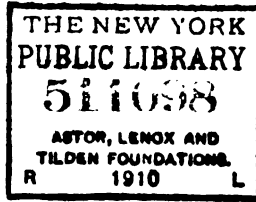
## ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- ✓ Фремлейскій приходъ. Романъ Треллопа. Переводъ съ англійскаго.  
Гл. XXVII—XXXIII.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К<sup>о</sup>.





# ВЕЩНЫЙ КРЕДИТЪ

И

# ЗАКЛАДНОЕ ПРАВО

I.

Всякое обязательство возлагаетъ на одну сторону обязанность выполнить его, а другой сторонѣ даетъ право требовать исполненія. Когда имѣетъ исполненія добровольнаго, производится исполненіе понудительное. По требованію стороны имѣющей право, признанному безспорнымъ, общественная власть обращаетъ имущество обязанной стороны на удовлетвореніе требованія. При совершеніи обязательства кредиторъ имѣетъ въ виду получить удовлетвореніе изъ всей массы имущества, принадлежащаго должнику, но еще не получаетъ твердаго, опредѣленнаго обезпеченія въ этомъ имуществѣ, на пріобрѣтаетъ на это имущество никакого права въ минуту заключенія обязательства. Право кредитора на имущество должника возникаетъ только тогда, когда, по предъявленіи требованія, общественная власть приступитъ къ этому имуществу и выдѣлитъ изъ него предметъ, коего цѣнность должна быть обращена на удовлетвореніе кредитора. Стало-

быть здѣсь право кредитора на *изъяснимое* имущество возникает не изъ самаго обязательства и требованія, а изъ приговора и распоряженія общественной власти, и во всякомъ случаѣ относится къ наличному имуществу должника, какое за нимъ окажется въ минуту взысканія, такъ что если бы въ эту минуту у него вовсе не оказалось имущества, то кредиторъ не за что вѣзаться; и не изъ чего требовать себѣ удовлетворенія. Онъ вѣрилъ личности должника и приобрѣлъ право на дѣйствіе его, а еще не на имущество. Въ такомъ случаѣ должникъ, выдавъ на себя обязательство, не стѣсняется этимъ въ отчужденіи своего имущества, и можетъ продать, уступить, подарить все, что было за нимъ въ минуту выдачи обязательства. Кредиторъ, при взысканіи, не будетъ имѣть никакого преимущества предъ другими подобными ему кредиторами должника, хотя бы обязательство, выданное ему, было старше другихъ по времени выдачи. У него и у другихъ будетъ одинаково неопредѣленное обезпеченіе всею массой имущества, какое найдется у должника въ минуту взысканія, и если должникъ окажется несостоятельнымъ, то всѣ кредиторы потерпятъ потерю въ одинаковой мѣрѣ. Таковы естественныя условія личнаго кредита; на нихъ основываетъ свои разчеты, надежды и опасенія займодавецъ, отдавая свои деньги займы подъ простое обязательство. Какъ бы ни казались исправны дѣла должника, какъ бы ни казалось надежно состояніе его имущества, займодавецъ по необходимости долженъ разчитывать на всякаго рода случайности, которымъ можетъ подвергнуться и лицо и имѣніе должника, пока придетъ срокъ уплаты, и потому займы такого рода, всегда болѣе или менѣ сопряженные со страхомъ, не могутъ быть долгосрочными. Притомъ рискъ, которому подвергается кредиторъ, простирается не на одинъ только *изъяснимый* періодъ времени между совершеніемъ обязательства и открытіемъ иска. Рискъ этотъ можетъ быть еще значительнѣе въ другомъ періодѣ, между открытіемъ иска и дѣйствительнымъ взысканіемъ. Этотъ рискъ будетъ слабѣе, когда кредиторъ можетъ ожидать себѣ скорого удовлетворенія отъ исполнительной власти, производящей взысканія, можетъ хотя съ приближенительною достовѣрностію разчитать время, въ теченіе котораго произведено будетъ, въ случаѣ нужды, понудительное взысканіе съ должника. Но когда, по несовершенству законовъ о взысканіи или по недостаткамъ въ меха-

ннѣмъ администраціи и ея органахъ, и по разнымъ другимъ причинамъ не возможно кредитору сдѣлать подобный разчетъ, тогда періодъ взысканія по обязательству становится для него особенно страшенъ своею неизвѣстностью, и въ этомъ именно періодъ приходится ему рисковать всякими случайностями, которыя могутъ постигнуть должника или его имущество, или могутъ подать должнику поводъ уклониться отъ взысканія. Отъ этихъ-то случайностей личный кредитъ дѣлается шаткимъ, невѣрнымъ кредитомъ, что сопряжено съ важными неудобствами и для должниковъ, и для кредиторовъ. Кто имѣетъ нужду въ деньгахъ, съ трудомъ находитъ ихъ, и получаетъ на короткіе сроки, за возвышенные проценты, ибо къ преміи за употребленіе капитала присоединяется еще премія за рискъ, сопряженный съ личнымъ кредитомъ. Кто имѣетъ капиталъ и желаетъ помѣстить его для того чтобы спокойно пользоваться процентами съ него, не имѣетъ возможности отдать его на продолжительный срокъ и съ трудомъ рѣшается довѣрить его личному кредиту даже на краткій срокъ, если по состоянію кредита слишкомъ великъ рискъ, съ нимъ соединенный.

Кредитъ между частными лицами никакъ не можетъ удовлетвориться столь не вѣрнымъ и неопредѣленнымъ положеніемъ. Для того чтобъ утвердить его на прочномъ основаніи, одно вѣрное средство—соединить долговое требованіе съ правомъ на вещь, на извѣстное имущество должника, соединить обязательство съ правомъ на залогъ. Посредствомъ этого обезпеченія право требовать удовлетворенія по обязательству получаетъ характеръ безусловности, свойственный вещнымъ правамъ: оно получаетъ свойственную вещнымъ правамъ силу отражать всякое притязаніе, не только должника, но и всѣхъ постороннихъ лицъ, къ имуществу, на которомъ лежитъ долговое требованіе. Кредиторъ, обезпеченный залогомъ, пользуется преимуществвомъ передъ другими кредиторами должника, исключаетъ ихъ изъ права на участіе въ имуществѣ заложенномъ, и можетъ захватить его у всякаго третьяго лица, въ чьи бы руки ни перешло оно по передачѣ отъ должника.

Первобытная форма залога у всѣхъ народовъ состояла въ дѣйствительной передачѣ имущества отъ должника кредитору, съ полными правами владѣльца. Такова была старинная римская *fiducia*. Должникъ передавалъ свое имущество кредитору въ той же строгой формѣ, въ какой передавалась собствен-

ность, отчуждалъ свое имущество, но отчуждалъ его на вѣрѣ, именно на той вѣрѣ, что кредиторъ возвратитъ ему имущество по уплатѣ долга: въ такомъ случаѣ имущество *ыкупалось*. Эта суровая форма залога смягчилась въ послѣдствіи тѣмъ, что съ установленіемъ права на залогъ стали соединять понятіе о переходѣ не собственности, а только владѣнія заложенымъ имуществомъ. Это владѣніе и пользованіе служило кредитору вмѣсто процентовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ служило средствомъ для понужденія должника къ скорѣйшей уплатѣ долга. Въ этой первоначальной формѣ право кредитора на залогъ весьма близко подходило къ праву собственности, и съ теченіемъ времени, при неисправности должника, могло, само собою или при содѣйствіи власти, обратиться въ право полной собственности.

Потомъ, съ развитіемъ юридическаго сознанія, появилась мысль, что для достиженія существенной цѣли залога, какъ обезпеченія, нѣтъ никакой нужды предоставлять заложное имущество въ дѣйствительное владѣніе кредитору, и что цѣль эта достигается установленіемъ прочнаго *вещнаго права* кредитору на недвижимое имущество должника. Цѣль этого права дать кредитору не собственность, не владѣніе, не пользованіе, а вѣрное обезпеченіе, независимое отъ правъ, которыя третье лицо могло бы предъявить на заложное имущество. На этомъ основаніи имущество, служа обезпеченіемъ кредитора, могло оставаться въ спокойномъ владѣніи у должника, который удерживалъ при себѣ право пользоваться всѣми матеріальными выгодами и всѣми экономическими силами имущества, лишь бы только отъ этого не уменьшалось обезпеченіе кредитора. Такова новая форма залога, извѣстная подъ названіемъ *ипотеки*.

Эта новая форма несравненно сложнѣе первой, требуетъ болѣе развитаго юридическаго сознанія, соотвѣтствуетъ высшему развитію экономическаго быта. Въ ней общество получаетъ лучшее, совершеннѣйшее орудіе кредита; за то и въ обращеніи съ этимъ орудіемъ требуется болѣе искусства, осторожности, разборчивости, технической ловкости приѣмовъ. Въ первой формѣ кредиторъ, вступая во владѣніе имуществомъ, могъ считать себя обезпеченнымъ вполне, безусловно, потому что имѣлъ у себя въ рукахъ залогъ, и зналъ навѣрное, что никому кромѣ его не принадлежитъ право на удовлетвореніе изъ заложенаго имуще-

ства. Въ послѣдней формѣ ничто не препятствовало должнику воспользоваться до послѣдней крайности всѣмъ кредитомъ своего имущества, обезпечить имъ другія свои обязательства, установить въ немъ право для другихъ лицъ, и притомъ такъ, что эти новыя права удобно могли быть скрыты отъ первоначальнаго кредитора. Это важное неудобство ипотеки особенно замѣтно было въ римскомъ правѣ. Ипотечное право у Римлянъ не предоставляло кредитору исполнѣ вѣрнаго обезпеченія, потому что не имѣло двухъ необходимыхъ качествъ: *спеціальности* и *гласности*. У Римлянъ понятіе объ ипотекахъ было искусственно расширено тѣмъ, что возможно было установить ипотеку на всемъ имуществѣ должника, что лишало кредиторовъ прочнаго обезпеченія. Имущество есть понятіе неопредѣленное, и масса его можетъ увеличиваться и уменьшаться съ теченіемъ времени; съ каждою такою переиѣной долженъ уменьшаться или увеличиваться предметъ залога, такъ что обезпеченіе кредитора существенно будетъ простирается только на тѣ предметы, которые застанетъ у должника взысканіе. А для того чтобъ обезпеченіе было надежно, оно должно простирается на извѣстное, опредѣленное имущество. Кроме того, по римскому праву, нѣкоторыя требованія считались привилегированными безусловно; инымъ лицамъ, по особымъ отношеніямъ ихъ къ должнику и по особому свойству требованія, римскій законъ, независимо отъ договора, придавалъ силу ипотечнаго права: это была такъ-называемая *законная*, тайная или безгласная ипотека. Вслѣдствіе того кредиторъ, при установленіи договорной ипотеки на имущество должника, не могъ быть увѣренъ, что этимъ самымъ имуществомъ не обезпечивается какое-нибудь другое безгласное требованіе, которое въ минуту удовлетворенія можетъ заявить себя, войти въ состязаніе съ его ипотечнымъ правомъ и даже получить передъ нимъ предпочтеніе.

Такіе недостатки были весьма ощутительны, но и эти положенія въ совокупности со всею системою римскаго права долго представлялись неприкосновенными положеніями западнымъ юристамъ, питавшимъ безусловное благоговѣніе къ римскому праву. Даже въ новѣйшее время, когда, при большемъ развитіи экономического быта, эти недостатки оказались на практикѣ рѣшительно вредными для кредита, законодательства съ большимъ трудомъ могли отрѣшиться отъ римскихъ



преданій; въ иныхъ мѣстахъ эти преданія и до сихъ поръ еще мѣшаютъ усовершенствованію ипотечной системы.

Между тѣмъ въ Германіи, независимо отъ римскихъ формъ, ипотечное право начало развиваться въ формахъ самобытныхъ, соответствовавшихъ именно тѣмъ качествамъ, которыя требуются для твердости этого права, то-есть спеціальности и гласности. Мы имѣли случай упоминать въ другомъ мѣстѣ<sup>1</sup> о старинномъ германскомъ обычаѣ совершать передъ судомъ сдѣлки о недвижимомъ имуществѣ; по этому обычаю, передъ судомъ же стали совершать и сдѣлки объ установленіи ипотеки на имущество. Объявленіе было сначала словесное, но мало-по-малу въ нѣкоторыхъ городахъ, когда, при усиленіи промышленности, увеличилась потребность утвердить и обезпечить гражданскія сдѣлки, стали вносить право залога на недвижимое имущество въ заведенныя при судахъ поземельныя книги (*ingrossatio*). Это вело къ оглашенію ипотечнаго права, и тѣмъ же утверждалась спеціальность его. Мѣстомъ записки служилъ тотъ судъ, въ вѣдомствѣ коего находилось имущество, и записка совершалась не по лицу, а по имуществу, такъ что, въ силу самой записки, права и обязательства утверждались не на лицѣ со всѣмъ его имуществомъ, а на известномъ имуществѣ лица. Такъ въ Германіи положено было начало развитію новой европейской ипотечной системы. Развитіе это, въ XVI столѣтіи, было надолго задержано искусственною теоріей ученыхъ романистовъ, но старыя германскія начала не заглохли. Законодательства, начиная съ XVIII столѣтія, стали понемногу возвращаться къ нимъ, и на этихъ-то здоровыхъ началахъ основаны теперь большею частію новѣйшія системы ипотечнаго права, дѣйствующія въ западной Европѣ.

Вотъ въ чемъ состоятъ главные основанія новѣйшаго ипотечнаго права, вообще признаваемые лучшими. Впервые, только тотъ уполномочивается къ установленію ипотеки на свое имущество, кто въ поземельной ипотечной книгѣ значится его владѣльцемъ. Только тѣ ипотеки считаются дѣйствительными, которыя записаны въ этой книгѣ. Это начало не вездѣ признано въ одинаковой силѣ, но строгое признаніе его необходимо для утвержденія поземельнаго кредита на

<sup>1</sup> См. *Русск. Вѣстн.* 1860, №№ 13 и 14, статью: *Приобрѣтеніе собственности и поземельныя книги.*

прочныхъ основаніяхъ. Только при этомъ условіи прекращается неопредѣленность ипотечнаго права и предупреждается возможность безгласному праву получать предпочтеніе передъ правомъ оглашеннымъ, записаннымъ. Вслѣдствіе того, тамъ, гдѣ вышеуказанное правило строго соблюдается, преимущество одного закладнаго права передъ другимъ зависитъ исключительно отъ времени записки. Что записано ранѣе, то и пользуется преимуществомъ: и потечное право, устанавливаемое закономъ, и законная привилегія подчиняются тому же правилу. Въ вторыхъ, всякое требованіе, обеспечиваемое залогомъ, должно быть по возможности опредѣлено извѣстною суммой. Въ третьихъ, предметомъ ипотеки должно служить всегда извѣстное, опредѣленное имущество должника, а никакъ не совокупность всѣхъ имуществъ, которыя принадлежать ему или могутъ еще дойти къ нему въ послѣдствіи. Въ четвертыхъ, законодательства стремятся по возможности облегчить и упростить установленіе закладнаго права, освободить его отъ стѣснительныхъ формъ. Главнымъ основаніемъ ипотеки считается соглашеніе сторонъ, которое должно быть записано въ судебномъ протоколѣ, по письменному или словесному объявленію, передъ судомъ сдѣланному; а всѣ возраженія и споры, могущіе возникнуть со стороны третьихъ лицъ, разбираются тутъ же, сокращеннымъ порядкомъ. Въ пятыхъ, весьма важнымъ предметомъ для вещнаго кредита считается всевозможное уменьшеніе издержекъ и пошлинъ, соединенныхъ съ ипотечными обрядностями. Опытомъ дознано, что эти издержки ложатся всегда на владѣльца: хотя бы законъ, желая облегчить заемщика, относилъ свои сборы на кредитора, сборы эти непременно падутъ, хотя косвеннымъ образомъ, на должника и подѣйствуютъ на возвышеніе долговаго процента. Въ шестыхъ, при понудительномъ взысканіи долговъ, обеспеченныхъ залогомъ, *каждое цѣльное имѣніе*, значащееся на одномъ листѣ поземельной книги, непременно должно составлять *совершенно отдѣльную массу*, изъ которой, въ послѣдовательномъ порядкѣ, получаютъ удовлетвореніе всѣ кредиторы, коихъ право записано на этомъ имѣніи. Всякое уклоненіе отъ этого правила уничтожаетъ прочность обезпеченія.

Главнѣйшее различіе ипотечныхъ системъ зависитъ отъ большей или меньшей строгости въ примѣненіи вышеуказанныхъ началъ къ установленію и дѣйствию закладнаго права. Но есть еще другое различіе,—въ системѣ записки. Многія

законодательства, именно почти всѣ германскія, предоставляють судѣ или органу правительственной власти значительное участіе въ установленіи ипотеки. Законъ ставитъ ему въ обязанность наблюдать за охраненіемъ общихъ государственныхъ началъ поземельнаго кредита, за тѣмъ, чтобы цѣнность закладнаго права не превышала цѣнности имущества, которое служить предметомъ залога; на него возлагается предварительная повѣрка правъ залогодателя и даже повѣрка правильности и законности сдѣлки, заключаемой сторонами, или даваемого обязательства. Естественно, что при дѣйствіи такой системы значительно усложняется механизмъ записки и устройство официальныхъ ея органовъ. По другой системѣ, принятой во французскомъ законодательствѣ, законъ предоставляетъ самимъ сторонамъ наблюдать за охраненіемъ своихъ интересовъ, а на чиновника возлагаетъ только наблюденіе за подлинностію и внѣшнею правильностію сдѣлки.

Прусское законодательство первое подало примѣръ систематическаго изложенія законовъ объ ипотекахъ на германскихъ началахъ публичности и спеціальности. Прусскимъ положеніемъ объ ипотекахъ открывается рядъ законодательныхъ преобразованій и усовершенствованій ипотечнаго права. Но прусская система оказалась въ послѣдствіи недостаточною во многихъ отношеніяхъ, особенно по крайней сложности механизма, ею установленнаго. Ее далеко уже опередили новыя системы, принятыя въ другихъ германскихъ государствахъ. Одна изъ лучшихъ системъ, если не самая лучшая, для большаго государства, — система австрійская. Напротивъ, самую несовершенную и недостаточную для обезпеченія кредита по справедливости считается французская система. Французскій кодексъ держится также началъ спеціальности и гласности ипотеки, но эти начала проведены въ немъ весьма непослѣдовательно. На ряду съ правами, оглашенными и записанными, французскій законъ признаетъ множество правъ безгласныхъ и не записанныхъ, внезапно появляющихся при удовлетвореніи ипотечнаго права и входящихъ съ нимъ въ состязаніе или вовсе его устраняющихъ. Таковы такъ-называемыя привилегіи и законныя ипотеки, вовсе не подлежащія запискѣ и оглашенію (законная ипотека жены на имущество мужа, состоящихъ подъ опекою — на имущество опекуна и пр.). Но кромѣ законной ипотеки по правилу, составляющему особенность французскаго закона, допускается еще *судебная* ипотека: вся-

кій судебный приговоръ, присуждающій взысканіе по какому бы то ни было требованію (и еще не только присуждающій, но просто подтверждающій дѣйствительность акта), самъ по себѣ производитъ ипотеку, которую заинтересованное лицо имѣетъ право предъявить къ запискѣ, такъ что и простой кредиторъ или претендентъ, вовсе не имѣющій права на залогъ, силою судебного приговора, утверждающаго его требованіе, становится въ разрядъ кредиторовъ, имѣющихъ право залога по договору, прежде записанному въ книгѣ. Это учрежденіе судебной ипотеки составляетъ самый важный недостатокъ французской системы: оно положительно вредитъ кредиту между частными лицами и вовсе несогласно съ необходимою для закладнаго права спеціальностію, потому что судебная ипотека, такъ же какъ и законная, простирается не на извѣстное имущество обязаннаго лица, а на все его имущество въ совокупности, настоящее и будущее.

## II.

Право залога образовалось поздно въ нашемъ законодательствѣ. Это совершенно согласно съ господствовавшимъ въ древнемъ рускомъ быту понятіемъ о личной отвѣтственности должника передъ займодавцемъ. Въ силу этого понятія, должникъ, и вообще лицо, обязанное къ дѣйствию, отвѣчали по обязательству прежде всего своею личностію, и потомъ уже своимъ имуществомъ. Понятіе это впрочемъ не исключительно національное, свойственное только русскому быту. Оно свойственно всякому не развитому гражданскому быту. Оно господствовало и въ древнемъ Римѣ, и тамъ согласовалось съ сущностію обязательства, какъ личнаго отношенія, въ которомъ одному лицу предоставляется власть надъ другимъ. Власть эта въ началѣ была дѣйствительною властью, покуда не пришли къ сознанію, что обязательствомъ предоставляется только власть надъ извѣстнымъ *дѣйствіемъ* лица; потомъ, что возможно осуществить это право на *дѣйствіе* лица въ правѣ на его *имущество*.

Поэтому не удивительно, что въ своей исторіи до самаго XVIII столѣтія мы повсюду встрѣчаемъ понятіе о *личной отвѣтственности* за требованіе *по имуществу*: оно крѣпко еще

держалось у насъ въ то время какъ на Западѣ, съ развитіемъ гражданскаго быта и подъ вліяніемъ развитой римской теоріи, это понятіе давно уже отжило свою пору. «Долгъ лежитъ на всемъ имуществѣ должника; взысканіе производится изъ должникава имуществва,»—такое правило кажется намъ теперь просто и ясно, подобно аксіомѣ; но оно могло у насъ выработаться только исторически. Оно вовсе не предполагалось въ старинномъ быту нашихъ предковъ и не было выражено въ старинномъ нашемъ законодательствѣ. Пожалуй и въ то время можно было еще подразумѣвать непосредственную отвѣтственность движимаго имущества за долгъ владѣльца, потому что движимость—имущество свободное; но относительно недвижности эта непосредственная отвѣтственность имущества и потому уже не могла предполагаться сама собою, что въ недвижимомъ еще не было признано и признано полное право собственности владѣльца. Оттого мы видимъ, что у насъ еще въ исходѣ XVII столѣтія главнымъ средствомъ для удовлетворенія взысканій было обращеніе ихъ не на имущество должника, а на личность его, то-есть *правельсь*. Въ такомъ видѣ право кредитора и истца съ одной стороны представляется полнымъ, рѣзкимъ, опредѣлительнымъ правомъ, какъ власть надъ личностью должника или отвѣтчика; за то съ другой стороны представляется вовсе не обезпеченнымъ въ матеріальномъ отношеніи, въ томъ именно, что должно составлять существенную цѣль всякаго взысканія. Понятно, что кредиторъ желалъ большаго обезпеченія, и достигалъ его посредствомъ частнаго договора съ должникомъ, договора, по которому кредитору предоставлялось исключительное право на вещь или на имущество. Старинное юридическое воззрѣніе еще не въ состояніи было отдѣлить понятіе о *правѣ на чужую вещь* отъ понятія о *владѣніи и собственности*, и потому не удивительно, что право на обезпеченіе вещью почти не отдѣлялось отъ права на владѣніе вещью.

Въ ряду вещныхъ обезпеченій исторія наша прежде всего представляетъ намъ обезпеченіе свободою должника. Здѣсь мы видимъ полнѣйшее сліяніе личнаго права съ вещнымъ, потому что и личность должника уподобилась вещи, и вещное право осуществлялось въ правѣ на личность. О такихъ договорахъ упоминаетъ уже Русская Правда (закупы). Отсюда въ послѣдствіи произошли закладни или закладчины, отсюда кабальное холопство, отсюда удовлетвореніе долга посредствомъ отдачи

въ заживъ и послѣдній видъ ея—отдача въ публичныя работы, прекратившаяся уже въ XVIII столѣтїи. Это право закладывать себя за долгъ было въ большомъ употребленїи, особенно, кажется, въ XVII столѣтїи, и ограничивалось только правомъ, которое само государство предъявляло на личность служилыхъ и тяглыхъ людей, принадлежавшихъ не себѣ исключительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ особенности, принадлежавшихъ государству. Потомъ, около XV столѣтїя появляются акты, изъ которыхъ видно, что кредиторъ старается установить прямую связь между своимъ требованїемъ и имуществомъ должника: съ этою цѣлью въ заемныхъ актахъ должникъ означаетъ все состоящее за нимъ имущество или часть его, признавая отвѣтственность имуществомъ въ вѣрной уплатѣ долга (въ сребрѣ и въ ростѣ съ дворомъ одинъ человекъ); или выговаривается, что извѣстное имущество должника служить *порукую* въ исправномъ платежѣ денегъ. Въ подобныхъ актахъ не выражается еще опредѣленнаго права на *залогъ*: прямая цѣль ихъ—отнести удовлетворенїе долга на имущество должника, указать на несостоятельность заемщика или на имущество, служащее порукую въ исправности заемщика. Но право залога выражается и опредѣлительно въ тѣхъ актахъ, въ которыхъ именно обозначено, что извѣстное имущество должника отдается въ обезпеченїе долга. Такими актами стороны сами устанавливали для себя правило взаимныхъ отношенїй, независимо отъ земскаго закона. Но съ XVI столѣтїя появляются и первые указы о *залогѣ* и юридическихъ его послѣдствїяхъ.

Съ установленїемъ залога и у насъ вначалѣ передавалось залогодержателю владѣнїе заложенымъ имуществомъ. Покуда еще не было сознанїа о различїи между владѣнїемъ и собственностью, *залогъ* сближался съ дѣйствительнымъ отчужденїемъ имущества. Между кредиторомъ и должникомъ возникало отношенїе, въ силу коего первый долженъ былъ возвратить послѣднему имущество въ случаѣ исправной уплаты долга, такъ что эта уплата получала значенїе *выкупа*. Съ владѣнїемъ къ залогодержателю переходило и пользованїе залогомъ, свободное, свойственное полному владѣльцу. Даже распоряженїе заложенымъ имуществомъ, отчужденїе его не противорѣчило праву залога: юридическое сознанїе еще не дошло до понятїа о *залогѣ* какъ о правѣ на чужую вещь; и потому заложненное имущество не состояло у кредитора подъ *запрещенїемъ*. Съ проорочкою долга имущество заложненное станови-

лось полнымъ достоинствомъ кредитора, и выкупъ его допускался развѣ для родственниковъ, по родовому праву. Закладная, если не было выговорено противнаго, обращалась по просрочкѣ въ купчую, то-есть заложенное имущество записывалось за кредиторомъ въ книгахъ помѣстного приказа.

Такимъ представляется старинный типъ русскаго права на залогъ. Не прежде XVIII столѣтія, именно въ 1737 году законодательство наше высказываетъ другое, новое понятіе о залогѣ, какъ о средствѣ *обезпеченія* долга, должнствующемъ служить только для этой цѣли. Закладную не велѣно уже обращать въ купчую. Заложенное имущество, по просрочкѣ, продается съ публичнаго торга, при чемъ залогодателю дается льготный срокъ для выкупа, а залогодержателю при торгахъ предоставляется только право преимущественной покупки и удержанія за собою имущества въ искъ, когда условія торга для него невыгодны. По этому новому понятію, владѣніе заложеннымъ имуществомъ само по себѣ не можетъ превратиться въ собственность; залогъ не есть отчужденіе вотчиннаго права, а допускаетъ только возможность отчужденія въ послѣдствіи; является понятіе о залогѣ какъ о правѣ на чужую вещь и о *запрещеніи* заложеннаго имущества. Но это новое понятіе о залогѣ появилось не надолго. При Елисаветѣ, въ 1744 году, восстановлено было прежнее право залога, дѣйствовавшее въ эпоху Уложения. Новая система окончательно утвердилась въ нашемъ законодательствѣ не прежде 1800 года, съ изданіемъ Банкротскаго устава, и существенныя правила этой системы остаются въ дѣйствіи до нашего времени.

Нынѣ дѣйствующее законодательство о правѣ залога носитъ еще на себѣ слѣды своего историческаго происхожденія: въ немъ еще видна необходимая связь между залогомъ и отчужденіемъ имущества.

Въ залогъ можетъ быть отдаваемо только имущество, принадлежащее владѣльцу на правѣ собственности, хотя бы оно не состояло въ дѣйствительномъ владѣніи залогодателя, хотя бы было у него спорнымъ: въ послѣднемъ случаѣ въ закладной помѣщается условіе объ *очисткѣ* вотчиннаго права. Но цѣлое имущество, отдаваемое въ залогъ, непременно должно состоять въ свободномъ *распоряженіи* у залогодателя; оно должно быть свободное, на немъ не должно лежать ничье другое вещное право. Признакомъ этого права служитъ запрещеніе, лежащее на немъ, и потому на немъ, состоящее

подъ запрещеніемъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть совершена закладная. Еслибъ это случилось, то остается въ силѣ то вещное право, по которому ранѣе наложено запрещеніе, а последующій залогъ уничтожается, хотя и не уничтожается вмѣстѣ съ тѣмъ самое обязательство, которое обезпечивалось залогомъ. Если даже не было запрещенія на имѣніи, но существовала закладная на имѣніе, заложенное въ послѣдствіи въ другія руки, то остается въ силѣ одна первая закладная, а последующая уничтожается. Залогу подлежитъ только цѣльное имѣніе или такая часть его, которая можетъ быть отдѣлена. Имущество, не подлежащее раздробленію при отчужденіи, не подлежитъ раздробленію и при залогѣ, ибо въ залогъ предполагается отчужденіе.

Въ такомъ *цѣльномъ* видѣ заложенное имущество служить обезпеченіемъ долга. Хотя бы заложено было въ однѣ руки и по одному акту нѣсколько отдѣльныхъ имѣній, но каждое цѣльное имѣніе должно соответствовать одному только определенному и цѣльному требованію, и потому въ актѣ непременно должно быть означено, какая часть долга и какая именно сумма лежитъ на каждомъ имѣніи. Законъ нашъ не допускаетъ между частными лицами нѣсколько совмѣстныхъ правъ, обезпеченныхъ однимъ и тѣмъ же имѣніемъ, и потому имѣніе, заложенное въ однѣ руки, не можетъ быть заложено въ другія, даже съ согласія перваго залогодержателя, хотя бы цѣнность имѣнія превышала количество долга первому залогодержателю. Въ закладныхъ между частными лицами правило это безусловно: только по обязательствамъ и договорамъ съ казною, по подрядамъ и поставкамъ допускается въ одномъ и томъ же вѣдомствѣ принимать имѣніе по копіи съ свидѣтельства, въ свободной части его цѣнности, обезпеченіемъ другой операціи. Для установленія залога между частными лицами непременно требуется совершеніе крѣпостнаго акта — закладной, такъ какъ съ залогомъ необходимо соединяется понятіе объ отчужденіи имущества или объ ограниченіи права собственности. Но крѣпостныя пошлины взыскиваются не при совершеніи акта, а при продажѣ имущества, если она по просрочкѣ послѣдуетъ. Въслѣдъ за совершеніемъ закладной налагается запрещеніе на заложенное имѣніе.

Залогомъ устанавливается исключительное право кредитора на заложенное имѣніе, хотя оно не переходитъ къ нему и не перестаетъ, въ отношеніи къ нему, быть *чуждымъ* имѣніемъ.



Кредиторъ, получающій это право, называется *залогодержателемъ* и долженъ быть, по состоянію своему, *способенъ владѣть имуществомъ*, которое принимаетъ въ залогъ; а владѣлецъ-собственникъ имѣнія называется *залогодателемъ*. Залогъ обыкновенно соединяется съ обязательствомъ личнымъ, и потому между сторонами устанавливается вслѣдствіе залога двойное отношеніе: одно—по поводу главнаго обязательства, другое—по поводу имѣнія, которое служить обезпеченіемъ по обязательству. Какъ скоро залогодержатель пріобрѣлъ право на заложенное имущество, то съ тѣмъ вмѣстѣ право залогодателя-собственника въ распоряженіи этимъ имуществомъ пріостанавливается. Онъ уже не можетъ ни передать, ни продать это имущество безъ воли залогодержателя и въ нарушеніе интересовъ его. Онъ не въ правѣ и заложить это имущество въ другія руки, *даже и съ согласія залогодержателя*. При существованіи запрещенія, лежащаго на имѣніи въ пользу одного лица, ни одна палата не совершить на то же имѣніе закладной въ пользу другаго лица, хотя бы даже первый залогодержатель изъявилъ на то согласіе: для этого необходимо сначала погасить первую закладную и снять съ имѣнія первое запрещеніе. Съ наложеніемъ запрещенія на имѣніе, владѣніе залогодателя остается неприкосновеннымъ; залогодержатель не имѣетъ права ни участвовать во владѣніи залогодателя, ни требовать отъ него добросовѣстности во владѣніи и отчетности по владѣнію; онъ получаетъ право только въ мѣру запрещенія, то-есть право возражать противъ такихъ дѣйствій залогодателя, которыя противорѣчатъ сущности запрещенія, клонятся къ отчужденію или раздробленію имѣнія. До той минуты, когда откроется залогодержателю право иска по главному обязательству, то-есть когда, по просрочкѣ, закладная представлена будетъ ко взысканію, нашъ законъ не даетъ залогодержателю права возражать противъ дѣйствій залогодателя, относящихся къ владѣнію и пользованію имѣніемъ. Пріобрѣтая на этомъ основаніи вещное право на заложенное имущество, залогодержатель принимаетъ на себя и *страхъ* по имуществу, подобно тому какъ принимаетъ его на себя покупатель съ полученіемъ крѣпостнаго акта отъ продавца. И потому, если заложенное имущество раззорится или сгоритъ, отъ случайныхъ событій, залогодержатель долженъ нести на себѣ ущербъ въ обезпеченіи и не въ правѣ требовать отъ залогодателя, чтобъ онъ представилъ ему въ обезпеченіе другое свое имущество. Поэтому, когда бы владѣ-

дѣлецъ прекратилъ страхованіе своего имущества; залогодержатель, если не было особаго условія, не въ правѣ принудить его къ возобновленію страхованія, но можетъ самъ возобновить его на свой счетъ, если захочетъ. Залогодержатель не можетъ передать свое право, посредствомъ надписи на закладной, лицу постороннему, подобно тому какъ вотчинникъ не можетъ передать свое вотчинное право по надписи на купчей. Когда бы на такую передачу послѣдовало согласіе залогодателя, она можетъ совершиться не иначе какъ посредствомъ погашенія прежняго права и установленія новаго въ формѣ новой закладной. Споръ по закладной разбирается не исковымъ порядкомъ, какъ претензіи по обязательству, а вотчиннымъ, какъ споръ о вотчинномъ правѣ.

Съ прекращеніемъ главнаго обязательства прекращается и право залога, коимъ оно было обезпечено. Но одного платежа, окончательно погашающаго обязательство, еще недостаточно для уничтоженія права, соединеннаго съ залогомъ. Здѣсь еще недостаточно заплатить долгъ: надобно разрѣшить вещное право, снять запрещеніе съ имѣнія. Для этого закладная съ платежною надписью займодавца представляется въ присутственное мѣсто, которое съ своей стороны полагаетъ на ней надпись и дѣлаетъ распоряженіе о напечатаніи разрѣшительнаго объявленія.

Въ осуществленіи права на залогъ также есть особенности, указывающія на историческое его значеніе. Когда, вълѣдствіе неисполненія главнаго обязательства, закладная представляется ко взысканію, имѣніе прежде всего отдается залогодержателю во временное владѣніе. Это владѣніе важно тѣмъ, что посредствомъ его немедленно осуществляется вещное право залога. Но это владѣніе неполное и несвободное; прямая цѣль его доставить кредитору пользованіе, вмѣсто процентовъ, доходами съ имущества, пользованіе, соединенное съ управленіемъ и подчиненное отвѣтственности передъ собственникомъ-залогодателемъ за цѣлость имѣнія. Временный владѣлецъ принимаетъ имѣніе не иначе какъ *по описи* и даетъ подписку, что станетъ владѣть имъ какъ доброму хозяину свойственно. Онъ не въ правѣ налагать новые сборы, не долженъ присваивать ничего, что принадлежитъ къ цѣлости имѣнія, не долженъ повреждать угодьевъ и хозяйственныхъ заведеній. На этихъ условіяхъ текущіе доходы съ имѣнія поступаютъ въ безотчетную собственность залогодержателя и не зачитаются ему въ

число капитальной суммы. Если же залогодержатель не может или не хочет принять имѣніе въ свое владѣніе, оно оставляется у залогодателя, но также не на полномъ правѣ, не въ безотчетномъ владѣніи, а на отчетности, по описи, съ обязанностію не нарушать цѣлости имѣнія.

Со времени явки закладной ко взысканію цѣлаго долга, взысканіе это (кроме случаевъ общей несостоятельности должника) отсрочивается на годъ, чтобы дать залогодателю время прислать средства къ выкупу имѣнія погашеніемъ долга, для чего онъ можетъ войти въ сдѣлку съ третьимъ лицомъ о вольной продажѣ или о залогѣ этого имѣнія. Если самъ должникъ въ теченіе года не выкупилъ имѣнія, то родовое имѣніе можетъ быть выкуплено родственниками его, когда другихъ взысканій, кроме закладной, на немъ не открылось. Однако для этого выкупа родственники не пользуются новою отсрочкой, но по истеченіи года должно быть приступлено безъ отлагательства къ мѣрамъ взысканія. Для этого заложенное имѣніе вновь описывается съ оцѣнкою, и, смотря по этой оцѣнкѣ, назначается въ продажу или все имѣніе, или часть его, равная суммѣ долга, по оцѣнкѣ,—разумѣется, если эта часть можетъ быть отдѣлена отъ цѣлаго имѣнія. По продажѣ съ публичнаго торга, изъ вырученной суммы удовлетворяется весь долгъ по закладной, а остатокъ возвращается залогодателю. Но еслибы все заложенное имущество по цѣнѣ своей оказалось недостаточно для удовлетворенія долга, то залогодержатель обязанъ довольствоваться тѣмъ, что есть, и не имѣетъ права требовать дополнительнаго удовлетворенія изъ прочаго имущества должника. Удовлетвореніе производится исключительно изъ заложеннаго имѣнія, а не изъ какого-либо другаго.

Залогодержатель имѣетъ право самъ участвовать въ торгѣ, и если имѣніе съ торговъ останется за нимъ, то представляетъ къ платежу свою закладную, которая принимается вмѣсто наличныхъ денегъ, всею полностью, безъ всякаго разчета, хотя бы имѣлись въ виду и другія взысканія на залогодателя. Когда вовсе не явилось желающихъ торговаться на имѣніе, оно окончательно утверждается за залогодержателемъ, въ полное его удовлетвореніе, безъ выкупа. Но если въ продажу поступила, соразмѣрно оцѣнкѣ, только часть заложеннаго имѣнія, то, въ случаѣ неявки желающихъ торговаться, залогодержатель можетъ просить или объ утвержденіи за нимъ этой части въ искъ, или о назначеніи въ продажу всего заложен-

наго имѣнія въ полномъ его составѣ. Во всякомъ случаѣ, закладной принадлежитъ всегдашнее, безусловное преимущество, такъ что и при общей несостоятельности должника заложенное имущество его не поступаетъ въ массу, подлежащую раздѣлу между кредиторами, но продается особо на исключительное удовлетвореніе залогодержателя, а въ массу обращается только то, что останется за окончательнымъ и полнымъ его удовлетвореніемъ; впрочемъ конкурсу принадлежитъ въ такомъ случаѣ право выкупа.

### III.

Наше закладное право отличается своею опредѣлительностью и исключительностью. Между предметомъ залога и требованіемъ, которое имъ обеспечено, образуется прямое, цѣльное, простое, единое отношеніе, такъ что право залога при осуществленіи своемъ рѣшительно никакому иному праву не подчиняется и ни съ какимъ другимъ правомъ не входитъ въ состязаніе. Оттого у насъ между частными лицами невозможна конкуренція залоговъ или вещныхъ правъ, лежащихъ на одномъ и томъ же имѣніи. На всемъ имуществѣ лица, чье имѣніе состоитъ въ залогъ по закладной, можетъ лежать запрещеніе въ обеспеченіе другаго признаннаго взысканія, и это запрещеніе въ нашемъ законѣ соответствуетъ ипотекѣ, лежащей на всемъ имѣніи должника или отвѣтчика; но у насъ это общее обеспеченіе взысканія запрещеніемъ не вступаетъ въ состязаніе съ особеннымъ закладнымъ правомъ и не можетъ его нарушить; еслибы, по какому-либо случаю, запрещеніе—безъ залога—лежало на томъ самомъ имѣніи, которое уже состоитъ въ залогъ по закладной, прежде совершенной, то и здѣсь простое запрещеніе безусловно уступаетъ закладной. Нашему законодательству вовсе чуждо и такъ-называемое *законное* скрытое право залога (*hypothèque légale*): наше право залога должно быть непременно гласное, и гдѣ нѣтъ запрещенія, тамъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть и права на залогъ. При несостоятельности должника и при ликвидаціи массы его имущества, нашъ законъ допускаетъ нѣкоторыя привилегированныя требованія (напримѣръ церковныя деньги, казенныя недоимки, капиталы малолѣтнихъ, жалованье слугамъ и пр.); но

вся привилегія ограничивается здѣсь тѣмъ, что требованія эти удовлетворяются прежде всего изъ *конкурсной массы*; а заложенное недвижимое имущество ни въ какомъ случаѣ не причисляется къ массѣ прежде окончательнаго и полнаго удовлетворенія залогодержателя.

Эти положительные качества нашего залоговаго права несомнѣнны; намъ слѣдуетъ тѣмъ болѣе дорожить ими, чѣмъ яснѣе раскрывается передъ нами неразвитость нашего экономическаго быта, при тѣхъ фактическихъ условіяхъ, посреди которыхъ мы живемъ и которыхъ ни наука, ни законодательство не могутъ измѣнить прежде времени по своему произволу. Опытъ долженъ научить насъ, что законодательныя формы въ данную минуту представляются совершенными не сами по себѣ, не въ той только мѣрѣ, въ какой соотвѣтствуютъ отвлеченнымъ началамъ, добытымъ посредствомъ внутренняго анализа науки, а въ той мѣрѣ, въ какой соотвѣтствуютъ условіямъ и потребностямъ дѣйствительнаго быта среды, къ которой прилагаются. Вся мудрость законодателя состоитъ въ томъ, чтобы понять, что въ данную минуту требуется для общества по его состоянію, и какую форму можетъ вынести общество въ данное время при фактическихъ условіяхъ своего быта. Развитой бытъ требуетъ болѣе развитыхъ формъ, болѣе тонкихъ орудій; напротивъ, къ неразвитому быту всего удобнѣе прилагаются простыя отношенія, простыя орудія и формы; здѣсь можетъ-быть орудія грубыя, лишь бы были просты и соотвѣтствовали основной потребности, способнѣе удовлетворить ей, чѣмъ сложныя и тонкія орудія, которыми нельзя еще дѣйствовать, до тѣхъ поръ пока общество не вошло въ новую пору развитія своего экономическаго быта. Въ особенности объ орудіяхъ и формахъ кредита нельзя судить только отвлеченно, безъ тщательнаго соображенія съ условіями дѣйствительнаго экономическаго быта. Всего менѣе, кажется, у насъ въ Россіи слѣдуетъ увлекаться въ этомъ отношеніи пріемами отвлеченнаго мышленія и теоретическаго доктринерства; потому что нѣтъ въ цѣломъ мірѣ страны, гдѣ фактическія условія быта были бы столь разнообразны, такъ мало изслѣдованы, и представляли бы столько затрудненій къ изслѣдованію. Въ нашу пору пробудилось повсюду живое желаніе дѣйствовать путемъ сознанія и пристуипть къ сознательному преобразованію многихъ законныхъ формъ и порядковъ, кажушихся устарѣлыми и дѣйствительно обветшавшихъ во многихъ

отношеніяхъ. Но приступая добросовѣстно къ сознательной перестройкѣ учреждений, мы должны, если понимаемъ всю важность задачи, убѣдиться въ томъ, изъ какихъ разнообразныхъ элементовъ должно сложиться наше сознание, если хочеть быть сознаниемъ яснымъ, полнымъ, твердымъ, самоувереннымъ и строить на прочномъ основаніи,—убѣдиться, сколько свѣдѣній слѣдуетъ еще приобрести намъ о дѣйствительности, для того чтобы въ данномъ мѣстѣ, въ данное время, при данныхъ условіяхъ дѣйствовать сознательно. Въ такомъ положеніи, осматриваясь вокругъ себя съ намѣреніемъ исправить и улучшить существующія формы, мы обязываемся прежде всего изучить и вполне уразумѣть существующее, старое. Тѣ учреждения и формы, которыя есть у насъ, образовались не произвольно и не даромъ: ихъ вывела исторія; главнымъ дѣятелемъ въ образованіи каждаго учрежденія, возникшаго изъ среды народной жизни, непремѣнно была *безсознательная, органическая потребность* общества, выразившаяся въ ту или другую историческую пору установленіемъ той или другой формы, признанной или освященной историческимъ законодательствомъ. Оставить безъ вниманія это историческое зерно каждаго учрежденія было бы крайне неблагоразумно, тѣмъ болѣе потому, что, отрѣшившись вовсе отъ исторической почвы, мы чувствуемъ какъ мало еще способны, независимо отъ *безсознательнаго историческаго элемента*, обнять своимъ сознаниемъ условія современнаго быта, условія, которыхъ корни глубоко лежатъ во всей народной исторіи.

Эти соображенія прилагаются вполне и къ вопросу о преобразованіи формъ нашего закладнаго права. Мы старались выше указать на положительныя качества этихъ формъ. Есть въ нихъ и отрицательныя качества, есть важные недостатки, которые слѣдуетъ (въ томъ нѣтъ сомнѣнія) исправить въ видахъ улучшенія кредита, явно требующаго улучшеній. Но главный вопросъ нашъ въ томъ, что въ эту пору должно быть признано за дѣйствительный недостатокъ, препятствующій поземельному кредиту у насъ достигать своей основной цѣли, при существующихъ условіяхъ нашего экономическаго быта? Стоитъ перейти эти границы вопроса, стоитъ поставить его въ отвлеченномъ видѣ: что требуется, какія формы кредита должно признать совершеннѣйшими для того чтобы кредитъ въ государствѣ могъ развиваться до крайнихъ своихъ предѣловъ?—и мы ступимъ уже на невѣрную дорогу. Въ вообра-

женіи нашемъ легко можетъ составиться планъ совершеннѣйшей системы, картина желаннаго общественнаго благосостоянія, представляется цѣлые разряды воображаемыхъ цѣнностей, можетъ-быть не существующихъ на самомъ дѣлѣ, воображаемыя выгоды и богатства, которыя слѣдуетъ привлечь къ себѣ, воображаемыя неудобства и опасности, съ которыми мы намѣрены бороться; словомъ сказать, подъ вліяніемъ отвлеченной теоріи кредита и горячаго желанія расширить и утвердить его наилучшимъ образомъ, можетъ составиться не дѣйствительный, а фантастическій образъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ мы станемъ строить свое зданіе.

Такъ, приступая къ вопросу о нашемъ закладномъ правѣ съ формальной стороны, мы замѣчаемъ въ немъ несовершенство именно въ томъ отношеніи, что оно не дозволяетъ ни должнику, ни займодавцу воспользоваться всѣми экономическими силами имущества, не дозволяетъ развиваться всему экономическому значенію залога. Предѣлы нашего закладнаго права слишкомъ тѣсны. Владѣлецъ имущества можетъ извлечь изъ него лишь неполную долю того кредита, который могъ бы извлечь, еслибы право залога было обширнѣе. Заложивъ имущество въ опредѣленной суммѣ одному лицу, онъ уже не можетъ подъ залогъ того же имущества взять деньги у другаго лица. Этотъ недостатокъ дѣйствительно существуетъ, и исправить его вовсе не трудно. Для этого законодателю не было бы даже нужды входить въ пространныя и сложныя соображенія и взвѣшивать поводы за перемѣну и противъ перемѣны; потому что въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ только о расширеніи формы залога, съ тѣмъ чтобы въ предѣлахъ этой формы предоставить свободное дѣйствіе договорному началу. Ничто не препятствуетъ законодателю признать относительно закладной общее начало свободнаго соглашенія сторонъ въ дѣлѣ взаимнаго кредита. Нѣтъ никакого повода стѣснять кредитора, когда онъ соглашается дать взаимы деньги подъ залогъ имѣнія, уже прежде принятаго въ обезпеченіе другимъ кредиторомъ: отъ него зависитъ разчесть, достаточно ли цѣнность закладываемаго имѣнія для того, чтобы вынести то и другое право вмѣстѣ. Закону предстоитъ изъ различныхъ формъ закладнаго права выбрать такую, которая бы не затрудняла сдѣлокъ, а облегчала ихъ по возможности, и соединить съ каждою сдѣлкой такую гласность, которая ограждала бы право третьяго лица, не участвующаго въ сдѣлкѣ, отъ

возможныхъ нарушеній. Для этого нѣтъ нужды касаться самой сущности нашего закладнаго права: оно имѣетъ, какъ указано выше, такія качества, которыми нельзя не дорожить,—опредѣлительность, цѣльность, исключительность.

Ни для кого не новость, что частный кредитъ у насъ въ жалкомъ положеніи. Не говоримъ о личномъ кредитѣ,—кому неизвѣстно, что у насъ, съ одной стороны, огромныя суммы довѣряются иногда зря, безъ всякой гарантіи, мотамъ и спекулянтамъ-промышленникамъ всякаго рода, съ другой стороны, человѣкъ въ нуждѣ едва съ большимъ трудомъ успѣваетъ добыть небольшую сумму на самое производительное употребленіе? Обратимся въ особенности къ тому кредиту, который основывается на обезпеченіи въ недвижимомъ имуществѣ. Достоверно, что въ настоящую пору закладную у насъ вообще перестали уже считать прочнымъ обезпеченіемъ долга, тогда какъ еще не такъ давно деньги давались охотно подъ залогъ недвижимаго имущества. У насъ, какъ и вездѣ, для кредита между частными лицами особенно важны не большіе капиталисты, которые ведутъ оборотъ своимъ капиталами, а маленькіе капиталисты, которые ищутъ своимъ суммамъ вѣрнаго помѣщенія, разчитывая на спокойное ежегодное полученіе процентовъ. Справедливость требуетъ признать, что число такихъ людей, довѣрившихъ свои капиталы частному кредиту, никогда не было у насъ значительно: большинство предпочитало довѣрять свои капиталы кредитнымъ учрежденіямъ; и никакъ не слѣдуетъ осуждать большинство въ томъ, что оно довольствовалось незначительными процентами; оно не обманывалось въ своихъ интересахъ, потому что, дѣйствительно, единственно вѣрное помѣщеніе своимъ капиталамъ люди этого разряда могли найти только въ кредитныхъ установленіяхъ. Впрочемъ и эти люди, когда представлялся случай отдать капиталъ за 8—10 процентовъ подъ вѣрный залогъ и, особенно, *вѣрному, исправному* человѣку, не колебались вынимать свои капиталы изъ опекунскаго совѣта и довѣрять подъ закладную. Но въ послѣдніе годы это уже весьма рѣдко случается: мелкіе капиталисты не довѣряютъ закладной и предпочитаютъ покупать на свои деньги государственныя процентныя бумаги, такъ какъ не выгодно уже по-прежнему оставлять ихъ для обращенія въ опекунскомъ совѣтѣ. Большіе капиталисты и ростовщики соглашаются отдавать свои деньги подъ закладную лишь подъ условіемъ допол-



нительнаго обезпеченія или возвышенной преміи: требуется, кромѣ залога, поручительство, требуются условія о неустойкѣ, безгласные проценты за употребленіе капитала непомерно возвышаются. Но подъ закладъ движимости, или ручной закладъ, деньги доверяются охотно, даже съ уменьшеніемъ процента, несмотря на то, что, по нашему закону, право кредитора на ручной закладъ далеко не пользуется тою исключительностію, на случай несостоятельности должника, какая присвоена залого въ недвижимомъ имѣніи.

Вотъ явленіе, въ достовѣрности котораго нельзя сомнѣваться: частный кредитъ не доверяетъ нашей закладной. Это явленіе весьма знаменательно и заслуживаетъ вполне, чтобы законодатель обратилъ на него особенное вниманіе. Причины этого явленія слѣдуетъ искать въ несовершенствѣ нашего закладнаго права, въ несовершенствѣ другихъ частей нашего законодательства, въ несовершенствѣ механизма исполнительной власти и наконецъ въ фактическихъ условіяхъ нашего экономическаго быта. Но, думаемъ, ошибся бы тотъ, кто, обративъ исключительное вниманіе на ту или другую категорію причинъ, въ ней только захотѣлъ бы видѣть источникъ зла, и съ этой исключительной точки зрѣнія сталъ бы приписывать средство къ его исправленію: тогда выводъ оказался бы на столько же одностороннимъ и стало-быть безуспѣшнымъ, на сколько односторонне было изслѣдованіе.

Именно въ эту ошибку впадаютъ, кажется намъ, тѣ, которые указываютъ въ особенности на несовершенство формъ нашего закладнаго права и думаютъ, что со введеніемъ новыхъ, улучшенныхъ формъ, дѣйствующихъ съ успѣхомъ при другой юридической и фактической обстановкѣ, нашъ кредитъ тоже непременно долженъ двинуться быстрыми шагами къ улучшенію. Часто случается слышать, что требуютъ у насъ немедленнаго введенія ипотечной системы на современныхъ, чужимъ опытомъ испробованныхъ началахъ, и, касаясь слегка всего остальнаго, въ одномъ этомъ преобразованіи видятъ какое то универсальное лѣкарство для большаго кредита. »Намъ слѣдуетъ, говорятъ они, прежде всего разстаться съ обветшалыми формами своего закладнаго права: покуда эти формы остаются еще въ дѣйствіи, невозможны никакія улучшения кредита.» Взглядъ, очевидно, односторонній и поспѣшный. Странно было бы ставить понятіе о кредитѣ въ такую необходимую связь съ формой закладнаго права: кредитъ складывается изъ

множества разнообразнѣйшихъ элементовъ, и форма въ числѣ ихъ составляетъ только одно звено, и притомъ далеко не самое значительное. Кредиторъ, довѣря свои деньги должнику, разчитываетъ на вѣрность ежегодныхъ платежей, на вѣрность, удобство и скорость обратнаго полученія капитала: чѣмъ тверже эта увѣренность, тѣмъ легче разстается онъ съ деньгами, и тѣмъ умѣреннѣе предлагаетъ условія, и наоборотъ. Въ этотъ разчетъ кредитора входитъ множество соображеній, касающихся и до личности должника и до имущества; кредиторъ беретъ въ соображеніе и цѣнность имущества, принимаемаго въ залогъ, и общую цѣнность имуществъ извѣстнаго рода, и тѣ обстоятельства, которыя имѣютъ вліяніе на измѣненіе цѣнности, и существующіе законы о понудительномъ взысканіи, и образъ дѣйствія исполнительныхъ властей, всѣ случайности и проволочки судебного производства, и всѣ тѣ издержки какъ безспорнаго, такъ и спорнаго производства, безъ которыхъ обойтись нельзя просителю и которыхъ иногда не съ кого и не изъ чего возмѣстить, и мало ли сколько еще соображеній представляется въ эту минуту капиталисту, отдающему займы деньги: все это разнообразные элементы кредита, и въ числѣ ихъ соображенія о формѣ залладнаго права входятъ лишь на столько, на сколько съ формой связана прочность, дѣйствительность, осуществимость самаго права.

Попытаемся теперь, на сколько позволяютъ предѣлы статьи, указать главнѣйшія фактическія и юридическія условія, отъ которыхъ зависятъ кредитъ, соединяемый у насъ съ залладною.

Замѣтимъ прежде всего, что, говоря о вещномъ кредитѣ, о залогѣ въ особенности, едва ли слѣдуетъ забывать о личномъ кредитѣ и о необходимыхъ его условіяхъ. Въ залладной кредиторъ безъ сомнѣнія вѣрить преимущественно имѣнію должника, но не исключительно вѣрить одному имѣнію: во многихъ случаяхъ, и при залогѣ, рѣшимость кредитора довѣрить свой капиталъ опредѣляется въ особенности соображеніями, относящимися къ личности должника. Имѣніе должника ручается кредитору въ томъ, что будетъ пзъ чего взыскать долгъ, *когда доидеть дѣло до взысканія*. Но этого еще недостаточно. Кредиторъ, когда бы зналъ, что ему придется взыскивать и хлопотать о взысканіи, можетъ-быть не рѣшился бы ни подъ какой залогъ отдать свои деньги. Ростовщику свойственно предвидѣть понудительное взысканіе и даже разчитывать на возмож-

ность такого выисканія; въ обыкновенномъ же порядкѣ, добросовѣстный кредиторъ, отдавая деньги, хочетъ надѣяться и вѣрить, что дѣло не дойдетъ до такой крайности, и лишь на случай этой крайности обезпечиваетъ себя известнымъ имѣніемъ. Но прежде всего онъ хочетъ быть увѣреннымъ, что должникъ, во первыхъ, станетъ исправно платить ему ежегодные проценты, не дожидаясь просьбы и понужденія; во вторыхъ, въ назначенный срокъ возвратитъ ему капиталъ, если по общему согласію договоръ не будетъ возобновленъ. Эта увѣренность нисколько не зависитъ отъ вещнаго кредита; напротивъ, она зависитъ исключительно отъ личнаго кредита, отъ довѣрія къ лицу; здѣсь даже, когда кредитору приходится разчитывать *состоятельность* должника, онъ обращаетъ вниманіе не столько на цѣнность имѣнія, принимаемаго въ залогъ, сколько на общее положеніе дѣлъ должника, на общій кредитъ, которымъ должникъ пользуется, на характеръ его и образъ жизни, на довѣренность и оборотливость его въ дѣлахъ своего званія и т. под. Эти соображенія въ большей части случаевъ приводятъ кредитора къ окончательному рѣшенію, и потому-то многіе справедливо замѣчаютъ, что не у насъ только, но и повсюду, даже тамъ, гдѣ вещный, поземельный кредитъ находится въ исправности и достигъ замѣчательнаго развитія, и тамъ въ заключеніи кредитныхъ сдѣлокъ личному кредиту, а не вещному, принадлежитъ первое мѣсто и преимущественное значеніе. Обратимся теперь къ фактическимъ условіямъ нашего быта, и увидимъ, что, независимо отъ какой бы то ни было формы и законнаго опредѣленія, условія эти, вообще неблагоприятны для личнаго кредита, въ послѣднее время стали у насъ особенно неблагоприятны, вслѣдствіе разныхъ, можетъ-быть временныхъ и случайныхъ, обстоятельствъ. Нѣтъ нужды много распространяться объ этомъ предметѣ: кому не известно, что въ настоящую пору въ каждомъ сословіи, и между землевладѣльцами въ особенности, у насъ не много лицъ, на состоятельность коихъ можно было бы вполне положиться, и въ особенности мало ихъ между тѣми, кто имѣетъ особенную нѣжду въ кредитъ? Кому не известно, что именно въ классѣ землевладѣльческаго капитала едва ли не чаще затрачиваются у насъ не производительно чѣмъ производительно, что немногіе окрѣпли въ привычкѣ разчитывать расходы по своимъ средствамъ, что самое движеніе къ промышленной дѣятельности и къ предпріятіямъ разнаго рода, возбужденное

въ послѣднее время выше мѣры, способностей и средствъ, оказалось во многихъ случаяхъ погубно для частнаго кредита, наконецъ, что всеобщее ожиданіе разнаго рода перемѣнъ и преобразованій, о сущности и о значеніи которыхъ распространялись, при отсутствіи полной гласности, самыя смутныя понятія и неопредѣленные толки, самое это ожиданіе ослабляло и ослабляетъ еще въ каждомъ, при мысли о будущемъ, ту увѣренность въ своихъ и чужихъ средствахъ, которая составляетъ главное основаніе частнаго кредита? Неудивительно, что при такихъ условіяхъ взаимное довѣріе къ состоятельности ослабѣваетъ и займы между частными людьми, даже и подъ залогъ недвижимыхъ имѣній, затрудняются. Главный источникъ всѣхъ этихъ затрудненій—въ экономическомъ бытѣ общества, и потому одно улучшеніе формъ закладнаго права никакъ не устранитъ затрудненій; а радикальная перемѣна всей системы закладнаго права, можетъ-быть, на первое время даже прибавитъ къ числу прежнихъ затрудненій еще и новое.

Но оставимъ личный кредитъ и перейдемъ къ вещному. Принимая въ залогъ недвижимое имущество, кредиторъ имѣетъ въ виду получить вѣрное средство къ осуществленію своего права, ко взысканію долга. Для этого онъ разчитываетъ цѣнность имѣнія, принимаемаго въ залогъ. Отъ вѣрности такого разчета зависитъ мѣра кредита и твердость его; а вѣрность разчета зависитъ тоже отъ множества разнообразнѣйшихъ условій экономическаго быта. Если экономическій бытъ общества развитъ до такой степени, что найдено твердое, постоянное, вѣрное мѣрило, посредствомъ котораго было бы возможно опредѣлить постоянную, по крайней мѣрѣ не ниже известной нормы, цѣнность недвижимаго имѣнія, вещному кредиту есть на что опереться, есть куда расширяться. Тогда кредиторы имѣютъ возможность принять известную цѣнность имѣнія за прочное основаніе и за вѣрную мѣру кредита, который можетъ на себѣ вынести имѣніе. Тогда они могутъ, довѣряя подъ это имѣніе, одинъ послѣ другаго, свои капиталы, положиться на вѣрность обезпеченія, до тѣхъ поръ пока цѣнность эта не будетъ исчерпана всѣми лежащими на немъ ипотеками. Если же ипотечная система состоитъ въ связи съ системою вотчинной транскрипціи и поземельной кадастраціи, такъ что кредитору становится весьма удобно получать вѣрныя свѣдѣнія и о подлинности вотчиннаго права, принадлежащаго должнику, и о цѣнности предлагаемаго въ

залогъ имѣнія, въ такомъ случаѣ можно сказать, что есть основныя условія поземельнаго кредита, есть на чемъ утвердить и развивать его. Затѣмъ законодательству остается по возможности усовершенствовать, то-есть упростить, облегчить и удешевить формы установленія и осуществленія закладнаго права: при такихъ фактическихъ условіяхъ кредита дѣйствительно форма закладнаго права получаетъ важное и рѣшительное значеніе, становится дѣломъ важной заботы для законодателя.

У насъ пока нѣтъ еще вѣрнаго, твердаго мѣрила, по которому можно было бы опредѣлить цѣнность недвижимыхъ имѣній, и быть его не можетъ при тѣхъ условіяхъ экономическаго быта, въ которыхъ мы находимся; нѣтъ средства опредѣлить эту цѣнность во всѣхъ случаяхъ, даже съ приблизительною вѣрностію; удостовѣреніе въ подлинности вотчиннаго права залогодателя соединено съ затрудненіями, часто непреодолимыми, и съ хлопотами, на которыя рѣшится рѣдкій изъ кредиторовъ. Покуда цѣнность недвижимыхъ имѣній будетъ у насъ такая же шаткая и разнообразная, какая существуетъ теперь, нечего и разчитывать на расширеніе поземельнаго кредита до предѣловъ всей возможной цѣнности имѣнія. Мы видимъ теперь на дѣлѣ, что, въ самыхъ населенныхъ и промышленныхъ мѣстностяхъ, кредиторъ, въ виду предлагаемаго ему въ залогъ имѣнія, не рѣшается сдѣлать заемщику кредитъ въ мѣру даже несомнѣнной цѣнности, но уменьшаетъ его до половины или до трети этой цѣнности, заботится только о томъ, чтобъ имѣніе какъ можно болѣе превышало свою цѣностію сумму долга, и возвысивъ эту пропорцію до послѣдней крайности, и тутъ не всегда считаетъ себя вполне обеспеченнымъ. Но пространство нашего государства огромное, и въ каждой части его особыя условія экономическаго быта, особые элементы входятъ въ опредѣленіе цѣнности, а вѣрнаго, надежнаго мѣрила для того нигдѣ еще не имѣется. Какъ же долженъ затрудниться расчетъ кредитора, когда сдѣлка его съ заемщикомъ происходитъ въ значительномъ отдаленіи отъ самаго имѣнія, предлагаемаго въ обезпеченіе долга? Кредиторъ не рѣшится принять на себя трудъ и издержку для поѣздки въ имѣніе, да и некогда ѣздить, потому что, когда деньги нужны, заемщику ждать некогда, и дѣло, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для заемщика, то-есть при особенной смѣлости кредитора, оканчивается на томъ, что кредитъ заемщику дѣлается

едва на половину или на треть гуртовой, поверхностной оцѣнки имѣнія. И требованіе кредитора въ этомъ случаѣ нельзя считать притязательнымъ: осторожность его вовсе не излишняя; понятіе его о кредитѣ, которое иная теорія приписала бы пожалуй невѣжеству и неразвитости, въ сущности вѣрно какъ нельзя болѣе. Онъ не хочетъ рисковать своими деньгами. Нѣтъ ему возможности узнать навѣрное, откуда начинается рискъ его и гдѣ оканчивается. И онъ выбираетъ такія условія, при которыхъ рискъ уменьшается для него до послѣдней крайности. При такихъ условіяхъ конечно трудно разчитывать на возможность для должника расширить кредитъ имѣнія до того, чтобъ имъ возможно было обезпечить нѣсколько долговъ, до крайней его цѣнности. Законодательная мѣра, дозволяющая устанавливать нѣсколько закладныхъ обезпеченій въ одномъ и томъ же имѣніи, безъ сомнѣнія нужна для расширенія законной свободы должника и заемщика; но не слѣдуетъ забывать, что такую мѣрой дается только орудіе кредита, никакъ не болѣе. Кредитъ не въ этомъ орудіи заключается, а въ экономическихъ условіяхъ быта, не имѣющихъ даже причинной связи съ орудіями и формами кредита. Этимъ орудіемъ кредитъ воспользуется, если оно потребуется для него. Оно потребуется непременно, какъ только установится прочная, надежная цѣнность недвижимыхъ имѣній, когда достаточно оживится въ нашемъ обществѣ обращеніе цѣнностей, происходящихъ отъ живаго соотношенія между трудомъ, промышленностію и капиталомъ.

Однако и этого одного еще недостаточно. Конечный результатъ закладной сдѣлки—осуществленіе закладнаго права, и на это-то осуществленіе разчитываетъ въ особенности кредиторъ. Если онъ можетъ надѣяться, что, по наступленіи срока и въ случаѣ надобности, получить отъ понудительной власти скорое удовлетвореніе изъ заложеннаго имѣнія, онъ охотно доверитъ свой капиталъ заимщику и не потребуетъ процентовъ выше того размѣра, который на денежномъ рынкѣ обыкновенно платится за употребленіе капитала. Но если напротивъ оказывается, что, въ случаѣ нужды, отъ понудительной власти невозможно получить скорое удовлетвореніе, если каждое взысканіе сопряжено съ продолжительнымъ и сложнымъ производствомъ, если въ этомъ производствѣ самъ законъ поставилъ столько сроковъ и формальностей, что неопытный кредиторъ на каждомъ шагу можетъ попасться въ ловушку,

а недобросовѣстный должникъ на всякомъ шагѣ получаетъ предлогъ предъявить споръ, сдѣлать возраженіе, обвинить въ упущеніи кредитора или присутственное мѣсто и тѣмъ обезсилить или отдалить всякую исполнительную мѣру, если вдобавокъ къ тому каждый шагъ кредитора, каждое движеніе дѣла должны быть куплены гласными и безгласными издержками, за которыя, даже въ случаѣ благопріятнаго результата, не съ кого требовать вознагражденія, въ такомъ случаѣ не трудно представить себѣ, каковъ долженъ быть расчетъ кредитора въ ту минуту, когда должникъ, покуда еще робкій, смиренный и повидимому добросовѣстный, приходитъ къ нему просить денегъ подъ залогъ имѣнія. Нисколько не удивительно будетъ, если кредиторъ, разчитавъ въ такую минуту весь огромный рискъ, сопряженный со взысканіемъ, потребуетъ отъ должника процента, превосходящаго всякое вѣроятіе, и сверхъ того, кромѣ залога, потребуетъ еще дополнительнаго обезпеченія. Такъ и поступаютъ у насъ кредиторы въ настоящую минуту, и все-таки обманываются иногда въ своихъ расчетахъ. Рискъ, сопряженный со взысканіемъ, въ совокупности съ рисками всякаго рода, сдѣлался у насъ такъ необъятенъ, что мало уже оставляетъ мѣста надеждъ воротить свои деньги и вознаградить возможные издержки и хлопоты, и оттого многіе, несмотря ни на какую мѣру процента, несмотря ни на какія дополнительныя обезпеченія, предлагаемыя должникомъ, рѣшаются давать займы не иначе, какъ подъ ручной закладъ.

#### IV.

Итакъ вотъ на чтò предстоитъ у насъ законодателю обратить особое вниманіе и направить особенную заботу,—на усовершеніе системы взысканій по обязательствамъ, и въ особенности, на порядокъ взысканія по закладнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ этомъ отношеніи законодатель можетъ встрѣтиться съ препятствіями, которыя преодолѣть не въ его власти; но, по крайней мѣрѣ, все, чтò зависить отъ него, должно быть сдѣлано для облегченія вещнаго кредита.

Посмотримъ на положеніе кредитора-залогодержателя съ той минуты какъ претензія его открывается ко взысканію, и онъ

предъявляетъ свое требованіе. Существенный интересъ добросовѣстнаго кредитора состоитъ въ томъ, чтобы получить какъ можно скорѣе капиталъ свой съ слѣдующими процентами: для добросовѣстнаго кредитора владѣніе заложеннымъ имуществомъ кажется только лишнею тягостью, тѣмъ болѣе что это владѣніе кратковременное, невѣрное, соединенное съ отчетностью: надо принимать имѣніе, управлять имъ, изыскивать и собирать доходы съ него, принимать на себя хлопоты и заботы. Напротивъ, кредитору недобросовѣстному выгодно получить имѣніе, хотя бы въ кратковременное пользование, для того чтобы выжать изъ него все что можно выжать, не оставляя формальныхъ слѣдовъ раззоренія и расхищенія. Поэтому передача имѣнія во владѣніе залогодержателя только на первый взглядъ кажется практически выгоднымъ средствомъ удовлетворенія: это средство соответствовало цѣли и могло быть дѣйствительно выгодно тогда, когда владѣніе залогодержателя могло само по себѣ превратиться въ собственность, и заладная могла сдѣлаться купчею: теперь временное владѣніе не имѣетъ важнаго значенія, потому что вслѣдъ за нимъ, едва только новый владѣлецъ успѣетъ ознакомиться съ экономіей имущества, это имущество должно поступить въ публичную продажу.

Однакожь, пока не настала еще пора дѣйствительнаго взысканія, и это временное владѣніе могло бы служить залогодержателю хотя нѣкоторымъ средствомъ удовлетворенія, и побуждало бы должника къ скорѣйшей уплатѣ, когда бы передача имущества кредитору совершалась просто и скоро слѣдовала за представленіемъ заладной ко взысканію. Законъ требуетъ, чтобы передача происходила съ описью, и для этой описи сокращаетъ нѣкоторыя формальности (32 ст. уст. суд. гр.); но и за всѣмъ тѣмъ необходимымъ формальностей остается еще столько, что должнику очень возможно оттянуть опись имѣнія, и стало-быть передачу его кредитору, до того времени, когда проходить уже годовою срокъ для принятія мѣръ къ дѣйствительному взысканію. Поэтому, кредитору вовсе не легко, когда бы пожелалъ, получить заложенное имѣніе во временное владѣніе: здѣсь неизбѣжно во всякомъ случаѣ хожденіе по дѣлу, соединенное съ хлопотами и издержками.

Когда истекъ годовою срокъ со времени представленія заладной ко взысканію, имѣніе *снова* описывается, хотя бы и было описано прежде для отдачи во временное владѣніе. Эта опись соединяется съ оцѣнкой, и потому требуетъ еще болѣе слож-



наго производства. Покуда не началась опись, одни формальности вызова могутъ занять болѣе полугода; затѣмъ для самаго производства описи самъ законъ указываетъ срокъ — не *далѣе* четырехъ мѣсяцевъ; слѣдовательно, кто желаетъ бы затануть опись до четырехъ мѣсяцевъ, тотъ можетъ сослаться на букву закона въ свое извиненіе: вотъ уже десять мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ возможно, не выходя изъ формы законной, растагивать производство объ описи имѣнія. Хожденіе кредитора необходимо здѣсь, если онъ хочетъ сколько-нибудь подвинуть дѣло и наблюдать за охраненіемъ своихъ интересовъ. Оконченная опись представляется на разсмотрѣніе того мѣста, отъ котораго послѣдовало предписаніе объ описи; но и тутъ еще кредиторъ можетъ обмануться въ надеждѣ на скорое назначеніе имѣнія въ продажу. Ему предстоитъ со страхомъ начинать новое хожденіе въ другомъ мѣстѣ. Опись можетъ еще быть найдена неисправною, или по указаніямъ должника на пропуски и упущенія, или по усмотрѣнію присутственнаго мѣста. Упущенія чиновниковъ въ означеніи всѣхъ, указанныхъ закономъ, подробностей и принадлежностей имѣнія—дѣло самое обыкновенное, но каждое изъ такихъ упущеній можетъ быть поводомъ къ признанію описи неисправною. Это значить, что опись можетъ быть отослана обратно для исправленія; правда, законъ угрожаетъ виновнымъ въ упущеніи или взысканіемъ издержекъ новой описи, или, въ важныхъ случаяхъ, удаленіемъ отъ должностей. Но и то, и другое взысканіе рѣдко достигаетъ своей цѣли: когда чиновникъ рѣшается съ намѣреніемъ, по сдѣлкѣ съ должникомъ, оставить въ описи недостатокъ, для того чтобы ее признали неисправною; тогда, въ силу этой же сдѣлки, онъ выговариваетъ себѣ вознагражденіе и за всѣ издержки производства. А удаленіе чиновниковъ отъ должности за упущенія по описямъ — такая рѣдкость, о которой почти не слышно, и естественно почему: потому что въ кругу должностныхъ лицъ, изъ которыхъ каждое повинно въ частыхъ нарушеніяхъ формы законной, отвѣтственность за каждое отдѣльное нарушеніе становится мертвою буквой, или поражаетъ виновнаго случайно, какъ поражаетъ иногда и невиннаго.

Случается иногда, что описи не одинъ и не два раза возвращаются къ исправленію: въ исправленіи проходятъ для кредитора цѣлые мѣсяцы напраснаго ожиданія. Наконецъ опись готова,—начинается производство о продажѣ. Должно еще по-

слѣдовать опредѣленіе присутственнаго мѣста о назначеніи имѣнія въ продажу. Присутственное мѣсто, по оцѣнкѣ имѣнія, можетъ еще отдѣлать для продажи нѣкоторую часть его, равную суммѣ долга. Должны быть произведены вызовы къ торгамъ, составлено объявленіе и отослано для печатанія и публикаціи куда слѣдуетъ. Недвижимыя имущества могутъ быть назначены въ продажу не во всякое время, а въ одинъ изъ двухъ срочныхъ періодовъ, опредѣляемыхъ на каждый годъ особымъ росписаніемъ.

Лишь съ наступленіемъ торговаго дня кредиторъ получаетъ надежду на скорое окончаніе своего хожденія, потому что, при неувѣкѣ желающихъ торговаться, имѣніе не назначается уже въ новую продажу, и поступаетъ къ искъ залогодержателю. Правда, и здѣсь возможны случайности, но и при нихъ можно сказать, что уже близко окончаніе производства. Какъ бы, впрочемъ, ни кончилось оно, отдачею ли имѣнія въ искъ залогодержателю, удовлетвореніемъ ли изъ суммы, вырученной за проданное имѣніе, во всякомъ случаѣ кредиторъ никакъ не можетъ разчестъ впередъ, получить ли онъ полную цѣнность интереса, соединеннаго со взысканіемъ, или потерпитъ явный убытокъ. То, кажется, достовѣрно, что ловкій, проницательный, неразборчивый на средства кредиторъ, что человекъ, промышленяющій отдачею денегъ въ займы, остается большею частью въ выгодѣ по окончаніи сложнаго производства о взысканіи: такіе кредиторы иногда стараются еще запутать производствo для своей же выгоды. Такому кредитору не рѣдко удается извлечь огромную выгоду, несоразмѣрную съ суммою взысканія, изъ временнаго владѣнія заложенымъ имѣніемъ, владѣнія, котораго онъ добивается, или изъ обращенія въ искъ заложенаго имѣнія, для чего онъ всячески старается уменьшить его оцѣнку и отбить отъ него покупателейъ. Напротивъ, кредиторъ добросовѣстный, и тотъ, кто не можетъ или не хочетъ имѣть постоянное хожденіе за дѣломъ по всѣмъ мытарствамъ, черезъ которыя оно проходитъ, и обезпечивать себѣ заранѣе, всѣми правдами и неправдами, вознагражденіе за убытки и хлопоты, такой кредиторъ, котораго въ особенности должно имѣть въ виду законодательство о кредитѣ, весьма часто, если не большею частію, остается въ убыткѣ по окончаніи производства. При самомъ счастливомъ исходѣ дѣла онъ получитъ лишь капиталъ свой съ процентами. Но кто вознаградитъ ему его трудъ, хлопоты, хожденіе, потерю времени и всѣ издержки продолжительнаго про-

изводства? Ему не съ кого требовать вознагражденія, да когда бы и было съ кого, нѣтъ возможности выставить и доказать самую значительную часть безгласныхъ издержекъ, даже нѣтъ возможности учесть тотъ ущербъ экономической и нравственной силы, который необходимо соединяется съ тратой времени и хожденіемъ по дѣлу для человѣка, у котораго хожденіе по дѣламъ не составляетъ привычнаго занятія.

Гдѣ же слѣдуетъ искать причинъ этого, поистинѣ плачевнаго состоянія, въ которое вступаетъ у насъ кредиторъ, производящій взысканіе? Мы думаемъ, что это бѣдственное положеніе кредита нашего зависить не отъ одной и не отъ двухъ-трехъ причинъ, а отъ многихъ обстоятельствъ, связанныхъ съ цѣлымъ бытомъ нашимъ. Несправедливо поступилъ бы тотъ, кто, указавъ на одну изъ этихъ причинъ, сталъ бы доказывать, что отъ нея именно все зло происходитъ. Поставляемъ однако указать на главнѣйшія изъ этихъ причинъ.

Прежде всего, въ видахъ общаго блага, которое самъ законъ ставитъ себѣ единственною цѣлью, не слѣдуетъ умалчивать о недостаткахъ существующаго законодательства о взысканіяхъ по долговымъ обязательствамъ вообще, и въ особенности по закладнымъ, которыя мы имѣемъ въ предметъ. Правила взысканія должны быть таковы, чтобы съ одной стороны ограждалось ими вполнѣ право кредитора, съ другой, чтобы суровая строгость къ должнику не переходила той черты, на которой справедливость сходитъ съ насиліемъ. Но во всякомъ случаѣ первая забота закона должна быть объ огражденіи кредитора, ибо законные интересы его—интересы собственности, а огражденія собственности нераздѣльно связаны съ внутреннею безопасностію и внутреннимъ благосостояніемъ самаго государства. Основное начало порядка въ мірѣ, какъ нравственномъ, такъ и политическомъ, состоитъ въ томъ, что *каждый несетъ на себѣ отвѣтственность за свои дѣянія и обязательства*. Во всемъ, что относится до нарушенія частнаго права, первый долгъ государства обезпечить эту отвѣтственность, устроить такъ, чтобы эта отвѣтственность была не празднымъ словомъ, не мертвою буквой, *не случайнымъ явленіемъ, а необходимостью*. Если этого нѣтъ, нѣтъ порядка ни въ управленіи, ни въ отношеніяхъ между гражданами, такъ что въ этомъ смыслѣ безначаліемъ или анархіей должно признавать не отсутствіе властей въ государствѣ, а *ослабленіе по-*

нствѣ объ отвѣтственности, хотя бы и при существованіи всѣхъ высшихъ органовъ власти.

Нельзя сказать, по совѣсти, чтобъ у насъ въ кредитныхъ отношеніяхъ между частными лицами это сознание личнаго долга и личной отвѣтственности было достаточно твердо. Напротивъ, оно, къ сожалѣнію, слишкомъ мало развито въ нашемъ обществѣ, и едва ли мы ошибемся, когда скажемъ, что ослабленіе его особенно стало замѣтно въ послѣдніе годы, именно въ отношеніяхъ между кредиторами и должниками. Это ослабленіе находится, между прочимъ, въ связи съ ослабленіемъ законодательства нашего относительно взысканія съ неисправныхъ должниковъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что во время изданія банкротскаго устава, то-есть въ началѣ текущаго столѣтія, законъ былъ гораздо строже къ неисправному должнику чѣмъ теперь. Правда, что въ то время не было еще издано подробныхъ правилъ о взысканіи съ имѣнія должниковъ, и что, отчасти вслѣдствіе неопредѣлительности закона, отчасти вслѣдствіе безпорядковъ и бездѣйствія мѣстныхъ исполнительныхъ властей, много было проволочки и злоупотребленій при взысканіяхъ, не только къ ущербу кредиторовъ, но и къ обидѣ должниковъ. Оказалась необходимость издать подробныя правила объ описи, оцѣнкѣ и продажѣ имѣній. Правила эти были изданы, какъ извѣстно, въ 1832 году. При всемъ своемъ несовершенствѣ, это положеніе было однакоже направлено преимущественно къ огражденію кредитора и, надобно сказать правду, ограждало интересы его болѣе чѣмъ они ограждены теперь. На многіе вопросы, возникавшіе при взысканіи, оно не давало прямаго разрѣшенія, но, по духу своему и основному направленію, предоставляло судебнымъ мѣстамъ возможность разрѣшать спорные вопросы въ интересахъ кредита и къ огражденію кредиторовъ. Въ 1849 году положеніе это замѣнено было новымъ. Главнымъ, но не единственнымъ поводомъ къ перемѣнѣ было намѣреніе устранить нѣкоторыя неудобства, соединенныя съ изданнымъ незадолго передъ тѣмъ указомъ 1848 года, которымъ предоставлялось помѣщичьимъ крестьянамъ право выкупа при торгахъ. При томъ замѣчено было, что, при дѣйствіи прежнихъ правилъ, имѣнія, подвергавшіяся публичной продажѣ, часто оцѣнивались и продавались за безцѣнокъ; наконецъ, въ виду законодательства было—установленіемъ новыхъ формальностей и сроковъ предупредить умноженіе жалобъ по дѣламъ объ описи и про-

дажѣ. Однимъ словомъ, въ новомъ положеніи ясно вырази-лось намѣреніе *оградить права и выгоды землевладельцевъ*, то-есть должниковъ, коихъ имѣнія предназначались для описи и продажи; къ этому направлены были главнѣйшія его по-становленія, и съ этою цѣлью установлены новые льготные сроки, въ теченіе которыхъ должникамъ предоставлялось освободить имѣніе отъ продажи, какъ-то установленъ шестимѣсяч-ный срокъ для явки къ описи, прежній шестимѣсячный срокъ для взысканія по закладнымъ распространенъ до одного году, положено не продавать имѣніе, а брать его въ опеку, когда можно, заключить, что претензія будетъ погашена двухлѣт-нимъ доходомъ съ этого имѣнія; наконецъ принято за пра-вило, что недвижимое имущество не можетъ быть подвер-гаемо описи, оцѣнкѣ и продажѣ по закладной, до истеченія годового срока со времени вызова кредитора <sup>1</sup>. Въ этомъ смы-слѣ стали дѣйствовать и присутственныя мѣста, такъ что вся заботливость ихъ о строгомъ соблюденіи новыхъ формъ и сроковъ обратилась къ выгодѣ должниковъ и къ явной невы-годѣ кредиторовъ: можно представить себѣ, какъ отъ этого затянулися производства о взысканіи, и сколько прибавилось кредиторамъ заботъ, хожденія и издержекъ. Все это конечно не могло послужить въ пользу кредиту.

---

<sup>1</sup> Это послѣднее правило показываетъ примѣръ того, въ какомъ ду-хѣ и направленіи присутственныя мѣста стали разумѣть и примѣнять новое положеніе. Въ немъ было сказано: недвижимое имущество не можетъ ни по взысканіямъ казны, ни по искамъ частныхъ лицъ быть подвергаемо описи, оцѣнкѣ и продажѣ, до истеченія сроковъ, установ-ленныхъ въ 34 и 63 ст. Зак. Гражд. Въ статьяхъ, на которыя сдѣлана была ссылка, сказано: въ первой, что залогодателю предоставляется выкупить имѣніе въ теченіе года со времени явки закладной ко взы-сканію; во второй, что, когда должникъ, которому надлежитъ предъ-явить заемное письмо, находится въ неизвѣстной отлучкѣ, слѣдуетъ вызывать его черезъ вѣдомости и ожидать—находящагося внутри Рос-сіи—годъ, а живущаго за границей—полтора года, не приступая къ описи. Обѣ статьи имѣютъ въ виду особенные случаи взысканія по закладной и безвѣстное отсутствіе должника, но статья новаго положе-нія, въ которой сдѣлана ссылка на эти статьи, имѣла съ перваго взгляда видъ общаго правила. Этого было уже довольно для того, чтобы при-сутственныя мѣста признали приведенное правило новаго положенія общимъ для всѣхъ возможныхъ взысканій. Въ такомъ смыслѣ стали примѣнять его, и примѣняютъ до сихъ поръ, даже тогда, когда должникъ находится на-лицо, и подтвердилъ заемный актъ своимъ отзывомъ.

## V.

Какъ бы впрочемъ ни были просты, строги и удовлетворительны для кредита правила закона относительно взысканія, одного этого далеко еще недостаточно. Самый лучший законъ можетъ сдѣлаться мертвою буквою, лицемѣрнымъ и обманчивымъ словомъ въ рукахъ у невѣрныхъ, равнодушныхъ или недобросовѣстныхъ исполнителей. И здѣсь въ сферѣ государственной, отыскивая коренное основаніе исполнительности и вѣрности въ исполненіи, мы должны придти къ тому же основному началу, на которое указывали выше, въ кругу частныхъ отношеній между гражданами: всякій долженъ нести на себѣ отвѣтственность за свои дѣйствія и за свое бездѣйствіе, и эта отвѣтственность должна быть не однимъ словомъ, написаннымъ въ законѣ, но дѣломъ и истиною. Едва ли кто рѣшится опровергнуть насъ, когда мы скажемъ, что это сознаніе личной отвѣтственности слишкомъ слабо развито у насъ и въ сферѣ управленія. Присматриваясь къ явленіямъ этого круга, мы видимъ ясно, что и здѣсь отвѣтственность представляется большею частію явленіемъ случайнымъ, котораго боятся такъ же, какъ боятся случайнаго бѣдствія, какъ боятся гнѣва и милости, какъ боятся риска, соединеннаго со всякою дѣятельностію, а вовсе не такъ, какъ слѣдуетъ бояться возмездія или взысканія, по правдѣ и по необходимости слѣдующаго за нарушеніемъ. Вопросъ, котораго мы касаемся здѣсь, такъ обширенъ и важенъ, что мы можемъ только указать на него, предоставляя себѣ возвратиться къ нему въ послѣдствіи. Замѣтимъ только, что на *отвѣтственности* держится всякій кредитъ, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова,—кредитъ, связующій частныя лица во взаимныхъ отношеніяхъ, равно какъ и кредитъ всякой исполнительной власти въ отношеніяхъ къ высшимъ властямъ, и въ отношеніи къ лицамъ, которыхъ непосредственно касается исполненіе. Гдѣ сознаніе этой отвѣтственности вкоренилось твердо, тамъ крѣпка связь, соединяющая членовъ общества между собою и съ общественною властію; тамъ есть возможность каждому дѣйствовать въ

своёмъ кругу самостоятельно, по мѣрѣ своей обязанности. Напротивъ, гдѣ это сознание слабо, тамъ является беспорядокъ въ отношеніяхъ всякаго рода, усиливается произволъ и затрудняется самостоятельная дѣятельность во всякомъ званиі; каждая должность общественная теряетъ истинную цѣну и честь свою и, утрачивая свой духовный интересъ, ищетъ возбужденія и опоры только въ матеріальномъ интересѣ. Это и естественно: лучшія, благороднѣйшія силы личности человеческой, истинные двигатели всякаго преуспѣянія въ общественномъ дѣлѣ, сами приходятъ въ движеніе только въ связи съ отвѣтственностію; и безъ сознанія отвѣтственности не возможно представить себѣ ни истинную честь, ни истинную свободу.

Намъ остается еще указать на одно, едва ли не самое важное условіе кредита, въ особенности *еще мало*, условіе, о которомъ мы уже упоминали выше. Кредитъ утверждается на цѣнности имущества, служащаго обезпеченіемъ. Законъ не можетъ ни создать или предположить эту цѣнность тамъ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ея, ни увеличить ее выше той мѣры, до которой простирается цѣнность имущества въ извѣстное время и при извѣстныхъ условіяхъ экономическаго быта. Для утвержденія цѣнности недвижимыхъ имуществъ необходимо, чтобъ экономическій бытъ края получилъ значительное развитіе. И этого еще мало: нужно, чтобы развитіе это было по возможности равномерное, и чтобъ элементы, изъ которыхъ слагается цѣнность, подлежали вѣрному учету. Для этого нужно между прочимъ, чтобы сельское хозяйство достигло достаточнаго и равномернаго развитія, чтобы между сельскою и городскою промышленностію существовало свободное и правильное отношеніе, чтобы право собственности и границы владѣній приведены были въ возможную извѣстность, чтобъ устроены были удобные пути сообщенія между различными частями края, состоящими въ различныхъ экономическихъ условіяхъ и пр.<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Въ каждомъ законодательствѣ есть множество уставовъ, постановленій и правилъ, касающихся недвижимой собственности въ разныхъ отношеніяхъ. Всѣ эти постановленія непременно отражаются на вещномъ кредитѣ; тому, кто не испыталъ ихъ на дѣлѣ, трудно и представить себѣ, до какой степени внутренняя цѣнность имущества зависитъ отъ всѣхъ подобныхъ постановленій. Возьмемъ хоть слѣдующій, весьма обыкновенный примѣръ. Положимъ, что издано постановленіе— въ такомъ-то городѣ на такихъ-то мѣстахъ строить дома не иначе

Отъ всѣхъ этихъ условій зависитъ расчетъ кредитора на предлагаемое ему обезпеченіе, и способность недвижимаго имѣнія вынести на себя нѣсколько закладныхъ правъ. Естественно напримѣръ, что когда кредитору въ Москвѣ или въ Петербургѣ предлагаютъ въ обезпеченіе недвижимое имѣніе, лежащее въ мѣстности болѣе или менѣе отдаленной, и обремененное уже однимъ правомъ залога, кредиторъ съ большимъ трудомъ рѣшился бы, при настоящихъ условіяхъ хозяйственнаго быта и въ настоящемъ состояніи поземельнаго владѣнія, обезпечить свое требованіе на томъ остаткѣ цѣнности, который можетъ еще оказаться въ имѣніи за вычетомъ цѣны предшествующаго долга. Дѣло въ томъ, что крайне трудно, въ большей части случаевъ даже невозможно, опредѣлить съ достовѣрностію этотъ остатокъ цѣнности имѣнія и положиться вполне на представляемое имъ обезпеченіе. Но это было бы возможно, когда бы въ каждой мѣстности промышленность указывала на вѣрныя средства для извлеченія доходовъ съ имѣнія, и произведенія его находили бы всегда вѣрный сбытъ по цѣнамъ болѣе или менѣе извѣстнымъ, когда бы повсюду можно было опредѣлить поземельную ренту съ тѣмъ же удобствомъ, съ какимъ владѣлецъ денежнаго капитала можетъ учесть проценты за его употребленіе: тогда уничтожились бы или значительно уменьшились бы опасенія, что при продажѣ имущества на удовлетвореніе долга оно далеко не вынесетъ той цѣны, за которую напримѣръ приобрѣлъ его прежній владѣлецъ, или что даже вовсе не явится желающихъ купить имѣніе, какъ нерѣдко случается у насъ во многихъ мѣстностяхъ, болѣе

---

какъ изъ такихъ-то матеріаловъ, въ такихъ-то размѣрахъ, по такимъ-то планамъ и фасадамъ. Такія постановленія часто издаются, но не всегда соблюдаются въ нихъ должная мѣра. Часто случается, что въ томъ мѣстѣ, къ которому относится постановленіе, потребности населенія и развитіе промышленности таковы, что не можетъ быть большаго спроса на дома, построенные изъ назначенныхъ, цѣнныхъ матеріаловъ и въ указанномъ размѣрѣ, но былъ бы значительный спросъ на дома и квартиры, когда бы они устроены были сообразно нуждамъ населенія, а не по извѣстной регламентации. При этихъ условіяхъ можетъ случиться, что въ городѣ много домовъ, дорого стоящихъ, если принять въ соображеніе постройку, матеріалы и размѣры зданія; но въ дѣйствительности цѣнность эта будетъ ничтожная; потому что и великолѣпные дома, оставаясь безъ жильцовъ, представляютъ мертвый капиталъ, не имѣющий дѣйствительной цѣнности. Понятно, что подѣ такіе дома владѣльцу трудно будетъ достать деньги.



или менѣе отдаленныхъ отъ промышленнаго движенія. При такихъ условіяхъ, весьма не выгодныхъ для вещнаго кредита, можно ли надѣяться на расширеніе кредита отъ того только, что законъ введетъ для него новую, болѣе свободную форму? Форма законная сама по себѣ, очевидно, не можетъ измѣнить экономическія условія, при которыхъ расширеніе кредита не возможно. Имѣніе назначается въ продажу съ публичнаго торга; но покупщиковъ не оказывается, или покупщики, явившись, предлагаютъ цѣну гораздо ниже оцѣнки, хотя всѣмъ и каждому извѣстно, что бывший владѣлецъ имѣнія могъ получать съ него такой процентъ, которому оцѣнка вполне соответствуетъ; при всемъ томъ не оказывается на мѣстѣ никого, кто пожелалъ бы стать на мѣсто этого владѣльца, посвятить трудъ свой имѣнію и получать съ него такой же или еще болѣе большой процентъ; либо оказываются желающіе, но конкуренція между ними такъ слаба, что не можетъ даже поднять предлагаемую цѣну до официальной оцѣнки, которая, какъ извѣстно, у насъ бываетъ большею частію ниже, а не выше экономической цѣнности *наличнаго владѣнія и пользованія имѣніемъ*. Вотъ явленіе, повторяющееся въ нашемъ быту безпрестанно, явленіе, которое для нѣкоторыхъ мѣстностей, въ последнее время, стало повторяться еще гораздо чаще нежели прежде: кому неизвѣстно, что у насъ есть (напримѣръ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Смоленской губерніи) такія имѣнія, которыхъ не покупаютъ въ опекунскомъ совѣтѣ даже съ ничтожною приплатой къ переводу долга, то-есть не берутъ почти даромъ? Законодателью, когда онъ встрѣчается съ такимъ явленіемъ, остается только признать его и считаться съ нимъ: измѣнить его онъ не въ силахъ. Лишь бы только законодатель не обходилъ подобныхъ явленій, обращалъ на нихъ все должное вниманіе, не смотрѣлъ на нихъ равнодушно или презрительно съ высоты отягченной доктрины, подъ вліяніемъ слѣпой вѣры въ внѣшнюю форму, во внѣшнее правдо и отвлеченное начало теоріи,—вотъ чего пожелать слѣдуетъ законодателью, для того чтобъ онъ могъ дѣйствовать не слѣпо, а съ вѣрнымъ разчетомъ. Какъ бы ни была расширена законодателью форма закладнаго права, если кредитору будетъ казаться надежною только прежняя узкая форма обезпеченія, онъ будетъ ее требовать и постарается еще сузить ее.

Иные полагаютъ, что за границей, при улучшенныхъ формахъ закладнаго права и при лучшей организаціи исполнени-

тельного механизма, вещный кредитъ достигъ уже вполне удовлетворительнаго состоянія; увлекаясь такимъ представленіемъ, многіе готовы требовать и для насъ только введенія того порядка, который тамъ существуетъ. Безъ всякаго сомнѣнія условія общественной среды тамъ гораздо благоприятѣе чѣмъ у насъ. Изъ этого не слѣдуетъ однакоже, чтобы тамошнее состояніе вещнаго кредита было удовлетворительно. Напротивъ, отсюда именно слышатся непрерывныя и самыя горькія жалобы на плачевное состояніе вещнаго кредита, на крайнее затрудненіе, именно для землевладѣльцевъ, достать деньги на сносныхъ условіяхъ. Промышленность тамъ несравненно болѣе развита чѣмъ у насъ: чѣмъ она развитѣе, тѣмъ болѣе нуждается въ капиталахъ: тамъ гораздо менѣе, чѣмъ у насъ, земель впускъ лежащихъ или оставляемыхъ въ небреженіи, и у каждаго владѣльца болѣе заботы о разработкѣ своего имущества и объ улучшеніи производительныхъ силъ его. Понятно, что тамъ владѣльцы, особливо небольшихъ зданій и участковъ, особенно нуждаются въ капиталахъ, но достать эти капиталы имъ крайне трудно. Землевладѣльцы сильно жалуется на это. Условія, предлагаемыя имъ ипотечными банками и кредитными обществами, кажутся имъ очень невыгодными: приходится получать не чистыя деньги, а закладные листы, которые можно обмѣнять на деньги не иначе какъ съ значительною потерей; притомъ кредитныя общества принимаютъ въ залогъ недвижимое имѣніе не ниже извѣстнаго объема, такъ что множество мелкихъ владѣльцевъ вовсе лишены возможности вступить съ ними въ сдѣлку. Достать деньги подъ ипотеку тоже очень не легко. Замѣчательно, что и въ Германіи, и во Франціи заимодавцы склонны болѣе довѣрять личному кредиту нежели вещному, потому что при личномъ кредитѣ деньги даются на краткіе сроки, подъ векселя, и кредиторъ, глядя по лицу заемщика, не боится случайностей, которые могутъ его постигнуть въ теченіе трехъ или шести мѣсяцевъ. Но съ ипотекой соединены непременно долгосрочные займы: вещный кредитъ нуждается именно въ такихъ капиталахъ, которые можно было бы положить въ имѣніе, не заботясь о скоромъ извлеченіи его изъ имѣнія для уплаты долга. На этихъ условіяхъ капиталисты съ большимъ трудомъ рѣшаются довѣрять свои деньги мелкимъ владѣльцамъ. Хорошо, когда имѣніе чистое, тогда не трудно достать небольшую сумму подъ залогъ его; но если, какъ по большей части случается, имѣніе обременено уже прежнимъ залогомъ, тогда

приходится прибѣгать къ ростовщикамъ, а ростовщики уже подъ третью ипотеку рѣшаются давать деньги на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, ссылаясь на рискъ; напримѣръ берутъ обязательство на 15.000 талеровъ, а деньгами даютъ не болѣе 10 или 11 тысячъ, то-есть учитываютъ впередъ 4000. По общимъ отзывамъ, вещный кредитъ повсюду въ Германіи находится въ жалкомъ положеніи, особенно съ того времени какъ началось въ Германіи политическое движеніе и послѣ гражданскихъ войнъ 1848 и 1849 годовъ. Цѣнность недвижимыхъ имуществъ пришла въ упадокъ или въ сильное колебаніе. Такъ напримѣръ въ Саксоніи, въ одномъ изъ самыхъ промышленныхъ краевъ Германіи, разчитано, что на 232.454 городскихъ и сельскихъ владѣній было въ теченіе 12 лѣтъ, съ 1846 по 1857 годъ, 10.117 продажъ съ публичнаго торга за ипотечные долги, лежавшіе на имѣніяхъ; такъ что среднимъ числомъ приходилась въ годъ одна продажа на 180 городскихъ и на 360 сельскихъ владѣній. Статистика же ипотекъ въ королевствѣ Саксонскомъ показываетъ, что по результатамъ публичныхъ продажъ оказалось много ипотекъ безнадежныхъ, оставшихся безъ удовлетворенія. Такъ изъ числа ипотекъ, записанныхъ на имѣніи до  $\frac{1}{10}$  доли его цѣнности, приходилась одна безнадежная на 2000; до  $\frac{2}{10}$  цѣнности, одна безнадежная на 660; до половины, одна безнадежная на 200, до  $\frac{7}{10}$ , одна безнадежная на 83. До какой степени ослабла довѣренность къ ипотекамъ, можно судить по тому, что въ Дрезденѣ съ сентября 1859 года существуетъ устроенное на акціяхъ общество *застрахованія ипотекъ*, съ капиталомъ въ 3 милліона талеровъ; общество это недавно еще начало дѣйствовать, но уже оказалось на дѣлѣ самымъ благотѣльнымъ учрежденіемъ для вещнаго кредита. Дѣйствія этого общества состоятъ въ томъ, что оно обезпечиваетъ кредиторамъ послѣдствія возможной продажи заложенного имущества съ публичнаго торга, такъ что кредитору нечего бояться упадка цѣнности и можно быть увѣреннымъ въ выручкѣ капитала; обезпечиваетъ кредитору исправный платежъ ежегодныхъ процентовъ по ипотечному долгу; обезпечиваетъ должнику цѣнность его имущества по нормальной оцѣнкѣ, производимой самимъ обществомъ; принимаетъ на себя погашеніе ипотекъ съ разсрочкою платежей капитала и процентовъ на 36 лѣтъ, и наконецъ принимаетъ на себя посредничество между владѣльцами и капиталистами при ипотечныхъ займахъ, которые зна-

чительно облегчаются при содѣйствіи обезпеченія, принимаемаго обществомъ. Принимая такимъ образомъ на свой страхъ имущество, какъ обезпеченіе долга, общество производитъ ему свою оцѣнку, самую точную и всестороннюю, и на основаніи этой оцѣнки возвышаетъ ипотечную цѣнность имущества до 80 процентовъ, тогда какъ ипотечный кредитъ въ рѣдкихъ случаяхъ заходитъ за половину цѣнности. Такимъ образомъ, при содѣйствіи общества кредитъ недвижимыхъ имуществъ можетъ расширяться на 20 или на 30 процентовъ <sup>1</sup>.

## VI.

Не лишнимъ считаемъ прибавить еще одно замѣчаніе, касающееся условій цѣнности вещей, а слѣдовательно и вещнаго кредита. Цѣнность всякаго дѣйствительнаго имущества складывается изъ однихъ матеріальныхъ дѣятелей; напротивъ, матеріальные дѣятели сами по себѣ значать очень мало безъ духовныхъ дѣятелей. Если при разчетѣ цѣнности мы будемъ обращать вниманіе на первыхъ, а о послѣднихъ забудемъ, то надѣлаемъ самыхъ грубыхъ ошибокъ и дорого за нихъ заплатимся. Мы можемъ сложить сумму труда съ суммой капитала, но если притомъ оставимъ безъ вниманія сумму знанія, которую опредѣлить несравненно труднѣе именно у насъ, при условіяхъ нашего развитія, то жестоко ошибемся въ разчетѣ. Въ иномъ краю, гдѣ промышленность пережила уже нѣсколько вѣковыхъ періодовъ своего развитія и вошла, такъ-сказать, въ насущный бытъ цѣлаго общества, этотъ разчетъ цѣнности имущества несравненно проще и легче, именно потому, что въ разчетѣ предполагается уже готовый итогъ духовныхъ элементовъ цѣнности, существующихъ въ обществѣ въ данное время; предполагается извѣстная сумма знанія, предполагаются извѣстные пути и приемы промышленнаго дѣла, уже вошедшіе въ азбуку этого дѣла, предполагается извѣстное число гото-

<sup>1</sup> Подробныя свѣдѣнія объ этомъ любопытномъ предметѣ можно найти въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Engel, *Denkschrift über Hypothekenversicherung*. 1858. Dresden. Его же: *Beleuchtung der Bedenken gegen die Hypothekenversicherung*. Dresden; и *Gespräche über Hypothekenversicherung*, von Heubner und Lorenz. Dresden. 1860. Въ послѣдней книгѣ съ особенною ясностію изложены всѣ соображенія и разчеты по страхованію ипотекъ.

выхъ дѣятелей, которыхъ экономическія силы удобно привести въ извѣстность и даже раздѣлить на порядки и классы по роду занятія, промысла и профессіи; а у насъ нѣтъ покуда и возможности предположить всѣ эти силы готовыми; мы знаемъ только, что ихъ мало, очень мало, что онѣ слабы и, къ сожалѣнію, обманчивы. Поэтому ошибки въ разчетъ, которыя нерѣдко случаются тамъ и при благопріятныхъ условіяхъ разчета,—у насъ, при тѣхъ ограниченныхъ средствахъ, которыми мы располагать можемъ, при величайшей юридической и фактической неопредѣленности нашего быта, почти неизбежны. Вотъ почему намъ слѣдуетъ съ особенною осторожностію относиться къ тѣмъ формамъ, которыя выработало для себя другое общество, состоящее въ иныхъ историческихъ, юридическихъ и особенно экономическихъ условіяхъ быта. Примѣры подобныхъ ошибокъ, къ несчастію, у насъ слишкомъ обыкновенны; новыя формы издавна соблазняютъ насъ. Сколько разъ случалось, что мы бросались на такую форму съ дѣтскою жадностію, не разчитавъ силъ своихъ и соблазнившись блестящимъ результатомъ, который произвела эта форма при содѣйствіи основательнаго труда съ основательнымъ знаніемъ; и потомъ, обманувшись въ разчетъ, готовы были объявить негодною и ложною самую соблазнившую насъ форму! Укажемъ хоть на одинъ примѣръ изъ круга экономическихъ отношеній, на судьбу, которая постигаетъ у насъ многія акціонерныя общества, такъ недавно и съ такими блестящими надеждами возникшія. Мы соблазнились тѣми громадными результатами, которыхъ достигло, тоже впрочемъ не безъ ошибокъ и обольщеній, въ другихъ краяхъ соединеніе капиталовъ для промышленной цѣли: но мы забывали при томъ, что капиталъ отвѣчаетъ самъ за себя, не требуя содѣйствія другихъ дѣятелей, только на денежномъ рынкѣ; но какъ скоро назначается для извѣстнаго, спеціальнаго предпріятія, то въ этомъ предпріятіи рѣшительное значеніе для успѣха получаетъ уже не капиталъ, какъ бы великъ онъ ни былъ, а та сумма духовныхъ дѣятелей, которая потребна для того или другаго предпріятія. Капиталы наши собирались въ громадную массу, но вслѣдъ затѣмъ потребовался цѣлый классъ разумныхъ, ловкихъ, знающихъ, опытныхъ, честныхъ руководителей, распорядителей и работниковъ, и когда, осмотрѣвшись, сочли мы у себя число готовыхъ дѣятелей, оказалось, что это число далеко не соотвѣтствуетъ громадному капиталу, нами собранному. Ока-

залось, что мы, какъ говорится, разчитывали хозяйство, забывъ о хозяйнѣ. Понятно, что при такомъ разчетѣ, какъ скоро приступали мы къ исполненію предпріятія, нерѣдко бѣлая часть собраннаго капитала оказывалась въ нашихъ рукахъ мертвою, непроизводительною силой, и приходилось намъ сознаться въ своей неосостоятельности. Нѣчто похожее случается съ нами и въ другихъ сферахъ, сферахъ высшей умственной и нравственной дѣятельности: стѣбитъ припомнить, чѣмъ разрѣшалась у насъ дѣятельность многихъ, задуманныхъ съ блестящими надеждами и съ восторгомъ устроенныхъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ: мы составляли подробные уставы, опредѣляли заранѣе предметы вѣдомства, предѣлы власти, роды и виды занятій, раздѣляли всю будущую дѣятельность на отдѣлы, классы и званія, собирали деньги, вербовали членовъ и дѣятелей, и какъ часто въ результатѣ оказывалось, что въ разчетѣ сложнаго хозяйства не было у насъ только рѣчи — *о хозяйнѣ!*

К. Побѣдоносцевъ.

---

# ИЗЪ ВРЕМЕНЪ

## РЕСТАВРАЦІИ ВЪ ИТАЛІИ

### I. Обзоръ итальянскихъ государствъ.

Нигдѣ въ Европѣ идеи французской революціи не нашли болѣе родственной почвы, нигдѣ французское владычество не оставило такихъ глубокихъ слѣдовъ, какъ въ Италіи. Она была первою страной, въ которой упрочилась военная слава Наполеона; съ нею связывало его племенное родство, и потому предпочтеніе, которое онъ всегда оказывалъ Италіи, было очень естественно. Образованные классы Итальянцевъ встрѣчали съ явнымъ сочувствіемъ побѣды Наполеона; они надѣялись, что императоръ создастъ изъ Италіи единое, особое государство. Несмотря на политическое раздробленіе, существовавшее около четырнадцати столѣтій, Итальянцы, подобно другимъ націямъ романскаго происхожденія, въ весьма значительной степени владѣютъ элементами единства; между этими элементами главное мѣсто занимаютъ: языкъ, религія и великія воспоминанія древности. Идея о національномъ единствѣ не умирала въ душѣ итальянскихъ патриотовъ съ тѣхъ поръ, какъ началась великая эпоха возрожденія. О немъ писалъ Макиавелли; оно было задушевною мечтой многихъ папъ. Французская революція сильно оживила эту идею. Но Напо-

Леонъ былъ глухъ къ національнымъ требованіямъ покоренныхъ народовъ. Онъ раздѣлилъ Италію на три части: изъ сѣверо-восточныхъ областей создалъ такъ-называемое Италіянское королевство, намѣстникомъ котораго сдѣлалъ своего пасынка, Евгенія Богарне, съ титуломъ вице-короля; Неаполь отдалъ своему зятю, Миурату, на правахъ вассала, а остальные части полуострова присоединилъ къ Французской имперіи. Хотя надежды италіянскихъ патриотовъ не исполнились, однако дѣло національнаго единства въ то время значительно подвинулось впередъ. Ему сильно помогли распространившіеся въ Италіи идеи французской революціи, а дѣятельное участіе въ походахъ завоевателя разбудило въ Италіянцахъ давно-уснувшій духъ военныхъ доблестей.

Послѣ этого понятно, съ какими чувствами большинство средняго, то-есть городского, промышленнаго сословія, встрѣчало реставрацію италіянскихъ владѣтелей и связанное съ ними возвращеніе къ прежнимъ порядкамъ. Разсмотримъ порознь каждую область Италіи въ эпоху реставраціи. Начнемъ съ Ломбардо-Венеціанскаго королевства.

Австрійскіе генералы, вступая въ Италіянское королевство (въ началѣ 1814 г.), вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ французскаго ига объявили отмиженіе конскрипціи и некоторыхъ налоговъ. Но австрійское правительство не считало себя связаннымъ объявленіями своихъ генераловъ. Возобновленіе конскрипціи произвело сильное неудовольствіе (хотя для Италіянцевъ назначено только восемь лѣтъ военной службы, между тѣмъ какъ Нѣмцы служили четырнадцать); природѣ Италіянца вообще противны однообразіе и дисциплина казарменной жизни, и солдаты италіянскіе, обыкновенно расположенные вдали отъ отечества, смотрятъ на свою службу въ австрійскомъ войскѣ какъ на тяжкое заточеніе. Впрочемъ, въ дѣлѣ ломбардо-венеціанской реставраціи Австрія держалась средняго пути; преслѣдуя идею національности, она старалась привязать къ себѣ населеніе развитіемъ его матеріальныхъ интересовъ. Она отмѣнила политическое равенство, но удержала систему общинъ, какъ она успѣла организоватьъ подѣ французскимъ владычествомъ. Въ каждомъ округѣ учрежденъ былъ провинціальный совѣтъ или конгрегація на началахъ представительства; а въ Миланѣ и Венеціи существовали кромѣ того высшія или центральныя конгрегаціи. Но эти учрежденія имѣли



тоже совѣщательное значеніе, и выборы не были совершенно свободны: община обыкновенно выбирала трехъ кандидатовъ, и одного изъ нихъ правительство уже само назначало членомъ конгрегаціи. Далѣе, австрійское правительство много заботилось о народномъ образованіи: оно обязало всякую общину имѣть школу, какъ мужскую, такъ и женскую, и положило небольшой ежемѣсячный штрафъ съ тѣхъ родителей, дѣти которыхъ не посѣщали школы. Города Ломбардіи изобиловали средними учебными заведеніями, каковы гимназіи и лицей; но замѣтенъ былъ сильный недостатокъ высшаго образованія. Въ системѣ учебныхъ курсовъ получили преобладаніе науки, имѣющія прямое практическое приложеніе, преимущественно науки математическія. Это обстоятельство, впрочемъ, тѣсно связано въ Ломбардіи съ успѣхами земледѣлія, которое находится здѣсь въ цвѣтущемъ состояніи.

Успѣха Австріи привязать къ себѣ Италианцевъ развитіемъ матеріальныхъ интересовъ однако разбилась объ идею національнаго единства и независимости, которая пробудилась въ Ломбардіи сильнѣе чѣмъ въ другихъ частяхъ Италіи. Этому пробужденію много способствовало кратковременное существованіе Италіанскаго королевства съ національною арміею, съ своимъ сенатомъ, законодательнымъ корпусомъ. Составилась многочисленная *національная* партія, къ которой преимущественно принадлежали образованные люди средняго класса. Мало-по-малу идеи ея проникли въ богатое, вліятельное дворянство, въ рукахъ котораго сосредоточивалась поземельная собственность; а дворянство въ свою очередь стало дѣйствовать на своихъ кліентовъ, то-есть на низшіе классы. Австрійское правительство въ борьбѣ съ патріотическими стремленіями употребило обычныя средства, каковы: цензура, судебное преслѣдованіе, изгнаніе и тюремное заключеніе. Преслѣдованія Австрійцевъ заставляли національную партію облекать свою дѣятельность покровомъ тайнственности, что дало сильный толчокъ развитію тайныхъ обществъ, существованіе которыхъ составляетъ отличительную черту италіанской исторіи. Австрія съ своей стороны выставила противъ тайныхъ обществъ учрежденіе, вооруженное тѣмъ же самымъ оружіемъ, то-есть тайную полицію. Италія съ давнихъ временъ находилась въ тѣсныхъ политическихъ связяхъ съ Австріею, и безспорно составляла для нея значительный

цивилизирующій элементъ. Но есть еще другая сторона италинскаго вліянія на Австрію; это развитіе полицейской системы управленія и системы шпионства. Полицейское искусство было обработано флорентинскимъ правительствомъ Медичи и особенно трудами венеціанской аристократіи или инквизиціи. Отсюда оно перешло въ Австрію, которая употребила теперь это искусство прѣтвъ той же Италіи, и съ помощію многихъ природныхъ Италіянцевъ, весьма способныхъ къ подобнаго рода дѣятельности, довела свою тайную полицію до удивительной степени совершенства. Ея тонкія сѣти были раскинуты повсюду, ея тяжелое бремя чувствовалось всѣми, никто не могъ свободно дышать; но ни видѣть ее, ни ослезать не было возможности. Человѣку, который скомпрометтировалъ себя передъ правительствомъ, самымъ вѣрнымъ средствомъ спасенія представлялся доносъ на своего ближняго. Иностранцы также подвергались строжайшему надзору, особенно англійскіе путешественники, которые имѣютъ привычку говорить то что думаютъ; они принимались обыкновенно за какихъ-то политическихъ агентовъ, имѣвшихъ цѣлю съѣсть въ Италіи неудовольствіе и заговоры. Такая система управленія, при видѣвшемъ, кажущемся спокойствіи, постоянно возбуждала народное раздраженіе; а національная партія хотя и должна была бороться съ огромными препятствіями, но никогда не прекращала своихъ подземныхъ работъ. Впрочемъ, надобно отдать справедливость австрійскому управленію въ другомъ отношеніи: административнымъ порядкомъ, исправностію судопроизводства, безопасностію отъ воровъ и разбойниковъ и вообще матеріальнымъ благосостояніемъ Ломбардо-Венеціанское королевство далеко превосходило другія части Италіи.

Перейдемъ къ осѣдному съ Ломбардіей государству Верхней Италіи, къ Піемонту.

Королевство Піемонтское состояло изъ четырехъ очень неравныхъ частей: острова Сардиніи, Савоіи, прежней Генуэзской республики и собственнаго Піемонта съ граствомъ Ниццею. Населеніе Савоіи и Ниццы говоритъ по-французски, и принадлежитъ болѣе къ французской національности нежели къ италинской (потому Франція постоянно старалась присвоить себѣ эти провинціи, и въ послѣднее время, какъ извѣстно, онѣ уступлены Наполеону III за помощь, оказанную при завоеваніи Ломбардіи). Первый савойскій герцогъ,

который перенесъ свою столицу въ Туринъ, былъ военновѣн-  
ный Эммануилъ Филибертъ (во второй половинѣ XVI столѣ-  
тія). Онъ первый старался усвоить своему дому и своему  
правительству италянскую національность, и основалъ воен-  
ную силу преимущественно изъ италянскихъ элементовъ. Съ  
его времени Пиемонтъ приобрѣлъ для Италіи значеніе оплота  
противъ иноземнаго владычества. Впрочемъ, союительство съ  
Франціей всегда оказывало сильное вліяніе на пиемонтское  
населеніе. Въ XVIII столѣтіи мѣстная аристократія зем-  
лями старалась по языку и правамъ не отличаться отъ своихъ  
сосѣдей; но событія и направленіе настоящаго столѣтія за-  
ставляли ее опять обратиться къ италянскому національ-  
ности.

Въ 1802 году Карлъ-Эммануилъ, лишенный Французами  
всѣхъ владѣній на твердой землѣ, отказался отъ престола въ  
пользу брата своего Виктора-Эммануила. Послѣдній жилъ нѣ-  
которое время въ Римѣ и въ Газѣ; но вытѣсненный и от-  
туда французскимъ владычествомъ, онъ удалился съ своими  
дворомъ на островъ Сардинію, и прожилъ тамъ восемь лѣтъ,  
получая денежное вспоможеніе отъ Англіи. Состояніе острова  
изображается обыкновенно въ печальномъ видѣ. Населеніе  
осталось почти чуждо успѣхамъ европейской цивилизаціи и  
до позднѣйшихъ временъ сохранило патриархальную простоту  
своего быта. Земледѣлецъ употреблялъ плугъ еще въ той  
формѣ, въ какой онъ существовалъ у Римлянъ, и только че-  
твертая часть почвы была обработана; на остальномъ про-  
странствѣ разгуливали стада почти въ первобытной дикости.  
На всемъ островѣ не существовало никакихъ правильныхъ  
путей сообщенія; жилы серебра, свинцу и желѣза лежали не-  
тронутыми. Зажиточные люди, особенно владѣльцы большихъ  
стадъ, пользовались исключительнымъ вліяніемъ на сельскія  
общины, и употребляли это вліяніе конечно къ собственной  
выгодѣ; имущество ихъ по большей части было свободно отъ  
поборовъ, и вся тяжесть налоговъ падала на бѣдныхъ жите-  
лей. Духовенство весьма строго собирало десятину со всѣхъ  
произведеній народнаго хозяйства; поэтому оно составляло  
здѣсь самое богатое сословіе. На островѣ еще въ полной силѣ  
существовалъ обычай кровавой мести. Управление сосредото-  
чивалось въ рукахъ вице-короля, по—образцу прежнихъ ис-  
панскихъ вице-королей,—облеченнаго диктаторскою властію; онъ  
назначался на три года, почему не успѣвалъ хорошо ознако-  
миться съ дѣлами острова и подчинялся обыкновенно интри-

гамъ своего статсъ-секретаря. Осмыслѣннее пребываніе Виктора-Эммануила нѣсколько не улучшило положенія Сардиніи. Въ этотъ промежутокъ времени не было проведено ни одной дороги; привилегія духовенства и дворянства остались тѣ же; а населеніе между тѣмъ было обременено новыми поборами, которые шли на покрытіе издержекъ двора.

При возвращеніи своемъ на материкъ, король надалъ новленія, облегчавшія нѣкоторые налоги, сказалъ нѣсколько рѣчей въ патріотическомъ духѣ, и вообще возбудилъ большія ожиданія. Піемонтское населеніе, издавна преданное Савойскому дому, встрѣтило его съ триумфомъ. При въѣздѣ короля въ Туринъ народъ осыпалъ его цвѣтами, цѣловалъ его руки, платье и лошадей. Но этому восторгу и ожиданіямъ суждено было то же разочарованіе, какъ и въ другихъ странахъ, испытавшихъ реставрацію. Викторъ-Эммануиль былъ собственно государь благонамѣренный, но слабый волею, недалекий по уму и образованію, ревностный католикъ; онъ легко подчинился вліянію окружавшихъ его людей отсталой церковно-аристократической партіи, и скоро обратился къ самой строгой реакціи.

Дворянство въ Піемонтѣ составляетъ многочисленное сословіе, издавна славящееся своею воинственностію; оно не отличается богатствомъ, какъ въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ странахъ, но до революціи пользовалось большимъ политическимъ вліяніемъ. Французское владычество много способствовало здѣсь сближенію сословій; оно подвинуло впередъ гражданскую равноправность, оживило торговую и промышленную дѣятельность. Между тѣмъ значительная часть дворянства, удалившаяся вмѣстѣ съ королемъ на островъ Сардинію и воспитанная въ старыхъ, сословныхъ понатіяхъ, сохранила прежнія привычки и убѣжденія. Эти-то дворяне явились теперь въ Туринъ съ своими устарѣлыми манерами, въ своемъ костюмѣ, давно вышедшемъ изъ моды. Они окружили короля, прославляли свою преданность и неизмѣнную вѣрность Савойскому дому; говорили о страданіяхъ, перенесенныхъ за него во времена изгнанія, и, разумѣется, требовали возвращенія своихъ земель и своихъ старыхъ привилегій. Такія же требованія предъявило и духовенство. Обѣ партіи соединились и нашли себѣ поддержку въ супругѣ короля, Маріи Терезіи, которая пользовалась большимъ вліяніемъ на Виктора-Эмману-

изъ и стояла во главѣ придворной камарилли. Опутанный интригами этой камарилли, король предпринялъ рядъ реакціонныхъ мѣръ, и открылъ гоненіе на все, напомилавшее вноземное владычество. Французское судепроизводство было отменено; чиновники, назначенные во времена революціи и имперіи, были безъ пощады удалены отъ должностей. Возобновили даже адресъ-календарь 1798 года, и лица, остававшіяся въ живыхъ, снова заняли свои старыя мѣста. Между прочимъ, 25 лучшихъ профессоровъ Туринскаго университета уволены потому только, что получили кафедры во времена французскаго правительства. Ненависть ко всему французскому доходила до самыхъ крайнихъ предѣловъ: дворъ, напримѣръ, съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на прекрасныя дороги, проведенныя Французами черезъ Симплонъ и Монсени, и король едва не велѣлъ разрушить великолѣпный мостъ черезъ По, начатый Наполеономъ. Мужскіе и женскіе монастыри, давно уже обращенные въ фабрики и другія полезныя заведенія, были восстановлены въ прежнемъ видѣ, и получили обратно тѣ изъ своихъ имуществъ, которыя еще не были распроданы. Общественное воспитаніе снова ввѣрено духовенству, а образованіемъ молодыхъ людей высшихъ классовъ опять завладѣли іезуиты. Церковно-аристократическая партія торжествовала эти реакціонныя мѣры какъ собственную побѣду, и своимъ вліяніемъ дѣйствовала на низшія, невѣжественныя массы. За то средній, наиболее образованный и промышленный, классъ обнаруживалъ сильное неудовольствіе на правительственный произволъ, который скоро привелъ въ печальное состояніе даже дѣло общественнаго порядка и безопасности. Военныя силы государства находились въ разстройствѣ; флотъ не могъ оказывать никакой помощи торговымъ судамъ противъ варварійскихъ пиратовъ, которые кромѣ того безнаказанно грабили берега острова Сардиніи. Тѣмъ не менѣе, сосѣдство съ Франціей и Швейцаріей, этнографическія условія, характеръ мѣстной природы, относительная юность цивилизаціи сообщали піемонтскому населенію такую свѣжесть силъ, такую крѣпость государственнаго организма, какую нельзя было встрѣтить въ другихъ частяхъ Италіи. Учрежденія временъ революціи, несмотря на жестокое преслѣдованіе двора, какъ оказалось въ послѣдствіи, пустили здѣсь глубокіе корни, и піемонтскій народъ вскорѣ явился самымъ мужественнымъ,

самымъ способнымъ къ политической жизни представителемъ итальянской національности.

Въ герцогствахъ Пармѣ и Моденѣ правительство находилось подъ непосредственнымъ вліаніемъ и покровительствомъ Австріи. Эрцгерцогиня Марія Луиза (супруга Наполеона) сначала пріобрѣла расположеніе пармскаго населенія, сохраненіемъ французскихъ учреждений. Главный ея совѣтникъ, австрійскій графъ Нейпергъ, былъ богатый, щедрый аристократъ, который тратилъ свои доходы на полезныя предпріятія, напримѣръ, на постройку дорогъ и великолѣпныхъ мостовъ. Но послѣ его смерти, управление перешло въ руки людей, гораздо менѣе достойныхъ, между тѣмъ какъ эрцгерцогиня съ дѣтами все болѣе подчинялась вѣшней набожности, которая спокойно уживалась у ней вмѣстѣ съ чувственностію; правительство ея теряло прежнюю популярность, и въ народѣ возрастала ненависть къ австрійскому вліанію. Въ Моденѣ же реставрація съ самаго начала приняла печальный характеръ по личнымъ качествамъ эрцгерцога Франца IV, извѣстнаго своею жестокостію и корыстолюбіемъ. Его деспотическое управленіе и торговыя спекуляціи, подрывавшія народное благосостояніе, посѣяли сѣмена раздраженія и мести въ жителяхъ Модены, отличавшихся дотогъ весьма мѣрнымъ характеромъ; совершенное же пренебреженіе народнымъ образованіемъ способствовало невѣжеству и оупушнѣю низшихъ классовъ.

Тоскана была единственная страна, гдѣ реставрація совершилась безъ рѣзкихъ перемѣнъ и почти безъ всякаго неудовольствія. Дѣло въ томъ, что она еще до революціи находилась въ иныхъ, лучшихъ обстоятельствахъ чѣмъ сосѣднія итальянскія области; великій герцогъ Леопольдъ (братъ и потомъ преемникъ императора Юсіфа II) своимъ умнымъ, кроткимъ правленіемъ и своимъ законодательствомъ сдѣлалъ Тоскану одною изъ передовыхъ странъ Европы. Послѣ него здѣсь уже не встрѣчалось гражданскаго неравенства, подобнаго тому, какое существовало въ другихъ частяхъ Италіи; здѣсь почти не было феодальной аристократіи; а городская (или патриціанская) знать не владѣла никакими особыми привилегіями; духовенство также не пользовалось большимъ вліаніемъ. Населеніе отличалось значительнымъ благосостояніемъ, и усвоило себѣ тихіе, кроткіе нравы; оно было довольно лотарингскою династіей, и французскія учрежденія не нашли здѣсь особаго

сочувствія. Поэтому Тосканцы безъ сожалѣнія и даже охотно подчинились опять власти великаго герцога. Фердинандъ III если не былъ такъ же уменъ, какъ его отецъ Леопольдъ, за то не уступалъ ему въ мягкости характера; онъ воротился во Флоренцію безъ всякаго чувства мести къ предыдущей эпохѣ, и объявилъ почти всеобщую амнистію. Чиновники, назначенные Французами, остались на своихъ мѣстахъ; общее спокойствіе и увѣренность въ личной безопасности не были нарушены, и духъ партій такимъ образомъ не нашелъ для себя богатой почвы въ этой странѣ; даже приверженцы національнаго единства и независимости были едва замѣтны, несмотря на присутствіе австрійскаго вліянія. Но оставивъ въ покоѣ лица, правительство мало-по-малу возстановило старыя учрежденія и старую систему администраціи. Кодексъ Наполеона и гласное судопроизводство были отменены, и возстановленъ слѣдовательный процессъ; самоуправленіе общинъ ограничено и воротилось господство полиціи, по устройству своему весьма сходной съ австрійскою. Благодаря мягкимъ формамъ, гуманному направленію великаго герцога и кротости народнаго характера, населеніе тихо, безъ ропота поступило опять подъ правительственную опеку во всѣхъ проявленіяхъ своей общественной жизни. Во главѣ тосканскаго министерства находился старый эмигрантъ Фоссомброни, который выбиралъ чиновниковъ не далекихъ по способностямъ, но во всемъ ему послушныхъ. Онъ старался по возможности устранять Австрійцевъ отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла герцогства, и противодѣйствовалъ намѣренію вѣнскаго двора составить изъ италіянскихъ государствъ тѣсный союзъ, подъ протекторатомъ Австріи; онъ соглашался только на союзъ чисто внѣшній или оборонительный.

По всей вѣроятности, нигдѣ французское владычество не могло принести столько пользы населенію какъ въ Церковной Области; нигдѣ оно не было болѣе благодѣтельно въ сравненіи съ предыдущимъ и послѣдующимъ положеніемъ страны. Уничтоженіемъ монастырей оно увеличило здѣсь средства народа и правительства и сильно ослабило язву нищенства; а введеніемъ правильной свѣтской администраціи и французскаго судопроизводства водворило порядокъ и безопасность тамъ, гдѣ ихъ не было уже съ незапамятныхъ временъ. Напрасно приверженцы папской реставраціи старались потомъ мрачными красками изображать дѣйствія французскихъ властей

въ Римѣ. Знаменитый историкъ Нибуръ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ «вѣчнаго» города и консерваторъ по своимъ убѣжденіямъ, былъ очевидцемъ римской реставраціи; вотъ что онъ писалъ о французскомъ вліяніи въ 1818 году: «Иереміады о бѣдствіяхъ Рима подъ владычествомъ Бонапарта суть не что иное какъ пустыя фразы художниковъ, не понимающихъ въ чемъ дѣло. Уничтоженіе церковнаго господства въ этой странѣ представлялось простою необходимостію; оно было предпринято съ умомъ и осторожностію. Правда, населеніе города вдругъ уменьшилось; за то оставшіеся жители почувствовали значительное облегченіе, и современемъ все пошло бы своимъ естественнымъ порядкомъ. Число рожденій быстро увеличилось, а смертность замѣтно сократилась. Въ высшихъ классахъ пробудилась политическая жизнь, и они начали проникаться умственными интересами.» Но въ Папской Области было слишкомъ много дурныхъ элементовъ, которые не могли помириться съ реформами иноземныхъ властей. Многочисленное фанатическое духовенство и лѣнивая, невѣжественная чернь съ триумфомъ встрѣтила Пія VII, возвратившагося изъ Фонтенбло послѣ шестилѣтняго насильственнаго отсутствія; вѣрныя католики чтили его какъ мученика.

Пій VII былъ человекъ довольно добродушный, но съ ограниченными способностями и узкимъ политическимъ взглядомъ; главный его совѣтникъ Гонзальви, наиболѣе даровитый и образованный между кардиналами, въ то время хлопоталъ на вѣнскомъ конгрессѣ о возвращеніи папскому престолу Мархіи, легатствъ и другихъ владѣній; въ отсутствіе его, дѣло римской реставраціи взялъ на себя кардиналъ Пакка. Французское законодательство было немедленно отмѣнено; монастыри, іезуиты и инквизиція возстановлены въ прежней силѣ; началось преслѣдованіе всякой свободной мысли. Деспотическимъ, реакціоннымъ мѣрамъ Пакки подражали прелаты, начальствовавшіе въ легатствахъ и делегатствахъ; «они дѣйствовали такъ же какъ турецкіе паши въ своихъ пашалыкахъ». (Гервинусъ.) Когда Гонзальви воротился изъ Вѣны, онъ сталъ во главѣ управления и нѣсколько ослабилъ жестокость церковной реакціи. Неизбѣжнымъ ея слѣдствіемъ было обѣднѣніе страны, возобновленіе нищенства въ прежнихъ размѣрахъ, упадокъ промышленности и земледѣлія. Поля римской Кампаніи пришли опять въ запустѣніе, обратились въ пастбища и покрылись нездоровыми испареніями. Въ лучшемъ состояніи сохранилось



земледѣліе сѣверо-восточныхъ провинцій, то-есть въ легатствахъ и Мархіи, потому что здѣсь сосредоточивалось самое дѣятельное и зажиточное населеніе Церковной Области. Эти провинціи во времена Наполеона составляли часть Италіанскаго королевства; онѣ привыкли къ удобствамъ свѣтской администраціи; онѣ успѣли оживиться надеждами національной партіи, и теперь съ явнымъ неудовольствіемъ встрѣтили возвращеніе духовныхъ властей. Самымъ яркимъ слѣдствіемъ церковной реставраціи было развитіе политическихъ сектъ и полное отсутствіе личной безопасности; грабежъ и убійства по большей части оставались безнаказанными, и потому дерзость бандитовъ доходила до крайней степени. Но о бандитахъ и политическихъ сектахъ Италіи мы будемъ говорить въ заключеніе нашего обзора италіанскихъ государствъ.

Неаполитанская часть Италіи далеко выдвигается на югъ, въ Средиземное море: вулканическій характеръ ея природы отразился и въ характерѣ населенія. Въ историческомъ и социальномъ отношеніи она до настоящаго столѣтія была связана съ нѣкоторыми другими странами тѣснѣе нежели съ сѣвѣрною частью полуострова. Византійцы, Арабы, Норманы, Нѣмцы, Французы, Венгры, Испанцы, Габсбургги и Бурбоны, одни за другими, владѣли Неаполемъ и сдѣлали его почти чуждою страной для остальныхъ Италіанцевъ. Войны французской революціи и имперіи показали однако, что судьба Неаполя должна рѣшаться въ Верхней Италіи. Царствованіе Мюрата произвело замѣчательныя перемѣны въ отношеніяхъ королевства къ сѣвѣрной половинѣ полуострова. Военные подвиги Мюрата и его стремленіе къ политическому единству Италіанцевъ подъ владычествомъ своего дома пробудили чувство національной чести въ неаполитанской арміи; къ Неаполю обратились тогда надежды патріотовъ изъ другихъ частей Италіи. Единство французскихъ учрежденій, распространившихся по всему полуострову, должно было послужить еще болѣе прочною связью между сѣвѣрною и южною половиною. Такимъ образомъ уничтожилась китайская стѣна, раздѣлявшая ихъ до конца XVIII столѣтія, и нельзя уже было говорить, какъ прежде нѣкоторые говорили, что «Италія кончается у Гарильяно». Вліяніе французской администраціи и судопроизводства весьма замѣтно отразилось на благосостояніи края. Приведемъ по этому поводу слова неаполитанскаго историка Коллетты: «Гражданское законодательство, которое еще въ 1805 году было раз-

стѣно въ сотнѣъ гомеатъ, теперь заключалось въ одномъ кодексѣ Наполеона; то же надобно сказать и объ уголовныхъ законахъ. Мѣсто прежняго канцелярскаго, дорогаго процесса заступило гласное судопроизводство. Прежняя запутанная, несправедливая въ своихъ основаніяхъ, система финансовъ упрощена, налоги уравнены и государственная казна обогатилась. Управленіе общинъ и провинцій, страдавшее произволомъ, теперь получило определенное устройство; старые административные обычаи смѣнились точными законами и постановленіями.»

Въ эпоху французскаго владычества на полуостровѣ, неаполитанскій король Фердинандъ IV жилъ съ своимъ дворомъ въ Сициліи, которую онъ удержалъ за собою только помощію англійскаго флота. Исключительнымъ вліяніемъ на управленіе пользовалась энергическая, жестокая Каролина, супруга безхарактернаго Фердинанда. Деспотизмъ двора и тяжелые наборы скоро вывели изъ терпѣнія сицилійскій народъ, не отличавшійся и прежде привязанностію къ дому Бурбоновъ. Въ Сициліи былъ еще крѣпокъ феодальный порядокъ; города пользовались средневѣковыми муниципальными учрежденіями; а поземельная собственность сосредоточивалась въ рукахъ феодальной аристократіи, которая вела свое происхожденіе по большей части отъ норманскихъ выходцевъ, слѣдовательно находилась въ племенномъ родствѣ съ англійскою аристократіей. Въ 1810 году сицилійскіе бароны обратились къ Англичанамъ съ жалобами на свою королеву. Тогда главнокомандующій англійскимъ вспомогательнымъ войскомъ, лордъ Бентинкъ, энергически вмѣшался въ дѣла правленія, и принудилъ Каролину удалиться изъ Палермо. Созванный имъ, сицилійскій парламентъ въ іюлѣ 1812 года составилъ для острова конституцію, основныя начала которой были совершенно англійскія. Съ того времени Бентинкъ, пока оставался на островѣ, то-есть до 1814 года, пользовался почти диктаторскою властію.

Послѣ паденія Мюрата, Фердинандъ въ іюнѣ 1815 года воротился въ Неаполь. Въ то время Каролины уже не было въ живыхъ; главные совѣтники короля, Медичи и Томаси, наученные опытомъ въ Сициліи, избѣгали крайнихъ мѣръ; поэтому неаполитанская реставрація въ началѣ имѣла довольно мягкій характеръ, и король, повиднмому, желалъ подтвердить новый порядокъ. Но здѣсь повторилось то же явленіе, какое представляетъ исторія французской реставраціи. Аристократы-эмигранты, воротившіеся вмѣстѣ съ дворомъ изъ Сициліи,

захватили высшія должности, потребовали возвращенія своихъ имуществъ, своихъ привилегій, и мало-по-малу вывели короля на путь реакціонныхъ мѣръ. Чтобы положить предѣлъ распространенію либеральныхъ идей, цензура была возобновлена во всей прежней строгости; ланкастерскія школы въ провинціяхъ запрещены, нѣкоторыя феодальныя привилегіи дворянъ возобновлены, и гласное судопроизводство отменено. Мюратисты сначала были оставлены въ покоѣ; но потомъ (послѣ несчастной попытки Мюрата) они подверглись такимъ же преслѣдованіямъ, какія испытывали тогда во Франціи бонапартисты. «Онъ изъ нашихъ или изъ чужихъ (то-есть мюратистовъ)?» спрашивалъ обыкновенно король при назначеніи чиновниковъ, и, разумѣется, только люди, отнесенные къ первому разряду, получали мѣсто. У Сициліи отняли конституцію 1812 года, ея парламентъ былъ распущенъ, самоуправленіе общинъ уничтожено, и она подчинена полному административному соединенію съ Неаполемъ. Англія слабо поддерживала жалобы Сицилійцевъ, и свое вліяніе при неаполитанскомъ дворѣ допустила замѣнить вліяніемъ австрійскимъ. Не замедлили обнаружиться и обычныя слѣдствія такой реакціонной политики: населеніе впало въ прежнюю бѣдность и невѣжество; анархическое состояніе администраціи и судопроизводства повело за собою полное отсутствіе безопасности.

Бандиты были язвою цѣлой Италіи. Тамъ, гдѣ законы нарушаются самими ихъ блюстителями, гдѣ низшіе классы угнетены высшими и доведены до нищеты, гдѣ земскихъ учреждений и самоуправления нѣтъ, и гдѣ притомъ административная централизація находится въ неразвитомъ состояніи (то-есть выражается только произволомъ областныхъ начальниковъ), въ такихъ государствахъ разбой составляютъ самое обыкновенное явленіе. Мало того, ремесло разбойника пользуется тамъ почетомъ и уваженіемъ въ нецивилизованной массѣ, потому что оно служитъ смѣлымъ протестомъ противъ ненавистнаго порядка, противъ иноземнаго гнета или правительственнаго произвола и гражданскаго неравенства; таково было ремесло клефтовъ въ Греціи и гайдуковъ или ускоковъ въ Сербіи — въ странахъ угнетенныхъ турецкими владычествами. Таково ремесло италіянскихъ бандитовъ, которые съ страшною силой свирѣпствовали въ земляхъ особенно дурно управляемыхъ, каковы Неаполь и Папская Область. Во времена Наполеона, когда правительство энергически заботи-

лось о внутренней безопасности, неаполитанскіе бандиты прикрывались королевскимъ знаменемъ: подобно испанскимъ геральдамъ, они объявляли себя защитниками національной независимости, получали вспоможеніе отъ Англичанъ, но, подъ предлогомъ войны съ Французами, грабили и убивали своихъ соотечественниковъ. Возвращаясь въ Неаполь, Фердинандъ даровалъ амнистію почти всѣмъ бандитамъ, содержавшимся въ тюрьмахъ, и, разумѣется, они не замедлили приняться за свое прежнее ремесло. Правительство потомъ вступало въ переговоры съ начальниками самыхъ сильныхъ шайкъ и старалось наградами склонить ихъ къ прекращенію разбоевъ, или, при удобномъ случаѣ, пыталось захватить ихъ измѣннически, чѣмъ обнаруживало только свою слабость. Неаполитанскій генералъ Вильгельмъ Пепе въ своихъ мемуарахъ между прочимъ разсказываетъ, что въ одномъ военномъ архивѣ онъ нашелъ приказы правительства, по которымъ было отпущено болѣе 2.000 дукатовъ на отравленіе бандитовъ. Такое средство конечно нисколько не помогало истребленію шайкъ, и деньги по всей вѣроятности оставались въ карманѣ чиновниковъ. Безнаказанность довела до того, что появилось нѣсколько разбойничьихъ сектъ (напримѣръ секта *отчалмныхъ*), которыя усвоили себѣ военную организацію, и цѣлыя деревни открыто упражнялись въ искусствѣ владѣть оружіемъ. Эмблемой ихъ служили черныя знамена и мертвыя головы; а патенты на разныя должности въ шайкахъ писались человѣческою кровью; измѣнившіе товарищи наказывались смертію. Эти секты въ то же время распространяли коммунистическія идеи, и имущество людей богатыхъ, добровольно или изъ страха вступавшихъ въ общество, дѣлилось поровну между его членами. При такихъ условіяхъ безопасности, понятно, какъ затруднительны были средства сообщенія между городами. Чтобъ отправить, напримѣръ, почтовую карету изъ столицы въ Апулію, надобно было давать прикрытіе въ 4.000 человѣкъ войска. Въ горахъ Калабріи и Абруццахъ бандиты были почти недоступны для отрядовъ правительства; а изъ Абруццъ въ случаѣ неудачи они переходили въ сосѣднія Папскія Владѣнія, и продолжали тамъ свои подвиги. Нѣкоторые изъ ихъ атамановъ приобрѣли большую извѣстность своимъ удалствомъ и количествомъ преступленій; они нападали обыкновенно на людей богатыхъ, а съ низшими классами находились въ дружескихъ сношені-

яхъ, и потому получили характеръ какихъ-то народныхъ героевъ; таковы Анникьярко и братья Вардарелли.

Въ связи съ бандитами развивались тайныя политическія общества, которыя какъ сътыю покрыли собою всю Италію. Тайныя общества составляютъ всегда признакъ болѣзненнаго состоянія: они указываютъ на недостатокъ органической связи между высшими и низшими классами, на угнетеніе одного сословія другимъ, или являются слѣдствіемъ ненавистнаго иноземнаго владычества. Италія издавна была классическою страной бандитовъ и тайныхъ обществъ; здѣсь соединялись всѣ условія, необходимыя для ихъ существованія. Гнетъ домашній и иноземный долгое время раздражалъ страсти, вызывалъ тайныя предпріятія и заговоры; вообще историческія обстоятельства развили сильный мистическій элементъ, который составляетъ слабую сторону италіянскаго характера. Церковныя учрежденія служили здѣсь образцомъ для свѣтекыхъ; напимѣръ, католическая инквизиція была взята за образецъ для венеціанской инквизиціи, а устройство монашескихъ орденовъ имѣло вліяніе на организацію политическихъ и религіозныхъ сектъ. Изъ нихъ самыя замѣчательныя были слѣдующія: *европейскіе патриоты*, *филадельфы* и *отчаянные*—въ Неаполѣ, *санфедисты*—въ Папской Области, *индепенденты* и *федералисты*—въ Піемонтѣ; но всѣ они въ началѣ настоящаго столѣтія были заслонены огромнымъ обществомъ *карбонаріевъ*.

Происхожденіе карбонаризма объясняютъ потребностію мирныхъ среднихъ классовъ защитить себя отъ двойнаго гнета, сверху и снизу. Время его происхожденія еще недостаточно разъянено. Наиболѣе распространенное мнѣніе считаетъ карбонаріевъ особенною вѣтвію масонства, занесеннаго изъ Германіи. По крайней мѣрѣ, у масоновъ они заимствовали свои символы, свои мистическіе обряды; какъ масоны получили свое имя отъ ремесла каменщиковъ, такъ карбонари взяли его у ремесла угольщиковъ. Главною цѣлю первыхъ было распространеніе духовнаго образованія; вторые сдѣлали своею задачей приобрѣтеніе свободныхъ гражданскихъ учрежденій; съ этою задачей соединялась ненависть къ чужеземному игу и развившаяся отсюда идея національнаго единства. Тайныя клубы или венты карбонаріевъ, устроенныя на подобіе масонскихъ ложъ, были распространены по цѣлой Италіи; главная же ихъ сила и дѣятельность сосредоточилась въ Неаполѣ. Здѣсь, послѣ уничтоженія Партенопейской рес-

публики, карбонари, приверженные преимущественно къ республиканскимъ формамъ, подверглись преслѣдованію королевскаго правительства (сначала Жозефа Бонапарте, потомъ Мурата). Многіе изъ нихъ удалились въ неприступныя скалы Абрुццъ и Калабріи, и оттуда разсылали своихъ агентовъ по цѣлой Италіи. Въ союзъ съ бандитами, они дѣйствовали противъ Мурата и помогали возвращенію въ Неаполь Фердинанда, который обольстилъ ихъ обѣщаніями либеральныхъ учреждений. Но когда начались реакціонныя мѣры правительства, и карбонари увидѣли себя обманутыми, дѣятельность ихъ возобновилась съ новою силой. Тогда правительство для борьбы съ ними выставило приверженное себѣ тайное общество *кальдераріевъ*, основанное покойною Каролиной въ Сициліи. Во главѣ кальдераріевъ (или, какъ они сами себя называли, *тринитаріевъ*) сталъ министръ королевской полиціи Каноза, достойный ученикъ Каролины. Онъ вскорѣ сумѣлъ возбудить такую ненависть между партіями, что король, по настоятельнымъ убѣжденіямъ иностранныхъ пословъ, принужденъ былъ въ 1816 году дать ему отставку. Общество карбонаріевъ между тѣмъ росло и распространялось по всѣмъ частямъ полуострова. Имѣя повсюду своихъ агентовъ—въ судахъ, въ администраціи, въ войскѣ,—оно приобрѣло могущественное вліяніе, которое старалось употреблять на народную пользу. Такъ, оно дѣятельно помогало неаполитанскому генералу Чорчу (родомъ Англичанину) истребить хищную секту *отчаянныхъ* въ 1817 году. Подъ защитою карбонаризма можно было найти безопасность отъ преслѣдованія правительства и отъ грабежа бандитовъ; поэтому много охотниковъ изъ всѣхъ сословій спѣшило втереться въ члены этого общества. Но вмѣстѣ съ быстрымъ распространеніемъ карбонаризма началась его порча: подъ покровительство его стали прибѣгать преступники, чтобъ избѣжать наказанія, люди, хотѣвшіе мстить за свои частныя обиды, и вообще всѣ желавшіе приобрести политическое значеніе. Общество начинало принимать безпокойный, эгоистическій характеръ. Тогда старые либералы попытались произвести въ немъ реформы, чтобъ очистить его отъ вредныхъ элементовъ.

Самая видная роль въ послѣдующихъ событіяхъ принадлежала неаполитанскому генералу Вильгельму Пепе, который занималъ первое мѣсто между вождями карбонаріевъ и былъ горячимъ поборникомъ національной независимости. Онъ со-

ставилъ себѣ блестящую военную репутацію во времена Мюрата и съ возвращеніемъ Бурбоновъ сохранилъ свое мѣсто въ арміи. Въ 1818 году Пепе былъ посланъ министерствомъ въ Авеллино (главный городъ провинціи Капитаната), чтобъ организовать тамъ гражданскую милицію. Офицерами для нея онъ назначалъ преимущественно членовъ карбонарскаго общества, и задумалъ опереться на милицію въ борьбѣ съ абсолютизмомъ. Въ то же время онъ старался преобразовать самое «общество» и укрѣпить его военною дисциплиной.

## II. Неаполитанскій переворотъ.

При полномъ разладѣ между наиболѣе-цивилизованными классами и возстановленными династіями, при сильномъ развитіи тайныхъ сектъ и возраставшемъ влияніи карбонаризма, который стремился къ свободнымъ учрежденіямъ и національной независимости, не доставало только внѣшняго толчка, чтобы произошло открытое движеніе недовольныхъ. Этотъ толчокъ былъ данъ событіями въ Испаніи, гдѣ въ мартѣ 1820 года либеральная партія провозгласила конституцію и заставила короля утвердить ее своею присягой. Испанская революція прежде всего отозвалась въ Неаполѣ, который находился еще въ довольно-тѣсныхъ сношеніяхъ съ Испаніей. Королевство Обѣихъ Сицилій только во второй половинѣ прошлаго столѣтія перестало быть испанскимъ наместничествомъ; въ немъ царствовала теперь младшая линія испанскихъ Бурбоновъ. Первое движеніе неаполитанскихъ карбонариевъ произошло въ Салерно: они хотѣли поднять войско, собранное для королевскаго смотра между Гаэтой и Капуей, и провозгласить испанскую конституцію. Но смотръ окончился спокойно; а правительство, замѣтивъ волненіе въ Салерно, начало производить аресты. Тогда предводители салернской венты обратились въ Авеллино къ Вильгельму Пепе, и просили его стать во главѣ возстанія съ титуломъ генераль-капитана. Пепе медлилъ положительнымъ отвѣтомъ и совѣтовалъ Салерницамъ подождать; лица, окружавшія его, поддерживали эту нерѣшительность. Но между тѣмъ какъ высшіе офицеры обсуждали вопросъ и колебались, незначительные люди прямо приступили къ дѣлу.

Одинъ изъ салернскихъ карбонаріевъ, Гальярди, поспѣшилъ въ ближайшій городокъ Нолу, и вмѣстѣ съ каноникомъ Менинини, который пользовался здѣсь популярностію, началъ дѣйствовать на стоявшій въ городѣ кавалерійскій полкъ. 2 іюля 1820 года два подпоручика, Морелли и Сильвати, возмутили свой эскадронъ, и въ сопровожденіи нѣсколькихъ карбонаріевъ, съ кликами: «да здравствуетъ король и конституція!» бросились въ Авеллино. Вильгельмъ Пепе въ то время находился въ Неаполѣ; заступавшій его мѣсто полковникъ Кончили съ своею милиціей присталъ къ движенію. Инсургенты направлялись къ столицѣ, и въ виду ея расположились лагеремъ на Монтекьяро. Движеніе быстро распространилось по всѣмъ сосѣднимъ городамъ, и карбонарии отовсюду начали стекаться въ лагерь авеллинской милиціи; въ Неаполѣ народъ и войско, особенно молодежь, волновались и очевидно ждали только удобнаго случая, чтобы соединиться съ инсургентами. Правительство короля, при такомъ неожиданномъ взрывѣ, совершенно растерялось. Австрійскій генералъ Нугентъ, бывшій тогда военнымъ министромъ въ Неаполѣ, собралъ совѣтъ, на которомъ рѣшено было послать къ мятежникамъ Вильгельма Пепе, какъ самаго популярнаго генерала, чтобы онъ уговорилъ ихъ разойтись. Но дворъ подозрительно смотрѣлъ на Пепе и не утвердилъ рѣшенія военного совѣта; а между тѣмъ не принималъ никакихъ энергическихъ мѣръ. Вообще семидесятилѣтній король обнаружилъ при этомъ случаѣ совершенное отсутствіе энергіи и находчивости; онъ не придумалъ ничего лучшаго, какъ вступить въ переговоры съ предводителями возстанія, и деньгами хотѣлъ склонить ихъ къ бѣгству за границу. Опасаясь ареста, Пепе 5 числа удалился изъ города; онъ увлекъ за собою часть гарнизона и присоединился къ инсургентамъ на Монтекьяро. Немедленно въ самой столицѣ поднялись карбонарии, и въ ту же ночь отправили депутацію, составленную изъ самыхъ значительныхъ членовъ «общества», которые отъ имени народа и войска потребовали у короля согласія на конституцію. Бѣльшая часть придворныхъ вельможъ совѣтовала королю уступить и не усиливать народнаго раздраженія. Яснѣе всѣхъ высказалъ заднюю мысль трусливыхъ аристократовъ старый маркизъ Чирчелло, который со слезами на глазахъ уговаривалъ короля согласиться на требованіе инсургентовъ. «Уступите только настоящей опасности, говорилъ онъ; а потомъ Богъ поможетъ благочестивѣйшему ко-



ролю опять воротить права короны изъ рукъ преступнаго народа.» Герцогъ Асколи передалъ депутатамъ согласіе короля на конституцію. «Когда она будетъ объявлена?»—Немедленно. «То-есть?»—Черезъ два часа.—Одинъ изъ депутатовъ, герцогъ Пиколети (зять герцога Асколи), посмотрѣвъ на свои часы, и сказалъ: «теперь часъ по полуночи; итакъ въ три часа конституція будетъ обнародована!» Действительно, въ назначенное время появился королевскій эдиктъ; онъ объявлялъ, что король, по всеобщему желанію, даруетъ своему народу конституцію, основанія которой будутъ приведены въ извѣстность не поздне осьми дней. Однако въ тотъ же день Фердинандъ, подъ предлогомъ нездоровья, передалъ правительственные дѣла наследному принцу, какъ своему намѣстнику.

Исургенты, занимавшіе лагерь на Монтеяро, торжественно вступили въ Неаполь. Впереди шелъ *священный* эскадронъ (который поднялъ возстаніе въ Нолѣ), за нимъ слѣдовала либеральная милиція, потомъ вступалъ аббатъ Мениккии во главѣ пестрой толпы вооруженныхъ карбонаріевъ. Принцъ-намѣстникъ и весь дворъ привѣтствовали процессію, стоя на балконѣ дворца и украшенные тремя карбонарскими цвѣтами (красный, черный, синій). Вильгельмъ Пепе торжественно донесъ, что «когда онъ пріѣхалъ въ лагерь, революція уже совершилась, и ему оставалось только позаботиться о томъ, чтобы направить ее на благо отечеству и трону.» Принцъ и потомъ король благодарили Пепе за его патріотизмъ и утвердили за нимъ титулъ генералиссимуса. Назначенные восемь дней прошли въ обсужденіи вопроса, какую конституцію принять для Неаполя,—испанскую или сицилійскую 1812 года? Дворъ съ умысломъ возбудилъ вопросъ о послѣдней, разчитывая на вражду между Неаполемъ и Сицилією, и расчетъ его удался какъ нельзя лучше. Вслѣдствіе почти единогласнаго требованія неаполитанскихъ карбонаріевъ, вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу испанской конституціи, заключающей въ себѣ болѣе демократическихъ элементовъ чѣмъ сицилійская <sup>1</sup>. 13 июля,

<sup>1</sup> Вотъ сущность испанской конституціи (составленной, такъ же какъ сицилійская, въ 1812 г.): верховная власть народа; равенство передъ закономъ; всеобщая обязательность податей и военной службы; свобода печати; законодательная власть въ рукахъ однокамерной палаты представителей; король не имѣетъ права ее распускать, и во всѣхъ важныхъ дѣлахъ поступаетъ съ ея согласіемъ, включая сюда назначеніе высшихъ чиновниковъ, судей и даже епископовъ.

въ храмѣ, торжественно, положивъ руку на Евангеліе, король далъ присягу конституціи; за нимъ присягнули и принцы. Присутствующіе были тронуты до слезъ тою искренностію, съ которою королевская фамилія повидимому вступала на новый политическій путь, а также и замѣчательною легкостью переворота, не стоявшаго почти ни капли крови. Они далеки были отъ мысли, что за этою легкостью революція скрывалась ея совершенная непрочность.

Первая и главная ошибка неаполитанскихъ либераловъ заключалась въ томъ, что они предпочли сицилійской конституціи испанскую, и не позаботились тѣснѣе, общими интересами, сблизить съ собою Сицилійцевъ. Между тѣмъ въ Сициліи итальянскій карбонаризмъ и его идеи національнаго единства имѣли мало успѣха; здѣсь всегда было сильно стремленіе къ отдѣльности, къ самостоятельной политической жизни. Въ Мессинѣ, при первомъ извѣстіи о переворотѣ, неаполитанскій гарнизонъ пріявствовалъ испанскую конституцію и увлекъ за собою жителей. Но въ Палермо немедленно начались смуты. Войска начали кричать: да здравствуетъ конституція! Палермитяне присоединили къ этому кликъ: да здравствуетъ независимость! и начали браться съ солдатами. Чтобы сохранить дисциплину, генералъ Чорчъ велѣлъ войскамъ удалиться въ казармы; чернь пришла въ ярость; одинъ священникъ хотѣлъ ударить генерала кинжаломъ, и ранилъ его спутника. На слѣдующій день чернь была уже въ полномъ возстаніи подъ предводительствомъ священниковъ и монаховъ; при этомъ случаѣ королевскій намѣстникъ, генералъ Назелли (неизвѣстно съ намѣреніемъ или по неспособности), допустилъ ее ворваться въ Каstellамаре, захватить тамъ 14.000 ружей и потомъ освободить тюремныхъ и галерныхъ арестантовъ. Послѣ непродолжительной борьбы, малочисленный неаполитанскій гарнизонъ былъ побѣжденъ, и намѣстникъ удалился въ Неаполь. Эта побѣда черни сопровождалась разграбленіемъ королевскаго дворца и другими неистовствами. Палермитяне тотчасъ назначили правительственную юнту, которая требовала отъ Неаполя отдѣльнаго правительства для острова, съ однимъ изъ принцевъ во главѣ. Однако другіе города отказались признать палермскую юнту; большая часть аристократической партіи не хотѣла соединить свое дѣло съ дѣломъ черни, и противодействовала усиліямъ палермскихъ демократовъ поднять весь островъ. Тогда юнта, вооруживъ многочисленныя

толпы простонародья, открыла войну противъ Неаполитанцевъ и жителей, не хотѣвшихъ подчиниться ея власти. Въ этой войнѣ Палермитяне старались подражать испанскимъ герильясамъ; но далеко превосходили ихъ грабежомъ, поджогами и всякаго рода насиліями. Одна шайка подобныхъ герильясовъ взяла Кальтанизету, значительный городъ внутри острова, и совершила тамъ такіе ужасы, что дѣло палермской юнты возбудило отвращеніе въ массѣ Сицилійцевъ, а неаполитанское правительство поспѣшило принять энергическія мѣры. Флорестанъ Пепе, старшій братъ Вильгельма, отправленъ былъ съ десантнымъ войскомъ для занятія столицы острова. Инсургенты, одушевляемые восьмидесятилѣтнимъ палермскимъ демагогомъ, княземъ Патерно, оказали отчаянное сопротивленіе. Однако, спустя нѣсколько дней, осажденные должны были уступить, и Патерно заключилъ съ Пепе капитуляцію, въ силу которой Палермитяне получали амнистію и соглашались подчиниться испанской конституціи. Конституціонное правительство осталось недовольно умѣренностію Флорестана Пепе, въ то время самаго благоразумнаго изъ неаполитанскихъ патріотовъ; парламентъ началъ обращаться съ Сицилійцами какъ съ мятежниками и послалъ на мѣсто Пепе другаго генерала (Коллетту), который распустилъ палермскую юнту и водворилъ на островѣ военный деспотизмъ. Такимъ образомъ неаполитанская либеральная партія не только лишила себя поддержки Сицилійцевъ, но и должна была оставить на островѣ 8000 своего лучшаго войска въ то время, когда съ сѣвера уже приближалась австрійская армія.

Между тѣмъ въ Неаполѣ также дѣло не обошлось безъ разныхъ смуть. Первые недѣли, которыя послѣдовали за революціей, были довольно бурны: толпы черни, возбуждаемыя народными ораторами, требовали казни самыхъ нелюбимыхъ служителей деспотизма; между двумя отрядами войска произошла кровавая схватка. Въ провинціяхъ совершенно значительное число убійствъ и насилій; мѣстами возвышались требованія республиканскихъ формъ. Но эти смуты скоро прекратились усиліями карбонаріевъ, когда извнѣ начала грозить серіозная опасность. Князь Каріати, отправленный въ Вѣну хлопотать о признаніи новой формы правительства, воротился безъ успѣха. Чтобы привлечь на свою сторону общественное мнѣніе Европы и отнять у Австріи поводъ вмѣшаться въ неаполитанскія дѣла, союзъ карбонаріевъ рѣшился

всѣми силами поддерживать спокойствіе и безопасность въ государствѣ. Они отбросили свою прежнюю таинственность и начали дѣйствовать открыто, стараясь придать революціи мирный, нравственный характеръ. Тогда-то вполнѣ обнаружались огромные размѣры «союза» и его могущественное вліяніе. Въ государствѣ было до 1000 вентъ, которыя всѣ вмѣстѣ насчитывали до 300.000 членовъ; сюда принадлежалъ весь цѣвъъ зажиточныхъ и образованныхъ классовъ. Появились даже женскія ложи карбонаріевъ, и патриотизмъ быстро вошелъ въ моду. Благодаря ихъ усиліямъ, спокойствіе дѣйствительно водворилось скоро въ цѣлой странѣ; разбой и грабежи прекратились, и никогда общественная безопасность въ Неаполитанскомъ королевствѣ не была такъ велика, какъ въ то время; никогда принципъ собственности не былъ такъ уважаемъ. Вильгельмъ Пепе организовалъ городскую стражу изъ самихъ карбонаріевъ; вооруженная кинжалами и символическими знаками своего союза, она производила вездѣ сильное впечатлѣніе на толпу. Конституціонное министерство, составленное изъ лицъ наполеоновской или муратовской школы, дѣятельно хлопотало объ устройствѣ новаго порядка и средствахъ защиты со стороны Австріи. Регулярное войско, состоявшее съ небольшимъ изъ двадцати тысячъ, положено было увеличить до пятидесяти; отставные чины приглашены поступить опять на службу отечеству на шесть мѣсяцевъ въ качествѣ волонтеровъ, и дѣйствительно, благодаря содѣйствію карбонаріевъ, они со всѣхъ сторонъ стекались на призывъ правительства. Кромѣ линейныхъ полковъ предположено было поставить на военную ногу гражданскую милицію, число которой, по проекту министерства, опредѣлено въ 200.000 человекъ.

1 октября происходило открытіе парламента при большомъ стеченіи и восторженныхъ кликахъ народа; навстрѣчу торжественной процессіи, шедшей по Толедской улицѣ къ храму, жители выпускали изъ клѣтокъ птицъ, въ знакъ своего освобожденія. Король еще разъ присягнулъ конституціи. Начались оживленныя пренія ораторовъ. Парламентъ отличился духомъ нововведеній и стремленіемъ придать испанской конституціи еще болѣе демократическій характеръ. Первый неблагоприятный шагъ его, какъ мы видѣли, заключался въ отказѣ подтвердить палермскую капитуляцію; онъ не сумѣлъ привлечь на свою сторону сицилійское населеніе. Депутаты находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ карбонаріевъ, которые

организовали въ столицѣ особый правительственный центръ, такъ называемое «генеральное собраніе», составленное изъ представителей всѣхъ провинціальныхъ и столичныхъ вентъ.

Общественное мнѣніе Европы очень радушно встрѣтило эту конституцію, водворенную безъ пролитія крови, съ уваженіемъ принципа собственности. Легкость переворота многимъ либераламъ показалась признакомъ единодушія. Богатые банкирскіе дома въ Лондонѣ и Парижѣ предложили свою помощь новому неаполитанскому правительству для внѣшняго займа, необходимаго на покрытіе предстоящихъ военныхъ издержекъ; лучшіе генералы посылали ему свои совѣты, касательно обороны государства. Въ другихъ частяхъ Италіи умы волновались, возбуждаемые вентами карбонаріевъ; а въ Папской Области замѣтны были признаки революціоннаго движенія. Но вопросъ о неаполитанской конституціи ожидалъ своего рѣшенія отъ согласія великихъ державъ, которыя, со времени вѣнскаго конгресса, сдѣлались высшимъ, безапелляціоннымъ трибуналомъ для всѣхъ второстепенныхъ государствъ Европы. Австрія естественно согѣе всѣхъ была заинтересована въ послѣднемъ переворотѣ. Она опасалась, что одушевленіе италіанскаго патриотизма повлечетъ за собою потерю ея владѣній и ея вліянія на полуостровѣ; она равно опасалась и заразительнаго примѣра для другихъ подвластныхъ ей народовъ. Поэтому при первомъ извѣстіи о событіяхъ въ Неаполѣ приняты были всевозможныя мѣры предосторожности: часть арміи и главныя крѣпости въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ поставлены на военную ногу; полицейскій надзоръ усиленъ. Благодаря подобнымъ мѣрамъ, всѣ попытки карбонаріевъ произвести возстаніе въ Ломбардіи и Средней Италіи остались безъ успѣха. Въ то же время австрійская дипломатія приняла твердое намѣреніе оружіемъ подавить неаполитанскую конституцію, и Меттернихъ началъ хлопотать о томъ, чтобы великія державы вручили Австріи полномочіе водворить въ Италіи законный порядокъ. Для обсужденія революціонныхъ движеній, онъ устроилъ конгрессъ въ Троппау (городъ австрійской Силезіи). Сюда съѣхались три главы священнаго союза, въ сопровожденіи своихъ министровъ, и уполномоченные Англій и Франціи. Послѣдніе съ самаго начала высказались въ пользу невмѣшательства. Кабинетъ Лудовика XVIII, не желая предавать Италію въ руки старой своей соперницы Австріи, даже предложилъ Неапо-

литанцамъ посредничество на конгрессѣ, если они преобразуютъ конституцію въ духъ французской хартіи, то-есть дадутъ болѣе власти королю. Неаполитанское министерство охотно соглашалось на это условіе; но неумѣренность радикаловъ, «вѣрнѣйшая союзница Меттерниховой политики» (замѣчаетъ Рейхлинъ въ своей *Италіанской Исторіи*), рѣшительно отвергла дружественное предложеніе Франціи. Тогда Меттернихъ исключительно обратился къ двумъ абсолютнымъ державамъ, и употребилъ всю свою дипломатическую ловкость, чтобы склонить Россію на сторону австрійскаго плана. Странія его увѣнчались успѣхомъ. Такъ получила дальнѣйшее развитіе система вооруженнаго вмѣшательства, имѣвшая своею цѣлю поддерживать въ Европѣ принципы священнаго союза.

19-го ноября 1820 года уполномоченные трехъ сѣверныхъ державъ подписали протоколъ, который предлагалъ сначала подѣйствовать на Неаполь убѣжденіемъ; если же этимъ путемъ цѣль не будетъ достигнута, Австрія принимала на себя обязательство употребить силу для возстановленія законнаго порядка. Въслѣдъ за тѣмъ конгрессъ перешелъ въ крайнскій городъ Лайбахъ, чтобы быть поближе къ театру событій. Здѣсь англійскій уполномоченный передалъ конгрессу ноту отъ своего министерства: Англія отказывалась приступить къ политикѣ трехъ сѣверныхъ державъ, и не признавала за ними права вмѣшательства, которое уничтожало самостоятельность второстепенныхъ государствъ. Но этотъ протестъ торійскаго министерства былъ слабъ; Англія только умывала руки въ послѣдующихъ событіяхъ и не хотѣла принять въ нихъ никакого участія.

На лайбахскомъ конгрессѣ явились представители всѣхъ италіанскихъ государствъ. Король Обѣихъ Сицилій былъ приглашенъ лично вступить въ соглашеніе съ Европой по вопросу о неаполитанской революціи. Фердинандъ весьма охотно принялъ это предложеніе, которое давало ему возможность освободиться изъ рукъ либераловъ; но онъ не могъ ухватить изъ государства безъ согласія парламента. Послѣдній нѣкоторое время колебался; тѣ члены новаго правительства, которые остались въ душѣ роялистами, сильно хлопотали объ отъѣздѣ короля; сами карбонаріи были не противъ отъѣзда. Король съ своей стороны торжественно обѣщавъ отстаивать на конгрессѣ дѣло свободы, и снова приеягнувъ конституціи. Наконецъ парламентъ, послѣ жаркихъ преній, изъявилъ свое согласіе.

Передавъ всѣ права короны наследному принцу съ титуломъ регента, Фердинандъ въ декабрь 1820 года отплылъ на англійскомъ военномъ кораблѣ изъ Неаполя, сопровождаемый министромъ иностранныхъ дѣлъ, герцогомъ фонъ-Галло. Въ Лайбахѣ, онъ немедленно снялъ съ себя маску притворства, и безъ труда былъ убѣжденъ Меттернихомъ положиться во всемъ на рѣшеніе трехъ союзныхъ державъ. Рѣшеніе это состоялось въ январѣ 1821 года, и три державы сообщили его принцу-регенту посредствомъ своихъ посланниковъ въ Неаполь. Нота конгресса заключала два слѣдующіе пункта: во-первыхъ, державы, для сохранения спокойствія въ Италіи, не могутъ допустить существованія конституціи въ Неаполитанскомъ королевствѣ; во-вторыхъ, австрійскій оккупационный корпусъ вступить въ королевство и останется тамъ до тѣхъ поръ, пока спокойствіе и законный порядокъ не будутъ вполне обезпечены; Неаполитанцамъ предоставлялось только на выборъ—встрѣтить Австрійцевъ какъ друзей, или какъ враговъ. Принцъ-регентъ отвѣчалъ, что онъ останется вѣрны своей присягѣ и ни въ какомъ случаѣ не желаетъ отдѣлять себя отъ народа. Въ томъ же тонѣ онъ говорилъ парламенту, созданному для обсужденія лайбахской ноты. Парламентъ съ достоинствомъ независимой націи отвергъ рѣшеніе конгресса, объявилъ своего короля несвободнымъ, дѣйствующимъ по принужденію трехъ державъ, и издалъ манифестъ къ народу, призывая его на защиту отечества. Тогда посланники Россіи, Австріи и Пруссіи, оставили Неаполь. 50.000 отборнаго австрійскаго войска подъ начальствомъ барона Фримонта двинулись изъ Ломбардіи на югъ, и въ началѣ марта приблизились къ неаполитанскимъ границамъ.

Большинство городского населенія отвѣчало на призывъ парламента чрезвычайно-воинственнымъ энтузіазмомъ. Милліція выказала необыкновенное рвеніе. Народъ въ театрахъ и на улицахъ требовалъ, чтобъ его немедленно вели противъ непріятеля. Волонтеры стекались со всѣхъ сторонъ и переполняли гражданскіе батальоны. Многіе молодые люди, черезъ горы, почти безъ всякихъ запасовъ, съ однимъ охотничьимъ ружьемъ, спѣшили на границы Аbruццъ, чтобы «поохотиться за волками» (подъ которыми разумѣлись Австрійцы). Въ Неаполѣ никогда не было произнесено такъ много сильныхъ патріотическихъ рѣчей, какъ въ это время; никогда въ устахъ неаполитанской молодежи такъ часто не повторялись имена

греческихъ и римскихъ героевъ, которымъ она хотѣла подражать. На одномъ праздникѣ въ честь мюратовскихъ генераловъ, застольный ораторъ, увлеченный своимъ поэтическимъ одушевленіемъ, вдругъ сдѣлалъ вопросъ: «Кто же изъ этихъ полководцевъ будетъ Мильтіадомъ?» Глубокое молчаніе. «Они все будутъ Мильтіадами!» воскликнулъ ораторъ, и слова его покрылись восторженными рукоплесканіями. Триста волонтеровъ, принявшіе названіе *брутійскихъ*, объявили, что они заставятъ снова говорить о Фермопилахъ. «Мы особенно гордимся тѣмъ, прибавляли они, что вибѣсть съ Муціемъ Сцеволю, но еще справедливѣе его, можемъ сказать: все наши сограждане намъ подобны, все они смерть предпочитаютъ стыду». Европейскіе либералы съ полнымъ сочувствіемъ и довѣріемъ встрѣтили этотъ воинственный энтузіазмъ. Въ Парижѣ, генералъ Фуа, одинъ изъ популярныхъ ораторовъ лѣвой стороны, открыто заявилъ въ палатѣ свое мнѣніе, что Австріяцы, можетъ-быть, легко войдутъ въ Абрुццы, но что оттуда они навѣрное не выйдутъ. Даже въ Лайбахѣ извѣстія изъ Неаполя произвели сильное впечатлѣніе, и союзники уже думали о посылкѣ подкрѣпленій. Ихъ успокоилъ хитрый герцогъ моденскій, отличный знатокъ италіанскаго характера.

Дѣйствительно, при этомъ наружномъ энтузіазмѣ, внимательному наблюдателю не трудно было замѣтить, что въ глубинѣ массы скрывалось сомнѣніе въ успѣхѣ дѣла и даже уныніе при видѣ приближающейся грозы. Очевидное неравенство силъ, молчаніе остальной Италіи, отказъ Испаніи на просьбу о помощи, взаимное недоувѣріе и разногласіе вождей, все это способствовало тому, что воинственное настроеніе скоро миновалось; масса, по обычаю южныхъ жителей, легко увлеклась патріотическимъ одушевленіемъ, но такъ же легко впала и въ прежнюю апатію. Неаполитанцы нѣсколько столѣтій жили подъ кровомъ абсолютизма, погруженные въ суевѣріе, лѣнь и распущенность нравовъ. Естественно, что новыя учрежденія не могли привиться вдругъ и пустить на столько глубокіе корни, чтобы народъ охотно жертвовалъ своимъ имуществомъ и жизнью на защиту гражданской свободы. Притомъ въ королевствѣ существовала многочисленная партія, приверженная къ королю, или, точнѣе сказать, заинтересованная въ сохраненіи стараго патріархальнаго порядка. Роялисты, застигнутые врасплохъ июльскимъ переворотомъ, на время приняли видъ либераловъ, но втайнѣ не переставали дѣйствовать въ пользу реставра-



ціи; они особенно старались мѣшать военнымъ приготовленіямъ и улучшенію финансовъ, которые находились въ самомъ разстроенномъ состояніи. Имъ даже удалось сначала распространить убѣжденіе въ томъ, что извнѣ нельзя ожидать никакой серьезной опасности; а когда вожди революціи замѣтили свою ошибку, было уже поздно. Къ числу такихъ мнимыхъ либераловъ принадлежалъ и принцъ-регентъ. Находясь во власти карбонаріевъ, Францискъ далъ союзнымъ державамъ гордый отвѣтъ на ихъ ноту, и высказалъ намѣреніе лично вести войска противъ Австрійцевъ; его супруга украшала трехцвѣтными лентами знамена волонтеровъ. Но въ дѣйствительности принцъ игралъ двойную роль; онъ не спѣшилъ предположенною закупкой оружія въ Англіи, оборонительными работами на сѣверной границѣ, доставкой припасовъ въ крѣпости, своевременнымъ сборомъ милиціи на извѣстные пункты, и т. п.

Война уже начиналась; а Неаполитанцы были къ ней совершенно не приготовлены, и выставили въ поле только съ небольшимъ сорокатысячную армію, состоящую отчасти изъ милиціи. Принцъ-регентъ устроилъ еще дѣло такимъ образомъ, что эта армія раздѣлилась на двѣ части, поставленныя подъ команду двухъ генераловъ, независимыхъ другъ отъ друга и питавшихъ взаимное нерасположеніе. Первая, бѣльшая часть, занимала позицію, опирающуюся на крѣпости Гаэту и Капуу; ея командовалъ генералъ Караскоза, который мало вѣрилъ въ счастливый исходъ войны и желалъ вступить въ переговоры съ непріятелемъ. Другой корпусъ, въ 15 или 16 тысячъ, состоялъ подъ начальствомъ Вильгельма Пепе и расположился въ Абруццахъ. Пепе, при открытіи парламента, сложилъ съ себя званіе генералиссимуса, и потомъ получилъ отъ короля должность генералъ-инспектора милиціи. Эпоха неаполитанской революціи вполне обнаружила характеръ этой личности: онъ былъ горячій патріотъ, военный энтузіастъ, но человекъ легкомысленный и непостоянный; онъ задумывалъ всегда смѣлые планы, но не имѣлъ настойчивости приводить ихъ въ исполненіе. Еще прежде нежели дошло дѣло до битвы, въ арміи уже господствовали измѣна и разномысліе. Приверженцы старой системы усердно распространяли между солдатами прокламаціи барона Фримонта и короля Фердинанда, который приказывалъ неаполитанскимъ войскамъ соединиться съ Австрійцами. При такихъ обстоятельствахъ не могло быть никакого сомнѣнія въ исходѣ

дѣла. Передовые австрійскіе отряды подошли къ неаполитанской границѣ, и нетерпѣливый Пепе, спѣшившій сильнѣмъ ударомъ поправить духъ своего войска, вступилъ съ ними въ битву при мѣстечкѣ Ріети (7 марта 1821 г.). Милиція, на которую онъ возлагалъ главную надежду, пришла въ беспорядокъ при первыхъ выстрѣлахъ неприятельской артиллеріи; а когда данъ былъ приказъ отступить, Неаполитанцами овладѣлъ паническій страхъ; войска дезертировали цѣлыми батальонами. На слѣдующій день армія Пепе уже не существовала. Едва вѣсть о пораженіи при Ріети пришла въ лагерь Караскозы, солдаты его начали быстро расходиться; они не внимали убѣжденіямъ своихъ офицеровъ, и даже посылали имъ на прощанье пули. Три дня спустя, Караскоза только съ немногими офицерами явился въ Капую.

Пепе предложилъ было перевести парламентъ въ Калабрію или въ Сицилію и начать противъ Австрійцевъ войну герильюзовъ. Но его уже никто не слушалъ. 24 марта Австрійцы въ парадной формѣ, съ зелеными вѣтками на киверахъ, вступили въ Неаполь. Толпа не обнаружила ни печали, ни радости, и смотрѣла на нихъ съ тупымъ любопытствомъ. Предводители революціи большею частію спаслись бѣгствомъ на иностранные корабли. Но многіе депутаты продолжали свои засѣданія въ палатѣ и подписали энергическій протестъ противъ насилія иностранныхъ державъ. Въ числѣ ихъ находились лучшіе парламентскіе ораторы и патріоты, каковы Борелли, Поззіо, Калаани и Росси. Они были арестованы и разсланы по австрійскимъ крѣпостямъ. 15-го мая воротился въ свою столицу старый король. Населеніе привѣтствовало его кликами радости, какъ будто бы ничего и не случилось. Абсолютизмъ возстановленъ въ своей прежней силѣ, и началась неизбежная реакція. Всѣ новыя учрежденія отминены; чиновники, назначенные во время революціи, большею частію отставлены; всякій человекъ, найденный съ оружіемъ въ рукахъ, долженъ былъ подвергаться такому же наказанію, какъ убійца. Преслѣдованія королевскаго правительства съ особенною силой обратились на общество карбонаріевъ: тотъ, кто продолжалъ быть членомъ общества, объявленъ государственнымъ немѣнникомъ. Водворилось полное господство полиціи, во главѣ которой опять поставленъ свирѣпый Каноза, и снова введена строжайшая цензура. Этого мало: школы въ провинціяхъ были закрыты, и образованіе народное вытѣрено исключительному попеченію духовенства. Такой же

порядокъ возстановленъ и въ Сициліи при помощи австрійскихъ штыковъ.

Европа была поражена тѣмъ малодушіемъ и слабостью, съ которыми неаполитанскій народъ отступился отъ свободныхъ учрежденій. Войска его покрыли себя стыдомъ и срамомъ; даже австрійскимъ солдатамъ было совѣстно вѣнчать себя въ славу такую легкую побѣду. Французскіе либералы и англійскіе виги, такъ недавно рукоплескавшіе энтузіазму неаполитанскихъ патриотовъ, отвернулись отъ нихъ съ презрѣніемъ. «Итакъ, нѣтъ доблести въ макаронахъ!» замѣтилъ Муръ, когда услышалъ о развязкѣ дѣла. Еслибы Неаполитанцы продержались еще нѣсколько времени, событія могли бы принять другой оборотъ, потому что въ тылу австрійской арміи, въ Пиемонтѣ, вспыхнуло военное возстаніе, спустя три дня послѣ пораженія при Рюти. Такъ думали, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые современники.

### III. Пиемонтскій переворотъ.

Нельзя сказать, чтобы политическія секты, столь многочисленные въ другихъ частяхъ Италіи, пользовались большимъ сочувствіемъ въ Пиемонтѣ. Но конституціонныя идеи, какъ мы уже замѣтили прежде, при тѣсномъ сосѣдствѣ съ Франціей, пустили глубокіе корни на пиемонтской почвѣ. Несмотря на всю ненависть народа къ иноземному владычеству, времена реакціи заставили сожалѣть о французскихъ учрежденіяхъ; а конституція, дарованная Франціи Людовикомъ XVIII, усилила въ образованныхъ классахъ Пиемонта стремленіе къ представительнымъ формамъ. Масса пиемонтскаго населенія, впрочемъ, оставалась предана монархическому началу; она хотѣла улучшеній постепенныхъ, и не желала насильственнымъ путемъ добиваться отъ короля новыхъ учрежденій. Только пылкая аристократическая молодежь показывала нетерпѣніе; напитанная патриотическимъ духомъ поэзіи Альфieri, она далеко разошлась съ старымъ поколѣніемъ, которое воротилось съ острова Сардиніи. Сбереженнымъ пунатомъ для этой либеральной молодежи служилъ сначала домъ французскаго посланника герцога Дальберга; здѣсь обыкновенно сидѣлась оппозиція, чтобы критиковать реакціонныя мѣры правительства и рассуждать о средствахъ приобри-

отъ свободныхъ учрежденій. Испанская революція 1820 года удвоила нетерпѣніе піемонтскихъ либераловъ; съ тѣхъ поръ они преимущественно собирались въ домъ испанскаго посланника, и вошли въ тѣсныя связи съ французскими и ломбардскими карбонаріями. Рядомъ съ мыслію о свободныхъ учрежденіяхъ, они болѣе другихъ Італьянцевъ воспламенялись идеей національнаго единства и независимости. А такъ какъ главнымъ препятствіемъ къ исполненію ихъ задушевныхъ стремленій была Австрія, то на ней и сосредоточилась непримиримая ненависть Піемонтцевъ. Эта ненависть и печальная извѣстность, которую приобрѣла австрійская армія во времена наполеоновскихъ войнъ, возбудили въ горячихъ головахъ италянскихъ патриотовъ презрѣніе къ австрійскому военному могуществу и надежды на легкую побѣду. Ненависть къ Австріи сближала людей самыхъ разнообразныхъ политическихъ убѣжденій, и мысль о войнѣ съ нею была очень популярна въ Піемонтѣ. Солдаты надѣялись, что и старый король въ этомъ случаѣ раздѣляетъ ихъ настроеніе. Они съ восторгомъ разказывали, какъ во время смотра Викторъ Эммануиль положилъ руку на плечо одного ветерана и спросилъ его: «готовъ ли ты идти на Нѣмцевъ?»

Іюльскій переворотъ въ Неаполѣ сообщилъ новый и самый сильный толчокъ піемонтскимъ либераламъ; между ними началось замѣтное движеніе. Первая воинственная демонстрація произошла въ январѣ 1821 года: студенты Туринскаго университета произвели безпорядки въ театрѣ, и нѣсколько чловѣкъ было арестовано; на другой день товарищи ихъ собрались въ зданіи университета съ оружіемъ въ рукахъ и потребовали освобожденія арестованныхъ; они были разсланы отрядомъ солдатъ, при чемъ дѣло не обошлось безъ крови. Между тѣмъ тайная печать еще болѣе волновала общественное мнѣніе; она составляла адреса къ королю, исполненные монархической преданности, но настоятельно требовавшіе свободныхъ учрежденій. Въ министерскомъ совѣтѣ, который былъ собранъ по поводу возбужденнаго состоянія умовъ, нѣкоторые члены предлагали либеральныя реформы, какъ единственное средство предупредить революцію. Старый поборникъ церковнаго и свѣтскаго абсолютизма, графъ де-Местръ находилъ такія реформы полезными и даже необходимыми; но при этомъ случаѣ онъ пророчески замѣтилъ, что министры «когда стрѣлятъ зданіе во время землетрясенія.» Либеральная или карбонарская партія въ Піемонтѣ повсюду имѣла своихъ чло-

новъ; она проникла въ среду чиновниковъ, и особенно много приверженцевъ находила между офицерами. Слѣдующій случай ясно показалъ ея дѣятельность и силу. Въ концѣ февраля 1821 года, полиція нашла слѣды революціоннаго заговора и арестовала нѣсколько знатныхъ лицъ, именно: князя Чистерна, маркиза Приеро и кавалера Перроне; но бумаги Приеро вдругъ исчезли изъ его опечатанной квартиры, а бумаги Чистерна—изъ канцеляріи министра полиціи. Эти аресты ускорили возстаніе. Военная молодежь думала поставить во главѣ движенія князя Чистерна; когда же онъ былъ лишенъ свободы, ей представилась необходимость выбрать другаго вожда, который имѣлъ бы за себя значительный авторитетъ. Въ арміи тогда выдавались особенно двѣ личности, генералы дела-Торре и Джиоленга; но первый былъ преданъ абсолютизму, а второй скептически смотрѣлъ на всѣ италіянскія движенія. Поэтому либералы обратили свои надежды на молодого принца Кариньянскаго, Карла-Альберта. Мы остановимся нѣсколько времени на этой личности, которой суждена была великая роль въ италіянской исторіи XIX столѣтія.

Карль-Альбертъ составлялъ отрасль младшей линіи Савойскаго дома, родоначальникомъ которой былъ Томасъ, второй сынъ Карла-Эммануила (†1630 г.). Онъ родился въ 1798 году, только за два мѣсяца до занятія Пиемонта войсками Французской республики. Отецъ его примкнулъ къ демократамъ и надѣлъ мундиръ національной гвардіи; вскорѣ потомъ онъ умеръ. До пятнадцатилѣтняго возраста принцъ воспитывался въ Парижѣ, Дижонѣ, Женевѣ, и посѣщалъ общественныя школы на ряду съ дѣтьми простыхъ гражданъ. Потомъ онъ поступилъ во французскую военную службу. Въ 1814 г., при возстановленіи Савойскаго дома въ Пиемонтѣ, положеніе молодого человека вдругъ измѣнилось: такъ какъ король Викторъ-Эммануилъ и братъ его Карль-Феликсъ не имѣли дѣтей мужескаго пола, то вѣнскій конгрессъ призналъ принца Кариньянскаго наследникомъ пиемонтской короны. Въ эпоху, о которой мы говоримъ, Карль-Альбертъ былъ еще въ цвѣтѣ молодости и занималъ постъ начальника артиллеріи. Онъ производилъ на всѣхъ пріятное впечатлѣніе своею величественною, рыцарскою наружностію и меланхолическимъ оттѣнкомъ фнзіономіи; онъ пользовался извѣстностію италіянскаго патріота и человека, преданнаго научнымъ и литературнымъ интересамъ. Либералы имѣли много думныхъ, чтобы рассчитывать на сочувствіе принца

и на участіе его въ задуманномъ движеніи: онъ столько разъ въ кругу близкихъ людей острѣлъ надъ увлеченіями реакціи и выражалъ свою ненависть къ Австріи; онъ писалъ въ Лондонъ къ знаменитому пѣвцу итальянской свободы Уго Фосколо (который бѣжалъ изъ Ломбардіи отъ преслѣдованія австрійскаго правительства), и приглашалъ его воротиться въ Италію. Патріотическіе поэты и писатели прославляли Карла-Альберта какъ надежду Италіи. Но при всемъ томъ, люди самые преданные принцу и близко его знавшіе инстинктивно ему не довѣряли: они видѣли, что онъ велъ себя какъ-то сдержанно, скрытно, и никогда вполне не высказывался; въ его характерѣ замѣчались нѣкоторыя дѣйствительно непріятныя стороны, каковы: тщеславіе, смѣшанное съ пѣтизмомъ, склонность къ свѣтскимъ удовольствіямъ и къ лицемерію.

Когда Австрійцы выступили изъ Ломбардіи противъ Неаполитанцевъ, піемонтскіе карбонаріи составили смѣлый планъ: двинуться въ Ломбардію и произвести возстаніе въ цѣлой Италіи. Либеральные офицеры піемонтской арміи (Коленьйо, Санъ-Марцано, Лизіо, Сантароза и др.) предложили принцу Кариньянскому стать во главѣ войска и провозгласить Виктора-Эммануила королемъ Верхней Италіи. Принцъ далъ свое согласіе, но скоро взялъ его назадъ; потомъ опять согласился, однако очевидно старался замедлить дѣло. Заговорщики естественно перестали ему довѣрять. Зная преданность солдатъ къ королевской династіи, они не рѣшались начать дѣло безъ имени принца, и хотѣли отложить возстаніе на неопредѣленное время. Но уже было поздно. Въ условленный срокъ, именно въ ночь на 10 марта, полковникъ Ансальди и капитанъ Пальма, завладѣвъ адессандрійскою цитаделью, провозгласили испанскую конституцію и возстановленіе Итальянскаго королевства. Къ адессандрійскимъ инсургентамъ немедленно примкнули съ своими отрядами нѣкоторые офицеры изъ ближнихъ мѣстъ. Въ Туринѣ войско и народъ сначала довольно равнодушно встрѣтили извѣстіе о конституціи. Но король обнаружилъ нерѣшительность: онъ не хотѣлъ согласиться на конституцію, и въ то же время не принималъ никакихъ энергическихъ мѣръ. Между тѣмъ, благодаря усиліямъ карбонаріевъ, въ столицѣ также началось движеніе, и войска отказались стрѣлять въ инсургентовъ. Либералы склонили на свою сторону часть гарнизона, заняли цитадель и грозили бомбардировать городъ, если король не признаетъ конституціи. Тогда Вик-

торъ-Эммануиль прибѣгнувъ къ мѣрѣ, которая получила уже характеръ насильственнаго обычая въ Савойскомъ домѣ: 13 марта онъ отказался отъ престола, въ пользу своего брата Карла-Феликса. Такъ какъ послѣдній въ то время находился въ Моденѣ, то Викторъ-Эммануиль назначилъ принца Кариньянскаго регентомъ государства, и самъ уѣхалъ въ Ниццу. Инсургенты обратились къ Карлу-Альберту съ требованіемъ признать свободныя учрежденія. Принцъ отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ полномочія, и будетъ ждать разрѣшенія отъ новаго короля; но потомъ уступилъ угрозамъ бомбардировать городъ, объявилъ испанскую конституцію и назначилъ правительственную юнту, которая должна была заниматься текущими дѣлами до созванія парламента. Вслѣдъ за тѣмъ начались приготовленія къ войнѣ съ Австріей, и юнта вступила въ соглашеніе съ ломбардскими карбонаріями, обѣщавшими произвести возстаніе, какъ скоро Сардинцы появятся передъ воротами Милана.

Карлъ-Феликсъ, въ царствованіе своего брата, принадлежалъ къ партіи отсталыхъ аристократовъ, и потому заранѣе можно было угадать то впечатлѣніе, какое произведетъ на него извѣстіе о піемонтской революціи. На донесеніе принца-регента новый король отвѣчалъ грознымъ манифестомъ, всѣхъ участниковъ революціи назвалъ мятежниками, и всѣ перемены, произведенныя ими, объявилъ незаконными. Въ то же время онъ выразилъ увѣренность, что союзные государи окажутъ ему дѣятельную помощь въ подавленіи мятежа. Карлу-Альберту онъ посоветовалъ отправиться съ вѣрными полками въ Новару и тамъ соединиться съ генераломъ дела-Торре, который назначался главнокомандующимъ всѣхъ войскъ. Принцъ, такъ недавно составлявшій надежду либеральной партіи, поступилъ самымъ неожиданнымъ для нея образомъ. Онъ тайкомъ оставилъ Туринъ, въ сопровожденіи кавалерійскаго полка и легкой артиллеріи, которыхъ склонилъ на сторону короля. Изъ Новары, вмѣстѣ съ отреченіемъ отъ регентства, онъ прислалъ протестъ противъ сдѣланнаго ему насилія и увѣщаніе войскамъ воротиться къ своему долгу. Такой поступокъ конечно навлекъ на него со стороны либераловъ обвиненіе въ предательствѣ. А между тѣмъ поведеніе его объясняется очень просто: принцъ, несмотря на свои двадцать три года, былъ очень разчетливъ, и могъ понять всю безнадежность революціи и всю несостоятельность маленькаго Піемонта въ

борьбѣ съ Австріей. Онъ не желалъ испытать участь Вильгельма Пеше, и ради воображаемой короны Италіи не хотѣлъ рисковать своимъ правомъ на корону Піемонта. Онъ тѣмъ болѣе не хотѣлъ рисковать этимъ правомъ, что у него былъ опасный соперникъ въ лицѣ зятя Виктора-Эммануэла, герцога моденскаго, который тогда пріобрѣлъ очевидное вліяніе на Карла-Феликса и легко могъ сдѣлаться его наследникомъ.

Манифестъ короля и отпаденіе принца Кариньянскаго произвели сильное впечатлѣніе; сочувствіе піемонтскаго населенія къ революціи начало замѣтно охлаждаться. Изъ другихъ частей государства, только въ Генуѣ народъ присталъ къ гарнизону; а въ Савоіи и на островѣ Сардиніи не произошло почти никакого движенія. Извѣстіе о печальномъ исходѣ неаполитанской революціи довершило упадокъ духа между инсургентами, и войска ихъ начали переходить на сторону короля. Впрочемъ блестящій, краснорѣчивый патріотъ Сантароза, по отъѣздѣ принца ставшій во главѣ либеральной партіи, успѣлъ еще на нѣкоторое время поддержать дѣло конституціи. Отрядъ либеральныхъ войскъ двинулся къ Новарѣ, съ намѣреніемъ увлечь на свою сторону полки делла-Торре, и вмѣстѣ съ ними вторгнуться въ Ломбардію. Но предводители дѣйствовали нерѣшительно и тянули переговоры до тѣхъ поръ, пока на помощь роялистамъ не подоспѣлъ австрійскій генералъ Бубна. Тогда конституціоннымъ войскомъ овладѣлъ паническій страхъ, и оно быстро разсѣялось. 10 апрѣля, делла-Торре вступилъ въ Туринъ и былъ весело встрѣченъ народомъ; Австрійцы заняли Алессандрію. Спустя нѣсколько дней, въ Піемонтѣ не было уже никакихъ слѣдовъ революціи. До двухъ сотъ самыхъ значительныхъ членовъ либеральной партіи покинули отечество и спаслись во Францію, Испанію, Швейцарію. Нѣкоторые изъ нихъ сражались потомъ за испанскую конституцію противъ Французовъ, за свободу Греціи противъ Турокъ, и вездѣ поддерживали славу піемонтскаго мужества. Такъ, Сантароза простымъ солдатомъ палъ при защитѣ острова Соактеріи. Что касается до реакціи, наступившей послѣ побѣды абсолютизма, и до преслѣдованія участниковъ революціи, то надобно отдать справедливость характеру населенія, не столь пылкому и непостоянному какъ на югѣ Италіи. Піемонтская реакція отличалась большою умѣренностію сравнительно съ неаполитанскою, такъ же какъ и самая революція совершилась далеко не съ тѣмъ увлеченіемъ и пылкіостію, какъ



въ Неаполѣ. Карлъ-Феликсъ, по желанію лайбахскаго конгресса, заключилъ съ Австріей договоръ, въ силу котораго 12.000 австрійскаго войска осталось въ Піемонтѣ для обезпеченія спокойствія. Такимъ образомъ австрійскіе отряды, подъ предлогомъ спокойствія, расположились почти во всѣхъ частяхъ Апеннинскаго полуострова.

Когда главная цѣль лайбахскаго конгресса, то-есть «успокоеніе Италіи,» была достигнута, онъ прекратилъ свои засѣданія, въ маѣ 1821 года. вмѣстѣ съ тѣмъ три сѣверныя державы разослали къ европейскимъ дворамъ декларацію, заключающую строгій приговоръ италіянскимъ событіямъ, и новое торжественное обѣщаніе поддерживать въ Европѣ законный порядокъ. Въ видахъ этого порядка, именно для устройства испанскихъ дѣлъ, союзники условились на слѣдующій годъ снова собраться на конгрессъ. Въ Лайбахѣ между прочимъ поднятъ былъ вопросъ о піемонтскомъ наследствѣ. Герцогъ моденскій (женатый на дочери Виктора-Эммануила) сильно хлопоталъ объ измѣненіи въ Піемонтѣ салическаго закона, который исключалъ женскую линію изъ престолонаслѣдія; при этомъ онъ усердно старался набросить тѣнь на принципы Карла-Альберта, изображая его человѣкомъ, преданнымъ революціи и тайнѣ продолжавшимъ свои связи съ либеральною партіей. Карлъ-Феликсъ также не любилъ принца Кариньянскаго, не довѣрялъ ему и былъ не прочь лишить его наследственнаго права. Домогательства герцога моденскаго поддерживалъ на конгрессѣ князь Меттернихъ. Но за Карла-Альберта вступились его тесть, герцогъ тосканскій, и особенно французскій дворъ, который никакъ не хотѣлъ, чтобъ и въ Піемонтѣ утвердилось господство Австрійцевъ. Попытки герцога моденскаго очернить своего соперника въ глазахъ русскаго императора не имѣли успѣха; императоръ требовалъ очевидныхъ доказательствъ того, въ чемъ обвиняли принца. Наконецъ на слѣдующемъ (веронскомъ) конгрессѣ, Александръ I, вмѣстѣ съ французскимъ уполномоченнымъ, открыто принялъ сторону Карла-Альберта, и вопросъ былъ рѣшенъ въ его пользу.

Между тѣмъ какъ описанныя нами событія совершались въ Неаполѣ и Піемонтѣ, остальные части полуострова, за исключеніемъ Тосканы, находились въ самомъ тревожномъ состояніи. Въ Папской Области карбонарія обнаружили чрезвычайную дѣятельность; они распространяли въ народѣ воззванія

къ мятежу и прибывали ихъ на улицахъ. Мѣстами происходили вспышки народной ненависти, и падали отъ руки убійцы наиболѣе ненавистные чиновники. Но до открытаго возстанія дѣло не дошло, потому что конституціонное правительство Неаполя не поддержало недовольныхъ посредствомъ военнаго вторженія въ Папскую Область, какъ того требовали нѣкоторые карбонаріи. Усиленная агитація тайныхъ обществъ продолжалась здѣсь еще нѣкоторое время и послѣ уничтоженія неаполитанской конституціи. Волненіе особенно сильно было въ легатствахъ; оно, по обыкновенію, выражалось памелетями, водруженіемъ дерева свободы, политическими убійствами, и поддерживалось тайными связями съ итальянскими эмигрантами. Послѣдніе непрерывно составляли новые планы движенія; между прочимъ Вильгельмъ Пепе, удалившійся въ Англію, въ противоположность священному союзу старался образовать изъ либераловъ разныхъ націй «союзъ европейскихъ патриотовъ». Нити новыхъ заговоровъ распространялись преимущественно изъ Швейцаріи, которая въ то время сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ для политическихъ бѣглецовъ и изгнанниковъ.

Въ австрійской Италіи неудовольствіе, возбуждаемое низменнымъ гнетомъ, едва ли не было сильнѣе чѣмъ гдѣ-нибудь; но здѣсь за неимѣніемъ національной арміи карбонаріи не находили никакой матеріальной поддержки, чтобы произвести возстаніе. Солдаты, набранные въ Ломбардо-Венеціи, обыкновенно посылались австрійскимъ правительствомъ въ отдаленныя провинціи; австрійскія же области въ Италіи охранялись отрядами Нѣмцевъ, Славянъ и Мадьяровъ, совершенно чуждыхъ итальянскимъ интересамъ. Поэтому дѣятельность тайныхъ обществъ здѣсь должна была ограничиться заговорами. Во время піемонтскаго движенія миланскій революціонный комитетъ, какъ мы видѣли, вошелъ въ тѣсныя связи съ піемонтскими либералами и приглашалъ ихъ вторгнуться въ Ломбардію, обещая поднять населеніе противъ Австріи. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ революціи, Карль-Феликсъ потребовалъ очищенія своей территоріи отъ австрійскихъ отрядовъ; тогда императорское правительство, въ доказательство еще далеко не прекратившагося волненія Италіянцевъ, торжественно открыло процессъ противъ ломбардскихъ заговорщиковъ и ихъ піемонтскихъ сообщниковъ. Для изслѣдованія дѣла назначена была въ Миланъ чрезвычайная комиссія. Начались аресты, и цвѣтъ ломбардской аристократіи очутился въ тюрьмѣ (Конфалоньери,

Бирозери, Тонесси, Арзее, Паллавичини, Кастилья, Росси и др.). Нѣкоторые изъ аристократовъ заблаговременно успѣли спастись бѣгствомъ; надъ нами все-таки произнесенъ былъ смертный приговоръ. Цѣлые два года тянулся процессъ о заговорѣ, и только въ 1824 г., когда политическое волненіе въ Италіи повидимому совершенно затихло, австрійское правительство рѣшилось покончить дѣло: изъ 40 италіанскихъ аристократовъ, замѣшанныхъ въ процессъ, ббольшая часть была осуждена на смерть; послѣ смягченія приговора ихъ разослали по австрійскимъ крѣпостямъ, гдѣ уже томились многіе ихъ соотечественники. Нѣкоторые изъ нихъ не вынесли тяжелаго заключенія и умерли въ тюрьмѣ; другіе воротились въ послѣдствіи съ потеряннымъ разсудкомъ или съ совершенно-разстроеннымъ здоровьемъ. Немногіе перенесли это заключеніе и сохранили способность къ общественной дѣятельности. Между послѣдними находился знаменитый италіанскій поэтъ Сильвіо Пеллико, по происхожденію принадлежавшій Пиемонтѣ. Это былъ кроткій, экзальтированный патріотъ, мечтавшій объ италіанской независимости. Въ 1820 году Сильвіо Пеллико арестованъ въ Миланѣ, сидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ подъ свинцовою кровлей венеціанскаго дворца дожей, потомъ осужденъ на смерть и взведенъ на эшафотъ. По прочтеніи смертнаго приговора, его отвезли въ брѣнскую цитадель, мрачный Шпильбергъ, болѣе другихъ крѣпостей прославленный страданіями многочисленныхъ жертвъ австрійской подозрительности. Сильвіо Пеллико просидѣлъ здѣсь цѣлыя десять лѣтъ, и только іюльская революція отворила ему двери тюрьмы. Вскорѣ потомъ онъ издалъ описаніе своего процесса и заключенія *Тіе prigioni*. Книга его произвела въ Европѣ сильное впечатлѣніе; она возбудила вездѣ сочувствіе къ италіанскимъ страданіямъ и ненависть къ Австріи; но рьяные италіанскіе сектанты остались недовольны мягкимъ, умѣреннымъ тономъ этой книги.

Такимъ образомъ окончился первый актъ великой италіанской драмы, которую можно назвать борьбою за свободу, единство и независимость Италіи. Девятимѣсячная конституція въ Неаполѣ и тридцатидневная въ Пиемонтѣ уничтожились при первомъ появленіи австрійскихъ войскъ. Однако совершенно несправедливо было бы искать главной причины столь легкой побѣды въ несостоятельности Италіанцевъ на полѣ битвы; предыдущія и особенно послѣдующія событія доказали, что Ита-

ліянцы могутъ сражаться съ такимъ же увлеченіемъ и умирать съ такимъ же мужествомъ, какъ и другіе народы романскаго племени, то-есть Французы и Испанцы. Правда, абсолютныя правительства средней и южной Италіи издавна и постоянно старались подавить въ своихъ народахъ духъ воинскихъ доблестей. Но это обстоятельство имѣло не такое важное вліяніе на исходъ дѣла, какъ полное отсутствіе единодушія, отсутствіе глубины и ясно сознанной цѣли въ самомъ италіанскомъ движеніи. Вообще въ борьбѣ за свободныя учрежденія нпкогда не бываетъ такого же единодушія, какъ въ войнахъ за независимость. Самый разительный примѣръ тому представляетъ Испанія. Въ эпоху Наполеона, Испанцы заслужили удивленіе цѣлой Европы своею геройскою единодушною борьбой съ французскимъ завоевателемъ; тѣ же Испанцы, спустя двѣнадцать лѣтъ, обнаружили вялость и духъ раздора, когда пришлось защищать свою конституцію противъ тѣхъ же французскихъ штыковъ. А между тѣмъ эта испанская конституція должна была пользоваться гораздо большею популярностію въ самой Испаніи нежели тамъ, гдѣ она не имѣла за себя никакихъ историческихъ преданій, то-есть въ италіи. Главная причина несостоятельности заключалась въ томъ, что на италіанской почвѣ былъ еще силенъ принципъ абсолютизма: противъ него возставала только часть аристократіи и средняго сословія; а народная масса и войска оставались равнодушны къ дѣлу конституціи. Какъ скоро король отдѣлялся отъ движенія и становился къ нему во враждебныя отношенія, войска теряли охоту сражаться противъ вышнихъ непріятелей, являвшихся союзниками королевской власти. Либеральныя стремленія еще только скользили по поверхности общества. Идеи политическихъ реформъ въ XVIII столѣтіи составляли собственность государей и ихъ министровъ; въ первой четверти XIX вѣка онѣ перешли къ меньшинству образованныхъ классовъ, которое въ минуты волненія увлекало за собою народныя массы; но народъ приставалъ къ движенію только механически, и другое меньшинство, или такъ-называемые роялисты, при удобномъ случаѣ легко могли увлечь массу въ противоположную сторону. По соображеніямъ нѣкоторыхъ писателей, въ цѣлой Италіи число истинныхъ патріотовъ будто бы не достигало тогда и 10.000 человекъ при 20.000.000 населенія (Гервинусъ). При томъ далеко не всѣ приверженцы конституціонныхъ формъ принадлежали къ партіи *унитаріевъ*, то-есть тѣхъ, которые стреми-

лись къ единству и неразрывной съ нимъ независимости Италіи. Здѣсь еще замѣтны были слѣды стариннаго, историческаго раздора между населеніемъ разныхъ частей полуострова. Приведемъ въ примѣръ взаимную ненависть Сицилійцевъ и Неаполитанцевъ, старинную антипатію Венеціанцевъ къ Ломбардцамъ, Генуэзцевъ къ Піемонтцамъ. Далѣе, мѣстами была еще сильна вражда сословіи и особенно нелюбовь низшихъ классовъ къ аристократіи. Наконецъ легкомысліе, непрактичность, неуверенность вождей революціи также не мало способствовали легкой побѣдѣ абсолютизма и его союзниковъ Австрійцевъ. Но между тѣмъ какъ побѣдители думали торжествовать совершенное уничтоженіе либеральныхъ началъ, начиналось ихъ болѣе прочное, болѣе широкое развитіе. Тяжелыя испытанія убѣдили многихъ итальянскихъ патріотовъ, что возрожденіе ихъ многострадальнаго отечества должно совершиться не вдругъ, не однимъ быстрымъ ударомъ, а мало-по-малу, постепенно, какъ постепенно было его паденіе; что главная причина успѣха лежитъ въ воспитаніи народной массы, въ единодушіи, въ продолжительныхъ, настойчивыхъ усиліяхъ.

Д. Иловайскій.

---

# БОЛЬШІЯ ОЖИДАНІЯ

---

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА <sup>1</sup>

---

XXIX.

Ранымъ-ранехонько поднялся я на другой день поутру. Было еще слишкомъ рано идти къ миссъ Гевисамъ, и я отправился шататься за городъ съ ея, миссъ Гевисамъ, стороны,—а не съ той, откуда дорога шла къ Джо; къ нему я могъ пойти завтра; я гулялъ себѣ, думая про мою благодѣтельницу и рисуя блистательными красками будущность, которую она готовила мнѣ.

Эстелла была ея пріемышъ, меня она почти усыновила, и конечно ея намѣреніе было соединить насъ. Она предоставляла мнѣ возобновить заброшенный домъ, пропустить солнечный свѣтъ въ темныя комнаты, завести часы, затопить отсырѣвшіе камни, смахнуть паутину, уничтожить копошившихся гадинъ — короче, совершить всѣ блистательные подвиги сказочнаго рыцаря и жениться на принцессѣ. Проходя мимо дома, я остановился, чтобы посмотреть на него, и его заплесневѣлыя красныя кирпичныя стѣны, забытыя окна, густой зеленый плющъ, обвивавшійся даже

---

<sup>1</sup> См. *Русскій Вѣстникъ* № 1.

около трубъ своими вѣтвями и отпрысками, словно мускулистыми руками старика,—все это вмѣстѣ составляло богатую, завлекательную мистерію, которой я былъ героемъ. Разумѣется, Эстелла одушевляла ее, была ея сердцемъ. Но хотя Эстелла совершенно владела мною, хотя мое воображеніе и мои надежды были всѣ сосредоточены въ ней, хотя вліяніе ея на мою дѣтскую жизнь и характеръ было могущественно, я даже и въ это романтическое утро представлялъ ее себѣ въ ея настоящемъ видѣ, не придавая ей никакихъ придуманныхъ атрибутовъ. Я упоминаю здѣсь объ этомъ обстоятельстве съ особеннымъ намѣреніемъ; оно служитъ нитью, по которой надобно слѣдить за мною въ моемъ жалкомъ лабиринтѣ. Согласно съ моею опытностію, ходячее понятіе о любовникѣ не всегда бываетъ вѣрно. Вотъ вамъ подлинная правда: когда я любилъ Эстеллу любовью взрослого человѣка, я любилъ ее потому, что не могъ устоять противъ увлеченія. Я говорю теперь разъ навсегда: очень и очень часто, если не всегда, я зналъ, къ моему несчастію, что я любилъ ее наперекоръ разсудку, наперекоръ обѣтамъ, спокойствію, надеждамъ, счастью, наперекоръ всевозможнымъ убѣжденіямъ. Разъ навсегда говорю, я любилъ ее никакъ не менѣе отъ того что я зналъ все это; и все это не удерживало меня; я любилъ ее такъ какъ будто она была совершенство человѣческое.

Я расположилъ мою прогулку такимъ образомъ, чтобы придти къ калиткѣ въ мой прежній урочный часъ. Позвонивъ въ колокольчикъ нетвердою рукою, я повернулся спиной къ калиткѣ, стараясь между тѣмъ собраться съ духомъ и успокоить мое сильно бившееся сердце. Я слышалъ какъ отворилась боковая дверь, какъ приближались шаги черезъ дворъ, но я притворился будто не слышу, даже когда калитка повернулась на своихъ заржавленныхъ петляхъ.

Кто-то коснулся моего плеча, я вздрогнулъ и обернулся. Я вздрогнулъ теперь совершенно естественно, увидѣвъ передъ собою человѣка оцѣтаго въ сѣромъ, человѣка, котораго я никакъ не ожидалъ встрѣтить привратникомъ дома миссъ Гевисамъ.

— Орликъ!

— Да, баринъ, не съ вами одними случаются перемѣны. Войдите, войдите. Миѣ не приказано оставлять калитку настежь.

Я вошелъ, онъ захлопнулъ ее, заперъ, и вынулъ ключъ.

— Да, сказалъ онъ, пройдя упрямо нѣсколько шаговъ впереди меня и повернувшись вдругъ:— вотъ и я здѣсь.

— Какъ вы сюда попали?

— Пріѣхалъ, отвѣчалъ онъ, — на своихъ на двоихъ, а пожитки мои привезли на тележкѣ.

— Такъ вы пріютились здѣсь не на шутку?

— Полагаю, что не на горе, баринъ. Какъ вы думаете?

Въ этомъ я не былъ совершенно увѣренъ, но у меня было достаточно времени обдумать отвѣтъ, пока онъ медленно переводилъ свой тяжелый взглядъ съ вымощенной площадки вверхъ по моимъ ногамъ и рукамъ на мое лицо.

— Такъ вы оставили кузницу? сказалъ я.

— Кажись это мѣсто на кузницу не похоже? отвѣчалъ Орликъ, окидывая взглядомъ вокругъ себя съ обиженнымъ видомъ.— Ну, похоже ли здѣсь на кузницу?

Я спросилъ его, давно ли оставилъ онъ кузницу Гарджери.

— Здѣсь одинъ день такъ походить на другой, отвѣчалъ онъ,— что право я и самъ вдругъ не могу сказать. Однакожъ я поступилъ сюда нѣсколько времени спустя послѣ того какъ вы уѣхали.

— Ну, столько-то и я могъ бы вамъ сказать, Орликъ.

— А! отвѣтилъ онъ сухо.— Ну да вѣдь вы ученый.

Между тѣмъ мы подошли къ дому; его комната находилась сейчасъ же за боковою дверью, и маленькое окошечко ея открывалось на дворъ. По своимъ миниатюрнымъ размѣрамъ она похожа была на конурку, обыкновенно занимаемую въ Парижѣ привратниками. На стѣнѣ висѣло нѣсколько ключей, къ которымъ онъ теперь присоединилъ ключъ отъ калитки; его кровать, покрытая доскутнымъ одѣяломъ, находилась въ маленькой нишѣ. Все тутъ имѣло какъ-то лѣнивый, сонный видъ; эта каморка была похожа на клетку для сурка въ человѣческомъ видѣ, и самъ хозяинъ ея, смотрѣвшій мрачно и сурово, въ темномъ углу у окна, представлялъ совершенное подобіе этого сурка-человѣка, для котораго она была устроена.

— Я не видалъ этой комнаты прежде, замѣтилъ я,— да прежде и не было здѣсь привратника.

— Не было, сказалъ онъ,— и не было пока не стали поговаривать въ околоткѣ, что этотъ домъ совершенно безъ защиты, и нашли это очень опаснымъ, особенно когда каторжники стали погуливать. Тогда и рекомендовали меня на это мѣсто, какъ



человѣка, который сможетъ дать сдачи любому молодцу; я и взялъ его. Работа будетъ полегче кованья да раздуванья. Заряжено, вотъ оно чтѣ.

Мое вниманіе было обращено на ружье, съ ложкою въ мѣдной оправѣ, которое висѣло надъ каминомъ, и онъ слѣдилъ за моимиъ взглядомъ.

— Ну, сказалъ я, не желая продолжать разговора, — могу я пойдти къ миссъ Гевишамъ?

— Лопни я, если я это знаю! отвѣтилъ онъ, сначала вытянувшись и потомъ отряхнувшись. — Вотъ чтѣ только мнѣ приказано, баринъ: я долженъ ударить этимъ молоткомъ по этому колокольчику, а вы себѣ ступайте все по корридору, пока тамъ кого-нибудь не встрѣтите.

— Я полагаю, меня ожидаютъ?

— Лопни я дважды, если я это знаю! сказалъ онъ.

Послѣ этого я повернулъ въ длинный корридоръ, по которому я прежде хаживалъ въ моихъ толстыхъ сапогахъ, а онъ зазвонилъ въ колокольчикъ. Въ концѣ корридора, по которому еще раздавался звонъ колокольчика, я нашелъ Сару Покетъ, пожелтѣвшую и позеленѣвшую по моей милости.

— О! сказала она: — это вы, мистеръ Пипъ?

— Это я, миссъ Покетъ. Съ удовольствіемъ сообщаю вамъ, что мистеръ Покетъ и его семейство совершенно здоровы.

— Да поумнѣли ли они сколько-нибудь? сказала Сара, печально покачивая головою. — Имъ благоразуміе нужнѣе здоровья. Ахъ Матью, Матью!... Вы знаете вашу дорогу, сэръ?

— Довольно хорошо, потому что я много разъ хаживалъ по этой лѣстницѣ въ совершенной темнотѣ.

Я подымался теперь по ней въ сапогахъ гораздо тоньше прежнихъ, и постукалъ въ дверь комнаты миссъ Гевишамъ такъ точно, какъ бывало прежде.

— Это Пипъ стучитъ, я слышалъ сказала она сейчасъ же. — Войдите, Пипъ.

Она сидѣла на своемъ стулѣ у стараго стола, въ своемъ старомъ платьѣ, скрестивъ обѣ руки на костылѣ и опершись на нихъ подбородкомъ; глаза ея были устремлены на огонь. Близъ нея сидѣла изящная леди, которой я никогда не видалъ; она держала въ рукѣ бѣлый башмакъ, ни разу не надѣванный, и смотрѣла на него, наклонивъ голову.

— Войдите, Пипъ, продолжала бормотать миссъ Гевишамъ,

не оглядываясь;—войдите, Пипъ; какъ вы поживаете, Пипъ? Вы цѣлуете мою руку, какъ будто я королева, э?—Ну?

Она вдругъ посмотрѣла на меня, приподнявъ только свои глаза, и повторила мрачнымъ, полушутливымъ тономъ:

— Ну?

— Я слышалъ, миссъ Гевишамъ, отвѣчалъ я, не находя что сказать,—что вы были такъ добры и желали видѣть меня, и я пріѣхалъ сейчасъ же.

— Ну?

Леди, которой я прежде никогда не видалъ, подняла глаза и посмотрѣла на меня лукаво, и я увидѣлъ, что глаза эти были глаза Эстеллы. Но она такъ измѣнилась, такъ похорошѣла, такъ развилась, сдѣлала такіе поразительные успѣхи въ искусствѣ очаровывать, что мнѣ казалось я остался совѣмъ въ прежнемъ видѣ и, смотря на нее, я чувствовалъ, что опять я былъ все тотъ же простой, мужицкій мальчишка. Я вдругъ почувствовалъ все разстояніе, всю неравность между нами, всю недоступность ея. Она протянула мнѣ свою руку. Я пробормоталъ, какъ мнѣ было пріятно видѣть ее опять и какъ я ждалъ этого удовольствія такъ долго, долго.

— Что Пипъ, много она перемѣнилась? спросила миссъ Гевишамъ съ жаднымъ взглядомъ, стуча костылемъ по стулу, стоявшему между нами, какъ бы давая этимъ знать, чтобъ я сѣлъ на него.

— Когда я вошелъ сюда, миссъ Гевишамъ, я думалъ, что въ фигурѣ и въ лицѣ не было и слѣдовъ Эстеллы, но теперь все такъ странно принимаетъ видъ старой..

— Чтò? ужъ не хотите ли вы сказать старой Эстеллы? прервала меня миссъ Гевишамъ.—Она была горда, дерзка и вамъ хотѣлось быть подальше отъ нея. Помните вы это?

Я сказалъ въ смущеніи, что это было такъ давно, что я тогда былъ такъ глупъ, и тому подобное. Эстелла улыбалась съ совершеннымъ спокойствіемъ и говорила, что безъ всякаго сомнѣнія я былъ тогда совершенно правъ, и что она была очень непріятна.

— Перемѣнился онъ? спросила ее миссъ Гевишамъ.

— Очень, сказала Эстелла, посмотрѣвъ на меня.

— Не такъ простъ и мужиковать? спросила миссъ Гевишамъ, играя локонами Эстеллы.

Эстелла засмѣялась, посмотрѣла на башмакъ, который у нея былъ въ рукѣ, и опять засмѣялась; посмотрѣла на меня и поло-

жила башмакъ. Она обращалась со мною все-таки какъ съ мальчикомъ, но уже завлекала меня.

Мы сидѣли въ темной комнатѣ, среди прежняго круга вліяній, которыя такъ сильно на меня дѣйствовали, и я узналъ здѣсь, что она только что вернулась изъ Франціи, и что она ѣдетъ теперь въ Лондонъ. Она была горда и своенравна, какъ и прежде, но она такъ подчинила эти качества своей красотѣ, что невозможно, неестественно было—мнѣ такъ казалось по крайней мѣрѣ—отдѣлить ихъ отъ ея красоты. Поистинѣ гово-рю, невозможно было мнѣ порвать нить, которая связывала ея присутствіе съ этимъ жалкимъ желаніемъ денегъ и барства, возмущавшаго мое дѣтство, съ этимъ худо-направленнымъ честолюбіемъ, которое меня побуждало стыдиться моего дома и Джо,—со всѣми видѣніями, въ которыхъ ея лицо то подыма-лось среди пламени кузнечнаго горна, то вылетало изъ желѣза на наковальнѣ, то подымалось во мракѣ ночи, заглядывало въ деревянное окошко кузницы и улетало далеко; однимъ сло-вомъ, для меня невозможно было отдѣлить ее, въ прошедшемъ и настоящемъ, отъ самой внутренней сердечной моей жизни.

Положено было, что я пробуду у нихъ весь этотъ день и на ночь вернусь въ гостиницу, а завтра отправлюсь обратно въ Лондонъ. Поговоривъ съ нами немного, миссъ Гевисамъ послала насъ обоихъ погулять въ запущенный садъ. Потомъ, когда мы вернемся, сказала она, я покатаю ее въ креслѣ, какъ въ старое время.

Итакъ мы съ Эстеллой отправились въ садъ въ ту же ка-литку, гдѣ я проходилъ въ день моего поединка съ блѣд-нымъ молодымъ джентльменомъ, который, оказалось потомъ, былъ Гербертъ: — я весь взволнованный, обожавшій даже край ея платья; — она совершенно спокойная, и конечно, не обращавшая ни малѣйшаго вниманія на мое платье. Когда мы подошли къ самому мѣсту поединка, она остановилась и сказала:

— Должно-быть, я была странная дѣвочка; я тогда спря-талась, чтобы посмотреть на вашу драку; я глядѣла на нее и глядѣла съ большимъ удовольствіемъ.

— Я получилъ тогда отъ васъ большую награду.

— Право? отвѣтила она разсѣянно. — Я помню, я тогда питала страшную неприязнь къ вашему противнику; мнѣ очень не нравилось, что его сюда нарочно привезли мнѣ для компаніи.

— Мы теперь съ нимъ большіе друзья, сказалъ я.

— Право? Теперь я припоминаю, что вы учитесь у его отца.

— Да.

Я согласился въ этомъ съ нѣкоторою непріятностію, потому что это отзывалось мальчишествомъ, а она уже и безъ того трактовала меня какъ мальчика.

— Съ переменною въ вашей судьбѣ и будущности вы должны были переменить ваше общество, сказала Эстелла.

— Естественно, сказалъ я.

— И необходимо, прибавила она гордымъ тономъ:—общество, совершенно приличное для васъ прежде, теперь уже для васъ совершенно не прилично.

По совѣсти, я сомнѣваюсь, чтобы тогда оставалась еще у меня искра моего прежняго намѣренія повидаться съ Джо; но если я имѣлъ его, то это замѣчаніе Эстеллы уничтожило бы его совершенно.

— Въ то время вы не имѣли ни малѣйшей мысли объ ожидающемъ васъ счастьи? сказала Эстелла съ легкимъ движеніемъ головы, какъ бы означая, что она разумѣла время драки.

— Ни малѣйшей.

Я чувствовалъ, что ея полное развитіе и превосходство, рядомъ съ моимъ юношествомъ и подчиненнымъ положеніемъ, составляли страшный контрастъ. Это раздражало бы меня еще болѣе, еслибъ я не сознавалъ, что я для нея избранъ и предназначенъ.

Садъ такъ заросъ, что не возможно было гулять въ немъ безъ затрудненія, и поэтому, обойдя его два или три раза, мы вернулись опять на дворъ пивоварни. Я показалъ ей именно мѣсто, гдѣ я видѣлъ въ первый разъ какъ она гуляла по бочкамъ, и она сказала мнѣ съ безпечнымъ, холоднымъ видомъ: «Неужели?» Я напомнилъ ей, откуда она вышла пзъ дому, и принесла мнѣ мое пиво и мясо; она сказала: «Я не помню.»

— Не помните, какъ вы заставили меня плакать? сказалъ я.

— Нѣтъ, отвѣтила она и покачала головой, посмотрѣвъ кругомъ.

Я право думаю, что эта ея забывчивость и совершенное равнодушіе ко мнѣ опять заставили меня проливать слезы—внутреннія слезы, а это самыя горькія.

— Вы должны знать, сказала мнѣ Эстелла снисходительно, какъ я слѣдуетъ блистательной красавицѣ,—что у меня нѣтъ сердца, если это имѣеть какое-нибудь отношеніе къ памяти.

Я ей отвѣтилъ очень изысканнымъ языкомъ, что я осмѣливаюсь въ этомъ сомнѣваться, что я знаю лучше—такая красота невозможна безъ сердца.

— О, у меня есть сердце, которое можно пожалуй проколоть или прострѣлить, въ этомъ я не сомнѣваюсь, отвѣчала Эстелла:— оно перестанетъ биться, когда я перестану существовать. Но вы понимаете, что я разумѣю. У меня нѣтъ тутъ нѣжности, нѣтъ симпатіи, чувства и подобныхъ пустяковъ.

Что это такое мелькнуло въ моемъ умѣ, когда она стояла спокойно и пристально смотрѣла на меня? Не видѣлъ ли я чего-то подобнаго въ миссъ Гевишамъ? Нѣтъ. Въ нѣкоторыхъ ея взглядахъ, пріемахъ была тѣнь сходства съ миссъ Гевишамъ, заимствуемая, какъ вы часто можете замѣтить, дѣтьми отъ взрослыхъ людей, живущихъ съ ними и находящихся съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ, и которая оставляетъ, когда проходитъ дѣтство, замѣчательное мимолетно являющееся сходство въ выраженіи между лицами нисколько не похожими. И однако я не могъ связать это впечатлѣніе съ миссъ Гевишамъ. Я взглянулъ опять, она еще продолжала смотрѣть на меня, но впечатлѣніе уже исчезло.

Что это было такое?

— Я не шучу, сказала Эстелла, не то чтобы хмурясь (любъ ея былъ совершенно гладокъ), но придавая лицу болѣе мрачное выраженіе;—если мы будемъ часто вмѣстѣ, то лучше будетъ для васъ теперь же повѣрить этому. Нѣтъ! сказала она, повелительно предупреждая мою рѣчь, готовую сорваться съ языка:—я никому не отдавала моего сердца. У меня его никогда не было.

Минуту спустя, мы вошли въ пивоварню, такъ давно оставленную, и она показала мнѣ высокую галерею, гдѣ, я видѣлъ, она гуляла въ тотъ самый первый день; она говорила мнѣ, что напоминаетъ, какъ она была здѣсь и видѣла меня внизу взволнованнаго и въ слезахъ. Глаза мои слѣдовали за ея бѣлою рукой; и опять то же самое неясное впечатлѣніе, котораго я не могъ уловить, пронеслось въ моей головѣ. Мой невольный трепетъ заставилъ ее положить свою руку мнѣ на плечо. Призракъ пронесся еще разъ и исчезъ.

Что это было такое?

— Что съ вами? спросила Эстелла.—Вы опять перепуганы.

— Да есть отчего, если вѣрить тому, что вы сейчасъ сказали, отвѣчалъ я, желая отвлечь ея вниманіе.

— Такъ вы не вѣрите? Дѣлать нечего. По крайней мѣрѣ вамъ это сказано. Миссъ Гевишамъ ожидаетъ уже, что вы явитесь на ваше старое мѣсто, хоть это я думаю можно бы теперь отложить въ сторону, вмѣстѣ съ прочею стариной. Обойдемъ еще разъ кругомъ сада и пойдемъ домой. Ну, сегодня вы не станете проливать слезъ отъ моей жестокости; вы будете моимъ пажемъ и позволите мнѣ опереться о ваше плечо.

Ея великолѣпное платье волочилось по землѣ. Она подобрала его въ одну руку, а другою легко оперлась на мое плечо, пока мы гуляли. Мы обошли два или три раза кругомъ запущеннаго сада; и онъ расцвѣлъ для меня. Еслибы желтая и зеленая негодная трава, пробивавшаяся въ трещины старой стѣны, была драгоцѣннѣйшимъ растеніемъ въ мірѣ, то и тогда я не болѣе дорожилъ бы ею въ моихъ воспоминаніяхъ.

Между нами не было различія въ лѣтахъ, которое отдаляло бы ее отъ меня; мы были почти однихъ лѣтъ, хотя нашъ возрастъ былъ болѣе благопріятенъ для нея чѣмъ для меня. Но посреди моего наслажденія, среди моей совершенной увѣренности, что благодѣтельница наша избрала насъ другъ для друга, меня мучила эта недоступность, которую придавали ей ея красота и ея манеры. Бѣдный мальчикъ!

Наконецъ мы вошли въ домъ, и здѣсь я узналъ съ удивленіемъ, что мой попечитель пріѣхалъ повидаться съ миссъ Гевишамъ по дѣламъ и придетъ обѣдать. Старые канделябры въ комнатѣ, гдѣ стоялъ накрытый плеснѣющій столъ, были зажжены въ наше отсутствіе, и миссъ Гевишамъ сидѣла въ своемъ креслѣ, ожидая меня.

Мнѣ казалось какъ будто я самое это кресло отодвигалъ назадъ въ прошедшее, когда мы начали нашъ медленный объѣздъ вокругъ развалинъ свадебнаго пира. Но въ этой похоронной комнатѣ, рядомъ съ этою замогильною фигурой, лежавшею въ креслѣ, Эстелла казалась еще блестятельнѣе и краше чѣмъ прежде, и я чувствовалъ себя подъ обаяніемъ еще сильнѣйшимъ.

Время такъ быстро летѣло, что часъ нашего равнаго обѣда уже былъ близокъ, и Эстелла оставила насъ и пошла приготовиться. Мы остановились у середины длиннаго стола, и миссъ Гевишамъ протянула свою высохшую руку и положила ее на желтую скатерть. Эстелла оглянулась изъ-за плеча, уходя въ дверь, и миссъ Гевишамъ послала ей поцѣлуй этою рукой съ жадною страстію, которая была ужасна въ своемъ родѣ.

Эстелла ушла, мы остались вдвоемъ; она повернулась ко мнѣ и сказала шепотомъ:

— Чтò, хороша она, граціозна? Восхищаетесь вы ею?

— Кто только видитъ ее, миссъ Гевшамъ, тотъ не можетъ ею не восхищаться.

Она охватила мою шею своею рукой, притянула совсѣмъ мою голову къ себѣ, оставаясь въ своемъ креслѣ, и сказала:

— Люби ее, люби, люби! Какъ она обращается съ тобою?

Я не успѣлъ еще отвѣтить ей (если только могъ дать ей какой-нибудь отвѣтъ на такой трудный вопросъ), какъ она снова повторила:

— Люби ее, люби, люби! Люби ее, если она благосклонна къ тебѣ. Люби ее, если она язвить тебя, если она терзаетъ твое сердце на части,—и чѣмъ оно будетъ старѣе и крѣпче, тѣмъ глубже будетъ язва—все равно, люби ее, люби, люби!

Никогда еще не видѣлъ я такой сильной страсти, съ какою произносила она теперь эти слова. Я чувствовалъ мускулы ея тонкой руки напрягались около моей шеи отъ силы, овладѣвшей ею.

— Слушай меня, Пипъ! Я взяла ее къ себѣ, для того чтобъ ее любили. Я вскормила и воспитала ее, чтобъ ее любили. Я сдѣлала изъ нея такое совершенство, чтобъ ее любили Люби ее!

Она проговаривала эти слова часто и, безъ всякаго сомнѣнія, дѣлала это съ намѣреніемъ; но еслибъ эти слова, такъ часто повторяемые, требовали ненависти вмѣсто любви, или отчаянія, мщенія, смерти, то и тогда бы они не могли быть болѣе похожи, въ звукѣ ея голоса, на проклятіе.

— Я скажу тебѣ, продолжала она тѣмъ же торопливымъ и страстнымъ шепотомъ,— чтò такое истинная любовь. Это слѣпая преданность, совершенная покорность, самоуниженіе, довѣріе, вѣра наперекоръ себѣ, наперекоръ цѣлому міру; и сердце и душу отдаешь чародѣю, какъ сдѣлала это я!

Когда она дошла до этого, дикій крикъ вырвался у нея изъ груди, и я обхватилъ ее. Она поднялась въ своемъ креслѣ и билась о воздухъ, и можно было опасаться, что вотъ-вотъ она ударится о стѣну и падетъ мертвая.

Все это случилось въ нѣсколько секундъ. Усаживая ее въ кресло, я почувствовалъ хорошо извѣстный мнѣ запахъ, и, обернувшись, увидѣлъ моего опекуна.

Онъ всегда носилъ съ собою (я кажется еще объ этомъ не

упоминалъ) шелковый носовой платокъ огромныхъ размѣровъ, который былъ ему очень полезенъ въ его дѣлѣ. Мнѣ случилось видѣть, какой ужасъ наводилъ онъ на кліента или свидѣтеля церемоннымъ развертываніемъ этого носоваго платка, какъ бы готовясь высморкаться сейчасъ же, и потомъ выжидаѣ, повидимому въ полной увѣренности, что онъ не успѣетъ этого сдѣлать, какъ ужь кліентъ или свидѣтель себя запутаютъ: и обыкновенно они давались на эту штуку и путались. Когда я увидѣлъ его, у него въ рукахъ былъ этотъ самый платокъ, и онъ смотрѣлъ на насъ. Встрѣтивъ мой взглядъ, онъ сказалъ ясно послѣ минутной паузы: «право? Очень странно!» и потомъ сдѣлалъ изъ этого платка необходимое употребленіе съ полнымъ эффектомъ.

Миссъ Гевишамъ увидѣла его въ одно время со мною. Она боялась его, какъ ~~въ~~. Она поспѣшила успокоиться и пробормотала, что онъ сегодня такъ же точенъ, какъ и всегда.

— Такъ же точенъ, какъ и всегда, повторилъ онъ, подходя къ намъ.—Какъ вы поживаете, Пипъ? Угодно, я прокачу васъ, миссъ Гевишамъ? Разикъ кругомъ? Такъ вы здѣсь, Пипъ?

Я сказалъ ему, когда я пріѣхалъ и какъ миссъ Гевишамъ желала этого, чтобъ я могъ видѣть Эстеллу.

На это онъ отвѣтилъ:

— А, славная барышня!

Потомъ онъ покатилъ кресло миссъ Гевишамъ впереди себя одною рукою, а другую руку запустилъ въ карманъ, какъ будто карманъ его былъ наполненъ всякими секретами.

— Ну, Пипъ! Какъ часто видали вы прежде миссъ Эстеллу? сказалъ онъ, когда мы остановились.

— Какъ часто?

— Да, сколько разъ? Десять тысячъ разъ?

— Конечно, не такъ много.

— Дважды?

— Джагерсъ, виѣшались тутъ миссъ Гевишамъ, на мое счастье,—оставьте моего Пипа въ покоѣ и ступайте съ нимъ обѣдать.

Онъ повиновался, и мы ошупью спустились съ нимъ вмѣстѣ внизъ по темной лѣстницѣ. Проходя къ отдѣльнымъ покоямъ, черезъ вымощенный дворъ, позади дома, онъ спросилъ меня, видѣлъ ли я, и сколько разъ, какъ миссъ Гевишамъ ѣсть и пьеть, предлагая мнѣ, по своему обыкновенію, выборъ числа между сотнею и однимъ.



Я подумалъ и сказалъ:

— Ни разу.

— И ни разу не увидите, Пипъ, отвѣтилъ онъ, съ хмурую улыбкой.—Съ тѣхъ поръ, какъ она ведетъ эту уединенную жизнь, никто не видѣлъ, какъ она ѣсть и пьетъ. Она ходитъ ночью по дому и сама достаетъ себѣ, что ей приходится по вкусу.

— Съ вашего позволенія, сэръ, могу ли я сдѣлать вамъ одинъ вопросъ?

— Можете, сказалъ онъ: — но я могу вамъ не отвѣтить. Предлагайте вашъ вопросъ.

— Фамилія Эстеллы? Гевншамъ, или...? Я не зналъ, что прибавить.

— Или что? сказалъ онъ.

— Гевншамъ?

— Да, Гевншамъ.

Тутъ подошли мы къ обѣденному столу, гдѣ она и Сара Покетъ ожидали насъ. Мистеръ Джагерсъ занялъ первое мѣсто, Эстелла сѣла противъ него, а я сѣлъ лицомъ къ лицу съ моимъ зелено-желтымъ другомъ. Обѣдъ былъ очень хорошъ; намъ прислуживала служанка, которую я прежде никогда не видѣлъ, но которая вѣроятно все это время находилась въ этомъ таинственномъ домѣ. Послѣ обѣда поставили передъ моимъ опекуномъ бутылку отличнаго портвейна (онъ очевидно зналъ ея годъ), и обѣ леди удалились.

Мистеръ Джагерсъ былъ здѣсь скрытнѣе чѣмъ когда-нибудь и гдѣ-нибудь; подобной скрытности я никогда нигдѣ не замѣчалъ, даже въ немъ. Онъ берегъ свои взгляды, и ни разу въ продолженіи обѣда не поднялъ глазъ на Эстеллу. Когда она говорила съ нимъ, онъ выслушивалъ ее, отвѣчалъ ей что приходилось, но ни разу не взглянулъ на нее, сколько я могъ замѣтить. Она, напротивъ, часто посматривала на него съ особеннымъ интересомъ и любопытствомъ, если не съ подозрѣніемъ; но его лицо не обнаруживало ни разу ни малѣйшаго сознанія въ этомъ. Въ продолженіи обѣда, онъ находилъ особенное удовольствіе, часто упоминая въ разговорѣ со мною объ ожидающей меня будущности, дразнить Сару Покетъ, которая становилась все желтѣе и зеленѣе; но и это онъ дѣлалъ, какъ будто ничего не замѣчая и даже покашлявая, будто онъ выпытывалъ, и дѣйствительно онъ выпыты-

важъ у меня, я самъ не понимаю какимъ образомъ, всѣ подроб-ности.

Когда мы остались вмѣстѣ, онъ принялъ такой таинствен-ный видъ, что мнѣ рѣшительно было не въ моготу. Онъ допра-шивалъ самое вино, когда у него не было ничего другаго для вопроса. Онъ держалъ рюмку передъ собою на свѣтъ, отвѣды-валъ свой портвейнъ, пропускалъ его кругомъ рта и прогла-тывалъ; потомъ снова поглядывалъ на него, нюхалъ его, про-бовалъ, пилъ, снова наливалъ, и опять такимъ же образомъ допытывалъ свою рюмку; наконецъ я начиналъ трусить: ужъ не наговаривало ли ему вино чего-нибудь на меня. Три или четыре раза я было пытался начать разговоръ, но всякій разъ, когда онъ видѣлъ, что я хотѣлъ спросить у него что-нибудь, онъ поглядывалъ на меня съ своею рюмкой въ рукѣ и, пропуская вино кругомъ рта, какъ бы желалъ дать мнѣ знать, что всякій вопросъ съ моей стороны бесполезенъ, потому что онъ на него не отвѣтитъ.

Я полагаю, миссъ Покетъ подозрѣвала, что одинъ видъ мой могъ довести ее до ѣснованія, что она пожалуй могла бы сорвать съ головы свой чепчикъ, необыкновенно отвратитель-ный, превратить его въ совершенную тряпку, и разбросать по полу свои волосы, которые впрочемъ не росли у ней на головѣ. Она не явилась поэтому послѣ, когда мы пере-шли въ комнату миссъ Гевишамъ и сѣли за вистъ въ четве-ромъ. Въ промежуткѣ, миссъ Гевишамъ убрала Эстеллу сво-ими драгоценностями, которыя она расположила фантасти-ческимъ образомъ въ ея волосахъ, на рукахъ и на груди, и я замѣтилъ, даже мой попечитель посмотрѣлъ на нее изъ-подъ сво-ихъ густыхъ, нависшихъ бровей, и приподнял ихъ немного, когда красавица явилась передъ нимъ во всемъ великолѣпн блеска и цвѣта этихъ украшеній.

Я не буду разказывать, какъ онъ забиралъ нашихъ ко-зырей и выходилъ съ маленькими ничтожными картами, пе-редъ которыми совершенно меркла слава нашихъ королей и дамъ, не стану говорить и о томъ, что я чувствовалъ, когда онъ смотрѣлъ на насъ какъ на три жалкія загадки, давно уже имъ разгаданныя. Но особенно заставляла меня стра-дать несовмѣстность между моею страстью къ Эстеллѣ и его присутствіемъ, которое такъ и обдавало холодомъ. Не говоря уже о томъ, что у меня не стало бы духа бесѣдовать съ нимъ про нее, что у меня не стало бы духа слышать какъ

онъ скрипнѣть на нее сапогами, видѣть какъ онъ смываетъ ее съ своихъ рукъ,—но меня уже мучило одно то обстоятельство, что я и мои чувства находились теперь въ одномъ мѣстѣ съ нимъ.

Мы играли до девяти часовъ, и тогда положено было предупредить меня, когда Эстелла пріѣдетъ въ Лондонъ, чтобъ я могъ встрѣтить ее у дилижанса; я простился съ нею, прикоснулся къ ея рукъ, и мы разстались.

Мой опекунъ занималъ въ гостиницѣ *Кабана* смежную со мною комнату. Поздно ночью все еще раздавались въ моихъ ушахъ слова миссъ Гевисамъ: «люби ее, люби, люби!» Я повторилъ ихъ, измѣнивъ на свой ладъ, и говорилъ моей подушкѣ сотни разъ: «я люблю, люблю, люблю!» Потомъ закипѣло во мнѣ чувство благодарности, что она предназначена для меня, еще такъ недавно бывшаго мальчишкою въ кузницѣ. Потомъ я подумалъ, что если она не испытывала теперь, какъ я опасался, той же самой восторженной благодарности за свою судьбу; то когда же она заинтересуется мною?—когда я разбужу въ ней сердце, погруженное теперь въ нѣмую дремоту?

Бѣдный я! Все это, казалось мнѣ, были возвышенныя чувства. Но я не подумалъ, какъ низко и подло было съ моей стороны избѣгать Джо только потому, что Эстелла пренебрегала имъ. День тому назадъ, Джо заставилъ меня проливать слезы; скоро онъ высохли. Богъ прости мнѣ, какъ скоро онъ высохли!

### XXX.

Подумавъ хорошенько, пока я одѣвался по утру въ гостиницѣ, я рѣшился сказать моему попечителю, что Орликъ вовсе не такой надежный человѣкъ, который могъ бы занимать отвѣтственное мѣсто при миссъ Гевисамъ.

— Разумѣется, Пипъ, это человѣкъ не для своего мѣста, сказалъ мой опекунъ, очень спокойно, совершенно довольный общимъ заключеніемъ,—обыкновенно такія мѣста занимаютъ люди, которые не годятся на нихъ.

Повидимому его очень развеселило то, что и въ этомъ случаѣ мѣсто не было занято, въ видѣ исключенія, человѣкомъ годнымъ

для него, и онъ слушалъ съ удовольствіемъ, пока я ему передавалъ все, что мнѣ было извѣстно про Орлика.

— Очень хорошо, Пипъ, замѣтилъ онъ, когда я кончилъ.—Я пойду сейчасъ же и разчитаю нашего пріятеля.

Такое рѣшительное дѣйствіе встревожило меня, я совѣтывалъ повременить немного, и даже намекнулъ, что съ нашимъ пріятелемъ трудно будетъ сладить.

— О, нѣтъ, сказалъ мой опекунъ, развертывая свой носовой платокъ съ полною увѣренностію:—я хотѣлъ бы посмотреть, какъ онъ станетъ разсуждать со мной.

Мы отправлялись въ Лондонъ вмѣстѣ, въ полуденномъ дилижансѣ, и за завтракомъ я до того боялся появленія Пембльчука, что я едва могъ держать чашку; я сказалъ, что мнѣ хочется пройтись, и что я пойду по дорогѣ въ Лондонъ, и чтобы мистеръ Джагерсъ предупредилъ обо мнѣ кучера. Такимъ образомъ я имѣлъ возможность скрыться изъ Синяго Кабана сейчасъ же послѣ завтрака. Давъ милю двѣ обхода по полямъ, позади лавки мастера Пембльчука, я вышелъ опять на большую улицу; миновавъ эту западную, я чувствовалъ себя сравнительно въ безопасности.

Мнѣ было интересно побывать еще разъ въ нашемъ старомъ, тихомъ городѣ; мнѣ ничуть не было непріятно, когда меня узнавали и глазѣли на меня. Одинъ или два лавочника выскочили даже изъ своихъ лавокъ и забѣжали мнѣ впередъ, чтобы вернуться, какъ будто они забыли что-нибудь, и заглянуть мнѣ въ лицо; при этомъ случаѣ, я не знаю, кто прикидывался неловче, они ли, замаскировывая цѣль своего движенія, я ли, показывая видъ, будто не замѣчаю ихъ. Все-таки мое положеніе было великолѣпное, и я былъ доволенъ имъ, пока судьба не толкнула меня на этого безпредѣльнаго негодя, мальчишку Траба.

Взглянувъ впередъ, на нѣкоторое разстояніе, вдоль улицы, я увидѣлъ этого мальчишку; онъ приближался ко мнѣ, и хлесталъ себя пустымъ синимъ мѣшкомъ. Полагая, что всего пріятнѣе встрѣтить его равнодушнымъ, ничего неподозрѣвающимъ взглядомъ, который смирилъ бы его злобный умъ, я шелъ впередъ именно съ этимъ выраженіемъ на лицѣ, и уже начиналъ радоваться моему успѣху, какъ вдругъ колѣни этого мальчишки подкосились, волосы поднялись дыбомъ, шапка его свалилась, онъ задрожалъ всемъ тѣломъ, отшатнулся на середину улицы и, крича народу: «Поддержите меня! У, какіе страхи!» Онъ прикинулся, будто моя великолѣпная

фигура поразила его совершеннымъ ужасомъ. Когда я проходилъ мимо него, зубы его застучали, и онъ палъ передо мною въпрахъ, со всѣми знаками полнѣйшаго униженія.

Трудно было выдержать это, но это еще было ничего. Я не сдѣлалъ и двухсотъ шаговъ, какъ я снова увидѣлъ, къ моему невыразимому ужасу, удивленію и негодованію, того же самаго мальчишку Траба. Онъ подходилъ изъ-за угла. Синій мѣшокъ висѣлъ у него черезъ плечо. Любовь къ честному труду сіяла у него въ глазахъ, и въ его походкѣ была видна веселая готовость спѣшить къ своему дѣлу. Разомъ почувствовалъ онъ мое присутствіе, и повторилъ ту же самую комедію; но на этотъ разъ онъ предался коловратному движенію, и онъ вертѣлся вокругъ меня, подогнувъ колѣна и подымая руки, какъ бы моля о помилованіи. Его страданія возбудили громкій хохотъ обступившей толпы, и я былъ чрезвычайно оконфуженъ.

Когда я поровнялся потомъ съ почтовою конторой, мальчишка Траба уже успѣлъ заднею дорогою забѣжать мнѣ впередъ. Въ этотъ разъ онъ совершенно измѣнился. Синій мѣшокъ былъ наброшенъ у него на плечи на подобіе моего плаща, и онъ гордо выступалъ мнѣ на встрѣчу, на противоположной сторонѣ улицы, окруженный толпою юныхъ друзей, которымъ онъ кричалъ, махая рукою: «Я не зна-а-ю ва-асъ!» Никакія слова не могутъ передать всю сумму оскорбленія, которое наносилъ мнѣ этотъ мальчишка, когда онъ, проходя мимо меня, вытаскилъ воротнички своей рубашки, закрутивъ волосы на вискахъ, подперъ руки въ боки, и гримасничая и коверкаясь, тянулъ на распѣвъ своимъ спутникамъ: «Не зна-а-ю ва-асъ, не зна-а-ю ва-асъ, по-о чести не зна-а-ю-ю ва-асъ!» Послѣ этого онъ принялся кричать кукареку, и преслѣдовалъ меня черезъ мостъ этѣмъ же крикомъ, какъ будто за мною бѣжалъ очень прискорбный пѣтухъ, который знавалъ меня еще въ ту пору, когда я былъ кузнепомъ. Съ такимъ позоромъ оставилъ я городъ, или, точнѣе говоря, былъ изгнанъ изъ него въ чистое поле.

Но если я не могъ придушить мальчишку Траба, то я и теперь не вижу что еще оставалось мнѣ дѣлать тогда, какъ не терпѣть. Поднять съ нимъ драку на улицѣ, или требовать отъ него какого бы то ни было возмездія кромѣ крови его сердца, было бы смѣшно и унижительно. Кромѣ того это былъ такой мальчикъ, которому никто ничего не могъ сдѣлать; неуязвимый, увертливый змѣенышъ, вы припрете его въ уголъ, онъ про-

скачигь у васъ между ногъ, и отвѣтитъ вамъ издали презрительнымъ ревомъ. Я написалъ однако же къ мистеру Трабу по слѣдующей же почтѣ, что мистеръ Пипъ не можетъ продолжать свои заказы тому, кто забылъ свои обязанности передъ обществомъ и держитъ у себя до сихъ поръ мальчишку, который возбуждаетъ одно омерзѣніе въ каждомъ порядочномъ человѣкѣ.

Дилижансъ съ мистеромъ Джагерсомъ подѣхалъ въ свое время, и я занялъ опять мое мѣсто на козлахъ, и прибылъ въ Лондонъ благополучно, но съ разбитымъ сердцемъ. Какъ только я пріѣхалъ, я отправилъ къ Джо повинную треску и бочонокъ устрицъ (въ видѣ удовлетворенія за то, что я самъ не зашелъ къ нему), и пошелъ себѣ въ Барнардово подворье.

Я нашелъ Герберта за обѣдомъ; онъ былъ очень радъ моему возвращенію. Отправивъ мстителя въ кофейную принести что-нибудь къ моему обѣду, я чувствовалъ, что мнѣ необходимо было раскрыть душу моему другу и товарищу. Откровенный разговоръ, разумѣется, былъ невозможенъ, когда мститель находился въ передней, и потому я отпустилъ его въ театръ. Лучшаго доказательства моего рабства передъ этимъ тираномъ я не могу представить, какъ эти различныя унижительныя уловки, къ которымъ постоянно я пріѣхалъ, чтобы дать ему занятіе. Иногда я доходилъ до такой крайности, что посылалъ его на уголь Гайдъ-Парка посмотрѣть который часъ.

Отобѣдавъ, мы сѣли къ камину, и я сказалъ тогда Герберту:

— Любезный Гербертъ, я имѣю нѣчто особенное сказать вамъ.

— Любезный Гендель, отвѣчалъ онъ,—сочувствіемъ и уваженіемъ отзовусь я на вашу откровенность.

— Это касается меня самого, Гербертъ, сказалъ я,—да еще одной особы.

Гербертъ заложилъ ногу на ногу, посмотрѣлъ на огонь, наклонивъ голову на одну сторону; подождая нѣсколько времени; онъ посмотрѣлъ на меня, потому что я не продолжалъ.

— Гербертъ, сказалъ я, положивъ руку ему на колѣно, — я люблю, я обожаю Эстеллу.

Гербертъ не только не былъ пронзенъ насквозь моимъ признаніемъ, но отвѣчалъ совершенно равнодушно.

— Такъ. Ну, далѣе?

— Ну далѣе, Гербертъ? И это вашъ отвѣтъ: ну далѣе?

— Да, что же далѣе? сказалъ Гербертъ:—это я уже знаю?

— Почему вы знаете? сказалъ я.

— Почему я знаю, Гендель? Я знаю это отъ васъ.

— Я никогда вамъ этого не говорилъ.

— Не говорили мнѣ! Вы не говорите мнѣ также, когда вы стрижетесь; но у меня достаточно смыслу, чтобы замѣтить это. Вы всегда обожали ее съ тѣхъ поръ, какъ я васъ знаю. Вы принесли сюда вашу любовь и вашу чемоданъ вмѣстѣ. Не говорили мнѣ! Вы мнѣ высказывали это ежедневно съ утра до вечера. Когда вы сообщили мнѣ вашу собственную исторію, вы мнѣ открыто сказали, что вы начали обожать ее съ перваго же раза какъ вы увидѣли ее, когда вы были еще очень молоды.

— Коли такъ, да, сказалъ я довольно обрадованный этому новому лучу свѣта,—я не переставалъ обожать ее. Она теперь возвратилась очаровательною красавицей. Я видѣлъ ее вчера. И если я обожалъ ее прежде, то теперь я обожаю ее вдвое.

— Ваше счастье, Гендель, въ такомъ случаѣ, сказалъ Гербертъ,—что вы избраны и предназначены для нея. Не касаясь запрещенной статьи, я могу, кажется, сказать, что между нами этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію. Имѣете ли вы какое-нибудь понятіе о томъ какъ сама Эстелла смотритъ на эту статью объ обожаніи?

Я покачалъ печально головою.

— Она на тысячу верстъ отъ меня, сказалъ я.

— Терпѣніе, мой милый Гендель: времени еще довольно, довольно. Но вы хотѣли еще что-то мнѣ сказать?

— Мнѣ совѣстно это сказать, отвѣтилъ я,—а говорить объ этомъ не хуже чѣмъ думать. Вы называете меня счастливецомъ. Конечно, я счастливъ. Чуть-чуть не вчера я былъ простой кузнецъ, а сегодня я... что я такое, какъ сказать мнѣ про себя?

— Скажите: добрый малый, если вамъ нужно слово, чтобы закончить фразу, отвѣчалъ Гербертъ, улыбаясь и хлопая меня по рукъ,—добрый малой съ порядочнымъ запасомъ горячности и робости, отваги и неувѣренности, дѣйствія и мечтательности, въ которомъ всѣ эти качества очень чудно перемѣшаны.

Я остановился на мигу, чтобы подумать, дѣйствительно ли въ моемъ характерѣ была такая смѣсь. Вообще, я никакъ не могъ подтвердить этотъ анализъ; но я не считалъ нужнымъ толковать объ этомъ.

— Когда я спрашиваю васъ, какъ мнѣ назвать себя сегодня, продолжалъ я,—я хочу вамъ высказать этимъ что у меня на мысляхъ. Вы говорите что я счастливъ. Я знаю, что я самъ

ничего не сдѣлалъ для моего возвышенія въ жизни; меня подняло счастье, и потому я счастливъ. Но когда я только подумаю объ Эстеллѣ...

— А когда же вы о ней не думаете, перерываю меня Гербертъ, вперивъ въ огонь свои глаза, которые, казалось мнѣ, были полны доброты и сочувствія.

— Тогда, мой милый Гербертъ, я не могу вамъ выразить, какъ мало увѣренности я чувствую, какъ сильно завишу я отъ тысячи случайностей. Подобно вамъ не касаясь запрещенной статьи, я все-таки могу сказать, что я полагаю всѣ мои надежды на постоянство одного лица (не называя никого по имени). И какъ непріятно ничего не знать положительнаго объ этихъ надеждахъ!

Сказавъ это, я облегчилъ мое сердце отъ тягости, которая постоянно давила меня болѣе или менѣе, и которая была невыносима со вчерашняго дня.

— Теперь, Гендель, отвѣчалъ Гербертъ своимъ веселымъ тономъ, такъ полнымъ надеждъ, — мнѣ кажется, что вы въ вашемъ отчаяніи смотрите черезъ увеличительное стекло въ зубы даровой лошади. Мнѣ также кажется, что сосредоточивая все наше вниманіе на одномъ этомъ изслѣдованіи, мы упускаемъ изъ виду лучшія качества животнаго. Не говорили ли вы мнѣ, что вашъ попечитель, мистеръ Джагерсъ, объявилъ вамъ съ перваго раза, что вы надѣлены не одними надеждами? Да еслибы онъ вамъ и не сказалъ этого, то могли ли бы вы допустить — хотя это одно предположеніе, — что такой человекъ какъ мистеръ Джагерсъ оставался бы съ вами въ теперешнихъ отношеніяхъ, еслибы онъ не былъ увѣренъ въ вашемъ положеніи?

Я сказалъ, что дѣйствительно это былъ сильный аргументъ, котораго я не могъ отрицать, я сказалъ это, какъ будто неохотно уступая истинѣ и (съ людьми часто это бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ) какъ будто я желалъ опровергнуть ее.

— Полагаю, это сильный аргументъ, сказалъ Гербертъ, — я думаю вы затруднитесь найти аргументъ сильнѣе; что касается до остальнаго, то вы должны ожидать времени, положеннаго вашимъ опекуномъ, а онъ будетъ ждать срока, назначеннаго его клиентомъ. Вы не успѣете и оглянуться, какъ вамъ стукнетъ двадцать одинъ годъ и тогда можетъ быть вы получите дальнѣйшее объясненіе. По крайней мѣрѣ, вы бу-



дете ближе къ этому объясненію, потому что когда же ни-будь оно будетъ вамъ сообщено.

— Какъ вы всегда полны надеждъ, сказалъ я съ благодарностью, удивляясь его веселому расположенію.

— Это мое единственное достояніе, сказалъ Гербертъ.— Я долженъ однакоже сознаться, что утѣшительная мысль, которую я вамъ высказалъ теперь, принадлежитъ не мнѣ, а моему отцу. Я слышалъ отъ него одно замѣчаніе про вашу исторію, именно, что это дѣло рѣшенное и поконченное. Да иначе Джагерсъ и не взялся бы за него. А теперь, прежде нежели я скажу вамъ еще что-нибудь болѣе про моего отца или и про сына моего отца, чтобъ отплатить вамъ за вашу откровенность откровенностью же, я намѣренъ показаться вамъ очень непріятнымъ, даже отвратительнымъ.

— Въ этомъ вы не успѣете, сказалъ я.

— О, да! Я буду вамъ очень непріятенъ, вы увидите, сказалъ онъ. — Ну, разъ, два, три, вотъ и начинается, Гендель мой добрый товарищъ...—Хотя онъ говорилъ это шутливымъ тономъ, но онъ былъ совершенно серіозенъ. — Я подумалъ, съ самаго начала нашего разговора, что Эстелла не составляетъ непремѣннаго условія для вашего наслѣдства, если вашъ опекунъ ни разу не упомянулъ о ней. Точно ли я понялъ васъ, что онъ не говорилъ вамъ о ней ни разу, ни прямо, ни намекомъ? Ни разу даже не намекнулъ, напримѣръ, что вашъ благодѣтель можетъ имѣть какія-либо свои намѣренія касательно вашей женитьбы?

— Ни разу.

— Теперь, Гендель, честию и душою клянусь вамъ, что я не зарюсь на кислый виноградъ! Вы съ нею не связаны; не можете ли вы оторваться отъ нее? Вѣдь я вамъ сказалъ, что буду вамъ непріятенъ.

Я отвернулся въ сторону. Мое сердце снова было поражено тѣмъ же чувствомъ, которое смирило меня въ то самое утро, когда я оставалъ нашу деревню, когда туманы торжественно подымались передо мною, и я оперся на верстовой столбъ. На минуту между нами воцарилось молчаніе.

— Да, мой любезный Гендель, продолжалъ Гербертъ, какъ будто нашъ разговоръ не прерывался; — это чувство такъ сильно укоренилось въ груди мальчика, котораго обстоятельства и природа сдѣлали черезчуръ романтическимъ, что это право дѣло очень нешуточное. Подумайте о воспитаніи,

подумайте о миссъ Гевишамъ. Подумайте, что такое она сама (ну теперь я рѣшительно для васъ отвратителенъ, и вы гнушаетесь мною). Въдь это можетъ повести къ очень несчастнымъ послѣдствіямъ.

— Я знаю это, Гербертъ, сказалъ я, все еще отвернувшись отъ него;—но я этому не могу пособить.

— Такъ вы не можете оторваться?

— Нѣтъ, невозможно!

— Не можете попытаться, Гендель?

— Нѣтъ, невозможно.

— Ну, сказалъ Гербертъ, подымаясь со стула и встряхиваясь, какъ будто онъ дремалъ, и поправляя огонь:—теперь я опять постараюсь быть пріятенъ вамъ!

Онъ прошелся по комнатѣ, отряхнулъ занавѣски, разставилъ стулья на мѣста, прибралъ книги и другія вещи, которыя были разбросаны, заглянулъ въ переднюю, посмотрѣлъ въ письменный ящикъ, заперъ дверь, и опять расположился въ своемъ креслѣ у камина, охвативъ обѣими руками свою лѣвую ногу.

— Я вамъ хотѣлъ сказать, Гендель, слова два про моего отца, и про сына моего отца. Я полагаю, сынъ моего отца не имѣетъ надобности говорить, что домъ моего отца не отличается блистательнымъ хозяйствомъ.

— Въ немъ всего вдоволь, Гербертъ, замѣтилъ я, желая сказать что-нибудь пріятное.

— О, да! то же самое говорить; я полагаю, и тряпичникъ еще съ большимъ одобреніемъ, и то же повторяетъ продавецъ всякаго старья въ заднемъ переулкѣ. Говоря серьезно, Гендель,—потому что это дѣло довольно серьезное,—вамъ также хорошо извѣстно что тамъ дѣлается, какъ и мнѣ. Я полагаю, было время, когда мой отецъ еще не умѣлъ на все махнуть рукою; но если это время было, то оно уже давно прошло. Позвольте мнѣ теперь спросить васъ, имѣли ли вы случай замѣтить въ вашей сторонѣ, что дѣти отъ браковъ, не совсѣмъ удавшихся, всегда спѣшаютъ женитьбою?

Это былъ такой странный вопросъ, что я спросилъ у него въ свою очередь:

— Неужели это бываетъ такъ?

— Я не знаю, сказалъ Гербертъ,—я именно желаю это знать, потому что это случилось съ нами. Моя бѣдная сестра Шарлота, которая слѣдовала за мною и умерла по четырнадц-

цатому году, была поразительнымъ примѣромъ. Маленькая Дженъ то же самое. Она такъ желаетъ выйти замужъ, что пожалуй можно подумать будто она провела всю свою дѣтскую жизнь въ постоянномъ созерцаніи домашняго счастья. Маленькій Аликъ, еще не вышедшій изъ рубашечки, уже распорядился на счетъ супружескаго соединенія съ юною дѣвицей, живущею въ Кью. Право, я думаю, что мы все стоворены, за исключеніемъ развѣ груднаго ребенка.

— И вы то же? сказалъ я.

— Да, сказалъ онъ, — но это еще пока тайна.

Я увѣрилъ его, что я сохраню тайну, и просилъ его передать мнѣ ближайшія подробности. Онъ говорилъ мнѣ съ такимъ чувствомъ и такъ умно о моей слабости, что мнѣ хотѣлось знать что-нибудь про его твердость.

— Могу я спросить васъ объ имени? сказалъ я.

— Ее зовутъ Клара, сказалъ Гербертъ,

— Она живетъ въ Лондонѣ?

— Да. Можетъ-быть, я долженъ бы упомянуть, сказалъ Гербертъ, замѣтно унывшій духомъ и присмирѣвшій, когда мы коснулись этой интересной темы, — что она не подходитъ подъ безмысленныя аристократическія понятія моей матери. Ея отецъ былъ чѣмъ-то при снабженіи провизіей пассажирскихъ судовъ, казначеемъ, я полагаю.

— А теперь что же онъ? сказалъ я.

— Теперь онъ больной человекъ, отвѣчалъ Гербертъ.

— И живетъ...

— Въ первомъ этажѣ, сказалъ Гербертъ, но это вовсе не былъ отвѣтъ на мой вопросъ, потому что я спрашивалъ о его средствахъ: — я никогда его ни видалъ, потому что онъ никогда не выходилъ изъ своей комнаты наверху), съ тѣхъ поръ какъ я знаю Клару. Но я постоянно слышу его; онъ страшно шумитъ и стучитъ по полу какимъ-то ужаснымъ орудіемъ.

Посмотрѣвъ на меня и захохотавъ отъ души, Гербертъ на время принялъ опять свой прежній веселый тонъ.

— Надѣетесь вы увидѣть его? сказалъ я.

— О да, я постоянно надѣюсь увидѣть его, отвѣчалъ Гербертъ, — всякій разъ какъ я его слышу, я ожидаю, что онъ провалится черезъ потолокъ. Но я не знаю, какъ еще долго выдержатъ балки.

Но хохотавъ еще разъ отъ души, онъ опять присмирѣлъ и сказалъ мнѣ, что намѣренъ жениться на этой молодой дѣвушкѣ какъ только начнетъ составлять себѣ капиталъ. Но онъ прибавилъ:

— Но вѣдь вы знаете, есть ли возможность жениться, пока еще только высматриваешь вокругъ себя.

Поглядывая на огонь и размышляя, какъ это бываетъ иногда трудно составить себѣ капиталъ, я засунулъ руки въ карманъ. Сложенная бумага, находившаяся въ одномъ изъ нихъ, привлекла мое вниманіе; я вынулъ ее и увидѣлъ, что это была афишка, которую мнѣ передалъ Джо, о знаменитомъ провинціальномъ аматерѣ, пользующемся славой Россія. — И Боже ты мой, прибавилъ я невольно въ слухъ: это будетъ сегодня!

Въ одну минуту обстоятельство это измѣнило матерію нашего разговора, и мы рѣшили идти въ театръ. Итакъ, объщавъ Герберту всякое утѣшеніе и помощь въ его сердечномъ дѣлѣ и услышавъ отъ него, что его невѣста уже знаетъ меня по репутаціи, что я буду ей представленъ, мы горячо пожали другъ другу руку, затушили свѣчи, поправили огонь въ каминѣ, заперли дверь и отправились къ мистеру Весплю, въ его Данію.

### XXXI.

По прибытіи нашемъ въ Данію, мы нашли короля и королеву этой страны, окруженныхъ своимъ дворомъ; они воссѣдали на двухъ креслахъ, которые были поставлены на поварскомъ столѣ. Здѣсь присутствовала вся датская аристократія, состоявшая изъ благороднаго юноши въ замшевыхъ сапогахъ, доставшихся ему послѣ предка-исполина, изъ почтеннаго пера съ очень грязнымъ лицомъ, который вѣроятно поднялся изъ народа въ позднее время своей жизни, и изъ датскаго рыцаря съ гребенкою въ волосахъ и бѣломъ шелковомъ трико, шоражавшаго женственностію своей наружности. Мой даровитый землякъ мрачно стоялъ поодаль, скрестивъ руки, и я могъ бы пожелать только, чтобъ его лобъ и локотки казались болѣе натуральными.

Въ продолженіе всего представленія мы узнали много очень любопытныхъ подробностей. Покойный король повидному не только передъ смертью страдалъ кашлемъ, но унесъ эту болѣзнь съ собою въ могилу и теперь оттуда съ нею вернулся. У королевскаго призрака на скипетръ была накручена призрачная рукопись, съ которою онъ по временамъ, кажется, справлялся и даже съ безпокойнымъ видомъ опасенія потерять въ ней мѣсто, очевидно свидѣтельствовавшимъ о его смертности; вслѣдствіе этого, я полагаю, кто-то изъ райва крикнулъ призраку: переверни, и тѣнь очень осталась недовольною этимъ совѣтомъ. Должно также замѣтить касательно, этого августѣйшаго духа, что хотя онъ являлся съ такимъ видомъ, какъ будто бы передъ тѣмъ блуждалъ долгое время въ безконечномъ пространствѣ, но онъ выходилъ замѣтно для всѣхъ изъ за ближайшей перегородки. Отъ этого онъ былъ въ постоянномъ страхѣ, что его примутъ со смѣхомъ. Королева датская, плотная барыня вся выложенная мѣдью, безъ сомнѣнія согласно съ исторіей, казалось публикѣ, была слишкомъ отягощена этимъ металломъ; ея подбородокъ былъ привязанъ къ діадемѣ широкою мѣдною полосой (какъ будто она страдала великолѣпною зубною болью), талія ея была обхвачена такою же полосой, и наконецъ на обѣихъ рукахъ ея были надѣты мѣдныя обручи, такъ что ее можно было назвать литаврою. Благородный юноша въ дѣдовскихъ сапогахъ оказался очень непостояненъ; онъ представлялъ изъ себя и ловкаго моряка, и странствующаго актера, и могильщика, и священника, и необыкновенно важное лицо на придворномъ поединкѣ, которое своимъ привычнымъ глазомъ и тонкимъ знаніемъ оцѣнивало самые ловкіе удары. Это мало-по-малу сдѣлало его невыносимымъ, и даже когда его признали въ священномъ санѣ, и онъ отказывался совершить обрядъ отпѣванія, всеобщее негодованіе разразилось градомъ орѣховъ, посыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ. Наконецъ Офелія сходила съ ума подъ музыку такъ долго, что когда она сняла свой кисейный шарфъ, сложила его и спрятала, какой-то недовольный мальчуганъ, сидѣвшій въ райкѣ и прохлаждавшій свой носъ о желѣзныя перила, заревѣлъ во все горло: «ну, ребенка уложили спать, теперь давай ужинать!» Возгласеніе это, мы должны согласиться, было совершенно неумѣстное.

Всѣ эти случаи обрушивались самымъ комическимъ эффектомъ на моего несчастнаго земляка. Всякій разъ, когда нервъ-

шительному принцу приходилось сдѣлать вопросъ или обнаружить свое сомнѣнiе, публика помогала ему выпутаться изъ него. Какъ напริมѣръ, на вопросъ: «что благороднѣе—терпѣть», одни заревѣли—да, другiе—нѣтъ; третьи, не порѣшившіе между двумя мнѣнiями, предлагали кинуть орелъ или рѣшетку, и вотъ начался совершенный диспутъ. Когда онъ спрашивалъ, зачѣмъ такимъ людямъ, вотъ какъ онъ, ползать между небомъ и землею, публика ободряла его громкими криками: «Слушайте, слушайте!» Когда онъ явился со спущеннымъ чулкомъ, который, какъ обыкновенно это дѣлается на театрѣ, былъ очень аккуратно загнутъ на верху и, полагаю, даже приглаженъ утюгомъ, въ райкѣ поднялись толки о бѣлизнѣ его ноги, и многiе спрашивали, не поблѣднѣла ли она отъ испуга, когда явилось привидѣнiе. Когда ему подали черную олеиточку, на которой только-что играли въ оркестрѣ, раекъ единодушно потребовалъ, чтобъ онъ сыгралъ: «царствуй Британiя.» Когда онъ совѣтывалъ актеру не разсѣкать воздуха руками, тотъ же самый недовольный человекъ замѣтилъ ему: «да и вы того же не дѣлайте; вы пожалуй еще хуже того.» Съ сожалѣнiемъ долженъ я прибавить, что при всѣхъ этихъ случаяхъ раздавались громкiе взрывы хохота.

Но самое ужасное испытанiе готовилось для него на кладбищѣ, которое было очень похоже на первобытный лѣсъ, съ хижиной по одну сторону и дорожной заставой на другой сторонѣ. Публика замѣтила, когда мистеръ Воспль, закутанный въ черныи плащъ, подходилъ къ заставѣ, и дружески закричала могильщику: «ей, смотрите, гробовщикъ идетъ, увидить какъ вы работаете.» Я полагаю, въ конституціонной Англiи извѣстно, что мистеръ Воспль, передавая черепъ, послѣ нравственнаго поученiя надъ нимъ, долженъ былъ вытереть свои пальцы о бѣлую салфетку, которую онъ вытащилъ изъ-за пазухи, но это необходимое дѣйствiе вызвало чье-то замѣчанiе: «половой!» Появленiе тѣла, находившагося въ пустомъ черномъ сундукѣ, котораго крышка отворилась, было знакомъ для всеобщей радости, еще увеличившейся, когда между носильщиками узнали неизбѣжнаго благороднаго юношу. Смѣхъ сопровождалъ мистера Воспля, когда онъ боролся съ Лэартомъ на краю могилы и оркестра, когда онъ стащилъ короля съ поварекаго стола и въ заключенiи самъ умиралъ по вершкамъ отъ пятокъ до головы.

Мы было попробовали въ началѣ апплодировать мистеру Восплю, но наши старанія были такъ безнадежны, что мы не продолжали ихъ. Мы сидѣли, горько чувствуя за него, но все-таки хохоча во все горло. Я смѣялся все время, какъ я себя ни удерживалъ; все это было такъ смѣшно, и-однакоже я вынесъ тайное впечатлѣніе, что чтеніе мистера Воспя имѣло нѣкоторое достоинство, не ради прежнихъ воспоминаній, но потому что оно было такъ утомительно, такъ однообразно, такъ съ горы-на-гору, такъ не похоже на говоръ чловѣка, при какихъ бы то ни было естественныхъ обстоятельствахъ жизни или смерти. Когда трагедія кончилась и его вызвали, чтобы опинкать, я сказалъ Герберту:

— Уйдемте же сейчасъ, а то еще мы его встрѣтимъ.

Мы торопились спуститься съ лѣстницы, но насъ предупредили однакоже. У дверей стояла еврейская фигура, съ неестественно-насурмленными бровями, которая обратила на себя мое вниманіе, и когда мы поровнялись съ этимъ чловѣкомъ, онъ спросилъ:

— Мистеръ Пинъ и его другъ?

Мы принуждены были сознаться.

— Мистеръ Валденгарверъ, сказалъ этотъ чловѣкъ,—почтетъ за особенную честь.

— Валденгарверъ? повторилъ я, когда Гербертъ шепнулъ мнѣ на ухо: «это должно быть Восплъ.»

— О! сказалъ я.—что же, должны мы за вами слѣдовать?

— Пожалуйте, нѣсколько шаговъ только.—Когда мы вошли въ боковой проходъ, онъ повернулся и спросилъ:—Ну какъ онъ на вашъ глазъ? Я одѣвалъ его.

Похожъ онъ былъ болѣе всего, мнѣ казалось, на похоронное чучело, а датское солнце или звѣзда, висѣвшая у него на шеѣ, на голубой лентѣ, придавала такой ему видъ, какъ будто онъ былъ застрахованъ въ какомъ-то чрезвычайномъ страховомъ обществѣ. Но я сказалъ, что онъ на нашъ глазъ какъ нельзя лучше.

— Когда онъ подошелъ къ могилѣ, сказалъ нашъ проводникъ,—онъ великолѣпно задрапировался своимъ плащомъ. Но глядя изъ-за кулисъ, мнѣ показалось, что когда онъ видитъ привидѣніе въ комнатѣ королевы, онъ могъ бы пронзестъ эффектъ сильнѣе своими чулками.

Я скромно согласился, и мы все ввалились черезъ маленькую дверь въ какой-то душный ящикъ. Здѣсь мистеръ Восплъ

расслаблялся, и намъ именно было лишь только мѣста чтобы глядѣть на него изъ-за плеча товарища, оставивъ однакоже дверь или крышку этого ящика совершенно отворенною.

— Джентльмены, сказалъ мистеръ Вопсъ, — съ чувствомъ гордости я вижу васъ. Я надѣюсь, мистеръ Пинъ, вы извините меня, что я послалъ за вами. Я нигдѣ счастіе знать васъ въ прежнее время, а драма всегда предъявляла неоспоримыя права на знатныхъ и богатыхъ.

Между тѣмъ, мистеръ Валденгарверъ, въ страшной испаринѣ, старался стащить съ себя свое траурное одѣяніе.

— Осторожнѣе тащите чулки, мистеръ Валденгарверъ, сказалъ владѣлецъ этой собственности, — если вы ихъ разорвете, съ ними допнутъ тридцать пять шилинговъ. Никогда еще Шекспировскія роли не разыгрывались въ лучшей парѣ чулокъ. Сидите смирно на стулѣ, ужъ дайте-ка я самъ ихъ отану.

Говоря это, онъ сталъ на колѣни и принялся обдирать свою жертву, которая послѣ перваго чулка, конечно, повалилась бы назадъ вѣсть со стуломъ, еслибы только было мѣсто.

Я до сихъ поръ опасался говорить про піесу. Но мистеръ Валденгарверъ посмотрѣлъ на насъ съ пріятною улыбкой, и спросилъ:

— Джентльмены, какъ вамъ казалось шло представленіе?

Гербертъ объявилъ, изъ-за моего плеча, въ то же самое время толкая меня подъ бокъ: «великолепно». И я тоже повторилъ: «великолепно».

— Какъ понравилось вамъ мое пониманіе роли, джентльмены? сказалъ мистеръ Валденгарверъ, почти покровительствующимъ тономъ.

Гербертъ отвѣтилъ изъ-за моего плеча, опять толкая меня подъ бокъ: — широко и конкретно.

И я смѣло повторилъ за нимъ, какъ будто то была моя собственная мысль, которую я отстоявалъ: — широко и конкретно.

— Я радъ, что слышалъ ваше одобреніе, джентльмены, сказалъ мистеръ Валденгарверъ съ достоинствомъ, хотя онъ былъ теперь совершенно прапертъ къ стѣнѣ и придерживался за свой стулъ.

— Но я замѣчу вамъ только одно, мистеръ Валденгарверъ, сказалъ человекъ, стоявшій передъ нимъ на колѣняхъ, — что вы невѣрно поняли. Послушайте, кто бы тамъ что ни говорилъ, но я вамъ долженъ это замѣтить. Вы удаляетеесь отъ истиннаго характера Гамлета, когда вы ставите передъ



ноги въ профиль. Послѣдній Гамлетъ, котораго я костюмировалъ, дѣлалъ ту же самую ошибку на репетиціи, и я принужденъ былъ наклеить ему на бедра красныя облатки, и на послѣдней репетиціи я забрался въ партеръ, и всякій разъ какъ только онъ станеть въ профиль, я кричу ему: не вижу облатокъ! Что жъ, какъ бы вы думали? представленіе вышло великолѣпное.

Мистеръ Валденгарверъ улыбулся, какъ бы желая этимъ сказать: вѣрный слуга, я прощаю ему его глупость, и потому прибавилъ въ слухъ:

— У меня взглядъ слишкомъ классическій и глубокій для здѣшней публики, но они здѣсь разовьются современемъ; они разовьются.

Мы съ Гербертомъ подтвердили вмѣстѣ, что они безъ всякаго сомнѣнія разовьются.

— Замѣтили вы, джентльмены, сказалъ мистеръ Валденгарверъ,—что въ райкѣ былъ человекъ, который старался осмѣять служеніе—я хочу сказать представленіе.

Мы отвѣтили съ подлою лестью, что намъ казалось мы замѣтили этого человека; я прибавилъ отъ себя, что вѣроятно онъ былъ пьянъ.

— О, нѣтъ, сэръ, сказалъ мистеръ Валденгарверъ,—вовсе не пьянъ. За этимъ смотреть его хозяинъ. Хозяинъ не позволитъ ему напиться.

— Вы знаете его хозяина? спросилъ я.

Мистеръ Вовслъ медленно закрылъ свои глаза, потомъ также медленно открылъ ихъ.

— Вы должны были замѣтить, джентльмены, сказалъ онъ, невѣжественнаго осла съ скрипучимъ горломъ и злобно лукавымъ выраженіемъ лица, который отрезвонилъ роль Клавдія короля датскаго. Это его хозяинъ, джентльмены. Таково наше ремесло.

Не знаю, болѣе ли бы я сожалѣлъ о мистерѣ Вовслѣ, еслибъ онъ былъ въ совершенномъ отчаяніи; но мнѣ его и такъ было очень жаль: и когда онъ повернулся, чтобы пристегнуть свои помочи и вытѣснилъ насъ въ дверь, я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы предложить Герберту пригласить его къ намъ ужинать. Гербертъ сказалъ, что это будетъ очень любезно; я пригласилъ его, и онъ отправился съ нами въ Барнардово подворье; мы угостили его какъ могли лучше; онъ просидѣлъ съ нами до двухъ часовъ утра, толкуя о своемъ театральномъ ушѣхъ и развивая свои планы. Я забылъ теперь подробно-

сти этихъ плановъ; но я сохранилъ общее воспоминаніе, что онъ намѣренъ былъ сначала воскресить драму, а потомъ убить ее; потому что ей нельзя пережить его смерти и что послѣ него она останется безъ всякой надежды.

Я легъ спать послѣ всего этого рѣшительно несчастнымъ человѣкомъ, съ горечью думалъ я объ Эстеллѣ, и когда я уснулъ, меня преслѣдовали печальныя грезы, что всѣ мои надежды погибли, что я принужденъ былъ предложить руку Гербертовой Кларѣ и играть Гамлета съ призракомъ миссъ Гевишамъ, въ присутствіи двадцати тысячъ зрителей, не зная двадцати словъ изъ моей роли.

### XXXII.

Однажды, когда я занимался моими науками съ мисте-ромъ Покетомъ, я получилъ по почтѣ записку, одинъ видъ которой уже привелъ меня въ волненіе. Хотя я и не зналъ почерка руки, писавшей адресъ, но я угадалъ чья это была рука. Записка эта не начиналась обращеніемъ: любезный мистеръ Пипъ, или любезный Пипъ, или любезный сэръ, или кто-нибудь любезный, но была слѣдующаго содержанія:

«Послѣ завтра я пріѣду въ Лондонъ съ полуденнымъ дилижансомъ. Кажется, мы условились, что вы должны встрѣтить меня? По крайней мѣрѣ такъ думаетъ миссъ Гевишамъ, и я пишу согласно съ этимъ. Она свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. Ваша, Эстелла.»

Еслибъ было время, то я непременно заказалъ бы себѣ нѣсколько паръ платья по этому случаю; но такъ какъ времени не было, то я принужденъ былъ удовольствоваться тѣмъ платьемъ, которое у меня уже было. Appetitъ у меня сейчасъ же пропалъ, и я не зналъ ни отдыха, ни покоя, пока не наступилъ желанный день. Но онъ не принесъ мнѣ съ собою покоя: въ этотъ день мнѣ было еще хуже, и я началъ слоняться около конторы дилижансовъ въ Вудъ-стритъ, Чапсайдъ, прежде чѣмъ дилижансъ успѣлъ оставить гостиницу Синаго Кабана въ нашемъ городѣ. Хотя я зналъ все это очень хорошо, но я полагалъ, что было бы ненадежно выпустить мнѣ изъ виду контору дилижансовъ болѣе чѣмъ на пять минутъ; и въ этомъ состояніи безумія я провелъ первые полчаса насто-

рожь изъ оставшихся еще четырехъ или пяти часовъ, какъ на меня наткнулся мистеръ Вемикъ.

— Здравствуйте, мистеръ Пипъ, сказалъ онъ,—какъ поживаете? Миѣ бы и въ голову не пришло, что вы здѣсь погуливаете.

Я объяснилъ ему, что я ожидалъ знакомаго, который долженъ пріѣхать въ дилижансѣ, и спросилъ у него въ какомъ состояніи находится его замокъ и его отецъ?

— Оба процвѣтаютъ, благодарю васъ, сказалъ Вемикъ,—и особенно старинашечка; онъ у меня молодецъ молодецомъ. Въ наступающій день рожденія ему минетъ восемьдесятъ два года; у меня есть мысль дать восемьдесятъ два выстрѣла, если сосѣдство не станетъ жаловаться и пушка выдержитъ. Впрочемъ, это тема не для лондонскаго разговора... Куда вы думаете я иду теперь?

— Въ контору, сказалъ я, потому что онъ шелъ въ томъ направленіи.

— По сосѣдству съ нею, отвѣчалъ Вемикъ:—я иду въ Ньюгетъ. У насъ теперь на рукахъ уголовное дѣло съ банкиромъ; я ходилъ сейчасъ взглянуть на сцену дѣйствія, и теперь долженъ обитваться нѣсколькими словами съ нашимъ кліентомъ.

— Такъ вашъ кліентъ обчистилъ банкира? спросилъ я.

— Господь съ вами, вовсе нѣтъ, отвѣтилъ Вемикъ очень сухо.—Но его обвиняютъ въ этомъ, какъ могутъ обвинять васъ или меня. Вѣдь обоихъ насъ могутъ обвинить, вы знаете.

— Только вотъ насъ съ вами не обвиняютъ, замѣтилъ я.

— А! сказалъ Вемикъ, прикоснувшись своимъ пальцемъ, къ моей груди:—да вы хитрый человекъ, мистеръ Пипъ! Хотите взглянуть на Ньюгетъ? Есть у васъ свободное время?

У меня было такъ много свободнаго времени, что это предложеніе рѣшительно выручило меня, несмотря на мое тайное желаніе не спускать глазъ съ конторы дилижансовъ. Пробормотавъ, что я узнаню, будетъ ли у меня время пойдти съ нимъ, я отправился въ контору и освѣдомился у писаря съ необыкновенною точностію, которая чуть-чуть не вывела его изъ терпѣнія, когда именно ожидаютъ дилижансѣ, хотя я это знать напередъ также хорошо какъ онъ самъ. Я подошелъ потомъ къ мистеру Вемику и, притворно взглянувъ на часы, какъ бы удивляясь полученному мною отвѣту, принялъ его предложеніе.

Черезъ нѣсколько минутъ мы очутились въ Ньюгетѣ, и прошли черезъ сторожку, гдѣ на голой стѣнѣ висѣтъ съ тюремными

правилами висѣло нѣсколько цѣпей, во внутренность тюрьмы. Въ то время тюрьмы находились въ большомъ небреженіи, и періодъ преувеличенной реакціи, обыкновенно слѣдующій за каждымъ общественнымъ злоупотребленіемъ, и который обыкновенно бываетъ самымъ тяжкимъ и продолжительнымъ наказаніемъ за него, еще не наступала. Преступники тогда содержались и ѣли не лучше солдатъ (не говоря уже ничего о нищихъ), и не поджигали своихъ тюремъ изъ того, что супъ ихъ былъ нѣ вкусенъ. Мы вошли съ Вемикомъ въ часъ назначенный для посѣтителей; пивникъ дѣлалъ свой обходъ съ пивомъ; арестанты покупали пиво и разговаривали съ своими друзьями; это была уродливая, беспорядочная, гнетущая сцена.

Меня поразило, что Вемикъ расхаживалъ между заключенниками, будто садовникъ посреди своихъ растений. Мысль эта пришла мнѣ въ голову, когда я увидѣлъ, какъ онъ посматривалъ на новые отпрыски, появившіеся въ эту ночь, и говорилъ: «А каптенъ Томъ? И вы здѣсь? Право!» или: «Что это ужъ не Черный ли Билъ тамъ у колодца? Я васъ цѣлые два мѣсяца не видалъ. Какъ вы обрѣтаетесь въ своемъ здоровьи?» Онъ оставался у рѣшетокъ и выслушивалъ, всегда поодиночкѣ, заботливо нашептывавшихъ ему кліентовъ, съ своею неподвижною фізіономіей, какъ будто онъ наблюдалъ, на сколько подвинулось ихъ развитіе, съ тѣхъ поръ какъ онъ видѣлъ ихъ въ послѣдній разъ, къ полному расцвѣту въ день суда.

Онъ былъ очень популяренъ; я видѣлъ, что на его рукахъ былъ фамиллярный департаментъ должности мистера Джагерса, хотя и у него въ манерахъ было нѣчто свойственное мистеру Джагерсу и воспрещавшее приближаться къ нему за извѣстный предѣлъ. Онъ признавалъ каждого кліента легкимъ наклоненіемъ головы, послѣ чего поправлялъ свою шляпу обѣими руками, стягивая свой почтовый ящикъ, и запуская руки въ карманы. Въ одномъ или двухъ случаяхъ кліенты затруднялись внести адвокатскіе расходы, и тогда Вемикъ, отступая по возможности подалѣе отъ неполной суммы, говорилъ:

— Безполезно, безполезно, мой любезный. Я только подчиненный. Я не могу этого принять, а потому и не пробуйте такихъ штукъ съ подчиненнымъ. Если вы, мой любезный, не можете собрать полной суммы, такъ лучше обратитесь сами къ

моему принципалу; вѣдь вы знаете онъ не одинъ: мастеровъ въ этомъ дѣлѣ много, и изъ-за чего одинъ не станетъ работать, за то возьмется вамъ пожалуй другой; а вамъ дамъ этотъ советъ какъ подчиненный. Не подымайтесь на пустыя штуки. Ну къ чему онъ? скажите сами. Кто слѣдующій?

Такъ мы разгуливали по оранжереѣ мистера Вемика, пока онъ вдругъ не обратился ко мнѣ и не сказалъ:

— Обратите вниманіе на человѣка, которому я пожму руку.

Я бы это сдѣлалъ и безъ такого приготовленія, потому что до сихъ поръ онъ еще никому не жалъ руки.

Едва онъ успѣлъ это сказать, какъ къ углу рѣшетки подошелъ довольно полный человѣкъ, очень прямо державшійся (я такъ и вижу его передъ собою теперь, когда пишу), одѣтый въ метасканный оливковый сюртукъ, съ какою-то особенною блѣдностію, которою былъ подчеркнутъ его природный багровый цвѣтъ, и съ глазами, которые разбѣгались именно въ ту минуту, когда онъ желалъ свести ихъ на одинъ предметъ; онъ приложилъ по военному руку, полусхотливо, полусеріозно, къ своей шляпѣ очень замасленной и жирной, какъ будто ее обмакнули передъ этимъ въ горячій супъ.

— Полковникъ, наше вамъ! сказалъ Вемикъ:—какъ вы пожиаете, полковникъ?

— Обстоятъ благополучно, мистеръ Вемикъ.

— Мы сдѣлали все, что только могли; но доказательства противъ насъ были слишкомъ сильны, полковникъ.

— Да, слишкомъ сильны, сэръ; но мнѣ это все равно.

— Да, да, сказалъ Вемикъ хладнокровно:—самъ это все равно.—Потомъ, обратившись ко мнѣ, онъ прибавилъ:—служилъ его величеству, этотъ человѣкъ. Былъ рядовымъ и выкупился въ отставку.

Я сказалъ «право?» и глаза этого человѣка взглянули на меня и принялись бродить надъ моею головой и около меня; потомъ онъ провелъ ладонью по губамъ и захохоталъ.

— Я полагаю, сэръ, я уберусь отсюда въ понедѣльникъ, сказалъ онъ Вемику.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ мой пріятель,—но почему знать что еще можетъ случиться.

— Я очень радъ, что мнѣ удалось проститься съ вами, мистеръ Вемикъ, сказалъ этотъ человѣкъ, протягивая свою руку въ рѣшетку.

— Благодарю васъ, сказалъ Вемикъ, пожимая ему руку, — мнѣ тоже очень пріятно, полковникъ.

— Еслибы, мистеръ Вемикъ, то, что было при мнѣ, когда меня взяли, было настоящее, сказалъ этотъ человѣкъ, не желая выпустить его руку:—такъ я попросилъ бы васъ принять и носить кольцо въ знакъ моей признательности за ваше расположеніе.

— Принимаю доброе желаніе за исполненіе, сказалъ мистеръ Вемикъ.—Кстати, вы страстный охотникъ до голубей.—Человѣкъ взглянулъ на небо.—Мнѣ говорили, у васъ была замѣчательная порода турмановъ. Не можете ли вы поручить кому-нибудь изъ вашихъ друзей доставить мнѣ парочку, если они вамъ уже ненужны болѣе?

— Будетъ исполнено, сэръ.

— Очень хорошо, сказалъ Вемикъ, — присмотрѣ за ними будетъ хорошій. Добрый день, полковникъ. Прощайте!—Они пожали опять руку другъ другу, и когда мы уходили прочь, Вемикъ сказалъ мнѣ:

— Фальшивый монетчикъ, отличный мастеръ своего дѣла. Докладъ рикордера сегодня составленъ, и въ понедѣльникъ онъ будетъ непременно казненъ. Все-таки, видите, пара голубей есть тоже собственность удобопереносимая.

Съ этими словами онъ оглянулся, кивнулъ головой этому отжившему растенію, и потомъ посмотрѣлъ вокругъ, выходя со двора, какъ будто раздумывалъ, какой горшокъ лучше придется на его мѣсто.

Когда мы проходили изъ тюрьмы черезъ сторожку, я нашелъ, что караульные были также высокаго мнѣнія о моемъ опекунѣ, какъ и арестанты.

— Ну, мистеръ Вемикъ, сказалъ сторожъ, который остановилъ насъ въ проходѣ между двумя дверьми, утыканными гвоздями, и тщательно заперъ одну дверь, не отворяя пока другой:—какъ распорядится мистеръ Джагерсъ съ этимъ убійствомъ на рѣкѣ? Сдѣлаетъ онъ изъ него незлонамѣренное убійство, или какъ?

— Спросите у него, отвѣчалъ Вемикъ.

— Да, какъ бы не такъ! сказалъ сторожъ.

— Вотъ такъ-то всегда они, мистеръ Пипъ, замѣтилъ Вемикъ, обращаясь ко мнѣ и удлиняя щель почтового ящика.—Они не церемонятся допрашивать меня подчиненнаго; а вотъ къ принципалу моему не подступятся, не безпокойтесь.

— Что этотъ молодой джентльменъ у васъ въ ученикахъ на конторѣ? спросилъ сторожъ, ухмыляясь на остроу мистера Вемика.

— Опять подите посмотрите сами, закричалъ Вемикъ, — я вамъ сказалъ уже! Уже готовъ со вторымъ вопросомъ, а еще и первый-то не успѣлъ остыть. Ну положимъ мистеръ Пипъ изъ нашихъ, что же изъ этого?

— Ну тогда онъ знаетъ, сказалъ сторожъ, ухмыляясь снова, — что такое мистеръ Джагерсъ.

— Ай! закричалъ Вемикъ, вдругъ пырнувъ сторожа: — передъ моимъ принципаломъ вы нѣмы, какъ вашъ ключъ; вы это знаете. Ну, выпускайте насъ, старая лиса; не то я начну на васъ искъ за противузаконное тюремное заключеніе.

Сторожъ захохоталъ, пожелалъ намъ добраго дня, и смѣясь смотрѣлъ намъ вслѣдъ изъ-за рѣшетки, пока мы сходили съ крыльца на улицу.

— Замѣьте, мистеръ Пипъ, сказалъ мнѣ Вемикъ очень важно на ухо и взявъ меня подъ руку, для пущей таинственности: — мнѣ всего удивительнѣе въ мистерѣ Джагерсѣ то, что онъ держитъ себя такъ высоко. Онъ просто недосыгаемъ. Его высота совершенно въ уровень съ его огромными способностями. Этотъ полковникъ не посмѣлъ бы проститься съ нимъ; точно такъ же какъ этотъ сторожъ не осмѣлился бы спросить у него, какъ онъ намѣренъ новости новое уголовное дѣло. И вотъ между этими господами и своею высотой, онъ пускаетъ меня, своего подчиненнаго: и вотъ видите, они у него совершенно въ рукахъ, тѣломъ и душою.

Я впрочемъ уже хорошо чувствовалъ ловкость моего опекуна. Сказать правду, я пожелалъ отъ души, и также не въ первый разъ, чтобъ у меня былъ опекунъ не такой даровитый.

Мы разстались съ мистеромъ Вемикомъ близъ конторы въ Литль-Бритентъ, гдѣ по обыкновенію шатались люди, старавшіеся обратить на себя вниманіе мистера Джагерса, и отправился сторожить дилижансъ, который долженъ былъ пріѣхать часа черезъ три. Я провелъ все это время думая, какъ это странно, что судьба какъ будто всадила меня въ грязь тюремъ и преступлений, что мнѣ суждено было натолкнуться на нее въ моемъ дѣтствѣ, на нашемъ пустынномъ болотѣ, въ памятный зимній вечеръ, что она снова появлялась при двухъ случаяхъ, какъ пятно поблекшее, но не сгладившееся; что эта грязь примѣши-

вэлась къ моему счастью на моемъ новомъ поприщѣ. Пока умъ мой былъ занятъ этими мыслями, мнѣ пришла въ голову великолѣпная красавица Эстелла, гордая, воспитанная, которая теперь ѣхала ко мнѣ, и я съ полнѣйшимъ отвращеніемъ подумалъ о томъ, какой контрастъ былъ между ею и тюрьмой. Мнѣ было досадно, что Вемикъ встрѣтилъ меня, что я уступилъ Вемику и пошелъ съ нимъ; именно въ этотъ день, изъ всѣхъ дней въ году, я заразилъ свое дыханіе и платье отравою Пьюета. Раскаживая назадъ и впередъ, я отряхивалъ тюремный прахъ съ моихъ ногъ, страхивалъ его съ моего платья, и выдыхалъ тюремный воздухъ изъ моихъ легкихъ. Я чувствовалъ себя до того зараженнымъ, припоминая кого я ожидалъ, что дилижансъ, мнѣ казалось, пріѣхалъ слишкомъ скоро, и я еще не успѣлъ очиститься отъ грязи Вемиковой оранжереи, когда я увидалъ въ окошкѣ экипажа лицо Эстеллы, которая махала мнѣ рукой.

Что это за безыменная тѣнь снова, въ это одно мгновеніе, пронеслась передо мною?

### XXXIII.

Эстелла въ своемъ мѣховомъ, дорожномъ платьѣ казалась еще прекраснѣе чѣмъ когда-нибудь, даже на мои глаза. Она была привлекательнѣе нежели прежде въ своемъ обращеніи со мною, и мнѣ сдавалось, что въ этой перемѣнѣ участвовало вліяніе миссъ Гевисамъ.

Мы стояли на дворѣ гостиницы, пока она указывала мнѣ свой багажъ, и когда онъ былъ весь собранъ, я припомнилъ,—забывъ между тѣмъ все на свѣтѣ кромѣ ея одной,—что я не зналъ еще куда она отправлялась.

— Я ѣду въ Ричмондъ, сказала она мнѣ, и толковала мнѣ, что есть два Ричмонда, одинъ въ Сорреѣ, другой въ Йоркширѣ, и что мой Ричмондъ въ Сорреѣ. Разстояніе всего десять миль.—Мнѣ нужна карета, и вы отвезете меня. Вотъ мой кошелекъ, вы заплатите изъ него всѣ мои расходы. Возьмите, возьмите кошелекъ! Мы съ вами выбора не можемъ дѣлать, и должны только повиноваться приказаніямъ; мы съ вами не имѣемъ права слѣдовать нашимъ собственнымъ прихотямъ.

Когда она посмотрѣла на меня, передавая мнѣ кошелекъ, я



надѣялся уловить внутреннее значеніе ея послѣднихъ словъ. Она произнесла ихъ вскользь, но не безъ нѣкоторой досады.

— Я пошлю за каретою, Эстелла. Хотите вы здѣсь не много отдохнуть.

— Да, я здѣсь отдохну не много, напьюсь чаю; а вы должны позаботиться обо мнѣ.

Она взяла меня подъ руку, и я приказалъ слугѣ, глазѣвшему на дилижансъ словно на чудо, котораго онъ никогда не видывалъ въ свою жизнь, проводить насъ въ особенную комнату. На это онъ вытаскилъ салфетку, какъ будто она была волшебный ключъ, безъ котораго онъ не могъ найти свою дорогу наверхъ, и привелъ насъ въ какую-то дыру, гдѣ мы нашли сферическое уменьшающее зеркало, которое было совершенно лишнимъ суда по размѣрамъ этой дыры, судокъ съ соями и чьи-то калоши. Я отказался отъ такого убѣжища, и онъ повелъ насъ въ другую комнату, гдѣ стоялъ обѣденный столъ на тридцать чело-вѣкъ и въ каминѣ былъ обожженный листъ бумаги, заведенный цѣлымъ четверикомъ угольной пыли. Взглянувъ на это потухшее пожарище и качнувъ головою, онъ принялъ мое приказаніе, которое состояло въ слѣдующемъ: «подать чай для леди», и вышелъ изъ комнаты въ весьма упавшемъ расположеніи духа.

Я чувствовалъ и чувствую теперь, что воздухъ этой комнаты, представлявшій странную смѣсь конюшеннаго запаха съ бульоннымъ, могъ бы внушить мысль, что заведеніе дилижансовъ находится въ плохихъ обстоятельствахъ, и что предприимчивый хозяинъ вываривалъ дохлыхъ лошадей для трактира. И однако эта комната была для меня всѣмъ во всемъ, потому что въ ней находилась Эстелла. Я чувствовалъ, что съ нею я могъ бы здѣсь быть счастливъ на цѣлую жизнь. (Замѣйте, въ то время я все не былъ счастливъ и зналъ это очень хорошо.)

— Къ кому вы ѣдете въ Ричмондъ? спросилъ я Эстеллу.

— Я ѣду тамъ жить, сказала она, — и за огромныя деньги, у одной леди, которая имѣетъ возможность (по крайней мѣрѣ она такъ говоритъ) вывозить меня въ свѣтъ, показывать мнѣ людей и показывать меня людямъ.

— Я полагаю, вамъ будетъ пріятно разнообразіе и то удивленіе, которое вы будете внушать?

— Да, я полагаю.

Она отвѣтила это такъ безопасно, что я невольно сказалъ ей:

— Вы говорите о себѣ какъ будто о комъ-нибудь другомъ.

— А почему вы знаете, какъ я говорю о комъ-нибудь дру-

гомъ? Потихо, потихо, сказала Эстелла, улыбаясь необыкновенно увлекательно,—вы не думайте, что я пойду въ науку къ самъ; я буду ужъ говорить по своему. Ну, какъ вы живете съ мистеромъ Покетомъ?

— Я живу тамъ очень пріятно; по крайней мѣрѣ...

Мнѣ казалось, что теперь мнѣ представлялся хорошій случай...

— Что по крайней мѣрѣ? повторила Эстелла.

— По крайней мѣрѣ такъ пріятно, какъ возможно мнѣ жить гдѣ-нибудь вдали отъ васъ.

— Наивный мальчикъ, сказала Эстелла совершенно спокойно,—какъ это вы можете говорить такой вздоръ? Я полагаю, вашъ пріятель, мистеръ Матью, жемчужина въ своей семьѣ?

— Да, это отличный человекъ; онъ никому не врагъ...

— Не прибавляйте только: а врагъ самому себѣ, перервала Эстелла,—потому что я ненавижу такихъ людей. Но онъ дѣйствительно не эгоистъ и выше мелочной зависти и досады; я слышала такъ.

— Я убѣжденъ, что имѣю полное право повторить то же самое.

— Вы не можете повторить того же самаго объ его остальныхъ родственникахъ, сказала Эстелла, кивая мнѣ съ выраженіемъ, въ одно и то же время серьезнымъ и насмѣшливымъ,—потому что они преслѣдуютъ миссъ Гевизамъ доносами и намеками, далеко невыгодными для васъ. Они слѣдятъ за вами, перетолковываютъ каждое ваше дѣйствіе, пишутъ про васъ письма (часто безыменныя). Словомъ, вы—занатіе и доука ихъ жизни; и вы не можете себѣ представить, какую ненависть чувствуютъ къ вамъ эти люди.

— Я надѣюсь, они не повредятъ мнѣ? спросилъ я.

Вмѣсто отвѣта, Эстелла залилась хохотомъ. Для меня это было очень странно, и я посмотрѣлъ на нее въ большомъ недоумѣніи. Когда она перестала (и это былъ не лѣнивый, полупривторный хохотъ; нѣтъ, она хохотала отъ истиннаго удовольствія), я спросилъ ее моимъ обыкновеннымъ, неувѣреннымъ тономъ:

— Я надѣюсь, вы не порадовались бы, еслибъ они повредили мнѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, въ этомъ вы можете быть увѣрены, сказала Эстелла, — можете быть увѣрены; я хохочу потому что

всѣ старанія ихъ безуспѣшны. О, какой же пыткѣ подвергается миссъ Гевишамъ этихъ людей!—Она опять захохотала, и даже послѣ ея объясненія этотъ хохотъ казался мнѣ страннымъ. Я не могъ сомнѣваться, что онъ былъ непритворенъ, но онъ былъ не кстати усиленъ. Я думалъ, что въ немъ дѣйствительно скрывалось болѣе нежели я зналъ; она поняла мою мысль, и отвѣчала на нее.

— Даже и вамъ самимъ, сказала Эстелла, — не легко понять, какое бываетъ мнѣ удовольствіе видѣть неудачи всѣхъ этихъ людей, какъ веселюсь я, когда ихъ дурачатъ. Вы не были воспитаны въ этомъ странномъ домѣ съ самаго младенчества, а я была. Вашъ дѣтскій умокъ не изощрялся интригами противъ васъ, беззащитнаго, связаннаго ребенка, подъ личиною симпатіи, чувства и нѣжности, а мой изощрялся. Вы не тарасили вашихъ дѣтскихъ глазенокъ, чтобы разгадать эту лицемѣрку-женщину, которая разчитываетъ запасы спокойствія своей души на безсонныя минуты ночью, а я дѣлала это.

Эстелла теперь не шутила; видно было, она вызывала эти воспоминанія изъ глубины сердца; я бы не захотѣлъ быть причиною ея теперешнихъ взглядовъ ни за какія ожиданія будущихъ благъ.

— Я могу вамъ сказать двѣ вещи, продолжала Эстелла:— Впервыхъ, хотя пословица и говорить: капля пробиваетъ камень, но вы можете быть спокойны, эти люди никогда—никогда и во сто лѣтъ—не повредятъ вашимъ отношеніямъ къ миссъ Гевишамъ. Вовторыхъ, я очень обязана вамъ какъ виновнику всѣхъ ихъ напрасныхъ стараній и подлостей, и вотъ вамъ моя рука.

Она шутливо протянула мнѣ руку,—ея мрачное расположеніе было дѣломъ минуты,—я взялъ ея руку и приложилъ къ губамъ.

— Глупенькій мальчикъ, сказала Эстелла,—неужели вы никогда не послушаетесь моихъ предостереженій? Или вы цѣлуете мою руку съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ я позволила когда-то вамъ поцѣловать мою щеку?

— Какое же это было чувство? спросилъ я.

— Дайте мнѣ подумать минуту. Чувство презрѣнія къ подлымъ людямъ и интриганамъ.

— Если я скажу да, вы позволите мнѣ опять поцѣловать щеку?

— Вы бы должны были спросить объ этомъ прежде чѣмъ поцѣловали руку.

Я наклонился; ея спокойное лицо было точно изъ мрамора.

— Ну, сказала Эстелла, ускользая въ ту же минуту, какъ я прикоснулся къ ея щекѣ, — извольте-ка позаботиться, чтобы мнѣ дали чай, а потомъ отвезите меня въ Ричмондъ.

Грустно мнѣ было это возвращеніе къ прежнему тону, какъ будто намъ насильно навязали наши взаимныя отношенія, и какъ будто мы были только маріонетки. Но меня вообще все огорчало въ нашихъ встрѣчахъ. Какъ бы ни случалось ей повести себя со мною, я не могъ довѣряться ея обращенію, не могъ строить на немъ никакихъ надеждъ; и между тѣмъ все-таки шелъ впередъ, шелъ наперекоръ вѣрѣ, наперекоръ надеждѣ. Зачѣмъ повторять это тысячу разъ? Такъ было всегда.

Я позвонилъ, чтобы принесли чай; и лакей снова явился съ своимъ магическимъ ключомъ и началъ приносить постепенно пятьдесятъ принадлежностей къ этому угощенію; но самого чая еще и въ поминѣ не было. Поднось, чашки и блюдечки, тарелки, ножи и вилки, безконечное множество ложекъ различной формы, солонки, маленький блинъ, скромно затаившійся подъ крѣпкимъ, желѣзнымъ колпакомъ, ломтикъ мягкаго масла, заваленнаго огромнымъ количествомъ петрушки, типифировавшій младенца въ тростникѣ, желтоватый хлѣбъ съ напудренною коркой, два треугольные ломтика хлѣба съ выжженными отпечатками чугуныхъ полосъ кухонной печи, и наконецъ толстый, семейный самоваръ, надъ которымъ надрывался лакей, съ выраженіемъ несказанныхъ страданій въ лицѣ; послѣ продолжительнаго отсутствія, онъ наконецъ пришелъ съ ящикомъ, очень разукрашеннымъ, въ которомъ были чайные вѣточки. Я облилъ ихъ горячею водою, и такимъ образомъ изъ всѣхъ этихъ принадлежностей я успѣлъ извлечь для Эстеллы чашку чего то, — чего именно и самъ не знаю.

Заплативъ по счету, припомнивъ лакея, не забывъ также конюха и принявъ горничную въ соображеніе, однимъ словомъ, возбудивъ ненависть и презрѣніе пѣлаго дома и порядочно облегчивъ кошелекъ Эстеллы, мы сѣли въ нашу карету и поѣхали. Повернувъ въ Чипсайдъ и выѣхавъ въ Ньюгетскую улицу, мы скоро поровнялись съ стѣнами, которыхъ, еще недавно, мнѣ было такъ совѣстно.

— Чтò это за мѣсто? спросила меня Эстелла.

Я глупо притворился, будто не тотчасъ узналъ чтò это за мѣсто, но потомъ назвалъ его. Когда она посмотрѣла на него и потомъ

отвернулась отъ окошка, прошептавъ: «жалкія твари!» я не за что бы не признался, что я туда входилъ.

— Мистеръ Джагерсъ, сказалъ я, желая кого-нибудь прицупать сюда,—посвященъ въ тайны этого печальнаго мѣста болѣе чѣмъ кто-нибудь другой въ Лондонѣ.

— Я полагаю, онъ посвященъ въ тайны всякаго мѣста, сказала Эстелла тихимъ голосомъ.

— Я думаю, вы привыкли видѣть его часто?

— Да, я видѣла его въ разное время съ тѣхъ поръ какъ себя помню. Но я знаю его теперь лучше нежели прежде, когда я только что начинала лепетать. Каково ваше мнѣніе о немъ? Успѣли вы сойтись съ нимъ?

— Привыкнувъ къ его недовѣрчивому тону, сказалъ я,—я лажу съ нимъ довольно хорошо.

— Коротки вы съ нимъ?

— Я разъ обѣдалъ у него въ домѣ.

— Я себя воображаю, сказала Эстелла, сжимаясь,—это должно быть очень куріозное мѣсто.

— Да, очень куріозное.

Мнѣ было непріятно даже и съ нею говорить слишкомъ откровенно про моего опекуна но я бы продолжалъ этотъ разговоръ и даже описалъ бы обѣдъ въ Джерардъ-Стритъ, если бы вдругъ мы не попали въ полосу сильнаго газового освѣщенія. Все, казалось, освѣтилось и оживилось тѣмъ необъяснимымъ чувствомъ, которое я тогда испытывалъ; я былъ совершенно ослѣпленъ на нѣсколько минутъ, какъ будто меня охватило сіяніе молніи.

Мы начали другой разговоръ, преимущественно о дорогѣ, по которой мы ѣхали, о различныхъ частяхъ Лондона. Этотъ громадный городъ былъ почти новъ для нея, говорила она мнѣ, потому что она никогда не оставляла околотка миссъ Гевисамъ, до самой своей поѣздки во Францію, и только проѣхала черезъ Лондонъ туда и обратно. Я спросилъ у ней, не была ли она препоручена моему опекуну. На это она только отвѣтила мнѣ, съ особеннымъ выраженіемъ: «Боже упаси!»

Мнѣ не возможно было не замѣтить, что она старалась завлечь меня, что она казалась необыкновенно обворожительною, и она обворожила бы меня, еслибы даже это требовало какого-нибудь труда. Однакожь я отъ этого не былъ счастливѣе. Еслибы даже она и не принимала этого тона, показывавшаго, что нашею судьбой распорядились за насъ, то, я чувствовалъ, она держала

мое сердце въ своихъ рукахъ; но только ей небыло бы жаль раздавить его и бросить ради одного каприза.

Когда мы провзжали черезъ Гаммерсмитъ, я показалъ ей, гдѣ жилъ мистеръ Матью Покетъ и замѣтилъ, что это недалеко отъ Ричмонда, и что я надѣюсь видѣть ее иногда.

— О, да! вы будете видѣться со мною, вы будете приходить ко мнѣ въ удобное для васъ время; о васъ будетъ передано этому семейству; да я думаю уже и передано.

Я спросилъ ее, большое ли это было семейство, котораго она становилась членомъ.

— Нѣтъ, въ немъ только двое, мать съ дочерью. Мать, кажется, довольно значительная дама, хотя она не прочь увеличить свой доходъ.

— Удивляюсь, какъ миссъ Гевшамъ могла опять разстаться съ вами такъ скоро.

— Эта разлука, Пипъ, входитъ въ планы миссъ Гевшамъ сказала Эстелла со вздохомъ, какъ будто она утомилась. — Я должна постоянно писать къ ней, видѣться съ нею въ положенное время, и передавать какъ подвизаюсь я съ моими брилліантами, которые теперь почти всѣ перешли ко мнѣ.

Въ первый разъ назвала она меня по имени. Конечно, она сдѣлала это съ намѣреніемъ; она знала, какъ я буду дорожить этимъ.

Мнѣ показалось, что мы слишкомъ скоро пріѣхали въ Ричмондъ къ нашему назначенію. Это былъ домъ у лужайки, чопорный, старый домъ, гдѣ въ свое время фигурировали фижмы, пудра, мушки, шитые кафтаны, кружевные манжеты и шпаги. Старыя деревья передъ домомъ были еще обстрижены въ старомодныя формы, столь же неестественныя, какъ фижмы, парики и роброны; но мѣста, предназначенныя имъ въ погребальной процессіи смерти, были уже недалеко; скоро повалятся они, и примкнутъ къ той же безмолвной процессіи.

Колокольчикъ, съ дребежжающимъ старымъ голосомъ, — который, я полагаю, въ свое время часто возвѣщалъ дому: вотъ робронъ, вотъ шпага съ алмазнымъ эфесомъ, вотъ бѣшмаки съ красными каблучками и голубымъ солитеромъ, — важно загудѣлъ посреди тихой лунной ночи, и двѣ румяныя служанки выбѣжали впопыхахъ принять Эстеллу. Дверь скоро поглотила ея ящики и чемоданы; она протянула мнѣ руку, улыбнулась, пожелала доброй ночи и также исчезла.

А я еще долго стоялъ, смотря на домъ, думая какъ былъ бы я счастливъ, еслибъ я жилъ въ немъ вмѣстѣ съ нею, и зная, однакожъ, что я никогда не бывалъ съ нею счастливъ, напротивъ, всегда былъ очень жадокъ.

Я поѣхалъ въ каретѣ назадъ въ Гаммерсмитъ; я сѣлъ въ нее съ сильною болью въ сердцѣ и вышелъ изъ нея съ болью еще сильнѣйшею. У нашей двери я встрѣтилъ маленькую Дженъ Покетъ, возвращавшуюся домой съ вечера въ сопровожденіи ея маленькаго вздыхателя. Я завидовалъ ему, хотя онъ и былъ подъ деспотизмомъ мистриссъ Филипсонъ.

Мистера Покета не было дома; онъ читалъ публичную лекцію. Онъ вообще мастерски читалъ лекціи о домашнемъ хозяйствѣ, и его трактаты о воспитаніи дѣтей и домашней прислугѣ считались лучшими сочиненіями объ этихъ предметахъ. Но мистриссъ Покетъ была дома и находилась въ большомъ затрудненіи: грудному ребенку дали игольникъ, чтобъ успокоить его въ отсутствіи мистриссъ Миллеръ, отправившейся съ своимъ двоуроднымъ братомъ гвардейцемъ, и теперь не досчитывались многихъ иголокъ, которыхъ внутренній или наружный приѣмъ, въ такомъ количествѣ, не могъ быть полезенъ для этого юнаго паціента.

Мистеръ Покетъ славился своими отличными практическими совѣтами, яснымъ и основательнымъ взглядомъ на вещи и необыкновеннымъ благоразуміемъ, и мнѣ пришло въ голову открыть ему больное сердце. Но случайно я взглянулъ на мистриссъ Покетъ; она сидѣла и читала свою заветную книгу, прописавъ ребенку постель какъ лучшее лѣкарство, и подумалъ: нѣтъ, лучше не открываться.

#### XXXIV.

Свыкнувшись съ моими ожиданіями, я нечувствительно началъ замѣчать вліяніе ихъ на самого себя и на окружающихъ меня. Я по возможности скрывалъ отъ себя вліяніе ихъ на мой собственный характеръ; но я зналъ очень хорошо, что оно не было доброе. Меня постоянно беспокоило мое поведение относительно Джо. Совѣсть моя также не была совершенно спокойна и въ отношеніи къ Биди. Когда я просыпался ночью—съ тяжестью на умѣ подобно Камиллѣ—я часто думалъ, что я былъ бы гораздо счастливѣе и лучше, еслибъ я никогда не ви-

дѣлъ миссъ Гевисамъ, и выросъ довольствуясь участіемъ товарища добраго Джо въ его честной кузницѣ. Часто по вечерамъ, когда я сиживалъ одинъ, смотря на огонь, мнѣ приходило въ голову, что все-таки не было огня отраднѣе того, который горѣлъ у насъ на кузницѣ или на кухнѣ.

Эстелла была, однакоже, до того не раздѣльна съ моимъ душевнымъ безпокойствомъ, что я ужъ и разобратъ не могъ, въ какой мѣрѣ самъ я, съ своей стороны, былъ виною этого безпокойства. То есть, еслибы предположить, что у меня впереди не было никакихъ надеждъ, а между тѣмъ передо мною все-таки была бы Эстелла, то я не знаю, былъ ли бы я отъ этого спокойнѣе. Что же касается до моего вліянія на другихъ, то я не былъ въ такомъ затрудненіи; я видѣлъ, хотя можетъ быть и не довольно ясно, что это вліяніе не было ни для кого благодѣтельно, — и въ особенности не была благодѣтельно для Герберта; моя расточительность увлекла и его мягкую натуру въ издержки, которыя были не по его средствамъ, портили простоту его жизни и возмущали заботами и сожалѣніями его спокойствіе. Меня вовсе не мучила совѣсть, что я не намѣренно навелъ другихъ членовъ семейства Покетъ на разныя штуки, потому что они отъ природы были склонны къ тому, и эта склонность развилась бы все равно подъ другими вліяніями. Но Гербертъ совсѣмъ другое дѣло. Часто мучила меня мысль, что я худую оказалъ ему услугу, наполнивъ его бѣдноубранныя комнаты самою бессмысленною коллекціею мебели и отдавъ въ его распоряженіе мстителю въ жилеткѣ канареечнаго цвѣта.

Наконецъ, я началъ дѣлать долги. Началъ я, и Гербертъ потянулся за мною. По совѣту Стартопа, мы предложили себя на выборы въ клубъ подъ названіемъ *Роши Снигирей*: я никогда не могъ угадать цѣли этого учрежденія, развѣ только, что члены его должны были роскошно обѣдать разъ въ двѣ недѣли, ссориться между собою послѣ каждаго обѣда, въ заключеніе котораго шестеро лакеевъ напивались допьяна. Эта великолѣпная общественная задача исполнялась въ точности; и мы съ Гербертомъ ничего кромѣ этого не могли вывести изъ слѣдующаго тоста, который обыкновенно предлагался въ началѣ: «Джентльмены, да господствуетъ всегда такое же дружеское расположеніе между Снигирами Роши.»

Снигири безумно тратили свои деньги (мы обыкновенно отдавали въ коventгарденскомъ отелѣ), и первый снигирь, котораго



я увидѣлъ, когда я имѣлъ честь вступить въ этотъ клубъ, былъ Бенгле Дремль, въ это время уже развѣзжавшій по городу въ своемъ собственномъ кабриолетѣ, и страшно поражавшій тумбы по угламъ улицъ. Иногда онъ выскакивалъ изъ своего экипажа, головою впередъ, черезъ фартукъ; и при одномъ случаѣ, я видѣлъ какъ его выбросило подобнымъ образомъ у дверей *Роши*. Но я забѣгаю здѣсь немного впередъ, потому что я еще не былъ снигиремъ и не могъ имъ быть, по непреложнымъ законамъ нашего общества, пока мнѣ не исполнилось совершеннолѣтіе.

Въ полной увѣренности въ мои собственные средства, я бы охотно взялъ на себя расходы Герберта; но Гербертъ былъ гордъ, и я не могъ сдѣлать ему подобное предложеніе. Такимъ образомъ, онъ запутывался со всѣхъ сторонъ и продолжалъ высматривать по сторонамъ. Когда мы постепенно приобрѣли привычку поздно засиживаться въ гостяхъ, я замѣчалъ, что за завтракомъ онъ посматривалъ вокругъ съ отчаяніемъ въ глазахъ, что къ полудню онъ начиналъ поглядывать вокругъ съ большею надеждой, что онъ опять падалъ духомъ возвращаясь къ обѣду, что послѣ обѣда онъ довольно ясно видѣлъ капиталъ въ отдаленіи; къ полуночи, онъ почти реализировалъ его, и въ два часа ночи онъ впадалъ снова въ совершенное отчаяніе, объявлялъ твердое намѣреніе купить винтовку, отправиться въ Америку и на буйволахъ воздвигнуть свою фортуну.

Я обыкновенно проводилъ половину недѣли въ Гаммерсмитъ; и оттуда я таскался въ Ричмондъ; но объ этомъ послѣ. Гербертъ часто захаживалъ въ Гаммерсмитъ, когда я тамъ бывалъ; и я думаю, въ эти разы, его отцу иногда приходило въ голову, что карьера, которую высматривалъ его сынъ, еще не открылась передъ нимъ; но при общемъ паденіи этого семейства, Гербертъ, спотыкаясь въ жизни, долженъ былъ самъ поправляться какъ зналъ. Между тѣмъ мистеръ Покетъ становился все сѣдѣе и пробовалъ чаще, въ минуты недоумѣнія, поднять себя за волосы; вся семья продолжала спотыкаться о скамеечку мистриссъ Покетъ; она читала родословную книгу, роняла носовой платокъ, разказывала намъ про своего дѣдушку и воспитывала юное поколѣніе, отправляя его въ постель каждый разъ какъ оно обращало на себя ея вниманіе.

Такъ какъ я представляю теперь общее описаніе цѣлаго періода моей жизни, чтобы разчистить путь впереди, то для

этого я лучше всего передамъ здѣсь что мы дѣлали и какъ мы жили въ Барнардовскомъ подворьѣ.

Мы тратили денегъ сколько могли и получали за нихъ что людямъ бывало заблагоразсудится намъ дать. Мы всегда бывали болѣе или менѣе жалки, и большая часть нашихъ знакомыхъ находилась въ одинаковомъ съ нами положеніи. Мы представляли себѣ, будто мы веселились; но подъ этою обманчивою мечтою скрывалась та суровая истина, что мы постоянно скучали. Я полагаю, впрочемъ, что это довольно обыкновенная участь.

Каждое утро, и всегда съ новою надеждою, Гербертъ отправлялся въ Сити, чтобы высматривать вокругъ себя. Я частъ посѣщаль его тамъ въ его темной комнатѣ, гдѣ онъ оставался въ обществѣ бутылки съ чернилами, вѣшалки, ящика съ каменнымъ углемъ, клубка веревокъ, календаря, конторки, табурета и линейки; сколько помню, я ни разу не видалъ, чтобъ онъ чѣмъ-нибудь занимался; онъ только поглядываль вокругъ. Еслибы всѣ исполняли предпріятое также совѣстливо какъ Гербертъ, то мы жили бы въ республикѣ добродѣтелей. Бѣдному малому нечего было дѣлать, какъ только являться въ контору Лойда въ извѣстный часъ по полудни, затѣмъ, я полагаю, чтобы видѣть своего принципала. Кромѣ этого, сколько я знаю, онъ ничего не дѣлалъ въ конторѣ Лойда. Когда онъ начиналь думать серьезно о своемъ положеніи и рѣшался непременно, но что бы то ни стало, открыть себѣ карьеру, онъ отправлялся на биржу въ самое горячее время, и прохаживался тамъ взадъ и впередъ между магнатами капитала.

— Я чувствую, Гендель, говариваль мнѣ Гербертъ, возвращаясь домой объѣдать послѣ такихъ особенныхъ случаевъ,—что карьера сама не придетъ ко мнѣ, что я долженъ искать ея, и я вотъ ходилъ за этимъ.

Еслибы мы были не такъ привязаны другъ къ другу, то я полагаю мы должны были бы каждое утро просыпаться съ взаимною ненавистью. Я не могу выразить, какъ я ненавидѣлъ нашу квартиру въ этотъ періодъ раскаянія; я не могъ видѣть равнодушно лизрею мстителя, которая въ это время поражала меня гораздо болѣе своею пошлою роскошью нежели въ остальные часы дня. По мѣрѣ того какъ мы лѣзли въ долги, завтракъ становился все болѣе и болѣе одною пустою формою, и въ одно утро, когда мнѣ принесли письмо, въ которомъ грозили мнѣ судомъ

я такъ забылся, что схватилъ мстителя за его голубой воротникъ и приподнялъ его на воздухъ, за то, что онъ вообразилъ себя, будто намъ нужна булка.

Въ извѣстныя минуты, или лучше сказать въ неизвѣстныя, потому что это совершенно зависѣло отъ расположенія нашего духа, я бывало скажу Герберту, какъ будто вдругъ сдѣлалъ великое открытiе:

— Любезный Гербертъ, вѣдь дѣла наши въ скверномъ положенiи.

— Любезный Гендель, отвѣтитъ мнѣ Гербертъ, съ совершенною искренностiю,—повѣрите ли, эти самыя слова были и у меня на языкъ, по странному совпадению.

— Въ такомъ случаѣ, Гербертъ, скажу я,—займитесь же нашими дѣлами.

Такое рѣшительное намѣренiе доставляло намъ глубокое удовольствiе. Я считалъ эту вспышку настоящимъ дѣломъ; мнѣ казалось именно такъ должно было встрѣчать всякую неприятность и хватать врага за горло. Гербертъ былъ того же мнѣнiя.

Мы заказывали по этому случаю чрезвычайный обѣдъ и бутылку какого-нибудь необыкновеннаго вина, чтобы подкрѣпить наши умы. Послѣ обѣда являлся пучокъ перьевъ, обильный запасъ чернилъ, добрая пачка писчей и пропускной бумаги. Въ самомъ дѣлѣ, было очень отрадно имѣть передъ собою въ изобилiи письменныя матерiалы.

Я бралъ листъ бумаги и надписывалъ на верху четкою рукой: «Записка о долгахъ Пипа», прибавляя адресъ подворья Барнарда и число. Гербертъ точно также бралъ листъ бумаги и съ тою же формальностiю надписывалъ: «Записка о долгахъ Герберта».

Оба мы потомъ обращались къ массѣ счетовъ и записокъ, которые лежали безпорядочно кучей передъ нами, прежде валялись въ ящикахъ, полуистерлись въ нашихъ карманахъ, подгорѣли на свѣчкѣ, оставались заткнутыми въ зеркалѣ цѣлыя недѣли, и вообще были въ очень попорченномъ видѣ. Скрипъ перьевъ былъ необыкновенно усладителенъ для насъ, такъ что я не видѣлъ точнаго различiя между этимъ похвальнымъ намѣренiемъ платить долги и самымъ исполненiемъ этого намѣренiя; мнѣ казалось, это было все одно и тоже.

Пописавъ немного, я спрашивалъ обыкновенно Герберта,

какъ идетъ у него работа. Гербертъ почесывалъ голову самымъ печальнымъ образомъ при видѣ наросставшихъ цифръ.

— Онѣ горой растутъ, скажетъ бывало Гербертъ.—Клянусь жизнью, онѣ такъ и лѣзутъ вверхъ.

— Чуръ не унывать, Гербертъ, отвѣчу я, продолжая писать, съ особеннымъ стараніемъ.—Смотрите дѣлу прямо въ лицо. Смотрите безбоязненно на ваши дѣла, и пусть они блѣднѣютъ отъ вашего взгляда.

— Охотно бы, Гендель, только я самъ блѣднѣю отъ этихъ цифръ.

Моя рѣшительность однакоже производила свое дѣйствіе, и Гербертъ снова принимался за свою работу. Послѣ нѣкотораго времени онѣ опять бросалъ ее, подѣ предлогомъ, что у него не было счета Кобса, или Лобса, или Нобса.

— Въ такомъ случаѣ, Гербертъ, прикиньте его примѣрно круглою суммой и выставьте.

— Вотъ молодецъ, котораго ничто не останавливаетъ! отвѣчалъ мой другъ въ удивленіи.—Право, у васъ замѣчательныя коммерческія способности.

Я тоже это думалъ. При этихъ случаяхъ, я составилъ себѣ въ собственныхъ глазахъ репутацію дѣловаго человѣка, съ быстрымъ соображеніемъ, энергическаго, рѣшительнаго, прозорливаго и хладнокровнаго. Написавъ на листѣ всѣ мои долговыя обязательства, я сравнивалъ каждую статью со счетомъ и помѣчалъ его. Я исполнялъ эту послѣднюю формальность съ необыкновеннымъ самодовольствомъ, которое было для менъ величайшимъ наслажденіемъ. Потомъ я складывалъ мои сче-ты единообразно, надписывалъ каждый на затылкѣ, и завязывалъ ихъ въ симметрическую пачку. Послѣ этого я дѣлалъ то же самое для Герберта, который скромно объявлялъ, что у него не было моего административнаго генія, и я чувствовалъ, что сосредоточивалъ всѣ его дѣла въ желаемый фокусъ.

Мой коммерческій геній представлялъ еще одну блистательную черту: это «округленіе суммъ». Напримѣръ, положимъ, долги Герберта были сто шестьдесятъ четыре фунта, четыре шиллинга и два пенса; я скажу бывало: «надобно ихъ округлить и поставить двѣсти фунтовъ». Или положимъ, мои собственные долги были въ четыре раза болѣе: я также округлялъ ихъ и ставилъ семьсотъ. Я былъ высокаго мнѣнія объ этомъ округленіи, но теперь, оглядываясь назадъ, я долженъ сознаться, что это была довольно убыточная выдумка. Потому что мы

обыкновенно сейчасъ же послѣ этого дѣлали долги на всю сумму такого округленія, а иногда даже, увлекались пріятнымъ самообольщеніемъ будто мы дѣйствительно освободились отъ долговъ, мы переступали за предѣлы этого округленія.

Но за этимъ пересмотромъ нашихъ дѣлъ обыкновенно наступали спокойствіе, отдыхъ, добродѣтельное затишье, и въ это время я бывалъ о себѣ удивительнаго мнѣнія. Утѣшенный моими усиліями, моею дѣловою манерой и похвалами Герберта, я сижу бывало съ симметрическими пачками нашихъ счетовъ посреди письменныхъ матеріаловъ, и чувствую себя совершенно состоятельнымъ, какъ государственный банкъ, а не частное лицо.

При этихъ торжественныхъ случаяхъ, мы обыкновенно запирали нашу дверь, чтобы никто не мѣшалъ намъ. Въ одинъ вечеръ я находился именно въ такомъ сладостномъ состояніи покоя, когда я услышалъ письмо упало черезъ щель нашей двери на полъ.

— Это для васъ, Гендель, сказалъ Гербертъ, возвращаясь съ письмомъ, за которымъ онъ выходилъ,—надѣюсь все благополучно.

Это былъ намекъ на тяжелую черную печать и на траурныя каемки.

Письмо было подписано Трабъ и К<sup>о</sup>, которые величали меня благороднымъ сэромъ и извѣщали, что мистриссъ Джо Гарджери скончалась въ прошедшій понедѣльникъ вечеромъ, въ двадцать минутъ седьмого и просили меня пожаловать на погребеніе въ слѣдующій понедѣльникъ, въ три часа пополудни.

### XXXV.

Еще въ первый разъ могила открылась на пути моей жизни, и чудный обрывъ производила она на гладкой до тѣхъ поръ почвѣ. Фигура моей сестры, въ ея креслѣ у огня, преслѣдовала меня день и ночь. Мой умъ не могъ понять, чтобы то мѣсто могло существовать безъ нея, и хотя въ послѣднее время она рѣдко бывала у меня въ мысляхъ, но мнѣ все чудилось, что вотъ я встрѣчу ее на улицѣ или что вотъ она сейчасъ поступится въ дверь. Даже въ моихъ ком-

натахъ, между которыми и ея вовсе не было никакого соотношенія, вдругъ обозначилась пустота оставленная смертью, и мнѣ слышался ея голосъ, мнѣ видѣлось ея лицо и фигура, какъ будто она еще жила и часто бывала здѣсь.

Какая бы судьба ни ожидала меня впереди, но я едва ли бы могъ вспомнить о моей сестрѣ съ особенною нѣжностію. Я полагаю, однакоже, чувство сожалѣнія можетъ существовать и безъ нѣжности. Подъ его вплиніемъ (а также можетъ быть въ замѣну болѣе нѣжнаго чувства) мною овладѣло страшное негодованіе противъ злодѣя, отъ котораго она такъ много пострадала, и я чувствовалъ, что, имѣй я доказательства, я сталъ бы преслѣдовать Орлика или кого другаго до послѣдней крайности.

Написавъ Джо, чтобъ его утѣшить и также успокоить на счетъ моего прїѣзда на похороны, я провелъ промежуточные дни, оставшіеся до погребенія, въ этомъ странномъ расположеніи духа. Я повхалъ туда рано поутру и прибылъ къ *Синему Кабану* еще ввремя, чтобы дойти пѣшкомъ до кузницы.

Это было лѣтомъ, погода стояла прекрасная, и я живо припомнилъ то время, когда я былъ слабый, безпомощный ребенокъ, и сестра не щадила меня. Но эти воспоминанія имѣли краткій тонъ, который смягчалъ собою щекотанье Раздражителя. Самый воздухъ, проникнутый ароматомъ бобовъ и клевера, нашептывалъ моему сердцу, что наступитъ время, когда хорошо будетъ и для моей памяти, если другіе, гуляя въ солнечный день, съ смягченнымъ сердцемъ подумаютъ обо мнѣ.

Наконецъ открылся передо мною домъ, и я увидѣлъ, что имъ совершенно завладѣли Трабъ и К°. У дверей стояли двѣ необыкновенно безсмысленныя личности, хвастливо выставившія костыль въ рѣповой перевязкѣ, какъ будто это орудіе могло сообщить кому-нибудь какое-нибудь утѣшеніе; въ одномъ изъ нихъ я призналъ кучера, выгнаннаго изъ *Синяю Кабана* за то, что онъ пьяный опрокинулъ въ яму новобрачную чету въ день ихъ свадьбы. Всѣ ребятишки въ деревнѣ и большая часть женщинъ восхищались однако этими траурными сторожами и закрытыми окнами дома и кузницы. Когда я подошелъ, одинъ изъ этихъ сторожей (именно кучеръ), постучалъ въ дверь, какъ бы желая показать этимъ, что я былъ слишкомъ удрученъ печалью и что у меня не доставало силы постучать самому.

Другой траурный сторожъ (плотникъ, разъ съѣвшій двухъ гусей на пари) отворилъ дверь и проводилъ меня въ парадную гостиную. Здѣсь мистеръ Трабъ совершенно завладѣлъ большимъ столомъ и, поднявъ обѣ его половинки, открылъ на нихъ нѣчто въ родѣ траурнаго базара, при помощи огромнаго количества черныхъ булавокъ. Когда я вошелъ, онъ только что кончилъ заворачивать чью-то шляпу въ черныя пеленки, словно африканскаго младенца, и протянулъ свою руку за мою шляпой; но я не понялъ его движенія, и, въ замѣшательствѣ, сжалъ ему руку съ видомъ горячей признани.

Мой бѣдный милый Джо, запутавшійся въ черный плащъ, подвязанный ему подъ самый подбородокъ широкимъ бантомъ, сидѣлъ отдѣльно въ верхнемъ концѣ комнаты, гдѣ безъ сомнѣнія мистеръ Трабъ усадилъ его какъ главное лицо въ траурной процесси. Я наклонился и сказалъ ему: «Милый Джо, какъ вы можете?»

— Пипъ, старый дружище, отвѣчалъ онъ мнѣ, — вы ее знали, когда она была красивая... — И сжалъ мнѣ руку, не докончивъ фразы.

Биди была очень мила и скромна въ своемъ черномъ платьѣ; она ходила взадъ и впередъ, услуживая и помогая всѣмъ. Я поздоровался съ нею и, полагая что теперь не время для разговоровъ, сѣлъ возлѣ Джо и началъ раздумывать, въ какой части дома поставлено тѣло моей сестры. Воздухъ гостиной былъ проникнутъ слабымъ запахомъ сладкаго кека (кулича); я поглядѣлъ, гдѣ былъ столъ съ закускою, и едва могъ замѣтить его, пока глазъ мой не свыкся съ темнотою комнаты; столъ былъ уставленъ наръзаннѣмъ кекомъ, разръзаннѣми апельсинами, сэндвичами <sup>1</sup>, сухими лепешками и графиннами, которые бывало служили только для украшенія, и, сколько я помню, ни разу не употреблялись; въ одномъ изъ нихъ былъ портвейнъ, въ другомъ хересъ. Подойдя къ этому столу, я замѣтилъ рабочаго Пемблчука, въ черномъ плащѣ, съ крѣпкою повязкой въ нѣсколько ярдовъ длиною на шляпѣ; онъ попеременно то набивалъ себѣ брюхо, то дѣлалъ самыя подлые движенія, чтобъ обратить на себя мое вниманіе. Наконецъ, онъ въ этомъ успѣлъ и подошелъ ко мнѣ (отъ него страшно несло хересомъ и лепешками), и спросивъ тихимъ голосомъ: «Могу ли я, любезный сэръ?» пожалъ мнѣ руку. Я потомъ замѣтилъ еще мистера и мистриссъ Гебль; послѣдняя сидѣла въ углу, въ приличномъ

<sup>1</sup> Дюми хлѣба, переложенные тонкими кусочками мяса.

пароксизмъ безмолвія, Мы всё должны были слѣдовать за тѣломъ, и потому-то Трабъ нарядилъ насъ всѣхъ совершенными пугалами.

— То-есть я скажу вамъ, Нигъ, шепнулъ мнѣ Джо, пока мистеръ Трабъ становилъ насъ попарно въ процессію, какъ будто мы готовились пуститься въ пляску смерти:—то-есть я вамъ скажу, сэръ, я бы лучше понесъ ее самъ въ церковь на своихъ плечахъ вмѣстѣ съ тремя или четырьмя пріятелями, которые бы сдѣлали это отъ души; но вѣдь какъ-то еще это покажется сосѣдямъ; скажутъ, пожалуй, неуваженіе.

— Носовые платки выньте! скомандовалъ мистеръ Трабъ сдержаннымъ офіціальнымъ голосомъ:—выньте носовые платки! Мы готовы!

И вотъ мы всё приложили носовые платки къ нашимъ лицамъ, какъ будто у насъ изъ носу шла кровь, и потянулись попарно, Джо и я, Биди и Пембльчукъ, мистеръ и мистриссъ Гебль. Тѣло моей бѣдной сестры было принесено изъ кухни, и, по правиламъ погребальной церемоніи, шесть носильщиковъ непременно должны были задыхаться и ничего не видѣть подъ страшнымъ чернымъ покровомъ съ бѣлою каймой, такъ что вся эта машина представлялась какимъ-то слѣпымъ чудовищемъ съ двѣнадцатю человѣческими ногами, качавшимся изъ стороны въ сторону и ведомымъ двумя сторожами—кучеромъ и его товарищемъ.

Сосѣди однакоже въ высшей степени одобряли эту церемонію. Проходя черезъ деревню, мы возбуждали общій восторгъ: юная и наиболѣе дѣятельная часть народонаселенія бросалась въ разныя стороны, пересѣкала намъ дорогу и забѣгала намъ впередъ, чтобы посмотреть на насъ съ новой точки. Въ этихъ случаяхъ, наиболѣе зазорные между ними, кричали съ особымъ восторгомъ при нашемъ появленіи: «Идутъ! Вотъ они!» и только что не кричали намъ ура. Въ этомъ шествіи мнѣ страшно надоѣдалъ подлый Пембльчукъ, который шелъ позади меня, и, въ знакъ особеннаго вниманія ко мнѣ, безпрестанно поправлялъ мою крѣповую повязку на шляпѣ и приглаживалъ мой плащъ. Мои мысли были также раввлечены необыкновенною гордостью мистера и мистриссъ Гебль, которые удивительно какъ чванились тѣмъ, что они были въ такой процессіи.

И вотъ передъ нами открылись болота и бѣгущіе паруса кораблей на горизонтѣ, и мы вошли на кладбище и при-



близилось къ могиламъ моихъ неизвѣстныхъ родителей, *Филиппа Пиркина, здѣшлаго прихода, и Также Джорджіани, Жены Вышеозначеннаго*. И тутъ тихо опустели мою сестру въ землю, между тѣмъ какъ пѣсня звонкихъ жаворонковъ раздавалась надъ нею въ вышнѣхъ, и легкій вѣтерокъ гналъ красивыя тѣни облаковъ и покачивалъ деревьями.

Что касается до поведенія суетнаго Пемблчука во все это время, то я скажу только одно: я былъ его главнымъ предметомъ; даже, когда священникъ читалъ эти чудесные, благородные тексты, напоминавшіе человѣку, что онъ ничего не принесъ съ собою въ этотъ міръ и ничего не можетъ унести, что онъ пролетаетъ, какъ тѣнь полуденная и не остается долго въ одной обители, я слышалъ, Пемблчуку значительно прикашлянулъ, намекая тѣмъ на исключительный случай молодого джентльмена, неожиданно получающаго большое состояніе. Когда мы возвратились домой, у него достало духу сказать мнѣ какъ бы онъ желалъ, чтобы моя сестра могла чувствовать, какую я оказалъ ей честь моимъ присутствіемъ на ея похоронахъ, и намекнулъ даже, что она не пожалѣла бы умереть для этого. Послѣ этого онъ выпилъ весь оставшійся хересъ, мистеръ Гебль подобнымъ же образомъ распорядился съ оставшимся портвейномъ, и они такъ бесѣдовали между собою (я замѣчалъ что такъ обыкновенно бываетъ при такихъ случаяхъ), какъ будто они принадлежали къ совершенно другой породѣ нежели покойникъ и были бессмертны. Наконецъ, онъ отправился вмѣстѣ съ мистеромъ и мистрисъ Гебль провести остатокъ вечера и разказать всѣмъ у «Трехъ Веселыхъ Лодочниковъ», что онъ былъ виновникомъ моего благополучія и моимъ первымъ благодѣтелемъ.

Когда они всѣ ушли, и Трабъ съ своими людьми, но не съ мальчишкою—я смотрѣлъ, не тутъ ли онъ,—забрали въ мѣшки всю маскарадную ветошь и также ушли, въ домѣ стало полегче. Немного спустя, мы съ Биди и Джо сѣли за холодный обѣдъ; мы обѣдали въ парадной гостиной, не въ старой кухнѣ, и Джо обращалъ такое вниманіе на свой ножикъ, вилку и солонку, что мы были очень связаны. Послѣ обѣда я упросилъ его закурить трубку; мы прошлись съ нимъ по кузницѣ и сѣли вмѣстѣ на большой камень, на дворѣ; тутъ мы стали посвободнѣе другъ съ другомъ. Я замѣтилъ также, что Джо переодѣлся въ другое платье, среднее между его праздничнымъ и рабочимъ костюмомъ, и въ немъ мой милый Джо былъ гораздо естествен-

нѣе и смотрѣлъ именно такимъ человѣкомъ, каковъ онъ былъ дѣйствительно.

Ему было очень пріятно, что я спросилъ у него, могу ли я остаться ночевать въ бывшей моей маленькой комнаткѣ; мнѣ также было очень пріятно, потому что мнѣ чувствовалось, что я поступилъ очень великодушно, попросивъ его объ этомъ. Когда наступилъ вечеръ, я воспользовался случаемъ и пошелъ въ садъ поговорить съ Биди.

— Биди, сказалъ я, — вы могли бы, я думаю, написать мнѣ объ этомъ печальномъ событіи.

— Вы думаете, мистеръ Пипъ? сказала Биди: — Я бы написала вамъ, еслибъ я также думала.

— Не полагайте, чтобъ я сердился, Биди, если я вамъ замѣчу, что вамъ слѣдовало бы подумать объ этомъ.

— Право, мистеръ Пипъ?

Она была такъ спокойна, все въ ней было такъ порядочно, такъ добродѣтельно и мило, что я никакъ не хотѣлъ огорчить ее. Посмотрѣвъ немного на ея опущенные глаза, я перемѣнилъ разговоръ.

— Я полагаю, вамъ трудно будетъ здѣсь остаться, милая Биди?

— О, невозможно, мистеръ Пипъ, сказала Биди тономъ сожалѣнія, въ которомъ слышалось однако спокойное убѣжденіе. — Я говорила съ мистриссъ Гебль, и завтра перейду къ ней. Мы будемъ заботиться о мистерѣ Гарджери, пока онъ опять не устронется.

— Какъ же вы будете жить, Биди? Если вамъ только нужны де...

— Какъ я буду жить? повторила Биди, перервавъ меня на словѣ и вдругъ зардѣвшись румянцемъ. — Я вамъ это скажу, мистеръ Пипъ. Я постараюсь получить себѣ мѣсто наставницы въ новой школѣ здѣсь, которая почти кончена. Я имѣю хорошую рекомендацію отъ всѣхъ сосѣдей, и надѣюсь, у меня станеть прилежанія и терпѣнія, такъ что я и сама доучусь, уча другихъ. Вы знаете, мистеръ Пипъ, продолжала Биди съ улыбкой, приподнявъ на меня свои глаза: — новыя школы не похожи на старыя; но я выучилась многому отъ васъ, послѣ того времени, и имѣла еще достаточно досуга усовершенствоваться.

— Я увѣренъ, Биди, вы всегда способны усовершенствоваться при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ.

— А! Только бы не съ худой стороны человѣческой природы, пробормотала Биди.

Эта было не столько упрекъ, сколько дума вслухъ. Ну, я подумалъ, не станемъ объ этомъ спорить. Я прошелъ нѣсколько шаговъ съ Биди, молча поглядывая на ея опущенные глаза.

— Я еще не слышалъ всѣхъ подробностей смерти моей сестры, Биди.

— О, ничего необыкновеннаго! Бѣдное созданіе! Четыре дня продолжался у нея одинъ изъ ея припадковъ, хотя въ послѣднее время эти припадки стали послабѣе: вечеромъ она пришла въ себя, именно къ чаю, и сказала совершенно ясно: «Джо». Она такъ давно не говорила ни слова, и я тотчасъ же побѣжала за мистеромъ Гарджери и привела его изъ кузницы. Она сдѣлала мнѣ знакъ, чтобъ я посадила его возлѣ нея и положила ея руки около его шеи; я исполнила это, и она положила ему руку на плечо, совершенно довольная. Потомъ она сказала опять: «Джо», и прибавила: «прости», и еще: «Пипъ». И уже болѣе она не подымала головы. Часъ спустя, мы положили ее въ постель; она уже скончалась.

Биди заплакала. Потемнѣвшій садъ, и тропинка, и восходящія звѣзды зарыбили у меня въ глазахъ.

— Ничего не было открыто, Биди?

— Ничего.

— Знаете вы, куда дѣлся Орликъ?

— Я полагаю, судя по цвѣту его платья, что онъ работаетъ въ каменоломняхъ.

— А! такъ, вы его видѣли? Что вы такъ пристально смотрите на это темное дерево у тропинки?

— Я видѣла его тамъ въ тотъ самый вечеръ, какъ она умерла.

— И это было не въ послѣдній разъ, Биди?

— Нѣтъ, я его видѣла тамъ нѣсколько минутъ тому назадъ, какъ мы съ вами гуляли. Напрасно, сказала Биди, удерживая меня за руку, когда я хотѣлъ броситься въ ту сторону, — вы знаете я васъ не стану обманывать; онъ былъ тамъ за минуту передъ этимъ, и ушелъ.

Все мое прежнее негодованіе поднялось во мнѣ, когда я увидалъ, что этотъ негодяй продолжалъ преслѣдовать ее. Я чувствовалъ, я былъ страшно озлобленъ противъ него. Я это сказалъ ей и сказалъ также, что я готовъ истратить какую

угодно сумму, и сдѣлаю все что возможно только бы выжить его отсюда. Мало-по-малу она навела меня на болѣе спокойный разговоръ; она говорила мнѣ, какъ меня любить Джо, какъ Джо никогда ни на что не жаловался (она не сказала, на меня, это было бы излишне; я понималъ на что она намекала); какъ онъ всегда былъ вѣренъ своему жизненному долгу и исполнялъ его сильною рукой, спокойною рѣчью и нѣжнымъ сердцемъ.

— Да его не перехвалишь, сказалъ я:—мы съ вами Биди, должны почаще говорить о немъ; теперь, разумѣется, я буду часто прѣзжать сюда. Я не оставлю бѣднаго Джо одного.

Биди не промолвила на это ни слова.

— Биди, вы меня не слышите?

— Слышу, мистеръ Пипъ.

— Я уже не говорю о томъ, что вы называете меня мистеръ Пипъ; мнѣ кажется это очень не хорошо съ вашей стороны; но Биди, скажите мнѣ, что значить это молчаніе?

— Что оно значить? спросила Биди робко.

— Биди, сказалъ я тономъ оскорбленной добродѣтели,—я требую отъ васъ—объясните мнѣ, что значить это молчаніе?

— Это молчаніе? сказала Биди.

— Прошу васъ не повторять какъ эхо, возразилъ я,—прежде вы этого не дѣлали, Биди.

— Не дѣлала! сказала Биди.—О, мистеръ Пипъ! нѣтъ, дѣлала!

Ну, думалъ я, уступлю и здѣсь. Обойдя кругомъ садъ, я возвратился къ главному вопросу.

— Биди, я сказалъ, что буду часто прѣзжать сюда, чтобы видѣться съ Джо. Вы на эти слова не дали никакого отвѣта. Сдѣлайте милость, Биди, объясните, отчего?

— Увѣрены ли вы, что вы будете часто прѣзжать видѣться съ нимъ? спросила Биди, остановившись на узкой дорожкѣ и смотря мнѣ прямо въ лицо, подъ звѣзднымъ небомъ, своими ясными и честными глазами.

— О Боже мой, сказалъ я, видя, что мнѣ приходилось отступиться отъ Биди, въ отчаяніи:—право, это очень дурная сторона человѣческаго сердца! Не станемъ болѣе говорить объ этомъ, Биди. Меня это очень шокируетъ.

По этой, очень логической причинѣ, за ужиномъ я держался въ почтительномъ разстояніи отъ Биди; и, уходя въ мою маленькую комнатку, очень церемонно прѣстился съ нею

и ночью, просыпаясь почти каждую четверть часа, я размышлялъ, какъ недобра, какъ несправедлива была ко мнѣ Биди, какъ она оскорбила меня.

Я долженъ былъ ѣхать рано поутру. Рано поутру я вышелъ и заглянулъ, никѣмъ не замѣченный, въ деревянное окошко кузницы. Я простоялъ тутъ нѣсколько минутъ, смотря на Джо, который уже былъ за работою; здоровье и сила сіяли на его лицѣ, какъ будто на него свѣтило яркое солнце жизни, еще ожидавшее его впереди.

— Прощайте, любезный Джо! Нѣтъ, не вытирайте ея! Бога ради, дайте мнѣ вашу почернѣвшую руку; я скоро приѣду, и буду часто навѣщать васъ.

— Нѣтъ, сэръ, не очень скоро, сказалъ Джо,—нѣтъ, Пипъ, не очень часто.

Биди ожидала меня у дверей кухни съ кружкою свѣжаго молока и краюшкою хлѣба.

— Биди, сказалъ я, протягивая ей руку на прощаньи, — я не сержусь, но я огорченъ.

— Нѣтъ, не огорчайтесь, сказала она съ чувствомъ.—Ужь пусть будетъ мнѣ одной горько, если я была не великодушна.

Туманы опять подымались, когда я уходилъ. И если они открыли мнѣ,—а они, мнѣ кажется, имѣли эти намѣренія,— что я не возвращусь болѣе и что Биди была совершенно права, то я могу только сказать, что... и они не ошиблись.

### XXXVI.

Положеніе наше съ Гербертомъ становилось все хуже и хуже; долги наши возрастали; мы по временамъ занимались нашими дѣлами и округляли суммы. Между тѣмъ, такъ ли, сякъ ли, время шло и наступило мое совершеннолѣтіе,— во исполненіе Гербертова предсказанія, что, достигну я его прежде чѣмъ буду знать гдѣ я и что я.

Гербертъ также достигъ своего совершеннолѣтія, восемью мѣсяцами прежде меня. Но такъ какъ онъ ничего другаго не достигалъ кромѣ своего совершеннолѣтія, то это событіе не произвело особеннаго эффекта въ Барнардовскомъ подворьѣ

Чтоже касается до моего двадцать перваго дня рожденія, то мы ожидали его съ тысячью разныхъ предположеній; мы оба разчитывали, что мой попечитель непременно скажетъ что-нибудь положительное по этому случаю.

Я позаботился сообщить въ Литль-Бритенъ, когда будетъ мое рожденіе. Наканунѣ этого дня я получилъ оофициальную записку отъ Вемика, въ которой меня извѣщали, что мистеръ Джагерсъ будетъ очень радъ, если я зайду къ нему въ пять часовъ по полудни въ этотъ знаменательный день. Это убѣдило насъ, что должно случиться что-нибудь необыкновенное, и я былъ весь въ волненіи, отправляясь въ контору моего опекуна, аккуратно въ назначенный часъ.

Въ передней комнатѣ повдравилъ меня Вемикъ и между прочимъ почесалъ свой носъ тонкою свернутою бумажкою, которая мнѣ очень понравилась на взглядъ. Но онъ ничего не сказалъ объ этой бумажкѣ, и только показалъ мнѣ знакомъ, чтобъ я вошелъ въ комнату моего попечителя. Это было въ ноябрѣ, стоялъ у огня, прислонившись спиною къ камину и подсунувъ руки подъ фалды.

— Ну, Пипъ, сказалъ онъ,—сегодня я долженъ называть васъ мистеръ Пипъ. Поздравляю, мистеръ Пипъ.

Мы пожали другъ другу руку,—обыкновенно онъ совершалъ этотъ обрядъ очень скоро,—и я поблагодарилъ его.

— Возьмите стулъ, мистеръ Пипъ, сказалъ мой опекунъ.

Я сѣлъ; онъ оставался въ прежнемъ положеніи, вперивъ глаза въ свои сапоги; я чувствовалъ себя очень не ловко, и невольно вспомнилъ старое время, когда я сиживалъ на надгробномъ камнѣ. Два страшные слѣпка на полкѣ были недалеко отъ меня и выраженіе ихъ было такое какъ будто они дѣлали глупѣйшее покушеніе прислушаться къ нашему разговору.

— Теперь мой юный другъ, началъ мой попечитель такимъ тономъ, какъ будто я былъ свидѣтель при допросѣ,—я хочу переговорить съ вами.

— Сдѣлайте одолженіе, сэръ.

— Какъ вы полагаете, сказалъ мистеръ Джагерсъ, наклонясь впередъ чтобы посмотреть на полъ, и потомъ забросивъ голову назадъ чтобы взглянуть на потолокъ:—сколько вы проживаете?

— Сколько, сэръ?

— Сколько, повторилъ мистеръ Джагерсъ, продолжая сме-

трѣть на потолокъ,—вы думаете вы проживаете?—И потому онъ окинулъ взглядомъ комнату и остановился съ своимъ несомнымъ платкомъ на полупути къ носу.

Я такъ часто занимался разборомъ моихъ дѣлъ, что рѣшительно потерялъ изъ виду главную сущность ихъ, если только когда-нибудь зналъ ее. Я не охотно сознался, что я не могъ отвѣчать на этотъ вопросъ. Мой отвѣтъ повидимому былъ очень пріятенъ мистеру Джагеру, который сказалъ: «я такъ и думалъ», и съ видомъ особеннаго удовольствія высморкалъ свой носъ.

— Я сдѣлалъ самъ вопросъ, мой другъ, сказалъ мистеръ Джагерсъ,—имѣете вы съ своей стороны что-нибудь спросить у меня?

— Разумѣется, сэръ, мнѣ было бѣ очень пріятно предложить вамъ нѣсколько вопросовъ; но я помню ваше запрещеніе.

— Предложите мнѣ какой-нибудь изъ нихъ, сказалъ мистеръ Джагерсъ.

— Откроеся ли мнѣ сегодня мой благодѣтель?

— Нѣтъ. Предлагайте другой вопросъ.

— Скоро ли мнѣ сообщать о немъ?

— Этотъ вопросъ тоже въ сторону, сказалъ мистеръ Джагерсъ.—Спросите еще что-нибудь.

Я посмотрѣлъ вокругъ себя, и не видѣлъ возможности ускользнуть куда-нибудь отъ слѣдующаго вопроса: «слѣдуетъ ли мнѣ что-нибудь получить, сэръ?»

На это мистеръ Джагерсъ отвѣтилъ торжественно: «Я ожидаю, что мы именно придемъ къ этому!» и крикнулъ Вемику, чтобъ онъ принесъ бумажку. Вемикъ явился, подаль и исчезъ.

— Теперь, мистеръ Пипъ, сказалъ мистеръ Джагерсъ,—я прошу васъ прислушаться. Вы денежки брали довольно широко; ваше имя часто встрѣчается въ кассирской книгѣ Вемика; но у васъ конечно есть долги?

— Боюсь, что мнѣ придется сказать да, сэръ.

— Вы очень хорошо знаете, что вамъ придется сказать да, не такъ ли? сказалъ мистеръ Джагерсъ.

— Да, сэръ.

— Я васъ не спрашиваю сколько вы должны, потому что вы и сами этого не знаете; а еслибъ и знали, то вы не сказали бы сколько, сказали бы меньше. Да, да, мой другъ,

закричалъ мистеръ Джагерсъ, махая своимъ пальцемъ, чтобъ остановить меня, когда я готовился протестовать:— вы вѣрно думаете, что не сдѣлали бы этого, но вы бы это сдѣлали. Извините меня; я это знаю лучше васъ. Теперь возьмите въ руку эту бумажку. Взяли? Очень хорошо. Теперь разверните ее и скажите мнѣ, что это такое?

— Это банковый билетъ, сказалъ я,—въ пятьсотъ фунтовъ.

— Это банковый билетъ, повторилъ мистеръ Джагерсъ,— въ пятьсотъ фунтовъ. Я полагаю, это сумма хорошая. А вы какъ думаете?

— Могу ли я думать иначе?

— Отвѣчайте на вопросъ, сказалъ мистеръ Джагерсъ.

— Безъ всякаго сомнѣнiя.

— Безъ всякаго сомнѣнiя вы думаете, что это хорошая сумма. Теперь, эта хорошая сумма принадлежитъ вамъ, Пицъ. Это вамъ подарокъ къ нынѣшнему дню, въ задатокъ исполненiя вашихъ ожиданiй, и такую хорошую сумму вы можете проживать ежегодно, но не болѣе, пока не явится самъ благодѣтель. То-есть, съ этого времени всѣ ваши денежные дѣла переходятъ въ ваши собственные руки, и вы можете получать отъ Вемика сто двадцать пять фунтовъ черезъ каждые три мѣсяца, пока вы не вступите въ сношенiе съ самимъ источникомъ всей этой благостыни. Какъ я вамъ прежде сказалъ, я не болѣе какъ агентъ. Я исполняю мои инструкции, и мнѣ за это заплачено. Я нахожу ихъ не совсѣмъ благоразумными; но мнѣ платятъ не за то, чтобъ я подавалъ свое мнѣнiе объ ихъ достоинствѣ.

Я было началъ изъяснять мою признательность къ неизвѣстному благодѣтелю, который былъ такъ щедръ; но мистеръ Джагерсъ разомъ остановилъ меня.

— Пицъ, сказалъ онъ хладнокровно,—мнѣ не заплатятъ за то, чтобъ я передавалъ кому-нибудь ваши слова.

Подобравъ свои фалды, онъ продолжалъ стоять, хмурясь на свои сапоги, какъ будто онъ подозрѣвалъ ихъ въ какомъ-нибудь умыслѣ противъ себя.

Послѣ паузы я намекнулъ:

— Мистеръ Джагерсъ, я сдѣлалъ вамъ одинъ вопросъ, который вы желали пока отложить въ сторону. Надѣюсь, худаго въ томъ ничего не будетъ, если я повторю его?

— Что такое? сказалъ онъ.

— Можно ли надѣяться, сказалъ я подумавъ,—что мой покро-



витель, источникъ благостыни, какъ вы выразились, мистеръ Джагерсъ, скоро....—Тутъ я остановился изъ деликатности.

— Что скоро? сказалъ мистеръ Джагерсъ:—я не вижу тутъ вопроса?

— Скоро прїѣдетъ въ Лондонъ, сказалъ я, затрудняясь въ словахъ чтобы выразить мою мысль,—или же потребуютъ меня куда-нибудь?

— Ну такъ послушайте, отвѣтилъ мистеръ Джагерсъ, устремивъ на меня въ первый разъ свои черные глаза:—мы должны вернуться къ тому вечеру, когда мы въ первый разъ свидѣлись съ вами въ вашей деревнѣ: чтѣ я вамъ тогда сказалъ, Пипъ?

— Вы мнѣ сказали тогда, мистеръ Джагерсъ, что можетъ-быть года пройдутъ прежде нежели эта особа явится.

— Совершенно такъ, сказалъ мистеръ Джагерсъ, — и вотъ вамъ мой отвѣтъ.

Мы посматрѣли другъ на друга. Я чувствовалъ, пульсъ мой бился сильнѣе отъ желанія что-нибудь вывѣдать у него, но я чувствовалъ также, что чѣмъ сильнѣе пульсъ мой бился, тѣмъ замѣтнѣе это было для него и тѣмъ менѣе я могъ надѣяться что-нибудь узнать.

— Полагаете вы, что еще много лѣтъ пройдетъ до того, мистеръ Джагерсъ?

Мистеръ Джагерсъ покачалъ головой, но не отрицая этихъ вопроса, а отрицая всякую идею добиться отъ него отвѣта. А два страшные слѣпка съ судорожными лицами смотрѣли такъ, когда мои глаза остановились на нихъ, какъ будто наступилъ кризисъ въ ихъ напряженномъ вниманіи, и они собирались чихнуть.

— Послушайте, сказалъ мистеръ Джагерсъ, нагрѣвая задъ своихъ ногъ задомъ своихъ нагрѣтыхъ рукъ,—я буду съ вами откровененъ, мой другъ Пипъ. Этого вопроса не слѣдуетъ спрашивать. Вы поймете это лучше, если я вамъ скажу, что этотъ вопросъ можетъ ввести меня въ непріятное положеніе. Слушайте, я съ вами пойду еще далѣе, я вамъ скажу еще болѣе.

Онъ нагнулся такъ низко, хмурясь на свои сапоги, что могъ тереть свои икры въ продолженіе наступившей паузы.

— Когда эта особа откроетъ себя, сказалъ мистеръ Джагерсъ, выпрямившись снова,—вы съ этою особой и устройте между собой ваши дѣла. Когда эта особа откроетъ себя, мое участіе въ этомъ дѣлѣ будетъ кончено. Когда эта особа откроетъ

себя, мнѣ и знать ничего не нужно будетъ объ этомъ дѣлѣ. Вотъ все, что я имѣю вамъ сказать.

Мы глядѣли другъ на друга, пока я не свелъ съ нея моихъ глазъ и не устремилъ ихъ въ задумчивости на полъ. Изъ этой послѣдней его рѣчи я заключилъ, что мистриссъ Геввишамъ, по какимъ-то причинамъ, не довѣряла ему своихъ намѣреній относительно меня и Эстеллы, что онъ былъ этимъ обиженъ и досадовалъ, или же что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ противъ этого плана и не хотѣлъ принимать въ немъ никакого участія. Когда я опять поднялъ мои глаза, я замѣтилъ, что онъ все время лукаво поглядывалъ на меня, и еще продолжалъ глядѣть.

— Если вы не имѣете ничего болѣе сказать мнѣ, замѣтилъ я,—то и мнѣ не остается ничего сказать.

Онъ кивнулъ головой въ знакъ согласія, вытащилъ свой репетиторъ, страшилище всѣхъ лондонскихъ воровъ, и спросилъ меня: гдѣ я буду обѣдать? Я сказалъ у себя дома съ Гербертомъ. За этимъ необходимо было спросить, не сдѣлаетъ ли онъ намъ чести отобѣдать у насъ, и онъ тотчасъ же принялъ мое приглашеніе. Но онъ непремѣнно хотѣлъ идти вмѣстѣ со мною, чтобы я не могъ сдѣлать никакихъ особенныхъ приготовленій для него, только ему нужно было еще написать нѣсколько писемъ и, разумѣется, умыть руки. Я сказалъ ему, что пойду въ другую комнату поболтать съ Вемикомъ.

Дѣло было въ томъ, что когда пятьсотъ фунтовъ очутились въ моемъ карманѣ, мнѣ пришла въ голову мысль, которая и прежде часто вертѣлась въ ней; мнѣ казалось, что именно съ Вемикомъ можно было посоветоваться о томъ.

Вемикъ уже заперъ своей сундукъ и собирался идти домой. Онъ всталъ съ своего мѣста, принесъ два засаленные конторскіе подсвѣчника и поставилъ ихъ въ рядъ вмѣстѣ съ щипцами на полкѣ возлѣ двери, чтобы можно было при выходѣ погасить ихъ; потомъ выгребъ огонь изъ каміна, приготовилъ свою шляпу и пальто, и принялся бить себя по груди ключомъ отъ сундука, какъ будто это было гимнастическое упражненіе послѣ занятій.

— Мистеръ Вемикъ, я хочу посоветоваться съ вами. Мнѣ бы хотѣлось услужить одному моему другу.

Вемикъ сжалъ свою почтовую щель и покачалъ головой, какъ будто у него не было въ запасѣ никакого мнѣнія противъ подобной слабости.

— Мой другъ, продолжалъ я,—выбралъ себѣ торговую часть,

но у него нѣтъ, денегъ и ему трудно сдѣлать починъ. Теперь я желалъ бы какъ-нибудь помочь ему въ этомъ.

— Деньгами? сказалъ Вемикъ тономъ суше опилокъ.

— Впервыхъ, отчасти деньгами, отвѣтилъ я, припоминая съ безпокойствіемъ симметрическую пачку счетовъ, оставленную дома,—отчасти деньгами, а потомъ отчасти также ожидающими меня впереди надеждами.

— Мистеръ Пипъ, сказалъ Вемикъ,—я бы хотѣлъ напередъ перечестъ съ вами по пальцамъ, съ вашего позволенія, всѣ мосты, начиная отъ Чельси. Посмотримъ: Лондонской мостъ—одинъ, Саутваркскій—два, Блакфайрскій —три; Ватерлоскій —четыре; Вестминстерскій — пять; Вокзальскій — шесть.

Называя каждый мостъ, онъ билъ по своей ладони ручкою ключа.

— Всѣхъ ихъ шесть, какъ видите: выбирайте любой.

— Я васъ не понимаю, сказалъ я.

— Выбирайте любой мостъ, мистеръ Пипъ, отвѣчалъ Вемикъ,—и потомъ отправляйтесь на него и бросьте ваши деньги въ Темзу, съ средней арки, и вы узнаете конецъ. Услужите другу деньгами, пожалуй, вы также узнаете конецъ; но тутъ онъ будетъ далеко не такъ пріятель и не такъ выгоденъ.

Онъ такъ разинулъ свою ротъ, проговоривъ эту рѣчь, что я могъ бы бросить въ него газету, какъ въ почтовый ящикъ.

— Это очень обезкураживаетъ меня сказалъ я.

— Таково и было мое намѣреніе, сказалъ Вемикъ.

— Такъ ваше мнѣніе, спросилъ я съ нѣкоторымъ негодованіемъ,—что человекъ никогда не долженъ....

— Помѣщать свою движимую собственность въ пріятель? сказалъ Вемикъ. — Конечно не долженъ. Развѣ пожалуй кто намѣренъ отдѣлаться отъ своего пріятеля, но въ такомъ случаѣ является вопросъ, сколько можетъ стоить это избавленіе.

— И это ваше рѣшительное мнѣніе, мистеръ Вемикъ? сказалъ я.

— Это мое рѣшительное мнѣніе здѣсь въ конторѣ, отвѣчалъ онъ.

— А! сказалъ я, приступая къ нему, потому что, мнѣ казалось, тутъ была лазѣйка: — не будете ли вы того же мнѣнія въ Волвертъ?

— Мистеръ Пипъ, отвѣчалъ онъ съ важностью:—Волвертъ—одно мѣсто, контора—другое. Точно такъ же старикашка одно

лицо, мистеръ Джагерсъ—другое. Смѣшивать ихъ не должно. О моихъ волвертскихъ чувствахъ спрашивайте меня въ Волвертъ, но въ конторѣ вы услышите отъ меня только конторскія мнѣнія.

— Очень хорошо, сказала я съ облегченнымъ сердцемъ.—Въ такомъ случаѣ, я приду повидаться съ вами въ Волвертъ; въ этомъ можете вы быть увѣрены.

— Мистеръ Пишъ, отвѣчалъ онъ,—мнѣ васъ всегда пріятно тамъ видѣть, какъ добраго знакомаго.

Вся эта бесѣда происходила въ полголоса; мы хорошо знали, что слухъ у моего опекуна былъ необыкновенно тонкій. Въ это время онъ показался въ отворенную дверь, съ полотенцемъ въ рукахъ. Вемикъ надѣлъ свой сюртукъ и сталъ наготовѣ, чтобы погасить свѣчки. Мы всѣ трое вмѣстѣ вышли на улицу; но Вемикъ пошелъ своею дорогою, а мы съ мистеромъ Джагерсомъ повернули въ нашу сторону.

Нѣсколько разъ въ этотъ вечеръ у меня являлось желаніе, чтобъ у мистера Джагерса, въ Джерардъ-стритѣ, былъ старикашка или трескотуха, или что-нибудь, или кто-нибудь, чтобы хоть немного прояснилось его лицо. Грустно было подумать, на двадцать первую годовщину рожденія, что едва ли стоитъ достигать совершеннолѣтія въ такомъ подозрительномъ мірѣ, какимъ онъ представлялъ его. Онъ былъ въ тысячу разъ умнѣе и образованнѣе Вемика, а все-таки мнѣ было бы въ тысячу разъ пріятнѣе обѣдать съ Вемикомъ нежели съ нимъ. Мистеръ Джагерсъ производилъ не на одного меня такое грустное впечатлѣніе: когда онъ ушелъ, Гербертъ сказалъ про себя, уставивъ свои глаза на огонь, что ему казалось, будто онъ сдѣлалъ какое-то забытое имъ самимъ уголовное преступленіе: такое онъ чувствовалъ уныніе и безпокойство.

### XXXVII.

Полагая, что воскресенье самый лучший день спросить у мистера Вемика его волвертское мнѣніе, я въ слѣдующее же воскресенье предпринялъ странствіе въ его замокъ. Подходя къ стѣнамъ его, я увидѣлъ развѣвающійся флагъ Великобритавіи и поднятый подъемный мостъ; но не смущаясь нисколько этимъ гордымъ видомъ сопротивленія, я позвонилъ у калитки, и меня впустилъ старикашка самымъ мирнымъ образомъ.

— Мой сынъ, сэръ, сказалъ старикъ, подымая мостъ,—думалъ, что вы, можетъ-статься, пожалуете сегодня, и наказалъ передать вамъ, что онъ скоро вернется домой съ своей прогулки. Мой сынъ очень исправенъ касательно срока своихъ прогулокъ. Во всемъ очень исправенъ мой сынъ.

Я кивнулъ старику, какъ только могъ кивнуть ему самъ Вемякъ, и мы вошли въ комнату и расположились у огня.

— Вы познакомились съ моимъ сыномъ, сэръ, сказалъ старикъ, щебеча словно птичка и грѣя свои руки на пламени,—я полагаю, въ его конторѣ.

Я кивнулъ.

— А! Я слышалъ, сэръ, мой сынъ удивительный дѣлецъ?

Я кивнулъ сильно.

— Да, мнѣ всё говорятъ такъ. Вѣдь онъ занимается судебными дѣлами?

Я кивнулъ еще сильнѣе.

— Это еще тѣмъ удивительнѣе въ моемъ сынѣ, что его готовили не въ законники, а въ купоры.

Любопытствуя знать, въ какой степени была извѣстна старому джентльмену репутація мистера Джагерса, я проревѣлъ ему это имя. Онъ привелъ меня въ совершенное смущеніе, захохотавъ отъ души и отвѣтивъ мнѣ очень живымъ тономъ:

— Конечно нѣтъ, вы совершенно правы.

И до сего часа я не имѣю ни малѣйшаго понятія что онъ разумѣлъ, или какую шутку показалось ему я отпустилъ.

Такъ, какъ я не могъ все время сидѣть и кивать ему, не показывая желанія сколько-нибудь заинтересовать его; то я прокричалъ ему вопросъ, не занимался ли онъ самъ прежде купорскимъ дѣломъ. Повторяя это слово нѣсколько разъ съ необыкновенными усилиями и тыкая стараго джентльмена въ грудь, чтобы связать съ нимъ это слово, я наконецъ успѣлъ объяснить ему мою мысль.

— Нѣтъ, сказалъ старый джентльменъ,—упаковка, упаковка въ амбарахъ... Сначала тамъ...—Старикъ повидимому указывалъ на трубу; но я полагаю онъ разумѣлъ Ливерпуль.—А потомъ здѣсь въ Лондонскомъ Сити. Но у меня одинъ недостатокъ:—тугъ на ухо, сэръ.

Я выразилъ жестомъ необыкновенное удивленіе.

— Да, тугъ на ухо; такъ когда немощь эта усилилась, мой сынъ и пошелъ по судопроизводству, взялъ меня на свои руки и устроилъ мало-по-малу это олавное имѣніе. Но возвра-

щаясь къ тому, что вы, помните, говорили давеча, продолжалъ старикъ, заливаясь хохотомъ, — то разумѣется, я вамъ скажу: нѣтъ, вы совершенно правы.

При моей скромности, я удивлялся стало ли бы у меня умѣнья сказать ему что-нибудь и въ половину столь забавное, какъ эта воображаемая шутка; но меня вдругъ вывелъ изъ моего раздумья неожиданный трескъ въ стѣнѣ по одну сторону камина, на которой появилась, какъ привидѣніе, деревянная дощечка съ надписью *Джонъ*. Старикъ, слѣдившій за моими глазами, закричалъ съ необыкновеннымъ торжествомъ: «мой сынъ воротился», и мы отправились оба къ подъемному мосту.

Право стоило деньги заплатить, чтобы только видѣть, какъ Вемикъ посылая мнѣ поклонъ съ другой стороны рва, когда мы могли бы очень свободно пожать черезъ него другъ другу руку. Старикашка былъ такъ радъ случаю опустить мостъ, что я не предлагалъ ему помочь и стоялъ спокойно, пока Вемикъ не перешелъ черезъ мостъ и не представилъ меня миссъ Скифинсъ, дамѣ, бывшей съ нимъ.

Миссъ Скифинсъ имѣла деревянную физиономію, которая, какъ и у ея кавалера, служила по почтовой части. Она можетъ-быть была двумя или тремя годами моложе Вемика, и, мнѣ казалось, она обладала движимою собственностью. Покрой ея платья отъ талии къверху, спереди и сзади, придавалъ ея фигурѣ форму ромбоида, и я могъ бы еще упомянуть, что ея платье было слишкомъ яркаго оранжеваго цвѣта, и зеленый цвѣтъ перчатокъ былъ такъ же чрезчуръ яркъ. Но она, казалось, вообще была добрая женщина и показывала большое вниманіе къ старикашкѣ. Я вскорѣ открылъ, что она была частою посѣтительницей замка; потому что когда я расхваливалъ Вемику его удивительную выдумку извѣщать старикашку о своемъ прибытіи, онъ попросилъ меня обратить мое вниманіе на другую сторону камина и самъ исчезъ. Вдругъ послышался опять трескъ, и появилась другая дощечка съ надписью: «миссъ Скифинсъ;» потомъ миссъ Скифинсъ скрылась, и появился Джонъ, потомъ миссъ Скифинсъ и Джонъ явились вмѣстѣ, и въ заключеніе вмѣстѣ пропали. Когда возвратился Вемикъ, приводившій въ дѣйствіе этотъ механизмъ, я выразилъ большое удивленіе его механическому таланту, и онъ сказалъ:

— Знаете, это очень пріятно и полезно для старикашки, и повѣрите ли, сэръ, клянусь честью, объ этомъ стоить упомянуть;

секретъ этого механизма извѣстенъ только старикашнѣ, миссъ Скиффинсъ и мнѣ.

— И мистеръ Вемикъ, прибавила миссъ Скиффинсъ, — устроилъ все это самъ, своими руками, изъ своей головы.

Пока миссъ Скиффинсъ снимала свою шляпу (но зеленыхъ перчатокъ она не скидала: онѣ пребывали внѣшнимъ и видимымъ знакомъ, что она была въ гостяхъ), Вемикъ пригласилъ меня пройтись по саду и посмотрѣть на островъ, каковъ онъ былъ въ зимнее время. Полагая, что онъ сдѣлалъ это съ намѣреніемъ, чтобы дать мнѣ случай спросить у него о его вальвертскомъ мнѣніи, я воспользовался этимъ случаемъ сейчасъ же, какъ только мы вышли изъ замка.

Обдумавъ хорошо это дѣло, я рѣшился начать его съ самаго начала, какъ будто я никогда прежде не заводилъ о немъ рѣчи. Я объявилъ Вемику, что я принимаю особенное участіе въ Гербертъ Покетъ, и рассказалъ ему какъ мы въ первый разъ встретились съ нимъ и какъ мы подрались. Я описалъ слегка домашнюю жизнь Герберта и его характеръ, и что онъ не имѣлъ никакихъ средствъ кромѣ того, что давалъ ему отецъ. Я намекнулъ, какія выгоды доставило мнѣ его сообщество въ первое время, когда я былъ грубый, невоспитанный мальчикъ, и сознавался, что я ему за нихъ худо отплатилъ, что ему было бы лучше безъ меня и безъ моихъ блистательныхъ ожиданій. Оставляя миссъ Гевишамъ въ сторонѣ, я все-таки намекнулъ, что можетъ-быть я былъ его соперникомъ и выставилъ на видъ какая у него благородная душа, какъ онъ былъ всегда выше подлой недовѣрчивости, мщенія и интригъ.—По всѣмъ этимъ причинамъ (говорилъ я Вемику) и также потому что онъ былъ мой товарищъ и другъ и я очень любилъ его, я бы желалъ, чтобы мое собственное счастье пролило на него нѣсколько свѣтлыхъ лучей, а потому я и просилъ Вемика, полагаясь на его опытность и знаніе дѣлъ и людей, дать мнѣ совѣтъ, какъ бы лучше съ моими средствами помочь Герберту и доставить ему на первое время доходъ, примѣрно, во сто фунтовъ, чтобы поднять его духъ, и потомъ купить ему небольшой пай въ какомъ-нибудь торговомъ домѣ. Въ заключеніе я замѣтилъ Вемику, что Гербертъ не долженъ ничего знать и даже подозрѣвать о моемъ намѣреніи помочь ему, и что онъ, Вемикъ, единственный человекъ, который могъ подать мнѣ въ этомъ случаѣ совѣтъ. Я окончилъ, положивъ ему руку на плечо, слѣдующими словами:— Я рѣшительно полагаюсь на васъ, хотя и знаю, что это можетъ

затруднить васъ; но сами вы виноваты, что принимаете меня здѣсь.

Вемикъ помолчалъ съ минуту и потомъ сказалъ залпомъ:

— Знаете, мистеръ Пипъ, я вамъ скажу одно: вѣдь это дьявольски хорошее дѣло съ вашей стороны.

— Такъ общайте же, что вы поможете мнѣ устроить это доброе дѣло, сказалъ я.

— Ей Богу, отвѣчалъ Вемикъ, покачивая головой,—это не по моей части.

— Да вѣдь здѣсь вы и не занимаетесь вашей частью, сказалъ я.

— Совершенная правда, отвѣчалъ онъ,—вы теперь прямо попали гвоздю по шляпкѣ. Мистеръ Пипъ, я подумаю. Я полагаю, все что вы хотите сдѣлать, можетъ быть сдѣлано только постепенно. Скиффинсъ—это вотъ братъ ея—счетчикъ и факторъ; я повидаюсь съ нимъ, и мы поведемъ вмѣстѣ это дѣло для васъ.

— Десять тысячъ разъ спасибо вамъ.

— Напротивъ, сказалъ онъ,—я благодарю васъ, потому что хотя мы здѣсь подомашнему и попріятельски, но уномянуть можно, что на свѣтѣ есть ньюгетская паутина, а вотъ такое дѣло сметаетъ паутину.

Поговоривъ еще немного о томъ же предметѣ, мы вернулись въ замокъ, гдѣ миссъ Скиффинсъ готовила чай. Трудная обязанность дѣлать тосты<sup>1</sup> была возложена на старикашку, и этотъ отличный старый джентльменъ до того углубился въ свое дѣло, что мнѣ казалось онъ былъ въ опасности вытопить свои глаза. Трапеза, къ которой мы теперь готовились, была не призракъ, а очень могущественная дѣйствительность. Старикашка наготовилъ цѣлую грудю масляныхъ тостовъ, изъ-за которой я едва могъ видѣть его, когда ее поставили на желѣзной подставкѣ, прикрѣпленной къ верхней полосѣ рѣшетки камня. Миссъ Скиффинсъ съ своей стороны наварила цѣлый ушатъ чаю; такъ что даже свинья на заднемъ дворѣ пришла въ восторгъ и нѣсколько разъ выражала свое желаніе принять участіе въ этомъ угощеніи.

Флагъ былъ спущенъ; пушка выпалила въ урочное время; и я чувствовалъ я былъ такъ пріятно отрѣзанъ отъ прочаго вальвертскаго міра, какъ будто раздѣлявшій насъ ровъ былъ тридцати футовъ въ глубину и ширину. Ничто не возмущало спокойствія замка, кромѣ случайныхъ появленій дере-

<sup>1</sup> Поджаренные ломти хлѣба, намазанные масломъ.



вянныхъ дощечекъ съ именами Джонъ и миссъ Скифинсъ: эти дощечки казалось были добычею какого-то недуга въ родѣ спазмъ, что по сочувствію отдавалось и на мнѣ, пока я наконецъ не привыкъ къ этому. Судя по необыкновенно методическимъ приемамъ миссъ Скифинсъ, заключилъ, что она дѣлала здѣсь чай каждое воскресенье вечеромъ; я подозрѣвалъ также, что бывшая на ней классическая брошка, представлявшая профль очень непріятной женщины съ прямымъ носомъ и новый мѣсяцъ, была движимая собственность, подаренная ей Вемикомъ.

Мы съѣли все тосты, выпили соразмѣрное количество чаю, и пріятно было посмотрѣть на насъ, какъ намъ послѣ этого было тепло и какія мы стали масляные. Особенно старикашку можно было бы выдать за чистенькаго престарѣлаго вожди какого-нибудь дикаго племени, только что вымазаннаго масломъ.

Послѣ короткой паузы отдохновенія, миссъ Скифинсъ, за отсутствіемъ маленькой служанки, которая по воскресеньямъ, кажется, удалялась въ нѣдра своего семейства, вымыла чашки съ полушутливымъ видомъ бырыни, дѣлающей это для забавы, не компрометируя тѣмъ никого изъ насъ. Потомъ она опять надѣла свои перчатки; мы уселись къ огню; и Вемикъ сказалъ:

— Ну, престарѣлый родитель, потѣшите-ка насъ газетой.

Вемикъ объяснилъ мнѣ, пока старикашка доставала очки, что такъ было заведено у нихъ и что старому джентльмену доставляло чрезвычайное удовольствіе читать газету вслухъ.— Я не прошу вашего снисхожденія: у него такъ мало удовольствій. Не правда ли, престарѣлый родитель?

— Все готово, Джонъ, все готово, отвѣчалъ старикъ, видя, что съ нимъ говорить.

— Только кивайте ему по временамъ, когда онъ взглянетъ на васъ, сказалъ Вемикъ,—и онъ будетъ счастливъ, какъ король. Мы все готовы слушать, престарѣлый.

— Все готово, Джонъ, все готово, отвѣчалъ старикъ, съ такимъ удовольствіемъ и съ такимъ занятымъ видомъ, что право было либо посмотрѣть.

Чтеніе старикашки напомнило мнѣ мое ученіе у бабки мистера Вопеля, съ тою только пріятною разницею, что оно какъ-будто доходило черезъ замочную скважину. Онъ совершенно придвинулъ къ себѣ свѣчки, и каждую минуту могъ наткнуться на нихъ головой, или поджечь газету, такъ что за нимъ нужно было также тщательно смотрѣть, какъ за порохо-

вымъ магазиномъ. Но Вемикъ съ неутомимою нѣжностію слѣдилъ за нимъ, и старикашка читаль, не подозрѣвая сколько разъ его спасали. Каждый разъ какъ онъ на насъ поглядываль, мы обнаруживали необыкновенный интересъ и удивленіе, и кивали ему, пока онъ снова не принимался за газету.

Вемикъ и миссъ Скифинсъ сидѣли рядомъ, а я былъ въ темномъ углу, и замѣчалъ какъ ротъ мистера Вемика медленно и постепенно удлинялся, и въ то же время рука его также медленно и постепенно заходила около талии миссъ Скифинсъ. Я видѣлъ какъ рука его показалась по другую сторону миссъ Скифинсъ; но въ ту же минуту миссъ Скифинсъ ловко остановила его своею зеленою перчаткой, вытащила его руку, какъ будто она была часть ея туалета, и съ необыкновенною твердostí положила ее передъ собою на столъ. Спокойствіе, съ которымъ миссъ Скифинсъ сдѣлала это, было поразительно; подобнаго ничего я не видываль, и еслибъ я могъ представить себѣ возможность такого дѣйствія безъ всякаго участія сознанія, то я подумаль бы, что миссъ Скифинсъ исполняла его механически.

Немного погодя, я замѣтилъ, что рука мистера Вемика опять начала исчезать и постепенно скрылась изъ виду. Вскорѣ послѣ этого ротъ его снова началъ расширяться, и послѣ промежутка съ моей стороны весьма напряженнаго и тягостнаго ожиданія, я увидѣлъ его [рука появилась по другую сторону миссъ Скифинсъ. Въ одну минуту миссъ Скифинсъ остановила ее со всею ловкostí спокойнаго боксера, сняла этотъ живой поясъ какъ и прежде, и положила его на столъ. Принимая, что столъ представлялъ здѣсь путь добродѣтели, я могу сказать, что въ продолженіе всего чтенія старикашки, рука Вемика безпрепятственно отдалялась отъ пути добродѣтели, на который постоянно наводила ее миссъ Скифинсъ.

Наконецъ старикашка убѣюкалъ себя чтеніемъ. Тогда Вемикъ принесъ небольшой чайникъ, поднось съ стаканами и черную бутылку съ форофоровою пробкой, которая была похожа на почтеннаго каноника съ цвѣтущею физиономіей и благодушными манерами. При помощи этихъ аппаратовъ, намъ всѣмъ дали тепленькаго напитка, не исключая и старикашки, который вскорѣ проснулся. Миссъ Скифинсъ готовила питье; и я замѣтилъ, что она съ Вемикомъ пила изъ одного стакана. Разумѣется, я не предложилъ миссъ Скифинсъ проводить ее домой и, при такихъ обстоятельствахъ, я счелъ за лучшее уйти

первому, что я и сбѣлалъ, простившись дружески съ старикашкою и проведя очень пріятный вечеръ.

Недѣлю спустя, я получилъ записку отъ Вемика, помѣченную изъ Вальверта, въ которой онъ сообщалъ мнѣ, что онъ успѣлъ подвинуть дѣло, касающееся нашихъ частныхъ и личныхъ отношеній, и что ему будетъ очень пріятно, если я приду повидаться съ нимъ. Итакъ я отправился въ Вальвертъ, который мнѣ пришлось посѣтить еще разъ, и еще разъ, и наконецъ еще разъ по этому случаю, а также, по назначенію Вемика, я имѣлъ съ нимъ нѣсколько свиданій въ Сити; но никогда не было у меня съ нимъ совѣщаній объ этомъ дѣлѣ въ Литль-Бритенѣ. Въ заключеніе всего, мы нашли достойнаго молодаго купца или рабельнаго маклера, недавно начавшаго торговлю, которому нуженъ былъ добрый помощникъ и прибавка къ капиталу, и которому со временемъ могъ понадобится партнеръ. Мы заключили съ нимъ тайное условіе, которое обезпечивало судьбу Герберта; я заплатилъ половину моихъ пятисотъ фунтовъ, и обѣщался вносить другіе платежи въ опредѣленные сроки. Братъ миссъ Скифинсъ велъ переговоры, но Вемикъ былъ душою ихъ, хотя онъ и не показывался лично.

Все дѣло было такъ ловко обработано, что Гербертъ не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія о моемъ участіи въ немъ. Я никогда не забуду, съ какимъ сіяющимъ лицамъ вернулся онъ разъ домой, и объявилъ мнѣ, какъ удивительную новость, что онъ сошелся съ однимъ господиномъ Кларикеромъ (это было имя молодаго купца), что Кларикеръ необыкновенно заинтересовался имъ, и что наконецъ-то карьера повидимому открывается передъ нимъ. По мѣрѣ того какъ надежды его осуществлялись, онъ долженъ былъ все болѣе и болѣе убѣждаться въ моемъ дружескомъ сочувствіи; потому что я едва могъ удерживаться отъ слезъ видя какъ онъ былъ счастливъ. Наконецъ дѣло было окончено; онъ вступилъ въ контору Кларикера, и въ тотъ вечеръ онъ говорилъ мнѣ съ такимъ восторгомъ о своемъ успѣхѣ, что я, ложась спать, дѣйствительно заплакалъ отъ удовольствія, видя, какъ мои большія ожиданія очастливили хоть одного человѣка.

Теперь открывается передо мною великое событіе въ моей жизни, давшее ей совершенно другой оборотъ. Но прежде нежели я стану описывать его и перейду къ перемѣнамъ, которыя оно произвело, я долженъ посвятить одну главу Эстеллѣ. Кажется, это немного для предмета, наполнявшаго такъ долго мое сердце.

XXXVIII.

Если чей-нибудь духъ долженъ водвориться въ этомъ старомъ, чопорномъ домѣ на ричмондскомъ пустырьѣ, послѣ моей смерти, то это конечно будетъ мой духъ. О, столько, столько ночей и дней моя безпокойная душа переносилась въ этотъ домъ, когда въ немъ жила Эстелла! Гдѣ бы ни находилось мое тѣло, душа моя никогда, никогда не покидала этого дома.

Леди, съ которою жила Эстелла, мистриссъ Брандле, была вдова; у нея была одна дочь, нѣсколькими годами старше Эстеллы. Мать была моложавая, дочь старообраза; у матери былъ розовый цвѣтъ лица, у дочери—желтый; мать увлекалась свѣтомъ, дочь занималась богословіемъ. Онѣ были, какъ говорится, въ хорошемъ положеніи, выѣзжали въ свѣтъ, и принимали у себя. Между ними и Эстеллою было мало сочувствія; но онѣ хорошо понимали, что онѣ были необходимы для нея, а она была необходима для нихъ. Мистриссъ Брандле была пріятельницею миссъ Гевисамъ еще прежде нежели та удалилась отъ свѣта.

Въ домѣ мистриссъ Брандле, точно такъ же, какъ и внѣ этого дома, я выстрадалъ всевозможныя пытки, которымъ Эстеллѣ было угодно подвергать меня. Свойство моихъ отношеній,—эта короткость безъ особаго предпочтенія,—приводило меня въ отчаяніе. Она пользовалась мною, чтобы дразнить другихъ своихъ обожателей, и обращала самую фамилярность, бывшую между нами, на то чтобы постоянно издѣваться надъ моею любовью къ ней. Еслибъ я былъ ея секретаремъ, управляющимъ, братомъ отъ другаго отца или матери, бѣднымъ родотвенникомъ, наконецъ меньшимъ братомъ ея будущаго мужа; то и тогда, мнѣ казалось, я не могъ бы считать себя ближе къ осуществленію моихъ надеждъ чѣмъ теперь, когда я былъ всего ближе къ ней. Мы называли другъ друга просто по имени, и право это, при данныхъ обстоятельствахъ, еще увеличивало мою муку; очень вѣроятно, что оно приводило въ изступленіе многихъ ея обожателей, но я знаю навѣрное, что меня оно рѣшительно еводило съ ума.

Поклонниковъ у нея было безъ конца. Нѣтъ сомнѣнія, моя ревность признавала обожателя въ каждомъ, кто только под-

ходилъ къ ней; но ихъ было болѣе чѣмъ довольно и безъ этого.

Я часто видалъ ее въ Ричмондѣ, часто слышалъ про нее въ Лондонѣ, и часто каталъ ее и ея хозяекъ на лодкѣ. Не было числа пикникамъ, праздникамъ, концертамъ, вечеринкамъ, удовольствіямъ всякаго рода, среди которыхъ я преслѣдовалъ ее и которые всѣ обращались въ муку для меня. Я не провелъ ни одного счастливаго часа въ ея обществѣ; а несмотря на то, мой умъ поцѣлымъ суткамъ мечталъ о блаженствѣ жить съ ней до самой смерти.

Во все это время — оно тянулось довольно долго, какъ я думалъ тогда—она постоянно принимала тонъ, показывавшій, что намъ насильно навязали наши отношенія. Иногда она перерывала этотъ тонъ и равные другіе свои тоны, и казалось жалѣла меня.

— Пипъ, Пипъ, сказала она мнѣ въ одинъ вечеръ, именно когда она была въ такомъ расположеніи, и мы сидѣли у окна въ Ричмондѣ:—вы никакъ не хотите остеречься?

— Чего?

— Меня.

— Чтобы не увлечься вами, то ли вы разумѣете, Эстелла?

— То ли я разумѣю! Вы значить слѣпы, если не догадываетесь, чѣмъ я разумѣю.

У меня было на языкѣ, что любовь всегда слѣпа, но я не рѣшился сказать это; меня всегда останавливало чувство, которое было не послѣднимъ для меня несчастіемъ, что не великодушно было бы съ моей стороны навязываться ей, когда она не могла выбирать, а должна была повиноваться миссъ Гевиншамъ. Я всегда боялся, что это сознаніе ставило меня въ невыгодное положеніе предъ лицомъ ея гордости, и дѣлало меня предметомъ мятежной борьбы въ ея сердцѣ.

— По крайней мѣрѣ теперь, сказалъ я,—я не получилъ никакого предостереженія, потому что на этотъ разъ вы сами написали мнѣ, чтобъ я пришелъ къ вамъ.

— Это правда, сказала Эстелла съ холодною безпечною улыбкою, которая всегда обдавала меня холодомъ.

Посмотрѣвъ въ окно съ минуту, она продолжала:

— Миссъ Гевиншамъ желаетъ, чтобъ я пріѣхала къ ней въ Сатисъ на день. Вы меня отвезете туда и привезете назадъ, если хотѣте. Она не хочетъ, чтобъ я ѣхала одна или брала съ

собою мою дѣвушку; она боится стать предметомъ толковъ для этихъ людей. Можете вы меня взять съ собою?

— И вы это спрашиваете, Эстелла?

— Значить, вы можете? Сдѣлайте же одолженіе, послѣ завтра. Вы должны заплатить всѣ издержки изъ моего кошелька. Слышите, только на этомъ условіи вы ѣдете со мною.

— Я долженъ повиноваться.

Этимъ ограничивалось все приготовленіе мое къ этой поѣздкѣ; вообще всегда такъ приготовлялся я къ этимъ поѣздкамъ; миссъ Гевишамъ никогда не писала ко мнѣ, я даже ни разу не видалъ ея почерка. Черезъ день мы отправились, и мы нашли ее въ той же самой комнатѣ, гдѣ я увидѣлъ ее въ первый разъ; излишне было бы прибавлять здѣсь, что въ Сатисъ-Хаусѣ ничего не измѣнилось.

Любовь ея къ Эстеллѣ теперь представлялась мнѣ еще ужаснѣе нежели въ послѣдній разъ, когда я видѣлъ ихъ вмѣстѣ; да, ужаснѣе, я съ намѣреніемъ повторяю это слово; потому что въ ея взглядахъ, въ ея поцѣлуяхъ было положительно что-то страшное. Она впивалась въ красоту Эстеллы, впивалась въ ея слова, впивалась въ ея движенія, и сидѣла, кусая свои пальцы, и глядѣла на нее какъ будто она пожирала это прекрасное созданіе, воспитанное ею.

Она посмотрѣла потомъ на меня такимъ испытующимъ взглядомъ, который, казалось, проникъ въ самое мое сердце и заглянулъ въ его раны.

— Ну, какъ она съ вами, Пипъ, какъ она съ вами? спросила она меня съ какою-то жадностью вѣдьмы, даже въ присутствіи самой Эстеллы.

Но когда мы расположились вечеромъ вокругъ огня: она была еще болѣе похожа на зловѣщую вѣдьму. Взявъ Эстеллу подъ руку и сжавъ ея руку, она разспрашивала ее, ссылаясь на прежнія письма, которыя, Эстелла мнѣ говорила, она постоянно писала ей объ именахъ и положеніи ея поклонниковъ; миссъ Гевишамъ слушивала этотъ списокъ съ напряженіемъ больнаго, смертельно пораженнаго ума, опершись другою рукою и подбородкомъ на костыль, и ея помертвѣлые большіе глаза сверкали на меня—совершенный призракъ.

Я видѣлъ теперь, хотя это дѣлало меня несчастнымъ и пробуждало во мнѣ горькое чувство зависимости и униженія, я видѣлъ теперь, что Эстелла предназначена была отгнать

всѣмъ мушцинамъ за миссъ Гевишамъ, и что она доставалась мнѣ не прежде, какъ когда она вполнѣ удовлетворитъ этому чувству. Я видѣлъ также тогда, почему она была напередъ назначена мнѣ. Пуская ее въ свѣтъ чтобы завлечь мушцимъ и дѣлать зло, миссъ Гевишамъ поступала такъ съ лукавою увѣренностію, что Эстелла останется недоступна своимъ поклонникамъ и что всякій, кто поставитъ кушъ на эту карту, непременно проиграетъ. Я видѣлъ, что и я былъ жертвою той же пытки, хотя въ концѣ концовъ призъ долженъ былъ остаться за мною. Я видѣлъ здѣсь, почему меня отодвигали на такой неопредѣленный срокъ, почему мой опекунъ не открывался мнѣ, что ему извѣстенъ весь этотъ планъ. Короче, я видѣлъ здѣсь вполнѣ миссъ Гевишамъ, какою она представлялась въ то время и всегда моимъ глазамъ; я видѣлъ во всемъ этомъ рѣзкую тѣнь темнаго нездороваго дома, въ которомъ жизнь ея была спрятана отъ солнца.

Свѣчи, освѣщавшія эту комнату, были вставлены въ стѣнные канделябры; онѣ были слишкомъ высоко отъ пола и горѣли со всею тускlostью искусственнаго свѣта, среди воздуха рѣдко возобновляемаго. Я посмотрѣлъ вокругъ себя на блѣдную мглу, которую оставлялъ этотъ свѣтъ, на остановившіеся часы, на истлѣвшія принадлежности свадебнаго туалета, разбросанныя по столу и по полу, на ея страшную фигуру, отражавшуюся отъ огня страшною тѣнью на потолокъ и стѣнахъ, и во всемъ этомъ я видѣлъ идею, построенную моимъ умомъ, которая повторялась вездѣ и отасюду отбрасывалась на меня обратно. Мысли мои перенеслись въ большую комнату, по ту сторону сѣней, гдѣ стоялъ накрытый столъ, и я видѣлъ ту же идею моего ума, ясно написанную и въ паутинѣ, падавшей съ подноса и въ слѣдахъ пауковъ, ползавшихъ по скатерти, и въ слѣдахъ мышей, прятавшихся съ своими трепещущими сердчишками за панелями, и въ медленныхъ, лѣнивыхъ движеніяхъ таракановъ на полу.

Въ это посѣщеніе между миссъ Гевишамъ и Эстеллой вышелъ очень серьезный разговоръ. Это было первое несогласіе, которое я видѣлъ между ними.

Мы сидѣли у огня, какъ я сейчасъ описалъ: миссъ Гевишамъ продолжала держать Эстеллу за руку, но та начала постепенно высвобождаться отъ нея. Она уже нѣсколько разъ обнаруживала гордое нетерпѣніе и, казалось, скорѣе выносила стра-

детально ея дикую любовь нежели принимала ее съ призна- тельностію.

— Что, сказала миссъ Гевишамъ, засверкавъ на нее гла- зами:—надоѣла я вамъ?

— Нѣтъ, я сама себя наскучила, отвѣчала Эстелла, выво- бождая свою руку и отодвигаясь къ камину, у котораго она остановилась, смотря на огонь.

— Говорите правду, неблагодарная! закричала миссъ Гави- шамъ съ сердцемъ, ударяя костылемъ по полу:—надоѣла я вамъ?

Эстелла взглянула на нее съ совершеннымъ спокойствіемъ и опять стала смотрѣть на огонь. Ея граціозная фигура и прекрасное лицо выражали такое полное равнодушіе къ дикой горячкѣ миссъ Гевишамъ, что оно казалось даже жестокииъ.

— Камень, деревяшка, воскликнула миссъ Гевишамъ,—хо- лодное, безчувственное сердце!

— Какъ? сказала Эстелла, сохраняя прежнюю равнодушную позу, опершись на консоль, и только повернувъ свои глаза— вы упрекаете меня въ холодности? Вы? .

— Развѣ это неправда? отвѣтила она запальчиво.

— Вы бы должны были знать это, сказала Эстелла.—Я такова, какою вы меня сдѣлали. Берите себя похвалы и всѣ порицанія; берите себя успѣхъ и неудачу; короче сказать, берите меня, я ваше созданье.

— Посмотрите, посмотрите на нее, закричала миссъ Геви- шамъ съ горечью.—Посмотрите на нее, какъ она неблагодарна и жестока, и гдѣ же? у этого самаго очага, гдѣ я вырастила ее! Здѣсь я пригрѣла ее, у этой жалкой груди, еще сочи- вшей кровь изъ своихъ ранъ. Здѣсь я расточала на нее мою нѣжность столько лѣтъ!

— Я по крайней мѣрѣ не участвовала въ этомъ договорѣ, сказала Эстелла,—потому что я едва могла ходить и лепетать, когда онъ былъ сдѣланъ. Но чего вы хотите? Вы были очень добры ко мнѣ, и я обязана вамъ всѣмъ. Чего вы требуете отъ меня?

— Любви, отвѣчала та.

— Я васъ люблю.

— Нѣтъ, сказала миссъ Гевишамъ.

— Названная мать моя, отвѣчала Эстелла, не измѣняя сво- ей граціозной позы, ни разу не возвышая своего голоса, какъ это дѣлала миссъ Гевишамъ, не увлекаясь ни гнѣвомъ,



ми нѣжностью, — названная мать моя, я уже сказала, что я обязана вамъ всемъ. Все что я имѣю — ваше. Все, что вы мнѣ дали, можете вы взять назадъ. Кромѣ этого, я ничего не имѣю, и если вы требуете чтобъ я вамъ дала то, чего вы никогда не давали мнѣ, то моя благодарность и чувство долга не могутъ же сдѣлать невозможное.

— Развѣ я не отдала ей мою любовь? закричала миссъ Гевишамъ, въ иступленіи обращаясь ко мнѣ. — Развѣ я ей не отдала мою пламенную любовь, нераздѣльную съ ревностью и страшною мукой, а она вотъ какъ говорить со мною. Пусть она называетъ меня безумною, пусть ее!

— Къ какой стати буду я звать васъ безумною, отвѣчала Эстелла: — знаетъ ли кто, хоть на половину такъ хорошо, какъ я, ту цѣль, которую вы себѣ положили? Знаетъ ли кто-нибудь, хоть на половину такъ хорошо какъ я, какая у васъ крѣпкая память? Я вотъ сидѣла у этого самаго камина, на этой самой скамеечкѣ, что подлѣ васъ, внимая вашимъ наставленіямъ и смотря вамъ въ лицо, которое казалось мнѣ тогда страннымъ и пугало меня!

— Скоро все это забылось! простонала миссъ Гевишамъ.

— Скоро забылось то время!

— Нѣтъ не забылось, отвѣчала Эстелла. — Нѣтъ не забылось, но какъ сокровище сохранено въ моей памяти. Когда измѣняла я вашему ученію? Когда не слѣдовала вашимъ наставленіямъ? Когда открывала я это сердце (и она прикоснулась къ своей груди) для чувства, которое вы исключали? Будьте справедливы ко мнѣ.

— Какая гордая, какая гордая! простонала миссъ Гевишамъ, отбрасывая назадъ свои сѣдые волосы сбѣими руками.

— Кто училъ меня быть гордою? отвѣчала Эстелла. — Кто хвалилъ меня, когда я выучила этотъ урокъ.

— Какая жестокая, какая жестокая! простонала миссъ Гевишамъ, повторяя то же движеніе.

— Кто училъ меня быть жестокою? отвѣчала Эстелла. — Кто опять похваливалъ меня, когда я выучила этотъ урокъ?

— Но какъ же быть тебѣ гордою и жестокою со мною? почти заревѣла миссъ Гевишамъ, протягивая свои руки. — Эстелла, Эстелла, Эстелла, какъ же тебѣ быть гордою и жестокою со мною?

Эстелла посмотрѣла на нея минуту, съ видомъ спокойнаго

удивленія, но безъ малѣйшаго смущенія; минутоу спустя, она глядѣла опять на огонь.

— Я не могу представить себѣ, сказала Эстелла, подымая на нее свои глаза послѣ короткаго молчанія:—отчего вы такъ не разсудительны, когда я прѣзжаю повидаться съ вами послѣ разлуки. Я не забыла ни вашихъ страданій, ни причины ихъ. Я всегда оставалась вѣрна вамъ и вашему. ученію. Никогда не обнаружила я слабости, въ которой я могла бы упрекнуть себя.

— Развѣ это слабость платить мнѣ любовью за мою любовь? воскликнула миссъ Гевишамъ.—Да, да; пожалуй она и это скажетъ!

— Я начинаю думать, сказала Эстелла, послѣ другой минуты спокойнаго удивленія,—что я почти понимаю, какъ это вышло. Еслибы вы воспитали вашу названную дочь въ совершенномъ мракѣ, никогда не сказали бы ей, что есть такая вещь какъ свѣтъ Божій, и она ни разу не видала бы при немъ вашего лица, еслибы вы это сдѣлали, говорю я, и потомъ стали бы отъ нея требовать, чтобъ она понимала и знала что такое Божій свѣтъ, вы были бы точно также недовольны и разсержены?

Миссъ Гевишамъ захватила свою голову обѣими руками и сидѣла, стона и качаясь изъ стороны въ сторону, въ своемъ креслѣ, но не давала отвѣта.

— Или, сказала Эстелла,—чтобы представить подобіе еще ближе, еслибы вы постоянно учили ее съ тѣхъ поръ какъ она начала смыслить, что Божій свѣтъ дѣйствительно существуетъ, но что это врагъ ея, губитель, что она должна враждовать съ нимъ, потому что онъ сгубилъ васъ, а также сгубить и ее; еслибы вы это сдѣлали, говорю я, и потомъ потребовали бы отъ нея, чтобъ она полюбила Божій свѣтъ, и она не могла бы, вы были бы точно также недовольны и разсержены?

Миссъ Гевишамъ сидѣла, слушая (такъ мнѣ казалось, потому что я не могъ видѣть ея лица), но не давала отвѣта.

— И вотъ, сказала Эстелла,—я такова, какою вы меня сдѣлали. Успѣхъ не мой и неудача не моя, хотя и то и другое во мнѣ.

Миссъ Гевишамъ спустилась на полъ, уже я не знаю какъ, и сѣла поередѣ увиданныхъ остатковъ свадебнаго туалета, которыми онъ былъ устланъ. Я воспользовался этою минутою,—съ самаго

начала я ея искалъ, — чтобы выйти изъ комнаты и попросить Эстеллу движеніемъ руки обратить на старуху вниманіе. Когда я ушелъ, Эстелла еще оставалась у камина на прежнемъ мѣстѣ. Сѣдые волосы миссъ Гевишамъ были раскинуты на полу, между прочею свадебною ветошью; жалко было смотрѣть на нее.

Съ стѣненнымъ сердцемъ ходилъ я часа полтора подъ звѣзднымъ небомъ, по двору, около пивоварни и въ саду. Когда я наконецъ рѣшился вернуться въ комнату, я нашелъ Эстеллу сидѣла у ногъ миссъ Гевишамъ и подшивала лохмотья ея вѣнчальнаго платья, которое часто, въ послѣдствіи, напоминали мнѣ полинялыя обрывки старыхъ знаменъ, висящихъ въ соборахъ. Послѣ мы играли съ Эстеллою въ карты, какъ и въ прежнее время; только теперь мы были искуснѣе и играли во французскія игры. Такъ прошелъ вечеръ, и я отправился спать.

Я расположился въ отдѣльномъ строеніи, находившемся по ту сторону двора. Въ первый разъ я оставался на ночлегъ въ Сатисъ-Хаусѣ. Сонъ бѣжалъ меня. Меня преслѣдовала миссъ Гевишамъ. Она была по обѣимъ сторонамъ моей подушки, у изголовья постели, за полуотворенною дверью туалетной комнаты, въ самой туалетной комнатѣ, въ комнатахъ наверху, внизу, однимъ словомъ вездѣ. Наконецъ, когда ночь медленно приблизилась къ двумъ часамъ, я чувствовалъ, что я не могъ долѣе оставаться въ постелѣ. Я всталъ, одѣлся и отправился черезъ дворъ, въ длинный корридоръ, съ намѣреніемъ выйти на наружный дворъ и разгулять тамъ мою тоску. Но войдя въ корридоръ, я принужденъ былъ сейчасъ же потушить свѣчку; я увидѣлъ миссъ Гевишамъ, которая блуждала тутъ тихо стѣня. Я послѣдовалъ за ней въ нѣкоторомъ разстояніи, и видѣлъ, какъ она поднималась по лѣстницѣ. Въ рукахъ у нея была свѣчка безъ подсвѣчника, которую она вѣроятно вынула изъ стѣннаго кандебра въ своей комнатѣ, и при ея свѣтѣ казалась совершеннымъ привидѣніемъ. Стоя внизу лѣстницы, я чувствовалъ заплесневѣлый воздухъ банкетной комнаты, хотя и не видалъ, какъ она отворила ея дверь; я слышалъ, какъ она ходила тамъ и въ своей комнатѣ, все время не переставая стонать. Я было попробовалъ выбраться отсюда въ темнотѣ, но не могъ, пока не проникли сюда лучи разсвѣта и не указали мнѣ мою дорогу. Въ продолженіи всего этого вре-

мнѣ, каждый разъ какъ я подходилъ къ лѣтницѣ, я слышалъ ея шаги и ни на минуту не перестававшіе тихіе стоны.

На слѣдующій день размолвка между Эстеллой и миссъ Гевишамъ не возобновлялась, и вообще она не возобновлялась при подобныхъ случаяхъ, а этихъ случаевъ, сколько я помню, было четыре. Обращеніе миссъ Гевишамъ съ Эстеллою также ни въ чемъ не измѣнилось; только, мнѣ казалось, прежній характеръ его проникся чѣмъ-то похожимъ на страхъ.

Невозможно перевернуть эту страницу моей жизни, не записавъ на ней имени Бенгя Дремля, хотя для меня это очень неприятно.

Разъ какъ-то снигири наши собрались во множествѣ, и, по обыкновенію, никто ни съ кѣмъ не соглашался; ради единодушія, предѣлательствующій снигирь требовалъ возстановленія порядка въ Рошѣ, тѣмъ болѣе что мистеръ Дремль не предложилъ еще тоста за даму, а по законамъ нашего общества въ тотъ день выпадала очередь этому животному провозгласить этотъ тостъ. Мнѣ показалось, будто онъ какимъ-то гнуснымъ образомъ оскаливался на меня, когда графини ходили вокругъ, но это меня не задѣвало, потому что между нами особенной дружбы не было. Представьте же, каково было мое удивленіе, когда онъ предложилъ присутствующимъ выпить за здоровье «Эстеллы».

— Какой Эстеллы? сказалъ я.

— Про то ужъ я знаю, отвѣтилъ Дремль.

— Откуда эта Эстелла? сказалъ я.—Вы обязаны сказать откуда она.—И дѣйствительно онъ былъ обязанъ это сдѣлать какъ снигирь.

— Изъ Ричмонда, джентльмены, сказалъ Дремль, какъ будто онъ отвѣчалъ не на мой вопросъ,—и несравненная красота.

«Много онъ смыслить въ несравненной красотѣ, жалкій, подлый идиотъ,» шепнулъ я Герберту.

— Я знаю эту леди, сказалъ Гербертъ, черезъ столъ, когда тостъ былъ принятъ.

— Право? сказалъ Дремль.

— И я также, прибавилъ я, побагровѣвъ.

— Право? сказалъ Дремль.—Ахъ, Господи!

За исключеніемъ стакана или тарелки, это былъ единственный отвѣтъ, на который ставало смыслу у этой неповоротли-

вой твари; но я такъ былъ возбъшенъ имъ, какъ будто онъ меня пронзилъ насквозь жаломъ острѣйшей остроты. Я сейчасъ же поднялся съ моего мѣста и объявилъ, что я считаю наглымъ безстыдствомъ со стороны благороднаго снигиря предлагать въ этой Рошѣ тоестъ за даму, которая совсѣмъ была ему неизвѣстна. Мистеръ Дремль вскочилъ и спросилъ, чтѣ я хочу этимъ сказать. На это я ему отвѣтилъ, не обинуясь, что, я полагаю, ему извѣстно, гдѣ можно меня найти.

Возможно ли въ странѣ христіанской обойтись, въ подобномъ случаѣ, безъ кровопролитія,—вотъ вопросъ, на которомъ снигири расходились между собой. Пренія объ этомъ вопросѣ такъ разгорѣлись, что по крайней мѣрѣ еще шесть благородныхъ членовъ объявили другимъ шести благороднымъ, что тѣ конечно знаютъ, гдѣ найти ихъ. Въ заключеніе однакоже было рѣшено (Роцца была своего рода судъ чести): если Дремль пришлетъ отъ этой леди какое бы то ни было доказательство, удостовѣряющее, что онъ имѣетъ честь быть знакомъ съ нею, то мистеръ Пипъ, какъ джентльменъ и какъ снигирь, долженъ сознаться въ своей запальчивости и изъяснить о томъ свое сожалѣніе. Доказательство это положено было представить на слѣдующій день (чтобы отсрочка не охладила нашей раздраженной чести), и на слѣдующій день Дремль явился съ вѣжливой записочкой, написанною рукой Эстеллы, объявившей, что она имѣла удовольствіе танцовать съ нимъ нѣсколько разъ. Мнѣ оставалось теперь только сожалѣть о моей запальчивости и отказаться отъ мысли, что меня можно гдѣ-нибудь найти. Мы съ Дремлемъ, въ продолженіи цѣлаго часа, пыхтали другъ на друга, между тѣмъ какъ Роцца принялась за новые споры, и въ заключеніе было объявлено, что единодушіе въ этомъ обществѣ удивительно какъ подвигается впередъ.

Я разказалъ этотъ случай слегка, но мнѣ было тогда не легко. Я не могу достаточно выразить, какъ горько было мнѣ думать, что Эстелла обращала какое-нибудь вниманіе на такого грубаго, презрѣннаго чурбана. До сей минуты я все еще полагаю, что я увлекался здѣсь чистымъ великодушіемъ и безкорыстіемъ моей любви, что для меня была невыносима мысль, какъ она могла себя такъ унижить. Нѣтъ сомнѣнія, мнѣ было бы одинаково горько, кому бы она ни оказала предпочтеніе, но выборъ человѣка болѣе достойнаго пробудилъ бы другое чувство.

Мнѣ не трудно было убѣдиться, и я убѣдился вскорѣ, что Дремль началъ преслѣдовать ее, и что она позволяла это. Прошло нѣсколько времени, и онъ вездѣ слѣдилъ за нею; мы съ нимъ встрѣчались каждый день. Онъ выдерживалъ съ своимъ обычнымъ упорствомъ, и Эстелла то подавала ему надежды, то отнимала всякую надежду, то льстила его самолюбію, то открыто презирала его, то узнавала его какъ нельзя лучше, то едва замѣчала его присутствіе и едва припоминала кто онъ такой.

Паукъ, какъ называлъ его мистеръ Джагерсъ, привыкъ одинаково выжидать и имѣлъ все терпѣніе сродной ему гадины. Прибавьте къ тому, что у него была глупая увѣренность въ своемъ богатствѣ и знатности своей фамиліи, и иногда онъ очень хорошо пользовался этими выгодами. Итакъ паукъ слѣдилъ упорно за Эстеллою, умѣлъ выжидать лучше многихъ блестящихъ мотыльковъ и часто развѣртывался и выпадалъ въ самое время.

На одномъ *ассамблейномъ* балѣ въ Ричмондѣ (въ то время часто давались *ассамблейные* балы), Эстелла особенно блистала своею красотою передъ всѣми красавицами, и косолапый Дремль такъ ухаживалъ за нею, что я рѣшился поговорить съ нею. Я воспользовался первымъ случаемъ, когда она сидѣла одна между цвѣтами, дожидаясь мистриссъ Брандле, которая должна была отвезти ее домой. Я былъ здѣсь съ нею, я всегда сопровождалъ ее на эти балы.

— Устали вы, Эстелла?

— Да таки, Пипъ.

— Вы должны устать.

— Скажите лучше не должна; потому что мнѣ предстоитъ еще писать въ Сатисъ-хаусъ, прежде чѣмъ я лягу спать.

— И передать вашъ нынѣшній успѣхъ? сказалъ я. — Но, Эстелла, это жалкое торжество.

— Чтѣ вы разумѣете? Я не подоврѣвала никакого успѣха.

— Эстелла, сказалъ я, — посмотрите на этого человѣка, тамъ въ углу, который сюда глядитъ на насъ

— Зачѣмъ мнѣ на него смотрѣть? отвѣчала Эстелла, устремивъ вмѣсто того на меня свои глаза. — Чтѣ особеннаго въ этомъ человѣкѣ, что я должна смотрѣть на него?

— Да, именно этотъ вопросъ я хотѣлъ вамъ предложить, сказалъ я.—Онъ весь вечеръ вертѣлся около васъ.

— Моль и всякія отвратительныя мошки, отвѣчала Эстелла, бросая на него взглядъ,—льнуть къ зажженной свѣчѣ. Свѣчать ничего не можетъ сдѣлать.

— Правда, отвѣчалъ я.—Но развѣ и Эстелла не можетъ?

— Пожалуй можетъ, отвѣчала она, засмѣявшись:—можетъ, если хотите.

— Но, Эстелла, выслушайте меня. Меня беретъ горе, что вы подаете надежды такому человѣку, какъ Дремль, котораго всѣ презираютъ. Вы знаете, что его презираютъ.

— Ну? сказала она.

— Вы знаете, что онъ не привлекателенъ ни снаружи, ни внутри. Глупый, низкій, дурнаго характера человѣкъ.

— Ну? сказала она.

— Вы знаете, что все его достоинство состоитъ въ деньгахъ и длинномъ спискѣ гнилыхъ предковъ. Не такъ ли?

— Ну? сказала она опять и каждый разъ, отвѣчая, она открывала все шире и шире свои восхитительныя глаза.

Чтобъ отдѣлаться отъ этого односложнаго отвѣта, я началъ самъ съ него и сказалъ, повторяя его съ особеннымъ выраженіемъ:

— Ну! Это-то именно и составляетъ мое несчастье.

Еслибъ я могъ только подозрѣвать, что она съ тою цѣлью ободряла Дремля, чтобы дразнить меня, то мнѣ было бы легче на сердцѣ; но она по обыкновенію оставила меня въ сторонѣ, и я не могъ имѣть въ головѣ даже подобной мысли.

— Пить, сказала Эстелла, окинувъ взглядомъ всю комнату,—перестаньте глупить, принимая это на свой счетъ; это можетъ имѣть дѣйствіе на другихъ и пожалуй дѣлается съ намѣреніемъ для этой цѣли. Объ этомъ не стоить говорить.

— Нѣтъ, стоить, сказалъ я,—потому что я не могу вынести, когда другіе люди говорятъ: она расточаетъ свои очарованія передъ грубѣйшимъ мужикомъ, котораго нѣтъ хуже во всей толпѣ; я не могу этого вынести.

— А я могу, сказала Эстелла.

— О, Эстелла, не будьте же такъ горды и такъ непреклонны!

— Называетъ меня гордою и непреклонною, сказала Эстелла, всплескивая руками,— и въ то же время упрекаетъ, что я кокетничаю съ мужикомъ.

— Да въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, сказалъ я поспѣшно,—потому что, я замѣтилъ, вы дарили его такими об-

ворожительными взглядами и улыбками, какихъ я отъ васъ никогда не видалъ.

— Что же, вы хотите, сказала Эстелла, вдругъ обращая на меня пристальный, сѣріозный взглядъ, — чтобы я обманывала и завлекала васъ?

— Такъ вы его обманываете и завлекаете, Эстелла?

— Да и тысячу другихъ, всѣхъ, кромѣ васъ. Но вотъ идетъ мистриссъ Брандле; оставимте этотъ разговоръ.

И теперъ, посвятивъ одну главу предмету, такъ занимавшему мое сердце, и отъ котораго оно постоянно такъ болѣло, я перехожу, не мѣшая, къ событію, давно уже угрожавшему мнѣ, событію, уже готовившемуся прежде нежели я узналъ Эстеллу, когда разрушительная рука миссъ Гевишъ только что начинала уродовать ея ребяческій умъ.

Въ одной восточной сказкѣ, тяжелая плита, которая должна обрушиться на парадную постель, среди полного торжества побѣды, медленно выстѣкается въ каменоломнѣ, медленно прорубается подземный ходъ въ скалѣ, на нѣсколько миль, для веревки, на которой она должна держаться; медленно подымается эта плита и устанавливается на крышѣ, веревка прикрѣпляется къ ней и медленно проводится назадъ, черезъ длинный тайникъ, къ большому желѣзному кольцу. Когда все приготовлено съ такимъ трудомъ, и наступилъ часъ, султана будятъ въ глубокую ночь; ему подають острый топоръ, которымъ онъ долженъ отрубить веревку отъ большого кольца, и онъ взмахиваетъ имъ, веревка пополамъ — и потолокъ обрушивается. Такъ случилось и со мною; вся работа, вблизи и вдали направленная къ цѣли, была исполнена, въ одно мгновеніе былъ нанесенъ ударъ, и на меня обрушилось мое зданіе.

### XXXIX.

Мнѣ минуло двадцать три года. Я ничего еще не слыхалъ, что могло бы прояснить мнѣ вопросъ о моихъ ожиданіяхъ, а уже прошло недѣлю послѣ моего двадцать-третьяго рожденія. Мы, годъ тому назадъ, оставили Барнардово подворье и жили въ Темплѣ; наша квартира выходила въ садъ, на рѣку.



Я разстался съ мистеромъ Покетомъ, отцомъ Герберта, за нѣсколько времени передъ тѣмъ; наши прежнія отношенія кончились, но мы оставались съ нимъ друзьями. Хотя я еще ни за что не могъ приняться, вѣроятно вслѣдствіе неизвѣстности моего положенія, у меня была однако страсть учиться, и я читалъ постоянно по нѣскольку часовъ въ день. Дѣла Герберта шли успѣшно, и все шло своимъ порядкомъ.

Гербертъ долженъ былъ ѣхать по дѣламъ въ Марсель. Я оставался одинъ и вполнѣ чувствовалъ свое одиночество. Я былъ разстроены, падалъ духомъ, надѣясь, что каждый день, каждая недѣля принесетъ съ собою объясненіе моего загадочнаго положенія, и, обманываясь въ моихъ надеждахъ, я очень чувствовалъ отсутствіе веселаго лица моего друга, всегда готоваго съ утѣшеніемъ.

Погода была отвратительная, гроза, и дождь, дождь и гроза, и грязь, грязь, грязь по колѣно на всѣхъ улицахъ. Нѣсколько дней къ ряду съ востока несло тяжелое покрывало, растянувшееся надъ Лондономъ, и казалось ему не было конца, какъ будто на востокѣ былъ неистощимый запасъ вѣтра и тучъ. Вѣтеръ дулъ неистовыми вихрями, сносилъ въ городѣ свинцовыя трубы съ высокихъ зданій, вырывалъ за городомъ деревья съ корнями, сбивалъ крылья вѣтреныхъ мельницъ, и съ береговъ получались самыя печальныя извѣстія о гибели судовъ и людей. Порывистый ливень сопровождалъ бушеванье вихрей, и только что окончившійся день, когда я сѣлъ за книгу, выдался хуже всѣхъ.

Въ Темплѣ съ того времени произошло много перемѣнъ; теперь онъ не представляетъ того уединеннаго характера, какой онъ имѣлъ тогда, и онъ теперь не такъ открытъ со стороны рѣки. Мы жили въ крайнемъ домѣ на верху и вѣтеръ, дувшій по рѣкѣ въ эту ночь, потрясалъ его до основаній, подобно залпамъ артиллеріи или ударамъ моря. Когда полился ливень, разбиваясь объ окошки, я подумалъ, прислушиваясь къ дребезжанію стеколъ, что я могъ бы вообразить себя на маякѣ, посреди бурнаго моря.

По временамъ, дымъ клубами вылеталъ изъ камина, какъ будто и ему было не вмоготу выйти на воздухъ въ такую ночь; я отворилъ двери, на лѣстницѣ фонари были потушены вѣтромъ; я застѣнилъ лицо руками и взглянулъ въ окно, совершенно почернѣвшее отъ окружающей мглы; приподнять

его даже немного было бы невозможно при такомъ вѣтрѣ и дождѣ; фонари на дворѣ также погасли, фонари на берегу и на мостахъ мерцали дрожащимъ свѣтомъ, и пламя жаровень на баркахъ по рѣкѣ разносилось вѣтромъ въ видѣ красныхъ языковъ, среди падавшего ливня.

Я продолжалъ читать; часы были передо мною на столѣ, въ одиннадцать часовъ я положилъ себѣ закрыть книгу. Когда я закрылъ ее, часы Святого Павла и другихъ церквей въ Сити нестройно пробили этотъ часъ. Вѣтеръ какъ-то странно раздвигалъ ихъ бой, и, внимая ему и раздумывая какъ вѣтеръ боролся съ этими звуками и разрывалъ ихъ, я вдругъ слышалъ чьи-то шаги на лѣстницѣ.

Не понимаю, какая странная мысль заставила меня вздрогнуть и привела мнѣ на умъ мою покойную сестру; только эта дурь прошла въ минуту; я сталъ опять прислушиваться, и уже ясно слышалъ какъ шаги оступались, подымаясь по лѣстницѣ. Припомнивъ, что фонари на лѣстницѣ погасли, я взялъ мою лампу и вышелъ въ сѣни. Тотъ, кто былъ внизу, вѣроятно остановился, завидя мою лампу, потому что вдругъ все стихло.

— Тамъ есть кто-то внизу, не такъ ли? закричалъ я, смотря внизъ.

— Да, раздался голосъ изъ темноты.

— Который этажъ вамъ нужно?

— Верхній, мистера Пипа.

— Это я. Ничего особеннаго не случилось?

— Ничего, отвѣтилъ голосъ.

И человекъ продолжалъ подниматься.

Я протянулъ лампу надъ лѣстницей, и онъ медленно приближался въ кругъ ея освѣщенія. Лампа была съ зонтикомъ, свѣтъ ея расходился на небольшое разстояніе. Въ одну минуту и увидѣлъ лицо, совершенно мнѣ незнакомое, которое смотрѣло на меня съ непонятнымъ выраженіемъ любви и удовольствія.

Передвигая лампу по мѣрѣ того какъ двигался этотъ человекъ, я замѣтилъ, что онъ былъ одѣтъ хорошо, но по дорожному какъ морской путешественникъ, что у него были длинные сѣдые волосы, что ему было около шестидесяти лѣтъ, что это былъ мускулистый человекъ, твердый на ногахъ, что онъ загорѣлъ и закалился отъ воздуха и непогоды. Когда онъ

поднялся на послѣднія двѣ лѣсенки и свѣтъ моей лампы озарилъ насъ обоихъ, я замѣтилъ, что онъ протянулъ мнѣ обѣ руки.

— Позвольте узнать, что вамъ нужно? спросилъ я его.

— Что мнѣ нужно? повторилъ онъ, останавливаясь.— Да, съ вашего позволенія, я объясню сейчасъ, что мнѣ нужно.

— Хотите вы войти?

— Да, отвѣтилъ онъ,—я зайду, *мастръ*.

Я ему сдѣлалъ этотъ вопросъ довольно негостеприимно, потому что мнѣ не нравилось на его лицѣ выраженіе, будто онъ во мнѣ призналъ знакомаго; мнѣ оно не нравилось, потому что оно какъ бы обязывало меня отвѣчать ему тѣмъ же. Но я ввелъ его въ комнату, изъ которой я только что вышелъ, и, поставивъ лампу на столъ, попросилъ его, по возможности вѣжливо, объясниться.

Онъ посмотрѣлъ кругомъ съ какимъ-то страннымъ видомъ, выражавшимъ удивленіе и удовольствіе, какъ будто онъ былъ особенно заинтересованъ въ предметахъ, такъ ему нравившихся, и снялъ свое толстое пальто и шляпу. Я увидѣлъ, что онъ былъ пѣвшій, голова его была покрыта глубокими рубцами, и длинные сѣдые волосы висѣли только на вискахъ и на затылкѣ. Но ничто не разрѣшало мнѣ загадки. Напротивъ, я увидѣлъ, онъ опять протянулъ мнѣ обѣ руки.

— Что это значитъ? спросилъ я, подозревая, что онъ былъ сумасшедшій.

Онъ отвернулся отъ меня и медленно провелъ по лбу правую рукой.

— Горекъ человѣку, сказалъ онъ грубымъ, прерывающимся голосомъ, — такой приемъ, когда онъ столько лѣтъ ждалъ его и пріѣхалъ издалека; но вы въ этомъ не виноваты, и никто не виноватъ. Я разкажу все черезъ полминуты, дайте мнѣ только пожалуста полминуты сроку.

Онъ сѣлъ на кресло, стоявшее у камина, и закрылъ лобъ своими огромными жилистыми руками, побурѣвшими отъ солнца и воздуха. Я пристально посмотрѣлъ на него и отодвинулся, но я не признавалъ его.

— Никого здѣсь нѣтъ возлѣ? спросилъ онъ, поглядывая изъ-за плеча.

— Почему вы, совершенно незнакомый мнѣ человѣкъ, являясь въ такую пору ночи, дѣлаете мнѣ подобный вопросъ? сказалъ я.

— Да вы малый себя на умъ, отвѣтилъ онъ, покачивая головою и смотря на меня съ выраженіемъ особенной любви которое было мнѣ совершенно непонятно и приводило меня, въ отчаяніе.—Мнѣ это очень приятно, что вы себя не спроста! Только не хватайте меня. Вы будете послѣ въ этомъ каяться.

Я оставилъ мое намѣреніе, которое онъ подмѣтилъ, потому что въ эту минуту я узналъ его. Правда, и теперь я не могъ припомнить въ немъ ни одной черты, но я узналъ его. Еслибы вѣтеръ и ливень разогнали всѣ прошедшіе годы, разбросали окружающіе предметы и перенесли насъ разомъ на кладбище, гдѣ впервые мы встрѣтились лицомъ къ лицу, то и тогда я не могъ бы очевидно признать моего каторжника, какъ въ настоящую минуту, когда онъ сидѣлъ въ креслѣ передъ огнемъ. Не нужно было ему теперь вытаскивать напика изъ кармана и показывать мнѣ, не нужно было снимать платка съ шеи и повязывать имъ себя голову, не нужно было охватывать себя обѣими руками и ходить по комнатѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ, чтобы напомнить себя мнѣ. Я узналъ его и безъ этихъ пособій, хотя за минуту передъ этимъ я нисколько не подозревалъ, что это былъ онъ.

Онъ подошелъ ко мнѣ и опять протянулъ обѣ руки. Не зная что дѣлать, въ моемъ удивленіи, я совершенно потерялъ присутствіе духа, и неохотно далъ ему мою руку. Онъ сжалъ ее съ любовью, поднесъ къ губамъ, поцѣловалъ ее, и продолжалъ держать.

— Вы благородно поступили, мой милый, сказалъ онъ.— Очень благородно, Пипъ, и я этого никогда не забывалъ.

Мнѣ показалось, что онъ хотѣлъ меня обнять, я положилъ ему руку на грудь и отдалилъ его отъ себя.

— Стойте! сказалъ я.— Не приближайтесь ко мнѣ. Если вы благодарны за то, что я для васъ сдѣлалъ, бывши ребенкомъ, то я надѣюсь вы доказали вашу благодарность, исправивъ нашу жизнь. Если вы пришли сюда, чтобы благодарить меня, то это совершенно излишне. Но все-таки вы меня отыскали, хорошее чувство привело васъ сюда, и я не оттолкну васъ; но вы должны же понять, что... я...

Мое вниманіе было такъ привлечено странностію его взгляда, пристально на меня устремленного, что слова замерли у меня на языкѣ.

— Вы говорили сейчасъ, замѣтилъ онъ, когда взоры наши

встрѣтились, — что я долженъ понять. Что это такое я долженъ понять?

— Что я не могу желать возобновленія нашихъ давнишнихъ сношеній, при измѣнившихся обстоятельствахъ. Мнѣ пріятно вѣрить, что вы раскаялись и исправились. Мнѣ пріятно, что вы пришли поблагодарить меня, полагая будто я стою этой благодарности, но передъ нами лежатъ разныя дороги. Вы промокли, устали; хотите выпить чего-нибудь прежде чѣмъ уйдете отсюда?

Онъ распустилъ свой шейный платокъ и стоялъ, пристально смотря на меня и кусая длинный конецъ его.

— Хорошо, отвѣчалъ онъ, продолжая держать въ зубахъ этотъ конецъ и смотря на меня. — Я чего-нибудь выпью, прежде чѣмъ уйду; благодарю васъ.

На боковомъ столикѣ былъ приготовленный подносъ, я перенесъ его на столъ, къ огню, и спросилъ у него, чего онъ хочетъ. Онъ указалъ на одну изъ бутылокъ, не смотря на нее и не говоря ни слова; я приготовилъ ему горячій грогъ съ ромомъ. Я напрягалъ мою руку, чтобъ она не дрожала; но его пристальный взглядъ рѣшительно смущалъ меня, и я едва могъ владѣть рукой. Когда наконецъ я подаль ему стаканъ, глаза его, я замѣтилъ къ величайшему моему удивленію, были полны слезъ.

Все это время я стоялъ не скрывая моего желанія, чтобъ онъ ушелъ. Но теперь я смягчился разстроеннымъ видомъ этого человѣка и почувствовалъ упрекъ совѣсти.

— Надѣюсь, сказалъ я, поспѣшно наливая себѣ что-то въ стаканъ и садясь къ столу, — вы не разсердитесь, что я сейчасъ говорилъ вамъ такъ рѣзко. Я не имѣлъ намѣренія оскорбить васъ, и очень сожалѣю, если оскорбилъ.

Я приложилъ мой стаканъ къ губамъ; онъ взглянулъ съ удивленіемъ на конецъ платка, выпавшій у него изъ рта, когда онъ его открылъ, и протянулъ свою руку. Я подаль ему мою руку, онъ отпилъ свой грогъ и утеръ рукавомъ глаза и лобъ.

— Какъ вы живете? спросилъ я его.

— Я занимался овцеводствомъ, скотоводствомъ и другими промыслами, далеко тамъ въ новомъ свѣтѣ, сказалъ онъ, — за бурными, широкими морями, за нѣсколькими тысячами миль отсюда.

— Надѣюсь, дѣло шло у васъ успѣшно?

— Отлично. Со мною отправились другіе, которые также

много успѣли, но ни одинъ не сравнялся со мною. У меня дѣло шло на диво.

— Мнѣ это очень пріятно слышать.

— Да, я надѣюсь, вы это скажете современемъ, мой дорогой молодчикъ.

Не останавливаясь, чтобы разгадать эти слова и тонъ, которыми они были сказаны, я обратился къ другому предмету, который только сейчасъ пришелъ мнѣ въ голову.

— Видѣли вы человѣка, котораго вы ко мнѣ послали давно уже, спросилъ я,—послѣ того какъ онъ принялъ на себя ваше порученіе?

— Нѣтъ, ни разу не встрѣчалъ его, да и не могъ встрѣтить.

— Онъ честно исполнилъ порученіе и принесъ мнѣ два фунтовые билета. Я былъ тогда бѣдный мальчикъ, каковымъ вы меня знали, и для бѣднаго мальчика это было цѣлое состояніе. Но мои обстоятельства, какъ и ваши, поправились съ тѣхъ поръ, и вы должны мнѣ позволить заплатить вамъ эти деньги. Вы можете отдать ихъ другому бѣдному мальчику.

Я вынулъ мой портфель.

Онъ слѣдилъ за мной, какъ я вынималъ портфель, какъ я положилъ его на столъ и какъ я выбралъ два фунтовые билета. Они были чистенькіе и новенькіе; я развернулъ ихъ, и передалъ ему. Продолжая все слѣдить за мною, онъ положилъ ихъ одинъ на другой, свернулъ ихъ въ длину, зажегъ ихъ на лампѣ и стряхнулъ пепелъ на поднось.

— А осмѣюсь я, сказалъ онъ съ улыбкой, въ которой была своего рода строгость,—спросить васъ, какъ это обстоятельства ваши такъ перемѣнились съ тѣхъ поръ, какъ мы встрѣтились съ вами на болотахъ?

— Какъ?

— Да.

Онъ осушилъ свой стаканъ, всталъ и сталъ къ огню, положивъ свою тяжелую, загорѣлую руку на каминъ. Онъ поставилъ ногу на желѣзную рѣшетку, чтобы согрѣть ее и высушить; сырой сапогъ задымился, но онъ не смотрѣлъ ни на него, ни на огонь, а пристально смотрѣлъ на меня. Тутъ я задрожалъ.

Губы мои сидились орченить нѣсколько словъ, но въ нихъ не было звука; наконецъ я успѣлъ ему сказать, хотя очень невнятно, что меня выбрали въ наследники богатаго имѣнія.

— А можетъ подлая тварюга спросить, какого нивнія? сказалъ онъ.

— Не знаю, пробормоталъ я.

— А можетъ подлая тварюга спросить, чье это нивніе? сказалъ онъ.

Я опять пробормоталъ:—Не знаю.

— А не угадаю ли я, сказалъ каторжникъ,—сколько доходу получаете вы, съ тѣхъ поръ какъ исполнилось вамъ совершеннѣе? Ну, первая цифра не будетъ ли пять?

Сердце мое билось, какъ тяжелый паровой молотъ, котораго механизмъ поврежденъ; я поднялся съ моего стула и сталъ, ухватившись за его спинку и дико смотря на него.

— Теперь въ разсужденіи опекуна, продолжалъ онъ:—вѣдь у васъ же былъ опекунъ или кто-нибудь въ этомъ родѣ, пока вы оставались малолѣтнимъ? Можетъ быть это былъ какой-нибудь адвокатъ. Ну, теперь первая буква, съ которой начинается имя этого адвоката, не будетъ ли это Д?

Вся загадка моего положенія вдругъ прояснилась передо мной, и несбывшіяся надежды, опасности, безчестье, всевозможныя послѣдствія, волною хлынули на меня, и самое дыханіе стоило мнѣ теперь страшнаго усилія.

— Теперь представьте себѣ, продолжалъ онъ,—что лицо, употреблявшее этого адвоката, котораго имя начинается съ Д... положимъ это будетъ Джагерсъ... представьте себѣ, что оно прибыло изъ-за моря въ Портсмутъ, высадилось тамъ и захотѣло къ вамъ прѣхать. «Вы однакоже отыскали меня,» вы сейчасъ это сказали. Да, я однакоже отыскалъ васъ. Я написалъ изъ Портсмута къ одному человѣку въ Лондонъ, чтобъ узнать вашу адресъ. Теперь имя этого человѣка? Да, это Вемикъ.

Я не могъ произнести ни одного слова, хотя бы отъ того зависло спасеніе моей жизни. Я стоялъ опершись одною рукою на спинку стула и приложивъ другую руку къ груди; я чувствовалъ, что я задыхался; я стоялъ дико смотря на него; наконецъ комната заходила у меня въ глазахъ, и я схватился за стулъ обѣими руками; онъ поддержалъ меня, оттащилъ къ софѣ, уложилъ на подушки и сталъ на одно колѣно передо мной, приблизивъ ко мнѣ свое лицо, которое теперь я очень хорошо припомнилъ и на которое мнѣ было страшно смотрѣть близко.

— Да, Пипъ, дорогой мой молодчикъ, я сдѣлалъ джентльмена

нѣз васъ! Я это сдѣлалъ! Я поклялся, что каждая гинея, которую я заработаю, будетъ ваша гинея. Я поклялся потомъ, что когда я разбогатею, вы также будете богаты. Я жилъ тяжело, чтобы вамъ было легко; я работалъ безъ усталы, чтобы вы могли не работать. Все это вздоръ, мой милый! Я говорю это не для того, чтобы вы чувствовали чѣмъ вы мнѣ обязаны. Вовсе нѣтъ. Я говорю, чтобы вы знали, что подлая загнанная гадина, которой вы не дали околѣть, смогла сдѣлать джентльмена, а этотъ джентльменъ вы, Пипъ!

Я чувствовалъ такое отвращеніе и такой страхъ къ этому человеку, какъ будто это былъ какое-нибудь ужасное чудовище.

— Посмотрите, Пипъ, сюда. Вѣдь я вамъ второй отецъ. Вы мой сынъ, болѣе для меня всякаго сына. Я откладывалъ все деньги, чтобы только вы ихъ тратили. Когда я нанялся въ пастухи, я жилъ въ одинокомъ шалашѣ, не видя лица человѣческаго, и забывъ почти какія бываютъ лица у мужчинъ и женщинъ; но не одинъ разъ, бывало, ножъ вываливался у меня изъ рукъ, за моимъ обѣдомъ или ужиномъ, и говорю я: опять этотъ мальчикъ передо мною и смотритъ на меня какъ я ѣмъ и пью. Я видѣлъ васъ много разъ и такъ же ясно, какъ я васъ видѣлъ на томъ туманномъ болотѣ. Порази меня Богъ, говорю я каждый разъ, и выйду бывало на воздухъ и проговорю это подъ открытымъ небомъ: порази меня Богъ, если я, какъ только добуду денегъ и свободу, не сдѣлаю джентльмена изъ этого мальчика! И я добился до своего. Ну-ка, посмотрите на себя, мой дорогой молодецъ, посмотрите на вашу квартиру, въ ней хоть лорду жить. Лорду? А? Да куда и лордамъ за вами!

Увлекаясь жаромъ своего торжества и зная, что я былъ почти въ обморокъ, онъ не замѣчалъ какъ я принималъ все это. Это еще было для меня нѣкоторою отрадой.

— Посмотрите сюда, продолжалъ онъ, вынимая у меня изъ кармана мои часы и потомъ смотря на кольцо на моемъ пальцѣ, между тѣмъ какъ я отодвигался отъ его прикосновенія, какъ будто воля меня была адвятая змѣя, — золотые, да вѣдь просто прелесть; надѣюсь, что это барскіе часы; а этотъ алмазъ, осыпанный рубинами, надѣюсь и это барскій перстень! Посмотрите на бѣлье ваше, эка прелесть и тонина! Посмотрите на ваше платье, вѣдь лучше не достанешь! А ваши книги, — и онъ окинулъ глазами комнату, — я вижу, полки завалены ими! И вѣдь вы читаете ихъ, не правда ли? Да вы, кажется, и чи-



тали книжку, когда я вошелъ. Ха! ха! ха! Вы прочтете ихъ мнѣ, дорогой молодецъ! Ну, а если онъ на иностранныхъ языкахъ, которыхъ я не понимаю, все равно, гордость моя будетъ удовлетворена, какъ будто бы я понималъ ихъ.

Онъ снова взялъ меня за руки и приложилъ ихъ къ губамъ; кровь застывала у меня въ жилахъ.

— Вы не говорите, Пипъ, сказалъ онъ, утирая рукавомъ свой лобъ и глаза, и въ горлѣ его мнѣ послышалось опять знакомое щелканье, которое я очень хорошо припомнилъ. Онъ казался мнѣ еще ужаснѣе, потому что онъ такъ принималъ все это къ сердцу:—успокойтесь, дорогой мой молодчикъ. Вы къ этому не прибавлялись мало-по-малу какъ я. Но не приходило ли вамъ въ голову, что это могъ быть я?

— О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ я.—Никогда, никогда!

— Такъ вы видите, что это былъ я, и одинъ. Никого въ этомъ дѣлѣ не было, кромѣ меня да Джагерса.

— И такъ не было никого другаго? спросилъ я.

— Нѣтъ, сказалъ онъ съ видомъ удивленія.—Кто же могъ быть? И какъ вы выравнялись, милый человекъ, какъ похорошѣли! Да ужь нѣтъ ли у насъ какой быстроглазой красотки, э?—не щемить ли по комъ сердечко?

— О, Эстелла, Эстелла!

— Будетъ ваша, дорогой молодецъ, если только деньги купить ее; я не говорю, чтобы такой джентльменъ, какъ вы, милый молодчикъ, самъ не могъ плѣнить красавицу: но деньги помогутъ вамъ! Дайте мнѣ вамъ досказать что я началъ, дорогой мой. Когда я нанялся въ пастухи и жилъ въ одинокомъ шаламѣ, хозяинъ мой умеръ; онъ былъ такой же каторжникъ, какъ я, и оставилъ мнѣ свои деньги; я получилъ мою свободу и повелъ уже дѣло отъ себя. Что я только ни затѣвалъ, все шло какъ по маслу на ваше счастье. Будь проклятіе Господне на моемъ дѣлѣ, говаривалъ я каждый разъ, приступая ко всякому дѣлу, если не для него оно! И все чудесно успѣвало. Дѣла шли у меня на диво, какъ я вамъ сказалъ. Я переслалъ Джагерсу деньги, которыя были мнѣ оставлены, и мою выручку за первые годы—все для васъ, когда онъ пришелъ въ первый разъ за вами.

О, еслибъ онъ никогда не приходилъ! Еслибъ онъ оставилъ меня на кузницѣ въ недовольствѣ, но сравнительно все-таки счастливымъ!

— И теперь послушайте, милый человекъ, какое это было

для меня утѣшеніе знать, что я готовлю джентльмена! Поро-  
дистыя лошади поселенцевъ забрызгивали меня грязью, когда  
я ходилъ пѣшкомъ. Чтѣ же? говорю я себѣ. Я готовлю джентль-  
мена почище васъ, какимъ вы никогда не будете! Про меня  
говорили они между собой, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ  
я былъ каторжникъ, что при всемъ моемъ счастьи я простой  
мужикъ, невѣжда. Ничего, говорю я себѣ, я не джентльменъ,  
я неучъ; но у меня есть свой джентльменъ ученый. У васъ  
у васъ есть земля, есть скотъ; а есть ли у кого изъ васъ  
джентльменъ, воспитанный въ Лондонѣ? И тѣмъ я поддер-  
живалъ себя, тѣмъ я себя тѣшилъ, что время непременно  
наступитъ, когда я приѣду и увижу моего мальчика и откроюсь  
ему.

Онъ положилъ свою руку мнѣ на плечо, и я задрожалъ отъ  
одной мысли, что эта рука могла быть обагрена кровью.

— Не легко было, Пипъ, для меня, оставить ту сторону, да  
и не вовсе безопасно. Но я стоялъ на томъ, и чѣмъ труднѣе  
это было, тѣмъ сильнѣе ухватился я за мое намѣреніе, потому  
что я рѣшился исполнить его во чтѣ бы то ни стало, и я ис-  
полнилъ его. Да, дорогой мой мальчикъ, я его исполнилъ.

Я старался было собрать мои мысли; но я былъ рѣшительно  
ошеломленъ. Мнѣ казалось все это время я прислушивался къ  
дождю и вѣтру; я не могъ отдѣлать его голоса отъ этихъ го-  
лосовъ природы, хотя они раздавались такъ же громко, а его  
голосъ замолкъ.

— Куда же вы положите меня? спросилъ онъ вдругъ.—Вы  
должны же уложить меня гдѣ-нибудь, дорогой мой.

— Уснуть? сказалъ я.

— Да и уснуть спокойнымъ, долгимъ сномъ, отвѣчалъ онъ.—  
Меня вѣдь било нѣсколько мѣсяцевъ къ ряду въ морѣ.

— Мой пріятель и товарищъ, сказалъ я, подымаясь съ софы,  
въ отсутствіи:—вы можете занять его комнату.

— Онъ не будетъ завтра?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я почти механически, несмотря на всѣ  
мои усилія:—онъ завтра не будетъ назадъ.

— А то вотъ посмотрите сюда, дорогой мой молодецъ, ска-  
залъ онъ, понижая свой голосъ, и прикладывая особенно зна-  
чительно свой длинный палецъ къ моей груди:—необходима  
тутъ крайняя осторожность.

— Чтѣ вы хотите сказать? Къ чему осторожность?

— Клянусь Богомъ, вѣдь тутъ смерть!

— Какая смерть?

— Меня сослали на всю жизнь, и вернуться из этой ссылки — смерть. Въ последнее время было очень много побѣговъ оттуда, и если меня схватятъ, то, конечно, мнѣ не миновать висѣлицы.

Этого только не доставало. Этотъ несчастный человекъ, приковавъ меня несчастнаго золотыми и серебряными цѣпями, рисковалъ своею жизнью, чтобы только пріѣхать ко мнѣ, и я долженъ былъ беречь эту жизнь. Еслибъ я его любилъ, вмѣсто того чтобы ненавидѣть, еслибы меня привлекала къ нему самая сильная привязанность, а не отталкивало страшное отвращеніе, то и тогда бы мое положеніе не могло быть хуже. Напротивъ, мнѣ тогда было бы гораздо легче, потому что тогда мое сердце съ естественною нѣжностью заботилось бы о его безопасности.

Моя первая забота была запереть ставни, чтобы снаружи не было видно свѣта въ комнатѣ, и потомъ запереть двери. Онъ стоялъ все это время у стола и пилъ грогъ, заѣдая сахаромъ; я теперь совершенно видѣлъ въ немъ моего каторжника, какъ онъ ѣлъ свой обѣдъ на болотѣ, и мнѣ казалось, вотъ онъ оей-часъ нагнется и станетъ пилить желѣзо на ногѣ.

Я пошелъ въ Гербертову комнату, заперъ дверь изъ нея на лѣстницу и спросилъ его, не желаетъ ли онъ лечь спать? Онъ сказалъ да, и попросилъ у меня дать ему «моего барскаго бѣлья» надѣть завтра поутру. Я вынулъ ему бѣлье, и кровь осять застыла у меня въ жилахъ, когда онъ взялъ меня за обѣ руки и пожелалъ мнѣ доброй ночи.

Не помню, какъ я ушелъ отъ него. Вернувшись въ комнату, гдѣ мы сидѣли вмѣстѣ, я поправилъ огонь и сѣлъ къ камину, боясь лечь спать. Въ продолженіе часа или болѣе я былъ до того ошеломленъ, что рѣшительно не могъ думать, и только когда я началъ собирать мои мысли, мнѣ вполнѣ представилась вся глубина моей погибели; я видѣлъ, что корабль, на которомъ понесся я на всѣхъ парусахъ, теперь разбился въ дребезги.

Итакъ всѣ намѣренія миссъ Гевисамъ относительно меня были пустая греза! Эстелла назначалась не для меня; мною только пользовались въ Сатисъ-хаусѣ, чтобы дразнить жадныхъ родственниковъ, чтобы практиковаться надъ моимъ сердцемъ, какъ будто оно было механическая модель. Это были первыя язвы, но всего больше, всего мучительнѣе для меня

было то, что для каторжника, виновнаго не знаю въ какихъ преступленіяхъ, и который могъ быть схваченъ тутъ всякую минуту и повѣшенъ у Ньюгетской тюрьмы, я покинулъ моего Джо.

Никакіе доводы не заставили бы меня вернуться къ Джо и Биди,—я полагаю просто потому что сознаніе моего недостойнаго поведенія передъ ними было сильнѣе всякихъ доводовъ. Никакая земная мудрость не могла бы внушить мнѣ того утѣшенія, которое я нашелъ бы въ ихъ простодушіи и преданности; но передѣлать то, что уже было сдѣлано, казалось мнѣ невозможнымъ.

Въ каждомъ порывѣ вѣтра, въ каждомъ ударѣ ливня, мнѣ слышались преслѣдователи. Дважды я могъ бы побойться, что я слышалъ стукъ и шепотъ у нашей двери. Подъ вліяніемъ этого страха, я началъ себя воображать или припоминать, что я имѣлъ какое-то тайное предчувствіе о приближеніи этого челоуѣка,—что нѣсколько недѣль къ ряду, передъ этимъ, я встрѣчалъ на улицахъ лица, похожія на него,—что число этихъ двойниковъ постепенно увеличивалось по мѣрѣ того какъ онъ приближался, переѣзжая черезъ отдаленныя моря,—что его злой духъ засылалъ мнѣ этихъ предвѣстниковъ, и что теперь, вѣрный своему слову, онъ явился самъ въ эту бурную ночь.

Вмѣстѣ съ этими мыслями вернулось и дѣтское воспоминаніе. Это былъ необузданный челоуѣкъ; я слышалъ, какъ повторялъ другой каторжникъ, что онъ старался убить его; я видѣлъ самъ, какъ онъ дрался и метался въ канавѣ, точно звѣрь. Изъ этихъ воспоминаній поднялся теперь какой-то неопредѣленный страхъ, что мнѣ было не вовсе безопасно оставаться съ нимъ одному посреди такой ночи. Страхъ все сильнѣе и сильнѣе овладѣвалъ мною; наконецъ я взялъ свѣчку и пошелъ взглянуть на мою тяжелую обузу.

Голова его была повязана платкомъ, лицо его было невозмутимо, онъ спалъ и спалъ спокойно, хотя пистолеть лежалъ у него въ головкахъ. Увѣрившись въ этомъ, я тихо вынулъ ключъ изъ его двери и отперъ ее снаружи, прежде нежели я опять сѣлъ къ огню. Постепенно я спустился со стула и легъ на полъ. Когда я проснулся,—и во снѣ преслѣдовало меня мое несчастье,—часы на восточныхъ церквахъ пробили пять, свѣчки догорѣли, огонь въ каминѣ потухъ, вѣтеръ и ливень усиливали впечатлѣніе чернаго окружающаго мрака.

*(Здѣсь окончивается второй переходъ ожиданій Пина.)*

ПОСЛѢДНЯЯ ЧАСТЬ

ИСТОРИИ АНГЛИИ

МАКОЛЕЯ.

---

Въ началѣ нынѣшняго года, въ Лондонѣ, а вслѣдъ затѣмъ и въ Лейпцигѣ, вышла въ свѣтъ послѣдняя часть *Исторіи Англій*, Маколея (лонд. изд. т. V; лейпц. изд. т. IX и X). Послѣдовательный разказъ событій доведенъ въ ней только до апрѣля мѣсяца 1700 года. Къ нему присоединены два отрывка: о послѣднихъ дняхъ Іакова II и Вильгельма III. Задача, которую первоначально поставилъ себѣ Маколей, осталась далеко не выполненною. Онъ хотѣлъ дойти до новѣйшей, современной исторіи Англій, и остановился при самомъ началѣ XVIII вѣка. Весь описанный имъ періодъ времени составляетъ не болѣе пятнадцати лѣтъ. Онъ не успѣлъ окончить даже царствованіе Вильгельма III. Какъ объяснить такое несоотвѣтствіе между цѣлю и исполненіемъ? Маколей работалъ надъ *Исторіей Англій* болѣе пятнадцати лѣтъ, и умеръ шестидесяти лѣтъ отъ роду. Продолжая свой трудъ въ тѣхъ же размѣрахъ, онъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, могъ довести его развѣ до Ганноверскаго дома. Очевидно, что, подвигаясь впередъ въ своихъ занятіяхъ, Маколей невольнo измѣнилъ объемъ и планъ ихъ, невольнo увлекся богатствомъ и обиліемъ предмета, желаніемъ исчерпать его до конца, передать его въ

возможно-полной и вѣрной картинѣ. Онъ рѣшился изобразить только одну эпоху, но изобразить ее такъ, чтобы она вся, съ своими лицами, интересами, страстями, возстала передъ лицомъ читателей. Для достиженія этой цѣли, Маколей не жалѣлъ ни усилий, ни времени; онъ изучалъ съ одинаковымъ вниманіемъ важнѣйшіе историческіе акты и ничтожнѣйшія, повидимому, произведенія народной литературы, общія стремленія страны и мелкія побужденія отдѣльныхъ дѣятелей ея. Плодомъ такого изученія была исторія, единственная въ своемъ родѣ, образецъ и, надѣмся, начало дальнѣйшихъ трудовъ на томъ же поприщѣ. Еслибы Маколей ограничился общими, главными чертами англійской исторіи, еслибы онъ старался представить только результаты народной жизни, не проникая въ самый процессъ ея, то ему можетъ-быть удалось бы исполнить свою первоначальную программу, и мы имѣли бы превосходную исторію Англій XVIII вѣка. Но, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, исторія эта ничѣмъ не отличалась бы отъ множества другихъ произведеній: она не составила бы эпохи въ исторической наукѣ, какъ не составили въ ней эпохи *Essays* Маколея. Историческій методъ, дающій Маколею мѣсто среди величайшихъ историковъ новаго времени, могъ быть созданъ только при болѣе ограниченной, болѣе тѣсной задачѣ. Маколей не принадлежалъ къ числу гениальныхъ мыслителей, чувствующихъ себя свободно только среди безконечнаго разнообразія историческихъ событій, подмѣчающихъ внутреннюю связь между отдаленными эпохами, открывающихъ общіе законы историческаго развитія. Его дарованіе, не менѣе сильное, но менѣе глубокое, неотразимо влекло его къ подробному анализу отдѣльныхъ событій. Конечно, такой анализъ всегда входилъ въ составъ исторіи, всегда былъ необходимою ея частію; но заслуга Маколея заключается въ тѣхъ приемахъ, съ которыми онъ приступилъ къ этой старой исторической операціи. Открытіе и разработка забытыхъ или пренебреженныхъ источниковъ историческаго знанія; разложеніе событій на ихъ составныя части, отдѣленіе общаго отъ личнаго, необходимаго отъ случайнаго; рельефное до совершенства очертаніе историческихъ дѣятелей, не только главныхъ, но и второстепенныхъ; удивительно полное изложеніе про и contra каждаго вопроса, занимавшаго умы людей; оцѣнка событій и лицъ по всѣмъ правиламъ исторической справедливости, принимающей во вниманіе условія времени и мѣста, но никогда не упускающей изъ

виду вѣчныя понятія добра и истины — вотъ существенныя, характеристическія черты *Исторіи Англій*, и вмѣстѣ съ тѣмъ самаго дарованія Маколея. Онъ понялъ, въ чемъ заключается его главная сила, и, не измѣняя заглавія своего сочиненія, измѣнилъ самый предметъ его: исторія Англій сдѣлалась исторіей революціи 1688 года. Вотъ почему *Исторія* Маколея кажется намъ не великолѣпнымъ фрагментомъ, какъ выразился г. Вызинскій, а художественнымъ цѣлымъ, почти оконченнымъ по формѣ и совершенно оконченнымъ по содержанію. Она почти окончена по формѣ, потому что ей не достааетъ только послѣднихъ двухъ лѣтъ царствованія Вильгельма III; она совершенно окончена по содержанію, потому что заключаетъ въ себѣ полную картину переворота, произведеннаго въ Англій паденіемъ Іакова II. Послѣднія черты этой картины такъ же замѣчательны, какъ и прежнія: талантъ историка и здѣсь является въ полномъ своемъ блескѣ, поддерживаемый и одушевляемый высокимъ интересомъ предмета.

Почитатели Маколея, и всѣ вообще любители исторіи обязаны глубокою благодарностію издательницѣ послѣднихъ томовъ *Исторіи Англій*, леди Тревелианъ, сестрѣ писателя. Она обнародовала безъ измѣненій все то, что осталось въ бумагахъ ея брата, не спрашивая себя, достаточно ли отшлифовано изложеніе, подведены ли всѣ нужныя ссылки, получалъ ли, однимъ словомъ, разказъ ту окончательную отдѣлку, безъ которой не выпустилъ бы его въ свѣтъ самъ Маколей. Мало того: леди Тревелианъ сообщила публикѣ описаніе послѣднихъ дней Вильгельма III, хотя описаніе это, очевидно, не было приготовлено авторомъ къ печати. Она поняла, что какая-нибудь неровность слога или незаконченность картины не повредитъ репутаціи Маколея, и что мысль умершаго писателя можетъ явиться передъ публикой, и безъ нарядной формы. Какой контрастъ между спокойною разсудительностію леди Тревелианъ и суетнымъ идолопоклонствомъ Густава де-Бомона, не рѣшившагося напечатать вторую часть *l'Ancien régime et la Révolution*, Токвиля, только потому, что она не была окончательно пересмотрѣна авторомъ! Печатать каждую строчку, оставшуюся послѣ великаго писателя, и класть подѣ спудъ цѣлыя сочиненія его, одинаково странно и нелѣпо: но изъ двухъ крайностей мы предпочитаемъ первую, потому что рядомъ съ ненужнымъ и излишнимъ, она можетъ дать публикѣ много полезнаго и замѣчательнаго. Нельзя забывать различіе,

существующее въ этомъ отношенiи между великимъ поэтомъ и великимъ историкомъ, философомъ или публицистомъ. Неоконченныя и не отдѣльныя произведенiя поэта рѣдко могутъ имѣть большую цѣну, потому что въ поэзи самая высокая идея необходимо нуждается въ изящной формѣ. Но неоконченное сочиненiе историка можетъ содержать въ себѣ новые факты, новую теорiю, новый взглядъ на отдѣльное событiе или на цѣлую эпоху. Оно можетъ увеличить массу человѣческихъ познанiй, содѣйствовать разрѣшенiю спорныхъ вопросовъ, и все это независимо отъ того, какимъ слогомъ оно написано, въ какой степени удовлетворительна его внѣшняя форма. Немногiя страницы, посвященныя Макалеемъ смерти Вильгельма III, конечно не отличаются особенно тщательною художественною отдѣлкой: но развѣ онѣ не служатъ лучшимъ заключенiемъ великаго труда, героемъ котораго, по выраженiю *Times*, былъ Вильгельмъ III?

## I.

Общественное мнѣнiе въ Англiи никогда не измѣнялось такъ часто и такъ быстро, какъ при Вильгельмѣ III. Восторгъ, съ которымъ онъ былъ встрѣченъ въ 1688 г., скоро уступилъ мѣсто холодности, близкой къ антипатiи. Въ избавителѣ скоро стали видѣть иностранца, равнодушнаго къ интересамъ Англiи. Якобиты старались очернить короля самыми гнусными клеветамп. Торiи не могли примириться съ происхожденiемъ его власти, виги — съ его снисходительностiю къ торiямъ. Церковь возставала противъ его вѣротерпимости. Народъ не могъ привыкнуть къ его голландскимъ войскамъ. Но были минуты, въ которыя Вильгельмъ опять прiобрѣталъ утраченную популярность. Когда Англiи угрожало вторженiе, когда якобиты замышляли убiйство Вильгельма, когда Иаковъ II обнародовалъ свои безумныя декларацiи, народъ дружно соединился вокругъ воздвигнутаго имъ престола. Когда англiйская армiя торжествовала при Бойнѣ или при Намурѣ, англiйскiй флотъ — при Ла-Гогѣ, удовлетворенное чувство національной гордости явставляло народъ быть справедливымъ къ Вильгельму. Никогда можетъ-быть это примиренiе между королемъ и страной не было такъ полно, какъ въ эпоху заключенiя Рис-



викскаго мира. Народъ прославлялъ государя, умѣвшаго доставить ему въ одно и то же время и спокойствіе, и славу. Описаніемъ этого времени оканчивается 8-й томъ *Исторіи* Маколея, послѣдній вышедшій при его жизни.

Согласіе между королемъ и народомъ, по обыкновенію, не было продолжительно. 9-й томъ начинается описаніемъ реакціи, возникшей почти непосредственно послѣ Рисвикскаго мира. Война съ Франціей довела сухопутныя силы Англій до неслыханныхъ прежде размѣровъ. Въ рядахъ арміи считалось до 87 тысячъ человекъ. Постоянное войско, со временъ Долгаго Парламента и Кромвеля, было предметомъ ненависти и ужаса для всего англійскаго народа. Виги видѣли въ немъ могущественнѣйшее орудіе тиранніи, торіи — величайшую опасность для престола, для религіи, для собственности. Въ военное время необходимость заглушала требованія осторожности и страсти; но онѣ пробудились съ новою силой, какъ только миновала внѣшняя опасность. Вопросъ о распушеніи или сокращеніи войска поставленъ былъ на очередь не только парламентомъ, но и цѣлою страной. Журналы и памфлеты предупредили пренія въ палатѣ общинъ. Примѣръ всѣхъ странъ, всѣхъ народовъ приводимъ былъ въ подтвержденіе вреда, приносимаго постоянными войсками; примѣръ самой Англій — въ подтвержденіе бесполезности ихъ. Не регулярнымъ арміямъ она была обязана побѣдами при Креси, при Азинкуртъ, при Флоэденъ, величіемъ своимъ въ царствованіе королевы Елизаветы. Защитники правительства, во главѣ которыхъ стоялъ лордъ канцлеръ Сомерсъ, не смѣли требовать постоянного войска: они предлагали войско *срочное*, существованіе котораго каждый годъ утверждалось бы парламентомъ. Они также обращались къ исторіи, и старались доказать, что регулярная армія доставила Спартѣ преобладаніе надъ Греціей, что отсутствіе регулярной арміи было причиною пораженія Римлянъ при Каннахъ. Они утверждали, что неопытная милиція не отстоитъ Англій противъ ветерановъ Лудовика XIV. Но аргументація обѣихъ сторонъ представляла только внѣшнюю сторону дѣла. Для вождей оппозиціи, вопросъ о постоянномъ войскѣ былъ орудіемъ противъ правительства, средствомъ возбудить противъ него народъ и въ особенности избирателей. Лишь только собрался парламентъ, Гарлей, предводитель торіевъ, предложилъ привести регулярную армію въ то самое положеніе, въ какомъ она была послѣ Нимвегенскаго мира, то-есть

сократить ее болѣе нежели въ пятнадцать разъ. Несмотря на то, что Вильгельмъ III въ тронной рѣчи именно настаивалъ на необходимости сильнаго постоянного войска, предложеніе Гарлея было принято значительнымъ большинствомъ голосовъ. Министрамъ удалось однако истолковать рѣшеніе парламента въ самомъ благопріятномъ для нихъ смыслѣ, и составъ регулярной арміи былъ опредѣленъ въ 10 тысячъ человекъ.

Это первое пораженіе правительства не нарушило однако добраго согласія между королемъ и парламентомъ. Палата общинъ, избранная въ 1695 году, скоро послѣ смерти королевы Маріи, послѣ взятія Намюра, среди всеобщей реакціи въ пользу Вильгельма, состояла преимущественно изъ виговъ, преданныхъ новой династїи и послушныхъ голосу министерства. Уступивъ, по вопросу о постоянномъ войскѣ, отчасти собственному предубѣжденію противъ регулярныхъ армій, отчасти настоятельному требованію общественнаго мнѣнія, палата, во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ, продолжала оказывать Вильгельму твердую и постоянную поддержку. Но за силою закона о трехлѣтнемъ срокѣ (Triennial Bill), въ 1698 году должны были произойти во всей Англїи новые выборы въ палату общинъ. Министерство довѣрчиво ожидало исхода выборовъ. Оно справедливо гордилось своею политикой, справедливо приписывало ей благосостояніе и спокойствіе страны, и надѣялось получить одобреніе народа. Надежда эта оказалась тщетною. Разнородные элементы оппозиціи слились въ одно могущественное цѣлое; торїи, якобиты, недовольные виги, присвоили себѣ названіе народной партїи (Country party), названіе популярное еще со временъ Росселя и Сиднея. Приверженцы министерства получили прозваніе *придворной партїи*, напоминавшее народу времена Кабалы и Джеффриза. Каждый отдѣлъ коалиціи имѣлъ свои причины негодованія въ прошедшемъ, свои надежды въ будущемъ; но всѣ они единогласно возставали противъ постоянного войска, противъ пожалованія государственныхъ земель и противъ Голландцевъ. Имъ удалось увлечь за собою большинство избирателей. Въ Лондонѣ выборы склонились въ пользу правительства; но оно потерпѣло пораженіе въ большей части городовъ и графствъ. Кандидаты министерства во многихъ мѣстахъ были побѣждены недостойнѣйшими изъ прежнихъ слугъ Іакова II.

Засѣданія новаго парламента открылись въ декабрѣ 1698 года. Тронная рѣчь Вильгельма принята была радушно: въ

спикеры былъ избранъ кандидатъ министерства. Обманутый этими внѣшними признаками согласія, Вильгельмъ рѣшился потребовать у парламента удвоенія сухопутнаго войска. Министерство, ближе знакомое съ намѣреніями палаты общинъ, полагало ограничиться прежнимъ, десяти тысячнымъ составомъ. Пока министры спорили съ королемъ, Гарлей предложилъ уменьшить постоянное войско до семи тысячъ человекъ. Предложеніе это было принято палатою, съ тѣмъ многозначительнымъ добавленіемъ, чтобы все войско состояло изъ природныхъ Англичанъ. Другими словами, палата потребовала распущенія голландскихъ войскъ, состоявшихъ въ англійской службѣ.

Негодование короля не знало предѣловъ. Онъ дорожилъ, и дорожилъ не безъ причины, своею голландскою гвардіей. Она сопровождала его въ походъ 1688 г., она сражалась вмѣстѣ съ нимъ на берегахъ Бойны, на поляхъ Бельгіи. Но этого мало: рѣшеніе палаты должно было повредить Вильгельму во мнѣніи европейскихъ державъ, должно было уменьшить его вліяніе, стѣснить свободу его дипломатическихъ переговоровъ. Европа знала, что англійскій король силенъ только поддержкою своего народа; она помнила, что Карль II и Іаковъ II, лишенные этой поддержки, были простыми вассалами Лудовика XIV. Въ версальскомъ кабинетѣ была уже приготовлена депеша, съ предложеніемъ Вильгельму тѣхъ унижительныхъ услугъ, которыми пользовались его предшественники черезъ посредство Барилльона и Боурено. Депеша эта не была отправлена, но самый фактъ составленія депеши чрезвычайно замѣчателенъ. Вильгельмъ не могъ равнодушно думать о предстоявшей ему участи. Онъ рѣшился отказаться отъ престола, произнести передъ парламентомъ прощальную тронную рѣчь и удалиться въ Голландію. Проектъ прощальной рѣчи былъ уже составленъ; убѣжденія министровъ долго не могли измѣнить рѣшимость короля. Но его хладнокровное мужество наконецъ взяло верхъ надъ страстнымъ порывомъ. Онъ далъ свое согласіе на билль о сокращеніи войска. Но этимъ еще не окончилась борьба. Смерть баварскаго принца, предполагаемаго наследника испанскаго престола, дала королю новый поводъ настаивать на усиленіи сухопутнаго войска. Парламентъ готовъ былъ допустить численное увеличеніе арміи, лишь бы только она продолжала состоять изъ однихъ природныхъ Англичанъ: но Вильгельмъ, увлекаемый пристрастіемъ къ своимъ вѣрнымъ Голландцамъ, рѣшился просить о возстановленіи голландской

гвардіи. Просьба эта была представлена палатѣ лордовъ въ формѣ билля, палатѣ общинъ—въ формѣ посланія, написаннаго съ начала до конца собственною рукою короля. Это отчаянное усиліе осталось тщетнымъ; палата общинъ отвергла просьбу короля и представила ему адресъ, въ которомъ объясняла причины своего рѣшенія. Вильгельмъ долженъ былъ покориться; голландскія войска оставили Англію.

Но вопросъ о постоянномъ войскѣ не былъ единственнымъ, не былъ даже главнымъ поводомъ къ столкновенію между королемъ и парламентомъ. Еще болѣе волновалъ страну, еще болѣе беспокоилъ Вильгельма вопросъ о пожалованіи коронныхъ земель. Англійскіе государя съ незапамятныхъ временъ смотрѣли на эти земли, какъ на свою частную собственность, и свободно дарили ихъ своимъ придворнымъ. Пожалованіе коронныхъ земель не было отнесено биллемъ правъ къ числу злоупотребленій королевской власти. Вильгельмъ считалъ себя въ правѣ слѣдовать примѣру своихъ предшественниковъ. Коронныя земли казались ему лучшимъ средствомъ для обогащенія его голландскихъ любимцевъ. Но эти любимцы были предметомъ ненависти для всѣхъ Англичанъ, предметомъ зависти для англійской аристократіи, которая не могла равнодушно видѣть ихъ между собою и престоломъ. Каждое пожалованіе, сдѣланное Зюдестейну, Гинкеллю или Оверкерку, возбуждало сильнѣйшій ропотъ и въ парламентѣ, и въ народѣ. Всѣхъ ближе къ Вильгельму, и потому всѣхъ ненавистнѣе для Англичанъ, былъ Бентинкъ, лордъ Портландъ, давнишній другъ Вильгельма, товарищъ молодости его. Вильгельмъ хотѣлъ поставить родъ Бентинковъ наряду съ древнѣйшими и знатнѣйшими домами Англій. Въ концѣ 1695 г. онъ велѣлъ казначейству заготовить патентъ на пожалованіе Бентинку великолѣпнаго короннаго помѣстья, цѣною въ 100.000 фунтовъ. Это превзошло мѣру терпѣнія парламента. Палата общинъ, несмотря на всю свою преданность, обратилась къ королю съ просьбой отмѣнить пожалованіе. Она не оспаривала его законности, но признавала его вреднымъ для государства. Король принужденъ былъ уступить, но этимъ только отерочилъ бурю. Въ началѣ 1698 года, то-есть еще прежде распущенія парламента, вопросъ о коронныхъ земляхъ былъ поднятъ палатой общинъ въ другой, болѣе грозной формѣ. Торіи предложили уничтожить всѣ пожалованія коронныхъ земель, сдѣланныя послѣ революціи 1688 года. Министры не рѣшились

прямо воспротивиться предложенію, но отклонили его ловкимъ ударомъ. Они предложили уничтожить вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ пожалованія временъ Карла II и Іакова II, пожалованія, сдѣланныя преимущественно или даже исключительно въ пользу торіевъ. Торіи принуждены были отступить, и вопросъ о коронныхъ земляхъ остался безъ разрѣшенія.

Если палата общинъ, вообще расположенная къ престолу, такъ враждебно смотрѣла на пожалованія Вильгельма, то тѣмъ съ большею силой должна была напасть на нихъ новая палата, выбранная въ 1698 году, подъ вліяніемъ оппозиціи. Въ концѣ сессіи 1698—1699 г., палата назначила комиссію изъ семи членовъ для составленія отчета о земляхъ, конфискованныхъ въ Ирландіи по поводу послѣдняго возстанія. Вопросъ объ этихъ земляхъ возбужденъ былъ въ первый разъ палатой общинъ въ 1690 г. Палата положила обратить ихъ на государственныя надобности. Билль по этому предмету былъ внесенъ въ палату лордовъ, но не былъ еще рассмотрѣнъ ею, когда Вильгельмъ, торопясь на конгрессъ въ Гагу, отсрочилъ засѣданія парламента. Прощаясь съ палатами, онъ обѣщалъ имъ не располагать конфискованными землями, пока парламенту не представится случай вновь заняться этимъ дѣломъ. Прошло нѣсколько парламентскихъ сессій; палаты нѣсколько разъ имѣли случай поднять вопросъ объ ирландскихъ конфискаціяхъ, но онѣ не воспользовались этими случаями. Тогда Вильгельмъ счелъ себя въ правѣ располагать конфискованными землями, какъ обыкновенною коронною собственностію. Значительная часть ихъ была возвращена прежнимъ владѣльцамъ; еще болѣе значительная часть была пожалована разнымъ приближеннымъ Вильгельма. Между лордомъ Вудстокомъ (старшимъ сыномъ Портланда) и лордомъ Альбемарлемъ, новымъ любимцемъ Вильгельма, раздѣлено было пространство земли, равное по объему цѣлому графству. Объ этихъ именно фактахъ и должна была представить отчетъ комиссія, назначенная парламентомъ. Донесеніе ея, подписанное четырьмя членами, исполнено было горькихъ обвиненій противъ правительства, противъ самого Вильгельма. Онъ присвоилъ себѣ земли, которыя парламентъ хотѣлъ обратить на государственныя надобности, онъ нарушилъ если не букву, то по крайней мѣрѣ смыслъ обѣщанія, торжественно даннаго палатамъ; онъ обогащалъ чужеземцевъ въ то время, когда Англія стонала подъ тяжестью налоговъ; онъ оказалъ преступную снисходи-

тельность къ мятежникамъ, католикамъ, непримиримымъ врагамъ церкви и государства. Меньшинство комиссіи протестовало противъ выводовъ большинства, но не могло опровергнуть фактической стороны отчета.

Прямымъ и единственнымъ назначеніемъ комиссіи было изслѣдованіе всего того, что относилось къ конфискованнымъ ирландскимъ помѣстьямъ. Увѣренное въ поддержкѣ парламента и народа, большинство комиссіи рѣшилось превысить свою власть, выйти изъ предѣловъ своихъ обязанностей. Еще прежде восшествія на англійскій престолъ, Вильгельмъ имѣлъ любовную связь съ Елизаветою Вилле, въ послѣдствіи вышедшею замужъ за лорда Оркней. Связь эта давно прекратилась, но Вильгельмъ сохранялъ къ леди Оркней чувства привязанности и уваженія. Желая обезпечить ея участь, онъ подарилъ ей значительный участокъ земли изъ числа ирландскихъ коронныхъ помѣстій. Земля эта издавна была собственностію короны, и потому вовсе не подлежала разбору комиссіи. Несмотря на то, большинство комиссіи упомянуло о ней въ своемъ отчетѣ, преувеличивъ въ нѣсколько разъ цифру приносимаго ею дохода.

Успѣхъ отчета былъ огромный и полный. Возвращеніе пожалованныхъ земель сдѣлалось любимою мыслию парламента и народа. Оно должно было облегчить финансовыя затрудненія страны, унижить Вильгельма, нанести чувствительный ударъ голландскимъ любимцамъ и ирландскимъ папистамъ. Четыре члена комиссіи, подписавшіе донесеніе, были великолѣпно награждены палатою общинъ. Три члена, составлявшіе меньшинство, подверглись преслѣдованіямъ и нареканіямъ: одинъ изъ нихъ былъ даже заключенъ подъ стражу. Въ палату общинъ внесенъ былъ билль объ уничтоженіи всѣхъ ирландскихъ пожалованій Вильгельма, безъ различія коронныхъ и конфискованныхъ земель. Король желалъ удержать за собою по крайней мѣрѣ одну треть конфискованныхъ помѣстій. Желаніе это было заявлено палатѣ общинъ. Въмѣсто отвѣта, палата немедленно постановила двѣ резолюціи, порицавшія въ самыхъ сильныхъ словахъ образъ дѣйствій правительства по предмету ирландскихъ пожалованій. Резолюціи эти были представлены королю спикеромъ, въ сопровожденіи всѣхъ вождей оппозиціи. Отвѣтъ Вильгельма, выразившій сомнѣніе въ справедливости дѣйствій палаты, только усилилъ бурю. Палата дала полную волю своимъ страстямъ, своимъ преду-

убѣжденіямъ. Гинкель, усмиритель ирландскаго возстанія, Рювинъ, главный виновникъ побѣды при Агримѣ, были лишены всего того, что пожаловалъ имъ Вильгельмъ; но въ пользу герцога Ормонда, единственною заслугою котораго были его торійскія убѣжденія, сдѣлано было исключеніе изъ общаго правила. Безспорныя права были нарушены. Католическимъ владѣльцамъ угрожала новая конфискація. Составленный такимъ образомъ билль поспѣшно былъ утвержденъ палатою общинъ. Но въ палатѣ лордовъ перевѣсъ былъ еще на сторонѣ виговъ; нельзя было ожидать, чтобы она приняла безъ измѣненія подобный законъ. Тогда палата общинъ рѣшилась прибѣгнуть къ крайней, чрезвычайной мѣрѣ. Она соединила законъ о пожалованіяхъ съ биллемъ, установившимъ поземельную подать на слѣдующій годъ, и въ этомъ видѣ внесла его въ палату лордовъ. Палата лордовъ не имѣетъ права измѣнять финансовыя билли; она можетъ принимать или отвергать ихъ только въ полномъ ихъ составѣ. Отвергнуть финансовый билль значило ставить правительство на цѣлый годъ безъ средствъ къ существованію: принять его безъ измѣненія значило слѣпо подчиниться палатѣ общинъ. Негодованіе лордовъ было глубоко. Въ поступкѣ палаты общинъ они видѣли посягательство на законныя права верхней палаты. Присоединяя къ финансовымъ биллямъ законы, не имѣющіе ничего общаго съ финансами, палата общинъ могла парализировать всю дѣятельность палаты лордовъ, уничтожить все ея конституціонное значеніе. Верхняя палата сохранила бы право говорить «да» или «нѣтъ», но на самомъ дѣлѣ всегда была бы принуждена отвѣчать «да». Дѣло шло о ея будущности, о ея чести, и она рѣшилась выдержать отчаянную борьбу. При третьемъ чтеніи билля, предложено было сдѣлать въ немъ нѣсколько частныхъ исправленій; предложеніе это было принято, исполнено, и билль отосланъ назадъ въ палату общинъ. Палата общинъ единогласно отвергла измѣненія, сдѣланныя палатою лордовъ. Она не могла поступить иначе. Принять эти измѣненія значило бы допустить право палаты лордовъ исправлять финансовыя билли, то-есть отказаться отъ одного изъ важнѣйшихъ преимуществъ нижней палаты. Назначена была, какъ всегда въ случаѣ разногласія, конференція между обѣими палатами. Отъ имени палаты общинъ говорилъ Гарлей. Онъ доказывалъ незаконность рѣшенія, постановленнаго лордами, напоминалъ имъ объ отвѣт-

ственности, которую они принимаютъ передъ страню, оставивъ утвержденіе финансоваго билля. Лорды остались непоколебимы. Большинствомъ 47 голосовъ противъ 34 рѣшено было не отступать отъ прежняго мнѣнія. Весь Лондонъ былъ въ смятеніи; никто не могъ предвидѣть, чѣмъ кончится борьба между законодательными сословіями. Палата общинъ въ свою очередь объявила лордамъ, что рѣшеніе ея неизмѣнно. Общественное мнѣніе было сильно расположено въ пользу билля. Нельзя было и думать о распущеніи палаты общинъ, о производствѣ новыхъ выборовъ. Конечно, соединеніе обыкновеннаго закона съ финансовымъ биллемъ противорѣчило духу конституціи; но палата лордовъ выбрала дурную минуту для защиты своего конституціоннаго права. При другихъ обстоятельствахъ, образъ дѣйствій палаты общинъ возбудилъ бы негодованіе народа <sup>1</sup>; но билль объ ирландскихъ пожалованіяхъ былъ такъ популяренъ, что страна готова была провести его какимъ бы то ни было, хотя бы и не строго конституціоннымъ способомъ. Дальнѣйшее сопротивленіе становилось невозможнымъ. Министры, самъ король совѣтовали лордамъ уступить. Уартонъ, самый ревностный защитникъ измѣненій, удалился изъ Лондона, архіепископъ кентерберійскій и нѣкоторые другіе прелаты вышли изъ палаты передъ самою подачей голосовъ, какъ Веллингтонъ при вотированіи билля о реформѣ. Билль былъ принятъ безъ измѣненій, большинствомъ пяти голосовъ, и немедленно утвержденъ королею. Дѣло было разрѣшено миролюбиво; но раздраженіе, произведенное имъ, долго еще отзывалось на взаимныхъ сношеніяхъ короля и палаты общинъ. Пораженіе, понесенное Вильгельмомъ, не осталось безъ вліянія на общій ходъ европейскихъ событій.

Съ нападеніями на общую политику Вильгельма тѣсно были соединены нападенія на отдѣльныхъ совѣтниковъ его. Во главѣ министерства стояли въ это время предводители виговъ, члены такъ-называемой вигской юнты, лордъ-канцлеръ Сомерсетъ,

---

<sup>1</sup> Такъ это и случилось нѣсколько лѣтъ спустя, при королевѣ Аннѣ, по поводу билля on occasional conformity. Билль этотъ два раза былъ принимаемъ палатою общинъ и два раза отвергаемъ палатою лордовъ. Чтобы сломить оппозицію верхней палаты, торіи предложили соединить этотъ законъ съ финансовымъ биллемъ. Это предложеніе не было принято и содѣйствовало паденію торійскаго министерства.



первый лордъ казначейства Монтегю и первый лордъ адмиралтейства, Эдуардъ Россель, графъ Орфордъ. Мало походя другъ на друга, они всѣ были предметомъ равной ненависти для торіевъ. Въ Сомерсѣ торіи видѣли главную опору вигской партіи, высоко честнаго, мудраго государственнаго человека, уважаемаго всѣми, даже врагами, одинаково замѣчательнаго и знаніемъ дѣла, и опытностію, и вѣрнымъ взглядомъ на вещи. Монтегю, первый финансистъ своего времени, основатель англійскаго банка, покровитель капитала и торговли (monied interest), былъ особенно ненавистенъ сельскому джентри (country gentlemen), землевладѣльческому классу, представителямъ такъ-называемаго landed interest. Быстрое возвышеніе Монтегю, его гордость, его самоувѣренность еще болѣе увеличивали число его личныхъ враговъ. Россель, способный адмиралъ, но жадный, безчестный администраторъ, человекъ безъ правилъ и безъ убѣжденій, обязанъ былъ своему имени высокимъ мѣстомъ въ рядахъ вигской партіи. Измѣнчивый во всемъ, онъ былъ постоянно вѣренъ наследственной враждѣ своей къ торіямъ, и столь же постоянно былъ ненавидимъ ими.

Первое нападеніе противъ Монтегю было сдѣлано въ парламентскую сессію 1697—1698 г., то-есть въ то время, когда преобладаніе въ палатѣ общинъ еще принадлежало вигамъ. Его обвинили сначала въ злоупотребленіяхъ по выпуску изобрѣтенныхъ имъ билетовъ казначейства, потомъ въ тайномъ принятіи въ даръ отъ короля значительнаго участка коронной земли. Усилія его враговъ на этотъ разъ были тщетны. Палата не только оправдала его, но вотировала ему благодарность за услуги, оказанныя имъ государству. Онъ достигъ повидимому высшей степени вліянія и славы. Палата общинъ безпрекословно признавала его своимъ руководителемъ (leader); авторитетъ его въ финансовыхъ дѣлахъ былъ безграниченъ; онъ пользовался довѣріемъ и уваженіемъ Вильгельма. Когда наступили общіе выборы 1698 года, вестминстерскіе избиратели, самая образованная корпорація во всей Англій, послали его своимъ представителемъ въ палату общинъ. Но здѣсь положеніе его совершенно измѣнилось. Большинство принадлежало торіямъ; руководителями палаты были Гарлей, Сеймуръ, Гоу (Howe), злѣйшіе враги Монтегю. Каждая мѣра, предлагаемая Монтегю, подвергалась строгому, недоброжелательному разбору, и часто отвергалась только потому, что

онъ предложилъ ее. Изъ двухъ финансовыхъ плановъ, палата принимала наименѣе выгодный для страны, если только другой былъ начертанъ Монтегю. Все краснорѣчіе его было бесполезно противъ множества мелкихъ враговъ, которые не осмѣливались возражать ему открыто, но не давали ему говорить, безпрестанно прерывали его смѣхомъ и оскорбительными восклицаніями. Выведенный изъ терпѣнія, постоянно угрожаемый формальнымъ обвиненіемъ, Монтегю воспользовался промежуткомъ между двумя парламентскими сессіями, чтобы сложить съ себя званіе перваго лорда казначейства. Онъ оставилъ за собою только доходную синекуру, которую приготовилъ себѣ, на всякій случай, при самомъ началѣ торійской реакціи.

Россель еще ранѣе Монтегю пересталъ быть членомъ министерства. Его морское управленіе подверглось строгому и во многихъ отношеніяхъ заслуженному порицанію палаты общинъ. Предложеніе удалить его отъ должности было отвергнуто ничтожнымъ большинствомъ четырехъ голосовъ. Королю представленъ былъ адресъ съ просьбою прекратить злоупотребленія, вкравшіяся въ морское вѣдомство. Было обнаружено, что Россель занималъ въ одно и то же время двѣ несовмѣстимыя должности—перваго лорда адмиралтейства и флотскаго казначея, изъ которыхъ одной принадлежалъ надзоръ за другою. Король предложилъ Росселю удержать за собою одну изъ этихъ должностей и отказаться отъ другой. Выборъ Росселя склонялся въ пользу менѣе почетной, но болѣе доходной и безопасной должности казначея. Друзья его съ трудомъ уговорили его не жертвовать властью изъ-за денегъ. Онъ остался первымъ лордомъ адмиралтейства, но не надолго. Горя мщеніемъ противъ торіевъ, онъ хотѣлъ удалить изъ адмиралтейства одного изъ приверженцевъ этой партіи, сэръ-Джорджа Рука. Вильгельмъ не нашелъ достаточнаго основанія къ удаленію Рука, и раздраженный Россель подалъ въ отставку, соединяя въ одной общей ненависти и торіевъ, и самого Вильгельма.

Вигская юнта болѣе не существовала: Россель и Монтегю были удалены отъ всякаго участія въ дѣлахъ управленія; но торжество оппозиціи не могло быть полнымъ, пока во главѣ министерства оставался Сомерсъ. Противъ него сосредоточены были всѣ усилія торіевъ. Его политическая дѣятельность была безукоризненна; его скромность, его умѣренность пріобрѣли ему друзей даже въ рядахъ противной партіи; но такіе люди,

какъ Сеймуръ и Гоу, ненавидѣли его тѣмъ сильнѣе, что не могли не уважать его. Сомерсъ спокойно выжидалъ опасность. Онъ не готовилъ себѣ пути къ отступленію, не старался, подобно Монтегю, обезпечить себя въ будущемъ доходнымъ мѣстомъ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, губернаторъ Нью-Йорка и Массачусетса, графъ Белламонъ, снарядилъ военный корабль для преслѣдованія пиратовъ, свирѣпствовавшихъ въ Индѣйскомъ океанѣ. Сомерсъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими вигами, участвовалъ въ этомъ дѣлѣ денежнымъ взносомъ, и, въ качествѣ лорда-канцлера, приложилъ государственную печать къ патенту, одобрявшему предпріятіе Белламона. Но командиръ корабля, капитанъ Киддъ, обманулъ довѣріе Белламона. Вмѣсто того чтобы прекратить морской разбой, онъ самъ принялъ участіе въ немъ. Извѣстіе объ этомъ было радостно принято торіями. Всякое оружіе казалось имъ годнымъ для борьбы съ ненавистнымъ противникомъ. Они стали утверждать, что Сомерсъ заранѣе зналъ о преступной цѣли капитана Кидда. Въ палату общинъ внесена была резолюція, осуждавшая въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ выдачу вышеупомянутаго патента. Принятіе этой резолюціи неизбежно должно было имѣть послѣдствіемъ выходъ Сомерса изъ министерства. Но безумная злоба торіевъ завлекла ихъ слишкомъ далеко. Недѣльность обвиненія, взведеннаго на Сомерса, была слишкомъ очевидна, несправедливость его—слишкомъ возмутительна. Резолюція была отвергнута большинствомъ пятидесяти шести голосовъ. Оппозиція замолкла, въ ожиданіи болѣе удобнаго случая. Случай этотъ не замедлилъ представиться. Вильгельмъ подарилъ Сомерсу небольшой участокъ коронной земли для покрытія издержекъ, сопряженныхъ съ достоинствомъ пера и съ званіемъ канцлера. Такое пожалованіе было совершенно въ порядкѣ вещей, и не противорѣчило ни законамъ, ни обычаямъ страны. Но оно было сдѣлано въ военное время, и этого обстоятельства было достаточно, чтобы дать торіямъ новый поводъ къ обвиненію Сомерса. Не рѣшаясь открыто напасть на него, они предложили палатѣ такую общую резолюцію, которая заключала въ себѣ косвенное осужденіе его. Хитрость эта была разоблачена вигами. Партіи какъ бы помѣнялись своими ролями. Приверженцы правительства, обыкновенно не рѣшительные и робкіе, громко и смѣло возвысили голосъ въ пользу Сомерса; оппозиція, обыкновенно надменная и дерзкая, унизилась до дна, увѣряя, что вовсе не имѣла въ виду обвинять

лорда-канцлера. Революція была отвергнута большинствомъ пятидесяти голосовъ. Третье нападеніе на Сомерса, въ этотъ разъ уже безъ всякихъ прикрытій, было сдѣлано въ самомъ концѣ бурной сессіи 1699—1700 г., по поводу вопроса объ ирландскихъ пожалованіяхъ: но и оно осталось безъ успѣха. Неутомимой враждѣ торіевъ удалось наконецъ провести обвиненіе противъ Сомерса: но это относится уже къ другой, позднѣйшей эпохѣ, до которой, къ сожалѣнію, не дошелъ Маколей. Мы еще будемъ имѣть случай возвратиться къ этому обвиненію, состоящему въ связи съ вышнюю политикой Вильгельма.

Итакъ, послѣ выборовъ 1698 года, большинство палаты общинъ было одинаково враждебно и политикѣ министерства, в личностяхъ министровъ. Несмотря на то, составъ министерства долго оставался безъ всякаго измѣненія. Даже послѣ выхода Монтегю и Росселя, виги продолжали преобладать въ совѣтъ короля. Это ненормальное положеніе дѣлъ могло имѣть самыя гибельныя послѣдствія. Нѣтъ ничего опаснѣе для государства, говорить Маколей, какъ постоянное разногласіе палаты общинъ съ исполнительною властью. Самое дурное министерство не такъ вредно, какъ отсутствіе министерства, то-есть его безсиліе, его политическая ничтожность. Согласіе между министерствомъ и парламентомъ давно уже сдѣлалось необходимымъ условіемъ англійскаго государственнаго быта. Каждый разъ, когда вновь выбранная палата отказываетъ министерству въ своемъ довѣрїи, министерство немедленно выходитъ въ отставку, и мѣсто его занимаютъ его противники. Члены вигской юнты поступили иначе: они остались въ кабинетѣ, потерявъ большинство въ палатѣ общинъ. Они не понимали, что польза государства, польза собственной ихъ партіи необходимо требовала выхода ихъ изъ министерства. Составленіе новаго правительства было бы поручено предводителямъ оппозиціи. Отвѣтственность, сопряженная съ властью, укротила бы горячіе порывы торіевъ. Они перестали бы нападать на придворныхъ, потому что сами сдѣлались бы придворными, перестали бы требовать уменьшенія налоговъ, расиущенія регулярной арміи, потому что убѣдились бы въ опасности и неудобноисполнимости этихъ требованій. Союзъ между торіями и недовольными вигами прекратился бы самъ собою; умѣренные виги, безсильные въ министерствѣ, сдѣлались бы грозными въ оппозиціи; популярность Гарлея пере-

шла бы къ Монтегю и Сомерсу, и черезъ нѣсколько лѣтъ народный гласъ единодушно потребовалъ бы возвращенія нѣтъ власти, которой они были такъ достойны.

Но эти простые истины, плодъ опытности пяти поколѣній, не были доступны государственнымъ людямъ XVII столѣтія. Понятія, господствовавшія прежде революціи, не уступили еще мѣста болѣе здравымъ началамъ. Даже Сомерсъ, передовой человѣкъ своего времени, не вполне сознавалъ необходимость единодушія между парламентомъ и исполнительной властью. Въ началѣ 1699 года Англія, можно сказать, осталась безъ министерства; и съ этихъ поръ начинается періодъ неограниченнаго, деспотическаго господства палаты общинъ, періодъ, прерываемый только короткими промежутками согласія ея съ королемъ и министрами. Въ продолженіе пяти или шести лѣтъ палата общинъ успѣла нарушить права короля и лордовъ, судебныхъ мѣстъ и избирательныхъ корпорацій, права, освященныя временемъ, утвержденныя великою хартіей, — успѣла, однимъ словомъ, возбудить противъ себя единодушную ненависть народа. Эта анархія, этотъ разладъ между представителями страны и самою страной продолжался до общихъ выборовъ 1705 года, возстановившихъ, и уже навсегда, правильное отношеніе между главными частями англійскаго государственнаго организма.

Въ *Times*, при разборѣ послѣдняго тома *Исторіи Англіи*, сдѣлано нѣсколько возраженій противъ взгляда Маколея на парламентскій кризисъ 1699 года. Глубокое знакомство съ государственнымъ бытомъ Англіи, одно изъ главныхъ достоинствъ Маколея, объясняетъ, по мнѣнію *Times*, и нѣкоторыя его ошибки. Онъ понималъ, въ чемъ заключается источникъ и основа современнаго величія Англіи; онъ зналъ, какимъ учрежденіямъ, какимъ особенностямъ своей исторической жизни она обязана своимъ исключительнымъ положеніемъ среди западно-европейскихъ государствъ. Сочувствіе его къ этимъ учрежденіямъ заставляло его забывать, что они не всегда были удобоосуществимы на практикѣ, что развитіе ихъ требовало много времени и не могло совершиться безъ препятствій. Маколей находить, что дѣйствія вигской юнты въ 1699 г. не соответствуютъ идеалу министерства, въ новѣйшемъ, конституціонномъ смыслѣ этого слова. Но нельзя упускать изъ виду, что при спорномъ престолонаслѣдіи, при шаткости династіи, строго-конституціонное правительство было совершенно не

возможно. Если Вильгельмъ былъ правъ, не отрекаясь отъ престола, то неужели его министры были виноваты, продолжая служить ему? Каково было бы положеніе Вильгельма въ рукахъ Гарлея и Сеймура, или даже въ рукахъ Мальборо и придворныхъ, окружавшихъ принцессу Анну?

Намъ кажется, что *Times* напрасно обвиняетъ Маколей въ увлеченіи или ошнбкѣ. Революція 1688 года была торжествомъ парламентарнаго правленія; она была произведена во имя согласія между парламентомъ и престоломъ. Парламентъ получилъ то преобладающее значеніе, котораго такъ давно домогался, и которому такъ упорно противились Стюарты. Король лишень былъ возможности дѣйствовать помимо парламента; совѣтники короны принуждены были искать поддержки въ представителяхъ страны. Это новое положеніе дѣлъ не могло установиться вдругъ, безъ борьбы, безъ потрясеній. Смысль, характеръ революціи, ясный для потомства, не былъ вполне понятенъ для современниковъ; многіе принимали принципъ, но не сознавали или не допускали всѣхъ его послѣдствій. Условія, необходимыя для правильной организаціи новаго порядка вещей, не могли выработаться сразу. Они сложились постепенно, сами собою, подъ вліяніемъ неотразимой силы вещей, незамѣтно даже для тѣхъ, кто участвовалъ въ развитіи ихъ. Отсюда противоположность между общимъ ходомъ событій и дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ. Общій ходъ событій ведетъ, мало-по-малу, къ осуществленію принциповъ 1688 года; отдѣльные политическіе дѣятели, даже расположенные въ пользу этихъ принциповъ, колеблются между ними и старыми преданіями, и часто жертвуютъ первыми изъ-за послѣднихъ. Несправедливо было бы осуждать ихъ за это; но позволительно, кажется, искать въ этомъ причину безпорядковъ, которыми такъ богата всякая переходная эпоха. Маколей не обвиняетъ вигскую юнту за то, что она оставалась въ кабинетѣ вопреки большинству палаты общинъ. Онъ говоритъ только, что выходъ ея изъ министерства былъ бы болѣе полезенъ для страны. Вопросъ идетъ вовсе не о томъ, правы ли, или виноваты вигскіе министры. Нельзя упрекать ихъ въ непониманіи того, что, по справедливому замѣчанію Маколей, не было вполне доступно даже передовымъ людямъ этого времени. Вопросъ заключается только въ томъ, какое значеніе имѣла бы въ 1699 году перемѣна министерства: благотѣль-

ное ли, какъ полагаетъ Маколей, или пагубное, какъ утверждаетъ *Times*.

Понятіе о министерствѣ, какъ о собраніи лицъ, единодушныхъ между собою и поддерживаемыхъ большинствомъ палаты общинъ, принадлежало къ числу неизбѣжныхъ, логическихъ послѣдствій революціи 1688 года. Необходимость такого министерства чувствовалась еще прежде нежели была сознана. До революціи, совѣтники короны не составляли одного цѣлаго, не были соединены между собою никакою внутреннею связью. Они дѣйствовали независимо, отдѣльно другъ отъ друга, не оказывали другъ другу никакой взаимной поддержки, не считали себя солидарными передъ странюю, часто даже избирались изъ среды различныхъ политическихъ партій. Вильгельмъ III, вступивъ на престолъ, послѣдовалъ въ этомъ отношеніи примѣру своихъ предшественниковъ. Онъ составилъ министерство изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, соединилъ въ немъ торіевъ, триммеровъ (*tiers-parti*) и виговъ, политическихъ соперниковъ и личныхъ враговъ. Эта неестественная комбинація, предпринятая въ видахъ примиренія партій привела къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Министерство истощало свои силы во внутреннихъ несогласіяхъ и не могло руководить дѣятельностью парламента. Въ палатѣ общинъ не было ни министерской партіи, ни оппозиціи, этихъ существенныхъ условій правильного парламентарнаго правленія. Ряды защитниковъ и противниковъ правительства безпрестанно перемѣшивались, смотря по тому, какого именно министра преимущественно затрогивалъ спорный вопросъ. По выраженію одного изъ тогдашнихъ государственныхъ людей, никто не зналъ заранее, что сдѣлаетъ завтра палата общинъ. Въ 1693 году зло достигло крайнихъ предѣловъ. Изъ двухъ государственныхъ секретарей, одинъ былъ пламенный вигъ, другой—ревностный тори. Этотъ послѣдній, Ноттингамъ, состоялъ въ открытой враждѣ съ первымъ лордомъ адмиралтейства, Росселемъ. Вильгельмъ, по совѣту Сандерланда, сдѣлалъ первый шагъ къ преобразованію министерства, и сдѣлалъ его въ пользу виговъ. Ноттингамъ, несмотря на личное къ нему расположеніе Вильгельма, былъ удаленъ отъ должности. Мѣсто его заступилъ одинъ изъ главныхъ виговъ, Шрусбери. Это было только началомъ кризиса. Кермартенъ все еще былъ президентомъ совѣта, Годольфингъ—первымъ лордомъ казначейства. Но и они вскорѣ подверглись судьбѣ осталь-

ныхъ торіевъ, и въ 1696 г. министерство состояло уже исключительно изъ виговъ. Гармонія, установившаяся внутри кабинета, не могла не отозваться и въ палатѣ общинъ. Выборы 1695 года доставили большинство вигской партіи: но этого было мало, нужно было удержать за собою большинство, организовать изъ него прочный оплотъ противъ всѣхъ замысловъ якобитовъ, противъ всѣхъ нападеній торійской оппозиціи. Эта цѣль, недоступная для прежнихъ разрозненныхъ кабинетовъ, была достигнута единодушіемъ вигскаго министерства. Сильное постоянною поддержкой палаты, оно устроило финансы страны, привело въ порядокъ монетную систему, окончило долговременную войну почетнымъ, давно желаннымъ миромъ. Наступили общіе выборы 1698 года. Большинство въ палатѣ общинъ перешло на сторону торіевъ. Согласіе между палатой и министерствомъ сдѣлалось невозможнымъ. Съ этого времени начался рядъ внутреннихъ волненій, обезсилившихъ Англію извнѣ, угрожавшихъ опасностію ея государственнымъ учрежденіямъ. Итакъ, періодъ единодушной дѣятельности министерства и палаты общинъ былъ счастливѣйшимъ періодомъ царствованія Вильгельма. И прежде, и послѣ этого періода мы видимъ одинаковыя смуты, одинаковые безпорядки, и по тождеству явленій имѣемъ право заключить о тождествѣ причинъ. Послѣдствія не могутъ быть искоренены до тѣхъ поръ, пока существуетъ причина. Разногласіе между министерствомъ и палатою общинъ въ 1693—96 годахъ было устранено преобразованиемъ министерства; въ 1699 году оно могло быть устранено только совершенною перемѣной кабинета. Но по мнѣнію *Times*, отставка вигскаго министерства должна была принести еще болѣе вреда чѣмъ пользы. Мнѣніе это противорѣчитъ послѣдующимъ фактамъ царствованія Вильгельма. Уже въ концѣ сессіи 1698—99 г., король допустилъ въ министерство двухъ умѣренныхъ торіевъ. Затѣмъ, въ 1701 г., въ самый разгаръ торійской реакціи, Вильгельмъ принужденъ былъ образовать чисто торійское министерство. Неотразимая сила вещей заставила его вступить въ соглашеніе съ торжествующею партіей. И что же? несмотря на несвоевременность этой уступки, она не прозвела тѣхъ вредныхъ результатовъ, о которыхъ говорятъ *Times*. Правда, Вильгельмъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ любимыхъ плановъ, долженъ былъ терпѣливо переносить преобладаніе Лудовика XIV, но причиною всего этого было не столько торійское мини-



стерство, сколько торійская палата общинъ. Положимъ, что исполнительная власть находилась бы и въ это время въ рукахъ виговъ: развѣ они имѣли бы возможность объявить войну Франціи, развѣ палата общинъ позволила бы имъ привести въ дѣйствіе намѣренія Вильгельма? Развѣ въ 1699 году, когда министерство все безъ раздѣла еще принадлежало вигамъ, Гарлей и Сеймуръ не были сильнѣе нежели Монтегю и Сомерсъ? Министерство не могло провести ни одной мѣры, не могло исполнить ни одного желанія Вильгельма; предводители оппозиціи могли быть заранѣе увѣрены въ успѣхѣхъ каждаго своего предложенія. Перемена кабинета нисколько не уменьшила бы власти виговъ, нисколько не ограничила бы прерогативы короля. Виги и безъ того лишены были всякой власти, прерогатива короля и безъ того была осуждена на бездѣйствіе. Вспомнимъ, что онъ вынужденъ былъ утвердить ненавистный ему билль объ ирландскихъ конфискаціяхъ. Положеніе Вильгельма и его министровъ было такъ худо, что не могло почти переимѣниться къ худшему. Отказавшись отъ вѣдшихъ признаковъ власти, виги, по справедливому замѣчанію Маколея, легко могли возвратить себѣ самую сущность ея. Изъ словъ *Times* можно было бы заключить, что Гарлей и Сеймуръ были якобитами, что передача власти въ ихъ руки немедленно повлекла бы за собою низверженіе Вильгельма, возвращеніе Іакова II. Нисколько: Гарлей и Сеймуръ не были заговорщиками. Они хотѣли достигнуть власти, но не для того чтобы передать ее падшей династіи. Припомнимъ, что даже при другихъ обстоятельствахъ, болѣе благоприятныхъ для реставраціи, Гарлей (графъ Оксфордскій) не рѣшился стать на сторону претендента. Столь же не основательно было бы предполагать, что торіи воспользовались бы властью для насильственнаго возведенія на престолъ принцессы Анны. Анна, какъ всѣмъ было извѣстно, находилась подъ безусловнымъ вліяніемъ лорда Мальборо. Дѣйствовать въ пользу Анны значило бы дѣйствовать въ пользу Мальборо, а на это конечно не согласились бы ни Гарлей, ни Сеймуръ.

Итакъ, перемена кабинета не грозила опасностью ни протестантскому престолонаслѣдію, ни самому Вильгельму. Единственнымъ послѣдствіемъ ея, по всей вѣроятности, былъ бы переходъ исполнительной власти отъ виговъ къ торіямъ. Но торійское министерство не было бы новостью для Вильгельма. Въ первые годы его царствованія, главные совѣтники его

принадлежали къ партіи торіевъ. Онъ высоко цѣнилъ умъ и опытность Кермартена, честность и прямоту Ноттингама, финансовыя способности Годольфина. Даже Сеймуръ занималъ нѣсколько времени довольно важную должность въ министерствѣ. Вильгельмъ не питалъ особеннаго расположенія ни къ торіямъ, ни къ вигамъ: онъ былъ одинаково чуждъ страстямъ и предрасудкамъ обѣихъ партій. Онъ долго сохранялъ равновѣсіе между ними, и рѣшился дать предпочтеніе вигамъ только потому, что нашелъ въ нихъ больше сочувствія къ своей иностранной политикѣ. Рисвикскій миръ не прекратилъ дипломатической дѣятельности Вильгельма. Онъ сознавалъ возможность новой войны, и потому желалъ удержать власть за вигскимъ министерствомъ. Онъ слышалъ возгласы торіевъ противъ регулярныхъ армій, высокихъ налоговъ и государственнаго долга, и не хотѣлъ дать имъ возможность осуществить эти возгласы на самомъ дѣлѣ. Мы уже видѣли, что сопротивленіе Вильгельма было безплодно, что политика его была парализована торіями гораздо прежде вступленія ихъ въ министерство. Мы думаемъ, согласно съ Макоеемъ, что Гарлей и Сеймуръ, какъ министры, оказались бы гораздо менѣе враждебны политикѣ Вильгельма, нежели какъ оппозиціонные ораторы. Вотъ почему мы вполнѣ раздѣляемъ взглядъ Макоея на кризисъ 1699—1700 года. Подобно другимъ парламентскимъ кризисамъ Англій, онъ могъ быть предупрежденъ или прекращенъ только перемѣною кабинета. Перемѣна эта совершилась въ 1701 году: но двухлѣтняя отсрочка дорого стоила вигскимъ министрамъ, а вмѣстѣ съ ними и всему государству.

Мнѣніе Макоея о кризисѣ 1699 года, можетъ быть признано образцомъ исторической критики, въ высшемъ, обширномъ значеніи этого слова. Оцѣнка историческихъ лицъ и событій, слагается изъ двухъ совершенно различныхъ элементовъ. Каждый историкъ есть прежде всего человекъ своего времени, онъ невольно подчиняется его вліянію, онъ не можетъ отрѣшиться отъ его идей, отъ его взглядовъ. Онъ долженъ пользоваться всѣмъ запасомъ знанія и опытности, выработаннымъ предшестующими вѣками. Отсюда возможность постоянной переработки дав. о извѣстныхъ фактовъ, переработки, составляющей прогрессъ исторической науки. Но съ другой стороны, историкъ долженъ перенестись мысленно въ описываемую имъ эпоху, усвоить себѣ ея понятія и

взгляды, воскресить передъ собою давно-исчезнувшее разположеніе умовъ, со всѣми его заблужденіями и предразсудками. Однимъ словомъ, онъ долженъ смотрѣть на событія съ точки зрѣнія и того времени, въ которое онъ пишетъ, и того времени, въ которое они совершились. Трудности этой задачи огромны; удовлетворить всѣмъ требованіямъ ея могутъ только великіе писатели. Историкъ постоянно угрожаетъ опасностью уклониться въ ту или другую сторону, впасть въ ту или другую крайность. Онъ можетъ слишкомъ безраздѣльно углубиться въ прошедшее, или слишкомъ исключительно держаться настоящаго; онъ можетъ увлечься историческимъ оптимизмомъ или историческою нетерпимостью. Если историкъ, подъ вліяніемъ ложно-понятаго безпристрастія, старается отдѣлаться отъ всего того, что даетъ ему окружающая сфера, отъ своихъ убѣжденій, отъ своихъ симпатій, если онъ упускаетъ изъ виду живую связь, существующую между прошедшимъ и настоящимъ, онъ рискуетъ обратиться въ простаго разказчика событій. Лишенный всякой нравственной опоры, онъ будетъ одинаково относиться къ добру и ко злу, одинаково спокойно объяснять и то, и другое, выводя всѣ событія изъ закона исторической необходимости, оправдывая всѣхъ историческихъ дѣятелей неотразимою силою фатума. Если, напротивъ, историкъ ни на минуту не можетъ освободиться изъ-подъ вліянія настоящаго, если онъ судить людей другой эпохи такъ же строго, какъ и своихъ современниковъ, если онъ требуетъ отъ первыхъ такъ же много, какъ и отъ послѣднихъ, то приговоры его, очевидно, будутъ слишкомъ односторонни, чтобы быть справедливыми. Есть, безъ сомнѣнія, истины вѣчныя, есть причины, которыя неизбѣжно приводятъ къ извѣстнымъ послѣдствіямъ, есть принципы, нарушеніе которыхъ никогда не проходитъ даромъ для общества. Но эти истины сознаются не вдругъ, эти причины долго остаются нераскрытыми, эти принципы торжествуютъ только послѣ упорной борьбы,—и какъ многіе изъ нихъ не восторжествовали еще и въ наше время! Историки, увлекающіеся прошедшимъ, часто не признаютъ общихъ истинъ, общахъ принциповъ, или по крайней мѣрѣ отвергаютъ вліяніе ихъ на общество, въ данную эпоху. Историки, увлекающіеся настоящимъ, вдаются въ противоположную крайность: они не прощаютъ никому и никогда нарушеніе извѣстнаго

принципа, они безпощадно преслѣдуютъ всякое, даже безсознательное сопротивленіе извѣстной идеѣ. То же самое можно сказать и объ отдѣльныхъ историческихъ законахъ, относящихся къ данному порядку вещей, къ извѣстному образу правленія, къ той или другой сторонѣ народной жизни. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Къ числу принциповъ, принятыхъ, хотя и далеко не осуществленныхъ нашею эпохой, принадлежитъ принципъ вѣротерпимости. Мыслители и государственные люди согласны въ томъ, что вѣротерпимость справедлива, что она необходима для благосостоянія народовъ, что преслѣдованіе, даже стѣсненіе религіозныхъ мнѣній не достигаетъ своей цѣли или, лучше сказать, достигаетъ цѣли совершенно противоположной. Возобновленіе гоненій за вѣру въ наше время было бы преступленіемъ, не допускающимъ никакого оправданія, потому что оно было бы недобросовѣстно, потому что онованіемъ его служило бы не искреннее убѣжденіе, а политическій расчетъ. Виновниковъ такого гоненія исторія справедливо могла бы заклеить всею тяжестью своего обвинительнаго приговора. Она не поколеблется осудить австрійскій конкордатъ, или шведскіе законы противъ католиковъ. Но было время, когда принципъ вѣротерпимости былъ доступенъ только немногимъ высокимъ умамъ, когда фанатизмъ считался добродѣтелью, когда гонимые, достигая власти, въ свою очередь обращались въ гонителей. Нѣтъ сомнѣній, что и въ это время преслѣдованія за вѣру причиняли страшный вредъ обществу; но виновники преслѣдованій, въ большей части случаевъ, дѣйствовали по убѣжденію, подчиняясь господствующимъ понятіямъ своей эпохи. Какъ посмотреть на такую эпоху историкъ, переносящій въ прошедшее всѣ требованія настоящаго? Онъ заставитъ нѣсколько отдѣльныхъ лицъ отвѣчать за вину цѣлаго народа, цѣлой эпохи, которой они были только самыми вѣрными представителями. Это будетъ именно то наказаніе десятиаго, о которомъ говоритъ Маколей въ своей статьѣ о Макиавелли. Съ другой стороны, историкъ, въ изученіи прошедшаго забывающій о настоящемъ, будетъ смотрѣть равнодушно на всѣ ужасы религіознаго фанатизма. Онъ скажетъ, что ужасы эти были неизбежны, что они составляли тяжелое испытаніе, черезъ которое должно было пройти общество для собственной же своей пользы; что бѣдствія религіозной войны вызвали на свѣтъ дарованія, которыя безъ нея оста-

лись бы скрытыми,—силы, которыя безъ нея не нашли бы себѣ употребленія; что преслѣдованіе есть пробный камень истины и необходимая школа для всякаго новаго ученія<sup>1</sup>. Отсюда естественно проистекаетъ полное оправданіе всѣхъ тѣхъ, кто принималъ участіе въ гоненіяхъ за вѣру. Этотъ послѣдній взглядъ еще опаснѣе перваго. Намъ кажется, что истина по срединѣ. Принципъ вѣротерпимости такъ тѣсно связанъ съ достоинствомъ и благомъ человѣческаго рода, что нарушеніе его во всѣ времена неизбежно должно было приводить къ однимъ и тѣмъ же бѣдственнымъ послѣдствіямъ, но не всѣ виновники этихъ бѣдствій подлежатъ равной отвѣтственности передъ судомъ исторіи. Отвѣтственность ихъ должна возвышаться по мѣрѣ того, какъ вырабатывался и выяснялся принципъ вѣротерпимости. Передъ судомъ исторіи, какъ и передъ обыкновеннымъ судомъ, степень вины преступника зависитъ отъ степени сознательности преступнаго дѣйствія. Столь же необходимо обращать вниманіе на источникъ гоненія, на побужденія гонителей. Нельзя смѣшивать политика съ энтузіастомъ, государственнаго человѣка, подписывающаго декретъ о гоненіи, съ ослѣпленнымъ народомъ, терзающимъ еретиковъ. Первый, въ большей части случаевъ, дѣйствуетъ подъ вліяніемъ чисто свѣтскихъ соображеній, переплетающихся съ религіознымъ фанатизмомъ, иногда только прикрываемыхъ имъ; послѣдній повинуется увлеченію, свободному отъ всякихъ эгоистическихъ разчетовъ. Какъ ни смутны были въ XVI вѣкѣ понятія о вѣротерпимости, невозможно оправдать Екатерину Медичи за Вароломеевскую ночь, Елизавету англійскую—за антипапистскіе законы, потому что и для той, и для другой чисто-религіозные интересы стояли далеко не на первомъ планѣ. Кто поставитъ на одинъ рядъ средне вѣковыхъ инквизиторовъ, жестокихъ, но почти всегда добросовѣстныхъ служителей ложно-понятаго ученія, и иезуитовъ XVII вѣка, пре-

<sup>1</sup> Опроверженіе этого послѣдняго софизма можно найти во второй главѣ сочиненія Дж. Ст. Милля *On liberty*. Онъ доказываетъ фактически, что преслѣдованіе всего чаще одерживаетъ верхъ надъ истиной или по крайней мѣрѣ надолго замедляетъ торжество ея; онъ напоминаетъ о томъ, сколько реформаторовъ пало въ борьбѣ съ католическою церковью, пока наконецъ Лютеру не удалось побѣдить ее, во сколькихъ стравахъ огнемъ и мечомъ были совершенно уничтожены послѣдствія реформы (Южные Нидерланды, Испанія, Австрія).

слѣдующихъ протестантамъ безъ твердаго убѣжденія въ истинѣ католической вѣры? Односторонность нетерпима въ исторіи: безусловное оправданіе и безусловное осужденіе одинаково ведутъ къ несправедливости и ошибкамъ.

Возвратимся теперь къ нашему предмету. Революція 1688 года установила въ Англій парламентарное правленіе, но не выработала вдругъ всѣхъ его существенныхъ условій; какъ посмотрѣли бы на этотъ фактъ историкъ двухъ упомянутыхъ нами оттънковъ? Историкъ-фаталистъ могъ бы сказать, что парламентарное правленіе, въ первомъ періодѣ своего существованія, не нуждалось въ тѣхъ условіяхъ, которыя сдѣлались для него необходимы въ послѣдствіи; что нельзя было насильно, преждевременно навязать ему эти условія; что строго конституціонное министерство, произведеніе позднѣйшей эпохи, было неудобопримѣнимо при Вильгельмѣ III, было бы даже пагубно при немъ, что смуты, наполняющія царствованіе этого государя, были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ новаго порядка вещей и не могли быть предупреждены никакою перемѣной министерства. Мы уже видѣли, что этого именно взгляда придерживается *Times*. Историкъ, безусловно подчиняющійся вліянію настоящаго, впалъ бы въ другую крайность: исходя изъ той мысли, что согласіе между министерствомъ и парламентомъ всегда было условіемъ *sine qua non* парламентарнаго правленія, онъ приписалъ бы упорству вигской юнты всѣ безпорядки послѣднихъ лѣтъ царствованія Вильгельма. Онъ осудилъ бы Сомерса и Монтегю такъ же строго, какъ осудилъ бы Пальмерстона и Джона Росселя, еслибы они задумали удержать за собою власть вопреки рѣшенію палаты общинъ. Маколей сумѣлъ найти средину между обоими крайними мнѣніями. Онъ показалъ, что разногласіе министерства и палаты общинъ было главною причиною прискорбныхъ событій 1699—1701 г., что отставка вигскаго кабинета послужила бы ко благу страны, короля, даже самихъ вигговъ; но онъ не обвинилъ ни Вильгельма, ни его министровъ, потому что они дѣйствовали по убѣжденію, потому что они, какъ и всѣ вообще современники ихъ, не успѣли еще уяснить себѣ взаимныя отношенія парламента и министерства. Эта строгая справедливость, этотъ историческій тактъ составляетъ отличительную черту всѣхъ почти сужденій Маколей. Вотъ почему мы позволили себѣ войти въ такой подробный разборъ взгляда его на кризисъ 1699—1701 г. Въ этомъ взглядѣ отразился весь историческій методъ Маколей.

## II.

Последніе годы царствованія Вильгельма составляютъ замѣчательную эпоху въ дипломатической исторіи Европы. Почти непосредственно вслѣдъ за Рисвикскимъ миромъ начались переговоры о наследствѣ испанскаго престола. Карлъ II, король испанскій, былъ бездѣтенъ; слабое сложеніе его заставляло со дня на день ожидать его смерти. Ближайшимъ наследникомъ его былъ дофинъ, сынъ Лудовика XIV; мать дофина, Марія Терезія, была сестра Карла II и старшая дочь Филиппа IV; но при вступленіи въ бракъ, она отреклась за себя и за своихъ дѣтей отъ всякихъ правъ на испанскій престолъ, и это отреченіе, внесенное въ пиринейскій договоръ, клятвенно было подтверждено Лудовикомъ. Вторымъ претендентомъ былъ императоръ Леопольдъ, мать котораго, Марія-Анна, была дочерью Филиппа III и слѣдовательно теткою Карла II. Съ генеалогической точки зрѣнія, права Леопольда конечно уступали правамъ дофина; за то они не были стѣснены никакимъ отреченіемъ. Наконецъ, третьимъ претендентомъ былъ малолѣтній сынъ курфирста баварскаго, Іосифъ. Бабка его, императрица Маргарита, была родная сестра королевы Маріи-Терезіи, и слѣдовательно младшая дочь Филиппа IV. Маргарита также отреклась отъ права на испанскую корону, но отреченію ея не доставало многихъ формальностей, и притомъ оно было уничтожено завѣщаніемъ Филиппа IV.

Итакъ, Франція опиралась на право первородства, Австрія—на святость договоровъ. Франція старалась доказать недѣйствительность отреченія Маріи-Терезіи, ссылаясь на то, что оно не было утверждено кортесами. Австрія напоминала о торжественной клятвѣ Лудовика XIV, о крестѣ и Евангеліи, на которыхъ онъ обѣщаль соблюдать всѣ условія Пиринейскаго мира. Соединеніе въ одномъ лицѣ коронъ французской и испанской угрожало величайшею опасностью Габсбургскому дому; столь же опасно было бы для Бурбоновъ восшествіе императора на испанскій престолъ. Остальныя европейскія государства одинаково боялись возвышенія и Франціи и Австріи. Вотъ почему наибольшая вѣроятность успѣха была

на сторонѣ Иосифа Баварскаго. Возвышеніе Баварскаго дома не было страшно для Европы. Приверженцы Франціи отдавали преимущество правамъ Баваріи передъ правомъ Австріи; приверженцы Австріи отдавали преимущество правамъ Баваріи передъ правами Франціи. Иосифъ былъ кандидатомъ осторожныхъ и миролюбивыхъ людей во всей Европѣ.

Испанская монархія не составляла одного цѣлаго ни въ географическомъ, ни въ національномъ отношеніи. Она состояла изъ странъ и народовъ, случайно поставленныхъ подъ господство одной общей власти и соединенныхъ между собою чисто вышнейю связью. Неаполитанецъ не считалъ себя соотечественникомъ Фламандца, который въ свою очередь не имѣлъ и не хотѣлъ имѣть ничего общаго съ Испанцемъ. Въ самой Испаніи Арагонія, Каталонія, Бискайя нетерпѣливо несли иго Кастиліи. Одна только Кастилія была заинтересована въ единствѣ Испанской монархіи. Во всѣхъ частяхъ этой монархіи Кастильянкамъ принадлежало первое мѣсто: въ Кастиліи было пребываніе короля, въ Кастилію стекались и въ Кастиліи травились богатства Новаго Свѣта. Она готова была признать надъ собою чью бы то ни было власть, лишь бы только эта власть оставалась въ тѣхъ же размѣрахъ, въ какихъ пользовался ею Карлъ II. Самъ Карлъ, безчувственный ко всему, дожилъ цѣлостью своей монархіи. Онъ хотѣлъ завѣщать ее одному лицу, но, мучимый страхомъ смерти, окруженный интригами враждующихъ партій, онъ не рѣшался выбрать наследника, не рѣшался сдѣлать завѣщаніе. Неизвѣстность продолжалась, и съ каждымъ днемъ дѣлалась все болѣе и болѣе томительною для Европы.

При такомъ положеніи дѣлъ, испанское наследство не могло не сдѣлаться предметомъ дипломатическихъ сношеній между Франціей и Англійей. Переговоры происходили сначала между французскими министрами и Портландомъ, чрезвычайнымъ посломъ Вильгельма III въ Парижѣ, потомъ между самимъ Вильгельмомъ и Талларомъ, французскимъ посланникомъ при лондонскомъ дворѣ. Они окончились въ Голландіи при общемъ содѣйствіи Вильгельма, Портланда, Таллара и великаго пансіонера Гейнзіуса. Плодомъ этихъ переговоровъ былъ такъ называемый первый раздѣльный трактатъ. Иосифъ Баварскій признанъ былъ наследникомъ испанскаго престола, но въ вознагражденіе другимъ претендентамъ назначены были слѣдующія части испанской монархіи: дофину Неаполь, Сицилія и



Гипускоа (въ сѣверной Испаніи); эрцгерцогу Карлу, второму сыну императора Леопольда—герцогство Миланское. Слухъ объ этомъ трактатѣ скоро дошелъ до испанскаго двора. Негодованіе въ Кастиліи было всеобщее. Чтобы предупредить исполненіе трактата, Карлъ II торжественно объявилъ своимъ наслѣдникомъ Іосифа баварскаго. Но не прошло и нѣсколькихъ недѣль, какъ неожиданный случай возвратилъ все дѣло въ прежнее состояніе неизвѣстности. Малолѣтній наслѣдникъ испанскаго престола умеръ скоропостижною смертію. Братьевъ у него не было, и единственными претендентами на испанскую корону остались дофинъ и императоръ. Дипломатія ни минуты не оставалась праздною. Лудовикъ XIV согласился признать эрцгерцога Карла наслѣдникомъ испанскаго престола, съ тѣмъ чтобы къ долѣ французскаго претендента было присоединено Миланское герцогство, которое Франція хотѣла промѣнять на Лотарингію. На этомъ основаніи заключенъ былъ между Франціей, Англіей и Голландіей второй раздѣльный трактатъ. Маколей не успѣлъ дойти до этого времени. Онъ описалъ только ходъ переговоровъ, предшествовавшихъ заключенію втораго трактата, и бурю, которую они возбудили въ Испаніи. Главнымъ участникомъ раздѣльныхъ трактатовъ былъ Лудовикъ XIV. Ему принадлежала инициатива этого дѣла, онъ, а не Вильгельмъ III, извлекалъ изъ него непосредственную выгоду. Но испанскіе министры боялись Лудовика XIV, и потому обратили весь свой гнѣвъ противъ Вильгельма. Испанскій посланникъ въ Лондонѣ предъявилъ дерзкую ноту, въ которой предавалъ дѣйствія Вильгельма суду парламента и народа. Таковы были послѣдствія парламентской сессіи 1698—99 г.: къ такимъ результатамъ привело разногласіе между министерствомъ и палатою общинъ. Дальнѣйшій ходъ дѣла изложенъ въ общихъ чертахъ въ статьѣ Маколей о войнѣ за испанское наслѣдство (*Essays*, т. II). Въ ноябрѣ 1700 г. умеръ Карлъ II, объявивъ своимъ наслѣдникомъ втораго сына Дофина, Филиппа, герцога Анжуйскаго. Лудовикъ XIV, въ явное нарушеніе раздѣльнаго трактата, позволилъ своему внуку вступить на испанскій престолъ, и рѣшился поддержать его на немъ всею силой своего оружія. Вильгельмъ жаждалъ войны, но большинство въ палатѣ общинъ принадлежало торіямъ, которые упорно противились его желаніямъ. Собственная неосторожность Лудовика перемѣнила положеніе дѣла. Когда въ сентябрѣ 1701 г. умеръ Іаковъ II, Лудовикъ, вопреки Рясвик-

сному миру, признавъ его сына королемъ Великобританіи, подъ именемъ Іакова III. Лишь только вѣсть объ этомъ дошла до Англіи, въ общественномъ мнѣніи произошелъ одинъ изъ тѣхъ переворотовъ, о которыхъ мы упоминали въ началѣ нашей статьи. Вѣрноподданническіе адреса стекались со всѣхъ сторонъ къ престолу Вильгельма; новые выборы дали большинство вигамъ; образовано было вигское министерство, и Англія дѣятельно стала приготовляться къ войнѣ. Вильгельмъ не дождался конца этихъ приготовленій; но дѣло, начатое имъ, не могло уже быть остановлено, и въ маѣ 1702 года, черезъ два мѣсяца послѣ его смерти, Англія, Голландія и Австрія въ одинъ и тотъ же день объявили войну Франціи и Испаніи. Война, возникшая вслѣдствіе неисполненія раздѣльнаго трактата, окончилась черезъ двѣнадцать лѣтъ раздѣломъ Испанской монархіи.

Раздѣльные трактаты подверглись строгому осужденію со стороны историковъ. Они были признаваемы дѣломъ несправедливымъ, бесполезнымъ, даже вреднымъ. Маколей возсталъ противъ этого общепринятаго взгляда. Защита раздѣльныхъ трактатовъ начата была имъ еще въ 1833 г., въ упомянутой нами статьѣ о войнѣ за испанское наслѣдство; онъ продолжаетъ защищать ихъ еще съ большею силой, и, по нашему мнѣнію, совершенно убѣдительно, въ послѣднемъ томѣ своей *Исторіи*. Въ статьѣ 1833 года онъ говоритъ преимущественно о второмъ трактатѣ, въ *Исторіи*—о первомъ; но доводы, приводимые въ защиту одного изъ нихъ, почти безусловно примѣняются и къ другому. Онъ доказываетъ прежде всего, что раздѣльные трактаты не противорѣчили прежнимъ обязательствамъ Англіи и Голландіи, что Вильгельмъ III никогда не обѣщавъ поддерживать притязанія императора на испанскую корону. Онъ оправдываетъ вмѣшательство иностранныхъ государствъ въ дѣло объ испанскомъ наслѣдствѣ. Это было дѣло общеевропейское, а не исключительно-испанское. Отъ рѣшенія его зависѣла свобода, независимость европейскихъ государствъ, угрожаемыхъ чрезмѣрнымъ возвышеніемъ Австріи или Франціи. Противники трактатовъ защищаютъ войну за испанское наслѣдство; они признаютъ, что союзники имѣли право вооруженною рукою препятствовать восшествію Филиппа на испанскій престолъ; но не лучше ли было достигнуть этой цѣли миролюбивыми средствами? Англія и Голландія болѣе всего должны были опасаться усиленія Франціи; не-

ужели онѣ не могли воспротивиться ему дипломатическимъ путемъ, путемъ, освобождавшимъ ихъ отъ тягостей новой, раззорительной войны? При заключеніи трактатовъ не было принято въ соображеніе благосостояніе народовъ, не были приведены въ извѣстность ихъ желанія, не были уважены священныя права національностей; но какой трактатъ этого, или даже гораздо позднѣйшаго времени, не подлежитъ тому же самому упреку? Достаточно вспомнить о трактатахъ 1815 года. Притомъ, между отдѣльными частями Испанской монархіи не было, какъ мы уже сказали, никакой внутренней связи: монархія эта не составляла одной націи. Неаполитанцы безъ всякаго отвращенія перешли бы подъ власть Франціи, Миланцы—подъ власть австрійскаго принца или лотарингскаго герцога; одно чужое иго не хуже другаго. Гипускоа, нѣсколько лѣтъ спустя, сама предлагала себя Франціи, лишь бы только не были нарушены ея старинныя привилегіи. Но не слишкомъ ли велика была доля, предоставленная Франціи по раздѣльнымъ трактатамъ? Маколей утверждаетъ, что Неаполь и Сицилія послужили бы для Франціи болѣе въ тягость, нежели въ пользу, и что такъ именно смотрѣлъ на дѣло самъ Лудовикъ XIV; что Лотарингія, которую Лудовикъ думалъ приобрести въ замѣнъ Миланскаго герцогства, de facto и безъ того принадлежало Франціи. Гипускоа, по своему стратегическому положенію, была довольно важнымъ приобретеніемъ для Франціи; но приобретение это не было опасно ни для Англіи, ни для Голландіи. Всего драгоценнѣе для Лудовика была Бельгія; за нѣсколько бельгійскихъ крѣпостей онъ согласился бы пожертвовать всѣмъ Неаполемъ, но Бельгіи именно и не уступилъ ему Вильгельмъ. Однимъ словомъ, раздѣльные трактаты были справедливы, съ точки зрѣнія современныхъ имъ понятій о международномъ правѣ; они не дробили національностей, они были вполнѣ согласны съ интересами Голландіи и Англіи; исполненіе ихъ могло упрочить спокойствіе всей Европы, а пострадала бы отъ нихъ существенно одна только кастильская гордость. Остается разрѣшить еще одинъ вопросъ: возможно ли было исполненіе раздѣльныхъ трактатовъ, или, другими словами, можно ли было предполагать, что они будутъ исполнены Лудовикомъ XIV? *Исторія Англіи* не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ, но въ опытѣ 1833 года Маколей разрѣшаетъ его отрицательно. «Лудовикъ XIV, говоритъ онъ, былъ самымъ вѣроломнымъ изъ политиковъ. Онъ ненавидѣлъ Гол-

ландцевъ, ненавидѣлъ Вильгельма III. Онъ продолжалъ ненавидѣть ихъ и тогда, когда сдѣлался ихъ союзникомъ. Нетрудно было предвидѣть, что онъ нарушитъ свои обязательства, какъ только найдетъ это для себя выгоднымъ. Исходя изъ этого убѣжденія, Маколей, въ своей статьѣ писанной въ 1833 г., рѣшительно осуждалъ второй раздѣльный трактатъ. Трудно сказать утвердительно, измѣнилось ли въ послѣдствіи мнѣніе Маколея, или онъ только не успѣлъ повторить его въ своей *Исторіи*, потому что не успѣлъ дойти до заключенія втораго трактата; но мы склоняемся въ пользу перваго изъ этихъ предположеній. Конечно, второй трактатъ по самому существу былъ менѣ проченъ нежели первый; возвышеніе австрійскаго эрцгерцога гораздо скорѣе могло встрѣтить противодѣйствіе со стороны Франціи нежели возвышеніе баварскаго принца; но аргументы, приводимые Маколеемъ, въ роумство Лудовика XIV, ненависть его къ Голландіи и Англии, неудержимое честолюбіе его, относятся одинаково къ обоимъ трактатамъ. Между тѣмъ *Исторія Англии* содержитъ въ себѣ безусловное одобреніе перваго раздѣльнаго трактата. Вотъ почему мы думаемъ, что неудобноисполнимость раздѣльныхъ трактатовъ не казалась уже Маколею достаточнымъ основаніемъ къ осужденію ихъ.

Первоначальный взглядъ Маколея на раздѣльные трактаты нашелъ недавно защитника въ нашей исторической литературѣ. Вотъ что говоритъ профессоръ Вызинскій въ лекціяхъ своихъ объ Англии въ XVIII столѣтіи: «Критики, которымъ подвергались въ Англии трактаты о раздѣлѣ, были заслужены. Несмотря на свою дипломатическую ловкость, Вильгельмъ предавался непонятному обольщенію. Лудовикъ и минуту серіозно не думалъ объ исполненіи трактатовъ въ случаѣ смерти испанскаго короля. Онъ дѣйствовалъ съ свойственнымъ ему двуличиємъ. Съ одной стороны, онъ общалъ всевозможное Вильгельму, съ другой, сейчасъ по заключеніи втораго трактата о раздѣлѣ, самъ тайно довелъ о немъ до свѣдѣнія Карла II.» Итакъ, по мнѣнію г. Вызинскаго, Вильгельмъ не долженъ былъ заключать раздѣльныхъ трактатовъ, потому что долженъ былъ заранѣе предвидѣть ихъ неудобноисполнимость. Намъ кажется, что г. Вызинскій смѣшиваетъ здѣсь неудобноисполнимость съ невѣроятностію исполненія. Дѣйствительно, зная характеръ и образъ дѣйствій Лудовика, Вильгельмъ не могъ имѣть твердой надежды на исполненіе трактатовъ; онъ долженъ былъ сознавать, что нарушеніе ихъ со стороны Франціи возможно,

даже вѣроятно. Но теорія вѣроятностей не всегда оправдывается на самомъ дѣлѣ. Благоразуміе Лудовика могло на этотъ разъ одержать верхъ надъ его честолюбіемъ и тщеславіемъ; онъ могъ предпочесть вѣрную, несомнѣнную выгоду выгодѣ большей, но гадательной. Та же самая ревнивая заботливость о своихъ интересахъ, которая могла повести его къ нарушенію трактатовъ, могла склонить его и къ исполненію ихъ. Война, окончившаяся Рисвикскимъ миромъ, истощила финансовыя силы Франціи; Лудовикъ легко могъ отступить передъ мыслию о новой войнѣ. Въ промежутокъ времени между заключеніемъ трактатовъ и смертію Карла II, могли произойти такія событія, которыя окончательно обезпечили бы исполненіе трактатовъ. Лудовикъ XIV могъ умереть, и на французскій престолъ могъ вступить государь болѣе умѣренный, болѣе добросовѣстный; новые выборы могли возстановить согласіе между Вильгельмомъ и палатою общинъ, императоръ Леопольдъ могъ приступить къ раздѣльному трактату, и въ виду англійскихъ вооруженій, въ виду полнаго согласія между Голландіей, Австріей и Англіей, самъ Лудовикъ XIV не рѣшился бы, можетъ-быть, посадить своего внука, вопреки трактатамъ, на испанскій престолъ. Наконецъ, Карлъ II могъ умереть безъ завѣщанія, могъ распорядиться престоломъ въ пользу австрійскаго эрцгерцога: какъ поступилъ бы въ этомъ случаѣ Лудовикъ XIV? Однимъ словомъ, раздѣльные трактаты не были безусловно неудобноисполнимы; нарушеніе или исполненіе ихъ зависѣло отъ множества обстоятельствъ, которыхъ нельзя было предвидѣть заранѣе. Шансовъ нарушенія было больше, но и шансы исполненія были далеко не маловажны. Но положимъ, что раздѣльные трактаты были безусловно неисполнимы, и что Вильгельмъ долженъ былъ предвидѣть неизбежное нарушеніе ихъ Лудовикомъ XIV; даже и въ такомъ случаѣ, мы готовы были бы одобрить политику Вильгельма. Заключеніе трактатовъ и тогда имѣло бы двойную, совершенно разумную цѣль: съ одной стороны оно свидѣтельствовало передъ Англіей, передъ всей Европой, о желаніи Вильгельма предотвратить войну, окончить дѣло миролюбиво; съ другой стороны, оно опутывало Лудовика такою сѣтью, изъ которой онъ не могъ вырваться безъ новаго вѣроломства, безъ новаго нарушенія свято-сти договоровъ. Вся отвѣтственность за войну, за сопряженные съ нею бѣдствія, должна была пасть на Лудовика; вся слава умѣренной и безкорыстной политики должна была

принадлежать Вильгельму, если не въ глазахъ современниковъ, то по крайней мѣрѣ въ глазахъ потомства. Многіе, въ томъ числѣ и г. Вызинскій, обвиняютъ Вильгельма въ излишнемъ пристрастіи къ войнѣ, въ равнодушіи къ жертвамъ, которыхъ она требуетъ; заключеніе раздѣльныхъ трактатовъ служитъ блистательнымъ опроверженіемъ этого несправедливаго упрека. Г. Вызинскій говоритъ, что Вильгельмъ обратился къ дипломатіи только тогда, когда отчаялся найти средства для вооруженнаго сопротивленія Лудовику. Факты, сообщаемые Маколоемъ, не согласуются съ мнѣніемъ г. Вызинскаго. Дипломатическія сношенія объ испанскомъ наслѣдствѣ начаты были во первыхъ не Вильгельмомъ, а Лудовикомъ, вовторыхъ начаты были еще прежде общихъ выборовъ 1698 года, то-есть въ то время, когда Вильгельмъ могъ еще разчитывать на поддержку парламента, когда еще не одержала верха торійская реакція. Г. Вызинскій смѣшалъ сессію 1697—1698 года, съ сессією 1698—1699 г. Такъ на примѣръ, намѣреніе Вильгельма отречься отъ престола и удалиться въ Голландію, отнесено г. Вызинскимъ къ сессіи 1697—1698 г., между тѣмъ какъ прежде общихъ выборовъ 1698 года, при единодушіи короля, министерства и парламента, Вильгельмъ не только не имѣлъ, но и не могъ имѣть такого намѣренія. Оно явилось гораздо позже, въ 1699 году, подъ вліяніемъ парламентской резолюціи о голландской гвардіи. Г. Вызинскій ошибается также и въ цифрѣ войска, опредѣленной въ сессію 1697—1698 г.; мы уже видѣли, что цифра эта была не семь, а десять тысячъ. До семи тысячъ она была уменьшена уже вновь избранною палатою общинъ, въ сессію 1698—1699 г. Промежутокъ времени между 1695 и 1698 г. доказалъ Вильгельму, что палата общинъ, въ которой преобладаютъ виги, можетъ быть скупа на деньги и на войско въ мирное время, но не отступить ни передъ какими пожертвованіями въ случаѣ войны съ Франціей. Въ этой увѣренности Вильгельмъ и вступилъ въ переговоры съ Лудовикомъ XIV, обращаясь къ нему, какъ равный къ равному, готовый на миролюбивое соглашеніе, но вовсе не расположенный купить его цѣною какихъ бы то ни было уступокъ. Онъ не боялся предстоявшихъ общихъ выборовъ; онъ надѣялся, вмѣстѣ съ министрами, что выборы эти попрежнему дадутъ большинство вигамъ. Повторяемъ, въ основаніи переговоровъ о раздѣлѣ лежало со стороны Вильгельма чисто-сердечное желаніе мира, а не горькое убѣжденіе въ невозмож-

ности войны. «Признаюсь вамъ, писалъ Вильгельмъ Порта-ланду,—я такъ желаю избѣгнуть войны въ продолженіе того короткаго времени, которое мнѣ еще остается жить, что я готовъ сдѣлать все для поддержанія мира, все, что только согласно съ моею честью и моею совѣстью.» Мы не видимъ причины сомнѣваться въ искренности этого желанія.

Осуждать Вильгельма за раздѣльные трактаты можно было бы, по нашему мнѣнію, только въ такомъ случаѣ, еслибъ онъ почилъ на лаврахъ, еслибы Лудовику XIV удалось, какъ выражается г. Вызинскій, пустить ему пыль въ глаза, еслибъ онъ, однимъ словомъ, совершенно упустилъ изъ виду возможность новой войны. Но мы видимъ совершенно противное. До самой своей смерти, Вильгельмъ постоянно заботился о военныхъ силахъ Англіи: отсюда его столкновенія съ парламентомъ, отсюда его пристрастіе къ вигскому министерству. Если его усилія были тщетны, то это уже не его вина. Онъ вызвалъ изъ Мадрита посланниковъ англійскаго и голландскаго, и такимъ образомъ далъ просторъ интригамъ французской дипломатіи; но могъ ли онъ поступить иначе послѣ дерзкой ноты испанскаго правительства? Притомъ, посланники свободныхъ державъ присутствіемъ своимъ не предупредили бы тѣхъ темныхъ, подземныхъ происковъ, къ которымъ прибѣгали маркизь де-Гаркуръ и союзникъ его Портокарреро. Вильгельмъ всѣми мѣрами старался поддержать союзъ съ Австріей, привлечь императора Леопольда ко второму раздѣльному трактату; старанія его не были вполнѣ успѣшны, но они приготовили союзъ 1702 года. Итакъ, съ этой точки зрѣнія образъ дѣйствій Вильгельма также представляется безукоризненнымъ.

Остается рассмотреть конституціонную сторону вопроса. «Вильгельмъ, говорить г. Вызинскій, велъ все дѣло самымъ неконституціоннымъ образомъ. О всѣхъ переговорахъ и договорахъ по раздѣлу долгое время ничего не было извѣстно въ Англіи ни парламенту, ни даже министерству. Англійскій король ничего не можетъ дѣлать безъ своихъ министровъ, которые отвѣчаютъ за всѣ мѣры внутренней и внѣшней политики; но Вильгельмъ мало заботился о конституціи, когда дѣло шло о войнѣ или дипломатіи. Изъ Голландіи онъ потребовалъ отъ канцлера лорда Сомерса бланковъ съ государственною печатью, не говоря ни слова о томъ, чѣмъ думаетъ наполнить эти бланки. Онъ наполнилъ ихъ своими трактатами о раздѣлѣ.

Когда, наконецъ, весь ходъ дѣлъ сталъ извѣстенъ въ Англіи—негодование было всеобщее... Далѣе г. Визинскій говорить о процессѣ, начатомъ нижнею палатой (въ 1701 году), противъ Сомерса за нарушеніе конституціи. «Довѣріе Сомерса къ Вильгельму увлекло его къ неосторожному, противозаконному поступку. Вильгельмъ въ простомъ письмѣ изъ Голландіи потребовалъ отъ него бланковъ съ государственною канцлерскою печатью. Сомерсъ немедленно послалъ ему бланки, не много зная о содержаніи трактатовъ, которыми Вильгельмъ хотѣлъ наполнить ихъ, и не говоря объ этомъ ни слова другимъ министрамъ... Сомерсъ старался оправдывать себя тѣмъ, что какъ членъ тайнаго совѣта, онъ повиновался именному приказанію своего государя. Такого оправданія не можетъ допускать англійская конституція... По смыслу ея, если король повелѣваетъ что-нибудь противозаконное, министръ не долженъ повиноваться; онъ обязанъ выйти въ отставку, иначе онъ принимаетъ на себя отвѣтственность и подвергается опасности уголовного процесса... Лордъ Сомерсъ нарушилъ это правило. Онъ былъ несомнѣнно виноватъ... Тутъ же обвинены были вмѣстѣ съ Сомерсомъ Галифаксъ (Монтегю) и Орфордъ (Россель), товарищи его по министерству; они даже не знали ничего о трактатахъ раздѣла.» Палата общинъ приняла обвиненіе и внесла его въ палату лордовъ. Но между обѣими палатами возникъ споръ о мѣрахъ, которыя слѣдовало принять въ отношеніи къ обвиненнымъ до окончанія процесса. «Несмотря на всѣ протесты нижней палаты, въ назначенный день лорды приступили къ суду надъ Сомерсомъ; но никто не явился изъ другой палаты, чтобы поддерживать обвиненіе, и Сомерсъ былъ объявленъ невиновнымъ. Вслѣдъ за этимъ перы оправдали и другихъ вигскихъ министровъ.» Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Сомерсъ, вмѣстѣ съ другими вигами, возвратился въ министерство, образованное Вильгельмомъ въ концѣ 1701 года.

Прежде всего мы не можемъ не обратить вниманія на противорѣчія и неточности, допущенныя г. Визинскимъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Вильгельмъ не сказалъ Сомерсу ни слова о томъ, чѣмъ будутъ наполнены бланки. Въ другомъ мѣстѣ сказано, что Сомерсъ *немного* зналъ о содержаніи трактатовъ, которыми Вильгельмъ хотѣлъ наполнить бланки. Посмотримъ теперь, какъ изложено это дѣло у Маколея. Во все время переговоровъ, Вильгельмъ дѣйствительно не спра-



шивалъ совѣта ни у одного изъ своихъ англійскихъ министровъ. Но самые трактаты не могли быть заключены безъ участія одного изъ государственныхъ секретарей и безъ предложенія большой государственной печати. Портландъ вступилъ въ письменное сношеніе съ Вернономъ (однимъ изъ государственныхъ секретарей), самъ Вильгельмъ—съ Сомерсомъ. Увѣдомляя Сомерса объ условіяхъ предполагаемаго договора, Вильгельмъ разрѣшилъ ему сообщить все дѣло тѣмъ министрамъ, которыхъ онъ сочтетъ достойными этого довѣрія. За тѣмъ, если мнѣніе Сомерса окажется въ пользу договора, Вильгельмъ просилъ немедленно выслать ему надлежащія полномочія, скрѣпленные государственною печатью, но съ пробѣломъ для именъ уполномоченныхъ. Сомерсъ въ точности исполнилъ порученіе Вильгельма. Онъ вступилъ въ письменныя сообщанія съ Шрусбери и Росселемъ, въ словесныя съ Монтегю и Вернономъ. Плодомъ этихъ сообщаній было письмо, написанное королю отъ имени всѣхъ главныхъ министровъ. Они вполне одобряли принципъ договора и выражали только нѣкоторое сомнѣніе относительно подробностей его, находя ихъ слишкомъ благопріятными для Франціи. Впрочемъ они представляли все дѣло мудрости и дипломатической опытности Вильгельма. Въмѣстѣ съ письмомъ, отправлены были и полномочія, написанныя собственною рукою Вернона, съ пробѣломъ для именъ уполномоченныхъ. При этомъ Сомерсъ просилъ короля назначить уполномоченными Англичанъ по рожденію или по натурализаціи, для того чтобъ они могли быть ответственны передъ парламентомъ. Просьба Сомерса была уважена Вильгельмомъ; уполномоченными со стороны Англіи были назначены Вилліамсонъ, Англичанинъ по рожденію, и Портландъ, Англичанинъ по подданству. Вотъ разказъ Маклея, основанный конечно на достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ и документахъ. Еслибы г. Вышинскій прочиталъ свои лекціи годомъ позже, онъ безъ сомнѣнія не сталъ бы утверждать, что раздѣльные трактаты не были извѣстны англійскому министерству, что Монтегю и Россель въ особенности ничего не знали о нихъ, что Сомерсъ не зналъ ничего или зналъ немного о томъ, чѣмъ будутъ наполнены посылаемые имъ бланки. Замѣтимъ мимоходомъ, что Сомерсъ не посылалъ Вильгельму никакихъ бланковъ съ государственною печатью, и что Вильгельмъ не наполнялъ этихъ бланковъ раздѣльными трактатами.

Были посланы только *полномочія*, съ *проблажи или бланками* для *именъ уполномоченныхъ*.

Но и независимо отъ этихъ фактическихъ ошибокъ, мы не можемъ согласиться съ самымъ мнѣніемъ г. Вызинскаго. Г. Вызинскій забылъ, что великія конституціонныя начала, которыми управляется современная Англія, далеко не всѣ были выработаны и осуществлены въ царствованіе Вильгельма. Источникъ этихъ началъ конечно должно искать въ древнѣйшей исторіи Англіи; но до революціи 1688 г., они находились въ смутномъ, хаотическомъ состояніи, часто оспаривались въ теоріи, еще чаще нарушались на самомъ дѣлѣ. Революція, какъ мы уже сказали, положила основаніе парламентарному правленію въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова; но старый порядокъ вещей не вдругъ уступилъ мѣсто новому. Старыя преданія долго еще уживались съ новымъ принципомъ. Мы уже видѣли, что въ царствованіе Вильгельма не было еще правильныхъ, строго конституціонныхъ отношеній между министерствомъ и палатою общинъ; точно также не успѣли установиться при немъ и правильныя отношенія между королемъ и министерствомъ. До революціи, король принималъ дѣятельное участіе въ правленіи; онъ былъ, можно сказать, своимъ собственнымъ первымъ министромъ. Карлъ II, лѣнивый и безпечный, мало занимался правительственными дѣлами: это была одна изъ причинъ, возстановившихъ противъ него общественное мнѣніе. Іаковъ II принялъ лично на себя завѣдываніе флотомъ, и заслужилъ этимъ всеобщее одобреніе. Вильгельмъ, слѣдуя примѣру своихъ предшественниковъ, съ самаго начала своего царствованія присвоилъ себѣ исключительное и самостоятельное распоряженіе иностранными дѣлами. Противъ этого не возражалъ никто: ни министры, ни парламентъ, ни нація. Между всѣми государственными людьми того времени не было ни одного, кто бы могъ успѣшно вести внѣшнюю политику. Царствованія послѣднихъ Стюартовъ были отличною школой для внутренней политики, но не могли образовать искусныхъ дипломатовъ. Правительство Карла II и Іакова II принимало самое второстепенное участіе въ общеевропейскихъ дѣлахъ, и англійскіе посланники при континентальныхъ дворахъ были простыми сателлитами французской политики. На сколько Кержартенъ, Галифаксъ, Сомерсъ, Монтегу превосходили Вильгельма въ умѣньи направлять парламентскіе дебаты, на столько Вильгельмъ превосходилъ ихъ въ

дипломатическомъ искусствѣ. При такомъ положеніи дѣла онъ естественно могъ и долженъ былъ принять на себя веденіе переговоровъ о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства. Въ этомъ не было ничего неслыханнаго, ничего новаго, ничего не согласнаго съ конституціей, какъ ее тогда понимали лучшие передовые люди Англій. Вигскіе министры вполне довѣряли Вильгельму въ дѣлахъ внѣшней политики; они добровольно отклоняли отъ себя всякое участіе въ этихъ дѣлахъ. Несмотря на то, Вильгельмъ спрашиваетъ ихъ совѣта, проситъ ихъ прислать полномочіе только въ томъ случаѣ, если мнѣніе ихъ окажется въ пользу предполагаемаго трактата. Министры совѣщаются между собою, разсматриваютъ планы Вильгельма, одобряютъ ихъ и увѣдомляютъ о томъ Вильгельма, который тогда только приступаетъ къ заключенію трактата. Чего же болѣе можно было требовать отъ короля въ тогдашнее время, при тогдашнихъ понятіяхъ о правахъ и обязанностяхъ королевской власти? Намъ могутъ возразить, что образъ дѣйствій Вильгельма и его министровъ уже и тогда признаваемъ былъ не конституціоннымъ, что Сомерсъ, Россель и Монтегю были обвинены именно въ нарушеніи конституціи. Но мы думаемъ, что этому обвиненію плохо вѣрили сами торіи, что нарушеніе конституціи было не столько причиною, сколько поводомъ къ преслѣдованію вигскихъ министровъ. Если припомнить, какія нечестныя обвиненія возводила на Сомерса неумолимая вражда торіевъ, напримѣръ обвиненіе въ морскомъ разбоѣ, по поводу дѣла капитана Кидда, то не трудно будетъ понять, что и въ 1701 г. торіями руководило не убѣжденіе въ винѣ Сомерса, а слѣпая ненависть къ нему, желаніе погубить его во что бы то ни стало. Г. Вызинскій говоритъ, что оправданія Сомерса противорѣчили англійской конституціи. Но если Сомерсъ рѣшился привести ихъ передъ враждебною ему палатою общины, то не слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что противорѣчіе, ясное и очевидное для насъ, не было еще сознаваемо ни самимъ Сомерсомъ, ни современниками его? Въ ревностномъ служеніи конституціоннымъ началамъ, въ правильномъ пониманіи и добросовѣстномъ примѣненіи ихъ, Сомерсъ безъ сомнѣнія не уступалъ ни одному изъ государственныхъ людей временъ Вильгельма. Онъ могъ ошибаться и дѣйствительно ошибался, но ошибки его раздѣляла съ нимъ вся его нація, вся его эпоха. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ: образъ дѣйствій Сомерса при заключеніи трактатовъ не соответство-

валъ идеалу англійской конституціи; еще менѣе соответствовали ему оправданія Сомерса передъ палатою общинъ. Но заблужденіе Сомерса было добросовѣстно, оно было плодомъ историческихъ преданій, историческаго развитія англійской государственной жизни; для того чтобы оно разсѣялось, необходимъ былъ цѣлый рядъ благопріятныхъ обстоятельствъ, необходима была слабость Анны, особенное положеніе первыхъ двухъ Георговъ. Этотъ переходъ къ новымъ понятіямъ очень хорошо объясненъ самимъ г. Визинскимъ, въ двѣнадцатой лекціи; зачѣмъ же онъ упустилъ его изъ виду въ лекціяхъ третьей и четвертой? Итакъ, ни въ переговорахъ о раздѣлѣ, ни въ самыхъ раздѣльныхъ трактатахъ, мы не видимъ ни малѣйшаго повода къ обвиненію Вильгельма или его вигскихъ министровъ. Осужденія, по нашему мнѣнію, заслуживаютъ только одни торіи, которые своею недалеконвидною политикою, своею мелкою враждой къ Вильгельму и къ вигамъ, не менѣе, можетъ-быть, самого Лудовика XIV содѣйствовали успѣху французской политики. На торіевъ упадаетъ отвѣтственность и за войну 1702—1713 г., и за безславное окончаніе ея.

Послѣдняя часть *Исторіи Англій* заключаетъ въ себѣ, къ сожалѣнію, весьма не много подробностей о внутреннемъ бытѣ страны. Исторія такъ-называемой Даріенской компаніи (для колонизаціи Панамскаго перешейка), напоминающая безумное увлеченіе временъ Лау во Франціи и компаніи Южнаго моря въ Англій; судъ надъ Спенсеромъ Коуперомъ, дуэль Сейнура и Кирка, живые примѣры того, до чего доходила въ это время взаимная вражда партій,—вотъ единственныя черты изъ народной жизни, сообщаемыя Маколеемъ. Еслибъ ему удалось дойти до конца царствованія Вильгельма, онъ по всей вѣроятности заключилъ бы его великолѣпнымъ очеркомъ наукъ, литературы, всего умственнаго движенія Англій въ концѣ XVII столѣтія, ея матеріальнаго благосостоянія, нравовъ и обычаевъ народа. Недостатокъ такого очерка одинъ только нарушаетъ полноту картины, завѣщанной намъ Маколеемъ. Онъ восполняется, но лишь отчасти, тѣми отдѣльными указаніями, которыя разсыпаны по всей *Исторіи* Маколея, тѣмъ глубокимъ знакомствомъ съ полемическою литературою, которое поражаетъ насъ почти на каждой страницѣ, тѣми историческими портретами, которые характеризуютъ не только изображаемое лицо, но и цѣлую эпоху. Послѣдняя часть *Исторіи* въ этомъ

отношеніи нѣсколько бѣдѣе прежнихъ. Она оставляетъ неразрѣшенными нѣкоторые вопросы, которые неволью возникаютъ при чтеніи ея. Такъ напримѣръ, Маколей говоритъ о республиканскихъ убѣжденіяхъ нѣкоторыхъ крайнихъ вигговъ, но не знакомитъ насъ ни съ численною силою этой партіи, ни съ самою сущностію ея убѣжденій, ни съ ея практическими стремленіями и цѣлями. Мы знаемъ изъ другаго источника (*Исторія Англій съ 1713 года по 1783 г.*, лорда Магона), что число республиканцевъ въ Англій, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, было крайне незначительно; но въ чемъ именно состояла ихъ теорія, какъ далеко доходили ихъ желанія? въ какомъ отношеніи находились они къ преданіямъ 1649 года? Руководствовались ли они высокими взглядами Мильтона, политическимъ фанатизмомъ Людо и Брадшау, религіознымъ фанатизмомъ Флитвуда и Гутчинсона, или нивеллерскими тенденціями Лильберна? Идеаломъ ихъ были ли республики древняго міра, или первобытное христіанское общество, какъ его понимали пуритане? На всѣ эти вопросы мы не находимъ отвѣта у Маколея. Въ одномъ только мѣстѣ, говоря о Чарльзѣ Спенсерѣ (въ послѣдствіи лордъ Сендерландъ, министръ королевы Анны и Георга I), Маколей выставляетъ на видъ оригинальный образъ мыслей этого аристократическаго республиканца, увлекавшагося одною только внѣшнею формою, имененъ республики, и считавшаго Римъ временъ Опимія и Верреса, Венецію временъ совѣта Десяти, свободными государствами, потому что они не признавали надъ собою власти короля. Но Маколей не говоритъ намъ, было ли это личное мнѣніе Сендерланда, или убѣжденіе цѣлаго отъѣнка республиканской партіи.

Къ послѣднимъ годамъ царствованія Вильгельма относится, между прочимъ, посѣщеніе Англій Петромъ Великимъ, въ 1698 году. Послѣ краткаго очерка торговыхъ сношеній Россіи и Англій, Маколей описываетъ личность Петра, любопытство, которое онъ возбудилъ въ Лондонѣ, старанія его избѣжать этого любопытства. Петръ пробылъ въ Англій болѣе трехъ мѣсяцевъ; сначала онъ жилъ въ Лондонѣ, но вскорѣ переселился въ Дептфордъ, чтобы быть подальше отъ толпы, и поближе къ своимъ любимымъ занятіямъ. Единственный знатный Англичанинъ, въ обществѣ котораго Петръ находилъ удовольствіе, былъ эксцентрическій маркизъ Кермартенъ, такой же страстный любитель моря и корабельнаго дѣла, какъ

и самъ Петръ. Нѣсколько разъ посѣщалъ Петра извѣстный епископъ Бернетъ, надѣявшійся обратить его въ англиканское исповѣданіе. Впечатлѣніе, произведенное въ Англіи пріѣздомъ Петра, скоро было забыто. Англіи нечего было еще ни опасаться, ни надѣяться отъ новой сѣверной державы. Но не прошло и двадцати лѣтъ, какъ положеніе дѣлъ совершенно перемѣнилось. Стангопъ и Тауншендъ, министры короля Георга I, были уже внимательны къ политикѣ санктъ-петербургскаго кабинета; Вальполь долженъ былъ слѣдить за покровительствомъ, которое Екатерина I оказывала претенденту. Въ 1770 году, Чатамъ является пламеннымъ защитникомъ союза съ Россіей «You know that I am quite a Russ» (вы знаете, что я совершенно Русскій), говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ дружескихъ писемъ. Черезъ сто лѣтъ послѣ посѣщенія Петра, мысль Чатама была осуществлена сыномъ его, Уильямомъ Питтомъ.

К. Арсеньевъ.

*(Окончаніе слѣдуетъ.)*

# ПОКАЯНІЕ.

## I.

Надъ Римомъ и міромъ всевластно царилъ  
Державнѣйшій царь Θεодосій:  
Византію съ Римомъ онъ снова сплотилъ  
Въ одномъ безпредѣльномъ колоссѣ.  
Онъ царствовалъ мудро. Спокоенъ въ бѣдахъ,  
И кротокъ среди совѣщаній,  
Онъ былъ неусыпенъ въ державныхъ трудахъ  
И страшень былъ на полѣ брани.  
Онъ поднялъ и властью своей осѣнилъ  
Попранные въ прахѣ законы,  
И древнюю доблесть, и силу, и пылъ  
Вдохнулъ онъ въ свои легіоны;  
И мощной рукою одинъ удержалъ  
Паденье всемірной державы, —  
И ярко и пышно при немъ возсіялъ  
Закатъ ея гаснущей славы.

Но труденъ и тягостенъ подвигъ царевъ.  
Кто въ силахъ, подъ бременемъ власти,  
Средь распрей гражданскихъ и бранныхъ трудовъ,  
Средь хитрыхъ навѣтовъ корыстныхъ льстецовъ,  
Бороться съ порывами страсти?

Въ далекой Солуни безумной толпой  
Часть черни на власти возсталъ,

И звѣрски начальника стражи градской,  
 Любимца царя, растерзала.  
 Намѣстникъ солунскій на судъ не призвалъ  
 Народа, но въ тайномъ доносѣ  
 Про бунтъ и убійство въ Миланъ написалъ,  
 Гдѣ съ царственнымъ домою своимъ пребывала  
 И съ сонмомъ вельможъ Феодосій.  
 И яростнымъ гнѣвомъ монархъ воспыкала,  
 И быстро въ пылу изступленья  
 Отъ гнѣва дрожащей рукой начертала  
 Воинскимъ властямъ повелѣнье —  
 Чтобъ въ городъ матажный немедля послать  
 Трибуна съ отборной дружиной,  
 Всѣхъ жителей именемъ царскимъ созвать,  
 И всѣхъ истребить до одина.

## II.

Шумить и ликуетъ въ Солуни народъ—  
 Всѣмъ радость повѣдалъ глашатай:  
 «Царь новыя игры народу даетъ  
 И всѣхъ безъ изъятія на праздникъ зоветъ:  
 Всѣ гости—бѣднякъ и богатый.»

Отъ хижинъ убогихъ до гордыхъ палатъ  
 Ликуетъ весь городъ сердцами:  
 Одылися жены въ свой новый нарядъ,  
 Украсились дѣвы цвѣтами,  
 Прервались работы, и тѣжбы, и судъ,  
 Торговая площадь пустѣетъ,  
 И съ криками дѣти изъ школы бѣгутъ,  
 И рабъ забываетъ неволю и трудъ,  
 И старецъ душой молодѣетъ.  
 И за городъ хлынулъ солунскій народъ,  
 Подобно отливу морскому,  
 И съ шумомъ рванувшись изъ тѣсныхъ воротъ,  
 Потекъ по пути къ гипподрому.  
 И зрителей жадныхъ несмѣтной толпой  
 Наполнилось древнее зданье;  
 Явился намѣстникъ, знакъ подалъ рукой,  
 И мигъ началось средь арены большой  
 Коней быстроногихъ ристанье.



Помчались кони, несутся, летятъ,  
 Мелькаютъ наѣздииковъ лица,  
 Блеститъ и мелькаетъ ихъ яркій нарядъ,  
 Роскошныя сбруи блестятъ и звенятъ,  
 Блестятъ и гремятъ колесницы.  
 И носятся кони: на гривахъ кипятъ  
 И брызжетъ горячая пѣна  
 И прыгаютъ искры отъ быстрыхъ копытъ,  
 И мѣрно и глухо подъ ними звучитъ  
 И стонетъ протяжно арена.  
 Любуется все въ упоеньи нѣмомъ,  
 Всѣмъ взоромъ слѣдять за конями,  
 И въ дѣтскомъ веселіи весь гипподромъ  
 Смылся во едино очами.

Шумятъ одобренья какъ бурный потокъ.  
 Ристателямъ смѣлымъ заранѣ  
 Побѣдную пальму, дары иль вѣнокъ  
 Ужъ вслухъ предрекаютъ граждане,  
 И судать и бьются они объ закладъ  
 И въ споръ межъ собою вступають,  
 Чѣмъ рѣвнѣе кони впередъ долетятъ,  
 И съ трепетомъ сердца за ними слѣдять  
 И мысленно съ ними летаютъ.

Ужъ кони свершаютъ послѣдній свой кругъ  
 И громче грохочетъ арена,  
 Тревожище бьются сердца всѣхъ... и вдругъ  
 Раздался вопли, оружія стукъ,  
 И крики: «мы гибнемъ, измѣна!»  
 Всѣ вмгъ оглянулись въ испугъ назадъ:  
 Всѣ заняты входы войсками,  
 Врывается въ циркъ за отрядомъ отрядъ,  
 И путь рассѣкаетъ мечами;  
 Повсюду смятенье, отчаянный страхъ,  
 Всѣ съ крикомъ другъ къ другу тѣснятся,  
 Сверкаютъ оружье, вздымается прахъ,  
 И плаваютъ трупы въ кровавыхъ волнахъ,  
 И трупы на трупы валятся.  
 И тщетны угрозы, рыданья, мольбы,  
 Безсильны отпоръ и боренье;  
 Все, старцы и дѣвы, граждане, рабы—  
 Все—жертва свирѣпаго мщенья.  
 Напрасно за жизнь драгоцѣнныхъ дѣтей  
 Несчастныя матери молятъ,

Лобзають колѣна своихъ палачей—  
 Не слышать убійцы ихъ жаркихъ рѣчей,  
 Все рубятъ и топчуть, и колютъ.  
 Скамьи и арена и ложи кругомъ,  
 И мраморныхъ лѣстницъ уступы,  
 Балконы, перила и весь гипподромъ  
 Покрыли кровавые трупы.

Солунь опустѣла, бродили по ней  
 Лишь хилые старцы въ печали,  
 Да малыя дѣти своихъ матерей  
 Напрасно въ слезахъ призывали...

## III.

На стогнахъ народъ весь миланскій стоялъ,  
 Былъ праздникъ великій Успенья,  
 И царь православный въ сей день пожелалъ  
 Святое принять причащенье.  
 И самъ литургію былъ долженъ свершать  
 Епископъ миланскій Амвросій,  
 И тайныхъ небесныхъ даровъ благодать  
 Въ соборѣ отъ мужа святаго принять  
 Сподобиться мнилъ Θεодосій.  
 Осыпавъ обильно монарху весь путь  
 Вѣтвями древесъ и цвѣтами,  
 На царскій торжественный поѣздъ взглянуть  
 Тѣснились Миланцы толпами.  
 И ждали всё долго въ молчаньи—и вотъ  
 Вдругъ съ шумомъ народъ встрепенулся:  
 Отъ царскихъ палатъ до соборныхъ воротъ  
 Какъ яркая лента торжественный ходъ  
 Блестя и вѣсь потянулся.  
 И стройной громадою, всѣхъ впереди,  
 Сомкнувшись густыми рядами,  
 Бряцающая доспѣхомъ, блистая въ мѣди,  
 Прошли легіоны съ орлами.  
 За ними, красуясь на статныхъ коняхъ,  
 Попарно, въ одеждѣ парчевой,  
 Всѣ въ златѣ, сребрѣ, въ самоцвѣтныхъ камняхъ,  
 Сановники, слуги царицы,  
 И стражи его въ драгоцѣнной бронѣ

Тянулись златой вереницей.  
 И вотъ вслѣдъ за ними на бѣломъ конѣ  
 Въ алмазномъ вѣнцѣ, въ багряницѣ,  
 Какъ ясное солнце за свѣтлой зарей,  
 Самъ царь наконецъ показался,  
 И радостный кликъ, какъ раскатъ громовой,  
 По волнамъ народнымъ промчался.  
 И звонъ колокольный сильнѣй зазвучалъ,  
 Вѣщая царя приближенье.  
 И въ сонмѣ ереевъ на паперть предсталъ  
 Епископъ во всемъ облаченъ.  
 Подѣхалъ весь поѣздъ къ соборнымъ вратамъ,  
 Съ коней своихъ всадники сходятъ,  
 И вслѣдъ за царемъ по восточнымъ коврамъ  
 На паперть высокую всходятъ.  
 И царь богомольный, склонившись главой,  
 Обычаю церкви послушный,  
 Подходить къ владыкѣ съ простертой рукой,  
 Да знаменемъ крестнымъ епископъ святой  
 Его осѣнитъ благодушно.

Но въ ужасѣ быстро предъ нимъ отступилъ  
 Святитель и, взоромъ сверкая,  
 «Отыди, убійца, отъ насъ,» возгласилъ:  
 «Ты душу злодѣйствомъ свою осквернилъ,  
 Какъ Иродъ невинныхъ карая!  
 И ты дерзновенный помыслилъ предстать  
 Предъ жертвенникъ храма святаго,  
 Чтобъ страшныхъ божественныхъ тайнъ воспринять  
 Средь кроткаго стада Христова.  
 Какъ примешь ты тѣло честное Христа  
 Десницей, въ крови орошенной?  
 Какъ крови Господней коснется уста,  
 Изрекшія судъ наступленный?  
 Я властью мнѣ данной рѣшить и вязать  
 Отъ церкви тебя отлучаю,  
 Престану въ молитвахъ тебя поминать  
 И входъ тебѣ въ храмъ возбраняю.»

— Владыко святой, такъ монархъ возразилъ  
 Въ слезахъ и велкомъ смущеньи,  
 И Царь-Псалмопѣвецъ убійство свершилъ  
 Но Богъ милосердый его не лишилъ  
 Святой благодати прощенья.

Епископъ въ отвѣтъ: «Ты умѣлъ подражать  
 Давиду царю въ злодѣяньи

Умѣй же какъ онъ со смиренемъ принять  
 Тяжелый вѣнецъ покаянья.  
 И денно и ношно молитву твори  
 И въ мысляхъ своихъ и устами.  
 Покорностью царственный духъ свой смири,  
 И грѣшное тѣло постомъ изнури,  
 И сердце очисти слезами!

Тогда-то въ преддверіи церкви святой,  
 Моля у прохожихъ прощенья,  
 Измученный, плачущій, блѣдный, босой,  
 Въ толпѣ аріанъ съ непокрытой главой,  
 Предстанешь ты здѣсь въ униженьи,  
 Да въ очью узрять въ униженьи твоёмъ  
 Народъ твой и съ нимъ всѣ языки,  
 Что царь всемогущій съ послѣднимъ рабомъ  
 Равны передъ вѣчнымъ незримымъ судомъ,  
 Всевышняго міра Владыки.»

Такъ, гнѣвомъ великимъ исполнясь, вѣщаль  
 Царю всенародно святитель,  
 И грознымъ упрекамъ смиренно внималь  
 Могучій вселенной властитель.  
 Потупилъ онъ взоры, поникнулъ челою,  
 И сжалося горестно сердце,  
 И ужасъ объялъ, какъ предъ страшнымъ судомъ,  
 Безстрашную грудь самодержца.  
 Онъ сбросилъ порфирю, снялъ царскій вѣнецъ  
 И робкой, смиренной стопою  
 Черезъ шумные стогны въ свой пышный дворецъ  
 Побрелъ съ непокрытой главою.

Какъ чудомъ небеснымъ народъ пораженъ  
 Молился и плакалъ въ печали,  
 И въ злобѣ бессильной подъ вопли и стонъ  
 Межъ тѣмъ царедворцы роптали,  
 И шумно надменной и дерзкой толпой  
 Епископа всѣ обступили,  
 И ссылкой, и казнью, и вѣчной тюрмой,  
 И пыткой грозя, говорили :  
 «Что сдѣлалъ ты, дерзкій безумецъ? Какъ могъ  
 Царю нанести оскорбленье,  
 Откуда пришелъ ты нежданный пророкъ,  
 Кто властью тебя непонятной облекъ  
 Царямъ изрекать отлученье?  
 Ты пастырь, служитель простой алтара,  
 Онъ вождь нашъ, всѣмъ міромъ избранный.»

Тебѣ ли вступаться въ дѣянья царя,  
 Совѣтникъ учитель незванный?  
 Скажи, какъ дерзнулъ ты въ безумствѣ своемъ,  
 Права преступивъ гражданина,  
 Предъ войскомъ, народомъ и цѣлымъ дворомъ  
 Судить и карать властелина?  
 Чѣмъ станется съ войскомъ, чѣмъ скажетъ народъ,  
 Въ комъ будетъ къ властямъ уваженіе,  
 Когда самъ святитель примѣръ подаетъ  
 Къ лицу вѣнцеснца пресарѣя?  
 Опомнись, безумный, бѣги ты къ царю,  
 Моли всенародно прощенія,  
 Зови неотступно его къ алтарю  
 И даруй грѣховъ отпущеніе.»  
 — Къ царю не пойду я, епископъ вѣщаль,  
 Въ чей стану молить я прощенія?  
 А часъ вождельный еще не насталъ  
 Съ главы его снять отлученіе.  
 Пускай меня кесарь на плаху пошлетъ,  
 Но стогнамъ народомъ кипящимъ  
 Пойду со смиреніемъ,—да узрѣтъ народъ  
 Покорность властямъ предержащимъ.  
 Но знайте: ни плаха, ни тяжесть цѣпей,  
 Ни пытки ужасной мученіе  
 Не въ силахъ исторгнуть изъ груди моей  
 Монарху грѣховъ отпущеніе.  
 Пусть срокъ покаянья и плача пройдетъ,  
 И тяжкое бремя проклятыя  
 Съ души, обновленной слезами, спадетъ,  
 И церковь, какъ мать, его призоветъ  
 Въ простиертія нѣжно объятья.

## IV.

И срокъ покаянья влчился какъ вѣкъ,  
 И девять прошло полнолуній  
 Со дня, какъ властитель во гнѣвѣ изрекъ  
 Погибель матажной Солуни.

Былъ праздникъ, но съ скорбью великой въ сердцахъ  
 Тотъ праздникъ встрѣчали въ Миланѣ,  
 Съ душой сокрушенной, въ печали, въ слезахъ,  
 Толпились на стогнахъ граждане.

Съ лицомъ изнуреннымъ суровымъ постомъ,  
 Босой и полуобнаженный,  
 Потупивши взоры свои со стыдомъ,  
 Какъ сынъ расточитель въ отеческій домъ,  
 Шелъ грозный властитель вселенной  
 Принести покаянне предъ храмомъ святымъ;  
 Смиренья высокаго полный.  
 И съ плачемъ и воплемъ великимъ за нимъ  
 Стремилась народныя волны.  
 Слезами и скорбью дѣляся съ толпой  
 Какъ съ нѣжной семьею своею,  
 Дошелъ онъ до церкви и съ жаркой мольбой  
 Во прахъ распростерся предъ нею,  
 И въ прахъ вмѣстѣ съ нимъ передъ церковью палъ  
 Народъ весь, и билъ себя въ перси,  
 И вслѣдъ за монархомъ къ владыкѣ взывалъ:  
 «Я грѣшникъ великій, спасенья взалкалъ,  
 Отверзи мнѣ двери, отверзи!»  
 И двери отверзлись. Какъ гость неземной,  
 Святитель изъ храма явился:  
 Лицъ мужа честнаго любовью святой  
 И радостью горней свѣтился.  
 Онъ подиалъ монарха десницей своей  
 Изъ праха съ слезой умиленья,  
 При радостномъ звонѣ миланскихъ церквей  
 И клира торжественномъ пѣньи,  
 И тайною силой небесныхъ даровъ  
 Рабъ Божій монархъ укрѣпился,  
 И церкви вселенской подъ отческій кровъ  
 Онъ въ паству Христа возвратился.  
 И снова, съ главою, осѣненной вѣнцомъ,  
 При радостномъ кликѣ народномъ,  
 Бодръ духомъ и сердцемъ и свѣтелъ лицомъ  
 Потекъ по ликующимъ стогнамъ.

И съ онаго дня архипастырь съ царемъ,  
 Сдружась неразрывно сердцами,  
 Дѣлялись побратски досугомъ, трудомъ  
 И думъ величавыхъ плодами.  
 Епископъ божественнымъ словомъ любви  
 И силой отеческой власти  
 Смиралъ у монарха въ кипучей крови  
 И гнѣва порывы и страсти,  
 И царь, осѣненъ благодатью святой,

Весь духомъ любви просвѣтлѣся  
И въ блескѣ иномъ съ обновленной душой  
Прекрасенъ онъ міру явился,  
И сталъ милосердъ и къ народамъ своимъ  
И варваровъ къ полчищамъ дикимъ.

Епископъ былъ церковью признанъ святымъ,  
А царь Θεодосій судомъ вѣковымъ  
Потомства былъ признанъ Великимъ.

Б. Алмазовъ.

Москва, 19 іюня 1861 г.

---

# МАЧИХА<sup>1</sup>

---

## П О В Ъ С Т Ъ

---

### IX.

Домъ Асоновыхъ, по обыкновенію, сіялъ огнями, хотя на этотъ разъ общество было немногочисленно; человекъ шесть сидѣли въ диванной, на два стола играли въ карты въ гостиной. Двѣ дамы, очень замѣчательныя, каждая по своему, ходили по залѣ въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, и не ведя никакого разговора, болтали безъ умолку. Смѣхъ младшей изъ дамъ былъ звученъ и пріятенъ, какъ и вся ея маленькая прекрасная фигурка, которую обрисовывало черное платье; ея личико свѣженькое, обрамленное свѣтлорусыми волосами, было такъ пріятно, что никому и въ голову не приходило замѣчать неправильность той или другой черты порознь. Всѣ движенія этого маленькаго созданья были граціозны и неволью привлекали вниманіе. Ей было едва-едва семнадцать лѣтъ.

Другая дама—совершенный контрастъ первой. Въ городѣ всѣ знали, что ей за сорокъ; однако на лицѣ ея, цвѣли такія

---

<sup>1</sup> См. *Русскій Вѣстникъ* № 5.



пышныя розы и лиліи, что никто не могъ усомниться въ ихъ поддѣльности, развѣ только одна, ходившая объ руку съ ней, невинная смодьянка; тщательно заплетаемые каждую ночь волоса, мелкими волнами падали на ушко съ огромною золотою серьгой; бѣлое кашемировое платье съ открытымъ лифомъ, легкое канзу съ розовыми бантами и *sacchereigne* изъ розовыхъ же лентъ, составляли прекрасный туалетъ, который однакожь такъ и хотѣлось сдернуть съ этой руины и надѣть на ея подругу.

— Когда же назначенъ вашъ балъ, ма сѣге Annette? спросила Елена Дмитриевна Витская (такъ называлась эта красавица), очень любившая припутывать французскія слова къ русскимъ фразамъ, слабость многихъ провинціалокъ, не умѣющихъ склеить ни одной французской фразы.

— Право не знаю, отвѣчала Анна Михайловна Асонина, — во всякомъ случаѣ, надѣюсь, Елена Дмитриевна, что вы будете у насъ.

— Опять Елена Дмитриевна! Сколько же мнѣ просить васъ, чтобы вы звали меня просто *Hélène*.

— Мнѣ право совѣстно, ни какъ не могу рѣшиться...

— Что за мысли! Вѣдь я называю же васъ Annette.

— Вы, совсѣмъ другое... вы старше меня.

— Ахъ, ма *bien sѣге*, какъ будто разница нѣсколькихъ лѣтъ много значить? Я прошу вашей дружбы, и если вы мнѣ ея дадите, тогда эта разница совсѣмъ изгладится, и я буду для васъ *Hélène*.

— Я очень, очень вамъ благодарна за ваше расположеніе, и постараюсь быть достойною его.

— Пожалуста безъ фразъ, ма *bonne amie*! Скажите мнѣ лучше, какое платье вы готовите себѣ къ балу?

— Никакого; маменька подарила мнѣ два бальныхъ платья, и я надѣну то, которое она прикажетъ.

— Какія это платья? спросила Витская.

— Бѣлое и розовое тарлатановое.

— Ахъ, душенька, надѣньте розовое! Мы будемъ съ вами въ кадрили. Я готовлю себѣ тоже розовое тарлатановое и *sacchereigne* изъ розовыхъ бутоновъ съ зеленью. Хотите, я закажу вамъ такой же?

— Нѣтъ, нѣтъ! пожалуста не нужно! Маменька такъ добра и внимательна ко мнѣ, что безъ нея я ничего не хочу дѣлать.

— Такъ попросите ее.

— Зачѣмъ же? Она сама знаетъ что мнѣ нужно.

— А я увѣренъ, что Анна Михайловна будетъ въ бѣломъ платьѣ у себя на балѣ, сказалъ одинъ изъ офицеровъ.

— Вы какъ знаете? спросила Витская.

— Знаю, потому что молодыя дѣвушки, большую частію, одѣваются въ бѣлое, особливо въ первый дебютъ на балѣ, отвѣчалъ офицеръ.

— Вовсе нѣтъ; я сама была на первомъ балѣ въ розовомъ платьѣ.

— Тогда были другіе обычаи. Мало ли что было въ старину, Елена Дмитриевна!

— Много было въ ней и хорошаго, какъ я слышала, Арсеній Александровичъ; тогда мужчины занимались своимъ дѣломъ, не вмѣшиваясь въ наряды женщинъ.

Анна Михайловна, видя, что разговоръ принималъ довольно странный оборотъ, спѣшила прервать его, прося Витскую спѣть что-нибудь.

— Пѣть, *chère Annete*; въ другой разъ я вамъ буду пѣть сколько хотите, нынче я не въ голосъ. Пойдемте лучше посмотрѣть, кто кого обыгрываетъ.

Дѣвушки пошли въ гостиную, молодые люди—въ комнату Данковского курить.

— Ты-таки задѣлъ Витскую! сказали въ одинъ голосъ двое молодыхъ людей, обращаясь къ Арсенію Александровичу Коловугину.

— Подѣломъ. Дураковъ гдѣ не учатъ?

— Я удивляюсь, что тебѣ за охота, Арсеній, исправлять Витскую? Этимъ ты лишаешь общество его потѣхи. Пной разъ и скучно, а увидя нашу розовую бабушку, невольно разсмѣешься. Не смотри на нее, предоставь любоваться намъ.

— И радъ бы не смотрѣлъ, бросается въ глаза.

Разговоръ перешелъ на Анету Асонину, и строгое, но правильное и выразительное лицо Арсенія Александровича разглядилось. Товарищи начали подтрунивать.

— Нечего сказать, она очень мила!... проговорилъ какъ бы про себя Арсеній.

— Зачѣмъ же дѣло стало? Женцы!

— Ну, до этого еще далеко! Я не отдамъ себя за одно хорошенькое личико.

— У хорошенькаго личика вѣрно будетъ и хорошенькое состоянціе, возразилъ совѣтовавшій жениться.

— Мнѣ что-то одается, что Серафима Петровна не расщедрится; она любить сама жить.... А я тоже.... Мнѣ едва достаётъ дохода съ двухъ сотъ душъ, чтобъ удовлетворять моимъ собственнымъ привычкамъ; привычки же моей будущей жены должны удовлетворяться на ея собственный счетъ; а тамъ еще дѣти... Въ тридцать лѣтъ полюбить можно, но лишиться разсудка нельзя, говорилъ Арсеній Александровичъ.

— Супружество,—одна изъ доступнѣйшихъ спекуляцій для лѣнивой природы русскаго человѣка, я на него очень разчитываю, сказалъ третій собесѣдникъ;—и еслибъ у розовой бабушки было большое состояніе, я бы не прочь осуществить ея надежды на супружество.

— Знаешь что, сказалъ Арсеній Александровичъ,—я слышалъ, что ей какая-то тетушка отказываетъ полмилліона.

— Неужели? вскричалъ какъ бы въ восторгѣ спекуляторъ:—не надо же терять времени; пойдемъ скорѣй ухаживать!

Въ гостиной, за однимъ изъ ломберныхъ столовъ, красуются три сѣдые головы и четвертая плѣшивая съ глянцевитой желтою кожей. За одною изъ сѣдыхъ головъ виднѣется свѣтлорусая головка молоденькой дѣвушки; бѣленькая ручка ея лежитъ на плечѣ старика.

— Папенька, позвольте мнѣ собрать за васъ карты, сказала дѣвушка,—а то къ вамъ идутъ все такія дурныя.

— Собери, собери, моя крошка! отвѣчалъ Михаилъ Сергѣевичъ Асонинъ, улыбаясь и съ нѣжностью глядя на дочь.

Маленькая ручка протянулась и черезъ минуту съ торжествомъ передала собранныя карты отцу.

— Ай да дочка! Безъ козырей, господа, безъ козырей!

— Шлемъ и четыре онѣра, вскричалъ партнеръ Асонина по окончаніи игры. — Анна Михайловна, пожалуйста поцѣловать счастливую ручку! Завтра же привезу вамъ конфетъ.

— Анна Михайловна! раздался голосъ отъ другаго стола, за которымъ играли женщины, — Анна Михайловна! подите, матушка, соберите мнѣ карты, я совсѣмъ распроигралась.

— Ваша репутація счастливицы, кажется, совсѣмъ составлена, сказалъ Колокутинъ, подходя къ молодой дѣвушкѣ.

— Четыре туза рѣшили все; теперь я знаменитость, смѣясь и переходя къ проигравшейся барынѣ, отвѣчала Анна Михайловна,

— Вотъ ужъ игоръ десять хоть бы одинъ тузъ пришелъ.... бываетъ же такая задача! Выручи, матушка! Да ужъ не ты ли

это чума-то, прибавила старуха, обратясь къ Еленѣ Дмитріевнѣ, сидѣвшей около ея.

— Ахъ, Боже мой! напротивъ, я очень счастлива, проговорила Витская.

— Въ чемъ же это? Ужь не въ любви ли? Это и видно.—Въ тонѣ старой барыни слышалась злая насмѣшка.

Елена Дмитріевна покраснѣла даже подъ румянами, отходя отъ стола.

Въ слѣдующей комнатѣ, за овальнымъ столомъ, сидѣло небольшое общество; лица трудно было разсмотрѣть, — такъ непрозраченъ былъ абажуръ; за то на столѣ кипсеки, альбомы, щегольской рабочій баулъ, двѣ чистенькія книги въ желтой оберткѣ, двѣ прекрасныя бѣлыя руки съ безчисленнымъ множествомъ колецъ, тасовавшія колоду картъ, были облиты свѣтомъ.

— Погадайте же мнѣ, Варвара Николаевна, повторилъ, судя по тону голоса, уже не въ первый разъ, одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ.

— Погодите, Яковъ Ѳедорычъ; я еще себѣ не все разгадала.

Бѣлыя ручки выбрали трефоваго короля, и окружили его другими картами.

— О комъ же вы гадаете?

— Вамъ что за дѣло?

— Мужъ вашъ мнѣ другъ, а онъ не брѣнетъ.

— А развѣ кромѣ мужа нельзя никѣмъ больше интересоваться? спросила другая дама, сидѣвшая у стола.

— Не слѣдовало бы! отвѣчалъ Яковъ Ѳедоровичъ.

— Прошу покорно! Такъ вы потребуете отъ вашей жены, чтобъ она забыла и отца, и братьевъ?

— Сколько я знаю, у Варвары Николаевны нѣтъ ни отца, ни братьевъ. Вотъ почему я и боюсь за моего друга.

— Напрасно беспокоитесь! возразила гадающая дама:—мужу моему все равно, о комъ бы я не гадала. На эти мелочи онъ не обратитъ вниманія, у него есть дѣла посерьознѣй.

— Вы единственная цѣль всѣхъ его серіозныхъ занятій.

Тихій, ироническій смѣхъ былъ отвѣтомъ Варвары Николаевны. Какъ-то судорожно смѣшала она разложенныя карты, и вставъ пошла къ трельяжу, покрытому густымъ плющомъ, за которымъ Серафима Петровна въ обществѣ нѣсколькихъ

дамъ, Владиміра Данковскаго, и еще двухъ-трехъ кавалеровъ, вела оживленную бесѣду.

— Варвара Николавна, такъ моя судьба такъ и останется нерѣшенной? говорилъ вслѣдъ уходящей Яковъ Фодоровичъ.

— Тутъ рѣчь идетъ о важномъ вопросѣ, о рѣшеніи судьбы, кажется? сказала подходя къ столу Елена Дмитріевна, прогнанная изъ гостиной неперемонною старушкой.

— Не болѣе какъ на картахъ, отвѣчалъ Яковъ Фодоровичъ.

— И вы вѣрите гаданью? спросила розовая бабушка.

— Гаданью Варвары Николавны? очень вѣрю.

— Какъ же это я до сихъ поръ не знала, что она такая свивилла; я бы давно попросила ее погадать мнѣ, прибавила Витская.

Анна Михайловна, Колокутинъ, прапорщикъ и третій товарищъ въ эту минуту присоединились къ обществу, около стола составился пестрый кружокъ. Одни принялись за разсматриваніе кипсековъ и альбомовъ, прапорщикъ за желтенькій романъ, Елена Дмитріевна за колоду картъ. Отобравъ всѣхъ четырехъ королей, она положила ихъ рядомъ, каждый изъ нихъ представлялъ знакомое ей лицо; остальную колоду раскладывала она подъ ними; противъ котораго дожилась трефовая дама (Витская была брюнетка), король долженъ былъ повертываться. Пиковый былъ представителемъ самой незамѣчательной личности, на которую мѣтила гадальщица, в увы! онъ первый повернулъ. Елена Дмитріевна разложила во второй разъ, опять онъ. Въ третій, послѣ продолжительнаго тасованья, тоже; Витская бросила карты.

— Что, вамъ вѣрно не хорошо вышло? спросилъ Колокутинъ.

— Я не умѣю гадать, и не знаю хорошо или дурно.

— Хотите, я разкажу вамъ всю истину? У меня была тетушка, старая дѣва, которая чуть не спала съ картами, и такъ усовершенствовалась въ искусствѣ предсказаній, что сдѣлалась настоящею Ленорманъ. Я кое-что у ней переняла.

— Погадайте прежде вотъ Анетѣ, потомъ мнѣ.

— Ахъ нѣтъ! вскрикнула молоденькая смольянка:—я не желаю знать будущаго.

— И прекрасно дѣлаете, *chère enfant*. Узнать будущее дурное—отравить жизнь заранѣе. Хорошее пусть придетъ неожиданно, тѣмъ пріятнѣй будетъ, замѣтила дама, допускавшая возможность интересоваться не однимъ мужемъ.

— Такъ вамъ угодно, Елена Дмитревна? спросилъ Колокутинъ;—на какомъ королѣ прикажете?

— На дамѣ, пожалуста!

— На какой же? Не на марьяжной ли тому королю, который сейчасъ такъ усердно повертывался.

— Это на какомъ основаніи? немножко надувшись, спросила Витская.

— Потому что эта масть видимо вамъ доброжелательствуетъ.

— Я не имѣю повода жаловаться и на другія. Мнѣ хотѣлось бы знать, что вы предскажете трефовой дамѣ?

— Слушаю-съ; сейчасъ.—Колокутинъ выбралъ ее изъ колоды, и передалъ Витской.—Задумайте на ней, иначе карты ничего дѣльнаго не скажутъ.

— Да ты гадащикъ въ полной формѣ, смѣясь замѣтилъ Яковъ Федоровичъ.

— А ты и не подозрѣвалъ? Однако полно болтать, мнѣ нужно сосредоточиться. Лицо молодаго человѣка приняло серьезное выраженіе. Мертвыя карты безсознательно легли около трефовой дамы; гадащикъ глубокомысленно разсматривалъ ихъ.—Знаете что, Елена Дмитревна? Эта дама должна быть лицо весьма замѣчательное...

Витская придвинулась ближе, и съ жадностію начала слушать:—Замѣчательная? въ какомъ же родѣ?.. спросила она.

— Этого не могу сказать положительно; вообще когда тузъ трефъ ложится въ головахъ того, о комъ гадаютъ, то это означаетъ существо, выходящее изъ круга обыкновенныхъ людей. Скажите пожалуста, о комъ вы гадаете?

— Вы ее не знаете; это одна изъ моихъ пріятельницъ.

— А!.. Такъ вотъ видите ли, она должна быть большая мечтательница. Вотъ эта сторона идеальная (онъ показалъ направо) тутъ любовь и всякія удовольствія. Направо, существенная, и увя! Тутъ все пики... Бубновымъ королемъ она преимущественно интересуется, вотъ онъ у нея на сердцѣ; думаетъ она впрочемъ о многихъ... Надъ трефовымъ тузомъ и король червей, и валетъ бубень. Она вѣроятно не замужемъ? Такъ по крайней мѣрѣ карты говорятъ; и врадъ ли когда будетъ; марьяжнаго короля нѣтъ какъ нѣтъ.

При этомъ пророчествѣ Арсеній Александровичъ быстро взглянулъ на Елену Дмитріевну, и успѣлъ подмѣтить малень-

кое, судорожное движеніе губъ.—Бубноваго же короля, я бы посоветовалъ ей опасаться. Онъ видимо ей недоброжелательствуетъ; девятка пикъ, съ которой онъ вмѣстѣ у ней на сердцѣ, предвѣщаетъ много дурнаго.

— Вы oiseau de mauvais augure, сказала Витская, отодвигаясь отъ стола, и прислоняясь къ спинкѣ дивана, — шегси, однакожь!

— Oiseau de mauvais augure, такъ мы васъ и будемъ звать впередъ, сказалъ хохоча Яковъ Федоровичъ.

— Чтѣ дѣлать, не я виноватъ! возразилъ Колокутинъ; — прѣняйте на судьбу вашей пріятельницы. Погадайте для себя; вамъ можетъ быть выйдетъ совсѣмъ другое, и вы снимите съ меня злой эпитетъ.

— Онъ къ вамъ очень идетъ; зачѣмъ снимать? отвѣчала Витская.

— Ко мнѣ? ну можно ли!.. Вы вѣрно меня совсѣмъ не знаете; спросите у товарищей! Они всѣ вамъ скажутъ, что я человекъ самый благонамѣренный, всѣмъ и всегда желаю добра, и потому прозвище oiseau de mauvais augure ко мнѣ столько же идетъ, какъ бѣлила и румяна къ старухамъ, какъ претензіи ихъ на молодость.

Офицеры переглянулись: Яковъ Федоровичъ и сидѣвшая у стола дама улыбнулись; одна лишь молоденькая Асонина покраснѣла, какъ будто наемъ былъ на ея собственный счетъ, такъ ей было совѣстно, что Колокутинъ вздумалъ говорить о бѣлилахъ и румянахъ при Витской. Онъ вѣрно и не подозревалъ, что Елена Дмитріевна употребляетъ все это, иначе не позволилъ бы себѣ вести о нихъ рѣчь въ ея присутствіи, думала невинная дѣвушка.

Въ эту минуту въ залѣ раздались звуки настраиваемыхъ инструментовъ.

— Какъ! мы и нынче будемъ танцовать? спросила встрепенувшаяся розовая бабушка.

— Угодно вамъ дать мнѣ первую польку? спросилъ Колокутинъ, обращаясь къ ней.

— Хорошо; но съ условіемъ быть доброю птичкой безъ клюва и когтей.

— Не совѣтую вамъ довѣряться ему, снова вмѣшался Яковъ Федоровичъ, — онъ условій не принимаетъ.

— Ты, какъ видно, положилъ твердое намѣреніе поссорить

меня съ Еленой Дмитревной? Такъ не удастся же! На зло тебѣ, мы друзья.

Общество изъ-за трельяжа приблизилось къ столу, Серафима Петровна приглашала всѣхъ въ залу и, треща по пухленькой розовой щечкѣ падчерицу, спрашивала ее, довольна ли она, что будетъ танцовать?

Вальсъ унесъ Колокутина съ Анетой, Яковъ Федоровича съ Варварой Николаевной, Данковского съ генеральшей и прапорщика съ розовою бабушкой, которая преимущественно любила легкіе танцы. Въ кадрили мачиха съ падчерицей перемѣнились кавалерами.

— Можно васъ поздравить, Колокутинъ? спросила генеральша, сѣвши на свой стулъ по окончаніи первой фигуры.— Я слышала, вы женитесь?

— Да, да, Серафима Петровна, и до меня дошли эти слухи.

— Вотъ это я люблю! Дошли слухи... какъ будто рѣчь идетъ не о васъ самихъ.

— Все равно, что не обо мнѣ, потому что я ничего не знаю, и жениться еще вовсе не думалъ до сихъ поръ. Скажите пожалуйста, кого даютъ мнѣ въ невѣсты?

— О, хитрецъ! какъ будто и этого не знаетъ!

— Честное слово, нѣтъ.

— Ну, а кого бы вы хотѣли?

— Кого?.. Чтобы скорѣй убѣдить васъ въ нелѣпости этихъ слуховъ, пусть называютъ Витскую; она кстати ко мнѣ немножко неравнодушна.

— Фать!.. Такъ и воображаетъ, что всѣ въ него влюблены.

— Напротивъ, Серафима Петровна, никто, кромѣ розовой бабушки, къ несчастію.

Взоръ молодого человѣка между тѣмъ слѣдилъ за всѣми движеніями Анеты, что не ускользнуло отъ вниманія попечительной мачихи. «Нѣтъ, мой милый, думала она, не бывать тебѣ затемъ моего мужа; ты слишкомъ уменъ; какъ разъ забереешь его въ свои руки... наведешь старика на истину, и... но я этого не допущу!» Передумать все это было дѣломъ одной секунды, и генеральша вовремя еще успѣла спросить Калкутина, кого это онъ величаетъ розовою бабушкой?

— Развѣ вы въ первый разъ слышите это характеристическое прозваніе Елены Дмитревны? спросилъ въ свою очередь Арсеній Александровичъ.



— Bravo! Однако, неужели вы въ самомъ дѣлѣ не знаете, на комъ васъ женять?

— Истинно не знаю; скажите пожалуйста!

— Вамъ отдають одну изъ лучшихъ дѣвушекъ въ городѣ; совѣтую вамъ пользоваться счастьемъ.

— То, что кажется счастьемъ въ глазахъ постороннихъ, можетъ казаться мнѣ совсѣмъ въ другомъ видѣ.

— Сонечка Малевская можетъ удовлетворить самаго требовательнаго изъ молодыхъ людей. Что вы на это скажете?

— А!.. Малевская!..

Серафима Петровна пытливо смотрѣла на Колокутина, но онъ молчалъ.

— Что же? Надѣюсь, ваше самолюбіе не страдаетъ?

— Нисколько; но этому не бывать.

— Отчего же?

— Оттого... какъ бы вамъ сказать?.. оттого что она слишкомъ умна и знаетъ это.

— Вотъ оригинальная мысль! Да развѣ умъ, по вашему, недостатокъ?

— Достоинство въ общественной жизни, и недостатокъ въ домашнемъ быту. Слишкомъ умная женщина не любить и не можетъ покоряться, а покорность жены первое условіе для семейнаго счастья.

— Умная женщина сумѣетъ, когда нужно, покориться, или по крайней мѣрѣ заставить васъ думать что покоряется. Я не понимаю вашего страннаго желанія выбрать въ жену какую-нибудь глупенькую простушку. Стало-быть, вы хотите не подругу, а рабу?

— Зачѣмъ же брать крайности? Между слишкомъ умною и глупою есть середина, въ которой я и буду искать, и надѣюсь найти и то и другое.

— Раба не можетъ быть подругой.

— Такъ пусть будетъ рабой, все же лучше чѣмъ повелительницей.

— Колокутинъ! Я и не подозрѣвала въ васъ такого самовластія... Вамъ бы жить или въ Турціи, или въ семнадцатомъ столѣтіи; вы немножко опоздали родиться.

— Не моя вина, къ несчастію! смѣясь отвѣчалъ Колокутинъ.—Но не шутя, Серафима Петровна, я никогда не думалъ жениться на Малевской; она слишкомъ самостоятельна, самолюбива до крайности, хотя и имѣетъ на это право. Съ ней

весело, приятно; нѣсколько часовъ промелькнуть минутой. Я бываю у нихъ часто, и вотъ на чемъ основано предположеніе о моеи женитьбѣ.

А взоръ его все слѣдилъ за смольянкой, весело танцовавшей съ Владиміромъ Данковскимъ, къ которому по окончаніи фигуры подошелъ его человекъ. Владиміръ вскочилъ съ своего стула и уже сбѣлалъ-было нѣсколько шаговъ по задѣ, какъ воротился снова къ своей дамѣ.

Серафима Петровна, видѣвшая все, знакомъ подозвала къ себѣ Данковского и спросила, что за извѣстіе получилъ онъ?

— Кто-то пріѣхалъ и спрашиваетъ меня. Я думаю, не братъ ли, котораго я жду, отвѣчалъ Владиміръ.

— Такъ что же вы сидите? Идите скорѣй, давайте намъ новаго кавалера!

— Когда кончится кадриль.

— Полноте, что за церемонія! Васъ кто-нибудь замѣнитъ.

— Я къ твоимъ услугамъ... Анна Михайловна, обратясь къ молодой дѣвушкѣ, сидѣвшей недалеко отъ нихъ, — позволите? спросилъ онъ такимъ мягкимъ голосомъ, какого еще никто не слыхалъ отъ Колокутина.

Владиміръ воспользовался позволеніемъ и чуть не бѣгомъ бросился въ свою комнату. Мы послѣдуемъ за нимъ, оставивъ остальное общество доканчивать кадриль.

— Вотъ и я передъ тобой, какъ листъ передъ травой! пробасилъ Григорій Данковскій, увидя вошедшаго брата.

— Неужели это ты, Гриша? вскричалъ Владиміръ.

— А что, перемѣнился? захохотавъ, спросилъ пріѣхавшій.

— Просто переродился!

Братья обнялись.

— Смотри пожалуй! Цѣлою головой выше меня; ты настоящій атлетъ! рассматривая брата, говорилъ Владиміръ.

— Не даромъ служу въ гренадерахъ. Хочу переходить въ гвардію.

— А что же мой планъ насчетъ твоей будущности развѣ не понравился?

— Отчего же нѣтъ, если приглянется дѣвчонка и пополнѣетъ мой карманъ.

— Что за выраженія, Гриша! Анну Михайловну Асоницу нельзя назвать дѣвчонкой. Это прелестная дѣвушка. И дай Богъ, чтобы мнѣ удалось устроить ваше супружество.

— Да ужь ты самъ не влюбленъ ли въ нее?

— Тогда бы я тебя не выписалъ, немножко холодно отвѣчалъ Владиміръ.—Но переодѣвайся поскорѣй! У насъ танцуютъ, и генеральша поручила мнѣ сейчасъ же представить тебя ей.

— Представить!.. Твоя генеральша не понимаетъ видно, что съ дороги прежде всего не худо бы отогрѣться стаканомъ чая или чѣмъ-нибудь горячительнымъ.

— О горячительномъ ты пожалуста ужь погоди толковать, иначе Анны Михайловны тебѣ какъ ушей своихъ не видать. Чаю же тебѣ дадутъ сейчасъ. Надѣюсь, въ твои лѣта не устаютъ съ дороги и ты пойдешь со мною въ залу?

— Вотъ гдѣ начнется мнѣ фронтальная служба-то, какъ видно!.. Ну, братъ, невѣста-то обойдется дорого...

— Если она тебѣ не понравится, можешь уѣхать; у Асонинной женихи будутъ и безъ тебя.

— Ну, ну! Позови-ка своего Санхо-Пансу, да вели принести мой чемоданъ. Кстати, нѣтъ ли у тебя мелкихъ, отдать извозчику нужно рублей семь.

Владиміръ поморщился, но исполнилъ требованіе брата.

Минуть черезъ пять начался туалетъ и принесенъ былъ чай; серебряный молочникъ и графинчикъ съ какою-то темною влагой, стояли на подносѣ. Григорій Ивановичъ спѣшилъ воспользоваться послѣднею, и весьма щедро налилъ въ стаканъ; но хлебнувъ, скорчилъ страшную гримасу и началъ отплевываться.

— Чтò съ тобой? спросилъ Владиміръ,

— Мнѣ дали какого-то омеку вмѣсто чая, вскричалъ тотъ. Попробуй!

Адъютантъ попробовалъ. — Да это одна клюква, сказалъ онъ захохотавъ.—Ты оченьмного влилъ морсу. Иванъ, принеси другой стаканъ чаю.

— Такъ у васъ подчуютъ клюквой вмѣсто рому?

— А ты разчитывалъ на ромъ. Извини, братъ, у насъ его никогда не подаютъ.

— Чортъ знаетъ, какъ вы живете!

— Полно дурачиться, Гриша! Ты вѣрно знаешь, что въ порядочныхъ домахъ не пьянствуютъ.

— По мнѣ порядочный домъ тотъ, гдѣ чего хочешь того просишь.

— За столомъ, ты всегда будешь имѣть стаканъ хорошаго вина, а теперь кушай-ка вотъ лучше бисквиты и сухари.

— Эту сквозную дрянь-то? Я, братъ, не привыкъ.

— Однако ты престранный, Гриша, сказалъ Владимиръ, какъ бы невольно; его поражала простонародная удаля брата. Ну если и при всѣхъ онъ такъ же будетъ вести себя?..—Слушай, братъ, сказалъ онъ, когда туалетъ пріѣзжаго былъ конченъ и они готовы были идти въ залу,—если ты желаешь имѣть женою хорошенькую, образованную дѣвушку, дочь генерала Асонина, съ пятнадцатю или болѣе тысячами приданого, то оставь свою оригинальность и постарайся быть какъ всѣ, если не лучше.

— Рады стараться, ваше высокоблагородіе!

Адъютантъ подвелъ брата къ генеральшѣ, которая приняла его со всею любезностію свѣтской женщины и радушіемъ доброй хозяйки. Они сама повела его къ мужу. Михаилъ Сергѣичъ точно такъ же обласкалъ пріѣзжаго.—Очень радъ, очень радъ, говорилъ старикъ,—братъ Владимира мнѣ не чужой. Надѣюсь, что вы остановились прямо у насъ?

— Вамъ чтѣ угодно назначить, генераль? говорили нетерпѣливые партнеры ералаша.

— Сейчасъ, сейчасъ, господа! Серафима, поручаю тебѣ, мой другъ, нашего гостя; позаботься, чтобъ ему было и весело, и удобно.

— Пойдемте къ намъ, сказала хозяйка, приглашая молодого человека идти въ залу.—Annette, вотъ братъ Владимира Ивановича; папа поручилъ намъ заботиться о немъ.

Черные глаза Григорья Ивановича устремились на хорошенькую дѣвушку, дружески протянувшую ему свою маленькую ручку, исчезнувшую въ огромной рукѣ атлета. Пока онъ разсматривалъ свою будущую невесту, двадцать зрачковъ были устремлены на него.—Какой Голяеъ! думала одна.—Какое непріятное лицо, шептали другіе. Пока мнѣнія составлялись лишь о его наружности, а въ наружности не всегда просвѣчиваютъ внутреннія качества, кромѣ явной глупости, въ которой нельзя было упрекнуть младшаго Данковского; природнаго ума въ немъ было достаточно, но онъ огрубѣлъ отъ недостатка образованія и порядочнаго общества. Выросъ онъ въ толпѣ крестьянскихъ ребятишекъ, учился въ народномъ училищѣ, и то очень плохо. Слезы и просьбы старухи матери кое-какъ помогли ему вступить въ военную службу, но тутъ онъ выбралъ товарищей не по достоинству, а по вкусу.

Послѣ обѣда нѣсколькихъ ничего незначащихъ еразъ съ новымъ гостемъ, Серафима Петровна дала знакъ музыкѣ; Владиміръ воспользовался минутой, когда играли анпоссе кадрили, чтобы представить брата остальному обществу. Холодный поклонъ былъ отвѣтомъ почти всѣхъ, что немножко сконфузило адъютанта, но было не замѣчено Григорьемъ Ивановичемъ.

— У васъ есть дама? спросила генеральша, подходя къ братьямъ и обращаясь къ гостю.

— Нѣтъ еще, ваше превосходительство.

— Хотите танцевать со мной эту кадрили? Брата попросите быть вашимъ *vis-a-vis*.

— Мой *vis-a-vis* Колокутинъ на весь вечеръ; я попрошу его принять брата вмѣсто меня, сказалъ адъютантъ.

Арсеній Александровичъ, сидѣвшій уже на мѣстѣ съ Анетой Асонинной, поморщился.—А самъ ты не танцуешь? спросилъ онъ.

— Я лишній теперь, дамы всѣ.

— На слѣдующую кадрили прошу вновь *тебя* быть моимъ *vis-à-vis*.

— Я говорю тебѣ, что я заштатный, смѣясь возразилъ Владиміръ, и отошелъ въ ту сторону, гдѣ Григорій Ивановичъ сидѣлъ уже съ генеральшей.

— Какъ вы хорошо сдѣлали, что пріѣхали навѣстить вашего брата, сказала генеральша, обращаясь къ своему кавалеру.

— Тѣмъ больше, что это мнѣ доставляетъ удовольствіе познакомиться съ вами, ваше превосходительство.

Серафима наклонила немножко голову, но безъ благосклонной улыбки, которой отвѣчаютъ на лесть сказанную кстати.

— Надѣюсь, вы поживете у насъ. Мужъ будетъ очень радъ; онъ такъ любитъ Владиміра Иваныча.

— Покорно васъ благодарю, ваше превосходительство! Я взыгъ отпускъ на мѣсяць.

— И прекрасно! Вы квартируете съ полкомъ, кажется, въ маленькомъ городкѣ, гдѣ вѣроятно живутъ тихо, и вамъ, молодымъ людямъ, тамъ не очень весело. У насъ же губернский городъ; есть и театръ, и клубъ; танцуютъ часто. Повеселитесь хоть здѣсь.

Начавшаяся фигура доставила Григорью Ивановичу пріятную возможность не отвѣчать. «Чортъ знаетъ, что я буду говорить съ этими людьми, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, думалъ онъ.

Повеселитесь!.. Какъ же, очень весело... ломать голову и каждую минуту бояться сказать что-нибудь не впопадъ!.. Дорого мнѣ станетъ женитьба на генеральской дочкѣ!.. Дѣвочка такъ себя, ничего... а съ пятнадцатью тысячами и порядочная. Экая досада! Чтобъ этимъ денежкамъ да быть у почтмейстерской Маши! Вотъ эта по мнѣ!.. И пушъ-то какъ дѣлаетъ, пальчики обдижешь... И никакихъ деликатностей не придерживается.»

«Однако братъ Владимира нисколько на него не похожъ, думала въ свою очередь Серафима Петровна, и врядъ ли понравится Михаилу Сергѣичу и Анетѣ. Если мнѣ и удастся уладить дѣло, то много будетъ труда и хлопотъ.»

Вслѣдствіе своихъ размышленій, Григорій Ивановичъ принялъ твердое намѣреніе говорить какъ можно менѣе, и подъ личиной скромности скрыть неумѣнье вести разговоръ въ порядочномъ обществѣ. Такъ и было. Въ концѣ вечера, всѣ женщины, съ которыми хоть очень плохо, а все-таки танцовали Григорій Ивановичъ, рѣшили, что онъ далеко не свѣтскій человекъ, правда, но скромный и не глупый. Лишь Колокутинъ не ошибся, назвавъ его волкомъ въ овечьей шкурѣ.

— Какой *bel homme*! говорила Елена Дмитриевна.—Какое мужественное лицо! А что ему лѣтъ тридцать пять будетъ?

— Онъ младшій братъ Владимира, отвѣчала ей.

— Ну можно ли?...—И весь планъ, составлявшійся въ головѣ Витской, разрушался молодостию новаго героя. Къ чему же расточала она ему столько похвалъ, къ чему приглашала поощрять ихъ, то-есть ее, потому что старушка мать ея, полуномъшанная, считалась ни во чтѣ. «Однакожь, какъ знать?... Бывали и не такіе примѣры... Ахъ, Колокутинъ!.. Чего бы лучше!... Зачѣмъ онъ такъ любить свободу?... Хотя онъ нынче и засматривается что-то особенно на Анету Ассонину, но гдѣ же этому ребенку сумѣть привязать его къ себѣ! Не знаю, чтѣ онъ находитъ болтать съ ней. Такая кукла...»

А этотъ ребенокъ, эта кукла очень занимала Арсенія Александровича. Много пріятныхъ словъ шепнулъ онъ ей въ этотъ вечеръ, и до сихъ поръ не тронутыя струны въ сердцѣ молодой дѣвушки издали не ясный, но сладкій звукъ...

## X.

Колокутинъ дня черезъ два, сидя съ Серафимой Петровной, завелъ рѣчь о богатыхъ невѣстахъ въ городѣ.

— Кто же здѣсь богатые? спросила генеральша.

— Мало ли! Онъ перебралъ нѣсколько фамилій и въ томъ числѣ назвалъ Анету.

— Не знаю какъ Ботова, а всѣ остальные вовсе не богаты. Анетѣ мы тоже не можемъ дать многого.

— Но что вы называете многимъ? Для васъ, конечно пятьдесятъ тысячъ бездѣлица; другіе же сочтутъ это богатствомъ.

— О, нѣтъ, Арсеній Александрычъ! и я не считаю бездѣлицей пятьдесятъ тысячъ. Если пятую часть этого капитала Михаилъ Сергѣичъ дастъ своей дочери, то и это во многомъ стѣснить насъ.

— Полноте, Серафима Петровна!

— Я васъ увѣряю.

Съ этой минуты Колокутинъ не дотрогивался до сладкозвучныхъ струнъ Анетина сердца. Какъ честный человѣкъ онъ не хотѣлъ увлекать неопытное и доврчивое созданіе туда, гдѣ по расчету не могъ долго быть ея спутникомъ. Гармонія стихла, напрасно молодая дѣвушка все еще прислушивалась; артистъ превратился въ бездарнаго человѣка. Анета глубоко вздохнула, жаль ей было свѣтлаго видѣнія, такъ быстро мелькнувшаго передъ нею; порядкомъ не успѣла она и разсмотрѣть его, а все-таки въ минутномъ появленіи оно поразило ее своею чудною красотой.

Спустя дня два, Григорій Данковскій началъ играть на томъ же инструментѣ. Но, Боже мой, что за пародія на игру Колокутина!... Анета затыкала уши и не могла отдѣлаться отъ страшныхъ диссонансовъ. Прекрасное видѣніе замѣнилось мрачнымъ призракомъ. Молодая дѣвушка начала видимо избѣгать общества пріѣзжаго гостя, хотя это было и трудно, потому что мачиха требовала, чтобъ она была къ нему внимательна. Сама она уже начала работать надъ умомъ мужа, всячески предупреждая его въ пользу молодаго человѣка.

Ассонинъ, давно уже смотрѣвшій глазами жены, соглашался съ ея мнѣніемъ и въ свою очередь находилъ младшаго Данковскаго добрымъ мальцъ.

Однажды въ сумерки, сидя у горящаго каминна вдвоемъ съ мужемъ, Серафима Петровна снова завела рѣчь о Григоріѣ Ивановичѣ.

— Знаешь что, Михаилъ Сергѣичъ? мнѣ кажется, что нашъ гость не равнодушенъ къ Анетѣ.

— Вотъ мысли! Что она ему за пара? возразилъ Ассонинъ.

— Ну, да!... Анета можетъ одѣлать партію лучше. Жаль бѣднаго молодого человѣка.

— Вотъ еслибы Владиміру она понравилась, я бы не прочь выдать ее за него.

— Ахъ, мой другъ, избави Богъ! Вотъ какъ ты ослѣпленъ насчетъ Владиміра!...

— А что же ты можешь сказать противъ него?

— Ничего какъ о человѣкѣ свѣтскомъ, и много какъ о семьянинѣ.

— Что же такое?

— Онъ никогда не можетъ быть хорошимъ мужемъ. Онъ такъ непостояненъ, такъ любить удовольствія...

— Женится по любви, будетъ и постояненъ; домашній очагъ замѣнитъ всѣ удовольствія.

— О, ради Бога не суди такъ легко! Вкусы Владиміра не созданы для домашняго очага; Григорій же, напротивъ, хотя мы его и мало знаемъ, посмотри какой солидный и серьезный!... Какъ мало привязанъ онъ къ свѣтскимъ удовольствіямъ! Повѣрь, подобнаго рода характеръ гораздо способнѣе составить счастье женщины чѣмъ веселый и беззаботный, какъ у Владиміра. Особливо же Анета—такой ребенокъ, что ее нужно руководить; и по моему, Григорій Данковскій на это способенъ.

— Онъ такой суровый, молчаливый, что правду сказать я еще не понимаю его настоящимъ образомъ.

— Онъ съ тобой очень застѣнчивъ. Понятно: ты генераль, онъ подпоручикъ. Со мной онъ много говоритъ, и признаюсь, очень мнѣ нравится: благородный образъ мыслей, здравое сужденіе, умъ положительный не по лѣтамъ. Владиміръ противъ него вертопрахъ.

— Можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ онъ меня дичится.

— Натурально.



— Такъ ты думаешь, что Анета была бы несчастлива съ Владиміромъ?

— Не только думаю, но увѣрена. Ты знаешь, что я люблю Анету какъ собственную дочь, и будь Григорій хотя немного побогаче и повыше чиномъ, я не искала бы ей лучшаго мужа; особливо если мое предположеніе, что онъ любитъ ее, вѣрно.

— Богатство и чины тутъ ничего не значать. Первое Богъ дастъ, вторые придуть современемъ, лишь бы душевныя качества были, да любилъ бы онъ ее.

— Последнее очень вѣроятно, а въ достоинствахъ его я не сомнѣваюсь.

Появленіе обоихъ Данковскихъ прервало разговоръ.

— Милости просимъ! Гдѣ побывали? спросилъ генералъ у вошедшихъ.

Молодые люди придвинули стулья къ камину.

— Я сейчасъ отъ Елены Дмитревны, отвѣчалъ Владиміръ, — ѣздилъ просить извиненія за брата, что онъ до сихъ поръ не могъ воспользоваться ея лестнымъ приглашеніемъ, вдобавокъ столько разъ уже повтореннымъ. Простую лѣнь я свалилъ на нездоровье, и повѣрите ли? сострадательная дѣвица чуть не заплакала. Градомъ посыпались на меня вопросы о причинѣ болѣзни, потомъ цѣлый архивъ рецептовъ... Того и глядѣлъ, что предложить себя въ сидѣлки.

— Какой вы насмѣшникъ, Владиміръ Ивановичъ, сѣбѣ сказала Серафима Петровна.

— Но, сознайтесь, Серафима Петровна, что есть люди, которые такъ сами и накупаются на насмѣшку.

— Въ комъ нѣтъ слабостей? возразилъ Григорій, — зубоскалъ найдетъ ихъ вездѣ и во всѣхъ.

— Правда, молодой человекъ, отозвался генералъ, — насмѣхаться можно надо всѣмъ.

— Я удивляюсь тебѣ, братъ, продолжалъ Григорій: — прежде я и не думалъ, чтобы ты могъ походить на этихъ самонадѣянныхъ насмѣшниковъ.

— Охъ ты, красная дѣвушка! Ужь не хочешь ли позво- читься за Витской? спросилъ Владиміръ.

— Ты очень хорошо знаешь, что волочиться я не умѣю даже и за тѣми, кто мнѣ нравится.

— Напрасно! Ты бы хоть для практики полюбезничалъ съ Еленой Дмитревной. А ей-то какое бы доставилъ удовольствіе!

Да и слѣдуетъ изъ благодарности. Говорю тебѣ, что она чуть не заплакала, узнавъ о твоей милой болѣзни.

— Что жь! Это доказываетъ добрую душу; спасибо ей.

— Владимиръ, а вѣдь брать-то никакъ постарѣе тебя, замѣтилъ Асонинъ.

— Годика черезъ два, онъ и вовсе будетъ старикъ, Михаилъ Сергѣичъ; дайте ему пожить въ своей уязвимой трущобѣ. А жалъ! мальчикъ былъ не глухой...

— Ахъ ты повѣса! Ужъ конечно онъ разсудительнѣе тебя.

— Разсудительность въ свѣтъ не въ ходу, зачѣмъ мнѣ она?

— Не все же жить для одного свѣта, когда-нибудь надо подумать и о домашней жизни, гдѣ благоразуміе нужнѣе ума, замѣтилъ Асонинъ.

— Думать о домашней жизни!... Да способенъ ли я къ ней? Подумайте сами, мой добрый командиръ!

— А Григорій Ивановичъ, я увѣрена, сказала Серафима, — совершенно противнаго образа мыслей.

— Да, я человѣкъ не свѣтскій, люблю домашній уголокъ, люблю занятія.

— Какія же занятія находите вы зимой? Службы почти нѣтъ.

— Я много читаю; да вотъ у насъ невозможно достать дѣльныхъ книгъ, и приходится довольствоваться такимъ старомомъ, что ужасъ!...

— Воображаю, впутался опять Владимиръ, — какая должна быть у васъ литература! Французскія *Venetiens*, наприимѣръ, *Гуакъ*, и тому подобныя штуки. Отъ этого ты и смотришь такимъ отсталымъ, мой бѣдный братецъ!

— Не отвѣчайте ему, Григорій Ивановичъ; онъ сегодня въ ударѣ подшучивать, сказала генеральша. — Неужели въ самомъ дѣлѣ, у васъ въ городкѣ никто не получаетъ журналовъ?

— Кому же?

— А полковая библіотека?

— Она при штабѣ, довольно далеко отъ нашего городка, да и все въ разбродѣ, такъ что трудно добиться.

Между тѣмъ, пока Григорій жаловался на невозможность пользоваться полковою библіотекою, Владимиръ плачевнымъ голосомъ жаловался своему генералу, что Серафима Петровна выгоняетъ его.

— Поди-ка въ самомъ дѣлѣ, сходи за Анетой; чтѣ она тамъ сидитъ?

Серафима Петровна продолжала разговоръ съ Григорьемъ Ивановичемъ, стараясь навести его на такіе предметы, по которымъ онъ могъ бы высказать свой мнимо-благородный образъ мыслей; и, надо признаться, Данковскій предоброевѣстно содѣйствовалъ планамъ своей неожиданной покровительницы; онъ очень смѣло лгалъ, облекая свою особу въ чужія добродѣтели, и очень выразительно гнушался своихъ собственныхъ пороковъ.

Генералиша устроила такъ, чтобъ этотъ вечеръ исключительно былъ посвященъ на убѣжденіе мужа въ достоинствахъ Григорья Данковскаго.

По окончаніи его, Асонинъ сознался, что Григорій Данковскій въ самомъ дѣлѣ славный малый, очень не глупый, и съ хорошими правилами.

— Я тебѣ говорила, замѣтила Серафима Петровна.

— Да, да! Одно мнѣ въ немъ не нравится: какая-то грубость и очень суровое выраженіе лица.

— Онъ серьезнаго характера, и, какъ ты самъ слышалъ, не любить общества. Да еслибъ и любилъ, то какое же общество въ увѣднемъ городкѣ? Поневолѣ одичаешь! Съ тѣхъ поръ какъ онъ у насъ, я нахожу въ немъ значительную переѣмку къ лучшему; и если ему случится вступить въ порядочную семью, я увѣрена, онъ совсѣмъ переродится. Молодость воспріимчива; онъ же не глупъ и самъ вѣрно понимаетъ чего ему не достаетъ.

Прошла еще недѣля, въ продолженіи которой Серафима Петровна начала готовить и умъ Анеты въ пользу Григорія. Дѣвушка вѣрила ей на слово и выслушивала всѣ эти панетрики съ совершеннымъ равнодушіемъ. Какое ей дѣло, дурень или хорошъ младшій Данковскій! Такъ далека была она отъ мысли видѣть въ немъ жениха.

Помѣщеніе Владиміра Данковскаго въ домѣ Асониныхъ было хорошо и удобно; оно состояло изъ двухъ большихъ комнатъ на антресоляхъ; входъ въ нихъ былъ изъ офиціантской, обыкновенно пустой, кромѣ того времени когда по вечерамъ съѣзжались гости. Григорію Ивановичу предлагали еще комнату, но онъ предпочелъ помѣститься съ братомъ. Много кое о чемъ нужно было переговорить имъ между собою; хотя братья съ малолѣтства никогда не были дружны, но въ настоящую минуту ихъ связывала общая польза. Владиміру нуженъ былъ братъ для того чтобъ избавиться отъ Анны Михайловны; Гри-

горіть—для того чтобы выгодно жениться. И много жертвъ приносилъ Григорій Ивановичъ для этой цѣли. Чего стоило ему отказаться, на это время, отъ своей несчастной привычки выпить, чего стоило ему молчать и притворяться скромникомъ, тогда какъ языкъ его вовсе не привыкъ стѣсняться? Много труда стоило Владиміру обуздывать брата. Чѣмъ больше узнавалъ онъ своего брата, тѣмъ больше раскаивался, что предложилъ его въ женихи милой дѣвушкѣ, которой онъ тогда еще не зналъ. Жаль ему было ея теперь! И сколько изъ желанія добра брату, столько же и изъ состраданія къ бѣдной жертвѣ, онъ сколько можно старался облагородить грубые инстинкты Григорья. Владиміръ рѣшительно отказывался давать ему водки, въ надеждѣ отучить мало-по-малу брата отъ нечестной слабости.

Въ тотъ вечеръ когда мы вошли въ комнаты Владиміра Ивановича, братецъ его, вѣроятно измученный воздержаніемъ, былъ очень не въ духѣ; и вмѣсто того чтобы, по обыкновенію, сейчасъ же ложиться въ постель, расхаживалъ сжатыми шагами по комнатѣ.

— Гриша, что ты не ложишься? спросилъ Владиміръ, улещившись самъ и закуривъ папироску.

— Еще успѣю, грубо отвѣчалъ тотъ, и послѣ нѣкотораго молчанія прибавилъ:—Знаешь что! Миѣ кажется, вы въ меня за нось водите.

— Чѣмъ же это?

— Да вотъ ужъ три недѣли какъ по милости вашей я играю роль, чортъ знаетъ, какого-то прииспоблаженнаго. Лишень всѣхъ моихъ привычекъ, съ утра до вечера умираю съ тоски въ обществѣ вашихъ свѣтскихъ людей, а толку, кажется, мало...

— Чтобы жениться на такой милой дѣвушкѣ, можно, кажется, пожениться сколько-нибудь. Я очень хлопоту и достигъ уже многого. Генеральша на твоей сторонѣ; генералъ, вѣроятно, будетъ одного мнѣнія съ женой; не тебѣ не худо бы показывать побольше вниманія Аннѣ Михайловнѣ; она къ тебѣ еще совершенно равнодушна.

— Я, братъ, по вашему ухаживать не умѣю, а насчетъ моей любви ты можешь ей сказать что тебѣ угодно.

— Нѣтъ ужъ потрудись лучше самъ. Съ меня довольно батюшки съ матушкой.

— Неужели тебѣ тяжело сказать ей за меня два слова?

— Значитъ я долженъ обрабатывать всѣ поля, а ты лишь собирать плоды?

— Ужь если дѣлать добро, такъ дѣлай вполнѣ. Можетъ и на твою долю выпадеть частичка вознагражденія, если не отъ судьбы, такъ отъ генеральши, для которой падчерница пожалуй только помѣха въ домѣ.

— Какой вадоръ! Генеральша очень любитъ падчерницу.

— Да, можетъ-быть; но любовь мужа и его близкихъ желаетъ сохранить для себя одной.

— Ты очень ошибаешься; это супружество устраиваю я, съ единственною цѣлью сдѣлать тебя счастливымъ.

— Благодарю! Такъ устраивай же спорѣй, не то силъ не хватитъ дожидаться. Я совсѣмъ измучился въ вашей чопорной жизни.

— Не послушай, Григорій! Если ты въ самомъ дѣлѣ рѣшаешься вступить въ семью Асонинныхъ, то долженъ привыкать къ этой, по твоимъ словамъ, чопорной, а по моему передочной жизни.

— Впервыхъ, любезный братецъ, женясь на дочери Асонина, я нисколько не намѣренъ вступать въ его семью и перемѣнять мой образъ жизни. По законамъ, жена подчиняется мужу, а не онъ ей.

— А закона сердца ты не признаешь?

— Ну что вадоръ толковать!

— А я увѣренъ, что Анна Михайловна заставитъ тебя сердцу повиноваться.

— Ну, нѣтъ, подъ баншикомъ жены не быть Григорью Данковскому....

— Оставь меня по крайней мѣрѣ надѣяться, что изъ любви къ женѣ ты еще можешь перемѣниться, Григорій! Иначе я никогда не прощу себѣ....

— Я начинаю не шутя подозрѣвать, что ты не равнодушенъ къ моей невѣстѣ!... Такъ съ Богомъ! Я уступаю.

— Еслибъ я нисколько не намѣренъ жениться, то поступилъ бы иначе, а тебѣ ужъ это не разъ говорилъ, возразилъ адъютантъ.

— А что же? Ужь не въ монахи ли хочешь идти?

— Я хочу служить и сдѣлать себѣ карьеру.

— Ну да, ты мѣтишь въ генералы! съ ироніей сказалъ Григорій.

— Отчего же нѣтъ!

— Такъ генеральская дочь какъ разъ бы тебѣ подѣ перу.

— Женатый человекъ ужь не служака! Въ военной жизни возиться съ семьей—сущая каторга. Вотъ почему я представляю тебѣ счастье, кругленькое состояньице съ придачей миленькой жены.

— Дѣло! Все это очень хорошо съ твоей стороны, какъ слѣдуетъ побратски; только мучаете-то вы меня черезчуръ долго! На дняхъ я отпуску конецъ, такъ обдѣлывай же скорѣй. Не то, братъ, на перекладную и маршъ-маршъ.... Оставайтесь какъ знаете съ падчерицей на рукахъ....

Григорій захохоталъ.

— Ты все дурачишься! Но слушай, завтра я скажу генералу, что ты ѣдешь, и что я долженъ тебя проводить изъ опасенія, чтобы ты не сдѣлалъ какой-нибудь глупости съ отчаянія. Посмотришь, что будетъ.

— Да вы, я вижу, премилые люди! Не будь только у васъ водка въ гоненіи, съ вами можно бы имѣть дѣло. Значитъ завтра судьба моя рѣшится.... Такъ пора соснуть. Авось хоть во снѣ подлець Антошка принесетъ полштофикъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, молчаніе воцарилось въ комнатѣ братьевъ.

## XI.

Давно разстались мы съ доброю Лукерьей Андреевной; да и разстались-то въ такую минуту, когда ей болѣе всего нужно было утѣшеніе. Съ кѣмъ же раздѣлила она свое горе послѣ тяжелаго дня? Были ли у нея такіе друзья, которыми бы она могла сказать: Дочь меня не любитъ, дочь меня презираетъ! Нѣтъ, такихъ друзей у матерей не бываетъ. Никому не отдастъ она на судъ свое дитя, никому на него не пожалуется, Сердце матери, и оскорбленное, все бережетъ свое дитя; озная его пороки или недостатки, сердце матери старается скрыть ихъ отъ глазъ другихъ, а если невозможно скрыть, то хотъ извинить. Серафима Петровна безнаказанно могла поступать какъ ей вздумается съ своею матерью, потому что старушка, стоя даже на молитвѣ, повторяла только: «Господи! если грѣхъ пренебрегать матерью, то прости ей! Не наказив ее, Господи, за это!» А слезы бѣдной старушки катились по

ея морщинистымъ щекамъ. Помолившись и наплакавшись вдоволь, она заснула наконецъ. Звонъ къ заутрени пробудилъ ее, и поплелась она въ церковь, снова молиться за дочь.

Отслушавъ заутреню и раннюю обѣдню, старушка вернулась домой, и на душѣ у ней какъ будто повеселѣло.

По обыкновенію она нашла кипящій самоварчикъ уже на столѣ. Помолившись и радѣвшись, обѣла къ нему наша старушка; положила чайку, налила, поставила на конюрку и задумалась. Чай-то пожалуй и перестойтся, а старушка все думаетъ о чемъ-то, не заботясь о чаѣ. Но вотъ лице ея обратилось къ кивоту, рука набожно творить крестное знаменіе, и языкъ шепчетъ: «Слава тебѣ, Господи! придумала.»

Что же придумала она?

Наканунѣ, возвратясь отъ дочери, она поклялась въ душѣ никогда впередъ не обременять ее своими посѣщеніями. Клятва вырвалась въ минуту негодованія, которому и самыя кроткія души не могутъ иногда не подчиниться. Но что же скажутъ люди? Что подумаетъ Михаилъ Сергѣевичъ, когда она, еще будучи въ силахъ, не заглянетъ больше никогда въ домъ дочери? По милости ея безразсуднаго обѣта, она обличитъ можетъ-быть недостойное поведеніе своей дочери въ глазахъ свѣта, въ глазахъ добраго ея мужа.... Старушка и не подозрѣвала, что свѣту не было дѣла до ея отношеній къ дочери; а мужъ былъ такъ ослѣпленъ, что обвинилъ бы всѣхъ на свѣтѣ прежде своей жены. Тѣмъ не менѣе Лукерья Андреевна расказывалась въ своей опрометчивости, но нѣмѣялъ слову, данному даже себѣ самой, правдивая старушка считала преступленіемъ.

Вотъ мысли, которыми предавалась она, возвратясь отъ обѣдни. Ночь и молитва утишили первые порывы негодованія, материнская любовь снова вступила въ свои права и изобрѣла средство помирить съ собою данную клятву. Она пойдетъ въ монастырь. Зачѣмъ ей міръ? Зачѣмъ ей люди?.. Отжила она свой вѣкъ. И Серафимушкѣ-то можетъ она помиловать тогда. Рѣшеніе старушки было принято. Съ этого же дня она начала помаленьку устраивать свои мірскія дѣла. Приискала купить себѣ маленькую келью въ загородномъ монастырѣ, подговорила Душину сопутствовать ей, запродала свой домикъ, в одинъ прекраснѣйшій утромъ, пригласивъ къ себѣ Асоновыхъ, объявила имъ о своемъ накрѣпленіи.

Серафима была не много удивлена; и только. Михаилъ Сергѣевичъ всѣми средствами старался отвести старушку отъ ея плана; уговаривалъ ее, позабывъ наставленія жены, перейти къ нимъ, обѣщавъ успокоить ее; Серафима изъ приличія повторила нѣкоторыя изъ просьбъ мужа. Старушка была непоколебима и просила лишь о томъ, чтобы дѣти хоть изрѣдка навѣщали ее въ уединеніи монастырской жизни.

Монастырскія стѣны предохранили Лукерью Андреевну отъ горести слышать, что Серафима обманываетъ мужа; а наконецъ смерть, года черезъ два, избавила ее отъ всѣхъ заботъ.

## XII.

Тусклый свѣтъ зимняго, сѣренькаго утра началъ понемногу озарять небольшую, но уютную и комфортабельную комнату Анеты Асоиной. Въ туалетѣ, стоящемъ между двумя окнами, отразились камышевыя ширмочки, подбитыя краснымъ терно, изъ-за кокорыхъ видѣлась часть кровати. Подъ однимъ изъ оконъ, стояли пальцы, подъ другимъ столикъ съ двумя, тремя книгами. Въ углубленіи комнаты диванъ, обрамленный плющомъ; передъ нимъ опять столикъ съ книгами и какую-то ручную работу, въ черепаховой корзинкѣ. На стѣнахъ нѣсколько портретовъ; два, три пейзажа работы самой обитательницы, доказывавшіе ея талантъ въ этомъ искусствѣ.

Но вотъ за ширмами послышался шорохъ, и изъ-подъ одной показалась прехорошенькая ножка, потомъ выглянула другая, и обѣ тотчасъ же спрятались опять въ одѣяло. Анна Михайловна проснулась. Привычка ранняго пробужденія осталась у ней еще отъ Смольнаго монастыря, но теперь она не спѣшить вставать; уроковъ нѣтъ, заботъ никакихъ. Боже мой, какъ она счастлива! Какъ любитъ ее отецъ, какъ добра къ ней матица, какъ она балуетъ ее! Блѣнная ручка отодвинула ширмы, и свѣтлый взоръ окинулъ все предметы. Чего здѣсь не достаетъ? Ея гардеробный шкафъ полнехонекъ, ея шифоньера биткомъ набита. Какъ весело жить на свѣтѣ! Что-то нынче, будетъ ли она опять танцевать? При этомъ вопросѣ маленькая головка начала перебирать кавалеровъ; Колокутинъ сталъ кивать каждому изъ нихъ по очереди, оставаясь самъ всегда на первомъ планѣ. «Отчего онъ прежде бывалъ у насъ чаще? по-



думала дѣвушка; жаль! Онъ такой славный!.. Надо написать объ немъ Лиденькѣ. Попробую нарисовать его портретъ и показать ей, какъ она найдетъ его? и одобрить ли мой выборъ?..» Сказано, сдѣлано. Анета мигомъ соскочила съ постели, подбѣжала къ столу, вынула карандашъ и клочокъ рисованной бумаги, и усѣвшись вновь въ постель, начала чертить, устроивъ пальпиръ изъ книги на своихъ колѣняхъ. Черезъ нѣсколько минутъ на лицѣ дѣвушки появилась самодовольная улыбка: «какъ похожъ! прошептала она. Просто живой!.. Знаю навѣрно, что Лиденькѣ онъ ужасно понравится. Ну, если и она влюбится въ него? Какъ же тогда быть?»

Портретъ на булавоchkѣ былъ приколотъ къ стѣнѣ. «Такъ что жъ!.. Если Лиденька тоже полюбитъ его, я докажу ей тогда, что моя дружба къ ней не пустое слово... Я уступлю ей.»

Дети! Уступаютъ ли то, что принадлежитъ намъ лишь по праву сантаинъ? Коловутинъ отдаетъ себя лишь за деньги, а нѣтъ ни у Анеты, ни у ея подруги, Лиденьки, не много. Значитъ, ни приобретение, ни уступка не оостоятся.

Шорохъ у двери заставилъ Анету торопливо сдернуть Коловутина со стѣны и упрятать его въ книгу. Съ слѣдующею же почтой, она посылаетъ его въ Петербургъ.

Но, Боже мой, какъ наши предположенія бываютъ не вѣрны!.. Кто поручится за одинъ мигъ, не то что за нѣсколько дней!

Въ то же утро, когда Анета благодарила судьбу за свое положеніе и за любовь родителей, и такъ безопасно предавалась пансіонскимъ мечтамъ своимъ, Михаилъ Сергѣевичъ проснулся съ сильномъ головою болью и съ трудомъ могъ встать. Даже Серафима Петровна немножко испугалась. Она поспѣшила послать за Владиміромъ, чтобы попросить его самого съѣздить за докторомъ.

— Доброе утро! Что это съ вами, Михаилъ Сергѣичъ? спросила адъютантъ.

— Да ничего; голова что-то сильно разболѣлась.

— Владиміръ Иванычъ, съѣздите пожалуйста поскорѣе за докторомъ, говоритъ нѣжная супруга.

— Да не беспокойся, мой другъ, зачѣмъ доктора? Великая важность, голова болитъ. Поболитъ да и пройдетъ, возразилъ Ассанинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Михаилъ Сергѣичъ, я сейчасъ же поѣду. Собственно мнѣ нужно, чтобы вы были совершенно здоровы.

— Собственно тебѣ? Это что такое?

— Миѣ нуженъ отпускъ дней на пятнадцать; и повѣрьте это не прихоть, а священная обязанность. Оставить же васъ больныхъ, васъ, моего благодѣтеля, миѣ будетъ тяжело.

— На что тебѣ отпускъ? Куда?

— Что это значить, прибавила Серафима Петровна, какъ бы ничего не понимая, хотя весь планъ былъ устроенъ ими сообща.

— Я вамъ послѣ разкажу причину. Теперь же пуще всего нуженъ докторъ.

Молодой человѣкъ бросился изъ комнаты и исчезъ.

— Чтобы это такое? Куда онъ вздумалъ ѣхать? спрашивалъ Михаилъ Сергѣевичъ, обращаясь къ женѣ.

— Ничего не понимаю, отвѣчала та.

Анета страшно перетревожилась, узнавъ о болѣзни отца; едва успѣвъ накинуть утренній капотъ и чепчикъ, на непричесанные волосы, она бросилась къ нему.

— Что съ вами, дорогой мой папенька?

Руки ея обвились около шеи старика. Положивъ потомъ подушку у ногъ его, она усѣлась, и съ замираніемъ сердца ждала появленія доктора.

— Что это вы вздумали занемочь, ваше превосходительство? сказалъ черезъ четверть часа явившійся Эскулапъ.— То-то васъ вчера не было и у Бомбинныхъ... А жалъ! Тамъ была пренеприятная исторія... Дайте-ка вашъ пульсъ!..

Секунда молчанія.

— Что же вы находите, докторъ? спросила Серафима Петровна.

— Ничего, ничего! Ну, ваше превосходительство, молодецъ вашъ Колокутинъ! снова началъ, внимательный блюститель человѣческаго здоровья.— Какъ онъ вчера отдѣлалъ этого шулера Баркенфельда, такъ я вамъ скажу!..

— Докторъ, что же нужно сдѣлать, чтобы головная боль папеньки прошла поскорѣй? скромно, но твердо спросила Анета.

— А вотъ я сейчасъ пропишу маленькую микстулку генералу. Владиміръ Ивановичъ, какъ бы миѣ бумажки и перышко...

Пока онъ писалъ, генеральша дернула сонетку; черезъ минуту камердинеръ Асонина стоялъ въ дверяхъ, и получилъ приказаніе идти въ аптеку.

— Владимиръ, что за чепуху ты мнѣ давеча нагородилъ? Я что-то въ толкъ не взялъ, сказалъ Михаилъ Сергѣевичъ, по отъѣздѣ доктора обращаюсь къ своему адъютанту.—Куда ты хочешь ѣхать.

— Ради Бога, не спрашивай теперь Владимира Ивановича, мой другъ, перебила Серафима, — всякій серьезный разговоръ можетъ тебя взволновать и усилить головную боль.

— Душечка папа, прилягте лучше, я вамъ буду читать.

Рука генерала легла на русую головку дочери, но онъ требовалъ, чтобы Владимиръ рассказалъ ему все, увѣряя, что неизвестность будетъ волновать его еще болѣе.—Говори же, Владимиръ, прибавилъ онъ.

— Не могу, Михаилъ Сергѣичъ! Послѣ...

— Когда же послѣ? Я хочу теперь.—Маленькое раздраженіе слышалось въ голосѣ, всегда спокойнаго и кроткаго Асонина:— можетъ-быть онъ тебѣ мѣшаютъ?.. Оставьте насъ на нѣсколько минутъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ дамамъ.

Анета встала съ подушки, лежавшей у ногъ ея отца. Отчего-то сердце въ ней сильно колыхнулось, когда она уходила.

— Серафима Петровна намъ не помѣшаетъ, спѣшилъ сказать Данковскій, когда Анета была уже за дверью.

— Въ чемъ же дѣло? спросилъ генералъ.

— Вотъ видите ли, Михаилъ Сергѣичъ: мнѣ непременно нужно проводить брата и пробыть съ нимъ нѣсколько времени.

— Что?.. Или вы съ нимъ что-нибудь напроказили?..

— О, нѣтъ! Напроказила съ нимъ судьба... Напроказило ретивое...

— А! Такъ онъ влюбленъ, и вѣрно хочетъ сдѣлать какую-нибудь неровную партію? Конечно, ваше дѣло предохранить его, сказала генеральша.

— Стало-быть та, которую онъ любитъ, по какимъ-нибудь расчетамъ не можетъ быть его женою? спросилъ Асонинъ.

— Почти... Онъ бросилъ взоръ слишкомъ высоко... Онъ любить... Анну Михайловну... Не осуждайте его! Чувство молодыхъ людей рѣдко подчиняется разсудку. Онъ очень жалокъ!.. Еслибы вы знали, какъ онъ страдаетъ, какъ безгранично онъ любитъ!.. Вотъ отчего я долженъ непременно про-

водить его самъ. Его кипучая натура не устоитъ противъ отчаянія, безъ помощи близкаго человѣка.

— Бѣдняжка, проговорила Серафима Петровна, и отерла минимумъ слезу.

— Но отчего же бѣдняжка? возразилъ Михаилъ Сергѣевичъ: —если онъ нравится моей Анетѣ, если онъ честный и благородный человѣкъ, какъ ты, Владиміръ, я не зайнусь дать мое согласіе на ихъ бракъ. Любовь первая основа супружеской жизни.

— Утѣшите же вашего брата, Владиміръ Иванычъ; мой добрый мужъ не позволяетъ никому отчаиваться, если это отъ него зависитъ, сказала растроганная неожиданною удачей Серафима Петровна.—Но теперь, мой другъ, я требую, чтобы ты успокоился; прими лѣкарство и прилягъ; я не отойду отъ тебя до тѣхъ поръ пока ты не заснешь.

— Заснуть теперь!..—Удивленіе выразилось во всѣхъ чертахъ Михаила Сергѣевича. Она не понимаетъ отцовскаго чувства, подумалъ онъ, никогда не была матерью, что жъ мудренаго, что ей кажется возможнымъ сонъ въ ту минуту, когда рѣчь идетъ о будущности моей Анеты... — Нѣтъ, я спать не хочу, прибавилъ онъ,—позови лучше Анету, и поговоримъ съ ней.

Это вовсе не входило въ расчетъ Серафимы Петровны. Прежде чѣмъ молодая дѣвушка отвѣтитъ что-нибудь отцу, она должна выслушать ея наставленія; и потому генеральша употребила всѣ нѣжныя убѣжденія, чтобъ уговорить мужа, если не заснуть, то по крайней мѣрѣ полежать тихо, не волнуясь никакимъ разговоромъ.—И такъ твой адъютантъ страшно ослупилъ, позволивъ себѣ подобное объясненіе сегодня. Засни, моя радость, успокойся! Я тебя оставляю на нѣсколько времени; тишина необходима при головной боли.

Она обложила подушками мужа, поцѣловала его съдую голову, и прямо отправилась въ комнату падчерицы.

— Что папенька? быстро спросила молодая дѣвушка увидя входившую мачиху.

— Ничего, кажется лучше. Я уговорила его немножко заснуть, и воспользовалась этими минутами, чтобы поговорить съ тобой, дитя мое.

— Что вамъ угодно, маменька?

— Я пришла передать тебѣ то, что открылъ намъ сейчасъ

Владиміръ. Несчастнѣйшій братъ его такъ любитъ тебя, что онъ боится за его жизнь.

Анета поблѣднѣла.

— Быть любимой такъ пламенно, такъ искренно, продолжала Серафима Петровна,—доля завидная, особенно такимъ умнымъ, такимъ скромнымъ молодымъ человѣкомъ какъ Григорій. Я увѣрена, что ты будешь съ нимъ счастлива, дорогое мое дитя!

Генеральша обвила рукой шейку падчерицы и прижала къ груди голову, со всѣми знаками нѣжности.

— Но я не хочу замужъ, маменька, проговорила дрожащимъ голосомъ Анета.

— Мой милый другъ, замужество — назначеніе женщины. Рано ли, поздно ли, придется его исполнить. Оттолкнувъ теперь любящее, преданное сердце, какъ знать, найдешь ли ты въ послѣдствіи такое же? Въ нынѣшнее время браки по любви рѣдкость; всѣ женихи мѣтятъ лишь на приданое. Григорій же не знаетъ, даемъ ли мы что за тобой; это рѣдкая черта! Да вотъ не дальше какъ Колокутинъ...

Анета вспыхнула при этомъ имени.

— Онъ стороною поручилъ разузнать, какъ велико будетъ твое состояніе? И когда ему сказали, что отецъ даетъ за тобой пятнадцать тысячъ, онъ сдѣлалъ гримасу, и съ тѣхъ поръ видимо пересталъ за тобой ухаживать.

Молодое сердечко перевернулось.

— А я должна тебя предупредить, что отцу очень хочется устроить тебя поскорѣй. Онъ съ нѣкотораго времени какъ-то дурно чувствуетъ себя и страшно боится оставить тебя безъ покровителя. Подумай, дитя мое, что безъ него и я останусь сиротой; твой мужъ, я увѣрена, будетъ заботиться и обо мнѣ.

Лицо Серафимы Петровны скорчило плачевную гримасу, платокъ отеръ сухіе глаза, хотя на эту минуту комедія эта была совершенно лишняя, потому что Анета сидѣла неподвижно съ опущенными глазами. Серафима Петровна тоже сѣла и задумалась. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Не огорчай же отца отказомъ, душка, если онъ спроситъ твоего согласія. Повѣрь моей опытности, безкорыстная любовь—такой рѣдкій даръ судьбы, что женщины болѣе всего должны цѣнить его.

Анета все молчала; лишь работа, которую она держала въ рукахъ, немножко дрожала.

— Или тебѣ кто-нибудь нравится другой? Признайся мнѣ откровенно. Я твой лучший другъ, Анета, прибавила генеральша.

— Мнѣ никто не нравится, тихо проговорила бѣдняжка.

— Въ такомъ случаѣ я тебѣ ручаюсь, что ты будешь любить Григорія. Его страсть пробудитъ твое дремлющее чувство.

Серафима Петровна встала, мимоходомъ снова обняла свою жертву, и вышла.

Сѣренькій денекъ все также тускло свѣтитъ сквозь замершія стекла, ничто не перемѣнилось въ комнаткѣ Анеты; но что за страшный хаосъ въ душѣ ея юной обитательницы! Колокутинъ, деньги, Лиденька, портретъ, женихъ, любовь, отецъ, докторъ, все это пересыпалось, будто въ колейдоскопѣ, въ воображеніи дѣвушки. Работа все еще была въ рукахъ, но вотъ, вмѣсто того чтобъ обрѣзать нитку, ножницы какъ-то зацѣпили батистъ, и огромная дыра появилась на мѣстѣ нарисованнаго цвѣтка. Анета смотрѣла и не понимала, чтѣ это такое сдѣлалось? Чувствуя однакожъ, что работа не ладится, она бережно сложила ее и опустила въ корзину. Глаза ея обратились на замершія стекла. Зачѣмъ на этомъ стеклѣ такой мелкій узоръ?.. Точно горы, поросшія ельникомъ...

Частымъ ельникомъ, березникомъ  
Молодымъ, горькимъ осинникомъ...

И она вполголоса твердила до безконечности эти два стиха. Взоръ разбиралъ всѣ подробности рисунка природы. Ей чудилось, что она въ самомъ дѣлѣ стоитъ на окраинѣ густаго лѣса. Не бѣжать ли ей туда? Тамъ не найдутъ ее ни женихъ, ни его непрошенная любовь. А вотъ эта гора... чудная, высокая, Альпійская гора!.. Какъ на нее взобраться?.. Она почти отвѣсная... взоръ ищетъ какъ бы продолжить тропинку и уйти повыше!.. Отъ кого же? Конечно отъ близкихъ людей... Тайный голосъ говорилъ дѣвушкѣ, что эти люди ее погубятъ. Вотъ она уже на полугорѣ; далеко... высоко... и вдругъ оборвалась!..

Передъ ней стояла дѣвушка. — Анна Михайловна, пожалуйста кушать.

— « Кушать?.. Какъ это кушать?.. подумала Анета: «а гора... а лѣсъ...» Она встала и отошла въ сторону.

— Барышня, кушать подали, повторила дѣвушка.

Анета окончательно пробудилась. Дѣйствительность предстала ей во всей своей наготѣ. Идти обѣдать съ нимъ!.. Слушать его... отвѣчать, если не говорить... Нѣтъ, нѣтъ! Пусть хоть этотъ день будетъ еще мой!..

— Скажи, что я не буду обѣдать, что я пойду къ папенькѣ.

Черезъ минуту дѣвушка явилась снова, съ приказаніемъ отъ Серафимы Петровны, чтобы барышня не беспокоила барина, потому что онъ поживаетъ.

И этотъ день не ея!.. Одну минуту она рѣшилась было сказать, что все-таки не пойдетъ обѣдать; но мать подумаетъ, что она капризничаетъ. И бѣдная, собравъ всю свою твердость, пошла въ столовую.

Григорій, вѣроятно предупрежденный братомъ, сѣмье обыкновеннаго подошелъ къ Анетѣ. Онъ, хотя и весьма не ловко, услуживалъ ей во время стола и, улучивъ минутку, успѣлъ шепнуть: «Я умру, если вы меня отвергнете!» Анета вспыхнула и страшно испугалась. Бѣдный ребенокъ принималъ за правду эти пошлыя слова.

Къ вечеру Михаилъ Сергѣевичу сдѣлалось хуже; онъ не въ состояніи былъ говорить ни съ женою, ни съ дочерью; послѣдняя не отходила отъ него ни на минуту, первая тоже, боясь оставить ихъ наединѣ. Ночь прошла тревожно для всѣхъ. Серафима Петровна дремала въ уголку дивана, Анета сидѣла въ креслахъ, вскакивая при малѣйшемъ движеніи или стонѣ отца. Въ восемь часовъ явился докторъ и успокоилъ всѣхъ, ругаясь, что Михаилъ Сергѣевичъ черезъ нѣсколько дней будетъ совершенно здоровъ, но что его нужно беречь. «Желчь у него въ волненіи, и противорѣчіе можетъ взбунтовать ее не на шутку,» прибавилъ онъ вполголоса, обращаясь къ Серафимѣ Петровнѣ, которая бросила значительный взглядъ на падчерицу. По направленію этого взгляда послѣдовали и глаза доктора.

— Что это вы-то, Анна Михайловна? Вы блѣдны какъ полотно. Дайте-ка ручку! Не грѣшно ли вамъ такъ беспокоиться!.. Вѣрно вы всю ночь не почили? Нѣтъ ужъ повольте мнѣ именемъ папеньки отправить васъ въ вашу комнату; вамъ отдыхъ необходимъ; не то мнѣ придется еще за вами хлопотать.

— Еслибъ я могла моею жизнью искупить здоровье папеньки!..

— Это было бы не въ порядкѣ вещей, вы только начинаете ваше поприще, и жизнь—вамъ! А мы старики ужъ порядкомъ умаляясь; иной разъ вспомнишь съ любовью и о могилѣ. Конечно я не говорю о Михаилѣ Сергѣичѣ; ему надо пожить, чтобъ устроить васъ. А чтобъ ему было для чего жить, вы должны беречь себя. Подите съ Богомъ, усните хорошенько! Вамъ тоже не худо бы, Серафима Петровна; я васъ замѣню пока при больномъ.

### XIII.

Дней черезъ десять зала Асонинныхъ, остававшаяся въ совершенномъ мракѣ въ продолженіи болѣзни хозяйна, снова освѣтилась; въ переднемъ углу стоялъ столикъ, накрытый бѣлою салфеткой, съ образомъ Богоматери, передъ которымъ горѣли двѣ восковые свѣчи; на серебряной тарелкѣ лежали два кольца. Священникъ одиноко сидѣлъ въ обширной, пустой залѣ. Готовилось что-то торжественное, но грустное, не похожее на праздникъ. Прошло около получаса, тишина залы нарушалась лишь отдаленнымъ шепотомъ въ прихожей. Звонокъ, раздавшійся тамъ, заглушилъ его; черезъ залу пробѣжалъ человекъ во внутреннія комнаты; вернувшись, онъ прикатилъ вольтерово кресло и поставилъ его у дверей гостиной. Снова все смолкло. Внимательныя уши священника заслышали наконецъ шелестъ шаговъ извукъ шпоръ. Въ залу вошли генералъ, опиравшійся на руку своего адъютанта, и съ ними Григорій Данковскій. Лицо послѣдняго сіяло радостью. Мѣсяцъ назадъ, когда дерзкая мысль его, бывало подъ веселый чашъ и надъ рюмочкой, занесется въ чистенькій домикъ исправника, гдѣ старались принаравливать къ великосвѣтскому образу жизни, подумаетъ онъ: «отчего не посвататься къ его дочкѣ?» и послѣ минутнаго размышленія всегда бывало кончить словами: «ну чортъ съ ними, не отдадутъ, да и не пойдетъ.» Теперь же генералъ Асонинъ отдаетъ за него свою единственную дочь. Анна Михайловна—не чета исправнической дочкѣ! Какъ удивятся его сослуживцы! Какъ будутъ завидовать!.. И майоръ-то не будетъ придирается ко всякой бездѣлицѣ. Задамъ имъ обѣдъ съ шампанскимъ, съ стерляжьей ухой, и Григорью Данковскому еще издали, чуть завидать, будутъ ужъ протягивать руку. Мало ли еще подобныхъ мечтаній



топилось въ головѣ жениха даже въ эту торжественную минуту.

Асонинъ, слабый, блѣдный, со впалыми глазами, опустился въ кресло. Неужели десятидневная болѣзнь успѣла такъ измѣнить его? Священникъ съ участіемъ подошелъ къ больному и благословилъ протянутую руку.

— Что это вы, ваше превосходительство, какъ изволили перемѣниться?

— Что дѣлать, батюшка! Болѣзнь не красить.

Владиміръ задумчиво стоялъ, опершись на высокую спинку кресла, въ которомъ сидѣлъ его начальникъ. На его лицѣ внимательный наблюдатель прочелъ бы не торжество побѣдителя, а угрызеніе совѣсти виновнаго. Что отвѣтить онъ въ послѣдствіи генералу, своему благодѣтелю, если Григорій не оставитъ дурныхъ своихъ наклонностей? И не взыщется ли съ него за то, что онъ это приноситъ невинное существо въ жертву своимъ корыстнымъ видамъ и надобѣвшей уже ему страсти порочной женщины? Отчего бы не стать ему самому, въ этой церемоніи, рядомъ съ этою кроткою, милою дѣвушкой?..

Но вотъ зашелестили платья въ сосѣдней комнатѣ, взоры всѣхъ обратились туда. Какъ хороша была невѣста! Бѣлое, кисейное платье, съ высокими лифомъ, охватывало ея стройную талію; свѣтлорусые густые локоны падали до плечъ, длинные, темныя рѣсницы были опущены и бросали широкую тѣнь на блѣдныя щеки. Она была восхитительна. Владиміръ отвернулся. У генерала блеснула слеза. Григорій самодовольно улынулся. Серафима Петровна была торжественна и величава. Неужели внутренно также была она спокойна, какъ наружно? Неужели душа ея такъ закалилась въ злѣ, что для добраго, хоть бы минутнаго чувства, въ ней не было уже мѣста?

Асонинъ подозвалъ къ себѣ дочь, взялъ ее за обѣ руки, и вперилъ въ нее долгій, вопросительный взглядъ.

— Перекрестите меня, папенька! прошептала дѣвушка, избѣгая этого безмолвнаго допроса.

Черезъ четверть часа, Анета была уже обрученницей Григорія Ивановича.

Здоровье Михаила Сергѣевича плохо поправлялось; докторъ, какъ и большая часть этихъ господъ, ѣздилъ очень аккуратно, два раза въ день, изучалъ болѣзнь, пробовалъ лѣкарства на

пациентъ, переѣмая ихъ иногда по нѣсколькѣ разъ въ день, разказывалъ анекдоты, бралъ деньги, и увѣрялъ, что генераль почти совершенно здоровъ, но еще слабъ.

Серафима Петровна между тѣмъ очень хлопотала съ приданнымъ, дѣлая лишь самое необходимое, по невозможности часто оставлять больного, а въ сущности изъ экономіи. Данковскому однакожь было вручено достаточное количество денегъ, въ счетъ приданого, для подарковъ невѣстѣ, обращавшей на нихъ мало вниманія. Анета была очень грустна, но на вопросы отца о причинѣ этой грусти, она ссылалась на его болѣзнь и напредстоящую разлуку.

— Мы не разстанемся, говорилъ Михаилъ Сергѣевичъ;— я переведу Григорія къ себѣ, и мы будемъ жить вмѣстѣ.

Последнее предположеніе отрадно подѣйствовало на душу молодой дѣвушки, и она видимо стала веселѣй. Къ жениху мало-по-малу она начала присматриваться. Хотя въ ней безпрестанно оскорблялось инстинктивное чувство изящнаго, но она такъ еще мало знала рѣчь любви, что прислушалась и къ грубымъ выраженіямъ нѣжности своего жениха. Серафима же Петровна играла роль такой нѣжной матери, что молоденькой довѣрчивой дѣвушкѣ казалось невозможнымъ, чтобъ опытность ея добрыхъ родителей могла ошибиться въ выборѣ ей мужа. Портретъ Колокутина, набросанный въ спокойное утро, предшествовавшее бурному дню, былъ сожженъ въ день помолвки. И когда на другой день, при объявленіи радостнаго событія въ семействѣ Асоновыхъ, на вечерѣ явился Арсеній Александровичъ, и, подойдя къ невѣстѣ, какимъ то грустно-задушевымъ голосомъ спросилъ: «Вы помолвлены?.. Неужели такъ скоро?..» Анета отвѣчала, что безкорыстная любовь всегда достойна взаимности, и что она любить своего жениха искренно. Но когда она произносила эти слова мести, ей стало такъ грустно, что она поспѣшила выйдти изъ гостиной, чтобы скрыть невольнo набѣжавшую слезу... Эта была первая и последняя дань мимолеетной, по обстоятельствамъ, любви. Небесное чувство задушено было въ зародышѣ; Анетѣ не суждено извѣдать ни его сладости, ни его горечи. Она пойдетъ по пути холоднаго долга, сколько силъ ея хватить.

13-го февраля, несмотря на трескуцій морозъ, улица, гдѣ стоялъ домъ, занимаемый Асоновыми, была запружена толпами, привлеченными великолѣпнымъ освѣщеніемъ дома какъ внутри,

такъ и снаружи. Нѣсколько салоповъ, нѣсколько шубъ и болѣе бѣдныхъ одеждъ были спалены о площадки, а толпа все-таки не рѣдѣла на тротуарѣ; двѣ-три барыни уже свалились со скользкаго фундамента, желая заглянуть во внутренность комнатъ; всеобщій хохотъ, какъ громкій аплодисментъ, вознаградилъ ихъ за эквилибристическій дебютъ, и казалось поощрялъ къ новымъ попыткамъ. Десятка два экипажей стояли у подъѣзда; кони били копытами, кучера похлопывали рукавицами, фореиторы глядѣли на толпу. Въ домъ было такое же движеніе, какъ и на улицѣ. Множество молодыхъ людей стояло группами въ сіяющей залѣ; дамы извѣстныхъ лѣтъ довольно чопорно сидѣли въ гостинныхъ, въ ожиданіи появленія невѣсты. Дѣвушки хлопотали въ уборной около грустной Анеты. Какъ силенъ и раздражителенъ казался ей запахъ живыхъ померанцевыхъ цвѣтовъ! Какъ тяжела вуаль на головѣ! Какъ непріятенъ скрипучій шелестъ ея тяжелаго бѣлаго муароваго платья!

Всѣ лица около невѣсты были веселы и оживлены, она одна склонила головку, и слезы одна за другой катились по ея маленькимъ, матовой бѣлизны, щечкамъ.

— О чемъ ты плачешь, душечка, говорила Елена Дмитріевна Витская, одѣтая, какъ и всѣ молоденькія дѣвочки, въ бѣлое тарлатановое платье, съ бѣлымъ же бантомъ, замѣнявшимъ *cache reigne*.—*Grégoire* такъ любитъ тебя! Онъ такъ мужественно хорошъ!.. Не правда ли, *mesdames*? прибавила она, обращаясь къ обществу дѣвушекъ.—Мой идеалъ всегда былъ въ этомъ родѣ. *Ma bonne amie*, шепнула она, наклоняясь къ уху невѣсты,—не забудь пожалуста дернуть скатерть, выходи изъ-за стола, передъ тѣмъ какъ вѣхать къ вѣнцу, на меня, на Лизу, на Машеньку. Вы о себѣ не позаботитесь, *mesdames*; все я о васъ подумай, сказала она, взглянувъ на названныхъ дѣвицъ, имена которыхъ она произнесла громко.

Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ Серафимы Петровны, блестящей всѣми чарамъ туалета и косметическихъ средствъ.

— Готова ты, мой другъ? спросила она. Пора! Женихъ ужъ давно уѣхалъ. Пойдемъ къ отцу. А вамъ, *mesdames*, не угодно ли пока въ гостиную, прибавила она, обращаясь къ дѣвицамъ.

Кабинетъ Михаила Сергѣевича тускло освѣщался одною маленькою лампой подъ зеленымъ колпакомъ; грустно опершись головою на руку, сидѣлъ старикъ, отвѣчая лишь полу-

словами обращающимся къ нему съ разговоромъ пожилымъ собесѣдникамъ, въ бѣлыхъ галстукахъ и жилетахъ. Страдалъ ли онъ физически, или морально, Богъ вѣсть! Вѣрно лишь то, что страдалъ.

Дверь отворилась; двѣ женщины, такъ дорогія его сердцу, переступили порогъ и подошли къ нему.—Благослови же ее, Михаилъ Сергѣевичъ, сказала генеральша, подавая ему образъ.

— Анета, Анеточка моя!.. проговорилъ старикъ дрожащимъ отъ душевнаго волненія голосомъ, и вдругъ зарыдалъ.

Почти съ крикомъ, Анета упала къ ногамъ его.

Докторъ, бывшій въ числѣ собесѣдниковъ, спѣшилъ прервать эту сцену.

— Ради Бога, поберегите его! шепталъ онъ.

Бѣдную жертву подняли и повели. Въ неудержимомъ порывѣ она снова обратила голову къ отцу:—Папенька, папенька!.. Мнѣ страшно!..

Михаилъ Сергѣевичъ вдругъ всталъ, лицо его искажилось, блѣдныя губы зашевелились, но звука никакого... Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ вслѣдъ за дочерью, и въ ту минуту какъ она скрылась за дверью, онъ тяжело упалъ въ свое кресло.

Въ то время какъ отъ параднаго подъезда Асоновыхъ тянулась свадебная процессія, съ задняго крыльца камердинеръ Михаила Сергѣевича бѣжалъ что есть духу за фельдшеромъ: баринъ былъ при послѣднемъ издыханіи. Крикъ дочери слишкомъ болѣзненно отозвался въ его сердцѣ. И безъ того уже совсѣмъ разстроенный организмъ не вынесъ душевнаго потрясенія; съ нимъ сдѣлался ударъ.

Между тѣмъ въ церкви, гдѣ совершалась брачная церемонія, несмотря на то что полиція не пускала простолюдиновъ, давка была ужасная. Толпа съ участіемъ смотрѣла на юную невѣсту, изъ глазъ которой ни на одну минуту не переставали течь слезы, такъ что окружавшія ее дамы, глядя на нея, сами не разъ отирали глаза; а всѣ присутствующіе, видя ее такою молоденькою, хорошенькою и такою печальною, повторяли въ одинъ голосъ: «Дай Богъ ей счастья!» Нѣкоторые даже, произнося эти слова, дѣлали земные поклоны мысленно; въ дѣйствительности же для такихъ поклоновъ не было мѣста по тѣснотѣ.

Обрядъ вѣнчанья уже совершенъ, а слезы все еще льются изъ глазъ молодой Данковской. Посаженная мать успѣла шеп-

нуть ей, что теперь она уже жена и должна беречь самолюбіе мужа. Замѣчаніе справедливое, молодая подняла кроткій взоръ на мужа съ такою улыбкой, что и его черствое сердце рванулось къ ней въ эту минуту.

Изъ церкви къ дому Асоновыхъ подъѣхали только двѣ кареты, съ молодыми и почетными лицами свадьбы. Не музыка встрѣтила ихъ, а мертвая тишина. Кромѣ Анны Михайловны, всѣ уже знали о внезапной кончинѣ ея отца.

Войдя въ залу, взоръ ея напрасно искалъ Серафимы Петровны. «Гдѣ же маменька!» спрашивала она, не обращаясь ни къ кому въ особенности. Общее молчаніе было отвѣтомъ. Она остановилась, посмотрѣла на всѣхъ, и прочтя на лицахъ какое-то странное замѣшательство, схватила руку мужа и быстро пошла къ кабинету отца.

— Анна Михайловна, ради Бога подождите! Куда вы?.. вскричалъ Владиміръ.

Не отвѣчая, она чуть не бѣгомъ все шла впередъ.

Почти у дверей кабинета, Владиміръ загородилъ ей дорогу.

— Что это значить? спросила она въ страшномъ волненіи, и мгновенно увернувшись, отворила дверь. Страшная картина истины предстала взорамъ несчастной. Съ неистовымъ крикомъ бросилась она на теплый еще трупъ, и замерла на груди его...

— Хороша свадьба, бормоталъ Григорій Ивановичъ, вынося съ Владиміромъ безчувственную жену изъ мрачной комнаты смерти.

На третій день въ домѣ Асоновыхъ былъ, вмѣсто свадебнаго пирѣ, похоронный обѣдъ, на которомъ зять покойнаго вполне удовлетворилъ своей наклонности. Къ счастью, въ это время Владиміръ сумѣлъ еще скрыть его положеніе отъ молодой жены.

Черезъ недѣлю они собрались ѣхать.

— Ступай же, прося у мачихи свое приданое, сказалъ влюбленный супругъ.

— Зачѣмъ же просить, отвѣчала удивленная жена.—Маменька сама отдастъ, когда узнаетъ, что мы ѣдемъ.

— Она знаетъ и молчать о приданомъ.

— Пожалуста позволь мнѣ быть въ сторонѣ. Проси самъ или поручи Владиміру Иванычу.

— Ну ужъ вы, деликатныя...

Анна Михайловна еще съ большимъ удивленіемъ посмотрѣла на мужа.—А маменька говорила мнѣ, что ты самъ очень деликатенъ, проговорила она,—и женясь на мнѣ, даже не зналъ есть ли у меня какое-нибудь приданое...

Григорій захохоталъ.—Нечего сказать, дурачка нашли! Такъ бы я и женился, еслибы мнѣ не обѣщала твоя мачиха пятнадцать тысячъ.

Мантія любви и нѣжности, въ которую драпировались до сихъ поръ ея мужъ и мачиха, вдругъ разорвалась, и Анна Михайловна увидѣла себя игрушкой людскаго эгоизма; собственно о ней никто не думалъ. Душа Анеты содрогнулась; жизнь и люди представились ей въ такомъ ужасномъ свѣтѣ, что мысль о возможности поскорѣе соединиться съ добрымъ отцомъ мелькнула въ ея головѣ какъ самая отрадная.

## XXII.

Въ день отъѣзда Григорій Ивановичъ обратился съ просьбой къ Серафимѣ Петровнѣ о выдачѣ назначеннаго его женѣ приданого. Она вручила ему три тысячи, говоря, что до приведенія въ извѣстность всѣхъ дѣлъ покойнаго не можетъ удовлетворить его вполне; по истеченіи же шести недѣль, онъ получитъ все остальное.

Далеко не по сердцу было Григорію Ивановичу это рѣшеніе; но что дѣлать? Раздражать Серафиму Петровну не слѣдовало; состоянія генерала никто не зналъ, кромѣ ея, и потому все зависѣло отъ нея. Скрывъ свое неудовольствіе, онъ рѣшился подождать, и поручилъ брату наблюдать за его интересами.

Горько плакала Анна Михайловна, оставляя домъ, гдѣ была такъ счастлива нѣсколько мѣсяцевъ. Серафима Петровна до конца играла роль нѣжной матери, хотя Анета ей уже не вѣрила.

На первой же станціи, въ то время какъ перемѣняли лошадей, Григорій Ивановичъ успѣлъ удовлетворить своей страсти, сдерживаемой такъ долго; онъ вернулся къ молодой женѣ уже не совсѣмъ въ нормальномъ состояніи.—Анюта, не хочешь ли ты чего-нибудь закусить? спросилъ онъ, обращаясь къ ней.

— Не хочу; да тутъ я думаю ничего и нѣтъ?

— Богатая ветчина! Что въ ротъ, то спасибо!..

— Я не люблю ветчины.

— Такъ тебѣ чего же? Фрикасе небось... желе... Какъ же, генеральская дочка!..

Анна Михайловна пытливо взглянула на мужа и замѣтила какую-то странную перемену въ его физиономіи.

— Ты изволь-ка у меня привыкать ко всему, продолжалъ онъ, усаживаясь въ возокъ.— Не на что, кажется, будетъ величаться-то. Обѣщали пятнадцать, а въ руки дали всего только три; на нихъ далеко не уѣдешь. Имъ только хотѣлось тебя съ рукъ сбывать.

— Кто же хотѣлъ меня сбывать?

— Извѣстно кто! Твоя мачиха, а можетъ и отецъ.

Анета вспыхнула.— Пожалуста не говори подобныхъ вещей Григорій! Отецъ меня любилъ... и мачиха тоже: я не была имъ въ тягость.

— Смотри пожалуй! отозвался насмѣшливо Григорій:— для чего жъ бы это меня выписали? И денегъ прислали на дорогу съ предложеніемъ жениться на генеральской дочкѣ съ большимъ приданымъ.

— Такъ ты не изъ одной любви женился на мнѣ? спросила Анна Михайловна дрожащимъ голосомъ.

— Фу ты какая дурочка! Любвы!.. Да что это такое любовь?.. Я любилъ Машу, любилъ Парашу, да чортъ ихъ перечтеть!.. Ну а жениться не женился безъ денегъ. За тобой обѣщали тысячи, вотъ я и обабился... Куда ни шло! Ты женка порядочная!..— Онъ потрепалъ ее по щекѣ.— Боюсь, какъ бы не надула насъ съ тобой мачиха-то! Баба—прощельга!

Анна Михайловна молчала. Слова мужа разоблачали передъ ней всю истину, и холодный потъ выступалъ у ней на лицѣ. Горькое разочарованіе въ прошедшемъ, мрачныя предчувствія въ будущемъ, вдругъ налегли на бѣдную молодую душу.

— Ну какъ ты думаешь, надуетъ она насъ? спросилъ Григорій.

Отвѣта нѣтъ.

— Что жъ ты молчишь? Или вы съ ней за одно?

Рыданіе вырвалось изъ груди Анны Михайловны.

— Это о чемъ еще? грубо пробасилъ Данковскій.

— Я никогда не была сообщницей никакого обмана, а была его жертвой, проговорила Анета.

— Какую такую жертвой?

— Жертвой вашего обмана.

— Моего?... Какого это?... Позволь узнать, чѣмъ я тебя обманулъ? Говорилъ ли я тебѣ о моемъ состояніи, а?... Скажи же, говорилъ или нѣтъ?

— Ты говорилъ мнѣ о своей безкорыстной любви, которую я цѣнила больше всякаго состоянія.

— Романы, сударыня, романы! Въ женихахъ кто жъ не толкуетъ о любви? Ужъ это такъ принято. Да я тебя и люблю, и еще больше буду любить какъ получу всѣ пятнадцать тысячъ. То-то мы тогда заживемъ! Купимъ душъ сотнагу побольше, переедемъ въ деревню, будемъ помѣщики... Я заведу псовую охоту, натравлю тебѣ лисицъ на салопа... а?... хочешь?...

— Я ничего не хочу, сквозь слезы проговорила Анета.

— Глупа!... Салопа у тебѣ сошью, а ты изволь мнѣ наливать наливки, дѣлать разныя водички, собирать травы для настоекъ. Чортъ возьми, какую настойку я пилъ у нашего исправника!... Какъ прїедемъ, Богъ дастъ, я тебя познакомлю непременно съ исправницей; удивительная хозяйка! Ты учись у ней! Передъ каждымъ праздникомъ, матушка, она посылаетъ собирать по селамъ и деревнямъ поросятъ, куръ, яца. Молодецъ баба, нечего сказать. Ты только слушайся ее! Франсе-то свое брось; мнѣ оно ни на что не нужно; чтобъ я в не слыхалъ этихъ тара-бара. То ли дѣло русскій языкъ... Чортъ знаетъ, на чтѣ это учать васъ?... Генераль-то видно думалъ отдать тебя за какого-нибудь принца, а ты вотъ за меня попала... Ну скажи ты мнѣ, на чтѣ жъ тебя учили?

Минута молчанія.

— Да говори же! Что ты на меня сердишься что ль? Э, братъ, я этого не люблю! Слышишь ли?... Не люблю!...

— Чтѣ же говорить? я не знаю; ты дѣлаешь такіе странные вопросы...

— А!... ты хочешь сказать, что я пьянъ?... такъ, я пьянъ да умень... А ты видно глупа, когда не умѣешь мужу отвѣчать.

Анна Михайловна, до сихъ поръ все еще проникнутая тяжкою мыслию о коварствѣ и фальшивости мачихи и частию мужа, не слыхавшая половины его болтовни, при послѣднихъ словахъ съ ужасомъ взглянула на него. «Пьяница,» думала она, хотя еще не вполне понимала значеніе этого слова.



— Что ты на меня уставилась? продолжалъ Григорій, устремивъ въ свою очередь на жену свой пьяный, звѣрскій взоръ.

Анета задрожала и инстинктивно прижалась въ уголъ возка. — Оставь меня, ради Бога, оставь! Не смотри такъ, мнѣ страшно! проговорила она.

— Чего испугалась? Я не съѣмъ; а хочу, чтобы ты со мной говорила.

Но Анета, блѣдная какъ смерть, меньше всего способна была говорить въ эту минуту. Къ счастью, вниманіе ея мужа было привлечено оборвавшеюся постройкой; онъ вышелъ изъ возка и зашумѣлъ съ извозчикомъ.

Трое сутокъ ѣхали Данковскіе, и только ночь да два, три часа утра Анета дышала посвободнѣй; остальное время Григорій Ивановичъ казался ей страшнымъ; она едва смѣла взглянуть на него, не только дѣлать ему какія-нибудь возраженія. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидала она конца путешествія, какъ будто вмѣстѣ съ нимъ должны были кончиться ея мученія, какъ будто она не понимала, что мучить ее не дорога, а этотъ ужасный человѣкъ, котораго дали ей въ мужа и съ которымъ разлуки нѣтъ!...

Часовъ въ восемь вечера вѣхали наконецъ Данковскіе въ уѣздный городокъ и остановились у скривившагося на одинъ бокъ трехъ-оконнаго флигелька, квартиры Григорья Ивановича. Грустно сжалось сердце Анны Михайловны, когда она переступала порогъ невзрачнаго жилья, она, жившая до сихъ поръ въ великолѣпныхъ палатахъ Смольнаго и богатомъ домѣ отца. Но въ трое сутокъ, привыкши уже бояться мужа, она не сдѣлала никакого замѣчанія, чтобы не оскорбить его. Къ тому же, въ этотъ день, на ея долю выпала хоть минута радости. Ея горничная, отправленная нѣсколькими днями впередъ съ приданнымъ, успѣла придать квартирѣ барина нѣкоторый комфортъ. Анна Михайловна обняла ее какъ родную.

— Автошка, самоваръ! Сію жь минуту! крикнулъ Григорій, едва перешагнувъ порогъ комнаты.

Автошка какъ угорѣлый бросился исполнять приказаніе барина.

— Ну что, Анята, устала? Напьемся чайку да и заснемъ... Видишь какую постель устроила намъ твоя фрейлина!... А ромку-то къ чаю небось нѣтъ? Поди-ка, прибавилъ онъ, обращаясь къ горничной и вынимая изъ портъ-моне деньги: —

вошли хозяйскаго мальчишку купить лимонъ, да бутылку рому. Анюта, тебѣ не купить ли хлѣба или сухарей? Чего хочешь?

— Ничего не надо! У насъ есть еще дорожные бисквиты.

— Да... тебѣ вѣдь нужны бисквиты!... съ колкостью сказалъ Григорій:—ну здѣсь ихъ не найдешь.

Черезъ нѣсколько минутъ Григорій Ивановичъ угостился ярѣчайшимъ пушшемъ и началъ было придираться къ Антону, но усталость и сонъ скоро одолѣли его могучую натуру. Флигелекъ заснулъ.

На другой же день Григорій перебрѣнилъ свою бѣдную квартиру на очень порядочный домикъ, комнату въ шесть; сдѣлалъ обѣдъ начальникамъ и товарищамъ, какъ предполагалъ съ стерляжьей ухой и шампанскимъ, за которымъ на почтовыхъ посылалъ въ губернской городъ; познакомилъ жену съ городскимъ обществомъ, которому она однакожь не понравилась, потому что людей ея разряда въ немъ было немного, да полно и были ли?... Особливо Маша, дочь почтмейстера, едва успѣла проводить новую знакомую, какъ рѣшительно смѣшала ее съ грязью: и мала-то она ростомъ, точно пигалица; худа какъ чахоточная, тиха какъ дурочка; и говорить-то вовсе не умѣетъ. Ну, выbralъ, нечего сказать! только слава, что генеральская дочь, а хуже нашей сестры.

Примѣтила ли Анна Михайловна недоброжелательство общества, или и ей оно тоже не нравилось, но въ послѣдствіи жители встрѣчали ее только въ церкви или на званыхъ вечерахъ и обѣдахъ, куда мужъ возилъ ее почти насильно. Дома она тоже рѣдко выходила изъ своей комнаты, въ залѣ была вѣчная попойка, а по вечерамъ карточная игра. Въ добавокъ, первое время Данковскому показалось, что майоръ за ней ухаживаетъ; онъ сдѣлалъ ей вслѣдствіе этого двѣ, три сцены, послѣ чего Анна Михайловна избѣгала встрѣчъ не только съ майоромъ, но и со всѣми офицерами, чтобы не подавать мужу повода ревновать ее. Не зная какъ убивать длинные свои дни и вечера, она принялась за рисованье и работу; книгъ у ней было не много, а просить не знала у кого. Часто вздыхала она о своемъ прекрасномъ роялѣ, купленномъ отцомъ къ ея выпуску изъ монастыря; однажды утромъ, когда мужъ былъ довольно ласковъ съ нею вслѣдствіе вчерашняго выигрыша, она рѣшилась попросить его послать за нимъ.

— Какъ получимъ всѣ деньги, такъ и пошлемъ, отвѣчалъ

онъ. — Даты мнѣ хозяйствомъ-то побольше занимайся! А то, чортъ знаетъ сколько денегъ выходитъ! Что эти белендрасы? Намажешь какую-нибудь картинку, а куда она годится? Железнаго гроша не стоить. Такъ и роаль: ты будешь играть, а тамъ въ кухнѣ да въ дѣвичей будутъ тащить во всѣ стороны.

Анета не возразила, но слезы готовы были брызнуть; она отвернулась, чтобы скрыть ихъ. Бѣдная женщина понятія не имѣла о хозяйствѣ.

— А что же ты писала къ мачихѣ? Шесть-то недѣль ужъ прошли.

— Сдѣлай милость, пиши самъ! Я не знала вашихъ условій; что же мнѣ мѣшаться? И что я буду требовать, когда мнѣ ничего не общали.

— Не тебѣ, такъ мнѣ; развѣ не все равно? Я буду безъ куска хлѣба, и ты тоже.

— Но пойми же, что мнѣ просить не ловко.

— Что это за глупая деликатность! топнувъ ногой крикнулъ Григорій: — я и понимать ничего не хочу! Извольте писать, сударыня, и передайте мнѣ ваше письмо, я самъ отправлю.

И онъ вышелъ.

«Что же буду я писать ей, думала Анна Михайловна, къ этой женщинѣ, которая сдѣлала несчастіе всей моей жизни, которая можетъ быть ускорила и смерть бѣднаго отца моего, которая разрушила святую вѣру мою въ добро, отняла мою молодость, мои радости, всѣ мои надежды!... Что мнѣ въ будущемъ теперь?... Я прикована къ нему... А съ нимъ у меня нѣтъ ни одной минуты спокойствія! Вѣчный страхъ, вѣчная тоска, вѣчное одиночество души! Одна цѣль—скорѣе соединиться съ папенькой... Онъ одинъ любилъ меня!...» Потокъ слезъ былъ слѣдствіемъ этихъ грустныхъ мыслей; долго плакала семнадцатилѣтняя, отжившая пору счастья женщина.

Дверь скрипнула, она спѣшила отереть слезы.

— Это ты, Стеша, спросила она не оборачиваясь.

— Я, Анна Михайловна.

— Что тебѣ?

— Да пришла прачка-съ и хлѣбница; просятъ денегъ.

— Ну что же, вели доложить барину.

— Вы сами ему не скажете? робко проговорила Стеша.

— Нѣтъ, нѣтъ! Скажи Антону, пусть онъ доложитъ.

— Антонъ ни за что не пойдетъ-съ; онъ лучше десять ушатовъ воды принесетъ изъ-подъ горы чѣмъ пойдетъ къ барину безъ зову.

— Ну, ты скажи!

— Нѣтъ-съ, я боюсь!... Развѣ послать Трофимовну? Ей что?... Сказала да и ушла къ своимъ горшкамъ.

— Ну, вели ей!

Не прошло и десяти минутъ, какъ въ залѣ послышался страшный шумъ.

Анета сидѣла ни жива, ни мертва.

— Я тебя выучу, какъ мыть мое бѣлье! Вотъ какъ, вотъ какъ!.. кричалъ громовымъ голосомъ Григорій.

Болѣзненное «виновать», долетѣло до слуха Анеты; она была весь свой страхъ, выбѣжала въ залу и схватилась за мужа.

— Григорій, другъ мой, ради Бога! что ты дѣлаешь?.. Она дрожала всѣми членами.

— Ты еще вступаться? Прочь! проревѣлъ онъ и оттолкнулъ жену, такъ что она упала.

Стеша подняла барыню и увела ее въ ея комнату.

Анна Михайловна до того была поражена поступкомъ мужа, что первую минуту была какъ автоматъ. Стеша посадила ее на стулъ и подала воды. Она все сидѣла съ опущенными руками, устремивъ сухой взоръ въ пространство.

— Анна Михайловна, матушка, что съ вами? зарыдавъ проговорила Стеша, и припавъ къ рукамъ барыни, облила ихъ горькими слезами.

Теплое участіе горничной возвратило сознание несчастной. Рыдая какъ ребенокъ, она упала на грудь Стеши, единственнаго существа, принимавшаго въ ней участіе.

Григорій Ивановичъ, раздѣлавшись какъ слѣдуетъ съ мученикомъ Антошкой, спѣшилъ учинить расправу съ остальными. Тяжелые шаги его слышались у дверей, широко распахнувшихся отъ прикосновенія могучей руки. Стеша, какъ бы гальванизмомъ отброшенная, очутилась на другомъ концѣ комнаты.

— Съ чьего позволенія изволили вы нанять прачку? наморщивъ брови и какимъ-то глухимъ голосомъ спросилъ Дачковскій свою бѣдную жену, еще продолжавшую рыдать.

Она молчала.

— Я васъ спрашиваю, для чего нанята прачка?

— Нужно же мыть бѣлье, сквозь слезъ проговорила Анета.  
 — А развѣ некому?  
 — Кому же?  
 — А работница, а ваша фрейлина?  
 — Работницѣ некогда, а Стеша не умѣетъ.  
 — Я знать не хочу! Чтobъ умѣла! Слышите ли, сударыня? Иначе вашей фрейлины завтра же духу не будетъ здѣсь, я не намѣренъ держать ее для причесыванія одной вашей головки да распиванія чаевъ. Нѣтъ! это хорошо было у генерала, а не у подпоручика. Да еще позвольте васъ спросить, для чего бралось каждый день по два бѣлыхъ хлѣба? Куда онъ выходилъ?

— Одинъ хлѣбъ выходилъ для барыни, другой вечеромъ для гостей, проговорила Стеша.

— Такъ барыня по цѣлому хлѣбу съѣдала въ день?

— Григорій Ивановичъ, неужели вы будете считать что я ѣмъ? Боже мой!.. Считайте же! Четыре куска мнѣ даютъ къ чаю, и по куску къ обѣду и ужину.

— Къ обѣду можно подавать и черный.

— Я его не ѣмъ.

— Ну да какъ же! Генеральская дочь! злобно возразилъ Григорій.

— Я не буду никогда его ѣсть... Богъ съ вами!—Рыданія прервали ея слова.

— Глупая бабенка! Ты-то ѣшь, да не позволяй себя подъ носомъ обкрадывать! А ты у меня, барская барыня, смотри!.. держи ухо востро! Не то!.. И онъ свиснулъ съ энергическимъ жестомъ.

## XV.

Въ маленькой деревушкѣ, между десяткомъ крестьянскихъ избъ, немножко на отлетѣ, стоялъ барскій флигелекъ комнатки въ четыре; одною стороною онъ прилегалъ къ саднику, съ двумя-тремя десятками яблонь и нѣсколькими кустами смородины и малины; подъ гору отъ садика тянулся огородъ, обнесенный ветхимъ плетнемъ, вѣчно проломаннымъ неугомонными свиньями. Три остальные стороны домика выдавались во дворъ, окруженный вмѣсто всякаго заборника амбарами, са-

райчиками и всѣхъ возможныхъ размѣровъ хлѣвушками. Дворикъ, что твое колечко! Всякую скотинку есть куда загнать; и теляткамъ особо, и поросяткамъ, и курочкамъ, и уточкамъ.

— Слава те Господи! говорила обладательница и домика, и дворика, женщина лѣтъ пятидесяти слишкомъ, своей сосѣдкѣ, сидя за самоваромъ и выпивая чуть ли не по двѣнадцатой чашкѣ (всѣ мелкія дворянки, между нами сказать, страшныя охотницы до чаю).—Благодарю моего Создателя, вотъ живу одна, друга своего лишилась ужъ лѣтъ десять, а хоть бы и при хозяйнѣ такъ дворикъ-то обстроить! Да и все есть: и чашка чаю, и пирожокъ въ праздникъ, и въ будни-то не пустыя щипки. Скучно лишь, все одна да одна! Слова не съ кѣмъ перемолвить; съ холопами что за разговоръ? Писала было Володѣ, чтобы шелъ въ отставку, и имѣнье общала было все ему прикрѣпить; куда-те! Я дескать, тетюшка, служу хорошо, инаралъ любить, скоро буду ротой командовать. А чортъ ли въ этихъ ротахъ, прости Господи! Вонъ, Червачковъ! и майоромъ вышелъ въ отставку, да кусать нечего... А я не на фу-фу зову своего, двадцать душъ ревизскихъ, да сто десятинъ, не шуточка! Заведеньице все есть; къ готовому придумать можно, не на крапивку садеть... Ну да какъ хочеть. Не ѣдетъ, такъ и Хламкина какъ ушей своихъ не видать. Будеть тужить, да поздно! То-то, мать моя, молодые умочки-то! Попалъ въ офицеры, надѣлъ золотые аполеты, и ужъ земля подъ собой не слышитъ, думаетъ, вѣкъ ничего болѣе не надо... Что ты это, мать моя! вскрикнула Ульяна Степановна, увидавъ, что гостя накрываетъ чашку:—еще налью, пей на здорье!

— Благодарю, сударыня моя, и такъ много довольна!

— Ну, ну, поневоля! говорила радушная хозяйка своей собесѣдницѣ, раскрывая опрокинутую чашку и наливая чайку съ грѣхомъ|пополамъ:—подлей сливочекъ-то, не жаднѣй! Коровки есть, и потелились, слава те Господи! Всего много, а пить-вѣсть некому.

— Да гдѣ же, матушка, ваши племянюшки-то, сестрицы Владиміра Иваныча? На что бы лучше вамъ, при старости, взять ихъ-то...

— И-и, не говори мнѣ о нихъ! И знать ихъ не хочу! Попробовала, пожила годокъ съ ними; такъ ты думаешь, тетку онѣ покоили?.. Только и норовятъ, чтобы вырядиться да куда-нибудь въ гости; нѣтъ, мать моя, гдѣ имъ со мной жить!.. онѣ себѣ въ городѣ проживаютъ, что имъ! Мать вѣдь оставила

имъ по тысячѣ цѣлковыхъ. Вотъ развѣ Гришутку позвать... да боюсь! Снизмаглѣтства былъ такой-то озорникъ, что Боже упаси!.. Матери бывало то и дѣло носъ срываетъ. Можетъ те-перь-то и поугомонился.

— Извѣстно, матушка, гляди, остепенился. Онъ вѣдь тоже въ полку?

— Какже! А хоть и остепенился, такъ не бось тоже набрался Володиной-то блажи. И ума головѣ не приложу, кому все это достанется?.. Вѣдь жаль, Агаея Даниловна! промахнуть, злодѣя, мое доброе!.. а кабы пожили здѣсь, не бось бы слюбилось, привыкли бы... Да какъ не слюбиться?.. Ты сама знаешь, угодыя-то какія! И дѣсокъ, и лужокъ, и садикъ... Прудъ какой хочешь занеси, родниковъ по ручью-то десятка два будетъ. А какъ придетъ рабочая пора... выѣдутъ пахать, семь молодцовъ, не одинъ, не два! А серповъ-то до двадцати набираю съ дѣвчонками.

— Какже, какже, сударыня! Лѣтомъ пойдешь въ поле, глядь, большая барщина... ужъ и не спрашиваешь чья! извѣстно, Ульяны Степановны. А гумно-то у васъ въ осень биткомъ набито!..

— Запашка велика, мать моя; пятнадцать десятинъ въ полѣ. Хлѣба-то за своимъ обиходомъ четвертинъ сотнягу поболь продаю.

— Чтò и говорить!.. Съ такимъ помѣстьемъ жилъ бы не тужилъ.

— То-то, другъ мой. А дуракъ Володя и знать его не хочетъ.

— Ну, отпишите вправду Григорью-то Иванычу.

— И такъ хочу. Отъ кого не чаешь-то—лучше. Пришла-ка ты мнѣ хоть завтра своего Васю; онъ какъ разъ мнѣ настроичить.

— Не пономаря ли лучше, Ульяна Степановна? Вася, гляди, за сохой всю грамоту позабылъ.

— И-и, напишетъ какъ-нибудь! Полмѣрки пшеница-то лучше тебѣ достанется! Пономарю и такъ доходъ, мать моя; съ живаго и съ мертваго тянуть. А тебѣ гдѣ взять?

— Чтò правда, то правда, матушка. Чтò ты будешь дѣлать? Вездѣ все деньги, да деньги. И тяжело вздохнула Агаея Даниловна.

— Ну-у, не тужи! А много-то не давай, ты дворянка; съ тебя требовать не станеть.

— И-ихъ ; матушка , дворянка! Мы лишь называемся дворяне, а по правдѣ-то сказать хуже всякаго мужичка. У меня еще все-таки хоть семейшка людей есть, да десятинокъ пятокъ, а вотъ у Мухояровыхъ такъ по саженику въ полѣ. Чтò тутъ вѣсть-пить? Сына ставить въ работники къ мужичкамъ, а самъ-то стадо стережетъ; вотъ-те и дворяне!... Иные и вовсе въ воровство пустились. Вечоръ сидѣлъ у насъ дворянокъ изъ Шамановки, такъ у нихъ чтò случилось, матушка. Вѣдь вы чай слышали, что въ Шамановкѣ-то живутъ почестъ все дворяне, и голь-то перекатная! У нихъ ужъ давно хлѣба нѣтъ; вотъ и надо какъ-нибудь промышлять; нѣтъ чтобы, какъ Мухояровы, честнымъ трудомъ заработать копѣйку, придумали полегче. Верстахъ въ трехъ отъ нихъ, купецъ содержитъ рощу; роща-то почти вся дубовая, и заготовлено тамъ полозьевъ, ободей тьма тьмущая; зимой, извѣстно, не работаютъ, а живутъ только въ избѣ около сарая два караульщика; вотъ и снарядились дворяне-то на промыселъ; собрались человекъ пять, заложили три лошади, да въ полночь и подѣхали къ сараю, караульщиковъ возьми да въ избушкѣ-то припрятъ; сами навалили товару на сани, да и были таковы. А поѣхали-то вѣдь не домой, а въ Ветловку, прямо къ богатенькому тамъ мужичку: дѣло было ужъ на зорькѣ. Стучать; мужикъ вышелъ; пусти дескать, дядя Пахомъ, свалить у тебя маленько товарцу; были въ Грязномъ на базарѣ, купили кой-чего, да воза-то больно тяжелы, лошадей такъ-то поумаяли, что до васъ насилу дотащились. Мужикъ пустилъ. Они возьми да весь товаръ и свали у Пахома, мы дескать на утро за нимъ прїѣдемъ, теперь лошадей-то и порожнихъ дай Богъ догнать до дому.

— Экіе мошенники! вѣдь мужика-то, пожалуй, запутають.

Близкій звонъ колокольчика обратилъ на себя вниманіе обвухъ собесѣдницъ.

— Ужь не ко мнѣ ли кто? проговорила Ульяна Степановна:— кому бы?... Развѣ становой?...

Колокольчикъ въ самомъ дѣлѣ вѣхалъ на дворъ.

— Васютка, Васютка! кричала суетившаяся хозяйка:— обѣги скорѣй, кто-то прїѣхалъ. Развѣя, чтò жъ безъ огня-то? Анхъ-ма! Возьми хоть нашу свѣчку, дура.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ, въ соцѣ (вожденіи) Василисы, человекъ лѣтъ тридцати пяти, съ волосами и бакенбардами заиндевѣлыми; физиономія его отличалась тол-



стымъ, круглымъ носомъ и сильною косиною, такъ что, казалось, онъ смотрѣлъ на обѣихъ старушекъ въ одно и то же время, хотя онѣ сидѣли на двухъ противоположныхъ концахъ стола.

— Наше вамъ почтеніе-съ, Ульяна Степановна.

— А, Евсей Агапычъ! Какими судьбами? Гдѣ жь Иванъ-то Никитичъ?

— Они-съ на слѣдствіи въ Ершовкѣ; я тоже къ нимъ ѣду-съ, да по дорогѣ къ вамъ завернулъ на минуточку.

— Спасибо, батюшка, спасибо! Садись-ка! Васютка, подогрѣй самоваръ. Ай морозъ-то великъ? Ишь какъ ты заиндевели!

Письмоводитель становаго все еще обтиралъ старымъ платкомъ замерзшіе волоса.

— Я къ вамъ-съ и по дѣльцу, и письмецо привезъ; получалъ казенную почту, да глядь—на ваше имя конвертъ; дай дескать кстати завезу.... Вотъ-съ.

Письмоводитель вынулъ изъ кармана письмо и передалъ его Ульянѣ Степановнѣ.

— Отъ кого бы? Ты ужь самъ прочитай, мой родной; я въдѣ грамотъ-то плохо знаю.

Евсей Агаповичъ пододвинулъ стульчикъ къ столу, разломалъ печать и прочелъ слѣдующее:

«Любезнѣйшая тетушка

«Ульяна Степановна!

«Хотя уже болѣе пяти лѣтъ, какъ я не имѣлъ счастья не только видѣть васъ, но даже и получить отъ васъ какое-нибудь извѣстіе, я всегда васъ любилъ и помнилъ, что вы всѣхъ насъ маленькихъ ласкали и баловали. Теперь я ужь не тотъ шалунъ и бунякъ Гриша, которому вы подѣломъ ухо драли; нѣтъ, милая тетушка, по милости Божіей и вашими молитвами, я получилъ уже два чина на царской службѣ....»

— Слава Тебѣ Господи! перекрестясь проговорила Ульяна Степановна. — Каковъ Гришутка-то? прибавила она, обратясь къ Агаеѣ Даниловнѣ. — Ну, ну, батюшка, Евсей Агаповичъ, читай-ка!

«И женился на дочери генерала, у котораго Володя былъ адъютантомъ.»

— Чтѣ, чтѣ? вскрикнула тетка.

Письмоводитель повторилъ.

— Ахъ, отцы мои!... на дочери инарада.... Смотри, пожалуйста! Ай да Гриша!...

«Но жена моя молода и неопытна, ей нуженъ учитель въ хозяйствѣ, и я смѣю надѣяться, милая тетушка, что вы не откажете прѣхать пожить съ нами хоть сколько-нибудь. Ваши наставленія будутъ намъ полезны; хозяйство идетъ у насъ очень плохо, мы совсѣмъ не знаемъ какъ взяться. Не откажите, дорогая тетушка, прѣхать хоть взглянуть на насъ. Я и жена моя почтительно цѣлуемъ ваши ручки и остаемся вашими покорными....

— Поѣду, поѣду, безпремѣнно поѣду! Ахъ онъ мой соколъ ясный! Гдѣ имъ хозяйничать.... молодо, зелено.... Ну вотъ, думано ли, гадано ли, Агаея Даниловна, что мнѣ на старости придется ѣхать въ такую даль?

— Вы-то и поѣдете, матушка?

— А какъ же? не бросить же ихъ. Вѣдь не чужіе; что ты это, Агаея Даниловна!

— На кого же вы здѣсь-то все покинете?

— Артамошкѣ все прикажу, покудова. А тамъ, что Богъ дастъ, можетъ и дѣтокъ сюда перетащу. Что за служба съ семьей? То ли дѣло въ своей деревушкѣ!...

— Инаральская дочка-то можетъ сюда не поѣдетъ, возразила Агаея Даниловна.

— Экъ, что вздумала! А какъ бы она не захотѣла коли мужъ повезетъ?...

— Можетъ у ней есть свое помѣстье.

— А это-то чье? И это ихъ же будетъ. Ну, Евсей Агапычъ, дай Богъ здоровье! Какую ты мнѣ вѣсточку привезъ.... Кушай, родной! отогрѣйся! говорила хозяйка, пододвигая ему чашку чаю. Васютка, поди-ко ты, возьми вотъ ключи; тамъ въ поставцѣ, стоитъ бутылочка съ кизляркой, принеси сюда; надо гостя-то попотчивать.

— Много доволенъ-съ, Ульяна Степановна. И такъ чаекъ по косточкамъ пошелъ. А куда какъ холодно нонче-съ.

— То-то, то-то; ишь какъ переязь, а мы сидимъ себѣ въ покоѣ, и морозъ ни почемъ. Ну, а какое жь дѣльцо-то до меня?

— Завтра проводятъ ремонтъ-съ по большой дорогѣ, такъ нужны подводы съ провожатыми; съ васъ слѣдуетъ пять-съ; извольте пораньше завтра высылать на станцію.

— Ахъ, батюшки, да кого жъ я пошлю? У меня повѣхали съ хлѣбомъ. Ужъ нельзя ли какъ уволить....

— Никакъ не возможно-сь, казенная надобность. Прикажете старость, чтобы какъ-нибудь набралъ-сь, а то будете отвѣчать.

— Да какой тамъ староста! Я сама и прикащикъ и староста, ино гдѣ мнѣ тебѣ взять подводъ....

Приказный ухмыльнулся.—Мнѣ подводъ не нужно-сь, сказалъ онъ,—а кто казенныхъ повинностей не исполняетъ, тотъ отвѣчаетъ. Подводы же раскладываемъ не мы-сь, а исправникъ.

— Ну да ты какъ-нибудь скажи, отецъ мой.

— Мнѣ не возможно-сь. Лучше извольте нанять-сь, Ульяна Степановна.

— Какого бѣса, прости Господи, найму я здѣсь?... Агаея Даниловна, поди мать моя къ Васюткѣ-то! Знать она сдуру не найдетъ водки... въ уголкѣ тамъ, на правой рукѣ, на верхней полочкѣ.

Агаея Даниловна вышла.

— Родимый ты мой, Евсей Агаповичъ, сослужи службу, уволь отъ подводъ! Ужъ я тебѣ цѣлковенькій, да пару утокъ велю положить, сказала хозяйка, спровадивъ сосѣдку.

— Цѣлковенькій-то что же-сь, Ульяна Степановна! Надо исправнику дать, чтобы онъ не доносилъ на васъ, Ивану Никитичу.... Вѣдь по двугривенному не дашь.

— Ну сколько же возьмешь?

— Да я-то что-сь! по вашей ласкѣ я бы ничего не взялъ; имъ-то надо! Зелененькую видно дадите!

— Три цѣлковыхъ-то?... Ахъ ты злодѣй, злодѣй!...

— Чтѣ дѣлать-то, матушка? По васъ слово, такіе-то грабители, что Боже упаси! Мнѣ только и останется, что развѣ ваши двѣ уточки, а то все имъ пойдетъ.

— Охъ времена, времена! чуть не со стономъ произнесла Ульяна Степановна. — Такъ нельзя меньше-то, Евсей Агаповичъ?

— И радъ бы душой!...

— Ай ужъ не нанять ли вправду?... въ раздумьѣ и мысленно разчитывая проговорила Ульяна Степановна.

— Дороже обойдется-сь, спѣшилъ возразить приказный.— Лошадей-то придется гнать верстъ за двадцать, да отъ вашей деревни до станціи версты четыре, взадъ и впередъ выйдеть

сорокъ восемь; съ вась по цѣлковому на подводу не возьмутъ.

— И то правда.

Сосѣдка съ бутылочкой вернулась.

Евсей Агаповичъ напился чайку съ водочкой, выпилъ рюмочки три настоечки, закусилъ ветчинки, жареной уточки, стравилъ лошадаки мѣрку овсеца, взялъ три цѣлковыхъ и отправился съ Богомъ, дѣлать ихъ съ Иванъ Някитичемъ, придумывая еще продѣлки въ томъ же родѣ для помѣщицъ своего стана, подобныхъ Ульянѣ Степановнѣ.

На другой же день тетушка Данковскихъ начала собираться въ путь. Какъ только Артамошка вернулся съ обозцемъ, его же послала она нанять парочку лошадокъ, снарядила кибиточку, закуталась во всевозможные платочки, накидочки, и салоцки, навязала узелковъ съ разными домашними провизіями, нацѣпила нагольную шубу на Васютку, и однимъ прекраснымъ, раннимъ утромъ разсталась съ своимъ Хламкинымъ, поручивъ его въ свое отсутствіе Артамошкѣ и строго-на-строго приказавъ, чтобы все было какъ при ней; не то прійдетъ—строго взыщеть, а то и вовсе въ солдаты угодить.

## XVI.

Между тѣмъ Григорій Ивановичъ Данковскій, получивъ рѣшительный отказъ жены писать къ мачихѣ, адресовался къ ней самъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ Владиміру, прося послѣдняго какъ можно скорѣй вытребовать у его возлюбленной достояніе его жены. Отвѣты не замедлили. Серафима Петровна съ сокрушеннымъ сердцемъ объявляла, что, по приведеніи въ извѣстность всѣхъ дѣлъ покойнаго, не оказалось никакихъ денегъ, а осталось лишь нѣсколько тысячъ долгу, который бѣдной вдовѣ придется платить изъ пенсіи. Владиміръ же писалъ, что онъ изо всѣхъ силъ хлопоталъ, чтобы заставить генеральшу удовлетворить справедливое требованіе брата, но она объявила, что не имѣетъ никакихъ средствъ, за чтѣ онъ имѣлъ съ ней нѣсколько горячихъ спенъ, вслѣдствіе которыхъ они разстались съ Серафимой Петровной, вѣроятно навсегда. Владиміръ умолялъ брата не упрекать бѣдную свою жену за этотъ непредвидѣнный

оборотъ дѣла. Но разъяренный звѣрь способенъ ли къ какому великодушію?

По прочтеніи писемъ, Григорій поблѣднѣлъ отъ злости; губы его задрожали, онъ рванулъ на себѣ волосы, и какъ тигръ бросился въ комнату жены. Скомканные письма полетѣли ей въ лицо; несчастная вскрикнула, и съ трепетомъ смотрѣла на своего мучителя.

— Вотъ твое приданое, прошипѣлъ онъ.

У Анны Михайловны замеръ духъ.

— Прочти, порадуйся.

Тысяча ругательствъ сыпалось на Серафиму и Владиміра, въ то время какъ молодая женщина, разгладивъ письма, пробѣгала ихъ взоромъ съ страшнымъ біеніемъ сердца. Поблѣднѣла въ свою очередь и Анна Михайловна по прочтеніи ихъ.

— Чего смотрѣлъ твой дуракъ отецъ-то? Чтобъ ему на томъ свѣтѣ....

При этихъ словахъ Анета вскочила съ своего мѣста и бросилась передъ мужемъ на колѣни.—О, ради всего святаго, умоляю тебя, не обвиняй моего добраго отца! Еслибъ онъ былъ живъ, все было бы иначе. Онъ меня любилъ....—Рыданія прервали слова ея.

— Ну тебя къ чорту! Оно и видно, что любилъ, сардонически проговорилъ Григорій, отворачиваясь и отходя отъ жены.—Всегда пускаютъ по міру тѣхъ, кого любятъ.

— Ты его не зналъ!

— Знаю теперь; старый олухъ не смѣлъ пикнуть передъ тѣми, кто его дурачилъ.

Медленно поднялась съ колѣнъ Анна Михайловна, оскорбленная до глубины души грубостью мужа.

— Отецъ мой былъ такъ чистъ душой, что не понималъ всей низости, окружавшей его, проговорила она.

— Ну, вотъ, по милости этой чистой души, ты и осталась безъ куска хлѣба.

— Для моего куска хлѣба, ты все-таки получилъ три тысячи, сказала Анета и сама удивилась, что нашла мужество напомнить мужу, что она все-таки не нищая.

Григорій, ходившій изъ угла въ уголъ, при этомъ рѣзкомъ возраженіи жены не повѣрилъ своимъ ушамъ; онъ остановился противъ нея, и посмотрѣлъ такъ грозно, что трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ бѣдняжки.

— Я тебѣ говорю, что у тебя ничего нѣтъ! И съ этой минуты, ты будешь обязана всѣмъ одному мнѣ.... Слышишь!

Анета молчала, вѣроятно не сознавая въ душѣ этой обязанности.

— Слышишь! повторилъ онъ, схвативъ руку жены и стиснувъ ее такъ, что нѣжныя кости хрустнули, и она невольно вскрикнула. Онъ плюнулъ чуть не въ лицо ей, и вышелъ изъ комнаты.

Съ этого дня жизнь Анны Михайловны становилась все хуже и хуже. Денежныя средства истощились, а Григорій не переставалъ пить и кутить. Сознывая однакожъ въ трезвыя минуты, что скоро жить будетъ нечѣмъ, онъ вспомнилъ о тетускѣ Ульянѣ Степановнѣ и написалъ ей чистанное уже нами посланіе. Въ ожиданіи благоприятнаго отвѣта, онъ продолжалъ понемногу закладывать кое-какія женныя вещи и все-таки угощаться съ пріятелями.

## XVII.

Однажды вечеромъ въ маленькой залѣ Данковскихъ шла попойка дѣятельнѣе чѣмъ когда-нибудь; шумъ, крикъ, по временамъ грубая брань долетали до слуха Анны Михайловны, сидѣвшей въ своей комнатѣ безъ огня и преданной тяжелымъ думамъ. Рано разоблачилась передъ ней вся черная сторона жизни; настоящее легло уже тяжелымъ гнетомъ на юную головку; будущее приводило въ отчаяніе. Въ эти два мѣсяца, сколько слезъ пролила она! Говорятъ, слезы облегчаютъ горе; да, если сквозь ихъ призму блеститъ какая-нибудь надежда.

— Анята! раздался громовой голосъ Данковского.

Анята вздрогнула.

— Эй ты, генеральская дочь, иди сюда!

Въ первый разъ еще мужъ требовалъ, чтобъ она выходила тогда, какъ онъ кутитъ съ своими гостями.

Съ замираніемъ сердца встала она и пошла въ залу; отворивъ дверь, она увидѣла двухъ собесѣдниковъ мужа безъ галстуковъ, за карточнымъ столомъ. Она остановилась и робко спросила что ему нужно?

— Иди сюда!

— Извините, Анна Михайловна! Мы такъ.... подружески.... говорили гости, уже порядочно пьяные.

— Вздоръ, что за извиненія! Садись вонъ тамъ, да спой намъ пѣсенку.

Анета, пораженная недѣлимъ требованіемъ мужа, тихо сказала: — Ты знаешь, Григорій, что я никогда не пѣла и не пою.

— Пой! заревѣлъ пьяный гигантъ.

— Но, ей Богу, я не умѣю, дрожащимъ отъ слезъ голосомъ говорила несчастная.

— Антошка, подай барынѣ стаканъ пуншу! Да покрѣпче, для смѣлости.

Анна Михайловна собрала все свои силы и подойдя къ мужу, самымъ задушевнымъ голосомъ сказала:—Григорій, другъ мой, полно шутить! Еслибъ я умѣла, я стала бы для тебя пѣть, сколько тебѣ угодно; но безъ голоса не пою.

— Знать не хочу, приказано, такъ пой!—И онъ оттолкнулъ ее отъ себя.

Анна Михайловна стояла какъ окаменѣлая.

— Полно, братъ! заговорилъ одинъ изъ гостей:—безъ голоса птица не поетъ.

— Она не птица, а жена моя; и посмотрю, какъ не послушается!...

Въ эту минуту послышался стукъ въ запертую дверь передней, что отвлекло вниманіе Григорія.

— Какой тамъ чортъ? говорилъ онъ, обратясь всеѣмъ корпусомъ къ передней.—Антошка, скажи дома нѣтъ.

Антошка отправился исполнить приказаніе барина и ту же минуту вернулся.

— Ну, кто тамъ?

— Какая-то женщина спрашиваетъ, тутъ ли вы изволите жить; говорить, что ваша тетушка пріѣхала.

— О! чортъ ее принесъ!.. Теперь-то и нужно ей пріѣхать...

— Какая тетушка, Григорій? скажи мнѣ, я пойду ее встрѣтить.

Анна Михайловна такъ была рада нечаянному пріѣзду, сама не зная кого, что мысленно благословляла существо, выведшее ее изъ ужаснаго положенія выполнять дикое требованіе пьянаго мужа.

— Ну, какая тетушка!.. Ульяна Степановна. Антошка, проводи ее на заднее крыльцо, сказалъ Данковскій, обращаясь къ деньщику.

Анна Михайловна выпорхнула какъ птичка, которую морили голодомъ, и которой вдругъ случай отворилъ кѣтку.

Анета выбѣжала въ дѣвичью въ ту минуту какъ въ наружную дверь переваливалась черезъ порогъ масса заячьихъ мѣховъ, пуховыхъ платковъ и всякой рухляди, изъ-подъ которой торчалъ лишь одинъ покраснѣвшій отъ холода носъ и сверкали маленькіе сѣрые глазки.

— Тетушка, пожалуйста сюда, говорила молодая женщина, ведя прѣзжую въ спальню и развязывая на ней платки и платочки.

— Постой, мать моя, постой! Гдѣ у васъ образа-то? Прежде помолиться, а тамъ ужъ и раздѣнусь.

Старуха исполнила древній обрядъ и приступила къ процессіи раздѣвья.

— Ты, что ли, Гришина жена-то? спросила Ульяна Степановна, глядя на помогавшую ей Анету.

— Я, тетушка.

— Ну-ко поцѣлуемся! Прошу любить да жаловать, я ваша тетка, Ульяна Степановна Вилушкина.

Анета со всею горячностію одинокой души обняла старуху.

— Да гдѣ жь Гриша-то? Ай дома нѣтъ?

— Онъ сейчасъ придетъ, тетушка; у него начальникъ.

— Ну, ну, Богъ съ нимъ! Увидимся.

— Стеша, поскорѣй самоваръ! Тетушка, я думаю, озябла.

— Ну, озябнуть-то не озябла, а больно устала. Экая даль! четыре дня ѣхала.

Анета усадила тетку въ покойное кресло, и сама подала ей скамеечку.

— Да дай-ко мнѣ посмотрѣть-то на тебя, сказала Ульяна Степановна, притягивая къ себѣ молодую женщину.—И-и! что ты такая-то щедушная? Ишь какъ испитая! Ай больна?

— Нѣтъ, я здорова, тетушка, отвѣчала покраснѣвшая отъ этого оригинальнаго обзора Анета.

— Ну нешто такія-то здоровыя бываютъ? Ишь, въ чемъ душа! Погоди, вотъ я тебя откормлю пышками да лепешками.

Анета поцѣловала старуху въ плечо.

Стеша разостлала скатерть чистую какъ серебро, поставила



чайный приборъ и блестящій красной мѣди самоваръ, и начала дѣлать чай.

— Это кто жь у тебя завариваетъ чай-то?

— Моя горничная, тетушка.

— Чтò жь не сама?

— Я боюсь дурно сдѣлать, тетушка.

— Экая мудрость! Давай-ко я сама заварю; а ты поучись у меня.

Анета спѣшила придвинуть другое кресло къ чайному столу; старуха, пошатываясь отъ дороги, пересѣла и принялась хозяйничать.

— Гдѣ жь ключи-то отъ сахару?

— Стеша, подай же сахаръ.

— Ай, не запирается? спросила старуха.

— Нѣтъ, запирается, да ключи у Стешы.

— Вотъ это не слѣдъ, мать моя; молоденька ты! Сахаръ дѣло лакомое, держи у себя подъ замочкомъ.

Анета снова покраснѣла.

— Крепостная что ль? спросила она, указывая сѣренькими глазками на подававшую сахаръ Стешу.

— Нѣтъ, папенька далъ ей вольную.

— За какую жь услугу?

— Отецъ ея сдѣлалъ съ нимъ всю венгерскую кампанію.

— На чтò жь ты ее держишь? Ай своихъ-то нѣтъ?

— Впервыхъ нѣтъ, а второе, она славная дѣвушка, очень привязана ко мнѣ, и я къ ней привыкла.

— Помѣстья-то развѣ за тобой нѣтъ?

— Нѣтъ, потупивъ взоръ, проговорила Анета; этотъ вопросъ напомнилъ ей все чтò она уже вытерпѣла отъ мужа за недостатокъ состоянія.

— Чтò жь, знать деньгами дали за тобой?

— Не знаю, тетушка; мой бѣдный отецъ скончался въ самый день моей свадьбы, и кажется ничего не успѣлъ для меня сдѣлать.

— Вправду? спросила пораженная Ульяна Степановна, и съ разинутымъ ртомъ, съ вытаращенными глазами, смотрѣла на племянницу.—Ну, а матери у тебя развѣ нѣтъ?

— Отъ маменьки я осталась полутора года.

— Да кто жь остался еще послѣ инарала-то?

— Мачиха моя.

— Такъ она всѣ его денежки-то и подтибрила себя? Ахъ

она оказанная!.. Ты-то чего жь глядѣла, мать моя? Вѣдь наследница-то ты.

— Чтѣ жь мнѣ было дѣлать, тетушка? Я была такъ молода, такъ неопытна, такъ поражена потерей моего дорогаго отца...

— То-то и дѣло-то! Плакать-то бы плакала, а чтѣ надо, не забывала бы. Покойника не воротила, а сама осталась не съ чѣмъ... Такъ-таки тебѣ ничего и не дали?

— Григорій, кажется, получилъ тысячи три, а впрочемъ не знаю право...

— Все хоть три тысячи, и то хорошо. Да гдѣ жь это онъ запропастился? Нѣтъ чтобы сказать начальнику, дескать тетушка ко мнѣ пріѣхала.

— Стеша, вели доложить барину, нельзя ли ему придти къ намъ хоть на минутку; тетушка желаетъ его видѣть.

— Какъ это зовуть твою дѣвку-то?

— Степанида.

— Слушаю, слушаю, и въ толкъ не возьму, чтѣ такая за Стеша... Подумаешь у инараловъ-то все на свой ладъ. Ты гдѣ училась, дома что ли?

— Нѣтъ, тетушка, я съ шести лѣтъ была отдана въ Смольный монастырь.

— Какой же это? Смоленской Богоматери знать?..

Анна Михайловна начала расталковывать значеніе Смольнаго монастыря.

— Чему же васъ тамъ учили-то?

— Иностраннымъ языкамъ, музыкѣ, рисованью, исторіи, географіи, словесности... тамъ много преподають наукъ...

— Ахъ-ма! ну, на чтѣ все это? Дѣльному-то вотъ не учать... не умѣешь ключиковъ при себѣ держать, какъ бы шутя проговорила Ульяна Степановна.

— Ахъ, тетушка, какъ я радъ! басомъ проговорилъ Григорій, входя въ комнату и цѣлуя руки тетки, невольно вострепунувшейся при звукѣ его голоса.

— Здорово, соколъ мой ясный! Смотри-ко, какой молодецъ сталъ!.. говорила старуха, осматривая племянника съ ногъ до головы.— Не диво, что инеральская дочка пошла.

— Чтѣ за диво, тетушка! мало ли генеральскихъ дочерей, у которыхъ нѣтъ ни гроша.

— И, Богъ знаетъ, чтѣ ты врешь, Гриша, ужь у инараловъ да чтобъ денегъ не было. .

— Да, тетушка; меня обманули, меня надули какъ самого пошлаго дурака!.. Сулили золотыя горы, а съѣхали на фу-фу.

— Григорій, золотыхъ горъ никто не могъ тебѣ сулить, потому что ихъ не было и у батюшки, кротко возразила Анета.

— Ты молчи! вскричалъ Григорій, стукнувъ ногой. — Представьте, тетушка, что намъ теперь почти нечѣмъ жить...

— Да какъ же это ты опростоволосился? А кажись малый-то не промахъ...

— Грѣхъ попуталъ. Понадѣялся на брата роднаго... Вѣдь онъ меня сосваталъ.

Слова мужа страшно возмущали Анну Михайловну. Чтобъ избавить себя отъ непріятности ихъ слушать, она встала, спрашивая у своего мучителя, какую комнату приготовить тетушкѣ.

— Тетушка, гдѣ прикажете? Здѣсь въ спальнѣ или въ гостиной?

— Гдѣ-нибудь, все равно. Съ дороги-то вездѣ хорошо усну.

— Приготовь въ гостиной, проговорилъ Данковскій не глядя на жену.

Анна Михайловна вышла.

— Расскажи же ты мнѣ, какъ все это у васъ случилось.

Со вниманіемъ слушала Ульяна Степановна полуправдивый разказъ племянника, качая по временамъ головой и надѣлая не весьма лестными эпитетами Серафиму Петровну.

— Да, тетушка, плохо мое положеніе! съ громкимъ вздохомъ довершилъ свое повѣствованіе Григорій. — Ко всему этому, жена-то еще бѣлоручка.

— Ну, не тужи, Гриша, Богъ не безъ милости! Мачихи гдѣ не таковы? путнаго отъ нихъ ждать нечего; споконъ вѣка всѣ на одинъ ладъ. Вотъ тетки, другъ, не имъ чета! Ты написалъ словечко, я все бросила и на старости лѣтъ прискакала. Такъ-то и ты, мой соколъ, брось службишку да поѣдемъ жить въ Хламкано. Имѣнье все тебѣ подпишу, Аннушку твою научу уму-разуму. Ты тамъ у насъ будешь въ полѣ да въ гумнѣ хозяйничать, а мы съ ней домашнимъ хозяйствомъ копѣйку соблюдать.

— Какъ, тетушка, вы хотите быть моею благодѣтельницей? Вы развѣ не передали еще вашего имѣнія Володѣ?.. Кажется, вы ему все прочли?..

— Мало чтò было! Самъ плохъ, не дастъ Богъ! Я звала его пожить со мной; не захотѣлъ, такъ и Хламкина ему не видать.

— Тетушка, въ настоящихъ моихъ обстоятельствахъ я не смѣлъ и ожидать такого счастья. На двухъ стахъ рубляхъ мнѣ нечѣмъ кормиться въ городѣ.

И онъ цѣловаль руки Ульяны Степановны.

— Да гдѣ жъ у тебя ея приданія-то три тысячи?

— Три тысячи... Да вотъ видите, въ домѣ-то надо было все завести; все съ копѣчки. Да жена-то не хозяйка, половина хинью пошло!..

— То-то и есть, мой родной! Поѣдемъ въ Хламкино.

Она начала исчислять всѣ неисчерпаемыя по ея мнѣнію средства къ жизни въ Хламкинѣ. Григорій отчасти раздѣляя это мнѣніе. Онъ до поѣздки къ Владиміру и до своей женитьбы не имѣлъ понятія объ истинномъ комфортѣ въ жизни. Въ эти же три мѣсяца не успѣлъ еще къ нему привыкнуть, и вообще комфортъ заключался для него въ возможности имѣть водки сколько душѣ угодно да трубку табаку. Аппетитъ свой удовлетворялъ онъ преимущественно солянкой и кашей. Эти купанья плотнѣй ложились у него въ желудкѣ; французскія вина и кухня тестя чуть-чуть было его не разстроили; хорошо, что попытка была не очень продолжительна. Съ подобными вкусами и разчетливостью по хозяйству Григорія Ивановича мудрено бы, казалось, въ два мѣсяца прожить три тысячи серебромъ, а не ассигнаціями, какъ думала Ульяна Степановна, и однакожь въ настоящую минуту отъ нихъ оставалось въ карманѣ только одна сотенная ассигнація да нѣсколько мелочи въ кошелькѣ. Едва ли десятая часть суммы вышла на содержаніе дома; остальные девять галопомъ проскакали по зеленому полю въ чужіе карманы. Какъ же было Григорію не цѣловать красныхъ ручекъ Ульяны Степановны? Не выручи она, ему хоть въ петлю!.. Отказаться теперь отъ игры какъ-то совѣстно, ужъ разъ началъ; въ кредитъ играть не стануть. Не принимать товарищей тоже нельзя, а принимать попрежнему—нѣтъ средствъ; на водку-то хоть еще и хватить, а на ромъ, хересь, закуску—и думать нечего. Послѣ всѣхъ этихъ соображеній, Данковскій съ радостью уѣхалъ бы хоть завтра же въ Хламкино. Спѣшить и слѣдовало; былъ уже конецъ марта; путь хотя и держался, но былъ не надеженъ.

На другой же день Григорій Ивановичъ отправился къ полковому командиру объяснить, что, по случаю передачи теткой ему имѣнія, онъ долженъ подать въ отставку, а теперь про-

силь вновѣ отпуска. Полковникъ не желалъ лучше какъ избавиться отъ кутилы, а подчасъ и буйнаго подчиненнаго.

— Собирайся! Черезъ два-три дня мы ѣдемъ въ деревню, сказалъ Данковскій женѣ, возвратясь отъ полковника.

— Надолго? спросила она.

— Навсегда.

— Развѣ ты оставляешь службу? съ удивленіемъ проговорила Анна Михайловна.

— Тебѣ какое дѣло? Приказываютъ собираться, такъ и собирайся.

Слеза сверкнула въ глазахъ бѣдняжки.

— Это чтѣ еще? Въ деревню не хочется?.. проговорилъ Григорій, насупивъ брови.

— Чтѣ мнѣ деревня? мнѣ все равно! лишь бы быть хотя немножко счастливей!...

— Итакъ благодари Бога, не умрешь безъ куска хлѣба; тетка передаетъ мнѣ все имѣніе.

— Не объ имѣніи рѣчь...

— О чемъ же?

— О перемѣнѣ твоего обращенія со мной...

Сердце ея страшно билось, когда она произносила эти слова; но разъ рѣшившись, она продолжала:

— Послушай, Григорій! Виновата ли я, что мачиха моя тебя обманула? Виновата ли я, что меня выдали за тебя замужъ, увѣривъ, что ты любишь меня? Виновата ли я, что бѣдный отецъ мой умеръ такъ неожиданно? Сжался! подумай, что кромѣ тебя, у меня никого нѣтъ въ мірѣ!... Если ты не будешь любить меня, отъ кого же ждать мнѣ утѣшенія? Гдѣ найти защиту?... Отецъ не встанетъ замолвить слово за несчастную свою дочь...—Рыданія задушили Анну Михайловну.

— Несчастливая по его милости... Кабы былъ поумнѣй, такъ заранѣе подумалъ бы обезпечить дочь. Плачься на него!

Григорій ограничился этимъ неутѣшительнымъ для Анны Михайловны замѣчаніемъ, и ушелъ къ теткѣ.

Это была послѣдняя попытка молодой женщины смягчить сердце своего мужа. Гордость ея окончательно возмущалась; она рѣшилась впередъ не взывать болѣе къ чувствамъ человѣка, у котораго ихъ не было. Но выдержать ли слабая молодая женщина характеръ? Для этого надобно быть попытнѣе и похолоднѣе сердцемъ, а не такимъ кроткимъ и невиннымъ созданіемъ какъ она. Дня черезъ два ей снова

пришлось плакать и просить. Тутъ же она съ какимъ-то ожесточеніемъ отерла слезы и начала хлопотать очень дѣятельно за укладкою своихъ вещей. Черезъ нѣсколько часовъ мужъ вошелъ къ ней.

— Анюта, денегъ-то у насъ мало будетъ на проѣздъ, сказалъ онъ довольно мягкимъ голосомъ.

— Какъ же быть?

— У тебя вѣдь есть какія-нибудь еще вещи? Продадимъ что-нибудь.

— Возьми, покорно отвѣчала она.

— Покажи сюда.

Она подала кольцо, серьги и брошку изъ бирюзы съ жемчугомъ, подаренныя ей мачихой.

— А что бы это стоило? спросилъ Григорій, разсматривая прекрасную вещь.

— Не знаю.

— Нужно послать за жидомъ.

Уборъ былъ проданъ за полцѣны. Анна Михайловна о немъ и не вздохнула, испытаніе было еще впереди.

— Матушка, Анна Михайловна, вскричала Стеша, входя на другой день утромъ, вся въ слезахъ, въ спальню, — баринъ не хочетъ меня брать съ собой!

— Какъ не хочетъ? спросила она, а сердце такъ и замерло: неужели лишитъ онъ ее и послѣдняго преданнаго существа? — Не можетъ быть, Стеша, я его уговорю, проговорила бѣдняжка, предчувствуя новое горе.

— Матушка, я готова вамъ служить безъ всего, лишь бы только быть подлѣ васъ. — И она цѣловала руки своей барыни.

— Вѣрю, Стеша, и благодарю тебя! Можетъ быть въ самомъ дѣлѣ мнѣ нечѣмъ будетъ платить тебѣ за твою службу; подумай, не лучше ли тебѣ мѣсто повыгоднѣй.

— На что мнѣ плата! На кого я васъ покину? Не этой же деревенщинѣ Васюткѣ, въ самомъ дѣлѣ, за вами ходить... Она не сумѣетъ вамъ и головки-то причесать. Нѣтъ, матушка, ради Христа, возьмите меня съ собой!

Новая тревога, новое волненіе! О, когда же успокоится она? Григорья Ивановича все утро не было дома; часовъ въ двѣнадцать онъ вернулся и прямо прошелъ въ свою комнату и вѣрно ужъ не въ нормальномъ положеніи, иначе онъ зашелъ бы къ тетускѣ. Не обратиться ли къ ней? Она видимо имѣетъ большое вліяніе на Григорья. И то нельзя; старушка очень косится

на Стешу. Анна Михайловна была права; Данковскому, несмотря на всю его грубость, и въ голозу не приходило лишить жену ея горничной; Ульяна Степановна навела его на эту мысль. «Къ чему, дескать, держать вольныхъ людей, у него теперь свои будутъ; любую дѣвку возьми къ женѣ. А эта, какъ ее, Стешка что ль? куды модна!... Одѣвается, что твоя барыня; каждый день при манишкѣ!... Намъ такая не по недостатку, Гриша, да и домашняго никакого дѣла не знаетъ, лишь наряжаться да чаекъ попивать... Съ Аннушкой она какъ сестра родная, гдѣ это въ свѣтѣ видано? Нѣтъ, нѣтъ, Гриша, послушайся моего глупаго разума, отпусти ее! Куда намъ такую въ деревнѣ!» говорила Ульяна Степановна.

Григорій Ивановичъ не желалъ лучше. Огорчить жену... онъ очень хорошо зналъ, что это огорчить ее, да стобить ли объ этомъ толковать? Самому же ему Стеша давно не нравилась, и онъ очень былъ радъ избавиться отъ нея.

Итакъ Анна Михайловна хорошо сдѣлала, что не обратилась къ тетушкѣ, хотя и обратясь къ мужу она ничего не выиграла. Ей пришлось разстаться съ послѣднимъ звеномъ, которое связывало ее съ прежнею жизнію. Горько плакала Анна Михайловна, плакала и Стеша, разставаясь съ своею госпожой.

— И, Аннушка! нечего тебѣ дѣлать-то, убиваешься такъ-то о холопкѣ!... сказала съ презрѣніемъ Ульяна Степановна, глядя на прощанье и слезы племянницы, которая всхлипывая обнимала свою горничную, когда дорожный возокъ, нагруженный сверху до низу, стоялъ у крыльца и готовъ былъ увезти бѣдную молодую женщину, Богъ вѣсть куда, съ людьми, такъ мало ее понимающими. Въ городкѣ, хоть и маленькомъ, все-таки она знала кое-кого, и, въ случаѣ крайней необходимости, нашла бы можетъ-быть защиту. Стеша тоже была какъ будто ея опорой. Въ глуши, въ деревнѣ, съ грознымъ мужемъ, съ недоброжелательною старухой, не имѣя около себя ни одного существа, которое бросило бы ей взоръ участія, ласковое слово... такая жизнь представлялась ей адомъ! И поневолѣ будешь плакать, когда подобныя мысли затолпятся въ головѣ.

Анна Михайловна старалась расположить въ свою пользу по крайней мѣрѣ Василису. Дорогою каждый разъ не допивала свой чай, отдавая ей; точно также и на тарелкѣ ея оставалось всегда достаточно. Тетушка это замѣчала, но не говорила еще ни слова.

Послѣ трехъ дней мучительнаго путешествія, потому что на-

чалась распутица, 2-го апрѣля Хламкино приняло въ свои нѣдра новыхъ обитателей.

Домикъ Ульяны Степановны состоялъ изъ пяти комнатъ; въ передней половинѣ были залъ и гостиная, въ задней—дѣвичья, спальня и прихожая. Домикъ былъ весь на пятнадцати аршинахъ въ длину и на двѣнадцати въ ширину. Тетушка, какъ добрая хозяйка, повела Анну Михайловну въ гостиную съ словами: «Вотъ, матушка, тебѣ горница, располагайся въ ней какъ знаешь; Васютка будетъ тебѣ пока прислуживать, а тамъ выбери себѣ любую дѣвку.»

Анна Михайловна поблагодарила старуху и съ грустію бросила взоръ вокругъ себя, на грязныя, голыя стѣны, на зеленыя стекла, ключками вставленные въ позеленѣвшія отъ сырости рамы. Меблировка комнаты соответствовала ея невзрачности. Двухъ-аршинный диванчикъ, когда-то выкрашенный сурикомъ и почернѣвшій отъ времени, былъ покрытъ коврикомъ домашняго издѣлія; передъ нимъ столъ, состоявшій въ близкомъ родствѣ съ диванчикомъ; нѣсколько стульевъ и три кресла, скупленные въ разныхъ мѣстахъ, по случаю, довершали убранство комнаты.

— Кроватьку вамъ я велю сдѣлать Трушкѣ; онъ у меня славный плотникъ; а Покудова примоститесь къ диванчику; коротенько немножко, ну да не надолго, сказала Ульяна Степановна.—А ты, мой соколъ, пообглядиись, да начинай съ Богомъ хозяйничать, прибавляла она, обращаясь къ Григорію.

— Слушаю, тетушка, боюсь только вамъ не угодить.

— Вотъ-те на! Смотри лишь бы наше дѣброе не пропадало, да не давай поблажки хамову-то поколѣнію; они рады обирать господъ, и за грѣхъ не считаютъ. Дѣло прошлое, а Стешка обирала васъ порядкомъ, дѣтушки! Хорошо, что вы послушались меня старухи, отпустили ее; послѣ самимъ слюбится. А ты не подумай, Гриша, чтобъ я тебя лишь по губамъ помазала имѣніемъ, все будетъ твое. Чтò мнѣ!... Не въ могилу же, прости Господи, брать съ собой. Только смотрите, не пустите по вѣтру моего добраго! Съ того свѣта приду! зубомъ изгрызу!...

— Тетушка, да вѣдь это нашъ единственный кусокъ хлѣба по милости вашей. Я голъ какъ соколъ, жена голѣ меня; какъ же не дорожить мнѣ вашимъ благодѣніемъ?

— Ну, то-то же. Разбирайтесь. Господь съ вами; я пойду велю изготовить чего-нибудь.



## XVII.

И вотъ Анна Михайловна, урожденная Асоина, брошена судьбой, въ лицѣ злой эгоистки мачихи, почти въ лачужку, изъ великолѣпныхъ палатъ Смольнаго и прекраснаго дома, который занималъ ея отецъ. Едва подали сальную свѣчу въ настоящую комнату, какъ милліоны таракановъ начали свое торопливое путешествіе по стѣнамъ, столамъ и постелѣ, устроенной на полу, но все-таки покрытой чистымъ бѣлымъ, остаткомъ прежней жизни; съ отвращеніемъ замѣтила это молодая женщина, долго не могла заснуть, щелчками сбивая съ подушекъ гадкихъ насѣкомыхъ, и слушая монотонное чирканье сверчковъ, напѣвавшихъ ей такъ много горькаго, что слезы вновь полились какъ-то невольно. Вспомнила она свое дѣтство, свою счастливую, спокойную юность, наконецъ два три мѣсяца жизни подъ крыломъ добраго отца; явился и Колокутинъ, сталъ было рядомъ съ Григоріемъ Ивановичемъ, бросилъ было на него длинную, черную тѣнь, но Анна Михайловна прогнала его, а слезы все быстрѣй и быстрѣй текли. Давно храпѣвшій мужъ повернулся, она притаила дыханіе, хотя не успѣла лечь, и осталась въ полужелезачемъ положеніи.—Ты, кажется, не спишь? Чтò это значитъ? спросилъ Данковскій жену.

— Я боюсь таракановъ, они такъ и падаютъ...

— Нечего сказать, звѣри!.. съ этимъ словомъ онъ снова захрапѣлъ.

На другой день Григорій всталъ довольно рано, и разбудилъ только что заснувшую жену. Вставай! тетушкѣ не дожидаться насъ съ чаемъ, проговорилъ онъ, и ушелъ къ старухѣ.

— Здорово, мой соколъ! Ай ужъ всталъ?

— Какже, тетушка, надо начинать хозяйничать; вы только научите меня чтò дѣлать.

— Хорошо, хорошо, мой родной! Скажи ты мнѣ прежде хорошо ли вамъ здѣсь? Каково спали?

— Я прекрасно, тетушка; графиня-то моя, кажется, не очень.

— О-охъ! и подлинно графиня!.. Какъ тебѣ съ ней будетъ вѣкъ-то вѣковать? Попуталъ тебя лукавый жениться на генеральской дочери... Куда бы ни шло кабы съ приданымъ, а то нѣтъ ничего, а туда же... Того не ѣмъ, другаго не люблю!.. Ужь она перебираетъ, перебираетъ... а вѣдь гдѣ жъ тебѣ кормить ее поварскими кушаньями? Рада бы была, что и это-то есть.

— Это можетъ-быть по причинѣ, тетушка; она была не прихотлива.

— Дай-то Богъ! а то бѣда. Чтò, она небось еще спитъ?

— Нѣтъ, она встаетъ.

— Скажи же ей, чтобы пришла, да насъ чайкомъ напоила. Анисья, ставь самоваръ! А покуда вскипитъ, кликни-ка ты, Гриша, Артамошку, спроси сколько по его счету въ закромахъ хлѣба, запиши, ты человѣкъ грамотный. Въ старые годы я бывало такъ-то сама все записываю, теперь глаза стали плохи, все больше мѣлкомъ мѣчу да на бирочкахъ. Сколько онъ тебѣ скажетъ, а тамъ при себѣ вели перемерить, да подсѣять; скоро сѣмена надо готовить.

— Вы меня наставляйте, тетушка, я постараюсь быть вамъ истиннымъ помощникомъ.

— На тебя-то я надѣюсь, а женѣ внушай! Ну, ступай, а я пойду въ кладовую.

Черезъ полчаса маленькая семья сидѣла у столика, Анна Михайловна дѣлала чай.

— Тетушка, вамъ какъ прикажете? одинъ кусокъ или два положить? спросила молодая женщина.

— Куда положить, мать моя?

— Въ чашку.

— И ужъ въ накладку! Нѣтъ, сударыня моя, давай въ прикуску; сахаръ-то не дома родится.

Анета покраснѣла.

— И мнѣ тоже, спѣшилъ сказать Григорій.

Молодая женщина послѣдовала ихъ примѣру, находя однакожь чай безъ сахару теплою водицей.

Когда всѣ напились, прежде чѣмъ запереть сахарницу, Анна Михайловна спросила, дать ли дѣвушкамъ сахару?

— Что ты это? Отъ какого недостатка дѣвокъ намъ понтъ чаемъ? Да ихъ ли суконной рожѣ знать въ немъ толкъ! А ты перемой-ко сама чашечки, да поставь въ поставчикъ все на мѣсто, сѣма и будешь знать гдѣ чтò взять.

Молча исполнила приказаніе Анна Михайловна, и для перваго раза очень искусно и осторожно. Старуха слѣдила за ея работой.

— Ну вотъ, гдѣ въ омутъ дѣвкѣ такъ-то перемыть чашки? Вишь, такъ и блестятъ... Ай да Аннушка! привыкай, привыкай! Не все жить за чужою холопскою головой. Приберешь все, такъ пойдемъ-ка я тебѣ покажу птичку; возьми ее на свои руки, при себѣ корми; теперь курочки ужь несутся... и про утокъ спросимъ, и про гуськовъ. Вели всѣмъ приготовить гнѣздышки, да веди счетъ.

— Тетушка, я ничего не понимаю, возразила Анета.

— Мало чего не понимаешь, учись! Не вѣкъ быть несмыслей. Я ужь стара, хоть бы за кладовой усмотрѣтъ; ты помоложе меня, на дворѣ присмотришь.

Съ этого дня началась новая школа для Анны Михайловны, трудная, тяжелая! При всемъ прилежаніи и стараніи, не могла она вникнуть во всѣ подробности куриной и гусиной жизни. Тетушкѣ это весьма не нравилось; мало того что она упрекала ее и насмѣхалась безпрестанно, — и Григорію при всякомъ случаѣ твердила о крайней тупости и неспособности жены. — И какъ это тебѣ съ ней быть? Хорошо покуда я жива!.. Безъ меня все пойдетъ хинью.

— То-то, тетушка, а вы меня еще упрекаете, что выпью зай! иногда лишнюю чарку... Поневолѣ выпьешь съ горя. Мало того, что глупа, да еще груба-то какъ... Со мной почти не говорить. Только не хочется рукъ марать, а то колотилъ бы каждый день.

— Бивъ корову—не молоко, соколъ мой; а потазать—отазай! Легко ли дѣло, что ничего не бережетъ-то она! Два раза въ недѣлю рубашку мѣняетъ... однимъ мытьемъ да катаньемъ расколотятъ; о мылѣ ужь и не говорю... чтѣ недѣля, то фунтъ. Васютку замучила стиркой одною!

Подобнаго рода разговоры часто происходили между тетушкой и племянникомъ, отчего жизнь Анны Михайловны становилась все горьче. Первый разъ Григорію Ивановичу стоило рѣшиться ударить жену, потомъ нечестивая рука его коснулась и чудныхъ, роскошныхъ волосъ мученицы. Все ей ставилось въ вину; уснетъ ли она лишній часокъ утромъ, пойдетъ ли въ бѣдный садикъ подышать чистымъ воздухомъ, забодить ли голова, все обращалось въ дурную сторону. Мужъ и тетка съ каждымъ днемъ ожесточались противъ нея болѣе и

болѣе; первый придирался къ каждому слову, вторая смотрѣла на нее такъ, какъ будто она жила у нихъ изъ милости. Чай ужъ она давно наливала сама, и за курочками и уточками надзоръ приняла опять подъ свое вѣдѣніе. Въ услугу Аннѣ Михайловнѣ дали дѣвчонку лѣтъ двѣнадцати прямо изъ деревни, и конечно не умѣвшую ничего сдѣлать; пришлось самой и постель перестилать и мыть мелкія вещи изъ бѣлья.

Грустно тянулись дни несчастной; слезы и Богъ были единственнымъ прибѣжищемъ ея. Въ будущемъ мелькала ей одна сладкая мысль—быть матерью, и въ ребенкѣ найти утѣшеніе, сосредоточивъ на немъ всю нѣжность своей кроткой, любящей души. Но до этой минуты много пришлось еще вытерпѣть. Лѣтомъ все-таки было у ней по нѣскольку часовъ свободы; мужъ по цѣлымъ днямъ былъ на полевыхъ работахъ; тетка съ утра до вечера хлопотала то на дворѣ, то въ огородѣ. Отрадна была ей тишина, отрадно одиночество! Но осень и потомъ зима собрали личныхъ ея враговъ въ домики; исторіи повторялись чаще, а положеніе ея требовало со дня на день болѣе спокойствія и заботливости; но не грубымъ существамъ, окружавшимъ ее, было понять это. Она такъ измучилась, что еслибы кто, изъ знавшихъ ее въ началѣ прошлой зимы, увидѣлъ ее теперь, то вскрикнулъ бы отъ удивленія и жалости. Гдѣ дѣвалась ясность голубыхъ очей? Гдѣ эти свѣженькія щечки? Гдѣ выраженіе душевнаго спокойствія? Страшная худоба и блѣдность, тревожный взглядъ, робость во всѣхъ движеніяхъ, вѣчно заплаканные глаза и никогда улыбки. Мужъ по цѣлымъ часамъ придирался, бранилъ и очень часто билъ ее; ни словомъ, ни движеніемъ не отвѣчала она ему; при ударахъ брызгали изъ глазъ слезы, и то же молчаніе. Казалось, она дала обѣтъ переносить все, въ надеждѣ ли, что оудьба наконецъ утомится гнать ее, или изъ одной покорности Провидѣнію, Богъ ее знаетъ; но статуя не была бы безотвѣтнѣе.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ Анна Михайловна сдѣлалась матерью хорошенькаго мальчика. Какою высокою радостью забилось ея измученное сердце, когда она напечатлѣла первый материнскій поцѣлуй на крѣпечномъ существѣ, поданномъ ей Власьевной, повивальной бабушкой деревни? «Вотъ мое счастье, вотъ мое утѣшеніе!» шептала она, прижимая къ груди младенца; онъ отвѣчалъ лишь крикомъ.

— Положи его здѣсь, подлѣ меня, Власьевна, дай мнѣ на него насмотрѣться, всхлипывая говорила молодая мать.

— И, что ты, матушка, онъ тутъ озябнетъ, его надо на лежаночку.

— Нѣтъ, нѣтъ, я его укрою, не отнимай его отъ меня!

— Что ее слушать, сказала вошедшая тетка, — дѣлай свое дѣло, бабушка! А ты, сударыня, ничего не знаешь да мѣшаешься, проговорила она, обратясь къ племянницѣ. — Выпей-ко рюмочку настоечки да усни; поскорѣй поправишься.

«Боже мой, подумала Анета, неужели они станутъ между мной и моимъ ребенкомъ? Неужели лишать меня послѣдняго моего блага? Но я буду кормить его сама, тогда они не отнимутъ его у меня.»

Съ этою утѣшительною мыслию, она закрыла глаза, стараясь заснуть и, конечно, отказавшись отъ предложенной рюмочки настойки.

Григорій Ивановичъ былъ на гумнѣ, когда пришли ему сказать, что Богъ далъ ему сына; чувство отца шевельнулось въ его стальной груди, искра нѣжности сверкнула во взорѣ и къ женѣ. Онъ торопливымъ шагомъ вошелъ въ комнаты и прямо въ спальню.

— Гдѣ мальчишка? спросилъ онъ своимъ обычнымъ басомъ: — покажи мнѣ, бабка.

Пока старуха возилась съ ребенкомъ, онъ подошелъ къ женѣ, и, нисколько не заботясь о томъ что вернулся съ мороза, обнялъ слабую женщину.

— Какой ты холодный! Не бери пожалуста ребенка, ты его простудишь, сказала жена.

— Ну, ну, я не возьму, лишь погляжу.

Бабка поднесла ребенка.

— Ай да мальчуганъ, молодець! — Онъ поцѣловалъ и его. — Оенька, крикнулъ онъ двѣнадцатилѣтней горничной своей жены, — ты чего жъ смотришь? Водки! Надо поздравить барыню-то.

А у барыни начинался ужъ ознобъ; отъ Григорья, услышавшаго на постель, несло морозомъ, и она не смѣла сказать, что чувствуетъ холодъ. Къ вечеру же начался сильный жаръ, на другой день бредъ, и такимъ образомъ цѣлый мѣсяцъ Анна Михайловна была между жизнью и смертью, безъ всякаго медицинскаго пособія. Ухаживали за ней Василиса, служившая ей при началѣ прїѣзда въ Хламкино и успѣвшая полюбить молодую барыню, да старуха Власьева, ходившая пока за мальчуганомъ по приказанію Ульяны Степановны.

Несмотря на болѣзнь молодой матери, тетка захотѣла спра-

вить крестины на славу, вызвавшись быть крестною матерью, а въ кумовья совѣтовала пригласить становаго, а если ему нельзя, то хоть писаря.—Люди нужные, соколъ мой, да и съ деньжонками; крестъ принесутъ золотой, а на случай и пригодятся. Кумовство дѣло великое!

На крестинахъ была Агаея Антоновна, еще двѣ-три сосѣдки въ ея родѣ, попъ, дячокъ, письмоводитель становаго, въ качествѣ кума: самому-то нельзя было, гдѣ-то былъ вводъ во владѣніе,—тамъ пирушка не чета Ульяны-Степановниной, да и десятокъ другой въ карманъ влетитъ, а на крестинахъ вылетитъ—хоть и не столько, а все же разчетъ.

Послѣ крестинъ, крестная мать, съ ребенкомъ на рукахъ, вышла было къ больной, но Василиса встрѣтила ее словами:—Тихонько, матушка, она бредитъ.

— Экая дрянь бабенка-то вышла, подумаешь! стоя у кровати и качая головой, шептала тетушка:—ну съ чего расхворалась?... На, ребенка-то! Я сейчасъ пошлю Власьевну, а ты скорѣй подавай закуску, гостямъ-то не ждать! Хороши ли пироги-то вышли?—Тетушка удалилась.

Минуть черезъ пять, на большомъ дубовомъ столѣ, покрытомъ прекрасною голландскою скатертью, изъ приданаго Анны Михайловны, появилась большая кулебака, съ кашей и лукомъ, часть соленой рыбы, судакъ вареный, солянка съ грибами, жареные окуньки и оладьи съ медомъ. Между блюдъ и тарелокъ мелькали бутылки съ брагой, заткнутыя вмѣсто пробокъ хлопками въ тряпочкахъ. Во главѣ всего красовался на маленькомъ мѣдномъ подносѣ огромный графинъ ерофеичу и на всякій случай бутылка краснаго. Хоть и всѣ пьютъ простое, ну а для параду нужно.

— Отецъ Игнатій, благослови ястіе и питіе, проговорила Ульяна Степановна.

Священникъ прочелъ молитву и сотворилъ знаменіе креста надъ трапезой.

— Начинай-ка батюшка! сказала хозяйка.

Отецъ Игнатій залпомъ опорожнилъ большую рюмку настойки и закусилъ кусочкомъ хлѣба. Его примѣру послѣдовала вся остальная компанія, даже и сама хозяйка.—Повторите-ка, повторите! а пирогъ покуда поотмякнетъ, говорила она. Предложеніе было принято безъ малѣйшей отговорки.

— Первая-то коломъ, а другая соколомъ, обтирая усы и разглаживая бороду, говорилъ отецъ Игнатій.

— А третья орломъ, прибавилъ письмоводитель.

— Ну-ка, ну, куманекъ, выкушай на здоровье!

— Нѣтъ, кумушка, какъ попъ, такъ и приходъ; начинать отцу Игнатью.

— Извольте, извольте! мы не прочь, ухмыляясь говорили отецъ Игнатій.

— Во здравіе вашей хозяйшки, Григорій Иванычъ!

— Благодарю, батюшка! выпейте-ка лучше за здоровье моего Николки; жена что!...

— Какъ можно-съ! Вы должны любить ее, яко самого себя. Беречь, яко зѣницу ока!

Григорій махнулъ рукой.

— Батюшка, откушай пирожка-то, сказала Ульяна Степановна, подавая ему тарелку съ огромнымъ ломтемъ.

Принялись всѣ за трапезу, возліанія повторялись послѣ каждаго кушанья; женщины, конечно, отстали; довольно было и трехъ рюмочекъ да нѣсколькихъ стаканчиковъ бражки, чтобы зарумянить щеки и носы нѣкоторыхъ. А говоръ пошелъ, что твоя ярмарка, несмотря на то, что, въ смежной комнатѣ, виновница торжества лежала безъ памяти и въ бреду.

Наконецъ блюда и тарелки опустѣли.

— Нутка, Гриша, поподчуй теперъ дорогихъ гостей-то красненькимъ.

— Чтѣ толку, матушка Ульяна Степановна, въ красномъ? Бабій напитокъ! Заморское, сударыня, намъ не по натурѣ; пить ли не пить, такъ ужъ по рюмочкѣ еще родимаго, оно по косточкамъ расходится, да и душу-то веселить.

— Ай да отецъ Игнатъ, подхватилъ куманекъ,—что дѣло, то дѣло. Чортъ ли въ немъ, заморскомъ, хоть ведро выпей, такъ все равно, что ничего, такъ себѣ—вода, да и все тутъ. Все Нѣмцы проклятые навезли въ православную Росею всякой дряни.

— Хорошія рѣчи хорошо и слушать, прибавилъ Григорій.— Пожилъ я на заморскомъ-то винцѣ у покойнаго тестя... Всѣ было бока промыло.

— Слѣдуетъ, онъ изъ Нѣмцевъ? спросилъ отецъ Игнатій.

— Изъ Русскихъ, да обнѣмчился; такой-то былъ дрянъ, хуже бабы!..

— Какова баба, иная и насъ съ тобой, куманекъ, за поясъ заткнетъ, замѣтилъ подъячій.

— Какъ, меня? Чтѣбъ я сравнялся съ бабой! Врешь, кумъ!

заревѣлъ Григорій, вставъ изъ-за стола и становясь по весь ростъ противъ письмоводителя.

— И, куманекъ, я такъ сказалъ къ примѣру, а ты ужь и въ азартъ.

— То-то, такъ сказалъ!... Чтобъ я бабѣ дался въ обиду!..

— Бабѣ не подобааетъ даваться въ обиду, сказалъ отецъ Игнатій,—но куда плохо кто и бабѣ обижаетъ! Хозяюшка-то ваша, Григорій Ивановичъ, вовсе извелась... А слышно отъ васъ... Не хорошо!..

— Чтò?.. Кто говоритъ отъ меня?—Глаза Григорья начали наливаться кровью. — Батька, сейчасъ говори, отъ кого слышалъ!.. Васютка? Али она сама? А?.. Кто?..

— Слухомъ земля полнится, сударь. Всему православному міру ротъ не зажмешь.

— Нѣтъ, ты говори отъ кого слышалъ... Не то...

Григорій совершенно одурѣлъ.

— Ахти, батюшки мои! вскрикнула Ульяна Степановна:— онъ какъ разъ его отколотить!.. Гриша, соколъ мой, такъ-то не годится! говорила старуха, цѣпляясь за руки племянника.— Поди-ко лучше сосни теперь!

— Не хочу я спать! Надо проучить прежде, чтобъ онъ всякому слуху не вѣрилъ, да не болталъ бы самъ пустаго. Жена, вишь, отъ меня извелась!..

— Ну, ну, соколъ мой, мало чтò болтають; на всякое чиханье не наздравствуешься.

Дьячокъ, котораго угощали вполонину и который сохранилъ болѣе всѣхъ здраваго разсудка, подошелъ къ попу, говоря, что его требуютъ въ приходъ, подалъ ему шапку и увелъ.

— Ты это помни, батька! кричалъ вслѣдъ Григорій:— на носу себѣ заруби! Про Григорья Данковскаго говори шепотомъ, да и то въ кулакъ!

Въ дверяхъ прихожей появилась Василиса, съ испуганнымъ лицомъ, видимо желая чтò-то сказать и не смѣя.

— Ты чтò, Васютка? спросила Ульяна Степановна, замѣтивъ ее.

— Да молодая барыня-то стала вскакивать, испугалась что ли...

— Вѣстимо испугалась, проговорила Агаея Антоновна,— вишь какой содомъ, прибавила она шопотомъ, обращаясь къ сосѣдкѣ,—нѣтъ, чтобы больнаго человѣка споконтить! Сведеть онъ ее въ могилку, попомни мое слово! Звѣрь, какъ есть звѣрь.

— Гриша, поди усни, батюшка! жена-то вишь испуга-



лась... Подите съ кумомъ въ мою горенку; ты на кровати ляжь, а онъ на сундучкѣ. Встанете, напьемся чайку.

— А ромку дадите, тетушка?

— Дамъ, дамъ; поди!

— Я хоть въ прихожей приляжу, сказалъ письмоводитель, боившійся остаться наединѣ съ грознымъ кумомъ:—мнѣ тамъ будетъ—ахти, малина!..

— Такъ постой же, я велю подушечку подать.

Кумовья разошлись; въ залѣ остались лишь кумушки.

— Чтѣ ты будешь дѣлать! Вотъ расхворалась ни съ того, ни съ сего, говорила Ульяна Степановна, обращаясь къ своимъ гостьямъ:—то и думаю, что горячка; ну-ко перевалаетъ всѣхъ... Бѣда да и только! Нонче же велю деготьку поставить во всѣхъ уголкахъ.

— Помилуй Бога! отозвалась одна изъ собесѣдницъ:—авось пройдетъ! Какъ же вы теперь съ ребенкомъ-то, она что-ль кормить?

— Гдѣ кормить! Она другой день безъ памяти. На рожкѣ, мать моя, на рожкѣ. Да куда ей жить, хоть быи здорова-то была! Не повѣришь, Агаея Антоновна, чтѣ за человекъ такой!.. Ни въ чемъ-то догадочки!.. Съ пріѣзда-то отдала было я ей на руки птицу; ну, присматривай дескать, матушка! Думала, что какъ пугная... Чтѣ жь ты думаешь? курочекъ всего у меня двадцать пять только; въ недѣлю мѣру ржи стравила!.. Ну статочное ли дѣло? Яицъ набрала всего семьдесятъ. Начали нестися утки, гуси; она и давай всѣ яйца сваливать вмѣстѣ!.. Отчего же я нынѣшній годъ безъ птички-то? Все по милости ея, мать моя. Теперь чтѣ же? родился ребенокъ, хотъ пеленочку, хотъ бы свивальникъ приготовила... нѣтъ-то ничего!.. Пришло разодрать ея да Гришины рубашки; вѣдь не чѣмъ завернуть!..

— Человекъ молодой, матушка, не бывалый; чтѣ на ней спросить?

— Нѣтъ, Агаея Антоновна, скажи лучше—смыслу нѣтъ. Такъ-то думаю, думаю подчасъ, и какъ ему вѣкъ-то съ ней шаяться?..

— Выучится, матушка! Дѣтки пойдуть, нужду спознаетъ, всему научится.

— Эхъ ты голова, голова!.. Учиться-то мы съ ней не хотимъ. Вотъ сидитъ себѣ день-деньской въ своей горнищѣ, какъ бирюкъ какой, прости Господи! Ну кабы разсудокъ-то

Быль да охота, она бы смотрѣла какъ я-то хлопочу, все бы навывкала. Куда-те! Сидить подъ окошечкомъ какъ графиня жакя! То вышиваетъ какія-то белендрасы, а иной разъ уставитъ глаза въ окно, али въ уголь, вотъ не сморгнѣтъ, какъ полуумная. А скажи мужъ слово, пошла рюмить. Поневоль малый взбѣситъ, да вотъ и сталъ хмѣльнаго придерживаться.

— Чтѣ говоритъ, матушка, качая головой, сказала одна изъ сосѣдокъ,—вѣстимо, какъ согласья нѣтъ промежь ихъ, и замѣто тошно на нихъ смотрѣть.

— И не говори! Иной разъ завязалъ бы глаза на ея безвременье.

Въ этомъ тонѣ разговоръ продолжался до пробужденья кумовьевъ.

— Чтѣ жена, тетушка? спросилъ Григорій, явившись проспавшимся къ чаю.

— А Богъ вѣдаетъ, соколъ мой; я, по правдѣ сказать, не ходила къ ней, да и тебѣ бы не ходить, Гриша! У ней должна быть горячка, помилуй Богъ заразишься! Ужь пускай Васютка тамъ съ нею; Николушку-то никакъ взять мнѣ къ себѣ поколь, а?

— Чтѣ жъ, тетушка, ужъ не оставьте моего мальчугана. Надо взять кормилицу.

— Ну-у, кормилицу! на чтѣ ее? Выкормимъ и рожкомъ.

Въ тотъ же вечеръ ребенокъ перенесенъ былъ въ спаленку Ульяны Степановны; Григорій поселился въ залѣ; Анна Михайловна оставлена на попеченіе Василисы. И къ счастью: добрая женщина ходила за ней какъ за роднымъ дѣтищемъ.

Молодость, отсутствіе людей, внушавшихъ ей такой страхъ, предупредительность и заботливость Василисы возвратили къ жизни молодую женщину. Въ двадцать-второй день болѣзни, она спала тихимъ сномъ отмучившагося ребенка; дыханіе было спокойно и правильно, личико поблѣднѣло, но такъ было хорошо, что еслибъ увидѣлъ ее въ эти минуты Колокутинъ, всѣ его расчеты разлетѣлись бы пылью и прахомъ. Но гдѣ-то онъ?

Василиса долго стояла у постели барыни и не сводила съ нея глазъ: «Никакъ она, родимая, ужъ умираетъ? Вишь какъ поблѣднѣла!. Голубушка ты моя!..» Дыханье было такъ тихо, что сидѣлка наклонилась, чтобъ услышать его. Прошло около часа, Василиса все наблюдала. Въ домѣ все стихло, всѣ улег-

лись спать, дѣло было вечеромъ. Сонъ молодой барыни тоже не прерывался. Дремота начала одолаживать и Василису. Засвѣтивъ ночникъ и помолясь Богу, свернулась и она подлѣ постели на бѣдномъ своемъ войлочкѣ; но спала, какъ говорятъ, въ полглаза; при малѣйшемъ шорохѣ, даже въ дѣвчьеѣ, она приподнимала голову. Передъ свѣтомъ вдругъ послышалось ей, что Анна Михайловна кого-то кличетъ. Вмигъ она стояла уже на ногахъ и смотрѣла во все глаза на больную, молча, думая не бредить ли она опять.

— Василиса, это ты? приподнявъ голову, спросила больная.

— Я, я, матушка, голубушка ты моя! Ты меня признала? обливаясь радостными слезами и припавъ къ бѣлой худой рукѣ барыни, говорила добрая женщина.

Какъ справедливо, что мы привязываемся къ тѣмъ, о комъ заботимся и за кѣмъ ходимъ! Съ тѣхъ поръ, какъ Анна Михайловна отдана была на попеченіе одной Василисы, она ей сдѣлалась дорога какъ родное дитя, особливо когда Василиса увидѣла, что мужъ и тетка отъ нея отступились.

— О чемъ же ты плачешь? спросила молодая женщина.

— Отъ радости, моя ягодка, отъ радости! Вѣдь я не чаяла и живой тебѣ быть... Четвертая недѣлька пошла, какъ ты все безъ памяти.

« Чтѣ жъ, подумала Анна Михайловна, лучше бы было умереть!.. » Но вдругъ мысль, что у нея былъ ребенокъ, пробѣжала огненною живительною струей по всему слабому организму больной.

— Василиса, гдѣ же мой ребенокъ? вскрикнула она, а сердце матери страшно застучало отъ боязни, что можетъ быть его уже нѣтъ.

— Живъ, матушка, живъ; да такой-то славный мальчикъ! весь будетъ въ тебѣ.

При этихъ словахъ яркій румянецъ счастья, такъ давно уже незнакомаго бѣдной страдальцѣ, разлился по матово-блѣднымъ щечкамъ.

— Гдѣ же онъ, Василиса?

— У тетюшки въ горницѣ; она на него не надышится; грѣхъ сказать, матушка.

— Голубушка моя, Василиса, ради Бога! принеси мнѣ его! Дай мнѣ взглянуть на него!..

— А ну-ка услышитъ старая барыня-то? Ужъ и не знаю какъ... Подожди, матушка, теперь скоро разсвѣнетъ.

— Василисушка, милая моя, войди тихонько, она не услышит! Подумай, вѣдь я все равно что его вовсе не видала.

Въ эту минуту послышался плачь младенца:—Это онъ.. О, моя душка! Онъ откликается мнѣ. Поди же скорѣй, если хоть немножко меня любишь, Василиса.

На зарѣ сонъ у всѣхъ крѣпокъ, кромѣ больныхъ. Ребенокъ продолжалъ плакать, а Ульяна Степановна и Власьевна такъ усердно храпѣли, что за отчаянною музыкой своихъ носовъ не слыхали ничего. Василиса, войдя, поспѣшила подлить молочка въ рожокъ, чтобъ успокоить ребенка, и, принеся его къ матери, положила подлѣ ея на постель. Молодая мать дрожала отъ счастья.

— Мой ангельчикъ! моя радость! Красавецъ мой! твердила она, цѣлуя бессмысленную головку младенца.—А какъ его зовутъ? вдругъ спросила она:—Михайломъ?

— И, нѣтъ, Николаемъ, отвѣчала Василиса.

— Ну, все равно; чѣмъ же это его кормятъ?

— Молочкомъ; для него такъ особо одну коровку и доятъ.

— Теперь, Богъ дастъ, я поправлюсь, буду сама тебя кормить, мой дружокъ. Вотъ ты плакалъ, а онъ тебя не слыхали; мать не проспится, нѣтъ, моя душка!—И новые поцѣлуи осыпали младенца.—Я развяжу его, Василиса, я еще не видала его ручекъ.

— Какъ бы не расплакался! Свитой-то покойнѣй.

— Нѣтъ, ничего.—Ручки ребенка закопошились.—Какія ручки, улыбаясь и перецѣловывая всѣ пальчики, твердила Анна Михайловна.—Какая на немъ толстая рубашечка... ему, я думаю, больно?.. погоди, дружокъ, выздоровѣю, съѣлаю тебѣ дюжину тоненькихъ. Василиса, ты умѣешь кроить? Ты мнѣ покажешь какъ? Шить я сама буду. Душка моя! Сокровище мое!

Ласки и поцѣлуи продолжались до тѣхъ поръ пока молодая мать, утомленная душевнымъ волненіемъ, склонила свою свѣтлорусую головку въ уровень съ головкой уснувшего младенца. Выраженіе обоихъ лицъ дышало безмятежнымъ спокойствіемъ. Анна Михайловна въ эти блаженные минуты отреклась отъ всего прошедшаго и будущаго, предаваясь вполне настоящему. До сихъ поръ она не испытывала еще минуты отраднѣй! Ея ребенокъ, свѣженькій, здоровый, лежалъ подлѣ нея; къ тому же прекращеніе физическихъ страданій не мало способствуетъ усугубленію счастья.

Какъ бы ни былъ несчастливъ человѣкъ, но жизнь такой чудный Божій даръ, что расставаться съ нею все тяжело. Бываютъ минуты горькія, въ которыя въ самомъ дѣлѣ думаешь: лучше умереть! А занемоги—и самого страданія становится какъ будто жаль, не только надежды, этой очаровательной волшебницы, неразлучной съ жизнью. Иной разъ и самъ не знаешь чего, а все надѣешься. Бываетъ жизнь ужъ совсѣмъ изношенная, если можно такъ выразиться, ни для кого не нужная; обладатель ея вполнѣ сознаетъ это, и виѣсть съ тѣмъ обвиня руками все-таки держится за нее. Вѣдь для чего же нибудь былъ я созданъ, думаетъ онъ: до сихъ поръ ни себѣ, ни людямъ я еще не былъ полезенъ, придетъ же пора!.. И вотъ онъ живетъ и ждетъ, и все желаетъ жить. А иной и безъ всякаго разсужденія живетъ и все-таки не хочетъ умирать, не хочетъ хоть бы и изъ того, чтобы не отдать своего грѣшнаго тѣла на поруганіе и въ снѣдъ червямъ.

Тавъ Анна Михайловна, больше чѣмъ многіе, была счастлива, чувствуя свое выздоровленіе; у ней теперь есть цѣль въ жизни, а надеждъ такой огромный запасъ, что хватитъ до совершеннѣтїя трехнедѣльнаго Коли.

Тусклый свѣтъ зимаго дня ужъ началъ пробиваться сквозь маленькія стекла Ульяны-Степановниной комнатки. Барыня однакожь первая встрепенулась.

— Господи Іисусе Христе, экъ я проспала! проговорила она, крестясь и вставая.—Знать Колушка-то не кричалъ. Она подошла къ люлькѣ, раскрыла положокъ и чуть не вскрикнула.— Царица небесная! да гдѣ жъ это онъ? Съ нами крестная сила... Ужь не вздумала ли старая корга-то съ собой его положить?.. Власьевна, Власьевна!

Старуха вскочила.

— Ты что это вздумала, старая вѣдьма? Гдѣ у тебя ребенокъ-то?

— Какъ гдѣ, матушка? Въ люлькѣ.

— Что ты окаянная? Ты съ собою его, знать, положила; въ люлькѣ нѣтъ.

— Господи помилуй! Ну и смѣю я барченка положить съ собою?..

— Да гдѣ же онъ? кричала Ульяна Степановна, испуганная не на шутку.—Злодѣйка ты эдакая, куда ты его дѣвала?

Старуха стояла ни жива, ни мертва.

— Ужь не Фенюшка ли сдуру-то выхватила? проговорила

Ульяна Степановна и бросилась въ дѣвичью; но Фенюшка мела горняцу и забыла даже о существованіи молодаго барченка. Барыня пріотворила дверь спальни, гдѣ было совершенно темно; ночникъ погасъ, а окна были занавѣшены.— Васютка, а Васютка! шопотомъ начала кликать Ульяна Степановна; на ея голосъ отозвалась не Васютка, заснувшая мертвымъ сномъ, а Анна Михайловна.

— Тетушка, это вы? Чтѣ вамъ угодно?

— Аннушка, ай ты очнулась?

— Слава Богу, тетушка, мнѣ лучше.

— Ну и пора! Легко ли дѣло, почестъ четыре недѣли лежала.

Въ эту минуту Николенька заплакалъ.

— Никакъ Колушка-то у тебя? Ахъ ты прокуратка! Какъ это ты его спроворила? веселымъ голосомъ проговорила тетушка, обрадовавшись отыскавшемуся ребенку.—Ну, я пришла за нимъ Власьевну, его надо перепеленать. А тебѣ чайку прислать, чтѣ ль?

— Пришлите, тетушка; а Коленьку оставьте у меня пожадуста, я еще на него не наглядѣлась.

— Ахъ, мать моя, какъ оставить? Тамъ его и люлька и все.

— Прикажете сюда перенести, я сама буду за нимъ ходить.

— Ну, ну, какъ совсѣмъ поправишься, а теперь еще рано. Васютка, а Васютка, вставай! полно нѣмиться-то!

— Тетушка, она всѣ ночи не спала со мною, бѣдная.

— Небоось, выспитесь. Вставай, что ль! Открой окошки, да приходи за чаемъ барынь.

Ульяна Степановна ушла. Весь разговоръ происходилъ изъ за двери, потому что, какъ мы уже знаемъ, тетушка боялась заразиться. Черезъ минуту, по ея уходѣ, въ дверяхъ появилась Фенюшка съ пылающимъ углемъ на смоляномъ рожкѣ и дула чтѣ есть силы; дымъ столбомъ залилъ въ комнату большой, начинавшей уже задыхаться отъ него.

— Довольно, Феня! На чтѣ ты такъ много куришь?

— Старая барыня приказала.

Никого истинно не порадовало выздоровленіе Анны Михайловны, кромѣ Василисы. Мрачная фигура Григорія появилась на нѣсколько минутъ въ комнату большой, обычнымъ тономъ спросила, какъ она себя чувствуетъ, и, почти не дождавшись отвѣта, удалилась. Этой грубой натурѣ женщина, подобная

Михайловнѣ, была въ тягость. Съ удовольствіемъ увидѣлъ бы онъ на ея мѣстѣ Фимку Артамошкину или Маринку Филимонову; тѣ и водочки-то сами поднесутъ, и туза-то дать имъ за любовь почтутъ.

— Слышишь, Гриша, чтò твоя то вздумала? Переведи вишь къ ней ребенка, говорила Ульяна Степановна, сидя за самоваромъ съ племянникомъ.—Сама, вишь, она станетъ за нихъ ходить... Ну, гдѣ ей! какъ разъ уродомъ сдѣлается. Ужъ какъ ты хочешь, соколъ мой, а не отдамъ я ей Колушки... прорисительно прибавила старуха.

— Чтò ее слушать! Поговорить, да и перестанетъ.

— То-то, соколъ мой; ну какая она маты! За собой-то не уходить, а гдѣ ужъ за ребенкомъ?.. И вымыть, и опеленать, и накормить, все надо умѣючи; а она чтò?..

Ульянѣ Степановнѣ, давно не любившей уже племянницы, вопервыхъ, хотѣлось досадить ей; да при томъ же, какъ вѣтъ бездѣтныя, сама она прильпилась къ чужому ребенку, и, присвоивъ себѣ права надъ нимъ, ни за чтò не хотѣла уступить ихъ, по ея мнѣнію, дурь-матери. Такъ и порѣшили, что Анна Михайловна въ матери не годится, и ухода за ребенкомъ поручить ей нельзя. Первое время тетушка говорила, что по слабости здоровья нельзя еще ей хлопотать о сынѣ, и что ей надо прежде поправиться. Но минуло шесть недѣль, здоровье возстановилось совершенно, самая боязнь о заразительности болѣзни исчезла даже и въ тетушкѣ. Штофникъ Григорія Ивановича, для пополненія котораго продавались въ ближнемъ городѣ, черезъ Артамошку, то вещицы, то бѣлье Анны Михайловны, изъ амбара снова перешелъ въ спальню; въ домикъ все пришло въ обычный порядокъ, а ребенокъ подъ разными предлогами оставался по прежнему въ комнатѣ тетушки, куда не всегда допускалась молодая женщина. Наконецъ, терпѣніе ея лопнуло, она рѣшилась отнять свое сокровище; но прежде исполненія своего подвига, потѣхала къ обѣднѣ просить у Бога помощи и силы на предстоящую борьбу. Молилась она такъ, какъ умѣютъ молиться только матери.

Село находилось отъ Хламкина верстахъ въ трехъ; морозъ былъ на славу, дорога ухабистая, раскаты страшные, сани Анны Михайловны безъ подрѣзовъ, кучеръ—мальчишка лѣтъ двѣнадцати; не будь у нея пламенной молитвы въ душѣ, на пути въ село, или не будь тревожнаго ожиданія борьбы въ продолже-

ним обратнаго пути, натрусилась и накричалась бы вдоволь бѣдная женщина, такъ мало привыкшая къ подобнаго рода поѣздкамъ. Теперь же мальчикъ мчалъ ее, что есть духу; сани какъ челнокъ по волнамъ ныряли по ухабамъ, чуть не опрокидываясь въ раскатахъ; Анна Михайловна ничего не чувствовала. Тетушка, Григорій и Коля занимали всѣ ея мысли. Работали умъ и сердце, нисколько не заботясь о своей оболочкѣ.

Торопливо сбросила платокъ и салопъ молодая женщина, возвратясь отъ обѣдни; сердце ея колыхалось, руки и ноги дрожали; но рѣшившись разъ, она твердо пошла въ комнату тетки.

— Здравствуйте, тетушка, поздравляю васъ съ праздникомъ! Она поцѣловала руку старухи.

— Здорово. Что, холодно на дворѣ-то?

— А Богъ знаетъ, кажется, не очень. Я пришла васъ поблагодарить, добрая тетушка, за всѣ ваши попеченія и хлопоты о моемъ Николенкѣ,—она снова поцѣловала руку Ульяны Степановны:—теперь я совершенно здорова и буду сама уже о немъ заботиться. Я перенесу его люлечку къ намъ.

— Да ты съ чего это взяла, чтобъ я отдала тебѣ его? воскликнула старуха.—И Гриша говоритъ, гдѣ тебѣ его споконить.

— Тетушка, но я ему мать!.. Гдѣ не хватить умѣнья, тамъ замѣнить нѣжность и любовь.—Губы Анны Михайловны начинали дрожать.

— А я то его не люблю небось?

— Любите вы его, вѣрю и благодарю! но любить такъ, какъ мать, не можете. Онъ мое единственное благо! мое утѣшеніе... цѣль всей моей горькой жизни!..

Слезы блеснули въ глазахъ Анны Михайловны. Она подошла къ люлькѣ и наклонилась надъ спящимъ младенцемъ. Тетка вскочила и грубо оттолкнула ее отъ колыбели.

— Что ты, безумная, испугать его хочешь?

— Тетушка, испугаете вы, крича такъ надъ нимъ, проговорила дрожащимъ голосомъ несчастная.

— Отойди ты, окаянная! ступай вонъ!..

— Я пойду, тетушка, вмѣстѣ съ моимъ ребенкомъ.—Она снова подошла къ колыбели.

— А я тебѣ говорю, что не дамъ.

— Тетушка, смальтесь! умоляющимъ голосомъ проговорила бѣдняжка:—отдайте мнѣ моего Николенку! У васъ много другихъ занятій, у меня нѣтъ никого и ничего въ мірѣ, кромѣ



моего сына...—Рыданія прервали ея слова. Ея кроткой, зашуганной натурѣ всякая борьба была тяжела; до сихъ поръ она все переносила молча, чувство матери пробудило въ ней твердость; но и эта минутная вспышка не устоятъ противъ грубаго деспотизма людей, такъ сильно предубѣжденныхъ противъ нея.

— Да что ты привязалась, проси Господи! Какъ полоумная какая! Что я тебя вовсе разлучила что ль съ сыномъ? Каждый день видишь; видишь, я чай, что я хлопочу о немъ какъ о родномъ дѣтищѣ. Другая бы на твоемъ мѣстѣ вѣкъ молила за меня Бога... А ты этакая неблагодарная!..

— Нѣтъ, тетушка, я вполнѣ чувствую ваши милости къ моему сыну, но законъ Божій и человѣческій возлагаетъ заботы о дѣтяхъ на матерей. А вы даже не позволяете мнѣ брать моего ребенка на руки; я вижу его лишь нѣсколько минутъ въ день.

— Что на него смотрѣть, какой еще онъ? А на руки тебѣ и не дамъ! Перевихнуть не долго; ни вымыть, ни свить, вѣдь ты ничего не умѣешь?

— Все буду умѣть, тетушка; отдайте мнѣ сына!

— Кого отдайте? спросилъ Григорій, появляясь въ дверяхъ комнаты.

— Григорій, я прошу моего сына, я хочу сама за нимъ ходить... теперь я совсѣмъ здорова, онъ долженъ быть подле меня.

— Сынъ мой, а не твой; у дураковъ дѣтей не бываетъ, а если и бываетъ, то имъ поручить ихъ нельзя. Я самъ просилъ тетушку взять его на свои руки.

У Анны Михайловны опустились руки.—Боже мой, только этого не доставало!.. Неужели вы хотите меня замучить?..

— Молчаты! заревѣлъ атлетъ, успѣвшій въ обѣдню уже хватить нѣсколько чарочекъ.

Отчаяніе придало новую бодрость Аннѣ Михайловнѣ. Ребенокъ въ эту минуту кричалъ, она бросилась къ нему, схватила его на руки и какъ молнія выбѣжала изъ комнаты, прижимая къ груди свое сокровище.

— Батюшки мои!.. Отцы вы мои!.. Ухлопаетъ она его, злодѣйка!.. кричала тетушка.

Какъ разъяренный тигръ, бросился за нею Григорій и, догнавъ, ударилъ такъ, что молодая женщина чуть не замертво упала къ ногамъ его. Къ счастью, Василиса успѣла подхва-

титъ ребенка. Нѣжный отецъ въ минуту ярости забылъ о его существованіи.—Вонъ!.. кричалъ онъ, чтобы духу твоего не было въ моемъ домѣ! пустохлѣбница, дура, нищая...

Анна Михайловна приподнялась.—Мой сынъ!.. сынъ мой!..

— Ничего, матушка, вотъ онъ, онъ не убился, говорила Василиса, дрожа отъ страха и съ полными слезъ глазами.

— Пошла ты къ тетушкѣ! проревѣлъ онъ Василисѣ.

— Убей меня, или отдай мнѣ мое дитя! скрестивъ руки и на колѣняхъ говорила Анна Михайловна.

— А я тебѣ говорю, вонъ изъ моего дома, нищая! будетъ тебѣ насъ объѣдать, да еще досажать тетушкѣ.

При этихъ словахъ благородная кровь Асоновыхъ загорѣлась.

— Я нищая?.. Я васъ объѣдаю? И вы смѣете это сказать, промотавъ мои деньги, распродавъ всѣ мои вещи и бѣлье...

— Ахъ ты!..—и онъ снова ринудся на нее, но тетушка выскочила и схватила его за руки.

— Будетъ, Гриша; охота тебѣ съ ней связываться!

Онъ вырвался у тетки, схватилъ жену и вытолкнулъ ее въ сѣни, крича, чтобы она шла куда хочетъ и чтобы не смѣла носа показывать къ нимъ.

Какъ ошеломленная стояла Анна Михайловна, прислонясь къ холодной стѣнѣ. «Прогнали... вытолкали...» шептала она и бессмысленно глядѣла на ребятішекъ, бѣгавшихъ съ салазками по двору. Минутъ черезъ пять, Василиса удличила минутку и вынесла барынѣ платокъ и салопъ.

— Подите, матушка, хоть въ избу покуда; авось онъ взмилуется, какъ хмѣль-то пройдетъ.

Слова Василисы возвратили Аннѣ Михайловнѣ сознаніе настоящаго ея положенія.

— Не хочу, не хочу! Все кончено. Я не вернусь больше...

— Куда жъ вы, матушка?

— Куда Богъ приведетъ...—Она бросилась на шею своей сидѣлкѣ и зарыдала.—Василиса, люби моего сына, какъ любила меня!..

Неотразимое желаніе еще разъ взглянуть на ребенка вдругъ охватило все существо несчастной матери.

— Василиса, я пойду пока къ твоей матери; когда уснуть мои мучители, скажи мнѣ, я приду проститься съ моимъ ребенкомъ...

— Чтѣ вы, матушка, Господь съ вами! Перемелется, мука будетъ.

Анна Михайловна повторила просьбу съ новыми рыданіями и пошла съ крыльца.

Изба Василисиной матери была не далеко отъ барской усадьбы; Анна Михайловна, выйдя за ворота, остановилась. Что скажетъ она семьѣ старухи? Какъ признается, что ее выгнали? Какъ попросить у нихъ пріюта на нѣсколько часовъ?.. Нѣтъ, не пойдетъ она въ избу Василисиной матери. Куда жь дѣваться? Выпросить подводу у крестьянъ и доѣхать до Агаѣи Антоновны можно бы сейчасъ, но какъ же Коля?.. неужели она ужь больше его не увидитъ, не прижметъ хоть въ послѣдній разъ къ своему растерзанному сердцу? Нѣтъ, это выше силъ несчастной матери. Она будетъ стоять у воротъ и ждать послѣдней минуты свиданія

У забора былъ сложенъ лѣсъ, Анна Михайловна пристала на одномъ изъ бревенъ. Все тихо и пусто было около ея; ребятишки съ салазками, и тѣ пропали; народонаселеніе Хламкина вѣроятно обѣдало, лишь Злодѣй, огромная, дворная собака, сторожившая лучше всякаго караульнаго домъ Ульяны Степановны, вылезла изъ-подъ воротни, оглядѣлась во всѣ стороны, и замѣтивъ молодую барыню, махая хвостомъ и визгивая, подбѣжала къ ней. Въ минуты сильнаго горя, вишіе предметы не обращаютъ нашего вниманія; но собака столько прыгала и визжала, что бѣлая ручка Анны Михайловны легла на конецъ на ея мохнатую голову; удовлетворенный Злодѣй успокоился, и сѣвъ на заднія лапы, возлѣ барыни, наострилъ уши при малѣйшемъ шорохѣ, какъ бы оберегая ее. «Бѣдный Злодѣй, и ты меня забудешь! думала Анна Михайловна: а сынъ мой, мой Коля не будетъ даже знать своей матери.» При этой мысли сердце ея перевернулось. Была минута, въ которую она готова была идти въ домикъ и вымаливать милости,—остаться хоть подъ одною кровлей съ сыномъ. Добрый ангелъ шепнулъ однакожь: къ чему? Ея присутствіе въ домѣ принесетъ болѣе вреда чѣмъ пользы. За нее, можетъ быть, тетушка возненавидитъ и ребенка.... а его покровительница все-таки Ульяна Степановна, другихъ у него нѣтъ. Слабая, беззащитная мать не имѣетъ средствъ даже накормить его. Пусть же остается онъ у тѣхъ, кто можетъ дать ему пріютъ и хотя нѣкоторыя удобства жизни. Тетушка будетъ любить его, это она знаетъ; любовь ея будетъ состоять въ кормленіи и баловствѣ ребенка, но пока это все что нужно; огрубѣтъ онъ въ ихъ обществѣ.... это зло искоренитъ воспи-

таніе, для котораго она будетъ копить каждую копѣйку, чтобъ имѣть въ послѣдствіи возможность отдать его въ одно изъ лучшихъ воспитательныхъ заведеній. Пока все эти думы толпились въ молодой, безпріютной головкѣ Анны Михайловны и заставляли ее забывать и холодъ, и голодъ, въ домикѣ тоже не совсѣмъ было тихо. Ульяна Степановна, успокоенная видомъ ребенка, спящаго безмятежнымъ сномъ невинности, снова въ своей колыбелькѣ, и удовлетворенная своимъ торжествомъ надъ племянницей, позвала къ себѣ Григорія.

— Ну, будетъ сердчать-то, Гриша! Поучилъ ее да и шабашъ. Небось, впередъ не сунется... гледи и теперь звенить въ головѣ. Семъ пошлемъ за ней?

— И слышать не хочу! Не надо мнѣ ея! Будетъ, помучится....

— Ну, какъ быть, соколъ мой. Все же вѣдь жена....

— Чортъ съ ней! Пускай идетъ куда хочетъ.

— И-и, Гриша, не хорошо! Чтò добрые люди скажутъ?

— А мнѣ очень нужно! Сказалъ не хочу; чтобъ ея духу здѣсь не было, и не будетъ....

— Ну, куда она пойдетъ? бабенка молодая. А-ихъ ты нехристы!

— Да чтò вы въ самомъ дѣлѣ пристади? Сами же твердили безпрестанно: и такая-то она и ская, а теперь за нее вступаетесь....

— Ну, ну, ну! Чтò мнѣ за нее вступаться? Мнѣ малъ тебя.... что про тебя-то скажутъ?

На эту заботливость Григорій отвѣчалъ ругательствомъ, и хлопнувъ дверью, ушелъ въ спальню къ своему штофику.

Черезъ нѣсколько времени послышался его могучій храпъ.

Заговорило ли въ Ульянѣ Степановнѣ чувство состраданія, рѣдко совсѣмъ умирающее въ женщинахъ, какого бы рода онѣ ни были, или боязнь людскихъ толковъ заставляла ее желать прекращенія семейной неприятности? Предположимъ лучше однакожь первое: какъ-то легче живется съ увѣренностію, что и въ дурныхъ людяхъ проявляются по временамъ добрыя чувства; Ульяна же Степановна не была по-ложительно злою женщиной; злые дѣтей не любятъ, а она страстно полюбила Николеньку.

— Васютка, а Васютка! Гдѣ барыня-то? спросила она шопотомъ, приотворивъ дверь своей комнатки.

— Не знаю-съ.

— Поди-ко найди ее, да приведи въ горницу; самъ-то спать.

Василиса обрадованная бросилась за барыней, будучи увѣрена, что несеть ей хорошую вѣсть; добрая женщина не понимала, что есть оскорбленія, которыхъ забыть не можетъ существо благородное, хотя и одаренное ангельскою кротостью Анны Михайловны.

Едва Василиса показалась за ворота, какъ молодая барыня бросилась къ ней: — Чтò, уснули? спросила она:—можно мнѣ войти?

— Пожалуйте, матушка, Ульяна Степановна сама за вами послала.

— Она послала?.. Такъ она не спитъ?

Прекрасное личико Анны Михайловны омрачилось; не хотѣлось бы ей встрѣчаться опять лицомъ къ лицу съ тою, которая отняла у ней сына и вообще такъ мало ей доброжелательствовала. Минуты три она стояла въ нерѣшительности.

— Чтò жь, матушка, пойдете! Вишь какъ вы озлиби. Ай вы давно ужь тутъ?

« Да, я пойду, подумала Анна Михайловна, прощу ей все!.. Пусть лишь замѣнитъ она мать бѣдному моему Колѣ!» И она направивша шаги къ домику.

— А ихъ-ма, Аннушка, запищала Ульяна Степановна, при видѣ входящей племянницы, — и чтò ты надѣлала? Мужъ-то и слышать не хочетъ помириться съ тобой! Ума головѣ не приложу какъ мнѣ васъ свести.

— И не беспокойтесь, тетушка; я не затѣмъ вернулась, чтобы просить мира. Позвольте мнѣ лишь проститься съ моимъ малюткой! Богу не угодно, чтобы я воспитывала и лелѣла его, да будетъ Его святая воля! Вамъ поручаю сына, тетушка!—Она бросилась на колѣня передъ старухой.—Будьте ему матерью! Не оставьте его!.. Вы теперь единственная его покровительница, онъ сирота... Отецъ, когда не любитъ матери, не можетъ любить и ребенка.

Ручья слезъ текли по блѣднымъ щекамъ молодой женщины.

— Да чтò ты, Аннушка, куда жь ты сама-то пойдешь?

— Неостыннымъ и безпріютнымъ защитникъ и покровитель—Богъ. Свѣтъ великъ, въ немъ не безъ добрыхъ людей. Общайте мнѣ, милая тетушка, не оставьте моего ребенка, и я буду день и ночь молиться за васъ.

— Ахъ ты глупая! Да какъ же бы я не любила-то его? Кто жь у меня на свѣтѣ кромѣ Колюшки?

— Богъ да благословить васъ! Теперь позвольте же въ послѣдній разъ взять мнѣ его на руки и проститься... можетъ-быть на вѣчную разлуку...

Судорожно зарыдала при этихъ словахъ Анна Михайловна. Тетушка встала, вынула ребенка изъ люльки и сама положила его на руки несчастной матери, которая прильнула къ головкѣ дитяти. Заплакалъ и онъ, какъ бы чувствуя разлуку съ родимой.

Войди въ эту минуту Григорій и скажи ей хоть одно слово, она забыла бы все, обрекла бы себя вновь на ежедневныя мученія, лишь бы не разстаться съ своимъ малюткой. Каждый пальчикъ, каждый волосокъ обливала она горькими слезами и цѣловала до иступленія.

— Полно, Аннушка, не убивайся такъ! Авось помиритеся.

— Нѣтъ, я рѣшилась, тетушка; я уѣду; своими трудами буду добывать себѣ пропитаніе... вѣдь я нищая!.. Еще одной милости попрошу у васъ, будьте такъ добры, прикажите Оѣнѣ принести мой маленькій рабочій ящикъ и сколько-нибудь одеяла изъ спальни. Григорій Ивановичъ спитъ крѣпко, онъ не услышитъ, и дайте мнѣ лошади доѣхать до первой деревни.

— Съ чѣмъ же ты поѣдешь-то, глупая? Вѣдь небось нѣтъ ни гроша?

— Доѣду какъ-нибудь.

— Лучше покорись мужу, попроси прощенья! Ну и станешь жить какъ прежде.

— Нѣтъ, тетушка, Богъ съ нимъ!

— Затянула нѣтъ, да нѣтъ... ну, смотри, не спойкайся! Я велю принести все твое и лошадь дамъ; да куда ты дѣнешься?

Ульяна Степановна сама пошла за вещами въ спальню.

Анна Михайловна не отрывала глазъ отъ Коли, хотя слезы безпрестанно заливали ихъ и мѣшали ей видѣть.

— Власьевна, ходи и ты за нимъ! Можетъ-быть когда-нибудь я вѣстимъ вамъ заплачу за ваши хлопоты, рыдая говорила страдальца стоявшей тутъ же у лежаночки старухѣ.

— Тетушка, обратилась она къ возвратившейся Ульянѣ Степановнѣ, — вы шейте ему рубашечки изъ моихъ; платья мои пусть пойдутъ ему на одѣяльца, на халатки. Милый мой! душенька моя!..—Она снова бросилась цѣловать его съ страшными рыданіями.—Ты не будешь знать меня... Я не

услышу твоего голоса, не услышу твоего перваго ледета... Твоя ручонка не обовѣется около моей шеи... Далено буду жить я отъ тебя, но для тебя!.. думала несчастная и все крѣиче и крѣиче прижимала ребенка къ растерзанной груди. — Тетушка... если можно... попросите хоть священника писать мнѣ о немъ; я пришлю мой адресъ какъ только поселюсь гдѣ-нибудь.

— Эй, останься лучше! По мнѣ какъ хочешь, а по чужимъ угламъ плохо таскаться; развѣ поѣдешь къ мачихѣ?..

— Я, къ мачихѣ?.. Конечно, скорѣй буду просить подѣ онами, чѣмъ обращаться къ ней. Нѣтъ, тетушка, я получила воспитаніе, которое меня прокормитъ и дастъ пріютъ. Никому не буду я въ тягость.

Лошадь подана. У Анны Михайловны захватило духъ, рековая минута настала.—Мой Коля!.. Прощай, дорогое дитя мое! Она впиалась въ него устами, шатаясь подошла къ теткѣ, и сдѣлавъ надъ собой страшное усиліе, передала его ей на руки.—О! не оставьте жь его!.. Любите его!..—Она сняла съ шеи маленькій образокъ и надѣла на сына.—Пусть благословеніе моего отца хранить тебя, мой Коленька! едва вытнотно проговорила она, перекрестила его, и молча поцѣловалась съ теткой, Василисой и Власьевной, и неровными шагами вышла навсегда изъ хламкинскаго домика, гдѣ кромя страданія не видѣла ничего, и къ которому все-таки душа ея была прикована.

## XVIII.

Въ одной изъ приходскихъ церквей, которыми такъ богата наша Бѣлокаменная, шла божественная литургія. Въ амбразурѣ втораго окна отъ клироса, стояла молодая женщнна, худая, блѣдная, но все еще хорошенькая. Туалетъ ея былъ очень скромный; черное шерстяное платіе съ такою же мантилей, черная бархатная шляпа, видимо не съ Кузнецкаго моста, не обращали ничьего вниманія; никто бы и не подумалъ, что пушистый куній мѣхъ, лежавшій у ея ногъ, принадлежалъ ей. Рядомъ съ ней стоялъ ливрейный лакей, на рукѣ котораго тоже висѣлъ богатый салопъ. Лакей гордо поглядывалъ на осѣдку,—смазливую мѣщаночку или горничную, по его мнѣнію, и дивился, откуда брались у ней слезы, такъ она плакала и молчалась. Либо сирота безпріютная, либо господа зло-

дѣш, думалъ онъ: вотъ еслибы попала къ нашимъ, небожь бы не заплакала. Барыня-то ищетъ горничную. А что спросить?.. Но вопросъ не послѣдовалъ; обѣдня кончилась, лакей подвинулся впередъ, накинулъ салопъ на плечи барыни и сѣвшикъ очистить ей дорогу въ толпѣ.

— Анета!.. Лиденъка!.. вскрикнули въ одно и то же время молодыя женщины, увидя другъ друга. Лакей обернулся по направлеию взоровъ и шаговъ своей барыни; и каково жь было его удивленіе, когда увидѣлъ, что его сосѣдка мѣщаночка цѣлуется съ его госпожой.

Обмѣнявшись нѣсколькими словами, Лиденъка узнала, что Анета адсь въ Москвѣ уже около недѣли и остановилась на самомъ бѣдномъ постояломъ дворѣ. А Анета въ свою очередь узнала, что Лиденъка замужемъ и живетъ постоянно въ Москвѣ. Но какъ длинныя объясненія не возможны въ церкви, Лиденъка схватила свою подругу за руку, говоря:—Я богата, счастлива, и не хочу, чтобы ты жила на постояломъ дворѣ, а не въ моемъ домѣ. Поѣдемъ, я сейчасъ же пошлю за твоими вещами. Богатый экипажъ, запряженный парюмъ сѣрыхъ орловскихъ лошадей, отвезъ подругъ въ великолѣпный домъ, занимаемый Лидіей Дмитриевной Гальбекъ.

Прѣшла еще недѣля съ пріѣзда Анны Михайловны въ Москву; сердце ея отогрѣлось дружбой и участіемъ людей истинно достойныхъ. Видѣ полнога домашняго счастья отраднѣ дѣйствовалъ на ея измученную душу. Прошедшій годъ ея собственной жизни казался ей такимъ страшнымъ, что и теперь леденилъ всѣ ея члены. Неужели она въ самомъ дѣлѣ перенесла все это? Неужели хватило ея силъ? Нѣтъ, нѣтъ! Это былъ лишь тяжкій, мучительный сонъ... А жгучая боль материнскаго сердца говорила, что то была дѣйствительность.

Лидія и мужъ ея умоляли Данковскую остаться съ ними навсегда, но благородная женщина, воплиѣ цѣня ихъ дружбу и радушіе, рѣшительно отказалась принять обязательное ихъ предложеніе, прося объ одной лишь милости, чтобъ они рекомендовали ее кому-нибудь изъ своихъ знакомыхъ въ настоящее время.

Черезъ нѣсколько дней судьба Анны Михайловны устроилась; она взяла на себя воспитаніе прекрасной дѣвочки, замѣнавшей ей все, кромѣ сына. Вскорѣ она пріобрѣла дружбу и полное уваженіе родителей своей воспитанницы, и сдѣлалась въ домѣ членомъ семейства, а не наемницей, хотя она и не



знали грустной исторіи ея жизни. Лиденъка одна была посвящена въ тайну, съ просьбой никому о ней не разглашать.

Разъ кто-то изъ гостей спросилъ у ней, не родня ли она Данковскимъ, за одного изъ которыхъ была выдана дочь генерала Асонина? Легкій трепетъ пробѣжалъ по членамъ Анны Михайловны, но она подавила свое волненіе и спокойно отвѣчала: — нѣтъ, потому что никогда не слыхала объ Асониныхъ.

— Я знала покойнаго генерала, возразила хозяйка, — благороднѣйшій и добрѣйшій былъ человекъ! Одно мнѣ въ немъ не нравилось, онъ слишкомъ поддавался вліянію своей жены, женщины, какъ мнѣ казалось тогда, хитрой и фальшивой. Правду вамъ сказать, она очень мнѣ не нравилась. Не знаете ли вы, чтѣ съ ней сдѣлалось послѣ мужа?

— Какъ не знать, самодовольно отвѣчалъ гость, гордившійся тѣмъ, что хроника всей знати, и даже тѣхъ, кто не надолго появлялся въ Москву, была ему извѣстна, хотя исторія молодаго поколѣнія, къ которому принадлежала Анна Михайловна, отъ него ужь ускользала. — Серафима Петровна, продолжалъ гость, послѣ мужа осталась обладательницей весьма значительнаго капитала, какъ я слышалъ, но адъютантъ покойнаго, бывшій еще при жизни его подъ ея особеннымъ покровительствомъ, пообобравъ ее порядкомъ, перешелъ служить въ гвардію, а она съ горя отъ двойной потери укатила за-границу; съ тѣхъ поръ о ней ни слуху, ни духу.

Жадно слушала этотъ разказъ Анна Михайловна, но замѣтить этого никто не могъ, потому что въ это время она растолковывала своей воспитанницѣ какъ прорѣзывать по прямой ниткѣ кружки въ англійскомъ шитьѣ.

Въ Москвѣ однакожь она сколько можно набѣгала общества, боясь встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ покойнаго отца, и съ нетерпѣніемъ ждала весны, когда они должны были оставить столицу и надолго поселиться въ деревнѣ, въ одной изъ отдаленныхъ губерній.

Къ этому времени мужъ Лиденъки успѣлъ выхлопотать для Анны Михайловны отъ уѣзднаго предводителя ихъ герода билетъ для прожитія гдѣ она заблагоразсудитъ. Она же съ своей стороны первыя полученныя деньги тотчасъ отсылала къ овященнику Хламкина, прося его отдать по пятнадцати рублей Василису и Владсѣевнѣ, а остальные двадцать прivity отъ нея самому, каждую обѣдную вынимать прософору :

здравіе ея маленькаго сына и хотъ изрѣдка увѣдомлять ее о нежъ письменно, умоляя однакожь отца Игнатія даже не вспоминать о ней при мужѣ и теткѣ и вообще сохранить тайну ея мѣстожителства.

Отець Игнатъ, хорошо вознагражденный въ настоящемъ, не терявшій надежды на будущее, очень скоро отвѣчалъ, извѣляя готовность служить ей.

Такимъ образомъ тихо и мирно потекла жизнь Анны Михайловны, переселившейся вмѣстѣ съ тѣми, у кого она жила, въ прекрасную деревню. Сосѣдей было не много, и большею частію это были люди, никогда не оставлявшіе своихъ мирныхъ уголковъ, стало-быть ничего не знавшихъ и не слыжавшихъ ни объ Асоновыхъ, ни о Данковскихъ.

Прошло три года, въ продолженіе которыхъ Анна Михайловна получала удовлетворительныя извѣстія о своемъ Колѣ; ребенокъ росъ, былъ хорошъ, здоровъ, Ульяну Степановну звалъ мамой, старуха въ немъ души не слышала; но въ домѣ запрещено было всѣмъ говорить ребенку, что у него есть другая мать. Григорья Ивановича никто не посмѣлъ послушаться; день ото дня онъ становится раздражительнѣй; такъ пьетъ, что и тетускѣ приходитъ отъ него плохо. Она ужъ кается да не воротить, что вала его къ себѣ и отдала все хозяйство. Единственная ея забава и утѣха—Николай Григорьевичъ. Сына-то и онъ любитъ и ласкаетъ, когда не пьянъ, да трезвымъ-то бываетъ рѣдко. Всѣ оставшіяся вещи Анны Михайловны распроданы на вино. «Да, сударыня, прибавлялъ священникъ, Господь поберегъ васъ, удаливъ отъ зла!»

## XIX.

Однажды маленькое общество, въ которомъ уже почти два года жила Анна Михайловна, сидя за чайнымъ столомъ толковало о только-что прочитанномъ романѣ одного изъ современныхъ писателей; мнѣнія расходились, и потому разговоръ шелъ быстро и живо; никто не замѣтилъ какъ въ комнату вошло новое лицо; лишь воспитанница Анны Михайловны, которую ни сколько не занималъ критическій разборъ, вспрыгнула съ своего стула и подбѣжала къ пріѣхавшему.— А что жъ, привезли мнѣ соловья, Иванъ Ивановичъ?

— Завтра будетъ непременно, отвѣчалъ тотъ.

— А! Иванъ Ивановичъ, милости просимъ; садитесь-ка; какъ разъ поспѣли къ чаю.

Послѣ обычныхъ поклонѣвъ, Иванъ Ивановичъ придвинулъ стуликъ къ столу и присоединился къ обществу.

— Ну что новенькаго? Гдѣ побывали? спросилъ хозяйнѣ.

— Вы извольте спросить, гдѣ я не былъ-съ. Вѣдь ужъ другой день изъ двора.

— Такъ новостей-то у васъ теперь и много, Иванъ Ивановичъ, сказала хозяйка, подавая ему стаканъ чаю.

— Да, есть-съ кое-что.

— Разказывайте же!

— А вотъ самая главная и свѣженькая: въ Никольское пріѣхалъ помѣщикъ.

— Да въ Никольскомъ не помѣщикъ, а помѣщица; вѣдь это имѣніе княгини Гариной?

— Да-съ, было; а теперь перешло въ другія руки; оно отдано было въ приданое за дочью ея сіятельства, которая померла, а вотчину передала мужу; онъ и пріѣхалъ осмотръ ея.

— Кто же это такой?

— Арсеній Александрычъ Колокутинъ.

Вся кровь прилила къ сердцу Анны Михайловны, она поблѣднѣла. Тайна ея виситъ на волоскѣ. Нынче, завтра, Арсеній, такъ хорошо знавшій ее прежде, можетъ познакомиться въ домѣ. Какъ ей съ нимъ встрѣтиться? Чтѣ сказать?... До сихъ поръ она такъ тщательно скрывала отъ всѣхъ свое прежнее положеніе въ обществѣ и послѣдовавшія за тѣмъ несчастія; никому, кромѣ Лиденки, не позволяла она дотрогиваться до ранъ своего сердца; самая переписка съ священникомъ о сынѣ шла черезъ нее. И вотъ судьба сталкиваетъ ее съ человѣкомъ, котораго она менѣе всѣхъ ожидала и желала видѣть. Можетъ-быть тутъ примѣшивалось и воспоминаніе о томъ свренкомъ утрѣ, когда начерченъ былъ его портретъ, и томъ вечерѣ, когда Арсеній, вмѣсто всякаго поощренія по случаю ея помолвки, подойдя къ ней, произнесъ: «такъ скоро!».

Анна Михайловна, не въ силахъ совладѣть съ своимъ волненіемъ, спѣшила оставить комнату, уводя съ собою воспитанницу и давая себѣ слово избѣгать всеми средствами встрѣчи съ Колокутинымъ.

Визитъ его въ самомъ дѣлѣ не замедлилъ; черезъ два дня онъ явился знакомиться съ Либиными и съ перваго раза обворожилъ ихъ.

— Какъ жаль, Анна Михайловна, говорила хозяйка, проводивъ гостя и входя въ классную,—что вы не вышли! Это такой пріятный человекъ, какихъ въ деревнѣ не скоро встрѣтишь. Впрочемъ я надѣюсь, что онъ часто будетъ посѣщать насъ. Мужъ завтра же отдастъ ему визитъ.

Арсеній Александровичъ въ свою очередь былъ радъ найти въ своихъ сосѣдяхъ людей порядочныхъ, и съ удовольствіемъ воспользовался приглашеніемъ бывать у нихъ чаще.

Ктожъ бы въ деревнѣ отказался отъ общества людей образованныхъ и радушныхъ? А Колокутину волей-неволей приходилось прожить въ Никольскомъ мѣсяца два, а можетъ и больше. Онъ нашелъ имѣніе страшно разстроеннымъ, крестьянъ въ самомъ бѣдственномъ положеніи, и, какъ человекъ благонамѣренный, съ современнымъ взглядомъ на вещи, горячо принялся за улучшеніе ихъ быта, и до тѣхъ поръ не хотѣлъ оставить деревню, пока не положитъ прочнаго основанія своему благому намѣренію. Въ деревнѣ же, какъ ни занимайся хозяйствомъ, все остается много свободнаго времени, которое отраднo раздѣлится съ добрыми сосѣдами.

Уже разъ пять хорошенькое тюльбюри Колокутина падкатывалось къ крыльцу Либиныхъ, разъ пять просиживалъ онъ по нѣскольку часовъ въ ихъ обществѣ, а Анна Михайловна подъ разными предлогами не выходила изъ своей комнаты.

Въ первый разъ, когда кто-то изъ хозяевъ произнесъ ей имя, въ воображеніи молодого человекъ, изъ тумана прошедшаго, явилось свѣженъкое, миловидное личико, обрамленное густыми, свѣтлорусыми локонами, когда-то шевельнувшее его сердце. Тогда онъ устоялъ, и женился въ послѣдствіи на деньгахъ, взявъ въ приданое дѣвушку не простенькую, а черезчуръ простую. Въ полтора года жизни съ ней его теорія была совершенно разрушена опытомъ; какъ честный человекъ, онъ несъ свой крестъ терпѣливо, но сознавалъ, что страшно ошибался, думая, что счастье заключается въ богатствѣ и простотѣ жены. Первое, конечно, хорошо, второе же отравя счастья. Но дурочка умерла, сдѣлавъ однакожь весьма умное распоряженіе насчетъ своихъ денегъ; вмѣсто того чтобъ оставить свое богатство какимъ-то внучатымъ братьямъ, она передала его своему мужу.

Такъ имя Анны Михайловны вызвало много воспоминаній въ душѣ Арсенія; онъ такъ увлекся ими, что на какой-то вопросъ Либиныхъ отвѣчалъ совершенно не впопадъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ ему и въ голову не приходило, что Анна Михайловна, гувернантка, которую онъ считалъ очень пожилою женщиной, судя по ея мизантропическому характеру, и Анна Михайловна Асонина одно и то же.

Разъ какъ-то, бывши въ городѣ, Колокутинъ заѣхалъ самъ на почту и, получая свои письма, спросилъ нѣтъ ли также къ его сосѣдямъ Либинымъ. Ему вручили цѣлую кипу журналовъ и нѣсколько писемъ; одно изъ нихъ бросилось ему въ глаза: *Аннѣ Михайловнѣ Данковской, въ сельцо Мошки, имѣніе г. Либина*. Арсеній не вѣрилъ своимъ глазамъ. Боже мой! Неужели это она? Бѣдная!... Теперь понятно стало для него, зачѣмъ она избѣгаетъ всякаго общества, его же въ особенности. Стало-быть здѣсь не знаютъ ея прошедшаго, иначе Либины не настаивали бы такъ часто вызвать ее въ гостиную при немъ. «Все это нужно разъяснить. А что увижу я ее, то это вѣрно!»

Тотъ же вечеръ Колокутинъ былъ въ Мошкахъ. Разбирая почту и увидя письмо на имя гувернантки, Либинъ послалъ Зиночку сказать ей объ этомъ. Дѣвочка скоро вернулась, говоря, что Анна Михайловна проситъ прислать ей это письмо въ ея комнату.

— Скажите, ради Бога, ваша гувернантка рѣшительно не хочетъ со мною сталкиваться? смѣясь сказалъ Колокутинъ, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Она страшная дикарка, но премилое существо.

— Такъ стало-быть она молода?

— По лѣтамъ—очень; а по разсудку и всѣмъ дѣйствіямъ—старушка. Я подозреваю, что она много перенесла въ жизни, потому что на ея миловидномъ личикѣ лежитъ печать страданія. Это преинтересное созданіе, Арсеній Александрычъ, и для вашего спокойствія можетъ-быть хорошо, что она избѣгаетъ встрѣчи съ вами.

Колокутинъ улыбнулся.

— Такъ вы совсѣмъ не знаете ея прошедшаго? спросилъ онъ.

— Племянникъ моего мужа, рекомендовавшій намъ ее, сказалъ только, что мужъ ея офицеръ, вслѣдствіе какой-то не-приятности съ начальникомъ, былъ переведенъ на Кавказъ, и,

не имѣя средствъ тащить за собой жену, оставилъ ее въ Москвѣ, въ самомъ недостаточномъ положеніи; она воспитывалась въ Смольномъ, вмѣстѣ съ женой племянника, которая встрѣтила ее случайно; узнавъ ея обстоятельства, она предложила ей свой домъ, но Данковская не приняла предложенія и желала поступить куда-нибудь въ наставницы. И вотъ четыре мѣсяца она у насъ. Я такъ ею довольна, что желала бы, чтобъ она кончила воспитаніе моей Зиночки. Боюсь ужасно, чтобы мужъ не выписалъ ея...

— А кто она урожденная, вы не знаете?

— Дочь какого-то рисовальнаго учителя. Она сама очень хорошо рисуетъ, прибавила Либина.

«Они ничего не знаютъ,» подумалъ Колокутинъ и, пробывъ еще съ полчаса у Либиныхъ, уѣхалъ домой, придумывая какъ бы увидѣть Данковскую и увидѣть безъ свидѣтелей.

Случай не замедлилъ представиться. Либины давно говорили, что имъ нужно съѣздить дня на два въ городъ, мужу по дѣламъ, а женѣ для покупокъ. Нужно только стороною узнать, когда они уѣдутъ. И онъ, подъ разными предлогами, чуть не ежедневно посылалъ въ Мошки. Посланный, возвратясь однажды, сказалъ, что у Либиныхъ приказано закладывать лошадей.

— Заложить мнѣ скорѣй тюльбюри; мнѣ нужно застать Николая Ильича, крикнулъ Колокутинъ.

Въ пять минутъ сѣрый рысакъ стоялъ у подвѣзда; Колокутинъ вспрыгнувъ въ экипажъ и укатилъ, не взявъ съ собою даже своего грума. Потерявъ изъ виду Никольское, онъ вмѣсто Мошекъ повернулъ въ противоположную сторону и пустилъ рысака шагомъ; объѣхавъ двѣ-три сосѣднія деревни, онъ повернулъ наконецъ туда, куда рвалось его сердце.

У крыльца встрѣтилъ его казачокъ.

— Господъ дома нѣтъ-съ.

— Какъ, ужь уѣхали?

— Ужь будетъ съ часъ какъ уѣхали-съ.

— А гдѣ барышня?

— Онъ въ саду-съ съ Анной Михайловной.

— Возьми же лошадь; я пойду хоть съ ней повидаться.

Арсеній выпрыгнувъ. Отчего-то сердце его сильно билось.

Много обошелъ онъ дорожекъ прежде чѣмъ услышалъ звонкій голосокъ Зиночки. Вотъ подходитъ онъ ближе и ближе, онъ различаетъ уже слова; нѣсколько кустовъ отдѣляютъ его

отъ женщины, которую онъ такъ желаетъ видѣть... Арсеній останавливается. Взоръ его пробивается сквозь пушистую зелень акаціи, за которой на скамьѣ сидятъ Зиночка и она. Тѣ же свѣтлорусые, густые волосы, лишь не въ локонахъ, а свитые въ огромную улитку; та же грація въ движеніяхъ, тотъ же кроткій, музыкальный голосъ.

Вотъ Зиночка вскочила и бросилась вдоль аллея за бабочкой.

«Теперь или никогда,» подумалъ Колокутинъ, и пошелъ къ цѣли, кашлянувъ раза два, чтобы не испугать нечаянностію.

Анна Михайловна обернулась, Арсеній стоялъ передъ ней. Вся кровь застыла въ ея жилахъ... она поблѣднѣла.

— И это вы, Анна Михайловна? сказалъ Колокутинъ, самымъ задушевнымъ голосомъ, смотря на нее такимъ взоромъ, въ которомъ были и участіе, и дружба, и любовь.

Данковская хотѣла что-то сказать, губы шевельнулись, а звука никакого не вышло.

— Вамъ ли, единственной, обожаемой дочери добраго нашего генерала выпала такая доля!

— Это тайна; ради Бога, сохраните ее! едва внятно прошептала Анна Михайловна.—Николая Ильича и Настасьи Павловны дома нѣтъ, прибавила она.

— Знаю; я и пріѣхалъ не къ нимъ, а къ вамъ. Вашу тайну я узналъ нѣсколько дней тому назадъ, привезя изъ города письмо на ваше имя; но я ее не выдалъ. Видите, я другъ надежный. Прежде чѣмъ сказать, что я васъ знаю, я старался узнать, знаютъ ли они васъ. Вы, въ ихъ глазахъ, дочь рисовальнаго учителя, жена офицера, усланнаго на Кавказъ. Вотъ почему я и желалъ видѣть васъ однѣхъ.

— Благодарю, Арсеній Александрычъ. Миѣ бы не хотѣлось, чтобы кто-нибудь зналъ мое прошлое.

— Потому что это прошлое должно быть теперь ваше единственное сокровище, и вы не хотите дѣлить его съ другими? съ чувствомъ сказалъ Арсеній.

— Вы ошибаетесь; лишь одинъ ложный стыдъ заставляетъ меня скрывать мое прежнее имя; какъ-то не ловко дочери генерала Асонина служить изъ-за денегъ, а обстоятельства моего мужа заставили насъ обоихъ рѣшиться на эту мѣру.

— Гдѣ же онъ?

— Онъ... онъ управляетъ имѣніемъ одной помѣщицы, которая взяла на воспитаніе нашего ребенка, моего маленькаго Николаеньку.—При этомъ имени голосъ Анны Михайловны снова оборвался.

— Бѣдная мать! И вы должны были разстаться съ нимъ? Слезы рѣвкой хлынули изъ глазъ, въ самомъ дѣлѣ, бѣдной матери.

— О, виноватъ! тысячу разъ виноватъ! Простите мое глупое восклицаніе и еще глупѣйшій вопросъ!...

— Нѣтъ, мнѣ приятно, что вы поняли, въ чемъ состоитъ мое главное несчастіе.

— Анна Михайловна, позвольте мнѣ быть вамъ чѣмъ-нибудь полезнымъ! У меня много знакомыхъ, много родныхъ; если Григорію Иванычу нужно мѣсто, я всѣ средства употреблю...

— Нѣтъ, нѣтъ! Благодарю васъ отъ всей души. Но наша жизнь такъ сложилась, что въ ней ничего нельзя поправить. Позвольте мнѣ объ одномъ васъ просить, чтобъ я осталась по-прежнему для всѣхъ, и для васъ тоже, женою офицера Данковскаго, служащаго на Кавказѣ. О существованіи моего Коли тоже не нужно, чтобы знали.

Колокутинъ понялъ, что тайна Анны Михайловны заключается не въ одномъ ея прежнемъ имени; много другихъ лежитъ у ней въ душѣ, и такихъ горькихъ, что онѣ въ два года сумѣли превратить молоденькую, свѣженькую, беззаботную дѣвочку въ худую, блѣдную, готовую каждую минуту плакать, женщину. Жаль ея было Колокутину. Хотѣлось бы ему проникнуть въ ея душу, прочесть въ ней исторію двухъ прошедшихъ лѣтъ... Наконецъ женщина создана для любви, а та, которая не испытала еще ея чаръ, какъ Анна Михайловна, потому что не Григорію же Данковскому было познакомиться ее съ ними,—должна жадать любви больше чѣмъ другая; особенно если человѣкъ образованный, свѣтскій, приятный, занимающій видное положеніе въ обществѣ, какимъ считалъ себя Колокутинъ, предложить ее. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, подобная любовь можетъ заставить всякую женщину забыть всякій законъ и уваженіе къ самой себѣ.

Съ тѣхъ поръ какъ Колокутинъ узналъ о положеніи Анны Михайловны, мысль о сближеніи съ ней не покидала его. Онъ теперь богатъ, независимъ, можетъ выбрать женщину по сердцу... Будь она еще счастлива въ супружествѣ, другое дѣло! А она страдала... Онъ создастъ ей новую жизнь, возвратитъ земныя радости, окружитъ довольствомъ, и за все это попроситъ лишь ея же собственнаго счастья — любви.

Возвратившаяся съ пойманною бабочкой, Зиночка положила конецъ интимному разговору. Колокутинъ, пробывъ еще нѣ-



сколько минутъ, уѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ побѣдить Анну Михайловну. Но онъ не зналъ ея. Добрая, кроткая, покорная, но въ высшей степени благородная, она не перенесла бы оскорбительной любви Арсенія, еслибы прочла его мысли, но его мысли извѣстны лишь намъ; Анна же Михайловна приняла его исканія какъ слѣдствіе празднои деревенской жизни и остатокъ прежнихъ отношеній. А вмѣстѣ съ тѣмъ молодое, голодное ея сердце шевелилось; душа раскрывалась для впечатлѣній, когда-то мелькомъ коснувшихся ея. Блѣдныя щеки покрывались слабымъ румянцемъ при появленіи Арсенія и грусть западала въ сердце, когда онъ уходилъ. Но ея чувство зналъ лишь Богъ; даже отъ самой себя она таила его, считая преступленіемъ свою невинную любовь. Достанетъ ли у кого духу упрекнуть за нее мою бѣдную Анну Михайловну?

Скоро Арсеній Александровичъ почувствовалъ, что передъ нимъ была прежняя Анета Асонина, покровителемъ которой былъ уже не слабый отецъ, а сильная, святая добродѣтель. Сердце Колокутина оцѣнило ее еще болѣе. Къ его любви присоединилось еще уваженіе, а когда эти два чувства сливаются, то за ихъ прочность бояться нечего. Арсеній принадлежалъ Аннѣ Михайловнѣ всѣмъ своимъ существомъ. Слова любви не срывались съ горячихъ устъ; съ глазами лишь не всегда могъ онъ совладѣть.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, Колокутинъ и не думалъ уѣзжать; страсть его росла съ каждымъ днемъ. Счастія видѣть Анну Михайловну и подмѣчать развитіе ея наклонности, хотя тщательно и строго скрываеваемой, но чувствуемой любящимъ сердцемъ, для него было достаточно.

И Аннѣ Михайловнѣ какъ-то легче жилось съ почтительною любовью Арсенія; ей отрадно было встрѣчать человека, знавшаго ее прежде, и съ которымъ изрѣдка могла она перебросить слово о своемъ Колѣ, о своемъ покойномъ отцѣ.

Но вотъ снова блѣдное личико Данковской начало подергиваться грустью. Колокутинъ съ участіемъ слѣдилъ за этою перемѣной, и, разъ улучивъ минуту, спросилъ: — Анна Михайловна, чтѣ съ вами? Вы печальнѣе обыкновеннаго.

— Давно не получаю извѣстій о моемъ Колѣ, съ полными слезъ глазами отвѣчала молодая женщина.

— Дайте мнѣ его адресъ, я завтра же полечу и узнаю все...

— Это невозможно!

— Неужели вы никогда не доврѣтитесь мнѣ?... Вы знаете какъ я вамъ преданъ...

— Знаю, и благодарю!

— Нѣтъ, вы не хотите знать!... грустно проговорилъ онъ.

— Не должна знать...

— О, зачѣмъ нельзя вернуть прошедшаго?...

— Поздно...

— Анна Михайловна, я уѣду, мнѣ не подѣ силу видѣть васъ вѣчно страдающею.

— Хорошо сдѣлаете, сказала она и вышла изъ комнаты.

Черезъ два дня Арсеній въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ.

«Только этого не доставало,» подумала Анна Михайловна, и жгучія слезы любви присоединились къ чистымъ слезамъ матери. Еще болѣе омрачилась жизнь ея.

Есть же существа, которыхъ судьба создала какъ будто для однихъ страданій! Для всѣхъ встаетъ солнце, для Анны Михайловны все мрачная ночь. У всѣхъ есть цѣль жизни, у нея никакой, Коля ея, можетъ-быть, уже не существуетъ!... Горькое прошедшее, тяжелое, мучительное настоящее, безотрадное будущее... Горе одолевало слабый организмъ. Горячо молилась она, чувствуя, что отчаяніе готово овладѣть ею.

Несмотря однакожъ на душевныя страданія, она добросовѣстно исполняла свои обязанности въ отношеніи къ Зиночкѣ. Николай Ильичъ и Настасья Павловна замѣчали, что ихъ гувернантка худѣетъ и блѣднѣетъ, но все-таки не подозрѣвали, какая буря бушевала подѣ спокойною наружностію, сколько душевныхъ стенаній было въ кроткой улыбкѣ.

Колокутинъ уѣхалъ изъ Никольскаго въ мартѣ. Прошелъ апрѣль, унося съ собою грязь и слякоть. Наступилъ май, все вострепелось и ожило; всѣ рады; лишь для Анны Михайловны тянется все тотъ же сѣренькій денекъ, въ который начались всѣ ея несчастія, и болѣзнь отца, и сватовство Данковскаго, и... такъ не долго существовавшій портретъ Колокутина.

Съ какимъ болѣзненнымъ зампраніемъ сердца распечатываетъ она каждый разъ письма Лидіи, думая найти въ нихъ каракули отца Игнатія, которыя были ей такъ дороги; а ихъ нѣтъ какъ нѣтъ!... Тоска сожметъ сердце, нѣсколько времени сидитъ она, еда переводя духъ; и не будь Зиночки, Анна Михайловна можетъ-быть изнемогла бы подѣ гнетомъ своихъ страданій. Зазвучитъ свѣжій голосокъ дѣвочки, и несчастная мать вспомнить свои обязанности и спѣшить забыться въ исполненіи ихъ сколько можно.

Опять Зиночка бѣгаетъ вдоль аллеи, ловя бабочекъ, опять Анна Михайловна сидитъ въ боскетѣ изъ акацій, какъ въ тотъ разъ, когда Арсеній Александровичъ явился передъ нею такъ неожиданно; и опять страшная переѣна въ молодой женщинѣ, не поражающая тѣхъ, кто видитъ ее каждый день. Правда, это уже не та спокойная несчастливица, которая сроднилась съ своимъ горемъ, и терпѣливо несла свой крестъ. Хотя разлука съ сыномъ и всегда была живою раной въ ея сердцѣ, но письма отца Игнатія благотворно дѣйствовали на нее. Теперь эта рана безъ врачеванія, и еще новая, глубокая, противъ которой и дѣкарства нѣтъ! Никогда, никому не признается она въ своемъ чувствѣ къ Колокутину, — не изъ обязанности въ отношеніи къ мужу, нѣтъ! — ему она не отвѣчаетъ ни въ чемъ, а изъ обязанности передъ самою собою и своимъ ребенкомъ, если онъ живъ.

Послышался колокольчикъ. Зиночка остановилась, подняла головку. Колокольчикъ все ближе и ближе.

— Madame Annette, слышите? Это кто-нибудь къ намъ идетъ.

Анна Михайловна пробудилась.

— Можетъ-быть это Арсеній Александрычъ, продолжала дѣвочка. — Ахъ, какъ буду ему рада! Пойдемте, bonne amie.

Кровь остановилась въ жилахъ гувернантки. Предчувствіе чего-то охватило все ея существо, нѣсколько минутъ она не могла тронуться. А Зиночка все тормозила ее.

— Пойдемте же поскорѣй! Ужъ пріѣхали.

— Бѣги, душенька, впередъ, сказала Данковская вставая, и чувствуя, что ноги ея дрожать. «Не даромъ... О! не даромъ,» думала она, слѣдуя за дѣвочкой, которая давно опередила ее, и въ ту минуту, какъ Анна Михайловна показалась въ аллеѣ, ведущей къ балкону, Зиночка ужъ вернулась изъ комнатъ и звонкимъ голосомъ кричала:

— Кузина Лидія пріѣхала; скорѣй, скорѣй!

Лидія Гальбекъ въ самомъ дѣлѣ явилась въ дверяхъ балкона, и, увидѣвъ едва двигавшуюся Анету, спѣшила къ ней на встрѣчу.

— Боже мой! Ну, можно ли такъ измѣниться?.. Бѣдная... ты видно очень страдала?.. говорила Лидія, обнимая и смотря съ участіемъ на прежнюю свою подругу.

Двѣ крупныя слезы, вмѣсто отвѣта, выкатились изъ глазъ Анны Михайловны.

— Да полно же! Посмотри на меня, видишь какъ я весела!..

— Ты привезла мнѣ извѣстіе о Коля? дрожащимъ голо-  
сомъ и съ трепетомъ въ сердцѣ проговорила Данковская.

— Я привезла тебѣ много извѣстій, и, кажется, ни одного  
дурнаго. Потерпи немножко! Пойдемъ теперь въ гостиную.

— Но сынъ, мой сынъ... прошептала Анна Михайловна.

— Совершенно здоровъ, клянусь тебѣ.

Счастливая мать подняла глаза къ небу, потокъ радостныхъ  
слезъ, незнакомыхъ до сихъ поръ бѣдняжкѣ, хлынулъ изъ  
нихъ, улыбка счастья засіяла на губахъ.

— Подожди, дай мнѣ отдохнуть! проговорила она, крѣпко  
опершись на руку Лидіи.

— О, моя страдалица! съ нѣжностію произнесла прѣвая.—  
Крѣпись! конецъ испытаній близокъ. Пойдемъ, я провожу  
тебя въ твою комнату; тебѣ нужно успокоиться.

— Нѣтъ, нѣтъ; что подумаютъ? Я сейчасъ отдохну.

— Думать ничего не будутъ, потому что всѣ узнаютъ  
истину. Всѣ узнаютъ въ Данковской мою милую Анету Асо-  
нину.—И Лидія крѣпко обняла подругу.

— Лиденька, ты съ ума сошла...

— Напротивъ, никогда еще не была такъ умна..

Гальбекъ ввела въ гостиную свою подругу.

— Тетушка, извините! Анетѣ немножко дурно, я отведу  
ее въ ея комнату и сейчасъ же вернусь къ вамъ.

Настасья Павловна съ испугомъ подбѣжала къ гувернанткѣ,  
съ истиннымъ участіемъ спрашивая что съ нею?

— Сейчасъ, тетушка, я все вамъ объясню.

— Вотъ мой спиртъ! Зиночка, вели скорѣй подать воды,  
говорила добрая Либи́на самымъ патетическимъ тономъ.

Лидія привела Анну Михайловну въ ея комнату, усадила  
въ кресла, дала понюхать спирту, поставила подлѣ нея при-  
несенный Зиночкой стаканъ воды, положила ей на колѣни  
маленькій свертокъ и, поцѣловавъ въ лобъ, сказала:

— Ну, мой отстрадавшійся мученикъ, собирайся съ силами,  
черезъ полчаса я вернусь, а для того чтобы тебѣ не скучно  
было меня ждать, разверни этотъ маленький пакетъ.

Лидія выпорхнула изъ комнаты.

Анна Михайловна сидѣла въ какомъ-то хаосѣ. Слова по-  
други такъ загадочны, она изъ нихъ ничего не понимала, знала  
лишь одно, что Коля ея здоровъ, но этого было достаточно въ  
настоящую минуту. Когда она осталась одна, первымъ движе-

ніемъ ея души была молитва. Съ душой облегченною встала она и развернула пакетъ. Прекрасное личико ребенка, розоваго, свѣженькаго, представилось ея глазамъ.—Это мой Коля! вскрикнула она, и прильнула устами къ мертвому стеклу. И плача, и улыбаясь, разсматривала она милыя черты и не могла насмотрѣться. Лиденъка могла оставаться не полчаса, а цѣлыхъ два въ гостиной, Данковская не примѣтила бы; она была съ портретомъ своего ребенка и забыла обо всемъ на свѣтѣ.

А Лиденъка не забыла обѣщанія вернуться скоро къ подругѣ; начавъ разказывать теткѣ и дядѣ грустную ея повѣсть, она поручила мужу окончить разказъ, а сама отправилась къ Анетѣ.

— Лиденъка, какъ мнѣ благодарить тебя? вскрикнула счастливая мать.

— А какъ ты будешь благодарить того, кто привезетъ тебѣ оригиналъ? спросила молодая женщина.

— Неужели Григорій?..

Лицо Анны Михайловны приняло выраженіе какого-то страха.

— Мужъ твой передъ судомъ Божиимъ.

— Какъ? Онъ умеръ?..

— Три мѣсяца тому назадъ, его нашли мертвымъ на дорогѣ.

Анна Михайловна такъ была поражена, что не могла произнести ни одного слова.

Что же, неужели ей жаль своего мучителя? Почти. Смерть— великая тайна. Она очищаетъ свою жертву, въ глазахъ близкихъ, отъ многихъ пороковъ, выдвигая малѣйшія достоинства. Слеза блеснула на глазахъ вдовы.

— Неужели ты оплакиваешь мужа?

— Да проститъ ему Богъ все, какъ прощаю я.—Анна Михайловна набожно перекрестилась, не отвѣчая положительно на вопросъ подруги.—Гдѣ жъ теперь мой Коля? Все у тетушки?

— Да, съ ней. А очень бы хотѣлось тебѣ его видѣть? улыбаясь, спросила Лидія.

— Ты еще не была матерью, и потому дѣлаешь этотъ вопросъ. Я нынче же напишу Ульянѣ Степановнѣ, чтобъ она позволила мнѣ пріѣхать обнять моего сына.

— Этого не нужно; Богъ дастъ, и такъ все устроится.

— Лиденъка, я рѣшительно ничего не понимаю; разкажи мнѣ все. Какъ ты узнала о смерти моего мужа? Какъ ты достала портретъ моего Коли?

— Слушай! Два мѣсяца тому назадъ, познакомился съ нами одинъ молодой человекъ; вскорѣ онъ умѣлъ сблизиться съ нами такъ, что сдѣлался почти другомъ, и однажды, сидя у камина, высказалъ намъ свое прошлое и настоящее. Въ прошломъ ему нравилась Анета Асонина; въ настоящемъ, онъ страстно любить Анну Михайловну Данковскую.

— Лиденька, перестань пожалуста! Это не отвѣтъ на мои вопросы. Богъ съ нимъ, съ этимъ молодымъ человекомъ. Онъ два раза вообразилъ себя, что любитъ, и два раза ошибается.

— Нѣтъ, онъ не ошибался; но первый разъ смотрѣлъ на супружество съ общей точки зрѣнія, то-есть дѣлалъ изъ него спекуляцію, потомъ скорое замужство Асонинной заставило его подавить раждавшееся чувство и избрать дѣвушку не по сердцу, а по расчету. Опытъ доказалъ ему, какъ дорого обходятся спекуляціи въ супружествѣ. Полтора года онъ носилъ золотыя цѣпи глупой, капризной жены, но носилъ терпѣливо какъ ты, бѣдняжка, свои желѣзныя. Жена его умерла родами, оставивъ ему всѣ свои богатства. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ встрѣтилъ Данковскую, и прежнее чувство вспыхнуло съ новою силой.

— Лиденька, право мнѣ странно слышать отъ тебя разказы о какой-то воображаемой любви и въ такія торжественныя минуты моей жизни.

— Воображаемой или нѣтъ, это ты рѣшишь по окончаніи моего разказа. Грустно счастливъ былъ онъ подлѣ нея, открывая въ ней, каждый день, новыя достоинства; но она была съ нимъ холодна, недоувѣрчива, молчалива. Вдругъ онъ началъ замѣчать, что Данковская становится еще печальнѣй чѣмъ прежде; на его сердечный вопросъ она отвѣчала, что беспокоится о сынѣ. Онъ вызвался сѣздить за извѣстіемъ, она отвергла. Но чтобъ успокоить ее, онъ пожертвовалъ счастіемъ видѣть ее, употребилъ много времени, чтобъ сблизиться съ ея друзьями и просилъ довѣрить ему ея тайну, для ея же спокойствія. Друзья оцѣнили его преданность и разказали истину. На другой же день онъ ускакалъ къ отцу Игнатію. Узнавъ отъ него о смерти Данковского, онъ спѣшилъ познакомиться съ старою тетушкой подъ именемъ сослуживца Владимира, отъ котораго привезъ ей, будто бы, кучу подарковъ; старуха растаяла и не только позволила снять портретъ съ Коли, который не отходилъ отъ молодаго человека, ласкавшаго его, но

даже подружилась съ нимъ, такъ что дала слово прїѣхать погостить къ нему въ Никольское.

— Боже мой! неужели я скоро увижу моего сына? рыдая вскрикнула Аиета.— Да, оль добрый другъ, прибавила она.

— Онъ тебя любитъ.

Нѣсколько дней спустя, по дорогѣ изъ Никольскаго взылась пыль столбомъ. Лидія, зная съ утра о прїѣздѣ Арсенія Александровича, первая примѣтила его и, войдя въ гостиную, гдѣ было все общество, сказала улыбаясь какъ-то значительно, что ѣдутъ гости.

— Кто бы это? проговорила хозяйка.

— По никольской дорогѣ.

Сердце Анны Михайловны заколыхалось. Гость показался въ дверяхъ гостиной, съ прекраснымъ трехлѣтнимъ ребенкомъ на рукахъ.

— Мой Коля!.. раздался крикъ въ гостиной; мать рванулась къ дитяти, но силы измѣнили, и еслибы Лидія не поддерживала ее, она бы прямо упала у ногъ Колокутина, который, подойдя, передалъ ей ребенка. Потокъ радостныхъ слезъ облегчилъ душу возраждающейся страдальцы. Судорожно, съ неистовымъ упоеніемъ, прижимала она къ сердцу своего сына, который тоже обвился ручонками около шеи матери. Колокутинъ дорогой обѣщалъ ему за это много конфетъ.

Когда первые порывы материнской любви начали затихать, когда въ гостиной всѣ вдоволь наплакались, Анна Михайловна встала и подошла къ Колокутину.

— Моя благодарность вамъ вѣчная, Арсеній Александрычъ!

— И больше ничего? тихо проговорилъ онъ.

Коля, бывшій на рукахъ матери, отъ нея бросился къ Арсенію Александровичу.

— Пусть онъ будетъ и моимъ сыномъ, умоляющимъ голосомъ прибавилъ молодой человекъ.

Вмѣсто отвѣта Анна Михайловна подала ему руку.

Лидія, слѣдившая за всѣмъ, спрыгнула съ своего мѣста и бросилась обнимать свою подругу. Всѣ безмолвно, лишь взоромъ, поздравили молодую чету.

Когда все пришло въ обычный порядокъ, Лидія вспомнила наконецъ и объ Ульянѣ Степановнѣ, и спросила куда дѣвалъ ее Арсеній Александровичъ.

— Она у меня въ Никольскомъ, отвѣчалъ онъ.

— Что жь ей тамъ одной дѣлать? Мой другъ, обратилась она къ мужу,—и вы, тетушка, позвольте я съѣзжу и сама привезу ее сюда.

— Теперь она насъ не разлучитъ съ Колей? спросила Анна Михайловна, смотря на Арсенія.

— Еще бы! роли переѣмались. Теперь вы можете разлучить ее съ нимъ; а старухѣ будетъ это тяжело, она его страстно любить.

— Избави меня Богъ! Она была три года матерью моему сыну. Настасья Павловна и Николай Ильичъ не откажутъ мнѣ въ позволеніи пріютить ихъ въ моей комнатѣ на нѣскольکو времени; потомъ мы поѣдемъ въ Москву.

— Къ намъ, къ намъ! это рѣшено перебилъ Гальбекъ.

— Ну, не совсѣмъ, возразилъ Николай Ильичъ. Рѣшено немножко иначе, съ позволенія Анны Михайловны; лѣто мы ихъ не отпустимъ; зиму, Богъ съ ней, пусть поѣдетъ и къ вамъ. Для нея и для ея тетушки мы постараемся сдѣлать все.

Съ чувствомъ благодарила Анна Михайловна добрыхъ людей.

А Лидіи ужь была подана щегольская двухмѣстная карета, чтобъ ѣхать за тетушкой. Въ четверть часа доехала она до Никольскаго. Ульяна Степановна сначала, какъ водится, отговаривалась, но потомъ нарядилась въ бурбоновой капоть, сшитый еще къ ея свадьбѣ, на плеча накинула буръ-де-суа платокъ, на головѣ оказался очень приличный чепчикъ, подаренный Анной Михайловной.

— И-и, то-то въ каретѣ мнѣ ѣхать? Къ чему пристаю? качая головой, говорила старуха, увидя у крыльца поданный экипажъ.

Карета помчалась.

— Ну ужь страсть!... Ну-ко да опрокинемся, помилуй Богъ! И косточки-то всѣ исковеркаетъ; вѣдь ужь выскочить не гдѣ...

— Какъ же опрокинутъ, Ульяна Степановна? Вы видите, какая низенькая карета.

— На грѣхъ мастера нѣтъ, сударыня, всякое бываетъ. И вѣдь какъ летитъ-то пострѣлъ... О-охъ, души нѣтъ!...

Но путь свершенъ безъ приключеній. Настасья Павловна встрѣтила гостью въ залѣ и приняла очень радушно.

— Честъ имѣю рекомендовать себя—помѣщица Ульяна Степановна Вилюшкина; прошу любить и жаловать.

— Милости просимъ! говорила хозяйка, ведя гостью въ гостаную.



Въ дверяхъ показалась Анна Михайловна.

Старуха отступила.

— Господи Іисусе Христе! Ты какъ здѣсь, мать моя?

Анна Михайловна подошла и поцѣловала старуху.

Ульяна Степановна, раскланявшись съ мущинами, усѣлась на диванъ.

Племянница снова подошла, къ ней и благодарила за всѣ материнскія попеченія ея о Коля.

— Нечего сказать, люблю его, сударыня моя! Теперь у меня только и свѣту въ очахъ, что онъ одинъ.

Лицо старухи было мрачно. Ей казалось, что она попала въ западню.

— Такъ ты, батюшка, это съ подвохомъ, обошелъ меня старуху? проговорила она, обращаясь къ Колокутину.— Такъ вы хотите видно отнять у меня моего ненагляднаго?...

— Сохрани Богъ, тетушка, прервала ее Анна Михайловна,— я знаю чего стоить разставаться съ любимымъ ребенкомъ. Съ этой минуты, вы, Коля и я не должны разлучаться. Вы будете меня любить, не правда ли?

— Голубушка ты моя, да когда жъ я тебя не любила-то? Покойникъ-то твой былъ крутенежъ, царство ему небесное! И меня, на старости лѣтъ, подчасъ сбивалъ съ толку, а я все бывало за тебя!...

— Вы любите моего Колю, и ваши права на него равны моимъ.

— Люблю, люблю, соколъ мой; такъ-то люблю, что и сказать нельзя!...

— Такъ вы съ нимъ и не разстанетесь; теперь мы проживемъ вмѣстѣ у добрыхъ моихъ друзей здѣсь, потомъ поѣдемъ вмѣстѣ въ Москву, еще къ моимъ друзьямъ....

— Какъ же это? А въ Хламкино-то когда жъ?

— Богъ съ нимъ, съ Хламкинымъ, тетушка.

— Что ты, соколъ мой! Ну и бросить все тамъ? А-и-хъ-ма! Умокъ-то все еще въ тебѣ молодой. Ну, сами вы посудите, матушка, сказала она, обращаясь къ Настасьѣ Павловнѣ,— брось вишь я Хламкино.... Вѣдь это не какія-нибудь пять, шесть десятинъ, а я, слава тебѣ Господи, одной гречишки посѣяла пять-то десятинъ.

Ульяна Степановна начала подробно исчислять свои богатства.

Всѣ поддакивали, лишь Лидія не выдержала и, замѣтивъ,

что Колокутинъ съ ея мужемъ ушли въ садъ, сказала, что Хламкино вздоръ въ сравненіи съ богатствомъ, которое скоро будетъ у Анны Михайловны.

— Да вы, Лидія Сергѣевна, знать большая шутница, смѣясь сказала Ульяна Степановна.

— Я вовсе не шучу, отвѣчала Гальбекъ.

— Откуда жь это? Ай мачиха отказала?

— Она кладъ нашла, очень серьезно отвѣчала Лидія.— Только смотрите не поболтайте, Ульяна Степановна.

— И-и! вправду? Аннушка! вправду?—Старуха во все глаза смотрѣла на племянницу.

— Чтѣ же мнѣ васъ обманывать? продолжала Лидія:— теперь кладъ послали на показъ къ царю, а зимой въ январѣ или февралѣ она его получить и покупаетъ у Арсенія Александрыча Никольское, и тамъ будетъ жить. А Никольское небось получше вашего Хламкина-то, Ульяна Степановна?

— Чтѣ и говорить, родная моя! Одни хоромы чего стоятъ... А хлѣба-то, хлѣба!... весна, а полнехонько гумно. Такъ-то бывало въ Хламкинѣ; извѣстно, гумно не такое, а тоже бывало полнехонько. Эти года-то было плохо!.. По васъ слово, сударины мои, покойникъ-то вотъ ея муженекъ совсѣмъ было раззорилъ меня... не тѣмъ его помянуть, подъ конецъ вовсе спился съ кругу. Его вѣдь анатомили, такъ вся вишь нутренность-то сгорѣла. Ну, Господь съ нимъ! И ее-то развязалъ тащерица; натерпѣлась она съ нимъ муки, голубушка моя; съ чего-нибудь такъ-то изсохла...

Старуха переѣвила мнѣніе объ Аннѣ Михайловнѣ, вслѣдствіе ли ея клада, вслѣдствіе ли болезни, чтобъ ея не разлучили съ ненагляднымъ Колушкой. А Николушку она дѣйствительно любила: во время уборки хлѣба, старуха совсѣмъ собралась было ѣхать въ свое Хламкино, а какъ пришлось прощаться съ Колушкой, такъ мелкая душа ея сжалась въ гомеопатическую крупинку; нанятые лошади были отосланы, и Ульяна Степановна, обнимая ненагляднаго, повторяла: «Соколы мои! Ясное мое солнышко! Нѣтъ мнѣ безъ тебя свѣта Божьяго! Плевать я хочу на Хламкино, пропадай оно совсѣмъ!»

Новинская.

# Н Е Д А

## РАЗКАЗЪ МОЕЙ БАБУШКИ.

Стани, стани юнакъ Болгански!  
Отъ сънь ся дълбокъ сабуди;  
Противъ народа отомански,  
Ти Българе-те поведи.

*Болг. пѣсня.*

Съ Турчинъ дослугъ не бива

*Народн. пословица.*

### I.

Это было очень давно, я едва помню, потому что была еще мала, — такая малюточка, просто въ нять вершковъ. Сажу я передъ каминомъ, дрова въ каминѣ тлѣютъ и нѣтъ-нѣтъ затрепещать. Я держу въ одной рукѣ щипцы, и играю огнемъ, а другою ласкаю котенка, который лежитъ такъ мило у меня на колѣнахъ, спрятавъ свою усатую мордочку между задними лапками, и мурлыкаетъ себѣ безопасно. Мама тогда была на базарѣ, а тато за дровами пошелъ въ лѣсъ. Въ домѣ никого не было — и среди полной тишины слышно было, какъ мушка пролетитъ и на ухо пропоетъ своими крылышками пѣсенку, похожую на погребальное пѣніе, или пѣтухъ на дворѣ кукурикнуть, и опять тихо.

Въ нашемъ селѣ каждую субботу тогда бывалъ базаръ. Привдуть бывало изъ другихъ деревень: Турки съ яблоками, абрикосами, персиками, виноградомъ, кизилемъ и другими разными плодами; Болгары съ рисомъ, краснымъ перцомъ, бобами, капустой, лукомъ и тому подобнымъ. А Шопы, <sup>1</sup> Шопы такіе плечистые, такіе большіе, что право подумаешь: ухватить онъ тебя одною рукою, такъ просто душу выпустишь; они продають больше все хлѣбъ, кукурузу, просо и ячмень. *Чафути* (Еврей) со всякими разностями: у нихъ найдешь полотно, ситецъ, платки, стамбульскіе и карловскіе платочки, ленточки, пуговочки, перецъ, *самызз*, сѣру, иголки, всякія дѣкарства, словомъ, все на свѣтѣ. А женщины наши ткуть холстину, вяжутъ чулки, продають ихъ на базарѣ, и на вырученныя деньги покупають разныя нужныя вещицы. Я связала было чулочки и отдала было мамѣ, чтобы вмѣстѣ съ своими продала и мои. Она смѣялась и дразнила меня. «Лило, Лило! говорила она, лучше бы кошку обути въ нихъ; вѣдь это первая твоя работа.» А въ нашемъ селѣ былъ обычай: когда маленькая дѣвочка свяжетъ первые чулочки, то ихъ надѣнуть на кошку, и послѣ бросать въ рѣку, чтобы наша женская работа одѣвала всѣхъ такихъ бѣдныхъ и нагихъ какъ кошка, чтобы наша работа шла такъ же скоро, какъ рѣка уноситъ чулочки.

— Что ты, мамо? сказала я:—развѣ эти чулочки первые? Ты и такъ ужъ бросила въ рѣку три пары.

Мама поцѣловала меня и пошла ихъ продавать. А мнѣ такъ и хочется, такъ и хочется узнать, что она возьметъ за нихъ, что купить на вырученныя деньги. Я уже знала, что она гостинцы принесетъ, дожидалась съ нетерпѣніемъ, и, право, часъ казался мнѣ годомъ. Жду, жду: нѣтъ ея да нѣтъ. «Божечко, думаю себѣ, что она нейдетъ, что это она тамъ такъ долго?» Наконецъ, мнѣ и страшно сдѣлалось; все встаю, посматриваю въ окошко и опять сажусь къ огню, да такъ сидя и уснула.

Не знаю, долго ли я спала, но меня разбудилъ шумъ и крикъ на дворѣ. Проснулась, вскочила на ноги и побѣжала посмотреть, что такое тамъ. Входитъ мама и говоритъ:

— Лило! скорѣй, чадо, скорѣй; помоги спрятать мѣлную посуду и всю помышину. <sup>2</sup> Скорѣе, чадо!

<sup>1</sup> Шопами навываються Болгары Софійской, Пиротской, Берцовицкой и Кѣстенджинской губерній.

<sup>2</sup> Домашнее хозяйство.

— Зачѣмъ, мамо? спрашиваю я.

— Делибаши, чадо, делибаши, отвѣчала она и ходитъ, какъ помѣшанная, взадъ и впередъ и думаетъ, что бы прятать сперва. Я стою испуганная такая, и больше ея потерялась. Въ нашемъ домѣ было *скрывалище*<sup>1</sup> подъ поломъ; мама отперла его и говорить:

— Неси, Лило, неси, чадо, живѣе.

— Что нести, мамо? спрашиваю я.

— Все, все, чадо! говорить она, а я отъ страху не знаю, что и нести, и какъ держала въ рукахъ щипцы и котенка, такъ и побѣжала и подаю ихъ мамѣ. Она разсердилась и закричала:

— Давай мѣдную посуду, тебѣ говорить, или ты съ ума сошла.

У нашихъ сосѣдей не было *скрывалища*, и они начали тащить къ намъ разныя вещи: мѣдную посуду, одежду, полотно, холстину, маленькіе и большіе сундуки съ платьемъ, коробочки, въ которыхъ уложили они все свое богатство: серебряные поясы, *гердины*<sup>2</sup>, *ривца*<sup>3</sup>, образа и всякую всячину, и все это они опускали въ *скрывалище*. Когда было все спрятано и опущена дверь, которая такъ мудрено была сдѣлана, что никто не могъ бы и догадаться, что подъ поломъ находится бѣдное имущество цѣлой *махали* (квартала), какъ разъ тогда тато воротился и смотритъ на маму и Неду. Неда была наша сосѣдка и родная намъ по маменькѣ. А какая хорошенькая была эта Неда! Какая стройная, веселая и говорунья! Ей было тогда восемнадцать лѣтъ; волосы, словно шелкъ, русые такіе, глаза черные, ротикъ маленькій, губки розовенькія, лицо полное и такое бѣлое, словно *вата*. Никогда она не загарала, а работала цѣлый Божій денекъ на солнушкѣ. И такая стройная, тоненькая! Опояшется, бывало, поясомъ,—а поясъ шить былъ золотомъ и шелкомъ съ чопразами<sup>4</sup>: чопразы, хотя и не золотые, амѣдные, но какъ-то ужь очень хорошо умѣла она ихъ носить; повяжетъ голову желтенькимъ платочкомъ, надѣнетъ сукманъ черный съ узорчатымъ подоломъ изъ разныхъ четырехугольных суконцевъ: желтыхъ, синихъ и красныхъ; пришьетъ *опашки*, и они у ней висятъ сзади отъ пояса, словно два хвоста—тоже узор-

<sup>1</sup> Потаенный чуланъ.

<sup>2</sup> Ожерелье изъ мелкихъ серебряныхъ монеть.

<sup>3</sup> Тоже, только изъ золотыхъ монеть.

<sup>4</sup> *Чопразе* слово турецкое; у Шоповъ такъ-называются бляхи.

чатые, но не длинные и не короткіе, какъ бывало носили другія дѣвушки. *Контушь* на ней, хоть и не лисицами подбитъ, а барашками, но прилично сдѣланъ. Отецъ ея померъ, когда ей было только два года, и остались они съ братомъ сиротками. Мать ихъ была женщина работающая, и дѣтей научила работъ; сына стадала въ ученье. Въ два года онъ выучилъ Часословъ, Псалтырь, и ужь Апостолъ взялъ въ руки, но учитель-то не зналъ Апостола и, призвавъ его мать, говорилъ ей: возьмите Драгоя и отдайте учиться художеству, а здѣсь ему дѣлать нечего. И отдали его учиться въ очень хорошій домъ, гдѣ онъ шилъ шерстяныя туфли для цареградскихъ Турчанокъ и черныхъ невольницъ. Хозяинъ полюбилъ Драгоя и скоро взялъ его себѣ въ товарищи. Драгой-то и покупалъ Недѣ наряды, и страшно какъ любилъ свою сестрицу. Когда скажетъ бывало: Недо! такъ у него будто что-нибудь сладкое на языкѣ. Неда всѣмъ нравилась, и сколько парней по ней вздыхало, Боже мой! Пойдетъ она за водой къ ключу, что у насъ называется *арнаутецъ*: тамъ вся молодежь дожидается; парни тамъ выбираютъ невестъ. Неда, и безъ того любила цвѣты, а тутъ голова у ней такъ и горитъ разными цвѣтами; а парни какъ увидятъ, что она идетъ, соберутся, окружатъ ее, и одинъ возьметъ съ ея головы цвѣточекъ, другой возьметъ, третій возьметъ, и когда она пойдетъ назадъ съ водой, такъ ужь ни одного у ней не останется. Другія дѣвушки ревновали и нарочно бывало наберутъ самыхъ хорошихъ цвѣтовъ и одѣнутся богато, но никто не бѣжитъ за ними; бывало такъ опять съ своими цвѣточками и идутъ домой. А другія похитрѣе, побросаютъ цвѣты, побѣгутъ за Недой, да и говорятъ: «Посмотри, Неденька, у меня ни одного цвѣтка не оставили парни: вотъ ужь какъ я имъ нравлюсь, какъ нравлюсь!» «Кто у тебя цвѣты-то взялъ,» спроситъ Неда. «Петковъ сынокъ, Стояновъ,» отвѣтитъ та, и покраснѣетъ какъ ракъ. «Они у меня взяли,» скажетъ Неда, «развѣ можно любить двухъ разомъ?» И такъ этимъ сердила ихъ Неда, такъ сердила, что трудно и разказать.

Такъ вотъ и говоритъ Недѣ тато:

— Недо! слушай, моя милая, ты спрячься, чтобы тебя не увидали делибашскія чалмы.

— Зачѣмъ, дяденька? спросила она.

— Какъ, зачѣмъ? Ты молода, красавица, приглядная; эти проклятые Турки не сдѣлали бы тебѣ зла.

— Гдѣ же мнѣ спрятаться, дяденька?

— Да на чердакъ, моя милая, на чердакъ! Тамъ спрячутся и Лиля, и тетушка, говорить тато про меня и про маменьку.

— А маменька же гдѣ спрячется?

— Она останется со мной, встрѣтитъ нежеланныхъ гостей. Дило, слушай ты, обращается тато ко мнѣ, — сиди тамъ смирно, не то я съ тебя кожу сдеру; смотри нигугу.

— Нѣтъ, тятенька, я не буду молчать; мама продала мои чудочки и гостинцу не принесла, не хочу прятаться.

— Молчи ты, вотъ я тебя, закричалъ тато и рассердился не на шутку, такъ что я затряслась со страху. Никогда тато не былъ такъ сердить.

Спрятались мы на чердакъ, я, Неда и мама; сѣли и молчимъ, никто ни словечка. Мама положила мою головку къ себѣ на грудь и рукой гладить мои волосы, а Неда облокотилась на трубу и о чемъ-то призадумалась. Все было тихо, ничего не слышно, только вѣтерокъ пробивался изъ-подъ крыши, и снѣжокъ началъ къ намъ западать; холодно; я жмусь къ маменькѣ; носъ озябъ у меня, да и скучно мнѣ, пошалить хочется. На чердакъ у насъ были орѣхи, стручки, лукъ и яблоки. Я говорю мамѣ:—мамо, дай мнѣ поѣсть орѣшковъ.

— Нѣтъ, чадо! говоритъ она: — какъ начнешь грызть орѣхи, такъ тебя услышать проклятые Турки, и возьмутъ тебя и увезутъ, и ты останешься безъ мамы.

— Зачѣмъ же возьмутъ меня, мамо? А если возьмутъ, такъ убьютъ?

— Да, дитя мое, убьютъ.

— Какъ же насъ убьютъ, мамо? У тата ручка-то развѣ слабая: онъ такъ ихъ пугнетъ коромысломъ, что они и косточекъ не соберутъ.

— Нѣтъ, чадо, ихъ много, а тато твой одинъ. Что же онъ сдѣлаетъ? Да еще они Турки!

— А скажи, мамо, какъ убиваютъ людей? спросила я.

Мама улыбнулась и говорить:

— Помнишь, дочка моя, весной, когда убили Стойка? Бѣдный Стойко! сказала мама и вздохнула. Неда встала подошла къ мамѣ, и спросила:—Скажи, *нано Стойковице*<sup>1</sup>, за чтò это повѣсили Стойка?

<sup>1</sup> У Болгаръ жена носить имя мужа; если онъ называется Ивановъ, жена Иванца, если Петръ—Петровица и т. д. Нана—тетка.

— Слушайте за что, дѣти! Садись, Недо, послушай: я вамъ разкажу.—И мама начала такъ:

«Стойко, дѣти, былъ парень добрый, работящій и умный, но сердитъ былъ покойникъ, прости ему Господи грѣхи! Скажеть что-нибудь, такъ и не трать своихъ словъ увѣрять его: цѣлый свѣтъ не убѣдить. Умные люди часто говаривали ему: «Не ссорься съ Турками, ты имъ не пара.»—«Чтò жь! скажеть онъ: хотя они Турки, такъ развѣ они о двухъ годахъ? Чего же ихъ бояться?» Старики ему говаривали: «Послушай, Стойко, мы пожили на свѣтъ и знаемъ побольше твоего; съ Турками нужна осторожность. Вѣдь развѣ приятно, когда насъ бьютъ, мучать и ругаютъ, да чтò же дѣлать намъ! Должно быть такъ написано на небесахъ. Припомни, чтò говорить пословица: *Която овца ся дѣли отъ тадо-то, влѣкъ-тъ я изъада* (которая овца отъ стада отойдетъ, такъ водкъ ту съѣсть). Такъ послушайся насъ стариковъ, мы побольше твоего знаемъ.»—«*Не питай старо, ами потило,*» говоритъ другая пословица (не спрашивай стараго, а страдавшаго), скажеть онъ, и не шли ему въ прокъ совѣты. Вотъ разъ пришли Турки крыджеліи и остановились въ его домѣ переночевать. Стойко и бабушка Цвѣта (такъ звалась его мать) приготовили имъ ужинъ: супъ съ курицей, жаренаго цыпленка, яичницу на сковородѣ, пилавъ, кислаго молока, сыру и приготовили млинъ (слоеное)—обыкновенно, какъ угощаютъ *Читаковъ*<sup>1</sup>; а меду у нихъ не было; время-то было весеннее: гдѣ же имъ взять его? Но Турокъ не можетъ быть безъ *шербета*<sup>2</sup>: ихъ алчную глотку ничѣмъ не набьешь; жрутъ, жрутъ они, и все имъ мало; а то, пожалуй, попросятъ послѣ и *дышъ парасы*,—плату за то, что натрудили ѣдой свои собачьи зубы.

«— Давай шербету! говорятъ Турки.

«— Нѣту, сынокъ, нѣту, говоритъ бабушка Цвѣта.

«— Купи, старая корга, поди отыщи.

«— Гдѣ же мнѣ теперъ отыскать-то? Нигдѣ не найдешь.

«— Еще разговариваешь? Молчать, не то я у тебя изъ головы мозгъ выбью! закричалъ одинъ изъ Турокъ:—меду давай!

<sup>1</sup> Читаками Болгары называютъ Турокъ, когда хотять выразить презрѣніе.

<sup>2</sup> Шербеть похожъ на русскій медъ; Турки ѣдятъ его съ пилавомъ.



«— Нѣту, сынко, нѣту.

«— Я тебѣ покажу нѣту, старая чертовка, сказала онъ, вскочилъ на ноги, схватилъ кочергу да какъ хлопнетъ бабушку Цвѣту по головѣ. Она бѣдная зашаталась и бухнулась на полъ; кровь брызнула, а Нона, дочка-то ея, какъ заплачетъ: «Божечко, Божечко! убили мою бѣдную маменьку!» Звѣрь Турокъ схватилъ Нону за поясъ, поднялъ ее и бросилъ въ каминъ, и она, бѣдненькая, въ жаръ-то такъ и сунулась ручонками. Стойка не было; онъ былъ въ это время въ конюшнѣ. Когда вошелъ онъ и увидалъ свою старушку мать въ крови, сестрицу въ огнѣ, схватилъ кочергу да какъ хлопнетъ Турка по головѣ, такъ тотъ и повалился. Началась драка; Стойка былъ силенъ, и Туркамъ не очень-то легко было справиться съ нимъ, хотя и было ихъ шестеро. Онъ свалилъ тронхъ, и когда ему прострѣлили правую руку, онъ схватилъ кочергу лѣвою рукой и продолжалъ драться. Но другая пуля попала ему въ лѣвое колено: онъ зашатался и упалъ, но и сидя все-таки защищался. Выстрѣлы собрали еще нѣсколько крыджеливъ; отняли у Стойка кочергу, и связали его. На селѣ не было въ это время никого, всѣ побросали дома и имущество, и разбѣжались по горамъ. Когда послѣ мы воротились, то нашли бѣднаго Стойка повѣшеннаго на большой вербѣ, бабушку Цвѣту полумертвую, а малютку Нону обгорѣлую. Вотъ, дѣти мои, какія времена мы пережили. Господи, избави насъ отъ лукаваго, сказала маменька и перекрестившись замолчала.»

## II.

И слъзи кровави пролива,  
Въ рабство нашій народъ;  
Въсоко рице той простира,  
Да го избави вишній Богъ.

*Болгарская пѣснь.*

Биле тежки години за насъ.

*Болгарская поговорка.*

Застучали копыта на дворѣ, послышались крики; *телембеки* барабанятъ, делибаши стрѣляютъ, даютъ знать о себѣ. Господи, какъ страшно становилось, особенно когда слышался ихъ дикій крикъ! Сердце такъ и ноетъ, а все хочется посмотреть, что

это на дворѣ дѣлается; такъ и тянетъ, И говорю я мамѣ: — Мамо, посмотрю я въ щелочку, что делибаши-то дѣлаютъ ?

— Нѣтъ, дитя мое, нѣтъ! Помнишь, что тятенька тебѣ говорилъ: нигугу, сказала мамо, и я замолчала. Долго слышался говоръ и шумъ, наконецъ все утихло, и ничего почти не было слышно; развѣ только, по временамъ, раздавались ружейные выстрѣлы да хохотъ делибашей. Наконецъ мама задремала, а я и говорю Недѣ:

— Недо, подойдемъ тихонечко къ двери и посмотримъ на делибашей.

Неда не хотѣла—боялась и Турокъ и маменьки, но любопытство женское побѣдило, и мы встали потихонечку, пробрались до самыхъ дверей, да и высунули отъ страха языки.

*Когда-то вардишь крака-та си да не убиешь, тогова очите си изваждашь* (когда бережешься зашибить ноги, тогда глаза себѣ выколешь), говорятъ старые люди и правду говорятъ. Была щелочка, и вотъ мы смотримъ внизъ: шесть делибашей присѣли около огня, грѣются и курятъ табакъ изъ длинныхъ трубокъ; тато на колѣнкахъ присѣлъ между ними и варить имъ кофей; одинъ пьетъ, другой подаетъ ему пустую чашку и говоритъ: *сюръ джезвей* (поставь кофейникъ). Турки всегда пьютъ по десяти и по пятнадцати чашекъ кофеею, одну за другою, безъ сахара, не успѣваешь имъ наливать. А какіе страшные были эти делибаши! Надѣли на голову длинныя-предлинныя, вострыя шапки изъ бѣлаго войлока, а шапка увѣшана колокольчиками, монистами, ленточками, зеркальцами и лисьими хвостами. Шаровары черныя, широкіе, преширокіе; пояса зеленые и предлинныя: чуть не сто разъ обхватываютъ туловище. Надъ поясомъ *силяхъ* изъ краснаго сафьяна, а въ немъ пара пистолетовъ съ длинными мордочками, всѣ въ золотѣ, ножъ длинный съ бѣлыми ушами (рукояткой) изъ слоновой кости, а ручка украшена краснымъ коралломъ; а на *силяхъ* виситъ огниво, какая-то мѣдная штучка, въ которой они держатъ деревянное масло для смазки пистолетовъ, кисеть изъ желтаго ситца, съ чернымъ суконнымъ донышкомъ, набитый табакомъ, и всякая всячина. На ногахъ у делибашей красныя сапоги. А усы, длинныя, точь-въ-точь карловскіе стручки, лицо черное и почти у всѣхъ рябое, голова бритая. Открытая грудь вся въ шерсти, руки тоже голыя.

Одинъ изъ делибашей говорилъ о чемъ-то съ тятенькой, но не

могла я понять что они говорятъ, только видно было по разговору, что сердятся на тятеньку за что-то; тятенька молчить, они еще шибче, наконецъ одинъ вскочилъ и давай бить тятеньку. Я испугалась и закричала изо всей мочи: «Маменька, а маменька! бьютъ тятеньку!»

Мама вскочила испуганная, схватила меня, зажала мнѣ ротъ и говорить тихо: «Молчать, проклятая дѣвка, молчать, или мы погибли.» Я замолчала, но ужь было поздно.

Бабушка моя прервала свой разказъ, и въ раздумьи повѣсила голову.

— А скажи, бабушка, зачѣмъ делибаша ходила по деревнямъ? спросила я.

— Зачѣмъ, сынокъ? Вотъ выслушай, зачѣмъ. Они, дитя мое, были царское войско, много мы натерпѣлись отъ нихъ; ихъ посылали противъ нашего царя, что живетъ въ *Московѣ*; имя ему дѣдушка Никола. Онъ, говорятъ, юнакъ и не боится ни делибашей, ни крыжделиевъ, ни янычаръ, и у него такіе юнаки есть, просто медвѣди. Я ихъ еще не очень давно видѣла, такъ лѣтъ тридцать назадъ: такіе высокіе, статные. Ужъ и задали *Московцы* трепку Туркамъ, ужъ задали! *Московцы*, сынокъ, большіе такіе, подумаешь, что отъ одной матери! всѣ рождены, усы огромные, лицо хоть страшное, а красивое и пріятное; шапки золотые и грудь такъ и блеститъ золотомъ; были и Болгары съ ними, въ бараньихъ шапкахъ, а *Московцы* и Турки называли ихъ казаками, но они были Болгары, я это твердо знаю, мнѣ говорилъ попъ Панчо; да и Турки знали объ этомъ и часто говорили, когда разсердятся на насъ: «вы своихъ *Московцевъ* въ черныхъ шапкахъ дожидаетесь.» И у нашихъ мушкетѣровъ часто отнимали шапки и бросали ихъ въ грязь: «вы, говорятъ, хотите драться съ нами и надѣваете такіе же проклятыя шапки, какія носятъ ваши *Московцы*.» Говорятъ, что *Московцы* звали Болгаръ биться съ Турками, и наши Болгары поѣхали и остались въ *Московѣ*. Тамъ, говорятъ, хорошо, церковей много и Турокъ нѣтъ. Охъ, сынокъ, сынокъ, славная и благодатная тамъ сторона!

— Бабушка, зачѣмъ *Московцы* дрались съ Турками?

— Ха, ха, ха! Зачѣмъ? За насъ! Дѣдушка Никола хочетъ выгнать Турокъ.

— Куда же ихъ выгонять, бабушка?

— Въ преисподнюю, сыно, за девять морей и за девять земель.

— Зачѣмъ же онъ ихъ не выгналъ?

— А еще не дошло то время, сыно; должно-быть такъ было тамъ на *небесахъ написано*; и въ книгахъ, говорятъ, написано, что скоро ихъ выгонять, но видно еще не дошло то время.

— А кто такіе были янычары и крыджелии?

— Янычары тоже турецкое войско, а крыджелии, охъ, эти крыджелии! сказала бабушка и вздохнула.— Они были разбойники, сыно, ихъ посылалъ турецкій царь убивать насъ; я тебѣ разкажу какъ-нибудь про крыджелиевъ.

— Ну, продолжай, бабушка, чтò же послѣ-то было, когда ты закричала. Делибаша услышали?

— Вечеромъ разкажу, дитя мое, теперь мнѣ нужно помочь невѣсткѣ и кухаркѣ постряпать: сегодня *бѣдный вечеръ* и бабушка пошла помогать маменькѣ.

### III.

И тѣй, ми много претъръпехме,  
Искали още да тръпимъ:  
Да бъдемъ, пакъ къкви-то бѣхше,  
Иль всички да ся истребимъ.

*Боларская пѣсня.*

Бога је земљу продати, него јој обичај изгубити.  
*Черногорская пословица.*

Весело справлять народные старинные обряды и обычаи, справлять такъ, какъ ихъ чувствуетъ наше сердце. Такъ, на-примѣръ, *бѣдный вечеръ*<sup>1</sup>, какъ хотите, а бѣдный вечеръ милъ Славянину, не знаю, можно ли сказать, христіанину. Я справлялъ его и между Греками и Русскими, не среди народа, но въ студенческомъ обществѣ и въ обществѣ людей средняго класса, и вечеръ проходилъ скучно и вяло. То ли дѣло у насъ! У насъ соберется все семейство, испекуть прѣсный хлѣбъ (турта), купятъ меду, орѣховъ, стручковъ, чернослива, сварятъ *ошавъ* (варенье изъ разныхъ фруктовъ), *сарми* (сарачинское

<sup>1</sup> Сочельникъ передъ Рождествомъ.

пшено, завернутое понемногу въ капустныхъ листахъ), фасоли, купятъ вина, накроютъ на столъ и все поставятъ на столъ. Какъ весело! Ждемъ бывало не дождемся попробовать горячаго хлѣба, который такъ и пахнетъ! Да когда же это соберутся? думаешь себѣ: что же бабушка еще тамъ копается? что же тато не идетъ? Но входитъ бабушка и несетъ полную тарелку меду, а отецъ *чотору*<sup>1</sup> вина.

— Здравствуйте, дѣти! Съ праздникомъ, милые!

— Благодаримъ! отвѣтять дѣти:—и тебя, тато, съ праздникомъ.

— Садитесь за столъ, садитесь.

Мы такъ всѣ и бросимся.

— Нѣтъ, дѣти, погодите, скажетъ тато,—нужно отчитать молитву, нужно помолиться Богу.

Мы опять встанемъ, хоть и не хочется вставать. Начинается молитва, тато читаетъ: «Ядату Бози наситятся», потомъ перекрестится; бабушка принесетъ ему кадилалицу, тато начнетъ кадить, читая: «Христось рождается», потомъ «Рождество твое, Христе Боже нашъ». Мы всѣ чинно стоимъ около стола. Кончилось каженіе, бабушка возьметъ поднось и соберетъ понемногу фруктовъ, кушанья, понемногу чечевицы, пеплу съ огня, все это для лѣкарства; отольетъ меду въ особую тарелочку, а тато кадитъ ихъ опять, и бабушка сирячетъ ихъ подъ *образами*. Раскрошатъ хлѣбъ, обмокнутъ, а меду подадутъ всѣмъ по кусочку, и мы начинаемъ ужинать. Только что кончится ужинъ, мы встанемъ и не собираемъ со стола до полуночи, а дожидаемся гостей. Часовъ въ двѣнадцать слышимъ стукъ въ двери и пѣсню:

Замъчи-са Бѳя мѳйка (мать),  
Отъ Игвата до Колѣда;  
Та си роди младѳ Бога  
Ой, Колѣдо, мой Колѣдо!

Это старики, собравшись по пяти, по шести человекъ вмѣстѣ, ходятъ изъ дома въ домъ, стучать палками и поютъ, поздравляя съ праздникомъ. Войдутъ они въ комнату, пріосалятся и запоютъ:

<sup>1</sup> Чотора или бѣклица, бакладжа, деревянный сосудъ, въ который наливають вино.

Богъ са роди, коledo,  
 Снощи вечерь (вчера вечеромъ) коledo,  
 И Крачулицъ коледа.

— Ха, ха! коледе!

Коледица Варварица,  
 Сива сива голубица,  
 Де си ушла прошетала?

—«Самъ си ушла по край море.»

—Що имаше, що не маше?

—«Тамъ имаше бѣли чаши,

«Бѣли чаши и канати:

«Да си пие млада Божа,

«Да си напиять бѣли Божи,

«Божикъ ми е по вси земли,

«Слава ми е на небеси.»

Ха, ха! коледе!

*Пири, пири,*

*Испири* ги гръци-те,

*Бѣдникъ* слуга коледовъ.

Затѣмъ говорятъ старички: *за мною зодилъ* (многая лѣта)! А мы: «также и вамъ», скажемъ и угостимъ ихъ винцомъ и закускою отъ *бѣдника*. Только что вышли одни, являются другіе съ тою же пѣснью. Хозяинъ дома отвѣчаетъ имъ тоже пѣсню:

Бѣдникъ вечерь,

Ти да кажешъ

Коледию:

Да доносе намъ здравице.

Ой, коледе, коледе!

Коледе ле, коледе.

Старики тогда начинаютъ: «мы мяу, мы мяу, *кыраваница, мыденица*»<sup>1</sup>. Бабушка все стоитъ и смотритъ, чтобъ они не украли колбасъ: они тогда грѣхомъ не считаютъ стянуть колбасу. У насъ на Св. Игнатя бьютъ свиней; а гдѣ своихъ нѣтъ, тамъ покупаютъ одну, двѣ, три по возможности; сало солятъ, а изъ мяса дѣлаютъ колбасы.

Еще веселѣе второй *бѣдный вечера* наканунѣ новаго года. Дѣвушки, *ергани* (парни), молодыя женщины соберутся въ кружокъ, срубятъ грушу, возьмутъ *бѣлой мѣдникъ* (котель) съ водой и поставятъ дерево въ *мѣдникъ*. Дѣвушки и парни дѣлать кто крестикъ, кто колечко, кто браслетку, кто *зерданъ*

<sup>1</sup> Кыраваница или ярвавеца—колбаса изъ свиной крови и легкихъ; мыденица—изъ мяса.

(ожерелье), и каждый къ своей вещицѣ привязываетъ красною ниточкой пучокъ васильковъ; опускаютъ ихъ въ мѣдникъ и начинаютъ гадать о будущемъ, а дѣвушки поютъ:

Коя е честита:  
 На столъ да сѣди,  
 Съ кракъ (ногу) да сѣди.  
*Нью, моя, и т. д.*

И выбираютъ изъ себя хорошенькую и молоденькую дѣвушку съ *русыми волосами*, которая и вынимаетъ вещи изъ мѣдника одну за другою, и если вынутая при первомъ напѣвѣ принадлежить парню, онъ будетъ богатъ и знатенъ, а если дѣвушкѣ, то она выйдетъ за богача. Потомъ дѣвушки продолжаютъ:

Коя е честита:  
 Свито куче (собака)  
 На бѣгъ камикъ,  
*Нью моя.*

Хозяинъ вынутой вещицы будетъ пастухомъ, а хозяйка выйдетъ за пастуха.

Коя е честита:  
 Попаревъ пѣтель,  
 Возъ долгъ бѣга,  
 Царвѣль (лапты) стѣга.  
*Нью, моя.*

Хозяинъ будетъ разбойникомъ и т. д. И припѣвы продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока не выйдутъ всѣ вещи, и снова *блелокурая дѣвушка*, какъ царица праздника, кладетъ ихъ въ мѣдникъ, и уноситъ его къ себѣ на домъ. Вещи пролежатъ въ водѣ до другаго вечера, дѣвушки и парни опять собираются и, поплясавъ около мѣдника, вынимаютъ опять свои вещи и вѣшаютъ ихъ на грушу, которую опять кладутъ въ мѣдникъ, и пускаются плясать.

Но окончимъ же бѣдный вечеръ. Вотъ смерклося и унесли мѣдникъ съ вещами, каждый отправляется домой. Бабушка, матушка всѣ въ кухни, тамъ *тутманникъ* (пирогъ) печется, свиная голова варится. Накрыли на столъ, поставили кушанья, и плоды; отецъ прочелъ: «Христось рождается» и «Ядату Бози»; мы усѣлись. Тутманникъ пахнетъ такъ хорошо, что слюнки текутъ, а въ немъ разныя серебряныя монеты, большія и маленькія, и одна золотая; монеты навязаны на вѣтки

кизля. Бабушка опять собрала отъ всего освященнаго на столѣ по частичкѣ: полѣчить кого случится; отецъ беретъ ножъ и рѣжетъ горячій тутманникъ; бабушка раздѣляетъ его всѣмъ по очереди, начиная со старшихъ,—и ждемъ не дожدهшься, когда придетъ твоя очередь! Но вотъ очередь дошла и до меня; бабушка меня любитъ, и я получаю, какъ любимыи внучекъ, самый большой кусокъ. А случись, что попалась бы золотая монеточка въ моемъ кускѣ; Господи, *Бабо Богородичко!* такъ и вскочишь отъ радости, сердечко сильнѣе забьется и вѣсть позабудешь.

## IV.

Станете, брѣтия станете,  
Начало покажете ви  
И саблите си запишете,  
И помощь ще ви са яви.

*Болг. пѣсня.*

Болгъ је пощено умрјети,  
него срамно живјети.

*Сербская пословица.*

— Что же, бабушка, разкажи чѣо сталося съ Недою, сказалъ я послѣ ужина, когда мы усѣлись на турецкомъ диванѣ, и тато закурилъ свою длинную трубку, и все утихло.

А гдѣ бишь я остановилась?

— Ты, бабушка, остановилась, когда ты закричала, а матушка-то твоя зажала тебѣ ротъ, сказалъ я.

— Ахъ, да! Ну слушай.

Не стану я тебѣ разказывать, какъ Турки насъ услышали, какъ нашли, и какъ свели съ чердака, а разкажу тебѣ дальше: Неда, я ужъ тебѣ говорила, была хорошенькая прехорошенькая, и не мудрено, что она понравилась проклятымъ Туркамъ: одинъ трогаетъ ее съ одного боку другой съ другаго, а третій цѣлуетъ ее; она бѣдная стоитъ, какъ истуканъ, вытаращивъ глаза, даже не плачетъ, а мы всѣ такъ и деремъ горло, плачемъ и кричимъ. Тато бѣдный упалъ на колѣни и просить ихъ: «Аги, отдайте намъ бѣдную Неду, отдайте намъ, она намъ родная, она сиротка, ежальтесь надъ ея молодостью, она одна у матери, одна какъ есть, одно утѣшеніе! Прошу васъ, аги, именемъ Божиимъ, заклінаю



вась отдайте ее.» Мать Неды упала, бѣдная, въ обмо рокъ, а Турки хохочуть. Тато, какъ стоялъ на колънахъ, такъ одинъ изъ Турокъ ногою его и стукнулъ прямо въ лицо. Онъ опрокинулся на полъ. Турки схватили его и связали ему руки и ноги; матушку заперли въ чунанъ, а я побѣжала и спряталась въ уголокъ и молчу, думаю: не увидать меня.

Делибаши послали куда-то одного изъ своихъ слугъ, и часа черезъ два вошли три женщины, — двѣ старухи, одѣтыя потурецки въ шальварахъ, въ фередже, ешмакѣ, на ногахъ желтые чехли (туфли), такія разбѣленыя разрумяненныя, и одна молоденькая и хорошенькая, какъ теперь вижу; одѣта она была богато, но безобразно. Старухи вошли и хохочуть, языкомъ дразнить Турокъ, поютъ, кричатъ. Господи Боже мой! какія у нихъ скверныя лица!

— Что ты хочешь, Хюсинъ? спрашиваетъ потомъ одна изъ старухъ главнаго Турка въ красныхъ шальварахъ, съ большою чадмой, рябымъ лицомъ и крашеною бородой, который сидѣлъ на самомъ почетномъ мѣстѣ около огня; скрестивъ ноги, облокотясь на руку, онъ курилъ изъ длинной трубки, съ янтарнымъ большимъ чубукомъ, и клубы дыму поднимались будто изъ трубы кузницы.

— Возьмите эту красавицу и отведите въ домъ аги, сказалъ онъ.

Старухи посмотрѣли на Неду, улыбнулись, и обратясь къ Турку, сказали: — Хорошенькая! Ты, Хюсинъ, получишь отъ аги большой подарокъ за эту дѣвушку.

— Надѣюсь получить, сказалъ тотъ.

Тогда одна старуха, обратясь къ Недѣ, сказала ей: — Что ты, милая, такъ трясешься, словно въ лихорадкѣ? Не бойся милая, не бойся: ты хорошенькая и понравишься агъ, и будешь жить хорошо; тебя одѣнутъ какъ куколку. Ты плачешь? Не плачь, не плачь, моя душенька.

— Маменька, милая маменька, проговорила Неда сквозь зубы.

— А, тебѣ жаль разстаться съ матерью, моя милая? Ничего, ничего: гдѣ хорошо, тамъ и маменька съ тятенькой.

А другая говоритъ:

— А и не хорошо такъ что же дѣлать! Такая ужъ доля; привыкнешь; постарайся понравиться агъ. Не упрямься, и будетъ хорошо.

— Да, хорошо! Бѣдная дѣвушка! Горе ей, горе! Но что же дѣлать, такая ужь видно судьба проклятая! проговорила на болгарскомъ языкѣ молодая женщина, и заплакала.

— Что съ тобой, Хайше, спросила ее первая старуха,—ты плачешь!

— Ничего, сказала та,—вспомнила я своихъ родныхъ, вспомнила тотъ день, когда и меня вырвали изъ рукъ родимыхъ; и я была также невинною жертвой.

— Что же, сказала старуха,—или тебѣ не хорошо? Или тебя ага не балуетъ, не любитъ? Ты его любимица, безъ тебя онъ ничего не дѣлаетъ, посылаетъ тебя посмотреть, что мы выбираемъ для его гарема; ты почти тамъ начальница! Но вѣдь вы, гауры, такія твари неблагодарныя! Чего жъ тебѣ больше?

— Мнѣ ничего не надо, а такъ мнѣ сгрустнулось, отвѣчала молодая женщина на турецкомъ языкѣ, и продолжала на болгарскомъ, такъ отзываясь объ этихъ старухахъ:—Проклятыя и продажныя твари, гнусныя собаки, скверная смрадь, змѣи безсердечныя, продажныя Іуды, лукавыя демоны! Сколько вы загубили несчастныхъ, чтобы угодить проклятому звѣрю. Разступись земля! Пекло раствори свои челюсти, и возьми сатана этихъ проклятыхъ старухъ! Боже мой, Боже мой! Святой ангелъ Михаилъ, вонзи свой мечъ въ мое горло, отними ангельскую душу и у этой бѣдной дѣвушки! Бѣдная дѣвушка, молись Богу, чтобы онъ поскорѣй послалъ за твоею душой, не оставилъ тебя на поруганіе, какъ меня горемычную. Убейся, утопись въ рѣкѣ, отдай тѣло на сожженіе, только не въ руки этихъ змѣй.

Потомъ она обратилась къ тату и продолжала:

— Несчастный отецъ, плачь, молись Богу, чтобы твоя дочь умерла! Убей ее, убей! Чтобы спасти ее душу, не пожалѣй тѣла, и Богъ проститъ тебѣ. Но они связали его! Они не даютъ ему и проститься съ дочерью, обнять ее! Боже мой, Боже мой! Мать лежитъ безъ чувствъ, отецъ связанъ, когда отнимается у нихъ дѣтище родное! Поцѣлуй своего отца, простись съ нимъ навсегда, обними свою мать.

— Она не его дочка, сказала я, высунувъ головку изъ своего потаеннаго мѣста:—тато ей дядя.

— Берите красавицу и идите, кланяйтесь агъ, говорить Турокъ въ красныхъ шальварахъ.

— Встань, мать, встань, обними свое дитяtko, излей слезинку на ее лицо; пусть эта слеза будетъ ядомъ, кото-

рый отравить ее! Пусть твоя слеза превратится въ оспу и отниметъ красоту! Я родилась у богатыхъ родителей, меня воспитывали и любили, я была одна у нихъ! Бѣдная я.... Боже, Боже, зачѣмъ я живу?

Слезы градомъ полились изъ ея глазъ.

— Пойдемъ, милая, сказала одна изъ старухъ и схватила Неду за руку.

Тутъ бѣдная ея матушка вскочила. Неда заплакала и закричала:

— Матушка, матушка, зачѣмъ ты меня родила, зачѣмъ ты меня растила, зачѣмъ ты вмѣсто меня не родила камень! Матушка, милая матушка! Прости, прости на вѣкъ, молись Богу за мою душу...—И Неда, упала въ обморокъ.

Моя тетушка, мать Неды, обняла свою дочку, да какъ заплачетъ,—Господи, Боже мой, цѣлый домъ затресся: «Недо, чадо мое!... Недо, ангелъ мой....» повторяетъ, а больше ничего не можетъ сказать. Молодая Турчанка взглянула тогда на Турка въ красныхъ штанахъ, и сказала ему:

— Развяжи у этого человѣка руки. Дай ему проститься съ дочерью.

— Нѣтъ, не нужно, сказалъ Турокъ,—онъ буянить.

— Я тебѣ приказываю, я пожалуюсь агѣ.

Они развязали тата. Онъ всталъ и упалъ опять на колѣни передъ проклятымъ красноштаннымъ Туркомъ и закричалъ:

— Ага, ради Бога, отдай матери дочь!

— Молчи, гяуръ, сказалъ онъ, и ударилъ тата ногою.—Тетушка опять упала въ обморокъ.

Взяли Неду и увели съ собой. Тато пошелъ за ней. Я опять спряталась въ уголокъ и молчу. Турки опять усѣлись около огня, а тетушка валяется въ крови по полу: Турокъ сапогомъ разбилъ ей голову. Чтò они съ ней дѣлали Боже мой! Нажгутъ щипцы докрасна, да и кладутъ ей въ ротъ! Господи, Господи, вспомнить не могу! Бѣдная сестра! Бѣдная Неда!

Бабушка и заплакала.

— Что же дальше, бабушка? спросилъ я,—продолжай!

— Въ другой разъ, сынокъ, въ другой разъ я тебѣ разкажу; теперь пора спать. Завтра рано нужно идти въ церковь, потомъ разговѣмся, мой дорогой! Поди ложись, и бабушка встала и пошла отдыхать. Не я одинъ, тятенька и маменька тоже слушали бабушку со вниманіемъ; маменька плакала.

## V.

На помощь Срьбе Черногорца  
 Съ радость ще са затекать,  
 А отъ камъ Северъ Русиянци  
 Тозь часъ ще да ся появать.  
*Болг. пѣсня.*

Въ праздникъ Рождества Христова, на второй или на третій день не помню, вышли мы съ бабушкой на улицу, и сѣли на лавку. Передъ каждымъ домомъ въ нашемъ селѣ подѣланы длинныя лавки. Сидимъ и грѣмся на солнышкѣ. Наше село стоитъ на самыхъ Балканскихъ горахъ. Зимой тамъ бываетъ холодненько; иногда ночью вода замерзнетъ. Ребятишки, подпрыгивая и дую въ руки, играютъ въ орѣхи, или въ снѣжки, катаются по снѣгу. Рѣка какъ зеркало. Корова вышла на улицу погрѣть спину на солнышкѣ. Пастухъ гонитъ овецокъ къ тому мѣсту, гдѣ солнце посогнала съ земли снѣгъ. Индѣйскій пѣтухъ, какъ турецкій паша, съ красною головою и распущенными крыльями, расхаживаетъ среди своего гарема. Гуси спрятали головы подъ крылья, и дремлютъ поднявъ ногу. Куры роются въ пыли подъ навѣсомъ. Пѣтухъ залѣзъ на заборъ и кукурикаетъ. Тамъ синѣетъ черный лѣсъ, мрачный, будто въ траурѣ.

Но на улицѣ собралась кучка дѣвушекъ; весело говорятъ онѣ между собою; скоро начнется нашъ народный хороводъ, безъ котораго молодой Болгаринъ и Болгарка и жить не могутъ. Дѣвушки и парни одѣты по праздничному. Какъ весело смотреть на эти миловидныя кругленькія личики, розовенькія щечки, черные и свѣтлые волосы, *косичками* распущенные по плечамъ! А голова небрежно покрыта желтымъ, или бѣлымъ, или краснымъ платочкомъ, и за неизмѣнимъ свѣжихъ цвѣтовъ, украшена дѣланными либо сухими. Шея украшена коралловыми, раковинными, стеклярусными, бусными и другими разными ожерельями. Но богатые носятъ и золотыя монеты. *Сукманъ* длинный чернаго цвѣта; верхній край его и подолъ вышитъ разноцвѣтною шерстью или шелкомъ; а вотъ сукманъ съ воротомъ пониже, и изъ-подъ него проглядываетъ

бѣлая грудь, покрытая тонкою шелковою сорочкою, вышитую узорами. Поясъ вышить золотомъ, съ золотыми, серебряными или мѣдными бляхами. Поверхъ сукмана душегрѣйка, или контушь, подбитый лисицами, горностаемъ, куницами и барашками, смотря по состоянію. На ногахъ сафьяные башмаки или бархатные *челмы*, открытые такъ, что видны пестрые чулки. А парни—все красивый и рослый народъ. Круглыя бойкія лица, черные усы, бойкіе глаза. Рубашка у шеи и груди открыта; на головѣ черная баранья шапка; *элекъ* (жилетка) шелковый либо бумажный. Поверхъ всего кунтушь изъ чернаго сукна, тоже крытый мѣхомъ, какъ и у дѣвушекъ и женщинъ, но безъ узоровъ. Башмаки черные, штаны изъ чернаго сукна къ верху широкіе, а къ низу узенькіе, и подъ самымъ колѣномъ обтянутые красными подвязками; станъ перетянуть краснымъ поясомъ. Парни собрались на улицѣ, закурили трубки, и ждутъ съ нетерпѣніемъ *айду* (волынку). Снѣгъ расчищенъ на площадкѣ, что зовется «Змѣева Мать». Выходитъ музыкантъ; всѣ рука въ руку, сколько есть молодыхъ, становятся въ кружокъ; *айда* заиграла, и пошелъ хороводъ; тихо кружась, молодцы и дѣвицы запѣваютъ пѣсни.

— Бабушка отчего площадь называется Змѣева Мать? спросилъ я бабушку.

— Развѣ я тебѣ не говорила, дитя мое?

— Нѣтъ.

— А на этомъ мѣстѣ былъ давно-давно домъ, въ которомъ жила женщина, очень злая; она разсталась съ мужемъ, *жила не хорошо*, и родился у ней мальчикъ. Мальчикъ былъ похожъ на свою мать; тоже злой, ругалъ всѣхъ прохожихъ, обижалъ странниковъ, нищихъ. А наконецъ и мать сталъ поругивать. Разъ мать вынесла его ночью на дворъ, а мальчикъ спрашиваетъ ее: «Что, мамо? Слышитъ мѣсяцъ, какъ я ругаю тебя и другихъ людей?» А въ тѣ времена мѣсяцъ ходилъ такъ невысоко, что можно было рукою поймать его, а бывало и совсѣмъ ходилъ по землѣ.

— А пускай его слышитъ, сказала мать.

— А какъ онъ разсердится на насъ? сказало дитя.

— А пускай его сердится.

Въ это время проходилъ мѣсяцъ мимо, и услышалъ, и говорить имъ: «О, скверныя твари и злые люди! Не дай вамъ

Богъ, счастья! пусть каждый обгааетъ васъ, какъ *жаласымовъ* (домовыхъ)»—и пошелъ дальше.

Злая женщина хотѣла отмстить мѣсяцу за то, что онъ ее проклиналъ. Ждетъ она, когда мѣсяцъ остановится на улицѣ. Вотъ разъ мѣсяцъ остановился; она взяла грязную тряпку, и накрыла его. Съ тѣхъ поръ мѣсяцъ поднялся такъ высоко, какъ теперь стоитъ, и проклиналъ женщину, чтобъ она презратилась въ *змлю*. Вотъ и пошли *змьи*. Мать съ сыномъ жила долго времени и многихъ людей съѣли; они бы и всѣхъ поѣли; но святой Георгій убилъ мать, святой *Тодаръ* сына, а *змьи*, которые теперь водятся на свѣтѣ, это ихъ внуки. Потому и называется это мѣсто *Змѣва Мать*; тамъ родились первые *змьи*.

## VI.

До-гдѣ е маничка змя-та;  
Дойдете да ся съберемъ  
Съ крака да и строшимъ глава та.  
Свободни да ся назовемъ.

*Болг. пѣсн.*

— Бабушка, ты мнѣ не досказала, что стало съ Недой. Пожалуста разкажи.

— Ты не будешь валаться съ мальчишками по снѣгу? сказала бабушка.

— Нѣтъ, не буду. Ты, бабушка, только разказывай мнѣ сказочки.

— Ну, хорошо, слушай. Намъ разказывалъ послѣ дѣдушка Младенъ, потому что Неду отвели въ его домъ, гдѣ стоялъ ага.

Тато шелъ за Недой; на улицѣ онъ встрѣтилъ Драгоя:—  
Что, дяденька Стойко, куда это ты? говорить ему Драгой.

— Ты не знаешь, что случилось? спросилъ его тато.

— Что такое случилось? Ничего не знаю.

— Твою сестрицу Неду взяли делибаши и отвели къ агѣ.

— Гдѣ она теперь? Говори, дяденька, гдѣ? закричалъ Драгой и заплакалъ.

— Гляди, вотъ эти четыре женщины, и двое Турокъ съ ружьями, что идутъ передъ нами; тутъ двѣ *сесенди* и одна жена аги; она добрая душа и христіянка, но что же ей дѣлать, когда и она попала въ руки гнусныхъ Турокъ? Они взяли...

Драгой не дослушалъ, побѣжалъ и догналъ Турокъ, а тато за нимъ. Схватилъ Драгой свою сестрицу, плачетъ и кричитъ: «я ея не отдамъ, я ея не оставляю, я умру здѣсь, но не отдамъ ея на позоръ!... Пустите ее,» закричалъ онъ старухамъ, которыя вели Неду подъ руку.

— Какъ ты смѣешь, гауръ-собака, безчестить гаремъ аги? Какъ ты смѣешь турецкой женщиной смотрѣть въ глаза, даже ругать ее? сказала одна изъ старухъ.

— Убирайся скорѣе, а не то мы велимъ тебя на колъ посадить, прибавила другая старуха.

— Ничего не сдѣлаешь, дитя мое, сказала ему молодая женщина, на болгарскомъ языкѣ, — только загубишь жизнь, не связывайся! Оставь все на Бога, онъ устроитъ все въ вашу пользу; только молитесь Ему.

— Нѣтъ, я ея не отдамъ, не отдамъ, и пусть будетъ что будетъ! Прочь, закричалъ онъ старухамъ, — или я вамъ черепъ размозжу. И онъ растолкалъ старухъ.

Молодая женщина говоритъ ему: «бѣги, бѣги, дитя мое, спасайся, или ты пропадешь.» Но Драгой и не думаетъ бѣжать. Онъ перешибъ дубиной руку у старухи, и схватилъ Неду. Турки бросились отнимать ее и положили ружья на землю, но тато схватилъ ружье и принялся бить ихъ ружейнымъ стволомъ. Поднялись крики. Турки начали сбѣгаться изъ всѣхъ улицъ, но Драгой ушелъ, взваливъ Неду на плечи. Тата схватили и связали. Представили его агъ. Ага еще ничего не зналъ что происходило и спросилъ Турокъ:

— Зачѣмъ привели эту собаку?—И обратясь къ тату, сказалъ:—Что ты, гауръ, сдѣлалъ? Зачѣмъ тебя привели?

— Я, ага, виноватъ передъ тобою, прости меня! Будь милостивъ!

— Молчи, гауръ, закричала одна изъ старухъ, которую величали *харемъ кехалси*, то-есть начальницей гарема; евнуховъ не было у делибашей:—Ты ругалъ насъ, ты билъ насъ. Ага, сказала она, обращаясь къ агъ, —онъ у нашей Фатимы руку перешибъ; она внизу безъ памяти.

Ага измѣнилъ свое полусонное лицо. Его полураскрытые и лѣтвивые глаза открылись и засверкали, ноздри раздулись, какъ у больной лошади, руки затряслись, козлиная борода зашевелилась. Онъ поднялъ голову и закричалъ:

— Ахъ, ты, дохлая собака христіанская! Слушайте, закричалъ онъ во все горло своимъ слугамъ и делибашамъ, —

возьмите эту гяурскую собаку и кожу сдерите съ него, слышите!

Турки бросились къ тату и сказали ему:

— Пойдемъ, гяуръ, ты попробуешь востры ли наши ножи.

Тутъ вошла молодая женщина, и бросившись къ агъ, обняла его и жалостнымъ голосомъ проговорила:

— Выслушай меня, выслушай, а потомъ дѣлай что хочешь; я тебя прошу во имя Бога.

— Что съ тобою, Хайше, о чемъ ты просишь? Ты блѣдна, говори.

— Отложи наказаніе, прошу тебя; я разкажу все что было.

— Развѣ ты съ ними была? спросилъ ага.

Молодая женщина разказала ему что происходило. Турокъ во время разказа кусалъ губы и молчалъ. Когда молодая женщина кончила, старуха стала жаловаться и говорила, что Хайше защищаетъ христіанъ, что она молилась христіанскому Богу *Иса пенямберу* (пророку Іисусу), и даже помогала какому-то гяуру увести Ноду.

— Гдѣ дѣвушка? закричалъ Турокъ внѣ себя отъ гнѣва.— Слушайте люди, крикнулъ онъ делибашамъ:— живую или мертвую, отыскать ее и ея похитителя! Разослать всѣхъ молодцовъ, живѣй!... А ты, Хайше, еще разъ прошу тебя не вмѣшиваться въ мои гаремныя дѣла; я тебя дѣлаю наложницей и огниаю у тебя право называться моею женой.

— Со мною дѣлай что хочешь, только прости этого чело­вѣка и оставь дѣвушку.

— Ты смѣешь еще просить, невѣрная жена, подлая тварь! сказалъ ага и ударилъ ее бичомъ, который держалъ въ рукахъ.

— Почему же я невѣрная жена и подлая тварь, когда я прошу тебя не дѣлать зла и простить бѣднаго чело­вѣка? Неужели я оттого подла, что помогала бѣдной жертвѣ спастись? Неужели я тутъ сдѣлала какое преступленіе? Если считаешь это подлостью, то накажи меня какъ хочешь, говорила молодая женщина и плакала.

Турокъ смягчилъ голосъ и отвѣчалъ:

— Да развѣ христіанинъ чело­вѣкъ? Развѣ грѣхъ убить его? Защищать его грѣхъ, и ты согрѣшила противъ пророка, кото­рый говорить: *побѣдители невѣрныхъ получаютъ великую мзду, а слаболу ельчмал мука*, и вотъ, за твой грѣхъ, я тебя и наказываю. Нужно бы сдѣлать тебя по закону не наложницей, а невольницей, и продать, но я чело­вѣкъ



добрый, и еще люблю тебя. Ступай же въ гаремъ и ни о чемъ меня не проси; я поступлю такъ, какъ знаю; иди и не сердись на меня. Я тебя позову послѣ, когда приведутъ дѣвушку: ты мнѣ нужна.

— Прошу тебя, ага! Прости этого человѣка, ради меня, ради Бога, ради твоей матери, сказала опять молодая женщина.

— Вонъ, закричалъ Турокъ,—вонъ!

Молодая женщина удалилась.

Съ тата сняли кожу и прибили ее гвоздиками на заборъ, и трупъ тоже подняли на палкахъ рядомъ съ кожей. Бѣдный тато! Какія мученія онъ вытерпѣлъ!

Бабушка заплакала.

— Продолжай, бабушка, продолжай, сказалъ я, а слезы градомъ катились у меня по щекамъ.

— Подожди, дитя мое, дай отдохнуть.

## VII.

И ждутъ окованные братья,  
Когда же зовъ услышать твой,  
Когда ты крылья, какъ объятья,  
Прострешь надъ слабой ихъ главой...

Хомяковъ.

Мы сидѣли нѣсколько минутъ молча и оба плакали; наконецъ бабушка отерла глаза и продолжала:

Драгой, взявъ Неду, бѣжалъ въ лѣсъ и тамъ спрятался съ ней у пастуховъ. Я пролежала въ уголкѣ по самое утро; мама все еще сидитъ въ чуланѣ, а тетушка на полу; утромъ, смотрю, Турки взяли тетушку и выбросили вонъ на дворъ; я выпустила маму, когда Турки пошли поить своихъ лошадей. Она вышла и спрашиваетъ меня:

— Гдѣ тато-то твой, куда ушелъ?

— Не знаю, говорю я.

— А гдѣ тетушка и Неда?

— Тетушку Турки выбросили на дворъ, а Неденьку взяли.

Мама побѣжала вонъ; я за ней; тетушка лежитъ бѣдная такая, и собаки кусаютъ у нея руки. Мама заплакала и говорить:—Бѣдная сестра, до чего ты дождала, что тебя собачи

ѣдать! Мы дожидаемся тятеньки похоронить тетушку, а делибаши все еще у насъ; дожидались мы до самаго вечера и говорить мнѣ мама: Лило! поди, чадо, возьми усосѣдки лопату и заступъ и давай рыть сестрѣ могилу.» Я взяла лопату и заступъ и пошла въ садъ. Прибѣжала наша сосѣдка старушка; отнесли они тетушку въ садъ, вырыли могилу и похоронили ее безъ попа и безъ свѣчки, только мама ее перекрестила, и зарыли ее. Только что кончили похороны, прибѣжалъ къ намъ дѣдушка Младенъ и разказалъ намъ, что съ тятенькою сдѣлали делибаши. О Недѣ и Драгоѣ ни слуху, ни духу.

Пошли мы просить агу похоронить тата: маменька, дѣдушка Младенъ, взяли и меня. Дѣдушка Младенъ учить меня: «Когда мы войдемъ къ агѣ, ты упади на колѣна и проси его: отдайте намъ тятеньку.» Но насъ не пустили, и мы возвратились домой, и плачемъ.

Прошло пять дней. Делибаши уѣхали. Мы побѣжали къ дѣдушкѣ Младену хоронить тату. Я хотѣла обнять его трупъ, но ужь очень было страшно, и я отступила, а мама упала въ обморокъ. Дѣдушка Младенъ схватилъ меня за руку и говорить:—Пойдемъ, дитя мое, не смотри.

— А это что? спрашиваю я его и показываю рукой на другой трупъ, который торчалъ на колѣ, вбитый въ землю.

— Ничего, ничего, пойдемъ, и дѣдушка Младенъ утасилъ меня съ собою. Вошли въ комнату: Неда бѣдная, одѣтая въ бѣломъ, въ цвѣтахъ, лежала рядомъ съ другою женщиной. Я закричала: «Неденька, Неденька,» но меня отвели въ другую комнату и заперли, а черезъ три дня отправили въ село Клясура къ тетушкѣ Славѣ. Я плакала, просила отвезти меня къ маменькѣ, просила хоть сказать мнѣ: гдѣ она; но меня обманывали, что она пріѣдетъ, и такъ прошло пять лѣтъ; тогда я воротилась домой, и узнала, что маменьки давно нѣтъ въ живыхъ.

Вотъ что разказалъ мнѣ дѣдушка Младенъ о ея смерти, и какъ Неду нашли: Ага разослалъ своихъ делибашей искать Драгоя и Неду, искали цѣлые два дня и не могли найти; ага сердился, ругалъ своихъ людей, опять посылалъ. Наконецъ, какая-то цыганка пришла просить видѣть агу. Люди ея не пускали; но когда она сказала, что знаетъ гдѣ Неда скрывается, ее впустили, и она сказала агѣ, что Неда и Драгой у пастуховъ. Ага отправилъ туда пятнадцать человекъ

делибашей, и они привели Неду и Драгоя связанными. Ага велѣлъ Драгоя посадить на колъ, а Неду отвести въ гаремъ. Неда просила его, умоляла не убивать ея брата.

— Убей меня, говорила она, — дѣлай со мной что хочешь, но помилуй брата.

— Нѣтъ, я далъ себѣ слово убить эту собаку, и ага послалъ позвать молодую женщину. Она вошла. — Вотъ твоя любимцы, Хайше, сказалъ онъ молодой женщинѣ, — посмотри, какъ будутъ мучить глаура.

Човели Драгоя и посадили на колъ, а Неду въ гаремъ. Ага вывелъ молодую женщину на дворъ и говорить ей: «Вотъ смотри, какъ твой любимецъ мучится!» И точно страшны были муки Драгоя. (Три дня жилъ онъ на колъ. Молодая женщина вдругъ выхватила у аги кинжалъ и распорола ему животь, а послѣ заколола и себя. Суматоха, крикъ, шумъ. Делибаша бросила молодую женщину на улицу собакамъ, и пошли за Недой. Вывели ее какъ овечку и начали рѣзать по частичкамъ... Делибаша зарыли своего агу на турецкомъ кладбищѣ, и выбравъ другаго, уѣхали. Трупъ, который я видѣла, что торчалъ посерединѣ двора, былъ Драгой, а двое мертвецовъ въ комнатѣ — Неда и молодая женщина. Мы ее похоронили какъ христіянку, говорилъ дѣдушка Младенъ; попъ Бенчо разрѣшилъ. А маменька, убитая горемъ, заболѣла, и зная, что ужь ей не долго жить, просила дѣдушку Младена отправить меня къ тетускѣ въ Киссуры, благословила меня заочно, но просила не показывать ей меня; жалко было ей разставаться со мной...

Схоронили тата, Неду, Драгоя и молодую женщину рядышкомъ. Я всегда молюсь: упокой Господи рабовъ твоихъ Стойка, Неду, Драгоя.

Л. Каравеловъ.

---

## ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

---

*Lectures on the history of the Eastern Church, by Stanley, London 1861.*  
(Чтенія объ исторіи Восточной Церкви. Соч. Станлея.)

Недавно появилась въ Лондонѣ, подъ этимъ заглавіемъ, книга, на которую мы хотимъ обратить вниманіе русскихъ читателей. Исторія нашей церкви служить для западныхъ богослововъ и церковныхъ писателей предметомъ только случайнаго любопытства: по большей части они относятся къ ней равнодушно, чтобы не сказать — съ пренебреженіемъ. Не таково было отношеніе англійской церковной литературы къ нашей церкви, особенно съ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Въ Англии пробудилось любопытство къ изученію нашей церкви: многіе стали искать въ ней не только историческаго знанія, не только разъясненія древнихъ ученій и первобытныхъ обычаевъ церковныхъ, но и разъясненія догматовъ. Извѣстна поѣздка Пальмера въ Россію, извѣстна и попытка его, — попытка не удавшаяся, и едва ли только по его винѣ, — присоединиться къ нашей церкви. Появилось нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій о грекороссійской церкви (напр. Пальмера и Аддингтона); появились переводы на англійскій языкъ русскихъ богословскихъ и церковно-историческихъ сочиненій.

Въ 1857 году въ Оксфордскомъ университетѣ открылъ свои чтенія новый профессоръ церковной исторіи, воспитанникъ знаменитаго Арнольда, докторъ Станлей. Онъ началъ свой курсъ прямо съ чтеній объ исторіи восточной церкви, и эти-то чтенія изданы имъ теперь въ одной книгѣ.

Восточная церковь уже 20 лѣтъ составляетъ для г. Станлея предметъ особаго изученія. Онъ самъ рассказываетъ, что, встрѣтившись въ Афинахъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, съ однимъ замѣчательнымъ греческимъ епископомъ и разговорившись съ нимъ, онъ въ первый разъ увидѣлъ, какой важный интересъ представляетъ восточная церковь для западнаго, особенно для англійскаго богослова и церковнаго историка. Потомъ, путешествуя на Востокъ, онъ изучалъ на мѣстѣ и исторію и нынѣшнее состояніе церкви, посреди гоненій и враждебнаго владычества<sup>1</sup>. Книга, из-

---

<sup>1</sup> Описаніе поѣздки издано имъ подъ заглавіемъ: *Sinay and Palestine in connexion with their history.*

данная имъ теперь, представляетъ главные результаты его изслѣдованій и наблюденій.

Приступая къ своему курсу, Станлей хочетъ прежде всего объяснить, что онъ не случайно, не даромъ, и не по пристрастію или прихоти выбралъ для начала исторію церкви восточной.

«Мнѣ кажется, говоритъ онъ, что профессоръ церковной исторіи долженъ, готовясь двинуться впередъ, бросить, если можно, внимательный взглядъ свой назадъ. Когда мы погрузимся въ шумъ и волненіе Запада, не время уже будетъ останавливаться на томъ покое, который представляетъ Востокъ, и кромѣ того, хоть и трудно входить въ подробности исторіи и устройства восточной церкви, она представляетъ не мало поучительнаго... Поле восточнаго христіанства, говоря относительно, для насъ еще не тронутое поле. Оно не видимо для насъ и оттого иногда забывается нами. Одна нѣмецкая пословица совѣтуетъ намъ вспоминать иногда, что «живутъ люди и за горами», *hinter dem Berge sind auch Leute*. Эта пословица особенно справедлива въ примѣненіи къ цѣлой отрасли христіанскаго семейства, обитающей на дальнемъ Востокѣ. За горами нашего знанія, нашей цивилизаціи, нашей дѣятельности,—за горами, прибавимъ еще, нашего невѣжества, нашихъ предрассудковъ, нашего высокомернаго презрѣнія,—находится почти цѣлая треть христіанскаго міра, сто милліоновъ душъ, исповѣдывающихъ христіанскую вѣру... Но не одна только обширность, не одна невѣстность восточной церкви, должны привлекать наше вниманіе. Какъ бы мы ни называли ея—восточною, греческою, православною, — она цѣльнѣе, полнѣе, чѣмъ какаѣ-либо другая христіанская церковь, переноситъ насъ въ первые вѣка христіанства.»

Всю восточную церковь авторъ раздѣляетъ на три группы; къ первой относитъ онъ еретическія церкви дальняго Востока: несторианскую или халдейскую, армянскую, сирійскія церкви (Яковиты и Марониты), коптскую и абиссинскую. Ко второму отдѣлу относится греческая церковь, и авторъ приписываетъ ей великое національное значеніе. «Церковь, говоритъ онъ, одна поддерживала и поддерживаетъ здѣсь народъ въ теченіе четырехъ столѣтій рабства. Не политическій энтузіастъ эллинской свободы, а сѣдовласый Германъ, архіепископъ патросскій, поднялъ знамя греческой независимости. Онъ былъ первымъ поборникомъ дѣла эллинской свободы, дѣла, которому въ нашей странѣ преждее поколѣніе такъ сочувствовало, а нынѣшнее оказываетъ такое равнодушіе. Святилище Греціи, и вмѣстѣ святилище и убѣжище для всей восточной церкви—гора Аѳонская. Греческая церковь напоминаетъ намъ то время, когда не римскій, а греческій

языкъ былъ священнымъ языкомъ христіанства. Наполеонъ справедливо замѣтилъ, что самое введеніе христіанства было въ нѣкоторомъ смыслѣ торжествомъ Греціи надъ Римомъ. Первая римская церковь была не что иное какъ коловія греческихъ христіанъ или огреченныхъ Іудеевъ. Первые отцы западной церкви Климентъ, Ириней, Гермастъ, Ипполитъ—были Греки. Слово папа—не латинское, а греческое, и теперь оно служитъ въ восточной церкви общенароднымъ названіемъ каждаго священника (попъ). Правда, что этотъ греческій колоритъ былъ отчасти случайнымъ послѣдствіемъ завоеваній Александра, распространившихъ греческій языкъ по всему Востоку, и потому можно считать его признакомъ не столько греческаго, сколько іудейскаго и восточнаго характера первыхъ христіанскихъ общинъ. Но все-таки онъ даетъ греческой церкви особое преимущество, котораго она никогда не забывала. Онъ непрерывно свидѣтельствуетъ, что греческая церковь — мать, а римская — дочь греческой; греческая церковь въ правѣ гордиться тѣмъ, что сохранила отъ начала донынѣ непрерывное единство языка, что можетъ читать все священное писаніе на томъ же нарѣчій, на которомъ читали и проповѣдывали его апостолы. Послѣдній поселянинъ, читая гдѣ-нибудь на беотійскихъ холмахъ свой новый завѣтъ, можетъ похвалиться, что ему доступенъ въ оригиналѣ текстъ божественнаго ученія, который папа и кардиналы читаютъ въ нестройномъ переводѣ; что у него самого въ рукахъ тотъ ключъ разумнія, которымъ на Западѣ владѣютъ одни ученые люди.»

Къ третьей группѣ авторъ причисляетъ славянскія церкви и въ особенности русскую.

«Если восточное христіанство связано съ прошедшимъ своими азіатскими и греческими преданіями, то нѣтъ сомнѣнія, что звеномъ, соединяющимъ все ея прошедшее съ будущимъ, служитъ великое славянское племя, господствующее надъ всею восточною частью Европѣ, надъ цѣлымъ сѣверомъ Азіи и обширною полосой западной Америки. Какъ Константинополь составляетъ мѣстный центръ восточной церкви, такъ личнымъ ея представителемъ въ теченіе четырехъ вѣковъ служитъ—сначала великій князь, потомъ царь и наконецъ императоръ всероссійскій въ Москвѣ и Петербургѣ. Не по одной близости географическаго положенія, но по особенному свойству уподобленія, которымъ одарено славянское племя, русская церковь стала представительницею древней византійской церкви Константина... Русская церковь и русская имперія въ полной мѣрѣ наслѣдовали религію и политику новаго Рима на Босфорѣ,—гораздо въ большей степени чѣмъ западное

племѣ, даже при Карлѣ Великомъ, наследовало духъ и формы стараго Рима на Тибрѣ.»

Исторію восточной церкви Станлей раздѣляетъ на три періода. Первый періодъ—соборовъ. Первому изъ этихъ соборовъ авторъ посвящаетъ особенное вниманіе. Исторія Никейскаго собора представлена у него въ мастерскомъ разказѣ и занимаетъ цѣлыхъ четыре главы въ книгѣ; сверхъ того, двѣ главы заняты художественною характеристикой двухъ великихъ людей, бывшихъ главными дѣятелями перваго собора: Константина и Афанасія Великаго. «Восточные соборы, говоритъ авторъ, были дѣйствительно всеобщими вселенскими соборами: никакой другой соборъ въ этомъ смыслѣ съ ними не равняется. Ни въ одномъ соборѣ западной церкви не выражался съ такою полнотою голосъ всего христіанства, ни одно собраніе—ни гражданское, ни церковное—не издавало постановленій, которыя такъ долго сохраняли бы силу въ такой обширной части образованнаго міра, какъ постановленія, изданныя этими древними парламентами Византійской имперіи. Многія изъ этихъ постановленій пришли въ забвеніе (съ раздѣленіемъ церквей), но постановленія перваго, и самаго знаменитаго собора, крѣпко еще держатся не только на всемъ Востокѣ, но и въ значительной части западной церкви. Все христіанство, за немногими исключеніями, принимаетъ символъ перваго Никейскаго собора, какъ самое древнее, самое торжественное и всеобщее выраженіе христіанскаго богословія. На этомъ собраніи церковь въ первый разъ сошлась съ имперіей въ мирномъ соглашеніи; исповѣдники Діоклетіанова гоненія сошлись съ первыми предстоителями организованной церкви; родоначальникъ догматическихъ богослововъ, Афанасій, сошелся съ родоначальникомъ церковной исторіи, Евсевіемъ.»

Второй періодъ въ исторіи восточной церкви авторъ обозначаетъ появленіемъ магометанства. Ученіе Магомета, по мнѣнію его, существенно связано съ исторіей восточной церкви; онъ находитъ въ ученіи Корана столько преданій очевидно заимствованныхъ, хотя и въ искаженномъ видѣ изъ восточнаго христіанства и апокрифическихъ книгъ его, что рѣшается всю систему ислама причислить къ искаженнымъ ученіямъ и ересямъ восточной церкви. Однакожь это слишкомъ слабое воззрѣніе автора вовсе не доказано и слабо развито въ его сочиненіи: оно по справедливости осуждается въ Англіи здравою критикой. Основательнѣе другая причина, по которой авторъ придаетъ магометанству существенное значеніе въ исторіи восточной церкви. Онъ видитъ въ немъ начало религіозной реакціи, которое возникло въ предѣлахъ церкви, и съ которымъ она должна была вступить въ непримиримую историческую борьбу. При-

томъ съ распространеніемъ магометанства началась великая политическая борьба греческаго и славянскаго племени съ Арабами, Турками и Татарами, борьба, которая существенно связана съ политическою, и съ церковною исторіей этихъ племенъ.

Третій періодъ въ исторіи восточной церкви начинается съ принятія греческаго вѣроученія Русью, съ установленія русской церкви.

Книга Стэнлея написана прекраснымъ языкомъ и читается съ большимъ интересомъ. Замѣчательнъ въ ней спокойный тонъ и духъ примиренія, который, именно въ настоящую минуту, очень кстати въ англійской церковной литературѣ, послѣ бури, поднятой въ прошломъ году извѣстною книгой *Essays and Reviews*, и до сихъ поръ еще не утихшей <sup>1</sup>.

IV столѣтіе христіанства привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе автора. И не онъ одинъ останавливается съ одушевленіемъ на этой эпохѣ, такъ знаменательной въ исторіи церкви: не прошло еще и двухъ лѣтъ какъ литература обогатилась большимъ интереснымъ сочиненіемъ князя де-Броля о томъ же предметѣ (*L'Église et l'Empire romain au IV-me siècle*). Даже холодный и болѣе чѣмъ равнодушный ко всякому вѣрованію Гиббонъ впадаетъ въ тонъ одушевленія, приступая къ великимъ личностямъ и касаясь великихъ интересовъ этой эпохи.

Борьба между убѣжденіями и мнѣніями, никогда еще не доходила до такой горячности и силы, и не приводила къ такимъ великимъ для цѣлаго міра результатамъ, какъ въ это время. Для этой великой борьбы, отъ которой зависѣла повидимому судьба христіанства, созванъ былъ первый соборъ со всего христіанскаго міра. Не мудрено, что первая мысль о соборѣ родилась въ умѣ самаго императора. Изъ его посланія, не задолго передъ тѣмъ адресованнаго къ александрійской церкви, мы знаемъ до какой степени смущало его, еще недавняго язычника, сознание того, что в христіанскій міръ, подобно языческому, раздробился на множество враждебныхъ толковъ и ожесточенныхъ партій по вѣрѣ. «Умоляю васъ, писалъ онъ,—оставьте ваши пустые и безконечные споры, возвратитесь къ тому согласію, котораго требуетъ общая вѣра. Умоляю васъ, возвратите мнѣ мои тихіе дни, мои спокойныя ночи, свѣтъ и радость вмѣсто слезъ и горькаго сожалѣнія.» Константинъ хотѣлъ единодушія: вскорѣ можетъ-быть онъ, въ нетерпѣніи, и потребовалъ бы его, потому что открыто высказывалъ вѣру въ свое призваніе соединить міръ

<sup>1</sup> Объ *Essays and Reviews*, см. корреспонденцію изъ Лондона, въ № 15 *Сорам. Литер.*



подъ одною главою. Къ счастью до этого не дошло, и первый вселенскій соборъ, по описанію безпристрастныхъ его историковъ, былъ первымъ и едва ли не единственнымъ примѣромъ свободнаго обсужденія вопросовъ о вѣрѣ, и притомъ не только высшими членами церковной іерархіи, но и членами церкви какъ собранія вѣрующихъ. Въ эту эпоху ревность къ вѣрѣ была въ духъ всѣхъ вѣрующихъ, а равнодушіе къ ея вопросамъ встрѣчалось только у язычниковъ.

Предоставляемъ читателю прочесть въ самой книгѣ живой, одушевленный разказъ Станлея объ этой великой борьбѣ и о главныхъ бойцахъ ея. Выписываемъ только портреты Аѳанасія и Арія:

«Позади папы александрійскаго Александра, мы видимъ малорослаго, незначительнаго по виду молодого человѣка, едва двадцати-пяти лѣтъ отъ роду, съ живыми приемами, съ оживленною рѣчью, съ ясною свѣтлою фзіономіей. Современники называютъ его почти карликомъ по росту: такъ отзывался о немъ Юліанъ; но при этомъ маломъ ростѣ черты и выраженіе лица его отличались, по словамъ Григорія Назіанзина, какою-то ангельскою красотой. Преданіе придаетъ ему наклоненную осанку, сгорбленный носъ, небольшой ротъ, малую бороду съ большими усами и свѣтло-кашгановые волосы, — типъ египетскаго происхожденія. Онъ только діаконъ, правда главный, или архидіаконъ, Александра; но онъ успѣлъ уже приковать къ себѣ вниманіе всего собранія, силой и жаромъ своей аргументаціи. Онъ начинаетъ теперь играть роль, которую скоро, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, призванъ будетъ выполнить и по имени и на дѣлѣ. Здѣсь его дѣятельность готовитъ уже ему тѣхъ враговъ, которые потомъ во всю жизнь не переставали его преслѣдовать. Всякій кто читалъ послѣдующія его рѣчи, проникнутыя страстною ревностію, можетъ составить себѣ понятіе о томъ, какимъ онъ долженъ былъ казаться посредѣ горячихъ бигвъ своей молодости. Этого маленькій, незначительный діаконъ — великій Аѳанасій.

«Послѣ патріарха и діакона александрійской церкви, вогъ одинъ изъ важнѣйшихъ ся пресвитеровъ, священникъ бавкалейской приходской церкви, самой древней церкви въ Александріи. По наружности, онъ совершенная противоположность Аѳанасію. Ему шестьдесятъ лѣтъ отъ роду, онъ очень высокъ и тонокъ; у него какая-то странная манера тѣлодвиженій, которую враги его сравниваютъ съ швизваніями змѣи. Его можно было бы назвать красивымъ, когда бы не истощеніе и блѣдность лица, да еще опущенный къ низу взглядъ, слѣдствіе слабости зрѣнія. По временамъ жилы его надуваются и всѣ члены дрожатъ какъ будто онъ страдаетъ какою-нибудь сильною внутреннею бо-

дѣшью, конечно тою же, которая въ послѣдствіи поразитъ его внезапною и страшною смертію. У него какой-то дикій взглядъ, поражающій съ перваго раза. Одежда его и осанка показываютъ въ немъ строгаго аскета. На немъ длинное платье съ короткими рукавами (монахи въ то время не носили рукавовъ, въ знакъ того, что руки ихъ не должны простираться на неправду) и на плечѣ орарь (scarf), въ половину короче обыкновеннаго, знакъ строгой жизни; на головѣ цѣлая масса включенныхъ волосъ. Онъ обыкновенно молчитъ, только по временамъ приходитъ въ какое-то дикое раздраженіе, какъ будто обезумѣвъ. Но при всемъ томъ въ голосъ его есть сладость; манера его, при всей ярости, до того привлекательна, что очаровываетъ всѣхъ, кто входитъ съ нимъ въ сношеніе. Говорятъ, что между благочестивыми дамами въ Александріи у него не менѣе семисотъ горячихъ поклонницъ. Этотъ странный, чарующій гигантъ безумнаго вида — еретикъ Аріи.»

Вотъ еще картина открытія собора:

«Для собранія приготовлена большая продольная зала въ центрѣ дворца, самая обширная во всемъ дворцѣ. Съ каждой стороны вдоль по стѣнамъ поставлены скамьи для низшихъ членовъ и кресла для высшихъ: здѣсь размѣстилось около 300 епископовъ можетъ-быть, съ спутниками своими діаконами и пресвитерами. Въ центрѣ залы, на особомъ престолѣ, лежали книги священнаго писанія. Взоры всѣхъ устремлены были на одно не занятое мѣсто: въ верхнемъ концѣ залы, между двумя рядами креселъ поставленъ былъ тронъ изъ рѣзной слоновой кости съ позолотой, точно такой, на какомъ обыкновенно сидѣлъ императоръ въ циркѣ или гипподромѣ. Долгіе споры, горячія обвиненія, все вдругъ замѣнилось глубокимъ молчаніемъ. Ничей голосъ не нарушалъ тишины того ожиданія, которое обыкновенно предшествуетъ приходу давно ожидаемаго лица, неизвѣстному зрѣлищу, приближенію отдаленной процессіи (слова Евсевія). Вотъ послышались шаги, вошелъ одинъ придворный чиновникъ, за нимъ другой и третій. Но не видно обычнаго ряда щитовъ и копій. Языческая гвардія не должна была входить въ великое христіанское собраніе, которымъ какъ бы освящено было мѣсто засѣданія. Только тѣмъ придворнымъ сановникамъ, которые приняли уже христіанскую вѣру, предоставлено было возвѣстять приближеніе государя. Наконецъ послѣдній знакъ, можетъ-быть свѣтъ свѣтъ поднятый курсоромъ, возвѣстилъ, что императоръ уже у дверей. Все собраніе встало, и въ первый разъ обратило восторженные взоры на Константина, Побѣдителя, Августа, Великаго. Онъ вошелъ. Его огромный ростъ, крѣпко-сложенная фигура, широкія плечи, красивыя черты, соответствовали его величественному положенію. Ясность

львиного взора, который при всей своей приятности выражалъ непреклонную волю, была достойна того, кто подобно Октавію Августу, когда-то воображалъ, а можетъ-быть и въ эту минуту былъ не прочь воображать себя любимцемъ Аполлона. Епископы были кромѣ того поражены ослѣпительнымъ, почти варварскимъ, великолѣпіемъ его одежды. Всегда заботливый о своемъ костюмѣ, на этотъ разъ онъ занялся имъ особенно. Длинные волосы его (онъ носилъ иногда поддѣльные) увѣнчивались императорскою жемчужною діадемой. Пурпуровая мантия его блистала драгоценными камнями и золотымъ шитьемъ. На ногахъ у него была, безъ сомнѣнія, пурпуроваго цвѣта обувь, составлявшая въ то время исключительную принадлежность императоровъ, присвоенная теперь папѣ и кардиналамъ. Многие изъ епископовъ вѣроятно не видывали никогда сановниковъ, выше какого-нибудь начальника отдаленной провинціи; когда они смотрѣли на величественную фигуру Константина, какъ онъ проходилъ между ихъ рядами, когда вспоминали при этомъ, что сдѣлалъ онъ для вѣры и для церкви ихъ, въ эту минуту—можно повѣрить тому, какъ описываютъ намъ,—и простые и знатные смотрѣли на него будто на ангела Господня, спешаго съ небесъ. Но это смущеніе пришлось испытать не одной только сторонѣ. Какъ еще ни были слабы въ эту эпоху религиозныя понятія Константина, нѣтъ сомнѣнія, что религиозное чувство тогда уже достигло въ немъ до трепетнаго уваженія къ вѣрѣ. Торжественная минута была для него увидѣть себя въ первый разъ посреди представителей того великаго общества, котораго искреннимъ сторонникомъ онъ недавно объявилъ себя. Все священное достоинство, которымъ прежде облечены были въ глазахъ его фламмы и авгуры, перенесъ онъ теперь еще въ большей степени на тѣхъ почтенныхъ мужей, которые стояли передъ нимъ, и взорами своими и даже ранами и увѣчемъ отъ прежнихъ гоненій, свидѣтельствовали о цѣльности и энергіи своей юной и крѣпкой вѣры. Краска выступила на щекахъ императора. Въ этой краскѣ императорскаго смущенія было болѣе простоты и свободы чувства, чѣмъ въ той краскѣ, которую въ другомъ случаѣ, черезъ много вѣковъ послѣ того, на большомъ соборѣ латинской церкви видѣли на щекахъ другаго императора, въ «краскѣ Сигизмунда» на Констанскомъ соборѣ. Здѣсь видно было естественное выраженіе Константинова волненія и смущенія. Онъ шелъ по залѣ, опустивъ взоры, колеблющимся шагомъ, и когда достигъ трона, который былъ ему приготовленъ, остановился неподвижно, покуда епископы не пригласили его сѣсть. Тутъ онъ сѣлъ, и всѣ вслѣдъ за нимъ сѣли.»

Предѣлы статьи не позволяютъ намъ слѣдовать за авторомъ

въ представленной имъ характеристикѣ восточной церкви. Замѣтимъ только, что взглядъ его отличается спокойствіемъ, которое такъ рѣдко можно встрѣтить въ сочиненіяхъ западныхъ писателей, когда имъ приходится говорить о нашей церкви.

«Мы поступили бы, говорить онъ, несправедливо въ отношеніи къ восточнымъ своимъ братьямъ, когда бы въ исторіи ихъ извлекли для себя уроки только изъ противорѣчій, недостатковъ и слабостей. Есть конечно люди, которые смотрятъ на восточную церковь не иначе какъ на помертвѣлое дерево, давно утратившее жизнь и всѣ жизненные соки, и годное только къ посѣченію. Правда, дерево это старое, но изъ-подъ сѣни этого дерева возникла вся остальная христіанская церковь. Корни его такъ широко и глубоко вросли въ родную почву, что всякая другая постоянная форма религіозной жизни, еслибы захотѣла прочно утвердиться на этой почвѣ, должна непременно привиться къ стволу стараго дерева... Говорятъ о неподвижности; но мы, по человѣческому разсужденію, должны быть благодарны и за неподвижность, которая сохранила такую обширную и почтенную часть христіанскаго міра отъ господства тридентскихъ декретовъ и отъ безконечныхъ подраздѣленій аугсбургскаго и женевакскаго ученія. Если придетъ время для возбужденія дряхлѣющихъ церквей на дальнемъ Востоку, то пріятно думать, что въ Константинополѣ нѣтъ непогрѣшимаго первосвященника, нѣтъ отчужденной отъ семейнаго быта іерархіи, которая помѣшала бы религіознымъ и соціальнымъ элементамъ слиться въ одно цѣлое. Съ благодарностію вспоминаемъ, что есть въ мірѣ богословіе, которому проповѣдникомъ служить Златоустъ въ духѣ любви и свободы, въ которомъ невѣдомы и ничего не значатъ авторитеты Дунса Скотта и Кальвина. Для восточной церкви есть будущее. Развѣ мы не знаемъ, что иногда люди, почтенные по возрасту и званію, неуклонно-приверженные къ старымъ наслѣдственнымъ формамъ вѣры и дѣятельности, встрѣтившись съ возрѣніями молодого и кипучаго поколѣнія, способны дать ему новое направленіе, именно съ той отдаленной точки, съ которой они обращаются къ нему, и обнаруживаютъ такую способность ужиться съ молодымъ поколѣніемъ, терпѣть его, понимать его, какой не найдешь и въ людяхъ, близкихъ по роду занятій или по нраву и расположенію? Таково положеніе восточнаго христіанина относительно члена западной церкви. Онъ стоитъ вдалекѣ отъ нашихъ горячихъ споровъ, избѣгнувъ нашего волненія, и подходитъ къ намъ съ свободой и свѣжестью, какую трудно уже найти посреди шума и суеты на Западѣ. Онъ обладаетъ рѣдкимъ даромъ—древнею вѣрой безъ нетерпимости и безъ прозелитизма. Онъ крѣпко и съ увѣренностію привязанъ къ своей церкви и

къ своему народу, но готовъ понять и признать чужое вѣрованіе, въ духѣ сердечнаго благоволенія къ человѣку. Отсюда родится взаимное довѣріе, котораго между соперниками и сосѣдями почти невозможно достигнуть. Онъ стоитъ на границѣ Востока съ Западомъ: къ Востоку тянуть его обычаи, происхождение, мѣстное положеніе; Западъ неудержимо привлекаетъ его къ себѣ духомъ своей цивилизаціи. Итакъ, въ немъ мы находимъ звено между двумя разобщенными сферами, котораго нигдѣ еще найдти не можемъ. Греческое племя можетъ еще вновь сообщить изъ Европы въ Азію свѣтъ, который въ прежніе дни свободы сообщило изъ Азіи въ Европу. Славянское племя можетъ еще черезъ Волгу и Каспійское море сообщить цивилизацію, которую оно получило на берегахъ Невы и Балтійскаго моря.

• И мы, при всей своей энергіи и полнотѣ своей жизни, можемъ съ пользою для себя вглядываться въ безпримѣрное зрѣлище; цѣлыя племена проникнуты религіознымъ чувствомъ: чувство это очевидно сливается съ ихъ духомъ, хотя бы еще и слабо выражалось во внѣшней ихъ дѣятельности; если намъ и кажется, что оно произвело немного людей, которыхъ мы, съ своей точки зрѣнія, могли бы назвать святыми или философами, мы должны однако сознаться, что въ теченіе столѣтій угнетенія чувство это породило цѣлыя полки исповѣдниковъ и мучениковъ. Для насъ поучительно видѣть эту спокойную силу, твердо сознающую, что она обладаетъ сокровищемъ наследственной вѣры: довольствуясь вполне сама для себя этимъ сокровищемъ, она не стремится насильно навязывать его другимъ. •

Изученіе восточной церкви авторъ считаетъ особенно важнымъ для англиканскаго духовенства: онъ видитъ особое сходство въ положеніи своей національной церкви съ положеніемъ восточныхъ церквей.

Русская церковь обращаетъ на себя особенное вниманіе Стэнлея: цѣлыя три главы въ книгѣ посвящены ея исторіи и описанію нынѣшняго ея состоянія и характера. Авторъ пользовался при этомъ тѣми источниками русской исторіи, какіе были ему доступны: но всего важнѣе были для него личныя наблюденія. Для этой цѣли пріѣзжалъ онъ въ Москву лѣтомъ 1857 года, осматривалъ все замѣчательное по своему предмету, часто присутствовалъ при нашемъ богослуженіи и церковныхъ процессіяхъ, осматривалъ Троицкую лавру и Новый Іерусалимъ, ѣздилъ въ Новгородъ и въ Нижній. Въ Москвѣ адресовался онъ къ покойному А. Н. Бахметеву, къ которому имѣлъ рекомендацію отъ леди Гренвилль, и встрѣтилъ ученыхъ, опытныхъ и надежныхъ руководителей, о которыхъ нѣсколько разъ вспоми-

наеть съ сердечною благодарностію въ своей книгѣ<sup>1</sup>. Онъ сожалѣеть, что не успѣлъ лично познакомиться съ покойнымъ А. С. Хомяковымъ, о которомъ давно составилъ себѣ высокое понятіе по извѣстнымъ его брошюрамъ: *Quelques mots par un chrétien orthodoxe*.

Отдѣльное изученіе русской церкви и ея исторіи кажется автору чрезвычайно важнымъ по многимъ причинамъ. Это, по мнѣнію его, единственная изъ всѣхъ восточныхъ церквей, которой исторія отличается непрерывностію и цѣльностію. Она только одна представляетъ восточное вѣроисповѣданіе въ дѣйствительной организаціи, въ тѣсной связи съ національнымъ характеромъ.

Большая часть X главы посвящена характеристикѣ Москвы съ ея соборами и монастырями. XI глава вся состоитъ изъ исторической характеристики патріарха Никона — лицо, на которомъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается авторъ. Источниками служили ему между прочимъ, кромѣ русскихъ историческихъ сочиненій, *Жизнь Никона*, изданная въ Германіи Бахмейстеромъ, Записка Коллинса о Россіи и книга извѣстнаго Пальмера *Dissertations on the orthodox communion*. Кромѣ того онъ воспользовался однимъ изъ самыхъ любопытныхъ иностранныхъ источниковъ, къ сожалѣнію мало извѣстныхъ у насъ въ Россіи и еще непереведеннымъ вполне на русскій языкъ — записками о путешествіи въ Россію патріарха Макарія<sup>2</sup> Въ XII и послед-

<sup>1</sup> Если эта книга, говоритъ авторъ въ предисловіи, попадетъ въ руки кому-нибудь изъ тѣхъ Русскихъ, которыхъ гостепріимствомъ я пользовался въ Москвѣ, надѣюсь, она простятъ мнѣ не только неточность въ подробностяхъ, которой не можеть избѣжать иностранецъ, но и разногласіе съ нами въ общей точкѣ зрѣнія, съ которой западный Европеецъ по необходимости смотритъ на церковь и государство въ Россіи. Въ рощахъ Троицкой лавры, надъ домомъ архіепископа Платона, есть выразительная надпись, пословица: - Кто сюда приходитъ, сору изъ възы не выносить. Можеть-быть это правило и не совсемъ исполнимо для безпристрастнаго путешественника, но я могу сказать по совѣсти, что главное впечатлѣніе, которое я вынесъ съ собою изъ Россіи есть чувство признательности за вниманіе и любезность, съ которыми принимали меня и свѣтскіе люди и духовныя особы. Мнѣ отъ радно думать, что московскіе друзья, вниманію которыхъ я особенно предоставляю ту часть труда моего, гдѣ говорится о русской церкви, примутъ ее какъ знакъ искренней, доброй надежды и добраго желанія родному ихъ краю, именно въ настоящую критическую эпоху его общественнаго быта, и при вступленіи въ тысячелѣтнюю годовщину исторической его жизни.

<sup>2</sup> Въ XVI столѣтіи, при царѣ Алексѣѣ и Никонѣ, Макарій патріархъ антиохійскій пріѣзжалъ въ Россію для собранія милостыни. Состоявшій при немъ любознательный архидіаконъ Павелъ велъ во все время подробный дневникъ обо всемъ, что они видѣли и слышали замѣчательнаго во время путешествій. Дневникъ этотъ писанъ на сирскомъ языкѣ; англійскій переводъ его изданъ въ Лондонѣ обществомъ переводчиковъ съ восточныхъ языковъ. Въ одной изъ книжекъ *Душеполезнаго Чтенія* за вышнѣшній годъ

ней главѣ описаны реформы Петра и преобразованіе церковнаго управленія въ Россіи. Въ концѣ приложены планъ и описаніе московскаго Успенскаго собора и карта восточныхъ церквей въ Европѣ, Азій и Африкѣ.

Скажемъ въ заключеніе, что сужденіе Станлея о восточной церкви тѣмъ замѣчательнѣе, что онъ принадлежитъ не къ школѣ *пыюземствова*, а къ такъ-называемой *широкой*, либеральной англійанской церкви (Broad Church).

Авторъ заключаетъ свою книгу слѣдующими замѣчательными словами: «Итакъ, очевидно, что внутренняя жизнь русской церкви не была ни парализована ея крѣпкою приверженностью къ древнимъ формамъ, ни подавлена насильственными преобразованіями Петра. Но кто можетъ угадать, въ чемъ состоитъ ея будущность? Способна ли будетъ она отвергнуть всякія иноземныя заимствованія какъ съ Востока, такъ и съ Запада, укрѣпить и развить въ себѣ свой геній, свой особенный духъ? Удержавъ при себѣ выработанную систему своихъ обрядовъ, успѣетъ ли она вполнѣ воспользоваться ими какъ средствомъ для истиннаго, духовнаго и нравственнаго назиданія народа? Сохранивъ свою религіозную силу національной вѣры, обратитъ ли она эту силу на поприще практической общественной жизни для того чтобъ очищать отъ разврата и пороковъ высшіе классы, отъ привычекъ къ обману и невоздержности—средніе и низшіе классы общества? Въ русской церкви, за литургіей, когда поется символъ вѣры, служащее духовенство привѣтствуетъ другъ друга братскимъ лобзаніемъ, для того чтобы напомнить другъ другу и всему собранію, что православную вѣру никогда не слѣдуетъ отдѣлять отъ любви апостольской. Можно ли надѣяться, что въ ихъ церковномъ развитіи эта прекрасная мысль осуществится вполнѣ и совершеннѣе чѣмъ въ нашемъ? Россія не послужитъ ли примѣромъ того, что въ церкви и въ народѣ развитіе идеи, ученіе и изслѣдованіе не вмѣняется въ разрушеніе и гибель религіозному вѣрованію и благочестію, а почитается дѣятельнымъ ихъ исполненіемъ? Не увидятъ ли западныя церкви, что въ величайшей національной церкви, какая только существуетъ въ мірѣ, есть дѣйствительное начало жизни, болѣе крѣпкое, свободное и мирное чѣмъ тѣ начала, которыя раскрыла передъ нами римская церковь въ своемъ единствѣ и протестантская въ многообразіи своихъ толковъ?»

«Отъ отвѣта на эти вопросы зависить будущая исторія не

---

помѣщенъ въ русскомъ переводѣ отрывокъ изъ этого дневника, который можетъ дать понятіе объ интересѣ цѣлаго описанія поѣздки патриарха Макарія съ царемъ и съ Никономъ въ Саввинъ монастырь. Въ этомъ дневникѣ содержится много подробностей о царѣ Алексѣѣ и о патриархѣ Никонѣ.

только Русской церкви и Русской имперіи, но исторія всего восточнаго и даже въ значительной степени, западнаго христіанства. Последнее слово императора Петра, когда онъ боролся между жизнью и смертію, было: *Посль...* Намъ неизвѣстно, какой таинственный смыслъ могло имѣть для него это слово въ минуту смерти. Но можно вообразить, что и въ этотъ торжественный часъ мысль его обращена была къ неизвѣстному будущему возлюбленной Россіи. Для насъ, какъ бы интересно ни казалось намъ прошедшее Россіи,—еще болѣе глубокаго интереса въ этомъ словѣ: *посль*, когда мы обращаемся съ нимъ къ будущему Русской имперіи и Русской церкви.»

*Матеріалы для Географіи Статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Рязанская губернія. Составилъ М. Барановичъ. С.-Петербургъ, 1860 года. Въ 8 д. л. стр. 551.*

Уже одни почтенные размѣры говорятъ въ пользу труда г. Барановича, потому что всякое описаніе, а тѣмъ болѣе статистическое, требуетъ, кромѣ иныхъ качествъ, непременно полноты. Принявшись за чтеніе, вы найдете въ этой книгѣ весьма существенныя достоинства: подробность, ясность, до извѣстной степени систему; несмотря на серіозность предмета, книга читается довольно легко. Мы намѣрены однако сдѣлать нѣсколько замѣчаній на сочиненіе г. Барановича, тѣмъ болѣе что знаемъ до нѣкоторой степени Рязанскую губернію.

Просимъ только помнить, что они не болѣе какъ результатъ личныхъ соображеній; мы не имѣемъ возможности повѣрить трудъ г. Барановича по источникамъ, которыми самъ онъ пользовался; большая часть этихъ источниковъ не напечатана.

Книга дѣлится на семь главъ.

I. Географическое и топографическое описаніе. II. Жители. III. Промышленность. IV. Образованность. V. Внутренній и внѣшній бытъ мѣстнаго населенія. VI. Управление. VII. Свѣдѣнія о городахъ, селеніяхъ и замѣчательныхъ мѣстахъ вообще, и описаніе городовъ и замѣчательныхъ мѣстъ въ особенности.

Изъ этого перечня читатель можетъ видѣть, что сочиненіе имѣетъ весьма широкія рамки. Но перечисленныя главы далеко неодинаковы по объему; такъ напримѣръ на долю III-й (О промышленности) пришлось 190 страницъ, а IV-й (объ образованности) къ сожалѣнію всего 29.



Труду своему авторъ предпосылаетъ *Историческое введѣніе* на 20 стр. Мы имѣемъ болѣе подробную *Исторію Рязанскаго княжества*, г. Иловайскаго; слѣдовательно сухое перечисленіе главнѣйшихъ фактовъ едва ли можетъ къ чему служить. Подобныя введенія могли бы имѣть значеніе при описаніи только тѣхъ губерній, исторія которыхъ не обработана (то-есть едва ли не всѣхъ другихъ, кромѣ Рязанской).

Въ 1-й главѣ (географическое и топографическое описаніе) мы были удивлены слѣдующими словами, на 32 страницѣ, о сѣверной промышленной мещерской сторонѣ губерніи<sup>1</sup>: «Почва отличается бесплодіемъ и даетъ самые скудные урожаи, такъ что земледѣліе почти оставлено жителями, которые прискиваютъ себѣ другія, болѣе надежныя средства къ существованію.»

Дѣйствительно, въ Касимовскомъ и Егорьевскомъ уѣздахъ почва плоха; но при достаточномъ удобреніи она родитъ хлѣбъ довольно порядочно; крестьяне всѣ сѣютъ хлѣбъ, слѣдовательно никакъ нельзя сказать, что земледѣліе почти оставлено жителями; правильнѣе было бы сказать, что земледѣліе составляетъ здѣсь второстепенное занятіе. Авторъ самъ говоритъ, на стр. 411, что въ сѣверныхъ уѣздахъ собирается хлѣба менѣе чѣмъ въ южныхъ, но за то цѣна ему высокая и сбытъ подъ рукой. Согласитесь, что при этихъ условіяхъ едва ли кто перестанетъ заниматься хлѣбопашествомъ.

Въ 3-й главѣ авторъ выводитъ цѣны на хлѣбъ на основаніи среднихъ цѣнъ въ губерніи съ 1847 по 1857 годъ. Едва ли эти послѣднія цѣны могутъ быть принимаемы въ руководство теперь, когда условія совершенно измѣнились противъ того, что было десять и даже пять лѣтъ тому назадъ. Цѣны, выведенныя г. Барановичемъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ низки. Такъ онъ назначаетъ высшія цѣны:

Въ Егорьевскомъ за четверть ржи 3 р.; — — овса 1 р. 75 к. сер.  
а низшія въ Данковѣ — — — 1 р. 88 к. — 1 р. — — сер.

Теперь такихъ цѣнъ нѣтъ, и вѣроятно ихъ уже никогда не будетъ. Огчасти сознаеть это и самъ авторъ; при выводахъ онъ считаетъ нужнымъ сдѣлать надбавку, именно предполагаетъ возвысить свои цѣны на 20%. Но мы думаемъ, что этого недостаточно; одно умноженіе бумажныхъ знаковъ, со времени послѣдней войны, подняло всему цѣну на 30, если не на 40 процентовъ. Прибавьте къ этому, что затѣмъ непосредственно губернія была обременена военнымъ постоемъ въ 35.000 человекъ, какого

<sup>1</sup> Г. Барановичъ раздѣляетъ Рязанскую губернію на три замѣтно-отличающіяся части: степную, рязанскую и мещерскую.

еще никогда не было въ губерніи (стр. 162). А это еще болѣе должно было поднять цѣны. Извѣстно между тѣмъ, что поднявшіеся разъ, цѣны падаютъ несоразмѣрно медленно... Словомъ, мы думаемъ, что если цѣны на хлѣбъ, выведенныя г. Барановичемъ, увеличить даже на 50%, то ошибки не будетъ.

Говоря о хлѣбной торговлѣ въ сѣверныхъ уѣздахъ, авторъ высказываетъ мысль, что она составляетъ монополію нѣкоторыхъ капиталастовъ, возвышающихъ и понижающихъ цѣны по своему усмотрѣнію (стр. 197). Едва ли это вполне справедливо; въ этихъ мѣстностяхъ существуютъ хотя небольшія, но относительно хорошо устроенныя барщинныя запашки; и у всякаго помѣщика почти всегда найдется нѣсколько свободныхъ десятковъ четвертей хлѣба, которыя, въ случаѣ хорошихъ цѣнъ, онъ пошлетъ на базаръ. Какаѣ же тутъ монополіи? Сверхъ того, въ мещерскую сторону, которая своимъ хлѣбомъ довольствоваться не можетъ, подвозится хлѣбъ изъ другихъ мѣстностей, который можетъ и не принадлежать тамошнимъ торговцамъ.

О цѣнахъ на сѣно можно сказать то же самое, что и о цѣнахъ на хлѣбъ. Авторъ назначаетъ среднюю цѣну въ 6, 7 коп. сереб. въ сѣверныхъ уѣздахъ, и отъ 12—17 въ южныхъ; между тѣмъ на берегахъ Оки, то-есть въ самомъ дешевомъ пунктѣ бываетъ, что сѣно продается по 20 коп. сер. Вслѣдствіе этихъ высокихъ цѣнъ, мужикъ, скашивая на тягло отъ 70—100, а иногда и болѣе пудовъ сѣна, снѣшить часто еще осенью сбыть его. Продавая, среднюю цѣною, по полтвиѣ ассигнаціями<sup>1</sup> за пудъ, онъ выручаетъ около 15 р.; сер. и употребляетъ эти деньги или на уплату оброка и подушныхъ, или на покупку хлѣба, потому что своего почти никогда не достаетъ, и т. п. Продавъ такимъ образомъ свое сѣно, мужикъ оставляетъ скотину безъ корма. Рогатый скотъ ѣстъ солому, колосья и т. д. Лошади же большею частью зимой въ извозѣ, слѣдовательно ѣдятъ овесъ; но къ веснѣ онѣ возвращаются домой, и тутъ для нихъ наступаетъ тяжелая пора. Сѣна нѣтъ, солома — плохой кормъ, лошади тощатъ: а между тѣмъ уже начинаются полевыя работы. Чтобы не такъ чувствителенъ былъ недостатокъ корма, крестьяне посыпаютъ солому мукой, дѣлаютъ такъ-называемое мѣсиво (не забудьте, что муку они покупаютъ сами, а весной хлѣбъ самый дорогой). Наконецъ выгоняютъ скотъ въ луга, когда трава едва только показалась, и лошади рвутъ едва поднявшіяся отъ земли былинки съ корнями изъ земли. Естественнымъ слѣдствіемъ этого бываютъ болѣзни, и ежегодно въ маѣ мѣсяцъ падаетъ

<sup>1</sup> Въ здѣшней сторонѣ считаютъ по преимуществу на ассигнаціи.

большое количество лошадей. Вслѣдствіе того же ранняго же выгона, самые луга сильно выбиваются, отчего неминуемо страдаетъ покось. Все это не хуже насъ съ вами понимаютъ мужики; да что же дѣлать коли деньги нужны, срокъ оброку да и подати спрашиваютъ?...

Въ IV-й главѣ (Образованность), какъ мы уже замѣтили, всего 29 стр. А если отсюда исключить описаніе монастырей на 5-й стр., неизвѣстно почему помѣщенное въ главѣ объ образованіи, останется всего 24 страницы.

Изъ этой главы между прочимъ читатель узнаетъ, что изъ всего числа жителей губерніи (1.409.000) магометанъ 5000 обоего пола; они имѣютъ 10 мечетей и 37 лицъ магомеганскаго духовенства. Раскольниковъ же въ губерніи болѣе 10.000, у нихъ 13 часовень, въ томъ числѣ запечатанныхъ 7...

Первое училище, основанное въ Рязани въ 1722 году, была арифметическая школа. Ходъ обученія въ ней былъ очень не блистателенъ: въ 1746 году учениковъ было 86, да въ бѣгахъ 38. Сборъ хлѣба и припасовъ производился впрочемъ на 98 человекъ (это вѣроятно на случай, если кто вернется съ бѣговъ).

Въ 1837 году цифра учащихся въ Рязанской губерніи простиралась до 4.000. а въ 1857 году болѣе нежели удвоилась, то-есть учениковъ было слишкомъ 8.000. А вотъ въ Массачусетсѣ, въ Сѣверной Америкѣ, на 1.133.000 жителей, въ 1855 году было учащихся: лѣтомъ 144.000, а зимою 157.000.

Въ числѣ вышеупомянутыхъ 8.000 учащихся считается и все молодое поколѣніе Татаръ. Татары здѣсь всѣ до одного грамотны: молодые люди обучаются въ 9 (стр. 374), а можетъ быть и въ 10 (стр. 376) училищахъ при мечетяхъ.

Говоря о касимовскихъ Татарахъ, авторъ справедливо называетъ ихъ весьма полезными гражданами. Они дѣйствительно стоятъ на степеніи развитія гораздо высшей чѣмъ русскіе поселане; они, какъ уже сказано, всѣ грамотные, а между тѣмъ среди Русскихъ, даже въ купеческомъ сословіи, бывають и гласные ратманы, прикладывающіе вѣсто подписи свою печать (стр. 375). Татары пользуются значительною степенью и матеріальнаго благосостоянія. По мнѣнію г. Барановича, это происходитъ отъ того, что значительная часть ихъ отправляется на заработки въ Москву и Петербургъ, и оттуда они помогаютъ своимъ семьямъ. Не отрицая сказаннаго, думаемъ, что болѣе существенная причина благосостоянія кроется въ томъ, что живущая дома часть населенія вовсе не оказываетъ содѣйствія винному откупу, то-есть не употребляетъ *вина*, которое такъ губитъ русскаго человекъ. Какое оно достается русскому человекъу, о томъ мо-

гуиъ дать понятіе слѣдующія цифры: Въ 1857 году, рязанскіе откупщики, сверхъ обязательной пропорціи въ 547.180 ведеръ, еще выбрали 180.464 ведра; а продавая вино, вмѣсто законной цѣны 3 р. сер., кругомъ по 5 слишкомъ рублей, выручили всего до 4.200.000 р. сер. (стр. 414).

Особенно громадную покажется эта цифра, если вспомнить, что мѣщане, крестьяне казенные и помѣщичьи, платятъ всѣхъ податей въ казну на сумму около 1 милліона. Итакъ, въ откупъ населеніе вноситъ вчетверо болѣе, чѣмъ прямыхъ податей въ казну!

Не можемъ отказагь себѣ въ удовольствіи привести еще нѣсколько цифръ изъ книги г. Барановича. При учрежденіи палаты государственныхъ имуществъ въ 1839 году, недоимокъ на казенныхъ крестьянахъ считалось до 111.000 р. сер.; съ тѣхъ поръ эта цифра увеличивалась съ замѣчательнымъ постоянствомъ, и въ 1856 году простиралась до 769.000... Какъ видите, въ 17 лѣтъ недоимка увеличилась ровно всемеро; отсюда не трудно догадаться, на сколько успѣшна была дѣятельность вышеозначенной палаты...

Все число помѣщичьихъ имѣній въ губерніи простирается до 5.595 (стр. 231); въ нихъ заключается 392.000 душъ мужескаго пола; изъ всего числа имѣній (кромѣ уѣздовъ Скопинскаго, Михайловскаго и Раненбургскаго) заложенныхъ и перезаложенныхъ — 2.554, подвергнуто опекѣ, описи и продажѣ—194 (стр. 235). Если прибавить уѣзды, о которыхъ свѣдѣній нѣтъ, цифра вѣроятно увеличится еще на  $\frac{1}{4}$  всего числа. Отсюда читатель можетъ видѣть степень благосостоянія помѣщика, а какъ таковое всегда отражается на благосостояніи крестьянъ, то... и т. д.

Оканчивая наши замѣчанія, мы не можемъ не сказать, что въ нѣкоторыхъ таблицахъ и цифрахъ встрѣчаются довольно странныя недоразумѣнія; напримѣръ, на страницѣ 382, помѣщены двѣ противорѣчащія одна другой вѣдомости, а именно *въ вѣдомости о числѣ и родѣ преступленій*, сказано, что преступленій въ 1857 году совершено 312 (не считая подкидыванія дѣтей). Въ *вѣдомости же о числѣ и званіи лицъ, совершившихъ преступленіе*, подъ 1857 годомъ стоитъ цифра—244: кто же совершилъ остальные 68 преступленій? Въ 1856 году тоже показана разница между числомъ преступленій и преступниковъ, хотя нѣсколько и менше, именно 61; а въ 1855 году еще болѣе—123, и т. д.

Выше, говоря о благосостояніи помѣщиковъ, мы привели цифру о числѣ имѣній, подвергнутыхъ опекѣ, описи и продажѣ—194; а на страницѣ 430 находимъ, что число однихъ только опекунствъ простирается до 419; въ томъ числѣ за злоупотребленіе помѣщичьей власти въ опекѣ четыре имѣнія. Но цифры эти

относятся къ 1857 году, и для теперешняго времени вѣроятно нѣсколько измѣнились; такъ между прочимъ къ послѣднему числу надобно еще прибавить имѣніе г. Жилинскаго, который, какъ читаемъ въ современной хроникѣ *Отечественныхъ Замисокъ* за сентябрь 1860 года, обвинялся показаніями своихъ крестьянъ въ обремененіи ихъ работами и въ насилуваніи крѣпостныхъ женщинъ и дѣвокъ. По этому поводу имѣніе г. Жилинскаго взято было въ опеку...

На 430 стр. труда г. Барановича помѣщена вѣдомость о заведеніяхъ приказа общественнаго призрѣнія. Тамъ сказано, что въ губернской градской больницѣ, въ теченіе года, содержалось мужескаго пола 1596, а женскаго 248 человекъ; на слѣдующей же страницѣ читаемъ, что въ той же самой больницѣ, въ общей сложности, призывается отъ 100—200 человекъ ежегодно. Какъ это понимать?

Не ограничиваясь статистическими изслѣдованіями, г. Барановичъ касается и быта сельскаго населенія, народныхъ предразсудковъ, повѣрій, обрядовъ и т. д. Читатель даже найдетъ текстъ нѣкоторыхъ пѣсень, наиболее употребительныхъ при калядованіи, и т. п. Только мы не знаемъ, до какой степени это можетъ имѣть мѣсто въ матеріалахъ для статистики и географіи.

Въ книгѣ г. Барановича мы находимъ также нѣкоторыя мелочи и подробности, имѣющія, правда, интересъ, но частный, преходящій. Такого рода подробностямъ мѣсто болѣе въ путеводителѣ чѣмъ въ ученомъ трудѣ. Напримѣръ, говоря о путяхъ сообщенія, авторъ упоминаетъ, что на станціяхъ лошади рослая и сильныя; положимъ, теперь это такъ, но почто-содержатели могутъ перемѣниться, да и независимо отъ того лошади легко могутъ быть поставлены новыя, не имѣющія означенныхъ качествъ.

Цѣна книги г. Барановича 2 р. 50 к. сер. весьма не высока, особенно если взять въ соображеніе превосходные планы 12 городовъ и карту Рязанской губерніи, приложенныя въ концѣ книги.

Въ заключеніе намъ остается еще разъ поблагодарить г. Барановича за удовольствіе, которое доставило намъ чтеніе его книги. Если бы съ нѣкоторыми изъ нашихъ замѣчаній не согласился читатель, то съ послѣдними словами согласится непременно всякій, кто прочитаетъ *Матеріалы для статистики и географіи Рязанской губерніи*.

А. Мансуровъ.

ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ <sup>1</sup>.

## II.

## Толки и недоразумѣнія.

Статья моя о князь П. А. Вяземскомъ, напечатанная въ № 4 *Русскаго Вѣстника* за нынѣшній годъ, вызвала, какъ слѣдовало ожидать, нѣсколько возраженій въ нашей журналистикѣ. Споръ о заслугахъ князя Вяземскаго и его дарованіи еще продолжается.

По моему мнѣнію, почтенный авторъ самъ будетъ лучшимъ адвокатомъ въ своемъ дѣлѣ, и готовящееся собраніе избранныхъ его стихотвореній само будетъ говорить за себя передъ судомъ публики, на которомъ онъ предстанетъ и съ нѣкоторыми уже извѣстными своими произведеніями, и еще съ большимъ числомъ такихъ, которыя знакомы лишь немногимъ. Мнѣ хочется только разъяснить кое-какія недоразумѣнія и отвѣчать на нѣкоторые главные вопросы, выраженные въ статьяхъ, противорѣчащихъ мнѣніямъ, высказаннымъ мною. Несмотря на это, я спѣшу отдать справедливость этимъ статьямъ въ томъ, что они чужды всякой враждебности къ противнику и написаны по большей части съ соблюденіемъ столь рѣдкой у насъ литературной учтивости.

Авторъ статьи въ *Искрѣ* спрашиваетъ, отчего я такъ возстаю на хулителей князя Вяземскаго, и такъ мало нападаю на графа Соллогуба? Отвѣтъ на это очень простъ: я писалъ противъ несправедливыхъ нападеній на князя Вяземскаго, а о восхваленіяхъ графа Соллогуба говорилъ только мимоходомъ, слѣдя за статьей *Стеврной Пчелы*. Но и туго я не разъ упоминалъ, что не разделяю его мнѣній и согласенъ съ моими противниками насчетъ преувеличеній въ его стихахъ, которымъ впрочемъ придаютъ, кажется, болѣе значенія чѣмъ стоятъ праздничные куплеты, *пропѣтые* на пиру, которому сами они придаютъ характеръ болѣе частный. Далѣе авторъ дѣлаетъ какой-то непонятный для меня намекъ на какія-то таинственныя причины, которыя могутъ будто бы побуждать кого-либо къ тому, чтобы щадить графа Соллогуба. Я не имѣю никакихъ поводовъ ни

<sup>1</sup> См. Литературное обозрѣніе и замѣтки *Русскаго Вѣстника*, 1861 кн. 4, стр. 106.

щадить его, ни нападать на него. Первое я уже доказалъ въ моей статьѣ, высказавъ свое мнѣніе безъ всякихъ обвиняковъ. Что же касается до нападковъ, то если онѣ будутъ несправедливы, я не только не соглашусь съ ними, но готовъ напередъ объявить, что буду протестовать и противъ нихъ. Если напримѣръ скажутъ, что у графа Соллогуба не было никогда никакого таланта, я, несмотря на то, что имя и повѣсти его теперь не въ модѣ, скажу во всеуслышаніе, что это неправда; что теперь онъ *выписался*, а что *Исторія двухъ галловъ*, *Большой свѣтъ*, *Аннекарша* принадлежали къ числу немногихъ лучшихъ повѣстей своего времени и прочесть ихъ даже гораздо пріятнѣе чѣмъ читать многія современныя имъ «психологическія развитія», какъ говорили тогда. Если будутъ говорить, что графъ Соллогубъ не игралъ роли въ литературѣ, я возражу, что довольно пожилъ на свѣтѣ, чтобы помнить какое впечатлѣніе производили его повѣсти и какъ за нимъ бывало ухаживали журналисты. А все это нисколько не помѣшаетъ мнѣ потѣшаться надъ фразами его *Чуновника* и надъ его французскимъ авторствомъ не менѣе всякаго другаго, или сказать, какъ я и сдѣлалъ, что «закланіе настоящаго во славу прошлаго» есть нелѣпость, если только оно совершено не для краснаго словца.

Статья *Русской Рвчи*, болѣе благопріятная, слегка коснулась къ сожалѣнію такихъ вопросовъ, разъясненіе которыхъ очень затруднительно у насъ. Еслибы такое разъясненіе было возможно, то очень вѣроятно, что вопросы эти не повторились бы болѣе въ печати. Мнѣ остается только выразить мнѣніе, что одно изъ положеній автора очевидно не обнимаетъ сущности дѣла вполне, и упускаетъ изъ виду главный пунктъ полемики, то-есть мысль мою о томъ, что нигдѣ такъ рѣшительно какъ у насъ не отрицаютъ дарованій и заслугъ человѣка, который по какимъ-либо причинамъ не приобрѣлъ симпатій современныхъ журналистовъ. Авторъ спрашиваетъ: неужели же и во Франціи напримѣръ г. Дюпень, несмотря на свои прежнія заслуги, не былъ бы встрѣченъ холодно, еслибы вздумать теперь искать сочувствія между писателями новаго поколѣнія? Положимъ, что сочувствія этого и не оказалось бы ни въ насъ и нигдѣ. Но дѣло не въ томъ. Поставьте вопросъ такъ, чтобъ онъ прямо относился къ предмету моей статьи, то-есть такимъ образомъ: неужели г. Дюпень и пр. не былъ бы объявленъ во Франціи человѣкомъ безъ познаній, безъ талантовъ, не принесшимъ никакой пользы, не игравшимъ никакой роли, не бывшимъ въ числѣ передовыхъ гражданъ Франціи? Тогда я прямо отвѣчу: нѣтъ. Сочувствія г. Дюпень не возбуждалъ бы, но всякій сказалъ бы, что это учейшій юристъ, славный адвокатъ, краснорѣчивый ораторъ, образъ

новый писатель, что онъ защищалъ въ теченіи многихъ лѣтъ права своихъ согражданъ, и что онъ былъ однимъ изъ передовыхъ политическихъ дѣателей. Всего этого не забыли бы Французы, хотя бы и не любили и не уважали болѣе г. Дюпена. Противное этому рѣшились бы прописать или прогорланить только голоса, имѣющіе значеніе не болѣе «кинжала бряцающаго и мѣди звенящей», на примѣръ нѣкоторые жалкіе Хлестаковы и Ноздревы, попавшіе въ члены законодательнаго собранія 1849 — 1851 годовъ; благодаря всеобщей подачѣ голосовъ, и съ которыми г. Дюпень, какъ постоянный президентъ этого собранія, поневолѣ долженъ былъ иногда обращаться почти какъ съ школьниками, какими они и въ самомъ дѣлѣ были. Но вѣдь до нихъ нѣтъ никакого дѣла ни обществу, ни литературѣ. А у насъ, пожалуй, все это высказалось бы и во многихъ органахъ, считающихся серьезными, и при этомъ нагородили бы безъ конца пустозвонныхъ «разъ, какими изобилуетъ всякая эпоха на потребу каждому, кто желаетъ показать публикѣ, что вотъ молъ мы каковы!

*Отечественныя Записки* сознаются, что мы плохо знаемъ прошедшее нашей литературы и спрашиваютъ: да въ чемъ же заслуги князя Вяземскаго въ литературѣ и вліаніе его на нео? Я указалъ для рѣшенія этихъ вопросовъ данныя, которыя слѣдовательно не стоитъ повторять. Тутъ же заявилъ я, что не имѣю притязаній выводить изъ нихъ окончательную оцѣнку дѣятельности князя Вяземскаго. Я привелъ нѣкоторыя его стихотворенія. Авторъ статьи не находитъ въ нихъ поэзіи. На вкусъ товарища нѣтъ. Недавно *Время* готово было проливать слезы надъ незначительною строфой любезнаго поэта г. Полонскаго, мѣло передъ пластическими стихами талантливаго стихотворца г. Мея, признало истинною поэзіей мысли умнаго человѣка, умѣющаго высказывать ихъ рѣчю строчками, надѣлало граціозную музу г. Фета цѣлою отдѣльною областію поэзіи и затѣмъ объявило, что Хомяковъ лишентъ всякаго значенія, какъ поэтъ. Я же дерзаю «смѣть свое сужденіе имѣть» и вижу въ стихотвореніяхъ Хомякова не стихоплетство, такъ же какъ смѣю думать, что въ нѣсколько лѣтъ у насъ не появилось стихотворенія, въ которомъ было бы болѣе великолѣпной и вмѣстѣ съ тѣмъ умиляющей поэзіи чѣмъ въ *Палестинѣ* князя Вяземскаго. Но я уже сказалъ, что довольно скоро самъ онъ выступитъ своимъ адвокатомъ съ книгой своихъ стихотвореній. Пусть прочтутъ ее безъ предвзятой мысли, безъ предубѣжденія, пусть не сердятся за то, что въ ней не понравится по личнымъ взглядамъ и отношеніямъ, а смотрягъ преимущественно на достоинства, стоящія выше или внѣ такихъ частныхъ воззрѣній, и тогда



безпристрастные цѣнители отдадутъ ей справедливость. Неужели такъ трудно отдѣлаться отъ предубѣждений? Что же касается до тѣхъ, которые въ самомъ дѣлѣ не понимаютъ поэзіи, то о нихъ не можетъ и быть рѣчи; только бы ужъ сами-то о ней не судили.

Страннымъ показался мнѣ упрекъ, сдѣланный князю Вяземскому въ той же статьѣ за то, что онъ чи въ одномъ журналѣ не игралъ роли *сотрудника* и слѣдовательно *общественнаго дѣятеля*. Впервыхъ это не справедливо. *Телеграфъ* въ лучшее свое время, когда онъ такъ рѣзко и ярко отдѣлялся отъ всѣхъ выходившихъ въ то время журналовъ, обязанъ своимъ успѣхомъ дѣятельнѣйшему участію князя Вяземскаго, который былъ болѣе чѣмъ сотрудникомъ, соредакторомъ Полеваго. А заслуги *Телеграфа* того времени не подвергаются сомнѣнію. Кромѣ того князь Вяземскій еще гораздо прежде игралъ одну изъ первыхъ ролей въ войнѣ Арзамасцевъ съ Шишковцами, которая была литературнымъ событіемъ, потомъ толковалъ *Кавказскую Пльнику* и *Бахчисарайскій фонтанъ* публикѣ, взятой врасплохъ новостію и смѣлостію такихъ явленій; поздѣе онъ *первый* написалъ дѣльный разборъ Гоголевскаго *Ревизора* въ *Пушкинскомъ Современникѣ*. Можно сказать напротивъ, что мало кто изъ людей его поколѣнія затрогивалъ столько живыхъ и разнообразныхъ стоявшихъ на очереди вопросовъ и принималъ большее участіе въ ихъ рѣшеніи, чѣмъ князь Вяземскій. Неужели же онъ не общественный дѣятель, потому что не былъ всю свою жизнь журнальнымъ сотрудникомъ, то-есть не являлся каждую недѣлю или каждый мѣсяцъ въ смѣси или фельетонѣ того или другаго журнала или газеты? Такимъ образомъ наши X., У., Z, или NN, упражняющіеся въ этомъ родѣ, пожалуй, будутъ общественные дѣятели, а князь Вяземскій никогда таковымъ не бывалъ. Привная вполнѣ значеніе журналистики въ Россіи, все-таки можно усомниться въ томъ, что нельзя быть общественнымъ дѣтелемъ, не будучи журнальнымъ сотрудникомъ.

Еще одно слово. Въ статьѣ *Отечественныхъ Записокъ* сказано, что *стихи князя Вяземскаго слѣдовало бы помѣщать въ какомъ-нибудь французскомъ, а не русскомъ журналѣ*. Князь Вяземскій, даже въ стихотвореніяхъ такого содержанія, которое наиболѣе доступно пониманію иностранцевъ, отличается удачнымъ употребленіемъ въ дѣло поговорокъ, пословицъ, сравненій, оборотовъ, выраженій, остротъ, чисто-русскихъ, народныхъ, составляющихъ одно изъ ослѣпительныхъ достоинствъ его произведеній и непереводаемыхъ ни на какой языкъ. Весь этотъ міръ народныхъ представленій и выраженій такъ присущъ ему, что врывается въ его думы и вдохновенія вездѣ, всегда, и онъ не можетъ

отъ него отрѣшиться ни при видѣ живописныхъ ландшафтовъ Германіи, ни на вершинахъ Альповъ, ни въ шумѣ парижской жизни. А что сказать о такихъ пьесахъ, какъ напримѣръ *Зимнія карикатуры*, *На церковное строеніе*, *Память живописца Орловскаго* и пр.? Они непереводимые чѣмъ самыя народныя изъ басень Крылова. Неужели же это не чисто-русскія произведенія? Сказать, что имъ слѣдовало бы являгся въ французскихъ журналахъ—гораздо страннее чѣмъ высказать мысль, что рисунки Орловскаго приличнее всего издавать при англійскихъ кипсекахъ.

### III.

#### БѢЛИНСКІЙ И ЕГО ЛЖУ-УДЕНІЯ.

Та же статья *Отечественныхъ Записокъ* замѣчательна слѣдующимъ сознаніемъ: *мы мало знаемъ свою собственную литературу, мы не уважаемъ бышихъ дѣятелей ея; все такъ, но мы уважаемъ ихъ теперь все-таки больше, нежели уважали двадцать лѣтъ назадъ; исторія взяла свое, выставила свои требованія, и по этимъ требованіямъ сдѣлана болѣе справедливая оцѣнка нежели какъ это было двадцать лѣтъ назадъ.* Мысль справедливая; однако желательно, чтобы прошедшее нашей литературы узнали и оцѣнили не только болѣе прежняго, но *исполнили удовлетворительно.* А для этого исполненія требованій исторіи нужно именно, чтобы занятія по изученію литературы были чужды всякаго предубѣжденія, которое ведетъ къ заключеніямъ въ родѣ мысли о печатаніи стиховъ князя Вяземскаго во французскихъ журналахъ. Въ дѣлѣ такого изученія ничто не замѣнитъ преданія, особенно у насъ, гдѣ область литературной гласности была такъ ограничена и по недостатку наличныхъ силъ въ немногочисленной фалангѣ писателей, и по нравамъ и привычкамъ самаго общества, которое сдерживалось условіями и часо ложными понятіями о приличіи,—наконецъ по причинѣ множества обстоятельствъ, понятныхъ и извѣстныхъ всякому. Безъ этихъ преданій вы не поймете вполне характера писателей и нѣкоторыхъ существенныхъ сторонъ литературныхъ явленій; вы не доберетесь до подробностей и смысла событій въ мірѣ литературы, важныхъ и знаменательныхъ въ ходѣ ея развитія. Читайте старыя журналы и старинныя книги—они будутъ для васъ мертвою буквой, вамъ надобѣсть такое занятіе, и вы скажете, иногда съ полнымъ убѣжденіемъ,

что оно вовсе бесполезно. Вы не отыщете факта въ намекѣ, намекъ примете за выраженіе, не имѣющее значенія и тѣмъ мѣнѣе усидете связать ихъ или статью съ цѣлою партіей, съ цѣлымъ направленіемъ. Цѣлые кружки, игравшіе роль, цѣлые отѣнки направленій будутъ вамъ незнакомы, а безъ этого вы можете получить только смутное и невѣрное представленіе о картинѣ литературы въ то или другое время. Поэтому-то нужно ловить достовѣрныя преданія, дополняющія и объясняющія печатное слово прежняго времени и сохранять ихъ въ цѣлости. Какъ же не возставать на явленія, подобныя обстоятельству, выведенному на свѣжую воду Я. К. Гротомъ, который доказалъ, что разные крикуны, выдающіе себя послѣдователями и учениками Бѣлинскаго, не читали хорошенько даже и его сочиненій? Чего же ждать отъ этихъ господъ, когда они заговорятъ о болѣе отдаленномъ времени?

Между тѣмъ главный источникъ недостатковъ Бѣлинскаго заключается именно въ томъ, что, по ложно ли понятому чувству собственного достоинства, по убѣжденію ли въ томъ, что заявляемая въ наше время требованія историческихъ изученій не такъ важны, по увѣренности ли, что достаточно собственной его проницательности, чтобъ объяснить вполнѣ то или другое явленіе, онъ считалъ какъ бы обязанностію держать себя совершенно внѣ круга литературныхъ преданій. Если скажутъ, что это доказываетъ независимость его характера, то все-таки нельзя не пожалѣть въ интересѣ литературы, что человекъ, весь посвятившій себя ей и имѣвшій такое сильное вліяніе, добровольно отказался отъ путеводной нити въ области, темной для его поколѣнія и вообще мало-изслѣдованной. Если скажутъ, что онъ не могъ бы ужиться съ людьми, отъ которыхъ могъ бы узнать многое, для него важное и любопытное, то и на это можно отвѣчать, что ему совсѣмъ не нужно было бы поступаться своими убѣжденіями, а только пользоваться отъ нихъ тѣмъ, чего узнать онъ не могъ ни отъ кого, кромѣ нихъ. Но Бѣлинскій рѣшительно сталъ внѣ преданій, даже и тѣхъ, которыя, хотя и не соответствовали его возрѣніямъ, все-таки были и остаются и всегда будутъ хорошими преданіями литературы и никогда не заслуживали того, чтобъ отъ нихъ отворачиваться съ презрѣніемъ. Уединившись такимъ образомъ, замкнувшись навсегда въ тѣсный кружокъ, Бѣлинскій доказалъ цѣльность своей натуры, но въ ущербъ пользамъ литературы. Ему оставались почти вовсе незнакомы факты, гораздо болѣе крупныя чѣмъ многое, что онъ однако считалъ достойнымъ примѣчанія и что онъ могъ узнать изъ книгъ, помиме литературныхъ сторожиловъ. Онъ многое вѣрно угадывалъ своимъ проницательнымъ умомъ; общій смыслъ главныхъ явле-

нѣй часто характеризировалъ онъ съ изумительною ясностію. Когда же дѣло доходило до непрерывнаго, будничнаго, закулиснаго, но тѣмъ не менѣе столь важнаго хода литературной жизни, до отгѣнковъ, до характеристикъ дѣятелей, особенно второстепенныхъ, но бывшихъ когда-то вліятельными, до работы, происходившей въ обществѣ и готовившей тотъ или другой фазисъ развитія литературы, до отношеній писателей между собою, объясняющихъ столь многое и т. д.,—Бѣлинскій, говоря обо всемъ этомъ, впадалъ въ безпрерывныя ошибки и въ анахронизмы, или же долженъ былъ обходить такіе предметы, потому что ничего не зналъ о нихъ. Чтобы не уходить далеко въ древность, возьмите хоть то, что онъ говорилъ о Пушкинѣ, который былъ еще живъ, когда Бѣлинскій выступилъ на литературное поприще. Кромѣ многочисленныхъ сужденій о славномъ поэтѣ, разсѣянныхъ въ разныхъ статьяхъ, Бѣлинскій написалъ о немъ цѣлый томъ. Въ немъ вы найдете множество страницъ не только дѣльной критики, но и вообще взглядовъ свѣтлыхъ и глубокихъ. Но вмѣстѣ съ этимъ, не говоря уже объ отступленіяхъ, вовсе не нужныхъ, и о блестящихъ тирадахъ публициста, которыя онъ внесъ сюда, только придравшись къ удобному случаю,—сколько несообразностей, ошибокъ, невѣдѣнія исторіи прежней литературы! Какое полное отсутствіе знакомства съ обстановкою семейною, общественною, дружескою, литературною, офиціальною и т. д., окружавшею поэта, на жизнь котораго все это имѣло такое вліяніе и образовало его характеръ! Какое незнаніе вообще обстоятельствъ самой жизни Пушкина, которая до такой степени связана съ его поэзіей, что понять послѣднюю безъ знанія первой совершенно невозможно критику, который не ограничивается ея эстетическою оцѣнкой, а разсматриваетъ ее, какъ Бѣлинскій, также со стороны философскихъ и политическихъ убѣжденій!

Незнакомый съ такимъ множествомъ необходимыхъ предметовъ, Бѣлинскій не только лишилъ публику многихъ полезныхъ статей, но часто и портилъ прекрасныя статьи, наполняя ихъ ненужными отступленіями и обходя многое существенное. Затѣмъ онъ впадалъ въ ошибки и вовлекалъ въ нихъ читателей, между большинствомъ которыхъ авторитетъ его былъ несокрушимъ. И они вѣрили на слово созданнымъ въ его воображеніи призракамъ, которые никогда не существовали на дѣлѣ и опровергались малѣйшими фактами такъ же легко, какъ карточные домики первымъ дуновеніемъ. Нельзя, напримѣръ, не посмѣяться, читая какъ докторально и подробно описываетъ Бѣлинскій искусство и церемоніи, черезъ которые будто бы должны были проходить литературные дебютанты во время оно, чтобы добиться чести

попасть въ печать. Онъ хотѣлъ характеризировать вѣкъ вельможества, меценатства, поклоненія кумирамъ. Онъ съ полною добросовѣстностію увѣрилъ себя, а слѣдовательно и читателей, что новичокъ долженъ былъ льстить и кланяться авторитетамъ, если не тридцать, то двадцать лѣтъ, пока они одобрятъ его стихи къ напечатанію, и подробно разказывалъ, какія «степени злодѣйства» проходилъ въ это время несчастный. Кто-то еще въ то время возразилъ на это въ какомъ-то журналѣ очень просто: онъ сличилъ годы рожденія и появленія въ печати первыхъ опытовъ, старшихъ изъ живыхъ писателей. Оказалось, что такой-то сталъ печататься въ 18 лѣтъ, другой—въ 17, третій—даже въ 16, такъ что еслибы Бѣлинскій былъ правъ, то представленіе меценату первыхъ стиховъ едва бы могло совпадать съ рожденіемъ автора. А Бѣлинскій такую чертой думалъ лучше всего дать понятіе о нравахъ цѣлаго періода нашей литературы!

Можно предположить, что изолированіе Бѣлинскаго въ тѣсномъ кружкѣ друзей, въ которомъ онъ по справедливости пользовался особеннымъ ихъ почетомъ, не мало способствовало развитію его исключительности до громаднхъ размѣровъ. Оно доводило его, уже и безъ того склоннаго по натурѣ къ пристрастію, до явныхъ несправедливостей. Извѣстно, что онъ, прочитавъ *Блдныхъ Людей* г. Достоевскаго, объявилъ Гоголя побѣжденнымъ, и восторгался тѣми юношескими грѣхами г. Тургенева которые теперь не признаются самимъ авторомъ ихъ. При извѣстныхъ условіяхъ онъ готовъ былъ безгранично увлекаться въ ту или другую сторону. Такъ, напримѣръ, отрицалъ онъ всякій талантъ въ Хомяковѣ. И таково обаяніе имени Бѣлинскаго, что недавно въ журналѣ *Время* было сказано, что онъ умышленно иногда не понималъ Хомякова, что въ разборѣ его стихотвореній у него встрѣчаются цѣлыя страницы придирокъ, что Бѣлинскій ошибался, считая Хомякова неискренно-убѣжденнымъ (шутка сказать!), а въ заключеніе говорится, что въ эстетическомъ отношеніи мнѣніе Бѣлинскаго все-таки справедливо, и Хомяковъ лишень всякаго таланта.

Рѣзкость приговоровъ Бѣлинскаго совершенно гармонируетъ съ рѣзкостью его образа мыслей. Онъ былъ искрененъ. Онъ не могъ видѣть, какъ это дѣлали многіе изъ друзей его, не менѣе честные чѣмъ онъ, достоинства въ своихъ противникахъ. Живи онъ теперь, онъ не сталъ бы отдавать имъ той доли справедливости, до которой они довоевались даже во мнѣніи враждебнаго имъ лагеря.

Иногда одно проскользнувшее слово, повидимому незначительное, ведетъ къ открытію цѣлаго ряда фактовъ очень знамена-

тельныхъ. Это случилось недавно со мною, когда я просматривалъ вновь статью Бѣлинскаго о Пушкинѣ, въ 8-мъ томѣ его сочиненій. Въ обзорѣнн русской литературы до Пушкина, Бѣлинскій приводитъ (стр. 109) отрывокъ изъ предисловія Хераскова къ повѣсти его *Поллиторъ*, вышедшей въ 1794 году. Въ этомъ предисловіи авторъ обращается къ извѣстнымъ русскимъ писателямъ. У Хераскова имена ихъ обозначены первыми буквами ихъ фамилій. Бѣлинскій выставляетъ полныя имена Ломоносова, Державина, Карамзина, Нелединскаго, Дмитріева, Богдановича и Петрова. Но тутъ же вышло и затрудненіе. Послѣ обращенія къ Л. (Ломносову), Херасковъ говоритъ: *Можетъ ли кто не плѣниться нѣжными и пріятными звуками С?* Очевидно, что Херасковъ разумѣлъ тутъ А. П. Сумарокова, съ которымъ много лѣтъ шелъ по одному пути, какъ лирикъ и драматургъ, и сочиненіями котораго продолжалъ плѣняться до своей смерти, подобно многимъ современникамъ. Но Бѣлинскій дѣлаетъ при буквѣ С. слѣдующую выноску: *Должно-быть дѣло идетъ о Евстафій Станевичъ, весьма плохомъ пѣтъ того времени.*

Въ наше время занимающіеся русскою литературой знаютъ, кто былъ Станевичъ и когда онъ жилъ. Но лѣтъ около двадцати тому назадъ никто изъ новѣйшихъ литераторовъ и не слышалъ вѣроятно этого имени, которое мало интересно само по себѣ. Тутъ, такъ какъ и во многихъ мѣстахъ сочиненій Бѣлинскаго, видно, что онъ считалъ нужнымъ для себя, какъ для критика, заглядывать въ старыя книги и знать имена забытыхъ авторовъ. Но тутъ же видно, что онъ дѣлалъ это безъ системы, не зналъ послѣдовательно событий исторіи литературы, отношеній писателей между собою, и что ему почти вовсе неизвѣстны любопытныя стороны ея исторіи.

Въ 1794 году, когда Херасковъ писалъ предисловіе къ *Поллидору*, о Станевичѣ не было и слуху въ литературномъ мѣрѣ. Еслибъ онъ и напечаталъ тогда что-нибудь въ журналахъ, Херасковъ не поставилъ бы его рядомъ съ Ломоносовымъ и Державиннымъ. Такой промахъ обличаетъ совершенное отсутствіе пониманія литературныхъ нравовъ и отношеній въ данную эпоху. Появленіе книгъ Станевича въ печати относится къ 1804 году, и съ перваго же раза поставило его въ антагонизмъ съ московскими писателями Карамзиннымъ, Дмитріевымъ и пр., бывшими въ лучшихъ отношеніяхъ къ старикъ Хераскову. Станевичъ, такъ же какъ и многіе другіе плохіе писатели, Палицынъ, Карабановъ и т. п., явился на литературной аренѣ клеветомъ Шишкова и восхвалялъ въ прозѣ и въ стихахъ его книгу *О старомъ и новомъ слоги*, вышедшую въ 1803 году, послѣ чего она и сдѣла-

лась знаменемъ, подъ которое стеклись подобные ему писакъ, составившіе въ 1811 году *Бесѣду любителей русскаго слова*. Собрание сочиненій Станевича подверглось въ 1806 году безпощадной критикѣ *Вѣстника Европы*, который издавался Каченовскимъ при участіи самого Хераскова, Державина, Дмитріева, В. Пушкина, Мерзлякова, В. Измайлова, Воейкова и Жуковского. Кругъ этотъ составляетъ совсѣмъ другой міръ. Въ немъ соединяются уже прежнія знаменитости съ молодымъ поколѣніемъ, которое сейчасъ такъ блистательно выступить на сцену и поведетъ войну прогивъ готовящейся, а въ послѣдствіи и учредившейся *Бесѣды*. Станевичъ игралъ въ ней значительную роль и неоднократно былъ осмѣянъ въ сатирическихъ стихахъ Батюшкова, Жуковского, Измайлова, въ рѣчахъ *Арзамаса*, и исчезъ со сцены около 1820 года, когда кончилась эта долготѣнная тяжба между бездарностію и талантомъ, рутинной и оригинальнію, безвкусіемъ и вкусомъ. Если вы не знаете стиховъ, статей и рѣчей, гдѣ говорится о Станевичѣ, и того, когда и почему они были написаны, то вы не узнаете настоящихъ литературныхъ портретовъ Жуковского, Батюшкова, вы незнакомы съ подробностями движенія, даннаго литературѣ *Арзамасомъ*, исторія котораго слилась съ дебютами Пушкина и положила на него свою неизгладимую печать. Вотъ вамъ и связь преданій. Могутъ ли я послѣ этого ждать отъ васъ полной характеристики Пушкина? Если вы не слышали имени Прадона, я не жду отъ васъ точной біографіи Расина.

Вообще исторія литературы самая слабая сторона въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго. Въ ней то и дѣло пробѣлы и ошибки. Онъ введетъ васъ въ заблужденіе тамъ, гдѣ инстинктъ его даровитой природы не могъ дать ему угадать истинную связь событій, тамъ, гдѣ требуется воспитаніе на живой почвѣ преданія и познаніе тѣхъ оттѣнковъ и подробностей, безъ которыхъ нѣтъ настоящей картины. Обо многомъ онъ вамъ ничего не скажетъ, потому что ему негдѣ было узнать того или другаго.

Все это нисколько не мѣшаетъ тому, что это былъ талантливѣйшій человекъ, лучшій журнальный критикъ своего поколѣнія, замѣчательный въ своемъ родѣ публицистъ. Это былъ неутомимый боецъ за то, что считалъ правымъ, будившій лѣнвыхъ, подстрекавшій даже бойкихъ. Это была натура отважная, честная и неподкупная ничѣмъ... кромѣ увлеченія собственныиъ страстей и пристрастій.

Поэтому нельзя принимать безусловно всѣхъ его литературныхъ приговоровъ, писанныхъ иногда въ ослѣпленіи пристрастія. Это могутъ дѣлать только нѣкоторые рыаные фельетонные витязи, о которыхъ сказано въ одномъ невзданномъ стихотвореніи:

Затѣмъ на скопищѣ клеветовъ  
Рѣшилъ верховный ихъ совѣтъ,  
Что, такъ какъ нѣтъ авторитетовъ,  
Бѣлинскій будь авторитетъ.

Они умѣли занять у Бѣлинскаго только его недостатки и довести ихъ до крайностей, не имѣя и тысячной доли не только его таланта, но даже познаній.

Итакъ, спросите вы, Бѣлинскій принесъ вредъ литературѣ? Да, отвѣчу я, хотя отрицать его дарованія и заслуги конечно буду не я. Отчего бы и не такъ? Даже всякое благо можетъ принести съ собою вредъ при легкомысліи и неразуміи, которыя не сумѣютъ извлечь изъ него одной пользы. Поставьте Бѣлинскаго въ примѣръ людямъ, самонадѣяннѣйшимъ и невѣжественнѣйшимъ, они дойдутъ до нелѣпости, парадировавъ и преувеличивая именно его темныя стороны. За эти недостатки подлежить и Бѣлинскій нелицепріятному суду, какого онъ самъ требовалъ для всѣхъ и который такъ же безпристрастно отдастъ справедливость его заслугамъ и достоинствамъ. Остается желать, чтобы чаще приходилось говорить о пользѣ, имъ принесенной, чѣмъ о вредѣ, котораго онъ былъ причиною, и состоящемъ въ распложеніи само овольныхъ и пустозвонныхъ горлановъ, думающихъ заставить человѣчество забыть все, что было до появленія ихъ на журнальное поприще, и отъ родоначалства которыхъ, конечно, отказался бы самъ Бѣлинскій.

Михаилъ Лонгиновъ.

28 іюня 1861 г.

---

*Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства. Изда ны комиссіей печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящую при московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Москва 1861 г. Выпускъ I. Переписка Петра I и Екатерины Алексѣевны. Выпускъ II. Переписка царицы Прасковьи Федоровны и дочерей ея Екатерины и Прасковьи.*

Выпускъ первый заключаетъ въ себѣ письма Петра и Екатерины (1707 — 1724) и четыре письма Екатерины къ Петру 1713—1724 годовъ. Петръ I, какъ извѣстно, писалъ чрезвычайно неправильно, почеркъ его руки неразборчивъ; ежeminутно встрѣ-



чаются тигла, крючки, описки, пропуски, какъ будто онъ всегда писалъ въ торопяхъ и наскорб. Въ самомъ дѣлѣ, до каллиграфіи ли было ему? Уничтоженіе стрѣльцовъ, война съ Турками, созданіе флота и арміи, борьба на смерть съ Карломъ XII, и въ это же время постройка Петербурга подъ шведскими ядрами, учрежденіе внутренней администраціи по всѣмъ частямъ, не исключая и духовной, путешествіе за границу, распространеніе просвѣщенія, бранобрітіе, преслѣдованіе раскола, и пр. и пр., и все это со всѣми мелочами и подробностями, и вездѣ самъ, вездѣ слѣдитъ за всѣмъ, создаетъ, приказываетъ, распоряжается, работаетъ и пишетъ, безпрестанно пишетъ... Непонятно, какъ ему доставало на все время, даже погулять въ австріи и очень нерѣдко. Въ числѣ 220 писемъ, изданныхъ комиссіей, 169 принадлежатъ Петру, а 51 Екатеринѣ. Что касается до Екатерины, то сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ еще не найдено ни одной ея собственноручной строчки ни на русскомъ, ни на нѣмецкомъ языкѣ. Изученіе ея характера весьма было бы любопытно. Безъ всякаго образованія, она поддерживала въ Петрѣ, почти до послѣдней минуты его царствованія, неограниченное довѣріе и уваженіе: какими особенными качествами она такъ крѣпко приковала къ себѣ Петра и достигла того, что онъ, такой строгій блюститель законности, при живой женѣ, безъ развода съ ней, вопреки гражданскимъ и церковнымъ установленіямъ, женился на иностранкѣ неизвѣстнаго происхожденія, и въ довершеніе всего короновалъ ее въ 1724 г.? Къ сожалѣнію, въ изданныхъ письмахъ встрѣчается очень мало характеризующаго личности писавшихъ. До 1709 года (письма съ 1—12) всѣ письма Петра адресованы Екатеринѣ обще съ Анисей Кириловною Толстою, теткою Петра. Содержаніе ихъ: поѣздка туда-то, посылка презента, теткѣ—лимонной матеріи, маткѣ (Екатеринѣ)—по желтой землѣ да кольцо (№ 5). Приведемъ одно изъ нихъ (№ 8).

«Матка и тетка здравствуйте и съ маленькими. Письмо ваше я получилъ, изъ котораго негоразда добро видѣлъ; дай Боже здоровье. Довольно у матки быть и одной теткѣ а другую за чѣмъ чортъ принесъ? (?) А что пишете, что нѣкому чесать глатко,—пріѣзжайте скоряя, старой гребнишка същемъ. И ежели сіе письмо застанетъ васъ межъ Вязьмы и Можайска, то поворотитесь къ Москвѣ і прямо поѣзжайте въ Петербургъ; а буде по сю сторону Вязьмы и Смоленску, то лутче въ Смоленскъ и оттоль чрезъ Луки въ Нарву, понеже я въ будущую недѣлю конечно поѣду, Богъ волишь, въ Нарву, і оттоль не мѣшкаеъ, въ Петербурхъ.

Piter.»

«Изъ Вежиць, въ 5 д. марта 1708.»

Подлинникъ писанъ собственною рукой Петра I; хранится въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ книгѣ подъ № 17.

Въ этомъ же году Петръ написалъ наслучай смерти своей записку (№ 4):

«Ежели что мнѣ случится волею Божию, тогда три тысячи рублей, которые нынѣ на дворѣ господина князя Меншикова, отдать Катеринѣ Василевской і зъ дѣвочкою. Piter. Въ 5 д. генваря 1708.»

Эта записка можетъ навести на догадку: не для Екатерины ли предназначены были эти три тысячи рублей, но отчего же она *Василевская*? Жаль, что гг. издатели не сообщили своего редположенія, которое могло бы имѣть значеніе, такъ какъ въ ихъ рукахъ находятся всѣ современные документы.

Съ 1709 года письма Петра уже только къ одному лицу Екатерины, и до 1711 года (№ 12—22) онъ продолжаетъ титуловать ее *маткой*; въ одномъ только письмѣ (№ 13) онъ измѣнилъ русское слово на голландское:

«Мудерь!

«Какъ я отѣхалъ отъ васъ вѣдомости не имѣю о васъ, о чемъ желаю вѣдать, а особливо какъ скоро можете быть въ Вианѣ; мнѣ не безъ скуки безъ васъ, а і вамъ, чаю, также. Здѣсь, слава Богу, все добро. Король Августъ вышелъ а Красоеъ ушелъ. Лещинскій бороду отпустилъ, для того, что корона его умерла. Мы здѣсь зъ господами Поляки не-престанно на ковееренціяхъ о делахъ Ивашки Хмельницкаго бываемъ. Отсея, чаю, отсея (sic) поѣдемъ кончая въ 4 д. будущаго мѣсеца. Piter.»

«Изъ стольнова города Ивашкина Люблина въ 31 д. августа 1709  
Поклонись теткѣ.»

Съ 1711 года прозваніе матки исчезаетъ, и Петръ начинаетъ свои письма: «Катеринушка, другъ мой», а на пакетахъ является надпись: *царицъ* Катеринѣ Алексѣевнѣ; государынѣ *царицъ*; Ея величеству государынѣ *царицъ* (№ 22 и послѣдующія). До этого года на пакетахъ была надпись: Катеринѣ Алексѣевнѣ, безъ всякаго титулованія. На эту надпись *царицъ*, являющуюся только въ 1711, мы обращаемъ вниманіе занимающихся біографіей Петра и Екатерины: не найдутъ ли они въ этомъ указанія для ихъ соображеній при опредѣленіи времени законнаго брака Петра съ Екатериною. До сихъ поръ объ этомъ еще ничего утвердительнаго не сказано. Въ 1750 г. вопросъ о времени бракосочетанія Петра съ Екатериной былъ даже поднятъ оѣциально.

Коммиссаръ Петръ Никифоровичъ Крекшанъ, авторъ *историческаго извѣстія о рожденіи Петра Великаго и описанія житія и дѣлъ сего великаго монарха отъ рожденія его до дня погребенія*, въ запискѣ, поданной императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, доказывалъ что Петръ сочетался съ Екатериною законнымъ бракомъ въ 1707 году въ Польшѣ «безъ публичнаго торжества и объявленія

для битія ихъ величествъ въ другомъ государствѣ и что главный тогда непріятель шведской король со всею арміею былъ въ той же Польшѣ и стоялъ въ близости и возмущалъ Польшу противу его императорскаго величества и короля Польскаго. (Изъ неизданной, подлинной записки Крекшина.) Крекшинъ увѣрялъ, что бракъ Петра былъ въ Жолквѣ въ 1707 г. и что въ 1712 г. 19-го февраля объявлено было объ этомъ торжественно въ Петербургѣ въ Исакиевской церкви; при чемъ, по увѣренію Крекшина, были напечатаны листы, на которыхъ изображены архіереемъ Іовъ (новгородскій) съ крестомъ, а Стефанъ рязанскій «съ кропленіемъ святая воды». Прогивъ нихъ напечатаны были: Петръ Первый, державшій правою рукою царевну Анну Петровну, а лѣвою царицу Екатерину, которая держала за руку цесаревну Елисавету Петровну; тутъ же были напечатаны и прочія персоны, а внизу «того куншта», писалъ Крекшинъ, было напечатано 1712 г. февраля 19-го объявленіе о бракъ царскихъ величествъ, бывшемъ 1707 г. февраля 19-го. Мы имѣли въ рукахъ подлинную записку Крекшина, и при удобномъ случаѣ, съ временемъ сообщимъ ее читателямъ.

Письма 1711 года изъ Познани (№№ 22), изъ Карлсбада (№№ 23, 24, 25), изъ Торгау (№ 26). Въ Карлсбадѣ Петръ пилъ минеральная вода. «Завтра зачнемъ лѣчиться», пишетъ онъ 14 сентября;—

«Мѣсто здѣшнее такъ не весело, что мочно чесноку тюрьмою назвать, понеже между такихъ горъ сидеть, что сонца почитай невидеть; всего пуще, что добраго пива нѣтъ. Аднакожь чаемъ, что отъ воды Богъ дастъ добро». Посылаю присемъ презентъ тебѣ: часы новой моды, внутри стекла, да печатку...»

Воды начинаютъ дѣйствовать и Петръ 19 сентября (№ 24) сообщаетъ Екатеринѣ:

«А мы слава богу здоровы, только съ воды брюхо одуло, для того, такъ поятъ, какъ лошадей и иного за нами дѣла вдѣсь нѣтъ, только что.... Письмо твое я чрезъ Сафонова получилъ; которое прочитая гораздо задумался... Пишешь ты якобы для лекарства, чтобъ я не скоро къ тебѣ пріѣзжалъ, а дѣламъ знатно сыскала кого-нибудь вытнѣ<sup>1)</sup> меня; пожалуй отиши і изъ нашихъ ли или изъ таруничанъ? я больше чаю: изъ таруничанъ, что хочешь отмстить, что я предъ двумя лѣты занялъ. Такъ-та вы Евъвины дочки дѣлаете надъ стариками! Кнезь-папѣ и четверной лапушкѣ и прочимъ отдай поклонъ. Петр.»

Послѣ лѣченія въ Карлсбадѣ Петръ отправился въ Торгау вѣнчать царевича Алексія Петровича съ принцессою Вольфенбиттельскою. Извѣщая о совершившемся бракъ, онъ пишетъ:

<sup>1</sup> Вытнѣ, рослый, здоровый (см. Опытъ обл. великоросс. словаря стр. 32.) Примѣчаніе издат. писемъ.

«При семъ прошу объявить всешутѣйшему князь-папѣ і прочимъ, і чтобы пожаловалъ благословеніе подалъ симъ молодымъ, облекшися во всѣ одежды, купно и со всѣми при васъ будущими...»

Князь-папа, какъ извѣстно, былъ въ главѣ общества, учрежденнаго Петромъ и замѣчательнаго кощунствомъ и пьянствомъ, при цинической обстановкѣ.

Письма 1712 г. (№№ 27—46) заключаютъ въ себѣ мало интереснаго: переѣзды въ Выборгъ, въ Кесмаркъ, приглашеніе пріѣхать къ нему въ Грейфсвальдъ, въ Вольфгасть. Изъ Берлина Петръ посылаетъ Екатеринуъ усриць, до которыхъ она была большая охотница: въ Лейпцигѣ достать ихъ не могъ; отъѣзжаетъ въ Карлсбадъ опять лѣчиться, возвращается въ Берлинъ и наконецъ отправляетъ Екатерину въ Петербургъ.

Въ письмахъ 1713 г. (№№ 46—54) Петръ между прочимъ извѣщаетъ о вступленіи въ Финляндію; о прибытіи въ Гельсингфорсъ, «гдѣ адмиралъ объявилъ милость государя нашего чинъ генерала полнаго, чѣмъ васъ (пишетъ Екатерину) яко госпожу генеральшу поздравляю... Какъ чинъ шаутбейнахта такъ и сей мнѣ сказанъ зѣло странно, ібо на степи пожалованъ въ елагмаиы, а на морѣ въ генералы.» Забавно, какъ занимало Петра это производство русскаго царя въ полные генералы.

Письма 1714 г. (№№ 54—59) ничего болѣе какъ извѣщенія о поѣздкѣ въ Ригу, въ Финляндію, о морской побѣдѣ одержанной у Ангута безъ всякихъ о томъ подробностей, о занятіи острова Аланда, о возвращеніи въ Петербургъ.

1715 года всего два письма (№№ 59 и 60) отъ Петра о прибытіи въ Ревель, и о томъ какимъ путемъ пересылать къ нему письма.

Въ 1716 и 1717 годахъ Петръ опять путешествовалъ за границу, былъ въ Парижѣ, и письма его этихъ годовъ могли бы быть очень любопытны, еслибъ онъ имѣлъ привычку писать поподробнѣе Екатерину. Но и въ этихъ письмахъ (№№ 61—104) все только тѣ же извѣщенія о здоровьѣ, приглашенія пріѣхать туда же, пересылка подарковъ и т. п. Въ Парижѣ онъ поѣхалъ одинъ, Екатерина осталась въ Амстердамѣ. Пріѣздъ его во Францію, въ апрѣлѣ 1717, она привѣтствовала слѣдующимъ письмомъ (№ 215):

«Ваше милостивое писаніе изъ Дункеркена отъ 13 апрѣля писанное, я со мною радостію получила за которое вашей милости низайше благодарствую, прося дабы и впредь милостивыми своими писаніи не изволили меня оставить. Изъ онаго вашего писанія утѣдомилась я о вашемъ прибытіи во Францію и симъ благополучнымъ прибытіемъ вашу милость покорно поздравляю. Дай Боже счастливое возвращеніе и свиданіе! Что же изволите писать, что во Франки вѣхали, и мнѣ кажется довольно было и тѣхъ что и отсель нѣкоторые повезли съ собою. А что изволили упомянуть, что вамъ безъ насъ скучно и тому вѣрю. Однакожь,

я чаю, что вашей милости не такъ скучно какъ намъ, ибо вы всегда можете Юминъ понедѣльникъ тамъ сыскать, а намъ здѣсь трудно съскрывать, понеже изволите сами знать какія здѣсь люди упрямые...»

Петръ получилъ это письмо въ Парижъ и не оставилъ безъ отвѣта намековъ Екатерины.

«Сего момента (отвѣчаетъ Петръ 28 апрѣля № 94) письмо ваше исполненное шутокъ получилъ, а что пишете, что я скорѣя даму сыщу, а то моей старости неприлично.»

О свиданіи съ малолѣтнимъ Лудовикомъ Петръ сообщилъ коротко (№ 95):

«Объявлю вамъ, что въ прошлой понедѣльникъ визитовалъ меня здѣшній королища, который палеца на два болѣе Луки нашего (придворнаго карла Петрова), дитя зѣло изрядная образомъ и станомъ и по возрасту своему довольно разумень, которому семь лѣтъ.»

Послѣ трехъ писемъ изъ Парижа, переписка Петра продолжается изъ Шпа (Спа), гдѣ онъ пьетъ воды, и откуда отпустилъ къ Екатеринѣ *матресу* свою «ибо не могъ бы удержаться, еслибы при мнѣ была (№ 98.)» Последнее письмо 1717 г. изъ Риги отъ 30 сентября о выѣздѣ въ Петербургъ.

Показавъ содержаніе переписки Петра съ Екатериной, съ 1707 по 1718 годъ, мы можемъ только сказать, что письма послѣдующихъ годовъ касаются болѣею частію мелочныхъ событій жизни. Въ нѣкоторыхъ встрѣчаются довольно нескромныя шутки и выраженія (№ 83); наконецъ есть и такія, въ которыхъ для занимающихся исторіей можетъ-быть найдется что-нибудь любопытное (№№ 9. 12. 13. 14. 16. 17. 20. 23. 41. 48. 51. 53. 56. 57. 136. 146. 149.) Вообще замѣчательно, что такой человѣкъ какъ Петръ, съ его непреклонною волей съ его сильными страстями и прихотями, въ кругу такой обширной и разнообразной дѣятельности, такъ мало характеризовалъ себя въ письмахъ къ Екатеринѣ, лицу самому близкому, любимому, довѣренному. Не отъ того ли что вся жизнь его поглощена была государственными дѣлами и страстями? А можетъ-быть и не отъ того ли что самые серіозные и важные моменты своей жизни онъ встрѣчалъ съ Екатериною, а не въ ея отсутствіи? Отчего бы то ни было, а жаль, что въ перепискѣ съ Екатериной не проглядываютъ его задушевные мысли; нѣтъ прорывовъ его пылкихъ, необузданныхъ страстей, не встрѣчаемъ выражений той желѣзной воли, которая шла напроломъ противъ народныхъ обычаевъ, и противъ всего, что было до него.

Въ выпускѣ второмъ помѣщены: письма царицы Прасковьи Федоровны, супруги царя Іоанна Алексѣевича, къ Петру Первому (1); къ Екатеринѣ Первой (16); къ дочери своей герцогинѣ Мекленбургской Екатеринѣ Іоанновнѣ (8); и внучкѣ

ея принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ (2); къ князю Меншикову (1); къ Макару Абросимовичу Половинкину (3). Письма къ царицѣ Прасковѣ Ѳедоровнѣ: отъ Екатерины Первой (7), отъ князя Меншикова (2). Письма царевенъ Екатерины, Анны и Прасковьи къ Петру (2). Письма герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны: къ Петру Первому (4), къ Екатеринѣ Первой (7), къ царевнѣ Елисаветѣ Петровнѣ (11), къ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ (8), къ сыну Бирона Петру (1), къ князю Меншикову (5), къ князю В. А. Долгорукову (1); указъ старостѣ Ѳедору Ивану. Письма къ герцогинѣ Мекленбургской Екатеринѣ Ивановнѣ: отъ Петра Перваго (5); отъ Екатерины Первой (3); отъ князя Меншикова (2); письма царевны Прасковьи Ивановны: къ Екатеринѣ Первой (4); къ княгинѣ Меншиковой (1); указы управителю Ивану Калмыкову (3); письмо къ царевнѣ Прасковѣ Ивановнѣ отъ Екатерины Первой; письмо Ивана Остермана къ Екатеринѣ I.

Въ этихъ письмахъ нѣтъ ни одной строчки, которая пригодилась бы для исторіи, развѣ нѣсколько указаній для исторіи Петербурга: о Крестовскомъ и Петровскомъ островахъ. Екатерина I уведомляетъ царицу Прасковью Ѳедоровну 10 октября 1716 (№ 9) что царское величество пожаловало ей Крестовскій островъ, а Меншиковъ въ *цыдуль* при письмѣ своемъ (№ 11) предлагаетъ Прасковѣ Ѳедоровнѣ взять Петровскій островъ, потому что Крестовскій уже пожалованъ ему Петромъ и онъ завелъ на немъ пильныя мельницы и заводы «великимъ иждивеніемъ».

Несмотря на безцвѣтность и скудность изданныхъ матеріаловъ, какъ историческихъ источниковъ, мы не можемъ однакоже не быть признательными комиссіи печатанія грамотъ и договоровъ за ея труды, исполненные съ добросовѣстностію. Письма изданы тщательно, въ хронологическомъ порядкѣ, съ строгимъ удержаніемъ подлинной орфографіи, съ подробными отмѣтками о надписяхъ на пакетахъ, объ изображеніи на печатяхъ, съ приложеніемъ снимковъ съ писемъ собственноручныхъ Петра, царицы Прасковьи Ѳедоровны, царевенъ Екатерины и Прасковьи. Въ предисловіи къ выпуску первому, комиссія объявляетъ что она будетъ издавать любопытныя историческія памятники по мѣрѣ приготовленія, небольшими выпусками. Начало положено настоящими двумя выпусками. Будемъ ожидать послѣдующихъ.

Н. М.

ПО ПОВОДУ •ПОЛЕМИЧЕСКИХЪ КРАСОТЪ• ВЪ  
СОВРЕМЕННОМЪ.

Мы недавно замѣтили, что древле въ нашихъ журналахъ было въ обычаѣ взаимно обозрѣвать другъ друга, и съ большею или меньшею основательностью доказывать какъ все у сосѣда худо и какъ плохо ведетъ онъ свои дѣла; читателямъ оставалось пріятное убѣжденіе, что если у сосѣда плохо, такъ у насъ за то хорошо. Никакъ нельзя утверждать, чтобъ обычаѣ этотъ былъ весьма похвальнаго свойства. Завелся онъ по разнымъ причинамъ, не требующимъ разъясненій. Часто бываетъ такъ, что люди, дѣлая какое-нибудь дѣло по заведенному порядку, сами не замѣчаютъ, что дѣло это совсѣмъ не хорошее. Придетъ свѣжій человѣкъ, и было бы очень дурно съ его стороны, еслибъ и онъ не замѣтилъ, а стало-быть не было бы съ его стороны и особенной заслуги, еслибъ онъ замѣтилъ. Нѣтъ также ни особенной заслуги, а равно и нѣтъ ничего унижительнаго отстать отъ дурнаго обычая, когда къмъ бы то ни было обращено на него вниманіе. Мы никакъ не можемъ хвастаться тѣмъ, что случай привелъ намъ первымъ заявить вышесказанный непохвальный обычай въ нашей литературѣ; мы тогда были свѣжимъ человѣкомъ, и безъ сомнѣнія всякій на нашемъ мѣстѣ усмотрѣлъ бы и сказалъ бы то же самое, вступая на журнальное поприще, которое такъ долго было замкнуто, что въ немъ, по необходимости, долженъ былъ и воздухъ спереться и расплодиться всякая нечистота (да и теперь еще это поприще не совсѣмъ провѣтрилось). Какъ бы то ни было, фактъ состоитъ въ слѣдующемъ: систематическія взаимныя обозрѣнія журналовъ, особенно оживлявшіяся передъ открытіемъ подписки, требовались у насъ за пять, за шесть лѣтъ, литературнымъ обычаемъ, и были постоянною рубрикой нашихъ журналовъ; нисколько неложно такъ и то, что если не духъ этихъ обозрѣній, то по крайней мѣрѣ означенная рубрика исчезла. Чтò жь? и это хорошо. Но не хорошо то, что наши журнальные витязи какъ будто чувствуютъ свое униженіе въ томъ, что кто-то когда-то обратилъ ихъ вниманіе на неприличный характеръ ихъ практики. «Это я называю скромностью, иронически восклицаетъ г. Чернышевскій въ *Современникѣ*, — до *Русскаго Вѣстника* журналы держали себя неприлично; явился *Русскій Вѣстникъ*, указалъ имъ, что это дурно, и неприличный обычай тогда же прекратился. Со стороны другихъ журналовъ похвально такое послушаніе спра-

ведливымъ внушеніямъ *Русскаго Вѣстника*: если сами они дурны, хорошо уже хоть то, что слушаются указаній отъ лучшаго журнала. Напрасно такъ обидѣлся г. Чернышевскій и напрасно онъ нестыднаго стыдится. Былъ бы только совѣтъ хорошъ, а что за бѣда, что онъ поданъ *Русскимъ Вѣстникомъ*? Есть многое, чего должно стыдиться, а тутъ стыдиться нечего.

Итакъ формальныя обозрѣнія журналовъ по той ли, по другой ли причинѣ прекратились. Этого мало. Какъ мы узнаемъ теперь, журналы, то-есть журналисты, совсѣмъ перестали читать другъ друга. Г. Чернышевскій самымъ убѣдительнымъ образомъ увѣряетъ своихъ читателей, что онъ въ продолженіи четырехъ или пяти лѣтъ, именно вскорѣ послѣ того какъ началъ издаваться *Русскій Вѣстникъ*, вовсе не читалъ русскихъ журналовъ и совершенно не знаетъ, что за все это время печаталось въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, кромѣ статьи о Радищевѣ, которая за чѣмъ-то понадобилась ему, да полемики по поводу г-жи Свѣчной, которая тоже понадобилась за неимѣніемъ матеріала для выходившей книжки *Современника*, да статьи о пороховыхъ взрывахъ, которая понадобилась, въ *pendant* къ полемической *стрѣльбѣ*, да еще одной повѣсти, читанной г. Чернышевскимъ у постели больного друга... какъ бышь ее?.. вотъ еще гдѣ какая-то женщина рассказываетъ какую-то исторію, безпрестанно вставляя въ нее отрывки изъ народныхъ пѣсень. Но выпишемъ вполне эту интересную исповѣдь.

— Я просматривалъ *Русскій Вѣстникъ* при началѣ его изданія. Не припомню теперь хорошенько до 17 или до 18 № перваго года изданія. Послѣ того до конца перваго года мнѣ случилось прочесть еще двѣ или три статьи въ слѣдующихъ книжкахъ, погому что въ тотъ годъ приносили *Русскій Вѣстникъ* изъ магазина въ мою квартиру. На второй годъ я сказалъ, чтобъ этого не дѣлали. И съ той поры до начала нынѣшняго мѣсяца, я формально не читалъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* ничего, за исключеніемъ четырехъ вещей, которыя всѣ и перечислю. Въ редакцію *Современника* была доставлена біографія Радищева со многими, по словамъ лица, ее передавашаго, важными дополненіями противъ того, что было напечатано въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Случилось такъ, что заняться сличеніемъ некому было, кромѣ меня. Я взялъ книжку *Русскаго Вѣстника* и сличилъ съ нею рукопись. Оказалось, что прибавленія не важны и печатать ихъ не стоитъ. Лѣтомъ прошлаго года я прочелъ полемическія статьи по поводу г-жи Свѣчной, задумавъ написать объ этомъ казусѣ статейку, за неимѣніемъ другаго матеріала для журнала. Въ одномъ изъ нумеровъ *Русскаго Вѣстника* гдѣ была эта стрѣльба по г-жѣ Туръ, напечатана статья г. Малиновскаго (если не ошибаюсь) о пороховыхъ взрывахъ, кажется. Она какъ-то развернулась и я прочелъ нѣсколько страницъ. Наконецъ, сидя однажды у постели больного, я прочелъ для него нѣсколько страницъ изъ повѣсти г-жи Коха, овской; заглавія повѣсти не помню, а знаю только, что въ ней разказъ ведется отъ лица женщины, часто вставляющей въ свою исторію отрывки изъ народныхъ пѣсень. •



Удивительная точность и подробность въ показаніяхъ! Что, когда, при какихъ обстоятельствахъ— все показано... зачѣмъ это нужно читателямъ? Безъ сомнѣнія, какіе-нибудь глубокіе мотивы заставили г. Чернышевскаго припомнить съ такими подробностями этотъ рядъ событій изъ его жизни.

Исповѣдь эта взята нами изъ статьи, дважды подписанной г. Чернышевскимъ и напечатанной въ іюньской книжкѣ *Современника* подъ заглавіемъ: *Полемическія красоты. Коллекція первая. Красоты, собранныя изъ Русскаго Вѣстника, и съ эпиграфомъ изъ Илиады: «Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса.»* Статья эта состоитъ изъ VI главъ.

Намъ очень прискорбно, что «полемическія красоты» нашего журнала такъ сильно подѣйствовали на г. Чернышевскаго. Рѣдко случалось намъ видѣть такую игру аффектовъ, какую возбудила въ г. Чернышевскомъ статья г. Юркевича, изъ которой извлеченіе помѣстили мы въ своемъ журналѣ. Эти аффекты отзываются тѣмъ болѣзненнымъ, что г. Чернышевскій употребляетъ немощныя усилія скрыть ихъ отъ публики. Мы вовсе не имѣли въ виду такъ разстроить г. Чернышевскаго; по правдѣ сказать, мы и не знали, онъ ли авторъ тѣхъ статей, которыя вызвали критику. Г. Чернышевскій не поставилъ, подъ ними своего имени; но теперь видно, что въ кругу сочувствующихъ ему лицъ было извѣстно имя автора; быть-можетъ, эти статьи какъ-нибудь особенно фетировались въ этомъ кругу. Разумѣется, при такихъ обстоятельствахъ, не можетъ не загворить авторское самолюбіе, особенно когда авторъ убѣжденъ въ своемъ авторитетѣ (а г. Чернышевскій убѣжденъ и испытываетъ всѣ выгоды и невыгоды этого высшаго званія, столь труднаго въ наше время). Но всему есть мѣра,—мы все стоимъ за мѣру. Есть даже мѣра и чувству оскорбленнаго авторитета. Раздраженіе г. Чернышевскаго такъ безмѣрно, что онъ совершенно растерялся. Онъ растерялся до такой степени, что торопливо хватаясь за все, чѣмъ бы прикрыться, только пуще обнажаетъ свои язвы. Ничего не можетъ быть удивительнѣе его выходки противъ г. Юркевича. Вотъ еще исповѣдь, но какаа болѣзненная! Вотъ это необыкновенное мѣсто.

«Статья г. Юркевича написана, какъ оказывается, въ опроверженіе моей статьи объ «антропологическомъ принципѣ». Это опроверженіе помѣщено въ журналѣ, издаваемомъ кievскою духовною академіей, а самъ г. Юркевичъ—профессоръ этой академіи.

«Я самъ—семинаристъ. Я знаю по опыту положеніе людей, воспитывающихся, какъ воспитывался г. Юркевичъ. Я видѣлъ людей, занимающихъ такое положеніе, какъ онъ. Потому смѣяться надъ нимъ мнѣ тяжело: это значило бы смѣяться надъ невозможностью имѣть въ рукахъ порядочныя книги, надъ совершенною беспомощностью въ дѣлѣ своего развитія, надъ положеніемъ, невообразимо стѣсненнымъ во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ.

«Я не знаю, какихъ глѣтъ г. Юркевичъ; если онъ уже не молодой чело-

вѣтъ, заботиться о немъ поздно. Но если онъ еще молодъ, я съ удовольствіемъ предлагаю ему тотъ небольшой запасъ книгъ, какимъ располагаю.

•О г. Юркевичъ я кончилъ этимъ. Но *Русскій Вѣстникъ*—о немъ я еще не кончилъ, потому что долженъ сказать ему, что онъ (конечно, не преднамѣренно) поступилъ съ г. Юркевичемъ не хорошо. Всѣ мы, семинаристы, писали точно то же, что написалъ г. Юркевичъ. Если угодно, я могу до-ставить въ редакцію *Русскаго Вѣстника* такъ-называемыя на семинарскомъ языкѣ «задачи», то-есть сочиненія, маленькія диссертаціи, писанныя мною, когда я учился въ философскомъ классѣ Саратовской семинаріи. Редакціи можетъ удостовѣриться, что въ этихъ «задачахъ» написано то же самое, что должно быть написано въ статьѣ г. Юркевича, — да, я увѣренъ, что въ ней написано то же самое, хотя я еще не читалъ ея, и не прочту ея, не прочту и всего извлеченія, напечатаннаго въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, а прочту въ корректурѣ тотъ отрывокъ изъ извлеченія, который отиѣтилъ я для вставки въ эту статью. Я впередъ знаю все, что я прочту въ немъ, все до послѣдняго слова, и очень многое помню наизусть. Извѣстно, какъ пишутся эти вещи, что пишется въ этихъ вещахъ, — то-есть извѣстно это намъ, семинаристамъ. Другіе могутъ считать это новымъ, — могутъ, пожалуй, считать хорошимъ, какъ имъ угодно. А мы знаемъ, что это такое.

•Если положеніе г. Юркевича измѣнится, то очень скоро ему станетъ неприятно вспоминать о своей статьѣ. Но еслибъ она осталась только въ *Трудахъ*, она осталась бы неизвѣстна публикѣ. *Русскій Вѣстникъ* своимъ извлеченіемъ компрометируетъ его передъ публикой.

•Мнѣ хотѣлось бы не приводить отрывковъ изъ этого несчастнаго извлеченія. Но я обязанъ передъ *Русскимъ Вѣстникомъ* сдѣлать это: вѣдь ему кажется, что я опровергнувъ статью г. Юркевича; я не въ правѣ скрывать отъ своихъ читателей эту статью, опровергнувшую меня, по увѣренію *Русскаго Вѣстника*.

•Я не имѣю права перепечатывать больше, какъ третью часть статьи. Я вполне долженъ воспользоваться своимъ правомъ. Статья имѣетъ 27 страницъ. Я перепечатаваю изъ нихъ 9, начиная съ того мѣста, гдѣ рѣчь обращается отъ общихъ сужденій прямо ко мнѣ. Пришлось такъ, что послѣднія строки послѣдней страницы, до конца которой доходить мое право перепечатки, не заключаютъ въ себѣ полнаго періода, и въ концѣ послѣдней строки стоитъ только половина слова, другая половина котораго переносится на слѣдующую страницу. Что дѣлать, брать со слѣдующей страницы я не имѣю уже права, а до конца этой страницы я обязанъ воспользоваться вполне своимъ правомъ, чтобы не лишить читателя на одной буквѣ изъ той части побѣдоноснаго опроверженія моихъ мыслей, которыя могу сообщить ему.

За этимъ г. Чернышевскій, дѣйствительно зажмурившись, отиѣчаетъ для наборщиковъ часть статьи г. Юркевича изъ № 4 *Русскаго Вѣстника*, прихватывая то что къ ней не принадлежитъ, и дѣйствительно прерываетъ ее на полусловѣ: «Это происходитъ отъ свойствъ, зри...»

Какъ онъ растерялся! Зачѣмъ ему такъ хочется увѣрить публику, что онъ не читалъ и не будетъ читать статьи своего критика. Вѣдь это хуже, что онъ не читалъ и не хочетъ читать. Вѣдь это изобличаетъ болѣе слабость нежели твердость. А онъ еще говорить: «Я мертвъ къ похвалѣ и къ порицанію тому, что я пишу.» Индѣйскіе войны, у

Купера, доказываютъ свое мужество тѣмъ, что, подвергаемыя всевозможнымъ пыткамъ, стараются ни малѣйшимъ крикомъ, ни малѣйшимъ измѣненіемъ лица не обнаружить своихъ страданій. Г. Чернышевскому было бы гораздо выгоднѣе увѣрять своихъ юныхъ поклонниковъ, что онъ читалъ роковую статью всю до конца, и что пожалуй прочтетъ ее еще разъ, и еще разъ, но что она на него никакого впечатлѣнія не производитъ и не произведетъ. Тогда бы онъ былъ настоящій воинъ. А то какъ же такъ аргюги, по одному откровенію духа, рѣшить что статья не стоить вниманія. Вѣдь это можетъ озадачить и ту часть читающей публики, которая еще учится въ саратовской семинаріи. Впрочемъ г. Чернышевскій уже не разъ оказывался такимъ крайнимъ спиритуалистомъ. Ему указываютъ, напримѣръ, книгу или писателя по предмету, о которомъ онъ заводитъ рѣчь, — не какую-нибудь глупую и невѣдомую книгу, не какого-нибудь неизвѣстнаго писателя, но весьма извѣстную книгу, весьма извѣстнаго писателя, котораго нельзя не принять къ свѣдѣнію, по крайней мѣрѣ для опроверженія, — г. Чернышевскій отвѣчаетъ: Я не читалъ ничего этого и не хочу читать; я заранѣе знаю, что это вздоръ.

А напрасно г. Чернышевскій не читалъ статьи своего критика. Можетъ-быть онъ нашелъ бы въ ней то, чего не ожидалъ. Можетъ-быть она оказала бы ему и нѣкоторую пользу, еслибы онъ занялся ею съ должнымъ вниманіемъ и размышленіемъ. Онъ напрасно на себя клевететь; не совсѣмъ же онъ такой спиритуалистъ, и не обо всемъ же на свѣтѣ знаетъ онъ, только по откровеніямъ духа. Надобно думать, что онъ и матеріально почитываетъ, что онъ заглядываетъ и въ русскіе журналы гораздо чаще чѣмъ утверждаетъ, да вѣроятно и въ нашемъ журналѣ читалъ онъ кое-что кромѣ того, что имъ показано. Впрочемъ, мы не хотимъ сомнѣваться въ истинѣ его показаній: онъ самъ не читалъ, — ну, такъ ему читали вслухъ. Непремѣнно читали, иначе откуда бы узнать ему, напримѣръ, статьи нашихъ экономистовъ, о которыхъ толкуетъ онъ такъ часто и такъ рѣшительно. Эти писатели и труды ихъ можетъ-быть очень слабы; журналы наши можетъ-быть очень плохи, но тѣмъ не менѣе г. Чернышевскій и друзья его читали ихъ, и невозможно, чтобъ это чтеніе оставалось безъ всякихъ послѣдствій для людей относительно еще молодыхъ и получившихъ, по собственному показанію, не весьма основательное образованіе. *Русскій Вѣстникъ* былъ для *Современника* постоянною темою разговоровъ. Имена лицъ, помѣщавшихъ у насъ свои статьи, не сходили съ языка у г. Чернышевскаго и его друзей. Несообразно допустить, чтобы все это множество дру-

жескихъ замѣчаній, полезныхъ совѣтовъ, доброжелательныхъ отзывовъ, дѣлалось изъ чистаго разума или по внушенію *духи толкуща*. Положимъ, что обо многомъ, положимъ, что о большей части говорилось именно изъ этихъ источниковъ, но не все же изъ этихъ; кое-что, безъ сомнѣнія, узнавалось и другимъ путемъ, болѣе естественнымъ; кое-что вѣроятно читалось вещественно и читалось не безъ вниманія. И чтѣ ни говори г. Чернышевскій, а это чтеніе не могло оставаться совершенно безъ всякихъ послѣдствій. Тутъ нѣтъ для него ничего компрометирующаго. И великіе люди прислушиваются иногда не безъ пользы къ рѣчамъ простыхъ смертныхъ. Конечно, занятіе Миллемъ должно было оказать г. Чернышевскому еще большую пользу; но съ Миллемъ еще онъ не совсѣмъ справился; по нѣкоторымъ признакамъ, онъ знакомится съ нимъ лишь по мѣрѣ своего перевода, переводъ же его еще не достигъ вожделѣннаго конца. Мы дѣйствительно замѣтили значительную перемену къ лучшему въ экономическихъ понятіяхъ г. Чернышевскаго; но мы замѣтили это не въ попрекъ ему, а напротивъ въ изъявленіе нашего удовольствія. Мы не слѣдили пристально за развитіемъ его понятій, и признаемся, не имѣемъ ни охоты, ни досуга заниматься этимъ предметомъ, хотя и не отрицаемъ его интереса. Мы сами не беремся; но въ числѣ нашихъ сотрудниковъ есть охотники до подобныхъ изслѣдованій: намъ давно уже предлагали этюды о литературной дѣятельности г. Чернышевскаго. Это должно радовать его, ибо, какъ онъ объявляетъ самъ, репутація его растетъ. Впрочемъ, эти господа думаютъ, что всякій фактъ на свѣтѣ, каковы бы ни были его размѣры и значеніе, заслуживаетъ анализа; но господа эти отличаются однимъ неисправимымъ недостаткомъ: они во все вносятъ непріятный обличительный духъ и сердятся за всякое смягченіе со стороны редакціи. Вотъ почему мы не принимали ихъ предложенія: добро бы дѣло шло объ одной какой-нибудь статьѣ или мысли, подкарауленной возрѣя, а то брать цѣлаго человѣка, всю его дѣятельность, все его развитіе, производить вивисекціи — дѣло крайне непріятное.

Такъ г. Чернышевскій не читалъ критики на статью *Антропологической принципъ философіи*? Жаль! Неужели онъ такъ-таки и не прочтетъ? Но почему же? Чтѣ за предубѣжденіе? Г. Юркевичъ преподаетъ философію въ Кіевской академіи, — это правда. Вѣроятно и то, что онъ обучался первоначально въ семинаріи, можетъ-быть въ кіевской семинаріи. Но что же изъ этого слѣдуетъ? То ли, что кіевская семинарія не саратовская, а саратовская не кіевская? Положимъ, что въ семинаріяхъ обученіе крайне плохо и идетъ по ложной стезѣ, допустимъ это, не требуя въ доказа-

тельство тетрадокъ г. Чернышевскаго, которыя онъ такъ добродушно объщаетъ намъ выслать. Но не изъ саратовской ли семинаріи вышелъ самъ г. Чернышевскій? Значить и изъ Галилеи можетъ придти что-нибудь хорошее, даже великое и достославное. Г. Чернышевскій простеръ руку и не допускаетъ до себя чловѣка, который первоначально обучался въ семинаріи: какаа нетерпимость, и, въ пылу гнѣва, какаа несправедливость къ самому себѣ! А какъ же онъ-то учился въ семинаріи? Если изъ саратовской семинаріи вышелъ одинъ молодець, то почему же не выйдти другому изъ пензенской, тамбовской или кіевской? Не прочитавъ, какъ же знать въ чемъ дѣло? Можетъ-быть критикъ осуждаетъ г. Чернышевскаго въ интересъ его же собственныхъ мнѣній. Г. Чернышевскій предлагаетъ ему свои книжки для пользованія: а можетъ-быть критикъ уже прочиталъ всѣ эти книжки, можетъ-быть онъ именно и доказываетъ то, что г. Чернышевскій плохочиталъ ихъ или читалъ ихъ болѣе духовно нежели вѣщественно, что онъ компрометировалъ тѣ самыя авторитеты, въ которые до того вѣруеть, что не хочетъ и читать ничего еже не отъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, г. Юркевичъ не отрицаетъ того, во что такъ вѣрують гг. Чернышевскій и Антоновичъ; но онъ, кромѣ этого, допускаетъ и еще кое-что, чего эти господа не допускають, не допускають именно по чувству слѣпаго культа, возбраняющаго употребленіе собственной мысли. Г. Юркевичъ изобличаетъ между прочимъ именно эту слѣпоту поклоненія. Можно признавать авторитетъ авторитетомъ, можно питать къ нему любовь и вѣру, можно имѣть къ нему *почтительность*, но быть въ то же время свободнымъ во всѣхъ этихъ чувствахъ. Можно, напримѣръ, любить чловѣка, вполне довѣрять ему и въ то же время сохранять въ отношеніи къ нему полную свободу. А равно, быть свободнымъ не значить плевать, браниться и толкать подъ бока. Есть разница между слѣпымъ поклоненіемъ и сознательнымъ, свободнымъ признаніемъ: между этими двумя пунктами находится цѣлый міръ умственнаго образованія и развитія.

Чловѣкъ взрослый и свободный, напримѣръ, не будетъ поступать такъ, какъ поступлено въ этой же самой книжкѣ *Современника*, напримѣръ съ Токвиллемъ. Токвилль есть дѣйствительно весьма почтенное имя, и критикъ *Современника* правъ, говоря по поводу его сочиненія объ американской демократіи: «успѣхъ этой книги во Франціи былъ громадный... да и не въ одной Франціи приобрѣла эта книга Токвилля успѣхъ и авторитетъ: Англичане, Нѣмцы часто ссылаются на нее». Критикъ забылъ только прибавити, что и сами Американцы не рѣже ссылаются на нее, и что между ними она также авторитетъ. Но этотъ юный критикъ желалъ показать

примѣръ свободнаго отношенія къ авторитетамъ. Онъ хотѣлъ показать слѣдующее: видите ли, Токвилля всѣ уважаютъ, онъ авторитетъ, а вотъ, посмотрите, я плевать на него хочу (это самое выраженіе встрѣтилось намъ гдѣ-то въ этой самой книжкѣ *Современника*). На Токвилля всѣ ссылаются, а я покажу вамъ, что онъ ровно ничего не смыслитъ и просто глупъ. Да вотъ подлинныя слова изъ *Современника*:

— Теперь уже не остается никакого сомнѣнія; даже и при помощи г. Юркевича нельзя будетъ найти наше заключеніе опрометчивымъ: очевидно, что Токвилль прии́нзятъ къ американской демократіи всѣ предшествующія мудрыя соображенія, нами сообщенныя читателю.

— Спрашивается теперь: какъ мы должны думать о Токвиллѣ? Мы видѣли, что книгу свою онъ писалъ съ превосходнѣйшимъ намѣреніемъ; надобно прибавить, что фактическая сторона въ ней — изложеніе законовъ Соединенныхъ Штатовъ — хороша; можно, пожалуй, и кромѣ того пайти въ ней много страницъ полезныхъ и писанныхъ какъ будто неглупымъ человѣкомъ; все такъ, и хорошаго въ книгѣ довольно, и полезнаго не мало, — по объ авторѣ-то какъ вы станете думать, и какой вѣсь могутъ имѣть мнѣнія подобнаго мыслителя? У автора въ головѣ такой сумбуръ, что никакой вѣтъ возможности придавать хотя бы самое маленькое значеніе образу его мыслей, — въ одномъ случаѣ такъ ему покажется, въ другомъ совершенно на-выворотъ. Ослабѣваетъ или укрѣпляется центральная власть въ Американскихъ Штатахъ? Падаютъ она передъ мѣстными властями отдѣльныхъ штатовъ или онѣ поглощаются ею? Извольте сказать, какъ думаетъ объ этомъ Токвилль? Невозможно безъ смѣха сличать мнѣнія, выраженныя имъ объ этомъ вопросѣ въ двухъ разныхъ отдѣлахъ одной и той же книги.

— А писатель онъ знаменитый, признанъ за авторитетъ всею образованною Европою; прославленъ и въ нашей литературѣ. Мы сначала и хотѣли было уважить авторитетъ, — сами видите, статья наша начата съ почтительностью; но мы ли виноваты, что не оказалось никакой возможности продолжать ее въ томъ же тонѣ?

— Конечно, бѣдный Токвилль ужъ слишкомъ откровенно выложилъ передъ нами несладкицу своихъ мыслей. Не у всякаго подобнаго ему сумбурава писателя найдете вы такую основательную и подробную двуголосицу, какъ у него по вопросу о централизаціи въ Америкѣ.

Какъ все это свѣжо и юно! Забѣйте между прочимъ въ приведенномъ мѣстѣ имя г. Юркевича. Юньская книжка *Современника* одержима мыслию о г. Юркевичѣ. Зачѣмъ бы, кажется, приплетать его сюда, по поводу Токвилля и американской демократіи? А онъ не разъ упоминается въ этой статьѣ. «Вотъ кого, Токвилля, должны были бы учить логикѣ *Русскій Вѣстникъ* съ г. Юркевичемъ. Жаль, что умеръ бѣдняжка до появленія статьи г. Юркевича и до перепечатки ея въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.» Какъ все это кстати, и какъ все это выразительно свидѣтельствуетъ о презрительномъ равнодушіи къ критикѣ г. Юркевича!

На какую же публику разчитываютъ эти господа? На такую ли, которая способна понять дѣло, выскнуть въ него, разобрать,

справиться, или на такую, которая ни къ чему этому не способна? Ахъ, саратовская семинарія!

Мы всё учились понемногу  
Чему-нибудь и какъ-нибудь,

—кто въ саратовской, кто въ тамбовской или пензенской семинаріи, а кто не въ семинаріи, а въ гимназіи или кадетскомъ корпусѣ. Каждый изъ насъ, безъ сомнѣнія, сохранилъ воспоминанія о тѣхъ счастливыхъ годахъ; и кому не вспомнятся они, при этихъ явленіяхъ, происходящихъ въ нашей лигературѣ?

Положимъ, что Токвилль—авторитетъ фальшивый; положимъ, что все написанное этимъ бѣднѣйгой есть чистый сумбуръ и не отличается большею логикой чѣмъ нѣкоторыя мыслеразвитія, замѣченныя г. Юркевичемъ въ разобранныхъ имъ статьяхъ,—положимъ, что все это такъ: но г. Юркевичъ читалъ, и читалъ весьма трудолюбиво эти статьи; онъ изучалъ ихъ, онъ далъ себѣ трудъ выикать и соображать; онъ, наконецъ, написалъ обширную и дѣльную статью, которая заставляетъ позабыть о ничтожествѣ первоначальнаго повода къ ней. А какъ поступаетъ критикъ *Современника* въ отношеніи къ Токвиллю? Удивительно! Онъ полагаетъ свою свободу въ отношеніи къ нему въ томъ, чтобы судить о немъ, не зная его и не прочтя его книги. Это невѣроятно, но это такъ. Всѣ эти милые отзывы о Токвиллѣ, выписанные нами выше, основаны единственно на непрочтеніи книги. Токвилль различаетъ централизацію правительственную и административную. Онъ находитъ, что въ первомъ отношеніи республики Сѣверной Америки сильно централизованы, но во второмъ отношеніи тамъ въ полной мѣрѣ господствуетъ принципъ самоуправленія. Далѣе, Токвилль отличаетъ централизацію въ каждомъ штатѣ въ отдѣльности отъ союзнаго устройства. Критикъ ничего этого не знаетъ, и самымъ забавнымъ образомъ потѣшается надъ мнимыми противорѣчіями Токвилля. У него и въ головѣ нѣтъ, что союзное правительство не составляетъ всего государства Американскихъ Штатовъ, что каждый штатъ есть само государство, имѣющее свою законодательную и исполнительную власть, свою централизацію. Еслибы критикъ не ограничился однимъ идеальнымъ знакомствомъ съ Токвиллемъ, а познакомился бы съ нимъ и реальнымъ образомъ, то онъ узналъ бы обо всемъ этомъ и узналъ бы еще много другаго интереснаго и полезнаго. Токвилль видитъ въ демократіи естественное тяготѣніе къ сильной централизованной власти; а во въ Америкѣ господствуетъ демократія, и однако тамъ господствуетъ принципъ самоуправленія: юный критикъ помираетъ со смѣху; у него и подозрѣнія нѣтъ, что главная мысль Токвилля и состоитъ

именно въ томъ, что демократія въ Америкѣ находится въ особомъ, исключительномъ положеніи. Американская демократія основана выходцами изъ Англіи, пуританами, людьми крѣпкой вѣры; американцы тѣ же Англо-Саксонцы; во всѣхъ ихъ учрежденіяхъ преобладаетъ типъ, вынесенный ими изъ первоначальной ихъ родины, типъ, который выработался цѣлою великою исторіей. Они принесли съ собою и парламентарное устройство, и свободу слова и печати, и независимый судъ, и присяжныхъ, и мѣстное самоуправленіе. Эти принципы свободы, перенесенные на американскую почву, даютъ ей другой характеръ, и, пока остаются въ силѣ, условливаютъ особаго рода явленія, и стало-быть для оцѣнки этихъ явленій необходимо имѣть въ виду не одну демократію, но именно эти принципы, которые выработались въ другомъ мѣстѣ, и безъ которыхъ демократія и будетъ именно то, чего бы не хотѣлъ въ ней видѣть Токвилль. Юный критикъ ничего этого не подозреваетъ, и пишетъ тѣ прелестныя строки, которыя мы предъявили нашимъ читателямъ.

Этотъ молодой человѣкъ пускается, по поводу Токвилля, въ разсужденія о централизаціи. Ничего не можетъ быть наивнѣ этихъ разсужденій. Вотъ что называется слышать звонъ... Критикъ Токвилля наслышался, что централизацію бранять, и вообразилъ, что централизація есть во всѣхъ отношеніяхъ нигуда негодная вещь, и что ей ничего въ исторіи не принадлежитъ. А еще г. Чернышевскій Богъ знаетъ на какомъ основаніи попрекаетъ въ наивности статью г. Сухомлинова, напечатанную въ январьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника!* Въ статьѣ г. Сухомлинова нѣтъ ничего наивнаго, и отзывъ этотъ, по всему вѣроятію, произошелъ изъ свойственнаго г. Чернышевскому источника, то-есть изъ непочтенія статьи. Но хотите ли видѣть крайній предѣлъ наивнаго? *Современникъ* предположилъ, въ этой самой статьѣ о Токвиллѣ, доказать, что централизація въ русской исторіи была не нужна, что національное единство у насъ образовалось безъ ея помощи. Занимательная тема! Какъ же доказывать это *Современникъ*? Онъ спрашиваетъ: «Отчего произошло раздробленіе восточной Россіи на мелкія государства и чѣмъ оно поддерживалось?» Задавъ себѣ эгогъ глубокомысленный вопросъ, отчего произошло раздробленіе восточной Россіи (какъ будто бы до того восточная Россія составляла цѣльное государство), онъ отвѣчаетъ:

«Не было ни физическихъ, ни народныхъ причинъ возникнуть или удерживаться раздробленію. Оно возникло просто только оттого, что населеніе было малочисленно и грубо. По малочисленности своей оно было разсыяно слишкомъ безсвязно, одна группа его раздѣлялась отъ другой пустынею. По грубости своей оно не могло установить такызъ формы администратціи, которыми удобно соединились бы области, далекая одна отъ другой.»

Итакъ, два условія поддерживали раздробленіе: малочислен-



ность населенія и отсутствіе такихъ формъ администраціи, которыми удобно соединялись бы области. Отсюда слѣдуетъ, что размноженіе народонаселенія и установленіе вышеозначенныхъ формъ администраціи должны были положить конецъ раздробленію и привести дѣло къ національному единству. Первое произошло естественно: народонаселеніе расплодилось. А второе, что же значить второе? администрація, соединяющая далекія области, что же это такое? Вѣдь это и есть централизація, пожалуй еще супра-централизація, во всякомъ случаѣ весьма чувствительная централизація. Но нашъ публицистъ написалъ все это для развитія той мысли, что централизація въ русской исторіи вовсе была безъ дѣла. Какова логика! Вотъ это самосознательная мысль! Забудьте еще, что мысль эта развивается только на двухъ, на трехъ страницахъ: даже на такомъ тѣсномъ пространствѣ она не сводитъ конца съ концомъ. Этотъ юный мыслитель такъ прямо и доказываетъ именно то, что предположилъ опровергнуть. Трудно даже характеризовать всю образцовую бѣзмыслицу и болтовню этого мѣста; надобно прочесть его вполнѣ и въ натурѣ (стр. 333—335).

Но оставимъ эту куріозную статью (а только ли еще куріознаго въ этомъ номерѣ *Современника*!) и возвратимся къ *полемическимъ красотамъ* г. Чернышевскаго. Жалѣемъ, что статьи, помѣщенные въ нашемъ журналѣ, нарушили спокойствіе и душевное равновѣсіе этого писателя. Онъ жилъ мирно, занимался своими книжками, не зналъ русской литературы, не читалъ русскихъ журналовъ. А теперь онъ принужденъ читать ихъ, и прежде всего принялся за чтеніе нашего журнала. Мы видѣли, какъ неприятно для г. Чернышевскаго это занятіе. Эта неприятность высказывается во всемъ, — и въ прибауточкахъ, и въ шуточкахъ, и въ ироническихъ похвалахъ, и въ сердитыхъ попрекахъ, что мы украли у него остроуміе и даже исключительно ему принадлежащее выраженіе: *французскія книжки*<sup>1</sup>; онъ подаетъ намъ дружескіе совѣты искать

<sup>1</sup> Попрѣчь этотъ такъ милъ, что мы не можемъ не выписать его:

„Что *Русскій Вѣстникъ* не даромъ причислилъ себя къ свистунамъ, доказывается слѣдующею статьею, о книгѣ Гильдебранта, — по тону своему она явно усиливается быть сколкомъ съ нашихъ библиографическихъ статей, какъ в началѣ статьи „Старые боги и новые боги“ явно навѣяно статьею *Современника* „о житіи Ивана Яковлевича“: та же шутовство, тѣ же приемы, та же манера не церемониться съ иностранными знаменитостями — какъ это дозволяетъ себѣ *Русскій Вѣстникъ* „топтать въ грязь авторитеты“! И зачѣмъ бранить тѣхъ, кому подражаешь? Хотя бы ту предосторожность взяли, чтобы нашими любимыми выраженіями не заимствоваться, придумать свои какія-нибудь, — а то, навримѣръ для обозначенія людей, пробавляющихся свѣдѣніями изъ вторыхъ рукъ, употребляетъ *Русскій Вѣстникъ* выраженіе: „привыкшіе почерпнуть свои данныя изъ французскихъ книжекъ“ — ай, ай, ай! — откуда это выраженіе „французскія книжки“? — Это ужъ очень плохо, когда подражаніе доходитъ до заимствованія словъ.“

себѣ другихъ сотрудниковъ, за негодностью наличныхъ; онъ и плачетъ, и смѣется, и грозитъ, то полусутиливо, то совсѣмъ не шуточнымъ образомъ: «Если *Русскій Вѣстникъ* станетъ выказывать себя съ такой стороны, ему придется плохо.» Чтобъ уязвить насъ, г. Чернышевскій возобновляетъ даже исторію о г-жѣ Толмачевой. Ине стыдно это ему? А мы было похвалили *Современникъ* за то, что онъ по этому дѣлу держалъ себя прилично.

Г. Чернышевскій убѣждаетъ насъ, что эманципація не есть разврагъ. Прекрасно, мы убѣдились; но убѣжденъ ли онъ самъ въ этомъ? Если убѣжденъ, такъ стало-бытъ все благополучно, и больше ничего требовать не надо. Когда въ нашей замѣткѣ, по поводу г-жи Толмачевой, мы спрашивали, какихъ правъ нужно женщинамъ, мы старались поставить яснѣе вопросъ и привести нашихъ эманципаторовъ къ сознанію того, что они разумѣютъ подъ эманципаціей женщины и чего они хотятъ? Мы желали довести дѣло до точности. Приказавъ за женщиной всѣ права и въ гражданскомъ отношеніи, и въ семействѣ, и во всѣхъ родахъ человѣческой дѣятельности, мы спрашивали далѣе: «Чего же можетъ хотѣть женщина? Не того ли, чтобы быть эманципированною во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ считаетъ себя эманципированнымъ мужчиною? Но хорошо ли, что мужчина считаетъ себя эманципированнымъ во всѣхъ отношеніяхъ? Приятно ли будетъ ей самой сравниться съ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ?» Г. Чернышевскій не могъ не понять къ чему мы клонимъ нашу рѣчь, и конечно лишь по особому расположенію духа рѣшился повторить пошлости, уже высказанныя другими. Хотятъ ли, чтобы женщина пользовалась полною свободой въ нашемъ обществѣ? Для этого, по нашему мнѣнію, прежде всего нужно, чтобы кавалеры не считали себя эманципированными во всѣхъ отношеніяхъ. Женщина не всегда можетъ пользоваться своими правами на дѣлѣ, благодаря общей грубости среды и излишней эманципированности кавалеровъ. Если же наши эманципаторы не таковы, такъ значить и слава Богу.

Г. Чернышевскій говоритъ:

«Чтобъ отратить женщину отъ желанія сравниться съ мужчиною, *Русскій Вѣстникъ* выставляетъ, что она лишится чрезъ это особенныхъ выгодъ своего нынѣшняго положенія: мужчины ужъ не будутъ ей, какъ равной себѣ, оказывать того особаго уваженія, той деликатности, на которыя имѣетъ она право, оставаясь въ своемъ положеніи высшемъ и привилегированномъ»,—о чемъ это вы говорите? О комплиментахъ, галантерейностяхъ, о томъ, что женщина—царица общества, воздушное существо? о томъ, что ей привозятъ въ подарокъ конфеты? Да вѣдь это—особое уваженіе, эта деликатность—необыкновенно пошлы; ими унижается женщина; ими тяготится каждая не то, что эманципированная, а каждая женщина, живущая отъ природы умъ и чувствующая свое человеческое достоинство. Вѣдь все отывается средневѣковымъ взглядомъ на женщину, какъ на «даму сердца».

то-есть куклу, обязанную сидѣть на балконѣ и раздавать шары побѣдителямъ, а иногда и служить наградой побѣдителю. Вѣдь этимъ женщина ставится въ положеніе ребенка, на котораго не смотрятъ серьезно, съ которыми только шалить по свисходительной любви. Или вы думаете о другомъ? Можетъ-быть вы думаете, что признавъ женщину равной себѣ отбросивъ приторныя деликатессы въ обращеніи съ нею, мужчина станетъ толкать ее на улицѣ? Но, вѣроятно, вѣдь и другъ друга мужчины перестанутъ толкать на улицахъ.

Какой пріятный слогъ и какой блестящій фейерверкъ изъ «деликатессъ», «галантерейностей», «конфетъ» и «чувства человеческого достоинства!» (Слышите, г. Юркевичъ?—*Человѣческую достоинство!* Пациентъ вашъ поправляется.) И все изъ-за чего?..

Мы говорили о мужчинахъ, которые считаютъ себя въ правѣ быть эманципированными *во всѣхъ отношеніяхъ*. Мы спрашивали, неужели женщина можегъ желать того же, и находили, что и въ теперешнемъ положеніи желающія могутъ эманципироваться *во всѣхъ отношеніяхъ*. Но отказавшись отъ своего собственно-женскаго положенія, и ставъ наравнѣ съ мужчиной, можегъ ли женщина претендовать на ту особенную деликатность, которая, во всякомъ цивилизованномъ обществѣ, оказывается ей какъ женщины.

Порядочные люди не будутъ другъ друга толкать ни на улицѣ, ни въ комнатѣ, и вообще не будутъ прибѣгать къ посредству рукъ въ своихъ объясненіяхъ. Но развѣ не требуется въ цивилизованномъ обществѣ кое-чего особеннаго въ отношеніи къ женщинамъ, чего вовсе не требуется въ отношеніи къ мужчинамъ? Да вотъ зачѣмъ далеко ходить. Папиши Камень-Виногородъ не о г-жѣ Толмачевой, а о г. Чернышевскомъ, вѣдь не было бы никакого повода къ скандалу; г. Михайлову не было бы никакого повода сказать, что у Камня-Виногорова комъ грязи вмѣсто сердца, и намеки на «пермскія тайны» показались бы не грубостію, а конфеткой, если не самому г. Чернышевскому, то весьма многимъ на его мѣстѣ. Значить, съ дамою надо обращаться нѣсколько иначе чѣмъ съ кавалеромъ; это извѣстно всякому, даже не бывавшему въ семинаріи, по выраженію Гоголя. А для этого-то и требуется, чтобы женщина не отказывалась отъ преимуществъ своего особаго положенія и не эманципировалась *во всѣхъ отношеніяхъ*. Моралистамъ было бы конечно пріятно, чтобы и кавалеры не считали себя эманципированными *во всѣхъ отношеніяхъ*, чтобы и они считали для себя обязательнымъ все то, что составляетъ необходимое условіе для истинной женщины. Да мало ли чего желать пріятно? Но не все то дѣлается, что желается. Мужчина не считается даже въ самыхъ цивилизованныхъ обществахъ погибшимъ чловѣкомъ, если онъ съ юныхъ лѣтъ начнетъ ходить по вертемамъ разврата для изученія серьезной стороны жизни; но женщина и

въ Европѣ и въ Америкѣ будетъ сочтена существомъ погибшимъ. Мушнина, къ великому прискорбію, всѣхъ друзей человѣчества, безъ зазрѣнія совѣсти содѣйствуетъ развитію того, что эфемеристически Англичане называютъ *общественнымъ зломъ* (social evil). Общественное мнѣніе, скорбя о развитіи этого зла, смотритъ снисходительно на грѣшниковъ, и даже не считаетъ ихъ грѣшниками. При соблюденіи извѣстной мѣры, въ мушнинѣ, къ сожалѣнію, не считается все это развратомъ, а считается только эманципаціей. Такъ желательно ли, чтобы для женщины также и собственная совѣсть, и общественное мнѣніе дѣлали поблажку въ этомъ отношеніи?

Чего лучше, еслибы вліяніе женщины оказывалось во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности! Только развѣ послѣдователи Прудона захотятъ ограничить ея жизнь одною кухней. Женскій элементъ нуженъ вездѣ, но нуженъ именно *женскій* элементъ со всѣми своими отличительными признаками.

Эманципація вообще еще ничего не значить; надо сказать какая эманципація; бываетъ, напримѣръ, эманципація и отъ здраваго смысла, но что въ ней толку? А потому, когда гсворится объ эманципаціи, то требуется въ точности обозначить, чего требуется. Точно ли наши эманципаторы искренно желаютъ участія женщины во всѣхъ сферахъ истинно-человѣческой жизни? Это ли у нихъ на умѣ? Вообще есть ли у нихъ что-нибудь определенное на умѣ?

Какъ бы, напримѣръ, не порадоваться, что въ наше время появилось много женщинъ писательницъ! Особенно эманципаторы должны были бы этому радоваться, а вѣдь всѣ фельетонисты у насъ, за исключеніемъ развѣ одного г. Аскоченскаго, зачатые эманципаторы. Что же однако? Вотъ недавно нѣкто г. Ботиковъ напечаталъ противъ насъ фельетонъ въ *Русскомъ Инвалидѣ*; онъ очень остроумно потѣшается надъ *Русскими Вѣстникомъ* за то, что въ немъ помѣщаются женскія повѣсти. Женскія повѣсти помѣщаются и въ другихъ журналахъ; но фельетонисту пришлось кстати попрекнуть ими *Русскій Вѣстникъ*. Между женскими повѣстями, равно какъ и между мужскими, могутъ быть и плохія и хорошія. Фельетонистъ не разбираетъ плохаго и хорошаго, а потѣшается вообще надъ женскими повѣстями. Подобныя милыя шуточкіи надъ дѣятельностію женщинъ въ литературѣ появляются у насъ весьма не рѣдко. Значитъ въ сущности эти господа потѣшаются надъ женщинами, которыя позволяютъ себѣ братья за перо, вмѣсто того чтобы развлекаться чѣмъ-нибудь другимъ. А подите-ка спросите у этихъ гг. Ботиковыхъ: эманципаторы ли они? Конечно эманципаторы, да еще какіе!

Г. Чернышевскій совѣтуетъ намъ потрудиться прочесть статью г. Филиппова, напечатанную въ *Современникѣ* за нынѣшній годъ. Благодаримъ его за совѣтъ, но мы уже читали ее. Это статья очень интересная. Мы не только читали ее, но и жалѣли, что тѣ благопріятныя обстоятельства, которыя дозволили *Современнику* напечатать ее, не всегда бываютъ возможны, и что мы до сихъ поръ не могли поговорить у себя о ея предметѣ, такъ какъ бы намъ хотѣлось. Когда наступать для насъ эти благопріятныя обстоятельства, мы непременно ими воспользуемся, а въ настоящемъ случаѣ не было бы даже и повода заводить рѣчь объ этомъ предметѣ. Статья г. Филиппова не имѣетъ ничего общаго ни съ мнимическимъ чтеніемъ *Египетскихъ ночей* въ Перми, ни съ тѣми мыслями, которыя высказала г-жа Толмачева, и которыя, по мнѣнію г. Чернышевскаго, долженъ сочувствовать всякій порядочный человѣкъ, какъ справедливымъ и благороднымъ, — мыслями о пользѣ для молодыхъ дѣвушекъ обозрѣвать вертепы разврата, для того чтобы стать серьезными женщинами. Вопросъ, поднятый г. Филипповымъ, совсѣмъ другаго свойства. Это не эманципация женщинъ, а скорѣе эманципация брачныхъ отношеній, облегченіе развода. Но облегченіе развода касается столько же мужа, сколько и жены, хотя, безъ всякаго сомнѣнія, для жены, какъ для существа слабѣйшаго, облегченіе это въ большей части случаевъ гораздо важнѣе чѣмъ для мужа.

Г. Чернышевскій сѣтуетъ на насъ, зачѣмъ мы по поводу исторіи о г-жѣ Толмачевой напомнили о выходкахъ *Современника* противъ графини Ростопчиной. «Вотъ видите ли что, говоритъ онъ,—

-была нѣкоторая разница между вашими статьями о графинѣ Ростопчиной и случаемъ, о которомъ вы разсуждаете. То, что говорила г-жа Толмачева, находить справедливымъ и благороднымъ почти всѣ просвѣщенные люди (за исключеніемъ васъ, чего мы не ждали); а то, за что мы осуждали г-жу Ростопчину, заслуживало строжайшаго осужденія по мнѣнію самихъ крайнихъ эманципаторовъ; графиня Ростопчина писала вещи въ духѣ *Фоблаза*, прямо противоположномъ идеямъ эманципаторовъ, которые освобожденіе женщины считаютъ дѣломъ столь же мало похожимъ на развратъ, или ведущимъ къ разврату, какъ освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ. Не звать этого—стыдно, а притворяться не знающимъ—еще стыднѣе.»

Положимъ, что дѣйствительно мысли, высказанныя г-жою Толмачевой, столько же благородны, сколько и справедливы; положимъ, что г-жа Ростопчина писала въ духѣ *Фоблаза*, который противоположенъ идеямъ эманципаторовъ; положимъ, что *Современникъ* имѣлъ полное право осуждать г-жу Ростопчину за нѣкоторыя ея произведенія,—мы тѣмъ легче допускаемъ это, что сами пользовались этимъ правомъ и сами осуждали въ нашемъ журналѣ то, что писала графиня Ростопчина. Но развѣ въ *Со-*

*сременникъ* ограничивались осужденіемъ графини Ростопчиной какъ писательницы? Да почему мы и вспомнили эти статьи? Главный пунктъ обвиненія противъ Камня-Виногорова состоялъ не въ томъ, что онъ осуждалъ г-жу Толмачеву за чтеніе *Египетскихъ ночей* или за то, что было ею сказано; нельзя же отказывать и Камню-Виногороду въ правѣ имѣть свое мнѣніе; можно было бы съ нимъ спорить, но не было бы никакой надобности приходить въ благородное негодованіе и замѣнять его сердце «комомъ грязи», еслибы не оказался противъ него другой обвинительный пунктъ. Онъ не просто осуждалъ поступокъ г-жи Толмачевой, не просто смѣялся надъ ея мнѣніями, чего они дѣйствительно заслуживали. Онъ этимъ не удовольствовался, онъ бросилъ въ нее намекъ, онъ заговорилъ о какихъ-то «персикскихъ тайнахъ». Вы не просто осуждали строжайшимъ образомъ графиню Ростопчину, не просто смѣялись надъ нею. Нѣтъ, вы не удовольствовались этимъ, вы нашли нужнымъ преслѣдовать ее выходками, передъ которыми дѣйствительно проступокъ Камня-Виногорова не болѣе какъ клочокъ сѣнца, стянутый невинною овечкой. Вы это очень хорошо знаете. Отвертываться отъ этого — стыдно, а притворяться невиннымъ — еще стыднѣе.

Да наконецъ, если графиня Ростопчина писала въ духѣ *Фоблаза*, «противоположномъ идеямъ эманципаторовъ», то почему же иппическое чтеніе *Египетскихъ ночей* передъ публжкою оказывается не только согласнымъ съ идеями этихъ эманципаторовъ, но и должно чествоваться какъ благородный подвигъ всѣми просвѣщенными людьми?

Наконецъ вотъ что особенно замѣчательно. Г. Чернышевскій беретъ подъ свое покровительство г. Тургенева противъ *Русскаго Вѣстника*. Г. Чернышевскій находитъ, что мы «ущипнули» г. Тургенева. Это будто мы сдѣлали въ № I *Русскаго Вѣстника* въ статьѣ «Нѣсколько словъ вмѣсто Современной Лѣтописи». Это совершенное нами дурное дѣло заключается въ слѣдующихъ строкахъ примѣчанія: «Такъ измѣнился тонъ *Современника* о нѣкоторыхъ писателяхъ, въ честь которыхъ еще такъ недавно пламенѣли жертвенники въ этомъ журналѣ. Въ послѣднемъ номерѣ его напечатано между прочимъ элегическое стихотвореніе, въ которомъ изливаются скорбныя сѣтованія на дороговизну произведеній г. Тургенева.» Г. Чернышевскій съ ловкостію, дѣлающею ему честь, объясняетъ, что этими строками мы ущипнули г. Тургенева и роняемъ его репутацію. Намъ это очеь прискорбно. Мы никого не хотѣли щипать, ничего не хотѣли ронять; мы заявили только замѣченный нами фактъ. Мы замѣтили, что и во-

обще тонъ *Современника* о г. Тургеневѣ въ послѣднее время измѣнился. Можетъ-быть мы ошиблись, и въ такомъ случаѣ весьма охотно попросимъ извиненія у *Современника*. Но стишки, о которыхъ была рѣчь, дѣйствительно были напечатаны въ *Современникѣ*; мы этого не выдумали.

Дорогъ ужасно Тургеневъ—  
Шудяки первый герой—  
Эта Влена, Берсенева,  
Этотъ Инсаровъ... ой-ой!

Можетъ быть *Современникъ* дѣйствительно шиблъ въ виду только пошутить безъ всякой цѣли, или по недостатку матеріала для наполненія лишней страницы *Свистка*. Сославшись нехотати на эти невинные стишки, мы, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ подали поводъ къ какимъ-либо ложнымъ толкованіямъ. Это очень непріятно. Да, должно-быть такъ. Г. Чернышевскій очень серіозно раскрываетъ непріятныя послѣдствія для г. Тургенева огъ нашихъ вышеприведенныхъ строчекъ. На насъ лежитъ долгъ поправить дѣло, и мы спѣшимъ заявить, что г. Тургеневъ не напечаталъ своей послѣдней повѣсти въ *Современникѣ* совсѣмъ не изъ разчета, точно такъ же какъ совсѣмъ не изъ разчета напечаталъ онъ ее въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Онъ напечаталъ свою повѣсть у насъ не потому, что мы предложили ему болѣе выгодныя условія, а напротивъ, несмотря на то, что условія, которыя предлагались ему съ другой стороны, были несравненно значительнѣе. Для общинамъ съ г. Чернышевскимъ цѣли достаточно одного этого заявленія, безъ дальнѣйшихъ обозначеній.

Итакъ, изъ нашего объясненія слѣдуетъ, что если г. Тургеневъ разошелся съ *Современникомъ*, то онъ разошелся не изъ разчетовъ, какъ свидѣтельствуеъ и г. Чернышевскій.

Г. Чернышевскій объясняетъ также, изъ-за чего разошелся *Современникъ* съ г. Тургеневымъ. Онъ говоритъ объ этомъ довольно подробно, съ весьма живымъ чувствомъ, которому намъ пріятно отдать справедливость. Но чувство чувствомъ, а дѣло дѣломъ, и такъ какъ уже рѣчь зашла объ этомъ вопросѣ, то слѣдуетъ устранить всякій поводъ къ неточному представленію дѣла. Г. Чернышевскій говоритъ:

-Нашъ образъ мыслей прояснился для г. Тургенева на столько, что онъ пересталъ одобрять его. Намъ стало казаться, что послѣднія повѣсти г. Тургенева не такъ близко соотвѣтствуютъ нашему взгляду на вещи, какъ прежде, когда и его направленіе не было такъ ясно для насъ, да и наши взгляды не были такъ ясны для него. Мы разошлись. Такъ ли? Ссылаемся на самого г. Тургенева.

Это сказано прекрасно, но, съ позволенія г. Чернышевскаго, не совѣмъ точно. Изъ этихъ прекрасныхъ словъ явствуетъ, что обѣ стороны почувствовали взаимное желаніе разойтись. *Современнику* показалось направленіе г. Тургенева не соответствующимъ тому взгляду на вещи, котораго журналъ этого держится. Изъ нихъ явствуетъ, что *Современникъ*, блюдя чистоту своего направленія, рѣшился отказать отъ сотрудничества блестящаго питателя, съ которымъ расходился въ образѣ мыслей: не смотря на скудость литературныхъ талантовъ у насъ, несмотря на первоклассный талантъ г. Тургенева, строгій журналъ отказался отъ его произведеній, чтобы только остаться вѣрнымъ своему взгляду на вещи. Черта хорошая, и вполне достойная тѣхъ прекрасныхъ словъ, какими заявлялъ этотъ фактъ г. Чернышевскій. Но къ сожалѣнію, фактъ этотъ невѣренъ. *Современникъ* домогался пріобрѣсти послѣднюю повѣсть г. Тургенева. Известно, что въ программѣ *Современника* за прошлый годъ публикѣ обѣщалась новая повѣсть г. Тургенева; многими замѣчено, какими превратностями подвергалась эта программа, какъ въ одной ея редакціи имя г. Тургенева было поставлено впереди, съ поясненіемъ чего ожидаетъ отъ него *Современникъ*, и какъ въ другой редакціи имя его очутилось въ концѣ списка сотрудниковъ, безъ ближайшихъ обозначеній. Наконецъ известно также, что въ прошломъ же году, въ то время какъ у насъ была напечатана повѣсть *Наканунъ*, а въ *Библиотеку для Чтенія—Первая любовь*, въ *Современникъ* появилась его статья *Донъ-Кихотъ и Гамлетъ*. Въ произведеніяхъ чисто литературнаго свойства, какъ повѣсть или романъ, разногласіе въ направленіи не можетъ быть такъ чувствительно какъ въ статьѣ, гдѣ болѣе или менѣе догматически утверждается или отрицается что-нибудь. Послѣ этого, сколько намъ известно, не появлялось почти ничего писаннаго г. Тургеневымъ, кромѣ немногихъ строкъ о покойномъ живописцѣ Ивановѣ въ *Вѣкѣ*. Что же такое произошло въ этотъ промежутокъ времени, что разъяснило *Современнику* направленіе г. Тургенева и заставило его желать разрыва съ нимъ? А потому ближе къ истинѣ было бы сказать просто, что г. Тургеневъ, несмотря на старанія *Современника* упрочить за собою его сотрудничество, рѣшился тѣмъ не менѣе оставить его.

Г. Чернышевскій говоритъ объ убѣжденіяхъ, которыя сводятъ и разводятъ людей, говоритъ о различіяхъ въ образѣ мыслей, которыя заставили *Современникъ* разойтись съ г. Тургеневымъ. Образъ мыслей! Убѣжденія! Что такое убѣжденія? Въ тѣхъ статьяхъ г. Чернышевскаго, которыя разбираетъ г.



Юркевичъ, доказывалось очень убѣдительно, что характеръ ощущеній зависитъ отъ характера пищи.... можетъ-быть также и характеръ мнѣній?.. Любопытно было бы знать, что кушалъ г. Чернышевскій въ последнее время?

Еще два слова. Нѣтъ, мы не ошиблись, сказавъ, что тонъ *Современника* о г. Тургеневѣ измѣнился. Мы напрасно поклепали на себя. Вотъ что говорить г. Чернышевскій:

«Что же такое было? Измѣнился нашъ взглядъ на положеніе, принадлежащее повѣстямъ г. Тургенева въ русской литературѣ. Это такъ. Но кто скажетъ, что это положеніе не измѣнилось? Развѣ не измѣнилась сама русская литература? Что же, намъ слѣдовало бы теперь повторять то, что думали прежде, при другомъ положеніи литературы, и чего уже не могли думать теперь?»

А что же такое произошло въ нашей литературѣ, что могло бы измѣнить положеніе въ ней г. Тургенева? Въ прежнее время г. Чернышевскій, согласно съ общимъ мнѣніемъ, ставилъ г. Тургенева на первое мѣсто, и никто ему въ этомъ не противорѣчилъ. Съ большимъ пѣвсомъ онъ говорилъ объ его литературныхъ достоинствахъ, и въ рукъ Гоголя передавалъ ему золотую аполлоновскую цѣпь преемства. Что же такое произошло съ тѣхъ поръ въ литературѣ? Кому долженъ былъ уступить свое мѣсто г. Тургеневъ? Въ литературѣ нашей, за послѣдніе годы, случилось много новаго, но ничего такого, что измѣняло бы положеніе г. Тургенева. Всѣмъ очень хорошо извѣстно, что новое созвѣздіе, подъ которымъ находится теперь наша литература, еще не произвело на свѣтъ такихъ литературныхъ талантовъ, которыхъ значеніе было бы вполне безспорно. Наши литературные таланты остаются тѣ же самые, и отношенія между ними, какъ извѣстно, ни мало не измѣнились. Стало-быть собственно измѣнились только отношенія *Современника* къ г. Тургеневу. Прежде ничего подобнаго не говорилъ *Современникъ*, а именно теперь, когда г. Тургеневъ разошелся съ *Современникомъ*, этотъ журналъ, по странному совпаденію, замѣчаетъ измѣнившееся положеніе г. Тургенева въ нашей литературѣ.

Но довольно. Намъ очень непріятно, что мы должны были пускаться въ такія объясненія. Мы начали нашу статейку воспоминаніемъ о взаимныхъ обзорѣніяхъ журналовъ. Мы сказали, что обычай этотъ прекратился. Но что же однако такое эти самыя объясненія? Увы, это очень грустно, но мы должны сознаться, что въ нашемъ литературномъ положеніи есть-что то очень не нормальное! Нигдѣ въ цѣломъ мірѣ нѣтъ того, что дѣлается въ нашей литературѣ: люди вездѣ люди, но нигдѣ нѣтъ того, что

дѣлается между нашими журналами. Нигдѣ журналы не обозрѣваютъ взаимно другъ друга, не перебраниваются, и даже не объясняются между собою. Кромѣ полемики по горячимъ вопросамъ политики въ ежедневныхъ газетахъ, ни въ Германіи, ни во Франціи, ни въ Англіи, журналы не вступаютъ ни въ какія объясненія между собою. Возьмите какой угодно изъ порядочныхъ европейскихъ журналовъ, вы даже не узнаете изъ него, существуютъ ли еще другіе журналы въ той странѣ, гдѣ онъ издается. Чтѣ же это значитъ? Неужели всѣ прочія литературы отстали отъ насъ, а мы, яко юные, являемся съ новымъ началомъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ это-то есть то новое начало, которое мы приносимъ съ собою въ цивилизацію? Нѣтъ, виною этому явленію единственно наше несовершенство. Напрасно г. Чернышевскій думаетъ, что зрѣлость людей можетъ измѣряться только фیزیологическимъ возрастомъ. Нѣтъ, мы увѣрены, съ его способностями онъ убѣдится въ непродолжительномъ времени, что люди взрослые и даже сѣдовласые могутъ быть въ извѣстномъ смыслѣ ребятишками, и что хотя въ цѣломъ обществѣ есть мужи и старцы, но что тѣмъ не менѣе и цѣлое общество можетъ имѣть характеръ дѣтства. Въ такомъ дѣтскомъ положеніи находимся несомнѣнно и мы теперь. Не только взаимныя обозрѣнія журналовъ, но и вообще это чрезмѣрное, почти исключительное развитіе полемическаго элемента въ нашей литературѣ есть признакъ ея дѣтскаго состоянія, которое впрочемъ, надобно сказать также и это, держится не совѣтъ по ея винѣ, но и по вліянію окружающихъ обстоятельствъ. Это обнаружится очевиднымъ образомъ въ послѣдствіи, когда, Богъ дастъ, обстоятельства измѣнятся.

Г. Чернышевскій видитъ самъ, что полемика не всегда есть дѣло пріятное, что если по нѣкоторой склонности къ ухорству, по реминисценціямъ школы, намъ бываетъ сладостно «шелкать», «тузить» и «втапывать въ грязь» другихъ кого случится, то непріятно видѣть какъ дѣлаютъ то же самое другіе. Въ теоріи впрочемъ это довольно понятно, но практика требуетъ опытовъ. Г. Чернышевскій оскорбляется тѣмъ, что мы приписали себѣ инициативу прекращенія взаимныхъ обозрѣній журналовъ. Мы, напротивъ, ни мало не оскорбимся, если онъ, или вообще его журналъ, приметъ инициативу въ прекращеніи полемики, состоящей въ томъ, чтобы когонибудь и какъ-нибудь уколоть или ущипнуть. Въ его статьѣ мы встрѣтили нѣсколько строкъ, имѣющихъ какъ бы примирительный характеръ. Мы не хотимъ сомнѣваться въ искренности этихъ строкъ, хотя онъ потомъ улекается другимъ расположеніемъ духа и старается уничто-

жить ихъ эффектъ. Онъ говоритъ даже, что можетъ наступить очередь вопросовъ, въ которыхъ мы можемъ сойтись, и въ которыхъ, стало-быть, могли бы мы дѣйствовать согласно и дружно. Мы были бы очень этому рады; но придетъ ли и не придетъ очередь такихъ вопросовъ, мы съ полною искренностію можемъ увѣрить какъ его, такъ и другихъ нашихъ товарищей по журналистикѣ, что мы съ удовольствіемъ послѣдуемъ добродушному примѣру, кто бы ни подалъ его. Мы думаемъ, что и при совершенномъ разногласіи тенденцій можно обходиться безъ такого рода объясненій, къ которымъ бываемъ мы, къ сожалѣнію, вынуждены.

---

— Порядочный джентльменъ не сталъ бы дѣлать тебѣ формальное предложеніе такимъ образомъ, чтобъ у тебя могло остаться сомнѣніе насчетъ его намѣреній.

— Сомнѣнія у меня не осталось никакого. Онъ просто и прямо предложилъ мнѣ свою руку. Я сказала только, не пришлось ли мнѣ все это.

— Люси!

— Нѣтъ, это не былъ сонъ. Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, онъ разъ двѣнадцать просилъ меня сдѣлаться его женою. Я помню, что онъ стоялъ вотъ на этой арабскѣ ковра,—не позволишь ли ты мнѣ вырѣзать ее и сохранить на память?

— И что же ты отвѣчала ему?

— Я ему солгала, и сказала, что не люблю его.

— Ты ему отказала?

— Да, я отказала богатому лорду. Вѣдь это довольно отрадная мысль, не правда ли, Фанни? Грѣшно ли было съ моей стороны сказать ему неправду?

— Но отчего же ты отказала ему?

— Отчего? Можешь ли ты спрашивать? Подумай только, какво бы мнѣ было отправиться въ Фремле-Кортъ, и между разговоромъ объявить миледи, что я сговорена съ ея сыномъ. Подумай о леди Лофтонъ. Но дѣло не въ этомъ, Фанни. Еслибъ я думала, что онъ будетъ счастливъ, женившись на мнѣ, я бы всѣмъ пренебрегла ради его, даже твоимъ гнѣвомъ, — а я знаю, что ты разсердилась бы. Ты бы почла чуть не за святотатство съ моей стороны выйти за мужъ за лорда Лофтона; признайся, что такъ?

Мистриссъ Робартсъ рѣшительно не знала что сказать, не знала даже что подумать. Ей нужно было хорошенько на досугѣ все обсудить, обо всемъ поразмыслить, а тутъ Люси ожидала отъ нея немедленнаго совѣта. Если лордъ Лофтонъ точно любилъ Люси Робартсъ и былъ любимъ ею, почему бы имъ не соединиться бракомъ? А между тѣмъ она чувствовала, что это будетъ, хотя бы и не святотатство, какъ говорила Люси, но очень непріятно и неудобно. Что станеть говорить, что станеть думать и чувствовать леди Лофтонъ? Что станеть она говорить или думать о томъ домѣ, изъ котораго упалъ на нее такой страшный ударъ? Не будетъ ли она обвинять выкарія и его жену въ самой черной неблагодарности? Не сдѣлается ли жизнь въ Фремлеѣ совершенно невыносимою?

— Я такъ удивлена, что не знаю что сказать мистриссъ Робартсъ.

— Да, оно точно изумительно. Онъ вѣрно это сдѣлалъ въ припадкѣ безумія; это единственное для него извиненіе. Не знаешь, бывали уже такого рода случаи въ ихъ семействахъ?

— Какъ? случай сумашествія? спросила мистриссъ Робартсъ совершенно серьезно.

— Да, какъ ты думаешь, вѣдь онъ съ ума сошелъ что сдѣлалъ мнѣ предложеніе? Но ты не вѣришь, я вижу; а между тѣмъ это сущая правда... Вотъ здѣсь именно, онъ говорилъ, что не тронется съ мѣста, пока я не повѣрю его любви и не дамъ ему согласія. Не знаю, почему я замѣтила, что обѣ его ноги стояли вотъ въ этой клѣткѣ ковра.

— И ты ему отказала?

— Да, я и слышать нечего не хотѣла. Вотъ видишь, я стояла здѣсь, и положила руку на сердце,—онъ самъ этого потребовалъ,—сказала ему, что не могу его любить.

— А потомъ?

— Потомъ онъ ушелъ, точно убитый горемъ. Онъ уходилъ такъ тихо и медленно, какъ будто бы онъ былъ самый несчастный въ мірѣ человекъ. На минуту я ему повѣрила, я готова была воротить его. Но нѣтъ, Фанни, не думай, что я такъ тщеславна и самонадѣянна. Онъ вѣрно не успѣлъ дойти до воротъ сада, какъ уже благодарилъ Бога за свое избавленіе.

— Этому я не повѣрю.

— Но я въ томъ убѣждена. Я подумала также о леди Дотонъ. Каково мнѣ было бы вынести ея презрѣніе, ея упреки? Она стала бы обвинять меня, что я завлекла ея сына и хитростью овладѣла его сердцемъ. Нѣтъ, я знаю, что такъ лучше; но скажи мнѣ, всегда ли грѣшно солгать, или иногда цѣлью оправдываются средства? Слѣдовало ли мнѣ сказать ему всю правду и признаться ему, что я готова была цѣловать землю, на которой онъ стоялъ?

Но мистриссъ Робартсъ не бралась рѣшить такой тонкій богословскій вопросъ. Она не винила сестру за ея благонамѣренную ложь, но не бралась также вполне оправдать ее. Люси слѣдовало тутъ обратиться къ собственной совѣсти.

— Но что же мнѣ дѣлать теперь? спросила Люси прежнимъ траги-комическимъ тономъ.

— Что дѣлать? повторила мистриссъ Робартсъ.

— Да, нужно же мнѣ рѣшиться на что-нибудь! Еслибъ я была мужчина, я бы, конечно, отправилась въ Швейцарію или еще по-дальше куда-нибудь. Но что дѣлаютъ дѣвушки въ подобныхъ случаяхъ? Кажется, въ нашъ вѣкъ уже не принято умирать съ горя?

— Люси, я убѣждена, что ты ми сколько не любишь его. Еслибы ты была въ него влюбена, ты не стала бы говорить такимъ тономъ.

— Вотъ, вотъ, именно! Это единственная моя надежда. Еслибъ я могла смѣяться надъ собою до тѣхъ поръ какъ тебѣ сдѣлается совершенно невѣроятнымъ, чтобъ я имѣла къ нему хотя искру чувства, я сама, мало-по-малу, перестала бы этому вѣрить. Но, Фанни, это не легкое дѣло. Еслибъ я могла голодать, лишать себя всего, вставать до свѣту, дѣлать какую-нибудь грубую работу, чистить посуду и подсвѣчники,—это было бы для меня спасеніемъ. Я уже достала себѣ кусокъ дерюги и собираюсь въ нее наряжаться.

— Ты опять шутишь, Люси.

— Нѣтъ, смыслъ моихъ словъ очень серіозенъ. Какъ мнѣ дѣйствовать на свое сердце, если не черезъ посредство моей плоти и крови?

— Развѣ ты не молилась Богу, чтобъ Онъ послалъ тебѣ силу вынести это испытаніе?

— Но въ какія же слова облечь мнѣ свою молитву? Какими даже словами опредѣлить мнѣ свои желанія? Я не вижу, въ чемъ собственно должна я упрекать себя. Я смѣло говорю, что въ этомъ дѣлѣ я не чувствую за собою никакой вины. Я только убѣдилась, что я совершенная дура.

Уже совсѣмъ стемнѣло, или по крайней мѣрѣ показалось бы совершенно темно въ комнатѣ для человѣка, вновь вошедшаго въ нее. Но пока онъ тутъ сидѣли и разговаривали, глаза ихъ привыкли къ окружавшему мраку, и еще долго бы такъ просидѣли онѣ, еслибы передъ домомъ не раздался топотъ лошади.

— Это Маркъ, воскликнула Фанни, и бросилась къ колокольчику, чтобы велѣть подать свѣчи.

— Я думала, что онъ вечеръ проведетъ въ Барчестерѣ.

— Я сама такъ думала, но онъ говорилъ, что можетъ-быть вернется. Что намъ дѣлать, если онъ еще не пообѣдалъ?

Я полагаю, что это первая мысль любящей жены, когда мужъ ея возвращается домой: «Пообѣдалъ ли онъ? Что мнѣ ему подать къ обѣду? О, Боже милостивый! въ домѣ нѣтъ ничего, кромѣ холодной говядины!» Но на этотъ разъ, хозяинъ дома отобѣдалъ и вернулся къ женѣ въ самомъ веселомъ расположеніи духа, навѣянномъ отчасги добрымъ виномъ, которымъ угостилъ его деканъ.

— Я говорилъ имъ, сказалъ онъ,—что они могутъ оставить домъ за собою на слѣдующіе два мѣсяца, и они на это согласились.

— Это очень пріятно, сказала мистриссъ Робартсъ.

— И, кажется, намъ не будетъ большыхъ хлопотъ съ перестройками.

— Я очень рада, проговорила мистриссъ Робартсъ; но мысли

ея гораздо больше были заняты невѣсткой нежели передѣлками въ барчестерскомъ домѣ.

— Ты меня не выдашь? шепнула ей Люси, нѣжно поцѣловавъ ее на прощаніе.

— Ни за что; пока ты сама не дашь мнѣ позволенія.

— Ахъ, этого никогда не будетъ!

## ГЛАВА XXVII.

Герцогъ Омніумъ изъявилъ мистеру Фодергилу свое желаніе, чтобы были сдѣланы какія-нибудь распоряженія насчетъ закладной на чальдикотское помѣстье, и мистеръ Фодергиль понималъ смыслъ этого желанія такъ же ясно, какъ будто бы оно было выражено съ подробностію и отчетливостію юридической бумаги. Желаніе герцога состояло въ томъ, чтобы чальдикотскія земли окончательно забрать въ руки и причислить къ своимъ гадеромскимъ владѣніямъ. Герцогу показалось, что сватовство его пріятели за миссъ Данстебль идетъ не совсѣмъ успѣшно, и потому онъ рѣшилъ, что пора покончить съ нимъ всѣ денежные расчеты. Въ добавокъ, носились слухи, что молодой Франкъ Грешамъ изъ Воксаль-Гила, торгуетъ у правительства казенныя земли, извѣстныя подъ именемъ Чальдикотскаго лѣса. Эту покупку предлагали и герцогу, но герцогъ не далъ опредѣлительнаго отвѣта. Еслибъ онъ получилъ деньги съ мистера Соверби, ему не трудно было бы перебить у Грешама Чальдикотскій лѣсъ, но теперь надежда на это была плохая, и герцогъ рѣшился, во что бы то ни стало, забрать въ руки либо ту, либо другую часть. Итакъ, мистеръ Фодергиль отправился въ Лондонъ и пригласилъ мистера Соверби переговорить съ нимъ о дѣлахъ. Между тѣмъ, послѣ того какъ мы съ нимъ разстались, мистеръ Соверби узналъ отъ сестры отвѣтъ миссъ Данстебль, и убѣдился, что не на что ему надѣяться съ этой стороны.

Но если онъ не могъ ожидать отъ нея полного спасенія, то все же она предложила ему денежную помощь. Нужно отдать справедливость мистеру Соверби: онъ рѣшительно отказался принять такого рода пособіе отъ миссъ Данстебль; но сестра объяснила ему, что это будетъ чисто-дѣловой оборотъ; что миссъ Данстебль будетъ получать съ него проценты; что если она станетъ довольствоваться четырьмя процентами, между тѣмъ какъ герцогъ беретъ съ него пять, а другіе кредиторы шесть, семь, восемь, десять, и Богъ знаетъ сколько еще, то это будетъ афера

выгодная для обѣихъ сторонъ. Онъ понялъ смыслъ порученія герцога такъ же ясно, какъ и самъ мистеръ Фодергиллъ; онъ понималъ, что Чальдикотсъ захватятъ и загребуть какъ многія другія прекрасныя помѣстья по сосѣдству. Онъ зналъ, что все его имущество будетъ захвачено, что ему придется оставить навсегда старый прадѣдовскій замокъ, старые лѣса, которые онъ такъ любилъ, отдать въ чужія руки парки, луга и поля, которые онъ зналъ съ самаго дѣтства, которыми онъ владѣлъ съ самаго совершеннолѣтія.

Все это страшно горько для человѣка. Сравнительно съ этимъ, что значитъ утрата богатства для того, кто самъ это богатство пріобрѣлъ, скопилъ, но никогда не видѣлъ его въ дѣйствительности своими тѣлесными глазами? Такое богатство вопришло случайно и ушло также случайно; потеря его—естественная случайность игры, въ которую играетъ этотъ человѣкъ; и если онъ не умѣетъ проигрывать, какъ выигрывать, то онъ жалкое, слабое созданіе. Вообще говоря, такіе люди могутъ спокойно переносить удары судьбы. Но промотать помѣстье, которое столько столѣтій передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе, разорить свой родъ, съѣсть все что должно было пойти въ прокъ для дѣтей, для внуковъ и правнуковъ,—я не умѣю представить себѣ болѣе тяжкую невзгоду.

Мистеръ Соверби все это очень живо чувствовалъ и признавалъ, несмотря на свою вѣтреность, несмотря на беззаботную веселость, которою онъ такъ кстати умѣлъ щеголять и пользоваться. Онъ сознавалъ, что онъ самъ во всемъ виноватъ, что онъ самъ промоталъ имѣніе, доставшееся ему въ полное, безспорное владѣніе. Герцогъ скупилъ почти всѣ долги, лежавшіе на чальдикотскомъ помѣстьѣ, и теперь могъ присвоить его себѣ, когда ему угодно. Соверби, когда получилъ записку отъ мистера Фодергилла, тотчасъ же понималъ, что именно къ этому клонится дѣло; онъ зналъ также, что лишь только онъ перестанетъ называться мистеромъ Соверби изъ Чальдикотса, то не бывать ему и членомъ парламента за Вестъ-Барсетширъ. Онъ зналъ, что все для него кончено. Что долженъ чувствовать человѣкъ, который знаетъ, что все для него кончено?

На слѣдующее утро онъ явился къ мистеру Фодергиллу, сохраняя свой обычный веселый видъ. Мистеръ Фодергиллъ, когда пріѣзжалъ въ Лондонъ по такого рода дѣламъ, всегда имѣлъ въ своемъ распоряженіи комнату въ домѣ господъ Гемпшена и Геджби, агентовъ по дѣламъ герцога Омніума; туда-то онъ пригласилъ мистера Соверби. Контора господъ Гемпшена и Геджби находилась въ Саутъ-Одле-стритъ, и можно смѣло утверждать, что въ дѣломъ мѣрѣ не было мѣста, до такой степени ненавист-



наго мистериу Соверби, какъ темная, мрачная пріемная въ верхнемъ этажѣ этого дома. Онъ бывалъ здѣсь много разъ и всегда по какому-нибудь непріятному дѣлу. Все убранство этой страшной комнаты было очевидно рассчитано на то, чтобъ окончательно сломить бодрость и силу духа несчастнаго, приведеннаго сюда какимъ-нибудь роковымъ сѣпленіемъ обстоятельствъ. Все въ ней было какого-то темно-пунцоваго цвѣта, то-есть пунцоваго, только потемнѣвшаго отъ времени. Лучи солнца дѣйствительные, природные лучи солнца никогда не проникали въ нее, и никакое множество свѣчъ не могли бы достаточно освѣтить эту темноцвѣтность. Окна никогда не были вымыты, потолокъ мрачнаго цвѣта, старый турецкій коверъ, всегда покрытый густымъ слоемъ пыли, также подходилъ подъ общій коричневый тонъ. Неуклюжій письменный столъ, посреди комнаты, былъ обтянутъ черною кожей, но и она отъ времени порижѣла. Съ одной стороны камина стоялъ шкафъ съ юридическими книгами, до которыхъ никто не дотрагивался въ продолженіи многихъ лѣтъ, а надъ каминомъ висѣла какая-то старая, закопченная родословная таблица. Такова была комната, предоставленная мистеру Фодергиллу господами Гемпшеномъ и Геджиби, въ Саутъ Олдерстритъ, близъ Паркъ-Лена.

Я когда-то слышалъ про эту комнату отъ стараго моего пріятеля, мистера Грешама изъ Грешамберн, отца молодого Франка Грешама, который теперь собирался купить часть чальдикотскаго лѣса, принадлежавшую казнѣ. И ему довелось извѣдать трудные дни, хотя, къ счастью, они миновали, не оставивъ слѣдовъ; и онъ когда-то сидѣлъ тутъ и прислушивался къ голосу людей, имѣвшихъ законныя права на его собственность и намѣренныхъ воспользоваться этими правами. Я вынесъ изъ его разказовъ впечатлѣніе, похожее на то, которое въ дѣтствѣ производило на меня описаніе одной изъ комнатъ въ Удольфскомъ замкѣ. Въ этой комнатѣ было кресло: тотъ, кто на него садился, былъ постепенно разрываемъ на части, членъ за членомъ, суставъ за суставомъ; голову тянули въ одну сторону, ноги въ другую, зубы выдергивались изъ челюсти, пальцы отрывались отъ рукъ, мясо отъ костей, волосы изъ головы, члены изъ суставовъ, пока наконецъ на креслѣ не оставались только безжизненные, безобразные останки трупа. Мистеръ Грешамъ говорилъ мнѣ, что онъ сидѣлъ всегда на одномъ и томъ же стулѣ, и терзанія, которыя онъ выносилъ на этомъ мѣстѣ, раздробленіе, расхищеніе, которымъ передъ его глазами подвергалась его собственность, всегда напоминали мнѣ пытки Удольфскаго замка. Счастливецъ! онъ дожилъ до того, что всѣ его члены и суставы опять соединились

спросили и зацѣлили здоровьемъ; но онъ никогда безъ ужаса не могъ говорить объ этой комнатѣ.

— Ни за что на свѣтѣ, сказалъ онъ мнѣ разъ, съ особою торжественностью, — ни за какія блага въ мѣръ ногъ моя не будетъ въ этой комнатѣ.

И точно, съ того самаго дня какъ дѣла его приняли выгодный оборотъ, онъ не хотѣлъ даже проходить по Саутъ-Одле-стриту.

Въ упомянутое утро мистеръ Соверби явился въ этотъ страшный застѣнокъ, и, нѣсколько минутъ спустя, къ нему вышелъ мистеръ Фодергиллъ.

У мистера Фодергилла была одна общая черта съ его пріателемъ мистеромъ Соверби. Онъ могъ, въ различныхъ случаяхъ, являться совершенно различнымъ человѣкомъ. Вообще говоря, онъ слылъ за весельчака, кутилу, охотника покушать и выпить хорошенько; знали, что онъ всею душой преданъ интересамъ герцога, предполагали также, что онъ этимъ интересамъ готовъ служить всѣми позволительными или непозволительными средствами, но въ другихъ отношеніяхъ его считали добрымъ малымъ; носились слухи, что онъ когда-то, кому-то, далъ денегъ взаймы и безъ залога, и безъ процентовъ. Въ настоящемъ же случаѣ, Соверби съ перваго взгляда увидѣлъ, что Фодергиллъ встрѣчаетъ его во всеоружіи. Онъ вошелъ какимъ-то скорымъ, отрывистымъ шагомъ; на лицѣ его не показалась улыбка, когда онъ пожалъ руку старому пріятелю; онъ принесъ съ собою ящикъ, набитый старыми бумагами и пергаменами, и почти тотчасъ же усѣлся въ одно изъ ветхихъ, почернѣвшихъ кресель.

— Давно ли вы здѣсь, въ Лондонѣ, Фодергиллъ? спросилъ Соверби, стоя спиною къ камину. Онъ твердо рѣшился на одно: ни подъ какимъ видомъ не дотронуться до этихъ бумагъ, не взглянуть даже на нихъ, не допустить, чтобъ ихъ прочли ему вслухъ. Онъ очень хорошо зналъ, что ему отъ этого пользы никакой не будетъ. У него также былъ свой ходокъ по дѣламъ для удостовѣренія, что его обдираютъ совершенно по знаку.

— Давно ли? Я пріѣхалъ третьяго дня. Никогда въ жизни у меня не было столько хлопотъ. Вы знаете, герцогъ требуетъ, чтобы все было сдѣлано тотчасъ же.

— Если онъ ожидаетъ, что я заплачу ему тотчасъ же все, что я ему долженъ, то онъ нѣсколько ошибается въ своихъ разчетахъ.

— А! очень хорошо; я очень радъ, что вы готовы прямо обратиться къ дѣлу, это будетъ всего лучше. Не угодно ли вамъ присѣсть сюда?

— Нѣтъ, благодарю васъ, мнѣ ловче стоять.

— Но вы знаете, намъ придется пересмотрѣть всѣ эти расчеты.

— Оставимъ ихъ, Фодергиллъ; на что они намъ съ вами? Если въ нихъ закралась какая-нибудь ошибка, Поттеръ и его помощники непременно усмотрятъ ее. Чего именно хочетъ герцогъ?

— Сказать вамъ попросту, онъ требуетъ назадъ своихъ денегъ.

— Въ извѣстномъ смыслѣ, и притомъ въ главномъ смыслѣ, онъ деньги эти уже имѣетъ въ рукахъ. Развѣ онъ не получаетъ аккуратно проценты?

— Это такъ, даже очень аккуратно по теперешнимъ временамъ. Но, Соверби, все это пустяки. Вы знаете герцога такъ же хорошо какъ я, и конечно понимаете, чего именно ему хочется. Онъ вамъ далъ срокъ, и еслибы вы приняли какія-нибудь мѣры чтобы достать деньги, вы могли бы спасти помѣстье.

— Сто восемьдесятъ тысячъ фунтовъ! Какія я могъ принять мѣры, чтобы достать такую сумму? Подписать вексель, и поручить Тозеру разбить ее въ Сити на наличныя деньги?

— Мы надѣялись, что вы женитесь.

— Нѣтъ, это дѣло не состоялось.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, вы не можете винить герцога за то, что онъ заботится о своихъ деньгахъ. Ему нужна эта сумма; вы видите, онъ хочетъ скупать землю. Еслибы вы ему заплатили свой долгъ, онъ купилъ бы казенныя земли; но теперь, какъ кажется, ихъ перебьетъ у него молодой Грешамъ. Это разсердило его, и я могу сказать вамъ напрямикъ, что онъ рѣшился либо съ васъ получить всѣ деньги сполна, либо...

— Меня выгнать изъ Чальдикотса?

— Да, если вы хотите такъ выразиться. Мнѣ поручено немедленно подать ко взысканію всѣ векселя.

— Въ такомъ случаѣ, я долженъ сказать, что герцогъ поступаетъ гадко.

— Право, Соверби, я этого не вижу.

— Но я вижу очень хорошо. Онъ получаетъ свои проценты въ срокъ, а векселя эти онъ скупилъ у людей, которые никогда бы не стали меня беспокоить, покуда бы я выплачивалъ имъ аккуратно проценты.

— А развѣ вы не получили мѣсто въ парламентѣ?

— Мѣсто въ парламентѣ! Какъ будто бы за него я долженъ былъ заплатить!

— Никто и не требуетъ, чтобы вы за него платили. Вы похожи на многихъ знакомыхъ мнѣ людей; вы хотите и съѣсть свой пирогъ, и имѣть его въ цѣлости. Въ продолженіи послед-

нихъ двадцати лѣтъ вы все кушали свой пирогъ, а теперь вы сердитесь на герцога и считаете его передъ собою виноватымъ потому только, что онъ хочетъ воспользоваться своею очередью.

— Онъ очень не хорошо поступитъ со мной, если захватитъ все мое имущество. Я не хочу употреблять сильныхъ выражений, но это будетъ болѣе чѣмъ *не хорошо*. Я не могу повѣрить, чтобъ онъ хотѣлъ поступить со мною такимъ образомъ.

— Вамъ кажется несправедливымъ, что онъ хочетъ получить свои деньги?

— Онъ хочетъ получить не деньги, а мое помѣстье.

— А развѣ онъ за него не заплатилъ? Развѣ вы не получили сполна цѣны вашего помѣстья? Полноте, Соверби, вамъ не слѣдъ сердиться; вотъ уже три года какъ вы знаете не хуже меня, что васъ ожидаетъ. Неужели герцогъ сталъ бы вамъ давать деньги взаймы безъ всякой цѣли? Конечно, у него свои виды. Но онъ васъ не торопилъ, и еслибы вы могли чѣмъ-нибудь спасти помѣстье, вы имѣли на это достаточно времени.

Соверби оставался неподвиженъ на прежнемъ мѣстѣ; нѣсколько минутъ хранилъ онъ молчаніе. Лицо его приняло мрачное выраженіе; на немъ не было и слѣдовъ того беззаботнаго радушія, которое такъ дѣйствовало на молодыхъ его пріятелей, которое поймало лорда Лофтона и плѣнило Марка Робартса. Онъ видѣлъ, что все идетъ противъ него, что все для него кончено. Онъ начиналъ догадываться, что онъ точно съѣлъ свой пирогъ, и что ему ничего почти не остается какъ развѣ только всадить себѣ пулю въ лобъ. Онъ самъ когда-то объяснялъ лорду Лофтону: взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ. Могъ ли онъ теперь похвастать своею дюжестью, крѣпки ли у него плечи, широка ли спина для взваленной имъ самимъ на себя тяжести? Но и въ эту горькую минуту, онъ сознавалъ и помнилъ, что долженъ вести себя мужемъ. Уже близка окончательная его гибель, скоро онъ исчезнетъ безвозвратно изъ виду и памяти тѣхъ, съ кѣмъ провелъ всю свою жизнь. Однако, до самаго конца, онъ будетъ вести себя съ достоинствомъ. Не можетъ онъ не сознаться, что ему приходится пожинать то, что онъ самъ же посеялъ!

Между тѣмъ Фодергиллъ занялся бумагами. Онъ продолжалъ перевертывать листъ за листомъ, какъ будто бы весь углубился въ расчеты. Но, правду сказать, онъ во все это время не прочелъ ни одного слова. Да и нечего ему тутъ было читать. Вся письменная и счетная часть въ подобныхъ дѣлахъ была поручена народу мелкому, а не такимъ крупнымъ особамъ

какъ мистеръ Фодергилл. Дѣло его состояло въ томъ, чтобы объявить приговоръ мистеру Соверби. Всѣ эти документы ни къ чему не могли ему послужить. Вся сила была на сторонѣ герцога; Соверби самъ это зналъ; дѣло мистера Фодергилла было объяснить ему, что герцогъ намѣренъ воспользоваться этою силой. Для него это было дѣломъ привычнымъ, и онъ продолжалъ перевертывать бумаги и притворяться, будто бы онъ читаетъ ихъ съ величайшимъ вниманіемъ.

— Я самъ переговорю съ герцогомъ, сказалъ наконецъ мистеръ Соверби, и въ голосѣ его было что-то страшное.

— Вы знаете, что герцогъ не захочетъ говорить съ вами объ этомъ предметѣ; онъ никогда ни съ кѣмъ не говоритъ о денежныхъ дѣлахъ; вамъ это хорошо извѣстно.

— Клянусь.... онъ со мною будетъ говорить! Никогда ни съ кѣмъ не говоритъ о деньгахъ! Зачѣмъ же онъ стыдится говорить о нихъ, если такъ любитъ ихъ? Я съ нимъ повидаюсь, непременно.

— Я ничего больше не имѣю сказать вамъ, Соверби. Я ужь конечно не предложу герцогу повидаться съ вами; а если вы насильно будете искать свиданія съ нимъ, вы знаете какія изъ этого произойдутъ послѣдствія. Не моя будетъ вина, если онъ разъярится на васъ. Я ему ничего не стану передавать, а никогда ничего ему не передаю изъ того, что мнѣ говорятъ въ подобныхъ обстоятельствахъ

— Я буду вести дѣло черезъ моего стряпчаго, сказалъ Соверби; потомъ онъ взялъ шляпу, и, не прибавивъ ни слова, вышелъ изъ комнаты.

Мы не знаемъ какого рода будетъ вѣчное наказаніе, назначенное на томъ свѣтѣ нераскаяннымъ грѣшникамъ; но здѣсь на землѣ трудно себѣ представить муку страшнѣе воспоминанія о заслуженной гибели. Что можетъ быть ужаснѣе какъ помнить день за днемъ, что вся жизнь пропала даромъ, что исчезла послѣдняя, слабая надежда, что пришелъ конецъ, а съ нимъ безчестіе неизгладимое, презрѣніе другихъ, презрѣніе къ самому себѣ, которое будетъ вѣчно грызть душу?

Мистеру Соверби было уже пятьдесятъ лѣтъ; жизнь для него открылась при счастливыхъ обстоятельствахъ, и теперь, медленно возвращаясь вверхъ по Саутъ-Одле-стриту, онъ не могъ не подумать о томъ, какъ онъ ими воспользовался. Еще въ первой молодости онъ увидѣлъ себя полнымъ владѣльцемъ отличнаго имѣнія; природа одарила его хорошими способностями, крѣчайшимъ здоровьемъ, яснымъ, проницательнымъ взглядомъ на вещи и на людей,—и вотъ до чего онъ теперь довелъ себя!

А этотъ Фодергиллъ такъ безжалостно-ясно все это пред-

ставилъ ему на видъ. Онъ не старался скрыть неизбежность окончательной гибели какими-нибудь уклончивыми обиняками.

Вы свой пирогъ получили, и съѣли его, съѣли его съ жадностью. Чего же вамъ больше? Или вамъ бы хотѣлось свой пирогъ съѣсть два раза? Или съѣсть нѣсколько пироговъ сряду? Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ новыхъ пироговъ въ запасъ для тѣхъ, кто поѣдаетъ ихъ такъ жадно. Ваше желаніе незаконно, и готъ, кто держитъ васъ въ рукахъ, не обратитъ на него ни малѣйшаго вниманія. Не угодно ли вамъ теперь стереть себя съ лица земли. Позвольте, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ смести васъ въ помойную яму. Все, что въ васъ имѣло какую-нибудь цѣну, уже исчезло; остался, съ вашего позволенія, одинъ только соръ.

И вотъ безжалостная метла опускается съ неодолимою силой, и жалкій соръ на вѣки исчезаетъ въ безднѣ.

А всего жалче то, что человекъ, если только онъ захочетъ обуздать свою жадность, можетъ ѣсть свой пирогъ и между тѣмъ сберечь его; да и вкусъ пирога можетъ отъ этого стать еще лучше. Пироги на семь свѣтъ не уменьшаются, а еще увеличиваются отъ потребления, если только кушать ихъ въ мѣру. Всѣ эти истины мистеръ Соверби грустно переваривалъ въ своемъ умѣ, возвращаясь изъ дома гг. Гемпшена и Гедджи.

Онъ было намѣревался отправиться въ палату послѣ свиданія съ мистеромъ Фодергилломъ; но близость страшной развязки слишкомъ сильно подѣйствовала на него, и онъ не чувствовалъ себя способнымъ вращаться между людьми. Онъ хотѣлъ было также съѣздить въ Барчестеръ на нѣсколько часовъ, чтобы принять какія-нибудь мѣры на счетъ того векселя, въ которомъ поручился Маркъ Робертсъ. Векселю, *второму векселю*, недавно вышелъ срокъ, и мистеръ Тозеръ уже заходилъ къ нему.

— Что дѣлать, мистеръ Соверби, сказалъ ему Тозеръ, — я бумаги не имѣю въ рукахъ; я признаться не долго держалъ ее у себя, а пустилъ въ оборотъ черезъ Тома Тозера; вы сами это знаете, мистеръ Соверби.

Нужно замѣтить, что каждый разъ какъ мистеръ Тозеръ старшій упоминалъ о Томѣ Тозерѣ, мистеру Соверби казалось, что онъ вызываетъ семь бѣсовъ, и что каждый изъ семи зловреднѣе перваго. Мистеръ Соверби чувствовалъ искреннюю пріязнь къ этому бѣдному священнику, котораго онъ такъ запугалъ, и радъ былъ бы спасти его изъ когтей Тозеровъ. Барчестерскій банкиръ, мистеръ Форрестъ, вѣроятно согласится купить послѣдній вексель въ пятьсотъ фунтовъ, на счетъ мистера Робертса, но только ему, Соверби, нужно поѣхать самому похлопотать объ этомъ; что же касается до другаго, до перваго векселя,

на меньшую сумму, то мистеръ Тозеръ вѣроятно покуда не будетъ поднимать изъ-за него тревогу.

Таковы были предложенія мистера Соверби въ эти два дня: но теперь могъ ли онъ еще заботиться о Робартсѣ, или о комъ другомъ, когда передъ нимъ самимъ открылась зіяющая бездна?

Въ такомъ настроеніи, онъ прошелъ по Саутъ-Одле-стриту, перешелъ черезъ Гровеноръ-Скверъ, и почти машинально направился къ Гринъ-стриту. На концѣ Гринъ-стрита, около самага Паркъ-лена, жили мистеръ и мистриссъ Гарольдъ Смитъ.

## ГЛАВА XXVIII.

Когда миссъ Данстемблъ встрѣтила въ Гадеромъ Касслѣ своихъ друзей, молодаго Франка Грешама и его жену, она тотчасъ же освѣдомилась о нѣкоемъ докторѣ Торнѣ, дядѣ мистриссъ Грешамъ. Докторъ Торнъ былъ пожилой холостякъ, и миссъ Данстемблъ пыталась особое довѣріе къ нему и какъ къ врачу, и какъ къ человѣку. Правда, она не обращалась къ нему за медицинскими совѣтами, у нея былъ свой домашній врачъ, докторъ Изименъ, да признаться, она рѣдко и нуждалась въ медицинскихъ пособіяхъ. Но она всегда отзывалась о докторѣ Торнѣ какъ о человѣкѣ необыкновенно умномъ и ученомъ, и нѣсколько разъ совѣтовалась съ нимъ и даже послѣдовала его совѣту въ дѣлахъ весьма важныхъ. Докторъ Торнъ не привыкъ къ лондонской свѣтской жизни, онъ бывалъ въ столицѣ только наѣздомъ, и то довольно рѣдко; но миссъ Данстемблъ познакомилась съ нимъ въ Грешамсбери, обычномъ его мѣстопребываніи, и очень съ нимъ сблизилась. Теперь онъ пріѣхалъ къ своей племянницѣ, мистриссъ Грешамъ; но главною причиною его пріѣзда было желаніе миссъ Данстемблъ повидаться, и посовѣтоваться съ нимъ. Онъ не могъ отказать ей, и пріѣхалъ въ Лондонъ.

Дѣло, для котораго оторвали доктора Торна отъ его деревенскихъ больныхъ (а въ особенности, отъ изголовья леди Арабеллы Грешамъ, матери Франка), касалось какимъ-то значительнымъ денежнымъ дѣломъ, хотя было довольно странно, что миссъ Данстемблъ такъ дорожила мнѣніемъ доктора Торна въ подобномъ вопросѣ. Онъ не имѣлъ случая пріобрѣсти большой опытности въ денежныхъ дѣлахъ, и зналъ мало толку въ биржевыхъ или поземельныхъ спекуляціяхъ. Но миссъ Данстемблъ привыкла вездѣ и всегда ставить на своемъ и требовать исполненія всякаго своего желанія, не объясняя даже его причины.

— Душа моя, сказала она молодой мистриссъ Грешамъ, — если

вашъ дядя не прїѣдетъ въ Лондопъ, когда я такъ прошу его объ этомъ, такъ желаю его видѣть, то я почту его за дикаря и за медвѣдя, и ужь конечно не стану больше говорить ни съ нимъ, ни съ Франкомъ, ни съ вами. Такъ и знайте напередъ.

Мистриссъ Грешамъ вѣроятно не слишкомъ серьезно приняла угрозу своей прїятельницы. Миссъ Данстеблъ, любила рѣзко выражаться; люди близкіе къ ней умѣли разбираться, что у ней было собственнымъ выраженіемъ мысли, что только фигурою рѣчи; однако мистриссъ Грешамъ употребила все свое вліаніе, чтобы вызвать въ Лондонъ бѣднаго доктора.

— Притомъ, сказалъ миссъ Данстеблъ,—я непременно хочу, чтобы докторъ былъ на моей *conversazione*; въ случаѣ нужды, я сама за нимъ поѣду и привезу его насильно. Я уже рѣшилась за поясъ заткнуть мою дорогую прїятельницу мистриссъ Проуди, и хочу, чтобъ у меня собрался весь свѣтъ.

Кончилось тѣмъ, что докторъ прїѣхалъ въ Лондонъ и провелъ почти цѣлую недѣлю у племянницы, въ Портменъ-скверѣ, къ великому огорченію леди Арабеллы, которая была увѣрена, что умретъ непременно, если останется одна на нѣсколько дней. Что касается до вопроса дѣловаго, то я не сомнѣваюсь, что докторъ былъ очень полезенъ миссъ Данстеблъ. Здравый смыслъ и честность часто могутъ замѣнить мірскую опытность, даже въ такого рода дѣлахъ. А что еслибъ еще присоединилась въ немъ и эта опытность!.. Правда! Но нельзя же все соединить. Впрочемъ, эти денежные дѣла мало до насъ касаются. Предположимъ, что ихъ обсудили и порѣшили самымъ удовлетворительнымъ образомъ, и взглянемъ на *conversazione* у миссъ Данстеблъ.

Читателю не слѣдуетъ однако полагать, чтобъ она открыто называла свой вечеръ именемъ, перенятымъ у мистриссъ Проуди. Миссъ Данстеблъ позволяла себѣ эту шутку только въ присутствіи самыхъ близкихъ друзей, мистриссъ Гарольдъ-Смитъ на примѣръ да нѣкоторыхъ другихъ. Въ пригласительныхъ запискахъ, которыя она разослала по этому случаю, не было ни малѣйшей вычурности или претензіи. Она просто извѣщала друзей и знакомыхъ, что очень рада будетъ видѣть ихъ у себя въ четвергъ вечеромъ, такого-то числа, послѣ девяти часовъ. Но весь свѣтъ тотчасъ же понялъ, что въ этотъ день у миссъ Данстеблъ соберется весь свѣтъ, что она постарается соединить у себя людей всѣхъ разрядовъ, боговъ и гигантовъ, праведныхъ и грѣшныхъ, людей помѣшанныхъ на безукоризненной своей нравственности, какъ на примѣръ наша добрая знакомая леди Лостонъ, и людей помѣшанныхъ на совершенно противоположномъ, какъ леди Гартльтопъ, герцогъ Омніумъ и мистеръ Со-



верби. Залучили какого-то мученика съ Востока, и какого-то новѣйшаго благовѣстителя съ далекаго запада, къ великому ужасу и негодованію архидіакона Грантли, который пріѣхалъ изъ Пломстеда нарочно для этого вечера. Мистриссъ Грантли сама было стремилась туда; но, услышавъ о присутствіи новѣйшаго благовѣстителя, она имѣла удовольствіе поторжествовать надъ своимъ мужемъ, который не предложилъ ей повезти ее къ миссъ Данстеблѣ. Что на этомъ вечерѣ должны были встрѣтиться лордъ Брокъ и лордъ Де Террье,—это равно ничего не значило Благодушный повелитель боговъ и благовоспитанный предводитель гигантовъ готовы были любезно пожать руку другъ другу, гдѣ бы они ни встрѣтились; но тутъ должны были сойтись люди, готовые при всякой встрѣчѣ показать другъ другу кулакъ. Тутъ должны были присутствовать и Саппельгаусъ, и Гарольдъ Смитъ, который теперь ненавидѣлъ своего врага съ неистовствомъ женщины или даже полтика. Предполагали, что въ одной комнатѣ соберутся младшіе боги, горько чувствующие свое низложеніе, а въ другой младшіе гиганты, опьянѣвшіе отъ торжества. Вотъ главный недостатокъ гигантовъ, которые въ другихъ отношеніяхъ добрые малые; они не умѣютъ выносить своихъ временныхъ успѣховъ. Пока они карабкаются на Олимпъ,—а это-то и есть ихъ настоящее дѣло, — они цапаются руками и ногами, съ какою-то смѣсью добродушнаго неистовства и самодовольной изобрѣтательности, которая очень мила въ своемъ родѣ, но лишь только имъ удастся неожиданно и нечаянно, и себѣ же во вредъ, добиться своей цѣли, они совершенно теряются, и лишаются способности вести себя, хотя по-гигантски, прилично.

Вотъ какое большое и разнообразное собраніе готовилось въ домѣ миссъ Данстеблѣ. Сама она смѣялась и остряла надъ собой; съ мистриссъ Гарольдъ-Смитъ говорила она о предстоящемъ вечерѣ какъ о славной шуткѣ, а въ бесѣдѣ съ мистриссъ Проуди высказывала, что старается только подражать знаменитымъ собраніямъ въ Глостеръ-Плестъ; но весь городъ зналъ, куда простираются ея виды и надежды, и всѣ догадывались, что миссъ Данстеблѣ въ душѣ не со всѣмъ спокойна. Не смотря на ея шутки, она вѣдь ли спокойно перенесетъ неудачу.

Съ мистриссъ Грешамъ она говорила болѣе серіозномъ тономъ.

— Но изъ чего же вамъ такъ хлопотать? сказала Мери Грешамъ, когда миссъ Данстеблѣ призналась ей, какъ ее тревожитъ сомнѣніе пріѣдетъ ли на ея вечеръ одинъ изъ знаменитыхъ товарищей мистера Саппельгауса.—Когда у васъ соберется столько сотенъ людей и важныхъ и не важныхъ всѣхъ разрядовъ и оттѣнковъ, что вамъ за дѣло, будетъ ли здѣсь мистеръ Гауэрсъ или нѣтъ?

Но миссъ Данстеблъ почти вскрикнула отъ волненія:—Нѣтъ, душа моя, безъ него все пропало. Вы этого не понимаете. Теперь ничего не можетъ дѣлаться безъ Тома Тауэрса.

И тутъ, не въ первый конечно разъ, мистриссъ Грешамъ принялась выговаривать своей пріятельницѣ за ея суетность и тщеславіе; но, въ отвѣтъ на этотъ выговоръ, миссъ Данстеблъ намекнула таинственно, что, еслибы только на этотъ разъ ей была полная удача, еслибы на этотъ разъ сбылись всѣ ея желанія, она бы конечно... Она не вполне договорила, но вотъ что мистриссъ Грешамъ заключила изъ ея недомолвокъ: если на этотъ разъ будетъ благосклонно принята жертва, приносимая на алтарь моды, то миссъ Данстеблъ тотчасъ же откажется отъ мірской суеты и грѣховныхъ удовольствій.

— Но докторъ останется, душа моя. Надѣюсь, что я могу на него разчитывать.

Миссъ Данстеблъ требовала, чтобы докторъ отложилъ свой отъѣздъ съ такою же энергіею, съ какою она добивалась присутствія Тома Тауэрса. Правду сказать, доктору Торну сперва показалось весьма безразсуднымъ, съ ея стороны, упрашивать его остаться нарочно для какого-нибудь вечера, и онъ отказался наотрѣзъ. Но когда онъ узналъ, что поджидаютъ трехъ или четырехъ первыхъ министровъ, что даже, можетъ-быть, явится во плоти самъ Томъ Тауэрсъ, его равнодушіе поколебалось, и онъ написалъ леди Арабеллѣ, что вѣроятно ему придется остаться еще на два дня, и что покуда она можетъ продолжать принимать утромъ и вечеромъ тѣ же самыя крѣпительныя микстуры.

Но отчего же миссъ Данстеблъ такъ настоятельно требовала присутствія доктора на этомъ великолѣпномъ сборищѣ? Отчего вообще, она такъ часто любила отрывать его отъ его деревенской практики, отъ его аптеки, отъ несчастныхъ больныхъ, нуждающихся въ его помощи? Докторъ не приходился ей родней, и она сблизилась съ нимъ очень недавно. Она была женщина очень богатая, много имѣла средствъ найдти себѣ всякаго рода совѣтчиковъ и помощниковъ; онъ же не имѣлъ почти никакого состоянія, такъ что ему очень неудобно было надолго бросать свою практику. А между тѣмъ миссъ Данстеблъ также безцеремонно распоряжалась его временемъ, какъ будто бы онъ былъ ей родной братъ. Самъ докторъ никакихъ не дѣлалъ догадокъ на этотъ счетъ. Онъ былъ человѣкъ безхитростный и все въ жизни принималъ просто, особливо вещи пріятныя. Онъ любилъ миссъ Данстеблъ, дорожилъ ея дружбой, и не спрашивалъ себя, какое она имѣетъ право распоряжаться имъ и беспокоить

его. Но его племянницѣ, мистриссъ Грешамъ, приходилъ на умъ этотъ вопросъ. Имѣла ли миссъ Данстеблъ какую-нибудь цѣль, и какую именно? Было ли то дружеское уваженіе къ доктору, или только прихоть? Была ли то причуда, или, можетъ-быть, любовь?

Относительно возраста этихъ друзей, мы скажемъ вкратцѣ, что ей стукнуло уже сорокъ, а ему было за пятьдесятъ. При такихъ обстоятельствахъ возможно ли было предположить любовь? Не нужно забывать, что для миссъ Данстеблъ представлялось много партій, ея руки искали люди съ пріятною наружностью, привлекательными манерами, съ тонкимъ, свѣтскимъ образованіемъ. Не только она никого изъ нихъ не полюбила, но даже не постигала возможности привязаться къ кому-нибудь изъ нихъ. Нѣсколько друзей, знавшихъ доктора Торна въ деревнѣ, конечно смотрѣли на него какъ на человѣка пріятнаго и образованнаго; но лондонскій свѣтъ, этотъ свѣтъ, въ которомъ жила миссъ Данстеблъ, и къ которому она, повидимому, съ каждымъ днемъ все больше и больше привязывалась, врядъ ли бы сдѣлалъ его за человѣка способнаго внушить страсть свѣтской дамѣ.

А между тѣмъ мистриссъ Грешамъ пришла на умъ именно эта мысль. Она выросла и воспиталась у доктора Торна, много лѣтъ жила съ нимъ подъ одною кровлей, заботилась о немъ какъ нѣжная дочь, и пока въ душѣ ея не проснулась истинная женская любовь, всѣ ея привязанности и симпатіи сосредоточивались на немъ; а потому ей вовсе не показалось бы страннымъ или удивительнымъ, еслибы миссъ Данстеблъ влюбилась въ ея дядю.

Миссъ Данстеблъ когда-то сказала мистриссъ Гарольдъ Смитъ, что она вовсе не прочь выйти замужъ, если найдетъ человѣка совершенно равнодушнаго къ деньгамъ. Мистриссъ Гарольдъ Смитъ, которая между друзьями и знакомыми славилась своимъ глубокимъ знаніемъ свѣта, отвѣчала ей, что такого человѣка она не встрѣтитъ. Миссъ Данстеблъ сказала это тѣмъ полупуштливымъ тономъ, который она обыкновенно принимала съ такими знакомыми какъ мистриссъ Гарольдъ Смитъ. Но она не разъ говорила подобныя вещи и мистриссъ Грешамъ, а мистриссъ Грешамъ по женскому обычаю, сопоставивъ вѣстѣ ея слова, вывела изъ нихъ заключенія ясныя и точныя какъ дважды два четыре, и наконецъ рѣшила въ своемъ умѣ, что миссъ Данстеблъ охотно вышла бы замужъ за доктора Торна, еслибы докторъ Торнъ за нее посватался.

Потомъ мистриссъ Грешамъ стала разбирать въ своемъ умѣ два другіе вопроса. Хорошо ли было бы для ея дяди жениться на миссъ Данстеблъ? И если такъ, то возможно ли уговорить его сдѣлать ей предложеніе? Обдумавъ всѣ доводы

за и прошивъ, и осторожно взвѣсивъ ихъ въ своей головѣ, мистриссъ Грешамъ рѣшила, что можно желать устроить эту партію. Она и ея мужъ любили отъ души миссъ Данстемблѣ. Она часто сожалѣла о жертвахъ, которыя миссъ Данстемблѣ приносила свѣту, сожалѣла о пустой жизни, которую она вела, но такое замужство навѣрное бы все измѣнило и поправило. Что же касается до самого доктора Торна—а счастье его конечно было первою заботой мистриссъ Грешамъ—она не сомнѣвалась, что онъ будетъ счастливѣе женатымъ нежели холостымъ. Никакая женщина не могла превзойти миссъ Данстемблѣ равнымъ, приятнымъ нравомъ; никто не слыхивалъ, чтобы она когда-нибудь была не въ духѣ; притомъ, хотя мистриссъ Грешамъ была одарена умомъ, который ставилъ ее выше низкой страсти къ деньгамъ, однако она не могла не принимать отчасти въ расчетъ и огромное состояніе невѣсты. Мери Торнъ, теперешняя мистриссъ Грешамъ, сама была богатою наследницей. Обстоятельства неожиданно одарили ее огромнымъ приданымъ, и до сихъ поръ она еще не убѣдилась въ истинѣ поговорки, гласящей, что счастье и богатство несовмѣстны. Въслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній она положила, что не худо было бы соединить доктора Торна съ миссъ Данстемблѣ.

Но согласится ли докторъ посвататься за нее? Сама мистриссъ Грешамъ сознавала, какъ не легко было бы подвинуть его на это. Дядя ея очень любилъ миссъ Данстемблѣ, но она знала, что ему никогда и въ голову не приходило жениться на ней; она знала, что трудно, почти не возможно, даже *навести* его на эту мысль—еще труднѣе и невозможнѣе убѣдить его сдѣлать рѣшительный шагъ для ея осуществленія. Разсматривая дѣло съ этой точки зрѣнія, она стала отчаиваться въ успѣхѣ.

Въ самый день собранія у миссъ Данстемблѣ, мистриссъ Грешамъ обѣдалась дядей вдвоемъ себя въ Портменъ-Сквэрѣ. Мистеръ Грешамъ еще не занималъ мѣста въ парламентѣ, но въ его части графства въ скоромъ времени должна была представиться вакансія, и никто, конечно, не имѣлъ въ свою пользу столько вѣроятностей какъ онъ. По этому случаю ему часто приходилось бывать въ кругу политическихъ дѣятелей его партіи, то-есть гигантовъ, которыхъ современемъ онъ долженъ былъ поддерживать, и это, конечно, отвлекало его отъ дома.

«Политическія дѣла страшно много отнимаютъ времени,» говорилъ онъ женѣ, и отправлялся обѣдать въ клубъ, въ Пель-Мелъ, въ сообществѣ другихъ юныхъ приверженцевъ гигантовъ. У людей этого разряда, политика точно очень много отнимаетъ времени—особливо около обѣденнаго часа.

— Какого вы мнѣнія о миссъ Данстемблѣ? спросила мис-



## ГЛАВА XXIX.

Миссъ Данстеблъ вовсе не смотрѣла влюбленною дѣвой, встрѣчая своихъ гостей въ маленькой пріемной, выходившей на парадную лѣстницу. Домъ ея не походилъ на большинство лондонскихъ жилищъ; онъ архитектурой своею приближался скорѣе къ деревенскимъ зданіямъ. Онъ подвинулся назадъ отъ своихъ собратій, и стоялъ одинокъ, такъ что владѣлецъ могъ обойти его вокругъ; главный входъ былъ сзади, фасадъ же выходилъ на одинъ изъ парковъ. Миссъ Данстеблъ особенно посчастливилось въ этой покупкѣ. Домъ этотъ былъ выстроенъ какимъ-то чудаконъ-милліонеромъ, не жалѣвшимъ на него издержекъ, но, проживъ въ немъ около полугода, чудакъ-милліонеръ вдругъ спохватился, что домъ крайне неудобенъ и непріятенъ, что въ немъ рѣшительно нѣтъ никакой возможности существовать. Вслѣдствіе этого домъ былъ проданъ, и купила его миссъ Данстеблъ. Первый владѣлецъ назвалъ его Кранборнъ-хаусомъ, и миссъ Данстеблъ не измѣнила этого названія; но въ свѣтъ его часто именovali *зѣмкомъ Мазъ* (намекъ на источникъ ея богатства), и сама миссъ Данстеблъ часто употребляла это прозвище. Очень трудно было поднять на смѣхъ миссъ Данстеблъ, потому что она сама такъ охотно и непринужденно надъ собой подшучивала.

Между мистриссъ Грешамъ и докторомъ Торномъ уже не возобновлялся послѣдній многозначительный разговоръ; но докторъ, входя въ ярко-освѣщенную переднюю и окинуть взглядомъ блестящую толпу, окружавшую его, ясные чѣмъ когда-либо почувствовалъ, что здѣсь онъ не на своемъ мѣстѣ. Что миссъ Данстеблъ вела такого рода жизнь, это, пожалуй, было совершенно въ порядкѣ; но должна ли бы жена доктора Торна жить такимъ образомъ, это другой вопросъ. Впрочемъ, что объ этомъ рассуждать! Въдъ это все пустыя предположенія; онъ удивлялся только, что его племянница такъ странно ошиблась въ миссъ Данстеблъ.

Когда Грешамы и докторъ вошли въ маленькую пріемную, выходившую на лѣстницу, они тамъ застали миссъ Данстеблъ, окруженную самыми близкими друзьями и союзниками. Подлѣ нея сидѣла мистриссъ Гарольдъ Смитъ; докторъ Изменъ расположился на диванѣ въ углу, а рядомъ съ нимъ дама, обыкновенно проживавшая у миссъ Данстеблъ. Тутъ же находились два

три другіе близкіе знакомые, и всѣ вмѣстѣ они старались своимъ разговоромъ сколько-нибудь развлечь и развеселить миссъ Данстебль, и помочь ей выносить скучную роль хозяйки. Въ ту самую минуту какъ вошла мистриссъ Грешамъ, мистриссъ Проуди подъ руку съ епископомъ выходила въ противоположную дверь, ведущую въ большую гостиную,

Мистриссъ Гарольдъ Смитъ, повидимому, не оскорбилась рѣзкимъ отказомъ, которымъ миссъ Данстебль отвѣчала на предложеніе ея брата. Если этотъ отказъ и возбудилъ въ ней неприятное чувство, то оно, вѣроятно, скоро разсѣялось, и теперь мистриссъ Гарольдъ Смитъ разговаривала съ своею пріятельницею по прежнему непринужденно. Она дѣлала свои замѣчанія на счетъ проходившихъ гостей, и вѣроятно миссъ Данстебль оставалась ими очень довольна, потому что отвѣчала ей своимъ веселымъ, радушнымъ тономъ, съ своею ласковою улыбкой.

— Она твердо убѣждена, что вы не больше какъ рабочіиная подражательница, говорила мистриссъ Гарольдъ Смитъ, взглядомъ указывая на проходившую мистриссъ Проуди.

— Да и въ самомъ дѣлѣ ничего, кажется, нѣтъ оригинальнаго въ званомъ вечерѣ.

— Но она думаетъ, что вы подражаете ей.

— Такъ что же? Я болѣе или менѣе подражаю всѣмъ, кого только вижу. Вѣдь вы не по собственному же внушенію стали носить кринолинъ? Если мистриссъ Проуди такъ гордится этимъ, не лишайте ея такого невиннаго удовольствія. А! вотъ и докторъ съ Грешамами. Меря, душа моя, здоровы ли вы?

И несмотря на свой богатый нарядъ, на все окружающее великолѣпіе, миссъ Данстебль попросту расцѣловала мистриссъ Грешамъ къ великому ужасу и негодованію модной толпы, поднимавшейся по лѣ тницѣ.

Докторъ Торнъ чувствовалъ маленькую неловкость при встрѣчѣ съ миссъ Данстебль; на немъ тяготѣло воспоминаніе о томъ, что ему недавно сказала племянница. Миссъ Данстебль во всемъ блескѣ своего богатства такъ казалась ему далека отъ него, такъ чужда обычной колесѣ его жизни, что онъ никакъ не могъ себя поставить на одну доску съ ней. Онъ чувствовалъ, что не можетъ ни возвыситься, ни снизоидти до нея; и думая обо всемъ этомъ, онъ заговорилъ съ миссъ Данстебль такимъ тономъ, какъ будто бы ихъ раздѣляла неизмѣримая бездна, какъ будто бы не бывало между ними въ Грешамбернѣ часовъ откровенности и дружбы, гдѣ онъ другъ на друга смотрѣли какъ на равныхъ и на товарищей; миссъ Данстебль, во всякомъ случаѣ, не думала забывать этой короткости.

Докторъ Торнъ, пожавъ ей руку, хотѣлъ пройти далѣе.

— Не уходите, докторъ, сказала она,—ради Бога, не уходите еще. Я знаю, что я васъ совсѣмъ потеряю изъ виду, если вы уйдете теперь. Вѣдь мнѣ не скоро можно будетъ двинуться съ этого мѣста. Леди Мередитъ, я такъ вамъ благодарна за посѣщеніе, надѣюсь, что ваша матушка также пріѣдетъ? О, я такъ рада! Вѣдь съ ея стороны это просто милость. Вотъ вы, сэръ-Джорджъ — другое дѣло; вы сами вполонину грѣшникъ.

— Конечно, конечно, сказалъ сэръ-Джорджъ, — даже больше чѣмъ вполонину.

— Мушны раздѣляютъ весь свѣтъ на боговъ и на гигантовъ, продолжала миссъ Данстеблъ,—у насъ, женщинъ, такъ же есть свои раздѣленія. Мы называемъ себя праведницами или грѣшницами, судя по партіи, къ которой мы принадлежимъ. Бѣда въ томъ, что мы измѣняемъ своимъ убѣжденіямъ почти также часто какъ вы.

Сэръ-Джорджъ расхохотался и прошелъ въ гостиную.

— Я знаю, докторъ, что вамъ не по вкусу такія сборища, продолжала она,—но я не вижу причины, почему бы вамъ подчасть и не потѣсниться; не правда ли, Франкъ.

— Да я вовсе не увѣренъ, что ему такія вечера не по вкусу, сказалъ мистеръ Грешамъ,—онъ самъ признался, что очень желаетъ увидѣть нѣкоторыхъ изъ вашихъ знаменитыхъ гостей.

— Въ самомъ дѣлѣ? Значитъ, есть нѣкоторая надежда, что и онъ перейдетъ на другую сторону? Впрочемъ, изъ него никогда не выйдетъ истого, надежнаго грѣшника; не правда ли, Мери? Вы, кажется, слишкомъ стары, докторъ, чтобы пойти по новой колеѣ?

— Боюсь, что такъ, отвѣчалъ докторъ, слабо улыбувшись.

— Развѣ докторъ Торнъ причисленъ къ лику праведныхъ? спросила мистриссъ Гарольдъ Смитъ.

— Безъ сомнѣнія, сказала миссъ Данстеблъ.— Но вы не должны забывать, что есть праведники различныхъ классовъ, не такъ ли, Мери? Вѣдь Доминиканцы и Францисканцы никогда почти не ладятъ между собой. Докторъ Торнъ не принадлежитъ къ школѣ Св. Провиди Барчестерскаго. Я думаю, онъ предпочелъ бы поклоняться вотъ этой святой, которая теперь всходитъ по лѣстницѣ подъ руку съ такою прелестною, молодою послушницей.

— Кажется, миссъ Грантли скоро придется перечислить къ грѣшнымъ, сказала мистриссъ Гарольдъ Смитъ, видя что приближается леди Лофтонъ съ своею молодою подругой, — развѣ только вы пожалуете леди Гартльтопъ въ праведницы.

Тутъ подошла леди Лофтонъ, и миссъ Данстеблъ привѣтствовала ее съ особливою почтительностью.



— Я вамъ такъ благодарна, что вы не отказались посѣтить, меня леди Лофтонъ, сказала она, — тѣмъ болѣе что вы привезли съ собою миссъ Грантли.

Леди Лофтонъ отвѣчала ей любезностью; между тѣмъ къ ней подошелъ докторъ Торнъ и пожалъ ей руку, такъ же и Франкъ Грешамъ съ женой. Леди Лофтонъ и Гризельда еще въ Фремлей знали все семейство Грешамовъ, такъ что между ними завязался общій разговоръ прежде чѣмъ леди Лофтонъ прошла въ величественную анфиладу, какъ выразилась бы мистриссъ Прюди.

— Папа будетъ здѣсь, сказала миссъ Грантли, — по крайней мѣрѣ мнѣ такъ сказали. Я сама еще не видала его.

— Какже, онъ обѣщаль мнѣ пріѣхать, сказала миссъ Данстеблъ, — и я надѣюсь, что онъ сдержитъ слово.

— Папа никогда не измѣняетъ своему слову, проговорила миссъ Гризельда почти строгимъ тономъ. Она вовсе не поняла шутки миссъ Данстеблъ или же считала ниже своего достоинства отвѣчать на нее.

— Я слышала, что старикъ сэръ-Джонъ оставляетъ свое мѣсто въ парламентѣ, вполголоса сказала леди Лофтонъ Франку Грешаму. Леди Лофтонъ всегда принимала живѣйшее участіе въ политическихъ дѣлахъ Остъ-Барсетшира, и теперь отъ души желала, чтобы наслѣдникъ Грешамовъ явился представителемъ графства. Грешамы съ поконъ вѣка были членами за Барсетширъ.

— Да, говорятъ, отвѣчалъ Франкъ покраснѣвъ. Онъ былъ еще такъ молодъ, что совѣстился выставиться впередъ для пріобрѣтенія такой высокой почести какъ мѣсто въ парламентѣ.

— Вѣроятно не будетъ никакой борьбы, продолжала леди Лофтонъ, — обыкновенно, во всемъ Остъ-Барсетширѣ большое единодушіе. Но еслибъ и произошло состязаніе, всѣ фремлейскіе фермеры подадутъ голосъ за васъ; въ этомъ я могу васъ увѣрить. Лордъ Лофтонъ говорилъ мнѣ это не далѣе какъ сегодня утромъ.

Франкъ Грешамъ отвѣчалъ какою-то учтивою фразой, какъ подобаетъ молодому кандидату на политическое поприще; это, да еще кой-какія любезности, нѣсколько задержали леди Лофтонъ въ первой пріемной. Между тѣмъ толпа подвигалась впередъ и проходила по большимъ, освѣщеннымъ заламъ и гостиннымъ, по величественной анфиладѣ, которая уже раздирала завистью сердце мистриссъ Прюди.

«Вотъ какія комнаты, думала она про себя, должна бы приготовить нація для высшихъ сановниковъ своей церкви.»

— Но только общество тутъ не довольно соединено, сказала она мужу вслухъ.

— Да, точно не довольно соединено, отвѣчалъ епископъ.

— А это необходимо для *conversations*, продолжала мистриссъ Проуди,— вотъ въ Глостеръ-Плэсъ....

Но мы не станемъ повторять ея критическихъ замѣчаній, тѣмъ болѣе что леди Лофтонъ ожидаетъ насъ въ первой приемной.

Между тѣмъ, пріѣхалъ новый гость,—гость очень важный. Правду сказать, миссъ Данстемблъ всего больше желала присутствія двухъ лицъ на своемъ вечерѣ; и хотя она употребила всѣ средства, приличныя и позволительныя для достиженія своей цѣли, она все еще не вполне надѣялась на появленіе этихъ двухъ магнатовъ. Въ эти самыя минуты, описываемыя нами, при всей своей наружной веселости, она въ душѣ терзалась сомнѣніемъ. Если не пріѣдутъ эти два желанные гостя, вечеръ не удался вполне, и значить всѣ ея хлопоты и старанія были напрасны; миссъ Данстемблъ имѣла особыя причины желать, чтобы вечеръ ея удался. Считаемъ почти излишнимъ прибавить, что эти два именитыя лица были—Томъ Тауэрсъ, редакторъ *Юпитера*, и герцогъ Омнѣумъ.

Теперь же, въ то самое время какъ леди Лофтонъ обмѣнивалась любезностями съ молодымъ Грешамомъ, повидимому не торопясь пройти далѣе, а миссъ Данстемблъ старалась шепнуть на ухо доктору что-нибудь, что бы развеселило и приободрило его, послышался звукъ, изъ котораго хозяйка могла заключить, что по крайней мѣрѣ половина ея желанія сбылась; но звукъ этотъ долетѣлъ только до ея слуха и до внимательныхъ ушей мистриссъ Гарольдъ Смитъ. Другія не слышали ничего, но имъ обѣимъ стало ясно, что приближается герцогъ Омнѣумъ.

Много было въ этомъ славы и торжества; но зачѣмъ его шлость выбралъ такую несчастную минуту? Миссъ Данстемблъ очень понимала, какъ неудобно соединить подъ одною кровлей герцога Омнѣумъ и леди Лофтонъ; но когда она приглашала леди Лофтонъ, она почти уже отказывалась отъ надежды видѣть у себя герцога: потомъ когда блеснула передъ ней эта возможность, она утѣшала себя мыслию, что эти два враждебныя свѣтила, хотя и оба озарять ту же самую гемисферу, врядъ ли столкнутся между собой, врядъ ли пересѣкутся ихъ пути. Герцогъ по всей вѣроятности только пройдетъ по комнатамъ, а леди Лофтонъ будетъ окружена знакомыми и друзьями. Такъ по крайней мѣрѣ разчитывала миссъ Данстемблъ. Теперь же все пошло вкривь, и леди Лофтонъ должна была столкнуться носомъ къ носу съ тѣмъ лицомъ, которое она считала самымъ полнымъ воплощеніемъ дьявольской силы на землѣ. Вскрикнетъ ли она? Или уйдетъ въ негодованіи? Или гордо закинетъ голову, и съ протянутою десницей, громко и смѣло отречется отъ сатаны и отъ всѣхъ

его твореній? Все это промелькнуло въ головѣ у миссъ Данстеблѣ въ то время какъ къ ней приближался герцогъ Омнiумъ, и она совсѣмъ почти лишилась присутствiя духа.

Но за то мистриссъ Гарольдъ Смитъ не растерялась.

— Такъ вотъ наконецъ и герцогъ, сказала она громко, чтобы привлечь вниманiе леди Лофтонъ.

Мистриссъ Смитъ рассчитывала, что леди Лофтонъ успеетъ еще продвинуться въ другую комнату, и такимъ образомъ избѣжитъ неловкой встрѣчи. Но леди Лофтонъ либо не разслыхала ея словъ, либо не поняла хорошенько ихъ смысла. Какъ бы то ни было, они не произвели на нее желаннаго дѣйствiя. Она продолжала разговаривать съ Франкомъ Грешамомъ, а потомъ, обернувшись, увидѣла, что господинъ, такъ неловко принявшій ея платье, былъ— герцогъ Омнiумъ.

Въ эту страшную минуту, когда катастрофа была уже не избѣжна, миссъ Данстеблѣ не измѣнила себѣ или своему характеру. Оплакивая въ душѣ несчастное стеченiе обстоятельствъ, она однако видѣла, что ей предстоитъ повернуть ихъ въ возможно лучшую сторону. Герцогъ сдѣлалъ ей честь посѣтить ея домъ, и она обязана была прiвѣтствовать его достоиственнымъ образомъ, хотя бы этимъ она привела въ ужасъ леди Лофтонъ.

— Герцогъ, сказала она,—я искренно благодарна вамъ за оказанную мнѣ честь. Я почти не надѣялась имѣть удовольствiе видѣть васъ у себя.

— Все удовольствiе на моей сторонѣ, отвѣчалъ герцогъ, раскланиваясь передъ нею.

И этимъ могло бы все кончиться. Герцогъ прошелся бы по комнатамъ и показалъ бы себя, сказалъ бы слова два леди Гартльтопъ, епископу, мистеру Грешаму и другимъ близкимъ знакомымъ, потомъ безъ шума удалился бы черезъ другой выходъ. Такова по крайней мѣрѣ была его обязанность, и онъ бы навѣрное исполнилъ ее, и значенiе вечера возвысилось бы черезъ это по крайней мѣрѣ на тридцать процентовъ; но теперь, по всѣмъ признакамъ, герцогъ долженъ былъ доставить еще гораздо болѣе матеріала вѣсть-эндскимъ вѣстовщикамъ.

Случилось такъ, что герцога совершенно прижали къ леди Лофтонъ, и она, услыша его голосъ и узнавъ о присутствiи своего врага изъ словъ миссъ Данстеблѣ, обернулась довольно быстро, но съ большимъ достоинствомъ устранивъ свое платье отъ неприятнаго прикосновенiя. Черезъ это, она встрѣтилась лицомъ къ лицу съ герцогомъ, такъ что они не могли другъ на друга не взглянуть. «Извините,» сказалъ герцогъ. Больше онъ не прибавилъ ничего, и это было единственное слово, которое когда-либо сказалось между ними; но, какъ ни было оно просто, сопровож-

деиное нѣмою игрой со стороны обоихъ дѣйствующихъ лицъ, оно возбудило сильное волненіе въ модномъ свѣтѣ.

Леди Лофтонъ, отступая назадъ, сдѣлала низкій, медленный реверансъ, поправляя складки платья съ свойственною ей одной надменною величавостію; но этотъ реверансъ, какъ ни былъ онъ краснорѣчивъ, не выражалъ такого яснаго, могучаго укора всѣмъ нечестивымъ дѣяніямъ герцога, какъ постепенное опусканіе ея глазъ, постепенное сжиманіе рта. Когда она начала реверансъ, она врагу своему прямо смотрѣла въ лицо; когда же она окончила его, взгляды ея были опущены, но въ изгибѣ ея рта изображалось неизреченное презрѣніе. Она не сказала ни слова, а только отступила назадъ, какъ подобаетъ скромной добродѣтели и женской слабости передъ безстыднымъ порокомъ и грубою, мужскою силою; однако всѣ должны были согласиться, что въ этой встрѣчѣ она одержала верхъ. Герцогъ, извиняясь передъ нею, выразилъ на своемъ лицѣ обычное сожалѣніе благовоспитаннаго человѣка, нечаянно обезпокоившаго даму. Но сквозь это сожалѣніе проглядывала легкая ироническая улыбка, какъ будто бы леди Лофтонъ казалась ему донельзя смѣшною. Все это не могло укрыться отъ пронизательныхъ взоровъ миссъ Данстебль и мистриссъ Гарольдъ Смитъ. Вообще было извѣстно, что герцогъ—мастеръ на такого рода молчаливую насмѣшку; но и онѣ принуждены были сознаться, что побѣда осталась за леди Лофтонъ. Когда миледи опять подняла глаза, герцогъ уже прошелъ, и она, взявъ подъ руку миссъ Грантли, сама отправилась вслѣдъ за толпой.

— Вотъ несчастный случай! сказала миссъ Данстебль когда оба противника удалились съ поля сраженія.—Судьба иногда поступаетъ немилосердо!

— Но тутъ она вовсе не была немилосерда къ вамъ, сказала мистриссъ Гарольдъ Смитъ,—еслибы вы могли теперь же заглянуть во глубину души леди Лофтонъ, вы бы увидѣли, что она очень довольна своею встрѣчей съ герцогомъ. Долго будетъ она съ торжествомъ вспоминать объ этой встрѣчѣ, и крайней мѣрѣ для трехъ поколѣній дѣвицъ Фремлея, встрѣча эта будетъ предметомъ разговоровъ.

Грешамы и докторъ Торнъ оставались въ первой пріемной во время описанной нами схватки; леди Лофтонъ загородила имъ путь, отступивъ назадъ, почти на колѣни къ доктору Измену. Но теперь и они захотѣли двинуться впередъ.

— Какъ, вы меня покидаете? сказала миссъ Данстебль.—Ну хорошо, я сама скоро за вами послѣдую. Франкъ, я хочу устроить танцы въ одной изъ залъ, именно для того чтобъ отличить мой вечеръ отъ *бальда* мистриссъ Проуди. Было бы несносно,

еслибы всѣ бесѣды походили одна на другую; не правда ли? Надѣюсь, что вы будете танцовать.

— Я полагаю, что окажется еще и другое, важное различіе, когда дѣло дойдетъ до ужина, сказала мистриссъ Гарольдъ Смитъ.

— О конечно, конечно! Я, признаюсь, въ этомъ отношеніи самое вульгарное созданіе въ мірѣ, я люблю кормить и пентъ моихъ гостей. Мистеръ Саппельгаусъ, очень рада васъ видѣть; однако, скажите мнѣ. . . — Она что-то шепнула на ухо мистеру Саппельгаусу, и онъ ей отвѣчалъ также шопотомъ.

— Такъ вы думаете, что онъ будетъ? сказала миссъ Данстеблъ.

Мистеръ Саппельгаусъ отвѣчалъ утвердительно; онъ думаетъ, что такъ, онъ надѣется; впрочемъ, онъ ничего положительнаго сказать не можетъ. Потомъ онъ прошелъ далѣе, едва взглянувъ на мистриссъ Гарольдъ Смитъ.

— Видите ли, какъ онъ труситъ, сказала она.

— Право, вы продубѣждены противъ него, душа моя. Но я, съ своей стороны, очень люблю Саппельгауса. Конечно онъ дѣлаетъ зло, но это его ремесло, и онъ нисколько отъ этого не отвращается. Еслибъ я принимала участіе въ политическихъ дѣлахъ, я бы также мало сердилась на мистера Саппельгауса за то, что онъ вредитъ мнѣ, какъ на булавку за то, что она меня колетъ. Всему виною моя собственная неловкость; мнѣ бы слѣдовало искуснѣе распорядиться булавкой.

— Да можно ли равнодушно видѣть человѣка, который принимается, будто бы онъ всею душой преданъ своей партіи, а потомъ самъ старается погубить ее?

— Столько людей дѣлаютъ то же самое, душа моя! Говорятъ, что всѣ средства годны въ войнѣ и въ любви: почему бы сюда же не причислить и политику? Стоитъ только разъ согласиться съ этимъ, и мы избавили бы себя отъ лишнихъ досадъ, и ни сколько сами не стали бы отъ этого хуже.

Комнаты миссъ Данстеблъ, несмотря на свои большіе размѣры, были бы уже черезчуръ наполнены, еслибы многіе изъ гостей оставались долѣе получаса. Впрочемъ, мѣста нашлось достаточно для танцевъ, къ великому ужасу мистриссъ Проуди. Не то чтобъ она вообще была противъ танцевальныхъ вечеровъ, но она справедливо негодовала, вида такое произвольное нарушеніе основныхъ правилъ *conversazione*, возобновленнаго ею въ большомъ свѣтѣ.

— Скоро слово *conversazione* не будетъ имѣть никакого смысла, говорила она епископу, — никакого рѣшительно, если такъ станутъ злоупотреблять имъ.

— Рѣшительно никакого, подтвердлъ епископъ.

— Я вовсе не противъ танцевъ, когда они умѣстны, сказала мистриссъ Проуди.

— Я самъ ничего противъ нихъ не имѣю; для мирянъ, конечно, сказалъ епископъ.

— Но когда люди дѣлаютъ видъ, что собираются для болѣе высокихъ цѣлей, то они такъ и должны вести себя.

— Конечно, иначе они ничего больше какъ лицемеры, замѣтилъ епископъ.

— Бѣлое нужно называть бѣлымъ, а черное чернымъ, продолжала мистриссъ Проуди.

— Безъ сомнѣннй, подтвердилъ епископъ.

— И когда я взяла на себя трудъ ввести эти *conversations*, продолжала мистриссъ Проуди съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства, — мнѣ конечно и въ голову не приходило, что это слово будетъ... будетъ такъ дурно истолковано.

Потомъ, завидя на противоположномъ концѣ комнаты какихъ-то близкихъ знакомыхъ, она отправилась къ нимъ, а епископа предоставила собственной судьбѣ.

Леди Лофтонтъ, одержавъ побѣду, удалилась въ комнату, назначенную для танцевъ, зная, что врядъ ли туда послѣдуетъ за ней ея врагъ; вскорѣ потомъ къ ней подошелъ сынъ. Въ настоящую минуту она не совсѣмъ была довольна положеніемъ дѣлъ между лордомъ Лофтонтъ и Гризельдой. Сама она зашла такъ далеко, что намекнула молодой дѣвушкѣ о своемъ желаніи имѣть ее невѣсткой, но Гризельда ровно ничего на это не отвѣчала. Конечно, довольно было понятно, что молодая дѣвица, такъ отлично воспитанная какъ Гризельда Грантли, не могла обнаруживать ни малѣйшихъ признаковъ чувства пока ея не вызывало на это ясное выраженіе страсти со стороны молодаго человѣка; но тѣмъ не менѣе, хотя леди Лофтонтъ и вполне понимала силу этой оговорки, ей все же казалось, что Гризельда могла бы какъ-нибудь обнаружить ей, что она не прочь отъ предполагаемаго брака.

Но Гризельда ничѣмъ этого не выказала, ни единымъ словомъ не намекнула, что она приняла бы предложеніе лорда Лофтонта, если онъ за нее посватается. Правда, она также ни полслова не проронила о томъ, что намѣрена отказать ему; однако, хотя ей очень хорошо было извѣстно, что цѣлый свѣтъ толкуетъ о ней и лордъ Домбелло, она вездѣ и всегда готова была танцевать съ нимъ. Все это не правилось леди Лофтонтъ, и она начинала думать, что если ей не удастся довести до скорой и успѣшной развязки любимый планъ свой, то ей лучше ужъ совсѣмъ отъ него отказаться. Она все еще мечтала объ этомъ бракѣ. Она не сомнѣвалась, что изъ Гризельды выйдетъ хорошая жена; но она уже не такъ твердо какъ прежде была увѣрена въ томъ, что она сама будетъ такъ горячо любить свою невѣстку, какъ она до сихъ поръ надѣялась.

— Давно ты здѣсь, Лудовикъ? спросила она съ тою улыбкой которая озаряла ея лицо всякій разъ, какъ ей случалось взглянуть на сына.

— Только что пріѣхалъ. Я тотчасъ поспѣшилъ васъ отыскать, узнавъ отъ миссъ Данстеблъ, что вы здѣсь. Какая у нея толпа Видѣли вы лорда Брока?

— Я его не замѣтила.

— А лорда Де Террье? Я встрѣтилъ ихъ обонхъ въ средней гостиной.

— Лордъ Де Террье пожалъ мнѣ руку, когда я проходила.

— Я никогда не видывалъ такого смѣшенія народовъ. Мис-триссъ Прюди выходитъ изъ себя оттого что собираются тан-цовать.

— Но вѣдь дочери ея танцуютъ? сказала Гривельда.

— Такъ, только не на *conversations*. Развѣ вы не видите разницы? Я также видѣлъ Спермоюля; онъ веселъ какъ палецъ. Около него столпился цѣлый кружокъ, и онъ болтаетъ такъ непринужденно, какъ будто бы совершенно помирился съ мірскою суетой.

— Тутъ конечно есть и такіе люди, съ которыми я не захо-тѣла бы встрѣтиться, еслибы знала это напередъ, сказала леди Лофтонъ, вспоминая послѣднюю свою встрѣчу.

— Не ничего предосудительнаго навѣрное здѣсь не можетъ быть, потому что я вошелъ по лѣстницѣ виѣсть съ архидіако-номъ. Это доказательство ясное, не такъ ли, миссъ Грантли?

— Я ничего не опасуюсь; когда я съ вашею матушкой, я совершенно могу быть спокойна.

— Ну, Богъ знаетъ, возразилъ лордъ Лофтонъ смѣясь.—Мама, вы еще не знаете самаго худшаго. Какъ вы думаете, кого я встрѣтилъ сію минуту?

— Я знаю о комъ ты говоришь; я видѣла его.

— Мы съ нимъ встрѣтились въ первой же комнатѣ, прибавила Гривельда, нѣсколько оживившись на этотъ разъ.

— Какъ? герцога?

— Да, герцога, сказала леди Лофтонъ — я бы, конечно, не пріѣхала, еслибы могла ожидать встрѣчи съ подобнымъ человѣ-комъ. Но чтò дѣлать! Всего предвидѣть нельзя.

Лордъ Лофтонъ тотчасъ же угадалъ по голосу матери и по выраженію ея лица, что у ней уже было какое-ни-будь столкновеніе съ герцогомъ, и что она, вовсе не такъ не довольна этимъ, какъ можно было бы ожидать. Она осталась въ домѣ миссъ Данстеблъ и не выражала никакого негодованія противъ хозяйки. Лордъ Лофтонъ едва ли могъ бы сильнѣе уд-ивиться, еслибы встрѣтилъ свою матушку подъ ручку съ герцо-гомъ; впрочемъ онъ ни слова не прибавилъ объ этомъ предметѣ.

— Будешь ты танцевать, Лудовикъ? спросила леди Лофтонъ.

— Признаться, я еще не совсѣмъ рѣшилъ, не говорить ли правду мистриссъ Проуди, что танцы на *conversazione*—нѣкотораго рода святотатство. Какъ вы объ этомъ думаете, миссъ Грантли?

Гризельда вообще шутокъ не понимала, и вообразила себя, что лордъ Лофтонъ хочетъ отдѣлаться отъ обязанности танцевать съ нею. Это разсердило ее. Единственное ухаживаніе, единственныя романтическія отношенія, которыя она понимала между дѣвницей и молодымъ человѣкомъ, связаны были для нея съ танцами. Она вовсе не соглашалась съ мистриссъ Проуди въ этомъ отношеніи, и очень уважала миссъ Данстеблъ за ея нововведеніе. Въ обществѣ Гризельда больше полагалась на легкость своихъ ножекъ чѣмъ на быстроту своего языка; скорѣе можно было подѣйствовать на ея сердце ловкимъ поворотомъ на паркетѣ чѣмъ нѣжными ласкающими рѣчами. Всего благосклоннѣе она приняла бы предложеніе, слѣланное ей въ попыхахъ, среди упительнаго вихря вальса; у ней бы ровно достало силы прошептать, задыхаясь: «Поговорите... съ... папа.» Послѣ этого, она отложила бы всякія дальнѣйшія объясненія до того времени, когда дѣло было бы окончательно порѣшено и улажено.

— Я еще не подумала объ этомъ, отвѣчала Гризельда, отворачиваясь отъ лорда Лофтона.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, предполагать, чтобы миссъ Грантли не помышляла о лордѣ Лофтонѣ, или не понимала, какъ выгодно ей было бы имѣть за себя леди Лофтонъ, еслибъ ей захотѣлось выйдти замужъ за ея сына. Она очень хорошо знала, что теперь, при первомъ блистательномъ ея появленіи въ свѣтѣ, для нея наступила самая выгодная минута; знала она также, что молодые, красивые лорды не растутъ какъ ежевика по изгородямъ. Еслибы лордъ Лофтонъ посватался къ ней, она тотчасъ изъявила бы свое согласіе, не пожалѣвъ даже о большемъ блескѣ и великолѣпнн, ожидающихъ будущую маркизу Гартльтопъ. Въ этомъ отношеніи она была очень благоразумна. Но въдъ лордъ Лофтонъ не сватался за нее, и даже не показывалъ намѣренія посвататься когда-нибудь; и нужно отдать справедливость Гризельдѣ, она не такая была дѣвушка, чтобы сдѣлать первый шагъ. Конечно, и лордъ Домбелло не сдѣлалъ еще ей предложенія; но онъ выражалъ свое чувство нѣмыми знаками—въ родѣ тѣхъ, какими птицы небесныя объясняются между собой; и эти нѣмые знаки были совершенно понятны для такой дѣвушки, какъ Гризельда, которая сама не любила пускаться въ длинные разговоры.

— Я не думала объ этомъ, холодно проговорила Гризельда и отвернулась: въ эту самую минуту подошелъ къ ней лордъ Дом-



белло и пригласилъ ее на слѣдующій танецъ. Гризельда отвѣчала ему легкимъ наклоненіемъ головы, и оперлась на протянутую ей руку.

— Я васъ найду здѣсь, леди Лофтонъ, когда кончится танецъ? спросила она, и удалилась съ своимъ кавалеромъ. Когда дѣло доходитъ до танцевъ, молодому человѣку всего приличнѣе немедленно пригласить даму; лордъ Лофтонъ упустилъ благопріятную минуту, а теперь уже поздно было поправить ошибку.

На лицѣ лорда Домбелло выразилось худо скрытое торжество, когда онъ увелъ съ собой красавицу. Въ свѣтъ давно говорили, что она выходитъ замужъ за лорда Лофтона, говорили также, что за нею сильно ухаживаетъ лордъ Домбелло. Это, конечно, было досадно лорду Домбелло; ему казалось, что всѣ надъ нимъ подсмѣиваются какъ надъ отверженнымъ женихомъ. Еслибы не лордъ Лофтонъ, онъ можетъ-быть и не обратилъ бы особаго вниманія на Гризельду Грантли, но всѣ эти толки и сплетни поджигали его и пробуждали въ немъ сознание; что онъ, какъ будущій маркизъ и наследникъ благородной фамиліи Гартлтопъ, обязанъ передъ самимъ собой добиться во что бы то ни стало предмета своихъ желаній и не дать сопернику опередить себя. Такимъ-то образомъ набивается цѣна картинъ на аукціонахъ. Лордъ Домбелло смотрѣлъ на миссъ Грантли какъ на рѣдкостную вещь, продаваемую съ молотка, и счелъ бы для себя унизительнымъ уступить ее лорду Лофтону. А потому не слѣдуетъ удивляться торжествующей улыбкѣ, съ которою онъ увелъ Гризельду и пошелъ кружиться съ ней по залѣ.

Леди Лофтонъ и ея сынъ, молча, посмотрѣли другъ на друга. Онъ, конечно, имѣлъ намѣреніе пригласить Гризельду, но не слишкомъ-то сожалѣлъ о томъ, что ему не пришлось съ ней танцевать. Разумѣется, леди Лофтонъ съ своей стороны надѣялась, что сынъ ея и Гризельда будутъ танцевать вмѣстѣ, и, признаться, она немного досадовала на свою protégée.

— Она, кажется, могла бы подождать хоть минуту, сказала наконецъ леди Лофтонъ.

— Да зачѣмъ же, мама? Есть обстоятельства, когда ждать не возможно; на охотѣ, напримѣръ, когда дичь пробѣжитъ мимо. Миссъ Грантли совершенно права, что пошла танцевать съ первымъ, кто ее пригласилъ.

Леди Лофтонъ рѣшилась узнать окончательно, какія она можетъ имѣть надежды на осуществленіе своего любимаго плана. Гризельда не могла постоянно жить у нея, и если этому браку суждено состояться, то дѣло должно быть кончено теперь же, пока они всѣ въ Лондонѣ. Въ концѣ сезона, Гризельда вернется въ Пломстедъ, а лордъ Лофтонъ отправится.... Богъ знаетъ

куда. Тогда уже нечего будетъ искать новыхъ случаевъ для ихъ сближенія. Если они теперь не полюбили другъ друга, то нѣтъ никакой надежды, чтобъ это случилось потомъ. Леди Лофтонъ стала сильно опасаться, что ея желанія не суждено осуществиться, но рѣшилась во всякомъ случаѣ сейчасъ же, на мѣстѣ, узнать всю истину, по крайней мѣрѣ по отношенію къ сыну.

— О, конечно! отвѣчала леди Лофтонъ;—то-есть, если ей все равно съ кѣмъ бы ни танцовать.

— Я думаю, что все равно, кромѣ только того развѣ, что Домбелло неутомимѣ меня.

— Мнѣ грустно, что ты такъ говоришь, Лудовикъ.

— Почему же грустно, матушка?

— Да потому что я надѣялась.... что вы полюбите другъ друга, проговорила она тихо и грустно, и поднала на него почти умоляющій взоръ.

— Да, мама, я зналъ, что вы этого желали.

— Ты это зналъ, Лудовикъ?

— Ну, да, конечно; право, вы не мастерица скрывать отъ меня ваши заветныя мысли. И была минута, когда мнѣ казалось, что я могъ бы васъ въ этомъ утѣшить. Вы такъ были ко мнѣ добры, что я почти все на свѣтѣ готовъ былъ бы сдѣлать для васъ.

— О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! проговорила она поспѣшно, какъ бы отказываясь отъ его похвалы и отъ жертвы, которую онъ готовъ былъ ей принести. — Я бы ни за что не хотѣла, чтобы ты сдѣлалъ это мнѣ въ угоду. Я знаю, что никакая мать не можетъ пожелать себѣ лучшаго сына чѣмъ ты, и единственная моя цѣль—твое счастье.

— Но повѣрьте, мама, что она не составила бы моего счастья. На минуту мнѣ показалось, что можетъ-быть.... что я могу быть счастливъ съ ней. Въ эту минуту я готовъ былъ предложить ей свою руку, но....

— Но что же, Лудовикъ?

— Ничего. Эта минута прошла, и я никогда не рѣшусь просить ея руки. Она честолюбива, и мѣтитъ повыше. Нужно отдать ей справедливость: она искусно ведетъ свою игру.

— Ты никогда не рѣшишься просить ея руки?

— Нѣтъ, мама, еслибъ я и тогда сдѣлалъ ей предложеніе, то сдѣлалъ бы это изъ любви къ вамъ; единственно изъ любви къ вамъ.

— Я бы ни за что на свѣтѣ не захотѣла этого.

— Такъ пусть же она выйдетъ за Домбелло; ему нужна именно такая жена. А вамъ она должна быть благодарна за то, что вы помогли ей устроить все это дѣло.

— Однако, Лудовикъ, мнѣ бы такъ хотѣлось видѣть тебя устроеннымъ.

— Будетъ еще время, мама.

— Да, но года летать. Надѣюсь, что ты подумываешь о жемитьбѣ, Лудовикъ?

— А что бы вы сказали матушка, еслибъ я вамъ привелъ жену, которую вы остались бы недовольны?

— Я останусь довольна всякою, которую ты полюбишь; то-есть...

— То-есть если она полюбится и вамъ; не такъ ли, мама?

— Но я совершенно полагаюсь на твой выборъ; я знаю, что тебѣ можетъ понравиться только дѣвушка добрая и благовоспитанная.

— Добрая и благовоспитанная! повторилъ онъ. — Больше вы ничего не требуете?

И онъ невольно подумалъ о Люси Робартсъ.

— Я ничего больше не потребую отъ той, которую ты истинно полюбишь. О деньгахъ я не забочусь. Конечно, мнѣ бы пріятно было, еслибы ты себѣ нашелъ невѣсту съ такимъ же хорошимъ состояніемъ какъ миссъ Грантли; но это дѣло второстепенное.

Такимъ образомъ, среди пестрой толпы гостей, миссъ Данстемблъ, мать и сынъ, порѣшили между собой, что Лофтоно-грантлійскій трактатъ не будетъ утвержденъ.

«Мнѣ нужно будетъ объ этомъ намекнуть мистриссъ Грантли,» подумала про себя леди Лофтонъ, когда къ ней вернулась Гривельда. Молодая дѣвушка обитѣлась съ своимъ кавалеромъ всего какою-нибудь дюжиною словъ; но и она твердо рѣшила въ своемъ умѣ, что вышесказанный трактатъ никогда не будетъ приведенъ въ исполненіе.

Пора намъ однако вернуться къ нашей хозяйкѣ; мы и то слишкомъ долго оставляли ее безъ вниманія, тѣмъ болѣе что главною цѣлью всей этой главы было доказать читателямъ, какъ хорошо она умѣла держать себя въ важныхъ случаяхъ. Она объявила было, что скоро можно будетъ ей оставить свое мѣсто при входѣ, и присоединиться къ близкимъ знакомымъ и друзьямъ, но она ошиблась въ своихъ разчетахъ. Безпрестанно прибывали новые гости; она страшно устала, повторяя каждому изъ нихъ учтивое привѣтствіе, и не разъ говорила, что ей придется уступить свое мѣсто мистриссъ Гарольдъ Смитъ.

Эта вѣрная подруга не покидала ея среди тяжкихъ трудовъ; и, правду сказать, безъ такой поддержки задача оказалась бы ей не подъ силу. Все это конечно относится къ чести мистриссъ Гарольдъ Смитъ. Собственныя ея надежды на богатую наслѣдницу рушились совершенно; она получила отъ нея достаточно ясный отвѣтъ. Но тѣмъ не менѣе, она не измѣнила прежней дружбѣ, и въ этотъ вечеръ дѣлала труды и хлопоты своей

пріятельницы, съ такою же готовностью, какъ будто бы она видѣла въ ней будущую невѣстку.

Около половины перваго явился ея братъ. Онъ не видался съ миссъ Данстеблъ послѣ извѣстнаго читателямъ разговора, и мистриссъ Гарольдъ Смитъ часаму уговорила его пріѣхать къ ней на вечеръ.

«Къ чему? Теперь вѣдь все для меня кончено,» говорилъ онъ, думая въ эту минуту не только о своихъ отношеніяхъ къ миссъ Данстеблъ, но и вообще о печальной развязкѣ, къ которой привела его жизнь.

— Пустяки, отвѣчала ему сестра:—неужели ты придешь въ отчаяніе отъ того, что такой человекъ какъ герцогъ Омньюмъ требуетъ назадъ свои деньги? Чтѣ было достаточнымъ обезпеченіемъ для него, будетъ достаточно и для другаго.

И мистриссъ Гарольдъ Смитъ пуще прежняго стала заискивать въ миссъ Данстеблъ.

Миссъ Данстеблъ почти изнемогала отъ усталости, но все еще старалась поддерживать себя надеждой на пріѣздъ другаго именитаго гостя (она знала, что онъ явится поздно, если только пріѣдетъ къ ней), когда мистеръ Соверби взвошелъ по ступенямъ лѣстницы. Онъ собиралъ силы пройти черезъ этотъ испусъ съ обычнымъ дерзкимъ хладнокровіемъ, но видно было, что и это хладнокровіе готово было измѣнить ему и что онъ страшно бы смутился, еслибъ его не выручила добродушная веселость самой миссъ Данстеблъ.

— Вотъ мой братъ, шепнула ей мистриссъ Гарольдъ Смитъ, и въ голосъ ея слышалось легкое волненіе.

— Здравствуйте мистеръ Соверби, сказала миссъ Данстеблъ, выходя къ нему на встрѣчу почти до самаго порога,—лучше поздно чѣмъ никогда.

— Я прямо изъ палаты, отвѣчалъ онъ, пожимая ей руку.

— Да, я знаю, что изъ числа нашихъ сенаторовъ, вы заслуживаете прозваніе *sans reproche*, точно такъ же какъ мистера Гарольда Смита можно назвать *sans peur*; не правда ли, душа моя?

— Нужно признаться, что вы жестоко отдѣляли ихъ обоихъ, сказала мистриссъ Гарольдъ Смитъ,—особливо бѣднаго Гарольда. Натаніэль здѣсь, и самъ можетъ защищаться.

— И никто лучше его не умѣетъ защищаться во всѣхъ случаяхъ жизни. Но послушайте, любезный мистеръ Соверби, я умираю съ отчаянія. Какъ вы думаете, будетъ онъ или нѣтъ?

— Онъ? Кто же?

— Неужели вы не угадываете? Какъ будто бы онъ—не одинъ въ своемъ родѣ! Впрочемъ ихъ двое, но другой уже былъ и уѣхалъ.

— Я рѣшительно не понимаю, сказалъ мистеръ Соверби, который между тѣмъ успѣлъ совершенно оправиться.—Но не могу ли я чѣмъ-нибудь пособить? Не хотите ли вы, чтобъ я вамъ привезъ кого-нибудь? А, понимаю! Вы говорите о Томѣ Тауэрсѣ! Тутъ конечно я вамъ ничѣмъ не могу быть полезенъ. Да вотъ онъ самъ всходитъ по лѣстницѣ.

И мистеръ Соверби и его сестра посторонились, чтобы дать мѣсто одному изъ великихъ представителей вѣка.

— Ангелы небесные, помогите мнѣ! воскликнула миссъ Данстеблъ.—Какъ мнѣ встрѣтить его? Мистеръ Соверби, не нужно ли мнѣ пастъ передъ нимъ на колѣни? Какъ вы думаете, душа моя, за нимъ будетъ идти репортеръ въ королевской ливреѣ?

Потомъ миссъ Данстеблъ сдѣлала два три шага впередъ (не до самаго порога какъ при появленіи мистера Соверби) и съ обворожительною улыбкой протянула руку мистеру Тауэрсу, редактору *Юпитера*.

— Мистеръ Тауэрсъ, сказала она,—я благодарна случаю, который доставилъ мнѣ удовольствіе видѣть васъ у себя.

— Миссъ Данстеблъ, я счелъ ваше приглашеніе за величайшую честь для себя.

— Вся честь на моей сторонѣ, возразила она съ величавымъ поклономъ. Каждый изъ нихъ отлично входилъ въ шуточный тонъ другаго, и нѣсколько минутъ спустя между ними завязался непринужденный разговоръ.

— Кстати, Соверби, что вы думаете объ угрожающемъ распушеніи парламента? сказалъ Томъ Тауэрсъ.

— Мы всё подъ рукою Божею, отвѣчалъ мистеръ Соверби, стараюсь говорить равнодушнымъ тономъ. Но вопросъ этотъ для него имѣлъ роковое значеніе, и до сихъ поръ онъ еще не слышалъ объ этой висѣвшей надъ нимъ опасности. Слухъ этотъ также былъ новостью и для миссъ Данстеблъ, и для мистриссъ Гарольдъ Смитъ, и для сотни другихъ почтительно внимавшихъ пророчествамъ мистера Тауэрса. Но иные люди имѣютъ особой даръ пускать въ ходъ такого рода слухи, и часто авторитетъ пророка сильно способствуетъ осуществленію его предсказаній. На слѣдующее утро, во всѣхъ высшихъ кругахъ, шли толки о томъ, что парламентъ скоро будетъ распущенъ. «У нихъ совѣсти нѣтъ никакой въ подобныхъ дѣлахъ, никакой ровно совѣсти,» говорилъ про гигантовъ какой-то мелкій богъ, которому дорого обошлось его мѣсто въ палатѣ.

Мистеръ Тауэрсъ остался еще минутъ съ двадцать, разговаривая въ первой пріемной, потомъ распростился, не зайдя даже въ прочія комнаты. Впрочемъ цѣль, для которой его пригласили,

была достигнута, и онъ оставилъ миссъ Данстеблъ въ самомъ пріятномъ расположеніи духа.

— Я очень рада, что онъ былъ, сказала мистриссъ Гарольдъ Смитъ съ торжествующею улыбкой.

— Да, и я очень рада, возразила миссъ Данстеблъ,—хотя самой стыдно въ этомъ признаться. Вѣдь правду сказать, какая польза мнѣ или другимъ отъ его посѣщенія?

И высказавъ эту нравоучительную мысль, она отправилась въ большія гостинныя, и скоро увидѣла доктора Торна, стоявшаго у стѣны въ совершенномъ одиночествѣ.

— Ну что, докторъ, сказала она,—гдѣ же Мери и Франкъ? Я вижу, что вамъ скучно стоять здѣсь одному.

— Благодарю васъ, мнѣ не скучнѣе чѣмъ я ожидалъ, отвѣчалъ онъ.—Франкъ и Мери гдѣ-нибудь здѣсь, и, вѣроятно, также веселятся.

— Вы ужь черезчуръ злы, докторъ. Что бы вы сказали, еслибы вамъ пришлось вынести все то, что я вынесла сегодня. вечеромъ?

— О вкусахъ спорить нельзя, но вамъ это вѣроятно доставляетъ удовольствіе.

— Вы думаете? Но дайте мнѣ руку, и пойдемте поужинать. Пріятно сбывать тяжелую работу и чувствовать, что все удалось.

— Извѣстно, что добродѣтель сама въ себѣ находитъ награду.

— Вы очень жестоки ко мнѣ, сказала миссъ Данстебла, усаживаясь за столъ.— И вы точно думаете, что никакого нѣтъ проку отъ такихъ вечеровъ какъ этотъ?

— Нѣтъ, отчего же? Нѣкоторымъ людямъ вѣроятно и было весело.

— Вамъ все это кажется суетою, продолжала миссъ Данстеблъ,—суетою и тщеславіемъ. Конечно, тутъ много входитъ суеты. Извольте передать мнѣ хересь. Я бы дорого дала за стаканъ пива, но объ этомъ, конечно, и рѣчи не можетъ быть. Тщеславіе и суета! А между тѣмъ намѣренія у меня были хорошія.

— Ради Бога, не думайте, чтобъ я васъ осуждалъ, миссъ Данстеблъ.

— Увы, я точно это думаю! Да не только вы, но и еще *кто-то*, чье мнѣніе для меня дороже даже чѣмъ ваше, а это много значить. Вы меня осуждаете, да и я сама недовольна собой. Не то чтобъ я поступила дурно, но, право, игра едва ли стоитъ свѣчъ.

— Да, вотъ въ этомъ-то именно и вопросъ!

— Игра не стоитъ свѣчъ. А между тѣмъ лестно видѣть у себя и герцога Омніума, и Тома Тауэрса. Вы должны же признаться, что я не дурно умѣла все устроить?

Вскорѣ потомъ Грешамы и докторъ уѣхали, и около часа спустя миссъ Данстембл могла наконецъ опочить отъ своихъ трудовъ и лечь въ постель.

Игра стоитъ ли свѣчь? Вотъ главный вопросъ въ подобныхъ случаяхъ.

### ГЛАВА XXX.

Мы уже упомянули мимоходомъ, хотя читатель вѣроятно успѣлъ объ этомъ позабыть, что архидіаконъ не предложилъ женѣ съѣздить вмѣстѣ съ нимъ въ Лондонъ, чтобы присутствовать на вечерѣ у миссъ Данстембл. Мистриссъ Грантли конечно не сказала ни слова, но въ душѣ огорчилась; не потому чтобъ она очень сожалѣла, что не будетъ на этомъ знаменитомъ собраніи, но потому что она знала, что дѣла ея дочери въ эту минуту требуютъ материнскаго надзора. Она стала сомнѣваться въ ратификаціи лофтоно-грантлійскаго союза, и по тому-то ей не совсѣмъ было пріятно оставлять дочь на попеченіи леди Лофтонъ. Она даже намекнула объ этомъ архидіакону передъ его отъѣздомъ, но намекнула чрезвычайно осторожно, потому что боялась поручить ему такое тонкое и щекотливое дѣло. Итакъ, она не мало удивилась, когда на второе утро, по отъѣздѣ мужа, она получила отъ него письмо, немедленно призывавшее ее въ Лондонъ. Она удивилась, но сердце ея переполнилось надеждой, а не страхомъ; такъ твердо она полагалась на благоразуміе дочери.

На другой день послѣ знаменитаго вечера, леди Лофтонъ и Гризельда завтракали по обыкновенію вмѣстѣ, но онѣ замѣтили другъ въ другѣ какую-то перемѣну. Леди Лофтонъ показалось, что молодая ея подруга не такъ уже внимательна къ ней, и можетъ-быть не совсѣмъ такъ мягка какъ прежде въ своемъ обращеніи; а Гризельда почувствовала, что леди Лофтонъ менѣе ласкова съ нею. Впрочемъ онѣ очень мало говорили между собою, и леди Лофтонъ не выразила удивленія, когда Гризельда просила позволенія остаться дома, когда по обыкновенію подали карету миледи отправлявшейся съ визитами.

Въ этотъ день не было никакихъ посѣтителей въ Брутонъ-стритѣ, никого по крайней мѣрѣ не принимали, за исключеніемъ архидіакона. Онъ явился довольно поздно, и оставался съ дочерью до самой той минуты, когда вернулась леди Лофтонъ. Тутъ онъ откланялся какъ-то торопливо, и ни слова не ска-

залъ въ объясненіе необычайной продолжительности своего визита. Гризельда также ничего не сказала особеннаго, и вечеръ прошелъ довольно вло; обѣ онѣ чувствовали, что отношенія ихъ вѣдругъ измѣнились.

На другой день, Гризельда также не захотѣла выѣзжать, но часа въ четыре ей принесли записку изъ Моунтъ-стрита. Мать ея пріѣхала въ Лондонъ и тотчасъ же потребовала ее къ себѣ. Мистриссъ Грантли посылала дружескій поклонъ леди Лофтонъ, и хотѣла побывать у нея въ половинѣ шестаго, или поздиѣе, если это будетъ удобнѣе для меледи. Гризельда же останется, и отобѣдастъ въ Моунтъ-стритѣ: такъ гласило письмо. Леди Лофтонъ отвѣчала, что очень рада будетъ видѣть мистриссъ Грантли въ назначенный ею часъ, и Гризельда отправилась въ родительскій домъ.

— Я за вами пришлю карету, сказала леди Лофтонъ, — часовъ въ десять, не такъ ли?

— Очень вамъ благодарна, сказала Гризельда, и уѣхала.

Ровно въ половинѣ шестаго, мистриссъ Грантли вошла въ гостиную леди Лофтонъ. Дочь не пріѣхала съ нею, и леди Лофтонъ тотчасъ же увидѣла, по выраженію лица своей пріятельницы, что готовится какой-то важный разговоръ. Правду сказать, она сама имѣла кое-что важное сообщить ей; она должна была увѣдомить мистриссъ Грантли, что семейный трактатъ не можетъ состояться. Самое главное лицо отказалось на отрѣзъ, и бѣдная леди Лофтонъ не знала какъ приступить къ неприятному объясненію.

— Вашъ пріѣздъ сюда былъ довольно неожиданъ, сказала леди Лофтонъ, усадивъ гостью возлѣ себя на диванъ.

— Да, дѣйствительно; я только сегодня утромъ получила отъ мужа письмо, и узнала, что мнѣ необходимо было пріѣхать.

— Но въ письмѣ не было дурныхъ вѣстей, надѣюсь!

— Нѣтъ, я не могу назвать это дурными вѣстями; но, знаете, дорогая леди Лофтонъ, въ жизни судьба устриваетъ все не такъ, какъ мы предполагаемъ.

— Конечно, конечно, подтвердила меледи, думая о томъ, что предстояло ей сообщить мистриссъ Грантли. Впрочемъ, она рѣшилась выслушать сперва ея разказъ, предчувствуя можетъ-быть, что онъ имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ предмету, ее занимавшему.

— Бѣдная моя Гризельда! промолвила мистриссъ Грантли съ полуздыхомъ: — мнѣ нечего и говорить вамъ, леди Лофтонъ, какія я имѣла надежды на ея счетъ.

— Развѣ она вамъ сказала что-нибудь... что-нибудь такое...



— Она бы и вамъ повѣрила все; вы, разумѣется, имѣли право на ея откровенность; но у нея не достало на это рѣшимости, да и не мудрено! При томъ же ей слѣдовало повидаться съ отцомъ и со мною прежде чѣмъ окончательно рѣшиться. Но теперь все кажется улажено.

— Чтò такое улажено? спросила леди Лофтонъ.

— Конечно, такого рода обстоятельства невозможно предвидѣть, продолжала мистриссъ Грантли.—Любимую мою мечтою было видѣть Гризельду за лордомъ Лофтономъ. Я такъ была бы счастлива, еслибы моя дочь осталась жить въ одномъ со мною графствѣ, да и вообще такая партія вполнѣ бы удовлетворила моему честолюбію.

• Еще бы! •

Леди Лофтонъ едва удержалась сказать это вслухъ. Мистриссъ Грантли говорила такимъ тономъ какъ будто съ ея стороны требовалось великой доли христіанскаго смиренія, чтобъ удовольствоваться зятемъ, подобнымъ лорду Лофтону! «Гризельда Грантли премилая дѣвушка, думала про себя леди Лофтонъ, но мать цѣнить ее ужъ черезчуръ высоко.»

— Милая мистриссъ Грантли, сказала она,—въ послѣднее время я стала предвидѣть, что нашимъ надеждамъ нѣ суждено осуществиться. Мнѣ кажется, что лордъ Лофтонъ... впрочемъ объясненія тутъ лишнія. Еслибы вы сами не пріѣхали, я бы вамъ вѣроятно написала... можетъ-быть сегодня же. Но какова бы ни была судьба милой Гризельды, я душевно желаю ей счастья...

— Я надѣюсь, что она будетъ счастлива, сказала мистриссъ Грантли самымъ довольнымъ тономъ...

— Развѣ...

— Лордъ Домбелло сдѣлалъ предложеніе Гризельдѣ третьяго дня, на раутѣ у миссъ Данстемблъ, проговорила мистриссъ Грантли, опустивъ глаза и принявъ вдругъ кроткій и смиренный видъ. —Онъ уже вчера переговорилъ съ архидіакономъ, и сегодня опять видѣлся съ нимъ. Я думаю, онъ и теперь въ Моунтъ-стритѣ.

— О! въ самомъ дѣлѣ? промолвила леди Лофтонъ. Она бы дорого дала, чтобы въ ея тонѣ выразилось совершенное удовольствіе, но на это у нея не хватило притворства, и она горько сознавала свое неумѣіе.

— Да, сказала мистриссъ Грантли,—такъ какъ дѣло почти окончательно рѣшено, и я знаю какое искреннее участіе вы принимаете въ моей Гризельдѣ, то я сочла долгомъ тотчасъ же сказать вамъ. Лордъ Домбелло поступилъ самымъ открытымъ, прямымъ и благороднымъ образомъ, и вообще говоря, мы, какъ родители, не можемъ не остаться довольны такою партіей.

— Это, конечно, партія блистательная, сказала леди Лофтонъ. — Вы уже видѣлись съ леди Гартльтопъ?

Дѣло въ томъ, что родство съ леди Гартльтопъ никому не могло быть особенно пріятно; впрочемъ, это была единственная колкость, которую позволила себѣ леди Лофтонъ, и вообще, можно сказать, она въ этомъ случаѣ держала себя очень хорошо.

— До сихъ поръ въ этомъ не было надобности. Лордъ Домбелло совершенно независимъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и имѣетъ полное право располагать собою, отвѣчала мистриссъ Грантли. — Впрочемъ, онъ уже сообщилъ маркизу о своихъ намѣреніяхъ, и мой мужъ долженъ видѣться съ нимъ завтра или послѣ-завтра.

Леди Лофтонъ оставалось поздравить свою пріятельницу и изъявить свое сочувствіе ея радости; она это и сдѣлала, въ выраженіяхъ не вполне можетъ-быть искреннихъ, но тѣмъ не менѣе весьма удовлетворительныхъ для мистриссъ Грантли.

— Я душевно радуюсь за нее, и надѣюсь, что она будетъ счастлива; надѣюсь, что ея замужество будетъ постоянною отрадой для васъ и для ея отца, сказала леди Лофтонъ: — какъ бы ни было блистательно положеніе назначенное ей судьбою, я знаю, что она вполне его достойна.

Это конечно было очень великодушно со стороны леди Лофтонъ, и мистриссъ Грантли оцѣнила это великодушіе. Она ожидала, что ея извѣстіе будетъ принято съ самымъ холоднымъ оттѣнкомъ учтивости, и она готова была къ бою. Впрочемъ она не желала войны, и почти благодарна была леди Лофтонъ за ея радушіе.

— Дорогая леди Лофтонъ, сказала она, — я глубоко цѣню ваше участіе. Я конечно прежде всѣхъ сообщила вамъ эту вѣсть; я знаю, что никто лучше васъ не понималъ моей Гризельды. И будьте увѣрены, что среди новой жизни, которая для нея должна начаться, ничья дружба не можетъ быть ей такъ дорога какъ ваша.

Леди Лофтонъ почти ничего не отвѣчала, она не могла увѣрить, что ей будетъ очень пріятно сближеніе съ будущою маркизой Гартльтопъ. Гартльтопы и Лофтоны, по крайней мѣрѣ въ ея поколѣніи, должны вращаться въ совершенно противоположныхъ сферахъ; она уже высказала все, чего требовала старинная дружба, связывавшая ее съ мистриссъ Грантли. Мистриссъ Грантли все это понимала такъ же хорошо какъ и леди Лофтонъ; но мистриссъ Грантли имѣла больше свѣтскаго навыка.

Рѣшено было, что Гризельда на эту ночь вернется въ Брутонъ-стритъ, а потомъ совершенно распростится съ леди Лофтонъ.

— Мужъ мой полагаетъ, что мнѣ лучше остаться въ Лондонѣ, сказала мистриссъ Грантли;—можетъ-быть, при теперешнихъ обстоятельствахъ, Гривельдъ удобнѣе будетъ жить со мною.

Съ этимъ леди Лофтонъ вполне согласилась; и онѣ разстались отличными друзьями, нѣжно обнявшись при прощаніи.

Вечеромъ Гривельда вернулась въ Брутонъ-стритъ, и леди Лофтонъ должна была поздравить и ее. Это конечно была не совсѣмъ пріятная задача, тѣмъ болѣе что ее нужно было обдумать напередъ; но ее значительно облегчили примѣрное благоразуміе и рѣдкая степенность молодой дѣвицы.

Она не плакала, не волновалась; она даже не говорила о своемъ дорогомъ Домбелло, своемъ благородномъ Домбелло. Она почти молча приняла поцѣлуй и поздравленія леди Лофтонъ, тихо поблагодарила ее за доброту и ни единымъ словомъ не намекнула на будущее свое величіе.

— Мнѣ бы хотѣлось лечь пораньше, сказала она,—вѣдь мнѣ нужно будетъ укладываться.

— Поручите это Ричардсъ, душа моя.

— О, благодарю васъ! Ричардсъ очень добра, но все-таки лучше мнѣ самой распорядиться своими платьями.

И она легла пораньше.

Леди Лофтонъ не видала сына цѣлыхъ два дня, и когда увидѣлась съ нимъ, первая заговорила о Гривельдѣ.

— Ты знаешь новость, Лудовикъ?

— Какъ же! О ней только и толкуютъ въ клубахъ. Всѣ считаютъ долгомъ изъяснить мнѣ соболѣзнованіе.

— Тебѣ во всякомъ случаѣ не о чемъ жалѣть.

— Да и вамъ также, мама. Я увѣренъ, что и вы не можете объ этомъ сожалѣть. Признайтесь, скажите мнѣ это для моего успокоенія. Милая, дорогая мама! Вѣдь вы сознаете въ глубинѣ души, что она не была бы счастлива со мной и не могла бы сдѣлать меня счастливымъ?

— Можетъ-быть ты правъ, сказала леди Лофтонъ вздохнуть. Потомъ она поцѣловала сына, думая про себя, что ни одна дѣвушка въ Англии не достойна назваться его женой.

## ГЛАВА XXXI.

Помолвка лорда Домбелло съ Гривельдой Грантли была предметомъ общихъ толковъ въ продолженіи цѣлыхъ десяти дней. Говорили о ней по крайней мѣрѣ столько же, какъ объ

этомъ страшномъ слухѣ, распущенномъ впервые Томомъ Тауэрсомъ на вечерѣ у миссъ Дантеблѣ, касательно предстоящаго распущенія парламента.

— Для насъ это, быть-можетъ, будетъ къ лучшему, выражался мистеръ Гринъ Уокеръ, чувствовавшій себя вѣдъ всякой опасности въ своемъ Кру-Джонкшопѣ.

— По моему, попытка эта совершенно незаконна, говорилъ Гарольдъ Смитъ, который не былъ до такой степени увѣренъ въ своемъ мѣстечкѣ, и морщился при мысли объ издержкахъ, сопряженныхъ съ новыми выборами.— Дѣлаютъ они это для того чтобы выиграть время. Они и десяти голосовъ не приобретутъ себѣ этимъ распущеніемъ, а имъ нужно ихъ по крайней мѣрѣ сорокъ, чтобы составить большинство. Но они лишены всякаго чувства гражданского долга. Да впрочемъ, гдѣ это чувство!

— Это такъ, клянусь Юпитеромъ. Точно то же говорить и тетка моя леди Гартльтопъ; чувство долга почти совершенно исчезло у насъ. Кстати, что за глупость дѣлаетъ лордъ Домбелло!

И разговоръ принялъ другой оборотъ.

Шутки лорда Лофтона насчетъ самого себя были очень остры и милы, и никто не думалъ, чтобы сердце его сколько-нибудь страдало въ этомъ дѣлѣ. Свѣтъ смѣялся надъ лордомъ Домбелло за то что онъ сдѣлалъ такое безразсудное по мнѣнію свѣга дѣло, и друзья лорда Лофтона, говоря съ нимъ объ этомъ, какъ будто они и не подозрѣвали, что и онъ былъ близокъ къ совершенію той же самой глупости; но тѣмъ не менѣе онъ не совсѣмъ былъ доволенъ. Онъ вовсе не желалъ жениться на Гризельдѣ; онъ сто разъ говорилъ себѣ, съ тѣхъ поръ какъ онъ замѣтилъ тактику матери, что ничто въ свѣтѣ не заставитъ его это сдѣлать; онъ не разъ говорилъ, что она безжизненна, скучна и непривлекательна, несмотря на всю красоту свою; но тѣмъ не менѣе успѣхъ лорда Домбелло сердилъ его. И это чувство было еще не извинительнѣе, если принять въ соображеніе, что мысль о Люси не покидала его, что онъ не переставалъ любить ее, и ясно сознавалъ ея превосходство надъ Гризельдой.

Хорошъ же въ такомъ случаѣ вашъ герой, слышится мнѣ замѣчаніе какого-нибудь основательнаго критика.

Вопервыхъ лордъ Лофтонтъ вовсе не мой герой, а вовторыхъ человекъ можетъ не быть несовершенствомъ, а быть тѣмъ не менѣе очень порядочнымъ человекомъ. Человекъ можетъ имѣть столько же недостатковъ, какъ и лордъ Лофтонтъ, и тѣмъ не менѣе быть достойнымъ хорошей матери и хорошей жены. А то сколько бы изъ насъ оказались недостойными той ма-

тери или той жены, которыхъ далъ намъ Богъ! Я убѣжденъ, что изъ молодыхъ людей, собирающихся ожениться и вкусить радости семейной жизни, а съ тѣмъ вмѣстѣ заботы, труды и безпокойства, сопряженные съ удовольствіемъ имѣть дѣтей, очень немногіе не были предварительно влюблены въ трехъ, четырехъ возможныхъ матерей, и по всей вѣроятности въ двухъ или трехъ разомъ. И несмотря на то, люди эти по большей части достойны тѣхъ отличныхъ женъ, которыя наконецъ достаются имъ въ удѣлъ. И такимъ образомъ лордъ Лофтонъ былъ до извѣстной степени влюбленъ въ Гризельду Грантли. Была одна минута въ его жизни, въ которую онъ предложилъ бы ей свою руку, еслибы она хоть на минуту вышла изъ своей роли благо-разумной дѣвицы, и хотя минута эта не возвращалась болѣе, ему было досадно, когда онъ узналъ, что другому удалось овладѣть сердцемъ и рукой Гризельды.

Но несмотря на все это, лордъ Лофтонъ истинно любилъ Люси Робартсъ. Еслибы онъ могъ предположить, что какой-нибудь Домбелло имѣетъ намѣреніе осаждать эту крѣпость, досада его выразилась бы совершенно инымъ образомъ. Онъ могъ шутить о Гризельдѣ Грантли свободно и весело, но еслибы до него дошло извѣстіе подобнаго рода касательно Люси, ему было бы не до шутокъ, и я не удивился бы, еслибы оно подѣйствовало даже на его аппетитъ.

— Матушка, сказалъ онъ, дня два спустя послѣ объявленія о помолвкѣ Гризельды,—я ѣду въ Норвегію удить рыбу.

— Въ Норвегію, удить рыбу?

— Да. Мы ѣдемъ цѣлымъ обществомъ. Намъ будетъ очень весело; ѣдутъ и Клонтарфъ, и Колпеперь...

— Какъ, этотъ ужасный человѣкъ?

— Онъ отличный рыболовъ. Къ намъ присоединяется также Гаддингтонъ Пиблсъ и... и... насъ всего будетъ шесть человѣкъ, и мы увѣжаемъ черезъ недѣлю.

— Какъ же скоро, Лудовикъ!

— Да, но намъ надобно Лондонъ. Мнѣ бы все равно было подождать еще немного, но Клонтарфъ и Колпеперь говорятъ, что теперь самая пора. Мнѣ передъ отъѣздомъ нужно побывать въ Фремлеѣ, чтобы сдѣлать распоряженія насчетъ лошадей, и я затѣмъ и зашелъ къ вамъ, чтобы сказать вамъ, что я буду тамъ завтра.

— Завтра въ Фремлеѣ! Еслибы ты могъ отложить свой отъѣздъ дня на три, я бы поѣхала съ тобою.

Но лордъ Лофтонъ никакъ не могъ отложить свой отъѣздъ. Быть-можетъ, онъ на этотъ разъ предпочиталъ быть одинъ въ Фремлеѣ; онъ находилъ, что ему будетъ удобнѣе распорядиться

по конному двору въ ея отсутствіи. Какъ бы то ни было, онъ отказался отъ ея общества и на другое утро отправился одинъ въ Фремлей.

— Маркъ, сказала мистриссъ Робартсъ, вбѣгая около полудня въ кабинетъ мужа.—Лордъ Лофтонъ пріѣхалъ. Слышалъ ты объ этомъ?

— Какъ, пріѣхалъ сюда, въ Фремлей?

— Да, мнѣ это сказали люди. Карсонъ видѣлъ его на конномъ дворѣ. Не пойдешь ли ты повидаться съ нимъ?

— Разумѣется, сказалъ Маркъ, закрывая книгу.—Леди Лофтонъ навѣрное еще не пріѣхала, и если онъ одинъ, то вѣроятно будетъ обѣдать у насъ.

— Ты полагаешь? возразила мистриссъ Робартсъ, подумавъ о бѣдной Люси.

— Онъ вовсе не взыскателенъ. Чтò годится намъ, годится и ему. Во всякомъ случаѣ я позову его.—И, не распространяясь долѣе объ этомъ предметѣ, мистеръ Робартсъ взялъ шляпу и отправился отыскивать своего друга.

Люси Робартсъ была въ комнатѣ, когда садовникъ пришелъ доложить о пріѣздѣ лорда Лофтона; она знала, что Фанни пошла сообщить это извѣстіе мужу.

— Онъ не придетъ сюда, не правда ли? сказала она, какъ только вернулась мистриссъ Робартсъ.

— Не знаю, отвѣчала Фанни,—надѣюсь, что нѣтъ. Ему не слѣдуетъ приходить, и я думаю онъ понимаетъ это. Но Маркъ хочетъ пригласить его къ обѣду.

— Въ такомъ случаѣ, Фанни, я должна заболѣть. Это необходимо.

— Я не думаю, чтобъ онъ пришелъ. Это было бы не хорошо съ его стороны. Я даже почти увѣрена, что онъ не придетъ; но я хотѣла на всякій случай предупредить тебя.

Люси также думала, что при настоящихъ обстоятельствахъ лордъ Лофтонъ врядъ ли явится къ нимъ; въ противномъ случаѣ, говорила она себѣ, она не будетъ въ состояніи выйти къ столу; тѣмъ не менѣе, мысль, что онъ находится въ Фремлей, вовсе не была для нея тягостна. Она не признавалась себѣ, что пріѣздъ его обрадовалъ ее, но бессознательно она находила отраду въ сознаніи, что онъ близко отъ нея. Все же однако ей оставалось рѣшить трудный вопросъ: какъ ей поступить, если онъ явится къ обѣду?

— Если онъ придетъ, Фанни, сказала она послѣ короткаго молчанія,—я не выйду изъ своей комнаты, и пусть Маркъ думаетъ чтò хочетъ. Лучше мнѣ быть дурочкой въ своей комнатѣ, одной, нежели тамъ въ его присутствіи.

Маркъ Робартсъ, взявъ трость и шляпу, прямо отправился на конный дворъ, гдѣ, сказали ему, Лофтонъ находился въ эту минуту съ грумами и лошадьми. Онъ также былъ не совсѣмъ въ счастливомъ расположеніи духа, по той причинѣ что переписка его съ мистеромъ Тозеромъ становилась все дѣятельнѣе и дѣятельнѣе. Этотъ неутомимый джентльменъ недавно извѣстилъ его, что нѣкоторые просроченные векселя препровождены въ барчестерскій банкъ и въ скоромъ времени напоминать ему, мистеру Робартсу, о своемъ существованіи. Разныя неожиданныя и непріятныя обстоятельства ставили мистера Тозера въ необходимость требовать немедленной уплаты денегъ, данныхъ имъ займы по поручительству мистера Робартса, и т. д. Письмо не содержало опредѣленныхъ угрозъ, и странно, въ немъ не было даже сказано, какая именно требовалась сумма денегъ. Мистеръ Робартсъ тѣмъ не менѣе не могъ не замѣтить съ сильнымъ безпокойствомъ, что рѣчь шла не о просроченномъ векселѣ, но о просроченныхъ векселяхъ. Чтѣ, если мистеръ Тозеръ потребуеъ немедленной уплаты всѣхъ девятисотъ фунтовъ? Онъ написалъ къ мистеру Соверби, но не получилъ отвѣта, хотя отвѣтъ могъ бы уже придти въ это утро. Вслѣдствіе всего этого, онъ въ настоящую минуту былъ не совсѣмъ въ счастливомъ расположеніи духа.

Онъ скоро очутился у конюшни, и, какъ ожидалъ, засталъ тамъ лорда Лофтона. Четырехъ или пятерыхъ лошадей медленно проваживали взадъ и впередъ по двору; нѣсколько человѣкъ суетились около нихъ, и поочередно снимали съ нихъ попоны, чтобы хозяинъ могъ удобнѣе и точнѣе осмотрѣть ихъ. Но хотя лордъ Лофтонъ исполнялъ такимъ образомъ свои обязанности и дѣлалъ свое дѣло, онъ не предавался ему съ обыкновенною любовію, чтѣ замѣчалъ и чѣмъ очень огорчался главный грумъ. Все было не по немъ, онъ глядѣлъ разсѣяннo на лошадей и спѣшилъ отправлять ихъ назадъ въ конюшню.

— Какъ поживаешь, Лофтонъ? сказалъ Робартсъ:— мнѣ сказали, что ты пріѣхалъ, и я тотчасъ же послѣшилъ къ тебѣ.

— Да, я пріѣхалъ сегодня утромъ и собирался сейчасъ же идти къ тебѣ. Я ѣду въ Норвегію недѣль на шесть; рыба показалась такъ рано въ нынѣшнемъ году, что намъ придется пуститься въ путь немедленно. До отъѣзда мнѣ нужно переговорить съ тобою о дѣлѣ; правду сказать, я за этимъ только и пріѣхалъ сюда.

Онъ видимо былъ не совсѣмъ спокоенъ, и на лицѣ его было замѣтно нѣкоторое смущеніе. Робартсъ заключилъ изъ этого, что дѣло, о которомъ онъ хочетъ переговорить съ нимъ, не совсѣмъ пріятнаго свойства. Первая его мысль была, что лордъ

Лотонъ опять какимъ-нибудь образомъ запутанъ въ его дѣла съ Тозеромъ.

— Я надѣялся, что ты придешь обѣдать къ намъ, если, какъ я полагаю, ты здѣсь одинъ.

— Да, я здѣсь одинъ.

— Такъ ты придешь?

— Да... не знаю. Нѣтъ, я не думаю, чтобъ я могъ придти обѣдать къ тебѣ. Не смотри на меня съ такимъ удивленіемъ. Я сейчасъ все объясню тебѣ.

Что значило все это, и какимъ образомъ могъ вексель Тозера помѣшать лорду Лотону обѣдать у него? Робартсъ, однако, не рѣшился разспрашивать его и свелъ рѣчь на лошадей.

— Красивыя животныя, замѣтилъ онъ.

— Да, кажется. Впрочемъ, я самъ не знаю. Когда приходится выбирать между четырьмя, пятью лошадьми, на повѣрку оказывается, что ни одна не годится. Эта гнѣдая кобыла великолѣпна теперь, когда она никому не нужна, а прошлою зимой она каждый разъ на охотѣ отставала отъ собакъ. Довольно, Понсъ; уведите ихъ.

— Не взглянуть ли ваше лордство на стараго воронаго коня? меланхолическимъ голосомъ проговорилъ Понсъ, старшій грумъ;— добрая лошадь, сѣрь, и какая красивая!

— Я начинаю думать, что всё онъ слишкомъ красивъ; но Богъ съ ними, уведите ихъ. А теперь, Маркъ, если тебѣ досужно, пройдемся по саду.

Марку было досужно, и они вмѣстѣ покинули конный дворъ.

— Ты слишкомъ причудливъ въ лошадяхъ, началъ Робартсъ.

— Не до лошадей мнѣ теперь, сказалъ лордъ Лотонъ.— Не о нихъ я теперь думаю, Маркъ, быстро проговорилъ онъ затѣмъ,— будь откровененъ со мною. Говорила ли когда-нибудь съ тобою сестра твоя обо мнѣ?

— Моя сестра Люси?

— Да, твоя сестра Люси.

— Нѣтъ, никогда; по крайней мѣрѣ ничего не было говорено особеннаго; ничего такого, чтобъ я могъ припомнить теперь.

— А твоя жена?

— Говорила ли она о тебѣ? Фанни? Разумѣется, какъ всегда. Странно было бы, еслибъ она не говорила о тебѣ. Но въ чемъ же дѣло?

— Говорила ли тебѣ та или другая, что я дѣлалъ предложеніе твоей сестрѣ?

— Что ты дѣлалъ предложеніе?

— Да, что я дѣлалъ предложеніе Люси.



— Нѣтъ; никто мнѣ этого не говорилъ. Мнѣ и въ голову не приходило ничего подобнаго, и имъ также, я увѣренъ. Тотъ, кто распустилъ этотъ слухъ или сказалъ, что та или другая намекала на что-нибудь подобное, солгалъ самымъ гнуснымъ образомъ. Боже мой! Лофтонъ, за кого же ты принимаешь ихъ?

— Но это правда, сказалъ молодой лордъ.

— Что такое правда? спросилъ Маркъ.

— Что я сдѣлалъ предложеніе твоей сестрѣ.

— Ты сдѣлалъ предложеніе Люси?

— Да, въ самыхъ ясныхъ и опредѣленныхъ выраженіяхъ, какія только можно употребить въ такомъ случаѣ.

— Что же она отвѣчала тебѣ?

— Она отказала мнѣ. Теперь, Маркъ, я пріѣхалъ сюда единственно для того, чтобы вторично сдѣлать ей предложеніе. Отвѣтъ твоей сестры былъ самый опредѣленный и рѣшительный. Онъ былъ даже нѣсколько рѣзокъ. Но возможно и то, что ее побудили къ нему разныя постороннія соображенія, обстоятельства, которыми она придаетъ слишкомъ много важности. Если сердце ея не принадлежитъ кому-нибудь другому, я еще могу надеяться. Слабость сердца человѣческаго, это, какъ видишь, старая исторія. Во всякомъ случаѣ, я рѣшился еще разъ попытать свое счастье; и обдумавъ все это дѣло, я дошелъ до заключенія, что мнѣ слѣдуетъ переговорить съ тобою прежде чѣмъ видѣться съ нею.

Лордъ Лофтонъ любитъ Люси! Маркъ Робартсъ повторилъ эти слова въ своемъ умѣ, и не могъ придти въ себя отъ удивленія. Какъ могло это случиться? По его мнѣнію, сестра его Люси была дѣвушка очень обыкновенная, не отличающаяся особенною красотой, не глупая, но и вовсе не блестящая. Ему никогда не пришло бы въ голову, чтобы именно лордъ Лофтонъ могъ влюбиться въ нее. Но теперь, что ему дѣлать, что сказать? Съ какой точки зрѣнія долженъ онъ взглянуть на это дѣло? Въ какомъ духѣ долженъ онъ быть дѣйствовать? Съ одной стороны передъ нимъ возставала леди Лофтонъ, которой онъ всѣмъ обязанъ. Какое ему будетъ житье здѣсь, если онъ станетъ поддерживать своимъ вліяніемъ исканія лорда Лофтона? Съ другой стороны, для Люси это несомнѣнно была бы блестящая партія, но... онъ никакъ не могъ представить себѣ возможность, что Люси въ самомъ дѣлѣ вступитъ на эрмейскій престолъ.

— И ты думаешь, что Фанни знаетъ объ этомъ? спросилъ онъ послѣ короткаго молчанія.

— Я ничего не думаю и не знаю; казалось бы, что тебѣ легче отвѣчать на это чѣмъ мнѣ.

— Но мнѣ ничего неизвѣстно, сказалъ Маркъ. — Я, по крайней мѣрѣ, и не подозрѣвалъ ничего подобнаго.

— Такъ пойми же теперь въ чемъ дѣло, сказалъ лордъ Лофтонъ съ слабою улыбкой. — Я сдѣлалъ предложеніе твоей сестрѣ; я получилъ отказъ; я намѣренъ посвататься въ другой разъ; и я говорю тебѣ это теперь въ надеждѣ, что ты, какъ братъ ея и мой другъ, не откажешь мнѣ въ своемъ содѣйствіи. — Они молча прошли еще нѣсколько шаговъ. — А теперь я буду обѣдать у тебя; если ты того желаешь, прибавилъ лордъ Лофтонъ.

Мистеръ Робартъ не зналъ что сказать; приличный и соответствующій обстоятельствамъ отвѣтъ рѣшительно не приходилъ ему въ голову. Онъ не имѣлъ права становиться между сестрой и этимъ бракомъ, если она сама пожелаетъ его; но тѣмъ не менѣе мысль объ этой возможности пугала его. Онъ смутно чувствовалъ, что дѣло это къ добру не поведетъ, что оно опасно и не можетъ ни для кого имѣть хорошихъ послѣдствій. Что скажетъ леди Лофтонъ? Этотъ вопросъ, безъ сомнѣнія, болѣе всего смущалъ его.

— Говорилъ ты объ этомъ съ твоею матерью? спросилъ онъ.

— Съ моею матерью? Нѣтъ, къ чему говорить съ нею прежде чѣмъ я узнаю свою участь? Охота ли распространяться, когда по всей вѣроятности меня ожидаетъ отказъ? Тебѣ я все это высказалъ, потому что хочу, чтобы тебѣ были извѣстны намѣренія, съ которыми я пріѣхалъ сюда.

— Но что сказала бы леди Лофтонъ?

— Я полагаю, что когда она узнаетъ объ этомъ, то сперва будетъ нѣсколько не довольна; что черезъ двадцать четыре часа она совершенно свыкнется съ этою мыслью; а что черезъ недѣлю, много двѣ, Люси будетъ ея первою любимицей и главною наперсницей во всѣхъ ея планахъ. Я лучше тебя знаю мою мать. Она съ радостію дастъ отрубить себѣ голову, чтобы только доставить мнѣ удовольствіе.

— И по этой причинѣ, возразилъ Маркъ Робартъ, — тебѣ бы слѣдовало по возможности стараться доставлять ей удовольствіе.

— Не могу же я предоставить ей выбрать мнѣ жену, если ты объ этомъ говоришь, сказалъ лордъ Лофтонъ.

Они еще болѣе часа гуляли по саду, много толковали, но ни до чего не могли дотолковаться. Маркъ Робартъ никакъ не могъ рѣшить, чего ему слѣдуетъ желать, чего опасаться; и къ тому же, повторялъ онъ нѣсколько разъ лорду Лофтону, онъ вовсе не былъ увѣренъ, что можетъ имѣть какое бы то ни было вліяніе на Люси. Они порѣшили наконецъ между собой, что лордъ Лофтонъ явится въ пасторскій домъ на другое утро, тотчасъ же послѣ завтрака. Они согласились, что

обидать ему тамъ сегодня не ловко, и Робертъ обещалъ рѣшиться къ завтрашнему утру, какой какой совѣтъ подать сестрѣ.

Онъ изъ Фремле-Корта поспѣшилъ домой, чувствуя, что мысли его никакъ не придутъ въ порядокъ, прежде чѣмъ онъ не переговоритъ съ женой. Въ какомъ неловкомъ положеніи будетъ онъ къ отношенію къ леди Лоутонъ, если Люси согласится выйти за ея сына! Вернувшись домой, онъ тотчасъ же отыскалъ жену, и черезъ пять минутъ разговора съ глазу на глазъ онъ узналъ отъ нея все, что только она могла сообщить ему.

— Такъ ты думаешь, что она его любитъ? сказалъ Маркъ.

— Я даже увѣрена въ этомъ; и что тутъ удивительнаго? Я боялась этого, когда они стали вѣдаться такъ часто. Но я не воображала, что и онъ полюбитъ ее.

Даже Фанни пока не отдавала еще должной справедливости всему тому, что было привлекательнаго въ Люси. Разговоръ между мужемъ и женой длился цѣлый часъ, и окончился тѣмъ, что Люси получила приглашеніе сойти къ нимъ въ кабинетъ.

— Тѣтя Юси, сказала пухленькое милое созданіе, которое тотчасъ же очутилось на рукахъ тѣтки, — папа и мама зовутъ тебя въ кабинетъ, а я не долженъ идти съ тобой.

Люси почувствовала какъ кровь прихлынула къ ея сердцу, пока она цѣловала ребенка и прижимала его къ себѣ.

— Ты не долженъ идти со мною, дружокъ ты мой?... сказала она, ставя на полъ своего маленькаго любимца; она еще нѣсколько минутъ играла съ нимъ, не желая даже передъ нимъ выказывать, что она едва владеетъ собой. Она знала, что лордъ Лоутонъ въ Фремле; она знала, что братъ ея видѣлся съ нимъ, она знала, что шелъ разговоръ о томъ, чтобы пригласить его къ обѣду. Нельзя ли было предположить, что это приглашеніе въ кабинетъ находится въ какомъ-нибудь отношеніи къ пріѣзду лорда Лоутона? Неужели Фанни открыла брату ея тайну, для того чтобы не допустить его пригласить лорда Лоутона къ обѣду? Онъ, то есть лордъ Лоутонъ, разумѣется, самъ не могъ коснуться этого предмета. И она еще разъ поцѣловала ребенка, и провела рукой по лбу, чтобы пригладить волосы, и разогнать сколько возможно озабоченное выраженіе его, и затѣмъ медленно направилась къ комнатѣ брата.

Рука ея съ минуту держала ручку двери прежде чѣмъ она отворила ее; но она рѣшилась быть храброю, чтобы тамъ ни ожидало ее. Она повернула ручку и вошла въ комнату тихо, но съ поднятою головою, широко раскрытыми глазами.

— Франкъ сказалъ мнѣ, что вы желаете меня видѣть, сказала она.

Мистеръ Робартсъ и Фанни оба стояли у камина, когда вошла Люси, и съ минуту ни тотъ, ни другая не рѣшались заговорить.

— Лордъ Лофтонъ здѣсь, Люси, сказала наконецъ Фанни.

— Здѣсь? Гдѣ? Здѣсь въ домѣ?

— Нѣтъ, не у насъ въ домѣ, но въ Фремле-Кортъ, сказалъ Маркъ.

— Онъ общался быть у насъ завтра утромъ; послѣ завтрака, прибавила Фанни, и затѣмъ опять послѣдовало молчаніе. Мистриссъ Робартсъ не рѣшалась взглянуть Люси въ лицо. Она не выдала ея тайны; Маркъ узналъ все не отъ нея, а отъ лорда Лофтона; но она чувствовала, что Люси въ душѣ упрекаетъ ее.

— Чтѣ жъ, возразила Люси, стараясь улыбнуться, — я ничѣго не имѣю противъ этого.

— Но, милая Люси... Тутъ мистриссъ Робартсъ подошла къ Люси и обняла ее. — Онъ пріѣхалъ сюда единственно за тѣмъ чтобы видѣться съ тобой.

— Если такъ, это дѣло другое. Я боюсь, что мнѣ будетъ много хлопотъ занимать его.

— Онъ все разказалъ Марку, сказала мистриссъ Робартсъ.

Люси почувствовала, что храбрость ея почти измѣняетъ ей. Она рѣшительно не знала куда ей глядѣть. Ужь не разказала ли и Фанни всего? Фанни знала много такого, чего лордъ Лофтонъ не могъ и подозрѣвать. И въ самомъ дѣлѣ Фанни разказала все: какъ Люси полюбила лорда Лофтона, и по какимъ причинамъ она ему отказала, и описала она все это въ такихъ словахъ, что лордъ Лофтонъ влюбился бы вдвое страстнѣе, еслибъ онъ могъ слышать ихъ.

И тутъ же, разумѣется, Люси задумалась о томъ, почему лордъ Лофтонъ пріѣхалъ въ Фремлей, и разказалъ все это ея брату. Она съ минуту старалась заставить себя думать, что она сердится на него за это. Но она не сердилась. Она не могла пока дать себѣ яснаго отчета въ своемъ чувствѣ, но ей было отраднo сознавать, что ее помнить, что она не забыта, что она любима. Не была ли она въ правѣ вывести это заключеніе? Сталъ ли бы онъ говорить обо всемъ этомъ дѣлѣ съ ея братомъ, еслибъ онъ не любилъ ея попрежнему? Сто разъ повторала она себѣ, что предложеніе его было дѣломъ минутнаго увлеченія, и сто разъ мысль эта сокрушала ее. Но теперешній пріѣздъ его не могъ быть слѣдствіемъ минутнаго увлеченія. Она думала до сихъ поръ, что ее обольщаетъ собственная ея глупая любовь; но теперь — что должна она была думать обо всемъ этомъ? Она не допускала мысли, что она когда-нибудь будетъ леди Лофтонъ. Она продолжала упорно отрицать эту возможность. Но тѣмъ не менѣе она

безотчетно радовалась тому, что лордъ Лофтонъ пріѣхалъ въ Фремлей, и самъ все разказалъ ей брату.

— Онъ все разказалъ Марку, сказала мистриссъ Робартсъ; и въ послѣдовавшемъ затѣмъ молчаніи всѣ эти мысли успѣли прелькнуть въ головѣ Люси.

— Да, сказалъ Маркъ,— онъ мнѣ все разказалъ, и онъ ѣдетъ сюда завтра утромъ, чтобъ услышать отвѣтъ отъ тебя самой.

— Какой отвѣтъ? спросила Люси нетвердымъ голосомъ.

— Душа моя, кому же это знать, кромѣ самой тебя? и говоря это, невѣстка ея крѣпче прижалась къ ней. — Ты одна можешь отвѣчать на этотъ вопросъ.

Въ прежнемъ длинномъ разговорѣ своемъ съ мужемъ, мистриссъ Робартсъ сильно заступалась за интересы Люси и принимала ея сторону противъ леди Лофтонъ. Она говорила, что если лордъ Лофтонъ будетъ добиваться согласія Люси, то они, ея родственники, не имѣютъ права отнимать у нея то, что она сама пріобрѣла, изъ-за того только чтобы доставить удовольствіе леди Лофтонъ.

— Но она подумаетъ, сказалъ Маркъ,— что мы интриговали. Она будетъ упрекать насъ въ неблагодарности, и весь гнѣвъ свой обрушитъ на Люси.

На это жена отвѣчала ему, что нужно предоставить все волю Божіей. Они не интриговали. Люси уже разъ отказала любимому ею всѣмъ сердцемъ человѣку, потому только, что не хотѣла подать поводъ подозрѣвать себя въ ловлѣ выгоднаго жениха. Но если любовь лорда Лофтона была такъ сильна, что онъ пріѣхалъ сюда нарочно для того чтобы, по собственнымъ словамъ его, еще разъ попытать свое счастье, мужъ ея и она, несмотря на всю свою преданность леди Лофтонъ, по совѣсти не имѣли права становиться между Люси и любящимъ ее человѣкомъ. Маркъ все еще не могъ совершенно согласиться съ нею; онъ старался представить ей, какъ непріятно будетъ ихъ положеніе, если они теперь станутъ поощрять виды лорда Лофтона, и если онъ послѣ этихъ поощреній, которыя разсорятъ ихъ съ леди Лофтонъ, поддастся вліянію матери и станетъ желать разрыва. Въ отвѣтъ Фанни объявила, что правда прежде всего, и что справедливость требовала, чтобы все было доведено до свѣдѣній Люси, и чтобы она сама обсудила этотъ вопросъ.

— Но я не знаю чего желаетъ лордъ Лофтонъ, сказала Люси, не отрывая глазъ отъ пола и дрожа всѣмъ тѣломъ.— Онъ уже разъ говорилъ со мною, и я ему отвѣчала тогда.

— А былъ ли отвѣтъ этотъ рѣшительный и окончательный? спросилъ Маркъ. Вопросъ этотъ былъ нѣсколько жестокъ: никто еще не сказалъ Люси, что лордъ Лофтонъ повторилъ свое пред-

ложение. Но Фанни твердо рѣшилась не допускать несправедливости, и поэтому она продолжала начатой разказъ:

— Мы знаемъ, что ты отвѣчала ему, душа моя, въ но дѣлахъ такого рода мужчины не всегда довольствуются однимъ отвѣтомъ; лордъ Лофтонъ объявилъ Марку, что онъ хочетъ еще разъ говорить съ тобой. Онъ нарочно пріѣхалъ для этого сюда.

— А леди Лофтонъ... чуть слышно и не подымая головы проговорила Люси.

— Лордъ Лофтонъ не говорилъ съ матерью объ этомъ, сказалъ Маркъ, и Люси тогчасъ же стало ясно по звуку голоса брата, что онъ во всякомъ случаѣ не будетъ доволенъ, если она благосклонно выслушаетъ предложеніе лорда Лофтона.

— Сердце твое должно рѣшить этотъ вопросъ, милочка моя, нѣжно и ободрительно сказала Фанни.—Маркъ и я, мы оба знаемъ, какъ хорошо ты держала себя во всемъ этомъ дѣлѣ: я ему все разказала.—Люси вздрогнула и крѣпче прижалась къ сестрѣ.—Я не могла ему не разказать, душа моя; мнѣ не оставалось выбора. Не правда ли? Но лордъ Лофтонъ ничего не знаетъ. Маркъ не допустилъ его до тебя сегодня: онъ боялся, что ты будешь слишкомъ смущена, и не успѣешь всего хорошенько обдумать. Но ты увидишь его завтра, не правда ли? И тогда ты будешь отвѣчать ему.

Люси молчала, сердце ея было преспоплено благодарностію невѣсткѣ за ея нѣжное участіе, за это истинно сестринское желаніе покровительствовать любви сестры, но въ то же время она повторяла себѣ, что ни за что на свѣтѣ не допустить, чтобы лордъ Лофтонъ явился къ нимъ въ домъ съ надеждою на ея согласіе. Любовь ея была сильна, но была сильна и гордость ея; она не могла допустить, что леди Лофтонъ станеть глядѣть на нее съ высоты своего величія. «Мать его будетъ презирать меня, это возбудитъ и въ немъ презрѣніе ко мнѣ,» говорила она себѣ, и она опять рѣшилась преодолѣть свою любовь, свои надежды, и остаться при своемъ первомъ рѣшеніи.

— Не лучше ли намъ теперь оставить тебя, душа моя, и переговорить объ этомъ завтра утромъ до его прихода? сказала Фанни.

— Это будетъ всего лучше, сказалъ Маркъ. — Взвѣсь все это хорошенько. Подумай объ этомъ послѣ вечерней молитвы, а теперь, Люси, поди сюда. И онъ обнялъ сестру и поцѣловалъ ее съ необыкновенною въ немъ въ отношеніи къ ней нѣжностію.—Я вотъ что долженъ сказать тебѣ: я вполне полагаюся на твою разсудительность и твое сердце, и какое бы ни было твое рѣшеніе, я буду горой стоять за тебя. Фанни и я, мы оба убѣждены, что ты поступила какъ нельзя лучше, и что теперь

также поступишь какъ слѣдуетъ. Что бы ты ни рѣшила, мы съ тобою будемъ за одно.

— Милый, добрый Маркъ!

— А теперь мы не станемъ больше говорить объ этомъ до завтрашняго утра, сказала Фанни.

Но Люси чувствовала, что замолчать объ этомъ предметѣ до слѣдующаго утра могло означать только то, что она въ душѣ рѣшилась принять предложеніе лорда Лофтона. Тайна ея сердца была извѣстна мистриссъ Робертсъ, а теперь также и брату ея, и если она при этихъ обстоятельствахъ допустить, чтобы лордъ Лофтонъ явился къ ней уговаривать ее, то она не будетъ въ силахъ противостоять ему. Если она рѣшилась не уступать ему, то ей слѣдовало теперь же доказать это и принять надлежащія мѣры.

— Не уходи еще, Фанни, сказала она.

— А что, душа моя?

— Мнѣ нужно сказать еще нѣсколько словъ Марку. Онъ не долженъ допускать, чтобы лордъ Лофтонъ былъ у насъ завтра.

— Онъ не долженъ допускать этого? воскликнула мистриссъ Робертсъ.

Мистеръ Робертсъ ничего не отвѣчалъ, но чувствовалъ, что уваженіе его къ сестрѣ растетъ съ каждою минутой.

— Нѣтъ, Маркъ долженъ просить его не приходить къ намъ. Онъ не захочетъ понапрасну заставить меня страдать. Послушай, Маркъ,—и она подошла къ брату и положила объ руки ему на плеча,—я люблю лорда Лофтона. Ни о чемъ подобномъ я и не помышляла, когда познакомилась съ нимъ. Но теперь я люблю его, люблю его всѣмъ сердцемъ, почти столько же, полагаю, какъ Фанни любитъ тебя. Ты можешь сказать ему это, если хочешь, ты даже долженъ сказать ему это, чтобъ онъ могъ вполнѣ понять меня. Но вотъ что я прошу тебя передать ему отъ меня: я тогда только пойду за него, когда мать его сама будетъ просить меня объ этомъ.

— Не думаю, чтобъ она на это рѣшилась, грустно сказалъ Маркъ.

— И я не думаю, твердо сказала Люси, уже успѣвшая побѣдить свое смущеніе.—Еслибъ я предполагала возможность, что она можетъ пожелать имѣть меня невѣсткой, условіе мое было бы лишнее. Я дѣлаю его именно потому, что она этого не желаетъ, что она считаетъ меня недостойною быть... быть женой ея сына. Она стала бы ненавидѣть, презирать меня; и онъ такъ начнетъ тогда глядѣть на меня съ пренебреженіемъ, и быть-можетъ перестанетъ любить меня. Я бы не была въ состояніи вынести одного ея взгляда, еслибъ она воображала, что я дурно

поступила въ отношеніи къ ея сыну. Маркъ, ты пойдешь къ нему теперь, не такъ ли? и объяснишь ему все это, сколько ты самъ сочтешь нужнымъ. Скажи ему, что если мать его будетъ просить меня, я дамъ ему... свое согласіе. Но такъ какъ я знаю, что этого никогда не будетъ, то онъ долженъ почестъ дѣло это поконченнымъ, и все имъ сказанное преданнымъ забвенію; что бы я ни чувствовала, онъ имѣетъ на это право.

Таково было ея рѣшеніе, и братъ ея и сестра до такой степени были убѣждены въ ея твердости,—упрамявъ, сказалъ бы Маркъ при другихъ обстоятельствахъ,—что они и не старались заставить ее измѣнить его.

— Ты пойдешь къ нему сегодня же передъ обѣдомъ, не такъ ли?—И Маркъ обѣщавъ это сдѣлать. Онъ не могъ не чувствовать, что ему легче стало на душѣ. Леди Лофтонтъ вѣроятно узнаетъ, что сынъ ея имѣлъ глупость влюбиться въ сестру бѣднаго пастора, но она не будетъ въ правѣ въ чемъ бы то ни было упрекнуть ни пастора, ни сестру его. Люси поступила хорошо, и Маркъ гордился ею. Люси принесла свое сердце въ жертву своей гордости, и Фанни было грустно за нее.

— Я желала бы до обѣда быть одна, сказала Люси, когда мистриссъ Робартсъ послѣдовала за нею изъ комнаты брата.—Милая Фанни, не огорчайся; нѣтъ причины огорчаться. Я уже сказала тебѣ, что мнѣ придется прибѣгнуть къ козьему молоку, а другихъ послѣдствій никакихъ не будетъ.

Робартсъ, просидѣвъ съ женой около часа, опять отправился въ Фремле-Кортъ; послѣ долгихъ поисковъ онъ встрѣтилъ лорда Лофтонтана, возвращавшагося домой къ позднему обѣду.

— Только въ томъ случаѣ, если мать моя будетъ просить ее, сказалъ онъ, дослушавъ разказъ Марка.—Да это чистый вздоръ. Ты сказалъ ей, надѣюсь, что это не дѣлается, что это не принято.

Маркъ старался объяснить ему, что Люси не хочетъ, чтобы мать его могла смотрѣть на нее съ недоброжелательствомъ.

— Развѣ она думаетъ, что мать моя не любитъ ея, именно ея? спросилъ лордъ Лофтонтъ.

Нѣтъ, Робартсъ не имѣлъ причинъ полагать это; но леди Лофтонтъ могла найти, что бракъ ея сына съ сестрой духовнаго лица будетъ *mésalliance*.

— Объ этомъ безпокоиться нечего, возразилъ лордъ Лофтонтъ,— все это время она сама хлопотала о томъ, чтобы женить меня на дочери духовнаго лица. Но, Маркъ, смѣшно толковать такъ много о моей матери. Въ наше время никто не женится по распоряженію своей матери.

Въ отвѣтъ на это, Маркъ могъ только сказать, что рѣшеніе Люси очень твердо, что она не отступитъ отъ него, и что она



освобождаетъ лорда Лофтона отъ всякой необходимости говорить съ его матерью, если онъ имѣетъ что-нибудь противъ этого. Но все это ни къ чему не повело.

— Такъ она любитъ меня? спросилъ лордъ Лофтонъ.

— Мнѣ не слѣдуетъ отвѣчать на этотъ вопросъ, возразилъ Маркъ.—Я могу только передать ея слова. Она не выйдетъ за тебя иначе, какъ по просьбѣ твоей матери.—И повторивъ это, онъ простился съ другомъ и вернулся домой.

Бѣдная Люси, выдержавъ съ такимъ достоинствомъ свиданіе съ братомъ, удовлетворивъ его вполне и гордо отказавшись отъ утѣшеній невѣстки, вошла въ свою комнату. Ей нужно было подумать о томъ, что она сдѣлала и сказала, и для этого ей необходимо было побыть одной. Могло статься, что, при вторичномъ обсужденіи этого дѣла, она не останется такъ довольна его окончаніемъ: какъ братъ ея. Ея горделивое достоинство и твердость дались только до тѣхъ поръ, пока дверь ея комнаты не затворилась за нею. Есть животныя, которыя, когда они чѣмъ-нибудь сгорадоугъ, стараются скрыться куда-нибудь подальше, словно опасаясь выказать свою слабость и стыдятся ея. Я даже полагаю, что всѣ нѣмыя твари имѣютъ эту привычку, и въ этомъ отношеніи Люси была похожа на нѣмую тварь. Даже въ своихъ задушевныхъ разговорахъ съ Фанни, она обращала въ шутку свое горе, и съ насмѣшкой говорила о своихъ сердечныхъ страданіяхъ. Но теперь, взойдя на лѣстницу, не спѣша и твердою рукой затворивъ за собой дверь, она, какъ больная пчелка, прячетъ отъ всѣхъ свои страданія.

Она сѣла на низенькій стульчикъ, стоявшій у ея кровати, закинула голову назадъ, и крѣпко стиснувъ платокъ въ обѣихъ рукахъ, прижала его къ глазамъ и лбу; и тогда она принялась думать. Принялась она думать, а также и плакать, потому что слезы все быстрѣе и быстрѣе катились изъ-подъ платка, и тихое рыданіе раздалось въ комнатѣ; наединѣ съ собой она наконецъ дала волю своему чувству.

Не оттолкнула ли она отъ себя всѣ свои надежды на счастье? Возможно ли было предположить, что онъ еще разъ, въ третій разъ, вернется къ ней? Нѣтъ, это было невозможно. Высокомерный тонъ вгораго отказа дѣлалъ это совершенно невозможнымъ. Рѣшеніе ея было основано на убѣжденіи, что такой бракъ будетъ ненавистенъ леди Лофтонъ. Леди Лофтонъ никогда не захочетъ унизиться до того, чтобы просить ея быть женою сына. Рушились всѣ ея надежды на счастье и любовь, всѣ мечты ея. Она всѣмъ пожертвовала не чувству долга и справедливости, а своей гордости. И она пожертвовала не только собою, но и имъ. Когда онъ впервые явился къ

ней, когда она думала объ этомъ первомъ объясненіи его, она вовсе не воображала, что любовь его къ ней глубока; но теперь она не могла сомнѣваться, что онъ любитъ ее. Послѣ своей разсѣянной жизни въ Лондонѣ, послѣ столькихъ дней и вечеровъ, проведенныхъ въ обществѣ блестящихъ красавицъ, онъ вернулся въ ихъ скромный домикъ, чтобы снова унасть къ ея ногамъ. А она?.. она не захотѣла его видѣть, хотя любила его всѣмъ сердцемъ; не захотѣла его видѣть изъ жалкой трусости, потому только что боялась косыхъ взглядовъ надменной старухи.

— Я сейчасъ сойду внизъ, сказала она, когда Фанни наконецъ постучалась въ дверь, прося позволенія войти.—Я не отворю двери, милая моя, но черезъ десять минутъ я сойду къ тебѣ; право же сойду.—И въ самомъ дѣлѣ черезъ десять минутъ она была съ нею; слезы ея слезъ не могли укрыться отъ опытнаго взгляда мистриссъ Робартсъ, но лицо ея было спокойно, и голосъ не измѣнялъ ей.

— Желалъ бы я знать, въ самомъ ли дѣлѣ она любитъ его? сказалъ Маркъ, когда онъ вечеромъ остался наединѣ съ женою.

— И ты еще сомнѣваешься въ этомъ? возразила его жена.— Ты, Маркъ, не полагайся на ея наружное суровое спокойствіе. По моему мнѣнію, она изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя способны умереть отъ любви.

На другой день лордъ Лофтонъ уѣхалъ изъ Фремлея, и, какъ располагалъ, отправился на рыбную ловлю въ Норвегію.

## ГЛАВА XXXII.

Гарольдъ Смитъ огорчился и встревожился, когда распространился слухъ о вѣроятномъ роспускѣ парламента, но для него этотъ слухъ далеко не имѣлъ того роковаго значенія, какъ для мистера Соверби. Гарольдъ Смитъ могъ потерять и не потерять свое мѣсто за бургъ въ парламентѣ; но Соверби непременно долженъ былъ лишиться своего мѣста за графство, а лишась его, онъ окончательно потеряетъ все. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что герцогъ уже не станетъ поддерживать его при новыхъ выборахъ, кому бы ни досталось чальдикотское помѣстье; и, соображая все это, онъ не могъ сохранить свою обычную бодрость.

Томъ Тауэрсъ, какъ всегда, все зналъ и все предвидѣлъ. Намекъ, брошенный имъ мимоходомъ на вечерѣ у миссъ Данстеблъ, предшествовалъ не болѣе какъ двѣнадцатью часами всеобщему

слуху, что гиганты хотятъ обратиться къ странѣ. Очевидно было, что гиганты не имѣли на своей сторонѣ большинства въ парламентѣ, несмотря на помощь и поддержку, такъ безкорыстно обещанныя имъ богами. Это стало ясно для всѣхъ, и потому гиганты рѣшились обратиться на судъ страны и распустить парламентъ. На другой же день послѣ вечера у миссъ Данстеблзъ, вездѣ говорили, что уже произнесенъ роковой приговоръ. Слухъ былъ начать Томомъ Тауэрсомъ, а теперь онъ достигъ уже Боггинса, швейцара въ департаментѣ Малой Сумки.

— Для насъ, сэръ, это никакой не сдѣлаетъ разницы: не правда ли, мистеръ Робартсъ? говорилъ Боггинсъ, почтительно прислонясь къ стѣнѣ, у самой двери, въ комнатѣ частнаго секретаря упомянутого департамента.

Вообще молодой Робартсъ и Боггинсъ часто разговаривали и о политикѣ и о другихъ предметахъ, тѣмъ болѣе что въ последнее смутное время имъ часто приходилось оставаться наединѣ. Новый лордъ Малой Сумки не походилъ на Гарольда Смита. Онъ былъ суровый гигантъ, мало обращающій вниманія на свою частную переписку, пренебрегавшій даже обязанностями протекціи; онъ рѣдко бывалъ въ своей канцеляріи, а такъ какъ въ ней не было никакихъ другихъ чиновниковъ (благодаря коренному преобразованію, введенному Гарольдомъ Смитомъ), то съ кѣмъ же молодому Робартсу оставалось разговаривать, если не съ Боггинсомъ?

— Да, я самъ такъ думаю, отвѣчалъ Робартсъ, оканчивая перомъ на своей протечной бумагѣ изображеніе Турка, возсѣдающаго на диванѣ.

— Потому, сэръ, что мы теперь въ верхней палатѣ. Я всегда думалъ, что оно такъ и слѣдуетъ, сэръ. Мнѣ кажется, мистеръ Робартсъ, что для Малой Сумки не мѣсто въ нижней палатѣ. Этого никогда и не водилось прежде.

— Да, теперь все измѣняется, Боггинсъ, возразилъ Робартсъ, тщательно отгѣняя клубы дыма, вылетавшіе изъ трубки Турка.

— Да, точно. Да вотъ что я вамъ скажу, мистеръ Робартсъ. Я думаю, что я подамъ въ отставку. Я не могу выносить всѣ эти перемѣны. Мнѣ уже за шестьдесятъ лѣтъ. Возьму свою пенсію, да и отправлюсь восвояси. Я думаю, что совсѣмъ и съ конституціей не согласно, чтобы Малая Сумка находилась въ палатѣ общинъ.

И Боггинсъ удалился со вздохомъ; онъ пошелъ угѣшаться бутылкой портера, за огромною книгой, раскрытою на столѣ, въ углу маленькой передней рядомъ съ комнатою частнаго секретаря. Боггинсъ опять вздохнулъ, увидѣвъ, что число, вы-

ставленное на книгѣ, относится къ первымъ годамъ его вступленія въ должность. Въ тѣ времена, мѣсто лорда Малой-Сумки, занималъ знатный перъ; сердце швейцара превсполнилось благоговѣніемъ къ нему, тѣмъ болѣе что онъ посѣщалъ министерскую канцелярію не слишкомъ-то часто, раза три-четыре въ годъ, и его приходъ всегда сопровождался особою торжественностью; Гарольдъ же Смитъ безпрестанно появлялся здѣсь и суетился будто главный прикащикъ въ манчестерскомъ торговомъ домѣ.

• Вся служба пошла теперь ко псамъ, думалъ про себя Боггинсъ, выпивая свою кружку, и поглядывая черезъ столъ на какого-то господина, показавшагося у дверей.

— Тутъ ли мистеръ Робартсъ? проговорилъ Боггинсъ, повторяя вопросъ посѣтителя.— Да, мистеръ Соверби, онъ здѣсь, въ своей комнатѣ; первая дверь направо.

Потомъ, вспомнивъ, что посѣтитель—членъ за графство (санъ, къ которому Боггинсъ питалъ самое большое уваженіе послѣ сана пера), онъ всталъ, и провелъ мистера Соверби въ комнату частнаго секретаря.

Молодой Робартсъ и мистеръ Соверби конечно познакомились во время царствованія Гарольда Смита. Членъ за Остъ-Барсетширъ почти ежедневно заходилъ въ департаментъ Малой Сумки, развѣдывалъ чѣмъ занимался энергическій министръ, болталъ съ нимъ о разныхъ полуофиціальныхъ предметахъ, и научалъ молодого секретаря смѣяться надъ своимъ начальникомъ. Поэтому ничего не было страннаго въ его появленіи; онъ и не сталъ объяснять его причины, а усѣлся съ обыкновенною развязностью и завелъ рѣчь о важномъ вопросѣ, волновавшемъ всѣ умы.

— Вы знаете, мы расходимся, сказалъ Соверби.

— Слышалъ, отвѣчалъ частный секретарь.— До насъ-то это не касается; мы теперь въ верхней палатѣ, какъ говоритъ почтенный Боггинсъ.

— Да! хорошо этимъ лордамъ! сказалъ Соверби.— Ни избирателей, ни борьбы, ни опасности быть разогнанными по домамъ, ни необходимости имѣть политическія мнѣнія.

— Я думаю, вы можете смѣло разчитывать на Остъ-Барсетширъ? Кажется, герцогъ Омніумъ тамъ всѣмъ ворочаетъ по своему.

— Да, герцогъ имѣетъ сильное вліяніе на графство. Кстати, гдѣ вашъ братъ?

— Дома, отвѣчалъ Робартсъ,— по крайней мѣрѣ, я такъ думаю.

— Въ Фремлѣ или Барчестерѣ? Онъ кажется недавно былъ въ Барчестерѣ?

— Я знаю, что онъ теперь въ Фремлѣ. Я на дняхъ получилъ

письмо отъ его жены съ однимъ порученіемъ. Онъ былъ тамъ, и лордъ Лофтонъ только что уѣхалъ оттуда.

— Да, Лофтонъ ѣздилъ туда. Онъ сегодня утромъ отправился въ Норвегію. Мнѣ бы нужно повидаться съ вашимъ братомъ. Давно ли онъ писалъ къ вамъ?

— Довольно такъ давно. Маркъ вообще лѣнивъ на переписку. Онъ бы не годился въ частные секретари.

— Во всякомъ случаѣ, не годился бы къ Гарольду Смитту. Но вы увѣрены, что я не застаю его въ Барчестерѣ?

— Дайте ему знать по телеграфу, и онъ туда пріѣдетъ повидаться съ вами.

— Нѣтъ, я этого не хочу. Телеграммы поднимаютъ переполохъ въ деревнѣ и пугаютъ любящихъ женъ.

— Да въ чемъ же дѣло?

— Ничего важнаго. Не знаю, говорилъ ли онъ вамъ объ этомъ. Я ему напишу сегодня же по почтѣ, и онъ выѣдетъ ко мнѣ въ Барчестеръ. Или, еще лучше, напишите вы. Я терпѣть не могу письма писать; скажите ему только, что я былъ у васъ, и что мнѣ очень бы хотѣлось съ нимъ повидаться, завтра часа въ два, въ гостиницѣ Эмъя. Я отправлюсь съ экстреннымъ поѣздомъ.

Маркъ Робартсъ, разсуждая съ Соверби объ ихъ общихъ денежныхъ затрудненіяхъ, сказалъ какъ-то разъ, что еслибы понадобилось немедленно уплатить вексель, онъ бы могъ на короткое время занять денегъ у своего брата. У молодого секретаря еще оставалась въ рукахъ часть отцовскаго наслѣдства, достаточная на уплату послѣдняго векселя, и онъ бы конечно не отказался помочь брату въ случаѣ нужды. Теперешнее посѣщеніе мистера Соверби имѣло цѣлью разузнать, просилъ ли Робартсъ этихъ денегъ у брата. Въ душѣ его тамъ же также полу-сознательное намѣреніе самому выпросить ихъ, если Маркъ еще о нихъ не упоминалъ. Вѣдь жаль же пропустить такой удобный случай! Легко ли ему было знать, что эта сумма такъ близко отъ него, и не протянуть руки, чтобы взять ее? Такого рода воздержаніе было не въ природѣ мистера Соверби, точно такъ же какъ не въ природѣ страстнаго охотника пропустить фазана. Однако въ его душѣ проснулось нѣчто похожее на угрызеніе совѣсти, когда онъ, покачиваясь, сидѣлъ на стулѣ въ комнатѣ частнаго секретаря, и смотрѣлъ на открытое, добродушное лицо молодого человѣка.

— Хорошо, я ему напишу, сказалъ Джонъ Робартсъ, — но онъ мнѣ не говорилъ ничего особеннаго.

— Въ самомъ дѣлѣ? Впрочемъ, все равно. Я объ этомъ упо-

минулъ только мимоходомъ; я думалъ, что Маркъ уже говорилъ съ вами объ этомъ.

И Мистеръ Соверби продолжалъ покачиваться на своемъ стулѣ. Почему это онъ не рѣшался стгнуть какихъ-нибудь пустячныхъ пятьсотъ фунтовъ съ молодаго человѣка какъ Джонъ Робартсъ, у котораго не было ни жены, ни дѣтей, ни другихъ подобныхъ обязанностей, который даже не очень бы пострадалъ отъ потери этихъ денегъ, такъ какъ былъ онъ вполне обезпеченъ отличнымъ жалованьемъ? Мистеръ Соверби самъ удивлялся своей слабости. Деньги были нужны ему дозарѣзу. Онъ имѣлъ причины предполагать, что Марку будетъ довольно трудно возобновить векселя, а онъ, Соверби, могъ бы остановить ихъ предъавленіе, еслибъ имѣлъ въ рукахъ надлежащую сумму.

— Могу ли я чѣмъ-нибудь быть вамъ полезенъ? спросилъ невѣрный агнеокъ, доврѣчиво протягивая шею мяснику.

Какое-то непривычное чувство остановило руку мясника. Онъ минуты съ двѣ сидѣлъ молча и неподвижно; потомъ, вскочивъ съ мѣста, торопливо проговорилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, ничѣмъ; благодарю васъ. Напишите только Марку, что я буду ждать его въ Барчестерѣ, завтра въ два часа.

Потомъ, схвативъ шляпу, онъ поспѣшно ушелъ

«Что я за дуракъ! думалъ онъ про себя. Стоитъ ли теперь еще разбирать!»

Онъ наналъ кабъ и уѣхалъ до половины Портманъ стрита, а оттуда пѣшкомъ свернулъ въ переулочъ и остановился передъ какимъ-то трактиромъ.

— Мистеръ Остенъ дома? спросилъ мистеръ Соверби человѣка.

— Котораго вамъ нужно? Мистера Джона дома нѣтъ. А мистеръ Томъ здѣсь, въ комнаткѣ налѣво.

Мистеру Соверби пріятнѣе было бы застать старшаго брата, Джона; но какъ сего не было, онъ отправился въ маленькую комнатку. Въ этой комнатѣ онъ нашелъ мистера Остена младшаго, по одному порядку номенклатуры, и мистера Тома Тозера, по другому. Людямъ юриспруденческаго промысла онъ обыкновенно рекомендовалъ себя членомъ почтеннаго семейства Остеновъ; но для приближенныхъ онъ всегда былъ Тозеромъ.

Мистеръ Соверби, хотя и близко зналъ это семейство, не любилъ однако Тозеровъ; но онъ особенно ненавидѣлъ Тома Тозера.

Томъ Тозеръ былъ широкоплечій мужчина съ бычачьею шеей, навислыми бровями, съ выраженіемъ отъявленнаго плута. Я мошенникъ, говорило его лицо, а это знаю; весь свѣтъ это знаетъ, да и вы не далеко отъ меня ушли. Это можетъ-быть не вѣсьмъ извѣстно, но мнѣ извѣстно. Почти всѣ люди мошенники;

да, есть мошенники тупые, и есть мошенники острые. Я мошенникъ острый, пальца мнѣ въ ротъ не кладите!

Вотъ что ясно высказывалось на лицѣ Тома Тозера, и хотя онъ былъ совершеннѣйшій лжецъ въ душѣ, наружность его не лгала.

— Здравствуйте, Тозеръ, сказалъ мистеръ Соверби, рѣшаясь пожать руку грязному негодяю: — мнѣ хотѣлось поговорить съ вашимъ братомъ.

— Джона нѣту дома, онъ и не скоро вернется. Да впрочемъ это все ровно.

— Да, да, я самъ такъ думаю; у васъ съ нимъ пополамъ охота, и добыча пополамъ.

— Я не знаю, что это вы тамъ говорите про охоту, мистеръ Соверби. — Вамъ, людямъ знатнымъ, только охота, а намъ бѣдникамъ только трудъ. Надѣюсь, что вы теперь уплатите намъ эту бездѣлицу, которой мы уже такъ давно ждемъ.

— Я объ этомъ-то и хотѣлъ поговорить. Не знаю, что вы называете *давно*, Тозеръ; послѣдній вексель былъ подписанъ въ февралѣ.

— Но вѣдь ему вышелъ срокъ, не такъ ли?

— Ну да, вышелъ.

— А когда векселю вышелъ срокъ, онъ требуетъ уплаты. Я по крайней мѣрѣ такъ понимаю вещи. И правду вамъ сказать, мистеръ Соверби, вы съ нами не совсѣмъ-то хорошо поступали послѣднее время. Вы насъ больно ужъ прижали въ этомъ дѣлѣ съ лордомъ Лоттономъ.

— Да вы вѣдь знаете, что мнѣ тутъ дѣлать было нечего.

— Ну и намъ теперь дѣлать нечего. Вотъ оно что, мистеръ Соверби... Господь съ вами, мы дѣла-то понимаемъ. Теперь намъ непременно нужны наличныя деньги, и мы должны получить эти пятьсотъ фунтовъ. Мы ихъ должны получить тотчасъ же, а не то мы опишемъ все имущество этого священника. Чортъ меня побери! Съ этихъ священниковъ почти такъ же трудно выскатъ деньги, какъ у собаки отнять недоглоданную кость. Вѣдь онъ деньги свои получилъ; зачѣмъ же онъ теперь не платитъ ихъ?

Мистеръ Соверби пришелъ съ тѣмъ, чтобы объяснить свое намѣреніе отправиться въ Барчестеръ на другой же день, съ цѣлію устроить какую-нибудь сдѣлку по этому векселю, и еслибъ онъ засталъ Джона Тозера, то онъ бы непременно добился отъ него хоть короткой отсрочки. И Томъ и Джонъ хорошо это знали, и потому Джонъ, опасаясь собственнаго магко-сердечія, обвиновенно удаллся отъ переговоровъ. За Тома же

нечего было опасаться, и около получаса спустя, мистеръ Соверби вышелъ отъ него, ни на волосъ не поколебавъ его рѣшимости.

— Намъ нужны деньги, мистеръ Соверби, вотъ и все,—были его послѣднія слова, когда почтенный членъ парламента уже взялся за ручку двери.

Мистеръ Соверби нанялъ другой кабъ и поѣхалъ къ сестрѣ. Странное можно сдѣлать замѣчаніе относительно людей, удрученныхъ денежными затрудненіями, какъ напримѣръ мистеръ Соверби; ихъ никогда не затрудняютъ маленькія суммы, и они никогда не отказываютъ себѣ въ мелкой, ежедневной роскоши. Извозчики, обѣды, вино, театры, новыя перчатки, всегда къ услугамъ людей съ запутанными обстоятельствами, тогда какъ люди, не имѣющіе ни шиллинга долга, такъ часто должны отказывать себѣ во всемъ подобномъ.

Другой на мѣстѣ мистера Соверби сберегъ бы свой шиллингъ, такъ какъ домъ мистриссъ Гарольдъ Смитъ находился не далѣе какъ черезъ улицу, у самага Гановерь сквера, но мистеру Соверби это и въ голову не пришло. Никогда въ жизни онъ денегъ не сберегалъ, и не думалъ приниматься за это теперь. Сестру онъ предупредилъ о своемъ посѣщеніи, и потому засталъ ее дома.

— Гарриетъ, сказалъ онъ, опускаясь въ мягкое кресло, — игра кажется кончена.

— Пустяки! возразила она:—ничего не кончена, если только ты самъ захочешь продолжать.

— Я могу только сказать тебѣ, что сегодня я получилъ формальное увѣдомленіе, что векселя герцога Омниума будутъ немедленно поданы ко взысканію не отъ Фодергилла, а отъ этихъ народовъ въ Саутъ-Одле-стритъ.

— Да ты этого ожидалъ, сказала сестра.

— Отъ этого мнѣ не легче. Да къ тому же я этого не советѣмъ ожидалъ, по крайней мѣрѣ я въ этомъ не былъ увѣренъ. Теперь, конечно, не остается никакого сомнѣнія.

— Да и лучше такъ. Гораздо пріятнѣе знать, на что можешь разчитывать.

— Кажется, мнѣ скоро не на что будетъ разчитывать; все уйдетъ, все до послѣдняго акра земли! проговорилъ онъ съ горечью.

— Да врядъ ли ты будешь бѣднѣе чѣмъ въ прошломъ году. Ничагого не можеть быть сомнѣнія, что цѣнности Чальдикотса хватить на уплату всѣхъ векселей. •

— Да, хватить; а мнѣ-то что дѣлать потомъ? Я почти больше думаю о мѣстѣ въ парламентѣ чѣмъ о Чальдикотсѣ.



— Ты знаешь мой совѣтъ, сказала мистриссъ Гарольдъ Смитъ:— проси миссъ Данстеблъ дагь тебѣ взаимны денегъ подѣ обезпеченіе твоего помѣстья. Она ничѣмъ тугь не рискуеть. Если тебѣ удастся это устроить, ты на выборахъ можешь идти противъ герцога; конечно, ты можешь быть побѣжденъ.

— Да я и надѣяться не могу на успѣхъ!

— Во всякомъ случаѣ, ты бы этимъ доказалъ, что ты не жалкое орудіе въ рукахъ герцога; вотъ тебѣ мой совѣтъ, съ энергіей проговорила мистриссъ Гарольдъ-Смитъ;—если ты хочешь, я сама поговорю объ этомъ съ миссъ Данстеблъ и предложу ей позвать ея повѣреннаго юриста разсмотрѣть это дѣло.

— Хорошо, еслибъ я объ этомъ подумалъ прежде чѣмъ рѣшился на эту проклятую глупость!

— Объ этомъ ты не безпокойся; она ровно ничего не теряеть черезъ такую сдѣлку, и слѣдовательно ты не милости какой-нибудь будешь просить у ней. Притомъ, она сама же вызвалась помочь тебѣ, и она именно такая женщина, что исполнить твою просьбу по тому самому, что вчера отказала тебѣ въ другой твоей просьбѣ. Ты многое хорошо понимаешь, Натаніель, но я не думаю, чтобъ ты ясно понималъ женщинъ, по крайней мѣрѣ такую женщину, какъ она.

Тягостно и непріятно было мистеру Соверби искать денежной помощи у той самой женщины, за которую онъ сватался недѣли двѣ передъ тѣмъ; однако онъ уступилъ убѣжденіямъ сестры. Чтò же онъ могъ придумать при теперешнемъ положеніи дѣлъ, чтò бы ему не было тягостно и непріятно? Въ эту минуту онъ чувствовалъ невыразимую ненависть къ герцогу, мистеру Фодергиллу, Гемпшену и Геджби, и всѣмъ вообще обитателямъ Гадромъ-Кассля и Саутъ-Одле-стрита; они хотѣли оттягать у него все, чтò принадлежало дому Соверби задолго передъ тѣмъ, какъ имя Омніумъ стало извѣстно въ графствѣ или въ Англіи. Чудовищный левіаѳанъ уже разверзъ пасть, чтобы поглотить его! Онъ долженъ былъ исчезнуть навсегда съ лица земли безъ борьбы, безъ сопротивленія! Какъ было ему не ухватиться за всякое средство отсрочить эту страшную развязку? И вотъ онъ поручилъ сестрѣ переговорить съ миссъ Данстеблъ. Проклиная герцога (а ему было пріятно осыпать его проклятіями), мистеръ Соверби едва ли сознавалъ, что герцогъ требуетъ назадъ только свою собственность.

Чтò касается до мистриссъ Гарольдъ Смитъ, какой бы мы ни проанесли приговоръ надъ ея общественнымъ и супружескимъ характеромъ, мы не можемъ не признать, что, въ качествѣ сестры, она имѣла достоинства.

## ГЛАВА XXXIII.

На слѣдующій день, въ два часа пополудни, Маркъ Робартсъ уже былъ въ гостиницѣ Змля, и, въ ожиданіи мистера Соверби, ходилъ взадъ и впередъ по той же комнатѣ, гдѣ онъ когда-то завтракалъ послѣ публичной лекціи Гарольда Смита. Онъ конечно угадалъ, по какому именно дѣлу мистеръ Соверби хотѣлъ переговорить съ нимъ, и отчасти даже обрадовался его приглашенію. Судя о характерѣ своего пріятеля потому что онъ видѣлъ до сихъ поръ, Маркъ полагалъ, что мистеръ Соверби не захотѣлъ бы показаться ему на глаза, еслибы не нашелъ средства какъ-нибудь уплатить по этимъ несчастнымъ векселямъ. Итакъ, онъ шагалъ взадъ и впередъ по грязной комнатѣ, нетерпѣливо поджидая пріѣзда мистера Соверби; онъ сталъ обвинять его въ непростительной небрежности, когда на стѣнныхъ часахъ пробило четверть третьяго; уже пробило три часа, и Маркъ Робартсъ сталъ терять послѣднюю надежду, когда наконецъ явился мистеръ Соверби.

— Вы полагаете, что они потребуютъ всѣ девятьсотъ фунтовъ? проговорилъ Робартсъ, становясь передъ нимъ и глядя ему прямо въ лицо.

— Боюсь, что такъ, отвѣчалъ Соверби;—я рѣшился приготовить васъ къ худшему; мы вмѣстѣ обдумаемъ, что намъ остается дѣлать.

— Я ничего не могу, да и не хочу дѣлать, сказалъ Робартсъ:— пусть они дѣлаютъ что хотятъ и пользуются своимъ правомъ.

Но тутъ онъ невольно подумалъ о Фанни, о дѣтяхъ, подумалъ о Люси, которая отказывала лорду Мотону, и отвернулся, чтобы бездушный эгоистъ, стоявшій передъ нимъ, не увидѣлъ слезъ, готовыхъ брызнуть изъ его глазъ.

— Однако, любезный Маркъ... проговорилъ Соверби самымъ ласкательнымъ своимъ тономъ.

Но Робартсъ не хотѣлъ его слушать.

— Мистеръ Соверби, перебилъ онъ, силясь придать своему голосу спокойствіе, которое измѣняло ему на каждомъ словѣ, — мнѣ кажется, что вы меня просто ограбили. Я знаю, что я поступилъ какъ дуракъ, и хуже того; но... но... но я думалъ, что ваше положеніе въ свѣтъ служитъ мнѣ достаточнымъ ручательствомъ за вашу честность.

Мистеръ Соверби вовсе не былъ человѣкомъ безъ чувствъ ему тяжело было слышать слова Марка, тѣмъ болѣе тяжело, что онъ не имѣлъ возможности отвѣчать на нихъ съ негодованіемъ. Онъ точно ограбилъ своего пріятеля, и при всемъ своемъ остроуміи онъ не находилъ въ эту минуту готовыхъ доводствъ, чтобы увѣрить его въ противномъ.

— Робартсъ, сказалъ онъ, — вы теперь можете говорить мнѣ все что вамъ угодно, я не буду сердиться на васъ.

— Сердиться на меня! повторилъ священникъ, гнѣвно оборачиваясь къ нему. — Какое мнѣ дѣло до вашего гнѣва? Джентльмену страшно осужденіе другаго джентльмена; осужденіе чловѣка честнаго страшно, не ваше.

И онъ прошелся раза два по комнатѣ, оставивъ Соверби безъ молвнаго въ его креслѣ.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, вспомнили ль вы о моей женѣ и моихъ дѣтяхъ, когда задумали погубить меня? — И онъ опять принялся ходить по комнатѣ.

— Надѣюсь, что вы наконецъ достаточно успокоились, чтобы поговорить со мной о томъ, какъ уладить дѣло.

— Нѣтъ, я ничего не хочу улаживать. Вы говорите, что эти ваши друзья имѣютъ на меня вексель въ девятьсотъ фунтовъ и требуютъ немедленной уплаты. Васъ спросятъ передъ судомъ, сколько взъ этихъ денегъ я точно имѣлъ въ рукахъ. Вы очень хорошо знаете, что я никогда не получалъ, никогда не хотѣлъ получить ни единого шиллинга. Я теперь ничего не стану улаживать. Пусть они схватятъ меня, схватятъ все мое имущество, пусть они дѣлаютъ все, что хотятъ.

— Но послушайте, Маркъ...

— Называйте меня мнѣ фамильнымъ именемъ, сэръ; полно вамъ прикидываться мнѣ другомъ. Какъ былъ я глупъ, что допустилъ пріятельскую короткость съ обманщикомъ!

Соверби никакъ не ожидалъ этого. Онъ всегда считалъ Марка за чловѣка смѣлаго, открытаго, благороднаго, способнаго при случаѣ постоять за себя, всегда готоваго прямо высказать свою мысль, но не ожидалъ отъ него такого потока негодованія, такого глубокаго озлобленія.

— Если вы станете употреблять такія выраженія, Робартсъ, я долженъ буду уйдти отсюда.

— Сдѣлайте милость. Вы пришли объявить мнѣ, что эти люди требуютъ съ меня девятьсотъ фунтовъ. Вы вѣроятно съ ними заодно; теперь вы сдѣлали свое дѣло, и можете къ нимъ вернуться. Я же вернусь къ женѣ, чтобы сколько-нибудь приготовить ее къ судьбѣ, которая ее ожидаетъ.

# О Г Л А В Л Е Н И Е

## ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

МАЙ:

Стр.

Разказы изъ русской исторіи XVIII столѣтія. <i>С. М. Соловьева</i> . . . . .	5
Бразилія и возвращеніе на родину. <i>А. В. Вышеславцева</i> . . . . .	54
Естественная исторія человѣка. Единство рода человѣческаго. Статья Катрѣжа. . . . .	99
Большія ожиданія. Романъ Чарльза Диккенса. XX—XXVIII. . . . .	132
Поземельный кредитъ и земскіе банки. <i>Л. В. Гечевича</i> . . . . .	241
Мачиха. Повѣсть. I—VIII. <i>Новинской</i> . . . . .	307
Дѣтскіе годы къ деревнѣ. <i>К. И. Бабикова</i> . . . . .	375

ІЮНЬ:

Вещный кредитъ и закладное право. <i>К. П. Побѣдоносцева</i> . . . . .	409
Изъ временъ реставраціи въ Италіи. <i>Д. И. Иловайскаго</i> . . . . .	452
Большія ожиданія. Романъ Чарльза Диккенса. XXIX—XXXIX. . . . .	491
Послѣдняя часть <i>Исторіи Англіи</i> . Маколея. I—II. <i>К. К. Арсеньева</i> . . . . .	586
Покаяніе. (Стихотвореніе.) I—IV. <i>Б. Н. Алмазова</i> . . . . .	628
Мачиха. Повѣсть. IX—XIX. (Окончаніе.) <i>Новинской</i> . . . . .	637
Неда. Разказъ. I—VII. <i>Л. С. Каравелова</i> . . . . .	744

Въ приложеніи:

Фремлейскій приходъ. Романъ Треллопа. Переводъ съ англійскаго. Глава XXVII—XXXIII.

## ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

### МАЙ:

Одного поля ягоды . . . . .	1
<i>Изъ науки о человѣческомъ духѣ</i> , П. Юркевича. <i>Труды Кіевской Духовной Академіи</i> . 1860. Книжка четвертая.	26
Французская литература. <i>L' Ouvrièr</i> par Jules Simon. <i>Евгенія Бонмера</i> . . . . .	59
Врачебная помощь. <i>А. И. Забьлина</i> . . . . .	68
Замѣтка . . . . .	78
Разрѣшеніе страннаго недоумѣнія. . . . .	100

### ІЮНЬ:

<i>Lectures on the history of the Eastern Church</i> , by Stanley. London. 1861. ( <i>Чтенія о восточной церкви</i> , соч. Стандлея.) . . . . .	103.
<i>Матеріалы для Географіи и Статистики Россіи</i> , собран- <i>ные офицерами генеральнаго штаба. Рязанская гу- бернія</i> . Составилъ М. Барановичъ. <i>А. П. Мансурова</i> .	115
<i>Изъ современныхъ записокъ</i> . II. Толки и недоразумѣнія. III. Бѣлинскій и его жеученики. <i>М. Н. Ломилова</i> .	124
<i>Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго се- мейства</i> . Изд. комм. печат. госуд. грам. и дог. и пр. М. 1861. . . . .	131
По поводу «полемическихъ красотъ» въ <i>Современникѣ</i> .	138



# ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ

*Lectures on the history of the Eastern Church*, by Stanley. London 1861.  
(Чтенія объ Исторіи Восточной церкви. Соч. Станлея.)

*Матеріалы для Географіи Статистики Россіи*, собранные офицерами генеральнаго штаба. Рязанская губернія. Сост. М. Барановичъ. С.-Пб., 1860 г. въ 8 д. л. стр. 551. А. МАНСУРОВА.

Изъ современныхъ записокъ. II. Толки и недоразумѣнія. III. Бѣлинскій и его жеученики. М. Н. ЛОНГИНОВА.

Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства. Изд. Комм. печат. госуд. грам. и дог. и пр. М. 1861.

По поводу «полемиическихъ красотъ» въ *Современникъ*.

**Книжки РУССКАГО ВѢСТНИКА** выходятъ ежемѣсячно; **СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ** еженедѣльно, по четвергамъ.

Подписка на *Русскій Вѣстникъ* и *Современную Лѣтопись* ПРИНИМАЕТСЯ

НА 1861 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ Конторѣ Типографіи Каткова и въ книжной лавкѣ г. Базунова, на К<sup>о</sup>, въ Армянскомъ переулкѣ; въ книжной лавкѣ Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

Въ книжной лавкѣ г. Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москву.

Цѣна за РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ и СОВРЕМЕННУЮ ЛѢТОПИСЬ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ, съ пересылкой и доставкой на домъ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ СЕРЕБРОМЪ. За книжки РУССКАГО ВѢСТНИКА безъ газеты СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ въ Москвѣ и Петербургѣ ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ, съ пересылкой и доставкой на домъ ДВѢНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ. За газету СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ безъ книжекъ журнала въ Москвѣ и Петербургѣ ПЯТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ, съ пересылкой и доставкой СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

Кромѣ сего принимается подписка на второе полугодіе СОВРЕМЕННОЙ ЛѢТОПИСИ (26 номеровъ съ 1-го іюля по 31 декабря сего года); цѣна въ Москвѣ и Петербургѣ ТРИ РУБЛЯ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ КОПѢЕКЪ, съ пересылкой и доставкой ЧЕТЫРЕ РУБЛЯ СЕРЕБРОМЪ.

Заграничные обращаются въ берлинскій почтамтъ. Цѣна за годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА и СОВРЕМЕННОЙ ЛѢТОПИСИ съ пересылкой во весь мѣста Нѣмецкаго Таможеннаго и Почтоваго Союза 22 талера 5 грошей 5 феннига.

Печатать позволяется.

Іюля 22-го. Цензоръ А. Петровъ.

Цензоръ Н. Гилдровъ-Платоновъ.











FEB 28 1955

251



